

СВОД
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

БЫЛИНЫ

1

БЫЛИНЫ

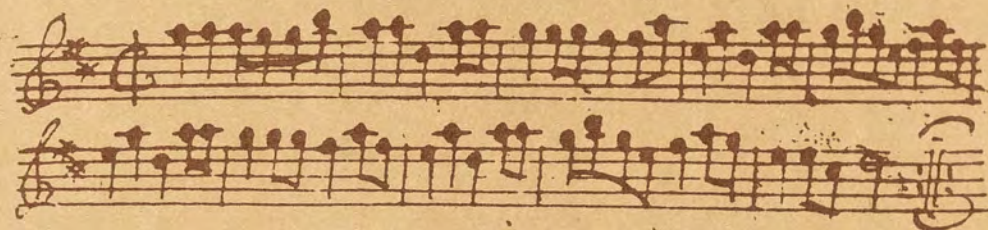
ПЕЧОРА

X

Встоломъ втораде поимеве улавнова князя владимера было пированья поелетной пирь было столуванья поелетной столъ мамноти князи бояра и нарушия — мотушия болатибри и тошти болативя будеть день втотоловина дня будеть пирь втотолу пире владимирь князь распотге

фиваетъ пановби соубоара и в се рушия в се пановъ целовейи феребцовъ наприст похвалембля сивъ фепитпорои полоненъ илбья муромецъ сын тарина эмеевича и два девяностя пообедни и заутренни хоронетца оменшом и стово стола и на феришия ввиступаеца на свое место болати збизмилъ голосилъ владимирь князь миаббитъ передниязе наприста феребцовъ а сивъ феребецъ да феребецъ полоняи воболшом орде полешановилъ наиъ умехатъ дорожа и вбли рнитова два девятромефу обедни и шбля што ввиептвля и ванъ овелииъ заглавои бчимои голо

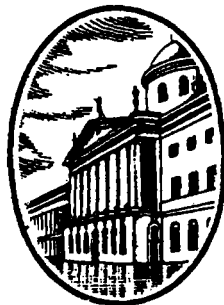
X

Бистали виста поимевеная, Трубота Труботсе. Слиянъ море, широко раздолье павши Хими, Труботи андъи и впродвишия, и вайморя моря (иньва) в Труху моря вельнова

царя шить Валорав рабля. припцае в шя братава. воева парайи в бурививи ввимо стола унаравля ввимо полхонту — раоми собоми алуиди уса, ввимо вотиупо — што ушли ввимо вотиупо шия и два тарина шия упво ввимо стола зелицибь бурививия ввимо стола поравля не норма потурином утае поторофу шиву к стола поравля — хал ввима бвса бвса растомит — упавъ монсуеу и в лоторинъ шивы паравлиши и в ду я птороз и в ш мина бвса

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СВОД
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

БЫЛИНЫ

В 25 ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «КЛАССИКА»
2001

СЕВЕР
ЕВРОПЕЙСКОЙ
РОССИИ

БЫЛИНЫ
ПЕЧОРЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «КЛАССИКА»
2001

УДК 82/821
ББК 82.3 (Рос)
Б 95

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

*В. А. Гаврилин, В. М. Гацак, А. А. Горелов (главный редактор),
В. П. Гребенюк, В. И. Жекулина, Т. Г. Иванова, Д. С. Лихачев, Ю. И. Марченко,
Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, А. М. Панченко, Б. Н. Путилов (зам. главного редактора),
Г. В. Свиридов, Н. Н. Скотов, Н. И. Толстой, Е. П. Чельшев, К. В. Чистов*

Редколлегия серии «Былины»

*А. А. Горелов, В. И. Жекулина, Т. Г. Иванова, В. В. Коргузалов,
Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Б. Н. Путилов (гл. редактор серии),
А. Н. Розов, И. Я. Фроянов*

Корпус текстов подготовили

В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова

Рецензенты

Б. Н. Путилов, Ф. А. Рубцов, В. В. Митрофанова

Ответственный редактор тома

А. А. ГОРЕЛОВ

Федеральная программа книгоиздания России

В рамках издательской программы Международного Пушкинского фонда «Классика»,
при поддержке ОАО «Юниверс-Холдинг»

*Исследования проведены при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 96-04-16110*

ТП-98-И-104/105
ISBN 5-02-028367-3 (Т. 1)
ISBN 5-02-028366-5 («Наука»)
ISBN 5-7735-0121-X (Т. 1)
ISBN 5-7735-0120-1 (И. Ц. «Классика»)

© Российская Академия наук, 2001
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
составление, подготовка текстов, комментарии, 2001
© Издательство «Наука», оформление, 2001

СОСТАВ 25 ТОМОВ
СЕРИИ «БЫЛИНЫ»
СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Тома 1—10. Былины Севера. Архангельско-беломорские традиции

Тома 1—2. Печора

Тома 3—5. Мезень

Том 6. Кулой

Том 7. Пинега

Тома 8—9. Зимний берег Белого моря

Том 10. Западное Поморье

Тома 11—20. Былины Севера. Обонежско-каргопольская традиция

Том 11. Северное Обонежье

Тома 12—15. Западное Обонежье

Тома 16—18. Восточное Обонежье (Пудога)

Том 19. Кенозеро

Том 20. Каргополье

Тома 21—23. Былины центральных районов Европейской России, Поволжья, Урала и Сибири

Том 21. Центр Европейской части России

Том 22. Урал, Сибирь, Дальний Восток

Том 23. Казачьи области (Дон, Нижняя Волга, Северный Кавказ и др.)

Том 24. Непаспортизованные записи XVII—XX вв.

Том 25. Приложения. Сводные указатели

Содержание томов 1—2
серии «Былины» Свода русского фольклора

Том 1

Былины Печоры

Предисловие

Принципы издания. Состав и структура серии «Былины» Свода русского фольклора

Русский былинный эпос

Былины на Печоре

Принципы распределения словесного и музыкального материала

Текстологические принципы издания

Редакционные принципы издания музыкального материала

Указатель былинных сюжетов Печоры

Тексты былин (№ 1—164)

Комментарии к текстам былин (№ 1—164)

Список иллюстраций

Том 2

Былины Печоры

Тексты былин (№ 165—281)

Приложения I—VIII

Комментарии к текстам былин (№ 165—281)

Комментарии к Приложениям I—VII

Биографические сведения об исполнителях

Словарь (архаические, диалектные и другие малопонятные слова и выражения)

Указатели:

Именной указатель

Указатель этнических и географических названий

Предметный указатель

Указатель мест бытования (записи) былины

Список исполнителей

Список собирателей

Условные сокращения (публикации; архивы)

Список иллюстраций

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нет времени труднее для масштабных культурных начинаний, нежели час разлома государственности.

И все же нельзя отрешиться от сознания, что именно национальная культура, её огромные накопления, её генетический фонд — это и есть богатство и мощь России, которые способны чудодейственно работать на возрождение Отечества, на воплощение в современности объединительных идей русской истории, способствовать грядущему цементированию разъятой целостности, а далее — воссоединению частей страны, подвергшихся трагическому для братских народов взаимоотторжению.

Все ресурсы жизнестроительства должны быть сегодня приведены в действие, и в их числе — классика фольклора, созданная художественным гением народа, запечатлевшая продуктивные закономерности и стабилизирующие традиции национального бытия.

Свод русского фольклора — это совокупность выдающихся памятников самобытной культурной деятельности русского народа. В нем выразились общенациональная философия миротворчества и праведного мирообновления, энергия массовых духовных порывов и будничная непрестанность трудового, ратного всенародного подвига.

В нем предстает сложный, исполненный конфликтности и противоречий процесс социальных поисков, обретения и развития принципиально общезначимых, всечеловеческих истин на многовековом пространстве великой национальной истории.

Еще недалеко отодвинулись те дни, когда в Союзе ССР решались вопросы планомерной публикации сокровищ народного творчества, а создание национальных и многонациональных сводных библиотек фольклора получало характер широкого культурного движения под патронатом союзной и республиканских академий наук.

Истоки этих культурных отечественных инициатив принадлежат концу XVIII—первой четверти XIX в. От «Собрания разных песен» М. В. Чулкова 1770-х гг. передовая русская интеллигенция проделала стремительный путь к созданию монументального свода песенного русского фольклора, который известен как «Песни, собранные П. В. Киреевским». Этот труд, объединивший вокруг себя семью Языковых и В. И. Даля, Н. В. Гоголя и А. В. Кольцова, А. Х. Востокова и П. И. Якушкина, П. И. Мельникова (А. Печерского) и А. Ф. Писемского и десятки других замечательных имен, — труд, впервые включивший в полтора десятка изданных томов тысячи записей народных песен, — был вдохновлен А. С. Пушкиным и начат с его участием.

Основоположник новой русской литературы приветствовал грандиозную попытку Петра Васильевича Киреевского собрать в единый печатный корпус все сохранившиеся в изданиях, рукописных списках и живом устном бытовании русские народные песни. Эта попытка явилась тем более своевременной, что она коренным образом меняла представление о глубине и органичности духовного творчества народных масс, угнетенных бесправием и крепостничеством. Беспредельно раздвигая горизонт национальной культуры за счет памятников стихийной художественной самодеятельности трудящихся, собрание П. В. Киреевского укрепляло демократический базис словесности и других видов искусства нового времени.

Идея сводных изданий памятников русской народной культуры, с таким размахом начавшая осуществляться по программе Киреевского, получила почти одновременное воплощение в беспрецедентных по своему объему трудах «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» (1855—1864), «Пословицы русского народа» В. И. Даля (1861—1862), вовлекла в народоведческое собирательское движение представителей практически всех слоев и кругов интеллигенции: деятелей литературы, музыкантов, ученых, педагогов, врачей, духовенство, учащуюся молодежь и т. д. Теряя первичную, неизбежно романтическую окраску, идея все более крепла и упрочивалась в эпоху ломки крепостного права в сознании тех, кто боролся одновременно за просвещение народа и за народность, национальную содержательность отечественной профессиональной культуры. Вместе с тем по мере развития в недрах этнографии суверенной науки фольклористики идея начинала активно служить истории народного творчества как таковой.

Издавая с В. П. Прокуниным один из лучших в русской науке сборников «Русские народные лирические песни» (1889), Н. М. Лопатин мечтал о «систематическом своде русских народных лирических песен»,¹ где самая упорядоченность публикации произведений должна была проливать свет на вопрос о типических формах жизни этого вида народного искусства. Проблема внутренней организации, построения сводных собраний русского фольклора была в XIX в. (примеры тому — названные собрания Киреевского, Афанасьева, Даля) осознана как одна из самых важных и сложных. Предполагалось, что «частные систематические сборники должны быть первыми шагами к общему систематическому своду русских песен, который, само собою разумеется, по трудности исполнения и по разнообразию песенного материала России немыслим для отдельных лиц; он возможен лишь с содействием правительственной власти и наших ученых обществ».²

Из уст Лопатина убежденно и убеждающе прозвучала мысль, что различные жанровые подкультуры внутри песенного свода требуют неодинаковых способов их подачи: «Большинство обрядовых песен мало изменилось в своих вариантах; они поются только в селе и только сопровождая собой обряды или игры; притом многие из таких песен чисто местные; потому необходимо обрядовые песни располагать по селам, по волостям или же по рекам и областям, более или менее сходственным в этнографическом отношении. В этих песнях всего легче будет усмотреть свойственные каждой местности особенности пения. Чтобы не повторять в подобном своде одну и ту же песню по нескольку раз, можно известную песню, если она поется везде совершенно одинаково, поместить только один раз. Если же будет значительная разница в напеве и эта разница окажется не случайною, не разложением песни, или если окажется особенность в каденциях, во вторе, то ее следует помещать, сколько бы раз ни пришлось ее повторять в своде. Может быть, придется иную песню взять за основание в известном селе, и разноречия остальных сел относить уже к ней».³

Иной подход предполагался при издании «чистой» лирики: «Напротив, издавать лирические песни возможно, кажется, только по песням. Они не составляют неотъемлемой принадлежности села. В одном и том же селе один любит и поет одну песню, другой — другую. Один принес песню из Тулы, другой из Москвы, и каждый поет ее так, как слышал. Здесь может оказывать влияние лишь местный пошиб пения, который определится в подобном сборнике бытовыми песнями. Потому лирические песни должны располагаться в ряде вариантов одной и той же песни, с обозначением лишь, где такой-то вариант записан или от уроженца какой губернии он записан, а если сам певец узнал песню где-либо на стороне, то — где и от кого узнал. Группировка лирических песен по местностям может весьма мало значить, и гораздо важнее группировка их по бытовому значению».⁴

В свою очередь, начиная с «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» (1861—1867) и «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга (1873) русский песенный эпос, записанный в отдельных географических зонах (последние нередко выполняли первенствующую роль в развитии жанровых типов национальной культуры, которые до

¹ Лопатин Н. М. и Прокунин В. П. Русские народные лирические песни. М., 1956. С. 38.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 48.

⁴ Там же. С. 48, 49.

известной поры или вообще не имели общерусского распространения), публикуется по местностям и исполнителям (затем так же станет печататься устная сказочная проза), благодаря чему создаются принципиально новые образцы сборников фольклора, в науке серьезно обсуждается роль индивидуального сказительства.

Тщательный анализ фольклористических изданий рубежа XIX—XX вв. убеждает, что к этому моменту русская наука практически заявила необходимость гибкого сочетания сложившихся принципов и форм при сводных публикациях народного творчества — в интересах наиболее емкой, многосторонней, объективной характеристики каждого отдельно взятого явления и совокупности явлений, входящих в сводные издания.

Богатство опытов, экспериментов, поисков исподволь создавало перспективные предпосылки для последующего объединения записей и публикаций народной поэзии разных видов в национальные фондовые библиотеки. Вот почему со второй половины 1930-х гг. при прямом и энергичнейшем участии выдающихся писателей России советской — М. Горького и А. Н. Толстого — идея сводных изданий памятников русского фольклора переживает свое второе рождение.

В 1938 г. писателем-академиком Алексеем Толстым были произнесены слова, получившие большой общественный резонанс: «...у нас неисчерпаемые запасы фольклорного материала. Часть его, будучи опубликована в разных старых изданиях, представляет теперь библиографическую редкость. Другая часть (...) лежит неопубликованной в архивах. И, наконец, третья состоит из огромного количества новых записей (...). Все эти фонды (...) недоступны не только для широкого, но и для среднего читателя. Наша обязанность собрать эти фонды в один свод в виде многотомного издания и вернуть народу его сокровища (...). Издание «Свода русского фольклора» будет не только ценным художественным вкладом в мировую литературу, но оно имеет огромное политическое значение, так как отражает богатую духовную культуру русского народа и страны, к которой устремлены взоры всего мира».⁵

В декабре 1940 г. Президиум Академии наук СССР утвердил Главную редакционную коллегию Свода фольклора народов СССР во главе с А. Н. Толстым. Работа была сорвана нападением гитлеровской Германии на Советский Союз.

Создание систематизированных базовых библиотек национального фольклора началось значительно позже, когда в Ленинграде по инициативе Сектора народнопоэтического творчества ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР после неудачи с изданием Свода русского фольклора по программе М. О. Скрипиля стали выходить тома серии «Памятники русского фольклора»,⁶ что породило широкий отклик в виде сводных изданий в братских республиках СССР.⁷

С 1967 г. издавался Свод белорусского фольклора в 30-ти томах, с 1969 г. — Свод украинского фольклора в 62 томах. Был выпущен десяти томный Свод армянских народных сказок. Издавалась антология грузинского фольклора в 12 томах. Предпринимались издания тезауруса фольклора Эстонии в 45 томах, выпуск латвийских дайн в 15 томах, публикация антологических томов Свода молдавского фольклора, Свода узбекского музыкального фольклора в 11 томах. Было осуществлено издание Свода мордовского фольклора (8 томов), выпускались многотомные собрания-антологии татарского (12 томов), чувашского (7 книг), башкирского фольклора.

⁵ Толстой А. Н. Депутат-писатель // Правда. 1938. 12 дек., № 341; см. также: А. Н. Толстой и Свод русского фольклора. (Публикация А. А. Горелова) // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 3—6.

⁶ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960; Исторические песни XIII—XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960; Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков / Изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л., 1961; Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иванцким в Вологодской губернии / Подгот. текстов, вступ. статья и примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960; Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / Изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М.; Л., 1964; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подгот. текстов к печати, статья и коммент. А. Д. Соймонова. Л., 1977. Т. 1; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина / Подгот. текстов, вступ. статья и коммент. Э. И. Власовой. Л., 1983—1986. Т. 1—2 и др.

⁷ См.: Путилов Б. Н. Издание Сводов как важнейшая современная форма научного освоения фольклорного наследия // Всесоюзная научная конференция «Фольклорное наследие народов СССР и его роль в художественной культуре развитого социализма» (Кишинев, 26—27 мая 1981 г.). Тезисы докладов. М., 1981. С. 138—147.

Это направление работы фольклористов многократно получало высокую оценку на страницах научной печати и в прессе.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (ныне — Российской академии наук), опираясь на сотрудничество со специалистами в области фольклористики, этномузыкологии, этнографии, лингвистики, истории России, истории культуры Древней Руси и нового времени, стремился обобщить и закрепить в новейших сводных серийных публикациях большие позитивные итоги труда, в результате которого русский и мировой читатель уже обрел авторитетные в науке тома российских академических серий «Памятники русского фольклора», «Литературные памятники»,⁸ «Литературное наследство»,⁹ «Эпос народов СССР», начальные книги библиотеки «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»,¹⁰ а также ряд добротных изданий музыкального фольклора.¹¹

Этой цели подчинена работа авторского коллектива над открывающейся ныне серией «Былины» долгожданного, встретившего на пути своего осуществления немало препятствий Свода русского фольклора.¹²

⁸ Илья Муромец/Подгот. текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958; Добрыня Никитич и Алеша Попович/Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974; Древние российские стихотворения, собранные Киршеном Даниловым. 2-е доп. изд./Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977; Новгородские былины/Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978.

⁹ Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968. (Литературное наследство; Т. 79).

¹⁰ См., например: Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока/Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. Новосибирск, 1991.

¹¹ Былины. Русский музыкальный эпос/Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов; Ред. Л. Н. Лебединский. М., 1981; Захарченко В., Мельников М. Свадьба Обско-Иртышского междуречья. Этнографическое описание свадебных обрядов. Тексты и напевы песен/Редакция Е. Гиппиуса. М., 1983 и др.

¹² Моменты движения, дискуссионных и постдискуссионных осложнений движения к реализации идей Свода русского фольклора с 1970-х гг. лишь пунктирно регистрируют, в частности, следующие пестрые публикации: Горелов А. А. Соединяя времена//Звезда. 1973. № 11. С. 191—206; он же: Взнос в будущее. (Нужен Свод русского фольклора)//Советская культура. 1977. 17 июня, № 49; Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора». Л., 1977. Т. 17; Черемин А. Фольклорный свод//Ленингр. правда. 1979. 19 мая, № 115; Хомчук Н. И. Всесоюзное совещание по вопросам издания Свода русского фольклора (серия «Былины»)//Русский фольклор: Вопросы теории фольклора. Л., 1979. Т. 19. С. 217—227; Лихачев Д. С. Несколько замечаний о составлении Свода русского фольклора//Русский фольклор: Поэтика русского фольклора. Л., 1981. Т. 21. С. 115, 116; Краюхин С. Свод русского фольклора//Известия. 1981. 10 апр., № 85; Пилия Б. 100 томов русского фольклора//Московские новости. 1984. 10 июня, № 23. С. 11; он же: Былины Печоры//Правда. 1988. 12 марта, № 71.

ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ. СОСТАВ И СТРУКТУРА СЕРИИ «БЫЛИНЫ» СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

1. Былиный эпос как выражение художественного гения русского народа — выдающийся памятник общечеловеческой культуры. Входя в восточнославянское культурно-этническое ядро, выступая хранителем древнейшего эпического наследия, былины соединяют в своем сюжетном составе черты эпосов догосударственного, эпохи Киевской Руси и периода Московской централизации. Пронизанные идеями патриотической героики, былинные произведения явились одним из важнейших факторов, обеспечивавших консолидацию русской нации и русской государственности. Созданные эпосом монументальные образы богатырей — воинов и пахарей, защитников и строителей Отечества стали символами нашего народа.

2. Издание былин в серии предусматривает выпуск памятников народного песенного русского эпоса на уровне, равноценном уровню академических изданий русских писателей.

3. Былины завершили свое тысячелетнее развитие и практически целиком перешли в категорию памятников культуры. Для фольклористики сегодня открыта возможность создать на основе исчерпывающего учета всего записанного в XVII—XX столетиях материала былин ие очередную антологию, но фондовую национальную библиотеку, корпус русского былиного эпоса, который обеспечит сохранение и дальнейшую популяризацию одной из коренных форм национальной культуры.

4. Исследователи-специалисты разных общественных наук до сих пор не имеют надежной базовой библиотеки русского эпоса, способной удовлетворять их многообразные запросы, что ведет к заведомой предварительности многих выводов, дублированию поисковых процессов, а в конечном счете — к недопустимой расточительности научных сил. Издание серии «Былины» Свода русского фольклора предполагает создание фактографического фундамента русского эпосоведения.

5. Серия «Былины» — первая в порядке создания Свода русского фольклора. Это диктуется не только высоким общественным и эстетическим значением данного круга памятников культуры, но и обусловлено научной подготовленностью отечественной фольклористики к изданию названного вида народной поэзии (большое число исследований былин в аспектах филологических, исторических, музыковедческих; солидная традиция издания песенного эпоса начиная с трудов К. Ф. Калайдовича, П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга). Объем материала — включая данные об архивных накоплениях, материалах экспедиций советского времени и текущих лет — реально обозрим.

6. Научный термин «былины», как и народный термин «старины», в практике исследований и изданий русского фольклора зачастую, и не без серьезных оснований, сближаются, обнимая все разновидности устного песенного эпоса, образующие в совокупности репертуар исполнителей былин (Русский Север) и былинных песен (Юг России, Поволжье и некоторые другие местности), а именно:

а) былины (героические, или богатырские, былины-новеллы, былины на местные темы, былины на сказочные сюжеты, комический эпос);

б) старшие исторические песни (XIV—нач. XVII вв.);

- в) старшие баллады;
- г) песни древнерусского книжного извода, подвергшиеся влиянию былинного эпоса (апокрифические песни, или духовные стихи, песни-притчи и др.);
- д) былинные песни;
- е) балладные песни.

Из названных разновидностей песенной эпики в серию «Былины» на основе близости содержания, стилистико-поэтической формы, сюжетно-генетического родства, функциональной близости, устойчивости исполнительски-музыкальных традиций — объединяются произведения категории «А» (с исключением из нее былинообразных переложений сказочных сюжетов, а также стилизаций — «новин») и «Д».

7. Примерно треть выявленного на сегодня материала былинного эпоса (имея в виду общее количество записей — 3 тыс. единиц текстов-вариантов произведений) не опубликована и не привлекалась к систематическому исследованию. Выпускавшиеся сборники разнопрофильны, различны по своим концепциям, пестры по составу, не имеют тождества текстологических установок.

Наука располагает изданиями сводного типа, относящимися к ранней, романтической, поре развития фольклористики (например, в I—V выпусках Собрания народных песен П. В. Киреевского содержится 100 былинных вариантов на 35 сюжетов о героях) и потому объемлющими лишь сравнительно небольшую часть известных ныне записей; располагает классическими сборниками эпических песен разных жанров регионального типа. Сборники эти дают общее представление о составе русского былинного эпоса либо о состоянии местной традиции определенного времени в том объеме материала, что стал известен собирателю, но не создают ни совокупной характеристики русского эпоса, ни целостной картины жизни былинно-эпического искусства в данном регионе на всем протяжении записей. Имеются — также не обладающие исчерпывающей полнотой — публикации репертуара одного исполнителя. Есть антологии былинных произведений о ряде героев киевского и новгородского циклов былин, где представлены ведущие сюжеты и их версии в избранных вариантах. Имеются и иные ценные издания былинного фольклора. Но они не преследуют цели воссоединить памятники былинного эпоса в единую серию, способную сконцентрировать в приемлемых для относительно широкого круга читателей формах все тысячелетнее богатство русской былинно-эпической культуры и при этом сохранить максимум информации о данном виде русского народного творчества.

Некогда, а именно в эпоху средневековья, былина сместилась на север Европейской России. Неравномерность географического распределения народного песенного эпоса по территории, населенной русскими, сохранилась и далее, будучи позднее прямо связана с выдающейся ролью населения Севера в создании национального государства, в продвижении границ России на юг и восток. Это — непреложная реальность, как реальность и очаговая приуроченность, зональность определенных разновидностей национальной культуры непосредственно народного извода.

Историческое складывание достаточно отчетливо отстоящих друг от друга внутринациональных культурных традиций создало своеобразие и многокрасочность культуры русского народа как народа великого, исподволь разместившегося на огромном пространстве.¹

С этими процессами связана история русского былинного эпоса, его локальные черты. А. М. Астахова писала: «Изучение былинных репертуаров разных мест позволило говорить об областных традициях (...) а в пределах (...) крупных районов выделить и более узкие подразделения».² Момент «диалектологии духовной культуры» (Н. И. Толстой) существен для прочтения глубинной истории эпоса. «Совершенно очевидно, что вопрос об изменениях в эпическом репертуаре, стиле, условиях сохранения и бытования былин может быть серьезно поставлен лишь при наличии под руками материала, собранного в разные периоды, но непременно в одном

¹ Ср., например, территориальное, по месту бытования, размещение культурных материалов аналогичной «возрастной» группы в серийном издании «Археология СССР. Свод археологических источников». Е 1—60 (Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв. М., 1983).

² Астахова А. М. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.: Л., 1966. С. 267.

и том же районе», — подчеркивал Ю. М. Соколов, говоря о задачах уяснения эволюции нашей эпической культуры.³

Объективное фиксирование зональных традиций внутри культуры этноса, несущих, хранящих и развивающих тот или иной вид фольклора, является непреминным условием прочтения истории фольклора, из которого исходят или с которым считаются (в зависимости от конкретных исследовательских задач) русские фольклористика и этнография, языковедение и литературоведение, общая история культуры. Поэтому при самом расположении материала серии «Былины» традиционный для отечественных классических изданий эпоса со второй половины XIX столетия момент эстетической географии получает целесообразное закрепление как естественный фактор творческой истории фольклора.

Принцип размещения текстов серии «Былины» — комплексный, сочетающий достоинства общенациональной сюжетно-тематической характеристики и историко-географической группировки былин.

Впервые за всю историю собирания и публикации былин в издании целостно, по всем записям представлены эпические традиции, которые несли и хранили эпос. Материал каждой традиции распределен на основе внутреннего сюжетно-тематического тяготения текстов к определенным версиям, изводам, редакциям былин в последовательной хронологии записанных вариантов, от ранних записей — к позднейшим. В размещении текстов рельефно прорисовывается объективная подача материала. Даже при отличиях в композиции томов читателю открывается вся естественная историческая среда варьирования и функционирования произведений — среда, в рамках которой былинный эпос предстает как выразитель коллективного эпического сознания и как продукт непрерывного индивидуального сказительского обновления традиций.

Каждый том представляет собой подобные, но не идентичные друг другу «ансамбли»: сюжетно-тематические фонды разных очаговых традиций обладают лишь частичной повторяемостью, не говоря уже об особенных местных версиях-разновидностях сюжетов. Кроме того, на основе макрораспределения былин согласно местным традициям безболезненно решаются вопросы, связанные с контаминированными текстами, составляющими не менее трети фондов записей.

В томах отчетлива, хотя и не приоритетна индивидуально-исполнительская культура сказителей. Принятое размещение былин в любом случае отвечает их музыкально-поэтической природе, сочетанию коллективного и личностного начал, согласуется с поэтическими и лингвистическими отличиями зональных традиций.

8. Благодаря комплексному способу размещения материала серия «Былины» избавляется от возможного, например при следовании композиционным схемам П. А. Бессонова (в публикации собрания П. В. Киреевского составитель имел менее 10% известных сейчас текстов), сюжетно-тематического однообразия томов. Традиции регионального размещения материалов в большинстве известных собраний и географическая методика записей фольклора, составивших архивные коллекции, решительно ускоряют работу составителей по комплектованию томов, создают обнадеживающие предпосылки для сокращения времени выпуска серии. Структура издания упрощается. Объем сообщаемой информации возрастает. Создается также дополнительный организационный стимул к широкому участию в работе над серией современных вузовских фольклористов, которые систематически исследуют фольклор по региональным очагам.

9. При внутривыпусковом отборе и расположении материалов серии «Былины» использованы перечни былинных сюжетов, приведенные в монографиях А. М. Астаховой «Русский былинный эпос на Севере» (Петрозаводск, 1948), В. Я. Проппа «Русский героический эпос» (М., 1958), С. И. Дмитриевой «Географическое распространение русских былин» (М., 1975), в авторитетных сборниках В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова «Былины» (В 2 т. М., 1958), Ю. И. Смирнова и В. Г. Смолицкого «Добрыня Никитич и Алеша Попович» (М., 1974), «Новгородские былины» (М., 1978), «Эпическая поэзия» (Л., 1984), в первом томе трехтомного издания «Русская народная поэзия» (составитель последних — Б. Н. Путилов) и др. трудах.

³ Художественный фольклор. М., 1927. Вып. 2—3. С. 3, 4.

Былины располагаются в сюжетной группировке вокруг эпических героев и эпических центров (где это возможно), с учетом относительной архаичности былин (см. далее п. 12).

10. Согласно исторически сложившимся регионам-носителям былин и в соответствии с научной традицией, географическое распределение материала получает следующий вид:

Томы 1—10. Былины Севера. Архангельско-беломорские традиции

Т. 1, 2. Печора

Т. 3—5. Мезень

Т. 6. Кулой

Т. 7. Пинега⁴

Т. 8, 9. Зимний берег Белого моря

Т. 10. Западное Поморье⁵

Томы 11—20. Былины Севера. Обонежско-каргопольская традиция

Т. 11. Северное Обонежье⁶

Т. 12—15. Западное Обонежье⁷

Т. 16—18. Восточное Обонежье (Пудога)

Т. 19. Кенозеро⁸

Т. 20. Каргополье⁹

Томы 21—23. Былины центральных районов Европейской России, Поволжья, Урала и Сибири

Т. 21. Центр Европейской части России¹⁰

Т. 22. Урал, Сибирь, Дальний Восток

Т. 23. Казачьи области (Дон, Нижняя Волга, Северный Кавказ и др.)¹¹

Том 24. Непаспортизованные записи XVII—XX вв.

Т. 24. Непаспортизованные записи XVII—XX вв.¹²

Том 25. Приложения. Сводные указатели

Т. 25. Сводные указатели¹³

Общий объем серии «Былины» — 25 томов. Нумерация томов сквозная. Некоторые региональные группы томов имеют свою дополнительную нумерацию — указания на число и номера «автономных» книг.

11. При публикации былин казачьих районов («южнорусских» былин, былинных песен), имеющих тексты, мало подверженные вариативности либо подверженные ей преимущественно не в смысловых (семантических) элементах, публикаторами отбираются лучшие образцы текстов каждой сюжетно-тематической разновидности. Так серия освобождается от дублетных публикаций.

⁴ С включением записей из Шенкурского и других районов бассейна р. Северной Двины.

⁵ Устье р. Северной Двины, устье р. Онеги, Карельский Терский берега Белого моря.

⁶ Повенец, Толвуй, записи былин с Выгозера (с включением в том записей былин от А. Чукова, П. Каилини и др. сказителей деревень Пудожская Гора и Римское).

⁷ Кижы, Космозеро, единичные записи былин Западного побережья Онежского озера.

⁸ С включением Почозера и Кумбасозера.

⁹ Конкретно: верхнее течение р. Онеги, р. Кеа, Шекшомозеро и прилегающие районы; сюда же включается р. Моша.

¹⁰ Былины районов вне Севера, но с включением единичных текстов из Вытегорского, Лодейнопольского уездов б. Олонецкой губернии и записей из Белозерского края.

¹¹ 1-я часть тома — былины, 2-я часть тома — песни на былинные сюжеты.

¹² 1-я часть тома — тексты, место записи которых не зафиксировано; 2-я часть тома — свод документальных данных о бытовании русских былин, песен об эпических героях до XVII в.; записи и книжно-рукописные переложения былин XVII—XVIII вв., 3-я часть тома — записи от нерусских исполнителей и записи за пределами России.

¹³ В 1-й части данного тома могут быть опубликованы дополнительно тексты былин, относящиеся к традициям, представленным в вышедших прежде томах, если такие тексты обнаружатся после выхода из печати соответствующих региональных книг.

12. Круг произведений, входящих в серию «Былины», в основном охватывается следующим их перечнем.

а) **Былины**¹⁴

1

Волх Всеславьевич
Вольга и Микула
Святогор и тяга земная
Святогор и Илья Муромец

2

Рождение Добрыни
Добрыня Никитич и Змей
Добрыня Никитич и Василий Казимирович
Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем
Идолище сватает племянницу князя Владимира
Добрыня Никитич и Маринка
Добрыня и Настасья
Добрыня и Алеша

3

Исцеление Ильи Муромца
Илья Муромец и Соловей-разбойник
Илья Муромец и Идолище
Илья Муромец и Сокольник
Илья Муромец, Ермак и Калин-царь
Илья Муромец и Калин-царь
Камское побоище
Бунт Ильи Муромца против князя Владимира
Илья Муромец и разбойники
Три поездки Ильи Муромца
Илья Муромец на Соколе-корабле

4

Алеша Попович и Тугарин
Алеша Попович и Добрыня Никитич (оживление Добрыни)
Алеша Попович и Илья Муромец
Алеша Попович убивает татарина
Алеша Попович и сестра Петровицей-Збродовичей

¹⁴ Контаминации нескольких сюжетов располагаются по ведущему либо первому сюжету контаминации, с вынесением в заглавие и колонтитулы всех контаминированных сюжетных единиц при их «равноправности». Последовательность сюжетов в томах в некоторых случаях может приобретать свою специфику.

5

Михайло Потык
 Дунай и Настасья-королевишна
 Дунай Иванович — сват
 Бой Добрыни с Дунаем

6

Дюк Степанович и Чурила Пленкович
 Чурла Пленкович и князь
 Чурила Пленкович и Катерина

7

Соловей Будимирович
 Сорок калик
 Ставр Годинович
 Иван Годинович
 Данило Ловчанин
 Хотен Блудович
 Иван Гостиный сын
 Сухман
 Михаил Данилович
 Василий Игнатьевич и Батыга

8

Бутман
 Потап Артамонович

9

Василий Буслаев и новгородцы
 Поездка Василия Буслаева в Иерусалим
 Садко состязается с Новгородом
 Садко в подводном царстве

10

Глеб Володьевич
 Суровец-суздалец
 Саул Леванидович
 Наезд литовцев (Князь Роман и братья Ливики)
 Данило Борисович
 Васька Захаров
 Королевичи из Крякова
 Братья Дородовичи
 Козарин
 Соломан и Василий Окулович
 Лука, змея и Настасья

б) Былинные песни

Илья Муромец выезжает в поле
 Илья Муромец и татары
 Илья Муромец на Соколе-корабле
 Илья Муромец на речке Смородинке
 Илья Муромец у ворот Киева
 Илья Муромец и разбойники
 Илья Муромец и целовальники
 Богатыри на заставе
 Добрыня в отъезде
 Возвращение Добрыни со службы
 Садко
 Федотушка
 Спор Сокола с Конем
 Индрик-зверь

в) Комический эпос (былины-скоморошины, пародии, небылицы).

13. Основной единицей публикуемого в серии материала является подлинный текст былины (былинной песни), взятый в его первичной фиксации (запись-оригинал) либо в расшифровке записи (расшифровка магнитофонного оригинала, видеозаписи подразумевает перевод технической записи в словесный вид и нотограмму), а при отсутствии таковых — взятый из наиболее авторитетной фиксации (рукопись, публикация и т. д.).

14. Условием помещения текстов в корпус серии «Былины» является их подлинность («аутентичность»), принадлежность устной традиции, независимость от опубликованных текстов и рукописных текстов-списков былин. В серию не включаются ни индивидуальные сказительские новообразования на базе эпики и других жанров фольклора, ни сказительские разработки литературной тематики, ни попытки изображения современности в форме стилизаций («новiны») как не обладающие коллективной народнопоэтической репрезентативностью. Не публикуются обработки записей, а также нмевшие репутацию подлинников скрытые перепечатки, переделки.

15. Тексты печатаются в серии «Русский былинный эпос» по следующим правилам.

а) Каждый текст публикуется однократно.

б) Печатаются как единичные, так и повторные записи того же сюжета, сделанные от одного исполнителя (качество повторных записей оценивается и оговаривается в комментариях).

в) В корпусе публикуются дословно точные записи произведений.

г) Прозаизированные варианты былин, сокращенные припоминания их текстов, сохранившиеся в виде непосредственных записей, записей постфактум, а также фрагментов записей утраченных текстов, выборочно печатаются в «Приложениях» либо учитываются и фиксируются при комментировании.

д) Не публикуются тексты разрушенные.

е) Публикация текстов XIX—XX вв. производится без редакционной орфографической правки, обычно искажающей поэтическую форму текста либо лишаящей записи диалектной и исторической характеристики (как правило — независимо от степени точности записей). Снимаются только очевидные изъяны текста-оригинала в передаче фонетики (фиксация черт живого говора, общих с литературной нормой) — кроме случаев записи, выполненной самим исполнителем. Пунктуация приводится к современным нормам, но при обязательном учете пунктуационных особенностей оригинала записи. Допустимые отступления от изложенных принципов снабжаются мотивирующими обоснованиями.

ж) Записи и пересказы произведений фольклора, находящиеся в древнерусских рукописях либо публикациях XVIII в., передаются с сохранением фонетических и морфологических особенностей текста-источника, но с устранением архаических особенностей графики и орфографии (выносные буквы в строке; слитное написание

с другими словами предлогов, частиц, союзов; начертание имен со строчных букв; «ъ» в конце слов после согласной; отсутствующие в современном алфавите буквы).

з) Устраняются явные дефекты записей и предшествующих публикаций, что оговаривается в текстологических примечаниях.

и) Уточняется разбивка текстов на стихи и, где это возможно, на строфы в записях XIX—XX вв. Осуществляется членение на стихи и строфы стихотворных текстов ранних слоев записей и публикаций XVIII в.

к) Тексты внутри каждого из томов нумеруются особо.

л) Каждое произведение имеет нумерацию строк, кратную числу «пять».

16. Комментарий к каждой сюжетно-тематической группе содержит

а) общую характеристику сюжета;

б) общую характеристику местных версий сюжета.

17) Комментарий к отдельно взятому тексту содержит

а) полные паспортные данные к тексту (источник, время и место записи, данные об исполнителе);

б) комментарий исполнителя и собирателя к тексту (сведения о его бытовании, исполнении и т. п.);

в) сведения об особенностях данного варианта на фоне общенациональной и местной исполнительской традиции (в том числе раскрытие воздействия литературных текстов на фольклорный, указание на влияние публикаций текстов фольклора);

г) текстологические пояснения к оригиналу записи и данной ее публикации; указания на качество и отличия важнейших предшествующих публикаций текста;

д) музыкальный комментарий.

18. Серия объединяет фольклор с ярко выраженным импровизационно-сказительным началом. Поэтому тома содержат традиционные биографические справки об исполнителях. В них включаются данные из заметок собирателей, фрагменты их дневников, мемуаров, писем, сведения, извлекаемые из литературных и архивных источников.

19. Серия «Былины» открывается статьей, характеризующей своеобразие жанра и содержащей краткий очерк его истории.

20. Каждый том (либо первая книга) региональной группы вариантов былин содержит также статью, вводящую в былинный материал данного региона. В статье сообщаются

а) главные сведения об этнокультурной истории региона;

б) сведения о фольклоре данного региона;

в) сведения о системе говоров края и их отражении в языке былин;

г) музыкологические данные о помещаемых былинах;

д) история собирания былин в регионе (оценка идей и конкретных целей работы собирателей; их преломление в принципах полевой работы и ее результатах);

е) история публикации былин данного региона; детально характеризуются эдичионные принципы публикаторов-предшественников;

ж) специально характеризуются общерусские и специфические черты былинного репертуара региона.

Далее следуют:

а) Заметка «От составителей» — пояснение к публикации.

б) Корпус текстов былин, где музыкальные расшифровки (ноты) следуют вместе с соответствующими им словесными текстами.

в) Текстовые словесные приложения к тому.

г) После текстов помещаются «Комментарии», «Биографические данные об исполнителях», «Словарь», указатели, списки иллюстраций, перечень содержания пластинок.

д) Долгоиграющие пластинки с избранными звучащими материалами данного тома — образцами непосредственных творческих актов исполнения былин.

21. Указатели в конце томов отвечают специфике и объему материала. Так, помещаются указатели напевов, использованных источников, мест записи, исполнителей, собирателей, собственных имен, этнических и географических названий, предметный указатель; словарь диалектной, старинной и малопонятной лексики и фразеологии; характеристики приложений-пластинок.

22. Тома серии включают иллюстративный материал: портреты исполнителей, собирателей, исследователей, фотографии местностей и населенных пунктов, где производились записи фольклора, снимки, зарисовки и репродукции историко-культурного, историко-этнографического характера.

23. В томах серии помещаются карты-схемы с обозначенными территориями записей текстов определенных видов, с перечнем географических реалий, встречающихся в текстах, и т. д.

24. К серии прилагается том сводных указателей.

25. Серия ориентирована на научную аудиторию и является научной базой изданий других типов.

26. Работа над подготовкой серии «Былины» осуществляется Отделом народнопоэтического творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (ИРЛИ) под руководством редколлегии в содружестве с фольклористами академических институтов и филиалов РАН, вузов, учреждений Министерства культуры Российской Федерации, с сотрудниками Государственного республиканского центра русского фольклора (Москва), а также участниками творческих объединений деятелей культуры России.

27. Работа над I и II томами серии «Былины» («Былины Печоры») Свода русского фольклора была осуществлена еще в 1984 г. коллективом составителей — тогдашних сотрудников Отдела народнопоэтического творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, Ленинградского отделения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Института русского языка Академии наук СССР, Ленинградского гос. университета, Ленинградской гос. консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, Вильнюсского гос. педагогического института, а также членов Союза писателей и Союза композиторов СССР.

При подготовке томов к печати учитывались результаты обсуждений Проектов издания Свода русского фольклора на совещаниях в Академии наук СССР, происходивших в 1940, 1957, 1978 гг., были учтены рекомендации и предложения академиков М. П. Алексеева, А. С. Бушмина, Д. С. Лихачева, Н. И. Толстого, замечания по макетам томов «Былины Печоры», высказанные в процессе их обсуждения на совещаниях при ИРЛИ АН СССР в ноябре 1983 г.

* * *

Авторскую работу над первыми двумя томами выполнили А. А. Горелов («Предисловие», «Принципы издания. Состав и структура серии „Былины“ Свода русского фольклора»); В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ф. Некрылова (текстологическая подготовка корпуса текстов былины, «Принципы распределения словесного материала», «Текстологические принципы издания», паспортный и текстологический комментарий, «Биографические данные об исполнителях»); Ю. А. Новиков (сюжетно-вариантный комментарий). Авторы статьи «Русский былинный эпос»: Д. М. Балашов и Т. А. Новичкова (I), Л. И. Емельянов (II). Авторы статьи «Былины на Печоре»: Т. А. Бернштам (I), Ю. А. Новиков (II), В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ф. Некрылова (III), А. Н. Розов (IV), В. П. Бударягин (V), А. С. Герд, В. В. Колесов (VI), В. В. Коргузалов (VII). Музыкальные расшифровки выполнили: Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд (№ 70 комм., 72 комм., 110 комм., 139, 218 комм.), А. Н. Захаров (Прилож. V, № 2, 4, 6, 7), В. В. Коргузалов (№ 64, 85, 103, 113, 210), В. В. Коргузалов, Ф. В. Соколов (№ 7, 8, 14, 15, 19, 20, 22, 33, 37, 53, 62, 67, 81, 82, 84, 86, 130, 137, 148, 161, 169, 183, 189, 195, 220, 221—223, 225—227, 240, 258, 281), Ю. И. Марченко (№ 12, 13, 38, 50, 51, 51 комм., 54, 72 комм., 87—90, 99, 114, 139 комм., 150, 162, 164, 179, 179 комм., 205 комм., 211, 224, 228, 234, 242; Прилож. IV, № 1—6). Некоторые из ранее опубликованных расшифровок Е. В. Гиппиуса, Ю. И. Красовской и Ф. В. Соколова продолжены и вновь перерасшифрованы Ю. И. Марченко в связи с повышенными редакционными требованиями к нотному материалу. Общая музыкальная редакция осуществлена В. В. Коргузаловым. Звуковые приложения подготовили Ю. И. Марченко и Г. В. Матвеев. Словарь составлен А. Н. Розовым с использованием материалов Г. И. Мальцева и при участии А. П. Евгеньевой. А. Н. Розовым составлены указатели: именной, этнических и географических названий, В. В. Коргузаловым — указатель былинных напевов. Предметный указатель составил: С. В. Гаврилина, А. А. Горелов, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, И. П. Ковтув, Т. А. Новичкова, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. Иллюстрации подобраны А. А. Гореловым, А. Ф. Некрыловой, А. Н. Розовым и С. В. Фроловым. Выбор этнографических материалов и комментарии к ним осуществлены Е. Л. Демиденко. Карты выполнены А. А. Гореловым и В. И. Жекулиной. Фонетическая транскрипция принадлежит Н. В. Богдановой, Л. В. Игнаткиной, А. Козлову, Е. Б. Овчаренко, А. Румянцеву, П. А. Скрелину.

Компьютерный набор I—II томов серии «Былины» выполнен под руководством и при непосредственном участии И. П. Ковтун (Мудровой).

Дизайн — Алексей Горелов. Фотограф Н. С. Туркин.

Адрес авторского коллектива:

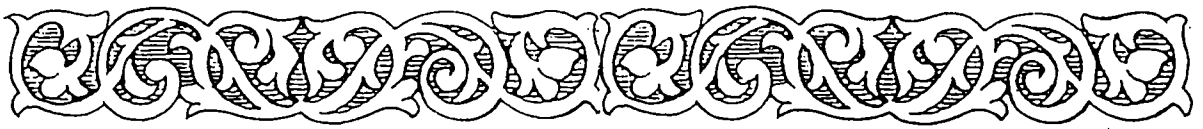
Россия. 199034. Санкт-Петербург. Набережная Макарова, 4. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Отдел народнопоэтического творчества.

Авторский коллектив выражает искреннюю признательность коллегам-фольклористам Кафедры фольклора филологического факультета Московского гос. университета, Отдела фольклора Института мировой литературы РАН, сотрудникам Русского отдела Музея этнографии народов России (СПб.), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (СПб.), Института истории искусств (СПб.), Санкт-Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, Российского гос. архива литературы и искусства (Москва), Российского гос. архива древних актов (Москва), Отделов рукописей Российской гос. библиотеки (Москва), Российской национальной библиотеки (СПб.), Библиотеки Российской Академии Наук (СПб.), Центру русского фольклора (Москва), специалистам Лаборатории фонетики филологического факультета и древникам-руссистам исторического факультета Санкт-Петербургского гос. университета, филологам Курского гос. педагогического университета, Вильнюсского педагогического института, Сектору фольклора Карельского филиала РАН (Петрозаводск), Проблемной научно-исследовательской лабораторией по археографии и фольклору Сыктывкарского гос. университета, коллегам из других отделов ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН, делившимися своими материалами, опытом, знаниями, открытиями и тем самым принимавшим ближайшее участие в создании I—II томов Свода русского фольклора.

Коллектив исполнителей глубоко скорбит об уходе из жизни замечательных ученых-творцов, мудрых наставников, добродетельных товарищей, друзей, работавших бок о бок с нами над созданием книг серии «Былины», участвовавших в жарких дискуссиях о принципах создания Свода, но не доживших до выхода первых его томов — академиком Никиты Ильича Толстого, Дмитрия Сергеевича Лихачева, докторов филологических наук Анастасии Петровны Евгеневой, Леонарда Ивановича Емельянова, Бориса Николаевича Путилова, Юрия Ивановича Юдина, кандидатов искусствоведения Феодосия Антоновича Рубцова, Всеволода Владимировича Коргузалова, кандидатов филологических наук Дмитрия Михайловича Балашова, Веры Викторовны Митрофановой, Георгия Ивановича Мальцева.

Наша вечная благодарная память — знаменитым ученым России, нашим учителям, вынашивавшим идеи, искавшим пути создания Свода русского фольклора — академику Юрию Матвеевичу Соколову, члену-корреспонденту АН СССР Василию Григорьевичу Базанову, профессорам Марку Константиновичу Азадовскому, Анне Михайловне Астаховой, Михаилу Осиповичу Скрипилю, Владимиру Яковлевичу Проппу, доктору филологических наук Наталии Павловне Колпаковой.

Работа завершена в 2000 году.

РУССКИЙ БЫЛИННЫЙ ЭПОС

I

В конце прошлого — начале нынешнего столетия собрание и изучение русских былин стало ведущей отраслью отечественной фольклористики, несмотря на то что и расцвет эпоса, и само знание былинных сюжетов в народе были уже позади, и многое, слишком многое оказалось невозвратно забытым.

Открытие учеными-собирающими во второй половине прошлого столетия «Исландии русского эпоса» показалось именно чудом, в которое иные даже не сразу и поверили, — так не сочеталась новейшая капиталистическая цивилизация с живым наследием далеких тысячелетий. Но вот открытие состоялось, и оказалось вскоре, что для всей культуры нового времени древний эпос столь важен и необходим, что представить теперь русскую культуру лишенной эпического наследия стало уже невозможным.

Сказителей привозили в столичные города, удивлялись их строгой гордости, их чувству человеческого достоинства, тому, как спокойно и свободно И. Федосова или Рябинины вели себя в ученом обществе. М. Д. Кривополенова (нищенствовавшая у себя на родине!) всерьез обиделась, например, что А. В. Луначарский, уже после революции зазвавший знаменитую сказительницу в Москву, не сам приехал за ней в гостиницу, и смягчилась лишь потому, что прислал всё-таки «седатых людей» — академиков, пригласивших Марью Дмитриевну на встречу с наркомом.

В XVIII—XIX столетиях эпос уходил в прошлое, доживал, отступив на окраины, к казачьим станицам юга, за Урал, в Сибирь и в просторы древнего новгородского «Заволочья», туда, где сам строй жизни, «свобода и глушь», по выражению Гильфердинга, помогали памяти народной. Особенно благотворным для древнего народного искусства оказалось неяркое солнце Русского Севера. Здесь, в Олонецком крае, в Обонежье и архангельском Поморье, было сделано в четыре раза больше былинных записей, чем во всех остальных районах бытования эпоса вместе взятых.

Устная память далекого прошлого — «веков минувших» — быть может, самое великое чудо народной культуры, чудо, мимо которого можно легко пройти, не заметив, не поняв, не ведая даже, что, например, вон тот одинокий старик-рыбак или та улыбчивая тётка хранят в памяти своей предания великой киевской старины, ежели не еще более древние, от седых изначальных веков бытия наших далеких пращуров.

«Былина» — книжное название, в народе эпические песни зовут «старинами», иногда «стихами», объединяя в последнем случае с прочими жанрами повествовательной песенной эпике. Отношение к старинам и в годы угасания эпоса было исключительно уважительным. Старины, наравне с духовными стихами, пели Великим постом, когда мирских, будничных песен петь было нельзя, воспринимая каждое слово как заветное предание, бережно храня ставшие чужими или сторонними для северян приметы глубокой старины и много природного окружения. «Нужно побывать на нашем Севере, чтобы вполне понять, как велика твердость предания, обнаруживаемая в народе его былинами. Мы, жители северных широт, не находим ничего особенно необычного в природе, изображаемой нашим богатырским эпосом, в этих „сырых дубах“, в этой „ковыль-траве“, в этом „раздолье чистом поле“, которые составляют обстановку каждой сцены в наших былинах. Мы не знаем, что

сохранение этой обстановки приднепровской природы в былинах Заонежья есть такое же чудо народной памяти, как, например, сохранение образа „гнедого тура“, давно исчезнувшего, или облика богатыря с шоломом на голове, колчаном за спиной, в кольчуге и с „палицей боевою“».¹

Певцы былили пользовались в Обонежье особым почетом. Слава о лучших сказителях, таких как Илья Елустафьев, жила долго после их смерти. В промысловые артели, уходящие на Север бить морского зверя, обязательно старались залучить сказителя, иногда глубокого старика, — лишь бы пел. Знаменитого Т. Г. Рябинина не раз промысловики манили с собою: «Если бы ты к нам пошел, Трофим Григорьевич, — говаривали рыболовы, — мы бы на тебя работали: лишь бы ты нам сказывал, а мы бы тебя всё слушали».² Старины исполняли вечерами в охотничьих избушках, на рыбацких тонях, в дорогах. П. Н. Рыбников впервые услышал былинку случайно ночью у походного костра, на пути в Заонежье.

Когда-то в древности пением героического эпоса вдохновлялись воины на походе. Так, славяне, входившие в свиту греческого посла Никифора Грегораса (1326 г.), проезжая ночью македонскими лесами, «нимало не заботясь об окружающей действительности, выкрикивали и громким пением превозносили славу древних богатырей».³ Греческим послам было уже непонятно, что именно эта слава и должна была испугать возможных врагов, придав смелости их противникам.

Почему эпос сохранился именно на окраинах — в общем-то ясно. Здесь не было крепостного права. Здесь крепче сохранялись устои древнего народного общежития. Сюда, в Сибирь, на Урал, на южную степную границу, приходили наиболее энергичные, не растратившие пассионарного заряда творческой энергии люди; приходили, принося с собой память о древней эпической родине. На Север эпос занесли деятельные новгородские землепроходцы. Полные опасностей и неожиданностей морские промыслы, как и охрана южных рубежей страны, поддерживали в певцах память о древних, «досюльных» героях.

Дальнейшая судьба эпического наследия была разной в каждом из регионов. У казаков старины зачастую исполнялись хором, сливаясь с протяжной маршевой песней, а из всего сюжета сохранялся один запев, мотив дороги как начала, исхода богатырского деяния:

Ой, да из славного было да из города,
Из славного Ке... вот из Кеива,
Ой, да из того только было из селеньица, да
Села Карача... ой, да, Карачарова,
Ой, да, там-де пролёгивала шлях-дороженька,
Она не широ... ой, не широкая,
Ой, да долиною-то она, шлях-дорожечка,
Она конца кра... ай, конца-краю нет...»⁴

Такие песни пели протяжно, «чтоб ни конца, ни краю не было», про них на Дону говорили, что «их играть надо обрядно: обрядная эта песня — из темных, давних веков».⁵

В Сибирь былинная традиция пришла и с Севера, и с Юга, с казачеством. Новый быт, новые сложные отношения, этнические взаимодействия, развитие торговли и промышленности привели к забвению древней эпической традиций. Но на первых порах они уживались. На Урале, в вотчине промышленника Акинфия Демидова или его наследников, был составлен сборник Кириши Данилова, обогнавший на полвека, если не более, развитие мировой фольклористики, — сборник, более трети которого составлял собственно былинный эпос, стилистически

¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 54.

² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд./Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909. Т. 1. С. LXXVIII.

³ Шафарик П. И. Славянские древности. М., 1837. Т. 1, кн. 2. С. 92.

⁴ Листопадов А. М. Песни донских казаков. М., 1949. Т. 1, ч. 1. № 3. С. 57.

⁵ Там же. Т. 5. С. 17.

примыкавший к северорусскому, но с сильным оттенком исчезнувшей из живого бытования московской традиции XVI—XVII вв.

В конце XIX—начале XX столетия такие сказители, как Л. Г. Тупицын или Михаил Соковиков, были в Сибири редким явлением, но их искусство по-прежнему притягивало людей. Михаила Соковикова прозвали на Колыме «Кулдарем» — так принято называть колодцы в Средней Азии: старины и сказки текли из уст былинщика как из чудесного источника «кулдара», живительной влагой утолявшего путников.

* * *

Сейчас не все даже и знают, что былины поют, а сохранившиеся звуковые записи старин в исполнении заонежских сказителей обидно редки и фрагментарны. Одному из авторов этих строк живое былинное пение удалось услышать впервые на Средней Печоре. И это первое впечатление буквально ошеломляло.

Пел Еремей Провович Чупров. Сухощавый, как-то очень по-древнему красивый старик, не потерявший к седьмому десятку лет ни стати, ни даже черноты волос, нацело лишенных седины. Он молчаливо разлил зелена вина гостю, себе и старшему сыну — и повлек всех от бытовой суетности, от насущных дел в высокий эпический мир... Нет, то было не пение! Полилась яростная, сверкающая река, река удали и пыла, и гнева богатырского, и уже в этом напоре, в этом бурном стремлении древней властной красоты понялось, стало внятнм как-то само собою то, что некогда, при книжном чтении былинных текстов, казалось наивным, детским, быть может, слишком далеким и сторонним для нас: и чаша в полтора ведра, и палица в тридцать пуд... Всё приобрело свой смысл и вид, и уже ясно, что надо именно так — не переложить слова, ни образа переменить не можно в этой величественной памяти веков; ясно и приходило в ум, что воистину былина — это постройка из золотых кирпичей, каждое речение здесь драгоценно и найдено, уложено на века, навсегда!

Потом пришлось услышать и совсем иные манеры: мягкий говорок-речитатив Вокуева, красивый, даже торжественный, полный плавной величавости напев Лагеева, — но ощущение чуда, некоего высшего бытия осталось и уже стало неотрывным от понимания эпоса.

«Это Волхово-то, что тако?» — спросил как-то Лагеев, прервавшись. И, узнав, что река Волхов существует на самом деле, удовлетворенно покивал головой: «Стало, правда, так оно все и есть!»

Для них, последних носителей великого искусства, эпос был и продолжал оставаться некоей реальностью, подлинной стариной (поэтому так истово и пели!), где, однако, все было чудесно преувеличено, все обладало значительностью, превосходящей меру окружающего, и невзирая на то (а вернее — именно поэтому) являлось истиною великой учительной старины.

Слушали былину «с такою же верою в действительность того, что в ней рассказывается, как если бы дело шло о событиях вчерашнего дня, — правда, необыкновенном и удивительном, но тем не менее вполне достоверном»: певец жил мыслью в том мире, который воспевал. Онежский сказитель Никифор Прохоров сопровождал пение былины о Миханле Потыке такими замечаниями: «Каково, братцы, три месяца прожить в земле!», «Вишь, поганая змея, выдумала еще хитрость», «Вот, подумаешь, бабьи уловки каковы» (Гильф., I, с. 36, 37). Впервые приехав в Москву, М. Д. Кривополенова сразу увидела ее песенной. Ее воображение было поражено не столичной сутолокой, а совпадением сложившегося в фольклоре облика «каменной» Москвы с действительностью: «Уж правда, каменна Москва, дома каменны, земля каменна». Она сама все высмотрела — и Кремль, и гробницу Ивана Грозного, и могилу его второй жены, Марьи Темрюковны, о свадьбе которой знала веселую скоморошину. Отыскав за Москвой-рекой дом Малюты Скуратова, она, не удержавшись, топнула посреди улицы ногой и запела старину...⁶

⁶ Озаровская О. Э. Бабушкины старины. Пг., 1916. С. 13, 14.

* * *

Эпосов много, записанных по-разному и в разные века. Будь ли то повествование о Гильгамеше, найденное при раскопках в развалинах древних ассирийских дворцов: глиняные таблички с выдавленным на них клинописным письмом, из немыслимой тьмы тысячелетий донесшие до нас великую поэму, эпос загадочного народа Шумер... Будь то величавые поэмы Гомера: «Илиада» и «Одиссея», вобравшие в себя героическую память ахейской Греции. Или рыцарское великолепие «Песни о Роланде». Или мрачноватая громада Нибелунгов. Будь то ирландские саги, где стихи перемежаются с возвышенной прозой (неясно, впрочем, не есть ли это пересказ того, что пелось некогда или читалось нараспев, так возвышен, так «певуч» стиль этой древней прозы). Будь то якутское олонхо — песни-сказания о героях или гигантские, исполняемые по многу дней, эпические повествования нашей Азии: «Манас» и «Джангар». Будь ли то задумчивый перелив рун «Калевалы»... Но везде, всюду и всегда это высокое искусство, торжественная повествовательная песнь о героях, точнее, о героической старине, о великом, славном учительном прошлом — «идеальной древности». Везде и всюду эпос представляет в черед типом героев-богатырей героизированное обобщение национального характера, как бы возвышенный образец, завещанный последующим векам.

Скажем тут: национальный характер находится не в статике, а в динамике. По мере развития и угасания этносов меняются идеалы, появляются новые черты и свойства, но при всем том эпический мир, эпические герои остаются высшим образцом. В пору упадка — укором, а при всяком подъеме национального самосознания — одну из его важнейших духовных основ.

Благодаря этому своему свойству эпос «крепок к этносу» — он не переходит свободно от народа к народу, как сказка, да и вообще не переходит, ежели не происходит слияния, переливания друг в друга самих этносов и национальных культур, при особых условиях начальной фазы этногенеза. Простого сосуществования народов — носителей эпоса рядом или даже чересполосно на одной территории для этого недостаточно. (Примеры переходов: шумерского эпоса к ассирийцам, ахейского к классическим грекам, кельтского, в Британии, к саксам и англосаксам, скандинавского к готам и германцам — говорят сами за себя.) Русские и карелы в Обонежье, например, за тысячу лет совместного сосуществования так и не обменялись эпической сюжетикой (а факты перехода русской былины в фольклор коми немногочисленны), и подобные примеры бессчетны. Это свойство роднит эпос с мифом, от коего он зачастую и отталкивается, переводя, так сказать, с неба на землю принцип учительности как таковой. Если миф — идеальная модель мироздания, служащая основой земных поступков людей, то эпос — идеальная учительная конструкция национального типа в его героическом варианте. Эпический герой и является в эпосах архаического типа сперва в облике культурного героя, т. е. младшего божества или полубожества, устроителя мира и подателя жизненных благ людям своего племени.

Все сказанное, однако, еще не определяет художественной специфики эпоса, его особенности, своеобразности, неповторимости в ряду других песенно-сказовых форм словесного искусства. Мы не будем здесь касаться природы эпического стиха (она разная у разных народов), ни композиции, ни даже проблемы эпитета — отметим главное, что выделяет именно эпос и что вместе с тем роднит эпосы разных народов друг с другом.

Главная особенность художественной структуры эпоса — эпическое преувеличение, или гипербола.

Народная поэзия вообще любит гиперболу (идеализирующую, как в жанрах обрядового свадебного фольклора, или сатирическую), но только в эпосе преувеличение становится основным формообразующим элементом, лишь там гипербола является средством типизации, непременным способом создания той самой великой идеальной действительности, изображение которой отличает и выделяет эпос в ряду прочих жанров словесного творчества.

Гиперболы бросаются в глаза всякому, кто возьмет в руки любой сборник былин: чара в полтора ведра или палица в тридцать пуд, богатырская ископыт, безмерная сила героев и их коней — ярость поединков, побивание «тьмы тем» врагов и прочее. При невнимательном чтении кажется, что перед нами некий мир великанов, противопоставленный миру обычных людей. Некоторые современные художники, ничтоже сумняшеся, так и изображают эпических героев — огромных, часто безобразных размеров гигантов. Но все это является лишь при невнимательном, поверхностном чтении. Вот Илья Муромец надел платье нищего и — затерялся в толпе. Куда же исчез его гигантский облик? Вот поляница-богатырша сажает героя вместе с конем себе в карман,

а затем становится женою названного героя, что, во всяком случае, было бы невозможно при реальном соотношении указанных размеров. Тот же Илья Муромец, способный разметать весь Киев, — будучи схвачен слугами князя (отнюдь не богатырями!), сидит заключенный в погребе. Сила, огромность героев, изображенные средствами внешней гиперболизации, на деле, в самом эпическом действии, оказываются, скорее, выражением их духовной мощи. Далеко не всегда даже прямое «измеренное» указание на огромность богатыря следует понимать буквально. Вот примеры из якутского эпоса (олонхо). «Стан (героя) в перехвате был в пять сажень. Шести сажень дорожен в плечах был. В три сажени были округлые бедра...» От боя героя с противником сотрясается земля, он кричит, «разрывая на части дно верхнего мира (...) расщепляя надвое дно подземного мира...» «В толпе других людей он как самец-вожак в стаде важенок». То есть он, действительно, выше, сильнее, больше других людей, но все же безмерные велканские обмеры героя, названные в предыдущих стихах, есть лишь способ создания определенной эмоциональной атмосферы огромности, а никак не исчисление реального роста богатыря.

Вот иной пример, взятый с другого края Евразии, — из ирландских героических саг. Речь идет о Кухулине, главном герое эпоса Ирландии. Приходя в ярость во время боя, он «чудесно искажался: мускулы его вздувались, один глаз западал так, что „цапля не могла бы его достать“, от скрежета его зубов извергалось пламя, удары сердца его были подобны львиному рычанию, в облаках над головой его сверкали молнии, исходившие от его дикой ярости... Шире, плотнее, тверже и выше мачты большого корабля била вверх струя крови из его головы, рассыпавшаяся затем в четыре стороны, отчего в воздухе образовывался волшебный туман, подобный столбу дыма над королевским домом».⁷ Соответственно ведет себя Кухулин и в бою: «Подобно удару метлы, гонящей перед собою врагов на равнине Муртемне, настиг он вражеское войско и занес нам ним свое оружие... И сколько есть в море песчинок, в небе — звезд, у мая капелек росы, у зимы — хлопьев снега, в бурю — градин, в лесу — листьев, на равнине Брега — колосьев желтой ржи и под копытами ирландских коней — травинки в летний день, — столько же половин голов, половин черепов, половин ног и рук и всяких красных костей покрыло всю широкую равнину Муртемне. И стала серой равнина от мозгов убитых после этого яростного поединка, после того, как Кухулин поиграл там своим оружием».⁸

Но вот он же едет к своей невесте Эмер — и, завидя Кухулина, подруга Эмер говорит: «На колеснице вижу я темного, хмурого человечка, самого красивого из всех мужей Ирландии».⁹ То есть был он теминоволос и мал ростом.

Соответственно Илья Муромец, например, взяв за ноги татарина, сокрушает им тысячи врагов и, однако, есть былина, где тот же Илья, встречая по дороге калику, принесшего известие о захвате Киева, укоряет того, говоря: «Силы в тебе в три меня, а мужества и в половину нет». То есть опять же не в силе дело! И, кстати, эпические герои разных стран весьма часто встречаются и поражают в бою истинных великанов, намного превосходящих самих героев и ростом, и силою.

Таков же — пределен в своих качествах — и эпический пейзаж:

Высота, высота поднебесная,
Глубота, глубота — окиян-море...¹⁰

Пейзаж этот служит зачином былины, разом создавая картину идеальной эпической страны (тот же прием присутствует в якутских олонхо). Такова же и сцена пира, с которой обычно начинаются былины о воинских подвигах. Это всегда идеальный возвышенный пир, пир для всех, кто так или иначе участвует в управлении страной, — князей, бояр, богатырей, а иногда и еще шире — вообще для всех сословий: купцов, горожан

⁷ Ирландские саги/Пер. и коммент. А. А. Смирнова. М., 1929. С. 147.

⁸ Там же. С. 235.

⁹ Там же. С. 122.

¹⁰ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд./Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977. № 1. Далее в тексте сокращенно: КД, с указанием порядкового номера былины.

и всех людей православных. Тем самым создается ситуация идеального, гиперболизированного единения нации вокруг былинного Киева и князя Владимира.

Столь же предельна, доведена до высшей степени утонченности в эпосе красота теремной затворницы:

Ай-я статным она статна, полна возраста,
 Волосом она руса, лицом бела,
 Ай-я сквозь ейну рубашку тело видетця,
 Ай-я сквозь ейно тело да кости видятця,
 Ай-я сквозь ейны кости мозг переливаетця,
 Не скачен ли женьчуг перекатаетце,
 А ще как можно перёд князём стоять,
 А ще как можно кнегиною звать.¹¹

Столь же предельны достоинства убранства коня, красота терема: до высшего совершенства доведена каждая деталь эпического повествования, почему-либо важная певцам. Иначе говоря, с помощью зрительного, числового, количественного и качественного преувеличения творцы эпоса создавали образы могучих духом героев и могучей, величественной во всех своих аспектах действительности.

На героев эпоса ложился как бы отсвет общенародного величия, дух молодого этноса, находящегося в первоначальной фазе подъема, когда создающийся народ, выступая на арену истории, действует весь целиком, в едином монолитном усилии, когда еще не сложилось классовое общество с его неизбежными антагонизмом общественных групп и этикетным ограничением прав отдельного человека. То есть сложение эпоса, сложение этого гиперболизирующего искусства только и возможно в начальную пору этнического развития — в пору так называемого «детства народов».

Снижение гиперболы, разрушение эстетической формы эпоса, неизбежно наступающие с ростом классовой государственности, и есть конец его творческого, продуктивного бытия. Возникают новые формы, более приспособленные для отражения новой действительности (баллада, историческая песня и прочее), эпос же остается памятью прошлого — прошлого величия, прошедшей, идеальной старины, и уже оттуда, из дали минувших веков, сквозь тысячи лет и событий продолжает светить своим неугасимым светом, вплоть до новейшего времени, когда древнее, ушедшее из живого бытования искусство обретает новое бытие в литературе, музыке, живописи, ораторском слове и политических устремлениях современного человечества. И те же ирландские саги оживают в деятельности борцов за свободу Ирландии — фениев. В Германии Вагнер, в поисках национальной самобытности, воскрешает древних Нибелунгов в цикле своих опер. А Джавахарлал Неру, борясь за свободу Индии, в своих обращениях к народу напоминает внятные каждому индусу образы Рамаяны и Махабхараты. Так же, как и русские художники, композиторы и поэты конца прошлого столетия воскрешали образы героев древнего эпоса в борьбе за новую, демократическую культуру страны; древний мифологический персонаж Микула, богатырь-пахарь, становился символом народа, готового к социальной борьбе. А Илья Муромец вдохновлял русских солдат в суровые дни Великой Отечественной войны.

* * *

Сколько столетий собирались богатыри за пиршественным столом князя? Никто этого точно не знает. В том виде, в каком они дошли до нас, былины, конечно, являются прежде всего отражением времени киевской государственности.

В свою очередь, «киевский» и «новгородский» эпос как художественная система отражал раннюю древнерусскую государственность в эстетических формах, выработанных сотнями предшествующих поколений. Для того, чтобы стать «государственным», ему необходимо было опираться на развитую фольклорную и эпическую

¹¹ Астахова А. М. Былины Севера. М.: Л., 1938. Т. 1. № 72. Далее в тексте сокращенно: Аст., с указанием тома и номера текста.

традицию в целом, вырасти из эпоса более раннего, архаического. В недрах последнего когда-то под действием великой «пластической силы» (А. Н. Веселовский) мифа отливались первые типы сюжетных коллизий, поэтические приемы и образы. Во многом наследуя мифу, былина является «формой исторического и местного» его приурочения; миф в былине «связан с историей, связан ее определениями, мелочами быта и исторически определенных событий».¹² Исследуя взаимоотношения архаического и государственного эпосов, В. Я. Пропп пришел к выводу, что прямолинейного следования этих типов эпосов друг другу не было: государственный эпос во многом отрицал идеологию предшествовавшего ему родоплеменного, изображал его конфликты «с обратным знаком».¹³

Сейчас можно считать установленным уже, что эпос появляется на стадии разрушения родоплеменного быта, на стадии появления «военной демократии». Самый древний пласт эпоса как раз и посвящен той духовной революции, выражаясь современным языком, которая происходила на этом сломе, — рушилась стена устарелых уже, но еще очень сильных норм и догм родового общества, освященных и закрепленных мифологией; ранние эпические герои — это и есть борцы с традициями божественной предопределенности. Столкновение сил здесь выражено в восстании против норм мифологического мышления и, соответственно, мифологических существ.

Ранний эпический герой подчас с риском для жизни крадет у богов и передает людям культурные блага — навыки земледелия и обработки металлов, мореходства, рыболовства и прочее. Эпос на этой стадии отражает не столько конкретно-исторические, сколько более общие духовно-идеологические конфликты своего времени. Ибо без освобождения от уз родовой идеологии двигаться дальше было бы невозможно.

Связи эпоса и мифа далеко не просты, и далеко не всегда эпический герой — это бунтарь, враждебный богам. Он может быть и героическим защитником древних, уходящих в прошлое норм родового права, но уже героическим защитником (исключительность!), и уже — уходящих в прошлое (т. е. слом, крушение древней идеологии и тут налицо).

В дальнейшем все большее внимание творцов эпоса обращается к подвигам, к воинскому героизму — миф уходит в прошлое, теряет актуальность, и с ним гаснут, теряют актуальность и древние темы. Эпос на ранне-государственной стадии — это преимущественно эпос героический (воинский), с новыми идеями, новыми духовными устремлениями.

* * *

Все эти процессы отразились в русском эпосе.

Современные русские (Русь Московская) сложились как народ после заката Киевской державы на ее окраине в XIII—XIV вв. Однако этногенез Московской Руси происходил уже в условиях развитого феодализма, меж тем как эпос складывается на предшествующих стадиях развития этносов.¹⁴

О сформировавшемся эпосе у восточных славян в докиевскую эпоху и в раннекиевское время говорят устойчивые, устнопоэтические образы, попавшие в летопись, древнерусские повествования, а также рассказы путешественников о Руси, — явно восходящие к эпической жанровой системе. Влияние эпоса на летопись видели в рассказах о сватовстве невесты для Владимира (под 988 и 1128 гг.) — этот рассказ построен по классической эпической сюжетной схеме сватовства невесты для князя, с ее насильственным увозом, оскорблением сватов и изображением сватовства как боя (в былинах о Дунае Апраксия жалуется отцу, что он не мог ее выдать «без бою, без драки, без кровопролития»).

Явно на основе эпических повествований сложился образ царя русов у Иби-Фадлана — пассивного, не покидавшего своего «ложа», где он пирует в окружении богатырей и куда ему приводят красавиц. Бремя

¹² Веселовский А. Н. Собрание сочинений. М.; Л., 1938. Т. 16. С. 52, 54.

¹³ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 54.

¹⁴ О характере этногенеза см.: Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1. С. 46—55; № 2. С. 43—50; 1971. № 2. С. 80—82; Он же. Этногенез и биосфера земли. Л., 1979. Вып. 1—3. Деп. рукопись.

правления и охраны государства падает всецело, по свидетельству Ибн-Фадлана, на его заместителя, командующего войсками.¹⁵ (Сам Ибн-Фадлан в Киеве не был и использовал устные рассказы.)

Историю Киевской Руси до недавнего времени начинали с VIII в. Не будем тут касаться норманнской теории, поскольку вопрос о национальной принадлежности Рюрика для истории народа не важен, что же касается племенного термина «русь», то он применительно к славянам в форме «рос» зарегистрирован уже в VI в. византийскими историками (т. е. за двести лет до вокняжения Рюрика в Новгороде). Впервые этноним «рус» («hrgus») упоминается в сирийской хронике VI в. псевдо-Захария Митиленского. Там говорится, что племя русь — рослый и сильный народ — обитало в первой половине VI в. севернее Азовского моря, где-то на Дону или за Доном. Термин «русь» — не тюркского и не скандинавского происхождения (предположительно — восход к сарматам). Вот как представляет дело современный исследователь:

«История полянского региона среднего Поднепровья представляется следующей. В V—VI вв. здесь жили славяне-анты. Эта диалектно племенная группировка сформировалась в условиях славяно-иранского симбиоза. Наряду с другими языковыми элементами славяне восприняли и этноним рось. Вероятно, под этим названием скрывается одно из антских племен... Одновременно, в VI в., в правобережной части Киевского Поднепровья расселяются славяне-дулебы, в результате территориального членения которых формируется племя полян. В VIII—IX вв. поляне и потомки росов окончательно перемешиваются между собой, их прежние культурные различия нивелируются». Позднее этноним русь распространился на всех славян восточных.¹⁶ Добавим, что в «Деяниях готов» Иордана упоминается, в числе врагов готского короля Германариха, создавшего в III—IV столетиях эфемерную разноплеменную державу в Поднепровье, некое племя росомонов (в переводе «люди» или «народ росов»)¹⁷.

Как Афина из головы Зевса явилась в полном вооружении и взрослой, так появились на арене истории славяне VI—VIII вв. Исторический период застаёт у нас весьма развитую общественную жизнь, крупные племенные союзы типа раннегосударственных объединений, в частности уже существующий киевский каганат — предок державы Рюриковичей, развитое железоделательное производство, высокий уровень кузнечного и ювелирного, не говоря уже о других, ремесел, градостроительство, торговлю, значительное классовое размежевание.

Полагать, что в первых веках славяне еще не сложились этнически, не приходится.

Впрочем, об огромном славянском мире, протянувшемся от Адриатики до Балтийского моря, говорят еще римские историки начала нашей эры. Вопрос только в том, когда славяне появились в Поднепровье, т. е. вступили в соприкосновение с кочевыми народами причерноморских степей. Установлено, что ранняя культура славян складывается как полиэтническая: «Думать, что историю жизни славянства следует начинать с компактной группы, полностью единообразной в этническом и языковом отношении, не представляется возможным».¹⁸ Установлено, что древняя киевская культура (конец II—середина V в. н. э.) во многом связана с зарубинецкой (II в. до н. э.—II в. н. э.) и черняховской (III—V вв. н. э.) культурами Поднепровья. Уже наиболее ранней, зарубинецкой, культуре были присущи достаточно сложный погребальный обряд с урновыми захоронениями, жилые постройки разных типов, развитые ремесла: гончарное, ювелирное, железоделательное, торговля с античными странами и земледелие.¹⁹

Археология еще не сказала последнего слова в определении культур, предшествовавших зарубинецкой. Можно пока лишь предполагать, что носители лесостепных поднепровских культур скифского времени, а также Чернолесской и Белогрудовской культур (XI—VI вв. до н. э.), восходящих к эпохе бронзы, были предками

¹⁵ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. С. 146.

¹⁶ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 10, 111, 112.

¹⁷ Иордан. О происхождении и деяниях готов. М., 1960. С. 91, 92.

¹⁸ Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982. С. 24. П. Н. Третьяков не считает черняховскую культуру славянской, но с этим большинство археологов не согласны.

¹⁹ См. очерки «Зарубинецкая культура», «Киевская культура», «Черняховская культура» в кн.: Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993.

славян, продвинувшихся сюда с Запада. Так или иначе, но генетическая связь этих культур с последующей зарубинецкой, уже несомненно славянской, просматривается.

Ежели мы вспомним события II—IV вв. до н. э. — массовые движения племен, сражения, подобные битве при Недао, в которых погибали целые народы, всю эту бурную эпоху, обостренную гуннским нашествием, то неизбежно приходим к заключению, что начало собственно Киевской Руси и следует отнести к II—IV векам нашей эры, т. е. к началу эпохи переселения народов. Это — что касается собственно Руси Киевской, которая, в свою очередь, создалась как коалиция уже имеющихся славянских племен.

Принято считать, что развитие раннекиевской славянской культуры было задержано гуннским и аварским нашествием. По традиции, созданной норманистами, в этом перечне отсутствуют готы, как-никак, главные враги днепровских славян накануне и во время гуннского нашествия.

Авары (обры русских летописей) были действительно жестокими врагами славян. Разгромив антов, они остановили во второй половине VI в. натиск славян на Византию, после чего славянская экспансия направилась на восток и северо-восток (от этих событий как раз и начинается летописное повествование Нестора). Отношения с гуннами были неизмеримо сложнее и совсем иного характера.

Гунны появились в 370 г. и шли широким фронтом через славянские земли, попутно вытеснив из Причерноморья готские и сарматские племена (их империя распалась в 452 г., после смерти Аттилы). Славяне в отличие от готов остались на своих местах и влились в гуннское государство на правах младшего партнера. Рассказ готского историка Иордана о столкновении остготов Винитария с антским королем Божем очень показателен. Винитарий, по Иордану, первоначально разбитый антами, затем сумел захватить предводителя антов в плен и «распял короля их Божа с сыновьями его и с семьдесятю старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных».²⁰ Гуннский король, в свою очередь, выступил против Винитария, разбив и убив последнего, т. е. рассматривал славян как союзников, а готов — лишь как непокорных данников. Знаменательно, что сразу же вслед за распадом гуннского союза племен славяне начинают огромными массами переходить Дунай, захватывая земли Византийской империи, т. е. движутся по уже проторенной ранее дороге. Ошибочно думать, что славянский мир в те далекие времена еще никак не проявлял себя или что воздействие кочевников было односторонним. Археология давно установила, что оседлые цивилизации оказывают большее влияние на кочевников-завоевателей, чем те на них. Византинец-историк Приск, присутствовавший на похоронах Аттилы, приводит слова «страва» (пир на тризне) и «мед» (название употреблявшегося у гуннов напитка), т. е. влияние славян в ту пору на гуннов было чрезвычайно значительным. Мы говорим — чрезвычайно, ибо оба эти факта — распространение национального напитка с его самоназванием (мед — национальный напиток славян, кочевники гунны его не знали и не могли производить) и влияние на столь интимную и трудно поддающуюся инонациональным воздействиям часть жизни, как похоронный обряд, — говорят именно об огромном влиянии. Сказать об этом необходимо еще и потому, что в науке до сих пор не выяснено происхождение слова «богатырь» в русском эпосе. Слово это тюркское (боотур, богатур), но допустить, что оно заимствовано у монгол (как никак, противников Руси!) и успело полностью вытеснить из эпоса национальное название героя — не представляется возможным. Законнее отнести укрепление у нас тюркского термина именно к IV—V вв., когда киевский этнос только складывался, т. е. был пластичен и восприимчив, а славяне, вошедшие в орду Аттилы как союзники, могли взять себе иноязычное слово без «потери достоинства». Национальным (более древним) названием героя было, по-видимому, «поляник», «поляк», или «полянин» (ср.: «поляница преудалая», «поляковать» и прочее), но слово «поляне» стало самоназванием всего племени («племя героев»), почему для обозначения собственно былинного богатыря и понадобился термин, перенятый от гуннов.

Однако и II—III века н. э., с коих начинается история Руси Киевской, далеко еще не являются начальным периодом появления славян на арене истории, как и не являются начальным периодом возникновения русского эпоса. Очень многое в позднейшей культуре Киевской Руси уводит нас к предшествующей эпохе скифского и сарматского господства в южно-русских степях, т. е. к середине и второй половине I-го тысячелетия до н. э., ежели еще не далее к самому началу I-го тысячелетия до н. э.

²⁰ Иордан. О происхождении и деяниях готов. С. 115.

О тесных скифо-славяно-сарматских контактах начала новой эры свидетельствуют лингвистические данные и данные топонимики. Есть сведения, что на месте Киева был город с иным названием еще в те далекие времена. О древнем имени Киева упоминает Константин Багрянородный (VII в.). Еще ранее — во II в. — Птолемей знает город на Днепре выше Ольвии с названием «мать-город», сохраненном воспоминаниями еще XI—XII вв.²¹

Славяно-сарматские связи прослеживаются и в узорочье. Так, принесение быка в жертву богине (голова быка у ее подножия) встречается в северно-русской вышивке и на золотой пластине сарматского женского головного убора. «В иконографии сарматской торевтики, так и в северно-русской иконографии шитья, изображения бычьих голов являются символами тавроболии». Сарматы кровью этих животных причащались при отправлении культа великой богини. (В древнем Новгороде и в Архангельской губ. существовал обычай: для общественных пиров — братчин — откармливать быка на общественных лугах и сообща съедать, закалывая в праздник.) Анализируя мотивы северно-русских вышивок — женская фигура в позе адорации, женская фигура и два всадника по обеим сторонам от нее, женская фигура и дерево, проф. Городцов делает вывод: «В искусстве народов, населявших территорию Европейской России до первых веков христианской эры и не принадлежащих к русской нации, мы не находим аналогии с описанным народным творчеством, но как только соприкасаемся с сарматскими древностями, то тотчас нападаем на искомые совпадения. Они прослеживаются и в скифских древностях, но очень слабо».²²

Сарматы родственны скифам. Во времена Геродота они еще жили на Востоке, в Задонских степях, и назывались савроматами. Общественная организация савроматов характеризовалась чрезвычайно сильными пережитками матриархата, что видно по захоронениям, в которых женщины часто погребались как воительницы — с луком и стрелами и прочим военным убором. Видимо, женщины-воительницы были главным образом стрелками из лука. Отметим и заметим эту особенность. Потомки савроматов — сарматы (IV в. до н. э.—IV в. н. э.) ко II веку до н. э. перешли Дон, потеснив скифов, и вступили в тесные взаимоотношения со славянскими Зарубинецкими племенами. С I века до н. э. бывшая территория Скифии в низовьях Дона и Днепра получает у античных авторов имя Сарматии. Вскоре сарматы появились на Дунае. Лишь в III веке н. э. сарматы были потеснены в Причерноморье нашествием готов, а в IV в. разгромлены гуннами. Часть их перешла в Западную Европу, часть смешалась с окрестными племенами, в частности со славянами.

О постоянном смешении славян с сарматами путем перекрестных браков пишет еще Тацит. Тацит затруднялся, отнести ли ему венедов к германским или сарматским племенам, склоняясь к первому (см.: «О происхождении германцев»)²³. Археологические раскопки поселений лесостепной полосы Заднепровья подтверждают это сообщение, ибо в одних и тех же селениях встречены вперемешку два вида захоронений: с трупосожжением и трупоположением.

Смешение путем перекрестных браков — это путь к познанию и усвоению национальных обычаев, а также, возможно, и эпических традиций. (Внешние контакты: выплата дани, войны, — как правило, оставляют народную массу в неведении относительно внутренней организации жизни соседей.) Надо, впрочем, сказать, что эпос даже в таких условиях наиболее трудно заимствуется. Соседство славян с германскими народами, даже эпизодическое вхождение их в державу Германариха, в эпосе не оставило следов. Почти тысячелетнее существование бок о бок карел и новгородцев в Обонежье, Поморье, как уже говорилось, не привело к взаимному усвоению героического эпоса. Причина этого в том, что эпос отражает тот духовный подъем, который испытывало племя, превращаясь в народ. И в позднейшей истории эпос оставался именно памятью открывшегося когда-то впервые самосознания нации. Понятно, что подобная внутренняя идея почти исключала возможность заимствования со стороны, столь обычную в жанре сказки или лирической песни, например. Эпос скорее мог отразить чужую эпическую стихию

²¹ Соболевский А. И. Русские местные названия и язык скифов и сарматов // Русский филологический вестник. 1910. № 3—4. С. 189.

²² Городцов В. А. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве // Труды государственного исторического музея. М., 1926. Вып. 1. С. 7—36.

²³ Тацит К. Соч.: В 2 т. Л. 1969. Т. 1. С. 372.

негативно, в образах «врагов». Так, можно предположить, что смешение славян с сарматами и пережитки савроматского матриархата у сарматских племен повлияли на создание образов поляниц преудалых русского эпоса — соперниц русских богатырей.

Сложнее установить связь праславян в Поднепровье со скифами. (Скифы появились в Причерноморье в VIII в. до н. э. и господствовали тут до IV в. до н. э., до появления сарматов.) Скифы — народ иранской группы, светловолосый и голубоглазый, создавший оригинальную и значительную культуру. Отрицать связь праславян со скифами невозможно, учитывая иранские (скифские) заимствования в языке наших предков и особую близость, в пределах индо-европейского единства, иранской группы языков к праславянской, а также традиции «звериного стиля», как бы доставшиеся нам по наследству от скифского узорочья, как и установленный факт вхождения иранских божеств в древнерусский пантеон (Хорса, Симаргла и Сварога), что говорит о долгом и тесном взаимодействии.²⁴

Геродот (середина V в. до н. э.) пишет о скифах в четвертой книге своей «Истории», подразделяя их на царских скифов, кочевников, скифов-земледельцев и скифов-пахарей, привязывая последних к Поднепровью, месту обитания позднейших славян-антов. «Скифией» называли земли, заселенные славянами, и позднейшие византийские историки. Можно предположить, что уже скифы-пахари были не скифами, а предками славян поднепровских. Во всяком случае, так считает акад. Б. А. Рыбаков, относящий поселения праславян в Поднепровье ко времени еще более раннему, чем приход скифов, а именно к концу II тысячелетия до н. э. — началу I тысячелетия до н. э.:

«Накануне нашествия скифов днепровское лесостепное Правобережье, а также долина Ворсклы были заселены земледельческим населением, говорившим на славянском (точнее праславянском) языке» (по данным гидронимии). Скифы-кочевники, придя в Среднее Поднепровье, восприняли занятия оседлых праславянских племен (потомков чернолесских племен), так что скифами были больше по названию. В свою очередь «скифы-иранцы влияли не только на внешний быт, но и на язык, и на религию праславян. Влияние, по всей вероятности, шло через славянскую знать, и началось оно довольно рано, когда скифы только что возвратились из своих многолетних победоносных походов в Малую Азию и сменили в степях киммерийцев. Пышная скифская мода уравнивала славянских всадников и купцов с настоящими скифами и делала их настолько сходными в глазах греков, с которыми днепровские земледельцы вели торговлю хлебом, что греки называли их тоже общим именем скифов». Геродот называл потомков носителей чернолесской культуры по географическому признаку «борисфенитами», а по экономическому — «скифами-пахарями».²⁵

Многие археологи давно уже, начиная с Любора Нидерле, предполагали, что под этими условными описательными наименованиями скрываются славяне. Геродот писал о ежегодном празднике у «скифов», во время которого чествовались якобы упавшие с неба священные земледельческие золотые орудия — плуг и ярмо для быков — и другие предметы. Поскольку Геродот одиннадцать раз писал о том, что настоящие скифы-скотоводы, кочующие в кибитках, не имеющие оседлых поселений, варящие мясо в безлесной степи на костях убитого животного, не пахут землю, не занимаются земледелием, постольку для нас ясно, что при описании праздника в честь ярма и плуга он имел в виду не кочевников-скифов, а народ, условно и ошибочно называемый скифами. Это самое Геродот и сказал словами: «Все им в совокупности (почитателям плуга) есть имя — сколоты по имени их царя. Скифами же их называли эллины».²⁶

²⁴ Сарматы явились предками осетин, и с ними скифская мифология проникла на Кавказ. Наукой отмечены совпадения имен скифских богов и героев нартского эпоса, сходственные, в свою очередь, с индо-иранским пантеоном: Гойтосир — Гаета Сура; Табити — Тапати — Адырухо, Татраз (Арес) — Веретрагна — Индра Вртраган. В иранском эпосе, в сложении которого принимали участие саки, выявлены сюжеты, родственные собственно скифским и индийским.

²⁵ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 225—227.

²⁶ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979. С. 230 (о времени появления мифа).

* * *

Прежде чем переходить к обзору былинных сюжетов, необходимо сделать еще одно замечание общего характера. В эпосе в форме, казалось бы, редкостных или «личностных» эпизодов отражаются, как правило, большие, значительные для всего народа события. Судьба героя как бы вбирает часть общенациональной судьбы.

В самом бытии эпического сюжета, как установлено многочисленными исследованиями, костяк, схема сюжета сохраняется наиболее прочно (как и образ героя). Детали, антураж меняются от эпохи к эпохе (особенности вооружения и одежды, денежные эквиваленты и прочее). Сама же сюжетная конструкция сохраняется чрезвычайно долго и сохраняет в себе; иногда уже в виде мертвых рудиментов, внешне не имеющих смысла, память глубочайшей старины, память той поры, когда эпос только еще складывался. Эта особенность эпоса дает в руки исследователя надежный ориентир для снятия последовательных пластов, наложенных на сюжет временем. Скажем тут, что за всякими чудесными или непонятными явлениями в эпосе всегда стоит что-то, во что наши предки свято верили как в живую реальность (именно таковы были когда-то для далеких пращуров змеи и прочие мифические существа).

Не повторяя здесь того, что эпос прежде всего искусство и что само построение эпических сюжетов, поэтическая трансформация фактов реального бытия творились по канонам эпической поэтики, напомним: в согласии с мифом как высшей реальностью проверялась и организовывалась предками текущая, окружающая их бытовая действительность.

Увы, мифология наших предков не исследована и до сих пор. Известно, что праславяне относятся к иранской ветви арийской группы народов; известно, что они были солнце- и огнепоклонниками, что ко времени знакомства с ними византийских историков (VI—VII вв.) переходили к единобожию, а вскоре начали принимать христианство (еще до общего крещения Руси Владимиром). Знаем мы перечень богов языческого пантеона, поставленных князем Владимиром в Киеве. Всего этого, однако, слишком мало, ибо мы не знаем самих мифов древних славян. Вопрос к тому же усложнен многочисленными племенными миграциями. Были, по крайней мере, две волны славян — южные (с окончанием на «яне» — «поляне», «древляне», «северяне» «воляняне» и прочее) и северные, которые в начале нашей эры, потеснив ругов и вандалов, добрались до побережья Балтики, а оттуда двинулись на Восток (племена с окончанием на «ичи» — «бодричи», «лютичи», «кривичи», «вятичи», «радимичи», «дреговичи» и прочее). Возможно, что с Балтики они принесли с собою культ Святовита, ставшего на Руси Перуном. У славян балтийских зарегистрирован культ птиц, общий всем славянам, культ коня и ряд антропоморфных многоглавых божеств, опять же без сопровождающих мифов. Сверх того, заселив к VII—VIII вв. обширные пространства Волго-Окского ареала с финно-угорским населением, славяне могли впитать и какие-то черты местной мифологии.

К счастью, более или менее известна мифология скифов, наших древних соседей, возможных предков и вероятных соперников.²⁷ Столкновение со скифской мифологией, своеобразный эпический спор с нею (знак рождения нового народа) прослеживается в ряде сюжетов русских былин, в том числе в былине о Вольге и Микуле.

Микула Селянинович, богатырь-пахарь, получил чрезвычайную популярность в народе в новейшее время как обобщенный символ русского крестьянства. Однако в облике Микулы, в том, что он вспашет, насеет ржи, сделает солод, сварит пиво и напоит им мужиков, ощутимо проглядывают черты древнего культурного героя — создателя и подателя земных благ.

Сюжет былинны внешне очень прост, даже элементарен. Князь-воин Вольга встречает богатыря-пахаря и зовет с собою взимать дань с городов, данных князю в кормление, поскольку дань требуется взимать едва ли не силою. (Ситуация раннекиевская, до наделения служилого князя землею и даже до установления правильного взимания даней, введенного, судя по летописи, только княгиней Ольгой.) Но осязательным образом сам этот поход за данью отходит куда-то на третий план, а почасту и вовсе забыт. Сюжет сосредоточен вокруг сошки Микулы, которую дружина Вольги не может выдернуть из земли, а Микула с легкостью зашвыривает за ракитов куст

²⁷ См.: Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. и названные выше работы.

(а в некоторых вариантах и на небо). По сути вся былина посвящена выяснению, кем же является встреченный Вольгой пахарь? Конструкция былины такова, что она как бы намекает: неизвестный Вольге пахарь есть в другом кругу отношений вполне известное лицо. Что же это за круг отношений?

Начнем с того, что Вольга и кудесник, и оборотень, он способен оборачиваться волком и щукой-рыбою. С другой стороны, состязаются они отнюдь не в рыцарских доблестях. Перед нами больше, чем состязание между пахарем и воином: перед нами соревнование двух типов культуры, первая из коих опознается как славянская, народная, вторая — княжеско-дружинная, пришлая.

Вот «соловьевская» кобылка Микулы, оценить которую оказывается не способен кудесник Вольга, — параллелью к ней вспоминаются золотистые кони из алтайских погребений, конн, цвет которых (рыжий, светло-рыжий, золотисто-желтый) связан с солнечным культом. В оценке стоимости коня князь-воин той поры, когда от лошади зависела сама жизнь всадника, ошибиться никак не может. Вольга ошибается потому, что принял волшебного коня (коня бога) за обычного. Вот сошка с серебряным или золотым наральником, которую дружинники Вольги не в силах выдернуть из земли, а Микула обязательно закидывает (за куст или за облако — безразлично); поскольку соху, достаточно тяжелое да и ломкое орудие, никто никогда не кидал, действие тут — не простое, а имеющее скрытый смысл. Соха Микулы — далекое эхо священных золотых земледельческих предметов, по скифской легенде, рассказанной Геродотом, доставшихся одному из братьев, родоначальнику скифских царей.

Согласно скифскому мифу, скифы произошли от брака первопредка Таргитая и змееной богини, родившей трех сыновей: Липоксая, Арпоксая и Колаксия. С неба падают чудесные дары, золотые, воспламеняющиеся при приближении недостойного (т. е. огненные), — чаша, секира (или лук со стрелами) и плуг с ярмом, достаемые младшему брату, Колаксию, родоначальнику скифских царей. Поскольку скифам, никогда не занимавшимся земледелием, плуг с ярмом ни к чему, можно почтить подобную версию позднейшей.

Истолкование имен трех сыновей Таргитая дает понять, что эти три брата в первоначальной ипостаси своей поделили между собой верхний, средний и нижний миры, а в земном (социальном) плане образовали касты жрецов, земледельцев и воннов. Арпоксай, средний брат, «владыка глубин» и «властитель Днепра», дал начало земледельцам. Скифский миф выкристаллизовался из общей иранской мифологии, где занятие земледелием считалось чрезвычайно почетным, сохранив, пережиточно, идею старшинства (воины пошли по этому мифу от младшего брата), но переименовав и переставив акценты. Допустимо предполагать наличие иной исходной версии мифа, где все братья получают дары, определяющие их предназначение и, соответственно, Арпоксай вручается золотой плуг.

Имя Микулы — позднее, а его отчество Селянинович означает «землепашец». ореол славы, сакрализация, постоянно сопутствуют образу Микулы в русских былинах, легендах и сказаниях. Микулу в народной традиции воспринимали как бога «всей Руси», крестьянского покровителя, святого Николу. Сакрализация сопутствует также и образу плуга, сохи и самому акту пахоты. Большие земляные валы скифского времени, сооруженные с оборонительной целью в Среднем Приднепровье, по легенде, появились в результате пахоты героя (или двух героев), запрягшего в плуг крылатого змея и пропахавшего борозды в степи до самого моря. Так появились знаменитые Змиевы Валы — напоминание о борьбе пахарей с кочевниками. Сказания о боге-пахаре были довольно распространены в Древней Руси: по свидетельству византийца Евстафия (XII в.), у тавров в Северном Причерноморье «Озирис, запрягши вола, пахал землю». В славянском языческом пантеоне, по мнению Б. А. Рыбакова, Озирису соответствовал бог Род, божество более архаичное, чем Перун или Дажьбог эпохи Владимира, и соответствующее первым земледельческим культам.

Не случайно Микула (иногда просто чудесный путник, выполняющий какую-то особую, божественную миссию) оказывается носителем «тяги земной» в былинке о Святогоре. Сумочку, сброшенную с плеч Микулой, Святогор не может оторвать от земли и надрывается. Признав себя побежденным, Святогор просит Микулу указать ему, где он может узнать свою судьбу? Оказывается, что Микула наделен и этим даром: он знает кузницу, где кузнец кует судьбу людям (Рыбн., I, добавление к № 8, с. 39—40).

Микула в своей первой ипостаси — явный культурный герой. Он пашет один — ибо изобрел пахоту, он собирает урожай один — ибо прочие еще не умеют делать хмельной напиток. Вместе с тем Микула уже прямой богатырь. Стоит лишить его образ эпических гипербола — этой преувеличенной силы и красоты облика —

и образ исчезнет, перестанет существовать, хотя сила его не проявлена или почти не проявлена в воинских сшибках. (Следует лишь рассказ о его богатырской поездке за солью.)

Конкретное столкновение Вольги и Микулы есть столкновение-соревнование предков разных племен, в художественной форме отражающее, по-видимому, возникновение раннеплеменных союзов, закончившееся созданием киевского каганата.

С течением времени творцы эпоса, сохраняя сюжет, обогащали его новыми смыслами. На первое место выдвигалось утверждение земледельческого типа хозяйствования и прославление труда пахаря.

Микула как герой-предок сельской, пашенной Руси получил исключительное место среди русских богатырей, определив в чем-то коренные психологические особенности славянина-пахаря на века вперед. Ответ Микулы ложится и на Илью Муромца, крестьянская прямота и хитровая скромность которого, наряду с огромным внутренним достоинством, находят прямую аналогию в характере и поступках Микулы. Как Илья привозит Соловья к терему Владимира, выслушивает покоры и срамит затем бояр толстобрюхих, так и Микула под видом простодушной просьбы о помощи срамит дружину Вольги. Илья, переняв от Микулы черты крестьянской психологии, становится главою русского богатырства. Но Илья уже развернут в новом качестве и в новой эпохе. Он крестьянин, ставший воином, поэтому с отходом воинского сословия (генетически образовавшего помещичий класс) от национальных начал, самым ярким эпическим социальным антиподом вырождающемуся классу, потерявшему свои исторические права на власть (они определялись воинским служением Родине), самым ярким антиподом — по оценке русской общественной мысли конца XIX—начала XX в. — становится среди былинных героев даже не Илья Муромец, а самый древний герой — Микула. Это герой-предок народа-землепашца, вся историческая судьба, успехи и неудачи, слава и бесславье которого были связаны с земледелием, с «орамом» пашней и хлебом — основой жизни, торговли, благосостояния страны, развития ремесел, городов, промышленности и военного могущества. Герой-предок, в образе которого — корневая историческая судьба народа, получившего золотой плуг прямо «с неба» как первый дар, определивший его жизнь и судьбу (рискнем на сопоставление, пока, как выше говорилось, несколько гипотетичное). Этот герой, по прозванию Микула Селянинович, стал самым ярким выразителем характера нации в целом, обобщенным выразителем русского народа.

Древнейший, праславянский, с явным влиянием скифо-сарматской мифологии пласт русского эпоса может быть выявлен также в былинах о Потыке и Дунае — о героях, не менее популярных в народе, чем Микула, Илья Муромец, Добрыня и Алеша.

Сюжет былины о Потыке сложен, многосоставен. Центральным эпизодом былины следует признать его состязание с Марьей Белой Лебедью, которая сперва становится его женой, положив заповедь, что ежели кто из них первый умрет, второй обязан лечь в гроб вместе с покойником. Марью хоронят в срубе, куда Потык спускается с оружием, запасом пищи, железными, медными и оловянными прутьями. В могиле он встречает «змею подземельную», бьет ее и побеждает, оживляя Марью, после чего выходит с нею из могилы (в дальнейшем Марья пытается победить Потыка колдовством).

Перед нами сюжет, явно связанный с мифологическими и ритуальными представлениями предков. Имя героя — Потык — скорее всего может быть прочтено как «Потька», т. е. птица, птичий (вспомним культ птиц у славян!) Двойная — змеино-птичья природа Марьи Лебеди Белой и форма срубного захоронения, напротив, уведут нас к иноязычным культурам народов алтайской группы (в частности к ирано-язычным скифам: славяне сжигали своих мертвецов).

Геродот, говоря о мифологии скифов, повествует, что они произошли от брака Геракла-Таргитая со змееной богиней, заманившей его в пещеру, где он и принужден был с нею жить, пока она не родила трех сыновей, ставших племенными предками скифов. Заметим, что змееногая богиня сама настояла на сожительстве с Гераклом-Таргитаем, который отнюдь не остался с нею и не взял детей с собой, т. е. в мифе отражены отношения материнского права. Затем, что также точно, и Марья Лебедь Белая сама настойчиво сватается за Потыка, предлагая себя в жены (изображения змееной богини в археологических материалах показывает ее всегда с крыльями — не отсюда ли «лебединая» сущность Марьи?).

Однако в скифской легенде о змееной богине речь идет о рождении, а не о смерти-поглощении, как в былине о Потыке. Вспомним, что смерть и рождение в мышлении древних — это амбивалентные, взаимообратимые

понятия. В былине речь идет о браке, инициатором которого является Марья Лебедь Белая. Она же предлагает и уговор: лечь живым с мертвым в землю. Поскольку захоронение производится на чужой, скифо-сарматской основе, нельзя ли увидеть во всем этом эпизоде намек на ту пещеру, в которой Геракл-Таргитай был принужден к сожительству со змееной богиней?.. Тем более что характер «смерти» Марьи в былине очень условен. Потык, узнав о гибели жены, опускается в могилу отнюдь не умирать, ибо берет с собой еду и оружие для боя (в том, что он предвидит необходимость борьбы, проявляется острый смысл Потыка, свойственный героям-первопредкам). Не забудем к тому же, что «умирает» Марья, будучи беременной, и всегда в отсутствии Потыка. (А в могиле являются змеёныши, сосущие грудь Марьи.) Перед нами нечто, вполне отличное от смерти-уничтожения. Марья умерла, но только в одном смысле: она умерла для Потыка, и, возможно, хочет, чтобы и Потык «умер» для себя, для своего народа. Сама же Марья возвращается в свой род. Возможно даже, что изначально она рожала детей, которые по закону материнского права должны были безусловно принадлежать ей, а не Потыку. Перед нами смерть-рождение с возвращением в род жены, т. е. ситуация, сходящая с той, в которой оказался Геракл-Таргитай, плененный змееной богиней. Брак Потыка с Марьей Лебедью Белой отражает столкновение славян со скифо-сарматским миром, где брачный союз, как и союз славян со «степью», таит в себе опасность гибели-поглощения героя. Но тут-то как раз и вступает в дело героическое эпическое начало, начинается спор с мифом, а торопливость Потыка лечь в землю с женой получает полное объяснение. «Смерть» Марьи — продолжение спора о семейном праве, спора, усиленного национальным соперничеством.

Потык, славянский герой-предок, попав в ситуацию скифского мифа, действует, так сказать, «прямо наоборот». Проявляя свойственный культурному герою ум, он побеждает чужое начало (в образе змеи), заставляет змею воскресить Марью, иначе говоря, возвращает себе Марью уже на основании мужского семейного права, как хозяин. Чем тут же закладывается основа конфликта второй части былины, в которой поработенная Марья попытается освободиться от своего повелителя-мужа.

Итак, смысл конфликта в том, что Потык одолевает в сложной и многообразной борьбе чужое скифо-сарматское начало, утверждая в форме новых патриархальных отношений героическое самосознание племени. В добывании Потыком жены и споре с нею отразилось общенародное (племенное) столкновение славян со степными ирано-язычными народами, некогда подчинявшими их своей власти или — включавшими праславян в свой культурный ареал, порыв возникающего народа к духовному высвобождению из-под гнета чужих обычаев, героический пересмотр неравноправного союза.

Можно предполагать, что сюжет Потыка в его дальнейшем развитии сложился далеко не сразу, ибо тут уже Потык не «культурный герой», а богатырь, пытающийся противопоставить волшебству Марьи свою силу богатырскую. Лишь здесь у него богатырский конь, оружие, палица — без коня он не может совершать своих подвигов. Тут он по-богатырски расправляется с тысячами врагов и т. д.

Еще позже произошла ориентировка былины на Литву и литовского короля, а Потык начинает выступать против недалёковидных «мужиков киевских», готовых откупиться от врагов за чужой счет. Однако существо конфликта «своего» и «чужого» не потеряло и тут своей остроты. «Чужое» стало литовским, золотоордынским началом — Потык отправляется за Марьей как в «Золотую Орду», так и в Литовское царство, но оно по-прежнему осознается не только как начало иноземное, но и как колдовское, потустороннее, сверхъестественное.

Сюжет «Потыка» синтезировал в себе накопленные представления о столкновении с силами «того света» и о возможных путях борьбы с ними. Именно по этой линии происходит привлечение в сюжет христианской символики и образности. (Марью хоронят при церкви, по приговору «попов соборных», веревка из могилы привязана к церковному колоколу и т. д.)

Поставим вопрос: а когда этот сюжет стал именно былинной? Когда в его художественной структуре утвердился принцип гиперболизации?

Приглядываясь к мифологическим персонажам и героям — предкам мифологических структур, мы видим, что в них, в их описании, еще нет представления о мерности, нет понятия о точных размерах героев. Так, Хун-Ахпу и Шбаланко, братья-предки из преданий народа майя, играют в мяч с «владыками Шибальбы» — богами подземельного царства, но, вынужденные ночью остерегаться убийства, прячутся внутри своих выдувных трубок, причем рассказчик отнюдь не оговаривает их предельного уменьшения в этот момент. Так же точно

сибирский Ворон-предок произвольно принимает совершенно разные размеры. Понятие точной меры — вернее сказать, сам принцип мерности как художественный принцип — открывается только в эпосе. Из него и рождается эпическая гипербола.

Можем ли мы обнаружить в древнейшей части «Потыка» названное представление о мерах вещей? Да, можем. Вся процедура захоронения предусматривает наличие такой меры. И размеры могилы, и потребность в запасах, и обстоятельства захоронения требуют как исходного условия, чтобы герой и героиня соответствовали каким-то точным человеческим измерениям. То есть Потык в самом зародыше сюжета выступает уже не как безмерное (великое-малое) мифическое существо, а как персонаж, наделенный реальной земной плотью и человеческими пропорциями. Пелась ли былина в те далекие времена? Ответить на этот вопрос утвердительно можно только по аналогии. Но аналогия в этом случае не знает исключения. Рождавшийся эпос скорее на поздней стадии, при переработках-пересказах принимал прозаическую форму, создавался же он, возникал всегда в готовой песенно-повествовательной форме.

Образ Потыка был существенно дорисован и изменен в «героическую эпоху». Однако певцы вынуждены были считаться с характером сюжета и с характером уже созданного героя. В его облике культ физической силы и духовной одноплановой бескомпромиссности развитого воинского эпоса не мог быть выражен в полной мере. На первое место выдвигаются богатыри-воины, Илья и Добрыня.

К достаточно глубокой старине, — во всяком случае ко времени славяно-сарматских контактов, — следует отнести и основной костяк былины о Дунае, чрезвычайно популярном богатыре, которого народные сказители обычно ставят на второе место после Ильи Муромца и выше Добрыни. (Подробность, мало замечавшаяся прежними исследователями.) Из былины этой следует сразу вычленить генетически позднюю тему добывания жены для князя Владимира уже в «киевский» период развития русского эпоса. То, что Настасья-поляница и Апракса — родные сестры, есть знак сшива двух сюжетов друг с другом по принципу противопоставления двух типов брачных отношений. Поздняя подробность — и заточение Дуная князем Владимиром. В родоплеменном обществе тюрем не существовало, и неугодный племени человек изгонялся или убивался. (Скорее тут можно предполагать след древнего сндения в каком-то замкнутом помещении для накопления силы.)

Изначальными элементами сюжета можно счесть встречу и тяжелый поединок с Настасьей (поединок с частичным поражением Дуная, которому Настасья стрелой выбивает глаз), последующий брак, ссору на пиру, убийство Дунаем беременной Настасьи и самоубийство Дуная, причем из крови погибших протекают реки — «Непра-река» (Данапр, Днепр) и «Дунай-река». При этом упорно подчеркивается, что река из крови Настасьи, по-разному называемая, — степная река. (Вспомним, что Данапр-Днепр — река, пограничная со степью; для славян она же — граница Скифии. Вспомним и то, что скифские божества рек были женского рода.) С другой стороны, Дунай — название священной реки славян, повсеместно, до Польши и Литвы, повторяемое в припевах песен. Допустимо предположить наличие в глубокой древности антропоморфных племенных божеств рек, допустимо предположить особую связь со священной рекой племенного культурного героя и т. д. — для конкретизации подобных предположений былина о Дунае не дает ничего, кроме имени героя и его обязательной связи с рекой Дунаем, протекающей из крови богатыря. Однако память о том, что Дунай дал начало и имя священной реке, упорно сохраняется во всех вариантах былины, и это едва ли случайно. То есть в праоснове сюжета перед нами опять культурный герой-первопредок, в данном сюжете своей смертью послуживший созданию обитаемого мира.

В самом же сюжете встречи-состояния Дуная с Настасьей допустимо видеть столкновение славян с сарматами, перекрестные браки с которыми отмечал еще Тацит. (Свести все русские былины с поляницами к бродячей легенде об амазонках не представляется возможным.)

Поляницы преудалые русского эпоса чрезвычайно оригинальны. Это — степные наездницы и вместе с тем, после сражения с героем, — жены богатырей. Допустить их корневое славянское происхождение едва ли возможно, этому противоречит факт упорной, постоянной борьбы с ними русских героев, хотя нарицательное имя этих наездниц — «поляницы» — славянское. По-видимому, надо признать женщин-поляниц сарматскими конными воительницами, а наличие славянского названия их означает, что представления о поляницах утвердились

в эпическом творчестве до появления в русском языке тюркского слова «богатырь», название женщин-воительниц не изменилось, ибо из живого бытия они уже исчезли.

Сюжет «Дуная», посвященный отношениям со степными воительницами, и должен был возникнуть в пору актуальности подобной темы в славянском мире, т. е. в первые века нашей эры. Именно ранним сложением сюжета объясняется некоторая чужеродность Дуная кругу богатырей князя Владимира.

Сама тематика сватовства эпического героя не является принадлежностью одной лишь древности. Менялись по эпохам лишь мотивация и характер отношений. Так, начинает отвергаться как колдунья «жена из того мира», все ярче определяется победа патриархата в мышлении эпических певцов, появляется тема государственного служения (добывание невесты князю). Сюжет «Дуная» в этом смысле составной, объединивший две эпохи — докиевскую и киевскую.

Сюжеты добывания жены, возникшие в героический период, имеют общую закономерность: так или иначе жена «из того мира» или из «чужих земель» (т. е. суженая по древнему родовому праву) начинает отвергаться. Эпические конфликты той поры объясняются спором отцовского и материнского права. Садко, который отказывается, в порядке эволюции сюжета, от брака с водяной девой, только потому и попадает домой, иначе ему бы пришлось остаться в подводном мире (в роду жены). Весь длинный ряд конфликтных отношений Пытыка и Марьи Лебеди Белой объясняется тем же самым. Напряженная идея утверждения отцовского права в семье окрашивает все сюжеты поисков жены, созданные в раннюю героическую пору. Былина об Иване Годиновиче, если совлечь с нее позднейшую обработку, в основе представит тот же конфликт борьбы за мужское отцовское право, и борьбой за то же мужское родовое право объясняется столкновение Добрыни (Ильи) со Златыгоркой. Той же борьбой — быть ли мужчиной в роду жены, т. е. (поэтически) в женском подчинении, или нет — объясняется и исходная основа быliny о Добрыне и Марине. Черты киевской гетеры Марина получила гораздо позже, а ее перетолкованный брак со змеем уводит нас к очень древним представлениям.

В конце концов в былинах с тематикой сватовства выработалось два устойчивых сюжетных варианта. По одному — жена принадлежит к «иному миру». Герой в поисках жены должен покинуть родину (род). Такая жена оказывается волшебницей и обманщицей и отвергается.

В другом варианте жена — дева-богатырь, герой должен победить ее в бою, после чего заключается брак, и герой приводит жену к себе (т. е. в свой род), чем утверждается патриархальное право. Такая жена принимается (Настасья Микулична, жена Добрыни).

В том и другом случае жена обычно «суженая», т. е. предназначенная по родовому праву.

В группе сюжетов, где жена выступает первоначально «полянницей преудалой» и победа над ней — условие брака, «Дунай» является не только, без сомнения, лучшим сюжетом, но и некоторым центром, фокусирующим в себе все наиболее острые проблемы подобного столкновения.

Дунай побеждает Настасью-полянницу в поединке настолько тяжелом, что исход его долго не ясен. По вариантам — герой даже получает увечье, теряет глаз, простреленный Настасьей. Полянница — искуснейший стрелок из лука, и Дунай справляется с ней только в ближнем бою.

Одолев Настасью, Дунай привозит ее к себе в качестве жены, но оказывается, что полянница еще не укрощена. На пиру она перечит Дунаю, «сбивая» его с хвостовства да еще утверждая, что сама превосходит Дуная в чем-то, а именно — в стрельбе из лука. Очень простой была бы коллизия, ежели бы Настасья лгала или заносилась. Но создатели быliny пошли по труднейшему (поэтически) и поэтому самому интересному пути: Настасья говорит правду. Дунай не хвастун, не трус, но богатырь истинный, быть может, более яростный, менее сдержанный, но для эпического героя богатырская ярость никогда ни в каких эпосах не была зазорным свойством. Не забудем к тому же, что в праснове сюжета перед нами вероятное столкновение культурных героев, что и он, и она — божества главных рек. Дунай в какой-то дополнительной смысловой нагрузке — мифологический предок своего народа. Он, Дунай, герой-река (река священная!), в нем (в связи с именем) сохраняются черты главного представителя своего народа, он и Настасья — это славяне и степь. Вопрос: кто — кого? — вопрос рождения и утверждения этноса и вопрос, каким будет этнос, чье национальное начало победит и утвердится в борьбе.

Что так ощущали, так представляли конфликт наши предки, древние создатели этой былины, доказывается, в частности, последующим развитием сюжета. Дунай берет себе старшую из сестер (добывая князю Владимиру младшую), поскольку генетически он — племенной первопредок и, значит, старший относительно князя. Именно Дунай оказывается достоин добыть невесту князю, ибо он выдержал от лица своего племени спор со степью, утвердил национальное начало в межэтнических брачных отношениях.

Итак, Дунай должен, обязан укротить до конца поляницу, как и подобает герою, богатырю и представителю своего племени. Он вызывает Настасью на ивовое, крайне невыгодное состязание — в стрельбе из лука. Состязание в меткости Дунай проигрывает. Создается противоречие самое нестерпимое.

Победив поляницу, сделав ее женою и тем самым утвердив мужскую власть в семье, Дунай теряет эту власть тотчас после брака, причем Настасья побеждает его и словом (переговаривает), и умением (меткостью). Конфликт поднимается на необычайную высоту.

В эпосах германских народов подобная коллизия развернута в ином плане. Женщина из чужого племени становится злым роком героя. Коварством и речами приводит его к гибели.

В былине, стремясь порвать незримую цепь, связывавшую героя, и любым путем утвердить непререкаемость мужского авторитета, Дунай убивает Настасью. Нет, он этим не доказывает некоей неполноценности. Напротив, Дунай здесь, как нигде, богатырь, идущий, не разбирая пути, до конца, до предела. И тут, видя, что Дунай намерен ее убить, — Настасья произносит знаменитый, шлифованный веками монолог-просьбу. Жена не просит пощады, не кается. Она даже не протестует против убийства (пусть только он убьет ее позднее!). Возможно, чувствуя неслиянность двух национальных прав в гармоническое одно, без ущемления одной из сторон, она просит дать ей отсрочку, чтобы успеть родить, она просит пощадить детей (или сына-богатыря). Просьба эта описана порою с потрясающей силой. Настасья готова на любые муки:

Ай же, Дунаюшка Иванович!
 Лучше ты мне-ка-ва пригрози три грозы.
 Первую грозу мне-ка пригрози:
 Возьми ты плеточку шелковую,
 Омочи плетку в горячу смолу
 И бей меня по нагú телу.
 И другую грозу мне-ка пригрози:
 Возьми меня за волосы за женския,
 Привяжи ко стремяны седельному,
 И гоняй коня по чисту полю;
 А третью грозу мне-ка пригрози:
 Веди меня по улицу крестовую,
 И копай [по перькам] во сыру землю,
 И бей меня клиньями дубовыма,
 И засыпь песками рудожелтыма,
 Голодом мори, овсом корми,
 А держи меня ровно три месяца,
 А дай мне-ка чéрево повýносити,
 Дай мне младенца поотрóдити,
 Свои хоть семена на свет спустить.
 У меня во чреве младенец [есть],
 Такого младенца во граде нет:
 По колен ножки-то в серебре,
 По локоть руки-то в золоте,
 По косицам частья звездочки,
 А в теми печё красно солнышко.

(Гильф. II, № 94)

Дунай не дает этой отсрочки.

Приведенная выдержка — явно средневекового характера. Возможно, в древнем варианте все было гораздо мягче: возможно, изначален вариант невольного убийства (не попал в цель). Такая, в силу несчастного стечения обстоятельств, смерть матери, оставляющей недоношенного героя, встречается в архаических эпосах. Добавим, что в ряду древних поэтических эпических формул стрельбы из лука есть эротический символ, и попадание в цель есть зачатие ребенка. Однако итог (убийство и смерть) от этого не меняется.

Веками углубляя изначальный конфликт сюжета, певцы достигли такой трагической высоты, такого совершенства драматического конфликта, которые поражают в былине.

Убив жену и тем самым подтвердив свою власть над ней, Дунай, однако, совершает страшный грех. Убей Дунай Настасью в бою — на то и бой богатырский (убивает же Добрыня Златыгорку). Но Дунай поднял на нее руку в тот момент, когда Настасья уже стала его женой, и не просто женой — в этом-то все и дело! — а матерью будущего героя. И Дунай, таким образом, поднял руку на патриархальное родовое право — то самое, защищать и утверждать которое он был призван всеми своими силами. Недаром Дунай непременно проверяет слова жены, взрезывает ей чрево и обнаруживает чудесного, но — увы! — недоношенного младенца. Трагический конфликт достигает своей высшей точки именно в этот момент. По суровым воззрениям предков, потомок богатырского рода стоил дороже, чем женщина-жена, жена же ценилась в первую очередь как мать. Вот тут Дунаю и предстоит навек покрыть себя позором, вот тут грозит ему развенчание. Но не вздохнув, не дрогнув, не задержавшись даже на мгновение, Дунай совершает единственный оставшийся ему подвиг, по-прежнему утверждающий в Дунае героя, — убивает себя. И величавым заключительным аккордом звучат последние слова былины, что из крови Дуная и Настасьи протекли две реки (обычно неслянные или сливающиеся в конце своего пути). Заключение это, как говорилось выше, не может быть поздним (учитывая имя героя — Дунай и значение реки Дуная в жизни славян). В нем обнаруживается след древних, еще мифологических воззрений. Смерть — начало новой жизни или новой формы существования, смерть существа, близкого мифологическим персонажам, — тем более. В мифологии вообще ведь нет абсолютного уничтожения. Части тела уничтоженного бога обычно идут на создание частей вселенной, и ничто не исчезает без всякого следа, тем более кровь, живительная влага, вода жизни. Идея эта трансформировалась в образ, когда смерть человека дает начало чему-то движущемуся, текущей воде (как здесь) или растению. Позднее тот же мифологический взгляд породил традицию полагать гибель героя или героини началом какого-то уже человеческого, протяженного во времени созидания — основания города, например. Как поэтический прием подобные заключения пережили и самый эпос, перейдя в последующие жанры, в балладу, в частности. Любопытно с этой точки зрения, что в некоторых вариантах «Дуная» образ реки заменен полностью или частично образом сплетающихся растений — знак позднейшей обработки сюжета.

Дунай, добывающий невесту Владимиру, знаменовал передачу традиций древнего славянского придунайского центра новому центру — киевскому. Так поэтически выражалась преемственность этнических традиций. Дунай, совершивший подвиг утверждения славянского начала в борьбе с сарматским, сохранивший в имени своем память о прародине, оказывался тем героем, который устраивал брак киевского князя, т. е. утверждал новую славянскую государственность.

Скажем тут, что в сватовстве Владимира в этой былине совсем не обязательно видеть реальное сватовство Владимира Святославича к полоцкой княжне Рогнеде, скорее наоборот — летописное сватовство изложено по былинным мотивам.

Если мы посмотрим известия о браках русских князей и княжон, сохраненные начальной летописью (сверх того, есть любопытное сообщение о дочерях князя русов у Ибн-Фадлана), невозможно отделаться от впечатления, что конфликтных ситуаций, родственных описанной в сюжете «Дуная» (таких, где невеста для князя добывается почти с бою), хватало и что в изложении их явно присутствует момент поэтического обобщения.

Образ Дуная весь построен уже с помощью эпических гипербола, свойственных героической эпохе. (Тут можно вновь напомнить типические детали описания и чару в полтора или полтретья ведра, и богатырское седлание коня, и преувеличенную тяжесть вооружения, и демонстрировать силы героя.) С помощью этих гипербола всякое обычное в средневековье действие получает значительность. Причем певцов отнюдь не заботит натуралистическое подобие. Настасья в бою — бесстрашный, презирующий смерть богатырь. Настасья перед смертью — мать, умоляющая пощадить сына.

Тут ярко сказалась условность гиперболы, о которой говорилось выше. Почему могучая, едва одоленная в трудном бою Настасья так рабски покорно ожидает казни и просит «пригрозить ей три грозы»? Да потому только, что в том и другом случае эпический певец гиперболизировал данное состояние. В первом случае — богатырский бой, во втором — просьбу беременной женщины, будущей матери, пощадить сына. Для того чтобы подобный способ типизации (через гиперболическое преувеличение жизненно-типичного) не казался фальшивым, требовались великое дыхание эпоса, способность взглянуть на частное глазами общего, умение обнять разом целую жизнь народа, и не меньше.

Когда способность подобного видения действительности исчезла, окончился и эпос, уступив место другим жанрам и типам искусства.

Сказанного о сюжетах, восходящих или возводимых исследователями к древнейшей докиевской эпохе, уже достаточно для того, чтобы представить общую картину развития докиевского эпоса. Со временем он также, по-видимому, начинал упорядочиваться, приобретает известную циклизацию, только объединяющим началом тут становился не Киев и идеализированный князь Владимир, а семейные связи героев (это проглядывает и в именах — скажем, Микула Селянинович — герой-предок, Настасья Микулична — жена Добрыни).

Следует, однако, остановиться еще на одном, возможно, древнейшем эпическом герое нашего эпоса — на Святогоре.

Поскольку сюжет зарегистрирован у нас и на Балканах, мнение о его позднем или книжном происхождении отпадает само собой. Центральный эпизод былины — это встреча героя-великана с Ильею Муромцем, это тяга земная, пробуя поднять которую надсаживается Святогор, и это гроб, который Святогор примеряет на себя, после чего уже не может встать: передав через щели гроба часть своей силы Илье Муромцу, герой умирает.

Титанические размеры Святогора и то, что он ездит по ограниченной территории (по «Святым горам»), ибо земля его не держит, говорят о том, что перед нами персонаж какого-то чрезвычайно древнего, угасшего и уже полузабытого эпоса. Святогор не совершает подвигов, вернее — мы уже не знаем о них, подвиги его в прошлом. Сходную картину являет нам Мгер младший из армянского эпоса, отдельные сцены из нартского эпоса и т. д. В каждом подобном случае герой представлен как осколок прошлого, безмерно великий, он уже одинок и не понят измельчавшими соплеменниками. Но какую же традицию какой культуры отразил в таком случае Святогор?

При поисках древней прародины славян обращается внимание на тот несомненный факт, что в подкове Карпатских гор исконная топонимика — славянская (названия гор, рек, перевалов, названия с корнем «торг» (тырг) и такие, как «Войслава», «Стража», «Бойца» — по юго-восточной границе). Данные археологии и лингвистики позволили предложить такую схему движения наших предков.²⁸ Праславяне, населявшие подкову Карпат, где соседствовали с кельтами, в V в. до н. э., при перемещении кельтов на Восток, были вытеснены с гор в предгорья и на Днепровскую равнину. Через тысячелетие — в V в. н. э. — началось новое, обратное, движение славян на свою прародину, на Дунай и через Дунай на земли Византийской империи. Как отмечалось выше, этот процесс был связан с рождением нового славянского народа — Руси Киевской. Традиции, культура, историческая память прапредков при подобных катаклизмах очень круто ломаются, идут в переплавку, хотя что-то и берется, и переходит по традиции от предшествующего этноса (так греки классические переняли у ахейцев гомеровский эпос).

Допустимо предположить, что образ Святогора — остаток эпических преданий праславян, по-видимому, обитавших в Карпатах, иначе — славяноязычного этноса, предшествующего этносу «киевскому» и другим славянским этносам первого тысячелетия нашей эры.

Святогор держится своей горной области, лишь выезжая оттуда на Русь, потому что он — герой прежний, старинный, уже сторонний для киевского богатырства. По специфическим пространственно-временным представлениям эпоса отдаленность расстояний здесь заменяет удаленность во времени. Взгляд этот традиционен для мифологического мышления едва ли не всех народов. Так, умершие предки обычно удаляются в некую другую страну, другой мир, куда можно хоть и с трудом, проникнуть, чтобы повидаться с ними.

²⁸ *Кобычев В. П. В поисках прародины славян. М., 1973.*

С другой стороны, в том, что Святогора не носит мать-сыра земля, отразилось представление об измелъчанин, упадке праславянской культуры.

Поскольку праславяне были связаны с сарматами, потомки которых на Кавказе — осетины, то через общую сарматскую основу некоторые черты, роднящие образ Святогора с героями нартских преданий, возможно, проникли на Кавказ, где и удержались в нартском эпосе.

Герой осетинского эпоса Муккара (князь скал) ложится на дно моря, которое покрывается льдом и становится для великана гробом. Муккара, умирая, дует на Созырко, солнечного героя нартского эпоса, но последний остается жив и забирает жену и меч Муккары. Иранское обозначение святой горы — *spanta-&- gahy* (*gairi*) также ближе всего к русскому «святогор».²⁹

Повторим тут свой прежний тезис. Эпические предания как предания, выражающие взлеты эпического самосознания, в отличие от сказочной тематики не образуют «бродячих сюжетов», а переходят только с самими народами. То есть передача эпических сказаний осуществляется, как правило, лишь в моменты создания новых этносов.

В начале первого тысячелетия н. э., создавшего восточных славян (и позднее Киевскую Русь), эпические предания праславян оказались сторонними, полузабытыми, но дорогими как память о тех предках, что когда-то жили на гористой прародине. Поэтому основной герой киевского эпоса Илья Муромец и получает силу Святогора, счастливо избегая того «смертного духа», который образно выражает закат, упадок этнической энергии карпатских праславян.

Древние народы очень хорошо умели видеть общее состояние «молодости», «зрелости» и «старости» этносов, отмечая это и в преданиях, и в литературах, сохранившихся от древнейших эпох, и потому сама мысль о «надломе», «закате» определенной культуры, опасности заразиться тленом этой культуры и, одновременно, представление о нестареющих культурных и духовных ценностях, которые могут быть переняты или, точнее, выделены из угасающей великой культуры, — мысль такая была отнюдь не чуждой людям древних цивилизаций. Тем более, когда речь шла о близкородственных народах, сменяющих друг друга.

Сев княжить в Киеве, Олег предсказывал, что «се буди мати градом русьским» (ПВЛ, т. I, под 882 г.). Помимо основного значения: «мать городов», столица, метрополия, — это выражение могло иметь особый смысл: «Киев породил многие города, основанные киевскими князьями и частично названные в честь этих князей — Владимир на Клязьме, названный в честь Владимира Святославича, и Владимир Волынский — в его же честь, Ярославль на Волге — в честь Ярослава Мудрого».³⁰

С другой стороны, укрывавший прочными стенами своих жителей, город ассоциировался в средневековье с образом матери, защищающей своих детей. Не случайно крепость, прибежище горожан во время нападения врага, называли «детинцем». В библейской эсхатологии городская стена — олицетворение матери народа, льющей слезы перед богом за гибнущих от голода горожан — своих младенцев.³¹

В удивительном по своей поэтичности зачине о турах, предваряющем былинны о Василии Игнатьевиче и Батыге (царе Кудреванке), символом судьбы Кнева, не выдержавшего натиска батыевых орд, становится городская стена. Мифические туры, обжав весь мир, рассказывают златорогой турице о виденном. Она объясняет им подлинный смысл происходящего. На турах этого былинного мотива возложена миссия всевидящего солнечного бога Гелиоса, обладателя чудесных быков, ежедневно объезжающего землю в золотой колеснице. Ядро данного мотива сложилось в недрах мифологии древних славян, ближайшей ритуальной параллелью к нему является сарматский культ матери-прародительницы, совмещенный с тавроболией, но в былинном зачине вещи качества туров проявлены

²⁹ Топоров В. Н. Русский «Святогор», свое и чужое. (К проблеме культурно-языковых контактов)//Славянское и балканское языкознание. (Проблемы языковых контактов). М., 1983. С. 114, 118.

³⁰ Лихачев Д. С. Земля родная. М., 1983. С. 242, 243.

³¹ Франк-Каменецкий И. Г. Женщина-город в библейской эсхатологии//С. Ф. Ольденбургу: К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932 гг.: Сб. статей. Л., 1934. С. 547.

в отношении средневекового Киева и вполне конкретного исторического события, древняя мифология причудливо сочетается с поэтическим образом женщины-города и христианским — Богородицы:

Случилось турам мимо Киев-град итти,
 Мимо тую стену городовую.
 А й-с-под той стены с-под городовын
 Ходит девица душа красная,
 В руках носит святу книгу Евангельё,
 А не только читает — вдвоем она плачёт:
 Не девица ходит душа красная,
 Плаче стена да городовая —
 Ёна сведала над Киевым невзгодушку.
 С-под восточною да с-под сторонушки
 А й наеде Батыга Батыгович
 Со своим со сыном со Батыгушкою...

(Гильф., I, № 18, с. 256)

Иногда певцы разворачивают перед слушателями зловещую картину обступившей Киев несметной рати: от лошадиного пару меркнет солнце, от дыхания татарского войска темнеет луна.

Исторически Киев действительно был разрушен: раздорами князей, вражескими нашествиями, но Киев — сердце эпического мира — остановиться не может, так как это означало бы гибель народа, забвение его истории. В какой-то мере реальная потеря Киевом прежнего значения даже способствовала формированию в эпической поэзии образа Киева-утопии, русской Валгаллы, собравшей в своих чертогах героев разных эпох, от доисторического времени до Московского царства.

Но ни золотых деревьев, ни уходящей в небо кровли, ни дев-валькирий, разносящих на пиру мед, лившийся из вымени козы Гейдрун, нет в палатах Владимира. Картина эпического мира в целом запечатлела географию, экономику, быт и нравы древнерусской государственности.

«География русских былин обнимает почти всю русскую землю в тех пределах, которые характеризуются эпохой деления ее на области и княжества»: в былинах упоминается Подолия, Галич, Вольонец-Галич, Киев с Днепром, Почай-рекою и Печерским монастырем, Чернигов и Путивль, Брянские леса, Куликово поле, Ока, Тверь, смоленские черные грязи, Псков, Ильмень, Новгород, Волхов, Ладожское и Белоозеро. Из иностранных земель былины называют Сарацынскую землю с Иерусалимом, горой Фавором и рекой Иорданом, Греческую — с Царьградом, Половецкую землю, Золотую Орду и Хвалынское море, Польскую, Политовскую и Ливонскую земли, Корелу, Швецию и Данию. Часть географических названий вошло в былинку из литературных произведений: Индия, Аравийская гора, Сион, Сафат и Ефрат-река.³²

В былине сохранились воспоминания о многих конкретных исторических событиях: о борьбе со степными кочевниками, о принадлежности Чернигова к русским городам (до XIV в.), о новгородской вольности и коллективном паломничестве в Иерусалим, — т. е. о княжеском, домосковском периоде русской истории. На этот период указывает ряд былинных имен, имеющих соответствия в памятниках древнерусской письменности X—XIV вв.: Садко, Ставр, Батый, Василий Буслаевич, Алеша (летописный — Александр) Попович.

Помимо славы земледельческому труду в русском эпосе можно найти и описание грандиозных ловов, сопоставимых разве что с ловами великой княгини Ольги. Былины ясно дают понять, что это занятие было артельным, за него платили жалование. Когда в былине «Молодость Чурилы» Чурила с дружиной выловил в киевских лесах пушного зверя, а в реках рыбу, артельщики бьют челом на него Владимиру: «Тебе, государю, приношу нет,

³² Марков А. В. Бытовые черты русских былин // Этнографическое обозрение. 1903. № 4. С. 7—9.

от вас, государь, жалованья нет». Огромные барыши получали скупщики пойманного: «Садко, отдавая рыбакам по 100 рублей за каждые три невода и продавая рыбу в гостином ряду, получил семь груд червонцев».³³

Объектами охоты были пушные звери: бурнастые лисицы, белые горностан и соболя; птица: лебеди, гуси, утки; морской зверь: морж, клыки которого («дорог рыбий зуб») использовались в декоративно-прикладном искусстве.

Былинные эпитеты намечают довольно точную картину ввозимых товаров: «шемахинский» шелк, иверьянский (от Иверии) булат, черкасские стремяна и седла, турецкая («зелен сафьян») кожа для сапог, венецкая камка, французское красное сукно «скорлат» и зеленый немецкий бархат «самит»,³⁴ немецкие «железа» — замки, упругая и узорная шелковая «хруштата» камка, ввозимая с Востока.

Ввозимые и экспортируемые товары облагались пошлиной. Сказители-северяне, потомки выходцев из Новгородской республики, сами занимавшиеся торговлей с северными странами, не только бережно сохраняли, но и усложняли мотивы взимания (освобождения от) пошлин. «Безбожница» корсунская царица, например, берет пошлину буквально за каждый шаг, сделанный русскими купцами. Последние жалуются на нее своему князю Глебу Володьевичу:

А мы ведь в гавань заходили — брала с нас ведь пошлины,
 А ведь как паруса ронили — брала пошлину,
 Шлюпки на воду спускали — брала пошлину,
 Уж мы в шлюпочки сядились — брала с нас ведь пошлину,
 А как к плоту приставали — плотово брала,
 А ведь как по мосту шли — дак мостово брала.³⁵

За уклонение от пошлины в XIII—XIV вв. платили штраф — «протаможье». («Соловей у князя в прато-можье попал» КД, № 1.) Не случайно, желая выказать гостю особое расположение, князь Владимир предлагает ему не только «города с пригородками», но и разрешает торговать «безданно, беспошлинно».

Из былин можно многое узнать о характере и составе древнерусских дружин. Как и в летописях, это название может быть закреплено не только за воинским союзом, но и за производственным объединением. В дружине воинов выделяется младшая и старшая дружина, упоминаются богатыри-слуги, отроки и паробки, дети боярские. Принцип организации войска, как он предстает перед нами по былинам, имеет двойственный характер: с одной стороны, богатырей объединяет побратимство, архаический признак родовой принадлежности, коллективная общинная трапеза и кормление как вознаграждение за службу, с другой — в былинах уже явно ощущаются отголоски военно-административной, десятичной системы структуры русского войска, деление его по численности.³⁶

То же самое мы можем сказать и о былинном пире: как бы ни было архаично застолье князя Владимира, собиравшее одновременных героев и типологически сопоставимое с пиром предков народных причитаний, — в нем найдем мы характерные черты дворцового пира-совета, на котором прислуживают чашники, стольники, придверники и приворотники, — такие должности реально существовали в Древней Руси. Пирьы созываются в княжеских палатах, гриднях с хрустальными или стеклянными окнами, с «кирпичатой середой» пола, очевидно, выложенного майоликовыми плитками или мозаикой из ценных камней с богатой росписью потолка и стен. Все это ничуть не противоречит историческим описаниям новгородских и киевских дворцов и данным археологии.³⁷

³³ Там же. С. 3, 4, 11—14.

³⁴ В былинах основное значение этих названий тканей иногда забывается, и «скорлат» может стать голубым или белым. См.: Липец. Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 200.

³⁵ Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901. № 8. С. 430, 431. Далее в тексте сокращенно: Марк., с указанием № былины и страницы.

³⁶ Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. С. 81—114.

³⁷ Там же.

В таких гриднях устраиваются состязания в шахматной игре, былинные описания которой позволяют частично реконструировать старинные способы популярной древнерусской игры.³⁸ Замечательно, что русский эпос как будто вовсе не коснулась волна гонений на игры скоморохов и их музыкальные инструменты. В былинах перед нами — золотой, домосковский век музыкально-поэтического искусства. Исполненный вежества Добрыня, жених княжеской племянницы Соловей Будимирович, богатый боярин Ставр — все они прекрасные гуслеры и певцы. В рассказах о детстве героев говорится, что грамоте отдавали учиться с 6—7 лет. Очевидно, обучали также и искусству игры на музыкальных инструментах, и сочинительству: Добрыне не составляет никакого труда рассказать о своих скитаниях в песне, под перебор гусельных струн («Добрыня и Алеша»).

Пестрый гомон городской жизни — постоянный фон эпических сюжетов, действие которых так или иначе обязательно связано с городом. Не случайно скандинавы называли Древнюю Русь Гардарикой, страной городов. Их защита была обязанностью воинов, дружинников князя. Былинных богатырей объединяет такое типичное явление древнерусской жизни, как «застава». В эпосе она располагается в чистом поле поблизости от Киева.

На горах, горах дак было на высокиих,
 Не на шоломя было окатистых,
 Там стоял-де ноне да тонкой бел шатер,
 Во шатри-то удаленьки добры молодцы:
 Во-первых-то, — стары казак Илья Муромец,
 Во-фторых, — Добрынюшка Микитиць млад,
 Во-третьих-то, — Олешенька Поповиць-от.
 Эх стояли на заставы они на крепкое,
 Стерегли-берегли они красен Киев-град,
 Стояли за верху христианскую,
 Стояли за церкви фсе за Божин,
 Как стояли за чесныя монастыри.³⁹

Это был сторожевой пункт, находившийся на возвышенности: след, оставленный копытами вражеского коня, столб пыли вдали — все это в «трубочку подзорную» замечают богатыри на заставе и наступают неприятеля. С XIV в. слово «застава» употребляется только в поэтических композициях, в актах его заменил термин «сторожа». Но служба былинных богатырей на заставе во многом напоминала сторожевую службу Московской Руси.⁴⁰

Давние, очевидно, докиевские, традиции таких сторожевых форпостов⁴¹ в былинах предстают перед нами в ореоле славы и величия. Вплоть до XX столетия сохранилась память о курганах — «богатырских заставах» в преданиях и верованиях.

Культовое восприятие древнего богатырства порой бывало помехой при раскопках: жители отказывались работать с «богатырским курганом», считая, что это принесет им вред, на таких насыпях даже не косили траву, боясь потревожить «богатырей». ⁴² В Приднепровье вблизи такого укрепления жители показывали сосну «святой

³⁸ Линдер Н. М. Шахматы на Руси. М., 1975. С. 136—140.

³⁹ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. СПб., 1910. Т. 3. № 4 (308). Далее в тексте сокращенно: Грнг., с указанием тома, порядкового номера былины, страницы.

⁴⁰ Шамбинаго С. К. Застава богатырская // Сб. статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 352—360.

⁴¹ Около села Вознесенки, ныне Запорожье, были найдены остатки такого укрепления на высокой точке левого берега Днепра. Здесь был установлен шатер, принадлежавший предводителю отряда: «...отряд потерпел поражение: его предводители при этом погибли. На месте шатра были захоронены их сожженные останки и закопаны в землю вещи». «По мнению исследователей, здесь было сожжено 33 убитых: трое из них — предводители (им принадлежали самые дорогие вещи)». Погребение было совершено в начале VIII в. н. э. См.: Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. С. 139—140.

⁴² Дневник курганных раскопок, произведенных по поручению начальника Могилевской губернии А. С. Дембовецкого в течение лета 1892 года. Б. м., Б. г. С. 29.

Илья», под которой якобы зарыт клад (ср.: мотив последней поездки Ильи за кладом). Местное население Орловской, Курской, Воронежской губерний связывало с богатырями курганов «свои родовые предания, указывало место их селищ, следы их деятельности, даже самые кости богатырские», в этих сказаниях часто встречаются типично былинные мотивы — косвенное доказательство того факта, что былины были распространены раньше по всей Руси.⁴³ По мнению ряда исследователей, в домосковской Руси существовали галицко-волинский,⁴⁴ ростовский и черниговский⁴⁵ эпические циклы. Отголоски этих эпосов сохранялись в записях XIX—XX вв. несмотря на то, что в целом сюжеты объединялись вокруг исторически наиболее значимых центров — Киева и Новгорода.

Рождение города в былинах связывается с появлением в нем богатыря. Муром, Рязань становятся городами тогда, когда есть кому их защитить. Рассказывая о подвиге Алеши Поповича, сказители укажут на его ростовское происхождение, Илья прославил Муром, Добрыня — Рязань:

Стал-то Добрынюшка на возрасте,
 Как ясный сокол на взлете.
 Изучил Добрынюшка бороться,
 Изучился он с крутой, с иоска спущать.
 Прошла про него слава великая
 По всем землям, по всем украинам;
 Дошла эта слава до славного города до Муромца, —
 До стара казака до Ильи Муромца.
 Собирался осударь наш Илья Муромец
 На ту на славу на великую;
 Поехал Илья ко славному городу ко Рязани.
 Едет осударь Илья Муромец
 Ко славному городу ко Рязани,
 Сам своим умом размышляет:
 «Доселе Рязань-город слободой слыла,
 Нониче Рязань слывет городом».⁴⁶

Как Киев стал в былинах эпическим обобщенным определенным периодом русской истории, а богатырская застава — поэтическим воплощением идеи защиты Родины, так тип Ильи Муромца в эпосе является символом русского богатырства, олицетворением лучших качеств русского воинства, и — шире — русского характера.

В образе Ильи Муромца, главного киевского богатыря, проглядывают древние черты искусного стрелка из лука, «стреловержца», быть может, даже древнего божества,⁴⁷ но выработался он в богатыря-воина из крестьянской среды — в защитника угнетенных и обездоленных, старшего богатыря-героя, на которого не действуют уже ни чары волховных женок, ни прочие соблазны и увлечения.

Размышляя над тем, какую выбрать дорогу: ту, где «женату быть», или ту, которая сулит богатство, или прямоезжую, где «убиту быть», Илья выбирает последнюю, потому что «богатства крестьянскому сыну не надобно, а с женою мне жить не удумано».⁴⁸

⁴³ Зачиняев А. Об эпических преданиях Орловской, Курской и Воронежской губерний // Известия Отделения русского языка и словесности имп. АН. 1906. Т. 11, кн. 1. С. 150, 151.

⁴⁴ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. I—XVI. М., 1897. Т. 1. С. 97—142.

⁴⁵ Халанский М. Е. Великокорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885. С. 10.

⁴⁶ Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. № 15. Далее в тексте сокращенно: ТМ., с указанием порядкового номера былины.

⁴⁷ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 164—170.

⁴⁸ Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 75.

Память об Илье как главе русского богатырства сохранилась не только в былинах, но и в преданиях, поверьях, богатырских сказках и сагах других народов. Именно таким сложился этот образ уже к XII в., когда «могучий Илья из Руси», близкий «королю Владимиру», становится героем или персонажем германских и норвежских саг.⁴⁹ Под обаянием этого исключительно целостного образа, сочетавшего в себе мощь духовную с силой богатырской, были почти все народы, соседствующие с русскими регионами бытования эпоса: сказки об Илье в XIX—XX вв. записывали от карел, коми, ненцев, эстонцев, латышей, эвенков и мордвы.⁵⁰

Народное предание ведет начало родников и колодцев от копыт богатырского коня Ильи Муромца,⁵¹ в селе Карачарово (есть такое!) до сих пор живут две семьи, числящие свой род от самого Ильи, а в киевских пещерах еще в XVI в. немецкий путешественник Эрих Лассота видел гробницу Ильи — «богатыря, о котором рассказывают много басен».⁵²

Эти предания иногда даже трансформировались в былинные мотивы. Вот как, например, эпос объясняет появление часовен и колодцев на дорогах, где проезжал Илья:

Он и скачет выше дерева стоячего,
Чуть пониже оболочка ходячего.
Первой скачок скочил на пятнадцать верст,
В другой скочил, колодезь стал;
У колодезя срубил сырой дуб,
У колодезя поставил часовенку,
На часовне подписал свое имичко:
«Ехал такой-то сильной, могучой богатырь,
Илья Муромец сын Иванович».⁵³

Всё это — знак огромной популярности героя в народной среде.

Илья Муромец — законченный в своем идеальном совершенстве богатырь-крестьянин, непобедимый герой, наделенный спокойной, без чванства, крестьянской силой, прямоотой, глубоким скрытым достоинством, поступиться которым он может лишь иногда, и то только для спасения родины от врага (в одной из былин Илья, посаженный в гробец князем Владимиром, так и говорит: мол, для собаки князя Владимира я не вышел бы из погреба, а только «ради матери Святорусь-земли» — ТМ, № 12).

Идея бессмертия Ильи Муромца связывалась в народе с утопической мечтой о приходе героя-освободителя: «На Терском берегу господствует стремление верить в лучшее будущее, — писал А. В. Марков. — Это стремление сохранило для нас до сих пор мистическую мечту о новом Илье Муромце. Илья вместе с другими богатырями окаменел. Но когда-нибудь он воскреснет, выйдет из земли и „возвонится“».⁵⁴

Утопия эта в былинах рядится в христианские одежды: в мотиве сидения Ильи в погребе отчетливо ощущается древнерусская традиция, влияние рассказов о древнерусских проповедниках, легендарных мудрецах. Например, повести об Акире Премудром, спасшемся в яме под порогом своего дома, где его тайно кормили,⁵⁵ рассказах об одном из первых русских проповедников, митрополите Илларионе, выкопавшем пещеру в Днепровском холме,

⁴⁹ Лобода А. М. Русский богатырский эпос. Киев, 1896. С. 19—21.

⁵⁰ Астахова А. М. Народные русские сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л., 1962. С. 72—112.

⁵¹ Зеленин Д. К. Великокорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914. № 16. С. 158; Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887. С. 127.

⁵² Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом к Запорожцам в 1594 г./Пер. и примеч. Ф. Бруна. СПб., 1873. С. 19.

⁵³ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860. Вып. 1. С. 34. Далее в тексте сокращенно: Кир., с указанием выпуска, страницы.

⁵⁴ Марков А. В. Поэзия Великого Новгорода и ее остатки в Северной России. Харьков, 1909. С. 30.

⁵⁵ Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVII вв. М.; Л., 1945. С. 39.

куда он ходил тайно молиться.⁵⁶ В былинах перед битвой с царем Калиным Илью находят сидящим в погребе, куда он был заточен 30 лет назад:

И сидит старой казак Илья Муромец
За столом за дубовым,
А на столе горит свеча сальная,
И читает он книгу Евангелие.

(ТМ, с. 41)

С другой стороны, само появление мотива сидения в погребе перед битвой или решением сложных задач в фольклоре связано с древнейшими представлениями о необходимости изоляции воинов (как и некоторых других категорий людей племени) перед сражением.⁵⁷

Появление Ильи-спасителя почти всегда — появление «героя из народа». Он может прийти в Киев, где разбойничает Идолище поганое, неузнанным, в платье калики перехожего или как-то иначе, но точно так, как являются по зову беды глубинные народные силы, встающие на защиту родной земли. Он в постоянном отдалении от бояр толстобрюхих, видящих в нем мужика-деревенщину, и он же постоянный защитник богатырского содружества: Илья, например, спасает Потыка, выручает молодого Ермака Тимофеевича.

Гнев Ильи, возмущенного нарушением законов справедливости, — беспределен: он сбивает маковки церквей и кресты и продает их в питейные дома, созывая на пир голей — «мещан стрелецких», мужиков деревенских, лапотников и балахонников.⁵⁸ Илья обещает их сделать «предводителями» в Киеве (Рыбн., II, с. 336). Возникает коллизия глубочайшего социального накала — противопоставляются два пира: официальный, в роскошных княжеских палатах, и бедняцкий, площадной.

Нельзя забывать о колоссальной аккумулирующей способности эпоса. Каждый образ в нем полон смысла, прочитывается в контексте многих веков. Пир Ильи с голями — вовсе не развлечение. Метафора «пир — битва» реализуется в былинах на разных уровнях. Созвать свой пир вне официального означает фактически подготовку выступления против сложившихся общественных устоев. Так, Васька Буслаев созывает свой пир для социальных изгоев (а также калек и увечных), вербуя их в свою дружину, чтобы потом бросить вызов почтенной новгородской аристократии. И Буслаев, и Илья созывают не просто голей, бедноту и увечных — они собирают обиженных, недовольных сложившимися социальными порядками. Возглавить такой пир, стать его виночерпием — стать во главе городского восстания. Не случайно в одном из вариантов былины так напуганы бояре: земля дрогнула у них под ногами, они не просто доносят на Илью, они боятся за свое положение:

Какой-то богатырь у нас во Киеви
Как на больших-то сидит за старшого?
Он ведь и ходит-то по городу, уродует
Как со той ли всё со голю-ту со кабацькою,
Со кабацькою-ту ходит он, со посадьскою,
Он ведь и пьет и пьет и с има-то зелено вино,
Во хмелюшечки-то с има разговариват:
«Я возьму себе в дружиночку голь кабацькую,
Голь кабацькую возьму же я, посадьскую,
Отберем у князя Владимира славной Киев-град,

⁵⁶ Там же. С. 57.

⁵⁷ Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980. С. 239, 240.

⁵⁸ Былины Пудожского края/Подгот. текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941. С. 84. Далее в тексте сокращенно: Пар.-Сойм., с указанием номера былины, страницы.

Всех богатырей из Киева повыведем,
Вот повыведем ведь их, велим ведь выехать.⁵⁹

Что до Ильи — то он всегда уверен в себе, тверд и спокоен, потому что за ним — любовь и сила народная.

Вот он впервые пришел на пир Владимира, и сразу — смятение: не с пустыми руками пришел богатырь, в руках у него Соловей-разбойник, оглушительным свистом до смерти перепугавший князей и бояр, попрятавшихся под столы и скамьи. Уже в этом первом появлении Ильи в Киеве мы видим умную насмешку народа над строгой регламентацией княжеского пира. Илья не признает субординации, он выбирает себе место прямо против князя, как бы уравнивая себя с ним в правах и подвигая всех сидящих к концу стола. Это — против средневековой иерархии, это откровенный вызов. Алеша Попович — тоже богатырь, но прежде всего дружинник, главным образом — придворный, пытается противостоять пришельцу, но безуспешно:

За досаду Олеше Поповичу показался:
Взял Олеша булатной нож,
Он и кинул ёго в Илью Муромца:
Пымал на полету Илья булатной нож,
Взоткнул ёго в дубовой стол.

(Кир., I, с. 34)

Что это? Картина средневековых нравов или глубокая поэтическая гипербола? И то, и другое. Но благодаря последнему былина донесла до нас первое: негасимый, пока жив народ, свет поэтического предания выхватывает наиболее яркие приметы времени — те, в которых как в зеркале отражается не только сиюминутное, но и вечное, понятное людям разных эпох.

Вот Илья встречает своего сына, рожденного на чужбине, выдерживает тяжелейший бой с ним, едва не окончившийся гибелью Ильи. Победив «нахвальщика», он узнает его и отпускает. Когда же тот, узнавши в нем родного отца, пытается убить спящего Илью, Илья с неожиданной легкостью и без всяких нравственных колебаний убивает Сокольника. Казалось бы, перед нами упрощение международного сюжета о бое отца с сыном (ср.: «Рустем и Зораб»). Но дело в ином: Илья потому так бестрепетен, что утверждавшееся некогда патриархальное право для него уже норма; сын, поднявший руку на отца, должен быть убит без всякой жалости, ибо такового, по русским крестьянским воззрениям, быть не должно вообще.

Подняв руку на Илью после того, как он уже узнал, что перед ним родной отец, Сокольник теряет право и на жизнь и на сочувствие певцов.

Илья Муромец стар и мудр изначально. Былина выделяет его из круга других богатырей тем, что у него нет молодости, он — сидень до 33 лет, до поры зрелости. Возвышает Илью над остальными богатырями и чудесное получение им силы — через волшебный напиток странников или через пену умирающего исполина Святогора.

Ее то — Добрыня, Алеша, или герой новгородских былин Василий Буслаев. Необыкновенной силой их одаривает природа, навыки борьбы они приобретают в мальчишеских сшибках, а житейский опыт накапливают с годами.

По традиции, рядом с Ильей на заставе богатырской обычно помещают Добрыню Никитича. Добрыня от рождения присущ гибкий «дипломатический» ум. Он не вступит в бой, пока к этому нет крайней необходимости. Сначала он постарается добиться преимуществ своей сметкой, «вежью», знанием. Уже в двенадцать лет он не просто силой отбирает у боярских и княжеских детей богатое платье, а выигрывает его в городки или «карты-шахматы». И лишь когда боярским детям это не понравилось, типичной богатырской ухваткой «ноги-ти

⁵⁹ Былины М. С. Крюковой/Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец; Под ред. акад. Ю. М. Соколова. М., 1939. Т. 1. № 6.

и у их веть он повывастил», «руки-ти у их из пледь повывастил». Боярские дети жалуются на Добрыню Владимиру, и князь отправляет гонца за малолетним силачом и его матерью:

А тут-де Омельфа да испугаласе,
 А тут Тимофеевна перепаласе.
 А пошла где она во теплу спаленку,
 А будить где-ка Добрыню от крепка сна.

С беспечностью молодости после одержанной победы Добрыня спит уже вторые сутки. Поездка в княжеский дворец ничуть не пугает его. Он внимателен к своей внешности и спокоен, как может быть спокоен подросток, не разделяющий тревог матери:

А умывался тут Добрыня ключевой водой;
 А он шьгтым полотенцем да утираицьсе,
 А во козловы-ти сапошки да обуваицьсе,
 Ай ишше кунью-ту шубу одеваицьсе,
 А ишше сам он говорит да таковы слова:
 «А поедем мы с тобой, гонець, доброй молодець,
 А ише мать моя, старуха, нонь пешком прыдёт».

Князь Владимир, сгорая от любопытства, «скрывал-де околёнкн иемножечко», чтобы посмотреть на возмутителя спокойствия, и увидел, что

...не провелик детинушка, оцень крепко толст,
 А ише оци-то у Добрыни да как у сокола,
 А ише брови-то у Добрыни да как у соболя,
 А ресници у Добрыни да два цисти бобра,
 А ягодици бутто ёго макоф цвет,
 А лицо бело у Добрыни да ровио белой снec.

Юноша-Добрыня еще очень похож на упитанную красную девицу: сказитель, не задумываясь, использует классическую формулу-описание теремной красавицы в приложении к Добрыне.⁶⁰

Свои первые подвиги богатыри обычно совершают в 12 лет, что не противоречило древнерусским традициям обучения воинскому делу с самого раннего возраста — в дружинах были такие категории воинов, как «отроки» и «детские». К двенадцати годам собрал дружину Вольга (Рыбн., I, № 1, с. 1), двенадцатилетний Ермак бьется с царем Калиным (Рыбн., I, № 20, с. 110), Сокольник вступает в единоборство с отцом, Ильей Муромцем (Марк., № 4, с. 56), в этом возрасте и Добрыня покидает родной дом ради богатырских подвигов.

Прославила Добрыню прежде всего его победа над змеем на Почай-реке, былина об этом бое — одна из самых популярных в русском эпосе, для исследователей же это один из самых загадочных сюжетов. Представители исторической школы исследования эпоса (В. Ф. Миллер, А. В. Марков) видели в этой былине символическое крещение историческим Добрынею новгородцев, современные эпосоведы сопоставляют опасное купание Добрыни и победу над змеем с обрядом инициации у древних народов (Б. Мериджи, Ю. И. Юдин, И. Я. Фроянов). Колпак земли греческой, коим он отшибает головы змею, толкуется то как монашеский куколь — символ христианства, то как остроконечная шапка посвящаемых юношей.

Ясно одно: сюжеты змееборчества уходят корнями в глубочайшую древность и прочесть их можно, лишь разобравшись в мифологии наших предков. «Змеи» русских былин — это враги (зачастую степные), похитители женщин; они крылаты, огненны и вместе с тем связаны с водной (речной) стихией. «Степная» природа змеев объясняется довольно убедительно через сопоставление с преданиями скифо-сарматского мира. У каждой сотни сарматских воинов, по объяснению Лукиана Самосатского (II в. н. э.), был значок — летящая змея, укрепленная

⁶⁰ Рассказ о молодости Добрыни и о приезде его в Киев — по варианту И. И. Рассолова (Григ., 3, № 55, с. 301—307).

на копье. Значки сарматских дружин — свидетельство имевшихся мифологических представлений о крылатом змее, очевидно, покровителе степных кочевников. Не случайно былина о бое Добрыни со змеем легко трансформируется в былинку о бое с татарской степью — в позднее осмысление древнего сюжета: Добрыня едет «ко матушки ко Пучи-реке», поскольку «Обвалит там сила татарская, Татарская сила все уланская» (Гильф., III, № 313).

Культ змея распространен очень широко, едва ли не повсеместно. Это и «пернатый змей» индейцев Центральной Америки, это и драконы Китая, божества рек (как соблазнительно было бы мифологему о борьбе дракона — темное и влажное начало, — с фениксом — светлое, — за солнце, которое феникс отбивает у дракона, сделать, так сказать, всеобщей, истолковав в сходном плане и наши былины!). Змей опоясывает мир в преданиях кельтов, этот же морской змей присутствует в индийской мифологии. В мифологии индийских арьев арусы, старшие братья богов, змееподобны. Младшие братья богов — наги, также гигантские змеи, поселившиеся в подземном мире. Они мудры, хранят сокровища, города из драгоценных металлов, имеют своего царя. Живут они также в подземных водах, реках и на дне океана. На поверхности земли змеи стерегут сокровища и клады. Царственные змеи, многоглавы. Они владеют несметными богатствами, могущественны и мудры, снискали дружбу и милость богов. Многоглавый змей Шеша охранял индийского бога Вишну (Вишна обычно изображается возлежащим на этом змее).

У западной, поморской ветви славян ярко выражена многоглавость богов — но уже без змеиной природы: Святovit, Свентовит — главный бог поморских славян — четырехголов; Триглав, злой бог, также соответствует своему имени, Руевит имеет семь лиц, Поренут — пять, Поревит — также пятиглавый бог. У славян восточных многоглавых богов не наблюдается вовсе. Возможно, славяне западные и восточные разменялись богами, причем многоглавые боги (змеи?) у западных славян приобрели человеческий облик, сохранив многоглавость, а у славян восточных стали враждебной богам злой силой, сохранив и усилив свою змеиную природу.

Не случайно в устной поэзии, былинах и духовных стихах, в древнерусской литературе и иконописи борьба христианства с язычеством изображается под знаком борьбы с разного рода змеями. Если в докиевском эпосе борьба со змеем была борьбой с культовой и этнически чуждой традицией, то в период установления древнерусской государственности и принятия христианства сюжеты о Добрыне и змее активно поглощают новое содержание, святой Георгий, борющийся со змеем, символом язычества, повторяет подвиг Добрыни. По новгородской легенде змей — одна из ипостасей Перуна: его жилище было там, где выстроен перунов скит. В то же время змей новгородской легенды явно «напоминает того Змея-Горыныча, который унес Запаву Путятичну или Марью Дивовну и с которым бьется былевой Добрыня», — змея (согласно преданию и былине), погибшего во время святого Владимира.⁶¹

В мотивах купания Добрыни в Пучай-реке большинство исследователей видело отголоски крещения — уже киевского — в реке Почайне. Но под прозрачным покровом христианского элемента «мы всегда склонны подозревать притаившуюся языческую основу»,⁶² — река Почайна была выбрана для крещения, поскольку с ней уже были связаны какие-то культовые, мифологические представления, ее воды должны были быть в сознании киевлян наделены особой магической силой, необходимой для сакрального акта крещения. Здесь та же закономерность, что и при возведении церквей и часовен на месте прежних языческих капищ.⁶³

В печорском варианте это уже не река, а «синё море»,⁶⁴ в онежском она напоминает реку Иордан, в которой также нельзя купаться нагим телом: «у нас купаются во Пучай-реки во рубашечки» (Рыбн., I, № 23, с. 121).

⁶¹ Миллер В. Ф. Очерки народной словесности. Былины. 1897. Т. 1. С. 146, 147.

⁶² Веселовский А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Собрание сочинений. М.; Л., 1938. Т. 16. С. 7.

⁶³ В связи с рекой Почайной хочется привести Владимирское предание о местном разбойнике, жившем у «Бездонной ямы», связанной через «пущину морскую» с мировым океаном. Пограбят разбойники на море, «подплывут энто они к пущине, Зеленая борода выйдет на верх, да и скажет: «Ну-ко, красны лодоцки, нырните-ко вы в пущину морскую, да выинсите нас к нашему жнялю, што в Рамени, у Бездонной Ямы». Баба как-то упала в эту яму, так «эфту бабу нашли на берегу Киян-моря, — знацит, её выинсло из пущины, да и выбросило на берег» (Архив Гос. музея этнографии народов СССР, ф. 7, оп. 1, № 30, л. 20, 21).

⁶⁴ Печорские былины. Записал Н. Е. Оичуков. СПб., 1904. № 59. С. 249. Далее в тексте сокращенно: Онч., с указанием номера былины.

Мать Добрыни знает о тайне Пучай-реки и наказывает сыну не купаться в ней. Закон жанра требует нарушения запрета, тем более что мать наказывает не только не купаться, но и не выручать русских полонцов, не топтать змеенышей, т. е. она, как и любая мать, требует от своего сына осторожности. Но на то и богатырь, чтобы пройти все испытания. Купание в реке становится первой ступенькой к освобождению русских полонцов и княжеской племянницы из змеиных пещер. С виду «Пучай река есть кротка-смирна: она будто лужа дожжевая», но стоило Добрыне заплывать за третью волну —

Ветра нет, тучу нанесло,
Тучи нет, а только дождь дождит,
Дождя-то нет, искры сыпятся —
Летит змеище-Горынице,
О двенадцати змея о хоботах,
Хочет змия его с конем сожечь.

(Рыбн.. I, № 24, с. 123)

Добрыня выдерживает два боя со змеем: после первого они кладут заповедь не летать змею на русскую землю, в результате второго герой убивает змея и вызволяет Забаву. Исследователи связывали бинарность композиции былины с эволюцией сюжета, относя каждую часть к разным (докиевскому и киевскому, государственному) периодам.⁶⁵

Из имеющихся записей былины трудно поддающийся объяснению факт заключения договора Добрыни со змеем трактуется сказителями так, как если бы они относили счастливое избавление Горыныча от смерти на счет излишней склонности Добрыни к дипломатии и ко всякого рода заповедям и «ерлыкам». Добрыня верит обещанию змея, они подписывают договор, и щеголь-богатырь «скорешенько бежал да ко добру коню/Надевал свою одежду снарядную/А-й рубашечки-манишечки шелковеньки». Но прежде чем отправиться в Киев, дальновидный Добрыня все же решил проверить, соблюдает ли змей заповедь, посмотреть, которым змея «местечком полетит по чисту полю». И тут оказалось, что змей летит к Киеву и уносит любимую племянницу Владимира. Добрыня понимает свою оплошность и, приехав домой, «ничим Добрынюшка не хвастает»: похвастать просто опасно — он косвенно виноват в пропаже племянницы князя (Гильф., II, № 79, с. 50—55). Все-таки Алеша каким-то образом узнает про заповедь и советует Владимиру послать Добрыню за племянницей Забавой (Рыбн., III, № 45, с. 63).

В записях XIX—XX вв. поступки героев древней былины получают психологическую мотивировку, отдельные черточки, разбросанные по разным текстам, в совокупности приводят к созданию определенного характера богатыря. Устами Ильи сказители так характеризуют Добрыню:

Не уцёна его вежь (вежество — Ред.) да спорожоная:
Он умеет на цистом поли сотти-съехацьсе,
Да умеет где Добрыня да поздоровацьсе,
Да умеёт Добрынюшка как цесть оддать.

(Григ., III, № 113, с. 611)

Помимо врожденного вежества Добрыня получил отличное образование: «Он остро ицэ читат, не запинаятце, Научилса он писать пером орлинским», он знаток придворного этикета, поскольку 12 лет прожил при дворе князя (в конюхах, приворотниках, стольниках, писарях).

Если благословение на первый подвиг он просит у матери, то второй свой подвиг он совершает с благословения Владимира: он едет в Маринкины переулочки поглядеть на Маринкин терем. За такой, казалось бы безобидной,

⁶⁵ Робинсон А. Н. Эпос Киевской Руси в соотношениях с эпосом Востока и Запада. (Народная оригинальность и историческая типология)//Известия АН СССР. Отделение лит. и яз. 1967. Т. 26, вып. 3. С. 225, 226.

поездкой никак не угадать будущего подвига. Но «высок терем Маринки» — то же самое, что «лужа дождевая» — Пучай-река: оба безобидны лишь с виду, за каждым из них — измена и опасность Киеву. Уже сам выезд Добрыни на поиск дома «еретницы» — героический, смелый поступок. Встретившись с Ильей, Добрыня узнает от него, что Маришкина двора ему «по век не сыскать», хотя он и стоит «середь Киева», «середь площади». Это — двор колдуньи:

Круг Маришкина двора все шелковая трава,
Шелковая трава и железный тын,
На каждой тынинке по головушке есть,
По головушке есть — богатырской,
На одной лишь на тычинке нет головушки.

(ТМ, № 23, с. 80)

Таким образом Илья предупреждает, что последняя тычинка приготовлена для него, Добрыни.

Для устной поэзии типичны представления о доме как знаке, материализованной сущности его обитателей. Такие представления были порождены действительностью: обычно «на основании внешнего вида дома мы можем определить национальность его владельца, его экономическое и социальное положение и т. д.», дом не только вещь, но и знак.⁶⁶

Терем Маринки характеризует ее не только как вредительницу, а и указывает на ее любовную связь с миром чудовищ и змей. На окне терема всегда сидят два голубя —

Не два голубя сидят целуются —
Да целуются они милуются,
Да Маринка с полюбовником.

(ТМ, № 24, с. 81)

Направив стрелу в голубей, герой убивает змея. Оружие Маринки — волшба, чародейство — она не вступит в открытую борьбу с Добрыней: лаской зазовет к себе в дом, истолкует в духе фольклорной традиции стрелу как эротический символ, ухаживание:

Ты пошто, Добрыня, сам не сватаешься,
Посылаешь ко мне сватом калену стрелу?

(ТМ, № 24, с. 47)

И вот Добрыня уже входит в ее дом — в дальнейшем повествовании это уже обычный дом, с лавками вдоль стен и печью, топящейся дубовыми дровами, и даже колдовство Маринки — как бы картинка, списанная с природы: былина донесла до нас классический способ присушки, наговор на следы того, кого хотели присушить. Горят в печи Добрынины следочки, разгорается сердце молодца по Маринке, и не может он ни есть, ни пить, нет ему другой дороги, кроме как в терем колдуньи.

Былинный сюжет, с его установкой на достоверность, требует изображения обстановки, которую можно было бы зрительно представить. Двусмысленность иносказания, символика образов, фантастика в обрисовке того, что не есть человеческий мир, соседствует в былинах с вполне реалистическими картинами быта. Эпос отличает удивительно точно найденное равновесие между фантастикой и реализмом, равновесие, позволяющее воспринимать самые необыкновенные ситуации, самые гиперболизированные образы как достоверные. Былина о Добрыне и Маринке — лучшее тому подтверждение. Двор колдуньи с железным тыном и насаженными

⁶⁶ Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 363.

на него человеческими головами, ее любовник — Змей, ее стадо из девяти чудесных быков-туров — все это уходит корнями в мифологию, язычество.⁶⁷

С другой стороны, живописные детали богатого дома отвечают всей правде реального древнерусского быта:

Проломил он оконницу стекольчатую,
Отшиб все причелины серебряныя,
Росшиб он зеркало стекольчатое,
Белодубовы столы пошатилися,
Что питья медяные всплеснулся.

(КД. № 9)

Ощутим в этой былине и поздний — московский пласт: Маринка эпическая приобрела сходство с Мариной Мнишек, прежде всего в мотиве превращения героини в сороку. Загадочное отсутствие в Москве сорок объяснялось тем, что Марина Мнишек, будучи ведьмой, перекинулась в сороку, когда ей пришлось худо, и вылетела из окна терема своего; за это сорока была проклята в то время и не смеет явиться в Москву.⁶⁸ Вероятно, и Игнатьевские переулки, в которых стоит терем Маришкин, объясняются той же эпохой: Ажедмитрий сделал патриархом грека Игнатия, сведенного с патриаршего поста сразу после убийства самозванца.⁶⁹

Замечательно, что именно к «вежливому», блестяще образованному Добрыне прикрепился один из популярнейших международных сюжетов — «Муж возвращается на свадьбу своей жены».⁷⁰ По своему происхождению этот сюжет — один из древнейших не только в литературной, но и в фольклорной традиции, он хорошо прочитывается в контексте мифологических представлений. Так, в вятской сказке мужа заглатывает и выплевывает в день свадьбы на берег рыба;⁷¹ в былине отсутствие Добрыни иногда объясняется тем, что он бьется с Ягой-бабой (Гильф., III, № 228, с. 205). Если начало и конец былины — отъезд Добрыни и его возвращение — почти всегда совпадают по вариантам, то рассказ о его путешествиях вне дома, как правило, варьируется: Добрыня может просто сидеть у дуба (Рыбн., III, № 16, с. 72) или биться с богатырем на заставе так, как бьется Илья с Сокольников (Рыбн., III, № 17, с. 79—81). Сказители достаточно произвольно заполняют эту лауну — повествование об отсутствующем Добрыне, поскольку все внимание сосредоточено на мотиве возвращения супруга. Новеллистический характер сюжета из «семейной» жизни богатыря обусловил притяжение в былинку множества бытовых деталей и подробностей семейно-бытовой обрядности. В былинку вливаются крупные фрагменты причитаний: мать, ожидающая Добрыню у окна,

Во слезах-то сидит, сама выговаривает:
— Да не стало у мя дитятка родимого,
А не стало невески да богосухоной,
Ише некому миня поить-кормить...

По «Добрыне и Алеше» можно познакомиться с «чином» русской свадьбы. Алеша, нарушив главную «заповедь», взяв за себя жену крестового брата (который «паче родного»), обманув мать Добрыни и князя рассказами о том, что Добрыня мертв, — в остальном старается соблюсти все необходимые ритуальные условности:

⁶⁷ К стаду из девяти быков (Добрыня становится десятым) направляется параллель — братчинный пир, реконструируемый на основе раскопок в Новгороде (X в.): яма с остатками жертвоприношения: девять ковшей общинного пира и две бычьих головы (Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1957. Вып. 68. С. 28—30). В то же время вспомним о трипольском пантеоне, в котором почиталась супружеская пара — великая богиня-мать, божество плодородия, и небесное божество в виде быка. Этот культ воплотился во множестве статуэток и ритуальных предметов, сосудов.

⁶⁸ Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.; М., 1880. С. 126.

⁶⁹ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былны. М., 1910. Т. 2. С. 291.

⁷⁰ Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. С. 64. № 891.

⁷¹ Древнейший смысл сказания: «герой уходит в обитель смерти, и пребывание в загробном мире меняет его наружность». См.: Толстой И. И. Возвращение мужа в Одиссее и в русской сказке // С. Ф. Ольденбургу: К 50-летию научно-общественной деятельности. С. 517.

устраивает рукобитье, богомолье и свадьбу (но — в три дня, т. е. до неприличия скоро), ставит у ворот «приворотников», у дверей «придверников», чтобы не пускали посторонних, просит князя Владимира быть тысяцким, Илью — дружкой, а всех богатырей — «подносчиками». Кажется, ничто не может помешать заключению сомнительного союза. Но вот в разгар свадебного пира входит скоморох (или калика), скромно садится на свободное место на печи и начинает играть, и тут —

А-да Владимир-от князь да прироздумалсэ,
 А да стары-де казак да запечалилсэ,
 А да Олёшенка Попович загорюнилсэ,
 А да Опраксея королевисьня здогадаласэ.

(Григ., III. № 38)

Узнавание супруга происходит по игре в гусли (так хорошо умел играть один Добрыня), либо (в согласии с международной традицией) по перстню, брошенному в бокал. Для истории древнерусской культуры эта былина сохранила бесценное свидетельство об искусстве скоморохов, об их обычае приходиться на свадьбы и играть там «царьградские» напевы с местным, киевским, содержанием (Рыбн., I, № 25, с. 136, примеч. 2). Вполне возможно, что этот бродячий сюжет, с исключительной легкостью контаминировавшийся с другими сюжетами былин о Добрыне и вобравший в себя массу разножанрового материала (от причитаний до вошедшего в поговорку: «Здравствуй, женившись, да не с кем спать!»), был обработан в былинном стиле профессиональными поэтами-скоморохами, сделавшими главного героя, Добрыню, своим «собратом» по профессии.

И, наконец, последний герой богатырской троицы — Алеша Попович — знаком нам главным образом, по своей победе над Тугариным. Очевидно, этот богатырь раньше пользовался большей популярностью, былины говорят об исключительной смелости Алеши, которую можно сравнить только с силой Святогора или вежеством Добрыни. Как в эпосе, так и в летописных сказаниях существовал тип Алеши — воина, «храбра»-дружинника, для которого смелость была главным профессиональным качеством. О замечательном ростовском «храбре» XIII в. Александре Поповиче многое можно узнать из летописи. В Тверской летописи XIV в. содержится предание о приезде Александра Поповича из Ростовской земли в Киев; существует рассказ Суздальской летописи об участии Александра Поповича в Калкском побоище, где он погиб с семьюдесятью другими богатырями. Но большинство летописных известий об Александре Поповиче, как это доказано исследованиями Н. И. Костомарова, Н. П. Дашкевича, М. Е. Халанского, Д. С. Лихачева, заимствованы летописью из народного эпоса. Очевидно, к XIII в. даже сложился культ этого богатыря, так как уже к этому периоду возникли предания о связи ряда урочищ Ростовской земли (курганы вдоль рек) с подвигами Алеши.

Но эпос, в соответствии с присущей ему циклизацией сюжетов вокруг Киева и Новгорода, сохранил лишь те былины, которые рассказывали о приезде Алеши в Киев и его киевских подвигах. Он выгоняет из Киева Тугарина, сопоставляемого обычно с Тугор-каном, половецким ханом, «причинившим немало зла русской земле в последней четверти XI столетия». Тугор-кан действительно жил при Владимире и был тестем киевского князя Святополка Изяславича — т. е. вполне мог оказаться на пиру у князя. Несмотря на родственные связи с русскими князьями, он осаждал и грабил русские города.⁷² В былине Алеша зло высмеивает именно ненасытность Тугарина:

Как у нашего у света у батиска,
 У Левонтья попа да у Ростовского,
 Была у него собачища жадная,
 Еще жадная собака обжорчитая;
 По подлавицам собака каталася (валялася),

⁷² Там же. С. 113, 114.

Лебедино костьё грызла, подавилася;
Оттого этой собаке смерть случилася,
Ещё завтра-те по утру Тугарину то же будёт!

(ТМ, отд. 2, № 29)

В том, что Алеша Попович (по летописи — храбр XIII в.) бьется с Тугариным, насильничавшим в XI в., нет ничего удивительного: оказался же Ермак Тимофеевич героем Мамаева побоища! Та же «пластическая сила мифа» (А. Н. Веселовский) превратила Тугарина, как только он вышел с пира, в змея, сыплющего искрами, с бумажными крыльями. Метафора «враг — змей», свойственная не только фольклору, но и древнерусской литературе,⁷³ реализуется былиной в зримом эпическом образе. Загадочным бумажным крыльям Тугарина находится параллель в исторических повестях о походе Олега на Царьград, согласно которым Олег «сотвори кони и люди бумажны, вооружены и позлащены, и пусти на воздух на град; видел же греци и убояшася».⁷⁴

Прозвище Алеши — Попович — наталкивало многих позднейших сказителей на интерпретацию этого типа в комическом духе: Алеша Попович попадает впросак, посватавшись к чужой жене; на заставе, когда Илья выбирает, кого из богатырей послать за нахвалящиком, Алеша оказывается самой неподходящей кандидатурой:

Алеша Попович гордлив-спесив:
Не умеет с богатырем как съехаться,
Не умеет богатырю честь отдать.

(Кир., IV, с. 13)

Он не в меру болтлив и может похвастать на пиру любовной связью с девушкой, оправдываясь тем, что и другие богатыри имеют любовницами чужих жеи (Марк., № 93, с. 478). На бой с Тугарином он поедет, предварительно договорившись со Спасителем, Богородицей и Миколой Можайским, «Штобы дали они, право, мокра дожда, А смочили штобы крыльё как гумажноё, Штобы пал-то Тугарин на сыру землю» (Онч., № 64, с. 262).

Время добавило ростовскому «храбру» мельчащие образ «поповские» черточки, Добрыню наделило подлинно дипломатическим умом и даром, а Илью Муромца, крестьянского сына, сформировало в достойного главу русского богатырства, наделив его всеми необходимыми для этого нравственными достоинствами. Конечно, психологизация эпического типа, придание ему выразительного характера — явление довольно позднее, как и наполнение сюжетов реалиями средневекового быта, но за всем этим стоит история, жизнь народа, оценка им своего прошлого, обретение нового опыта, стремление приблизить предания глубокой старины к своему времени.

В период активного бытования былинного эпоса желание сделать этот жанр богаче, разнообразнее, нередко способствовало введению книжных мотивов в основу каких-то, уже бытовавших, но близких к книжным сюжетов. Так, эпическая песня о Василии Окульевиче и царе Соломане позаимствовала основное содержание у легенды соломонова цикла, широко распространенного в Европе. Причем если известные русские письменные прозаические переводы этой легенды не отличаются высокими достоинствами, то в устном эпосе, напротив, мы найдем высокохудожественную ее обработку.⁷⁵

Чего стоит, например, прекрасно разработанный былиной мотив казни Соломона, когда царь трубит перед смертью в турий рог, и из дальних стран летит на помощь царю войско, дрожит земля под копытами коней,

⁷³ Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей. СПб., 1902. С. 30, 31.

⁷⁴ Халанский М. Е. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журн. М-ва нар. просвещения. 1902. № 8. С. 292, 293.

⁷⁵ Марков А. В. Поэзия Великого Новгорода... С. 13, 14.

гул идет по синю морю, а Василий Окулевич, кудрянский царь, не слышит, не ведает: он как бы наслаждается беспомощностью Соломона, продлевая удовольствие палача перед последними приготовлениями к казни:

Один человек не рать в поли.
Играй-ка ты, играй, Соломан-царь!

(Рыбн., II, № 53, с. 302)

Влияние библейского рассказа об Иосифе и жене Потифара, а также жития святого Михаила черноризца (IX в.) ощущается в былине о сорока каликах со каликою. Монах жития, как и предводитель калик Касьян (Михаил), едет в Иерусалим поклониться святым местам, там его видит царица Сеида и старается прельстить его, «яко егоуптянина Иосифа»; но, не уговорив «на дело зло», она посылает связанного монаха к царю, оклеветав Михаила, «яко поругася ей». Царь казнит монаха, но черноризцы из лавры святого Саввы кладут его тело к святым отцам.⁷⁶

В былине ангелы оживляют Михаила и карают Апраксию болезнью за клевету, а калик, поверивших ей, — слепотой (аллегория: слепота физическая как следствие слепоты духовной, неумения отличить правду от лжи) (Гильф., II, № 96, с. 200).

Тема хождения в Иерусалим стала особенно актуальной в XI—XII вв. В начале XII в. «известия о зверствах крестоносцев и об отчаянном сопротивлении мусульманского населения Палестины... распространились по всему тогдашнему христианскому миру»: важно было узнать правду о первом крестовом походе, особенно для восточного христианства, недавно принявшего крещение и не принимавшего участия в этой борьбе, но жнво относившегося к проблеме принятия истинной веры (ср.: летописный рассказ о выборе веры Владимиром). В 1106 г. игумен Даниил, побывав в Палестинской земле, написал «Хождение», ставшее «излюбленным чтением русских людей и образцом для написания всех других, более поздних «хождений», обильно представленных в русской средневековой литературе».⁷⁷ От XII в. дошли летописные известия о хождении сорока новгородских калик в Иерусалим, часть их — явно фольклорного происхождения.⁷⁸

Ядро сюжета былин о Дюке Степановиче сложилось на национальной основе, во всяком случае, сказители упоминают о том, что Дюк приезжает из «Волынца красна Галичья». Но влияние на былинку со стороны сказания об Индийском царстве настолько велико, что в былинке легче выявить книжные мотивы, чем древнюю основу, на которую они наслоились. Сказители как будто нарочно дезориентируют слушателей относительно истинной родины героя. Сам о себе Дюк говорит, что он «из Галицы проклятыя, из тоя Индеюшки богатыя, со славного с богата Волынъ-города» (Рыбн., I, № 48, с. 284), а то и из «Корелы проклятой», — добавляют некоторые.

А. Н. Веселовский считал, что эта былина была сложена в Галиче XII в. — в крупном торговом центре, ведшем торговлю с греческими колониями Причерноморья; но впоследствии, с централизацией сюжетов вокруг Киева, она пристала к Киеву.⁷⁹ Дюк — это и собственное имя, и титул. М. Е. Халанский предполагал, что за песнями о Дюке стоит какое-то, может быть песенное, сказание о хождении богатырей в Индийское царство.⁸⁰ Записи XIX—XX вв. дают серьезное основание видеть в былинке книжные мотивы, общие с рассказом о богатстве Дигениса, героя из рода дуков, жившего на берегах Евфрата,⁸¹ согласно сказанию «Повести об Индийском царстве», существовавшей на западе Европы в виде «послания индийского царя Иоанна к греческому царю

⁷⁶ Марков А. В. Из истории русского былевого эпоса // Этнографическое обозрение. 1904. № 2. С. 112.

⁷⁷ Водовозов Н. В. Русская литература и народное творчество. М., 1962. С. 16—25.

⁷⁸ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 2. С. 250, 251.

⁷⁹ Веселовский А. Н. Южнорусские былины. СПб., 1884. Вып. 3—11. С. 125—154.

⁸⁰ Халанский М. Е. Великорусские былины киевского цикла. С. 206, 207.

⁸¹ Жданов И. Н. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881. С. 81, 92, 232—239.

Эммануилу. Там она была популярна как предвестие крестовых походов и утопических ожиданий, что где-то далеко есть могучее царство христиан, которое в минуту опасности явится на помощь своим западным единоверцам. Эта латинская повесть зашла в западную Сербию, на Далматинское побережье, где в XIII в. было сильно литературное движение и где славянская культура смешивалась с византийской и западноевропейской.⁸² Таким образом, влияние «Повести» на былинку относится к XIII в. Это действительно утопическая земля — по «Повести» в ней нет ни вора, ни завистливого человека, во время выезда перед царем несут золотые кресты и знамена; двор Индийского царя так велик, что его не объехать и в пять дней, палаты украшены драгоценными камнями, потолки их — как небо со звездами и луной, прислуга царя — короли и царицы, их 30 000 человек, и они стольничают вместе с Иоанном.⁸³ В былине:

Двор у Дюка на семи верстах,
 Да крутом двора да все булатный тын,
 Столбики были точеные,
 Да точёные, да золочёные,
 Да на каждом столбичку по маковки,
 Маковки ты были медные,
 Дорогою меди все казарские,
 Да пекут лучи да солнопечные
 По тому по городу по Галице,
 Да по той Волын-земли богатые.

(Гильф., III, № 243)

С другой стороны, далеко за пределами Русского государства славилась поистине восточное великолепие московского двора, пышность выездов царя и его свиты: «В старину впереди духовных процессий шли метельщики и прометали дорогу метлами», такое метение изображено на картине у Олеария⁸⁴ (ср.: метельщики, прометающие дорогу перед Дюковой матушкой); «роскошь красок и позолота являлись непременным условием внешней и внутренней отделки» царских палат,⁸⁵ «подсолнечник» былинны — балдахин, который в Западной Европе несли в торжественных случаях над коронованными особами или при религиозных процессиях над высшим духовенством.⁸⁶

Что до пуговиц, благодаря которым Дюк выигрывает состязание в щапстве с Чурилой, то в XII и XIII вв. русские пуговицы обычно представляли собой сложный декоративный узел из двух птиц, львов, драконов или каких-либо других фантастических животных, сплетшихся хвостами:⁸⁷

Надел Дюк шубу соболиную,
 Под дорогим под зеленым под знаментом,
 А путовки были вольячные,
 А лит-то вольяг да красна золота,
 Петельки да из семи шелков,
 Да в путовках были левы-звери,
 А в петельках были люты змеи.
 Накладывал он шляпу семигранчату,

⁸² Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVII веков. М.; Л., 1945. С. 163.

⁸³ Там же. С. 164, 165.

⁸⁴ Лященко А. И. Былина о Дюке Степановиче // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР. 1926. Т. 30. С. 87.

⁸⁵ Там же. С. 86.

⁸⁶ Там же. С. 97.

⁸⁷ Там же. С. 121.

Пошел-то Дюк да во Божью церковь.
Зарыкали у Дюка тут левы-звери,
Засвистели у Дюка тут люты змеи,
Да все тут в Киеви заслушались,
А все тут-то Дюку поклонилися.

(Гильф., III, № 230, с. 233)

Прозвенели, просияли дюковы пуговицы в пасхальную заутреню в Киеве — и не умолкнуть теперь тому звону в эпической песне, как не исчезнуть камню Ильи с перекрестка трех дорог, не утихнуть киевскому пиру...

Говоря о книжном влиянии на былинку, нельзя не сказать и об обратном процессе: о колоссальном влиянии устной поэзии на традиции древнерусской литературы. Здесь дело не в отдельных реминисценциях: «авторы письменных повестей мы слышат как народные эпические поэты»: в повести о разорении Рязани Батыем «все (...) рязанские князья именуются „братьями“», причем в совещании, созванном князем Юрием Ингоревичем перед нашествием Батыя, участвуют и живые, и мертвые к 1237 году князья»; «в битве с Батыем гибнут все рязанские князья, хотя исторически это неверно».⁸⁸ Все это дало возможность Д. С. Лихачеву сблизить литературное повествование с былинной о гибели богатырей, поскольку их роднит эпическое осмысление Батыева погрома как круговой чаши смерти русских воинов.⁸⁹

В преданиях о борьбе с врагами «Повести временных лет» «летописцем полностью воспринято народное отношение к врагам: они посрамлены, притом не превосходством силы, а умом, уменьем».⁹⁰

Для «Слова о полку Игореве», как и для былин, свойственно обращение ко времени Владимира как к начальному времени, золотому веку. Владимиров было много в домонгольской Руси — около сорока князей носило это имя, «старый» Владимир был один: тот самый, который собрал всех князей, бояр, богатырей и поленил за одним столом в Киеве, чье имя стало былинным. По летописным сведениям и Добрыня было несколько в Древней Руси, но память сохранилась в народе лишь об одном — о том, который освободил Киев от змея.

Умение видеть исторически значимое — общее свойство былин и летописи. Идеализация в былинах — богатырей, в летописи — князей, вставших во главе войска, защищавшего родную землю, — важнее трезвой, объективной оценки их положительных и отрицательных качеств, подчас своекорыстной политики князей. Возглавив войско, они стали «представителями „русской земли“, за ними стоят „храбрые русичи“, „храбрая дружина“, „храбрые полки“, „сведоми кьмети“, которые ищут „себе чти, а князю славе“, которых немало „полегоша за землю Рускую“, и это символ войска, „загораживающего“ „своими острыми стрелами“ „Полю ворота“».⁹¹

Но, пожалуй, самое главное, что позаимствовала древнерусская литература у народной эпической традиции, — гиперболизация действительности, когда речь идет о защитниках русской земли, о масштабных событиях истории государства. Подобно былинам, древнерусское повествование о схватке с врагом насыщено гиперболой: воины «„кликком плъки побеждают“, „по крови“ плавают и все же сражаются, могут Волгу „веслы раскропити“, а Дон шеломы выльяти».⁹²

В целом эпос киевской поры воспроизводил некий идеальный учительный образец государства, не столько отражавший реальную историю, сколько выражавший устремленность народного идеала. Народные певцы

⁸⁸ Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 46.

⁸⁹ Лихачев Д. С. Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 129.

⁹⁰ Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. С. 33.

⁹¹ Там же. С. 105.

⁹² Там же.

не заметили, точнее, не пожелали заметить междукняжеской грызни и начавшегося удельного раздробления Киевской державы. В эпосе происходит упрямая циклизация сюжетов, только вместо родства появляется новая связь: богатыри приезжают служить князю Владимиру и становятся членами одного и того же государственного союза (сходную картину представляла циклизация сюжетов о рыцарях круглого стола вокруг легендарной фигуры короля Артура). Знаменательно, что в былинах постоянно повторяются в одном родственном ряду Киев и Чернигов — хотя реально в домонгольской Руси эти города и их князья чаще всего находились во вражде.

* * *

Вне общей циклизации вокруг князя Владимира остались лишь былины новгородского цикла, на что были глубокие причины как в самой истории вечевой республики — так и в том, что русичи новгородские произошли от балтийской ветви поморских славян (венедов). По-видимому, именно в их мифологию уходят истоки былин о Садко (жена из «того мира», магическое умение играть на гуслях и пр. — свидетельства о глубокой древности сюжета). В Новгороде Великом былина подверглась существенной переработке, почти что создавалась заново. Были найдены чрезвычайной яркости образные детали, воспроизводящие величие вечевой торговой республики, хотя бы та, что разбогатевший Садко пробует скупить все товары новгородские, но скупить не может. Назавтра же торговые ряды вновь заполняются горами товаров, привезенных со всего света: «А со всего света товары мне не выкупить! — решает герой. — Пусть же буду не я богат, Садко, гость торговый, а богаче меня Господин Великий Новгород!».

Все это: и неумеренная похвальба, и роскошные палаты бывшего гусяра Садко, и этот грандиозный спор — также воспроизводятся средствами эпического преувеличения, т. е. стиль эпоса не меняется, невзирая на отсутствие в данном случае воинской героики.

Былину о Василии Буслаеве (точнее, две, как и о Садко) исследователи обычно относят к XIV—XV вв., ко времени ушкуйных походов, что ни в коей мере не соотносится с данными сюжета. Легендарный Васька Буслаев, попавший даже в летопись со званием посадника новгородского, по тем же преданиям, жил задолго до татарского нашествия, и собрался он, по былинне, совсем не в ушкуйный поход, а на Йордан, присовокупивши при этом: «Смолоду много бито, граблено, под старость надо душа спасать!» А хождения в Святую Землю, неоднократно предпринимавшиеся новгородцами, падают на те же домонгольские XI—XII вв. То есть сложение сюжета произошло в те же «киевские» сроки, что и обработка былин о богатырях Владимирова круга.

Новгород Великий основан в начале VIII столетия и возник как союз трех племен: словен, продвинувшихся с юга, от дунайской границы (они и возглавили союз, принеся с собою племенное имя «русь» на север); кривичей и славян поморских — эти двигались с Запада, теснимые немцами; и местного чудского племени. Каждое племя создало свой центр, образовавший городской «конец»: Славна — на правом берегу Волхова, где была княжеская резиденция и городской торг; Прусский, или Людин, конец — на левом, где позднее возник Детинец с храмом святой Софии; и Неревский (Чудской) конец — тоже на левом берегу, ниже по течению Волхова (позднее выделились еще два конца: Загородье и Плотники).

Такое происхождение города предопределило затяжную кончанскую борьбу, причем Славна чаще опиралась на «низовских» князей, «Пруссы» — на литовских. И хотя население с течением времени полностью перемешалось, рознь городских концов раздирала Новгородскую республику до самого конца ее существования. По изустной легенде, свергнутый Перун, проплывая по Волхову, бросил на мост свой посох, завещав новгородцам вечно драться тут друг с другом. Во время городских смут обычно собирались два вечевых схода по ту и эту сторону Волхова и дрались или «стояли в оружии» на Волховском мосту.

Освоение новгородцами Севера и Приуралья осуществлялось в основном отдельными дружинами «охочих молодцов», которых тот или иной удачливый предводитель (чаще всего из бояр) набирал по «приговору» веча, а то и сам по себе, «без слова новгородского». Ватаги эти захватывали новые земли, собирали дань, промышляли зверя, основывали укрепленные городки, торговали. Сбор подобной дружины «охочих молодцов» ярко показан в былинне о Ваське Буслаеве, где перечислялись, по-видимому, основные эпические герои Великого Новгорода, «вольница новгородская». (Перечень этот, к сожалению, был уже позабыт сказителями.)

Былина о Буслаеве выразительна в том отношении, что на место обычного во всяком эпосе воинского героизма, поединков с внешними врагами, отбивания вражеских ратей и увода красавиц ставит внутренние социальные конфликты вечевой республики, сконцентрированные здесь — по законам былинного жанра — за много веков. Тут и сбор дружин из «охочих молодцов», и бои на мосту Волховском, и «матерые вдовы» — владелицы крупных имуществ (фигура Марфы Борецкой симптоматична именно для Новгорода). Собственно спору двух подобных владетельных боярынь посвящена и третья новгородская былина — «Хотен Блудович».

Василий Буслаев во всей своей бесшабашной и удалой натуре в этом задоре, когда он крушит противников на Волховском мосту, когда вдруг произносит покаянно: «Смолоду много бито, граблено, под старость надо душа спасать»; в последующей богатырской поездке — хождении в Иерусалим, в озорном поведении на Иордане, в последнем своем споре с мертвой головой, спором-гибели (камень, через который скачет Василий — вероятный выход в загробное царство, т. е. конец, уничтожение, подстерегающее в свой час и самого сильного из сильных), — во всем этом Буслаев выработался в такого истинно русского героя, как бы завещанного грядущему (не его ли черты сказались в землепроходцах, покорителях Сибири, вождях казацких походов и восстаний?), что и поныне облик, образ и судьба его волнуют едва ли не более, чем образы древних эпических воинов, не исключая и самого Илью Муромца.

* * *

«Московский» период развития эпоса привел к новому грандиозному переоформлению всей эпической сюжетики. Создание нового этноса — Руси Московской шло рука об руку с государственным строительством и утверждением феодальной системы, которая сама по себе уже не способствует продуктивному эпическому творчеству. На Западе, например, сложение феодальной кастовости привело к тому, что вместо отодвинутого в прошлое эпоса возник стихотворный рыцарский роман.

В специфических условиях России феодализм — нечто качественно иное, чем феодализм в странах католического Запада, — потребность удерживать обширную, редко населенную страну, суровые климатические условия и многое другое диктовали иную расстановку классовых сил (в частности, бóльшую культурную близость социальных групп), а значительная сила центральной власти уравновешивалась не столько городскими коммунами с их самоуправлением, как на Западе, сколько бóльшей свободой и зажиточностью черного крестьянства и сильными традициями общинного самоуправления вплоть до конца XVII столетия — до реформ Петра I, отдавшего некогда свободных крестьян в безраздельное господство помещичьего класса. И поэтому, в частности, эпос и уцелел на окраинах, не знавших крепостного права.

Русский эпос не умер в Московский период истории и не превратился в подобие рыцарского романа, но он явно стал уже наследием старины, былинные Киев и князь Владимир продолжали оставаться в эпосе как непрменный поэтический центр «эпической старины», но зато явились новые враги — «ляхи» и «злы татарове», которых прежние богатыри побеждают прежними средствами, в лихих богатырских поединках или выезжая в одиночку против целого войска. Исследователи эпоса обычно сосредоточивали внимание на борьбе с Ордой, но и в действительной исторической жизни Руси XIV—XVI столетий, и в эпосе Литва, ляхи, ляхский или ляховинский король занимают едва ли меньшее место. Не забудем, что со второй половины XIV века Литва захватывает по сути всю территорию бывшей Киевской Руси и борьба с нею и с Польшей за возвращение потерянных исконных земель Руси Великой затянулась на три столетия дольше, чем борьба с Ордой. Другой разговор, что население Литвы состояло в основном из русичей, и конфликты принимали иной характер (эпос весьма часто изображает, например, сватанье к дочери короля ляховинского).

Однако совершенно новых сюжетов, посвященных этому времени (за исключением, быть может, «Братьев Ливиков»), мы не находим. Народ воспользовался имевшимся эпическим наследием, лишь влив в него новое историческое содержание. Уже это одно говорило о близящемся конце эпического творчества.

В те же XIII—XV вв. возникают для отражения современной действительности новые жанры иного характера (бытовые, исторические и этико-философские песни-баллады), более приспособленные к условиям духовной атмосферы средних веков.

Уже на «Братьях Ливиках» заметно, как стройная некогда система эпических гиперболических начал начинает давать трещины, как уже не укладывается в нее новое содержание и новый взгляд на характер военных конфликтов.

Именно московская эпоха, по-видимому, рождает былинную тему несправедливости государя по отношению к слуге, в сюжетном развитии которой богатырь ощутимо теряет свою прежнюю героическую независимость. Кастовость, отстояние, оборачивающиеся фактическим бессилием обиженного, уже не имеющего власти уехать от несправедливого князя или мощно восстать против него. Такова былина о Даниле Ловчанине. Героя посылают не за тем, чтобы совершить подвиг государственного значения, — он послан удовлетворить прихоть государя, послан за редкостью, что уже само по себе снижает значение эпического деяния. И лишь неожиданные обстоятельства помогают ему оказаться, так сказать, на высоте героических задач — разгромить врага. А в его отсутствие князь покушается на жену героя. Заметим: именно князь. И герой не может отомстить за оскорбление, он может только погибнуть... Сама сюжетная коллизия ощутимо тяготеет к балладной. Акценты с физической мощи перемещаются в сферу духовно-нравственных столкновений, где герой, как это часто бывает в балладах, может погибнуть физически, одержав посмертно моральную победу над враждебными ему силами.

Московский период породил и образ Василия-пьяницы — героя, который до времени спит в кабаке, а в грозный час встает и одолевает врага. Коллизия родилась закономерно: сказители не видели, где в окружающей их действительности мог бы родиться богатырь. Разве там, куда уходят с некоторой поры русские силы, наивно полагая, что стоит только захотеть, восстать... Поздняя полубаллада «Бутман» посвящена тому же наивному и трагическому ожиданию героя. («Московский» налет особенно заметен на былинах из сборника Кириши Данилова.)

Герои приобретают разные размеры, система гиперболических начал как бы намеренно меняется, приобретая скорее сатирический оттенок. В повествование вливается масса бытовых черт XVI—XVII вв. Рядом с древними эпическими героями в тех же сюжетах перечисляются герои нового времени. Скопин оказывается на заставе с Ильей и Добрыней. Тот же Скопин присутствует в качестве дружки на свадьбе Дуная. В былине об Иване Годиновиче роль Кашея выполняет «Гришка-Расстрижка нечистый дух» (поскольку его свадьба с Мариной рассматривалась как нечистая). В поздней былине «Илья Муромец и разбойники» народ противопоставил древнего своего героя «героям» нового времени, попытавшимся, было, ограбить Илью. Добродушный богатырь стреляет в дуб, разлетающийся в щепки, а разбойники на коленях просят помиловать их и зовут Илью в атаманы. Но Илья отказывается, возвращаясь в свое древнее, киевское, время — «к Владимиру князю на вспоможение».

* * *

В последние века своего существования эпос полностью исчезает, забывается в центральной России и продолжает существовать лишь у казаков (отрывочно) и на Русском Севере, где вольная жизнь, древний характер промыслов — с долгими вечерами на тонях, известная удаленность от внешних влияний — поддерживали и сохраняли память о былом величии народа, государства. Сюжеты былин бережно сохранялись тут. По-видимому, даже дорабатывались. Едва ли не на Русском Севере (быть может, даже именно на Печоре) возник, например, такой эпизод. Дюк Степанович или Илья Муромец едут и с холма озирают землю, видя — на севере. «Все леды стоят, ледяны горы» (т. е. Ледовитый океан), на Востоке — «горы каменные» (Урал), на юге — хлебородные степи, еще далее — поле чистое, где разъезжают, охраняя границу, русские могучие богатыри и, наконец, на западной стороне — Киев с золотыми маковками церковей. Так оглянуться, чтобы разом увидеть все пространство русской земли, может только эпический герой.

Здесь, на Севере, и обнаружили собиратели прошлого века основные россыпи эпического богатства, и угасающее древнее искусство разом обрело новую жизнь, повлияло на музыку, живопись, поэзию, литературу нового времени. Ушедший из живого бытования эпос не перестал быть носителем и возбудителем народного самосознания, не перестал быть основой культуры, высоким образцом, данным на века.

Уважение к преданию есть первый признак культуры. Подобно тому, как ушедшие из живого бытования эпосы — гомеровской Греции, кельтов, скандинавов, индусов, и многие другие обрели новую жизнь, будучи

записанными, перейдя в литературный обиход, подобно этому и наш, русский, эпос только начинает свою вторую, письменную, жизнь, продолженную вперед на многие и многие грядущие столетия.

II

Древние эпические песни, получившие в позднейшей науке название былин,⁹³ в литературно-научное обращение вошли в начале прошлого столетия, когда в 1804 и 1818 гг. вышли два издания знаменитого Сборника Кирши Данилова.⁹⁴ Единичные публикации былинных текстов появлялись, правда, и несколько раньше (в песенниках М. Д. Чулкова, Н. И. Новикова, И. И. Дмитриева), но особого внимания они не привлекли и собственно научной ценности не представляли: неизвестно, от кого и где записанные, подвергшиеся очевидной литературной обработке, тексты эти, естественно, не отвечали ни одному из тех требований, которым должна отвечать научная запись фольклорного текста.

Сборник Кирши Данилова явился в этом отношении подлинным открытием. В плане необходимых данных, характеризующих научную запись, он, правда, не слишком отличался от предшествующих публикаций, однако на его стороне было то первостепенной важности преимущество, что все его тексты несомненно были записаны «с голоса», что указывало на весьма развитую и, по-видимому, совсем еще недавно существовавшую устную традицию. Это последнее обстоятельство несомненно должно было осознаваться современниками как особо важное и знаменательное, ибо позволяло думать, что если еще в XVIII столетии эпические песни о временах князя Владимира Киевского находились в живом устном обращении, то отнюдь не исключено, что в каких-то местах (хотя бы на том же Урале, откуда был доставлен Сборник Кирши Данилова) следы их могут быть обнаружены и сегодня.

Одним словом, материалы Сборника красноречиво свидетельствовали, что народная эпическая поэзия, не исключая даже самых древних ее форм, — это не просто случайная археологическая находка, не полуистлевший папирус с отрывочными и малопонятными письменами, а вполне реальная народнопоэтическая традиция, сравнительно недавнее существование которой, подтвержденное Сборником Кирши Данилова, дает основание считать, что в том или ином виде она, возможно, продолжает существовать и поныне.

Сборник Кирши Данилова включал 26 былинных текстов, и тексты эти долгое время оставались тем единственным «фондом основных былинных сюжетов»,⁹⁵ которым располагала русская наука и из которого она исходила так или иначе во всех своих построениях. В ходе широчайшей собирательской деятельности, развернувшейся начиная с 30-х гг. по инициативе и под руководством П. В. Киреевского, фонд этот постепенно увеличивался, разрастался, однако в научное обращение результаты этой огромной и чрезвычайно плодотворной работы поступали до поры весьма скупо. Достаточно сказать, что сам Киреевский из всего своего обширнейшего собрания успел опубликовать всего лишь пять былин.⁹⁶

⁹³ Термин «былина» был предложен в конце 1830-х гг. И. П. Сахаровым, который заимствовал его из «Слова о полку Игореве», истолковав как обозначение древних песен. Последний автор «Слова» якобы противопоставлял «замышлениям» Бояна. Термин легко прижился в науке как в силу его простоты и очевидного удобства, так и потому, что казался неким производным от уже употреблявшегося ранее термина «былевая поэзия» (см.: *Дмитриев И. И.* Карманный песенник. М., 1796. Ч. 3.; Предисловие К. Ф. Калайдовича к «Древним российским стихотворениям, собранным Киршею Даниловым». М., 1818). Сами же сказители для обозначения былины (и вообще эпических песен) всегда употребляли термин «старинны». Подробнее об истории термина см.: *Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966.

⁹⁴ Древние русские стихотворения. М., 1804; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, и вторично изданные, с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М., 1818. Об истории Сборника см.: *Горелов А. А.* Кирша Данилов — скоморох из Демидовского Нижнего Тагила // Скоморохи. Проблемы и перспективы изучения. (К 140-летию со дня выхода первой работы о скоморохах): Сб. статей и рефератов Международного симпозиума. СПб. 1994.

⁹⁵ *Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. С. 170.

⁹⁶ Московский сборник. 1852. № 1; Русская беседа. 1856. № 1. Кроме этих публикаций в разных периодических изданиях 40—50-х гг. были напечатаны 34 текста былин. Это записи Фаворского, Верещагина, Шейна, Гуляева, публиковавшиеся в «Прибавлениях к Известиям Академии наук» (т. 1—3), в журналах «Сын отечества» и «Москвитяин» и в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских».

На некоторое время внимание публики привлек сборник И. П. Сахарова «Песни русского народа», в одном из разделов которого под названием «Былины русских людей» были напечатаны былины, извлеченные, как утверждал публикатор, из найденной им древней рукописи некоего купца Бельского. На деле, однако, оказалось, что «рукопись Бельского» — чистойшей мистификация, а «былины русских людей» —

После смерти П. В. Киреевского (1856) на основе его собрания крупное сводное издание былин подготовил и осуществил П. А. Бессонов.⁹⁷ Кроме записей самого Киреевского и его корреспондентов сюда вошли и многие другие тексты, извлеченные Бессоновым из различных изданий XVIII—XIX вв. — от песенников XVIII в. до новейшего сборника П. Н. Рыбникова, вышедшего одновременно с «Песнями, собранными П. В. Киреевским» под редакцией того же П. А. Бессонова. Примечательной особенностью нового издания было также и то, что в «Приложениях» Бессонов напечатал ряд сказок о богатырях из сборников В. А. Левшина, И. П. Сахарова, из некоторых лубочных изданий.

Для своего времени издание Бессонова было явлением достаточно значительным, поскольку представляло собой первую в русской науке попытку дать нечто вроде свода былинных текстов и подвести своего рода итог первому этапу их собирания и изучения. Обе эти задачи были, конечно, весьма актуальны, однако научный уровень, на котором Бессонов пытался их разрешить, оказался не слишком высоким. Целый ряд материалов (в том числе из собрания самого Киреевского) остался неучтенным, внутренняя организация имеющегося материала отличалась бессистемностью и субъективизмом; что же касается научного комментария, столько же громоздкого, сколько и беспорядочного, то, несмотря на отдельные достаточно основательные и ценные наблюдения, в целом он даже для своего времени выглядел очевидным анахронизмом, «возвращая к уже давно изжитой поре фольклористических изучений».⁹⁸

Первые выпуски «Песен, собранных П. В. Киреевским» только еще начинали свой путь к читателю, когда в русской фольклористике произошло событие, которое без всякого преувеличения можно отнести к крупнейшим открытиям мировой науки XIX столетия.

Речь идет об открытии, сделанном в конце 1850-х гг. скромным чиновником канцелярии Олонецкого губернатора Павлом Николаевичем Рыбниковым.

Как уже говорилось, уникальные материалы Сборника Кириши Данилова не могли не поселить в русском сознании если не положительной уверенности, то во всяком случае надежды на то, что очаги древней эпической поэзии, которые столь ярко горели еще во времена нашего первого собирателя, вполне возможно, не совсем угасли еще кое-где и в новейшие времена. Надежда эта сохранялась постоянно, поддерживаемая как общим воззрением, так и тем, что на протяжении 30—50-х гг. из разных мест то и дело доходили известия о новых, пусть и небольших, былинных находках (нижегородских — Фаворского, саратовских — Шейна, шенкурских — Верещагина, алтайских — Гуляева и др.). Однако это по-прежнему были лишь крупинки, к которым вряд ли можно было относиться иначе, как к проявлениям некоей остаточной традиции, традиции, которая, по-видимому, хотя и живет еще кое-где, но уже завтра может исчезнуть бесследно.

И вот в 1861 г. вышел первый том «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым».⁹⁹ О впечатлении, произведенном им в ученом мире, А. Н. Пыпин писал, что это «было изумление и даже недоверие».¹⁰⁰ Действительно, казалось просто невероятным, что в то время, когда эпическая традиция считалась почти повсеместно утраченной, когда не только былины, но и гораздо более поздние эпические произведения — исторические песни и баллады — приходилось собирать буквально по крупинкам, наконец, когда за весь предшествующий, почти столетний период отечественного собирательства было обнаружено лишь немногим более 50 былинных текстов, казалось просто невероятным, повторим мы, что в деревнях и селах Олонецкого края, т. е. совсем недалеко от Петербурга, эпическая традиция существует, оказывается, чуть ли не в первоизданном своем виде. Знаменитые европейские литературные мистификации — Макферсона, Ганки, Мериме, — а также нашумевшая незадолго перед тем

тексты, взятые из Сборника Кириши Данилова и лишь более или менее переработанные Сахаровым. Впервые на это указал П. А. Бессонов (см.: Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1863. Вып. 5. С. СXXXIII—CXLIII).

⁹⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860—1863. Вып. 1—5. Остальные пять выпусков посвящены историческим песням.

⁹⁸ Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 343.

⁹⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861—1867. Т. 1—4.

¹⁰⁰ Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 63.

«рукопись тульского купца Бельского», были еще у всех на памяти, а потому и к материалам Рыбникова ученый мир отнесся поначалу с подозрением, тем более что никаких сведений, проливающих свет на происхождение этих материалов, в первых двух томах издания не сообщалось. Предпринято было даже нечто вроде небольшого «расследования»: И. И. Срезневский обратился к петрозаводским ученым Д. В. Поленову и В. И. Модестову с просьбой сообщить все, что им известно о Рыбникове и о его удивительном открытии. Ответ ученых рассеял все сомнения, и было окончательно признано, «что труд г. Рыбникова достоин доверенности, что на песни, им записанные, надобно смотреть как на действительное достояние народное».¹⁰¹

«Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (последний, четвертый, их том вышел в 1867 г.) ознаменовали собой начало нового и, можно смело утверждать, самого плодотворного периода в истории собирания былин. Дело даже не в том, вернее, не только в том, что для отечественной науки была открыта настоящая «Исландия русского эпоса», в которой древняя былина сохранилась в необычайном богатстве и небывалом сюжетном многообразии. Еще более существенным было другое: впервые в своей истории русская фольклористика получила реальную возможность изучать эпическую поэзию не как некую остаточную традицию, все значение которой заключается в том, что она донесла до новейших времен смутные отголоски древних эпох, а как вполне очевидный факт современной народной поэзии, как одно из проявлений современного народнопоэтического сознания, требующее уже не одного только ретроспективно-исторического объяснения. Больше того, факт *активного бытования* (а не просто пассивного хранения) былинного эпоса ставил совсем по-иному и вопросы самого этого исторического изучения, поскольку творческие процессы, характеризующие современную жизнь былины, несомненно могли рассматриваться и как некая «модель» процессов, происходивших в эпосе в далеком прошлом. Какими факторами определяется реальная жизнь былины? Что влияет на ее развитие? Какие изменения происходят в ней под влиянием условий, в каких она существует, и что остается в ней относительно постоянным? Все эти важнейшие для понимания былины вопросы теперь могли быть поставлены на достаточно широкой фактической основе и несомненно должны были привести к существенным теоретическим обобщениям. И именно с тем, чтобы уловить, отразить, учесть всю характерную динамику процессов, происходящих в современной жизни былинного эпоса, Рыбников намеревался представить собранный им материал, руководствуясь региональным принципом. Именно этот принцип в наибольшей мере позволял выявить всю сложность и всю специфику связей, в которых былина существует и развивается в реальной жизни, отражая на себе множество всякого рода влияний и зависимостей, которые невозможно обнаружить при любом другом принципе систематизации.

П. А. Бессонов, редактировавший издание, не принял принципов Рыбникова. Как и при издании собрания Киреевского, он расположил материал по сюжетам, не сумев, впрочем, провести достаточно последовательно и этот принцип. Замысел Рыбникова был восстановлен лишь во втором издании его собрания, выпущенном А. Е. Грузинским в 1909—1910 гг.¹⁰²

«Олонецкий феномен», открытый Рыбниковым, на многие годы определил основные направления собирательской работы, равно как и общую систему «координат», в которой теперь должны были рассматриваться собранные материалы. Одним из самых ярких примеров в этом отношении может служить вышедшее в 1873 г. фундаментальное издание «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года».

Известный русский славист А. Ф. Гильфердинг предпринял летом 1871 г. поездку в Олонецкий край, не имея, как он признавался позднее, никаких других целей, кроме той, чтобы «послушать хоть одного из тех замечательных рапсодов, каких здесь нашел П. Н. Рыбников. Сам Павел Николаевич, — писал он, — поощряет меня к поездке в этот край, подав надежду, что она может быть не бесполезна и после его работы».¹⁰³

¹⁰¹ Срезневский И. И. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I (М., 1861) // Известия Отделения русского языка и словесности имп. АН. 1862. Т. 10, вып. 3. С. 253. Напомним, что свою знаменитую «Заметку собирателя», в которой подробно излагались все обстоятельства, связанные с этим открытием, П. Н. Рыбников напечатал лишь в третьем выпуске.

¹⁰² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1909—1910.

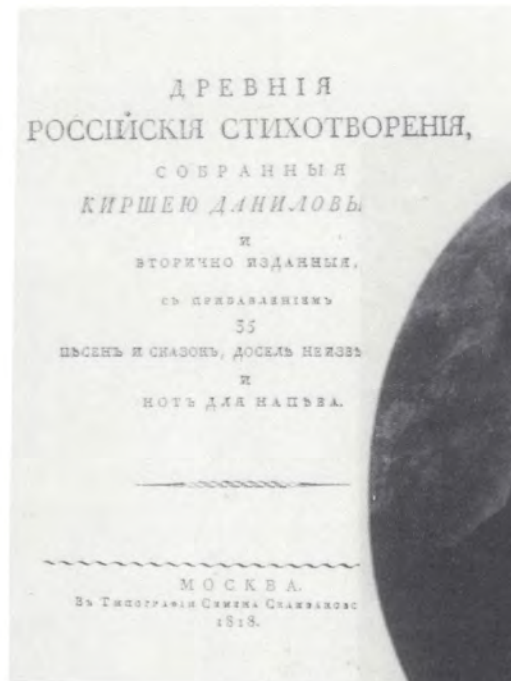
¹⁰³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1949—1951. С. 29.

В. Н. Татищев (1686—1750)

А. Х. Востоков (1781—1864)

К. Ф. Калайдович (1792—1832)

ЦВЕТЫ
СЪБРАННЫЕ П. В. КИРЕЕВСКИМЪ.
ИЗДАНЫ
ИЗДѢТЕЛЯМИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

П. В. Киреевский (1808—1856)

БОГАТЫРИ
ВРЕМЕНЬ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА
ПО РУССКИМЪ ПЬЕСАМЪ Г. Г.

РУССКАЯ БЕСѢДА

МОСКВА.

1856.

IV.

МОСКВА.
Въ Князьемъ Князьемъ
въ Печатни Свѣтѣ
1856.

The cover of the book 'Russian Tales' (Русская бесѣда) by G. G. Griboedov. It features a portrait of K. S. Aksakov, a man with a beard and mustache, sitting on a decorative stone ledge. The text on the cover includes the title, author's name, and publication details from Moscow, 1856.

К. С. Аксаков (1817—1860)

ПОЭТИЧЕСКИЕ
ВОЗЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ
НА
ПРИРОДУ.
ОСНОВЪ СТАВРИОНАГО ВЪЗГЛЯДА НА
И ПРИРОДУ, НА СЛОВА СЪВРОЖЕСКИХЪ
ТОЛКОВАНИИХЪ НАРОДА
А. АФАНАСЬЕВЪ
ТОМЪ ПЕРВЫЙ
Изданъ К. Соловьевъ.
МОСКВА.
1865.

A black and white portrait of A. N. Afanasyev, a man with a beard and mustache, wearing a dark suit and a white shirt with a bow tie. The portrait is framed in an oval.

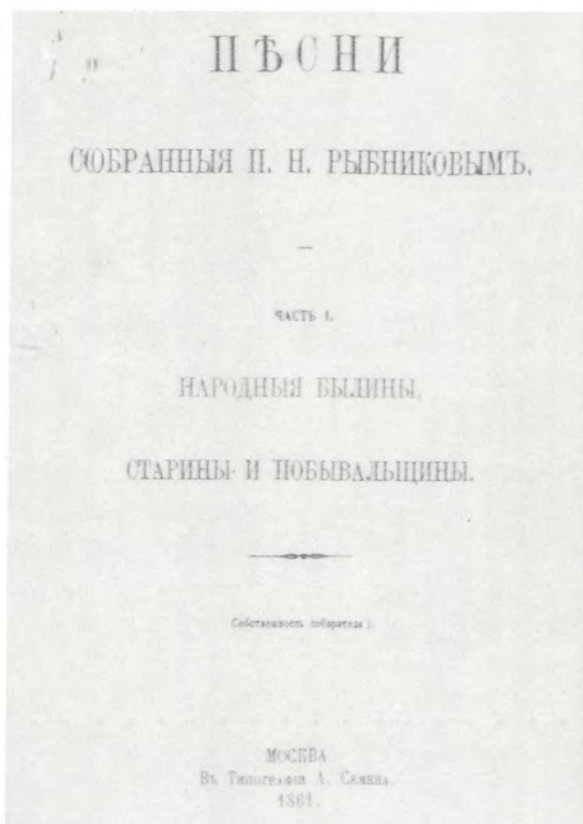
А. Н. Афанасьев (1826—1871)

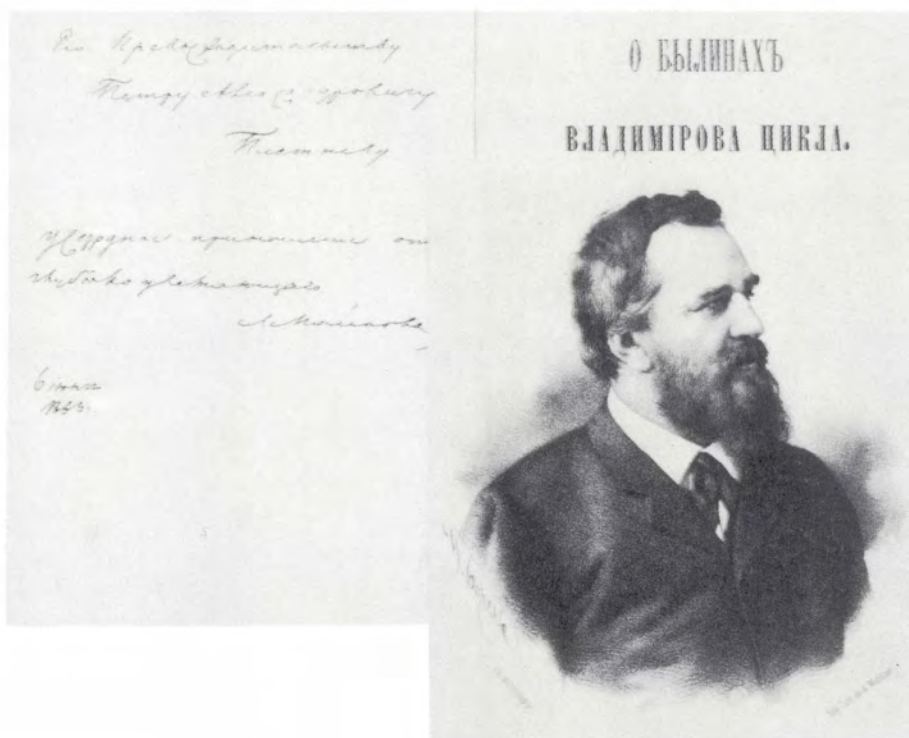
Ф. И. Буслаев (1818—1897)

П. А. Бессонов (1828—1898)

П. Н. Рыбников (1831—1885)

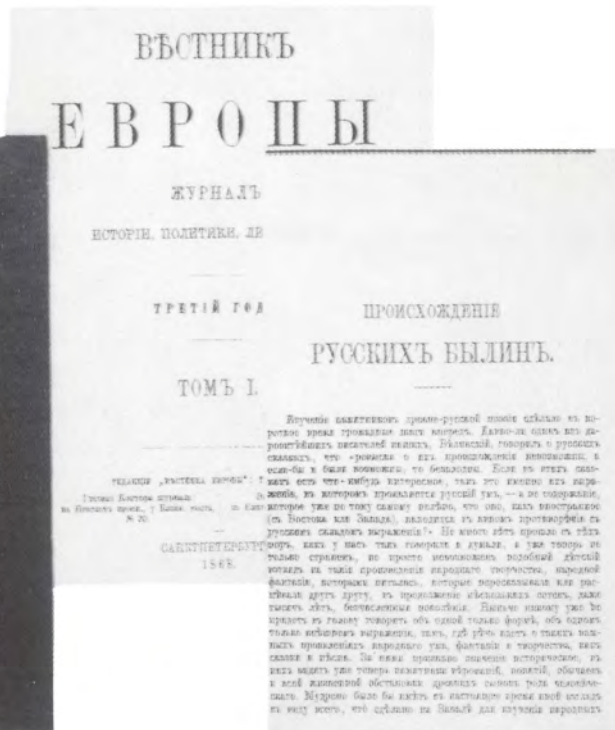
Л. Н. Майков (1839—1900)

А. Ф. Гильфердинг (1831—1872)

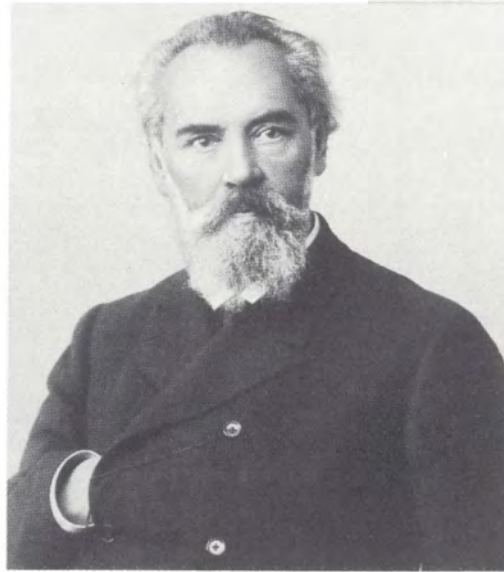

В. В. Стасов (1824—1906)

О. Ф. Миллер (1833—1889)

А. Н. Веселовский (1838—1906)

И. Н. Жданов (1846—1901)

КНИГА БЫЛИНЪ.

СВОЕЪ ИЗБРАННЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ

РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

В. П. Авенариусъ.

Рецензенты: Л. А. Степановъ, К. П. Арсеньевъ и В. В. Степановъ.

АННУ СЕДЬМОЕ.

ВЪ ВЕРСТОМЪ СЪДЪ, ВЕРСТАТИ.

Въ Москвѣ, въ Типографіи "Востокъ", въ 1901 году, въ 1000 экз. Цена 1 рубль 50 коп.

✠

МОСКВА,
Издатель А. Д. Суворовъ,
1901

В. П. Авенариус (1839—1923)

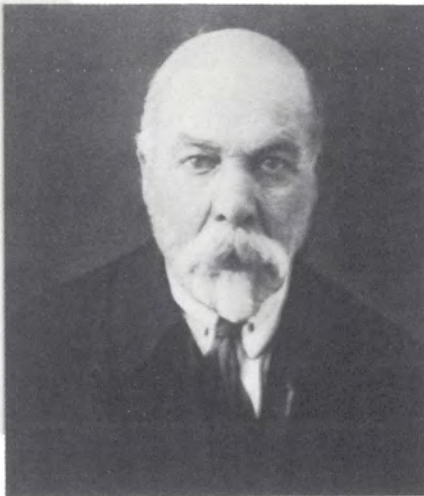
М. Г. Халанский (1857—1910)

В. Ф. Миллер (1848—1913)

Н. П. Дашкевич (1852—1908)

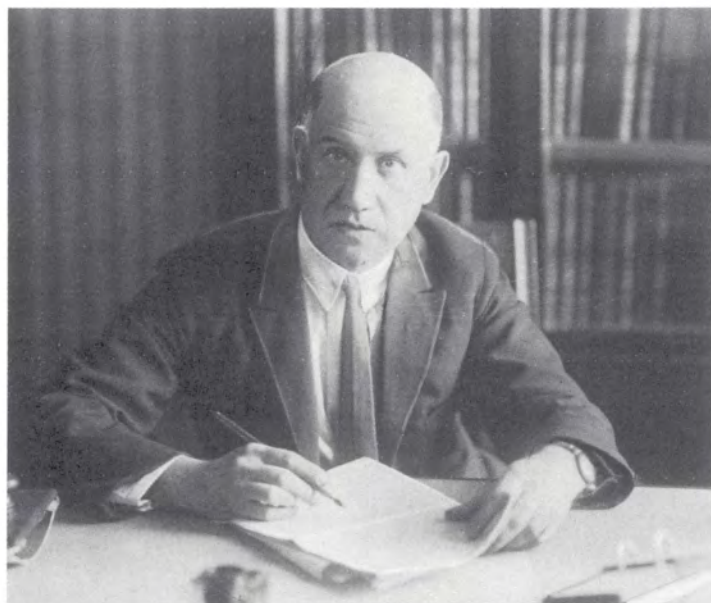
М. Н. Сперанский (1863—1938)

А. И. Ляченко (1871—1931)

С. К. Шамбинаго (1871—1948)

М. К. Азадовский (1888—1954)

Ю. М. Соколов (1889—1941)

М. О. Скрипиль (1892—1957)

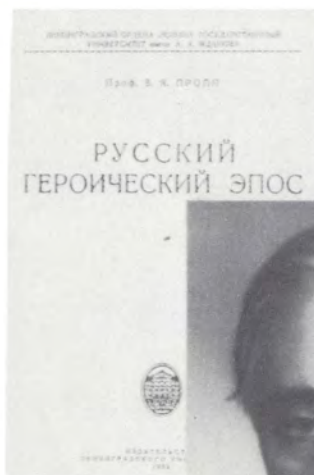
А. П. Скафтымов (1890—1968)

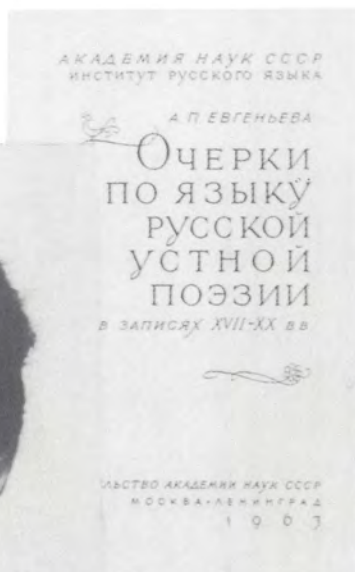
А. М. Астахова (1886—1971)

Д. С. Лихачев (1906—1999)

В. Я. Пропп (1895—1970)

А. П. Евгеньева (1899—1985)

Б. Н. Путилов (1919—1997)

В. И. Чичеров (1907—1957)

За полтора с небольшим месяца Гильфердинг побывал почти во всех рыбниковских местах, сделал записи от 70 «рапсодов», записав от них 322 текста, в том числе 270 былин. В следующем году, собираясь продолжить свою работу, он вновь отправился в Заонежье, но в пути заболел тифом и умер в Каргополе.

Подготовленный им сборник, вышедший через год после его смерти, явился первым научным изданием, в котором в полном объеме были применены эдиционные принципы П. Н. Рыбникова. Былины и песни представляли в рамках определенных региональных комплексов, складывавшихся из репертуаров отдельных сказителей; каждый из разделов сопровождался кратким очерком собирателя — историко-этнографическим или биографическим, — а всему изданию предпосылалась обширная вступительная статья-исследование Гильфердинга «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды», в которой давалась общая картина состояния и развития эпической традиции в Олонецком крае и намечались важнейшие линии в ее изучении.

Громкий успех изданий Рыбникова и Гильфердинга способствовал резкой активизации собирательной деятельности в самых разных областях России. Продолжает свои многолетние труды на Алтае С. И. Гуляев;¹⁰⁴ появляются публикации былинных текстов из Сибири;¹⁰⁵ явные признаки самобытной эпической традиции обнаруживаются на юге России — на Дону, Северном Кавказе, в Нижнем Поволжье.¹⁰⁶ Однако основное внимание собирателей в этот «послерыбниковский» период было привлечено все же к Русскому Северу и прежде всего к тем районам, с которыми связывалась еще свежая память об открытиях Рыбникова и Гильфердинга. В разные годы здесь, в Олонецком крае и прилегающих к нему районах, работали ученики Е. В. Барсова и П. С. Ефименко, Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш, несколько былин здесь записал молодой А. А. Шахматов.¹⁰⁷ Благодаря их усилиям отечественный научный фонд пополнился несколькими десятками новых былинных записей, однако каких-либо особо весомых результатов, хотя бы в какой-то мере сопоставимых с открытиями Рыбникова и Гильфердинга, эта работа все же не принесла. Время новых открытий было еще впереди.

Открытия произошли в самом конце 90-х гг., на рубеже веков. И вновь — на Севере, как в общем-то и ожидалось. Новые мощные очаги эпической поэзии были обнаружены на обширном пространстве — от Терского и Зимнего берега Белого моря на северо-западе до Мезени и Печоры на востоке. На основе богатейших материалов, собранных там А. Д. Григорьевым,¹⁰⁸ А. В. Марковым,¹⁰⁹ Н. Е. Ончуковым,¹¹⁰ были составлены и изданы фундаментальные собрания, прочно вошедшие в классику отечественного собирательства. Составленные в соответствии с эдиционно-собирательскими принципами Рыбникова-Гильфердинга, к тому времени общепризнанными, они во многом способствовали развитию и упрочению той особой научной традиции, того глубокого оригинального подхода к изучению народной поэзии, который в мировой науке получил название «русской школы фольклористики».

Основные направления и методы собирательской работы, сложившиеся в дооктябрьской русской науке, продолжали сохраняться и в советские годы. Однако и общее понимание фольклора, и конкретные задачи,

¹⁰⁴ Былинные записи С. И. Гуляева, печатавшиеся в различных изданиях 50—90-х гг., были собраны и опубликованы М. К. Азадовским в сб. «Былины и исторические песни из Южной Сибири» (Новосибирск, 1939).

¹⁰⁵ Миллер В. Ф. Новые записи былин в Якутской области // Этнографическое обозрение. 1896. № 2—3. С. 72—116.

¹⁰⁶ Савельев А. Сборник донских народных песен. СПб., 1886; Пивоваров А. Донские казачьи песни. Новочеркасск, 1885; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. Отд. III. С. 33—42; 1898. Вып. 24. Отд. I. С. 83—110; 1900. Вып. 27. Отд. IV. С. 69—86.

¹⁰⁷ Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. М., 1878. (Труды Этнографического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; Кн. 5, вып. 2); Барсов Е. В. Памятники народного творчества в Олонецкой губернии // Записки Русского географического общества. СПб., 1873. Т. 3; Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. / Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894; Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск, 1948.

¹⁰⁸ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. 1; СПб., 1910. Т. 3. Второй том был издан много позже — в 1939 г. в Праге.

¹⁰⁹ Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901; Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским // Труды музыкально-этнографической комиссии. М., 1905. Ч. 1; М., 1911. Ч. 2.

¹¹⁰ Печорские былины. Записал Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.

выдвинувшиеся в эти годы перед фольклористикой, приобрели целый ряд новых аспектов, которые, естественно, отразились, не могли не отразиться и на принципах собирательской работы, на самом характере ее исследовательских перспектив, если можно так выразиться.

Как известно, старая фольклористика хотя и признавала, что эпическая традиция еще не вполне исчерпала себя и продолжает оставаться фактом современной народной жизни, была тем не менее убеждена, что в целом традиция эта все же принадлежит прошлому и что ослабление ее, а затем и полное исчезновение — это лишь вопрос времени, причем не слишком отдаленного. Поэтому первой заботой исследователей было зафиксировать по возможности весь наличествующий в настоящее время эпический репертуар с ближайшей целью изучить его структуру, его внутреннюю динамику, способную, как они считали, дать известное представление и о процессах, протекавших в эпической поэзии в далеком прошлом. И лишь в той мере, в какой современная жизнь эпической традиции могла служить пояснением к ее истории, она и интересовала исследователей.

Общее понимание народной поэзии, выраженное еще П. В. Киреевским,¹¹¹ а вместе с тем и его неутешительный прогноз относительно ее судеб, оставались в дооктябрьской науке непоколебимыми; блистательные успехи собирательской работы во второй половине XIX в. и в начале XX не опровергали в ее глазах этого прогноза, а лишь отодвигали во времени его окончательное исполнение.

В советской фольклористике с самого начала утвердилась совершенно иная система воззрений на фольклор и его исторические судьбы. Принципиальное ее отличие состояло в том, что в понятие «фольклор» включались не только те специфические, характерные для традиционной народной поэзии формы, которые всегда воспринимались как выражение относительной культурной автономии народных масс, но и вообще все проявления народной художественной активности, будь то продолжающееся функционирование старых жанров или же закономерное в эпоху культурной революции обращение широких народных масс к новым, только еще входящим в народный быт формам специализированного искусства (художественная самодеятельность, литературное творчество и т. д.). В соответствии с этим пониманием произошла весьма существенная переакцентуация и в решении вопроса об эпической поэзии. Процессы, происходящие в жизни, скажем, былины, по-прежнему привлекали внимание фольклористов, и изучение их велось на основе той же методики, что и прежде. Однако теперь они изучались не только и даже не столько в интересах выявления истории былины, сколько в интересах определения степени ее творческой жизнеспособности, способности к дальнейшему продуктивному развитию. Если, например, для Рыбникова и Гильфердинга так называемое «личное начало» в жизни эпической традиции было одним из феноменов, объясняющих современное состояние эпической традиции и позволяющих с известной долей уверенности судить о ее прошлом (поскольку было установлено, что «личное начало» действует лишь в пределах этой традиции), то советскими фольклористами «личное начало» рассматривалось как потенциальный и, в сущности, ничем не регулируемый источник дальнейшего преемственно-продуктивного развития эпической традиции. Исходя из объективного анализа современного состояния былинного эпоса, они признавали, что в традиционных своих формах он безусловно обречен на полное исчезновение.¹¹² Однако отмирание традиционных форм —

¹¹¹ «Несмотря на то что песни имеют такое значение в жизни русского народа, — писал он в предисловии к своему сборнику „Русские народные стихи“, — нельзя не признать мрачной истины, в которой убедило меня многолетнее занятие этим предметом: что вся их красота, все, что составляет существенное достоинство их характера, — уже старина и что эта старина уже не возрождается в новых, себе подобных отраслях, как было в продолжение столетий веков. Неудивительно, если те, которые слышали русские песни только в городах или по большим дорогам, мало дорожат ими: это новое поколение песен, начинающее вытеснять прежнее, в самом деле недостойно того, чтобы им дорожить, хотя и очень достойно внимания. Настоящую прекрасную русскую песню должно искать в глуши, вдалеке от городов и от средоточий промышленной деятельности.

Везде, где коснулось деревенского быта влияние городской моды, соразмерно с этим влиянием уродуется и характер песен: вместо прежней красоты и глубины чувства встречается безобразие нравственной порчи, выраженное в бессмысленном смещении слов, частью перепутанных из старой песни, часть вновь нестройно придуманных; вместо прежней благородной прямоты — ужимистый характер сословия лакейского» (Русские народные стихи. М., 1848. С. II—III).

¹¹² «Если меня спросят, — писал Ю. М. Соколов, — отмирает ли старая былина, я должен сказать, что она — старая традиционная былина — действительно идет к исчезновению. Кое-где она живет, но наблюдения современных фольклористов показывают, что старинная былина в целом исчезает. Почему она исчезает? Потому, что былина связана с определенным мировоззрением, выросшим в глубине средних веков. С изменением старого мировоззрения исчезает и порожденная им былина» (Соколов Ю. М. Основные линии развития советского фольклора // Советский фольклор. 1941. Вып. 7. С. 50).

это, как они считали, еще не отрицание самой эпической традиции. Ибо отмирая в своих архаических формах, былинный эпос, по их мнению, возрождается в новых формах, соответствующих новому характеру народно-поэтического сознания.¹¹³ Подтверждение этому взгляду они видели в фактах сказительского новаторства, в так называемых «новинах», которые в 20—30-е гг. занимали довольно приметное место в репертуаре некоторых северных сказителей (М. С. Крюковой, П. И. Рябинина-Андреева и др.).

Надо, впрочем, сказать, что хотя столь расширенное толкование фольклора и открыло на известное время дорогу материалам, с точки зрения строгой науки весьма сомнительным, но на общем высоком уровне собирательской работы 20—30-х гг. это ни в коей мере не отразилось. Собрание и изучение старой доброй былины шло своим чередом, былинный фонд науки продолжал неуклонно расти. Так, например, только одна экспедиция братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых, организованная ими под характерным названием «По следам Рыбникова и Гильфердинга» (1926—1928), дала 370 былинных записей.¹¹⁴ Не менее впечатляющими были и результаты комплексной экспедиции ГИИИ, работавшей в те же годы в Заонежье, на Пинеге, Мезени и Печоре под руководством А. М. Астаховой.¹¹⁵ Материалы, собранные в этих, равно как и во многих последующих экспедициях, конечно, не относятся к разряду открытий; ни новых эпических «материков», подобных, скажем, рыбниковской «Исландии», ни новых былинных сюжетов в этих экспедициях открыто не было. Однако научное значение их было при всем том исключительно велико: не говоря уже о том, что на былинной карте страны благодаря им почти не осталось «белых пятен», а количество былинных записей ныне исчисляется уже тысячами и тысячами, они позволили выработать широкое и ясное представление о процессах, характеризующих развитие эпоса на протяжении весьма длительного периода его истории.

Работу по собиранию былин, продолжившуюся более двух столетий, сегодня можно считать практически завершённой — единичные записи, которые время от времени появляются на страницах разных научных изданий, общей картины ни в каком случае не меняют. Сегодня наступила пора иных задач, иных проблем. Они заключаются в том, чтобы несметные эпические богатства, добытые многими и многими поколениями русских собирателей, богатства, подлинного масштаба которых мы себе даже не представляем (поскольку часть их рассыпана по редким или же полузабытым изданиям, часть продолжает ждать своего часа в архивах и частных коллекциях), чтобы эти богатства были наконец учтены и сведены воедино, четко систематизированы и представлены широкому читателю в виде того, что можно было бы назвать Сводом русской эпической поэзии.

* * *

До появления первых двух изданий Сборника Кирши Данилова былины, как уже отмечалось, не привлекали особого внимания. Редкие-редкие их образцы, временами попадавшие на страницы популярных песенников, воспринимались читающей публикой, пожалуй, скорее как нечто производное от всякого рода «Гисторий», «Сказаний», «Повестей» и т. д., нежели как оригинальный песенный комплекс, истоки которого восходят к глубокой древности. Потому в словесности XVIII—начала XIX вв. чаще можно было встретить литературную обработку какого-нибудь былинного сюжета, мотива или образа, чем ученое рассуждение на подобную тему.

Первым опытом собственного научного осмысления былин явилось предисловие К. Ф. Калайдовича ко второму, осуществленному им самим изданию «Древних российских стихотворений» (1818). Проведя тщательный

¹¹³ «Героический эпос современности, — утверждал, например, А. Л. Дымищ, — (...) включает в свой состав такие жанры фольклора, которые еще совсем недавно некоторыми чрезмерно «учеными» фольклористами, явно находившимися под влиянием реакционных буржуазных «теорий» в фольклористике, объявлялись „закономерно вымирающими“ (...) А между тем все эти якобы вымирающие жанры переживают в условиях советской действительности как бы второе рождение, оживают и видоизменяются под воздействием новой героической тематики (...) Мы знаем, что былина — этот древнейший жанр народного героического эпоса — дожила до наших дней и сейчас „питается“ новым материалом революционной современности» (Дымищ А. Л. Литература и фольклор. М., 1938. С. 23, 24).

¹¹⁴ Их собрание было издано лишь в 1948 г. См.: Онежские былины/Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова; Подготовка текстов, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948 (Летописи Гос. лит. музея; Кн. 13).

¹¹⁵ Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. 1. Мезень и Печора; М.; Л., 1951. Т. 2. Прионежье, Пинега и Поморье.

текстологический и палеографический анализ рукописи Сборника, сопоставив его материалы с весьма широким кругом исторических и литературных данных, Калайдович не только сумел выяснить некоторые существенные моменты, связанные с происхождением Сборника и характером его материалов, но и — что особенно важно подчеркнуть — во многом предопределил самый тип тех критериев, которые во всех дальнейших изучениях эпической поэзии будут применяться в качестве исходных. Главный из них — это возможность соотнесения былинных сюжетов и персонажей с теми или иными событиями, зафиксированными историческими источниками, возможность своего рода проверки первых вторыми. С этими критериями впоследствии будут принуждены считаться так или иначе все исследователи независимо от того, к какому конкретному научному направлению они будут принадлежать.

Изучив состав песенно-эпического репертуара Сборника, Калайдович посчитал, что Кирша Данилов был не столько «сочинителем древних российских стихотворений», сколько их собирателем, «ибо многие из них принадлежат временам отдаленным».¹¹⁶ Однако и собирателем он, по мнению ученого, был тоже не совсем обычным, поскольку, располагая, по-видимому, «древнейшими остатками народных песен», он, «к сожалению, их переделал».¹¹⁷ «Наш стихотворец кое-что знал, но другим рассказывал по-своему».¹¹⁸ В этом «по-своему», зависящем от индивидуальных особенностей личности поэта-собираателя, и заключалось для Калайдовича объяснение тех многочисленных расхождений между песнями и летописной действительностью, которые без труда обнаруживаются в любой из «пйэс» Кирши. Но, прослеживая эти расхождения по всему репертуару Кирши и применяя ко всем текстам как будто единый критерий (соответствие истории), Калайдович замечает и другое — далеко не одинаковую степень приближенности разных песен к истории — деталь малозаметная, но весьма существенная для понимания позиции Калайдовича. Важной она представляется потому прежде всего, что причины этой неодинаковости Калайдович видит не только и даже не столько в индивидуальных особенностях Кирши Данилова как импровизатора-обработчика, сколько в том, что она, эта неодинаковость, была уже как бы «дана» в самих источниках, из которых исходил в своих импровизациях Кирша. «Если Данилов, — замечает он, — находил источники для своих песен в истории, то несравненно более материалов доставляли ему народные сказки».¹¹⁹ Указав на ряд обширных сюжетных, а в некоторых случаях даже и текстуальных совпадений песен Кирши с «Русскими сказками» В. А. Левшина, Калайдович сделал отсюда, правда, лишь тот вывод, что «издатель русских сказок имел у себя стихотворения Данилова»,¹²⁰ но тот факт, что сами те песни, которые Левшин переложил в сказки, Кирша, в свою очередь, создал на материале тоже сказочном, не подлежит для Калайдовича сомнению.

Таким образом, в песенно-эпическом репертуаре Кирши Данилова Калайдович различает две группы песен: одну — тяготеющую к сказке, к сказочному типу изображения, и другую — ориентирующуюся по преимуществу на действительные исторические события.¹²¹ Это разграничение, конечно, нельзя рассматривать как разграничение былин и исторических песен, поскольку обе группы песен воспринимаются Калайдовичем уже в некоем литературном качестве, возникшем в результате творческой переработки Киршей-поэтом соответствующих источников — сказок и «древнейших остатков народных песен», относительно историзма которых можно, по-видимому, лишь гадать; собственно народная эпическая традиция остается для Калайдовича в стороне. Однако сам тот факт, что в репертуаре Кирши наличествуют две достаточно самостоятельные поэтические традиции, чем бы ни объяснялось

¹¹⁶ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1818. С. IV.

¹¹⁷ Там же. С. VIII.

¹¹⁸ Там же. С. XVI.

¹¹⁹ Там же. С. XXI.

¹²⁰ Там же. С. XXII.

¹²¹ Это различие Калайдович отразил даже в названии, которое он дал Сборнику, — «с прибавленным 35 песен и сказок» (других «сказок» в Сборнике, как известно, нет).

их различие, — этот факт представлял для Калайдовича, так сказать, объективную данность и, как уже отмечалось, в качестве таковой же был воспринят и позднейшей наукой.

Например, те же две группы песен, те же две повествовательные традиции различает в «Древних российских стихотворениях» и В. Г. Белинский. Первую группу, происхождение которой Калайдович связывал со сказками, Белинский обозначает несколькими терминами — «сказочные поэмы», «поэмы в сказочном роде», «богатырские сказки», «богатырские поэмы». ¹²² Встречается у него иногда и термин «былина», ¹²³ лишь за два года до того введенный в обращение И. П. Сахаровым.

Ко второй группе он относит песни собственно исторические, не придавая, впрочем, этому названию слишком серьезного смысла, поскольку исторические представления, отразившиеся в этих песнях, имеют, по его мнению, столь же фантастический характер, как и в былинах. Однако в отличие от Калайдовича — и это особенно важно подчеркнуть — Белинский рассматривает две эти группы песен не просто как произведения, генетически связанные с принципиально разными источниками (сказки и «древнейшие остатки народных песен»), а как специфические, характерные проявления единой народной эпической традиции на стадияльно разных ступенях ее развития. Роль Кириши-поэта он, конечно, тоже учитывает, но и «сказочная поэма», и так называемая «историческая песня» — это для него не нечто производное от сказки или же чего-то другого, использованного Киришей в качестве источника, а совершенно самостоятельные эпические формы, соответствующие определенным состояниям народнопоэтического сознания, которые, в свою очередь, соответствуют трем основным периодам человеческой истории — мифическому, героическому и так называемому гражданскому. ¹²⁴ «Эпические поэмы, — писал он, — бывают трех родов: космогонические и мифические...; сказочные, в которых видна особенность народной фантазии и которые суть эхо баснословно-героического быта младенствующего народа, и исторические, в которых хранятся поэтические предания исторической жизни народа, уже ставшего государством». ¹²⁵

Исходя из этой общей периодизации, Белинский определял время создания русских былин («сказочных поэм») как время, непосредственно предшествующее татаро-монгольскому вторжению, признавая, впрочем, что и последующие времена наложили на это эпическое наследие свой — и весьма значительный — отпечаток. Он не берется судить о том, что собой представляли эти «сказочные поэмы» в своем первоначальном виде. «Может быть, — высказывает он предположение, — первоначально они явились чисто эпическими отрывками, а потом уже, изменяясь со временем, получили свой сказочный характер; а может быть, вследствие варварского понятия о вымысле, и в самом начале явились поэмами-сказками, в которых поэтический элемент был осилён прозою народного взгляда на поэзию». ¹²⁶ Но в любом случае это были формы, в которых отражение действительности определялось и регулировалось не критериями исторической достоверности, а некими устойчивыми и характерными именно для «баснословно-героического быта младенствующего народа» представлениями об идеальном-героическом, достойном высокой поэзии. Характер вымысла в эпических поэмах и поэмах-сказках был разным, но не за счет большего или меньшего отхода от реальности, а исключительно за счет того, каким было отношение слагателей к самому предмету этих поэм. Отличительная черта эпической поэмы, по мнению Белинского, заключается в том, что «поэт как бы уважает свой предмет, ставит его выше себя и хочет в других возбудить к нему благоговение», тогда как «в сказке поэт — себе на уме: цель его — занять праздное внимание, рассеять скуку, позабавить других». ¹²⁷ В свете этой антитезы Белинский определяет былинку как нечто промежуточное между эпической поэмой в собственном смысле и сказкой: это уже не эпическая поэма, поскольку повествование

¹²² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 354—356.

¹²³ Там же. С. 354.

¹²⁴ Там же. С. 328.

¹²⁵ Там же. С. 331.

¹²⁶ Там же. С. 355.

¹²⁷ Там же. С. 354.

в ней утратило до известной степени прежнюю первоначально-эпическую серьезность и величавость; но в то же время это *еще* и не сказка, поскольку вымысел в ней отнюдь не бесконтролен, а в значительной мере продолжает считаться с эпическими критериями. Эту двойственность эстетической природы былин Белинский и стремится подчеркнуть, говоря, что «древние стихотворения, заключающиеся в сборнике Кириши Данилова, большею частью эпического содержания в сказочном роде».¹²⁸

Ту же двойственность отмечает Белинский и в так называемой исторической песне. Она, по его мнению, тоже подвержена влиянию сказочной эстетики, которое здесь, в исторической песне, еще более заметно, чем в былине. Потому что если в былине оно проявляется лишь в типе вымысла, но само по себе этого вымысла не создает, то в песне исторической, претендующей, по крайней мере формально, на историческую достоверность, «сказочные» элементы сразу же бросаются в глаза. Белинский даже не слишком стремится вникнуть в причины этой двойственности; для него это просто факт — факт, свидетельствующий, что так называемая историческая песня еще не развилась до подлинно исторической, ибо, как считает критик, «русская народность еще создала себя в сказках: в истории она потерялась».¹²⁹

Примерно с середины 1850-х гг. в изучении былинного эпоса начинается новый, а точнее даже будет сказать, качественно новый период. Связано это, конечно, было прежде всего с тем, что отечественная филологическая наука обрела к этому времени достаточно прочную академическую основу, что самым решительным образом сказалось на всем дальнейшем ее развитии.

Академический подход к изучению народной поэзии означал, во-первых, существенное расширение исследовательских аспектов. Прежним — историко-социальным и отвлеченно эстетическим — аспектам, имевшим широкое хождение в литературной критике первой половины века, на смену пришли аспекты конкретно-исторические, генетические, во всяком случае, строго специальные, что, естественно, потребовало применения методов тоже по преимуществу специальных, отвечающих характеру привлекаемого материала.

Эти перемены были важны и сами по себе, свидетельствуя о резко возросшем исследовательском потенциале русской науки. Но они имели еще и ту чрезвычайно существенную сторону, что позволяли ей активно включиться в общеевропейский научный процесс, в котором русские штудии очень скоро заняли весьма заметное положение. В сравнении с западноевропейской наукой положение это можно даже назвать в некотором роде особым. Ибо если европейские ученые волею исторических обстоятельств принуждены были изучать эпос своих народов лишь по письменным, книжным источникам (устная традиция там, как известно, давно уже была утрачена), то русские ученые располагали в этом отношении несравненно более благоприятными условиями — для них древнейшие создания народной эпической поэзии были их, так сказать, сегодняшним днем, явлением *современной* народной культуры. Процессы, которые в западноевропейском эпосе давно уже завершились и о которых теперь, пять-шесть веков спустя, можно было лишь гадать, русские собиратели и исследователи имели возможность наблюдать воочию. И именно в этом, думается, заключалась одна из главных причин того, что все те классические историко-генетические концепции, которые, сменяя одна другую, поочередно воцарялись в европейской науке, в русской фольклористике не пустили слишком глубоких корней. То есть, они, конечно, воспринимались ею достаточно активно и имели в ней подчас весьма увлеченных последователей. Но, во-первых, увлечения эти бывали, как правило, довольно поверхностными и скоротечными; во-вторых же, — и на это следует обратить особое внимание — в русской науке как-то сразу определялся чрезвычайно характерный тип ученого, ученого-универсала, которого было бы трудно, просто невозможно связать с какою-либо одной научной «школой».

Поэтому, хотя все наиболее заметные европейские школы находили в русской фольклористике большее или меньшее признание, все же развитие ее складывалось не как последовательная смена одной школы другими, а как неуклонное поступательное движение к некоему методологическому синтезу, к многостороннему, многоаспектному изучению предмета.

¹²⁸ Там же. С. 355.

¹²⁹ Там же. С. 429.

Первые опыты целостного осмысления генезиса и исторического развития русского былинного эпоса были предприняты у нас на основе методологии, характерной для так называемой сравнительно-мифологической (чаще ее называют просто мифологической) школы. В своих воззрениях на народную поэзию ученые этой школы исходили, как известно, из того, что многие фольклорные произведения, в частности былины, восходят в своем генезисе к тем незапамятным временам, когда народы еще не разделялись на нации и когда основной формой отражения действительности в сознании человека была мифология. Века и века, минувшие со времени возникновения этих первоначальных созданий народной поэзии — мифов, конечно, сильно изменили их облик, превратив их сперва в эпические сказания о героях, а затем в былевые и исторические песни. Но, — утверждали мифологи, — хотя влияние последующих, «исторических», времен было и велико, но все же не настолько, чтобы вовсе заслонить эту мифическую основу, и она присутствует так или иначе в любом сюжете, какие бы превращения он ни претерпел в позднейшие эпохи.

В своих настойчивых попытках выявить эту основу ученые-мифологи гораздо чаще, однако, были вынуждены полагаться на художественное воображение, нежели на какие-либо положительные научные данные и доходили в этом отношении до выводов едва ли не анекдотических. Вот, например, как интерпретировал былинку о Соловье Будимировиче (с привлечением к ее анализу некоторых мотивов былины о Соловье-разбойнике) один из крупнейших представителей мифологического направления Орест Миллер. «Корабли и чудесные терема, — писал он в своем капитальном труде „Илья Муромец и богатырство киевское“, — это должны быть те, возводимые так быстролетно, воздушные построения, какие воздвигаются ветром из облаков. После этого станет для нас понятно и вышеуказанное соотношение между гнездом Соловья (в свивающихся дубовых верхах) и теремами Соловья (со сплетающимися вершинами): и гнездо и терем тут мифически однозначны, как построение из небесных, свивающихся деревьев-туч». ¹³⁰ И «если гнездо Соловья есть жилище мрачное, то и в нем скрываются им украденные, драгоценные, яркиеклады, мифически соответствующие тем светилам небесным, какие оказываются сокрытыми в теремах соловьиных». ¹³¹

Хотя к такого рода «вольностям» мифологическая экзегеза располагала, по-видимому, более чем какая-либо другая (ибо открыла широкий простор художественно-ассоциативному мышлению в явный ущерб строго научному, аналитическому), было бы несправедливо не отметить, что ее потенциальные методологические возможности этими крайними выводами отнюдь не компрометируются. Потому что, в сущности, единственное, что ею утверждалось и что придавало ей черты направления, «школы», — это общая мысль о том, что генезис большинства эпических сюжетов восходит к мифу. Обнаружение этого мифа или хотя бы его элементов было для мифологов идеальной целью, однако пути, которыми они шли в своих поисках, определялись не «школой» самой по себе, а исключительно мерой объективности, присущей тому или иному исследователю.

Поучителен в этом отношении пример Ф. И. Буслаева, признанного главы русских мифологов, который в отличие от своих учеников всегда очень ясно представлял себе действительное место и значение мифа в истории народного художественного сознания и, уж во всяком случае, не сводил задачу исследования к поискам мифических пра-сюжетов.

Разделяя общее воззрение мифологов на историю культуры как на движение от простейших форм отражения действительности к более сложным — т. е. от мифа к литературе, — он прекрасно, однако, понимал, что каждая былина или сказка ведет свою родословную непременно от мифа, что многие и многие былины принадлежат уже «историческим» временам и что, наконец, даже те, из них, в которых можно различить какие-то отголоски древних мифов, прожили слишком долгую «историческую» жизнь, чтобы сейчас можно было разложить их на какие-либо «мифологемы». «Обратить былинку назад, — считал он, — в тот доисторический период, когда она интересовалась только красным солнышком да тучею с дождем, а не князем Владимиром и Соловьем-разбойником, значило бы отказать родному эпосу в его национальном интересе для последующих поколений, которые в своих

¹³⁰ Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869. С. 556.

¹³¹ Там же. С. 557.

героях хотели воспевать более близкое для себя, более человеческое, нежели устарелые мифы о солнце, дожде и громе». ¹³²

Но дело не только в том, что история эпической поэзии предстает, таким образом, как закономерный процесс, имеющий свои стадии и свою логику; столь же, если еще не более важным, представляется и другое, а именно то, что в основе всех стадияльно-разных эпических форм — мифа, героического эпоса и исторической поэзии — лежит, как считает Ф. И. Буслаев, некое единство, которое для понимания эпической поэзии имеет значение куда более существенное, нежели различия этих форм. «Поэтическое произведение, — писал Буслаев, — имеет то великое преимущество перед всяким другим письменным памятником, что оно способно воспроизводить во всей жизненной полноте характеры, действия и события, во всем разнообразии внешней обстановки, со всею глубиной и искренностью верований и убеждений. Оно не только рисует перед нами весь отживший быт, но и вводит в вечную, непреходящую область тех нравственно-художественных идеалов, до которых временные черты действительности были возведены». ¹³³

Вот эти самые «нравственно-художественные идеалы» и были той мерой отражения действительности, тем «магическим кристаллом», который в равной степени отличал миф, былинку и историческую песню и который и придавал им глубокое единство, лишь по-разному проявлявшееся в разных поэтических формах. ¹³⁴

Для Буслаева, таким образом, важно было не столько то, какой исторический материал отразился в былинке (равно как и в мифе, и в исторической песне), сколько то, какое преломление он в них получил, в какую нравственно-художественную идею воплотился. Ученый настойчиво подчеркивал, что «самые анахронизмы и кажущиеся нелепицы исторической былинки заслуживают тщательнейшего наблюдения для изучения того, как принимались народным смыслом исторические факты, как группировались они в его воображении и воспитывали в нем национальное чувство». ¹³⁵

В дальнейшем изучении былинного эпоса эта мысль Буслаева стала своего рода ключевой, опорной. К ней, как это ни парадоксально, склонялись даже сторонники теории заимствований, ибо, положив много сил на выяснение путей миграции былинно-сказочных сюжетов, они, как например В. В. Стасов, с огромной убежденностью настаивали на том, что национальной былинке или сказке делает не сюжет как таковой (сюжетная схема может забрести откуда угодно), а именно ассимиляция ее в художественном сознании того или иного народа.

А. Н. Веселовский еще более глубоко и всесторонне обосновал эту мысль, придав ей характер своего рода аксиомы: если миграционисты хотя и не преувеличивали значения сюжетной схемы, но все же весьма заинтересованно пытались проследить ее пути, то Веселовский решил эту проблему, что называется, разом, доказав, что эпос и даже литература по самой своей природе имеют международный характер. На разных ступенях развития эта «международность» обеспечивается единством исторического развития («международностью» самого жизненного уклада), на более поздних ступенях — все более интенсивно развивающимися и крепнущими международными связями.

Вот почему он с такою уверенностью мог утверждать, что «многие из так называемых местных сказаний ничто иное, как локализованные повести и анекдоты, так что *интерес локализации состоит не столько в содержании сказаний, сколько в открытии причин, вызвавших их приурочение*». ¹³⁶

¹³² Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887. С. 250.

¹³³ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 2.

¹³⁴ «Эпос мифологический, — писал Буслаев, — полагает первые основы нравственным убеждениям народа, выражая в существах сверхъестественных, в богах и героях, не только религиозные, но и нравственные идеалы добра и зла. Потому эти идеалы народного эпоса более нежели художественные образы: это ряд ступеней народного сознания на пути к нравственному совершенствованию» (там же. С. 5). Та же сосредоточенность на нравственном идеале характерна, по мнению Буслаева, и для былинки, и для исторической песни, которых он, к слову, не различал, причем настолько, что употреблял даже такой «оксюморонный» термин, как «Историческая былина» (Исторические очерки... Т. 1. С. 421).

¹³⁵ Там же. Т. 1. С. 421.

¹³⁶ Веселовский А. Н. Южнорусские былины. СПб., 1881. С. 9. (Сборник Отделения русского языка и словесности имп. АН; Т. 22, № 2). (Курсив мой. — Л. Е.).

Ко времени, когда были написаны эти строки, проблема отношений былинных сюжетов и исторической действительности успела, однако, серьезно обостриться. Разногласия возникли там, где, казалось бы, их менее всего можно было ожидать, а именно в вопросе об отношении былины к факту. Мысль словно бы вполне согласованная, мысль о том, что отражение действительности в былине ни в коем случае не может поверяться летописью,¹³⁷ что былина относительно отраженных в ней фактов вполне суверенна, — эта как будто вполне бесспорная мысль неожиданно стала нуждаться в дополнительных доказательствах.

То, что и былина, и историческая песня преобразуют факт в соответствии со своими целями, в этом все были согласны. Но одинаковы ли были сами эти цели у былины и у исторической песни — вот в чем был вопрос. То есть создавалась ли былина точно так же «по былям сего времени», как и историческая песня, или же в ней наличествовало нечто вроде «замышления Бояна»?

Выяснение этого вопроса составляло содержание научного изучения былинного эпоса на протяжении более столетия.

* * *

Сегодня можно считать уже достаточно твердо установленным, что «пограничная полоса», разделявшая и разделяющая сторонников исторической школы и их оппонентов, на самом деле не столь широка и непроходима, как это принято было представлять лет 30 тому назад. Более внимательное изучение истории фольклористики позволило прийти к выводу, что ни историческая школа не отвергала положительного опыта, накопленного представителями других школ, ни эти последние в принципе не оспаривали направления, взятого в изучении былины представителями исторической школы. И те и другие исходили из признания факта многовековой эволюции русского былевого эпоса, в которой как те, так и другие различали два основных периода: «до-исторический» и «исторический»; причем, говоря об «историческом» периоде, они имели в виду не то, что в этот период возникли какие-то новые (более «точные» в сравнении с периодом «до-историческим») принципы отражения исторической действительности, а лишь то, что с определенного времени в былинах начинают фигурировать конкретные, зафиксированные письменными источниками события, факты, имена и т. д. Другими словами, «исторический» период был в их представлении периодом *историзации* древнейших форм эпоса — форм, которые могут быть названы менее «историчными» только в том узком, так сказать, «прикладном» смысле, что они не донесли до новых, исторически известных времен каких-либо конкретных «примет» тех, ранних, периодов своей истории. Во взглядах же на историю эпоса, на его движение от древнейших форм к формам, в которых он сохранился в исторически обозримые периоды, у ученых, представлявших основные направления отечественной науки, принципиальных разногласий не было.

Расходились они в другом — в понимании своих исследовательских задач, характер которых определялся ими в зависимости от того, как они оценивали состояние самого изучаемого материала.

Ученые, принадлежавшие к исторической школе, считали: состояние это покамест не позволяет поставить широких генетических проблем, поскольку, как утверждал один из основоположников этой школы В. Ф. Миллер, «отдаленные основы эпоса сокрыты от нас густою завесою длинного ряда веков, которая, по отсутствию или крайней скудости письменных документов, до сих пор была приподнимаема только посредством смелых догадок и гипотез, не находивших всеобщего признания... Сомневаясь в успешности таких гаданий, которые неизбежны, если мы не имеем письменных литературных источников для былины, я, — отмечал В. Ф. Миллер, — редко пользуюсь сравнительным методом для заключений о пути проникновения в наш былевой эпос того или другого былинного сюжета. Я больше занимаюсь историей былины и отражением истории в былинах, начиная первую не от времен доисторических, не снизу, а сверху. Эти верхние слои былины, не представляя той загадочности, которую так привлекательна исследователю глубокая древность, интересны уже потому, что действительно могут

¹³⁷ «Ценность песни и не измеряется верностью ее летописной действительности, а именно ее искажением в смысле тех вековых идеалов, которые задолго перед тем овладели сознанием народа». (Веселовский А. Н. Две варшавские диссертации // Вестник Европы. 1872. № 10. С. 912.

быть уяснены и дать не гадательное, а более или менее точное представление о ближайшем к нам периоде жизни былины».¹³⁸

Если В. Ф. Миллер и его последователи стремились, таким образом, к тому, чтобы уяснить самый процесс, самый, так сказать, механизм «историзации» эпоса, пришедшего из тьмы доисторических времен, то для ученых мифологической школы, напротив, главный интерес представляло как раз то, что подлежало «историзации», т. е., по определению Ф. И. Буслаева, «менее сложные, первичные основы народного эпоса».¹³⁹

Столь согласованное разграничение исследовательских «зон», казалось бы, надолго обеспечивало возможность единого подхода к изучению истории былинного эпоса, поскольку оба периода его развития — «до-исторический» и «исторический» — укладывались и могли быть совмещены в едином процессе его эволюции от простейших («мифологических») форм к более сложным — «историческим», точнее, «историзированным». И такая возможность сохранялась до поры до времени, а именно до той поры, пока исследовательские задачи исторической школы оставались по преимуществу методическими задачами, т. е. пока она занималась только тем, что снимала в былинах «верхние» исторические наслоения с целью добраться до «нижней» их границы. Естественно, этой «нижней» границей должно было стать то, что для мифологической школы было «верхней» границей, т. е. время, с которой началась «историзация» эпоса.

Однако уже вскоре историческая школа столкнулась с одним важным вопросом, в поисках ответа на который она неизбежно должна была обратиться к проблемам, которых поначалу она и не собиралась касаться, — к проблемам собственно генетическим. Вопрос этот заключался в том, что чем больше накапливалось материалов, иллюстрирующих многообразные и тесные связи былин с конкретными историческими фактами, тем большие возникали сомнения в том, что «исторический» период жизни эпоса можно рассматривать как только процесс историзации. «Верхние» слои былины оказывались настолько обильными и значимыми, что это невольно наводило на мысль о том, что мы имеем дело не просто с «историзированными» сюжетами, пришедшими из мифологической древности, а с оригинальными произведениями, более или менее современными отраженной в них исторической действительности.¹⁴⁰

Такой поворот не только прямо привел к проблемам былинного генезиса, но и заставил решать их едва ли не исключительно в пределах «исторического» периода. А это, в свою очередь, выдвигало новую и, надо сказать, самую сложную историко-эстетическую проблему — проблему взаимоотношений былины и факта.

Сложность этой проблемы заключалась прежде всего в том, что предстояло объяснить одну весьма характерную антиномию — антиномию конкретно-исторического предмета отражения в былине и той идеально-обобщенной формы, какую он получает в итоге самого отражения. В самом деле, если былина не есть нечто унаследованное от доисторических времен, а возникает как более или менее непосредственный отклик на реальный исторический факт, в силу тех или иных причин взволновавший воображение народного певца, то почему этот факт утрачивает в былине почти всю свою индивидуальную конкретность, ассимилируясь былиной в соответствии с ее внутренними поэтическими канонами? В итоге каких процессов сложилась эта идеально-обобщенная образность? Есть ли она следствие постепенного разрушения «исторического ядра» или же она была таковою изначально, являясь воплощением каких-то особых, свойственных только былине принципов отражения?

В те времена, когда эпос признавался не столько историческим, сколько «историзированным», этих вопросов попросту не существовало: для тех же, например, мифологов былина была к началу «историзации» как бы эпосом «на излете», а все конкретно-исторические отложения в нем рассматривались как позднейшие «примеси», проникновение которых не предусматривалось никакими закономерностями. Эпос для них значил что-то лишь в той мере, в какой он мог сказать что-то о времени своего возникновения, т. е. о «до-историческом» периоде. Все же остальное, «историческое», было в их глазах вторичным, наносным, имеющим лишь второстепенный

¹³⁸ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. СПб., 1897. Т. 1. С. III—V.

¹³⁹ Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887. С. 215.

¹⁴⁰ Как писал М. Н. Сперанский, исследования В. Ф. Миллера «в общем показывают, что на деле наш эпос во всем его объеме не может считаться лишь обломками здания глубокой древности, которую ему приписывали» (Сперанский М. Н. Русская устная словесность. М., 1917. С. 98).

интерес. Потому и сама антиномия факта и его отражения в былине не была для них антиномией. «Идеальность» былины была для них правилом, нормой, «историзация» же — безусловным отклонением от нормы, искажением ее.

Однако историческая школа, вынужденная решать проблемы генезиса в пределах лишь «исторического» периода, должна была так или иначе на эти вопросы ответить. Сложность их для нее оказывалась тем более очевидной, что рядом с былинами существовали так называемые исторические песни, т. е. произведения с гораздо более выраженным типом конкретности историзма, а это еще более подчеркивало особый характер былинного историзма и обязывало в этом смысле к принципиальным объяснениям. Этому различию между былинной и исторической песней В. Ф. Миллер и большинство его последователей, впрочем, не придавали никакого значения. Больше того, они вообще сняли его, исходя из той предпосылки, что былина в существе своем была не чем иным как «исторической песней» своего времени и лишь по прошествии веков приняла тот вид, в каком ее нашли собиратели XVIII—XIX вв.

В плане чисто теоретическом такое допущение обладало достаточной степенью вероятности, хотя бы уже по одному тому, что опровержение его было бы, пожалуй, делом еще более затруднительным. Однако те его изъяны, которые не было возможности выявить теоретическим путем, вполне отчетливо обозначились в конкретной исследовательской практике исторической школы. Ибо, трактуя былинку как «историческую песню» своего времени, В. Ф. Миллер и его последователи ставили себе целью выявить такой «извод» былины, для которого была бы характерна примерно та же самая степень «верности» отражаемому факту, какая присуща исторической, поздней песне.

Все попытки обнаружить или сконструировать такой «извод», как известно, оказались тщетными. А это означало, что и антиномия факта и его отражения в былине по-прежнему осталась не объясненной.

Точка зрения, согласно которой былина рассматривалась как «историческая песня» своего времени, долгое время оставалась господствующей. Ее поддерживали А. Н. Веселовский (в некоторых своих статьях), А. К. Бороздин, С. К. Шамбинаго. «Необходимо помнить, — писал А. Н. Веселовский, — что когда у народа сложилась впервые эпическая поэзия, это доказывает, что известные события, известные формы действительности произвели на него особенно глубокое впечатление, оставили в его сознании известные идеалы (...) в его фантазии известные образы, которые отражаются в его поэзии столь же определенными выражениями, как первичные впечатления в постоянной форме слова».¹⁴¹ И если в былинах конкретная историческая действительность «менее ощутительна для нас, то это объясняется просто тем, что эти былины дольше жили в народе и более исказились от пересказов (...). Тут, стало быть, разница во времени, а не в существенном отличии былины от исторической песни».¹⁴² «Таким образом, — заключает Веселовский, — между мифическим эпосом и историческим не представляется никакой существенной грани: разница не существует ни объективно, ни для народного сознания, а только субъективно для нас, которым время Ивана Грозного и ближе и понятнее эпохи, которую мы продолжаем называть мифической».¹⁴³ Еще более определенно эту мысль выразил А. К. Бороздин: «То, что мы называем исторической песней, лишь ближе к воспеваемым событиям, и потому она с точки зрения исторической поэтики даже как бы старше былины, хотя она и гораздо моложе ее хронологически».¹⁴⁴

Само собой разумеется, эта концепция продолжала доказываться и даже не доказываться, а просто постулироваться лишь чисто теоретическим путем. Ни одного реального примера, подтверждающего ее, так и не было приведено. А потому нет ничего удивительного в том, что со временем недостаточность ее стала постепенно осознаваться даже и в теоретическом плане. Становилось все более очевидным, что обобщенная форма былины объясняется не столько позднейшими трансформациями, в ходе которых былины утрачивают свою связь с конкретным историческим фактом, сколько особым характером преломления этого факта уже в момент самого отражения. Не отрицая

¹⁴¹ Веселовский А. Н. Две варшавские диссертации. С. 911.

¹⁴² Там же. С. 907.

¹⁴³ Там же. С. 912).

¹⁴⁴ История русской литературы/Под ред. Е. В. Аничкова. М., 1908. Т. 1. Народная словесность. С. 223.

принципиальной связи былины с реальным фактом, М. Н. Сперанский, например, утверждал, что в отличие от исторической песни «былина смотрит на исторический факт преимущественно с точки зрения поэтического его отображения, изображения настроения, создаваемого фактом, отсюда у автора былины преимущественное внимание к поэтической стороне произведения, к воздействию на чувство и воображение слушателя и меньший интерес к факту как таковому в сознании слагателя».¹⁴⁵ На особый характер преломления факта в былине указывал и А. П. Скафтымов: «Уже и при прямой установке на реальность область захватываемой действительности даже в пределах одного факта имеет и свои границы, и свой фокус, в которых она и получает свою организацию: здесь уже выдвигается ядро значимости совершившегося события, подхватывается пробившийся в нем и увлекший элемент скорби, радости, смеха, гнева или восхищения на почве общеморальных или национальных или классовых оценок. Фактическая действительность дается в общих чертах, событие воспроизводится лишь в линиях главной канвы и лишь постольку, поскольку это нужно для воспроизведения выдвинувшейся главной психологической ситуации».¹⁴⁶ В дальнейшем, «с утратой интереса к факту самому по себе», конкретно-историческая основа былины отходит на задний план и, наконец, совсем забывается, остается лишь ее «функционально-эстетический вес», на котором и сосредоточивается все внимание былины.¹⁴⁷

Свою концепцию А. П. Скафтымов смог подтвердить весьма своеобразным примером. Он проанализировал все имеющиеся варианты исторической песни о Кострюке и показал, что история этой песни была ни чем иным, как историей ее превращения в обычную былину. Пример, что и говорить, весьма оригинальный. Он безусловно доказывает, что песня с конкретно-историческим содержанием вполне может в условиях устной традиции претерпеть ту эволюцию, какую претерпела песня о Кострюке. Однако Скафтымов все же не доказывает главного: того, что былина при своем возникновении была песней с конкретно-историческим содержанием. Среди исторических песен можно указать и еще две-три, которые претерпели те же превращения, что и песня о Кострюке («Щелкан Дуденьевич», например, или же песня о М. В. Скопине-Шуйском¹⁴⁸). Однако и их пример говорит лишь о превратностях судьбы песен с историческим содержанием в условиях устного бытования. Кроме же того, во всех этих песнях ослабление связи с фактами, легшими в их основу, ничем, по сути дела, не компенсировалось, ибо разрушение исторической основы в них сопровождалось и их очевидной художественной деградацией (чего нельзя сказать о классических былинах, если предположить, что они венчали собой эволюцию песен с конкретно-историческим содержанием).

Книга А. П. Скафтымова была последней по времени серьезной попыткой объяснить антиномию конкретного исторического факта и обобщенной формы его отражения в былине. В дальнейшем фольклористика к этому вопросу больше не возвращалась. Для одних (В. Я. Проппа и его последователей) такой антиномии просто не существовало, поскольку ими отрицалась вообще какая бы то ни было связь былины с конкретными фактами; другие же, продолжая оставаться на позициях исторической школы (которая с середины 30-х гг., надо сказать, вообще отошла в тень), терпеливо продолжали и ее основную линию — линию сугубо конкретных исторических разысканий и сближений, — по-видимому, оставляя вопрос о форме былин до лучших времен.

Между тем вопрос этот день ото дня становится все более актуальным. Ибо в самой непосредственной связи с ним сегодня оказываются многие важнейшие социально-эстетические и культурно-исторические проблемы.

Начать с того, что вопрос об историзме былин, т. е. о том, в каких формах отражается в них историческая действительность (а следовательно, и конкретный исторический факт), зависит и сам влияет на решение более общего вопроса — об истории и основных этапах развития народного художественно-исторического сознания. Одно, например, дело считать, что былине уже при самом ее возникновении присуща способность отражать конкретные исторические факты, и совсем другое дело утверждать, что она ограничивается лишь выражением

¹⁴⁵ Сперанский М. Н. Былины. М., 1919. Т. 2. С. 322.

¹⁴⁶ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былины. (Очерки). М.; Саратов, 1924. С. 101.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ См. о последней песне: Азбелов С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 43—76.

общих, не «заземленных» в конкретной действительности идеалов и идей, а внимание к реальному факту возникает лишь на поздних этапах развития исторического эпоса, т. е. в так называемых исторических песнях. В первом случае признается, что народному художественному сознанию уже на ранних этапах был присущ конкретный историзм, в дальнейшем не претерпевший никаких особых изменений (и, к слову, поддающийся сегодня уяснению лишь по аналогии с «младшими» историческими песнями); во втором же случае основной акцент делается на эволюции народного сознания, на способности его к развитию, к движению от простейших форм художественного освоения действительности к более сложным — конкретно историческим. Другими словами, если первая точка зрения вообще не предусматривает вопроса о развитии народного художественного сознания, в лучшем случае полагая, что оно состояло в расширении проблемно-тематического кругозора народной поэзии, то вторая точка зрения изначально исходит из той мысли, что определенное состояние народного сознания порождает и свои, соответствующие ему художественные формы.¹⁴⁹

В соответствии с этими двумя противоположными пониманиями закономерностей развития народного сознания исследователям приходится сегодня решать и разные задачи, преодолевать различные по своей природе трудности. Представителям «школы» В. Я. Проппа предстоит доказать, что та «единица историзма», на изучении которой сосредоточены их исследования, вполне исчерпывает объективный историзм былины и является в этом смысле совершенно достаточной. Что же касается последователей исторической школы, продолжающих отстаивать ее позиции, то им, как и прежде, предстоит объяснить и, может быть, снять наконец уже упоминавшуюся выше антиномию конкретного исторического факта и его обобщенного отражения в былине.

Гипотеза о том, что у истоков былины лежит историческая песня, имеет тот недостаток, что образование былины предстает как весьма однообразный процесс выветривания из нее конкретно-исторического содержания. Кроме того, остается непонятным, почему этот процесс прекратился, скажем, в XVI в. в «младших» исторических песнях (ссылки на то, что эти песни «не успели» превратиться в былины, вряд ли можно признать основательными). А потому, признав в принципе, что в основе былины все-таки лежит конкретный исторический факт, следует, по-видимому, признать, что обобщенная форма его отражения есть результат не разрушения этой конкретно-исторической основы, а выражение особого способа отражения этой конкретности — способа, сказывающегося уже в момент возникновения былины. «Сходство очертаний между сказкой и мифом, — писал А. Н. Веселовский, — объясняется не их генетической связью, причем сказка являлась бы обескровленным мифом, а в единстве матерьялов и приемов и схем, только иначе приуроченных. Этот мир образных обобщений, бытовых и мифологических, воспитывал и обязывал целые поколения на их пути к истории. Обособление исторической народности предполагает существование или выделение других, в соприкосновении или борьбе между собою; на этой стадии развития слагается эпическая песня о подвигах и героях, но реальный факт подвига и облик исторического героя усваивается песней сквозь призму тех образов и схематических положений, в формах которых привыкла творить фантазия. Таким образом сходство сказочных и мифологических мотивов и сюжетов протягивалось и на эпос».¹⁵⁰

Действие этих-то самых форм, в которых привыкла творить народная фантазия, форм, многократно испытанных в мифах и сказках и готовых ко множеству других жанровых приурочений, и проявилось в способах организации и отражения конкретного исторического материала в былине. Такое понимание освобождает нас от необходимости ставить между былинной и фактом некое опосредующее звено в виде «исторической песни» и ставит на место вопрос о внутренней эволюции былины на позднейших этапах ее истории, т. е. избавляет от необходимости усматривать в этой эволюции объяснение обобщенной формы былины. Более естественное объяснение получает в этом случае и «младшая» историческая песня. Хотя действие универсальных форм, в которых привыкла творить фантазия, сказывается, по мнению Веселовского, и здесь,¹⁵¹ проявляется оно уже гораздо слабее, потому

¹⁴⁹ Еще М. Н. Сперанский, сравнивая историческую песню с былинной, писал, что историческая песня «не только следующий, младший этап развития эпической песни сравнительно с былинной, но она отразила иное состояние воззрений русского племени на окружающее, нежели то показывала былина, и отразила его иначе (Сперанский М. Н. Былины. Т. 2. С. 321).

¹⁵⁰ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 496.

¹⁵¹ См.: Веселовский А. Н. Две варшавские диссертации. С. 911.

что изменились представления о предмете поэзии: ценность конкретного факта в сравнении с «былинными» временами существенно возросла. Потому в «младших» исторических песнях мы видим большее соответствие конкретному факту, чем в былинах, меньшую условность художественного изображения. Конкретный историзм «младших» исторических песен явился по отношению к историзму былинному тем же самым, по сути дела, чем литературный реализм по отношению, скажем, к романтизму или классицизму. Только помня об этом различии, только признав в былине поэтическую форму своего времени, соответствующую характеру отразившегося в ней сознания, наконец, только признав факт поступательного развития и, следовательно, смены типов историзма, можно надеяться, что застарелая антиномия конкретного исторического факта и обобщенной формы его отражения в былине будет в конце концов снята.

* * *

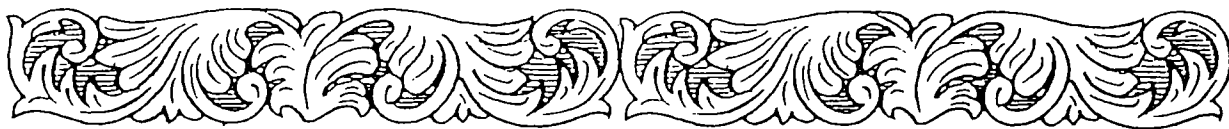
Почти столетие назад А. Н. Веселовский писал: «История литературы напоминает географическую полосу, которую международное право осватило как terra incognita, куда заходят охотиться историк культуры и эстетик, эрудит и исследователь общественных идей. Каждый выносит из нее то, что может, по способностям и воззрениям, с той же этикеткой на товаре или добыче, далеко не одинаковой по содержанию. Относительно нормы не сговорились, иначе не возвращались бы так настоятельно к вопросу: что такое история литературы?»¹⁵²

То же самое, кажется, можно сказать и о былине. Она тоже своего рода terra incognita, куда заходят охотиться самые разные специалисты, каждый вынося из нее «то, что может, по способностям и воззрениям». Ищут в ней и отголоски исторических фактов, и остатки древних верований, и следы давно исчезнувших культовых обрядов, и многое другое. В этом нет ничего удивительного, потому что былина прожила долгую, многовековую жизнь и, по-видимому, в ней можно найти следы и того, и другого, и третьего. Все эти сведения добывались и, вероятно, будут еще долго добываться из нее, но (Веселовский прав!) надо сговориться относительно «нормы». В нашем случае это означает, что отыскивая в былине всевозможные «отголоски», не следует подчинять им прочтение всей былины как некоего художественного целого. Другими словами, нельзя вычленять и анализировать эти «отголоски» в ущерб основной художественной идее былины.

Былина может и, по-видимому, должна изучаться под самыми разными углами зрения.¹⁵³ Но лишь при одном неперемennom условии, а именно: чтобы все эти изыскания исходили из строгого учета ее идейно-художественной специфики. Свод русского фольклора предоставляет для исследований беспрецедентный по богатству подлинный материал.

¹⁵² Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 53

¹⁵³ Еще в 1870 г. в своей известной лекции «О методе и задачах истории литературы как науки» А. Н. Веселовский поставил один важный с методологической точки зрения вопрос. Обращая внимание на тот факт, что сюжеты, «находящиеся в обращении у романистов, сводятся к небольшому числу, которое легко свести к еще меньшему числу более общих типов», Веселовский спрашивал, «не ограничено ли поэтическое творчество известными определенными формулами, устойчивыми мотивами, которые одно поколение приняло от предыдущего, а это от третьего, которых первообразы мы неизбежно встретим в эпической старине и далее на степени мифа, в конкретных определениях первобытного слова? Каждая новая поэтическая эпоха не работает ли над исстари завещанными образами, обязательно вращаясь в их границах, позволяя себе лишь новые комбинации старых и только наполняя их тем новым пониманием жизни, которое, собственно, и составляет ее прогресс перед прошлым?» (Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 51). В этих «исстари завещанных» образах и сюжетных схемах совпадают художественные произведения самых разных эпох, и именно в этом заключается причина того, что в датировке и вообще в определении исторического содержания той или иной былины исследователи расходятся между собой подчас на добрый десяток веков. Ибо типологическую «константу», каковой в данном случае являются эти «исстари завещанные» схемы (Веселовский называл их «формами необходимости»), они принимают всякий раз за некий генетический показатель.

БЫЛИНЫ НА ПЕЧОРЕ

І. Этническая история региона

Сложная этническая история завершилась расселением славян по Восточной Европе. Восточные славяне (русские) были носителями высокого уровня этнического сознания, выразившегося в образовании Древнерусского государства и закрепленного им. Единый и последовательно повторявшийся в разных северных районах процесс формирования северно-русского массива имел своеобразие в отдельных частях региона, которые определяли как исторические, социально-хозяйственные и этнокультурные особенности различных групп восточных славян (русских), расселявшихся по Северу, так и их контакты с местными народностями.

Письменные источники свидетельствуют о появлении русского народа в бассейне Печоры в Новгородско-Верхневолжский период освоения Севера (вторая четверть XII в.—1578 г.).¹ На первом этапе этого периода (до 1238 г.) идет интенсивное «данническое» освоение Печоры новгородцами, характерное для общей деятельности Новгорода на большей территории Севера — в Поморье, Подвинье, на Мезени, о чем неоднократно упоминается в летописях. В первой половине XIII—начале XIV в. «на пути в Печору» образуются подвинские «ростовщины», составляющие в совокупности большую область, протянувшуюся от верховьев Северной Двины до впадения в нее Пинеги; население этой области оказалось в сфере влияния русского Верхневолжского центра и заселялось его жителями. «Ростовщины» вместе с возникшим в XIII в. Великим Устюгом несомненно сыграли большую роль в Русском продвижении на восток — в Вычегодский и Пермский края — и на север — на Мезень и Печору. В XIII—XIV вв. на Мезени и Печоре одновременно «промышляют» новгородские и великокняжеские (Ростов, Москва) ватаги, при этом вторые организуются по указанию Ивана Калиты и Дмитрия Доиского.

С конца XV в. исторические судьбы северных районов протекают в рамках Русского централизованного государства. В течение XV—XVIII вв. толчком к появлению русского населения в отдаленных северных районах служила, как правило, целенаправленная деятельность государства: строительство пограничных монастырей-крепостей, острогов и слобод для торговли с народами Севера и Сибири; так, примерно в одно время возникают Лампожня на Нижней Мезени и Пустозерск на Нижней Печоре.

Ядро, которое положило начало складыванию населения как Пустозерска (на рубеже XV и XVI в.), так и возникшей несколько позднее (20-е или 40-е гг. XVI в.) Усть-Цильмы, составляли немногочисленные московские служилые люди, основавшие Пустозерск и оставшиеся на поселение, несколько новгородских семей, начавшие во главе с Ласткой «копить слободу» Усть-Цильму; смешанное коми-русское население, сложившееся в восточной части Севера и содержащее какой-то «чудской» элемент, а также коми-пермяки. Эту реальность и отражал первый письменный источник по русскому населению Печорского края — «Книга платежница Поморские Пустозерские

¹ Бернштам Т. А. Поморы. Л., 1978. С. 33.

волости 1574—1575 гг.». Выделение в «Платежнице» русского и пермяцкого населения свидетельствует, что большинство жителей осознавали себя русскими; т. е. русское самосознание (и, следовательно, язык) — в землях их исхода или в месте окончательного поселения — преобладало, несмотря на сложное этническое происхождение переселенцев. В этот период в «Платежнице» встречаем следующие известные в позднейшей истории, включая историю эпической устной культуры, фамилии: Хабаровы, Сумароковы, Носовы, Тороповы (Пустозерск), Чупровы, Рочевы, Чуркны, Дуркины (Усть-Цильма).² Перечисленные устьцилемские фамилии встречались на Пинеге и верхней Мезени.

В истории заселения Печоры и сложения групп пустозеров и устьцилемов можно выделить три этапа.

Начальный этап — первая половина XVI—конец XVII в. — интенсивное заселение низовой Печоры.³ Заселение, судя по коренным немногочисленным фамилиям первопоселенцев и системе владения и пользования водными угодьями, сохранившейся до начала XX в., велось родственными группами по мужской линии. Первыми поселениями были Пустозерск и, видимо, Устье, расположенные по обе стороны Пустого озера, жители которых составляли одну «сотню» в семужьих речных тонях и совместно владели озерами.⁴ В течение второй половины XVI—XVII вв. появился ряд групповых поселений к северу и югу от Пустозерска, в результате чего низовая Печора оказалась заселенной на протяжении 150 км: Андох, Пойлова, Йокуши, Оксина, Мокеево, Пилемская (Пылемец), Сопки, Тельвиска, Нарыга, Великая Виска. Таким образом, на первом этапе возникли территориальные границы расселения пустозеров — от Андега до Великой Виски, и дальнейшее заселение русскими происходило внутри очерченного района.

На Средней Печоре в течение первого этапа возникло только устьцилемское «гнездо» деревень в радиусе 0,5—6 км от самой Усть-Цильмы; по существу это были «заимки» в 1—2 двора, жители которых были связаны с населением Усть-Цильмы родственными узами и общим владением пригодной для пашни земли.

На первом этапе Пустозерск — как местный центр государственной власти (здесь жил воевода), крупный торговый пункт (через него велась торговля с соседними и приходящими ненцами, а также шел путь в Приуралье и Сибирь), как место, открывающее широкие возможности для богатых рыбо-зверобойных промыслов, — имел несравнимо больше преимуществ и притягательной силы для переселенцев, чем бедная частновладельческая слободка Усть-Цильма. Рост пустозерского населения далеко обгонял таковой же в Усть-Цильме, на поселение оставались люди, работавшие в Пустозерске по найму; во второй половине XVI в. здесь помимо русских и пермяков числились первые оседлые ненцы («самоядь тяглая некрещеная»),⁵ принявшие участие в формировании «типа пустозера». Неурожай в земледельческих северных областях, откуда шел хлеб на Печору, неоднократные набеги ненцев (карачей) и остяков на Пустозерск и Усть-Цильму во второй половине XVII в. вызвали временное запустение волости и отлив части населения в другие районы и в Сибирь.

Второй этап (конец XVII—первая половина XVIII в.) связывается с новой волной русских переселенцев на Печору, вызванной движением старообрядчества. На далекой Печоре старообрядцы появились позднее, чем в других северных областях и в Поволжье (в истории старообрядческого движения это перемещение было вызвано гонением властей на прежних местах их оседания).

Пустозерск стал, как известно, местом заключения вождей старообрядцев (Аввакум) и изгнания опальных деятелей (Голицын, Матвеев и др.), т. е., потеряв свое первоначальное военно-торговое значение, он продолжал исполнять роль проводника государственной политики. Видимо, поэтому старообрядцы не селились в Пустозерской волости, а среди самих пустозеров было распространено идущее «сверху» мнение о старообрядцах как о врагах официальной церкви и власти. Правда, это не мешало появлению и здесь «ревнителей веры» и их скрытых сторонников, но характерно, что впоследствии наблюдалось «идеологическое» отчуждение пустозеров и устьцилемов и открыто старообрядческой у первых считалась, по данным Н. Е. Ончукова, только д. Бедовая (и единичные

² Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства/Изд. Археогр. юмиссии. СПб., 1838. № 341а, «Купчая» 1593 г.; Сборник грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. Т. 1. № 408, «Дозорная память» 1606 г.; Печорский край. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда. СПб., 1904. С. 32, 34.

³ Географически принято делить бассейн Печоры на нижнюю (с р. Цильмой) и верхнюю часть, но в этнической истории явно выделяются три района — Верхняя, Средняя и Нижняя Печора.

⁴ Печорский край. С. 35.

⁵ Лашук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края. (Опыт историко-этнографического исследования). Сыктывкар, 1958. С. 74.

выселки, возможно, более позднего времени). Старообрядческое движение не вызвало, таким образом, заметного увеличения населения, и на этом этапе низовая Печора пополнилась несколькими деревнями, основанными главным образом выходцами из старых «пустозерских» селений: Голубково, Лабожская, Бедовая и др.

Зато на Средней Печоре появление старообрядцев вызвало настоящий демографический взрыв. Наплыв старообрядцев в устьицлемское «гнездо» не только увеличил его население, но способствовал переселенческому движению из Усть-Цильмы в ближайшие районы: в течение этого периода были заселены реки Цильма, Пижма и Нерица, часть населения ушла еще восточнее — на р. Ижму, где приняла участие в формировании «ижмцев» (смешанного коми-русского населения с преобладанием коми элементов). На этом этапе разрослось устьицлемское «гнездо», появились поселения на Средней Печоре (к северу от Усть-Цильмы) — Кривая Виска, Уег, Кунгурская, Егорковские выселки,⁶ на Пижме — Абрамовская, Замог и др.

Врастание старообрядцев в этнокультурную и бытовую среду устьицлемов и коми (зырян), отход местных жителей от церковного православия были достаточно органичны: освоение новых мест для жительства по рекам Средней Печоры велось совместными группами пришельцев и «коренного» населения, церковь не имела здесь своих представителей и не поддерживалась, как в Пустозерске, государственной властью, миссионерская деятельность отсутствовала.⁷ В то же время свободолюбивый дух, трудолюбие и высокая культура пришельцев не могли не вызвать понимания и уважения, в силу чего они заняли лидирующее положение в местной среде, оказав решающее воздействие на культурно-идеологический уровень окружающего населения. Возникновение Великопоженского старообрядческого скита на р. Пижме, основанного, как полагают,⁸ членами Выговского общежительства («Поморское согласие»), концентрация в этой местности «элитарной» части старообрядцев — носителей русской традиционной и письменной культуры — обусловили некоторые культурно-бытовые особенности «пижемцев», прослеживавшиеся до начала XX в.

На втором этапе Пустозерск и Усть-Цильма поменялись местами по значению в социально-экономической жизни Печорского края. Общими причинами этой смены были: утрата северными морями своей ведущей роли во внешней политике и торговле России и перемещение акцента на экономическую связь внутренних областей. Усть-Цильма, расположенная гораздо выгоднее Пустозерска для целей всероссийского внутреннего рынка, стала печорским центром, обеспечивавшим вместе с Чердынью и Усть-Сысольском торговлю северо-востока Европейской России и последней — с Сибирью. В Пустозерской волости «центр тяжести» переместился в с. Великую Виску, в природном и хозяйственно-торговом отношении имевшую ряд преимуществ перед Пустозерском — южное расположение, большую близость к Усть-Цильме и т. д.

Третий этап формирования русского населения Печорского бассейна (конец XVIII—начало XX в.) был временем относительной стабилизации в районе Нижней и Средней Печоры, т. е. временем внутренних передвижек, перемещений (Пустозерская волость) и расширения территориальных границ (Усть-Цилемская волость). Но продолжалось и областное переселение, самое заметное следствие которого — появление отчетливого «русского пласта» на Верхней Печоре. Местные старожилы в XIX в. называли своими предками старообрядцев (волна XVIII в.), но потом они были перекрыты выходцами из Чердынского уезда (из Ныроба, Покчи, Искора), от которых вели свое происхождение жители в конце XIX—начале XX в., о чем свидетельствует также общность чердынских и верхнепечорских фамилий.⁹ В сложении антропологического типа верхнепечорских русских сыграли роль остяки (вишерско-сосвинские манси): еще в XX в. жители помнили остяцкое происхождение родителей, хотя сами считали себя русскими и говорили по-русски.¹⁰ Малодворные немногочисленные русские поселения на Верхней Печоре к началу XX в. создали русский очаг.

⁶ Печорский край. С. 260—262.

⁷ Еще в начале XX в. в огромной Усть-Цилемской волости было всего 3 церкви, а в Пустозерской — 5.

⁸ *Истомин Ф. И.* Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1890 // Известия Русского географического общества. 1890. Т. 26. С. 13. *Мальшев В. И.* Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский р-н Коми АССР // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 426.

⁹ *Лашук Л. Н.* Очерк этнической истории. С. 145, 147, 148.

¹⁰ Там же. С. 148.

Перемещение и расселение пустозеров и устьцилемов на третьем этапе происходило довольно интенсивно. У пустозеров это движение вызывалось в основном разрушением старых мест поселений (подмывание берегов, заливание деревень, пожен во время половодья) и желанием поселиться ближе к тоням и сенокосным угодьям. Устьцилемская «диффузия» была связана в первую очередь с бурным ростом населения, теснотой в Устьцилемском «гнезде», имущественным расслоением, а также сходными с пустозерскими причинами. Таким образом, новые поселения в Пустозерской волости образовывались часто «расщепленным» старых: из Старой Сопки возникли Большая и Малая Сопки, из Нарыги — Большая и Малая Нарыги; жители д. Пойловой переселились в основанную в XIX в. Кую и составили в ней как бы вторую деревню; из старого села Мокеево часть жителей ушла в Большую Сопку, а другая часть основала д. Макарово и т. п.¹¹ Усть-Цилямская волость значительно расширилась в западном (по р. Цильме) и северном направлениях (по Нижней Печоре), причем в заселении Печоры участвовали не только собственно жители Усть-Цильмы, но также население с ранее освоенных рек Пижмы, Нерицы и даже из Ижемской волости (из Ижмы, Мохчи, Сияжской и др.).¹²

К началу XX в. Пустозерская волость состояла из 18 селений (+ 4 выселка, 15 мужских душ), сгруппированных в три сельских общества: Пустозерское (9), Куйское (6), Великовисочное (3). Самыми крупными селами были Великая Виска (110 хозяйств) и Оксино (76 хозяйств). По официальным данным, подавляющая часть селений имела этнически смешанный состав (так, в Куйском обществе 1/8 составляли ненцы, в Пустозерском и Великовисочном обществах проживали ненцы и коми-зыряне), в пяти селениях зарегистрировано чисто русское население (М. Сопки, Пустозерск, Тельвиска, Голубково и Пылемец).¹³ В северных и самых старых поселениях происходила заметная убыль населения.¹⁴ Усть-Цилямская волость, являвшаяся административным центром Печорского уезда, состояла из 81 селения, образующего 7 сельских обществ: Абрамовское, Хабарицкое, Усть-Цилямское, Гаревское, Нерицкое, Кривожежное и Замежное. Два самых поздних припечорских общества — Абрамовское и Хабарицкое, вместе с Устьцилемским, насчитывали 2/3 селений всей волости (61), но крупных поселений в волости, кроме Усть-Цильмы (383 хозяйства) и Гаревы (64 хозяйства), не было.¹⁵ Ненцы и коми-зыряне составляли незначительный процент (и то только в первых трех обществах), будучи поселенцами последних десятилетий XIX—начала XX в.

Итак, с самого начала появления постоянного русского населения на Печоре действовали факторы исторического, социально-хозяйственного и этно-культурного плана, обусловившие локальные особенности формирования двух групп на Нижней и Средней Печоре — пустозеров и устьцилемов.

1. Пустозерск начинался как военный острог и проводник государственной власти, где находились ее представители. «Костяк» пустозеров составили московские служилые люди, чье русское самосознание носило уже государственный характер. Усть-Цильма, хотя и была утверждена в качестве слободы царской грамотой, создавалась новгородцами, сознание которых в известной степени противопоставляло себя «московскому» самосознанию.

Разница в областном происхождении русских (Москва, Новгород, различные северные районы) и уровне их этнического сознания обуславливала разную же степень его выраженности у пустозеров и устьцилемов. Московские первопоселенцы и государственное значение Пустозерска способствовали большей чистоте и высоте русского самосознания и консолидации населения. Название (и самоназвание) «пустозеры» распространялось на жителей поселений, далеко отстоящих от Пустозерска, и, возможно, никогда там не бывавших; ни на одном из этапов формирования населения здесь не возникло иного местного названия, подобного «пижемцам» Средней Печоры.

2. Хозяйственные занятия пустозеров и устьцилемов, при всей общности природных и социальных условий, имели существенные различия, обусловленные разницей в тех же условиях: первые складывались как исключительно неземледельческое население тундровой зоны, вторые — прежде всего как земледельцы, несмотря на всю

¹¹ Печорский край. С. 26—33.

¹² Там же. С. 250—253.

¹³ Там же. С. 4, 26—37.

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 192, 201, 244—262.

относительность этого понятия в таежно-тундровой зоне. Богатые речные и морские промыслы, морская торговля и пути сообщения, более надежная защита от нападений кочевых народностей привлекали в Пустозерскую волость разнообразное население из русских областей и способствовали укреплению на первом и втором этапах лидирующего значения этого района как русского на крайнем северо-востоке Европы. Все это сказалось в том, что хозяйственно-географические границы расселения и владений пустозеров обозначились уже на первом этапе, и впоследствии только заполнялись внутренние «пустоты».

3. Хозяйственные дифференциация и замкнутость пустозеров и устьцилемов привели к тому, что браки между жителями этих групп были редки. Известно, что в XIX—XX вв. богатые пустозеры и устьцилемы считались завидными женихами на Пинеге, Мезени и Кулое, откуда они и привозили себе невест; пустозеры вступали также в браки с женщинами из ненцев, а устьцилемы брали жен из «зырянок», вследствие чего многие устьцилемы были двуязычны. Отсутствию тесных брачных связей между пустозерами и устьцилемами безусловно способствовало и «вероисповедальное» различие, возникшее на втором этапе в связи со старообрядчеством. Имеются данные, что даже зять-устьцилем не всегда получал самостоятельную долю в тонях у тестя-пустозера и по существу работал у него наймитом.

Обособленность русских групп не слишком быстро стиралась и в последующем, третьем этапе, а в отдельных случаях даже возросла.

* * *

Особенности исторического формирования пустозеров и устьцилемов проявлялись в середине XIX—начале XX в. в ряде отличительных черт их материальной и духовной культуры.

Основное хозяйственное различие — исключительно неземледельческий, промысловый характер занятий пустозеров и земледельческо-промысловый — устьцилемов. С этой разницей была связана система общественных отношений, выражавшаяся в основном в формах владения и пользования водными и земельными угодьями. Общим признаком этой системы являлась старая «родо-переселенческая» форма, которая сохранилась как в архаическом, захватном, способе владения, так и в позднем, общинном.

Основной экономической жизни пустозеров являлись рыбные промыслы, которыми было занято все работоспособное население практически круглый год, лов рыбы производился в море (Губе), в реке и на озерах. Сами пустозеры делили рыбные промыслы на лов белой (сиг, сельдь, омуль, «зельдь») и красной (семга) рыбы; оба приносили основной доход и продукт питания, поэтому из 533 хозяйств волости промыслом белой рыбы занимались 413 хозяйств, промыслом семги — 250.¹⁶ Озерным рыболовством (сиг, пелядь, щука, окунь, сорога), также приносившим немалый доход, занимались все жители.

Лов белой рыбы происходил в весенне-летний период — от вскрытия до ледостава Печоры; внутри этого периода промыслы той или иной рыбы приурочивались к определенным календарным датам, например, после ледохода до Иванова (Петрова) дня — лов сегов, после Петрова дня — лов сельди, с Ильи (20.VII) до Воздвиженья (14.IX) — лов семги (мужчины), с Успенья до Воздвиженья — лов «зельдей» и омулей (женщины). После ледостава до Рождества (и позднее) уходили на озера и шары Печоры.

Пустозеры владели самыми богатыми в промысловом отношении семужьими и белорыбными угодьями на реке и на морском берегу; белорыбные были в свободном, захватном владении, семужьи, как наиболее ценные, находились в общинном владении. Все семужьи угодья делились на тони. Речные тони распределялись между мужскими душами, поэтому мужское население волости было разбито на «сотни»; обычно «сотню» составляли жители двух-трех селений (по родственным связям). «Сотня» состояла из артелей-«родов», артели в количестве 5 человек полагалась одна надельная единица, выражавшаяся в плавной сети семужьего лова — поплави. Отметим обязательные ежегодные передвижки артелей-родов по тоням. Для пользования морскими тонями души делились на 11 «шестаков», и каждый «шестак» получал по жребью по одной тоне. Надельной единицей «шестака» было

¹⁶ Там же. С. 7, таблица.

ставное орудие — предмет, который обслуживал артель в 13 человек.¹⁷ В конце XIX—начале XX в. социальная дифференциация была настолько велика, что, по существу, промышляли наемные артели, так как тони «родов» и «сотен» находились в фактическом владении отдельных лиц, имевших возможность поставить судно, продовольствие, снасти. Они были скупщиками не только тоней, но и промысла.

В Усть-Цилемской волости владение и пользование семужьими угодьями было свободное, захватное, кроме мест, где община строила заборы. Артель состояла из 11—12 человек, во главе которой стоял хозяин судна, получавший за него пай. На одной тоне могли сходиться 2 артели, и тогда они чередовались в лове, причем каждая артель делилась на две, закидывала поплавы поочередно. Наем в семужью артель был сравнительно редок, и обычно он соединялся с наймом на другие виды хозяйственных работ. Скупки тоней здесь не существовало, но были свои скупщики рыбы, как правило, перепродававшие ее затем чердынским и столичным купцам.¹⁸

Белорыбные угодья как у пустозеров, так и у устьцилемов поступали в свободно-захватное владение и пользование; члены артелей находились в семейно-родственных отношениях, что не мешало им соблюдать строгость социально-имущественного порядка: внесение положенной доли снасти и поставки 1 человека в артель, распределение паев и т. д. Основным орудием лова и надельной единицей в этом промысле был невод (хотя ловили и мелкоючейной поплавью — «омулевками», «зельдевилами»). Обычная речная артель состояла из 5—6 человек (мужчины, женщины, подростки), пустозерская морская артель насчитывала 15 человек, из которых обязательно — 5—6 мужчин.¹⁹ Наиболее ценная рыба скупалась купцами.

Озера всегда находились в общинном владении, тесно связанном с родопереселенческими отношениями. В системе пользования ими наблюдалось переплетение коллективных, регулируемых общиной форм и подворно-индивидуальных, иногда захватных. В Пустозерской волости система пользования представляется более единой. В Усть-Цилемской волости формы пользования были разнообразнее и запутаннее.²⁰ Встречалось, например, такое явление: соседние деревни договаривались не ходить друг к другу на озера, а «пришлые» ходили везде и им не препятствовали.²¹ На озерном лове употребляли пушальницу (ставное орудие) и небольшой белорыбный невод; устьцилемы пользовались также продолбником — крючковой снастью.²²

Владение земельными угодьями — пашеными, сенокосными — в целом носило общинно-подворный характер, но в каждом конкретном случае имело свои особенности. В Пустозерской волости пашни не было. Владение и пользование сенокосными угодьями — пожнями — зависели от природных условий и степени развития скотоводства. В самом северном, Куйском, обществе скота было немного, а свободных естественных пастбищ достаточно как на островах, так и на «матером» берегу, поэтому здесь существовало подворно-наследственное владение пожнями, отсутствовали расчистки и не было необходимости в переделах. В Пустозерском обществе расчистки пожен сокращали общую площадь сенокосных угодий, и с конца XIX в. делались попытки перевода из подворно-наследственной — в общинно-уравнительную форму пользования (по числу мужских душ). В некоторых деревнях (Тельвиска) уравнения пожен производились одновременно с распределением озерных угодий. На юге уравнительная система становится преобладающей, и только в с. Великая Виска переделы не привились вследствие резерва свободных земель.²³

Значительная роль земледелия в соединении с природными особенностями и длительными передвижками населения осложнили картину землепользования устьцилемов. Пахотные и покосные земли находились к началу XX в. в основном в душевом и заимочном владении; некоторая часть их распределялась по билетам.

¹⁷ Там же. С. 9—12.

¹⁸ Там же. С. 14, 15.

¹⁹ Там же. С. 14, 15.

²⁰ Там же. С. 16, 17, 217—248.

²¹ Там же. С. 215, 216.

²² АМАЭ, ф. 22, оп. 1, № 2, л. 7 об. Полевые материалы Г. В. Василевич на Нижней Печоре, 1928—1929 гг.

²³ Печорский край. С. 26—37.

Душевые земли считались собственностью общины, а заимочные — индивидуальной, хотя по «происхождению» те и другие были заимочными, т. е. поступили некогда во владение путем свободного захвата; поэтому имелся ряд переходных форм от одного способа владения и пользования — к другому. Индивидуальные заимки по мере роста численности устьцилемов и расширения зоны расселения увеличивались, пашни и покосы появлялись путем расчисток, располагались чересполосно, поскольку использовались любые природные клочки земли. Индивидуальное пользование было единственной формой во всех селениях Абрамовского, северной части Хабарицкого обществ; к югу начинала преобладать общинная форма пользования с не очень регулярными переделами.²⁴

Основными земледельческими культурами были ячмень (96% посевной площади), рожь, репа, редька, картофель (последние три культуры чаще сеяли на пожнях). Песчано-глинистые почвы, требовавшие мощного ежегодного удобрения, под паром не оставляли и не засеивали травой. Пахали сохой (редко — сабаном) и боронили деревянными бородами; убирали хлеб серпами, вешали его на прясла для просушки (иногда дополнительно — на печи) и молотили кичигами (еловое полено с сукон). Мельницы существовали только в Устьцилемском обществе, в других местностях мололи на ручных жерновах. Общие сроки посева и уборки хлеба были те же, что в целом в северно-русской зоне, с разницей примерно в неделю. Так, посев производился 9—15 мая (т. е. с Николая весеннего); уборка происходила между 1—16 августа (Спас-Успенье). Сенокос как в Устьцилемской, так и Пустозерской волостях начинался около Петрова дня, как повсюду на Севере и в центрально-русских областях.

Скотоводство играло большую роль в хозяйстве населения, хотя в Пустозерской волости скот использовался в собственных нуждах, а в Устьцилемской он представлял собой товарный продукт (коровы) и рабочую силу для отхожих (извоз) промыслов и земледелия (лошади). Зимой его держали в хлевах. Пастбищный период длился с начала мая (примерно с Николая) до первых заморозков 14.IX—1.X (Воздвижение — Покров). Повсюду крупный скот выгонялся на вольный выпас (без пастуха, с колокольцами). Лошади иногда уходили на все лето и даже дичали. Печорское скотоводство летом было максимально приближено к природному существованию.

Помимо земледелия (со скотоводством) и рыболовства большое значение в хозяйстве обеих волостей имели охота и извоз, а в Устьцилемской — рубка и сплав леса (на Печоре). Оленеводство для русских жителей имело весьма частное значение.

Хозяйственные контакты пустозеров и устьцилемов были крайне ограниченными. Несмотря на ведущее административное положение Устьцилемской волости, ее население в среднем было менее зажиточным, чем промышленники-пустозеры. Устьцилемы нанимались к последним на рыбные промыслы (в артели, засольщиками рыбы), рубили у себя лес и отвозили его в Пустозерскую волость (своим постоянным работникам пустозеры разрешали селиться в волости). Пустозеры сбывали продукты промыслов чердынцам или отправляли их морским путем в Архангельск, но почти не участвовали в летней устьцилемской ярмарке.²⁵ Встречи пустозеров и устьцилемов были более частыми на «чужой» земле: на ярмарках в Усть-Вашке, Пинеге, Мезени. Раздоры пустозеров и устьцилемов отмечали все исследователи и путешественники, бывшие в Печорском крае (С. В. Максимов, В. Н. Латкин, Ф. М. Истомин, С. В. Мартынов, Н. Е. Ончуков и др.).

Материальная и духовная культура русского населения Печоры во второй половине XIX—начале XX в. содержала все основные признаки северно-русской культуры (тип жилища, комплексы женской и мужской одежды,²⁶ календарно-обрядовая поэзия и семейно-свадебная обрядность, высокое развитие эпических форм поэзии). Однако природно-хозяйственная специфика и своеобразие этнокультурной ситуации обусловили ряд особенностей, либо общих для обеих групп, либо присущих одной из них.

Среди них следует выделить, например, разнообразные виды промысловых жилищ, которые существовали как в Пустозерской, так и в Устьцилемской волости, и помимо общих функциональных черт — рыболовные, сенокосные избы — имел немало различного. Так, если в Устьцилемской волости промысловые и сенокосные

²⁴ Там же. С. 206—210.

²⁵ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. 1. С. 16, 148, 149.

²⁶ Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.

избы всегда строились из дерева, то в Пустозерской волости, особенно в тундровой ее части, у моря, промысловым жильем служили опрокинутые лодки, шалаши из брезента, землянки из деревянного остова, обложенного дерном. Очаг устраивали в центре, спали прямо на земле, ногами к очагу; «кухня» находилась на открытом воздухе в специальных загородках из «еры» (ивы), варили в котлах, висящих на приспособлениях, сходных с «самоедскими». Недалеко от таких «поселений» находились кладбища, где позднее хоронили не только русские, но и православные ненцы.²⁷ По мере расселения промысловые и сенокосные «избы» становились местом нового поселения — явление, вообще говоря, свойственное большинству северно-русских районов и на Печоре происходившее в самое позднее время. Поэтому еще в середине—конце XIX в. на Печоре было много изб, представлявших собой двух-трехкамерное жилище (изба+сени+клеть), характерное для всего Печорского бассейна. Собственно, 2-этажный северно-русский дом-двор был преобладающей постройкой в единичных, наиболее крупных селах Печоры, причем не только у русских групп, но также у ижемцев, средне- и верхнепечорских коми.²⁸ В конце XIX в. в крупных печорских поселениях, как и повсюду в России, возникает двухсторонняя улица, где дома повернуты фасадом друг к другу. В зажиточных домах появляется характерный для севера полугородской интерьер (обои, шкафы, швейные машины, кровати, зеркала, кадки с цветами, лубочные картинки на стенах и т. п.).

Домашним ткачеством и шитьем занималось все женское население Печоры. В середине—второй половине XIX в. повсеместно еще существовали женский (сарафан+рубаха) и мужской (рубаха+штаны) комплексы нательной одежды, получившие, как известно, распространение и среди населения коми (не только Печорского бассейна).²⁹ Праздничная и обрядовая одежда передавалась в большинстве случаев по наследству, составляла обязательную часть приданого и была изготовлена из старинных покупных тканей — парчи, камки, штофа и др. Давние брачные (и переселенческие) связи печорцев с верхне-мезенцами и пинежанами отражались не только в идентичности комплексов и его отдельных частей (например, коротка-коротенька, шушун-шубка, головные уборы), но в украшениях, поясах, красочной гамме, орнаменте.³⁰

Особенностями печорского комплекса одежды являлись: наличие промысловой одежды (в первую очередь у мужчин), заимствованной у ненцев верхней одежды (малица, совик), влияние коми и ненецкой одежды, проявлявшееся как в отдельных частях комплекса (например, обувь), так и в деталях, орнаменте, терминологии (малицу перепоясывали ремнем с пряжкой — «схватом», носили вязанные из шерсти пояса, носки, варежки, украшенные разноцветными узорами, девушки вплетали в косы металлические «цепи»; домотканую одежду вместо вышивки украшали аппликацией из разных кусков материи, носили перстни из конского волоса с бисером и т. д.). Существовало и некоторое различие между пустозерской и устьцилемской одеждой, но поскольку детального сопоставления этнографами не проводилось, отметим лишь некоторые из них: устойчивое сохранение старинной одежды, например глухого сарафана и кичек у устьцилемок (явное влияние старообрядчества), более тесная связь одежды последних с одеждой коми и использование терминологии последней (например, рукава — «сос»); меньшая подверженность одежды устьцилемов городскому влиянию (юбка в женском комплексе, мужские костюмы и т. п.).

Ремесла и домашние рукодельные промыслы были в XIX—начале XX в. более или менее развиты в Усть-Цилемской волости вследствие земледельческого характера занятий, высокого уровня развития скотоводства (шерсть), лесного изобилия, концентрации населения и оживленных торговых контактов. Здесь производились

²⁷ АМАЭ, ф. 22, оп. 1, № 2, л. 11, 12. Полевые материалы Б. В. Василевич на Нижней Печоре, 1928—1929 гг.; АМАЭ, ф. 2, № 5, л. 21, 22 об. Г. Б. Вербов. Полевой дневник 1930 г. на Малой Земле (Волконская Губа).

²⁸ См., например, последнюю работу Л. Н. Жеребцова. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X—начало XX в. М., 1982. Подобные избышки строили и в начале XX в. на новом месте; первопоселенцы Окунева Носа 1-го построили баню, в которой прожили зиму. См.: Печорский край. С. 252.

²⁹ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX—начало XX в. М., 1958 (Труды Института этнографии АН СССР. Новая сер.; Т. 45) и др. работы.

³⁰ См., например: Дмитриева С. И. О роли субстрата в сложении этнических групп Русского Севера (по материалам фольклора и изобразительного искусства)//История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Докл. сов. делегации на VIII Междунар. съезде славистов. М., 1978. С. 264—282.

предметы быта и утварь, получила распространение своеобразная «пижемская» роспись,³¹ выделялись «оленные постели» и т. д. В домашнем быту пустозеров и устьцилемов употреблялись изделия мезенского и пинежского («перемьского») ремесла: посуда, прялки, короба, туеса; много было орудий и бытовых предметов «усольской» работы (из железа), привозившихся чердынцами: серпы, горбуши, светильники.³² Пустозеры и устьцилемы употребляли ружье ненецкого типа — «моржовку» с ящичком для нюхательного табака, лук и стрелы для охоты на белок, а ненцы и коми пользовались русскими «грабилками» для сбора ягод. В быту пустозеров и устьцилемов были предметы ненецкого происхождения: «патка» — подушечка для иголок, мешочки для хранения мелких предметов, оленья упряжь, постели для саней («андюр») и т. д.

Длительная связь русского, коми и ненецкого населения отразилась в верованиях, обычаях и некоторых обрядах пустозеров и устьцилемов. Обетные кресты на морских тонях пустозерки обвешивали кусками белой материи с нашитыми на них черными крестами (ср. аппликационный орнамент ненцев).³³ У пустозеров основные приметы и магические действия были связаны с рыболовно-зверобойным промыслом (заговоры, окуривание и окропление снастей и т. п.); водяной назывался здесь «шишко» (ср. «шишко» — леший в других северо-русских районах) и представлялся в образе старухи или ненки с распущенными волосами.³⁴ Многочисленны были запреты, связанные с рыболовством: не есть «на воде» живую рыбу (русские, как и ненцы, употребляли «тряпушную» — живую рыбу), не поить лошадей, пока не вытащишь невод, не купаться женщинам в некоторых озерах, не смеяться (не ругаться) на воде (вытащишь тину или навоз) и др.³⁵ Устьцилемы переняли у коми обрядовую сторону лесного промысла, в первую очередь, охоты. Наблюдаются некоторые различия в календарной обрядности пустозеров и устьцилемов, обусловленные хозяйственной спецификой и приверженностью к разным христианским догмам (православным и старообрядческим).

В советское время, несмотря на многие перемены, нарушившие былую замкнутость, обособленность пустозеров и устьцилемов и включившие их в общегосударственные социально-экономические и культурные процессы, эти группы сохранили до настоящего времени многие черты своего складывавшегося веками культурно-бытового уклада, своеобразной фольклорной традиции.

II. Обзор былин печорской традиции

Былинный репертуар Печоры насчитывает 42 сюжета (без учета позднейших новообразований — «Бутман», «Про Ваську про вора, про Захарова»). 12 из них зафиксированы только в среднем течении реки, 3 — только в низовьях. Есть основания эти различия связывать с историей заселения Печорского края. Устьцилемы — потомки новгородцев, в их репертуаре есть былины, популярные в Прионежье и Каргополье и практически неизвестные или записанные в единичных вариантах в других районах европейского Севера России: «Наезд литовцев» (4 варианта), «Соловей Будимирович» (5), «Ставр Гоудинович» (3), «Илья Муромец и голи кабацкие» (4). В Прионежье и на Печоре эти сюжеты сохранились хорошо, а в других районах Русского Севера либо отсутствовали изначально, либо были забыты. 5 сюжетов, не обнаруженных в низовьях, роднят устьцилемскую традицию с кулойско-мезенской. Этому тоже можно дать историческое объяснение: именно через Мезень двигались когда-то на восток предки современных устьцилемских сказителей, с Мезенским краем и впоследствии поддерживались довольно оживленные контакты — через него проходил самый короткий путь в Архангельск и центральную Россию (низовья Печоры были колонизованы гораздо позднее выходцами из Московской Руси; жители этих мест предпочитали добираться до Архангельска морем). Характерно, что эти былины не известны в Прионежье

³¹ См., например: *Тарановская Н. В.* Росписи на Мезени и Печоре (о формировании местных художественных стилей) // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 47—59.

³² *Травин Д.* Опись коллекций, собр. Печорским отрядом в 1921 г. на Печоре. Архангельск, 1922.

³³ АМАЭ, ф. 2, оп. 1, № 5, л. 14. Записи Г. Д. Вербова в 1930 г.; сообщение А. Терюкова (полевые материалы автора, собранные в 1980 г. и находящиеся в Петербургском отделении Архива МАЭ).

³⁴ АМАЭ, ф. 22, оп. 1. № 2, л. 14 об. Записи Г. В. Василевич в 1928—1929 гг.

³⁵ Там же, л. 15.

(лишь «Данила Ловчанин» записан в одном варианте) и, как считают многие исследователи эпоса, окончательно оформились сравнительно поздно («Бой Добрыни и Дуная» — 6 вариантов, «Молодость Добрыни» — 3 варианта, «Камское побойще» — 2 варианта, «Данила Ловчанин» — 1 вариант и разночтения к нему, «Алеша Попович и сестра братьев Петровичей» — 1 вариант). В Усть-Цильме сделана также единственная печорская запись былины «Михайло Потык». Только в низовьях Печоры собирателям дважды встретился сюжет «Сватовство Идолища», известный также по записям с Мезени и Зимнего берега, и по одному разу — редкие былины «Сухман» и «Волх Всеславьевич».

Однако расхождений в эпическом репертуаре Средней и Нижней Печоры (Усть-Цилемского района Республики Коми и Нарьян-Марского района Архангельской области, по современному административному делению) гораздо меньше, чем можно было ожидать, учитывая историю заселения края, огромное расстояние, разделяющее Усть-Цильму и понизовские деревни, ряд различий в хозяйственном укладе, материальной и духовной культуре.

27 былинных сюжетов из 42 записаны собирателями как на Средней Печоре, так и в ее устье. В двух соседних прионежских регионах — на Пудогге и Кенозере — из 42 былинных сюжетов общими являются всего 23; 16 эпических песен зафиксированы только у пудожан, 3 — только у кенозеров. (Заметим, что большая часть кенозерских деревень долгое время входила в состав Пудожского уезда, от Пудожа до Кенозера — немногим более 100 километров; Средняя и Нижняя Печора в административном отношении во все времена были разделены. И тем не менее процент схождений в былинном репертуаре здесь гораздо выше — 64 процента против 55).

Разумеется, статистическая характеристика репертуара не всегда дает объективное представление о фольклорной традиции: она не учитывает качество текстов (одинаковую значимость получают и развернутый, высокохудожественный вариант, и схематический пересказ, в котором тот или иной сюжет опознается с большим трудом), не отражает некоторых важных аспектов собирательской деятельности. Так, в печорских материалах сравнительно невысок процент отрывков, прозаических пересказов и дефектных текстов, очень мало повторных записей, в то время как в Прионежье их удельный вес весьма значителен. Если Среднюю Печору собиратели посещали регулярно через каждые 20—25 лет, то понизовские деревни после поездки Н. Е. Ончукова вторично были обследованы лишь в конце 30-х гг. (5 текстов, записанных в селе Верхняя Виска в 1929 г., общей картины не меняют). Наконец, нельзя не учитывать, что первооткрыватель печорской былинной традиции Н. Е. Ончуков отдавал предпочтение редким сюжетам, а потому иногда записывал лишь часть репертуара сказителей.

Важную корректирующую роль приобретают местные изводы, редакции и версии былинных сюжетов, выявление их своеобразия, географического распространения, степени популярности. Сопоставление текстов, записанных в Усть-Цилемском и Нарьян-Марском районах, показывает, что здесь преобладала тенденция к унификации эпической традиции, широкое распространение получили общие для всей Печоры или близкие по характеру версии и редакции былинных сюжетов. Сказители из разных деревень отдавали предпочтение одним и тем же богатырям и, как правило, были единодушны в их оценке; использовали одни и те же поэтические формулы, имена собственные и т. д.

Среди 27 сюжетов, входящих в репертуар как Средней, так и Нижней Печоры, лишь одна былина бытовала в этих районах в разных редакциях («Лука, змея и Настасья»). Но даже этот сюжет не столько разъединяет, сколько объединяет устьцилемскую и понизовскую традицию, так как за пределами Печоры он собирателями не зафиксирован. В 12 случаях правомерно говорить о существовании общепечорских редакций былинных сюжетов: тексты очень близки по идейной направленности и композиционной схеме, содержат эпизоды и мотивы, не встречающиеся или крайне редкие в записях из других районов Русского Севера. Немногочисленные расхождения касаются отдельных подробностей и по своему удельному весу не могут конкурировать с элементами общими («Молодость Василия Буслаева», «Поездка и смерть Василия Буслаева», «Василий Игнатьевич и Батыга», «Добрыня и Василий Казимирович», «Дунай», «Илья Муромец и Идолище», «Илья и Святогор», «Илья и станички», «Илья и Сокольник», «Илья и Соловей-разбойник», «Потап Артамонович», «Сорок калик»). В 8 других сюжетах своеобразие печорских редакций еще заметнее, а устойчивых различий между нарьян-марскими и устьцилемскими вариантами практически нет («Алеша Попович и Тугарин», «Добрыня и Маринка»,

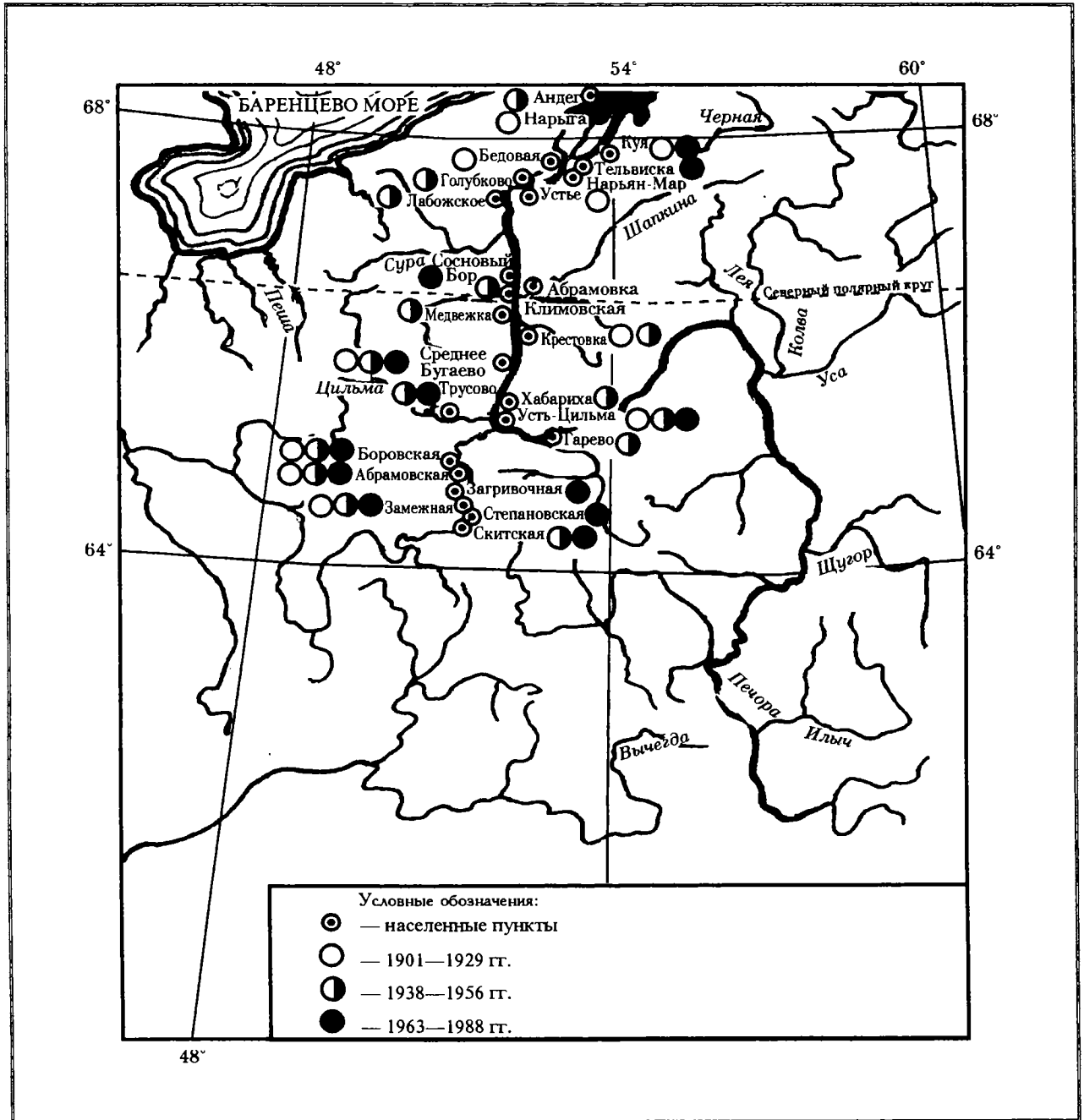

РИС. 1: РАЗМЕЩЕНИЕ БЫЛИН НА ПЕЧОРЕ ПО ЗАПИСЯМ 1901—1988 гг.

«Дюк Степанович», «Иван Гостиный сын», «Садко», «Соломан и Василий Окулович», «Хотен Блудович», «Чурила и Катерина»).³⁶

Для сравнения заметим, что на Пудогге и Кенозере более трети общих сюжетов бытовали в разных версиях и редакциях, региональные различия особенно заметны в былинах «Добрыня и Алеша», «Добрыня и змей», «Илья и Идолище», «Илья и Калин-царь», «Илья и Соловей-разбойник», «Дюк Степанович», «Чурила и Катерина». Более того, даже в пределах пудожского региона встречаются разные типы обработки одного и того же сюжета — былина «Добрыня и Алеша» записана в 4 разных версиях и редакциях, «Илья и Калин», «Наезд литовцев» — в 3, «Илья и Идолище» — в 2 и т. д.

В свете изложенных выше наблюдений нуждается в пересмотре концепция Н. Е. Ончукова, который резко противопоставлял устьицлемскую и пустозерскую эпические традиции (тем более что некоторые сюжеты, записанные Ончуковым лишь в одном из этих районов, позднее были обнаружены и в другом — «Иван Гоудинович», «Лука, змея и Настасья», «Илья Муромец и Сокольник»). Былинная Печора предстает как единый регион, в котором, несмотря на одновременное заселение среднего и нижнего течения реки выходцами из разных земель Древней Руси, сформировалась своеобразная и устойчивая в своих общих моментах эпическая традиция.

Важнейшую роль в этом процессе унификации сыграла «матушка Печора». На протяжении нескольких веков она была для многих поколений северян и главной транспортной артерией, и постоянным местом работы. Собиратели в один голос отмечают, что в старое время былина звучала здесь не в деревнях, а на рыболовных промыслах, куда на долгие месяцы перебиралось чуть ли не все мужское население. «День на Печоре осенью и особенно зимой очень короток, и, проработав часов 5—6, при наступившей темноте все принуждены на невольный отдых, — писал Н. Е. Ончуков. — Работы кончают в 5, в 4 часа дня, а спать еще рано. (...) Вот тут-то и выступают на сцену сказочники и старинщики, которых, говорили мне, нарочно старается всеми мерами залучить в артель составляющий ее староста» (Онч., с. XXIII).

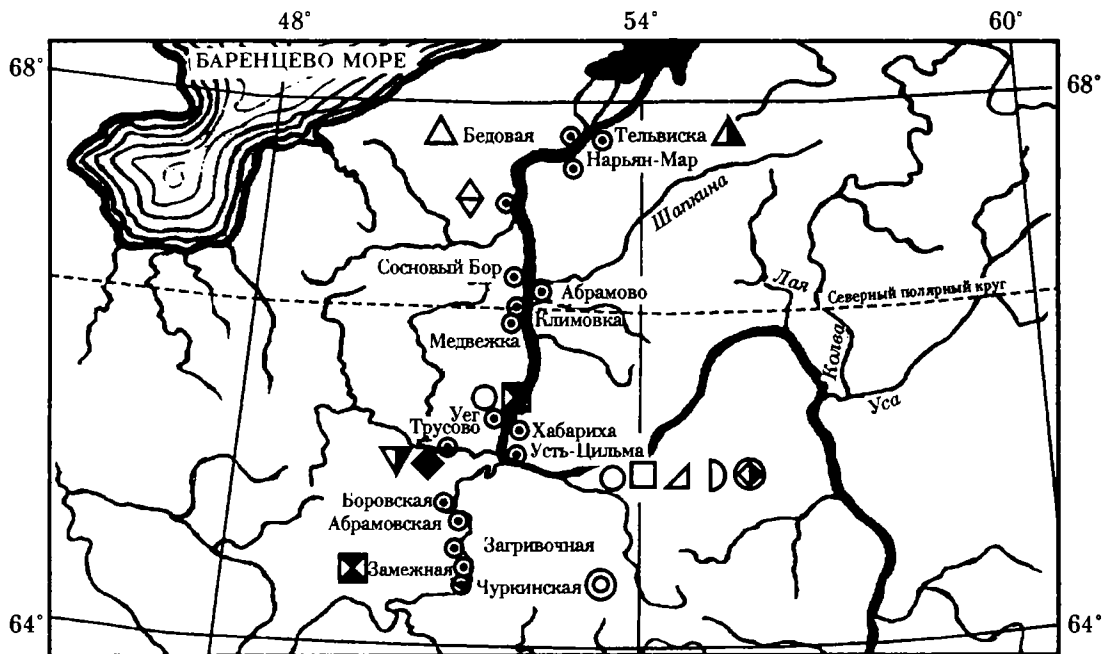
Многие устьицлемские сказители старшего поколения не раз спускались вниз по реке вплоть до ее устья, выходили в море. Печора служила основным «трактом» не только для рыболовов, но и для охотников на морского зверя, для тех, кто по ее притокам добывал пушнину и боровую дичь, для бурлаков, тянувших свою лямку на ее берегах. Анкудин Осташов из д. Замежное на реке Пижме «20 лет кряду ходил по Печоре с чердынскими судами от Балбанского носу до Якши и обратно (тысячи три верст!). Ходил сначала в бичевниках, шйшкой — передним бурлаком, затем лодманом» (Онч., с. 37). В сенокосную страду косари уплывали по Печоре на десятки верст от родных деревень, а в Усть-Цильме и пастухам приходилось месяцами жить вдали от дома. В 1929 г. по этой причине собиратели не смогли встретиться со старинщиком Ф. В. Вокуевым — он «был вне Усть-Цильмы «на угодьях» (на лугах, куда на целое лето отправляют скотину — Аст., I, с. 459).

Печора словно перечеркивала границы между волостями и уездами, объединяла весь этот обширный край в хозяйственном и культурном отношении. Мастерство лучших сказителей хорошо знали и ценили по всей реке, имена прославленных певцов Ончукову называли за сотни верст от их родных деревень (Онч., с. XXIV—XXV).

Эти особенности бытования былин привели к тому, что местная эпическая традиция в некоторых отношениях заметно отличалась от заонежской, пудожской, кенозерско-каргопольской, пинежской; лишь на Мезени, Кулое и отчасти в Поморье, где хозяйственно-бытовой уклад во многом сходен с печорским, нередко обнаруживаются те же закономерности.

На рыболовных промыслах создавались исключительно благоприятные условия для обучения сказыванию былин, расширения репертуара, постоянного взаимодействия и взаимообогащения эпических традиций соседних районов. Дело не только в том, что здесь встречались и подолгу трудились бок о бок жители разных деревень. Распространенное на Печоре хоровое (ансамблевое) исполнение былин исключало пассивное их восприятие — подтягивая признанному старинщику, слушатели включались в акт исполнения, запоминали сюжетный каркас произведения, основные мотивы и детали. Поэтому не приходится удивляться тому, что наиболее популярные сюжеты бытовали на Печоре в одной единственной редакции, получившей всеобщее признание. В местной традиции необычайно высока степень унификации общеэпических формул (так называемых «общих мест»)

³⁶ Описание печорских версий, редакций и изводов, а также перечень их основных особенностей см. в комментариях.

Условные обозначения:

- △ — «Волх» («Вольга Всеславьевич») (1 текст, 1902 г. — № 1)
- ◊ — «Потап Артмонович» (2 текста, 1902 г., № 235 — 236)
- ▲ — «Сухман» (2 текста, 1902 г.; 2 текста, 1956 г. — № 195)
- — «Илья Муромец и голи кабаджие» (3 текста, 1902 г. — № 106—108)
- ⊙ — «Алеша Попович и сестра братьев Эбродовичей» (1 текст, 1902 г. — № 117)
- — «Данила Ловчанин» (1 текст, 1902 г. — № 184)
- ◁ — «Михайло Потык» (1 текст, 1901 г. — № 260)
- ▽ — «Васька Захаров» (1 текст, 1942 г. — № 267)
- ∩ — «Тимофей Иванович» (1 текст, 1942 г.)
- ⊗ — «Три поездки Ильи» (2 текста, 1964, 1965 гг. — № 114; Прилож. IV, № 5)
- ⊠ — «Бунт Ильи против Владимира» (2 текста, 1978 г. — Прилож. I, № 24, 25)
- ◆ — «Васька Пьяница» (1 текст, 1988 г. — Прилож. VI, № 9)
- ◎ — населенные пункты

РИС. 2. БЫЛИНЫ, ИЗВЕСТНЫЕ НА ПЕЧОРЕ В ЕДИНИЧНЫХ ЗАПИСЯХ

и постоянных формул, характерных лишь для одного сюжета. Видимо, в результате регулярных контактов сказителей, хоровой манеры исполнения былин происходил своего рода «естественный отбор» — в коллективной традиции закреплялся какой-то один поэтический образ для описания повторяющейся ситуации, портретной характеристики героя, его монологов и т. п. Например, получая от князя задание, богатырь обычно говорит:

Ищэ сколько я рад да был чару пить,
Ищэ вдвое я рад службы служить,
Службы служить, да головы сложить.

Уезжая из дома, сын просит у матери благословения «со буйной головы до сырой земли». Враг угрожает на Руси «лучшую силу в пень повырубить, худшую силу в полон взять». Оригинальные формулы используются также для описания седлания коня и богатырской скачки, осмотра окрестностей в подозрную трубу, портрета красавицы, поездки вражеского посла и его поведения в Киеве или в другом русском городе и т. д.

* * *

Анализ генеалогического соотношения печорских вариантов, проверка внетекстовых данных об учителях крупнейших певцов не дают оснований для выделения местных «школ» сказительского мастерства. Отчасти это объясняется недостатком материала. По разным причинам Н. Е. Ончуков далеко не всегда записывал весь репертуар старинщиков, к творчеству которых возводили свои былины сказители последующих поколений. (Например, от И. В. Торопова записана 1 былина, не записано 12; из 17 сюжетов, известных С. Ф. Хабарову, зафиксировано всего 2.) Поэтому на прямое сличение вариантов нередко рассчитывать не приходится — в записях от сказителей разных поколений не оказывается общих сюжетов.

Один из лучших устьилямских певцов 20-х гг. В. П. Носов назвал своими учителями И. В. Торопова и И. М. Дуркина. Это утверждение не поддается проверке с помощью текстологического анализа: средн 4 былин Носова нет ни одного сюжета, записанного от его предполагаемых наставников. По этой же причине невозможно сопоставление вариантов П. И. Дитятевой (5 былин в записях 1929 г.) и ее брата А. И. Дитятева, на которого она ссылалась как на единственного своего учителя и от которого Ончуков записал лишь часть его репертуара. И наконец, самый показательный пример: 10 былинных сюжетов И. К. Осташова не дают ни одной параллели к опубликованным в сборнике Ончукова 9 старинам Н. Шалькова, С. Хабарова и А. Дитятева. Вопрос о преемственности и здесь остается открытым, так как сообщения исполнителей об источниках их репертуаров часто бывают субъективными и без предварительной текстологической проверки на них нельзя всецело полагаться.

Непосредственные генетические связи между текстами сказителей разных поколений прослеживаются в единичных случаях. Так, Ф. А. Чупров и Е. М. Мяндина заявили собирателям, что усвоили былинку об Илье Муромце и Сокольнике от своего дяди Еремея Чупрова. Сопоставление вариантов подтверждает эти сведения. М. И. Чупров унаследовал свой скромный репертуар («Илья Муромец и разбойники» и начало «Сорока калик») от отца И. Е. Чупрова; две былины из четырех, записанных от И. П. Поздеева («Первая поездка Ильи Муромца» и «Илья и Идолище»), восходят к вариантам его отца, П. Р. Поздеева. Текстуально близки некоторые старины А. Ф. Пономарева и В. П. Тайбарейского (в большей мере «Иван Гоудинович», в меньшей — «Добрыня и Василий Казимирович»). Объясняется это общностью их источников: Тайбарейский часть своего репертуара перенял у отца Пономарева — Федора Михайловича, вместе с которым не раз бывал на путине; Пономарев-младший учился сказительскому мастерству у отца и его приятеля.

Нетрудно заметить, что эпическая традиция Печоры не дает ни одного примера прямой преемственности между сказителями с большим репертуаром; в тех редких случаях, когда подобная связь обнаруживается, родственными по происхождению оказываются всего один-два сюжета. Этого, конечно, слишком мало для того, чтобы ставить вопрос о существовании сказительских «школ». Быть может, общая картина выглядела бы несколько иначе, если бы Ончукову удалось записать все, что знали наиболее талантливые сказители (А. Ф. Вокуев, С. Ф. Хабаров, И. В. Торопов, А. И. Дитятев, Е. И. Рочев), встретиться с певцами, оставшимися в стороне от его маршрутов (И. В. Горенка, Ф. М. Пономарев, И. Р. Кисляков, Анисья Шевелева), застать некоторых

признанных мастеров в расцвете их творческих сил (В. А. Чупров). По словам собирателя, на Василия Аврамовича Чупрова (местное прозвище «Вася Малый») «все указывали как на лучшего знатока былин на Пижме; Ф. Чуркина, например, его ученица». Но встреча с ним не оправдала надежд Ончукова: глубокий старик, В. А. Чупров «много старин (...) перезабыл, а что помнит, помнит плохо» (Онч., с. 66). Единственное, что удалось от него записать, — начало былины «Василий Игнатьевич и Батыга». От пижемских певцов, хорошо знавших «Васю Малого» и называвших его одним из своих учителей, записаны тексты на разные сюжеты (исключение — «Илья Муромец и Сокольник»), так что не представляется возможным ни доказать действительную зависимость их вариантов от былин В. И. Чупрова, ни реконструировать репертуар последнего.

Недостаток материала для сопоставлений затрудняет решение проблемы сказительских «школ» на Печоре, но было бы неверно все сводить только к этому. В других регионах первые собиратели тоже были ограничены в своих возможностях, их записи не дают всестороннего представления о локальных традициях. Например, на Купецком озере (Восточное Прионежье) во второй половине прошлого века было не меньше десяти известных в округе старинщиков, а Рыбникову и Гильфердингу удалось выявить только двух — Н. Прохорова и И. Фепопова. Тем не менее генетические связи между многими вариантами прослеживаются довольно четко. На Печоре картина принципиально иная, что нельзя объяснить стечением случайных обстоятельств. Главные причины этого следует искать глубже — в своеобразии социально-бытового уклада печорцев и обусловленных им особенностях бытования эпических песен.

На мысль о существовании «школ» сказительского мастерства исследователей русских былин натолкнул анализ записей из Прионежья и Кенозерско-Каргопольского края — регионов, заметно отличающихся от Печоры. Местные крестьяне вели гораздо более оседлый образ жизни — в основном занимались хлебопашеством, прочно «привязывавшим» человека к земле; охотились и ловили рыбу на «отхожих» озерах в окрестностях родной деревни, да и на лесозаготовках работали обычно неподалеку от них, вместе с односельчанами. Былины здесь чаще всего исполняли дома, круг слушателей оставался более или менее постоянным. Относительная замкнутость эпической среды приводила к узкой локализации местных традиций, преобладанию в них «семейного» начала. Новые поколения сказителей, как правило, наследовали эпический багаж своих отцов и дедов, односельчан или жителей соседних деревень; случаи заимствования старин от заходящих людей или на стороне встречаются крайне редко. Поэтому своеобразные версии и редакции былинных сюжетов, созданные на основе традиции выдающимися певцами, не получали широкого географического распространения.³⁷

На Печоре и в соседних с нею районах сказыванию былин учились в основном на промыслах. «Устьилены почти не поют старин дома, а только на рыбной ловле», — свидетельствовал Н. Е. Ончуков (Онч., с. XXVIII). Состав промысловых артелей ежегодно обновлялся, благодаря чему начинающие сказители имели возможность подолгу общаться с носителями разных локальных традиций. Поэтому неудивительно, что они редко ориентировались на одного учителя, каким бы талантливым и авторитетным он ни был. Сравнительно скромную роль играли на Печоре и семейные традиции. «Поются старины (...) многими, — писал Ончуков, — но учатся старине не от многих, а только от лучших певцов» (Онч., с. XXX). Поскольку даже у первоклассного сказителя не все входившие в его репертуар эпические песни равноценны по качеству, естественно желание перенять какую-то былину у другого певца, который исполняет ее лучше. Благо, у печорцев было что сравнивать и из чего выбирать.

Множественность источников эпического знания — закономерная особенность устной традиции Печоры.³⁸ И. К. Осташов назвал собирателю имена четырех своих учителей; В. П. Носов учился сказительскому мастерству у И. В. Торопова и И. М. Дуркина, пел старины и его отец — Прокопий Носов (Аст., I, с. 408); учителями В. П. Тайбарейского были С. Безумов, А. И. Дитятев и Ф. М. Пономарев; А. М. Чупрова — Е. М. Поздеева, А. Е. Осташов и В. А. Чупров. От разных лиц усвоили былины А. А. Носова, Т. С. Дуркин, А. Е. Михеев,

³⁷ Молва о высоком исполнительском мастерстве таких классиков русского эпоса, как Т. Рябинин, А. Чуков, Н. Прохоров, распространилась чуть ли не по всему Прионежью. Но их оригинальные обработки былинных сюжетов практически не вышли за пределы нескольких деревень на родине сказителей (исключая, разумеется, заимствования через книгу).

³⁸ Следует оговориться, что и в других регионах былины сказителей с большим репертуаром восходят не к одному, а к нескольким источникам (А. Крюкова, Т. Г. Рябинин, П. И. Рябинин-Андреев, Н. Богданова, Г. Якушов, Ф. Конашков, И. Фофанов, П. Воинов и др.).

Н. И. Суслов, А. М. Поздеева и некоторые другие печорские певцы. Особо следует подчеркнуть два момента: репертуар большинства названных исполнителей составляют всего 2—3 сюжета; учителя и их преемники часто не были связаны узами родства и порой жили далеко друг от друга. То, что в Прионежье или на Кенозере собиратели отмечали как исключение из правила, на Печоре было массовым явлением. Показательно, что даже сыновья известных сказителей не замыкались в рамках семейной традиции. И. П. Поздеев, например, перенимал старины не только от своего отца и его брата Семена, но и от И. Р. Кислякова; А. Ф. Пономарев — от отца и В. П. Тайбарейского; единственная былина Н. В. Тайбарейского «Илья Муромец и Сокольник» не имеет ничего общего с вариантом его отца (см. коммент. к № 74).

Печора не выдвинула женщин-сказительниц такого масштаба, как М. Кривополенова (Пинега), А. Крюкова (Зимний берег), Д. Сурикова и Н. Богданова (Заонежье), А. Пашкова (Пудога), А. Артемьева (Кенозеро). Женщины не бывали на тонях и зверобойных промыслах, не зимовали в охотничьих избушках и, следовательно, лишены были возможности регулярно слушать старины, осваивать искусство их сказывания. Лишь в глухих деревнях на притоках Печоры, население которых вело более оседлый образ жизни, среди лучших сказителей встречаются женщины (например, Федосья Чуркина из д. Чуркиной на реке Пижме). Правда, П. И. Шевелева утверждала, будто ее дочь Аксинья поет 22 старины (Онч., с. 389). Но Аксинью Ончукову разыскать не удалось, а по его меткому замечанию, «слава сказателей не всегда соответствует их действительному качеству». В этом он убедился на собственном опыте после встреч с Тарасом и Д. К. Дуркиным. О Тарасе многие говорили «как об очень хорошем сказателе», знал же он только одного «Бутмана», да и то нетвердо. Д. Дуркин в первый приезд Ончукова на Печору заявил, что «знает 70 старин, которые нынче превратились уже в 40, но он не знает и столько» (Онч., с. 184). Всего от этого певца в 1902 и 1929 гг. записано 8 былин, 1 историческая песня и 1 баллада.

Приведенные выше факты и наблюдения позволяют считать, что в Печорском крае не было «школ» сказительского мастерства, как их понимали А. Ф. Гильфердинг, В. И. Чичеров и некоторые другие исследователи. Это ни в коей мере не свидетельствует об ущербности или неполноценности местной эпической традиции. В каждом регионе на ее развитие активно влияли те или иные особенности хозяйственного и культурно-бытового уклада населения. На Печоре этн особенности способствовали унификации локальных традиций, широкому географическому распространению наиболее удачных редакций и изводов былинных сюжетов.

Среди найденных Н. Ончуковым сказителей первые места по количеству известных им старин занимают С. Ф. Хабаров (17 былин) и И. В. Торопов (13). Однако от них записаны лишь единичные тексты, к тому же в художественном плане они ничем особым не выделяются, заметно уступая вариантам П. Маркова, П. Поздеева, А. Вокуева и Ф. Чуркиной.

76-летнего Павла Григорьевича Маркова из деревни Бедовой в низовьях Печоры Ончуков аттестовал как отличного знатока старин. Его репертуар не столь обширен, как у Хабарова или Торопова (записано 7 былин, не записано 3), но почти все тексты содержат архаичные подробности, отличаются обстоятельностью изложения, стройностью композиции, высокой техникой исполнительского мастерства. Певец удержал в своей памяти редкий сюжет о Волхе Всеславьевиче (см. № 1 — первую и единственную его фиксацию на Печоре); он — один из немногих сказителей, знавших обе былины о Василии Буслаеве и исполнявших их отдельно, как самостоятельные произведения; его «Дунай» содержит исконные для этого сюжета мотивы и подробности, утраченные другими печорскими старинщиками. Марков сохранил некоторые реалии древненовгородского быта, забытые или переосмысленные его земляками (см. коммент. к № 238), а записанные от него тексты «Алеши и Тугарина» и исторической песни о Кострюке принадлежат к числу лучших вариантов, известных науке.

Собиратель не оставил указаний на источники репертуара П. Маркова, никто из сказителей нового времени не ссылался на него как на своего учителя. Но во всех былинах Павла Григорьевича, кроме уникального для Печоры «Волха», обнаруживаются близкие параллели к вариантам его земляков, что свидетельствует о местном их происхождении. Судя по всему, Марков общался не только со старинщиками с Нижней Печоры: если былина «Василий Буслаев и новгородцы» текстуально близка к варианту пустозера С. Хабарова, то в «Садко» много общего с текстом А. Осташова с реки Пижмы, а старина о поездке Василия Буслаева в деталях и подробностях перекликается с вариантом устьицлемского певца П. Поздеева. Начало «Дуная» Ончуков вообще не считал нужным записать от Маркова, сославшись на сходство его былины с текстом Д. Дуркина из Усть-Цильмы. В эпических

песнях Павла Григорьевича обнаруживаются также следы контактов с носителями мезенской традиции (см. коммент. к № 244).

П. Марков — приверженец классического формульного стиля, отлично владевший былинным стихом и обладавший богатым арсеналом художественно-выразительных средств. В его текстах, даже фрагментарных («Волх» и «Василий Игнатьев»), немало оригинальных, а подчас и уникальных формул; особой чеканностью отличаются троекратные повторы, построенные на синтаксическом параллелизме. Как правило, эти описания исполнены внутреннего драматизма и потому не производят впечатления монотонного однообразия. См., например, следующие строки:

Пришла ко Садку да и перва волна —
 Розлучила Садка да со нашестоцькёй.
 Пришла ко Садку да и втора волна —
 Розлучила Садка да со весёлышком.
 Пришла ко Садку да и третья волна —
 Розлучила Садка да со белым светом.

Лаконична и в то же время исполнена глубокого смысла обобщающая сентенция матери Василия Буслаева, тщетно пытающейся удержать сына от рокового путешествия: «Кому думно спастця, дак можно здесь спастись». Но у Василия — своя правда, воскрешающая в памяти нормы дружинной чести, утверждавшиеся в эпоху раннего феодализма: «Не отстать мне-ка дружины хороброей». (Ср. отказ киевского князя Святослава принять христианство по примеру матери со ссылкой на то, что дружина будет над ним смеяться.) Оригинален и финальный эпизод этой былины: в знак траура по Василию его дружинники снимают на корабле «флюгароцьку», вынимают из него «есны очи», «черны брови», а мать богатыря по этим приметам догадывается: «Видно нету на карабике хозяина...» (Ср. аналогичный мотив в древнегреческом мифе об Эгее, который бросился со скалы в море, увидев на корабле сына черные паруса, — по уговору их должны были поднять только в случае гибели хозяина.)

От Петра Родионовича Поздеева, сына знаменитого в прошлом устьцилемского старинщика, Оичуков записал 10 былин и перечислил еще 3 известных ему сюжета. Прекрасно отзываясь о человеческих качествах Поздеева, собиратель невысоко ставил его как сказителя: «Старины он поет плоховато, гораздо хуже, чем Ф. Чуркиня, Вокуев, Марков и др. Все старины поет Поздеев чуть ли не одним «ясаком», чего хороший старинщик иикогда не позволит себе да и не сумеет. Все происходит у него в Киеве при князе Владимире, куда он отнес и старину про Долгорукова с ключником; во все старины вносит однообразные факты, фразы и целые действия и, не помня подлинных, слышанных от стариков выражений, привносит много своего» (Онч., с. 78).

Безусловно, что-то в этой оценке справедливо (невывразительность напева — «ясака», путаница имен и исторических эпох в балладе о князе Волконском и ключнике), но в целом ее принять трудно. Оичуков явно стусил краски и местами противоречит своим же собственным утверждениям; во всяком случае, приведенные выше ссылки на забывчивость Поздеева не вяжутся с рассказом о его «удивительной памяти». Во вступительной статье к сборнику Ончуков писал, что Поздеев присутствовал при исполнении Д. Дуркиным редкой былины «Лука, змея и Настасья», а через несколько дней сам предложил спеть ее, но «со смехом». «Оказывается, что он, прослушавши раз, запомнил старину, а когда ездил в лес за дровами, попробовал спеть и спел всю от начала до конца» (Онч., с. XXX). К сожалению, собиратель отнесся к предложению Петра Родионовича как к чудачеству и упустил уникальную возможность зафиксировать своеобразную «премьеру» народного певца. Замена князя Волконского Долгоруким — обычное на Печоре явление (см., например, варианты того же Дуркина — Онч., № 52; Аст., I, № 84; правда, действие в них происходит не в Киеве). Во всех остальных текстах Поздеева место действия традиционно, а «однообразие» формул свидетельствует лишь об исключительной стабильности так называемых общих мест у этого сказителя; ни одного случая явного переноса каких-то эпизодов, мотивов или подробностей из других сюжетов обнаружить не удалось. Сопоставления былин П. Поздеева с другими записями Оичукова и материалами последующих экспедиций убеждают в том, что многие из них принадлежат к числу лучших печорских вариантов. «Илья Муромец и Идолище», «Иван гостиный сын»,

«Чурила и Катерина», «Поездка Василия Буслаева» содержат все или почти все элементы местных редакций этих сюжетов; в «Добрыне и Маринке» в отличие от других печорских записей Добрыня сохраняет черты эпического героя, Маринка изображена колдуньей, а ее любовник — змеем; без поздеевского «Ставра Гоудиновича» контуры печорской редакции этого сюжета вообще не удалось бы выявить, так как тексты других сказителей дефектны или зависимы от книги.

Подобно П. Маркову, Поздеев придерживался формульного стиля; для его былин характерны точный и выразительный язык, традиционность лексики, строгое соблюдение эпических повторов.

Неизгладимое впечатление произвел на Ончукова Анисим Федорович Вокуев — 70-летний крестьянин из-под Усть-Цильмы, ослепший еще в детском возрасте. Умный, предприимчивый, острый на язык, он не согнулся под тяжестью обрушившегося на него недуга, сумел многого добиться в жизни, стать полезным и уважаемым членом общества. Собиратель оставил блестящий портрет этого замечательного человека (см. раздел «Биографические сведения об исполнителях», т. II), оказавшегося к тому же великолепным сказочником и знатоком эпической поэзии. «Анисим громким, как труба, голосом поет свои старины, которые знает твердо, поет складно, прекрасным напевом» (Онч., с. 255). «Памяти Анисима я обязан тем, что списал у него несколько былин в прекрасных вариантах, спетых прямо-таки художественно, без единой лишней строчки и слова» (Северные сказки, с. 35—37). Занятость Вокуева помешала Ончукову записать весь его эпический репертуар, а ориентация собирателя на редкие сюжеты не позволила сказителю полностью раскрыть свое дарование. Из 6 его былин лишь 3 соответствуют приведенной выше характеристике — «Алеша Попович и Тугарин», «Добрыня и Василий Казимирович», «Илья Муромец и голи кабацкие». Правда, последняя старина фрагментарна, но Анисим Федорович удачно оформил ее как самостоятельное, не требующее продолжения произведение. Сюжет «Луки, змен и Настасьи» осложнен рассказом о поездке героя на родину, в котором певец использовал не свойственные эпосу бытовые детали и современную лексику. «Святогор и Илья Муромец» представляет собой прозаический пересказ былины, а «Молодость Добрыни» — начало эпической песни, сюжетная принадлежность которой точно не устанавливается. В стилистическом отношении все тексты Вокуева, кроме «Святогора» и второй части «Луки, змен и Настасьи», не уступают лучшим образцам печорской былинной традиции.

Лучшая былина Федосьи Емельяновны Чуркиной «Илья Муромец и Сокольник» по праву открывает сборник Ончукова. Это самый полный и развернутый, безупречно скомпонованный и мастерски исполненный вариант популярнейшей в этих краях старины, первая фиксация оригинального пажемского извода сюжета, получившего распространение по всей Печоре и отлично сохранившегося вплоть до второй половины нашего века. В той же редакции былина входит в репертуар ряда пажемских певцов, учившихся сказительскому искусству у дяди Ф. Чуркиной В. А. Чупрова или его преемников. Несомненны художественные достоинства былин Федосьи Емельяновны «Алеша Попович и сестра братьев Збродовичей», «Василий Игнатьевич и Батыга». В последней былине сказительница использовала сразу два запева — случай уникальный в русском эпосе (традиционному запеву о турах предпослано гиперболическое описание чудесного корабля). На фоне этих текстов бледно выглядит «Илья Муромец и Калин-царь», особенно вторая часть произведения, концовка которого скомкана и передана прозой. Кроме записанных Чуркина знала еще 4 былины, в том числе «Маево побоище» — третий в ее репертуаре сюжет, повествующий о татарском нашествии на Киев, и второй, в котором главную роль в отражении нашествия играет Илья Муромец.

Немало прекрасных знатоков и талантливых исполнителей былин открыли на Печоре советские фольклористы. Достойными преемниками сказителей старшего поколения стали Иван Кириллович Осташов, Василий Петрович Тайбарейский, Василий Прокопьевич Носов, Никита Федорович Ермолин, Александр Федорович Пономарев, Тимофей Степанович Кузьмин, Гаврила Васильевич Вокуев, Еремей Прович и Леонтий Тимофеевич Чупровы, Василий Игнатьевич Лагеев. Развернутые характеристики большинства из них опубликованы в различных сборниках и перепечатываются в настоящем издании; содержательные очерки творчества четырех последних певцов написаны музыковедом Ю. Е. Красовской.

Сведения об Иване Кирилловиче Осташове крайне скудны. Известны имена его учителей (они были названы выше), собиратель отметил также, что Осташов «в совершенстве владеет былинной поэтикой и может любую сказку дать в былинном изложении». От него записано 10 былин; не все они равноценны по качеству, но в каждой чувствуется почерк зрелого мастера. Особенно выделяются стройностью композиции и чеканимостью

слога старины о Дунае, Дюке, Чуриле и Катерине; хороши и многие былины об Илье Муромце — любимом герое Ивана Кирилловича. (В репертуаре сказителя 5 былин об этом богатыре, а в «Дюке» он выступает в роли второстепенного персонажа. На этом фоне парадоксом выглядит тот факт, что среди 10 былин П. Маркова, земляка Осташова, нет ни одного сюжета об Илье Муромце.)

В свое время Ончуков по всей Печоре тщетно искал певца, который знал бы стихотворный вариант старины о Святогоре; от Осташова такой текст записан. Правда, сказителю не удалось избежать прозаизмов, но наличие ряда оригинальных формул, выразительных реплик персонажей свидетельствует о давней традиции пения этой былины. В текстах Ивана Кирилловича обнаруживаются редкие эпизоды и детали, роднящие их с вариантами других печорских певцов, причем близкие параллели имеются в записях как с Нижней Печоры, так и из Усть-Цилемского района (см. коммент. к былинам «Чурила Пленкович и Катерина», «Ставр Годинович», «Дунай Иванович-сват», «Иван Годинович», «Соломан и Василий Окулович», «Илья Муромец и Сокольник»). Показателен в этом отношении текст «Ставра Годиновича», в котором Осташов соединил традиционный сюжет с начальными эпизодами «Бутмана» — былинного новообразования, созданного на Пижме, за сотни километров от его родной деревни.

На творчество ряда печорских сказителей сильное влияние оказала книга. К печатным источникам восходят пересказы былин С. Марковой и Т. Савуковой, «Добрыня и Алеша» Н. Сулова, большинство текстов Т. Кузьмина, сводная сказка А. Бажукова об Илье Муромце, былина Н. Ермолина «Илья Муромец и Соловей-разбойник»; все четыре старины В. Лагеева текстуально близки к соответствующим сюжетам из «Книги былин» В. П. Авенариуса. О характере и степени зависимости этих вариантов от книжных источников, о некоторых особенностях «вторичного» бытования былин, возвратившихся в народную среду, подробнее сказано в комментариях. Здесь же необходимо отметить, что лучшие печорские старинщики — Лагеев, Ермолин, Кузьмин — не сказывали, а пели былины, заимствованные из печатных изданий. Василий Игнатьевич Лагеев особенно выделяется мастерской дикцией, великолепным чувством эпического стиха и напева, выразительным и звучным голосом. Эти факты — еще одно свидетельство силы устной эпической традиции Печоры, «подчинявшей» своим законам даже книжные по ближайшему происхождению былины.

* * *

Печорские былины, как и эпические песни из других районов Русского Севера, изобилуют традиционными географическими названиями, устойчивыми формулами и постоянными эпитетами, в которых упоминаются нехарактерные для северной природы и местного быта реалии: «поле чистое», «палаты белокаменные», «гнедой тур», «кроватька слоновых костей», «червленый вяз», «дуб» и даже «дерёва кипарисные». Вместе с тем на Печоре, как и в одном регионе, былинная поэзия несет на себе яркий отпечаток местных природных условий, хозяйственного и бытового уклада.

Печорские сказители в своем большинстве — рыбаки и охотники (в том числе и на морского зверя), промысловая удача для них неразрывно связана с трудностями и лишениями походной жизни, постоянным риском в борьбе с водной стихией. Поэтому закономерно, что морские мотивы занимают в их былинах гораздо более важное место, нежели в текстах, записанных в континентальных областях России.

На Печоре шире круг сюжетов, в которых изображаются морские поездки героев. К традиционным мореходам русского былевого эпоса — Василию Буслаеву, Садко, Соловью Будимировичу, Торокашке Заморянину (сюжет «Соломан и Василий Окулович») добавляются Василий Казимирович и его спутники («Добрыня и Василий Казимирович»), Лука Данилович («Лука, змея и Настасья»); на кораблях происходят главные события в былине «Идолище сватает племянницу князя Владимира»; отправляясь на поиски похищенной жены, царь Соломан с дружиной тоже предпочитает плыть морем (в текстах из других регионов, в том числе и в поморских, он движется по суше). В одном из вариантов былины «Добрыня и змей» (№ 10) противник нападает на богатыря в море, а не на Пучай-реке, как обычно. Вижа (Визя Лазурьевич) снаряжает корабль, чтобы убить возвращающегося с удачной охоты Данилу Староильевича (№ 184). Подводные камни, «подводная кошоцька разбойная» упоминается и в былине о Хотене Блудовиче, действие которой разворачивается на улицах города и в чистом

поле. Разгневанная трусостью сыновей (зятьев), отказавшихся постоять за честь семьи в бою с Хотеном, Маринка Чусова вдова изливает свои чувства в причете, заявляя, что лучше бы она родила не девять сыновей, а девять камней:

Я бы бросила камни да во синё морё,
Кабы сделалась кошоцька подводная,
Да подводная кошоцька розбойная,
Да розбила бы Фатенка да на синём мори.

(№ 186)

Гибелью героя во время шторма завершается один из вариантов «Садко»:

Дахватила его пурга-па́дера,
Да разбило три карабля черлёиыя,
Нарушился Сатко купеч богатый.

(№ 254)

Для эпической традиции большинства других районов характерно схематичное описание морских плаваний, им отводится обычно роль «проходных» эпизодов. У печорских сказителей и их соседей с Мезени (в меньшей степени — Кулоя и Зимнего берега) они превращаются в развернутые картины, богатые живописными деталями и подробностями. Собираясь в плавание, былинный герой нередко строит новый корабль — либо с помощью своей дружины, либо нанимая плотников.

Делат он сибe караблiк чернинькой,
Леккой стружочик.
Хорошо стружек да изукрашен был:
Придельывал он к караблiку на место правезу
По серу волку рыскучему,
Вместо очей врезывал по камешку самоцветному,
Вместо ресниц — по седу бобру остистому,
Вместо бровей — по той лисице по печорской, —
Хорошо-добре надцадик изукрашивал.
Весельшка были в надцадике кленовые,
Дерёвца были кедровые,
Дроги-зъёмы были шелковы,
Паруса были тонка полотнены...

(№ 243)

Подобно поморам-промысловикам, перед дальней дорогой богатыри запасаются провизией и даже пресной водой:

Всякой берет с собой провизию,
Берёт с собой зелена вина,
Для коней берет пшена белоярова,
Берёт воды сладкой медовой сороковками.

(№ 272)

Любовно, со знанием дела описывается снаряжение корабля: упоминаются «флюгера позолоченные», «якори булатные», «сходни дубовые», «мачты высокне» и т. п. С такой же профессиональной точностью в былинах зафиксированы все основные действия корабельщиков:

Обирали нынцѣ сходенки дубовые,
Подымали якори новы булатныя,
Роспускали паруса белы полотнены.

(№ 245)

В одном из вариантов уточняется, что убранные сходни «поклали (...) вдоль по караблю» (№ 244), в другом отмечается, что корабли провожали «со стрельбою» (№ 277). Прибыв на место назначения, мореходы «мечут щупы долгомерные», «ищут кошоцки подводной» и, только убедившись в полной безопасности прибрежных вод, заходят в «гаваии тихие», опускают паруса, бросают якоря, кладут сходни «концом на землю» и высаживаются на сушу. В некоторых эпических песнях фигурируют шлюпки, на которых герои былины преодолевают мелководье (№ 245, 266).

Не забывают сказители отметить благоприятную для плавания погоду:

Кабы дал им Бог нонь тишины пособной...

(№ 270)

Перепало ему погоды благополучное,
Благополучное, пособно-быстрое.

(№ 272)

Нередко говорят даже о распределении обязанностей между корабельщиками:

Кабы Васинька стал, право, ко парусу,
А Микитушка стал, право, ко якорю,
А Потанюшка Хроминькой ко вороту.

(№ 16)

...Фома-то Толстой тот на кормы стоит,
А Костя Микитиць на носу стоит,
А Потанюшка Маленькѣй окол парусов.
Потому-де Потаня окол парусов:
Горазд был Потаня по снастям ходить.

(№ 244)

Обилие подобных деталей в былинах печорцев несомненно связано с особой ролью моря в их жизни. Не случайно один из местных сказителей Николай Шальков, по аналогии с традиционным постоянным эпитетом «мать сыра земля», охотно употреблял формулу: «Побежали-то по батюшку синю морю» (№ 21, 245), а Тимофей Дуркин счел необходимым дополнить популярное в былинах предсказание непобедимости Ильи Муромца: «Мне на поле (т. е. в бою) смерть не писана, на море не явлена» (№ 51).

Отмеченные выше развернутые описания, яркие детали и подробности не являются в былинах строго обязательными, необходимыми для дальнейшего развития сюжета или характеристики главного героя. Поэтому в одних вариантах они имеются, в других могут быть опущены без особого ущерба для развития действия. Но в ряде случаев морские мотивы играют исключительно важную роль в характеристике героев, становятся сюжетообразующими элементами, прочно вплетающимися в художественную ткань произведения. В печорской редакции былины «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим» мать предупреждает богатыря об опасностях, подстерегающих его на пути в Иерусалим:

Есть там три за́ставы великия:
Перва за́става — живут мужички да новотокмяна,
Бьют, хватают они удалых добрых молодцов,

Не пропускают не конных, не пеших
 Те станичники да коробичники.
 Другая застава есть великия —
 Субой быстёр да вал густой.
 Третья есть застава великая —
 На горах стоят кресты евангельски.

(№ 243)

«Субой» — водоворот, сильное течение, справиться с которым нелегко даже богатырской дружине Василия Буслаева.

Стало тут кораблик помётывать, подбрасывать,
 Микитушка пал на черлён карапъ,
 Фома Широкий тоже пал,
 Потанюшка Хроминький поскакиват.

(Там же)

Еще более колоритная картина нарисована в варианте А. Осташова (№ 16) — сюжет «Добрыня и Василий Казимирович», но послами киевского князя являются Василий Буслаев и его традиционные спутники:

Выбегали они да за быстрой субой.
 Кабы начело их, право, покачивать,
 А покачивать начело, пошатывать,
 Как Микита Широкой под унож упал,
 Кабы Васинька Буслаевич на унож пал,
 Как Потанюшка Хроминькой кормой шатат,
 Как кормой-де шатат, парус поправливат.

В некоторых мезенских текстах тоже есть предупреждение матери («сулой быстёр», «розбой востёр» — Григ., III, 74), но при описании поездки Василия Буслаева оно не реализуется.

Напряженным драматизмом пронизана первая часть былины на сюжет «Лука, змея и Настасья», которая зафиксирована собирателями только на Печоре. «Позадорившись за охотой», Лука неосмотрительно вышел на «морские луга» и был застигнут приливом.

Подходила тут вода да синеморская,
 Понимала тут вода все зелены луга,
 А стоял тут Лука да по колен воды,
 А стоял-то Лука да по пояс воды,
 А стоял-то Лука да по грудей воды.

(№ 277)

Печорские сказители, хорошо знавшие борьбу с морем, лаконичными штрихами подчеркивают всю опасность положения Луки:

Пролились кабы все да малы заводи,
 Але выгги-де Луки да нынцци непокуль,
 Кабы непокуль-де выгги, право, на землю.

(№ 278)

Богатырь заскакивает на «колодину водоплавную», но на этом его злоключения не кончаются:

Потянул кабы ветер нынь со города,
 Понесло нынцѣ Луку да во синѣ морѣ,
 Подхватил-ле Луку, право, быстѣр субой,
 А быстѣр бы субой, да, право, вал густой,
 А едва-ле так Лука да нынь спасаетца,
 Понесло-де Луку да во синѣ морѣ. {...}
 Убиват-де валом его, захватыват.

(Там же)

«Колодину водоплавную» выносит в открытое море или к горам Сорочинским, где Луку подстерегает новая опасность — на него нападает «змея лютая».

Во многих печорских былинах повторяется стандартная ситуация: богатырь выезжает на крутую гору или выходит на крыльцо («на рели превысокие») и «зрит-смотрит» во все стороны.

Да смотрел он под сторону восточную, —
 Да и стоит-то-де наш там стольнѣ-Киев-град;
 Да смотрел он под сторону под летную —
 Да стоят там луга да там зелѣныи;
 Да гледел он под сторону под западну —
 Да стоят там да лесы тѣмныи;
 Да гледел он под сторону под северну —
 Да стоят-то-де там да ледены горы...

Панорама, открывающаяся взору героя на западе, востоке и юге, обычно варьируется, но на севере он неизменно видит «море синее», «ледяные горы», «сини моря ледовитые» и даже «ледовитый океан». Близкие по содержанию описания присущи также мезенским, кулойским и поморским былинам. Характерно, что основной театр действия — западная сторона: именно там богатырь обнаруживает что-нибудь необычное, привлекающее его внимание; отсюда же появляются чужеземцы-насилники (лишь Сокольник с матерью обычно живет на севере, «у того у моря у холодного» или «студеного»). Нетрудно заметить, что сказители Печоры и соседних с нею районов словно переносят былинных героев в свои родные места, наделяют их собственными представлениями о внешнем мире. (Во времена Н. Ончукова, не говоря уже о более ранних, все более или менее удобные и обжитые дороги в «большой мир» начинались для печорцев далеко на западе — Северная Двина с ее притоками, почтовые тракты, ведущие из Архангельска в Москву и Петербург, позднее — железная дорога на Москву.)

Северяне немало знают о землях, удаленных от их родной Печоры на сотни и тысячи верст. В текстах былин упоминаются «долга дорожечка сибирская» (№ 168, 169), «Каспийскоѣ морюшко беспроливноѣ» (№ 169), «земля Подобьская» (№ 260); некоторые эпитеты связаны с названием уральской реки Камы (орел «закамский», «камчужский», бобры «закаменские»).

Старожилы Средней Печоры считают себя прямыми потомками новгородских поселенцев, а низовья реки около пяти веков тому назад были освоены московскими колонистами. Поэтому естественно ожидать, что в эпической традиции Усть-Цилемского района память о древнерусской торговой республике, о своеобразном политическом, экономическом и бытовом укладе новгородцев должна сохраниться лучше, чем у соседей. Однако этого нет. Правда, по количеству вариантов новгородских сюжетов «Садко», «Василий Буслаев», «Хотен Блудович» Усть-Цилемский район несколько превосходит Нижнюю Печору (15 против 11), но их удельный вес выше в былинном репертуаре понизовья, где за все годы собирания эпоса записано почти в три раза меньше былин. Что же касается конкретных новгородских «примет», то ими бедны все печорские тексты; понизовские записи в этом плане выглядят, пожалуй, предпочтительнее.

В былине «Садко» действие порой переносится в Киев (№ 253, 254), в «черен град» за морем (№ 255) — все три текста устьцилемские, а Новгород упоминается лишь в двух нижнепечорских вариантах (№ 250, 258). Пустозерский певец Н. Шальков, видимо, считал «Новгород» сочетанием краткой формы прилагательного с нарицательным именем существительным и использовал в «Садко» слегка перефразированный зачин из былины о молодости Добрыни:

Как прежде Казань да слободой была,
Ищэ нынѣе Казань да новым городом,
Как во той во Казани, в новом городе...

(№ 251)

Такой же формулой, но без упоминания «нова города», открывается былина о Василии Буслаеве устьцилемского сказителя Д. Дуркина:

Преж Резань да слободой была,
А теперь Резань да славный город стал.

(№ 246)

Ни в одной записи этого сюжета не фигурируют новгородские посадники, братчинные старосты, лишь однажды упомянута «братчина» (№ 238 — Нижняя Печора), но не в ее древнем значении («братчину пить бы медовую»). Только в двух вариантах (по одному из каждого района) Василий Буслаев бьется с новгородцами на мосту через Волхов, в других текстах бой происходит на улицах города, а то и в «чистом поле». Да и само название реки в трех вариантах (два из Усть-Цилемского района) заменено близкой по звучанию Волгой (№ 251, 253, 256); Волхов упомянут в двух записях этого сюжета (№ 252, 257). На Средней Печоре наблюдается и путаница имен богатырей — Василий Буслаев со своими соратниками везет пошлины «царю неверному» (№ 16, сюжет «Добрыня и Василий Казимирович»), замещает главного героя в былине «Соловей Будимирович» (№ 167), а его самого в сюжете «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим» заменяет «Чурилка» (№ 247).

Несмотря на обращенность былин к далекому прошлому, сознательное стремление большинства исполнителей петь «так, как старики пели», новые времена, изменившиеся условия жизни носителей эпоса не могли, хотя бы приглушенно, не отразиться в текстах былин. Все более размытыми, неконкретными становилась представления устьцилемских сказителей об их прародине — древнем Новгороде, а новый жизненный опыт, печорские впечатления все настойчивее пробивали себе дорогу в эпическую поэзию. Этот процесс характерен для всего северо-восточного субрегиона (Поморье — Кулой — Мезень — Печора), но на Печоре он протекал наиболее интенсивно, оставив многочисленные «следы» в текстах былин, местный колорит которых не исчерпывается отмеченными выше морскими мотивами.

Печорские сказители нередко строят постоянные формулы, сравнения, параллелизмы и другие поэтические образы на использовании названий северных зверей, птиц, деревьев: «черный морж подлѣдный» (№ 169), «белый куропись» (№ 68, 100, 176 и др.), «черно-хвост горносталя» (№ 154), «лисица печорская» (№ 243), «столешинка кедровая» (№ 196, 197 и др.), «деревца кедровые» (243); в текстах упоминаются особенности планировки и архитектуры северно-русского жилья, многие свадебные обычаи, перечисляются свадебные чины: «заходила она в избу нижнюю» (№ 24), «ходит у крута крыльца работница» (№ 138), «свели молодых на подклет, повалили спать» (№ 126).

Старого казака стал князь ставить тысяцким,
Дуная Ивановича стал — дружкой,
Добрыню Микитича друтою,
Скопина Михаила Ивановича бережателем.

(№ 118)

Широко распространенную эпическую формулу — обращение вассала к своему владыке («Не веди казнить, веди слово вымолвить») многие печорские певцы осложняют, вводя в нее перечисление различных видов казни и упоминание «ссылки дальней»:

Не позволяй ты мне за слово головы казнить,
Головы ли сказнить, скоро повесити,
И не выслать бы штобы миня в ссылки дальняя.

(№ 190, см. также № 122, 126, 128, 270 и др.)

Есть основания полагать, что это тоже отголосок житейского опыта северян. Низовья Печоры уже в XVII в. стали местом ссылки неугодных светской и духовной власти деятелей; особый резонанс в среде старообрядцев получила пустозерская ссылка протопопы Аввакума. Память о такой форме княжеского и царского гнева сохранилась в местной эпической традиции. (Сохранилась она и в Мезенском крае, который тоже служил местом ссылки.)

На протяжении многих столетий русские жили на Печоре в иноязычном окружении, общаясь с народами, материальная и духовная культура которых резко отличалась от их собственной. Видимо, этим обусловлено повышенное внимание, которое уделяют местные сказители таким аспектам межэтнических отношений, как существование языкового барьера, различий в бытовом укладе, обычаях и верованиях. В былинах, как и в других фольклорных произведениях, проблема языкового барьера обычно вовсе не ставится: русские богатыри прекрасно договариваются без переводчиков и с татарами, и с «королем ляховитским», и с мифическими персонажами. В эпическом мире всеобщее взаимопонимание — вещь сама собой разумеющаяся. Лишь в одной из пудожско-каргопольских редакций сюжета «Илья Муромец и Калин-царь»,³⁹ представленной тремя вариантами, Калин выбирает посла, который «умеет говорить по-русски, мычать по-татарски» (Рыбн., 205, Григ., 57, ТМ, отдел 2, № 11). В печорских же записях «толмачи» упоминаются в разных былинных сюжетах:

Из вас бывал ли кто на святой Руси?
А по-руському кто говаривал,
По-немецкому протолмачивал?

(№ 105, сюжет «Камское побоище».
См. также № 278, сюжет «Лука, змея и Настасья»;
№ 200, сюжет «Василий Изнажьевиц и Батыга»)

Правда, как и в других вариантах, послу не приходится в Киеве говорить: он бросает ярлыки на дубовый стол и «поворот дает», т. е. уходит. Некоторые исполнители считали необходимым подчеркнуть, что противник богатыря владеет русским языком («Говорит змея русским языком» — № 279; даже конь Святогора «говорит (...) русским голосом» — № 6).

На Нижней Печоре в разных сюжетах используется постоянная формула:

Еще кто мне-ка найдет невесту зарученную,
Как по-руському назвать — жену венцальную,
А по-нашему, по-немецки, назвать — супружницу...

(№ 272, сюжет «Соломон и Василий Окулович»;
см. также № 21, сюжет «Идолище сватает
племянницу князя Владимира»;
№ 181, сюжет «Иван Годиневич»)

³⁹ См. также вариант «Щелкана» с Карельского берега: Исторические песни XIII—XVI вв./Изд. подгот. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. № 44.

Многие певцы последовательно выдерживают оппозицию «белое — черное» (свое — чужое): у иноземцев, врагов русской земли, «черные кудри», «груды черные», «шатер чернobarхатный». Даже для Сокольника, выросшего на чужбине сына Ильи Муромца, как правило, не делается исключения. Описывая чужеземное царство, иногда подчеркивают, что на пиру присутствуют «турзы мурзы удалые» (№ 21, 271), отмечают бытовые подробности, вызывающие удивление русских:

— У вас ётам-то ле што ле будто чад велик?
Ищэ чад велик, да дым столбом валит? (...)
— Уж варят нам на свадьбу кобылятину,
Ищэ жарят нам на свадьбу жеребятину.

(№ 21, см. также № 272)

Одна из характерных особенностей печорской былинной традиции — обилие в текстах религиозных элементов. Такая же картина наблюдается на Мезени и в Поморье. Отчасти это объясняется постоянными контактами с иноверцами, отчасти — преобладанием среди местного населения раскольников, многие из которых еще в недавние времена отличались особой приверженностью к старине, истовой религиозностью.

Как и в других регионах, этнические противники русских изображаются обычно иноверцами, чаще всего «погаными», т. е. язычниками; для богатырей защита родной земли — это и защита православной веры, «церквей соборных», «монастырей богомольных». Однако в печорских текстах гораздо чаще подчеркивается набожность героев, последовательно проводится противопоставление христиан «неверным». Появляясь в тереме князя Владимира, татарин «Богу не молится и челом не бьет» (№ 101); в свою очередь, русский богатырь, оказавшись в палатах иноземного царя, убеждается, что «Богу молитце у их некому» (т. е. нет икон) — № 119. Расхваливая свое царство, посланец Василия Окуловнча говорит жене Соломана:

У нас жити-то добро, дак служить легко:
У нас среды-то, петничи не поступют
И велики чатверги у нас нечем зовут.

(№ 270; см. также № 275)

В традиционную угрозу вражеского посла или нахвальщника вводятся дополнительные детали:

Я соборны больши церкви да вси на дым спущу, (...)
Я печатны больше книги во грезе стопчу,
Чудны образы иконы да на поплав воды.

(№ 196)

Соборны церкви все — конюшными.

(№ 75)

Иногда былинные конфликты преподносятся печорскими певцами как столкновения между сторонниками разных ответвлений христианства. Скурла-царь угрожает «православную веру облаатынить всю» (№ 199); Садко просит помощи у Миколы Можайского, обещая за это построить церковь и украсить ее «иконами старообрядческими» (№ 255); Дюк Степанович «молится по старой религии» (№ 146).

В печорских, мезенских и поморских былинах гораздо чаще, чем в текстах из других районов бытования русского эпоса, говорится о набожности богатырей, их успехи связываются с помощью небесных сил, а неудачи — с нарушениями церковных запретов. Князь Владимир просит у Калина отсрочки, чтобы «нам покаятца в городи да подладитца» (№ 101); перед поединком с Сокольником Илья Муромец едет в Киев каяться (№ 79); собираясь воссоединить семью, он предлагает Сокольнику крестить его мать (№ 69) и др. Русская полонянка молится Миколке о спасении, и приезд Козарина воспринимается как вмешательство святого (№ 268);

по молитве богатыря «с рук-то, с ног у Потапа жалеца обвалилисе, с шеи оковы да окатилисе» (№ 236); мать Волха Всеславьевича ходит «по всем церквям», служит молебны и вымаливает у Бога своему сыну богатырские качества (№ 1). После неудавшейся женитьбы Иван Годинович уезжает в пещеры Богу молиться (№ 180); Михайло Карамышев с сестрой уходят в монастыри замаливать кровосмешение (№ 269); трагическая судьба Дуная трактуется в одном из вариантов как наказание за грехи, «суд от царя и от Бога» (№ 118); даже временную неудачу Ильи Муромца в бою с Сокольниковым иногда связывают с «грехами тяжкими» (№ 68). В соответствии с общерусской традицией Дюк Степаниович приезжает в Киев к началу воскресной обедни и присутствует в церкви во время богослужения. В печорских текстах этот эпизод развернут, короткая стычка («потеснил он на правом крылосе Чурила млада Пленковича» — № 144) и словесная перепалка Дюка с Чурилой становятся своеобразным прологом к их дальнейшему соперничеству. В келье живет сказочная «бабушка-задворенка» (№ 269). Иван Гостинный сын, обязавшийся «меж обедней, меж заутреней» съездить из Киева в Чернигов и обратно, требует у черниговских попов «ерлык, скору грамоту» как доказательство соблюдения условий договора (№ 190).

В одном из вариантов былины «Садко» герой в церкви бьется об заклад, обещая «все товары повыкупить», «на Волхов повывозить» (№ 252). Кстати, в печорской версии этого сюжета антагонистом Садко всегда является «поп, отец духовный», которого купец побеждает с помощью Богородицы или Микола-угодника. Ситуация парадоксальная: христианские святые выступают против служителя культа, поддерживая его соперника. Не исключено, что также неожиданный поворот сюжетного действия объясняется неприязненным отношением старообрядцев к попам.

Как это ни странно, но в печорских былинах «божьи церкви», «монастыри богомольные» мирно уживаются с «царевыми кабаками»; изображая богатырей защитниками религии и ревнителями христианского благочестия, местиые сказители в то же время подчеркивают их пристрастие к вину. «Запьянсливыми», «упадчивыми до зелена вина» оказываются не только Василий Игнатьевич, Михайло Потык, Василий Буслаев, но и другие русские богатыри, не исключая степенного Илью Муромца. Общим местом печорских былин стала формула — призыв к пробуждению «удалых добрых молодцев»:

Аж вам полно-ко спать, да пора ставать,
От великого сну да пробужатисе,
От великой хмелины да просыпатисе.

(№ 68)

Собираясь в дальнюю дорогу, богатырь не забывает запастись бочками-сороковками с «зеленым вином». Особенно выразительны картины буйства захмелевшего богатыря («Илья Муромец и голи кабацкие», «Илья Муромец и Идолище», «Бой Добрыни с Дунаем»), описание кабацкого «житья-бытья» Василия Игнатьевича (см. коммент. к соответствующим сюжетам).

Близкие по духу подробности встречаются и в отдельных вариантах печорских былин; некоторые сказители вводят их в традиционные общерусские формулы. Так, в тексте В. Чупрова Василий Игнатьевич, заключая союз с предводителем вражеского войска, обещает вместе с ним «грометь-шурмовать да стольней Киев-град», но особо оговаривает условие:

Оставить только князя со кнегиною,
Оставить же церкви соборныя,
Оставить же царева больши кабаки.

(№ 198)

В былине П. Маркова «Олеша Попович, Еким-паробок и Тугарин» Алеша и Еким-паробок выбирают дорогу в Киев, отказываясь ехать в Суздаль:

Да в Суздале-граде питья много,
Да будёт добрым молодцам испропитисе,
Пройдёт про нас славушка недобрая.

Подхватив брошенный Тугарином нож «с серебряными припоями двенадцать пуд», побратимы «похваляютьца»:

Здесь у нас дело заежкое,
А хлебы у нас здесья завозныя,
На вине-то пропьём, хоть на калаче проедим.

(№ 115)

* * *

Таким образом, в печорских былинах обнаруживается немало специфических черт, которые отличают их от текстов, записанных в других районах бытования русского эпоса. Своеобразие региональной былинной традиции проявляется на разных уровнях — в репертуаре, в характере обработок наиболее популярных сюжетов, в использовании устойчивого набора оригинальных поэтических формул, который удачно дополняет общерусский фонд художественно-изобразительных средств. В текстах печорских сказителей отразились и некоторые особенности северно-русского быта, северной природы.

III. История записей и публикации былины Печоры

Честь открытия былинной поэзии на Печоре принадлежит Н. Е. Ончукову. «На Печоре я открыл существование былин, до сих пор там только предполагавшихся»,⁴⁰ — писал он в 1902 г. А. С. Суворину. Печора поразила Н. Е. Ончукова обилием неожиданно открывшегося ему, неизвестного ранее науке эпического материала. Былинная поэзия жила здесь еще полной жизнью, была органической частью быта местного населения и тем поразительнее было то обстоятельство, что путешественники, побывавшие на Печоре до Н. Е. Ончукова, прошли мимо этого явления. Причины, по которым этот громадный культурный пласт не был замечен, пытался понять и объяснить сам Н. Е. Ончуков: «Если (...) академики Лепехин и Озерецковский и путешественник 40-х гг. XIX в. В. Н. Латкин (...) ездивший на Печору не с этнографическими целями, могли еще не спросить про старины, то уже совсем непонятно, каким образом о старинах не слышали этнографы — С. В. Максимов и Ф. М. Истомин, и особенно последний, даже сознательно интересовавшийся былинами на Печоре» (Онч., с. XXV). Ф. М. Истомин, сотрудник Географического общества, побывавший на Печоре за десять лет до Н. Е. Ончукова, в письме к А. Н. Пылину в 1889 году писал о том, что «есть данные предполагать много любопытного — есть даже былины (...) зыряне по Печоре, ничего не знающие по-русски, поют русские песни и даже былины (...) записал образчик тех и других».⁴¹ Через год Истомин опять искал былины на Печоре и опять ничего не записал. В отчете о своей последней поездке он писал: «В прошлом (...) году, в кратковременное пребывание мое в Усть-Цильме, я узнал, что там есть несколько знатоков старин, мне назвали их имена, но повидаться с этими крестьянами я не мог за отъездом их на промыслы (...). Названных в прошлом году знатоков я вторично не застал дома, а расспросы мои о старинах, которые они знают, убедили меня в том, что это не былины, а рассказы и записи об устьцилемской старине (...). Дальнейшие мои поиски былин не увенчались успехом, тем не менее утверждать, что былин там нет совершенно, я пока не решаюсь: вопрос о том, откуда заимствованы зырянские русские былины, для меня остался пока невыясненным».⁴² Н. Е. Ончуков предполагал, что Ф. М. Истомин не добился положительных результатов в деле собирания фольклора, и былинной поэзии в частности, только потому, что порочен был его исследовательский метод. Ф. М. Истомин стремился охватить как можно большее число населенных пунктов, а потому практически все его свободное время в условиях глухого и малодоступного печорского края уходило на разъезды. По словам самого Истомина, у него совсем не оставалось времени на более или менее продолжительные остановки, «столь необходимые для полного этнографического

⁴⁰ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 3075.

⁴¹ Цит. по ст.: Мельц М. Я. А. Н. Пыпин и русская фольклористика конца XIX—нач. XX в. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. 2. С. 127, 128.

⁴² Истомин Ф. М. Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1890 года // Известия Русского географического общества. 1890. Т. 26, вып. 2. С. 433, 434.

исследования края, в особенности для составления значительного собрания памятников народного творчества» (Онч., с. XXV).

Недостаточно успешной была и первая поездка Н. Е. Ончукова на низовую Печору летом 1901 г. Он приехал на Печору поздно, относительно свободное время крестьян (от Пасхи до Петрова дня) уже кончилось, и он успел записать немного — всего семь былин. Повторная, столь плодотворная для Ончукова, поездка весной 1902 г., организованная Русским географическим обществом и вторым отделением Академии наук, планировалась с учетом именно этих обстоятельств. Н. Е. Ончуковым был обследован на этот раз очень большой район: Усть-Цильма и ее окрестности, деревни по Нижней Печоре и по реке Пижме. Общий результат этой поездки чрезвычайно высок — 82 былины (включая варианты и неполные записи сюжетов), 15 духовных стихов, 44 песни и 50 сказок. Успеху несомненно способствовал и усвоенный им от А. Ф. Гильфердинга метод личного подхода исследователя к исполнителям, особенно важный в среде старообрядцев. Метод этот до крайности прост: «обходиться с ними вежливо (...) относиться к их верованиям тем тоном уважения, которым принято в образованном обществе говорить с иноверцем об его религиозных убеждениях» (Онч., с. XXVI).

Былины в начале века были неотъемлемой частью жизни печорцев. Хорошие старинщики высоко ценились на Печоре. Во время осенней ловли рыбы всякая артель стремилась «залучить» хорошего старинщика или сказочника. «В хорошем старинщике на осеновье такая потребность, что старинщики пользуются некоторыми преимуществами в совершенно равноправной артели, где и староста, хлопотами которого артель собирается, а иногда и держится, имеет только нравственное, а не материальное преимущество; старинщики же в артели (...) пользуются и последним. Старинщику, например, не поручают особенно трудную часть работы, и они делают в артели то, что обыкновенно исполняют малолетние и подростки (...) при разделе добычи старинщику, особенно угодившему своими стараниями артели, возможно, что дается и до некоторой степени лучшая часть добычи» (Онч., с. XXIII—XXIV). Старинщика всегда старались угостить получше, «алабыш» особенно жирно мажут маслом, «чтобы голос был звонче и катился маслянее, а старинщик охотнее и лучше пел старины» (Онч., с. XXIV).

Цель, которую поставил перед собой Н. Е. Ончуков, заключалась в том, чтобы «переписать по содержанию все обращающиеся на Печоре былины и по одному разу хотя бы такие, которые уже известны в массе пересказов, записывая малоизвестные и совсем неизвестные в большем количестве разноречий» (Онч., с. XXXIV).

Основная задача Ончукова заключалась, таким образом, в том, чтобы выяснить сюжетный состав былинной поэзии на Печоре. Более частная цель сводилась к выяснению специфики именно печорской былинной традиции — отсюда его пристальное внимание к тем вариантам былин, в которых можно отыскать «эпизоды, штрихи, намеки, каких нет еще в уже существующих сборниках былин» (Онч., с. XXXIV). Такая специфика в передаче многих известных сюжетов, как справедливо предполагал Н. Е. Ончуков, непременно должна была быть вследствие почти полной изолированности печорского края от остальной России.

Ограниченность задач, вполне понятная нам и осознанная самим исследователем, была неизбежной. Один даже такой страстный собиратель, каким был Н. Е. Ончуков, не мог объять необъятное. Ончуков прекрасно понимал вынужденные недостатки своего метода записи, когда даже «у лучших старинщиков» ему приходилось записывать только то, чего у него пока еще не было, хотя бы старины, уже записанные ранее, «эти последние старинщики и знали лучше» (Онч., с. XXXV). Выяснив в основном сюжетный состав печорских былин, Ончуков не смог исчерпать полностью репертуар даже лучших сказителей. Эту задачу постарались выполнить последующие исследователи.

Причинами того, что былины столь полно и хорошо сохранились на Печоре, Н. Е. Ончуков считал, во-первых, удаленность и отрезанность Печоры от всей остальной России и, во-вторых, раскол. «Заброшенная, — по словам Ончукова, — в суровом климате за полярным кругом, недалеко от Ледовитого океана, совершенно в стороне от жизни всей остальной России, Печора до самого последнего времени жила укладом жизни и духовными интересами, по крайней мере, конца XVII в.» (Онч., с. XXI). И тем не менее Ончуков считал, что былинная поэзия здесь несомненно падает и будет падать все больше и больше в связи с постепенным промышленным развитием низовой Печоры. О падении былинной поэзии свидетельствуют личные наблюдения Н. Е. Ончукова: «Есть еще и теперь прекрасные старинщики и старинщицы (Авдотья Чуркина, Анисим Вокуев, Степан Хабаров, Павел Марков), но и они уже отчасти устарели, а отчасти, может быть, не встречая прежнего сочувствия и прежнего спроса на своё искусство, много забыли; Чуркина много уже путает, а две старины спела совсем плохо. О большинстве же нечего и говорить: путают, перевирают, извращают старины сильно» (Онч., с. XXXII).

Это, однако, еще не те существенные причины, по которым можно говорить о ближайшем вымирании жанра. Как мы увидим, еще более 30 лет спустя собиратели будут отмечать живое бытование этого жанра на Печоре.

Записанные Н. Е. Ончуковым материалы ни в архиве РАН, ни в РГАЛИ, ни в РГО обнаружить, к сожалению, не удалось, хотя есть, кажется, прямые указания на его возможное местонахождение. В упомянутом уже ранее письме Н. Е. Ончукова к А. С. Суворину имеется фраза о том, что образцы записанных им былин были «переданы В. И. (Ламанским) второму отделению АН и будут напечатаны в „Известиях отделения“». (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 3075). Былины действительно были напечатаны, но их рукописи в фонде В. И. Ламанского нет. В РГАЛИ в фонде 449, оп. 1, № 977 собраны двадцать писем Н. Е. Ончукова к А. И. Соболевскому, но ни в одном из них нет намека на возможное нахождение былин. В РГО хранятся документы тяжбы Н. Е. Ончукова по поводу оплаты за печатанье сборника «Печорские былины» (разр. 110, оп. 1, № 87).

Архив, таким образом, обнаружить не удалось, и мы располагаем только изданными Н. Е. Ончуковым материалами. Семь былин, явившиеся результатом поездки Н. Е. Ончукова на Печору в июне 1901 г., были опубликованы в «Известиях 2-го отделения Императорской Академии Наук». ⁴³ Былины, собранные весной — летом 1902 г., вошли в книгу «Печорские былины». ⁴⁴ За этот сборник Н. Е. Ончуков был награжден малой золотой медалью Русского географического общества. А. И. Соболевский высоко оценил труд Ончукова и в отзыве на книгу отметил, что Ончуков был открывателем печорской эпической традиции. ⁴⁵

Н. Е. Ончуков классифицирует записанные им былины строго по волостям, и книга, таким образом, делится на две большие части: «Старины Усть-Цилемской волости» (с подразделениями на Пижемские и Печорские старины) и «Старины Пустозерской волости». Необходимость подобного деления Н. Е. Ончуков обосновывает, с одной стороны, различием в содержании былин по волостям, с другой — разницей в говоре при наличии таких общих черт, как твердое «оканье», «цёканье» и отсутствие мягкого «г». Различие «в содержании одинаковых старин и название старинщиками одной волости старин другой будут вполне понятны, если вспомнить, как населялись эти две рядом лежащие по одной реке волости» (Онч., с. XI). Усть-Цилемская волость заселялась в основном крестьянами — или прямыми новгородцами или их потомками «из только что отошедшей к Москве Двинской земли» (Онч., с. XII), в отличие от Пустозерской волости, центром которой, ее началом был Пустозерский военный острог. Пустозерская волость, по всей вероятности, заселялась «служилыми людьми Московского государства» (Онч., с. XII). Таким образом, как полагал Н. Е. Ончуков, «земля» одной волости и «служилое сословие» другой не могли не отразиться в былинах обеих волостей. «Устьцилем поет старину, уверенный, что все, что в ней изложено, было. Но потомок новгородцев — он не отличает одного царя от другого, а в сущности неясно представляет себе эту власть. Идеалы его в былинах не государственные и политические, а чисто нравственные, общечеловеческие. Совсем не то пустозер. Он твердо знает, что значит царь, и не спутает его ни с кем. Пустозер не запутается и в хронологии: не сплет, положим, что Кострюк был в Киеве у Владимира, или что Васька Буслаев жил в Москве. Перед былиной он расскажет предание, а после ее еще что-нибудь дополнит и объяснит (...). Устьцилем-старообрядец, с головой ушедший в религию, или точнее в мелкое исполнение ее обрядовых предначертаний, совсем не знает даже местную историю раскола, остается как-то безучастен к ней. Но мне попадались старинщики-пустозеры, напр., Павел Марков из Бедовой или Василий Никонов из Нарыги, которые рассказывали об Иване Грозном, как будто царь этот жил лет 30 назад, на их памяти» (Онч., с. XIII—XIV).

Все это звучит достаточно убедительно для признания необходимости расположения всех печорских былин именно по географическому признаку, а внутри этого — деления по сказителям.

В заметке о былинах Н. Е. Ончуков говорит о том, что всякий раз он записывал, как произносилось. «Живое» произношение он пытался сохранить и в публикуемых текстах, не случайно здесь сплошь и рядом отсутствует унификация, и в одной и той же былине могут встретиться разночтения следующего порядка:

⁴³ Известия Отделения русского языка и словесности имп. АН. 1902. Т. 7, кн. 3. С. 277—355.

⁴⁴ Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.

⁴⁵ Архив РГО, разр. 110, оп. 1, № 87. Опубл. в 1905 г. в «Приложениях» к отчету о-ва за 1904 г.

держишь-держишь, держишь-держиш, шолковые-шелковые, пошол-пошел, двенадцать-петнаццет и пр. В томе «Печорские былины», изданном Н. Е. Ончуковым, помещена статья В. Чернышева под названием «Заметки о языке „Печорских былин“». В. Чернышев «выписал и сгруппировал примеры особенностей языка (...) чтобы дать первое представление о говоре певцов» (с. XXXVI). Он указал специально, что в «былинах нередко случаи употребления двух разных форм одного и того же слова». Это не следует считать неточностью, т. к. «собираТЕЛЬ былин указывает на подобные варианты, как на сознательный стилистический прием» (с. XXXVII).

И тем не менее Н. Е. Ончуков, готовя к изданию тексты, вносил в них некоторые, иногда значительные, правки. Свидетельством тому могут служить расхождения между публикациями некоторых былин в 1902—1903 и 1904 гг. Анализ (сверка) подтвердил, что мы имеем дело и с фонетическими разночтениями: заменой, например, твердой согласной на мягкую, или наоборот, заменой «ч» на «ц» и др. (*пещы-пещи, впрעדь-впрעד, Денисьевич-Денисьевичи* — № 138, 215, 266), и с морфологическими изменениями полной формы окончания прилагательных на краткую (*хрустальня-хрустальня, зелены-зелены*), с изменением форм собственных имен существительных типа *Данило-Данилко, Васинька-Васька* (см. № 215, 266, 278) и пр. Сверка публикаций Ончукова показала и неоднократные перестановки слов в стихе, добавление или, наоборот, отсутствие некоторых слов в одном и том же стихе (№ 215, 260, 266). Примером, где все перечисленные случаи разночтений проявляются наиболее наглядно, может служить «Небылица про льдину» (См. коммент. к Прилож. VI, № 3), сопоставленная по публикациям 1903 и 1904 гг.

Стремясь как можно полнее зафиксировать былинный репертуар печорских сказителей, Н. Е. Ончуков не во всех случаях полностью записывал текст, но при этом всегда делал указание об идентичности данного отрывка ранее уже спетому тем же самым сказителем, иногда же он отсылал читателя к былине другого исполнителя с замечанием, что «дальше идет обычное описание поездки (...) и потому оно не приводится» (Онч., с. 204). Или: начало былины «точно такое же, как и у Игнатия Дуркина, и потому не приводится» (Онч., с. 279) (см. коммент. к былнам № 17, 67, 176, 185, 246, 254, 266). При этом не учитывались ни индивидуальная манера исполнителя, ни диалектные особенности, ни изменения фонетические и морфологические — речь шла только о тождестве содержания указанных отрывков. Так, например, записывая былину «Дунай» от П. Г. Маркова, Н. Е. Ончуков не зафиксировал начало былины, так как, по его мнению, оно идентично началу былины «Дунай», спетой Д. К. Дуркиным. При сопоставлении былии очевидно, что даже «стыковые» стихи пропеты сказителями неодинаково (см. коммент. № 86). Такие отрывки, восстановленные в подстрочнике или комментарии при публикации былин в настоящем издании, лишь в малой степени дают представление о полном тексте былин и об исполнительских особенностях сказителя.

После Н. Е. Ончукова собирательская деятельность на Печоре продолжилась в 20-е годы. Именно в это время были записаны комн-песни «Об Илье и Калине». Это сравнительно близкие к русской былине «Об Илье Муромце» («Илья и Идолнще») стихотворные переводы-переложения.⁴⁶

В 1929 г. на Нижнюю Печору, т. е. именно в те места, где производил в свое время записи былин Н. Е. Ончуков, была направлена комплексная искусствоведческая экспедиция, организованная Государственным Институтом истории искусств. Результат этой экспедиции в области эпического наследия в чисто количественном отношении был достаточно высок — было записано 54 былины от 21 сказителя. Но самое главное, что повторные записи с промежутком более чем в четверть века дали возможность проследить произошедшие сдвиги в репертуаре, выяснить, каким трансформациям подверглись сами былины. В руках исследователя оказался, таким образом, первый материал, позволяющий поставить вопрос об эволюции эпоса в рамках данного региона.

Экспедиция 1929 г. побывала и в районах, где записи производились впервые, — например, в таких деревнях Усть-Цилемского района Печоры, как Коровий ручей и Климовка. Поскольку записанный здесь материал сравнивать было не с чем, то «тщательно собирались и сведения о бытовании былин в прежнее время. В результате были собраны данные о распространении былин и о районных былинных репертуарах» (Аст., I, с. 2). Очень

⁴⁶ См.: *Микушев А. С. Коми эпические песни и баллады*. Л., 1969.

важно, что сотрудникам экспедиции «удалось произвести записи не только от преемников — учеников старых исполнителей», записанных прежде, но и «повторные записи от тех же самых сказителей» (Аст., I, с. 10).

В отличие от Н. Е. Ончукова, который стремился прежде всего выяснить сюжетный состав былин, бытующих на Печоре, экспедиция 1929 г., идущая, с одной стороны, по следам Ончукова, с другой — охватывающая новые районы записи, выявляющая новые былинные очаги, получила возможность расширить свои цели и задачи.

Повторные записи сюжетов, часто произведенные от одних и тех же исполнителей, дали возможность поставить как основную — проблему варианта. Вариант рассматривался «как проявления живой творческой струи, как выражения непрерывающегося творческого развития эпоса» (Аст., I, с. 9). Появилась возможность подойти к изучению всех тех творческих процессов, которые происходили на Печоре на протяжении достаточно длительного времени. Таким образом, вариант становится интересным не только как феномен, содержащий важные моменты, необходимые для установления древнейшей основы сюжета, но и как проявление творческой энергии народных масс. «Отсюда встала задача новых наблюдений, новых собирательских работ, но уже направленных не по линии захвата новых районов, а в сторону повторных записей на местах прежних работ» (Аст., I, с. 9).

Вновь, как неизбежный, встал вопрос и о сохранности эпоса в обследуемом районе.

Экспедиция 1929 г. была свидетелем живого бытования былинной традиции на Печоре. Собиратели отмечали, что былины пелись как во время домашней работы, так и на промыслах. «И сейчас на промыслах, в лесной избушке, между делом, в праздник особенно, старинами, сказками и песнями забавляемся», — рассказывал А. М. Астаховой известный печорский сказитель Еремей Чупров. Сказители лучшие или худшие были в эти годы практически в любой деревне. «Сообщали о сказителях, живших иногда более чем за 100 верст (...) Слово «старина» почти всем известно; также многие, не будучи сказителями, могли назвать имена богатырей и сказать некоторые отрывки былин. Наблюдалось существование «семейных гнезд» былин, когда несколько человек ближайших родственников знали определенные былины и собирались вместе для их исполнения. (...) Иногда былины знали молодые крестьяне и даже подростки» (Аст., I, с. 47).

Но в составе былевого эпоса за промежуток более чем в четверть века произошли определенные изменения. Так, если в 1902 г. на Печоре было записано 50 былинных сюжетов, то в 1929 г. их число сократилось до 28. Уменьшилось и общее число записей — 60 по сравнению с прежними 75.

Весь фольклорный материал экспедиции 1929 г. собран в рукописном отделе ИРЛИ (колл. 6, п. 8). Былинная коллекция А. М. Астаховой состоит из полевых записей былин с заметками о собирателях, о манере индивидуального исполнения, с указанием (в отдельных случаях), от кого данная былина усвоена. Полевые карандашные записи трудно читаемы, пестрят множеством сокращений и добавочных надстрочных конкретных замечаний. Полевая запись текста во многих случаях расходится с перебеленной. Разночтения связаны и с фонетическим оформлением слова (*уш-уж, веть-ведь*), и с заменой или перестановкой отдельных слов. Так, в былине «Про старого», записанной от П. И. Торопова (№ 44) в стихе 17 — «Ой подносил каликам нонь ой да преубогим» (тетр. 13, л. 12) слово «нонь» заменено в перебеленном тексте словом «кабы» (тетр. 3, л. 95). В былине «Василий Игнатев», спетой И. П. Поздеевым (№ 202), в полевой записи читаем: «Пропил Васенька свой тугой лук» (тетр. 9, л. 19 об., стих 1), в перебеленной — «Протегал Васенька свой тугой лук» (тетр. 4, л. 5, стих 1). Встречаются такие серьезные разночтения, как пропуск отдельных стихов, пропуск ремарок или даже целых отрывков — см., например, коммент. к № 69, 70, 73, 122, 134, 203.

Подобные разночтения оказались следствием особой методики работы собирателя. Особенность собирательской работы А. М. Астаховой заключается в том, что целый ряд былин первоначально записывался со слов исполнителя, а при повторном исполнении (как правило, пении) собирателем уже вносились изменения, т. е. вставлялись пропущенные междометия, частицы, пропущенные слова, уточнялись отдельные формы слов типа: *проговорил Васька Буслаев — спел Васенька Буслаев* и т. п. Целый ряд разночтений вошел в публикации — каждый из таких случаев оговорен специально в комментариях.

Особую сложность представляют так называемые сводные тексты, т. е. тексты, в которых собирателем объединены разновременные по исполнению тексты. Собирателем определена и система условных обозначений: в квадратные скобки заключается текст, записанный при первоначальной словесной передаче, в круглые — при повторном пении. Однако система знаков выдержана не всегда. Так, в полевой записи былины «Про старого», спетой Е. П. Чупровым (см.: № 70, тетр. 10, л. 2 об.), внесены добавления, не отмеченные

скобками. Целый отрывок (стихи 13—15) записан вне текста (расположение его рядом с названием былины — над первым стихом — свидетельствует о том, что он был вписан позднее). В перебеленном тексте этот отрывок занял место после стиха 13, а в опубликованном виде в сборнике «Былины Севера» — после стиха 6. В текстах, вошедших в «Былины Севера», система скобок снята вовсе, а в подстрочнике указаны некоторые варианты разночтений.

В I том собрания «Былины Севера» под ред. А. М. Астаховой вошли «наиболее полные художественные варианты», а также варианты, «заключающие какие-либо новые моменты и в общей трактовке сюжета и в передаче отдельных образов и мотивов, вскрывающие черты жизни и развития эпоса на Севере» (Аст., I, с. 3). Было опубликовано 52 текста, записанные от 19 сказителей. О вариантах, которые не включены в издание, сообщается в примечаниях к сюжетам. В данную книгу кроме былин А. М. Астаховой включены и баллады, близкие к былинам. Включение баллад авторы тома аргументируют тем, что на Севере «эти баллады по напевам и исполнению резко отличаются от песен и самими певцами воспринимаются как жанр, родственный былинам» (с. 4).

Весь издаваемый эпический материал расположен в томе по районам (Мезень и Печора), что дает возможность получить представление «о специфике районов в отношении сюжетного состава и о характере местных, областных типов обработок одних и тех же сюжетов» (с. 3). В пределах каждого отдельного района материал, так же как и у Н. Е. Ончукова, расположен по сказителям «для наиболее четкого выделения индивидуальных моментов» (там же).

Составители сборника «Былины Севера» стремились сохранить все морфологические и основные фонетические особенности живой речи.

В отношении фонетики А. М. Астахова считала должным специально оговорить следующие случаи подачи текста: твердое произношение «ж» и «ш» и мягкое «ч» отмечается только в случаях особого усиления твердости или мягкости этих звуков по сравнению с литературной речью. Сохраняются чередования «ч» и «ц», а также колебания произношения в рамках одного и того же текста в окончаниях глаголов (*тѣся, тѣса, тѣсе, тѣца, тѣця* и др.). «Буквой *h* означает «г» фрикативное, «*ā*» — удлинение звука при стяжении (*расхаживāт*), *é* — произношение «е» вместо обычного в данном случае «ё». Апостроф (·) обозначает пропуск звука или шопотно-глухое его произношение, ухом не улавливаемое, например, «Словьюшко» (Аст., I, с. 5).

Из особенностей орфографии обращается особое внимание на отказ от дефиса в сочетаниях «Владимир князь», «Киев град» и др. Дефис сохраняется только в случаях несклоняемого собственного имени (например, «в Пучай-реке») и в отдельных случаях объединения.

Знаком ударения подчеркнуто необычное в литературном языке произношение и интонационное выделение исполнителем того или иного слова. В прямые скобки ставится заглавие былины, данное самим составителем. Ремарки исполнителя даются в книге курсивом и заключены в скобки. Прозаический пересказ и формулы перехода, сказанные прозой, выносятся за строку влево.

В первый том собрания «Былины Севера» не вошли тексты, записанные 4 июля 1929 г. от Агафьи Никитичны Хаханзыкской. Ею были спеты две былины — «О Дюке Степановиче» и «Про старого казака Илью Муромца». В примечаниях собирателя сказано, что тексты былин Хаханзыкской сумбурны, сюжет передается сбивчиво, путано, поэтические отрывки включаются в прозаический текст и поются на былинный напев. Проза делится при этом на отдельные неравномерные части. Исполнительница, по словам А. М. Астаховой, слабо владеет чувством ритма, о чем и свидетельствуют записи текстов этих былин со множеством пропусков — от неполных строк до целых былинных отрывков. Пропуски, по всей вероятности, можно объяснить и тем, что А. М. Астахова записывала былины Хаханзыкской в паре с другим собирателем, рукопись которого утрачена. От Хаханзыкской записана также сказка про Тимофея Ивановича, исполненная на былинный напев (п. 8, тетр. 2, л. 68—70).⁴⁷

При публикации текстов А. М. Астахова считала основной и наиболее верной полевою запись, однако в целом ряде случаев в публикацию попадали места из перебеленного текста, не совпадающие с полевой записью былины. К примеру, переписывая былинку «Илья Муромец и Скурлык», спетую Г. В. Поздеевым (см. № 203), А. М. Астахова изменила порядок 30—33 стихов, которые сначала были зафиксированы так:

⁴⁷ Тексты А. Н. Хаханзыкской помещены в «Приложении II».

А как ручища как больши граблища,
 А как ножища — больши качижища,
 Как ле глазища да большие чашища,
 Как ле ушища да большие блюдища.

(Тепр. 8, л. 32об.)

Еще пример. В полевой тетради стих 56 былины «Василий Игнатьев» (см. № 202) читается так: «Со своим со зятем со Киршеком». В перебеленном и опубликованном текстах иначе: «Со своим со зятелком с Киршалком».

Нередки случаи, когда в перебеленной записи оказывался пропуск в стихе на месте нечетко записанного слова или знак вопроса над неясным окончанием. В опубликованном же тексте такие «белые пятна» заполнены. Так, в уже упомянутой былине «Илья Муромец и Скурлык» (№ 203) в полевой записи непроясненными оказались последние слова 25 стиха и второе слово 26 стиха. В перебеленном тексте в этих местах пропуск. Опубликованный же текст имеет полные стихотворные строки:

Тут сидит старой в переднем углу,
 Говорит ему таковы слова.

В настоящем издании «Печорских былин» словосочетание «в переднем углу» заключено в квадратные скобки как внесенное при издании, а слово «ему» оставлено как равноправное в стихе, т. к. в полевой записи оно все-таки может быть прочитано.

Подготавливая к печати былины, записанные А. М. Астаховой, составители данного тома ориентировались на полевую запись, с учетом в некоторых спорных случаях перебеленного текста и публикации в «Былинах Севера». Чаще всего это случаи нечеткого написания окончаний и трудночитаемых сокращений слов. Например, в полевой записи былины «Василий Игнатьев» (№ 202) в глаголе «здоровается» совсем не прочитывается окончание, в перебеленном же тексте читаем «здороваетца», — это написание глагола сохраняется в публикуемом в данном томе тексте. В комментариях же к текстам указываются все подобные случаи разночтений. Былины № 42, 120, 121, 156, 171, 187 публикуются по полевой записи (спетый вариант). В полевой и перебеленной тетрадях А. М. Астаховой они представлены как сводные тексты (рассказанные и спетые) со множеством знаков, указывающих на различное происхождение стихов. В комментариях к этим былинам даются разночтения таких сводных записей.

В 1930 г. «Научно-этнографическое общество при Пермском государственном университете» (реорганизованный тогда же «Кружок по изучению Северного края при Пермском университете») осуществило, в частности, поездку членов Общества Г. И. Маркова и В. Н. Серебренникова на Печору «для обследования состояния эпической традиции и поисков следов связи с Сборником Кириши Данилова. Г. И. Маркову, несмотря на крайне неблагоприятные условия, удалось одному проехать всю Печору от Якшинской пристани до устья и вернуться в Пермь через Ледовитый океан и Архангельск — по Северной Двине через Котлас. Материал экспедиции еще не опубликован. Следует заметить, что Маркову удалось встретиться с рядом былинщиков, певших старинны Н. Е. Ончукову. Вместе с тем еще раз подтвердилось наличие в печорской традиции сильной сатирической (антиклерикальной) и пародийно-эротической струи. Это весьма существенное свидетельство подтверждает несомненную зависимость, связь Сборника Кириши Данилова с пермско-печорской эпической традицией».⁴⁸

В сентябре 1936 г. в Нижнепечорском крае собирал фольклор Н. П. Леонтьев. В декабре этого же года он записывал знаменитых печорских сказителей, собравшихся на первую в истории ненецкого округа олимпиаду самодеятельного искусства. «Олимпиада, — вспоминал впоследствии Н. П. Леонтьев, — продолжалась целую

⁴⁸ Богословский П. С. Материалы к диссертации «Сборник Кириши Данилова в связи с проблемой эпической традиции». (Разрозненные черновые рукописи). См.: РО ИРЛИ РАН, ф. 690, оп. 1, ед. хр. 33, л. 229—231. Отдел народнопоэтического творчества ИРЛИ благодарит Л. А. Новикову за разыскание в Гос. архиве Пермской области (1998 г.) печорских фольклорных записей и дневников Г. И. Маркова. Встретив «былинщину» (бывшую традицию), собиратель не зафиксировал текстов былин.

неделю, и все эти дни я почти непрерывно беседовал со знатоками народного творчества, записывая сохраненные ими творения». ⁴⁹

В 1936 г. Н. П. Леонтьев отметил живое бытование эпоса на Печоре. Он встретил «около десятка лиц, знающих былины», и записал 36 текстов былин. Через год Н. П. Леонтьев вновь побывал на Печоре, теперь уже в ее верховьях. Экспедиция длилась три месяца. И опять, год спустя, Леонтьев констатировал факт, что «былины и исторические песни были само собой разумеющимся и необходимым элементом быта, мало того — составной частью бытия печорцев» (Л., 1979, с. 7).

В 1938 и 1940 гг. Н. П. Леонтьев в деревнях Лабожское, пос. Красное, д. Смекаловка, д. Голубково, с. Троицко-Печорское записал более 30 былин и сводный рассказ об Илье Муромце.

Проходит совсем немного времени, и в 1944, 1949—1951 гг., и в более позднее время, в 1962—1963 гг., Н. П. Леонтьев вынужден был с сожалением отметить «почти полное исчезновение былинного эпоса» (там же).

Основной фонд записей Н. П. Леонтьева хранится в РГАЛИ (ф. 1485, оп. 1), меньшая часть, в том числе и сводный прозаический рассказ об Илье Муромце, записанный от Бажукова А. М. (около 2-х печатных листов): «Исцеление Ильи Муромца», «Первый шаг у Ильи на белый свет», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Святогор», «Илья и Идолище», «Илья и Сокольник, сын Сокольницы», «Илья в ссоре с Владимиром», «Илья и Каин-царь», «Илья Муромец и Жидовин», «Илья и Батый-царь», — в архиве собирателя, переданном в ИРЛИ (колл. 276). Все сюжеты сводной былины изложены последовательно и в основном связаны друг с другом предложениями — «переходами» типа «Потом Илья сказал отцу» (начало сюжета «Первый шаг у Ильи на белый свет»), «А в это время приехал на сорока кораблях из Золотой Орды царь Батый сын Батыевич» (начало сюжета «Илья и Батый-царь») и т. д.

Машинописные копии подготовленных для публикации в 1939 г. текстов хранятся в РГАЛИ вместе с рукописями этих былин (ф. 1485).

В 1979 г. эти былины и часть ранее не публиковавшихся (еще 11 текстов) из собрания Леонтьева, хранившихся в РГАЛИ и архиве собирателя, опубликованы в сборнике «Печорские былины и песни» (Архангельск, 1979 г.).

В публикуемом томе «Былины Печоры» кроме уже известных ранее былин из собрания Н. П. Леонтьева впервые публикуется прозаический пересказ «Про смерть Святогорову», записанный Н. П. Леонтьевым 2 июля 1938 г. от Тайбарейского В. П. (хранится в архиве ИРЛИ, колл. 276).

При сопоставлении хранящихся в архиве рукописей (РГАЛИ, ИРЛИ) с опубликованными в 1939 и 1979 гг. текстами наблюдается целый ряд текстологических несоответствий.

Прежде всего в сборниках 1939 и 1979 гг. бросается в глаза стремление приблизить язык былин к литературным нормам. Это проявляется в следующем:

1) множественные случаи фонетических замен, в том числе шипящих и «ж», «з»: *государь* (вм. *осударь*), *дождю* (вм. *дожжу*), *приказчик* (вм. *прикащик*); *татарин* (вм. *тотарин*), *умильный* (вм. *умыльный*), *жеребятину* (вм. *жеребетину*), *парадное* (вм. *паратное*), *чару* (вм. *цяру*), *одних* (вм. *одных*) и т. д.;

2) замена диалектных слов литературными: *млад* (вм. *блад*), *еще* (вм. *ешишо*), *так* (вм. *дак*), *её* (вм. *ейный*), *говорит* (вм. *грит*), *нахлестат* (вм. *наклескал*), *бурземецкое* (вм. *бусормецкое*), *сбруя* (вм. *сбруня*), *снаряжать* (вм. *суряжать*), *покаркивать* (вм. *покуркивать*), *клирос* (вм. *крылос*), *замутило* (вм. *зашавило*), *нагнал* (вм. *нагонил*), *увертливый* (вм. *уверчивой*), *в охачку* (вм. *во мятоцьку*), *не дают* (вм. *не дават*) и т. д.;

3) восстановление произносимых звуков: *почестен* (вм. *почесен*), *счастлива* (вм. *шчаслива*), *перекрестница* (вм. *перекресница*), *сердце* (вм. *серцо*), *червлен* (вм. *черлен*) и т. д.;

4) замена бесприставочных форм: *встал* (вм. *стал*), *встречает* (вм. *стречат*), *вскочил* (вм. *скачил*), *взвыл* (вм. *звыл*) и т. д.;

⁴⁹ Леонтьев Н. П. Печорский фольклор. Архангельск, 1939. С. 6. В основу книги легли экспедиционные материалы 1936 г. В сборник «Печорский фольклор» включено 11 былин.

5) замена краткой формы прилагательных и глаголов: *русские* (вм. *руськи*), *краваяя дорога поперечная* (вм. *краваяя дорога поперечна*), *последняя птица* (вм. *последня птица*) и т. д.; *раздумывает* (вм. *раздумыват*), *натягивает* (вм. *натегиват*) и т. д.;

6) замена глагольных форм *тс-тьс* вместо *тца*: *зачинается* (вм. *зачинаетца*); *ся* вместо *се*: *миновалось* (вм. *миновалосе*); *ся* вместо *са*: *проснулся* (вм. *проснулса*);

7) изменение падежных окончаний существительных: Именительный падеж — *безвременице* (вм. *безвременицо*); Дательный падеж — *к матушке*, *к Илье* (вм. *к матушки*, *к Ильи*); Творительный падеж — *улицей* (вм. *улицой*); Предложный падеж — *в городе*, *на поле* (вм. *в городи*, *на поли*) и т. д.;

8) изменение падежных окончаний прилагательных: Именительный падеж — *лютый мороз* (вм. *лютой мороз*); Родительный падеж — *лошадиной* (вм. *лошадинойей*), *малоезжей* (вм. *малоезжейей*); Творительный падеж — *великими* (вм. *великимиа*);

9) замена падежных окончаний числительных: *трое суток* (вм. *трои суточки*), *третий раз* (вм. *третьей раз*) и т. д.;

10) изменение падежных окончаний местоимений: Винительный падеж — *ее* (вм. *ей* — *вынес ей*);

11) замена уменьшительно-ласкательного суффикса: «*иньк*» на «*еньк*»: *Олешенька* (вм. *Олешинька*); *ранешенько* (вм. *ранешинько*), *понишешенько* (вм. *понишешинько*) и т. д.;

12) замена ударных гласных: *натягивает* (вм. *натегивает*), *поддерживает* (вм. *поддярживат*) и т. д.;

13) замена предлогов *в* (вм. *во*).

Кроме этого, наблюдаются множественные случаи расстановки ударений и «ё» в словах, не обозначенные в рукописях, и пропуск отдельных стихов и целых отрывков.

Следует отметить, что в сборнике 1979 г. случаев текстологических несоответствий с оригиналами значительно больше, чем в публикации 1939 г. Во многих текстах допущена дополнительная правка, еще более приближающая язык былины к нормам литературного правописания и произношения. Наблюдаются, кроме того, многочисленные случаи пропуска отдельных стихов и случаи преднамеренного сокращения текста за счет повторяющихся мест (например, опущен отрывок в 57 стихов в былине «Первая поездка Ильи Муромца» с примечанием, что он идентичен предыдущему — см. коммент. к № 46).

В сборнике 1979 г. наблюдается и другая крайность при подаче отдельных былин: стилизация языка «под старину» путем добавления повторяющихся предлогов и частиц (*то, да*), путем привнесения диалектного оттенка, изменения окончаний различных частей речи (*трои суточки*, *бояра толстобрюхие*, *сбруи лошадинойей*), и замены гласной в корне слова (*отдоху*, *Владимер*), множественные случаи постановки в словах ненормативных ударений, отсутствующих в рукописном тексте (*за беду сталó*, *во чистóм полé* и т. д.).

Справедливости ради следует сказать, что в былинах, опубликованных в 1979 г., сделаны и некоторые правки, приближающие текст к рукописному (имеются в виду 11 былин, опубликованных и в 1939 г.), но полного соответствия с архивной записью нет, так как в этих же былинах встречаются многочисленные указанные выше привнесения.

Такое сочетание достоверности подачи текста с преднамеренным «олитературиванием» и языковой стилизацией делает текст чрезвычайно разнородным и пестрым и дает основания считать публикацию былинных текстов в 1979 г., как, впрочем, и 1939 г., ненаучной.

Летом 1942 г. Карело-финский государственный университет под руководством В. Г. Базанова провел фольклорную экспедицию на Среднюю Печору. Был обследован Усть-Цилемский район Коми АССР (селения, расположенные по среднему течению Печоры и ее притокам Пижме и Цильме). Экспедиции «удалось открыть интересных сказителей и записать былины в деревнях, расположенных севернее Усть-Цильмы, — Уеге, Хабарихе, Верхнем и Среднем Бугаево, обойденных в работе экспедиции 1929 г. Кроме того, были обследованы новые селения, расположенные по р. Цильме, левому притоку Печоры, где еще ни разу не проводились записи фольклора» (Баз., с. 11 — коммент.). Итогом этой экспедиции были записи 36 былин, 70 сказок, 120 плачей-сказов и большое количество лирических песен.

Былины, записанные в 1942 г., хранятся в Архиве Коми филиала РАН в Сыктывкаре (ф. 1, оп. 2). Коллекция представляет собой два фонда: фонд Н. К. Митропольской (машинописные копии былин — единица хранения 61, листы 1—120) и фонд В. Г. Базанова (машинописные копии былин, копии комментариев, содержание

тома, алфавитный список сюжетов и рукопись предисловия к комментарию — ед. хр. 44, фонд В. Г. Базанова, л. 1—198).

В коллекции Митропольской отсутствуют былины Е. Г. Мяндиной и М. И. Чупрова (всего шесть былин).

Коллекция В. Г. Базанова содержит весь былинный материал 1942 года, вошедший в сборник «Былины Печоры и Зимнего берега». (М.; Л., 1961). Тексты в этом экземпляре несут следы черновых правок следующего характера: во множестве расставлены ударения, «ё», знаки препинания, а также встречаются грамматические и фонетические правки, соответствующие публикации 1961 г.

Записи экспедиции 1942 г. послужили материалом, на основе которого родилась книга В. Г. Базанова «Поэзия Печоры», изданная в Сыктывкаре в 1943 г.

Экспедиция ИРЛИ АН СССР на Среднюю Печору, организованная в 1955 г., побывала в тех же местах, что и экспедиция 1942 г. Но «в отличие от собирательских работ 1942 г. сотрудники экспедиции 1955 г. не спускались по Печоре ниже Усть-Цильмы, но зато обследовали подряд все селения по реке Пижме, начиная с самых верховьев до устья (д. Скитскую, Степановскую, Никоновскую, Чуркину, Загривочную, Замежное, Абрамовскую, Боровскую). Таким образом, обе экспедиции на Среднюю Печору как бы дополняют друг друга» (БП, с. 21).

Экспедиция 1955 г. отметила затухание былинной традиции на Печоре. Былина уходила из живого бытования печорцев — отсюда и то сравнительно небольшое число записей былин, которое удалось сделать сотрудникам экспедиции (записано 15 полных текстов от 7 сказителей и 12 фрагментов былин). На Пижме, как отмечают собиратели, «многие жители (...) могли напеть отдельные отрывки, вспоминали отдельные стихи и строфы, говорили о героях былин как об общеизвестных персонажах» (БП., с. 22). Число фрагментов, по словам участников экспедиции, могло быть записано в значительно большем количестве.

Сотрудники ИРЛИ побывали на Печоре и на следующий год — в 1956 г., но уже в ее низовьях. Задача этой экспедиции заключалась в обследовании мест, где уже ранее производились записи былин, а также мест записи, пропущенных прежними собирателями.

Материалы экспедиции 1942, 1955 и 1956 г. были включены в издание «Былины Печоры и Зимнего берега» (М.; Л., 1961), подготовленное ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР.

Весь печорский эпический материал расположен в этом сборнике по районам: Усть-Цилемский (охватывает записи 1942 и 1955 гг.) и Нарьян-Марский, где производились записи былин в 1956 г. Внутри районов тексты классифицируются по исполнителям. Так же как и в книге «Былины Севера», здесь помимо былин печатаются баллады («Князь Долгорукий и ключник», «Молодец и горе» и некоторые другие).

В отличие от сборника «Былины Севера», изданного А. М. Астаховой, в томе «Былины Печоры и Зимнего берега» тексты былин более унифицированы, что не вполне соответствует подлинной записи. Имеются серьезные разночтения между одними и теми же текстами былин, напечатанными сначала в «Русском фольклоре» (т. II, М.; Л., 1957), а затем в сборнике «Былины Печоры и Зимнего берега». (Подробно о характере разночтений см. в коммент.)

Специально следует оговорить, что издатели в отличие от А. М. Астаховой придерживались следующих принципов подачи текста: в сочетаниях «Киев-град», «Владимир-князь» дефис сохраняется; знак, показывающий удлинение звука при стяжении, не ставится; «г» во всех случаях заменяет «г» фрикативное, твердое «ш» передается как «шш» (*ишше*).

Фольклорный материал, записанный в экспедициях 1955—1956 гг., хранится в рукописном отделе сектора фольклора ИРЛИ (Р. V, колл. 160) в виде машинописных копий (2-й экземпляр), вычитанных и выправленных Н. П. Колпаковой.

Построчное сличение архивного и опубликованного материала привело к выводу о значительном расхождении между собой этого материала.⁵⁰ По сравнению с машинописью тексты былин, изданные в книге «Былины Печоры и Зимнего берега», пестрят множеством дополнительных ударений. Неоднократно встречается перестановка слов, пропуск целых стихов в печатных текстах, а также случаи смысловых замен типа: сине полюшко (машинопись) —

⁵⁰ Детально все эти моменты оговорены в комментариях.

чисто полюшко (БП); пятьсот верст — семьсот верст; вот и стал им читать да старик грамоту — вот и стал тогда старой их спрашивать; ты сойди-ко-се, мое чадо милое — ты сойди-ко-се со добра коня бы на землю; на почестен пир — на пир к князю Владимиру и др.

Многочисленны случаи пропусков, замен или дополнительной подстановки местоимений, частиц или предлогов: *хозяин-то* (машинопись) — *хозяин ли* (БП); *мне-ка* — *мне ли*; *да вот* — *ведь*; *еще* — *всё*; *ведь* — *верно*; *тут детина* — *детина*; *во во чистом поле* — *во чистом поле*; *он* — *жо*; *да* — *же*; *звать да к* — *звать к* и т. д. Могут быть отмечены также случаи замен краткой в опубликованных текстах былин формы существительных, прилагательных или глаголов на полную или же наоборот, когда полная форма переходит в краткую. Например, в машинописи — *ягодам*, в печатном тексте — *ягодами*; *первую* — *перву*; *быстру* — *быструю*; *хватает* — *хватат*. Наречия в опубликованных вариантах заменяют иногда прилагательные: *плечи сильные* (машинопись) — *плечи сильно* (БП); в глаголах добавляются или изменяются приставки: *не езживал* (машинопись) — *не проезживал* (БП); *разорвал* — *возорвал*; *раскипелась* — *закипелась*.

Литературное окончание возвратной формы глагола, отмеченное в машинописи, сплошь и рядом в печатном варианте изменяется на диалектное — *состарился* (машинопись) — *состарилсе* (БП); *спросился* — *спросилсе* и т. п. Встречаются и обратные случаи, когда диалектная огласовка, зафиксированная в машинописи, в опубликованном тексте звучит как литературная норма: *родимоей* (машинопись) — *родимой* (БП); *Муровец* — *Муромец* и т. п. «Чоканье», встречающееся в машинописи, заменяется на «цоканье» в печатном тексте (*копейча* — *копейца*).

В 1963 и 1964 гг. в селе Усть-Цильма и в Усть-Цилемском районе (д. Тельвиска, Боровая, Трусово) записывал былины Д. М. Балашов. Летом 1963 г. им был записан от Г. В. Вокуева полный канонический вариант былины «Дюк Степанович» с ремарками исполнителя, который был опубликован в 1971 г. в «Русском фольклоре».⁵¹ Зимой 1964 г. Д. М. Балашовым были записаны еще девять былин: «Добрыня и Алеша», «Илья Муромец и Сокольник» (3 варианта), «Василий Буслаев», «Бутман» (2 варианта), «Чурило и жена Пермьты», «Ставёр Гоудинович» — и одна старина-небылица («Как сказать-то были вам седни про старое»). Магнитофонные записи этих былин хранятся в архиве Петрозаводского Института языка и литературы Карельского филиала РАН (ПИЯЛИ, колл. 3). В фонотеке ПИЯЛИ находится также запись Д. М. Балашова и В. Бильчинского былин «О Дюке Степановиче» (колл. 310, № 1), «О князе Владимире» (колл. 305, № 13), «Про Василия Турецкого» (колл. 309, № 8).

Машинописные копии былин, записанных в 1964 г., хранятся в ИРЛИ (колл. 172), копии фонозаписей — в фонограммархиве ИРЛИ (ФА МФ 769—770; ФВ 598, 655, 656).

Былина «Три поездки Ильн», записанная от В. И. Лагеева в Усть-Цильме, имеется только в магнитофонной записи ПИЯЛИ (колл. 3, № 506 и ИРЛИ, ФА., МФ 769.01). Четыре былины («Исцеление Ильи и Илья побеждает Соловья-разбойника», «О князе Владимире», «Про Василия Турецкого», «Василий Игнатьевич») хранятся в фонотеке ПИЯЛИ (КЗ, 501/1, 509/6; 512/1; 513/1).

Студенческие экспедиции Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова работали в Усть-Цилемском районе в 1978 и 1980 гг. Руководил студенческой фольклорной практикой Ф. М. Селиванов. Экспедиции лишь отчасти шли по следам прежних собирателей: в деревнях Скитская и Боровская, вслед за Н. П. Колпаковой, записывали былины студенты; в деревнях Боровская и Трусовская в 1964 г. работал Д. М. Балашов; в тех же деревнях записали от Л. Г. Чупрова и П. Н. Рочевой несколько отрывков былин и студенты.

Участникам экспедиции МГУ удалось записать былины от 28 исполнителей. Кроме трех указанных выше деревень они вновь обследовали еще 11 населенных пунктов: Верхнее и Среднее Бугаево, д. Замезное, Загривочное, Уег, Филипповская, Егорковская, Медвежка, Новый Бор, хутор Алехино и д. Картушевка.

Качество записей экспедиций 1978, 1980 гг. разное. Помимо большого числа записанных отрывков былин встречаются и достаточно полные тексты. Так, например, былина «Про Чурилу», записанная от П. Н. Рочевой,

⁵¹ Русский фольклор. Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. Т. 12. С. 230—237.

содержит 53 стиха, былина «Илья Муромец и Сокольник», спетая С. А. Носовым, насчитывает 120 стихов, а былина «О Василии Буслаеве», записанная от И. Е. Носова, содержит 131 стих. Следует отметить, что среди материалов этих экспедиций много достаточно подробных прозаических пересказов типа «Исцеление Ильи Муромца», записанного от М. Ф. Кирилловой (см. № 56), или былины «Илья и Соловей», рассказанной С. А. Носовым (см. Прилож. I, № 14). Среди студенческих материалов встречаются записи, где проза вклинивается в пропетый текст, но подавляющее большинство записей представляет собой краткие прозаические пересказы, передающие только главную мысль былины. Как правило, исполнители смутно вспоминают детали сюжета, отсюда и множество отступлений и добавлений от себя в пересказе: «Отец-мать пошли чего-то расчищать, каку-то чищенку» («Про Илью Муромца», записано от Ф. Ф. Мяндна — см. Прилож. I, № 8). Или, перечисляя героев, исполнитель говорит: «А их трое было. (...) Это Святослав, Илья и третьего я забыла, как звать его» («Илья Муромец и Святослав», записано от М. Ф. Кирилловой — см. Прилож. I, № 3). Часто пересказ былины превращается в рассуждение исполнителя о событии, о котором он рассказывает, дается своя, не традиционная характеристика героев. Типичен в этом отношении пересказ былины «Илья и Сокольник». Заканчивая краткий пересказ сюжета, Л. С. Чупров добавляет: «Что такое любовь отца к сыну — понимаешь — нет? (...) Отец в сто раз всегда любит сына, а сын... хуже любит отца. Так — нет? Правильно говорю я?» (см. Прилож. I, № 19).

Среди записей московской экспедиции много схематических упоминаний о героях, которые нельзя назвать даже переложением сюжета, но основное качество героя тем не менее не забыто: «Бутман был богатырь. Тот что-то по кабакам ходил да по кабакам ходил, всё похвалялся что-то. Вот царь запретил ему пить. После он заслужил, царя где-то спас, что ли, и царь разрешил ему пить-то. Стал он ходить во царев кабак. Там он чарами пил, да не стаканами, а бочками да сороковочками откатывал» («Бутман»; записано от В. П. Чупрова. — Прилож. I, № 30).

Материалы последних экспедиций говорят о том, что в целом былины как жанр уже забыты. Очень многие исполнители, с трудом припоминая сюжет, ссылаются на отца, дядю и т. п., от которых они слышали когда-то былинку, но теперь многое уже забыли: «Потом узнали, что это Чурила. И вот он... (Вот как тут уж теперь все забылось)» («Про Чурилу» — см. Прилож. I, № 32). Припоминание этой былины исполнитель начинает словами: «Что там. Ничего, пожалуй, тебе не скажу. Надо придумать еще сначала, что оно было там да как. Тогда только» (Прилож. I, № 32). Переложение былины «Илья и Соловей», как, впрочем, и многие другие, прерывается ремарками типа «И как-то еще там. Ну, все это старина поется. Но только уж я не припомню всего: много было» (см. Прилож. I, № 14).

Забывая детали сюжета, исполнители тем не менее стремятся следовать традиции в исполнении. Вот несколько характерных примеров. Излагая былинку (в прозе) «Добрыня и Алеша Попович», исполнитель начал путать детали: «Вот что он будто бы женился (...) Ну-ка же стой, стой. Добрыня ли Алеша? Который из них? Путать-то ведь нельзя. Надо, чтобы точно знать, а я не знаю точно-то» (см. Прилож. I, № 6).

Большая часть сюжетов излагается прозой, но сохранились воспоминания о другой форме исполнения: «Это просто рассказ такой был. Он еще будто в рифму несколько был» (см. Прилож. I, № 12).

В сознании некоторых исполнителей былина превращается в сказку, чему способствует забвение стихотворной формы исполнения этого фольклорного жанра. Пересказ былины об Илье Муромце начинается со сказочной формы: «Жили-были мужик да баба. У них был сын» (№ 57).

Многочисленные краткие былинные прозаические пересказы, полузабытые отрывки песенных эпических форм, записанные в последние годы, а также сводные былинные тексты Бажукова и Хаханзыкской, помещенные в разделе «Приложения», — свидетельство явного угасания жанра.

IV. Небылинный печорский фольклор

Печорские былины, теснейшим образом связанные с другими жанрами народного творчества, составляют с ними единую фольклорную традицию. Совершенно естественно, что долгий эволюционный путь былин от расцвета до полного угасания проходит на фоне эволюции баллад, исторических, лирических и хороводных песен, духовных

стихов, сказок, преданий. Поэтому характеристика печорских былин будет неполной без анализа данных о жизни местного устного народного творчества в целом.

Как и другие районы Русского Севера, бассейн Печоры первоначально привлекал фольклористов в первую очередь как сокровищница богатырского эпоса. Неслучайно, что среди материалов, записанных первым собирателем печорского фольклора Н. Е. Ончуковым, кроме былин имеется лишь незначительное количество сказок, духовных стихов, исторических песен и святочных обходных (виноградий и колядок), входивших в репертуар былинщиков. Только экспедиция Государственного института истории искусств 1929 г. впервые собрала разнообразнейший материал, свидетельствующий о богатой фольклорной традиции этого края.⁵² Писатель Н. П. Леонтьев, работавший здесь в 30-е г., также стремился записать все жанры печорского фольклора (Л., 1939; Л., 1979). Экспедиция Карело-финского государственного университета в 1942 г. записывала былины, плачи, песни, сказки.⁵³ В последующие годы экспедиции, направляемые в районы Печоры, занимались главным образом собиранием былин и песен. Так, целью экспедиции сектора народнопоэтического творчества ИРЛИ в 1955 и 1956 гг. было сравнение былинного и песенного репертуара Средней и Нижней Печоры и сопоставление его с записями 1929 г. в тех же селах и деревнях.⁵⁴ Песенный материал привлекает внимание фольклористов-музыковедов, неоднократно побывавших здесь в 50—70-е гг.⁵⁵ Экспедиции кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета 1978 и 1980 годов стремились выяснить судьбы практически всех традиционных жанров регионального фольклора.⁵⁶ С конца 70-х гг. к собирательской работе на Печоре приступил филологический факультет Сыктывкарского государственного университета, проводящий здесь ежегодную фольклорную практику.

Весь этот большой экспедиционный материал позволяет проследить эволюцию печорской фольклорной традиции в достаточно широком временном диапазоне от 20-х до 80-х гг. нашего века.

Три фольклорных жанра наиболее близки сказителям былин: исторические песни, духовные стихи и сказки. Самыми неоднородными из них были исторические песни. Прежде всего следует выделить стилистически примыкающие к былинам старшие исторические песни о Кострюке, о гнев Ивана Грозного на сына и о Скопине. Эти песни, некогда перенесенные вместе с былинами на Север, благодаря необычайно сильному местному интересу к героическому прошлому родины вошли в репертуар былинщиков, что повлекло за собой переработку песен «в соответствии с приемами былинной поэтики».⁵⁷ За счет типичных для былин повторов и общих былинных мест песни значительно увеличились в объеме. Сам исторический герой (Скопин) подчас переносился из своей эпохи в эпический Киев и становился одним из богатырей князя Владимира. Благодаря этим изменениям исторические песни не выделялись исполнителями из числа былин и также назывались «старинами».

Подобно былинам старшие исторические песни на Печоре обладали специфическими особенностями, выделяющими их из других северных регионов. Среди этих особенностей В. К. Соколова отмечает усиление внимания исполнителей прежде всего к бытовым эпизодам, обычно максимально детализированным. Примерами служат сцена отравления Скопина, превратившаяся из акта убийства молодого полководца его врагами в акт возмездия оскорбленной одним из пирующих богатырей женщины, а также подробное описание свадьбы Ивана Грозного («Кострюк»).

⁵² Архив ИРЛИ, Р. V, колл. 6. Часть песен опубли. в сб.: Песни Печоры/Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский, М.; Л., 1963.

⁵³ Из всех материалов, кроме былин, опубликованы лишь причитания. См.: Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. М.; Л., 1962.

⁵⁴ Архив ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1—6 (Большинство текстов песен представлено в сборнике «Песни Печоры»).

⁵⁵ В 1950 г. здесь работал А. С. Абрамский. См.: Абрамский А. Песни Русского Севера. М., 1959. В 60—70-е гг. фольклорную традицию региона обследовали Ю. Е. Красовская и М. Б. Чернышева.

⁵⁶ Савушкина Н. И., Селиванов Ф. М. Коротко об экспедициях//Советская этнография. 1980. № 2. С. 157; Харитоновна В. И., Иванова А. А. Коротко об экспедициях//Советская этнография. 1981. № 5. С. 178.

⁵⁷ Соколова В. К. Русские исторические песни XVI—XVIII вв. М., 1960. С. 311.

Эти песни, как и многие былины, уже ушли из репертуара печорских исполнителей, но если песни о Кострюке и Скопине бытовали в XX в. во множестве вариантов на протяжении более 50 лет, начиная от записей Н. Е. Ончукова и до экспедиции ИРЛИ 1955—1956 гг., то песня о гневе Ивана Грозного на сына обнаруженная Н. Е. Ончуковым на Средней и Нижней Печоре, в дальнейшем фольклористам здесь не встречалась.

Другие песни о событиях до XVII в.: «Мать встречает дочь в татарском плену»,⁵⁸ «Молодец зовет девушку в Казань», «Сынок Степана Разина», «Разин под Астраханью», имеющие ярко выраженный балладный характер, сохранились до наших дней.⁵⁹ Причем особенно популярны песня «Молодец зовет девушку в Казань» и две песни разинского цикла, не типичные, по мнению В. К. Соколовой, для Печоры. Бесспорно, что основной фонд исторических песен не был постоянно стабильным. Уходили одни песни, на смену им приходили другие. Однако определение точных хронологических рамок этого процесса очень затруднено и может привести к неточным выводам. Так, В. К. Соколова считает, что экспедиции ИРЛИ на Печору в 1955—1956 гг. обнаружили песни разинского цикла — «Мать встречает дочь в татарском плену» и некоторые другие, которые до сих пор здесь не встречались. Однако песня о сынке Степана Разина записана еще Н. Е. Ончуковым, а остальные — экспедицией ГИИ в 1929 г. и Н. П. Леонтьевым. Все эти песни, уже не отождествляемые исполнителями со старинами, тем не менее считались старыми, «досельными», так же как и песни XVIII—XIX вв. Последние, возникнув и бытуя в солдатской среде, вошли в репертуар былинщиков начала—середины XX вв. от прежних поколений исполнителей. Перечислим сначала песни из сборника Н. Е. Ончукова, известные в одном-двух вариантах: «Корабельщики бранят князя Гагарина», «Чернышев в плену»,⁶⁰ «Наполеон в Москве», «Солдат оплакивает Александра I», «Царя требуют в сенат». Другие песни во множестве вариантов фиксируются собирателями до сих пор: «Солдаты судят Долгорукова», «Платов в гостях у французов», «Смерть Александра I». В то же время ушли из печорского фольклора солдатские маршевые песни второй половины XIX—начала XX вв., примыкающие к историческим. Когда-то их знали старики былинщики — бывшие солдаты: «Турки похваляются разбить русские войска» «Поле чистое турецкое», «Поход под Варшаву» («Ночи темные, тучи грозные»), «На возморье мы стояли» и т. д.

Кроме перечисленных песен, в которых, подобно историческим, рассказывается о каких-то событиях, имевших место в действительности, и упоминаются исторические персонажи, в солдатской среде был популярен особый круг старых протяжных лирических песен. Некогда перенесенные в печорские деревни эти песни в 50-е гг. были известны в основном только старшему поколению исполнителей. Большинство солдатских песен уже ушло из печорского репертуара («Со Буянова да славна острова», «Вниз по матушке да по Неве-реке», «Уж вы горы ле, да горы Воробьевские» и т. д.), другие обнаружены экспедициями МГУ в 1978 и 1980 гг. («В Питер-Москву да проезжали», «Уж мы сядемте, да ребятушка, во единой круг», «Ой за Невагою» и т. д.). Также забыты и рекрутские песни, но не все. В 1978 и 1980 гг. во многих деревнях были записаны: «Из палаты-то было белокаменной», «По дорожке».

Иногда значительную обработку в среде былинщиков претерпевали, подобно старым историческим песням, старинные классические баллады, которые в результате этой переработки не выделялись исполнителями из числа былин. Например, П. Р. Поздеев, один из информаторов Н. Е. Ончукова, перенес действие баллады «Князь Долгорукий и ключник» в Киев эпохи Владимира и называл эту песню «старинной» (Онч., с. 78).⁶¹ Также старинной считал балладу «Горе» другой информатор Н. Е. Ончукова — С. А. Безумов. Этой же точки

⁵⁸ Любопытно отметить, что фольклористы МГУ в 1978 г., т. е. спустя 23 г. после экспедиции ИРЛИ, записали второй вариант песни с зачином «Баю-баюшки, да спи, татарский сын» от той же исполнительницы.

⁵⁹ Лишь песня «Девушка в татарском полоне», опубликованная Н. П. Леонтьевым, не имеет вариантов. См.: Печорские былины и песни. № 60.

⁶⁰ Известны два варианта песни, записанные в разных печорских деревнях Ончуковым и Леонтьевым. Оба варианта примечательны тем, что генерал, граф Э. Г. Чернышев, томящийся в Кюстринской крепости, назван племянником Степана Разина. Подробнее см.: А. Н. Лозанова. Социальные переосмысления песен о графе Захаре Григорьевиче Чернышеве // Советский фольклор. 1935. Вып. 2—3. С. 273—292.

⁶¹ Н. Е. Ончук не опубликовал этот текст, но спустя 40 лет баллада была записана от А. А. Шишоловой. В этом тексте действие также перенесено в Киев, а главными героями являются князь Владимир и княгиня Апраксия (БП. № 17. С. 94, 95; отметим, что в комментариях песня названа былиной; ср.: там же. № 40. С. 131 — «маленькая старина»; Аст., I, с. 57 — «былина»).

зрения придерживался сам собиратель.⁶² Но все-таки в большинстве случаев исполнители называли баллады «стихами», сознательно отделяя их от былины. Да и сама старинная баллада «Князь Долгорукий и ключник», уже во времена Н. Е. Ончукова сосуществовавшая со сравнительно поздней литературной балладой «Ванька-ключник», затем была полностью вытеснена последней.

За исключением упомянутых песен, а также незначительного количества других текстов, традиционные баллады до сих пор популярны на Печоре,⁶³ хотя они обычно короче, менее художественны, чем предшествующие записи. Вместе с тем распространена в печорских деревнях поздняя баллада, бытующая наряду с романсами и песнями литературного происхождения.

Среди всех фольклорных жанров наиболее характерны для региона жанры песенные. Во вступительной статье к сборнику «Песни Печоры» дана подробнейшая характеристика протяжных и частых лирических, игровых, величальных песен, а также свадебных и календарных. Стремясь проследить исторические судьбы печорского песенного фольклора, Н. П. Колпакова сопоставляет записи 1929 и 1955—1956 гг., анализирует репертуар населенных пунктов, расположенных в среднем течении (Усть-Цилемский район Коми АССР) и в нижнем течении Печоры (Нарьян-Марский район Ненецкого национального округа Архангельской области). При этом исследователь выделяет три микрорайона: деревни и села по береговой линии Печоры, по рекам Цильме и Пижме. Еще Н. Е. Ончуков отметил, что пижемские певцы знамениты своим искусством по всей Печоре. Сравнительное изучение материалов 1929 и 1955—1956 гг. привело к выводу, что жители Пижмы «до сих пор славятся как лучшие певцы в районе и репертуар их богаче репертуара устьцилемов. Район же реки Цильмы в песенном отношении беднее не только Пижмы, с которой жители Цильмы общаются сравнительно редко, от случая к случаю, но и Усть-Цильмы».⁶⁴ Относительно репертуара Средней и Нижней Печоры Н. П. Колпакова считает, что «как правило, устьцилемы не знают репертуара нижнепечорцев и только в верховьях Пижмы (в деревне Скитской и ближайших к ней селениях, основанных когда-то старообрядцами) встречаются песни, общие с репертуаром деревень нижнепечорской московской колонизации».⁶⁵

Сверка репертуара, записанного в тех же деревнях, привела Н. П. Колпакову к выводу о высокой степени устойчивости печорской фольклорной традиции. Исчезли и забылись главным образом те песни, которые «прежде были известны не всему населению, а только отдельным старикам и умерли вместе с ними».⁶⁶

В целом, по мнению Н. П. Колпаковой, печорские песни являются общерусскими, но в данном регионе преобладают тексты более художественные и полные, кроме того, здесь немало песен редких и даже не зафиксированных в других районах.

Материалы экспедиций МГУ 1978, 1980 гг. и Сыктывкарского университета 1981 г. также подтверждают удивительную жизнестойкость местного песенного репертуара.⁶⁷ В современном печорском фольклоре можно выделить несколько основных тенденций. Во-первых, значительно увеличилось количество поздних общерусских романсов и песен литературного происхождения. Во-вторых, ныне практически не существует явных различий в репертуаре Средней и Нижней Печоры, Цильмы и Пижмы. Подобный процесс сближения фольклорных традиций в печорских микрорайонах, начавшийся, очевидно, сразу после Великой Октябрьской революции и весьма явственно ощущаемый по записям 1955—1956 гг., ныне достиг своего апогея. В-третьих, изменился средний возраст основных исполнителей. Теперь хранителями фольклорной традиции, как и повсюду, являются в большинстве своем люди пожилого возраста, но по сравнению с другими областями и районами здесь гораздо чаще встречаются певцы среднего возраста, а в ряде случаев и молодежь, знакомая с традиционным фольклором. В-четвертых, на Печоре, как и в других местностях, затухает традиция семейного пения, во время которого молодое поколение

⁶² Печорские былины. № 82. С. 325—329 (вар. БП: № 64, с. 177, 178).

⁶³ «Вдова Пашица» («Братья-разбойники и сестра»), «Девушка отравила молодца», «Три жеребья», «Муж-солдат в гостях у жены» и т. д.

⁶⁴ Песни Печоры. С. 11.

⁶⁵ Там же. С. 11.

⁶⁶ Там же. С. 28.

⁶⁷ Безусловно, в ряде случаев тексты записей 1978, 1980 и 1981 гг. стали короче, менее богаты художественными образами, чем записи 1929, 1955—1956 гг., но главное, что материал, зафиксированный прежними и нынешними собирателями, во многом совпадает.

перенимало репертуар своих родителей. Однако и этот процесс по сравнению с другими регионами протекает гораздо медленнее.⁶⁸

Недостаточно полно выявленные репертуарные списки исполнителей былин не позволяют сделать сколько-нибудь существенные выводы о характерном для сказителей круге лирических протяжных и частых песен. Можно лишь отметить, что сказители как люди преимущественно пожилого возраста, естественно, хранили в памяти многое из репертуара предшествующих поколений. Но и здесь сравнение протяжных и частых песен, записанных от исполнителей былин и опубликованных в сборниках «Песни Печоры» и Н. П. Леонтьева, с материалами из архивов МГУ и СГУ показывает, что не так уж много старинной лирики ушло из фольклора современной печорской деревни.

Кроме баллад, исторических, солдатских и лирических протяжных песен в репертуаре исполнителей былин встречались календарно-обрядовые и частые (плясовые, хороводные, игровые) песни, а также причитания (свадебные, похоронные и рекрутские).

Из календарно-обрядового фольклора еще со времени Н. Е. Ончукова на Печоре хорошо помнят особый тип колядки, распространенный только в данном регионе, и виноградия («холостое и женатое»)⁶⁹. Последние, исполняемые обычно взрослыми, нередко пожилыми людьми, в том числе и сказителями былин, имеют несколько точек соприкосновения с былинами, главным образом, в поэтике: например, в употреблении повторов для придания особой торжественности величанию, в использовании сходных эпитетов и метафор.⁷⁰

Кроме колядок и виноградий, специфически зимних обрядных песен на Печоре, как и на всем Русском Севере, практически нет обрядовых песен весенне-осеннего цикла. В весенне-осенние праздники существовал особый круг прикрепленных протяжных и частых песен.

Экспедиция 1942 г. Карело-финского университета под руководством В. Г. Базанова обнаружила в тяжелые военные годы на Печоре возрождение традиции рекрутских и похоронных причитаний. Характеризуя в целом печорские причитания, В. Г. Базанов замечает, что они отличаются своей громоздкостью, тавтологичностью, риторичностью. «Порой они больше напоминают эпос, нежели лирику».⁷¹ Это неслучайно, поскольку печорские вопленицы, в большинстве своем талантливые исполнительницы других жанров, в первую очередь былин, переносили в причитания многие приемы эпической поэтики.⁷²

За исключением трех свадебных, остались неопубликованными причиты, записанные экспедициями ИРЛИ в 1955—1956 гг., но материалы экспедиций МГУ 1978, 1980 гг. позволяют сделать выводы о дальнейшей судьбе этого фольклорного жанра. Несмотря на то что сегодня уже не осталось таких одаренных исполнительниц причитаний, как А. К. Носова и Е. Ф. Поздеева, традиция причита на Печоре сохранилась.

Свадебная причеть,⁷³ практически вышедшая из живого бытования, вспоминается пожилыми информаторами, как правило, при рассказе о том, как они выходили замуж или девочками были свидетелями свадьбы родственников, знакомых. Похоронные причитания, так же как и поминальные, распространены повсеместно.⁷⁴ Не забыт и рекрутский причит, который часто исполняется при призыве печорской молодежи на службу в армию. Кроме того, некоторые наиболее способные певицы могут исполнять, нередко как импровизацию, бытовой причит:

⁶⁸ Некоторые потомки известных печорских исполнителей, которые в 1955—1956 гг. были людьми средних лет, судя по записям 1978, 1980 гг., сохранили, а нередко и расширили свой репертуар.

⁶⁹ Повсеместно распространены, так называемые, «девье» (Песни Печоры. № 124, 125, 288) и «женатое» виноградия (там же. № 126, 127), но отдельные исполнители помнят еще величание «мужское холостье», а также виноградия, предназначенные для детей.

⁷⁰ Наряду с величальными святочными на Печоре бытуют вечериночные величальные призывки и ограниченное число свадебных величаний.

⁷¹ Базанов В. Г. Причитания Русского Севера в записях 1942—1945 гг. // Русская народно-бытовая лирика. С. 14.

⁷² И наоборот, в текст былин нередко проникали художественные образы из причитаний. Примеры приведены в статье А. М. Астаховой, Э. Г. Бородиной-Морозовой, Н. П. Колпаковой, Н. К. Митропольской «Былинная традиция Печоры и Зимнего берега в последнее двадцатипятилетие» (Былины Печоры и Зимнего берега. С. 16, 20).

⁷³ По наблюдению фольклористов, на Печоре (Нижней и Средней), очевидно, никогда не существовало как развитого свадебного обряда, так и свадебных песен, обычно сопровождающих разные моменты свадьбы. Причеты (показательно, что в 1978 г. их было записано 42) и неразвитый цикл величаний — вот, собственно говоря, и весь репертуар печорской свадьбы. Остальные же песни, поющиеся на свадьбах, — это традиционные протяжные и лирические песни, а также частушки, которые поются в деревне в любой ситуации.

⁷⁴ В архивах МГУ и СГУ есть даже тексты поминальных причитов, исполняемых мужчинами средних лет на могилах своих близких родственников.

по хлебу во время Великой Отечественной войны, по одинокой старости, по уехавшим родственникам, по собирателям и т. д.

Наряду с протяжными на Печоре популярны частые песни: хороводные, плясовые, игровые, которые также входили в репертуар сказителей былин. Раньше частые песни назывались по местному «игрищными», так как они исполнялись часто на молодежных вечеринках, или «горочными», так как их пели летом во время молодежных праздничных гуляний где-нибудь на высоком берегу реки (на «горках»).⁷⁵ Первое название теперь практически не встречается, поскольку молодежные вечеринки ушли из деревенского быта, а второе широко распространено: традиция «горок» еще жива на Печоре, хотя сам праздник стал гораздо скромнее по масштабу. До конца 20-х—начала 30-х гг. на самую известную печорскую «горку» в Усть-Цильме (обычно от Иванова до Петрова дня, т. е. с 7 по 12 июля) собиралась молодежь с Пижмы, Цильмы и других близлежащих деревень, а сам праздник продолжался несколько дней.⁷⁶ Фольклористы МГУ присутствовали на устьцилемской «горке», состоявшейся 9 июля 1978 г. при содействии Отдела культуры райисполкома. Однако на самом празднике «режиссура» работников культуры практически отсутствовала, что свидетельствует о прочности и естественности традиции, когда-то, очевидно, поддержанной. Подобные «горки», правда, с гораздо меньшим количеством участников, собираются почти во всех среднечорских деревнях. На «горках» исполняется практически весь деревенский песенный репертуар, включая протяжные лирические песни и романсы, но ведущими являются здесь специфически горочные песни: хороводные, плясовые и игровые.

Основные исполнители на нынешней «горке» — люди старшего возраста. Но и молодежь с интересом относится к празднику, стремится принять в нем посильное участие, подтянуть песню, войти в хоровод или в кадрили.⁷⁷

Многие частые песни, записанные в 20-х и 50-х гг., как и большинство протяжных, встречаются и в записях 70—80 гг. В ряде деревень наблюдается и появление новых, прежде не записанных здесь песен.

Частушки, судя по репертуарному списку сказителей былин, ими практически не исполнялись. Они считались сказителями «иесерьезным» жанром, характерным лишь для молодежи начала XX в. Позднее частушки были популярны в молодежной среде и у лиц среднего возраста. Ныне их хорошо помнит среднее и старшее поколения, чья молодость проходила в 20—50-е гг. Да и современная печорская молодежь по сравнению с молодежью из других местностей неплохо знакома с этим жанром.

Из прозаических жанров наиболее популярна на Печоре сказка. Большинство сказителей былин, как отмечал Н. Е. Оичуков, являются хорошими знатоками сказок. Для исполнителей и слушателей былина и сказка были самыми любимыми произведениями, часто звучащими во время праздника за столом или в обычной будничной обстановке — во время перерыва в работе артельщиков в море, на реке или в лесу.

Длительное сосуществование двух фольклорных жанров не могло не привести к их взаимовлиянию. Авторы вступительной статьи к сборнику «Былины Печоры и Зимнего берега» подробно анализируют творческую манеру одной из талантливых исполнительниц А. А. Носовой, которая «настолько была захвачена художественной выразительностью поэтических средств былины, что и ее сказки испытали на себе сильное воздействие этого жанра». ⁷⁸ Но и былины А. А. Носовой подверглись воздействию стиля, характерного главным образом для волшебных сказок. ⁷⁹ Творчество А. А. Носовой — пример взаимообогащения двух смежных фольклорных жанров. С другой стороны, известно, что на позднем этапе бытования былин их исполнители сначала забывают напев, затем разлагается былинная ритмика, и в результате былинна постепенно превращается в сказку. Наконец, когда разрушается сказочная традиция, былины превращаются в очень сжатый пересказ.

⁷⁵ На Нижней Печоре тот же круг песен называется «луговые» песни. Это объясняется Н. П. Колпаковой тем, что здесь берега «очень низки и плоски и зачастую не представляют собой даже маленькой возвышенности» (Песни Печоры. С. 22).

⁷⁶ Подробное описание дано в указанном сборнике. С. 14.

⁷⁷ Фольклористы МГУ выделяют ряд деревень (например, Степановскую и Загрявочную), где девушки хорошо знают традиционные горочные песни.

⁷⁸ Былинная традиция Печоры и Зимнего берега в последнее двадцатипятилетие. С. 15, 16.

⁷⁹ Ряд подобных наблюдений был сделан в свое время Н. Е. Оичуковым.

Еще Н. Е. Ончукова поражало тематическое разнообразие печорских сказок. Наряду с серьезными волшебными, новеллистическими сказками, которые рассказывали солидные, набожные старики-старообрядцы, в их репертуар попадало немало веселых, а подчас и просто скабрзных сказок-анекдотов. Они вносили элементы развлекательности, являясь контрастом исполняемым былинам и волшебным сказкам. Кроме сказок-анекдотов той же цели служили в репертуаре сказителей небылицы, прибаутки (прибасенки), скороговорки, анекдоты о людях другой веры, национальности, о жителях других сел и деревень, наконец, пародии на былины, скоморошины.

В отличие от былинной традиции, которая ныне почти полностью угасла, сказочная традиция еще жива,⁸⁰ хотя и по количеству сюжетов и по качеству текстов записи, сделанные экспедициями МГУ, уступают записям Н. Е. Ончукова.

Судить о произведениях несказочной прозы — о преданиях и быличках, широко распространенных на Печоре, — можно лишь на основании записей МГУ, так как ни Н. Е. Ончуков,⁸¹ ни экспедиции 20-х, 50-х гг. почти не записывали эти жанры.

В исторических преданиях нашли свое отражение эпизоды преследования и гонений старообрядцев, уничтожения скитов «раскольников», физической расправы над приверженцами старой веры. Особенно интересны топонимические предания, бытующие буквально в каждом старинном населенном пункте. В них рассказывается о происхождении названия сел и деревень, о первых поселенцах и их деяниях.

Многочисленны и разнообразны былички о черте, домовом, водяных, леших, оживших мертвецах. А вот заговоры, которые тоже, несомненно, распространены, ни одной экспедицией почти не зафиксированы. Еще живут в печорских деревнях малые нелирические жанры, украшающие речь исполнителя: пословицы и поговорки, прибаутки и присказки, присловья, загадки. Не забыты колыбельные песни («байки»). В детской среде повсеместно записываются считалки и дразнилки.

Некогда вместе с былинами названные жанры составляли единую местную фольклорную традицию, которая, несмотря на практически полное исчезновение эпоса к 70—80 гг., все еще остается и достаточно развитой, и сравнительно устойчивой.

V. Рукописная книжность Печоры

Былина на Печоре жила в близком соприкосновении с рукописной книжной традицией. Поэтому в своих экспедициях уже Н. Е. Ончуков интересовался не только памятниками устного народного творчества, но и сохранностью и состоянием рукописной книжности края. Ведь еще С. В. Максимов отмечал богатство здешних мест древними актами, книгамн, рукописями.⁸² Ончуков-археограф сделал ценные наблюдения о связях печорского старообрядчества с Выголексинским общежитием, о влиянии поморских рукописей на местную печорскую книгу, он первый указал на своеобразие в почерке и оформлении печорских рукописей. В то же время окончательный вывод ученого о перспективах археографической работы в известном ему районе был отрицательным и довольно-таки категоричным: «Правда, крайний север России, мной изъезженный, не имеет ничего выдающегося в смысле рукописей (...). Но может быть и то, что я нашел на крайнем севере, тоже составит интерес уже потому хотя бы, что будет можно знать, что должен ожидать в этом отношении будущий путник в этой местности, может быть, ожидающий встретить здесь сокровища! Одной разбитой ученой иллюзией, следовательно, будет меньше».⁸³

⁸⁰ Всего в 1978, 1980 гг. было записано около 180 текстов.

⁸¹ Н. Е. Ончуков опубликовал в сборнике «Северные сказки» некоторое число преданий и быличек, но из других районов. Н. П. Колпакова пишет, что в 1929 г. «преданий, легенд, заговоров и других небольших произведений фольклора мы не нашли почти совсем (их как-то не слышно в быту)» (Колпакова Н. П. У золотых родников. Записки фольклориста. Л., 1975. С. 191). Экспедиции 1955—1956 гг., как уже отмечалось, записывали главным образом песенные жанры.

⁸² Максимов С. В. Собрание сочинений. СПб., б. г. Т. 9. С. 342.

⁸³ Ончуков Н. Е. Печорская старина // Известия Отделения русского языка и словесности имп. АН. — 1905. Кн. 2. С. 339.

Это ли высказывание авторитетного ученого сыграло свою роль, иные ли были тому причины, но еще три десятилетия Печора оставалась прежде всего хранильницей народного поэтического творчества, о печорской книжности сведений на страницах научных изданий больше не появлялось. Уместно здесь будет напомнить, что поездка В. И. Срезневского по селам и деревням Олонецкой губернии в 1903 г. принесла замечательные результаты — более 300 рукописных книг XIV—XIX вв. Тем самым был открыт и территориально зафиксирован мощный пласт крестьянской книжной культуры, доселе не привлекавший внимание ученых.⁸⁴

Археографическое открытие Печоры связано с именем заслуженного деятеля науки РСФСР доктора филологических наук В. И. Малышева (1910—1976). Показательно, что целью первой своей поездки 1934 г. на низовую Печору студент Малышев ставит сбор *устных* преданий о протопопе Аввакуме. В 1937 г. к этой основной по-прежнему цели командировки на Север, добавляется новая: «Одновременно я поставил своей задачей ознакомиться со всеми собраниями рукописей и старопечатных книг в городах и селах, вошедших в мой маршрут».⁸⁵ В отчете о поездке В. И. Малышевым указано более десятка имен устьцилемских хранителей рукописной старины, отмечены наиболее ценные в научном отношении рукописи.

Систематическое обследование Печоры В. И. Малышеву удалось начать, однако, только в 1949 г. Но с этого года Нижняя Печора надолго становится основным районом полевых археографических разысканий Пушкинского Дома АН СССР (ныне РАН). За четверть века (последняя экспедиция ИРЛИ была в 1973 г.) археографы выезжали сюда 15 раз, а находки В. И. Малышева и его учеников составили 716 рукописей XV—XX вв. Всего же в Устьцилемском и Устьцилемском Новом сборниках Древлехранилища ИРЛИ РАН сосредоточено сейчас 787 рукописей XV—XX вв. В основном это рукописи, найденные в Усть-Цильме и на Пижме, меньшая их часть привезена с Цильмы и деревень бывшей Пустозерской волости.⁸⁶

Найденные на Печоре рукописные материалы свидетельствуют о высокоразвитой книжной культуре этого района в прошлом, позволяют воссоздать круг интересов, идей и проблем, волновавших печорцев на рубеже XIX—XX вв. Уже Н. Е. Ончуков отмечал, что население Усть-Цильмы и Пижмы почти сплошь старообрядческое, а в кратких характеристиках своих «старинщиков» указывал степень их начитанности и наличие элемента книжности в исполняемых ими былинах. Отдельно отмечал он отличие в говоре и напевах пижемских сказителей, предполагая в этом влияние Великопоженского скита, где старообрядцы обучались не только грамоте, но и пению (Онч., с. XV—XVI). Географическую удаленность Печоры и приверженность населения «старой вере» считал Н. Е. Ончуков основными причинами сохранения здесь эпической поэзии. «Печора до самого последнего времени жила укладом жизни и духовными интересами, по крайней мере, конца XVII в.», — писал он в предисловии к изданию своих печорских записей (Онч., с. XXI).

Дело здесь, конечно, не в «застылости» форм духовной жизни, а скорее в сознательной ориентации ее на времена дедов и прадедов. Но такая общественная позиция не может обойтись без авторитета книжного, письменного слова. Само количество сохранившихся рукописей, разнообразие представленных в рукописях памятников и жанров свидетельствует о «прилежании» печорцев «книжному почитанию», о первенствующей роли книги в духовной жизни местного населения. К тому же в конце XIX—начале XX вв. книжность Печоры, несомненно, была еще более представительной. Достаточно сказать, что В. И. Малышевым были учтены только в Усть-Цильме с ближними деревнями и на Пижме 84 местных книжника, из которых почти половина располагала в конце XIX—первой трети XX вв. собраниями в несколько десятков рукописей и книг. Рукописи же с Печоры стали вывозиться еще в XIX в., и особенно активизировался этот процесс после 1906 г., когда на Печору стала поступать продукция старообрядческих типографий. Причины и пути миграции печорской книги подробно рассмотрены в монографии В. И. Малышева.⁸⁷

⁸⁴ Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.

⁸⁵ Малышев В. И. Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей // Труды Отдела древнерусской литературы. М.: Л., 1940. Т. 4. С. 247.

⁸⁶ Мы не учитываем здесь 133 рукописи XVI—XX вв., найденные в верховьях Печоры и составившие Верхнепечорское собрание Древнехранилища. Старопечатные книги поступили в ОРК НБ СПбУ.

⁸⁷ Малышев В. И. Устьцилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 21—23.

Какие же памятники дошли до нас в составе печорских рукописей и как распределяются во времени сами рукописи? Если мы обратимся к научному описанию сборников (154 ед. хр.) и отдельных рукописей исторического, литературного и бытового содержания (114 ед. хр.), выполненному В. И. Малышевым,⁸⁸ то получим следующую хронологическую схему: из 268 рукописей к XVI—XVII вв. относится 20 рукописей, к XVIII в. — 79, к XIX в. — 116, к XX в. — 53 рукописи. Причем поморских (т. е. переписанных в Выголексинском общежителстве) рукописей отмечено 56 и приблизительно 115 принадлежит перу местных печорских книгописцев второй половины XIX—начала XX вв. Если дополнить эти данные, основываясь на поступлениях последующих лет, то окажется, что из общего числа 787 рукописей XV—XX вв. сборники и отдельные рукописи исторического, литературного и бытового содержания составляют 432 единицы хранения, т. е. более половины всей рукописной книжности Нижней Печоры в собрании Древлехранилища.

Круг памятников, представленных в печорских рукописях, широк и разнообразен. Это и пользовавшиеся популярностью у древнерусского читателя повести об Акире Премудром, о Басарге, о Варлааме и Иоасафе, о царице Динаре, о Темир-Аксаке, о Тимофее Владимирском, о Петре и Февронии Муромских; сказания о временах года, «о письменах» черноризца Храбра, о богородичных иконах; апокрифические произведения. Списки Александрии, Троянской истории, повести о Стефаните и Ихнилате соседствуют в рукописях с различного рода притчами, словами и поучениями, патеричными рассказами, выписками из Пролога, Пчелы, Великого Зеркала. Сохранялись и переписывались на Печоре хождения игумена Даниила и Трифона Коробейникова, сочинения Иосифа Волоцкого и Максима Грека, духовные и покаянные стихи, образцы виршевой поэзии. «Союзником» протопопа Аввакума по пустозерской ссылке, попом Лазарем, переписан сборник с текстом его челобитных царю Алексею Михайловичу и патриарху Иоасафу, с сочинением о патриархе Никоне и «Ответом православных» дьякона Федора. Представлены в рукописях сочинения самого Аввакума, в автографах и списках сохранились произведения выговских деятелей.

Несомненный интерес представляет не только содержание рукописей, но и те многочисленные записи и пометы, которые оставили печорские читатели на полях и форзацах книг. Именно эти записи позволяют сделать вывод о том, что рукописи не лежали в домах мертвым грузом, а все время находились в обращении — их читали, передавали по наследству, иногда продавали. Вполне вероятно, что какие-то рукописи принадлежали «старинщикам» Н. Е. Ончукова. Во всяком случае, пометы Григория Ивановича Чупрова встречаются на трех поморских рукописях (Устьцилемское собр., № 57 — далее УЦ; Устьцилемское Новое собр., № 35, 94 — далее УЦН), а Игнатий Васильевич Торопов был читателем литературного сборника местного письма (УЦН, № 8). В некоторых приписках традиционные книжные формулы начинают испытывать влияние фольклора. Так, в певческом сборнике XVII в. (УЦН, № 180) столетие спустя появилась следующая запись: «Стати писати, пера попытати, не тупо ли перо, не дрожит ли рука, не сфербят ли бока, не хотят ли красного батога. Ай люли, ай люшенки мои — бойтесь Бога».

Несомненно большое значение для изучения культуры и быта печорских крестьян имеют письма и деловые бумаги XVIII—XX вв., также представленные в собрании. Из 59 рукописей этого жанра большая часть была привезена археографическими экспедициями, некоторые письма были извлечены из переплетов рукописных и старопечатных книг.⁸⁹ Характерным образцом такого рода переписки может служить письмо жителя устьцилемской слободки Максима Осташова в Великопоженский скит Ивану Стафеевичу Томилову от 10 марта 1810 г. с извещением о получении Космографии и просьбой прислать Кормчую и повесть об Александре Македонском (УЦН, № 133).

Отдельно следует сказать о литературно-исторических произведениях, созданных местными, зачастую безымянными, книжниками. Среди них своеобразное хронографическое повествование «Миробытная история», созданное во второй половине XIX в., но выдержанное в традиционных жанровых формах. Интерес печорских крестьян к историческому прошлому страны запечатлелся в «Краткой Российской истории», компилятивной

⁸⁸ Там же. С. 47—164, а также: Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 571—604.

⁸⁹ Описание 44 ед. хранения см.: Малышев В. И. Переписка и деловые бумаги устьцилемских крестьян XVIII—XIX вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 442—457.

переработке какого-то учебного пособия прошлого столетия. Остается известным в одном только списке вполне самостоятельное произведение местной традиции — «Повесть о быке». В произведении явно отразились характерные черты печорского быта; возможно, что в основе повествования лежит устное предание устьицлемцев.⁹⁰

До сих пор пользуется известностью на Печоре имя самого знаменитого в XIX в. местного книгописца Ивана Степановича Мяндина. Количество рукописей, переписанных И. С. Мяндиным, исчисляется десятками. Кроме того, он занимался реставрацией и переплетом рукописных древностей. Он выработал свой почерк, подражающий в чем-то поморскому полууставу и скорописи, но вполне индивидуальный, получивший впоследствии название «печорский полуустав» и оказавший влияние на местную рукописную традицию. Но И. С. Мяндин не был только плодовитым переписчиком и грамотеем, его с уверенностью можно назвать первым известным нам устьицлемским писателем. Он не просто переписывал повести и сказания, он частично перерабатывал их, вносил в текст свои, «мяндинские», стилистические и сюжетные уточнения, делал их доступнее для понимания местных читателей. Повести о Басарге, о царе Аггее, о царице Динаре, о царевне Персике — вот далеко не полный список мяндинских литературных обработок и пересказов. Среди них и такое близкое фольклору, живой народной речи сатирическое произведение, как Азбука о голом и небогатом.⁹¹ Мы знаем имена других печорских переписчиков XIX в. — А. М. Бажукова, Ф. И. Вокуева, И. И. Ермолина, М. А. Михеева — но ни один из них не подходил к тексту творчески.

Среди служебных рукописей, найденных на Печоре, значительное место занимают певческие «крюковые» рукописи. В их числе есть подлинные редкости, как, например, сборник XVI в., содержащий стихиры древнерусского композитора-головщика Федора Крестьянина.⁹² Представлена в собрании поморская традиция знаменного пения, встречаются и местные, печорские, воспроизведения певческих памятников. Зачастую знаменной нотацией сопровождалась тексты духовных стихов, что позволяет сопоставить книжную и устную традицию бытования этого жанра.

Книги лицевые, украшенные заставками и инициалами, всегда пользовались в народе особым уважением. Сохраняя прежние, «досельные», книги, старались украсить и вновь переписанные. В характере оформления текста, пожалуй, наиболее отчетливо прослеживается история рукописной книги. Печорская книжность не богата лицевыми рукописями, значительно больше книг орнаментированных. Профессионально выполненные орнаменты в рукописях XVI—XVII вв. и позднейшей поморской традиции соседствуют здесь с заставками и буквицами работы местных книгописцев конца XIX—начала XX в. Н. Е. Ончукова в свое время поразило в этих заставках «жалкое подобие древних рукописей». И, вероятно, он был прав — с профессиональным искусством они вряд ли сопоставимы. Зато кажется возможным отыскать точки соприкосновения позднего книжного орнамента с народно-прикладным искусством Нижней Печоры. Такого рода наблюдения уже известны в литературе.⁹³

VI. Черты языка былин Печоры

В старых записях печорских былин отражены некоторые особенности произношения и исполнения этих текстов, представляющие особый интерес в плане их поэтики и принадлежности к наддиалектным формам народной речи. К сожалению, более новые записи, и особенно послевоенные, почти не отражают таких особенностей воспроизведения традиционных текстов, и сейчас трудно сказать, сделано это намеренно или связано с полным забвением поэтики и былинного языка. Сравнивая записи разных лет, легко обнаружить сходство в произношении отдельных слов, совпадения в произношении звуков или их сочетаний, представляющие как бы общий фон

⁹⁰ Публикацию памятника см.: Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 476—480 (Неизвестный памятник устьицлемской литературы XVIII в.).

⁹¹ Публикацию текста см.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов)/Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1965. С. 184—186.

⁹² Эти стихиры стали предметом монографического исследования. См.: Бражников М. В. Федор Крестьянин. Стихиры/Публикация, расшифровка и исследование. М., 1974. (Памятники русского музыкального искусства; Вып. 3).

⁹³ См., например: Тарановская Н. В. Росписи на Мезени и Печоре. (О формировании местных художественных стилей)//Русское народное искусство Севера: Сб. статей. Л., 1968. С. 56—58.

звучащей былины; само наличие произносительных вариантов весьма характерно, поскольку стилистическое использование вариантов есть самая выразительная особенность всякой литературной речи, а былинные тексты несомненно воспринимались средой-носителем (а потому и исполнялись) как тексты литературные. В записях совершенно не обнаруживаются многие собственно диалектные особенности печорской речи, как смешение свистящих и шипящих согласных (*кошили, уженька, желено* вместо *косили, узенька, зелено* и др.),⁹⁴ как проявления закрытого «о» в отличие от обычного (свойственного и литературному произношению) открытого гласного «о»; нет здесь и лексических заимствований из языка коми (хотя в разговорной речи местных жителей их очень много, особенно в области глагола). Все это совместно удостоверяет, что язык былин всегда был и до сих пор остался языком устной литературы; он обслуживает жанры устной литературы, созданные давно и связанные с этими жанрами взаимной поэтико-стилистической связью. Он сохраняет (хотя и в искаженной от долгого бытования форме) множество грамматических и лексических архаизмов, хотя вместе с тем в нем с течением времени и отразились ведущие изменения северно-русской фонетики. Следует заметить, что нет ни одной специфической печорской, свойственной только печорским или каким-то другим северным говорам особенности речи; былины воспроизводят лишь такие особенности речи, которые, являясь архаическими, долгое время, вплоть до XX в., были общесеверно-русскими.

Ударение, к сожалению, передают не все собиратели; в прежних записях, как можно судить по старым изданиям, это делали, и вполне правильно, поскольку отличия ударения от современного литературного создает свойственный былинам ритмический контур текста, ныне уже невозстановимый. По старым записям ясно, что записывались акценты архаические, теперь уже утраченные русским литературным языком, но свойственные всем северно-русским говорам вплоть до недавнего времени.⁹⁵ Например, ударение в форме 2 л. мн. ч. наст. времени у основ с подвижным акцентом типа *да́дите, си́дите* или оттяжки (также вполне закономерные, но весьма архаичные) вроде *перéскочу, перéнесу* и др. изменяют ритмику текста; если заменить эти акцентовки современными литературными *дади́те, сиди́те, переско́чу, перенесу́*, изменится и былинный размер, с его разделенностью и максимальным расширением слогов между двумя ударными.

С ударением связано и произношение гласных, составляющих опорные элементы в произношении (исполнении) былинных текстов.

В записях почти нет достоверных примеров изменения фонемы «е» («ятя») в «и», как это следовало бы ожидать в северных говорах. Редкие исключения в записях можно признать либо случайной опiskой (*билый или одияло*), либо морфологизованным остатком старого произношения (встречается не только в северных русских говорах: *затим, тим, по всим*, также во флексиях типа *на кони, в кабаки, во городи, па вини* — это влияние «мягкого» типа склонения на тип «твердого» склонения, очень характерное для северной зоны). Все это не случайно в смысле той особенности произношения, о которой уже шла речь: ничего специфически местного в таком произношении нет.

Наоборот, так называемое «иканье», т. е. произношение звука «е» как «и» в безударных слогах, в записях отражается довольно часто, причем в таких словах, которые трудно связать с влиянием со стороны литературного произношения (кроме того, «иканье» как литературная норма организуется только в 30-е г. XX в.). «Иканье» отражается в определенных морфемах типа *на ночиньке, дорожиньки, на конюшин двор, хроминькой, миня, типеря, тибе, имицько, ище, курива, ящичок хорошинькёй*, также и в глагольных формах, специфически северных, типа *поедишь, делаите, можите*. «Иканье» соотносится со звуком «е», тогда как «еканье» оказывается связанным с произношением звука «а» (после мягкого согласного и также в безударной позиции), ср.: *премопутнею, травеной мешок, деветь затевьей, отвезать, премоу, тысеч, потенул, натенул, натегайте, кнегиню, петнаццеть, месецев* (ср. *месяцоф, без памяти, Светогор*), но также и под ударением (*стоели, опет*), что характерно для северных говоров, но может быть лексикализовавшимся остатком старого произношения. Смещение «е» и «и»

⁹⁴ См.: Денисенко Ю. Ф. Шепелявые свистящие в печорских говорах // Северно-русские говоры. Л., 1970. Вып. 1. С. 67—75.

⁹⁵ См.: Чернышев В. И. Заметки о языке «Печорских былин» // Печорские былины. Записал Н.Е. Ончуков. СПб., 1904. С. XXXVI и сл.; основные особенности северно-русского акцента рассмотрены в статье: Колесов В. В. Словесное ударение в пинежских говорах // Северно-русские говоры. Л., 1970. Вып. 1. С. 5—25.

очень редко (*зовут по смене, на юлецу, т. е. на улицу, лесицы*), оно как бы накладывается на последовательное разграничение в произношении безударного «а» и безударного «е»: в той мере, как «а» как бы «поднимается вверх» и совпадает в произношении с «е», само это «е», в свою очередь, «поднимается вверх» и совпадает в произношении с «и». В результате никакого «смещения» собственно и нет, а имеется вызванная какими-то потребностями поэтической речи тенденция к усилению в произношении некоторых особенно важных слов, своего рода звуковой перенос слова в ранг «высокой» лексики. По-видимому, это связано и с возможностями и потребностями эвфонии. Таким образом, опираясь на возможности самого языка, певец использует фонетические средства для создания особого типа речевой стилистики, важной именно в данном тексте и в отношении данных слов. Судя по разным обозначениям в записях одного и того же слова или одной и той же формы, не всякий записыватель улавливал эту особенность поэтического текста, не придавал ей значения; однако в реконструкции исходного (эталонного) текста нерегулярные показания такого рода будут иметь большое значение. Добавим, что в русских народных записях написания типа *кнегиню, травеной и конюшен двор, дорожинька* появляются в XVII в., причем в большом числе и всегда в строго определенной (народной) лексике.

То же замечание относится и к проявлениям «аканья» в тексте былин. Произношение с «а» на месте «о» в типично северно-русском говоре не должно озадачивать именно потому, что речь идет о произнесении литературного народного текста. Правда, произношение безударного «о» в печорских говорах близко к произношению «а» (мало огубленное и довольно широкое по раствору), однако не это явилось основой появления «аканья» в произнесении былин. Наддиалектная форма речи, так называемый литературный народный язык, широко вносил в общее для всех литературное произношение акающее произношение некоторых слов, как правило, заимствованных, хотя и не обязательно заимствованных (давно замечено, например, что в исполнении народных произведений устного творчества на севере говорят *начевал* и др.). В наших записях находим: *карчагу, карман* (ср. и *из кормана, корман*), *сабака, на окарачь* (ср. *на окорочь*), *калпак, караб, караблей, карабель* (но также и *кораб*), *тасьмян* (также и *тосьмянной — из тесьма*), *магучей, калацики, багатырь, кафтан, полтара, начевал*, а также некоторые гиперизмы, основанные на отталкивании от принятого в фольклорном тексте произношения: *хромина, взмохнул, отоманом был, тотарин* вместо ожидаемых *храмина, взмахнул, атаман, татарин* и др. Гиперизмы подтверждают реальность «акающего» произношения данных слов, хотя в диалектной речи многие из них постоянно произносятся с «о».

В произношении согласных отклонений от литературной нормы и, с другой стороны, от местного диалектного произношения, еще больше. Дело в том, что при записи былины представитель литературной речи старается отметить те особенности воспроизведения былины, которые ему как носителю литературной нормы представляются «экзотическими». При этом он пропускает действительно важные для поэтики самого текста особенности произношения (внимание рассеяно между несколькими особенностями произношения). Прежде всего это касается произношения аффрикат.

Исконным для северных говоров данного региона является мягкое цоканье, т. е. совпадение «ц» и «ч» в мягком «ц». Поэтому написания типа *палицю, гробницю, отцю, гробниця, птиця, цяду, концём, плецём, ложецьки, имецько, конець* и др. информативно избыточны (хотя, конечно, неспециалист лишний раз убедится, что читать канонический литературный текст следует не так, как он привык это делать). Современные собиратели обычно записывают — *мец-колунец* и т. п., случаи «ц» мягкого с твердым «ц», однако всегда следует пояснить, имеется ли в виду и изменение произношения. Труден вопрос относительно тех «ч», которые в старых записях заменяют «ц» (*конеч* и др.); по существу, подобное расхождение в произношении одного и того же слова свидетельствует либо об изменении самого произношения (что вряд ли верно), либо о том же самом факте проникновения второй аффрикаты в исполнение литературного текста (что несомненно важнее, поскольку ведет к источнику возможных междиалектных взаимодействий в воспроизведении былинного текста). В. И. Чернышев специально отмечал, что в использовании былин XIX в. имело место «смещение» аффрикат, причем «ц» часто произносилось мягко, тогда как «ч», наоборот, «в произношении» распалось на «тш». Это очень важное свидетельство того, что происходит проникновение второй аффрикаты в говор через народный текст литературного характера⁹⁶ (современные

⁹⁶ О промежуточных фонетических стадиях такого проникновения, связанного с заимствованием слов, см. в статье: Колесов В. В. Рас-

записи диалектной речи подтверждают развитие этого процесса и в бытовой речи). Запись, конечно же, оказывается важным источником в изучении начала этого процесса, но вместе с тем расхождение между «ч» или «ц» в одной и той же форме (*обруц — обрuch*) может быть элементом поэтики текста.

Особенно важно, что на стыке морфем, в котором прежде не было аффрикаты, развивается новая позиция с возникновением «новой аффрикаты». В таком случае говор фиксирует то произношение, которое является для него более характерным. Поскольку печорские говоры относились к цокающим говорам, не было ничего необычного в том, что на стыках морфем образовалось «цокающее» произношение старого сочетания типа «тс» (ср. разные попытки отразить такое непривычное для говора произношение на письме при записи былин: *отбитьца, встречаетца, битьца, рода не отецкого, завиваетсе, розсылетсе, видитца, лёжитса, умываетца, хоцица, не молитца, целуютце, все понравитсе, также трицеть, петнацеть, шеснацять*; единственное замеченное исключение — *кланетце*). В этих обозначениях совмещено сразу несколько особенностей: различие между морфемами, которое записывающий старается сохранить (*битьца*), различие между произношением исконного «ц» и нового «ц», возникшего в результате фонетического стяжения звуков; различие между литературным произношением грамматической формы и местным произношением, специально в произношении сказителя, и т. д.

Самый важный результат, который можно вынести из рассмотрения этих фактов, заключается в том, что субстратный для данных записей былин говор характеризовался мягким цоканьем, из которого и следует исходить в характеристике местного воспроизведения былинных текстов.

Наоборот, произношение шипящих «ж» и «ш» было твердым, и твердость их подтверждается как сочетанием их с гласными, так и взаимным влиянием согласных в консонантных сочетаниях. Например, написания типа *жаних, жана, жарбцей, железный*, также как и параллельные им написания *жона, жоробят, жониха*, и даже шире — *тежолую, жолтых, служобка, сужону* и др. — указывают на твердость звука «ж», тогда как написания *нашока, нончо, неделечок* оказываются неоднозначными в смысле своей характеристики: они могут обозначать и твердость «ч», и угубленность следующего за ним гласного. Написания типа *копейцо, месецов, годицок*, хотя и редкие, в таком случае кажутся очень странными, поскольку твердость «ц» в местном произношении предполагать трудно, а произношение огубленного гласного «о» в такой позиции также невероятно. Неясно также, зачем собиратель записывал в некоторых случаях форму второго лица без мягкого знака (*позволиш, нравишсе*), поскольку произношение «ш» совпадает с произношением в литературном языке. Только в некоторых суффиксальных морфемах написание с мягким знаком является закономерным и выразительным фактом: *русьского, русьских, богатырьскую* передают мягкое произношение согласного корня в положении перед суффиксом «ск» (характерно и для бытовой речи северных говоров).

Поэтически оправданными являются варианты произношения древних аффрикат, обычно изображаемых буквами «щ» и «жд». Северное произношение «щ» варьирует в произнесении союза «что»: *ищэ, но также и шчо*, хотя обычно собиратели записывают «щ» в частотных вспомогательных словах графически как *ищэ, ишэ*. Некоторые слова сохраняют свой особый состав согласных (*штей сварить*) или передаются на письме в «разложенном» виде (*круписчатой*, ср. *кирпицат*); все они позволяют восстановить произношение «шч», свойственное этому говору для данной аффрикаты. Тем не менее довольно часто собиратели записывают произношение «шш»: *ташшйт, царшшо, побошшо, по шшету, пушше, по сметшшам, веру крешшоную* и др., обычно в словах местного характера или, напротив, в роли особого поэтически оправданного приема:

Буди нет у тя да больших блюдишшов,
Дак вот те тутариновы больши ушишша!

Арханческое произношение свойственно и некоторым словам с другой (звонкой) аффрикатой: *приезждий, поеждиват, подъеждят, доеждют*, ср. также и другое изображение той же аффрикаты: *проежживал, проежжого, поежжай*, даже *приезжат* (последняя форма подтверждает, что в данной аффрикате произошло уже свойственное и литературному языку разложение на «два ж»).

Во всех случаях такого колебания мы с несомненностью можем признать, что произошло изменение в произношении старого фонетического элемента текста, и каждый исполнитель по-своему старается использовать это (возникли произносительные варианты) в своих целях.

Для северных говоров весьма характерно употребление заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда, поэтому произношение типа *берегём, стерегём, пекёт, нарекем, дороженькю, десяточкём, хорошинькёй* и т. д. здесь не является странным. Однако никакого отношения к поэтическим особенностям текста такое произношение не имеет.

Напротив, другая, связанная с предыдущей, особенность северных говоров к поэтической технике народного творчества имеет самое непосредственное отношение. Речь идет о появлении «неорганического» йота в положении между двумя гласными, и притом на стыке слов: *как юшли-то, на юдивленьцо, как ювидали, переюлками, по переюлкам, они ютром, на юлецу, и ювидали, не юспел, не бей-ко юдалой, на ёсобицу, на ёдну* и др. Это явление в народных поэтических текстах неоднократно обсуждалось; оно связано с включением «неорганических» слоговых гласных в сложные группы согласных и представляет собою своеобразную эвфоническую вставку в художественно воспроизводимый текст.⁹⁷

Своего рода вставочные звуки можно видеть и в лексикализовавшемся произношении слов *каравульню, вострую, дать нам строку, строчнёе время (караульню, острую, срок, срочное)*.

Для поэтики былин характерно и уподобление согласных, которое типично для бытовой северной речи во всех ее вариантах независимо от конкретного говора, ср.: *во посленни нни (последние дни), скланной ножичок, винно (видно), ронна матушка, пратов менных, менной (медный), сённи, на онно плещё (одно), омманчива*; такое уподобление согласных доходит до полной утраты этимологических связей со словами-производителями (ср. *во гриню, гриня, гриню светлую*, в которых уже невозможно узнать старую русскую *грядню-грядницу*). Замена согласного «м» на «в» или «б» в положении перед сонантом также весьма обычное дело: *внogie, невного, невножко, блад на месте многие, немного, немножко, млад* (последнее слово лексикализовано в данном произношении), что весьма характерно, потому что во всех этих случаях изменяющийся согласный никак не проверяется в сильной позиции, потому и в условиях длительного устного произношения без фиксации на письме полностью подвергся замене на фонетически сходный согласный.

Столь же выразительны некоторые упрощения в произношении сложных групп согласных, связанные с устной формой бытования текста: *почесняя, косью, чесью, радостью, почесен пир, кресничку, шеснаццать, черлен караб* и др. — и в этих случаях лексикализация происходит за счет постоянного опущения при повторении непроверяемых в сильной позиции согласных (характерно употребление форм творительного падежа, которые очень часто воспринимались как формы наречия и потому не соотносились с прочими формами парадигмы).

Лексикализовались и некоторые другие формы произношения общерусских слов, причем довольно часто это было исконное русское произношение соответствующих слов, например: *одва (едва), горносталь (горностаи), топерь, робята, пехнул, хозеином (хозяином), очюнь (очень), окол черева, закрычал, чепей* и др., так что подобное произношение указанных слов относит произношение и воспроизведение соответствующих текстов по крайней мере к XVII в. (не позже).

Кроме того, ряд слов обобщился в новой форме произношения: *буёвый, буёвую, буюрина, бульшуще* (с «у» на месте «о» в положении после губного звука «б»), также варианты типа *бурземецкое — музземецкое, нонь — нынь, залезной — жалезной, охвота — охота*, некоторые другие, которые легко встретить в любом русском говоре в том или ином варианте произношения. Именно это обстоятельство, а также этот факт, что и в данных случаях гласный или согласный попадал в фонетически непроверяемую позицию (ее называют абсолютно слабой фонетически или изолированной морфологически), обусловило сначала изменение звука, а затем и консервацию его в составе слова в таком именно произношении. Такое произношение указанных слов — факт литературного

⁹⁷ См.: Кузнецова О. Д. Слова с протетическим *j* на Севере // Диалектная лексика 1974. Л., 1976. С. 82—98.

наддиалектного языка; возможность варьирования форм — факт поэтики литературного текста. И то и другое важно в осмыслении языковых средств порождения былинного текста в момент его воспроизведения.

Следующее очень важное отличие былинных текстов от других текстов устного народного творчества следует обсудить подробнее, поскольку оно, отражая важную особенность северно-русской фонетики, является вместе с тем фактом былинной поэтики.

Речь идет о «смягчении» или, наоборот, «отвердении» согласного «и» в положении после мягких или (соответственно) твердых согласных.⁹⁸ Поскольку в некоторых типах сочетаний кроме «н» в той же позиции мог оказаться и согласный «р», он также подвергался смягчению или отвердению; относительно последнего в наших записях нет примеров, но произношение типа *обрюшился, церквы, церквям, Владимира* и др. показывают, что «мягкость» согласного «р» была вполне возможной в былинном исполнении.

Что же касается наиболее частого из числа сонантов «н», примеры «смягчения» его в положении после мягкого (палатального) весьма значительны, ср., например: *вольнёго, вольнём, каравульнюю, стольний, стольнё, сильни, дальний, дальнюю, премопутнею, строчнёе время, корабельняа, корабельнёе, колокольняго, подневольнёе, хрустальнюю, опальнюю* и др.; примеры «отвердения» после велярных согласных: *конюшнами, по домашному, в посторонной храмине, милостыню, ко княгини, ихны, под одним концом, в избу нижнюю* и др. Примеры показывают, что в произношении сказителей «ч» совпадал с «ц» по мягкости, а «ж» (и «ш») были всегда твердые. В положении после заднеязычных происходило столь же последовательное «отвердение» согласных-сонантов, однако примеров подобного изменения согласных в публикуемых записях не очень много (ср. *восклькала* вместо *воскликала*). Позиционное отвердение согласного отражено и в конце слова (*волчьа сът травеной мешок, опет*), причем в словах архаических или диалектных, так что даже и собиратель смог уловить эту особенность местного произношения и передать ее в записи.

Таковы основные из имеющих значение фонетические особенности былинных записей, отличающие их от современного русского литературного языка. Все остальные расхождения с принятой сегодня орфографией вряд ли скрывают за собою какое-то важное отличие в произношении исполнителей. Например, написания типа *зглонул, збить, здумайте* и др. отражают вполне понятное озвончение согласного «с» в положении перед звонким; такое озвончение свойственно и литературной норме. То же касается и оглушения согласных в середине слова: *жерепцей* есть фонетическая запись словоформы *жеребцей*, которую в качестве орфографической ошибки вполне возможно встретить и у литературно образованного человека.

Что же касается основных типов расхождений с литературным произношением, то они вполне устойчивы (отражаются во всех старых рукописях, написанных на Русском Севере в XVI, XVII и более поздних веках⁹⁹) и притом характерны специально для произнесения былинных текстов. В связи с этим оказывается совершенно необходимым выделить различные элементы произношения в смысле их функциональной принадлежности к былинному тексту.

Во-первых, это поэтически маркированные элементы речи, связанные с поэтикой устного народного творчества, которые передаются по традиции и входят в инвентарь выделительных средств устного воспроизведения текста (йотовая вставка, вставки гласных, разное произношение аффрикат и т. д.).

Во-вторых, это проявления наддиалектной формы речи, т. е. своего рода литературного языка народа, присущего его литературным текстам. Сюда относятся и некоторые особенности, указанные как стилистические, но сверх того и такие особенности произношения, как проявление аканья, иканья, еканья, вообще изменения в произношении гласных, потому что как раз произношение гласных было наименее важным для северно-русских диалектных систем, и оно могло подвергаться некоторым изменениям под натиском наддиалектной формы речи.

⁹⁸ Подробнее об этой особенности старобылинных текстов см.: Колесов В. В. Отражение фонетических особенностей речи в ранних записях фольклорных текстов // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1977. С. 40—43; Он же. Отражение корреляции согласных по мягкости-твердости в старых записях былин // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1979. С. 109—121.

⁹⁹ Примеры и сопоставления см.: Колесов В. В. Различительные особенности языка и письма в северно-русских рукописях из собрания Пушкинского Дома // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 337—271.

В-третьих, необходимо выделять связанные с предыдущими особенностями лексикализованные особенности произношения, дававшие расходящиеся результаты между литературным русским и местным литературным произношением (типа *буёвой* и *боевой*, *пехнул* и *пхнул* и т. д.). Поскольку соответствующие слова очень часто употребляются в текстах былин, их лексикализация оказала свое влияние на складывание особой манеры исполнения, особой фоновой фонетики данного жанра народного литературного текста.

В-четвертых, важны и архаические формы, сохраненные поэтикой былины из древнейших времен. Иногда бытование текста настолько изменило первоначальную фонетическую форму слова, что необходимо прибегнуть к реконструкции, чтобы воссоздать ее (в семантических целях). Это относится, например, к сочетанию *по тяпышу по алабышу* (в издаваемых текстах записано около десятка различных в произношении форм).

В-пятых, конечно, необходимо связать особенности произношения в том виде, как они записаны в былине, с особенностями местной диалектной речи. Но как раз в этом отношении каких-то значительных результатов найти не удастся. Всегда отражается некий архаизм местного произношения, устойчиво связанный уже с традицией исполнения (теперь — только подражания старым мастерам). Изменение говора в наши дни, по-видимому, никак не отражается на исполнении былины. Однако записи былины становятся все более орфографическими.

В области морфологии русские народные говоры в среднем течении Печоры характеризуют все те особенности, которые присущи русским диалектам на Крайнем Севере и Северо-Востоке Европейской части СССР (в низовьях Двины, Мезени, Пинеги).¹⁰⁰

Словарный состав печорских говоров подробно проанализирован в монографической работе Л. И. Ивашко¹⁰¹ и хорошо собран в картотеке Словаря русских говоров Низовой Печоры Межкафедрального Словарного кабинета им. Б. А. Ларина в Ленинградском государственном университете.

Все морфологические и лексические особенности в данном издании сохранены.

VII. Напевы печорских былин

Сказительство издревле занимало в фольклоре высшую ступень воспроизводства моральных, общественно-правовых устоев, постулатов народной мудрости, носило подчеркнуто наставнический характер. Правом сказительского напевного вещания в родовой общине располагали люди определенного возраста, способностей и общественного положения.¹⁰²

В артельно-промысловой среде позднейшего времени избранность мастеров напевного слога определялась также общественным признанием сказителя и возрастным цензом.

Свидетельством формирования эпоса как жанра синтетического являются вкрапления в эпические сюжеты в качестве их составных частей — благопожеланий (застольных и обрядовых), заговоров, причитаний, небылиц

¹⁰⁰ См.: Лисенкова Д. Т. Русский старожильческий говор села Трусово Усть-Цилемского р-на Коми АССР. Канд. дис. Сыктывкар, 1964; Смирна Г. Я. Пинежье. Л., 1970; Русская диалектология. М., 1972, С. 122—205; Пирогова Л. И. Говор Холмогорского района Архангельской области. Канд. дис. М., 1962.

¹⁰¹ Ивашко Л. И. Лексика печорских говоров. Канд. дис. Л., 1956.

¹⁰² Видное место в быту языческих еще славян занимало сказительское пение «кощюнников» — волхвов различного ранга (кощюны-мифы, погребальные кощюны) и «боянов» — певцов-сказителей «преславных делес». Нередко бояны оказывались и волхвами. См.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 314, 315. (Волхвы и мифы).

А. Н. Веселовский, считая невозможным возводить весь богатырский эпос к эпосу мифологическому, полагал начало эпоса в рассказах о борьбе не небесных, а земных врагов: «...какое-нибудь из тех несложных житейских событий, которые так часто переносились в миф» (...) могло в сильной степени овладевать вниманием первобытного клана (...). Об этом должны были рассказывать или петь» (Вестник Европы. 1873. № 10. С. 657—658).

Г. М. Василевич, в книге «Исторический эпос эвенков» (М.; Л., 1966), характеризуя этико-дидактическую систему в фольклоре родовой общины современных нам эвенков, пишет, что лишь посвященным, зрелым людям сказывались героические напевные сказания и предания, которые формировали их «представления об идеале охотника-воина, показывая его выносливость, храбрость, стойкость, знакомли их с людьми другой культуры» (с. 4—5). Там же содержится важное наблюдение: «Каждый герой имеет свой запов, дающий мотив (...). В некоторых случаях можно установить, что постоянное слово запове было именем героя, названием его рода, а, возможно, и племени» (с. 12).

и других рапсодических обращений, выраженных общим напевным языком.¹⁰³ Речитативный стиль в эпосе с его возгласной природой интонирования и тирадной формой близок речевой фразовой интонации.¹⁰⁴

Звукозаписями конца XIX—начала XX вв. неоднократно зафиксированы, расшифрованы на ноты и опубликованы четко интонированные исполнения былин «говоркового» стиля речитации с аperiodической формой стихосложения. Структуру таких речитативных форм объясняют отнюдь не классические стиховедческие каноны, а в первую очередь закономерности свободной фразовой просодии, логика образования просодических периодов — тирад.

В системе речитативного интонирования эпоса поражают межнациональные сходства самого механизма произнесения, связанные с единой природой голосового аппарата и психофизических условий интонационного мышления человека.

Сравнение мелодики речитативного языка «юнацких песен» южных славян, украинских дум, румынских дойн, нартского эпоса народов Кавказа, ряда других эпосов, а также русских былин речитативного склада (особенно обонезских) убедительно свидетельствует о том, что рапсодическое «свободное» интонирование является исторически-исконной формой напевного языка эпоса. Сочетание свободной просодии с традицией инструментального самосопровождения сказителей ряда славянских народов дает право предполагать недавнюю утрату этой традиции на Руси, зафиксированной лишь в Сборнике Кириши Данилова (XVIII в.).

К началу XX в. научная мысль, увлеченная новыми находками былин иного стиля на архангельско-поморской территории и на Дону, предала забвению триумф сказителей олонецкой традиции в обеих столицах России, триумф поездки по славянским странам олонецкого сказителя И. Т. Рябинина (1892 г.), его встреч и импровизированных состязаний с южнославянскими рапсодами, триумф «братания» сходных по музыкальному языку рапсодических школ.

Интересно отметить, что в то время, как аperiodические формы стиха русских былин оставались вне поля зрения отечественных ученых, Филарет Колесса объяснял в украинских думах как «высшую форму развития речитативного стиля древних похоронных причитаний, торжественных импровизаций на тризнах», и далее конкретизировал: «Язык дум — свободная речитативная (нестрофическая) форма, содержащая от 6 до 17 слогов в стихе и от 3 до 13 стихов в тирадах (логических тематических комплексах)».¹⁰⁵

Исконность свободных речитативных форм в русских былинах не была понята исследователями конца XIX—начала XX вв., искавшими в складе былин черты, подобные классическому древнегреческому гекзаметру, явлению довольно позднему для эллинской культуры, рожденному амебейной формой антифонов аэда и хора; — хора, канонизировавшего структуру напева. Всякая свобода стиховой конструкции объявлялась нарушением «обыкновенного эпического размера» (Гильфердинг), или «полного эпического размера» (А. Л. Маслов). Теоретическим осмыслением аperiodической напевной формы былин стали заниматься сравнительно недавно.¹⁰⁶

¹⁰³ О включениях причети в былинные тексты см.: *Астахова А. М.* Былинное творчество северных крестьян. (Аст., I, с. 18—26).

¹⁰⁴ Отмечено, что в памятниках древнерусской письменности деловая повествовательная речь строилась по принципу неметрической тирадной рифмовки (Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 212). Эти наблюдения позволили отразить интонационную структуру «Слова о полку Игореве» тирадной графикой в текстологической редакции (Повести Древней Руси. Л., 1983. С. 378 и след.).

¹⁰⁵ Музыкальная энциклопедия. М., 1974. Т. 2. С. 322 (в изложении В. Л. Гошовского).

¹⁰⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 31; *Маслов А. Л.* Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад // Труды Музыкально-этнографической комиссии. М., 1911. С. 299—327. (МЭК).

Несмотря на то что неравносложный напевный стих и тирадная форма в былинах были замечены на «эстетическом» уровне первооткрывателем олонецкого эпоса П. Н. Рыбниковым еще в 1860-х гг. (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 3-е изд. Петрозаводск, 1989. С. 53, 71; ноты см.: Русский фольклор. Материалы и исследования. Л., 1959. Т. 4. С. 300) и несколько позже (Ляцкий Е. А., Аренский А. С. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. М., 1895; отдельные нотные публикации: Григ., 1, напев № I; Аст., 2, напев № VII; Былны Печоры и Зимнего берега. М.; Л., 1961. Напев № XX и XXI), музыковедческая разработка неравносложной квантометрической системы интонирования в эпосе предпринята лишь в 1960-х гг. (Русский фольклор. М.; Л., 1966. Т. 10. С. 127—144 и табл. I—IV в статье «Структуры сказительской речи в русском эпосе»), а также в кандидатской диссертации В. В. Коргузалова «Местные напевные стили севернорусского былинного эпоса» (Л., 1990). В настоящем издании применена в таблицах свода напевов.

См. также разработки теории слогоритмического периода и анализы аperiodической формы: *Банни А. А.* К изучению русского народно-песенного стиха // Фольклор. Поэтика и традиция. М., 1982. С. 94—139; *Банни А. А.* Слово и напев. Проблемы аналитической текстологии // Фольклор. Образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984. С. 170—202.

Изучая напевы былин и причеты, можно с достаточной наглядностью наблюдать явление постепенной вокализации рапсодического стиля, упорядочения ритмической и метрической стиховой структуры напевов, образование «предесенных» форм сказительства при традиции артельного подпевания сказителю, вязкой структуры побудительной или «фоновой» коллективной причеты, переход сказительского искусства в сюжетную хоровую лирику («памятные» эпические хоровые песни, или как их стали называть — «былинны песни»). Этот эволюционный ряд развития жаира, однако, следует рассматривать исключительно в рамках общего этнокультурного процесса распространения традиции. Преобладание в различных местностях той или иной системы интонирования в эпосе и причеты, указывает на миграционное оседание определенных историко-культурных пластов эпической традиции по путям обживания русскими новых земель в далеком и сравнительно недавнем прошлом. Основными гнездами творческого бытования эпоса на Руси явились: Обонежье (древнейший пласт рапсодической культуры), архангельское Поморье от Белого до Баренцова моря и по бассейнам северных рек (более поздний «старожильческий» пласт, слой культуры артельного промысла), позднейший слой сословной казачьей культуры с центром на Дону при впадении Хопра, в астраханском Поволжье. Помимо основных гнезд бытования эпос точечными «колониями» растекался по огромному пространству России, проявля известное смещение стилей и различную степень выживания.

Среди русских напевных сказаний, «старин», былина (богатырский эпос), занимает место древнейшего жанра. Древность жанра былин определяется временем в несколько столетий до сложения Древнерусского государства. Более поздними считаются трагедийно-моралистические старины патриархального средневековья — баллады, — героями которых выступают обиденные, однако типические персонажи, находящиеся в неразрешимом конфликте с моралью современного им общества. Былинам и балладам сопутствуют поучительные старины притчевого характера — духовно-нравственные, хроникально-бытовые, развлекательные (глумливые «скоморошины», невероятные «небылицы»).¹⁰⁷ Время формирования последних — различно.

Все перечисленные жанры русской эпической традиции связаны единством напевной системы в рамках местного стиля, в рамках отдельного сказителя.

Поющий эпос по происхождению является актом индивидуального сказительства.¹⁰⁸ Самопредложение сказителя: «А не нать ли вам, братцы, старину сказать?» — заметно отличается от песенного коллективного предложения «самим себе»:

1-я строфа:

Ай, соберемся, ребятушка, ай мы, казѧ...
Мы, казачушки, ай во единый круг,

2-я строфа:

Ай, во единый круг.
Вот и запоём, ай мы, казѧ...
Мы, казачушки, ай песню старую.¹⁰⁹

Мастерство сказителей, передаваясь от поколения к поколению, от мастера к мастеру, носит ярко выраженный характер местной родовой традиции, складывавшей известные нам сказительские «школы».

Обычно сказитель широко пользуется избранным «основным» своим напевом, который служит для декламации большинства сюжетов, имеющих в его репертуаре (былин, баллад, притч). Однако он может пользоваться и другими эпическими напевами местной традиции, типовыми для данного этнокультурного региона. В ряде случаев выдающиеся мастера распоряжаются ими в зависимости от намерения сказывать в том или ином эмоциональном тоне. (Таков «Дунай» Рябиинна, записанный Гильфердингом дважды, с разными напевами:

¹⁰⁷ Старины-притчи нередко используются сказителями в качестве эпических зачинов былин и баллад.

¹⁰⁸ К отличному от цитированного мнению А. Н. Веселовского о возможном происхождении эпоса и из обрядового хора (Историческая поэтика. Л., 1940. С. 291) следует относиться со вниманием, имея в виду амебейные формы доисторических заклинаний пантомимического характера (повторений хором заклинательной ритмической формулы вслед за жрецом), но не хоровую культуру нашего средневековья, к которой апеллирует А. М. Листопадов, отстаивая «исконно-хоровую» природу русских былин (Песни донских казаков. М., 1949. Т. 1, ч. 1. С. 41).

¹⁰⁹ Листопадов А. М. Песни донских казаков. М., 1950. Т. 1, ч. 2. № 86-а.

Гильф., II, № 81 и в коммент. к № 81; таков «Ставр» Лагеева, выдающегося печорского сказителя, исполненный в разное время на разные напевы: № 179 и в коммент. к № 179 наст. изд.)

Речитативные и распевно-речитативные напевы сказителей неразрывно связаны с интонационным словарем местных песенных традиций, однако, структурно с напевом песен не совпадают.¹¹⁰ Исключение составляют причётные формы. Причетное повествование, как и сказительское, — индивидуально по происхождению. В музыкально-языковой задаче старин и причети много общего. Стилистическое родство мелодики этих двух жанровых групп настолько явственно в фиксированных «гнездах» эпической традиции: мы можем с уверенностью прогнозировать по причети характер рапсодического стиля в местах угасшего, утраченного или не обнаруженного эпоса. Этим сходствам в последнее время посвящен ряд музыковедческих наблюдений.¹¹¹

Обычно принято подразделять былины на северно-русские, сказительские, и на «былинные песни» Юга России, казачества.¹¹² Однако, как уже говорилось выше, северно-русские былины также разделяются на несовпадающие стилистические зональные традиции — обонежскую (олонецкие сказители) и поморско-архангельскую. Особенности последней дали пищу ошибочной теории А. М. Листопадава об «исконно-хоровой природе русских былины» (см. сноску 109).

Весьма своеобразным признаком поморско-архангельской традиции в жанрах поющего эпоса является помно чисто рапсодического интонирования — сказительство «артельное» (наподхват сказителя). Примечательно, что оно получило развитие в этнической среде, в обрядовом фольклоре которой видное место занимают формы взаимодействия личной (рапсодической) и коллективной (наподхват) причети, с которыми ряд эпических напевов близок или совпадает. Для поморско-архангельской эпической традиции чрезвычайно характерно наличие сравнительно небольшого количества типовых напевов, к которым обращаются сказители этой обширной стилистической зоны. Два из них можно назвать «главными», наиболее распространенными на Печоре, Мезени, Кулое, Пинеге, в Беломорье, т. е. практически на всем архангельском Севере. Они обладают наиболее стабильными структурами напевного стиха и послужили образцами «полного эпического размера» в теории А. Л. Маслова (см. сноску 115). В них мы обнаруживаем черты метрического и даже мелодического сходства с напевами былинных песен донского казачества (особенно печорские варианты):

Печора (№ 7 наст. изд.):

Дон. — Листопадов. Т. I, часть 1, № 23

¹¹⁰ Соколов Ф. В. О напевах печорских былины // Былины Печоры и Зимнего берега. М.; Л., 1961. С. 500.

¹¹¹ Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. Л., 1973. С. 55; Лапин В. А. Русские свадебные песни у вепсов // Проблемы музыкального фольклора у вепсов. М., 1973. С. 44; Коргузалов В. В. Эпическая песенная традиция на Русском Севере // Добровольский Б. М., Коргузалов В. В. Былины. Русский музыкальный эпос. М., 1981. С. 42; Краснопольская Т. В. Песни Карельского Края. Петрозаводск, 1977. С. 12; Она же: Традиционное песенное искусство современного Пудожя // Народная музыка СССР и современность. Л., 1982. С. 85; Васильева Е. Е. Напевы русской эпической традиции Прионежья // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 187—188; Кастров А. Ю. Вопросы структурной типологии олонезких нарративных напевов («вепская мелострофа» и «рунический ритм») // Русский фольклор. СПб., 1993. Вып. 27. С. 133.

¹¹² Янчук Н. А. О музыке былины // Русская устная словесность / Под ред. М. Сперанского. М., 1919. Т. 2. С. 547; Следует, однако, отметить, что и северно-русская эпическая традиция знает строфические структуры «былинных песен», в то же время речитативные формы встречаем и в южно-русском эпосе. См.: Григ., 2, напев № 24; Григ., 3, напев № 45; Былины. Русский музыкальный эпос. М., 1981. № 69, 70 (саратовские рапсодические былины); № 101 (северно-кавказская речитативная форма при песенной строфности).

Печора (№ 148 наст. изд.)

Дон (Листопадов. Т. I., часть 1, № 25).

Длительности сокращены вдвое.

Из партитуры выделена мелодическая основа

Беломорье (Труды МЭК. Т. 2, напев 23):

О некотором сходстве в стихосложении былин Печоры и Мезени с былинными песнями Юга России и казачества пишет А. М. Астахова: «...На Печоре встретились случаи проникновения в музыкальное исполнение былин известной песенной манеры разделения слогов вставочными частицами (...). Подобное дробление слов мы наблюдаем постоянно в исполнении былин на Юге, среди казачества, где былинку вообще не отграничивают от исторической и бытовой песни».¹¹³ О возникновении былинных напевов «из песенных интонаций на Печоре и Мезени» пишут также Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд.¹¹⁴

Только благодаря особенностям стиля артельного сказительства, при котором голос сказителя не теряет своей автономии, могла возникнуть особая, динамичная и декламационно ясная мелодическая формула, доходчивая для слушателей как в «сольном», так и в коллективном варианте.

Следует обратить внимание на то, что до печорских собирателей на архангельском Севере уже работали с фонографом выдающиеся ученые-филологи А. Д. Григорьев (Беломорье, Пинега, Кулой, Мезень), А. В. Марков и совместно с ним ученый-музыковед А. Л. Маслов (Беломорье).

Первый собиратель былин на Печоре Н. Е. Ончуков (1900-е гг.) напевов не записывал, звукозаписей не делал. Самая ранняя звукозапись фрагмента печорской былины была произведена собирателем ненецкого фольклора, Г. Д. Федоровым в 1914 г. в Пустозерской волости Архангельской губернии. Она осталась незамеченной и публикуется впервые (№ 64, см. коммент.). Около десяти фонограмм былин и баллад печорских сказителей привезла в 1929 г. экспедиция Государственного института истории искусств (ГИИИ) Ленинградского отделения Академии искусствознания (ЛОГАИС). Напевы были частично опубликованы в «Приложениях» к книге

¹¹³ Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 690.

¹¹⁴ Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 548. Вместе с тем высказывание авторов «Замечаний о напевах» по поводу превосходства многоголосия печорских былин над мезенскими не подтверждается материалами «мезенского» тома А. Д. Григорьева (Т. 3. СПб., 1910). См. наш коммент. в кн.: Былины. Русский музыкальный эпос. М., 1981. С. 44.

А. М. Астаховой «Былины Севера» Т. 1. (М.; Л., 1938; напевы № VIII—XI). Здесь, в «Замечаниях о напевах мезенских и печорских былин», Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд, идя вслед за исследованием А. Л. Маслова «Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад» и используя терминологию последнего, предложили характеристику напевных сказительских стилей Печоры как явления субрегионального порядка.¹¹⁵

Объединением печорского и мезенского эпического материала авторы «Замечаний о напевах» признают стилевую общность системы интонирования обеих стилистических зон и стремятся воссоздать по возможности полную картину традиции, опираясь, впрочем, на довольно скудное количество звуковых образцов.

Экспедицией 1929 г. на Печоре были зафиксированы лишь два «главных» типовых напева «полного эпического размера» (по Маслову). Третий типовой напев, записанный тогда же, но получивший неверное название сюжета («Чурило» вместо «Туры») при некачественной звукозаписи, не был расшифрован в свое время и публикуется впервые (№ 205 наст. изд., — ср. с более поздними фиксациями № 103, 211).

Наиболее полную картину типологии напевных форм печорского былинного эпоса дали материалы экспедиции Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР 1955—1956 гг., — напевы, опубликованные в книге «Былины Печоры и Зимнего берега Белого моря».¹¹⁶

Последующие магнитофонные записи 1960—1980 гг. большей частью повторяют прежние записи от тех же исполнителей. Среди них следует отметить качественные, полные звукозаписи Д. М. Балашова и Ю. Е. Кра-совской, которые послужили основным материалом для создания звуковых приложений к настоящему изданию (грампластинки к текстам № 114, 179, 242, 88, 227, 89, 87, 54).

В корпус издания вошли также расшифровки текстов и нотировки былин с граммофонных пластинок 1967 г. ГОСТ 5289-68, доски Д-024791-92 и Д-025677-78 (Прилож. V, № 1—6). Всего в двух томах публикуется 80 напевов печорских былин, представляющих до пяти категорий напевов, распространенных на поморско-архангельском Севере.

Эпические напевы поморско-архангельского региона, протянувшегося по морским побережьям от Белого моря до Уральского хребта, включая бассейны великих северных рек, принято характеризовать как некую антитезу «олонецкому» (обонежскому) стилю сказывания, не знавшего артельного, коллективного сказительства.¹¹⁷

Если основу обонежского эпического стиля в системе напевного интонирования составляют музыкально-разнофразовые тирадные мелострофы, в которых «неравносложные строчки текста поются не только на весь напев в целом, но и на различные сочетания его частей», то в мезенско-печорской традиции преобладают «строчные» формульные напевы, в которых «неравносложные строки укладываются всегда по одной на нерасчлененный напев путем дробления или стяжения музыкальных длительностей».¹¹⁸

Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд подчеркивали важное свойство былинного напевного стиха: «В мезенско-печорской былинной традиции лежит не столько тонический, сколько квантитативный принцип, т. е. ударные слоги

¹¹⁵ См. упомянутое исследование А. Л. Маслова (Труды музыкально-этнографической комиссии. М., 1911. Т. 2. С. 301—327). Авторы «Замечаний» унаследовали «аристократический» оттенок концепции Маслова о якобы постепенной деградации «полного эпического размера», вырождавшегося в «сокращенный» и затем — «скомороший». Попытка характеристики былинных напевов «скоморошьего» размера А. Л. Масловым и его последователями привела к оговоркам, показывающим ограниченность и неточность этого термина: мы читаем в «Записке», что «на Мезени „скомороший“ размеры с характерной для них скороговоркой встречаются редко. Чаще мезенский напев „скоморошьего размера“ представляет своеобразный смешанный тип, соединяющий в себе каноны „полного эпического размера“ с канонами размера „скоморошьего“. Вместе с тем на Мезени как чистый „скомороший“, так и смешанный тип напева соединяются не со скоморошьими былинами, а с былинами-новеллами, иногда же — с героическими былинами» (Аст., 1, с. 548). О печорских напевах «скоморошьего размера» речь не шла, т. к. в 1929 г. они еще не были зафиксированы (см. № 8, 15, 19 наст. изд. — в записи 1956 г.).

¹¹⁶ БП. В «Приложениях» приведены напевы № I—XXVI; два напева добавлены в комментариях (к № 62 и 90), еще один — в «Заметке о напевах печорских былин». Всего 29 напевов.

¹¹⁷ Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 680. (Исключение представляют напевы калки переходных с присущей им стилистикой). Противопоставление «архангельского» «олонецкому» см. также: Маслов А. Л. Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад // Труды музыкально-этнографической комиссии. М., 1911. Т. 2. С. 301—327; Янчуж Н. А. О музыке былин // Русская устная словесность. М., 1919. Т. 2. С. 527—550; Заметка Е. В. Гиппиуса и Э. В. Эвальда в сборнике: Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 546.

¹¹⁸ Астахова А. М. Былины Севера. Т. 1. С. 546.

текста выделяются сменой длительностей более кратких на более долгие». ¹¹⁹ «Акцентность при этом носит подчеркнуто-смысловый характер». ¹²⁰

В «Заметке о напевах мезенских и печорских былин (Аст., I, с. 546) Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд предложили применить критерий одномерности напевно-декламационного времени (музыкальная «мора» равна одной восьмой ноте), при котором элементарные и слогораспевные метры можно рассматривать в единой системе измерения:

Печора. «Бутман». 11+9 восьмых (3.2333.33 восьмых):

$\frac{2}{\bullet\bullet\bullet} \frac{1}{\bullet\bullet\bullet} / \frac{1}{\bullet\bullet} \frac{1}{\bullet\bullet} \quad \frac{2}{\bullet\bullet\bullet} \frac{1}{\bullet\bullet\bullet} \quad \frac{2}{\bullet\bullet\bullet} \frac{1}{\bullet\bullet\bullet} \quad \frac{2}{\bullet\bullet\bullet} \frac{1}{\bullet\bullet\bullet} \quad \frac{2}{\bullet\bullet\bullet} \frac{1}{\bullet\bullet\bullet} \frac{3}{\bullet\bullet\bullet}$
 Про у- да- ло- го ска- зать да доб- ра мо- лод- ца...

Мезень. «Подсокольник». 7+6 четвертей (2.222, 2222.222,22):

$\frac{1}{\bullet\bullet} \frac{1}{\bullet\bullet} / \frac{2}{\bullet\bullet} \frac{2}{\bullet\bullet} \quad \frac{2}{\bullet\bullet} \frac{2}{\bullet\bullet} \quad \frac{1}{\bullet\bullet} \frac{1}{\bullet\bullet} \frac{2}{\bullet\bullet} \quad \frac{2}{\bullet\bullet} \quad \frac{4}{\bullet\bullet\bullet\bullet} \quad \frac{2}{\bullet\bullet} \frac{4}{\bullet\bullet\bullet\bullet}$
 Да у лас- ко- ва кня- зя да у Вла- ди- ми- ра...

Если бы авторы «Замечаний о напевах» сравнили в этой системе одинаковые типовые напевы упомянутых соседних территорий, мы могли бы увидеть существенные различия в метроритмике кадансовых частей (окончаний музыкальных фраз):

Печора: 11+9 восьмых = 3.2333.33 восьмых,
 Мезень: 11+9 восьмых = 3.2333.222 восьмых.

Или в другом случае:

Печора: 7+7 четвертей = 2.222,2222.2222,22 восьмых,
 Мезень: 7+6 четвертей = 2.222,2222.222,22 восьмых.

При современном состоянии эпосоведения трудно оспаривать установленную первичность рапсодических форм тирадной речитации в эпосе по отношению к распевно-мелодическим; свободных структур напевного стиха по отношению к канонизированным, развитым, строфным. Именно в такой последовательности раскрывается перед нами картина эволюции жанра и особенности типовых напевов печорских былин со всей исторической амплитудой их отношений.

Сказительские напевы Печоры неоднородны по ладово-интонационным характеристикам. Среди них отчетливо выделяются напевы с квартовой и квинтовой основой, расцвеченные вспомогательными и опевающими тонами, терцовыми удвоениями в артельных подхватах, что значительно расширяет диапазоны звукорядов, не меняя их

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Балакирев М. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением ф-п./Ред., предисл., иссл. и примеч. Е. В. Гиппиуса. М., 1957. С. 225. В этой работе Е. В. Гиппиус склоняется, однако, к обусловленности тактовых редакций напевов категориями стихосложения. Одни и тот же эпический напев, разнесенный калитками по всей Руси, трактуется им в 1951 г. (Былины Севера. Т. 2. Напев № XIII) и в Сборнике Балакирева в 1957 г. по-разному (ср. с печорским вариантом на с. 142). Былины Севера. Т. 2. Напев № XIII:

Сборник Балакирева. С. 190. Напев № IV. Обоснование — на с. 226:

В первом случае синлабический стих скоро уступает «разновеликому» тоническому и «смысловая синтаксическая акцентность» становится единственно возможной. Однако, она логична и в синлабическом эпизоде, т. к. является универсальной для рапсодического интонирования.

основы. Особое место занимают напевы терцовой ладовой основы с субквартой в кадансах (иногда — заполненной, в виде нисходящего трихорда). Их ладовую характеристику в данном случае (напевы № 8, 15, 19) можно прочесть как в диатонической, песенной связи тонов, так и в возгласно-попевочной, речитативной связи.¹²¹ Интересно отметить, что сказительские напевы с терцовой и квартовой ладовой основой часто родственны или близки напевам причитаний. Тем самым подтверждается их безусловная «древность» по отношению к напевам квинтовой основы.

Последние же, как уже говорилось выше о развитых слогораспевных формулах, переключаются в структурах напевного стиха с былинными песнями донских казаков.¹²²

В книге «Былины Печоры и Зимнего берега Белого моря» (БП), согласно данным истории заселения Печоры с XI по XVI вв., среднепечорская и нижнепечорская эпические традиции разделены в структуре издания, как несущие, с одной стороны, черты «новгородской» этнокультуры (Средняя Печора), с другой же стороны — «московской» (Нижняя Печора). Однако в Усть-Цилемском регионе упоминается притаившийся вдали от селений Великопожненский скит, который основан также московскими раскольниками. При общепоморском характере артельного промысла (печорцы также хаживали на беломорский промысел «на-Кеды») вся протяженность Печоры являлась столбовой дорогой промысловых артелей и, поэтому вряд ли целесообразно говорить о замкнутости стилевых зон печорского былинного эпоса. Вместе с тем в упомянутой выше книге авторы-составители пишут о некоторой избирательности сюжетов и сюжетных мотивов, придающих своеобразие «верховской» и «низовской» стилистическим зонам. Более осторожен в своем музыковедческом очерке Ф. В. Соколов.

Метроритмические формулы «главных» типовых напевов на всем протяжении Печоры — едины:

1. 11+9 восьмых = 3.23,33.33 восьмых,
2. 7+7 четвертей = 2.222,2222.2222,22 восьмых.

В цифровом выражении метроритмических формул точки означают тактовые черты, запятые — внутреннее пунктирное членение тактов. Наиболее существенными оказались некоторые ладовые признаки субрегиональных различий в напевах второй формулы. Среднепечорским напевам 7+7 четвертей свойственно минорное наклонение, более декламационный характер. Нижнепечорская разновидность — мажорна, более «торжественна». Как на Средней Печоре, так и в ее низовье зафиксированы напевные формы, сопутствующие «главным» типовым напевам, формы, замеченные в одном из районов Печоры, или уникальные на Печоре, но являющиеся типовыми для других мест Архангельщины.

Характеристика эпических напевов Печоры в настоящем издании строится по схеме: от простейших, кратких речитативного стиля — к каноническим, формульным, затем — слогораспевным, с песенными мелодическими характеристиками. Сначала рассматривается группа напевов «элементарного» метрического пульса (нечетные и смешанные восьмушечные метры), затем — группа напевов четного пульса (четвертные метры).

1. Напевы элементарного метроритма

1.1. Типовой нижнепечорский напев речитативного стиля с непостоянной слоговой структурой стиха менее 8 и более 10 слогов, одно-двухакцентный. Ладовая основа — терцовый трихорд с падающей субквартой (или нисходящим квартковым трихордом). В настоящем издании № 8, 15, 19.

Этот напев содержит признаки музыкально-разнофразовой тирадной периодичности, являющейся основой обонежского сказительского стиля. В № 8 зачинная фраза напева и концовочные (форма абб) различаются в кадансах. В № 15 помимо кадансовых чередований, чередуются «возгласные» части музыкальных фраз. Наконец, в № 19 чередования зачинных и концовочных музыкальных фраз напева весьма прихотливы. В начале былины

¹²¹ См. ниже (1.1), а также: Коргузалов В. В. Генетические предпосылки классификации // Русский фольклор. Л., 1975. Т. 15. С. 245, 246.

¹²² Возможно, артельная традиция исполнения обязана была своим происхождением бытованию эпоса еще в дружинно-верховой среде, располагавшей своими признанными сказителями. Ситуация исполнения былины «на-верховых» должна была неминуемо повториться в быту казачьей сословной общины. (См. свидетельство А. М. Листопадова в его книге «Песни доджких казаков» (М., 1954. Т. 5. С. 247 и 253), где речь идет о пении былины «на-верховых» в свадебном поезде.)

преобладают серии «возгласных» (зачинных) музыкальных фраз: для сказителя здесь почти каждый напевный стих как бы представляется важным, ударным по смыслу. Такие смысловые «сбои» в тирадном рапсодическом стиле встречаются и у обонежских сказителей.¹²³

Любопытна интонационная близость этого печорского былининого напева с новгородско-псковской причетью (старина о Кострюке печорского сказителя Т. С. Кузьмина и причеть — Традиционный фольклор Новгородской области., Л., 1979, № 447):¹²⁴

Кострюк (Печора)

♩-16

Как за - ду - мал ваш па - рь(и) - го - су - дьярь,
 Наш па - рь - го - су - дьярь, И - ва - н(ы) Ва - си - л(и) - с - выч,
 Он за - ду - мал же - ки - те - се...

Свадебная причеть (Новгород)

♩-88

Да вы не гни - те - ся.
 Да по - лов - ли - (чень - ки)...

Для печорского былининого эпоса более характерна «скрытая» тирадность сказительской напевной речи, заключающаяся во внеинтонационных признаках образующихся смысловых периодов: однофразовый «строчный» напев, охватывающий несколько стихов тирадной структуры, в конце смыслового периода прерывается паузой или заканчивается протяженным заключительным тоном.

Например, № 7 (см. напев):

- Тирады 1. Выезжал ведь Святогор во чисто полюшко.
 Тирады 2. Ничего-то Святогор да не нахаживал,
 С кем бы силою своей да он померялся.
 Тирады 3. Увидал-то Святогор да в чистом полюшке:
 Как идёт-то старик да ноне с сумочкой...

или, например, № 38 (см. напев):

- Тирады 1. Ай во славном во городи во Киеве,
 Да у ласкова у князя да у Владимира, —
 Заводилсе у них сёднй и почестен пир,
 Тирады 2. Ай на князей-то, на бояр да ле толстобрюхих,
 Да на русских могучих да богатырей,
 Ай, на всю да поляницу да преудалую...

¹²³ Лядский Е. А., Аренский А. С. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. М., 1895. Приложения. № 2 («Добрыня и Эмей»). Возгласная зачинная фраза напева повторена трижды подряд, и лишь на третий раз формируется разнофразовый тирадно-напевный период «абб».

¹²⁴ Старина о Кострюке зафиксирована на Нижней Печоре от разных сказителей исключительно с этим напевом: Исторические песни XIII—XVI вв. М.; Л., 1960. Напевы № 24, 25, 32, 34. (В наст. изд. см. былины № 8, 15).

Проблема разнофразовой и строчно-напевной количественной тирадности эпических напевов, раскрывающая нам механизм рапсодического мышления, возможно, в какой-то степени связана с тайной утраченного самоаккомпанемента в русских былинах.¹²⁵

1.2. Формульный напев распевно-декламационного метроритма 9+9 восьмых (3.333.222 восьмых), с одиннадцатисложной характеристикой стиха. Записан в дер. Устье (Нижняя Печора, 1956 г.) с текстом баллады «Князь, княгиня и старицы» от переселенки из г. Онеги Архангельской области (Былины. Русский музыкальный эпос. М., 1981. № 102).¹²⁶

Интонационный вариант — Карельское Поморье, дер. Колежма (1972 г., Фонограммархив ИРЛИ. МФ. 857.01). Баллада о мучениях Егория Храброго:

Смена нечетной дольности на четную в кадансе первого напева характерна для беломорских и мезенских напевов этого типа. Вместе с тем черты общерегионального архангельско-поморского стиля достаточно явственны. Интересна ладовая структура с септимальной интонацией между зачинным возгласом напева и его завершающим тоном (нижняя секунда), избегание опоры на тонике, неожиданное «фригийское» наклонение в кадансе.

1.3. Развитой формульный напев распевно-декламационного метроритма 10+9 (3.23,23.33) восьмых. Индивидуальный сказительский вариант «главного» типового напева 11+9 восьмых (см. ниже) с 12—14-сложной характеристикой стиха. Этот напев Т. С. Кузьмина — один из самых красивых печорских напевов данного типа (см. №№ 22 и 148). Особую выразительность придает ему регулярная смена дольности и суровая красота опеваемой «тритоновой» интонации.

1.4. Развитой формульный напев распевно-декламационного метроритма 11+9 (3.23,33.33) восьмых с 12—14-сложной характеристикой стиха — «главный» типовой напев элементарного метроритма. См. среднепечорские № 14, 38, 50 — коммент., 62, 54, 87, 113, 114, 130, 130 — коммент., 139, 150, 164, 169, 179, 179 — коммент., 216 коммент. а, б, 218 — коммент., 220, 221, 222, 223, 225, 226, 227, 228, 234, 242. Нижнепечорские — №№ 37, 86, 130, Прилож. I № 34. Плавная мелодическая «текучесть» этих квинтовых напевов, в ансамблевых вариантах достигающих широкого диапазона (септима, октава), воспроизводит образ философического, неспешного сказывания, в котором сказитель в наилучшей степени может показать свои вокальные данные, певческое мастерство (см. орнаментированные распевы Н. Ф. Ермолина, Г. В. Вокуева, В. И. Лагеева).

¹²⁵ См. нашу заметку о напевах и нотный материал с реконструкциями напевов-наигрышей в былинах Сборника Кириши Данилова в кн.: Новгородские былины/Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1979. Там обращено внимание читателей на совпадения с напевной системой поморско-архангельской эпической традиции (ср. напев № 28 Сборника Кириши Данилова, напевы № 33 и 35 в первом — Пинежском — томе былины А. Д. Григорьева: все три напева по ладово-интонационной характеристике близки напеву печорских стариц, в нашем изд. № 8, 15, 19, напеву нижнепечорских «Кострюков»). См. также: Маслов А. Л. Кириша Данилов и его напевы // Русская музыкальная газета. 1902. 27 окт., № 43.

¹²⁶ Текст см.: Былины Печоры и Зимнего берега. № 88. Любопытно отметить в записях 1970—1980-х гг. Сыктывкарского гос. университета (Республика Коми) эволюцию традиционной формы среднепечорской былины о Бутмане 11+9 восьмых (3.23,33.33) в девятимерную 9+9 восьмых: 3.333.33, подобную рассматриваемой. (Русский фольклор. Л., 1993. Т. 27; публикация А. Власова, А. Захарова и др.).

2. Напевы второй группы (метроритмы сдвоенного пульса)

2.1. Типовой краткий формульный напев речитативного стиля 4+3 четверти (2.2222.22 восьмых), терцово-квартовой ладовой основы, с одиннадцатисложной характеристикой стиха (вариант 2.232.22 восьмых) Записан в 1955 г. от дочери среднепечорского сказителя Н. Ф. Ермолина, Рочевой П. Н., с сюжетом баллады «Мать и дочь в татарском плену» (Песни Печоры, М; Л., 1963, № 132; ср. с напевами в сноске 120 на с. 138):

Вариант (причетные диалоги: Мезень 1976, Ф-А ИРЛИ, МФ. 1063.03, опубл. в альбоме 2-х грампластинок «Традиционные песни Мезени» с нотами и текстами, «Мелодия», индекс М20-44641-4, М; Л., 1983 г., напев № 2):

Вариант (Былина). Песенный фольклор Мезени, М; Л., 1967, № 230)

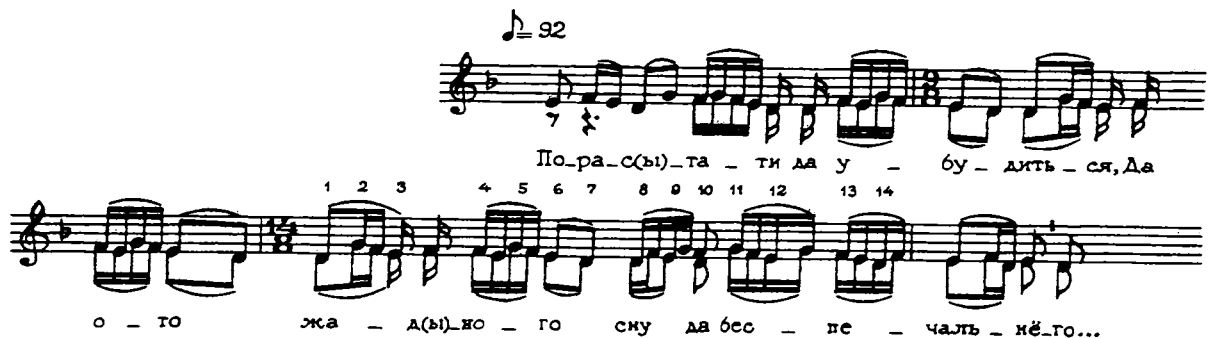

2.2. Типовой формульный напев распевно-декламационного метроритма 7+6/4 (12.222,2222.2222,1 восьмых), с квартковой ладовой основой и 12—14-сложной характеристикой стиха. Записан от среднепечорских сказителей с разными сюжетами: № 103, 211, 205 — коммент. (вариант 7+7 четвертей).

№ 103. Былина «Илья Муромец и Калин-царь»

Причеть. Русская свадьба карельск. Поморья. Петрозаводск, 1980. С. 94

Причеть. Русская свадьба Терского берега Белого моря. Л., 1979. С. 30

Не составляет труда заметить сходства формирования интонации в напевах былин и коллективной причети. В былине краткие интонационные ячейки-попевки волнообразно «всплескивают», задевая тонику и ударяя в терцовый тон, в лишь в конце музыкальной фразы акцентируют квартовый предел, чтобы подчеркнуть окончание напева на неустое («открытая» интонация). В причетных формулах (первая из них несет нагрузку разнофразовой тирадной структуры) — при том же характере интонирования — сильнее ощущается многократное вариативное возвращение к тонике, более вязкая композиция.

Бесконечная неотвратимость музыкального образа коллективной «побудительной» причети и текучесть образа неспешного, по-словечно орнаментированного напевного сказания былины совпадают. Нами пронумеровано «декламационное время» в единицах, равных одной восьмой ноте, чтобы подчеркнуть, видимо, — не случайное совпадение ритмического пространства сопоставляемых напевов. Вместе с тем очевидно, что интонационное развитие коллективной причети, призванное нести в своем потоке причетный голос побуждаемого индивидуального персонажа (известы), отнюдь не способствует донесению текста во вне, тогда как в былинах (как и в «личной» причети) именно эта интонационная задача является функционально главной.

2.3. Развитой формульный напев распевно-декламационного метроритма 7+7 четвертей (2.222,2222.2222,22 восьмых) с квинтовой ладовой основой и 12—14-сложной характеристикой стиха. «Главный» типовой напев чётного пульса.

Достаточно сравнить напев Е. П. Чупрова из предыдущей группы 2.2., в котором сказитель пользуется метроритмической схемой 7+7 четв., с его же «главным» типовым напевом, чтобы ощутить принципиальную разницу в мелодических образах обоих напевов:

№ 205 коммент., былина «Василий Игнатьевич» (Е. П. Чупров)

№ 81, былина «Илья Муромец и Сокольник» (Е. П. Чупров)

Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд, вскрывая «квантитативную природу» стиха этого «главного» напевного типа, отметили удивительно упругое нарастание ритмического утяжеления в слогопроизнесении былинного стиха: 11.222,2222.44,4 (см. на с. 138).

Ожидание тоники на протяжении фразы напева настолько интонационно и ритмически обострено, что утверждение ее кажется недостаточным, напев повторяется.

Интонационный образ напева предельно динамичен, но вместе с тем — утвердителен, дерзок, торжественен, каким может быть обращение верхового богатыря. Прямая речь героев, передаваемая этим напевом, исключительно выразительна, драматургична.

Среднепечорские варианты — № 70 — коммент., 79 — коммент., 81 — коммент., 82, 88, 89, 90, 99, 137, 179-а — коммент.

Нижнепечорские варианты — № 7, 33, 53, 64, 189, 195, 210, 240, 258, 281, Прилож. I, № 34, 35, Прилож. IV, № 2, 3.

Сюда же следует отнести напевы того же типа с импровизационным раскрепощением формы (усечения нарастания формы напевного стиха), — среднепечорские № 90, 99, 139, Прилож. I, № 18; нижнепечорский № 85. Последний записан от племянника Е. П. Чупрова (ср. с № 88) — Фоментия Алексеича Чупрова.

Отличительным свойством исполнения Ф. А. Чупрова является наиболее последовательно выдержанный принцип двойного пропевания стиха. Эпизодически эта манера проскальзывает и у других сказителей.

2.4. Развитой формульный квинтовый напев распевно-декламационного метроритма 8+8 четвертей (22.2222,2222.22 22,22 восьмых) с 12—14-сложной характеристикой стиха. Индивидуальный напев среднепечорского сказителя Л. М. Носова — № 189 (но он владеет и «главным» — № 137). Напев № 189 отличается исключительным динамизмом формы (см. выше), является вариантом «главного».

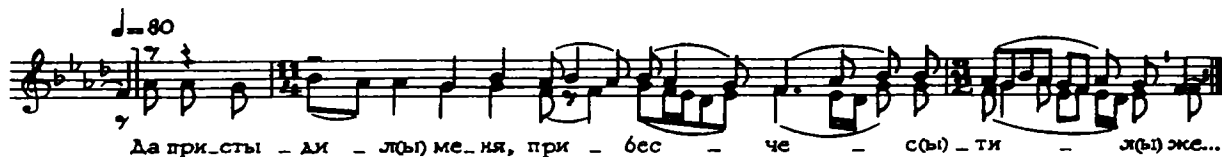
2.5. Развитой напев распевно-декламационного метроритма, с неустойчивой структурой, преимущественно 9+7 и 10+6 четвертей, — 22.(2)222,222,222.222,(2)2 восьмых. Уникален на Печоре. Записан от среднепечорского сказителя Т. С. Дуркина с несколькими сюжетами былин (№ 12, 13, 51, 51 — коммент., 79).

Несмотря на большую пространственную протяженность и значительные слогораспевные элементы, напев не обладает признаками песенной формульности. Декламационно-распевный характер интонирования сходен с отмеченными нами напевами группы 2.2 и так же соотносится со структурой коллективной причетн (Песенный фольклор Мезени. М.; Л., 1967, № 201). Вариант напева записан А. Д. Григорьевым на Пинеге с сюжетом «Добрыня и Змей» (Григорьев, М., 1904. Т. I, напев № 32).

Печора, № 13 в наст. изд. «Добрыня и Змей»

Мезень. Свадебная коллективная причетн

Пинега. Добрыня и Змей

Признаки «квинтовости» в печорском, по существу квартовом, напеве следует отнести за счет возможного ансамблевого удвоения мелодии (ансамблевой ориентации мышления сказителя).

Интонационный образ напева благороден, нетороплив, обстоятелен и выразителен в речевом отношении благодаря попевоочной обособленности каждого слова. При столь замедленном пропевании слов сказитель имеет редкую возможность оттенить важное по смыслу слово фиоритурой или паузой.

* * *

Обзор напевов печорских былин вскрывает музыкально-стилистическое разнообразие и богатство местной эпической традиции. Отчетливо и ярко, как никогда раньше, выступает роль выбора сказителями, признанными мастерами, эпических напевов как «заданного тона» повествования в зависимости от психологической ситуации исполнения и не в последнюю очередь — от характера сюжета: должен ли сказитель перевоплощаться в напевной речи, говоря дерзким языком героев, или бесстрастно, «летописно» освещать ход событий, захватывающих своей значительностью.

В напевах печорских былин вскрывается картина одновременной жизни древнейших музыкально-речевых форм, импровизации и канонических форм распевных, близких песенным, поздних. Просматриваются широкие связи традиции с другими этнокультурными районами Русского Севера и в первую очередь — районом беломорско-архангельской этнической общности. Вместе с тем создается впечатление особой, «эталонной», чистоты печорской эпической традиции, будто некая этнокультурная масса, прокатившаяся в далекие времена по Архангельщине с Запада на Северо-Восток, застыла на Печоре своим «главным стойбищем», оставив по пути шлейф все большего смещения традиции к Западу. И не была ли прародиной этой волны, вобравшей в себя и новгородские приметы, Ростово-Суздальская земля, дававшая выплески культуры на Дон? Об этом настоятельно напоминают печорско-донские сходства напевных форм.

**СВОДНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ТИПОЛОГИИ НАПЕВОВ ПЕЧОРСКИХ БЫЛИН
(метроритмическая)**

1. Элементарные метроритмы (единица — одна восьмая)

1.1. Краткий речитативно-импровизационный тип X/8 (по № 19):

•• / ••• •• •• / ••• •	2.322.31
•• / ••• ••• / ••• •	2.33.31
•• ••• / ••• •	23.31
•• ••• / ••• •	23.31
•• ••• / ••• •	23.31
• / ••• ••• / ••• •	1.33.31
•• ••• / ••• •	23.31
•• / ••• ••• / ••• •	2.33.31

Напевы № 8, 15, 19. Также см.: Исторические песни XIII—XVI вв., М.; Л., 1960, № 24, 25, 32, 34.

1.2. Развитой распевно-декламационный, формульный (строчный) тип 10+9 восьмых:

3.2323.33 •••• / •• ••• •• •••• / •••• ••••

Напевы № 22, 148.

1.3. «Главный» распевно-декламационный формульный (строчный) типовой напев 11+9 восьмых: 3.2333.33 восьмых.

••• / •• ••• •••• •••• / •••• ••••

Напевы № 14, 38, 50 — коммент., 54, 62, 86, 87, 113, 114, 130, 130 — коммент., 150, 161, 162, 169, 179, 179 — коммент., 216 — коммент. (а, б), 218 — коммент., 220—228, 234, 242, Прилож. I № 34, Прилож. IV № 1, 5, 6.

2. Напевы метроритмов сдвоенного пульса (1/4=2/8)

2.1. Краткий речитативно-формульный, строчный — в корпусе отсутствует (см. с. 142).

2.2. Развитой распевно-декламационный, строчный тип 7+6 (7+7) четвертей (12.222,2222.2222,1 или 2.222,2222.2222,22 восьмых).

• •• / •••••• , •••••• / •••••••• , •

Напевы № 103, 211, 205 — коммент.

2.3. «Главный» распевно-декламационный типовой напев четного пульса 7+7 четвертей (2.222,2222.2222,22 восьмых) —

•••••• / •••••••• , •••••••• / •••••••• , ••••••

Напевы № 7, 33, 53, 70 — коммент., 81 — коммент., 64, 82, 84, 85, 88, 90, 99, 137, 139 — коммент., 179 — коммент. (а), 183, 195, 210, 240, 258, 281, Прилож. — I, № 18, 34, 35, Прилож. — IV, № 2, 3, 4.

2.4. Развитой распевно-декламационный типовой напев (10)9+6(7) четвертей, раскрепощенный. Образец по № 51:

•••••• / •••••••• , •••••••• / •••••••• , ••••••
 (••••••)•• / •••••••• , •••••••• , •••••••• / •••••••• , ••••••

Напевы: 12, 13, 51, 51 — коммент., 79 — коммент.

НАПЕВЫ СРЕДНЕПЕЧОРСКИХ СКАЗИТЕЛЕЙ

В случаях артельного подхвата сказительского исполнения к инициалам сказителей добавляется «анс.». Номера, вошедшие в звуковые приложения, соотнесены с дисками (римские цифры), сторонами дисков и номерами образцов (арабские цифры, через запятую).

СКАЗИТЕЛИ	Типовые музыкальные размеры	Номера текстов и названия сюжетов	Структурные формулы напевов в цифровом выражении («восьмыми»)
Антонов С. Н., анс.	11+9/8	224 Бутман	3.23,33.33
Бобрецов Д. Ф.	11+9/8	225 Бутман	3.23,33.33
Вокуев Г. В.	11+9/8	50 — коммент. Исцеление Ильи Муромца	3.23,33.33
"	11+9/8	54—III—2,8 Исцеление Ильи Муромца	3.23,33.33
"	11+9/8	87—III—2,7 Илья Муромец и Сокольник	3.23,33.33
"	11+9/8	150 Дюк Степанович и Чурила Пленкович	3.23,33.33

(Продолжение)

СКАЗИТЕЛИ	Типовые музыкальные размеры	Номера текстов и названия сюжетов	Структурные формулы напевов в цифровом выражении («восьмыми»)
Дуркин Т. С.	10+7/4	12 Добрыня Никитич и змей	(2.222,222,2222.222,2) 222.2222,222,222.222,2
"	10+7/4	13 Добрыня Никитич и змей	(2.222,222,222.222,2) 222.2222,222,222.222,2 (222.22222,222,222.222)
"	10+7/4	51 Исцеление Ильи Муромца	(222.2222,22222.222,22) 22.2222,222,222.222,22
"	10+7/8	51 — коммент. Исцеление Ильи Муромца	222.2222,222,222.222,22 (222.222,22222.222,22)
Ермолин Н. Ф.	11+9/8	14 Добрыня Никитич и змей	3.23,33.33
"	11+9/8	62 Илья Муромец и Соловей-разбойник	3.23,33.33
"	11+9/8	161 Чурило Пленкович и Катерина	3.23,33.33
"	11+9/8	169 Соловей Будимирович	3.23,33.33
Лагеев В. И.	11+9/8	38 Добрыня и Алеша	3.23,33.33
"	11+9/8	114—1—1,1 Три поездки Ильи Муромца	3.23,33.33
"	11+9/8	179—1—1,2 Ставр Гоудинович	3.23,33.33
"	7+6/4	179 — коммент. Ставр Гоудинович	(22.2222,2222.22,22) 22.222,2222.22,22
"	11+9/8	242—1—2,3 Василий Буслаев и новгородцы	3.23,33.33
Михеев А. Е.	11+9/8	113 Илья Муромец и разбойники	3.23,33.33
"	11+9/8	220 Бутман	3.23,33.33
Носов В. П., анс.	11+9/8	139 — коммент. Дюк Степанович и Чурило Пленкович	3.23,33.33
"	7+7/4	72 — коммент. Илья Муромец и Сокольник	22.222,2222.2222,22
Носов Л. М.	7+7/4	137 Добрыня Никитич и змей	2.222,2222.2222,22
"	8+8/4	189 Хотен Блудович	22.2222,2222.2222,22
Осташова Ф. Ф.	11+9/8	223 Бутман	3.23,33.33
Поздеева А. М.	11+9/8	218 — коммент. Бутман	3.23,33.33
Поздеева Т. И.	7+6/4	103 Илья Муромец и Калин-царь	12.222,2222.2222,1
"	7+6/4	211 Василий Игнатьевич и Батыга	12.222,2222.2222,1

(Окончание)

СКАЗИТЕЛИ	Типовые музыкальные размеры	Номера текстов и названия сюжетов	Структурные формулы напевов в цифровом выражении («восьмыми»)
Рочева П. Н.	11+9/8	162 Чурило Пленкович и Катерина	3.23,33.33
Рочева П. Н., анс.	11+9/8	164 Чурило Пленкович и Катерина	3.23,33.33
Чупров Е. П., анс.	7+7/4	70 — коммент. Илья Муромец и Сокольник	(22)2.222,2222.2222,22
Чупров Е. П.	7+7/4	81 — коммент. Илья Муромец и Сокольник	(22)2.222,2222.2222,22
"	7+7/4	89—III—1,4 Илья Муромец и Сокольник	2.222,2222,2222,22
"	11+9/8	216 — коммент. Бутман	3.23,33.33
Чупров Е. П., анс.		216 — коммент. Бутман	3.23,33.33
Чупров Е. П.	11+9/8	222 Бутман	3.23,33.33
"	11+9/8	227—III—1,5 Бутман	3.23,33.33
"	7+7/4	205 — коммент. Василий Игнатьевич и Батыга	12.222,2222.2222,21
Чупров Л. Т., анс.	7+7/4	82 Илья Муромец и Сокольник	12.222,2222.2222,22
"	7+7/4	89—III—1,6 Илья Муромец и Сокольник	2.222,2222.2222,22
Чупров Л. Т.	7+7/4	90 Илья Муромец и Сокольник	2.222,2222.2222,22
Чупров Л. Т., анс.	7+7/4	99 Илья Муромец и Сокольник	2.222,2222.2222,22
Чупров Л. Т.	11+9/8	221 Бутман	3.23,33.33
Чупров Л. Т., анс.	11+9/8	228 Бутман	3.23,33.33
Чупров М. И., анс.	11+9/8	226 Бутман	3.23,33.33

НАПЕВЫ НИЖНЕПЕЧОРСКИХ СКАЗИТЕЛЕЙ

СКАЗИТЕЛИ	Типовые музык. размеры	Номера текстов и названия сюжетов	Структурные формулы напевов в цифровом выражении («восьмыми»)
Голубкова М. Р.	7+7/4	Прилож. 1—34 Пир у князя Владимира	2.222,2222.2222,22
Ижемцев Т. С.	7+7/4	210 Василий Игнатьевич и Батыга	2.222,2222.2222,22
Кузьмин Т. С.	7+7/4	7 Святогор и Илья Муромец	2.222,2222.2222,22

(Продолжение)

СКАЗИТЕЛИ	Типовые музык. размеры	Номера текстов и названия сюжетов	Структурные формулы напевов в цифровом выражении («восьмыми»)
Кузьмин Т. С.	7+7/4	33 Добрыня и Настасья	2.222,2222.2222,22
"	7+7/4	53 Исцеление Ильи Муромца	2.222,2222.2222,22
"	7+7/4	195 Сухман	2.222,2222.2222,22
"	7+7/4	240 Василий Буслаевич и новгородцы	2.222,2222.2222,22
"	7+7/4	258 Садко	2.222,2222.2222,22
"	10+9/8	22 Идолище сватает племянницу князя Владимира	3.23,23.33
"	10+9/8	148 Дюк Степанович и Чурила Пленкович	3.23,23.33
Пономарёв А. Ф.	X/8	8 Святогор и Илья Муромец	2,22.31 23.31 23.31...
"	X/8	15 Добрыня Никитич и змей	33.31 33.31 33.31...
"	X/8	19 Добрыня Никитич и Василий Казимирович	1.3,22.31 2.33.31 23.31...
"	7+7/4	84 Илья Муромец и Сокольник	(2.222,222.222,2) 2.222,2222,2222,22
"	7+7/4	183 Иван Годинович	(2)2.222,2222.2222,22
"	7+7/4	281 Лука, змея и Настасья	2.222,2222.2222,22
Суслов А. И.	7+7/4	20 Добрыня Никитич и Василий Казимирович	2.222,2222.2222,22
Суслов Н. И.	11+9/8	37 Добрыня и Алеша	3.23,33.33
"	11+9/8	67 — коммент. Илья Муромец и Сокольник	3.23,33.33
"	11+9/8	130 Дунай Иванович — сват	3.23,33.33
Тайбарейский Н. В.	11+9/8	86 Илья Муромец и Сокольник	3.23,33.33
Усачев И.	7+5/4	64 Пир у князя Владимира	(2)2.222,2222.22,22
Чупров Ф. А.	7+7/4	85 Илья Муромец и Сокольник	2.222,2222.2222,22
Хабарова А. П.	7+7/4	Прилож. I—35 Пир у князя Владимира	2.222,2222.2222,22

В ПРИЛОЖЕНИЯХ

СКАЗИТЕЛИ	Типовые музыкальные размеры	Номера текстов и названия сюжетов	Структурные формулы напевов в цифровом выражении («восьмыми»)
Чупрова П. М.	7+7/4	Прилож. I—18 Илья Муромец и Сокольник	(12.2222,2222,2222,21) 12.222,2222,2222,22
Голубкова М. Р.	7+7/4	Прилож. I—34 Пир у князя Владимира	2.222,2222,2222,22
Хабарова А. П.	7+7.4	Прилож. I—35 Пир у князя Владимира	2.222,2222,2222,22
Вокуев Г. В.	11+9/8	Прилож. IV—4 Илья Муромец и Сокольник	3.23,33.33
"	11+9/8	Прилож. IV—6 Дюк Степанович и Чурила Пленкович	3.23,33.33
Лагеев В. И.	11+9/8	Прилож. IV—1 Добрыня и Алеша	3.23,33.33
"	11+9/8	Прилож. IV—5 Три поездки Ильи Муромца	3.23,33.33
Чупров Е. П.	7+7/4	Прилож. IV—2 Илья Муромец и Сокольник	12.222,2222,2222,22
Чупров Л. Т., анс.	7+7/4	Прилож. IV—3 Илья Муромец и Сокольник	2.222,2222,2222,22
Мяндина Е. М., анс.	9+8/8	Прилож. V—1 Бутман	3.333.33
Чупров Л. Т., анс.	7+7/4	Прилож. V—2 Илья Муромец и Сокольник	2.222,2222,2222,22
"	8+7/4	Прилож. IV—3, V—2 Илья Муромец и Сокольник	2.2222,2222,2222,22
Торопова М. В.	11+9/8	Прилож. V—7 Женитьба князя Владимира	3.23,33.33
Лагеев В. И.	11+9/8	Прилож. VI—6 Небылица	3.23,33.33

ПРИНЦИПЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СЛОВЕСНОГО И МУЗЫКАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА

В «Былинах Печоры» (т. 1, 2) впервые публикуется полный свод известных науке на 1983 г. вариантов былин Печорского региона, записанных в течение 80 лет (с 1901 по 1981 г.) и дополнения 1984—1989 гг.

Корпус томов состоит из 281 текста и восьми Приложений. В Приложении I помещены отрывки прозаических пересказов былин, трудно атрибутируемые былинными фрагментами, отдельные зачины, припоминания сюжетов. В Приложение II отнесены тексты трех былин, записанных А. М. Астаховой от А. Н. Хаханзыкской. Тексты не включены в основной корпус из-за многочисленных невосстановимых пропусков (см. раздел III, вступительной статьи «Былины на Печоре, с. 111»), хотя целый ряд фрагментов текста представляет научный интерес. В Приложении III помещены три исторические песни о Скопине, контаминированные с былинами и исполненные в эпической манере. Приложение IV составлено из былин, записанных в 1965 г. в Москве на ВСГ «Мелодия» Д. М. Балашовым от печорских сказителей Василия Лагеева, Еремея Чупрова, Леонтия и Анны Чупровых, Гаврилы Вокуева. Записи изданы в грампластинках (Д-024791-2, Д-025677-8). В Приложении тексты былин публикуются с огласовками. В Приложении V даны тексты былин, записанные экспедицией Сыктывкарского государственного университета в 1979—1988 гг. и поступившие в ИРЛИ в 1989 г. Приложение № VI — комический эпос. В Приложении VII дан сводный пересказ былины об Илье Муромце, записанный от А. М. Бажукова. Приложение № VIII — фонетическая транскрипция избранных текстов былин и пояснения-статьи к ней.

Принцип расположения основного материала внутри томов, как оговорено в разделе «Структура серии», — по сюжетам в порядке хронологии записи текстов либо (при отсутствии записи) публикации. Нарушение хронологии внутри сюжетного «гнезда» допускается лишь в тех редких случаях, когда разница в записи былины на один и тот же сюжет не превышает нескольких дней: тогда наиболее полный и художественно значимый текст выносится вперед. Так, например, былина «Добрыня и Василий Казимирович» (№ 19, 336 стихов), записанная 9 августа, помещена перед следующей былинной на этот же сюжет (№ 20, 21 стих), записанной 27 июня (см. также № 36—37, 58—59, 69—71, 156—157, 201—203 и некоторые др.). Атрибутируемые отрывки былин и прозаические пересказы (как правило, они являются и более поздними по времени записи) помещены в конце сюжетной группы былин либо же там, где их связь с текстами-аналогами наиболее очевидна.

В корпусе после наименования сюжета, объединяющего группу текстов былин, каждый отдельный текст дан под порядковым номером без названия исполнителя (собирателя, публикатора), которое сохраняется в комментарии. Это вызвано не только разнообразием в названиях, дававшихся разными лицами, но и тем, что нередко содержание текста не совпадает с его наименованием, создававшим бы видимую несогласованность, особенно при сюжетной группировке былин 2-го тома.

Показ разночтений ныне подготовленных текстов с более ранними публикациями рассчитан на специалистов-текстологов. Поскольку представления о требованиях к текстологии и эдиционные установки, принципы исторически изменчивы, разночтениями фиксируются определенные этапы и виды практического издания фольклорных произведений. Они же дают материал не только для историков фольклористики, но и для литературоведов,

искусствоведов, изучающих обращение деятелей культуры к памятникам фольклора, вошедшим в печатный обиход на том или ином эдиционном этапе.

Тома «Былины Печоры», как оговорено в справке «Структура серии», оснащены указателями, иллюстрациями и справочным материалом, картами-схемами. К томам приложены лазерные диски с фрагментами полных записей былин.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ

При публикации текстов за основу берется текст архивного хранения (рукописный или машинописный). В тех случаях, когда архивные материалы не сохранились, текст печатается по публикации с учетом общих правил текстологической подачи текста, принятых для издания Свода.

Многие особенности произношения, которые закрепили собиратели, являются важными для изучения жанров фольклора и их поэтики. В частности, сохраняются в соответствии с записями произносительные архаизмы, которые соотносятся с отражениями народного русского языка в письменных памятниках XVI, XVII и XVIII вв. Поэтому сохранение важнейших фонетических особенностей старых и новых записей представляется равно необходимым.

Сохраняются в соответствии с записями:

- 1) мягкость шипящих и «ц» в тех случаях, когда они отражены;
- 2) отражение цоканья-чоканья в тех случаях, когда они представлены;
- 3) все типы упрощения сложных групп согласных и случаев уподобления согласных (*леко, ланно, омманила* и др.);
- 4) написания с «о» после шипящих, поскольку это передает особого типа «огубленную» веларность (сверхтвердость) согласного: написания типа *жона, пиона, шолкову траву* и под.;
- 5) отражения «еканья», «иканья» и «аканья» как наддиалектных форм произношения;
- 6) стяженные формы прилагательных и глаголов, поскольку они связаны с ритмической организацией былинного стиха;
- 7) указание на твердость некоторых согласных (в том числе и в составе посткорневых морфем: *са, сэ — собиралса, собиралсэ* и др., — написания типа *-тцэ, -ицэ* и т. п.);
- 8) всякого рода вставочные согласные и гласные, создающие ритмический строй фразы и способствующие созданию особого «былинного» размера (в том числе и написания типа *переюлочком*);
- 9) мягкость согласных сохраняется по записи, кроме постоянно мягких «ч» и «щ»;
- 10) сохраняется мягкость согласных «н», «р», «л» в положении после палатальных (*нынешню, но каравульню* и другие расхождения того же типа);
- 11) удлинение согласных типа *лошадинную, соловьинную, серебрянно*;
- 12) дополнительный призвук: $\begin{matrix} \text{с} & \text{ч} \\ \text{ш} & \text{щ} \end{matrix}$;
- 13) все знаки ударения (если в полевой словесной записи знака ударения нет и нет магнитофонной записи, то он сохраняется по печатному тексту);
- 14) все лексикализованные особенности произношения отдельных слов или их форм в том виде, как они отложились в традиционном тексте (см. примеры в очерке фонетики);
- 15) глагольные окончания на «ш» перед возвратной частицей получают знак мягкости (*изгиляишься, искитаишься*).

Устраняются из текста:

- 1) знак мягкости «ь» в положении после «ч» (но «я» и «ю» после буквы «ч» сохраняются, поскольку в условиях мягкого цоканья произношение «ч» может быть и твердым);
- 2) непроверяемые фонетические написания, не дающие никакой информации о произношении сказителя (*збить, збруя, здать, зглнуть* вместо *сбить, сбруя, сдать, сглнуть*);

3) написания типа *приеть* (*приедь*), *жерепцей* (*жеребцей*), *месяцоф* (рядом и правильное *месяцев*), поскольку они затрудняют понимание смысла;

4) указание на твердость постоянно твердых согласных «ж» и «ш» (написания типа *доржыт*, *жыл*); однако сохраняется мягкий знак в написании *поедешь* и др., поскольку твердость «ш» является постоянной, но написание как будто дополнительно указывает на подобную твердость;

5) всякого рода дефекты записи.

Фрикативное «г» обозначается точкой (ġ); долгота звука передается надстрочным знаком (ā); выпадение согласной, вызывающее паузу, — апострофом ('): *брал 'сабой* — № 24, строки 64, 65; *подходил 'ему* — № 21, строка 111.

Несмотря на произведенную некоторую унификацию текстологического материала в связи с указанными принципами подачи текста полного единообразия нет и быть не может. Например, у Ончукова — «*по локот*», у Леонтьева — «*по локоть*». Нет единообразия и внутри одного текста, что соответствует оригиналам словесной записи и отражено фонограммами ряда печорских текстов: № 125 — *хоронитца* (строка 23), *хороницця* (строка 24); № 141 — *Степановицц* (строки 3, 13, 126), *Степановиць* (строки 41, 115, 128, 194, 204, 210), *Степанович* (строки 87, 96, 103, 110); № 137 — *нонь* (строка 13), *нынь* (строка 9); № 187 — *она* (строка 15), *ёна* (строка 120); то же видим при передаче однотипных окончаний: № 190 — *духовныя* (строка 146), но: *православные* (строка 17) и т. п. Эту особенность произношения отмечал в свое время Н. Е. Ончуков: «При пении былины одни и те же слова одним и тем же человеком произносятся неодинаково: *ёт* и *от*, *ён* и *он*, *Югарище* и *Тугарище*, *чарь* и *царь* и пр. Всякий раз я записывал, как произносилось» (Онч., 1902, с. 284).

При издании текстов Н. Е. Ончукова в подстрочнике восстановлены отрывки былины, выпущенные собирателем при публикации «как дословно повторяющиеся», или даны отрывки былины других исполнителей, на которые как на идентичные указывает собиратель.

Особый случай представляют собой тексты, записанные А. М. Астаховой от П. И. Дитяевой (№ 42, 156, 171, 187, 191), П. Ф. Дуркина (№ 121) и Т. Г. Тороповой (№ 15). Былины были сначала рассказаны собирателю, а затем спеты. В «Былинах Севера» А. М. Астаховой опубликованы сводные варианты. По полевым тетрадям собирателя удалось отделить спетый вариант от сказанного. Публикуется спетый вариант с указанием в комментариях на двойной пласт записи.

Былины в записи Н. П. Леонтьева публикуются по рукописям либо машинописным копиям (при отсутствии рукописного оригинала) с восстановлением неточно переданных и опущенных при публикации мест.

Основным текстом для коллекции былины Н. П. Колпаковой признается машинописная копия, поскольку полевая запись отсутствует. Тексты, записанные в 1956 г. на магнитофонную ленту, выверены и даны в соответствии с их реальным звучанием.

Фонозаписи Д. М. Балашова и Ю. Е. Красовской также расшифрованы.

Былины, записанные экспедициями МГУ, даны по архивным полевым записям.

Исключительные случаи представляет отрывок былины «Илья Муромец и Идолище» (№ 64), записанный в 1914 г. на фоновалик от И. Усачева и расшифрованный В. В. Коргузаловым, а также начало запева о турах из былины «Василий Игнатьевич и Батыга» в записи 1929 г. (№ 205), расшифрованный с фоновалика Ю. И. Марченко.

В томах квадратными скобками обозначены части текста или слова, восстановленные самими собирателями или публикаторами по другим вариантам, а также повторы, опущенные или оговоренные ими. В угловые скобки заключены некогда нераскрытые, недописанные, но легко восстанавливаемые слова и части слов, необходимые для точного понимания текста. Ремарки исполнителя сохранены в текстах, заключены в круглые скобки и даются курсивом.

Многоточием отмечены остановки в пении или недопетые стихи. В случаях одновременной записи текстов и фонограмм ноты выносятся в комментарий, что обозначается буквой «н» при номере текста. Знаком * отмечены былины, данные в фонетической транскрипции.

К томам приложены звучащие фрагменты полевых записей.

Поющийся эпос представляет собою музыкально-поэтическое единство. Напев неизмеримо углубляет смысл повествования, заставляет текст звучать «как должно»; мало того, мобилизует память сказителя и формирует самый текст.

Поэтому каждая былина, записанная с напевом, публикуется вместе с нотным образцом, предваряющим текстовую запись.

Образец напева помогает читателю мысленно или вполголоса пропеть былинку, дает ему возможность ощутить истинный «эпический тон» повествования, а за ним сквозь интонацию и необычно зазвучавшее слово «увидеть» личность сказителя, стиль, эпоху. Напев — не «приложение», а суть былинки, без которой текст теряет структуру, силу привлекательности, омертвекает.

Музыкальная интонация в эпосе подчинена задаче выявления текста, своей активностью она влияет на формирование стиха, согласуя логику музыкальной акцентности со смысловой акцентностью слова. Вместе с тем напев, выражая определенный «эпический тон» повествования, никак не связан с образной системой текста, соединяется со множеством разнообразных сюжетов и является в структурном отношении музыкально-синтаксической основой словесного повествования. Эта основа не меняется в зависимости от категорий стихосложения, с которыми ей приходится сочетаться. Совмещение смысловой акцентности музыкальной интонации и слова на синтаксическом уровне является основой тактовой системы эпических напевов.

Тактовая система напевов в настоящем издании рассматривается, с одной стороны, как баланс между соответствиями смысловой акцентности стиха и музыкальной фразы, с другой же — как баланс акцентности — с периодичностью музыкально-попевочного, музыкально-фразового развития формы. Не допускается соседство крупного такта с тактом меньше его половины (большой такт при этом делится). Случаи исключения из правил оговариваются.

Лишь при жестко проведенном принципе тактового деления возможно выявление метроритмической и структурной типизации напевов в издании.

Для выявления особенностей формообразования напевов, системы их вариативности, соотношения музыкальной и поэтической структур, в издании принято постиховое расположение напевов с соблюдением вертикального раижира, ориентированного прежде всего на кадансовые части как наиболее стабильные. Отсчет пульса времени для оформления графики напевов неукоснительно произведен от кадансовой тактовой черты влево (от конца — к началу напева). Тем самым достигается рельефное графическое отражение музыкальной (и поэтической) формы напевного стиха, тирады, стабильная, естественная плотность заполнения нотных строк, которой невозможно было бы достичь при ранжировании по интонационным сходствам.

Метр, постоянный для всего напева, выставляется при ключевых знаках; меняющиеся метры выставляются при своих тактовых чертах.

Ключевые знаки выставляются традиционно, по мажоро-минорной системе ладотональностей (даже невзирая на отсутствие в напеве звука, соответствующего ключевому знаку: он может появиться в многоголосном варианте). Устойчивые дополнительные признаки ладовых наклоений показываются добавлением (в скобках) ключевого знака или знака «отказа». Непостоянные ладотональные изменения, изменения традиционной высотности звуков показываются знаками альтерации в нотном тексте.

Незначительные повышения и понижения звуков на границах восходящих и нисходящих мелодических оборотов и интервалов, «нейтральные» ступени, даже если они возникают регулярно, относятся нами к естественным особенностям вокального исполнения и не отмечаются.

Окончания строф и тирад регистрируются двойными вертикальными черточками над нотноносцем. Регулярные строчные напевы, лишенные признаков смысловой тирадности, при постиховом расположении не нуждаются в этом знаке.

Графические обозначения динамических оттенков сохраняются, если их важность очевидна или отмечена нотировщиком. Обозначения темпа (исключительно на русском языке), присутствующие в печатном источнике, сохраняются. При установлении метронома — снимаются.

Весьма примечательное у некоторых народных исполнителей «сбрасывание» (глиссандирование) звуков вниз или вверх обозначается двойной лигой, с традиционной выпуклостью согласно грамматическому или партитурному этикету нотной графики. Знак применяется при глиссандировании между двумя звуками в целой группе звуков, от звука — к приблизительному высотному уровню (крестик вместо ноты, без штиля), от реального звука — к неопределенному, и наоборот (символический знак от звука или к звуку в направлении скольжения).

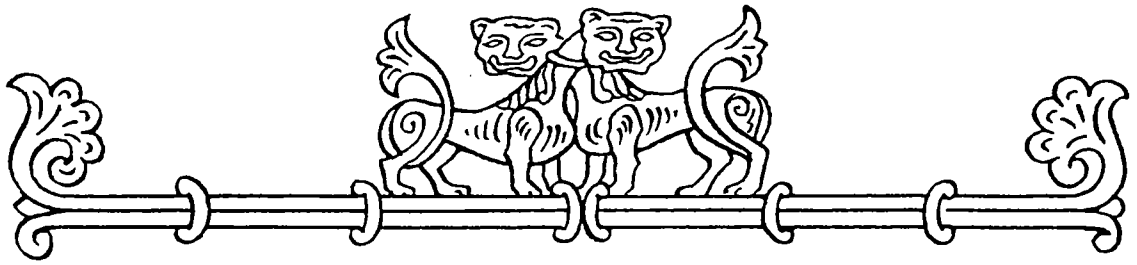
При расположении текста под нотами (в «подтекстовке» нот) допускается лишь реальная огласовка согласных: слышимые гласные при согласных пишутся в скобках и составляют отдельные слóги. Не допускается помещение под нотами согласных: «ны-нь-че»..., так как их расшифровка может иметь варианты: «ны-н/е/-че» или «ны-и/и/-че».

Напевы публикуются в тональности оригинала, мужское исполнение — в басовом ключе, женское — в скрипичном, смешанное — в партитурном варианте. Обрыв записи, так же как перерыв напева репликой, обозначается разрывом нотного стана.

УКАЗАТЕЛЬ БЫЛИННЫХ СЮЖЕТОВ ПЕЧОРЫ

- Волх Всеславьевич (№ 1)
- Святогор и Илья Муромец (№ 2—8)
- Добрыня Никитич и змей (№ 9—15)
- Добрыня Никитич и Василий Казимирович (№ 16—20)
- Идолище сватает племянницу князя Владимира (№ 21, 22)
- Добрыня Никитич и Маринка (№ 23—30)
- Добрыня и Настасья (№ 31—33)
- Добрыня и Алеша (№ 34—39)
- Исцеление Ильи Муромца (№ 40—57)
- Илья Муромец и Соловей-разбойник (№ 58—63)
- Илья Муромец и Идолище (№ 64—66)
- Илья Муромец и Сокольник (№ 67—99)
- Илья Муромец и Калин-царь (№ 100—104)
- Камское побоище (№ 105)
- Илья Муромец и голи кабацкие (№ 106—108)
- Илья Муромец и разбойники (№ 109—113)
- Три поездки Ильи Муромца (№ 114)
- Алеша Попович и Тугарин (№ 115, 116)
- Алеша Попович и сестра Петровичей-Збродовичей (№ 117)
- Дунай Иванович — сват (№ 118—131)
- Бой Добрыни с Дунаем (№ 132—137)
- Дюк Степанович и Чурила Пленкович (№ 138—152)
- Чурила Пленкович и Катерина (№ 153—164)
- Соловей Будимирович (№ 165—169)
- Сорок калик (№ 170—175)
- Ставр Годинович (№ 176—179)
- Иван Годинович (№ 180—183)
- Данило Ловчанин (№ 184)
- Хотен Блудович (№ 185—189)
- Иван Гостиный сын (№ 190—194)
- Сухман (№ 195)
- Василий Игнатьевич и Батыга (№ 196—213)
- Бутман (№ 214—234)

- Потап Артамонович (№ 235, 236)
Василий Буслаев и новгородцы (№ 237—242)
Поездка Василия Буслаева в Иерусалим (№ 243—249)
Садко (№ 250—259)
Михайло Потык (№ 260)
Наезд литовцев (Князь Роман и братья Ливики) (№ 261—264)
Данило Борисович (№ 265, 266)
Васька Захаров (№ 267)
Козарин (№ 268, 269)
Соломан и Василий Окулович (№ 270—276)
Лука, змея и Настасья (№ 277—281)

ТЕКСТЫ БЫЛИН

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

№ 1

- Когда на небе родился светёл месяц,
Тогда на Руси родился могуч богатырь,
Молодые Вольга Всеславьевич;
Рыба отступила во морску глубину,
- 5 Всё слышамши на Руси багатыря,
Молодого бы Вольгу Всеславьевича;
Птица солеталас по поднебесью,
Всё слышачи на Руси багатыря,
Молодого Вольга Всеславьевича;
- 10 Тонки горностаи — во сыру землю,
Всё слышачи на Руси багатыря,
Молодого Вольию Всеславьевича;
Да буры лесицы по тёмным лесам,
Всё слышачи на Руси багатыря,
- 15 Молодого Вольию Всеславьевича.
Да втапоры Вольиина матушка,
Ходила она по всим церквям,
Служила молебны почесныя,
В первых просила нынь у Господа:
- 20 «Да' Бог моему-де цяду милому,
Молодому Вольии Всеславьевичу,
Да тулово ему бы Светогорого»;
В других бы просила нынь у Господа:
«Да сила Самсона Колыбановиця;
- 25 Да' Бог моему-де цяду милому,
Молодому Вольи Всеславьевичю,
Да конь бы Ильи, да Ильи Муромца;
Да' Бог моему-де цаду милому,
Молодому Вольии Всеславьевичу,

- 30 Кафтан бы ему Дюка Стёпановиця;
 Да' Бог моему-де цяду милому,
 Молодому бы Вольге Всеславьевичу,
 Сапожки Чурила бы Плёнковича;
 Да' Бог моему да цяду милому,
- 35 Молодому бы Вольне Всеславьевичу,
 Шапка Кузёнка Сибирчаженина;
 Да' Бог моему-де цяду милому,
 Молодому бы Вольге Всеславьевичу,
 Рукавичи Казарина Петровиця;
- 40 Да' Бог моему-де цяду милому,
 Молодому бы Вольге Всеславьевичу,
 Сметка Олёши нынь Поповича;
 Да' Бог моему да цяду милому,
 Молодому бы Вольне Всеславьевичу,
- 45 Вёшво Добрынюшки Микитиця.
 Да втопоры Вольия Всеславьевич
 Училса бы в вольнём море щукой ходить,
 Училса бы по поднебесью птицею летать,
 Училса бы по полю лютым зверем рыскати».

СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

№ 2

- Ехал Светогор на Светых горах; Илья Муромец его нагнал, выдернул сырой дуб и хватил по голове. «Ах, комар укусил!» — сказал Светогор, оглянулса — человек. Он схватил его и вместе с конем в корман посадил и вперед поехал, а сам и забыл. Коиь под ним и проговорил: «Как я могу нести вас — два богатыря да и лошадь?» Светогор спомнил, сунул руку в корман, вытащил; Илью к стремени привезал, а лошадь сзади пошла. Поехали. Подъехали — два человека гроб делают, тёшут в гумажной лист.
- 5 Тогда спросил Светогор: «Кому этот гроб делаите?» — «Про Светогора». — «А што, этот гроб меня удёржит ле?» — «Ну-ко, отведай, лег». — Светогор и лег, и вдруг гробова доска наверх наскочила. Светогор говорит: «Ну-ко, Илья Муромец, ударь по одному-ту концу, не рассыплется ле гроб?» Илья ударил, — наскочил на один конеч железной обруч. И приказал по другому кончу ударить — наскочил
- 10 другой. Ударил и по серёдке, и по серёдке обруч наскочил. Стал Светогор умирать и говорит: «Илья Муромец, смотри: из меня пойдет пена жёлта, ты не ворошь; потом красна — тоже не ворошь; пойдет сера и ту не ворошь; а пойдет бела, возьми на персту и съешь, немного много; тогда сила тебе прибудет». Илья взял и попало ему вноговато, и стало его помётывать, побрасывать от силы; и стал Илья темны леса с кореньём рвать, и целу реку заметал, ровно мост заставил. Тогда сила в ём приусела; тогда
- 15 сел на коня и поехал.

№ 3

Ехал старой по чисту полю,
 Заехал старой на Святу-гору,
 Выехал он на ископыт лошадиную,
 И поехал по этой ископоти лошадиной,

- 5 Нагонил он руського богатыря,
Вынял он палицю буёвую,
Ударил богатыря палицёй буёвоей.
Говорит Святогор таково слово:
«Ветру нет, а шишки падают».
- 10 Другой раз старой его ударил
Своей же да палицёй буёвоей,
Повернулся Святогор да назад —
Едет за ним руськой богатырь
И бьет его палицей буёвоей.
- 15 Взял Святогор его с конем, в корман положил.
Едет Святогор по Святой горы,
Проговорил у его да конь доброй:
«Ласков хозяин, ты сам сидишь
И богатыря с конем на мне везешь».
- 20 Не могу я вас, три души, нести».
Тогда Святогор Илью Муромца
Вымал его из кормана с конем,
И говорит он таково слово:
«Ой есь, удалой доброй молодец».
- 25 Да едешь ты по чужой дороженьки».
Да назвались они тут двумя братьями.
Едут они по дороженьки,
Стрелились им два странника,
Тут они гроб делают.
- 30 Говорит Святогор таково слово:
«Кому вы, робята, этот гроб делайте?» —
«В этот гроб, говорят, хошь ты ложись» —
«Куда я войду в этот гроб?»
Ваш гроб, говорит, мне-ка мал будет».
- 35 Говорят-то эти два странника:
«Слезывай, ложись — войдешь в этот гроб».
Слез Святогор со добра коня,
Лег в этот гроб — гроб как раз по ём,
Накрылась на него доска-гробни́ця,
- 40 И потерялись эти два странника.
И лежит Святогор во том гробу,
И не может он поворотиться.
Говорит Святогор таково слово:
«Бей, старой, гробни́цю палицёй буёвоей».
- 45 Розломи ты гробову доску,
Тогда стану я из гробу чудного».
Бил старой палицёй буёвоей
По той же да гробовой доски —
Налетел на гроб обруц залезной.
- 50 Говорит старой таково слово:
«Бил, говорит, я по гробовой доски,
Налетел на ей обруц залезной» —

- «Бей другой раз по серединушки,
Разбей гробову доску,
55 Тогда стану я с гробу с чудного».
Говорит старой таково слово:
«Ой есь, мой новозванный брат!
Бил, говорит, я по гробовой доски —
Налетел обруц залезной». —
- 60 «Бей, говорит, во третий раз,
Разбей гробову доску,
Тогда стану я с гробу чудного».
Говорит старой таково слово:
«Ой есь, мой новозванный брат!
- 65 Бил, говорит, я по гробовой доски —
Налетел обруц залезной».
Говорит Святогор да таково слово:
«Ой есь, мой названной брат!
Дошла, говорит, мне-ка смерть лютая,
- 70 Буду я помирать нынчѣ;
Пойдет у меня пена белая —
Пропусти эту пену белую;
Пойдет у меня пена желтая —
Возьми ей в рот с конець перстика;
- 75 Пойдет у меня пена зелѣная —
Возьми в себя с конець ложецьки;
Поедешь по нашей пути-дороженьки,
Увидишь ты во чистом поли —
Стоит наш дом великия;
- 80 Увидишь, говорит, наш дом,
Нажми своѣго коня доброго
И гони мимо наш дом крепче,
И зареви против дому моѣму отцю,
Что Святогор на Святых горах помер.
- 85 Гони сам, сколько можешь, мимо,
Прогонишь — все по себе почувствуешь,
Обворотись тогда обратно
И приедь к моему отцю,
И зайди в избу, говорит.
- 90 Отець сидит на лавки дубовой,
Ты с им тогда поздоровайсе
И росскажи, как с тобой мы сошлись-съехались,
И у нас како было поденшшо;
И станет он просить у тя праву рученьку,
- 95 Ты дай вместо руки палицю буѣвую».
Тогда пошла из гробу сила белая,
Хлебнул старой да силу белую —
Тут он пал да без памети,
Лежал он без чувства трои суточки.
- 100 Тогда старой пробужающя,
Почувствовал по себе силы множество,

- Тогда копал он яму глубокую,
И похоронил он своего товарища.
И поехал он по дороженьки,
105 И увидел: в поли стоит дом бульшущиё.
Нажал он своего коня доброго
И гонит мимо этот дом.
Говорит старой да таково слово:
«Ой Святогор, у ты сын на Святых горах помер!»
- 110 И прогонил он дом этот большущиё,
И услышал он над своей головой —
Повыше его что-то пролетело крепко.
Выскоцил Святогор он из горницы,
Выдернул он нашоку залезную,
115 И свистнул он удала добра молодца.
Улетела нашока повыше буйной главы.
Поворотил старой да коня доброго,
Приежжат он к дому да великому,
Слезовал он со добра коня,
120 Заходил он в нову горенку —
Сидит Святогор на лавке дубовой.
Тут они и поздоровались,
Тут старой стал рассказывать:
«Ехали, грит, мы с твоим сыном,
125 Не было нам поединщика.
Стретнулись нам два странника,
Тут они гроб делают.
Говорит Святогор таково слово:
«Кому вы, робята, этот гроб делаете?» —
130 «В этот гроб, говорят, хошь ты ложись». —
«Куда я войду в этот гроб?»
Ваш гроб, говорит, мне-ка мал будет». —
Говорят-то эти два странника:
«Слезывай, ложись — войдешь в этот гроб».
- 135 Слез Святогор со добра коня,
Лег в этот гроб — гроб как раз по ём,
Накрылась на него доска — гробни́ця.
И потерялись эти два странника,
И лежит Святогор во том гробу,
140 И не может он поворотитися.
Говорит Святогор таково слово:
«Бей, старой, гробницу палицёй буевой,
Розломи ты гробову доску,
Тогда стану я из гробу чудного».
- 145 Бил старой палицёй буевой
По той же да гробовой доски —
Налетел на гроб обруц залезной.
Говорит старой таково слово:
«Бил, говорит, я по гробовой доски,

- 150 Налетел на ей обруц залезной». —
 «Бей, говорит, другой раз по серединоушки,
 Разбей гробову доску,
 Тогда стану я с гробу чудного».
 Говорит старой таково слово:
- 155 «Ой есь, мой новозванный брат!
 Бил, говорит, я по гробовой доски —
 Налетел обруц залезной». —
 «Бей, говорит, во третий раз,
 Разбей гробову доску,
- 160 Тогда стану я с гробу чудного».
 Говорит старой таково слово:
 «Ой есь, мой новозванный брат!
 Бил, говорит, я по гробовой доски,
 Налетел обруц залезной».
- 165 Говорит Святогор да таково слово:
 «Ой есь, мой названной брат!
 Дошла, говорит, мне-ка смерть лютая,
 Буду я помирать нынчѣ;
 Пойдет у меня пена белая —
- 170 Пропусти эту пену белую;
 Пойдет у меня пена желтая —
 Возьми ей в рот с конець перстика;
 Пойдет у меня пена зелёная —
 Возьми в себя с конець ложецьки;
- 175 Поедешь по нашей пути-дороженьки,
 Увидишь ты: во чнстом поли
 Стоит наш дом великия,
 Увидишь, говорнт, наш дом,
 Нájми своѣго коня доброго
- 180 И гони мимо наш дом крепче,
 И заревн против дому моѣму отцю,
 Что Святогор на Святых горах помер.
 Гони сам, сколько можешь, мимо,
 Прогонишь — все по себе почувтуешь,
- 185 Обворотнсь тогда обратно
 И приедь к моему отцю,
 И зайди в избу, говорит.
 Отец сндит на лавки дубовой,
 Ты с им тогда поздоровайсе
- 190 И росскажи, как с тобой мы сошлись-съехались,
 И у нас како было поденишшо».
 Попросил Святогор у Ильи Муромця
 Его праву рученьку:
 «Дай, говорит, мне праву рученьку,
- 195 Каков ты богатырѣк, я попробую».
 Дал ему старой палнцю буѣвую
 Вместо своей да правой руценькн,

- И пережал у его Святогор палицю буевую.
 Говорит Святогор да таково слово:
 200 «Можешь ты воевать, доброй молодец,
 Засчишшать свою Россиюшку».

№ 4

- Жил на свети Светогор-богатырь,
 Ездил он по Святым горам.
 Его несла одна Света гора.
 Попалса с им Илья Муромец:
 5 Нашел его Светогор на Светых горах,
 Трои сутки в кормани возил
 С конем, со всем и с доспехами.
 Тогда у Светогора конь проговóрил:
 «Как я тебя едва ношу Светым горам,
 10 А ты ешше в кормани возишь богáтыря».
 Спустил Светогор Илью Муромца,
 Тогда они и поехали.
 Едут они по Светой горы,
 Лежит — нашли — гроб агромадной.
 15 Говорил Светогор Ильи Муромцю:
 «Спустись-ко, Илья, со добра коня,
 Ну-ко легь-ко в этот гроб,
 Дельно ли тебе будёт?»
 Спустилса Илья со добра коня,
 20 Лег Илья в гроб — только в одном уголку лежит.
 «Ну-ко, — говорит Илья Светогору, — ты ложись,
 Тебе не дельно ли будёт?»
 Лег тогда Светогор в этот гроб —
 Светогору как ему и делано.
 25 Он лег, а доска верхна на него закрыласе.
 Загремел тогда в гробу Светогор-от:
 «Ну-ко, говорит, Илья Муромец,
 Бей своей палицей буёвою,
 Разбивай, говорит, гробову доску».
 30 Где ударит Илья палицей буёвою,
 Тут на гробу железной обруч делается.
 Где голова Светогорова,
 Там была дырка в гробовой доски.
 Говорит Светогор Ильи Муромцю:
 35 «Припади, Илья Муромец, ротом к дыры,
 Я дам тебе силы богатырской».
 Припал Илья к этой дыроцки,
 Здохнул Светогор Ильи Муромцю —
 Илья как надут весь от силы сделалса.
 40 Говорит Светогор Ильи Муромцю:
 «Припади, Илья, во вто́рой раз».

Не припал Илья Муромец к гробовой доски,
Тогда бы Илью силой разорвало.
И тут Светогору смерть случилася.

№ 5

Жил на свете Святогор-богатырь. Ездил он по Святым горам: одна Свята гора его несла. Попался с ним Илья Муромец: нашел его Святогор на Святых горах, трои сутки в кормане возил — с конем и со всеми доспехами. Тогда у Святогора конь проговорил: «Как, я тебя едва ношу по Святым горам, а ты еще в кормане богатыря возишь!»

- 5 Спустил Святогор Илью Муромца, тогда они поехали. Едут они по Святой горы, лежит — нашли — гроб агромадной. Говорит Святогор Илье Муромцу: «Спустись ко мне, Илья, со добра коня. Ну-ко, лёг-ко в этот гроб: дельно ли тебе будет?.. Спустился Илья со добра коня, лёг в гроб — только в одном уголку лежит. — «Ну-ко, — говорит Илья, — теперь ты ложись — тебе не дельно ли будет?» Лёг тогда Святогор в этот гроб — Святогору как ему и сделано. Он лёг, а доска верхна закрылась. Загремел тогда
- 10 в гробу Святогор-то. Говорит: «Ну-ко, Илья Муромец, бей своей палицей буёвою, разбивай, — говорит, — гробову доску!» Где ударит Илья палицей, тут на гробу железный обруч делается. Где голова Святогорова, там была дырка в гробовой доске. Говорит Святогор Илье Муромцу: «Припади, Илья Муромец, ртом к дыры, дам тебе силы богатырской. Припал Илья к этой дырочке, дохнул Святогор Илье Муромцу, Илья как надут весь от силы сделался. Говорит Святогор: «Припади, Илья во второй раз!» Не
- 15 припал Илья к гробовой доске. Тогда бы Илью силой разорвало. И тут Светогору смерть случилася.

№ 6

- Ехал Илья по Святой горы,
Наехал Илья на богатыря,
Ударил Илья его палицей.
Говорит Святогор таковы слова:
- 5 «Руськи комары уже кусаются». Положил Святогор Илью Муромца В свой карман и со всем конем. У Святогора конь проступаться стал, Говорит тогда Святогор коню:
- 10 «Ах ты конь, ты конь, травяной мешок! Что ты, конь, в землю проступаешься, Проступаешься, рылом упираешься?» Говорит ему конь руським голосом: «Ты сам сидишь на моей спине
- 15 И богатыря везешь да и со всем конем!» Вынимал Святогор Илью Муромца, Заставил его ехать позади себя. Приехал Святогор к своему отцу: «Я нашел, говорит, богатыря».
- 20 А отец сказал таковы слова: «Не ты его нашел, а богатырь тебя нашел, Дай-ко я ему ручки пощупаю». Дал Илья ему свою палицу — Пережал конец старик перстами.

- 25 Ночевали тут Святогор и Илья,
На дру́гой день опять поехали,
Поехали они по Святой горы.
Увидели они: три мужика доски тѣшут.
«Божья вам помощь, добры молодцы,
30 Чего это вы тут делаете?» —
«Гроб», — говорят добры молодцы. —
«Кому этот гроб вы наладили?» —
«А тому, кому пригодится он».
Святогор говорит Илье Муромцу:
35 «Ну-ко ты ложись во тесовый гроб».
Не годится гробница старóму казаку.
Тогда во гроб Святогор сам лег,
Лег Святогор — доска захлупилась.
Говорит Святогор Илье Муромцу:
40 «Ты ударь, Илья, своей палицей,
Чтобы враз трухой доска рассыпалась!»
Ударил Илья своей палицей —
Налетел обруч по углу в аршин,
Ударил Илья по другой угол —
45 Налетел обруч по углу в аршин,
Ударил Илья по середке гроб —
Налетел обруч по углу в аршин.
Говорит Святогор Илье Муромцу:
«Карауль, Илья, трои сутки,
50 Падет из меня пена черная —
Пену черную оботри платком,
Падет из меня пена желтая —
Пену желтую оботри платком,
Падет из меня пена белая —
55 Макни ты ее полуколачиком».
Он во белу макнул целым колачом —
Нáчало тогда рвать-метать его.
Почал Илья тогда дубья рвать,
Тогда у Ильи силы посбавилось,
А то бы силой разóрвало.

№ 7

♩ = 126

Вы - ез - жал ведь Свя - то - гор на си - ве по - лощ - ко,
Ни - че - го - то Свя - то - гор да не на - ха - жи - вал,

С кем бы си - ло - ю сво - ей да о - н(ы) по - ме - рят - се.

У - ви - дал - то Свя - то - гор да в чы - с(ы) - том по - люш - ке -

Как и - дёт - то ста - рик да не с су - моч - кой...

- Выезжал ведь Святогор на сине полюшко,
 Ничего-то Святогор да не нахаживал,
 С кем бы силою своей да он померятсе.
 Увидал-то Святогор да в чыстом полюшке —
- 5 Как идёт-то старик да ноне с сумочкой.
 Наезжает Святогор да на старичика.
 Старичок-то ведь сумочку на́земь бросил он.
 Наезжает Святогор да вот на сумочку,
 Своей плеткою он да сумку потрогиват —
- 10 Лёжит сумка на земли да не шелóхнется.
 Тут слязает Святогор со своего добра коня
 И берёт-то ведь сумку в обеи рученьки,
 Поднимает-то сумку да до колен своих —
 По колен-то в землё да он угрыз(ы) с ей.
- 15 Говорит-то Святогор да таковы слова:
 «Уж ты гой еси, ведь старый многосильный же,
 И чего у тебя в сумочки накладено?»
 Говорит-то ему старец таковы слова:
 «Тяга в сумочки у меня да от сырой земли».
 (Он сыру землю всю поднимать хотел.)
- 20 Как поехал Святогор нынь тут на горушку,
 Увидал-то его да Илья Муромец,
 Видит: едет богатырь да свет великий же,
 Голова-то его в облак-тучу подпирается.
 И наехал тут Илья на добра молодца
- 25 И ударил Святогора своей палицей.
 Святогор-то его взял да ведь за честны́ кудри́
 И полóжил в карман да Илью Муромца.
 Говорит-то ведь конь да таковы слова:
 «Уж ты гой еси, хозяин мой великий же!
- 30 Не могу я носить да двух богатырей».
 Охватилсе Святогор да видит в кармане своём,
 Вынимает тут Илью да из кармана же:

- «Уж ты гой еси, удамый добрый молодец!
Мы поедем с тобой на гору да Сорочинскую».
- 35 Как ведь въехали на гору да Сорочинскую,
Видят: гроб там стоит да как немалый же.
Говорит тут Святогор да таковы слова:
«Уж ты гой еси, удамый добрый молодец!
Ты ложись-ка ка(к) во гроб да невеликой же».
- 40 Еще лёг-то Илья — да в половину гроба.
Соскочил Святогор да нонь с добра коня,
Еще лёг-то во гроб — да ему враз пришёл.
Как нахлопнулась крышка да гробова на его.
Говорит-то Святогор из гроба Илеюшки:
45 «Уж ты гой еси, удамый добрый молодец!
Ты бери-ко мой меч да свет булатный же,
Ты ударь-кя по крышки да скоро-наскоро,
Ты разбей-ко-се крышку да вот железную!»
Как ударил Илья да свет ведь Муромец
- 50 Как по крышки-то этой по железной,
Как ударит-то раз — да круг ей обручн,
Как ударит другой — да другой обруч же.
Говорит тут Святогор нонé из гроба же:
«Уж ты гой еси, удамый добрый молодец!
- 55 Мне-ка смерть пришла здесь да неминуема.
Поезжай-ко-се ты к моему отцу-матери,
Ты скажи-ко-се им да на прощаньице
И скажи, что ваш сын помер на горы Сорочинской
И во гробе лёжит нонь погребенный же».
(Ну небольшая, худяшша былинка-то, маленька!)

№ 8

$\text{♩} = 120$

[Свя - то - гор-то ез - дил] по свя - тым [го - рам]
Тут бы встре - тил - ся И - ли(и) - я к с - му,
Тут Иль - я сын И - ва - но - вич,
О - ни е - ха - ли дол - го ли,

О — ни дол — го ли, ко — рот — ко ли ,
 О — ни е [хали...] ... Вот я тут не знаю, он его
 из-за какого вроде вот дела
 взял-то, в карман-то закинул...
 Он по — ло — жил во пра — вой кар_ман,
 Он ве — зё — т(ь) ко — нё_м(ы) доб — ры_им.
 Он, ко — н(ь) стал — то по — ты — ка — ти — се...

[Святогор-то ездил] по Святым [горам],
 Тут бы встретился Илья к ему,
 Тут Илья сын Иванович.
 Они ехали долго ли,
 5 Они долго ли, коротко ли,
 Они е[хали]...

(Вот я тут не знаю, он его из-за какого вроде вот дела взял-то в карман-то закинул.)

Он по́ложил во правой карман,
 Он везёт ко́нём добрым.
 Он, конь, стал-то потыкаться,
 10 Он и стал попрекаться:
 «Свет ты мой нынь, Святогор ты мой,
 Ты хозяин ле ныне мой,
 Ты сидишь ле сам на коне
 Да везешь ты бога́тыря,
 15 Ты коня и с бога́тырём,
 Тяжелом мне-ка кажешься».
 Он схватился, Святогор, теперь,
 Он и вынял Ильюшеньку,
 Он и вынял совсем с конем.
 20 Они поехали к Святым горам,
 Они ехали не долго ле,
 А не долго ле, коротко ле,
 Там завидели они трех человек,
 Они строят нынь новый гроб.

- 25 Становились тут ребятушка,
Да ребята не долее,
Тут ведь спрашивают нынъ ведь их:
«Кому строите вы новый гроб,
Вы кому этот достанетце,
30 Ещё кто-то ложиться будет тут?» —
«Да мы строим для того нынъ
Для своего богатыря,
Святогора теперече,
Ему судить ему Бог теперь,
35 Ему лёгчи и в этот гроб».
Говорит Святогор Илье,
Говорит таковы слова:
«Вот попробуй ты, Ильюшечка,
Не тебе ли будет годен нынъ?»
40 Вот ставал тут Илья теперь,
Он ставал со добра коня
И ложился во новый гроб.
Как Илья тут — робеночек,
Его худо бы видно им.
45 Говорит как Илья теперь:
«Мне великоват этот гроб будёт,
Мне только в углу одном,
Верно, он-то Святогору строился,
Тебе будет, верно, в самый раз».
50 Тут вставал Святогор-то нынъ
Со добра бы он с коничка,
Он ложился в этот новый гроб,
Как ему тут в аккурат пришел.
Тут покрышка нахлопнулась,
55 Святогор тут и лег теперь.
«Посеки-ко ты, Ильюшечка,
Не могу покрышку снять теперь.
Ты секи покрышку новую,
Не смогу ли я выбратъся».
60 Он и сек нынъ, Ильюшечка,
Тут саблей новой вострою,
Он и тюкал по гробу нынъ.
Тут наскакивали железны обручи.
Он тюкал, Илья, да во второй након,
65 И наскакивали железны обручи.
Верно, Святогору смерть пришла,
Верно, судил ему Бог теперь
Ему лежать на Святых горах.
Говорит-то Святогор теперь:
70 «Во гробу-то ведь есть дырочка,
У тя силы маловато же,
Я те дам силу большую тут.

- Из гроба нынъ пойдет пенушка.
 Первая-то выйдет пенушка —
- 75 Не замай эту пенушку.
 И втора выйдет пенушка —
 Не замай эту пенушку:
 Ты ведь лопнешь от силушки,
 Разорвет Илью в кусочки же.
- 80 Ты возьми пенку последнюю,
 Еще в самый раз тебе-ка будёт». —
 Тут с Ильёй распростился он,
 Тут и смерть ему случилася.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЗМЕЙ

№ 9

- Кабы прежде Резань да слободой слыла,
 Кабы ноньче Резань да славен город стал.
 А прославилась Резань да добрым молодцом,
 Кабы тем же Микитушкой Романовым.
- 5 Кабы тот же Микита сын Романович,
 Кабы умной-от был, право, разумной же,
 Кабы тихой-от был, да он смирёной же,
 Кабы спóрой-от был, да он варовой же,
 А досужой-от был и проворной же,
- 10 А уда́лой-от был, да он едрёной же;
 Он имел в себе силу да богатырьскую,
 Он имел у ся палицу тяжелую,
 Он тяжелую палицу, не лёккую,
 Он не лёккую палицу — девеносто пуд,
- 15 Он имел у ся, Микита, да молоду жону,
 А чесну жону Офимью да Костеньтиновну.
 Он изжил своё да время строчноё,
 Кабы строчное время — девеносто лет,
 А состарилса Микитушка — преставилса.
- 20 Оставалось у Микиты молода жона,
 А честна вдова Офимья Костеньтиновна,
 Оставалосе она, право, беременна;
 Износила она как время строчноё,
 Кабы строчноё время нонь сорок нндель,
- 25 А исполнила она как деветь месяцев,
 Родила-то она как сына отрока.
 А со той же со радости великкой
 Кабы собрали попов, дяков духовных,
 А причетников как собрали церковных,
- 30 Нарекали как ему да лёкко имицько —
 Кабы тот же Добрынюшка Микитиць блад.
 А со той же нонь со радости великкой

- А завелса у их, право, почесен пир,
 Пировали-столовали трои суточки.
- 35 А растёт-то Добрынюшка Микитиць блад,
 Он не так-де растёт, как у людей растут:
 У кого-де растёт как чельной месяц же,
 Столь Добрынюшка растёт в одну неделюшку;
 У ково-де растут, право, пólгода,
- 40 А Добрынюшка растёт да в один месяц-от;
 У кого-де растут да цельной годицок,
 А Добрынюшка растёт столь, право, в пólгод.
 Кабы вырос Добрынька годов петíшта же,
 Кабы начал Добрынюшка похóживать,
- 45 Он по улицам играть да по широкиим.
 Он как тихой-от родилса да онь смирёной же,
 Кабы скорой-от родилса онь варовой же,
 Кабы умной он родилса, сам разумной же,
 От отца-то он родилса как от умного,
- 50 Как от матушки родилса от разумной же,
 А в кого будет днтя оно неумное?

№ 10

- Ай да прежде Резань да слободой слыла,
 Ай да иынъце да славной город стал.
 Ай да в том ле Резани славном городи
 А да жил-то Микитушка Романович,
- 5 А да жил-то Микитушка не старилса,
 Ай среди веку Микитушка преставилса.
 Вот осталасе у его да молода жоиа,
 Вот осталасе ёна, право, беремениа.
 А невножко прошло да поры-времени,
- 10 Вот родила она своё да чадо милое.
 Собирали тут попов, дьяков, причетников,
 Окрестили её да чадо милоё,
 Нарекали ему баско новое немецко —
 Молодыя Добрынюшка Микитиць блад.
- 15 А растёт тут ле Добрыня лет до двенадцети,
 Ён стал хватать приправу богатырскую,
 Он сперва хватил копейцо бурзомецкоё —
 Хорошо владеет удалой доброй молодец;
 Он еще хватил ле палнцу буёвую —
- 20 Хорошо владеет удалой доброй молодец;
 Он еще хватил саблю, право, ведь вострую —
 Хорошо владеет удалой доброй молодец;
 Он ведь сдумал еще ехать ко синю морю.
 Посмотреть ему захотелось морё синёё,
- 25 Он и стал просить у матушки благословлениццо.
 Он и падал ей сам во резвы ноги —

- Не дават ему благословеньица.
 Кабы падал Добрыня во второй након,
 Уж и просит у ей благословеньица;
- 30 Он и падал, Добрыня, во третей након:
 «Уж ты ой еси, родимая моя матушка!
 Уж ты дай же мне-ка благословеньицо,
 Я ведь съезжу, схожу да до синя моря».
 А дават она ему благословеньицо,
- 35 А с буйной своей главы да до сырой земли,
 Кабы стала она ему ноньце наказывать,
 А бы стала она ему да наговаривать:
 «А доедешь ты, дитя, да до синя моря,
 Приюстанетца тебе, да припотеецца,
- 40 А захочетца покупатца да во синём мори.
 Во синём-то мори есть три быстры струи,
 А третья-то ле струя да зла-омманчива,
 А да вынесёт тебя да на синё морё,
 А налётит на тебя да змея лютая,
- 45 Кабы станет она тебя кругом облётывать,
 А обваживать свон хоботы змеиннии.
 Не боитца она копейца бурзомецкого,
 Не боитца она ведь палцы буёвой,
 Не берёт ее сабелька, право, вострая,
- 50 А боитца она ведь прутиков железных.
 Ты сходи-ко наперво в нову кузницу,
 Уж ты скуй-ко нынцце, право, три прутика:
 А первой-от прутик скуй железной же,
 Да второй-от прутик нынцце менной же,
- 55 А третьей-от прутик оловянной бы».
 Он пошел ле, Добрыня, нову кузницу,
 Как сковал первой прутик он железной же,
 А второй-от прутик ноньце менной ведь,
 А третьей-от прутик оловянной же.
- 60 Ён он брал свою уздилочку точмянную,
 Он пошел себе брать коня доброго.
 Он заходит ведь, Добрыня, во конюшен двор,
 Он берёт себе коня, право, семи цепей,
 А семи цепей, семи розъвезей,
- 65 Ёбуздадал-ёбседлаал да коня доброго.
 Он ведь стал тут, Добрыня, снаряжатися,
 А-де стал-то Добрыня сподоблетися,
 Он берёт 'сю приправу да молодецкую:
 А сперва берёт копейцо да бурзомецкоё,
- 70 А затим берёт ле палицу буёвую,
 А еще берёт саблю да, право, вострую,
 А ведь взял эти с собой, право, три прутика.
 Вот средилса-сподобилса да доброй молодец,
 А не видели его поездки да молодецкой,

- 75 А увидели: в поли курива стоит,
Курива ле стоит да дым столбом валит.
Он ведь здраво прогонил да полё чистое,
Доежжает сам до моря до синяго,
Ёи до тих крутых-баских да, право, бережков,
- 80 До жёлтых еще песков да до макарьевских.
Ён поставил свой шатёр да белобархатной,
Он насыпал пшаны да белояровой.
Захотелось ему покупатца во синём мори,
Скиновал с себя ле сам да платьё четное,
- 85 Он побрёл тут, Добрыня, во синё морё.
Кабы стретилась ему, право, перва струя,
Он ведь поплыл, Добрыня, через перву струю,
Ой да стретилось ему, право, друга струя,
О да поплыл Добрыня через другу струю.
- 90 Хорошо ему, право, да приглянулося,
Кабы поплыл Добрыня через третью струю,
А третья-то ле струя да зла-омманчива,
А да вынесла его да на синё морё,
Да стала его носить да по синю морю.
- 95 Налетела на его да змея лютая,
А да стала она кругом его облётывать,
А овваживать стала хоботы зменные:
«Я хоцю тебя, Добрыня, нонь живком сглону,
Я хоцю тебя, Добрыня, на воды стоплю».
- 100 Побоялся он угроз, право, зменных,
Он ныриул тут, Добрыня, да во синё морё,
Он вынировал ко своему платью четному,
Надеват ле своё он платьё четное,
Он заходит, Добрыня, во белой шатёр.
- 105 Не юспел тут Добрыня-та ёгна добыть,
Не юспел тут Добрыня-та котла сварить —
Налетела на шатёр да змея лютая,
Говорит ище ему да змея лютая:
«Я хоцю тебя, Добрыня, на огни спалю,
- 110 Я хоцю тебя, Добрыня, во котле сварю».
Ай да эти ему речи не по разуму,
За велику ему досаду показалося,
Он хватил тут змею да за косы, право,
Он хватил свой, право, жалезной прут,
- 115 Он ведь стал тут змею, право, постёгивать,
Да стала тут змея да извиватисе:
«Ты не бей-ко, юдалой доброй молодец,
Не стегай ты меня, да змею лютую!»
Он пуще стал змею, право, похвостывать.
- 120 Говорит-де ему да змея лютая:
«Ты не бей же меня, да змею лютую,
Уж я дам же тебе да золоту казну!»

- Он и пуще стал змею, право, постегивать,
Изломал ле он нынь, право, железной прут,
- 125 Он хватил ищэ, право, да менной прут,
Ён пуще стал стегать да змею лютую,
Говорит ему змея да, право, лютая:
«Ты не бей меня, удалой доброй молодец,
Я те дам ныньце коня ищэ доброго!»
- 130 Говорит ле Добрыня змеи лютой:
«Ты сулишь ле змея да сё оманывашь».
Изломался у его да, право, менной прут,
Он хватил ище нынь, право, оловянной прут,
Ён пуще стал стегать да змею лютую,
- 135 По-худому змея да извиваетца,
А конается удалому доброму молодцу:
«Ты не бей же меня, да змею лютую,
Я те дам ище собя, да красную девицу!»
Он ведь пуще стал змею ище постегивать,
- 140 Оловянной прут у него не ломитсе,
Говорит тут удалой доброй молодец:
«Ты сулишь ле, змея, да сё оманывашь».
Она выbleвала сперва ему золоту казну,
Она выbleвала затим да коня доброго,
- 145 Ищэ выbleвала ему да красну девицу,
А говорит ищэ змея ему, конаетца:
«Ты спусти меня, удалой доброй молодец!»
Он спустил тут змею да, право, лютую,
Собиратца стал юдалой доброй молодец,
- 150 Он сломал свой шатёр да белобархатной,
Обседлал он коней, право, добрых,
А садилса-сподобилса доброй молодец,
Он ётправилса-поехал с красной девицей,
Он нещадно повёз да золотой казны,
- 155 Он поехал ко родимой своей матушке.
Доеждяют ле они да до своя места,
До високаго нова да, право, терема.
Ювидала тут его да родна матушка:
«Кабы едёт ле моё да чадо милое,
- 160 Позади его едёт да красна девица».
Как выходит ле его да родна матушка,
А выходит она да на красно крыльцо,
А встречает ле Добрынюшку Микитиця,
А встречает ле она да красну девицу.
- 165 Как заходят они ноньце во высок терем,
Обручались, поменелись они злачны персни,
Обвенчались, сошлись они в божьей церкви.
Кабы собрали они руських богатырей,
Кабы сделали они, право, почесен пир,
- 170 Пировали-столовали трои суточки.
После того было ищэ после пира
Выводили, повалили во теплу лежню.

№ 11

- А да жил-был Микита сын Романович.
 Состарился Микитушка — представилса,
 Остался у его молода жена,
 Молода жена да любима семья.
- 5 Остался она беременна.
 Немного времечки миновалося,
 Немного времечка прокатилося,
 Прошло не прошло сорок недель,
 Сорок недель, десеть месяцев.
- 10 Родила она единó чадо́,
 Еди́ное чадо, одинакое.
 Да пошла она по попа отця,
 Нарекли его имя Добрынюшкой.
 Вырос Добрынюшка годов шеснаццаць,
- 15 Стал просить у матушки во чисто поле
 Посмотреть могучих богатырей.
 Говорит ему родимая матушка:
 «Поежжай, мое чадо милое.
 Не бери ты коня отцовского,
- 20 А бери коня троелеточка,
 Да возьми плётку троехвосточку.
 Приедешь ты до Несей-реки,
 Увидишь горы высокие.
 Нападут на тебя тёплые марева,
- 25 Пригреет тебя красно солнышко,
 Захочешь, Добрынюшка, купатися.
 Поплывёшь ты, Добрыня, за праву́ струю́ —
 Пёрва струя обманчива,
 И поплывёшь ты, Добрыня, за втору́ струю́ —
- 30 А втора́-то струя тоже обманчива.
 Поплывёшь и за третью́ струю́ —
 Третья струя относцива.
 Отнесёт тебя под горы под высокие,
 Под ты же жилища под змениныя.
- 35 Налётит на тебя змея лютая,
 Не бери ты саблю вострую,
 А бери плёточку троехвосточку».
 Поехал он во чисто поле,
 Налетела змея лютая.
- 40 «Светы́ отцы писали-описали,
 А дьяки читали-оцители,
 Говорили: от Добрынюшки смерть возьму,
 А теперь я Добрыню стопчу-сожру».

(Она вынесла его на землю. Он нагрёб колпак земли, бросил и убил. Никакая смерть ему и не случилась.)

№ 12

$\text{♩} = 92$

Зна_чит преж - де Ка_за - ни да_к(ы) сло - бо - до_к сто - ял,

Ка - бы ны - ныче Ка - за - ни да_к(ы) сла_в(ы) но - й го - ро_д(о) стал.

Как во том и - ш(ы)че в Ка - за - ни да сла_в(ы) но_м(ы) го - ро - ди

Уж и жи_л(ы) тут и был Ни - ки - ту_ш(и)ка Ро - ма - но - вич.

Он же жи_л(ы) ле Ни_ки - ту_ш_ка де_вя - но_с(ы)_то лет,

Как со_с(ы)_та - ри_л(ы)_сэ Ми - ки - ту_ш(и)ка п(е)_ри_с(ы)_та - ви_л(ы)_сэ

Как ос_та - ва - л(ы)_с(и) у е_го да_к(ы) мо - ло - да_к(о) жо - на,

Мо - ло - да с - го жо - на, да_к(ы) ны - ны лю - ба_к(о) се_м(и)_я.

- Значит, прежде Казань дак слободой стоял,
 Кабы нынче Казань дак славной город стал.
 Как во том ишче в Казани да славном городи
 Уж и жил тут и был Никитушка Романович.
 5 Он же жил ле, Никитушка, девеносто лет,
 Как состарилсэ Микитушка — приставилсэ.
 (Помер.)

- Как оставалась у его дак молода жона,
 Молода его жона, дак нынь любá семья,
 Как осталась она беременна.
- 10 Уж носила она сорок нынь неделечок,
 Как проносила она сорок неделечок,
 Как исполнила она дак деветь месяцев,
 Уж родила она себе сына, да ясна со́кола.
 А собирала она себе нынче попов и дьячков,
- 15 Как всех церковных она дак нынѣ причётннков.
 Как задумали имечко иазвати мальчика,
 А же на́звали его Добрынюшкой,
 Ах ты ой еси, Добрынюшка Никитич блад!
 Стал Добрыня растеть, матереть
- 20 Не по годам, не по месяцам — по неделюшкам.
 Вырос Добрыня до трех годов,
 Стал Добрыня по улице похаживати,
 С малыми ребятками стал поигрывать,
 На кого осердитсе — возьмет за руку, рука прочь,
- 25 Кого возьмет за ногу — нога прочь,
 Кого возьмет за голову — голова прочь,
 Посередке возьмет — живота лишит.
 Стали людишки ходить на Добрыню жалиться:
 «Проказит Добрыня, убиват ребят».
- 30 Не стал больше Добрыня по улице похаживать,
 Запретила его маменька родимая.
 Стал ходить Добрыня во божью церкóвь,
 Стал учиться божьей грамоте.
 Ходил он, училсе три годá,
- 35 Выучилсе божьей грамоте.
 Тогда вздумал прогулятьсе на добром коне на родительском
 По чистым полям, зеленым лугам.
 Стал просить у матери благословленица
 Съездить ко синю морю,
- 40 Пострелять гусей, белых лебедей,
 Побить серых малых уток.
 Не дават ему маменька благословленица:
 «Молодѣхонек ты, зеленѣхонек,
 На расцвете травка шёлкова,
- 45 На прочите листик малиновы».
 Падает Добрыня во второй-от раз,
 Просит Добрыня благословленица.
 Не дает маменька родимая.
 Падает Добрыня в третий раз:
- 50 «Дашь — поеду, и не дашь — поеду».
 Тогда дала ему матушка благословленице
 Со буйной головы до сырой земли.
 Соскочил Добрыня на резвы ногѣ,
 Он бежал вон на улицу,

- 55 Он бежал на конюшен двор,
Он имал себе коня по свою плечу́,
Обуздal его уздечкою тасмяною,
Обседлал его седёлышком зеркальчатым,
Во седёлышко он клал да плотны потнички,
- 60 На потнички стелил мягки войлочки,
Застегивал двенадцать подстегóленок,
Метал тринадцатую через сильну степь,
Через сильну степь лошадиную:
«Это не ради басы́ — ради крепости,
- 65 Не оставил чтобы конь меня в чистом полé.
Молодёхонек я, зеленёхонек,
Шести лет я ведь от роду».
Положил в седёлышко он палицу буёвую шестьдесят пудов,
Положил копейцо бурзомецкое,
- 70 Положил сабельку вострую,
Положил тугой лук и стрелочки калёные.
Пошел тогда в палаты белокаменны,
Зашел Добрыня к своей маменьке.
Срядилсе Добрынюшка скоро-на́скоро
- 75 Он во платье во дорожное,
Распростилсе он со всеми нянечками, служаночками
И простилсе с маменькой родимой.
Вышли спровожать его на крылечушко,
Вынесла маменька его плеточку шелкóвую
- 80 Семи шелков, семи разных заморских:
«Много людей к морю ездило,
А мало приезживало.
У тя отец с этой плеточки всегда живой приезжал.
Станешь стрелять гусей, белых лебедёй,
- 85 После — малых серых уточек.
Как приедешь ко синю́ морю́,
Там тебе и припoteетсе.
Станешь в морюшке купатисе:
Перва струя хороша, а другá еще лучше того,
- 90 А третья струя зла-относчива,
Отнесет тебя во синё морё».
Распростилсе Добрыня с родной маменькой,
На коня скочил, в стремена ступил.
Не видали поездки богатырскойей,
- 95 Не видали побежки лошадинойей,
Только видят: в поле куревá стоит,
Куревá стоит, пар столбом валит,
Из ноздрей искры сыпом сыплютсе,
Изо рту пламя-огонь столбом стоит.
- 100 Начал гонять Добрыня по чистым полям.
Вот он приехал ко синю́ морю́,
Стрелял гусей-лебедёй, малых серых уточек.

- Вот задумал Добрыня искупатисе.
Поплыл по первой струе, а другá еще лучше того.
- 105 Тогда придумал поплыть на третью струю.
А третья струя была относчива,
Отнесла молодца на синё морё.
Стал Добрыня по морю поплавывати,
Стал во синё морё поныривати.
- 110 Надлетает на него змея лютая,
Небылыми речьми она похваляется:
«Хочу я тебя, молодца, теперь в воде стоплю,
Хочу тебя в огне сожгу,
Хочу тебя в смоле сварю!»
- 115 Плават Добрынюшка во синём морé,
Плават Добрыня, сам печалитсе.
Собрал он все силы богатырские,
Нырнул тогда он в быстру струю злу-относчиву,
Вынырнул Добрыня на доброй струе,
- 120 Нырнул, выскочил на берег к добру коню,
Натянул себе только одни штаны,
На босу ногу сапожечки сафьянные.
Не успел надеть шубу енотову —
Налетела змея лютая,
- 125 Стары хоботы намётывает.
Ухватил Добрыня копьецо бурзومهцкое,
Начали они тут ратиться.
От руки его копейцо загоралосе,
По насадочке извихалосе.
- 130 Бросил его Добрыня на мать сыру землё,
Ухватил он палицу буёвую,
Палицу буёву шестьдесят пудов,
Начал лупить змею палицею буёвою.
От руки его палочка загораласе,
- 135 По насадочке извихаласе.
Бросил палицу Добрыня на матушку сыру землё,
Схватил он тогда сабельку вострую,
Он начал рубить змею той саблей вострою.
От руки его сабля загораласе,
- 140 По насадочке извихаласе,
И с носка до пяты вся исщербаласе.
Бросал ее Добрыня на матушку сыру землё,
Схватилсе он со змеюшкой в рукопашной бой.
Во одних Добрыню суточках
- 145 Из силы Добрыню выбило.
Стала змеюшка его да всё потáрзывать,
Стала змеюшка посвистывать.
Пала в ум Добрыне плеточка шелкóвая,
Что давала рóдна матушка.

- 150 Сунул праву руку во право́й карман —
 Попала плеточка ему в руку шелко́вая.
 Вытащил Добрыня плеточку шелко́вую,
 Начал бить-лупить змею он лютую.
 Стала змеюшка взвиватисе,
- 155 Стала Добрынюшке канатисе:
 «Спусти меня на свет живой!»
 Говорит Добрыня таковы слова:
 «Когда вышел я из снн́я моря́,
 Не дала ты мне срядитисе,
- 160 Не дала ты мне сесть на добра́ коня.
 Нет, тебе боле спуску не будет от меня».
 Застегал змею Добрынюшка до́ смерти.
 Нарвал там сырых дубов, развел огонь
 И взвалил он змею люту на огóничек.
- 165 И докуль не сгорела змея лютая —
 Не ложилсе спать Добрынюшка.
 Тогда выкопал яму преглубокую,
 Пепел срыл туда, захоронил землей,
 Навалил поверх хряща-ка́меня.
- 170 Вот тогда Добрыня попил, поел, чего Бог послал,
 Привязал коня к себе за праву́ ногу
 И лег спать под сырой дуб.
 Спал Добрынюшка трое сутокки
 Со побоища великого.
- 175 Разбудилсе он, направилсе,
 Тут садилсе Добрыня на добра́ коня.
 Поехал в дальний путь-дороженьку —
 Искать змеиной дом, где жила змея лютая.
 Долго ездил Добрыня по чистым полям,
- 180 По чисты́м полям, по теми́ым лесам
 И нашел он змеиной дом.
 У змеи была унесёна красавица,
 По всему свету забавница.
 Выручал себе Добрынюшка красавицу,
- 185 Позабрал он у змеи злата-серебра
 И каменьев драгоценных
 И сожёт Добрыня змеиной дом.
 Отправлялсе во свое место Добрынюшка.
 Скоро сказка скажетсе, долго дело деетсе.
- 190 Еще ездил Добрыня двенадцать лет,
 А уехал он в шесть годов,
 А приехал домой в восемнадцать лет.
 Он привез себе жену красавицу,
 По всему свету забавницу.

(Тут и конец! Шутово дело — старины-то, да ведь вот как долго.)

№ 13

♩ = 88

Уж и де - вя - т(и) ме - с - в - цо - в(ы) о - на и - с(ы) - по - л(ь) - ни - ла

Уж ро - д(и) - ла о - на то - г(ы) - да дя - к(ы) сы - на - со - ко - ла.

Уж со - би - ра - ла о - на то - г(ы) - да все - х(ы) по - по - ва - д(ь) - дя - ков,

Как це - р(и) - ков - ны - их все - х(ы) о - на ду - хо - в(ы) - ни - ков,

Уж о - н(и) ду - ма - ли и - меч - ко це - лы су - то - ч(и) - ки,

На - ря - ко - ва - ли е - му, мла - де - ни, и - меч - ко Доб - ры - ю - ш(и) - кой:

"Ох, ты ле ой (и) е - си, До - б(ы) - ры ю - ш(и) - ка Ни - ки - ти - чи - ц(и) - бла - д..."

- Как прежде Казань так слободой стоял,
 Уж и нынче Казань так славной город стал.
 Во том во Казани нын да славном городи
 Уж и жил тут был а Никитушка Романович.
- 5 Уж и жил тут Никитушка девеносто лет,
 Как состарилсэ Никитушка — преставилсэ.
 Оставаласе у его нынч молода жона,
 Оставалась она нынч дак всё беременна.
 Как сорок недель она брюхо изнóсила,
- 10 Уж и девять месяцев она исполнила,
 Уж роди́ла она тогда дак сына со́кола,
 Уж собирала она тогда всех попов-дьяков,
 Как церьковных всех она духовников,
 Уж они думали имечко целы суточки,
- 15 Наряковали ему, младени, имечко Добрынюшкой:
 «Ох, ты ле ой еси, Добрынюшка Никитиць блад!»

№ 14

♩ = 120

Ах как пре_жди - де Рязань да сло_бо - дой слы_ла,

Ах как но_нь - то Рязань да сла_в(ы)_ным го_ро - дом.

Ах во той е_щё Рязань да сла_в(ы)_ном го_ро - ди

Ах как жи_л(ы) тут Ни_ки - туш_ка, не ста_рил_сэ -

Се_ре - ли ве_ку Ни_ки - туш_ка пре_ста - вил_сэ...

- Ах как прежде Рязань да слободой слыла,
 Ах как нонь-то Рязань да славным городом.
 Ах во той ещё Рязани да славном городи
 Ах как жил тут Никитушка, не старилсэ —
- 5 Среди веку Никитушка преставилсэ.
 Ах осталась у Никиты да молода жена,
 Молода его жена, сама беременна.
 Ах осталось у Никиты да дорогó семé,
 Уродилось у Никиты да золото чадо́,
- 10 Ах как дали ему хоро́шо имечко,
 Ах как имечко далí ему — Добрынюшка.
 Ах Добрынюшка растёт, да точно цвет цветёт.
 Ан достиг-то Добрыня да до двенадцать лет,
 Ай и стал он ходить да на коиюшен двор,
- 15 Ай и стал он шутить шутки немалыя,
 Ах немалыя шутки да богатырския.

№ 15

♩ = 120

Да бы - ва - ло Ка - зань сло - бо - дой бы - ла,

ны - ке Ка - зань - слав - ным го - ро - дом.

Да во Ка - зань был Ми - ки - туш - ка,

Он, Ми - ки - та, де - ве - но - сто лет.

Всё до смерти он на - ка - зы - вал,

Сво - ей же - ны мла - дой на - го - ва - ри - вал:

„Ты ос - та - нешь - си бе - ре - мен - ной,

У тя ро - дит - ся ча - до ми - ло - ё,

Ча - до ми - ло, е - ди - на - ко - ё,

На ре - кём мы и ме - нем Доб - ры - нюш - кой,
 Да Доб - ры - нюш - кой Ми - ки - ти - цём.
 Ког - да бу - дет он на воз - рас - те,
 Да о - н(ы) бу - дет на воз - ле - те,
 Он за - мо - жет ко - нё - м(ы) вла - дать,
 Он ко - нём вла - дать, копь_ём шур - мо - вать.
 Он за - хо - чёт бы за о - хо - то - ю,
 За о - хо - той по - гу - ля - ти - се,
 Да бы съез - дить во чис - то по - лё...

- Да бывало Казань слободой была,
 Ныне Казань — славным городом.
 Да во Казани был Микитушка,
 Он, Микита, девеносто лет.
- 5

Всё до смерти он наказывал,
 Своей жены молодой наговаривал:
 «Ты останешься беременной,
 У тя родится чадо милоё,
 Чадо мило, одинакоё,
- 10

Нарекем мы именем Добрынюшкой,
 Да Добрынюшкой Микитицём.
 Когда будет он на возрасте,
 Да он будет на вóзлете,
 Он заможет конём владать,
- 15

Он конём владать, копьём шурмовать.
 Он захочёт бы за охотою,
 За охотой погулятисе,
 Да бы съездить во чыстó полё —
 Не давай благословленьица
- 20

Ему ездить во чыстó полё,
 Да выезжать за охотою.
 Ну хошь и дашь ему благословленьица
 И не дашь благословленьица —
 Он захочет он бы ездить же,
- 25

Он ведь съездить во чыстó поле.
 Он найдёт он дороженькю,
 Все дороженькю широкою,
 По которой я бы ездил нынь.
 В ширину — (была) косá сажень.
- 30

В глубину как до пояса.
 Нападут жáры-мáревы
 Как бы те большилетныя,
 Как захочёт он купатисе,
 Он захочёт нырятисе —
- 35

Пусть не едет нынь к Оки-реки:
 Да река Ока зла-относлива,
 Отнесет его, Добрынюшку,
 Отнесет за первú струю,
 Отнесет за другú струю,
- 40

Как ко тем горам высокиим
 И горам Сороц́инскиим.
 Тут прилетит змея к ему,
 Она хочет его целком бы съись,
 И целком бы его съись, да в хобота склонёт.
- 45

Он пуцай сорвёт полынь-травú,
 Да полынь-траву горькою,
 Он сплетёт ныне плёточкю,
 Он бы плётку троепрядную,
 Троепрядну, троехвосткую.

50 Он тогда нырнёт во быстрú рекú».

(Так или этак змея лютоедная хочет его сглонуть: «Целком, — говорит, — я тебя хочу сглонуть, али в хобота склонить».)

Он нырнул во Оку-реку,
Он нырнул во другой струи,
А опеть прыгнул во быстру реку,
Очутился на крутых горах,

55 Ко своёму кóню доброму.

(Он будёт и так наказывать, что он будёт [плётку плести] (...) А прилетит эта змея-то опять сзади, так эти плётку-то (...) смолит пуццай ей, дак (...) он побьёт ей, а то никак не убить будёт.)

Тут неволги Микиты смерть случиласе,
Тут осталась молода жена,
Тут жена его беременна,
Тут и стала нынь беременна.

60 Как и стала на вóзности,
Как родила сына милаго,
Сына мила одинокаго,
Да Добрыньку Микитича.
Тут бы стал нынь детина на возрасте,

65 Да на возрасте, на вóзлете,
Захотелось ему нынь, (Добрыни-ти),
Как бы съездить во чысто поле,
Нынь погулять по чысту полю,
Где-ка ездил родный батюшка.

70 Говорила родиа матушка:
«Молодой ты Добрынюшка,
Ты не ездй во чысто поле,
Потеряшь буйну голову —
Тебя съест нынь змея лютая». —

75 «Ну-ка ты дашь мне благословеньица,
Я поеду во чысто поле,
И не дашь благословеньица
Ты с буйной главы до сырой земли,
Мне бы ездить во чыстом поле,

80 Во чыстом поле за охотою».
Ну и дала ему она благославленьице,
Ему матушка родимая
Да с буйной главы до сырой земли,
Чтобы ездить во чыстом полё,

85 По котору ездил батюшка.
Тут уздал он, седлал коня,
Седлал кóня ныне доброго,
Распрощался с родной матушкой.
Вот наказывала нынь его бы мать,

90 Его родная матушка:
«Ты поедешь нынь, Добрынюшка,
Ты найдёшь ле ты дорожечку,

- По которой ездил батюшка,
В ширину-то нынь коса сажень,
95 В глубину — добру молодцу до пояса,
Там нападут как на тебя жары-марева,
Как бы те большилетные,
Ты захочёшь купатисе,
Ты захочёшь нырятисе,
100 Там найдешь нынь Оку-реку,
Да Ока-река зла-относлива,
Да не купайся в Оки-реки —
Отнесёт тебя за первую струю,
Отнесёт за другую струю.
105 Ещё наказывал твой батюшко,
Он наказывал, наговаривал:
„Там ведь есть ле полынь-трава,
Там полынь-трава горькая,
Ты сорви-ко полынь-траву,
110 Да сплети-ко ты бы плеточку,
Троепрядну, троехвостую.
Ты положи во правóй карман“».
Он-то протисился с рóдной матушкой,
Он поехал во чисто полё.
115 Тут напали жáры-мáревы,
Как бы те большилетные,
Захотелось ему купатисе,
Захотелось нырятисе.
Он подъехал к Оки-реки,
120 Скидал честно платьице,
Оставлял тут добра коня,
А он спустился во Оку-реку,
Да нырнул во быстру реку,
Отнесла его да перва струя,
125 Отнесла и да другая струя
Да ко тем горам высокиим,
Тем горам Сороцинскиим.
Тут вылетает змея лютая,
Всё змея лютоедная,
130 Тут бы хочет съись Добрынюшку:
«Я хочу тебя силком сглотать,
Хочу тебя да в хобота склонять!»
Тут нырнул бы наш Добрынюшка,
Отпрыгнул ко круту бережку,
135 Выходит ведь ко добру коню,
Тут надел он цветно платьице,
Находил Добрынюшка да ведь полынь-траву,
Он сплетал бы плетку троепрядную,
Троепрядну плетку, троехвостую,
140 Он смолил смолой ту плетку троепрядную
И садился на добра коня.

- Как летит тут змея лютая,
 Тут змея лютоедная,
 Она хочет съись Добрынюшку,
 145 Да Добрынюшку Микитиця.
 Он и вытащил нынь ту плеточку,
 Да котора бы полынь-травы,
 Стал стегать ее ведь крепко тут.
 Как змея бы извивается,
 150 Все Добрыне канаетсе:
 «Ты прости меня, Добрынюшка,
 Я и дам тебе города,
 Города все с пригородками,
 И села со деревнями!» —
 155 «Мне не нать от тебя да ничего —
 Застегаю тебя до смерти!»
 Тут убил он змею-те лютоедную,
 Застегал ее ныне до смерти.
 (Всѣ!)

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ

№ 16

- Ай во славном во городе во Кieve
 Как было пированьѣ-столованьѣ
 Как про вногие князи, всё про бояра,
 Как про злых поленич да преюдалых.
 5 Кабы день-от идѣт, право, ко вечеру,
 Кабы солнышко катится ко западу,
 Кабы пир-от идѣт о полупира,
 Кабы стол-от идет о полустола,
 Княженеческая радость полурадости,
 10 Кабы солнышко по горенке похаживаѣт,
 Тихо-смирную речь да выговаривает:
 «Ах вы ой еси, удалы добры молодцы!
 Ищѣ хто вы мне сослужите нонь службу,
 А не малую ведь службу, не великую —
 15 Кабы съездить во ту землю во неверную,
 Как свезти королю да нынче пошлину?»
 Как большой-от хронитце за средняго,
 Кабы средней хранитце за меньшого,
 Как от меньшого нонь, право, ответу нет.
 20 Из того стола из середняго,
 Из того порядку из передняго
 Тут ставал детина на резвы ноги,
 Говорил ле тут да таково слово:
 «Уж я рад за царя да нонь службу служить,

- 25 Кабы службу ле служить — головы сложить».
 Говорит ему солнышко Владимир-князь:
 «Тебе много ле надо людей робочних,
 Тебе много ле надо черных караблей?»
 Говорит ему Васинька Буслаевич:
- 30 «Мне не надо твоя да золота казна,
 Мне не надо твои люди робочие,
 Только надо мне, право, черлен караб,
 Да надо два брата, два названья:
 Одного же Потанюшку-ту Хромого,
- 35 Да другого Микитушку Широкова».
 Кабы скоро тут робята снарезаютца,
 Кабы скоро они да сподобляютца,
 Как походят робята на черлен караб,
 Вот заходят они да на черлен караб,
- 40 Вот прощаются на четыре дальни стороны,
 Как князю со княгиной на ёсобицу:
 «Вы прощайте-ко, право, люди добрыя!
 Не бывать ведь нам будёт да на светой Руси,
 Не видать нам будет да стольней Киев-град,
- 45 Не слыхать нам ведь звону колокольняго,
 Не слыхать нам петья-четыа черковного».
 Кабы скоро тут робята сподобляютца,
 Кабы Васинька стал, право, ко парусу,
 А Микитушка стал, право, ко якорю,
- 50 А Потанюшка Хроминькой ко вороту,
 Побежали тут робята за синё морё,
 Выбегали они да за быстрой субой,
 Кабы начело их, право, покачивать,
 А покачивать начело, пошатывать,
- 55 Как Микита Широкой под унож упал,
 Кабы Васинька Буслаевич на унож пал,
 Как Потанюшка Хроминькой кормой шатат,
 Как кормой-де шатат, парус поправливат.
 Перебежали робята за быстрой субой,
- 60 Забегали во тихия во гавани,
 Опускали-де парусы полотнены,
 А метали-де якори булатные,
 Кабы клали-де сходни коньцем на землю.
 Кабы тут-де робята снарезаютсе,
- 65 Кабы скоро робята сподобляютсе,
 Как берут ле тепере да золоту казну,
 Золоту ле казну, да ноньце пошлину,
 Как пошли они ко царишшу ко Батуишшу,
 Понесли ему золоту казну, нонь пошлину.
- 70 Как скоро идут они ко городу,
 Как приходят к палатам белокаменным,
 Как скоро идут да на круто крыльцо,

- Кабы скоро в палаты белокаменны,
 Говорит-то ведь Васинька Буслаевич:
- 75 «Ох ты гой есь, царишшо Абатуишшо!
 Ты прймай-ко от нас да золоту казну,
 Золоту-де казну да ноньце пошлину».
 Говорит им царишшо нонь Батуишшо:
 «Как сослужите вы службу, я приму казну,
- 80 Не сослужите службы — головы срублю;
 Кабы есь у меня в поле триццеть три колышка,
 Как на всех-то на колышках по головушке,
 А на трех-то ле колышках нет головушек —
 Я повешу ваши буйные головушки.
- 85 Кабы есь у мя в поли, право, три бойца,
 Кабы можете побороть — я казны возьму,
 Как не можете побороть — головы срублю».
 Говорит ему Васинька Буслаевич:
 «Я надеюсь на Спаса Вседоржителя,
- 90 На другого на брата на названого,
 На тово же Потанюшку на Хромова».
 Тут походят робята во чисто полё,
 Как ко тем же борьдам да преюдальем,
 Как Потанюшка-то Хроминькой прихрамыват,
- 95 На ёдну-ту ногу нониця припадыват.
 Говорит-то Потанюшка-то Хроминькой:
 «Уж ты как мне прикажешь нонь боротися —
 Со всема ле мне вдруг, ле по единому?»
 Говорит ему Василей Буслаевич:
- 100 «Ковда есь у тя юдаця молодецкая,
 Ты бери их всех трех до единого».
 Как берёт его Потанюшка-то Хроминькой,
 Как одного-то брал во праву руку,
 Как другого-то брал во леву руку,
- 105 А ведь третьего брал, право, в охабоцьку,
 Подымал он ведь их выше головы,
 Опускал он о матушку сыру землю —
 Кабы тут ведь им всем да смерть случилосе.
 Закрычал тут-де Васька зычным голосом:
- 110 «Ох ты ой есь, царишшо ты Батуишшо!
 Ты прймай-ко от нас да золоту казну!»
 Говорит им царишшо нонь Батуишшо:
 «Вы сослужите ище службу — я приму казну:
- 115 Кабы есь у мя в поли, право, тугой лук,
 Как котрым стреляла дочь любимая,
 Кабы можете владеть, дак я приму казну».
 Говорит ему Васинька Буслаевич:
 «Я надеюсь на Спаса Вседоржителя,
 На другога на брата на названова,
- 120 На тово же Микитушку Широкова».
 Кабы скоро несут да, право, тугой лук,

- Под один-от конеч тридцеть тотаринов,
 Под другой-от конеч тридцеть тотаринов,
 А тетивку несут тридцеть тотаринов,
 125 Калену стрелу несут тридцеть тотаринов.
 Как приходит Микита ко тугу луку,
 Он берёт-то ведь лук во леву руку,
 А тетивку берёт да во праву руку,
 Прижимал он коленом, право, правым,
 130 Полетели от лука мелки дребезги.
 Как отгуль они пошли да ко Батуишшу,
 Закрычал тут-де Васька зычным голосом:
 «Ты прймай-ко ёт нас да золоту казну!»
 Говорит им царишшо нонь Батуишшо:
 135 «Я наложу нонь вам да еще службоцьку:
 Кабы есь у мя дочерь любимая,
 Как горазна играть да в мелки шахматы». —
 Как садилися играть да в мелки шахматы,
 Как со тою со царскою со дочерью.
 140 Кабы раз Васька ступил, да другой ступил,
 Как третьей ступил — ей больше некуда;
 Закрычал тут-де Васька зычным голосом:
 «Уж ты ой еси, царишшо ты Батуишшо!
 Ты прймай-ко ёт нас золоту казну,
 145 Ты не примешь казну — у тя голову сорву!»
 Говорит им царишшо нонь Батуишшо:
 «Ох вы ой еси, удады добры молодцы!
 Я приму от вас топере золоту казну».
 Они дали ему да золоту казну.
 150 Как пошли ёни, робята, на черлеи караб,
 Обирали они сходенки дубовыя,
 Повымали якоря новы булатныя,
 Подымали паруса белополотнены,
 Побежали робята во свою землю.
 155 Побежали тут робята по синю морю,
 А увидели каменьё превысокия,
 Кабы сдумали робята тут потешитсе,
 Приворотили робята ко крутой горы,
 Заходили тут робята на круту гору —
 160 Тут лежит кось-глава да человеческа.
 Поколотил-то ведь Васиенька Буслаевич:
 «Ох ты ой, кось-глава человеческа!
 Кабы руська глава, дак схоронить надо,
 Как погана глава, дак мы погалимсе,
 165 Ты зачем же лежишь креста по леву руку?»
 Говорит кось-глава человеческа:
 «Ох ты ой есь, ты Васиенька Буслаевич!
 Ты ведь сам ноньце легёшь креста по леву руку».
 Кабы стали робята-та поскакивать,

- 170 Как поскакивать стали с камня на камень,
 Как выскакивал Васинька побольше всех,
 Кабы стали скакать да задом наперёд...

(Скочил сзади наперед, пал на камешок, разломал свою буйну головушку, чё больше? Больше не знаю.)

№ 17

- А во славном во городе во Киёве
 А у ласково у князя у Владимира,
 А у той же княгини да мать Апраксии
 Кабы было пированьё-столованьё
- 5 А на многи князи, всё на бояра,
 А на руських могучих сё богатырей,
 А на тих полениць да злых удалых,
 А на тех же купчей, гостей торговых,
 А на лучших хресьян да православной мир.
- 10 Кабы пир-от идёт нонь о полупира,
 Кабы стол-от идёт нонь о полустола,
 Кабы день-от идёт, братцы, ко вечеру,
 Кабы солнышко катитсе ко западу,
 У нас все ле на пиру да напивалисе,
- 15 У нас все ле на чесном да наедалисе,
 Кабы все ле на пиру стали пьяны-веселы,
 Кабы все ле на чесном да приросхвастались.
 Кабы воры-ти бояра как подмолвщыки,
 Они злы ле, толстобрюхи подговорщыки,
- 20 А подмолвили князя они Владимира:
 «У нас всем ионьце боярам служба явлена,
 У нас всем богатырям служба надмечена,
 А да Васиньки да службы, право, долго нет,
 Касимирову нонь служобка надмечена:
- 25 Кабы съездить ему да в землю дальнюю,
 А во дальнюю землю, да во неверную,
 К Абатую царю да к Аботуеву,
 А свести ему пошлина великая:
 Кабы сорок свезти да ясных соколов,
- 30 Кабы сорок свезти да белых кречетов,
 Кабы сорок свезти да ему жеребцов,
 Кабы тех же жеребцов снегривых,
 Кабы сорок свезти ему черных соболёв,
 Кабы сорок свезти да добрых молодцов,
- 35 Кабы сорок девиц да блады красных,
 Кабы штуку свезти да чиста серебра,
 Кабы кипу свезти да красна золота,
 Кабы мису свезти да скатна жамьцюга».
 А на то был Владимир-князь догадливой,
- 40 Наливал он скоро цару зелена вина,
 А не малу, не велику — полтора ведра,

- А припалнивал чашу пива пьяного,
 Кабы турей ле рог да меду сладкого,
 На закуску колачик бел-крупнищатой,
 45 А подносит Владимир перед золот стол:
 «Уж ты ой еси, удалой доброй молодец,
 Кабы русской наш магучей сильней богатырь,
 Молодыя Василей Касимирович!
 Уж ты выпей-ко нынь царю да от меня, князя,
 50 Послужи-тко мне, князю, ты верой-правдою,
 Ты вочью ле, позавочью неизменною,
 Кабы съезди-тко-сь ты ионь в землю дальнюю,
 А во дальнюю землю, да во неверную,
 К Абатую царю да Аботуеву,
 55 А свежи-ко ему пошлина великая!
 А берёт-то эту царю во праву руку,
 Кабы пьёт-то эту царю к единому духу,
 Запивает ле Васька пивом пьяным,
 Заедает ле Васька медом сладким,
 60 А закусыват колачем бел-крупнищатым,
 Кабы сам же он за чарой выговариват:
 «Кабы сколько ле я рад, право, цары-то пить,
 Я вдвоём-де, троём рад службы служить,
 Я для князя-то служить, хоть головы сложить.
 65 Уж ты солнышко батюшко Владимир-князь!
 Уж ты дай-ко-сь ты мне-ка во товарища
 А того же нонь Никиту Приширокого,
 Ты ищэ же мне дай-ко во товарища
 Молодого как Потайюшку Вахромого».
 70 А на то ле был Владимир-князь догадливой,
 Наливал он скоро царю зелена вина,
 Он не малу, не велику — полтора ведра,
 А приполнивал чашу пива пьяного...²
 «Уж вы ой еси, удалы добры молодцы,
 75 Уж вы руськне могучне богатыри!
 Уж вы выпейте по чаре зелена вина,
 Послужите-тко-сь мне, князю, верой-правдою,

¹ Перечисляется по-старому:

Кабы сорок све(зи) да ясных соколов,
 Кабы сорок све(зи) да белых кречетов,
 Кабы сорок све(зи) да ему жеребцов,
 Кабы тех же жеребцов синегривных,
 Кабы сорок све(зи) ему черных соболев,
 Кабы сорок све(зи) да добрых молодцов,
 Кабы сорок девиц да блады красных,
 Кабы штуку све(зи) да чиста серебра,
 Кабы кипу све(зи) да красна золота,
 Кабы мису све(зи) да скатна жамьюга».

² Кабы турей ле рог да меду сладкого,
 На закуску калачик бел-крупнищатой;
 А подносит Владимир перед золот стол:

- Вы вочью ле, позавочью неизменною,
Уж вы съездите с Васильём Касимировым,
80 А свезите вы пошлина великая». А берут кабы богатыри во праву руку,
Кабы пьют эту царю к едину духу...³
Говорит-то им Василей Касимирович:
«Уж вы ой еси, дружина моя хоробрая,
85 Уж пойдете мы, робята, во божью церковь,
Мы помолимся, робята, Восподу Богу,
А тому же нонь Спасу Вседоржителю,
Присвятой матери божьей Богородице.
А тому же как Миколы свет-Моженскому».
90 Говорит-то тут князю он Владимиру:
«Приготовте-ко вы нам, право, черлен караб,
Вы снесите эту пошлину великую,
Вы складите-ко всё это во черлен караб».
Кабы всё-де они склали, приготовили,
95 А пришла эта дружина из божьей церкви,
А ступила как она да на черлен караб.
Тут скомандовал Василей Касимирович,
Он обрать эти сходенки дубовыя,
Кабы взеть якоря да карабельния,
100 А подынуть паруса, право, полотнены.
Кабы дал им Господь тишины пособное,
Кабы скоро перенесло их за синё морё.
Забежали во гавани во тихия,
Опускали как парусы полотнены,
105 А поклали-де сходенки дубовыя.
А пошёл-то тут Василей Касимирович
Ко Батую царю да Аботуеву
А с докладом ему да доложитися:
«Уж вы ой еси, вы царско вы величесво!
110 Привезли мы вам пошлину великую
От того же нонь от князя от Владимира,
Уж мы сорок привезли вам ясных соколов...⁴
Привезли мы вам пошлину великую,
Вы примите-ко от нас да поскорее себе».

³ Запива(ют) ле (богатыри) пивом пьяным,
Заеда(ют) ле (богатыри) медом сладким,
А закусыва(ют) колачём бел-крупичатым.

⁴ Кабы сорок (привезли) да белых кречетов,
Кабы сорок (привезли) да (вам) жеребцов,
Кабы тех же жеребцов синегривных,
Кабы сорок (привезли) (вам) черных соболёв,
Кабы сорок (привезли) да добрых молодцов,
Кабы сорок девиц да блуды красных,
Кабы штуку (привезли) да чиста серебра,
Кабы кипу (привезли) да красна золота,
Кабы мису (привезли) да скатна жамьюга.

- 115 Говорит тут нонь царь да Аботуевич:
 «Я топере от вас, робята, не приму к себе,
 Сослужите-тко-сь мне службу, каку я велю:
 У тя есь ле молодцы да преучёныя
 А с моими борьцами да поборотисе?»
- 120 Говорит ему Василей Касимирович:
 «Кабы знал я науки ваши царския,
 Я привёз бы молодцов тех преучёных
 Со твоима борьцами поборотися —
 А надеюсь как на Спаса Всёдоржителя,
- 125 На присвету ле мать Божью Богородицу,
 На того же Миколу на Моженского,
 На своёго на брата на названого,
 Молодого ле Потанюшку Вахрёмого».
 Кабы позвал дружину да прихоробрую
- 130 Со того же со карабля черленаго:
 «Уж ты ой еси, Потанюшка Вахрёминькой!
 Ты не можешь ле с борьцами да поборотисе?»
 Кабы выбрал царь борьцов да до шестидесят,
 Из шестидесят борцов да до шести-то их,
- 135 Из шести-то их как выбрали как трёх-то их.
 А пошёл-то нонь Потанюшка Вахрёминькой.
 Говорит-то он Василью Касимирову:
 «Кабы как мне позволишь поборотисе:
 По единке с има ле, со всима ле вдруг?»
- 140 Говорит ему Василей Касимирович:
 «Уж-де как твоя сила нонь берёт с има,
 По единке с има, хошь и всех ле вдруг».
 Ево ясны-ти очи помутилисе,
 Как горячи-ти слезы покатилисе,
- 145 А могучие-то плещя расходилисе,
 Молодецко ево серцо да розъярилосе:
 Он одного-то берёт как во праву руку,
 А другого-то берёт он во леву руку,
 А третього-то берёт себе мёж руки,
- 150 Кабы выше своей их вызнял головы,
 Кабы кинул, свиснул их о сыру землю,
 Кабы тут-то ле им да смерть случилосе.
 Говорит опеть Василей Касимирович
 Абатую царю да Аботуеву:
- 155 «Вы примите у нас пошланны великия».
 Говорит ему нонь царь да Аботуевич:
 «Ты привез ле молодцов мне поучёных
 А с моима ле стрельцами пострелетисе?»
 Говорит ему Василей Касимирович:
- 160 «Кабы знал ваши науки, право, царския,
 Я привез бы молодцов да поучёных,
 Я надеюсь как на Спаса Содержителя,

- На своего затим брата на названого,
На того же Микиту Приширокого».
- 165 Приказал царь принести им июнь тугой лук,
А несут его придворныи, право, тугой лук:
Под одним концём несут тридцеть тотаринов,
Под другим концом несут тридцеть тотаринов,
Под середоцькой несут тридцеть тотаринов, —
- 170 Кабы бросили на матушку сыру землю —
Подрожала тут матушка сыра земля;
Принесли-то как нонь стрелочку каленую,
Кабы тоже несут тридцеть тотаринов,
А несут-то тетивочку шолковую,
- 175 А несут-то ле ей тридцеть тотаринов.
А пришёл-то Микита Приширокой же,
Кабы взял он этот июнь тугой лучок,
Он поставил конеч да на сыру землю,
Кабы прижал он, Микита, их тугой лучок,
- 180 Разломилса тут лук на мелки дребезги,
Он убил дребезгами сто тотаринов.
Кабы сам же он затем да выговаривал:
«Как у нашего-то князя у Владимира
Кабы этими луками бабы шерсти бьют».
- 185 Говорит ле тут Василей Казимирович
Абатую царю да Аботуеву:
«Ты прими-ко у нас пошлина великая,
Отпусти-ко-ся ты нас, да добрых молодцов».
Говорит-то ему как Абатуй нонь царь:
- 190 «Ты горазд ле играть со мной во шахматы?» —
«Я надеюся на Спаса Вседержителя...
Я надеюся на ся, на добра молодца,
Поиграти с тобой как в мелки шахматы».
Они начали играть как в мелки шахматы,
- 195 Они первой раз ступили — царь не доступил,
Они второй раз ступили — царь переступил,
Кабы третьей раз ступили, дак он с доски упал.
А схватил его Василей за черны кудри,
Кабы сдынул его как выше головы,
- 200 А свиснул-то его да о кирпичат пол,
Как и тут-то царю да смерть случилосе.
Говорит ле тут Василей Казимирович:
«Уж я што же сижу, да на кого глежу?»
Выдаваю своих братьёв я названых».
- 205 Он бросилсе, Василей, вон на улицу,
Кабы взял свою палицу буёвую,
Кабы начал он палицей помахивать,
А куды же он махнёт, дак лежит улица,
Поворот куда даёт, дак — переулками;
- 210 А Микита взял обломки у туга лука,
Он-де начал обломками помахивать,

- А Потанюшка схватил тотарина, кой больше всех,
 Кабы начал он тотарином помахивать.
 Они бились тут, дрались да челы суточки,
 215 Не пиваючись они да не едаючись,
 А на малой-де час здоху не имеючись,
 А прибили они всех до единого,
 Ради вести как оставили единого.
 А пошли они тогда на свой черлеи караб,
 220 Кабы дал Бог им тишины пособной же,
 Возвратились они на свою сторону.
 А пошли это они да во божью церкву,
 Помолилися они как Господу Богу,
 А тогда пошли ко князю ко Владимиру,
 225 А предложили поезку молодецкую,
 Тогда сдали посылку всю князевскую,
 Кабы всю назад всю пошлину великую.
 А со той же со радости великой,
 Завелса тут у князя-то почесен пир.

№ 18

- Говорил солиышко Владымер-князь:
 «Уж ты ой еси, Дунай сын Иваинович!
 Ты прибирай себе товарищов».
 Говорит Дунай сын Иваинович:
 5 «Уж ты ой еси, солиышко Владымер-князь!
 Я возьму себе Олѣшиньку Поповича,
 Нам, двоим робятам, веселе будѣ,
 Я возьму себе Добрынюшку Микитича,
 Троним нам, робятам, веселе будѣ».
 10 Говорил старой Илья Муромец:
 «Возьмите меня, говорит, в товариши,
 Усмотрел я свету белого,
 Истоптал я матушки сырой земли». —
 «Нам не нать старой Илья Муромец».
 15 Говорил солиышко Владымер-князь:
 «Вы свезите у меня дани-пошлины
 Царю Батую Каймановичу,
 Завалились эти дани-пошлины за двенадцать лет,
 Нать свезти Батую царю Каймановичу:
 20 Сорок сороков черных соболей,
 Сорок тысячей по шшету золотой казны,
 Сорок неученых больших жеребцей».
 Сталн суряжать нов черлен карабль,
 Сталн грузить на черлеи карабль
 25 Сорок сороков черных соболей,
 Сорок тысячей по шшету золотой казны,
 Сорок неученых больших жеребцей.

- Пошли они во божью церковь
Помолитца Спасу Вседержателю,
30 Пресвятой матерь Божьей Богородицы,
Распрошшаются с солнышком Владымером
И с той же княгиной Апраксией,
И с тем же старым Ильей Муромцем.
Тогда заходят они на черлен карабль,
- 35 Поклали они сходенки дубовые,
Вытягивали они якори булатные,
Роспускали паруса канифасные,
Отправились тогда за синё море.
Деничѣк бежат они до вечера
- 40 И темную ночь до бела света,
Второй день бежат они до вечера
И темную ночь до бела света,
Третей день бежат они до вечера
И темную ночь до бела света.
- 45 Прибегают они близко к берегу,
Опускали паруса канифасные,
Пометали якори булатные,
Клали они сходни кончом на́ берег.
Тогда выходит Дунай сын Иванович,
- 50 Выходит он на крутой берег,
Затыкал он копейцо бурзомецкое
Тупым концом в землю, острым — под верхом.
Стал он ребятам наказывать —
Тому ли Олѣшиньки Поповичу,
- 55 Тому ли Добрынюшки Микитичу:
«При последней поры, при времени
Станет копейцо когда ржавети,
Тогда я буду во неволюшки».
Приходит он к царю Батуишшу,
- 60 Заходит в его гридну светлую.
Говорил Дунай сын Иванович:
«Уж ты ой, Батуй-царь Кайманович!
Я привез тебе дани-пошлины:
Сорок сороков черных соболей,
- 65 Сорок тысячей по шмету золотой казны,
Еще сорок неученых больших жеребцев,
Прими мои дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития».
И сказал Батуй сын Кайманович:
- 70 «Не приму я у тебя дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития.
Накину на тебя службу царскую:
Можешь ты играть со мной в пешечки валóвые,
Валóвые пешечки точёные?»
- 75 Приносит Батуй доску́ железную,
Вот и стали они играть пешками валóвыми,

- Валовыма пешками точёныма.
 Ступил Батуй сын Кайманович
 Своей пешкой точёною,
 80 Ступил Дунай сын Иванович.
 Ступил Батуй во второй раз,
 Ступил опеть Дунай сын Иванович.
 Ступил Батуй во третий раз,
 Ступил Дунай сын Иванович.
- 85 В четвёртой Батую ступить некуда,
 Батую тогда не погленулосе.
 Берет Дунай сын Иванович
 Пещецьну дóску железную
 И бросил ее во дверь железную —
 90 Вышиб дверь с ободвериной.
 Призвал Батуншко двенаццетъ тотаринов,
 Повели Дуная в темницу темную,
 Привязали его коня доброго...
 Выходит Добрыня на крутой берёг,
 95 И выходит Олёшинька Попович блад,
 Посмотрели копейцо бурзомецкое —
 Затускло копейцо бурзомецкое.
 Выводят своих коней добрых,
 Берут свои доспехи богатырские,
 100 Надевают они платьцо военное,
 Садятца они на добрых коней,
 Поехали они скоро-на́скоро
 Искать своего товаришша,
 Того же Дуная Ивановича.
- 105 Приежжают они в царство Батуево,
 Увидели Дуная коня доброго,
 Стоит он у столба дубового,
 Пробил он землю по колён земли.
 Тогда услышит их Дунай сын Иванович,
 110 Что приехали его товаришши,
 Говорил он Добрынюшки Микитичу:
 «Сопни́ эти двери со тугих замков,
 Выведи меня вон на улицу».
 Сопнул Добрынюшка Микитьевич —
- 115 Слетели двери со тугих замков,
 Выходил тогда Дунай вон на улицу.
 Пошли они к царю Батуишшу,
 Опеть сказал Дунай сын Иванович:
 «Уж ты ой еси, Батуй сын Кайманович!
- 120 Прими у нас дани-пошлины
 Без бою, без драки, без кроволития». —
 «Не приму я у вас дани-пошлины
 Без бою, без драки, без кроволития,
 Накину я на вас службу царскую:

- 125 У мня есть жеребец неученой,
 Можете ли вы на нем ездити?» —
 «Веди жеребца неученого», —
 Сказал Добрынюшка Микитьевич.
 Ведут двенадцать тотаринов
- 130 Жеребца неученого на цепи жалезной.
 Накладывал Добрынюшка Микитьевич
 На жеребца узду тосьмяниую,
 Накладывал седелко тосьмянное,
 Скочил Добрыня на добра коня,
- 135 Понёсса он по чисту полю.
 (Не сказано, сколько он ездил.)
 Идёт жеребец ступцой бродовою.
 «Убирайте своего коня доброго,
 Довёл я коня до пропасти.
 У нас на еких конях в городи
- 140 Ездят только старухи по миру».
 Идут они к царю Батуишшу,
 Говорил опеть Дунай сын Иванович:
 «Уж ты ой еси, Батуй-царь Кайманович,
 Прими у нас дани-пошлины
- 145 Без бою, без драки, без кроволития».
 Отвечает Батуй-царь Кайманович:
 «Не приму я у вас дани-пошлины
 Без бою, без драки, без кроволития,
 Наложу я на вас службу царскую:
- 150 Есть у меня тугой лук и калена стрела,
 Можете ли вы нашим тугим луком стрелеть?»
 Несут лук два тотарина,
 Каленú стрелу третей несет.
 Выходил Олешка вон на улицу,
- 155 Натянул он тогда тугой лучок
 И вкладывал стрелочку каленую —
 Розлетелса лук на три жеребья.
 Заходит Олешка в гридню светлую:
 «Что, говорит, над нами смеесся ты,
- 160 Приносишь нам насмех такой лучок:
 Только стреляцца малым робятам,
 А не нам, богатырям, таким лучком!»
 Снова говорит Дунай сын Иванович:
 «Уж ты ой еси, Батуй-царь Кайманович!
- 165 Прими у нас дани-пошлины
 Без бою, без драки, без кроволития». —
 «А не приму, говорит, я дани-пошлины
 Без бою, без драки, без кроволития:
 Сорок сороков черных соболей,
- 170 Сорок тысячей по сцету золотой казны,
 Сорок неученых больших жеребцей».
 Выходили они вон на улицу:

- Во-первых, Дунай сын Иванович,
Во-вторых, Добрынюшка Микитич блад.
- 175 Приходят они ко своим коням добрым,
Скакали они на добрых коней,
Стали секчи рать-силу великую.
Тогда выходит Олёшинька Попович блад,
Он не может добрацца до добра коня,
- 180 Взял он тотарина за ногу:
«Жиловат, говорит, собака, не порвисся,
Косьливая собака, не изломисся».
Добралса Олёша до добра коня,
Скоро скочил на добра коня,
- 185 Он берёт в руки палочку буёвую
И поехал вдоль по силы по великойей.
Во праву руку он бьёт — лежат улицей,
Во леву руку — переулками.
Повырубили они всю рать-силу великую,
- 190 Не оставили ни одно́го на семени,
Злато-серебро они у их повыграбили.
Тогды заходит Дунай к Батую в гридню светлую:
«Прими, говорит, у нас дани-пошлины
Без бою, без драки, без кроволития».
(На смех говорит.)
- 195 Берет Дунай в руку саблю вострую,
Новую саблю, необновленну,
Обновил у его на бело́й шей,
Ссек у его по плеч голову.
Выходит Дунай вон на улицу
- 200 Из Бату́евой гридни светлойей,
Садятца тогды на своих коней добрых,
Поехали они ко своёму нову караблю.
Доехали до своёго нова карабля,
Спускались они со добрых коней,
- 205 Заводят коней добрых на черлен карабль,
Убирали они сходенки дубовые,
Вытягали они якори булатные,
Роспускали паруса канифасные.
Забегали тогды в гавань карабельную,
Опускали паруса канифасные,
- 210 Поклали они сходни кончом на́ берег,
Выносили они якори булатные,
Укрепили они нов-черлен карабль,
Выходили они на крутой берег,
Пошли в город-царство Батуево.
- 215 Стали носить товары разные на черлен карабль,
Носили они товары разноличные:
Носили они злато-серебро,
Все грузили на черлен карабль,
Заводили коней самолучших.

- 220 И заходят молодцы на черлен карабль,
Клали якоря булатные на черлен карабль,
Убирали тогда сходенки дубовые,
Роспускали паруса канифасные,
И отправились робята за синё море,
- 225 За синё морё, робята, в стольной Киев-град.
Все они, робята, радёшненьки.
Вот и деничёк бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до бела света,
Второй день бежат они до вечера,
- 230 Бежат темную ночь до бела света,
Третий день бежат они до вечера,
Бежат темную ночь до бела света.
Прибегают они к стольному ко Киеву,
Забегают в гавань карабельную,
- 235 Опускали паруса канифасные,
Выносили якори булатные,
Крепили карабль крепко-накрепко,
Поклали они сходи кончом на́ берег,
Выходят робята на крутой берег.
- 240 Стречат их солнышко Владымер-князь,
И стречат их княгина мать Апраксия,
И стречат их старой Илья Муромец,
Стречат их вся дружинушка хорóбрая.
Тогда говорил солнышко Владымер-князь:
- 245 «Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович!
Тебя милости к нам просим на почесен пир;
Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад!
Тебя милости просим на почесен пир;
Уж ты ой еси, Олёшинька Попович блад!
- 250 Тебя милости просим на почесен пир».
Завелось тут пированье-столованье, почесен пир.
Тогда стал Владымер красно солнышко выпрашивать:
«Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович,
Каково себе поездил, себе путь держал?» —
- 255 «Поездил я по морю по сиему,
Путь моя шла благополучная,
Надеелса я на Спаса Вседержителя,
Надеелса на пресвету мать Богородицу.
Не взял у нас Батуй даи-пошлины,
- 260 Сослужили мы его службы заданные:
Играл я в пешечки валовые —
Обыграл я Батуя скоро-наскоро;
И ездил Добрыня Микитьевич
На ихном жеребцы неучёном —
- 265 Заездил жеребца прямо до пропасти;
Стрелял Олеша тугим луком —
Розлетелса лук на три жеребья.

- Я привез назад данн-пошлины:
 Сорок сороков черных соболей,
 270 Сорок тысячей по счету золотой казны
 И сорок неученых больших жеребцей.
 И повырубали мы всю рать-слу великую
 И ссекли у самого со плеч голову,
 Злато-серебро мы у его повыграбилн,
 275 Разноличные товары все повиносили,
 Самолучших коней взяли в стоальной Киев-град».

№ 19

$\text{♩} = 120$

За_во - ди_лю_се ши - ро - ва_ни(и) - ё - сто - ло - вань - ё
 Да у ла_с(ы)_ко_ва кня_зя у Вла - ди - ми - ра,
 За - во - дил - се по - чес - теи пир.
 Все си - дя_т(ы) гос_ти зва - ны - е,
 Про меж_ду со - бой по_хва - ля - ют - се.
 И ту_т(ы) вы_хо_дит наш Вла - ди - мир - князь.
 Он - то хо_дит нын_ь по гри - ден - ки,
 Он каб - лук о каб_лук по_ко - ла - чи - ват...

- Заводилосе пирóваньё-столóваньё
Да у ласкова князя у Владимира,
Заводилсе почестен пир.
Все сидят гости званые,
5 Промежду собой похваляются.
И тут выходит наш Владимир-князь.
Он-то ходит нынь по гриденки,
Он каблук о каблук поколачиват,
Он ясныма очама приразваживат,
10 Тихо-смирну речь выговариват:
«Вот все сидите, гости званые,
Все сидят, потешаются,
Промежду собой похваляются.
Есть на вас ныне служебка,
15 На того же бы Васильюшка,
Да Василья Касимирова.
Он (ы) съездит в землю дальнюю
Свезти дань ныне пошлины,
Да которы завалились за двенадцеть лет,
20 [Да не русским не выплатить
Всё казне мурзомецкою],
Да Батую Кайманову.
Ныне сколько ездило богатырей,
Оттуль ниhto не ворочалсе.
25 Че нынэ надо съездить туда
Да свезти дани-пошлины,
Да которы завалилисе,
Завалились за двенадцеть лет:
Ныне сорок сороков черных соболей,
30 Да бы сорок тысяч больших жеребцов,
Сорок тысяч золотой казны,
И не расчитаться нам начисто».
Что тут вставал наш Василей нынь,
Да Василей Касимирович,
35 Он вставал на резвы ногí,
Говорил таковы слова:
«Ты ле ой еси, наш солнышко,
Ты бы, солиышко Владимир-князь,
Еще дай мне товарища,
40 Мне товарища Добрынюшку,
Нам двоим-то ребятам веселó будёт».
Тут вставал как Добрынюшка,
Он вставал на резвы ногí,
Говорил таковы слова:
45 «Ой еще дайте Олешеньку,
Нам троим бы, ребятушкам,
Нам троим веселó будёт».

- И согласились тут ребятушка,
Им бы дал нынь Владимир-князь.
- 50 «Нынь Владимир-князь, наш солнышко,
Ныне дай нам, нам волюшку,
Снаряжай нам черлен караб.
Вы грузите добрых коней,
Вы отсчитывайте нам золото,
- 55 Всю бы дань нам бы пошлины,
Нам бы съездить в землю в дальнюю,
Нам свезти бы дани-пошлины
Ко Батую Кайманову».
- И снарежались добры молодцы,
- 60 Отправлялись наши молодцы,
Им грузили же дани-пошлины.
Тут принимал у нас Василей Касимирович
Всю бы дань ныне пошлину,
Как котора завалилась нынь,
- 65 Завалилась за двенадцать лет,
Рассчитаться ему начисто.
Ведь снарежались ребятушка,
Сподоблялись в дальню дóрожку.
И они пошли бы нынь, ребятушка,
- 70 К пресвятой Богородицы:
«Не посóбит ли нам нынь она,
Нам свезти бы дани-пошлины,
Как которы завалились,
Завалились за двенадцать лет,
- 75 Рассчитаться с им бы начисто».
Да тут пошан бы трое ребятушка,
Помолились создателю,
Как создателю небесному,
Как (пре)святой Богородицы.
- 80 И они брали коней добрых,
Заводили они на карабли,
И брали всю дружинушку,
Всё дружинушку хорошую,
Всё хорошую, послушную.
- 85 И распростились ребятушка
Ныне с Владимиром-солнышком,
Да бы (с матерью) с Апраксеей,
Тут и Ильёй старым Муромцем,
И распростились с богатырям,
- 90 И со малыма, могучима,
Отправлялись на карабли,
Распростились, поехали.
Да поклали они сходенки,
Оне убрали тут якоря,
- 95 Распустили белы парусы.
Оне бежали день до вечера,

- Темну ночку бела светá.
 Пробежали трои сутоки
 И тут завидели нынь ту землю,
 100 Да землю-ту Батуеву.
 Там стоят черны карабли.
 Они подóбрали себе местó,
 Тут бы местечко подткрытое,
 Они пристали на своё место:
 105 «Не схватали хошь бы тотара бы,
 Нынь тотара нечестивые».
 Выводили коней добрыя,
 Становили белы шатры
 И распростилисе с дружинишкой,
 110 Да с дружинишкой хорошей:
 «Есле будём мы когды живы,
 Мы воскликнем вам громким голосом —
 Вы спешите тогды к нам скоро-наскоро.
 Не сдавайтесь тотарам нынь,
 115 Подьте ныне в морё синё,
 Там бы плавайте во море вы.
 Мы повезем дани-пошлины,
 Мы расплатимсе с Батуем бы».
 Выносили дани-пошлины,
 120 Ай тут отпавились ребяташка,
 Нынь ребята во синё морё.
 Те осталисе на крутом бережку:
 Да Василей Касимирович,
 Да Олëshенька Попович брат,
 125 Да Добрынюшка Никитич-от.
 Они пировали тут бы сутоки,
 Ай столовали они двон тут.
 Да на третьи просыпалисе,
 Отправлялися к Батую нынь,
 130 Как везти бы дани-пошлны,
 Да которы завалилися,
 Завалнлись за двенадцеть лет,
 [Да ие русским ли не выплатить
 Всё казне мурзомецкой.]
 135 Поезжает нонь Василий Каснмирович,
 Распрощалсе бы с братьями.
 Они друг с другом побратовалисе,
 Назвалися родныма братьями,
 Чтобы друг друга в горе не выдать бы.
 140 Он поставил стальной бы нож,
 Он заткнул иынь в столешницу:
 «Есле буду я живой — не будет нож бы ржáвети,
 Есле буду я в неволюшки —
 Тут прокаплет кровь ле бы красная».

- 145 И он бы сел, добрый молодец,
Распростилсе с товарищам,
Он поехал в столицу нынь,
Нынь к Батую, ему дань везти.
Разъезжал-ко добра коня,
- 150 Он скакал он теперь через башню угольную,
Через стену городовую.
Конь копытами да не задел.
Он поставил коня доброго,
Не привязывал коня теперь:
- 155 «До моего коня и дела нет».
Он пошел к Батую в гридню светлую.
Под им лесенки сгибаются,
Да от рук вереюшки шатаются.
Он не спрашивал у дверей придверничков,
- 160 У ворот приворотничков.
Он идет в гридню светлую.
Он заходит в гридню светлую
И здороваеетсе с товарищем,
Да с тем же Батуем же.
- 165 «Ты гой еси, добрый молодец!
Ты куда же ныне правишьсе,
Ты куда перепуть дёржишь?»
Ты прнехал битьсе-ратитьсе,
Али нонь ты за добрым делом,
- 170 За добрым делом, за сватаньем?» —
«Я приехал к тебе с данью-пошлиной,
Я не битьсе, не ратитьсе,
И с тобой не кровавитьсе.
Я привез тебе дань-пошлину,
- 175 Завалилась за двенадцать лет,
Рассчитаться с тобой начисто:
Что как бы сорок сороков больших жеребцов,
Сорок тысяч черных соболей,
Сорок тысяч золотой казны.
- 180 Прнмай от меня да дани-пошлины
Да без бою, без кроволития». —
«Я не приму от тя дани-пошлины
Без бою и без кроволития».
Говорит нынь Василей наш:
- 185 «Прннимай нынь дани-пошлины
Без бою, без кроволития.
Давай теперь играть со мной:
Мы играть станем нынь во шахматы».
Да во первый раз Василей ступил,
- 190 Во второй раз Батуй-от сходил,
А во третий раз ступить не мог.
Тут схватил Батуй Васнльющка,

- Он брал за праву руку,
Он повел вон на улицу,
195 Посадил в башню заугольную,
Он навесил замок тяжелый тут.
У Добрыни нож стал ржавиться,
Стал он ржавиться, кровавиться.
Говорит Добрыня Олешеньке:
200 «Знать он, добрый молодец,
В неволе сидит-то посаженной».
И он скочил на добра коня,
Покатилсе во чисто поле.
Он оставил Олеше нож,
205 И поехал наш Добрынюшка
Ко Батую Кайманову.
Он скакал через стеночку,
Через стену городовую,
Он поставил коня доброго,
210 Он оставил не приказана,
Не приказана, не привязана:
«До моего коня и дела нет».
Прямо едет он в гридню светлую.
Он не спрашивает у дверей придверничков,
215 У ворот приворотничков.
Как осердилсе наш Васильюшко,
Расходилась кровь горячая,
Распалилось ретиво сердце.
Он встает на резвы ноги,
220 Отворяет дверь с ободвериной:
Перед им ведь Добрынюшка Микитич же.
Впереди идет Добрыня нынь,
А позади его Васильюшка.
Они бежали в гридню светлую
225 Ко Батую Кайманову:
«Принимай дани-пошлины,
Завалились за двенадцать лет,
Без бою, без драки, без кроволития». —
«Не принимаю я так дани-пошлины
230 Без бою, без кроволития».
Говорит нынь Добрынюшка Микитич же:
«Ну и теперича нам бы да Олешеньку».
Тут Олеше не стерпелосе,
Он поехал в тое времечко
235 Ко Батую Кайманову.
И они так же пришли да нынь
Да во гридню во светлую,
Да во лежню во теплую.
Собирались тут богатыри,
240 Нынь богатыри могучие:
«Примай дани, примай пошлины

- Без бою, без кроволития». —
«Я не примаю нынь так от вас
Без бою, без кроволития».
- 245 Тут говорят сколько ребята же,
Побегаёт наш Добрынюшка,
Наш Добрынюшка Микитич же,
Он ко своему коню ко доброму.
Навалилась тут сила тотарская:
- 250 Как бы ныне в поле чернь чернеется —
Все наскакивают на Добрынюшку,
Не дают ему волюшки.
Он и сел на добра коня,
Он рубил-косил силу великую.
- 255 Как и сколько он бьёт,
Другá столько конь топчёт,
Тут рубил-топтал у нас Добрынюшка.
Да Олешенька Попович млад
Да ничего не разговариват,
- 260 Побегаёт он ко своему коню доброму,
Ко добру нонь коню стоялому —
Тут тотара на его наскакивают.
Он бы взял тотарина да за резвы ноги,
Он и тут приговариват:
- 265 «Как кость на кость ныне не сломится,
Еще жила на жилу не погнется».
Он тотарином помахиват,
Ко коню приближается,
Заскакиват Олеша на добра коня,
- 270 Он секет-рубит силушку татарскую,
Забивает нынь силу великую.
Тут поехали ребяташки:
Один идет по ту руку,
Он рубит другой другу сторону —
- 275 Они идут ко Батую в гридню светлую.
Тут Васнлей уговариват,
Всё Батую дань наваливат.
Рассердился наш Васильюшко,
Побегаёт вон на улицу,
- 280 Он садился на добра коня,
Он рубить стал эту силушку.
Они бились нонь, ратилисе,
Они с утра день до вечера,
Еще темну ночку до бела света.
- 285 Нет устатку добрым молодцам
И добрым коням отдóху нет.
Они трое суток тут билися,
Всех они выбили до единого.
Воротилисе ребяташка

- 290 Ко царю ко Кайманову,
И заскакивают ребятушка
Как во гридню во светлую,
Как во лежню во теплую,
Говорят таковы слова:
- 295 «Принимай от нас дани-пошлины
Без бою, без кроволития». —
«Нет, не приму я нынь дани от вас
Без бою, без кроволития».
Тут схватнлся Васильюшка,
- 300 Он бросался к Добрынюшке,
Да Добрыня к Олешеньке,
Да Олеша живота лишил.
Тогда поехали к белым шатрам,
Ко дружинушке хорошей.
- 305 Ее кличут они громким голосом,
Глядят во трубочку подзорную,
Закричали громким голосом:
«Подбегайте, наши друзья-товарищи,
Нынь теперь ко шатрам белым,
- 310 Вы не бойтесь теперь силы тотарские».
Подбегают тут ребятушка
Ко крутой горы, ко бережку,
Как бы к тем ко белым шатрам.
Тут ребятушка возрадовались,
- 315 Что у нас воротилисе.
Говорит тогда Васильюшка Касимирович,
Говорит таковы слова:
«Вы, дружинушка хорошая,
Нынь заводите на корабли добрых коней,
- 320 Побежим в стольний Киев-град».
Нагрузили чистым золотом,
Нагрузили целы корабли,
Наклали двенадцеть кораблей,
Побежали в стольний Киев-град.
- 325 А там давно старой ходит, посматриват,
В золотую трубочку поглядыват:
«Наш Василей Касимирович бежит,
Целы карабли золота тащнт».
Тогда встречали все радешеньки.
- 330 И подбегает сам Владимир-князь.
Тут встречают добрых молодцов
Поленицы приудалые,
Да они люди торговые,
Тут встречают добрых молодцов,
- 335 Тут пошел у них почестен пир.
Тут пошло пиrowанье-столованье.
(*Вот тут и конец.*)

№ 20

♩ = 96

Как во стольном бы - ло го - ро - де во Ки - е - ве,
 Как у ла - с(ы) - ко - ва к(ы) - ня - зя да у Вла - ди - ми - ра
 За во - ди - ло - се пи - ро - ва - н(и) - ё - сто - ло - вань - ё,
 Как пи - ро - вань - ё - сто - ло - ва - н(и) - ё, по - чес - тен пир.
 Как бы все нын на пи - ру да на - пи - ва - ли - се...

- Как во стольном было городе во Киеве,
 Как у ласкова князя да у Владимира
 Заводилосе пирóваньё-столóваньё,
 Как пирóваньё-столóваньё, почестен пир.
- 5 Как бы все нын на пиру да напивалисе,
 Как бы все нын на честнóм да наедалисе,
 Как бы все нын на пиру да пьяны-вёселы,
 Как один тут добрый молодец
 Он не пьёт, не ест, ништо не кушает,
- 10 Он ничím, молодец, не восхваляйтце,
 Как бы ходит нын Владимир-князь по комнаты,
 Он ножка о ноженьки похлопывает,
 Каблук бы о каблук да поколачивает,
 Из речей тут бы Владимир да выговариват:
- 15 «Уж и гой еси, гости все вы званья!
 Как бы все на пиру вы да напиваетесь,
 Как бы все вы на честнóм да похваляйтесь,
 Как один-то Добрыня, да доброй молодец,
 Он не пьёт тут-то чару топерь заздравную
- 20 Да за царя православного,
 За царнцу благоверную».
 (Дальше ничего не помню.)

ИДОЛИЩЕ СВАТАЕТ ПЛЕМЯННИЦУ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

№ 21

- Как во славной Земли было Турецкой,
 У Гремита-короля, сына Манойлова,
 Кабы было-де пированье, столованье,
 Кабы был-то у их, братцы, почесен пир
 5 Ах на многих на князей, всё на бояров,
 Да на тех же турзов-мурзов удалых,
 Как на тех же палениц да преудалых.
 А Гремит-король по полику погуливат,
 Как сапог-де о сапог да поколачивает,
 10 Как скобоцька о скобоцьку пощолкиват,
 Кабы русыма кудрями сам натряхиват,
 Кабы ясныма оцямн сам розглядыват,
 Да весёлую речь сам выговариват:
 «Ой вы ой есь, мои князя-бóяра!
 15 Уж вы сильные могуты всё богатыри!
 Уж вы ой есь, купци-гости торговые!
 Уж вы ой есь, кресьяна православные!
 Ище хто же из вас знает сужону,
 А по-руськи назвать жоной венчальную —
 20 По-немецки назвать супружницу:
 Как статным была статна, да полна возрастом,
 Как лицом была она, да аки белой снег,
 А глаза-ти у нее да ясна сокола,
 А как брови у нее да чёрна соболя,
 25 Как реснички у ее, штобы сиза бобра,
 Как сиза бы бобра да всё сибирского,
 Как походецька у ней была упавная,
 Кабы речь-поговоря тихо-смирная?»
 Кабы меньши хоронятся за средних,
 30 Кабы средни хоронятся за больших,
 Как от больших Гремиту всё ответу нет.
 Как сидел за столом да за передним,
 Как на том жо на стуле всё на золоте
 Молодой-де Идол да сын Жидойлович.
 35 Вышину был Идол да две сажени нынь,
 Ширину был Идол да как коса сажень,
 Как коса же сажень да нынь печатная.
 Как ставал-то Идол да на резвы ноги,
 Подходил-то ко Гремиту поближешенько,
 40 Поклонялся он Гремиту понижешенько:
 «Уж ты ой еси, Гремит да сын Манойлович!
 Ты позволь-ко, Гремит, да слово вымолвить,
 Не позволь-ко за слово скоро сказнить,
 Нескоро ты сказнить, скоро повесити». *

- 45 Говорит-то Гремит да сын Манойлович:
«Уж ты ой еси, Идол да сын Жидойлович!
Говори ты, Идол, да не упадывай,
Не единого слова не затаивай». —
«Я то прежде-то был да в земли Руськоей,
- 50 Я во том-то во городе во Киеве,
У того-то у князя у Владимира,
У того-то бы есь нынѣ племянница,
Кабы та же ли Анна-княженецька дочь.
Как статным она статна, да полна возрастом,
- 55 Как лицом-де она, да аки белой снег,
Как глаза-то у ее да ясна сокола,
Кабы брови у ее да чѣрна соболя,
Как реснички у ее, аки сыза бобра,
Как походецька у ей, будто упавная,
- 60 Ищѣ речь-поговоря тихо-смирная». —
Наливат-то Гремит сын Манойлович,
Наливат он чару зелена вина,
А не малу, не велику — полтара ведра,
Припалниват чашу пива пьяного,
- 65 На заедку турей рог да мѣду сладкого,
На закуску колачик бел-круписчатой.
Подавал-то Идолу 'сѣ Жидойлову:
«Прими, выкушай ты чару зелена вина,
Послужни ты ли мне да верой-правдою,
- 70 Ты вочью-де, позавѣчью — не изменю,
Ты ле съезди во стольнѣй во Киев-град,
Ты посватайся на Анне княженевской,
Уж ты — чесью дают, дак бери с радосью,
Ищ' ле чесью не дают, дак бери нечесью,
- 75 Розгромни их полаты белокаменны,
Посади князя в злодейку землю тюрьму». —
Говорит-то Идол да сын Жидойлович:
«Уж ты ой еси, Гремит да сын Манойлович!
Ищѣ сколько я рад да был чару пить,
- 80 Ищѣ вдвое я рад службы служить,
Службы служить, да головы сложить.
Погрузи ты мие черленых тридцетъ караблей,
Ищѣ дай мне-ка силы тридцетъ тысецей». —
Как пошел-то Идол да сын Жидойлович
- 85 Как на те же черлены больши карабли,
Обирали якоря новы булатныя,
Обирали все те сходенки дубовыя,
Роспускали паруса белы полотнены,
Побежали-то по батюшку синю морю.
- 90 Как одна-та сторона там знаменулася,
Как друга-то сторона да показалася,
Подбегали-то во гавань карабельною,

- Как во ту жо во пристань во глубокою,
 Опускали парусы белы полотнены,
 95 Выкатали якоря новы булатныя,
 Кабы клали-то сходнн кончём на берег.
 Как пошел-то Идол да сын Жидойлович,
 Да идёт-то во славной стольнёй Киев-град.
 Как заходит-то во славной стольнёй Киев-град,
 100 Как идёт-то к полаты княженевской,
 Да заходит на крылецько на прекрасное —
 Как под им-то крылецико кацяется,
 Косяки-де, перила покосилися.
 Да не спрашивал у дверей он придверников,
 105 У широких ворот да приворотников,
 Да заходит нынь в полаты белокаменны,
 Да проходит-то в новы ныньце горницы —
 Кабы руським богам Богу не молитця,
 Как Владимиру-князю он челом не бьёт,
 110 Он челом-де не бьёт, да голову не гнёт.
 Подходил ' ему солнышко Владимир-князь:
 «Уж ты здравствуй, Идол да сын Жидойлович,
 Ты куды же поехал, куды правишсе,
 Ты куды же, Идол, да ныньце путь держишь?»
 115 Говорит-то Идол да сын Жидойлович:
 «Я бы еду от Гремита-короля сына Манойлова,
 Я приехал к тебе ныньце посвататьця,
 Да на той же на Анны княженевской.
 Кабы чесью отдашь, дак возьму с радосью,
 120 Кабы чесью не отдашь, дак возьму нечесью,
 Розгромлю твои полаты белокоменны,
 Засажу тебя в злодейку землю тюрьму». —
 И весьма-то испужался князь Владимир тут,
 Побежал Владимир во второй покой,
 125 Как ко той ко Анны княженевской:
 «Уж ты ой есь, племянница любимая!
 Уж пришел на тебе да жених свататьця
 От Гремита-короля сына Манойлова,
 Да приехал-то Идол да сын Жидойлович,
 130 Кабы чесью идёшь, дак берёт с радосью,
 Ищэ чесью не идёшь, дак берёт нечесью,
 Розгромит мои полаты белокаменны,
 Засадит меня в злодейку землеу тюрьму». —
 Говорит ему Анна-княженевска дочь:
 135 Уж ты ой еси, Владимир славно-киевской!
 Ты не стой-ко за ж(опу) ты за бабию,
 Не теряй-ко свою да буйну голову». —
 Кабы стала-то Анна снаряжатися,
 Ищэ стала она да сподоблятисе,
 140 Надевала на ся да платьё цветноё,
 Как брала с собой ящицёк хорошинькёй.

- Как оттуль-то Владимир поворот доржит,
 Подходил он к Идолу ко Жидойлову,
 Подносил ему цяру зелена вина,
 145 Да не малу, не велику — полтара ведра,
 Говорит-то Владимир таковы слова:
 «Уж ты ой еси, Идол да сын Жидойлович!
 Прими выкушай ты чару зелена вина,
 Ты помешкай немножко, всё поправитце».
- 150 Как берёт-то Идол да единой рукой,
 Выпивает Идол да к едину духу,
 Да поправилась Анна-княженевска доць,
 Как пошла-то на черлены больши карабли,
 Да пошел там Идол да сын Жидойлович
- 155 Да на те же на черлены больши карабли.
 Обирали якоря новы булатныя,
 Обирали они сходни вси дубовыя,
 Роспускали паруса белы полотнены,
 Побежали-то по батюшку синю морю.
- 160 А бежали-то по батюшку синю морю —
 Там одна-де сторона знаменулася,
 А друга-де сторона там показалосе.
 Выходила-то Анна вон на улицу
 Да подале, на черлёны больши карабли,
- 165 Увидала-то бы там да видно чад велик,
 Ищэ чад бы велнк, да дым столбом валит.
 Заходила-то назад да в черной карабель,
 Подходила-то к Идолу ко Жидойлову:
 «Уж ты ой еси, Идол да сын Жидойлович!
- 170 У вас ётам-то ле што ле будто чад велик,
 Ищэ чад велик, да дым столбом валит?»
 Говорит-то Идол да сын Жидойлович:
 «Уж ты ой еси, Анна-княженевска дочь!
 Уж варят нам на свадьбу кобылятину,
- 175 Ищэ жарят нам на свадьбу жеребятину».
 Говорит ему Анна-княженевска дочь:
 «Уж ты ой есь, Идол да сын Жидойлович!
 Мне нельзя идти по батюшку синю морю,
 Ищэ сённи-то мне-ка именинной день».
- 180 Говорит-то Идол да сын Жидойлович:
 «Уж вы ой еси, мои да слуги верныя!
 Опускайте паруса белы полотнены,
 Вы мецте якоря новы булатныя,
 Нам нельзя идти по батюшку синю морю».
- 185 Как пошел тогда пир у их навеселы,
 Пировали-столовали целы сутоцьки.
 Из ума-то Идол тут выпиваетця,
 Одолила бы хмелинушка великая,
 Кабы заспал Идол да сын Жидойлович,

- 190 Кабы спит-то храпит, да как порог шумит.
 Как брала-то ли Анна-княженевска дочь,
 Как брала-то свою да саблю вострую,
 Как отсекала у Идола по плечь голову.
 Росходилоь его тулово поганое,
- 195 Да поганое тулово, сердитоё, —
 Поимало мачту карабельную,
 А бы вымело-то мачту во мелкó щепьё,
 Усмиряло это тулово поганое,
 Ищэ пало во черной большой карабель.
- 200 Как скамандовала Анна-княженевска дочь,
 Как собирали якоря новы булатныя,
 Роспускали паруса белы полотнены,
 Побежали нынь во стольной славной Киев-град
 Ко тому ноньце ко князю ко Владимиру.
- 205 Прибежали-то во стольной славной Киев-град,
 Опускали паруса белы полотнены,
 Выкатали якоря новы булатныя,
 Да повывклали сходни кончём на берег.
 Да пошла-то ли Анна-княженевска дочь
- 210 Как во тот жо во славной стольной Киев-град
 Ко тому же ко князю ко Владимиру.
 Заходила нынь в полаты белокаменны,
 Походила-то подале в нову горничу
 К самому ноньце ко князю ко Владимиру:
- 215 «Уж ты здраствуй, дядюшка Владимир-князь!
 Убирай ты черлены большы карабли».

№ 22

♩ = 192

Как во той ли-то зем-ля да во Ту-ре-ц(и)-ко-ей

У Ва-си-лий-я то-бы-ло у Ту-ре-ц(и)-ка-го

Пи-ро-ва-в(и)-ё-то шло, да шё-ды по-че-с(ы)-тен шкр.

Го-во-рил тут Ва-си-лий сы-ны) Ту-ре-ц(ы)-ккй же:

"Уж ты гой е-си, И-дой-ло сын И-дой-ло-вич!.."

- Как во той ли то Земли да во Турецкой,
У Василя-то было у турецкаго,
Пированье-то шло да шёл почестен пир.
Говорил тут Василий сын турецкий же:
- 5 «Уж ты гой еси, Идойло сын Идойлович!
Уж ты съезди-ко, Идойло, в стольный Киев-град,
Уж ты сватай-ко, Идойло, Анну дочь Путятичну
За меня-то ведь в законное супружество».
Говорит тут Идойло сын Идойлович:
- 10 «Уж вы гой еси, колдуны да колдуньи же!
Вы сколдуйте-ко Идойлу вы во первый раз,
И какая мне ведь путь будет счастливая,
А счастливая бы путь да несчастливая».
Сколдовали и сказали скоро-наскоро:
- 15 Как вперёд-то Идойлу путь счастливая,
А назад-то Идойлу несчастливая.
Говорит тут Идойло сын Идойлович:
«Уж вы гой еси, колдуны да колдуньи же!
Вы сколдуйте-ко Идойле мне во второй раз».
- 20 Сколдовали и сказали скоро-наскоро:
Как вперёд-то Идойлу путь счастливая,
А назад-то Идойлу несчастливая.
Как садился тут Идойло на черлен кораб,
И поехал тут Идойло да в стольный Киев-град.
- 25 Приезжает он да, верно, в стольный Киев-град,
Еще кладут-то ведь сходни да, верно, на́ берег,
Как соходит тут Идойло сам он на́ берег,
И идёт-то он ко князю ко Владимиру.
Как заходит тут Идойло в гридни светлыя,
- 30 Богу русскому Идойло вот не кланяся
И челом-то не бьет да он Владимиру.
Говорит тут Идойло таковы слова:
«Уж ты гой еси, Владимир стольно-киевский!
Я не гость-то пришёл, да не гостити зашёл,
- 35 Я пришел-то к тебе да вот за сватовством
Как на Анны-то, верно, на Путятичны:
Как отдашь-то ли честью — вóзьмём с радостью,
Не отдашь-то ведь честью — вóзьмём нéчестью».
Как запечалился Владимир стольно-киевский,
- 40 На одно-то плечо надел он шубочку,
На одно-то ухó надел он шапочку
И пошёл ко своей к любимой племяннице,
Как ко Анны-то, верно, ко Путятичны.
Увидала-то его да вот племянница,
- 45 Говорит-то ему да таковы слова:
«Еще три года солнце не каталося,
На четвертой-от год да закатилося». —

- «Уж ты гой еси, любимая племянница!
Еще Анна ты, верно, дочь Путятична,
50 Как пришёл-то слуга да непрошóнный к нам
От Василия-то сына от турецкаго,
Еще сватаёт тебя Василий он турецкий же».
Говорила-то ему да дочь Путятична:
«Уж ты гой еси, любимый мой да дядюшка!
- 55 Ты сряжай-ко-се ты да три кораблика:
Еще первой-от кораблик свинцу-пороху,
Еще второй-от кораб вина заморскаго,
Как вина-то заморскаго, зелья лютого,
Еще третей-от кораблик силы ратной.
- 60 Еще дай-то Добрынюшку Никитича,
Еще дай-то мне Олешеньку Поповича».
Как садилася она да на кораблики,
Выходила-то она да в морё синёе,
Побросали-то они якоря булатные,
- 65 Побросали они да якоря булатные.
Говорит тут ведь Анна дочь Путятична:
«Уж ты гой еси, Олешенька Попович млад!
Ты сними-ко-се, верно, шляпку белую,
Поезжай-ко ты к Идóйлу на черлен кораб,
- 70 Ты скажи-ко Идóйлу таковы слова:
„Как у нас-то рули, верно, не правятся,
Паруса-ти у нас не надуваются.
Как у Анны-то сегодня именинной день
Еще милости-де просим хлеба кушати“».
- 75 Поезжает тут Олёша на черлен кораб,
Говорит тут Олёша таковы слова:
«Уж ты гой еси, Идóйло сын Идóйлович!
Как у нас-то рули да ионь не правятся,
Паруса-ти у нас не надуваются,
- 80 Как у Анны-то сегодня именинной день,
Еще милости-де просим хлеба кушати».
Как на это Идóйло не соглашается.
Как приехал тут Олёша на черлен кораб,
Говорила тут ведь Анна дочь Путятична:
- 85 «Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад!
Уж ты съезди-ко к Идóйлу на черлен кораб,
Ты зови-то Идóйла на честной-от пир».
Как поехал тут Добрыня на черлен кораб,
Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
- 90 «Уж ты гой еси, Идóйло сын Идóйлович!
Еще милости-де просим к нам хлеба кушати,
Хлеба кушати, вина заморскаго пробовати».
Как на это Идóйло соглашается.
И спускает тут Идóйло шляпку черную,
- 95 И отправился Идóйло на черлен кораб.
Как заходит тут Идóйло в гридни светлые

- И садился он-то, верно, за стол дубовый же.
 Как подносят тут Идóйлу чару зеленá вина,
 Как не малу, не велику — в полтора ведра.
- 100 Берёт тут Идóйло единой рукой,
 Как выпивает тут Идóйло единым духом.
 Как подносят тут Идóйлу втору чарочку,
 Как не малу, не велику — в полтора ведра,
 Полтора-то ведра да зелья лютого.
- 105 Говорит тут Идóйло сын Идóйлович:
 «По серёдке чарочки огонь горит,
 По краям-то ведь чарки струйки струятся». —
 Но от чары-то он да не отказывается.
 Как берёт тут Идойло единой рукой,
- 110 Выпивает тут Идóйло единым духом.
 Как выходит тут Идóйло на черлен кораб,
 Еще стало тут Идóйлушку помётывать,
 Еще стало тут Идóйлушку посвистывать,
 Еще стал тут Идóйло за снасточки похватываться.
- 115 За какую снастку хватитсе — снастка пóрветсе.
 Говорит тут Олёшенька Попович млад:
 «Уж ты гой еси, поганое Издойлищо!
 Не тобой-то были́ ведь снасти сна́щены,
 Не тобой-то были́ дерéвца ставлены,
- 120 Не тебе-то, прокляту, обрывати же». —
 Еще стало тут Идóйлушку помётывать,
 Еще стало его ведь пуше вот посвистывать.
 За каку ведь снастку хватитсе — снастка порветсе.
 Говорит тут Добрынышка Никитич млад:
- 125 «Уж ты гой еси, поганое Издойлищо!
 Не тобою-то были́ ведь снасти сиа́щены,
 Не тобою-то были́ дерéвца ставлены». —
 Вынимает тут Добрыня саблю вострую,
 Отрубает тут Идóйлу буйну голову.
- 130 Как оттуда-то ведь Анна поворот держит,
 Поворот-то держит да в стольный Киев-град.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И МАРИНКА

№ 23

- А да жил-то ле Микитушка Романович,
 Ище жил-то ле Микита девеносто лет.
 И не с ким-то жил Микитушка — не спаривал,
 Он с Новыма ле городами не говаривал,
- 5 А с каменной-то жил Москвой — не перечилса.
 Он состарилса, Микита ле, приставилса.
 А ёсталась у Микиты молода жона,

- Молода его жона, нончи любя семья,
Ой осталася она у ёго беременна.
- 10 Аж не много ле прошло да поры-времени,
И исполнилось ле тут время сорок недель,
А сорок ноньце недель, деветь месецей,
Родила она себе да чада милого,
Родила она себе сына любимого.
- 15 Собирала она попов, отцов духовных,
Как крестить-де-ка своего чада милого,
Собралися тут попы, отцы духовныя,
Как крестить его у ей да цяда милого;
А ему-то ноньце имя нарекали же,
- 20 Как её ноньце молитву-ту давали же,
Ай как дали ему-де имя ноньце Добрынюшко,
А Добрыня-де дали ноньце Микитиц блад.
А растёт у ей Добрынюшка Микитиц же,
Кабы он ноньце растёт кабы ле год поры,
- 25 А ище он нонь растёт два года же.
Кабы вырос ей Добрынюшка шести годов,
А она стала его учить нонь в хитру грамоту:
Ище хто ли бо учитци год поры,
А Добрыня столь выучитца полгода же;
- 30 А ле хто бы ноньци учитци два года же,
А Добрыня столь выучитца в год поры.
Научился тут Добрыня в хитру грамоту,
Он востро ищэ читат, не запинаятце,
Научилса он писать пером орлинскнм,
- 35 Его варово ле-де ходит рука правая.
Ай кабы тут его ле да родна матушка
Отдават его ле князю да нонь Владимиру,
Отдават его она да во служеньицо.
Ож как берёт-де его князь да во служеньицо,
- 40 Он-де взял его, Добрыню, себе прислугою:
Он кабы три года у князя жил он в конюхах,
Он-де три года же жил он в приворотниках,
Он бы три года у князя жил во стольниках,
Он три года жил у князя в писарях.
- 45 Ож как прошло е' ту-де время нонь двенадцеть лет,
Кабы стал просить Добрыня у князя у Владимира,
А просить у его стал благословеньицо:
«Уж ты ой оси, ты князь да нонь Владимир же!
Уж ты дай мне-ка ле нонь благословеньицо,
- 50 Я не хаживал по городу по Кееву,
Я по тем ноньце по юлочкам широкиим,
И по тим-де по заюлочкам Маринкиным,
Не видал я ю Маринки нонь высок терем».
А как дал ноньце ле князь благословеньицо,

- 55 А как дал-де-ка ле тугой лук со стрелкою.
Он пошел ноньце по городу по Кееву,
Он по тим еще по юлочкам широким,
И по тим по заюлкам по Маринкиным,
Он идёт ноньце-ка стрелоцьку пострелнват,
- 60 На подлётике ён стрелоцьку подхватыват,
Он как на пол нонци стрелку не уранивал.
Он идёт нонь по заюлкам по Маринкиным,
Он увидел ю Маринишки высок терем,
Ож на тереме у ей сидят на жолубах,
- 65 А на жолубах сидят два голуба.
И как тугой нончи лук он принатеивал,
Калену-де-ка стрелу он принаправливал,
Он как хочёт ей стрелеть-де этих голубов —
Его правая нога да прокатилосе,
- 70 Ищэ левая нога да подопнулосе,
У туга лука-де метоцьки побилосе.
Полетела где его нонь калена стрела,
Полетела она Маринки во высок терем,
А во то-де во окошечко косявчато,
- 75 Розломала-де околенку хрустальнюю,
Пролетела-де его нонь калена стрела
А во ту-де-ка во горенку Маринкину,
Ож спорола она у ей завесу камчатую,
Кабы падала его нонь калёна стрела
- 80 Как к тому ищэ к Маринкину милу другу,
Как к тому ищэ Змею, Змею Горыцькому,
Ищэ пала она да во чёрны груди,
Как порола его да груди чёрныя,
Ищэ тут-де-ка Змею да смерть случилосе.
- 85 Как выскакивала Маринка вон на юличу,
На своё ноньце она да на круто крыльцо,
Уж подходит тут Добрынюшка Микитич блад,
Он как просит у Маринки да калену стрелу:
«Уж ты ой еси, Маринка зла-люта гроза!
- 90 Ты отдай же ты мою да калену стрелу». —
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад!
Ты застрелил моего нонци мила друга,
Ты возьми-де меня да за себя замуж,
Я отдам тогда тебе да калену стрелу!»
- 95 Говорит на то Добрынюшка Микитич блад:
«Не возьму я тебя да за себя замуж,
Ты отдай же ты мою да калену стрелу!»
Говорит нонци Маринка-та люта гроза:
«Ты возьми меня, Добрыня, за себя замуж,
- 100 Я отдам тогда тебе да калену стрелу!»
Говорит на то Добрынюшка Микитиць блад:
«Я возьму когда тебя да за себя замуж,

- Уж ты стерпишь ле три поученьица тяжёлые,
А которы ле поученья муж жены дават?
- 105 Ищэ перво поученьицо тяжёлое:
Ты с тотарином жила нонь, обнималасе —
По локот у тебя отсеку руки белыя;
А друго-то поученьицо тяжёлое:
Ты с тотарином жила да оплеталасе —
- 110 По колен у тя отсеку да ноги резвыя;
И третьё-то поученьицо тяжёлое:
Ты с тотарином жила, да целоваласе —
Как отрезать у тя нонь да губы белыя;
Ты отдай лучше мою ты калену стрелу».
- 115 А ёттуль нонци Маринка да не ёслышалася,
А пошел нонци Добрынюшка от терему.
Кабы эта нонь Маринка была волшебница,
А брала она с собой книгу волшебную,
А брала она с собой да складной ножичёк,
- 120 А спускалася она скоро да с крута крыльця,
У Добрыни-то 'читала девети следов,
И как 'сякой след ножом она перечертнла —
Обернула она Добрыню туром поганым.
Как побежал-де этот тур да во чнсто полё,
- 125 Там как было у Маринки-то деветь туров,
Кабы этот прибежал ноньце десятой тур.
Кабы была-то нончи бабушка-задворенка,
Как были ноньце у бабушки две девушки,
Они были в лесу, брали сладки ягоды,
- 130 Там увидали у Маринки нонь деветь туров,
Ище ходит у Маринки нонь десятой тур,
Уж десятой-от ле тур да над турами тур.
Окол девушек тот тур да нонь похаживат,
А как катятця у его, тура, горяци слёзы.
- 135 А как эти ноньци маленьки две девушки,
Как пришли они бабушки-задворенки,
Говорят ле эти маленьки ле девушки,
Кабы сказывают ле бабушки-задворенки:
«Ищэ прежде у Маринки было деветь туров,
- 140 Кабы нонци у ей да стал десятой тур,
Окол нас-де, окол девушек, похаживат,
Только катятця у ёго да горяци слёзы».
Как на то была нонь бабушка догадлива,
Надевала она шубейку на одно плечо,
- 145 Кабы брала она с собой книжку волшебную,
Как брала она с собой клюку подпорную,
Побежала она Маринки злой-лютой грозы,
Прибегала она Маринки да ' высок терем,
Как клюкой у ее да печь нонь поколачивает,

- 150 Как сама она Маринки выговариват:
 «Уж ты ой еси, Маринка зла-люта гроза!
 Ты зачем у меня овернула да млады хресничка,
 Овернула у мня туром его поганим?
 Отверни у мня назад да млады хресничка
- 155 И того у мня Добрынюшку Микитича.
 Я же, не отвернешь ты моего ищэ хресничка, —
 Оверну я тя кобылой водовозной,
 И на весь город на тебе станут воду возить».
 Эж как клюкой ей стала печь поколачивать,
- 160 Как дрожит у ей терем да весь высокой же,
 А сама еще как тут ей приговариват:
 «Не отвернёшь ты моёго ноньце хресничка, —
 Оверну я тебя сукой волочажной,
 За тобой станут кыцьки нонь волочитисе».
- 165 А как тут ищэ Маринка зла-люта гроза
 Побоялася старушецьки-задворенки,
 Отвернула она назад ноньце Добрынюшку.

№ 24

- А жила-была старушка тут-де старая,
 Кабы были у ей ищо две девушки;
 А пошли они-де брать да в лес как ягоды,
 А вперед-от-де шли лесами тёмными,
- 5 А назад пошли через чисто полё.
 А идут-де они через чисто полё,
 А увидели: бежат нынче гнеды туры,
 А гнеды-де туры да златорогие.
 Как домой тут пришли да эти девушки,
- 10 Они стали старушке как рассказывать:
 «Ох ты ой-де, старушка нынче старая!
 Мы ходили-де, брали сладки ягодки,
 А назад-ту пошли через чисто полё,
 А увидели: бежат ноньце гнеды туры,
- 15 А гнеды-де туры да златорогия;
 Преж ведь бегало у Маринки-то деветь туров,
 Нынче бежит у Маринки-то десить туров,
 А десят-от нам тур да придвигантце,
 А из глаз-то бежат да горюци слёзы».
- 20 Как на то была старушка как догадлива,
 А хватала свою книгу волховную,
 А смотрела, волховала в книги волховной,
 Говорит-то сама да таково слово:
 «А воровка Маринка-та лиха гроза,
- 25 Овернула моёго блада хресника,
 А того-де Микитушку Добрынюшку».
 А хватала она шубу худящую,

- А накидывала она ведь на онно плещё,
Как хватала она ' сабой клюку-посох,
30 Побежала старушка вдоль по городу,
С боку на бок старушка раскачалосе,
А у шубы-де клиньё разлеталисе.
Прибежала к Маринке ношь лихой грозы,
Заходила она да в нэбу нижнюю,
35 Забивалась на печьку на муравленку,
А как стала в печь клюкой поколачивать,
А сама из рецей да выговаривать:
«Ох, воровка ты, Маринка, ведь лиха гроза!
Ты зачем ёвернула моего хресника,
40 Ты того же Микитушку Добрынюшку?
Отверни-ко-сь моёго блада хресника!
Не отвернёшь моёго ище хресника, —
Оверну тебя кобылой водовозной,
Как ведь станут на весь город воду возить».
45 Как на то же Маринка ие ослышалась.
Как другой-де раз печь стала поколачивать:
«Отверни-ко-сь моёго блада хресника,
Не отвернешь моёго ище хресника, —
Овериу те я сукой волочавою,
50 Как ведь станут за тобой псы бегать з'авсё нынь,
Как ведь те же вси псы городовыя».
Услыхала тут Маринка-та люта гроза,
Выходила она да на середку пол,
Как ведь стала ' старушкой розговаривать:
55 «Я за то овернула твоего хресиика,
Он застрелил у меня друга любимого».
Как ведь призывали Никитушку Романова,
А как стали его ище допрашивать:
«Ты за щё-де застрелил друга любимого?»
60 Отвечат им Микитушка Романович:
«Я ведь десять лет жил ище в кучерах,
Да я тридцеть я лет сидел во писарях —
Мне сижаноцька эта как прискуцилась.
Я как брал-де ' сабой да ище тугой лук,
65 Я как брал-де ' сабой да калену стрелу,
Я пошел-де с им да вдоль по городу;
Я иду ле нынь да вдоль по городу —
Я увидял, как сидят у ей да сизы голубы.
Я как стал стрелеть да сизых голубов,
70 Я как стрелил-де нынь да сизых голубов,
А подметоцька у стрелочки подбилосе, —
Полетела как стрелка ниже жолоба,
Залетела во окошечко косявчето.
Как в окошечке сидел у ей любимой друг —
75 Залетела-де стрелка в буйну голову,
Как ведь тут же ему да смерть случиласе».

№ 25

- Ай-я предумалось Добрыньке да приохотилось
 Как пройти Добрыньке вдоль по городу,
 Ай-я пройти ле Добрыньке вдоль по Кееву,
 Ай-я по тем переюлкам по Маринкиным.
- 5 А ще ювидал Добрынька да сізых голубов
 А ле на том на високом, право, тереме,
 А ще на том ле на тереме Маринкином,
 Ай-я предумалось да приохотилось
 А ще подстрелите сізых голубов.
- 10 А ще натегает Добрынька свой тугой лук,
 А-на накладыват свою стрелочку каленую,
 А ще стрелочку каленую да ле переную.
 По еговому по бесчаштью по великому
 А ще правая нога подскользиласе,
 15 А ще как левая рука да потрехнуласе,
 А ще как ле влетала Добрыньки да каленá стрелá
 Во раму во хрустальную,
 Ай-я розбил-розломал раму хрустальную,
 Розорвал занавесочку шолковую,
- 20 Ай-я прострелила Маринкина милого дружка,
 А ще прострелила ему да ле правой глаз.
 Ай-я идёт Добрынька запечалилсэ,
 Запечалилсэ Добрынька, закручинилсэ:
 А и к Маринке итти ему не хочетса,
 25 Ай-е со стрелкой разостатьси ён не можетца.
 Ай-я пошёл Добрынька Никитиеч блад,
 Ён и зашёл к Маринушке лютá грозá,
 Он и станóвилсэ ко печечке ко муравленке,
 А еше и говорил Добрынька тут да таковы́ слова́:
- 30 «А ще ты ой еси, Маринушка лютá грозá!
 Ты отдай-ко-се мне стрелочку каленую,
 А ще каленую а ле стрелочку переную!»
 Ай-я говорит да ле Маринка да таковы́ слова́:
 «Ты возьми меня да за себя взамуж,
 35 Я ётдам тебе тогда каленú стрелú,
 А не возьмишь меня за себя взамуж —
 А ще как есь у меня во чистом поле деветь туров,
 А ты будешь у мя туром ноне десятым,
 А над туром ты будешь тур золоторогия».
- 40 А и Добрынька стоит да призадумалсэ:
 А и Маринку взять ту не хочетца,
 Ай-я со стрелкой розостатьси он не можетце.
 А ще говорит ему Маринушка лютá грозá:
 «Ах ты ой еси, Добрынюшка Микитиич блад!
 45 А ще ты будешь у меня туром десятым,
 Ай-е над турама будешь тур золоторогия».
 Ай-я да была у Добрынька его крёснеиька

- А ще по ёмени бабушка-задворенка.
 Ай-я да брала она ле книжечку волшебную,
 50 А ще смотрела она, читала книгу волшебную,
 А ще увидела своего любима кресничка:
 Ходит он, гуляет да во чистом полё,
 А как ходит ён туром да златорогием,
 А ще златорогой тур над турами тур.
- 55 А ще как бабушка та была догадлива,
 Ай-я побежала к Маринушке лютой гроза,
 Ай-я забежала во гриньку во столовую,
 А ще становитцэ ко печечки ко муравленке,
 А ще говорит старушка да таковы́ слова:
- 60 «Ах ой еси ты, Маринушка да люта́ грозá!
 А ще отдай ты мне-ка любима крестника,
 А ще ты не отдашь мне любима крестника, —
 Поверну я тебя сукой волочажливой.
 А ще как станут за тобой все бегати,
- 65 А ще как станут за тобое все лаети».
 А ще говорит Маринушка люта́ грозá:
 «Он прострёлнл ю меня, право, мила́ дружкá,
 Он прострёлл, право, его во правой глаз».
 Ай-е говорит тут бабушка-задворенка:
- 70 «А ще ты ой еси, Маринушка люта́ грозá!
 А ще ты отдай мне любима крестника.
 Ты не отдашь любима крестника, —
 Оберну я тебя кобылой да водовозной».

№ 26

- Ай во стольном городе во Киеве
 Да жил Добрынюшка Микитич млад,
 Да во ключниках жил ровно три́ года,
 Да в подносничках жил тоже ровню три года,
 5 Да во писарях жил тоже три года,
 Не бывал он по улицам широким,
 Да по тем по частым переулочкам.
 Говорил Добрынюшка Микитич блад:
 «Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
- 10 Да позволь мне сходить вдоль по городу,
 По тем по улицам широким,
 По тем по частым переулочкам».
 Говорил солнышко Владимир-князь:
 «Ах ты ой еси, Добрынюшка Микитиць блад!
- 15 Да ходи ты по городу по Киеву,
 Да по тем же ты по улицам по широким,
 Да по тем же по цястым переулочкам.
 Не ходи ты в Андрейцку малу уличу,
 Да во тот же Маринкин переулочёк».
- 20 Да пошёл тут Добрыня вдоль по городу,
 Да идёт тут по улицам широким,

- Да по тем по цястым по переулочкам,
 Да заходит во Андрейску малу улицу,
 Да во тот же Маринкин переулочек,
 25 Да увидел Маринушкин высок тѣрем.
 Хорошо он у ей был построенный,
 Тридцети пети красками изукрашенный.
 На жолобе сидят у ей два голуба,
 Да целуютца они, право, милуютца,
 30 Золотыма крыльяма обнимаютца —
 Кабы то была Маринкина забавушка.
 Да как взял тут Добрыня тугой лучок,
 Да натягивал тетивочку шолковую,
 Да стрелил Добрыня этих голубов.
 35 По Добрынину несчастью тут случилось:
 Да левá ногá подкатилася,
 Да правá рукá скатилася,
 Полетела стрела ннже жолоба,
 Залетела в окошечко косевщето,
 40 Пробило стеколушко хрустальнее,
 Залетела во нову во горницу,
 Да из новой горницы во спальньещу,
 Да разорвал завесу полотнenu,
 Да попала татарину в белую грудь,
 45 Да убил татарина поганого.
 Учюла Маринушка люта́ грозá,
 Люта́ грозá да лиха змея́:
 «Да што у меня за шум шумит,
 Да што у меня в спальне за гром гремит?»
 50 Прибежала она в свою спальницу
 Да увидела татарина убитого,
 Побежала она вон на улицу
 Да увидела Добрынюшку Микитича,
 Ругала она его всяко-всячески:
 55 «Да зло ты дитя, зло проклятое!
 Убил ты у меня мила дружка,
 Возьми, говорит, тут меня взамуж».
 Говорил тут Добрынюшка Микитьич блад:
 «Не возьму я тебя за себя взамуж»
 60 Жила ты с поганым тотарином,
 А все груди у ты приулёжаны,
 Все губы у тебя исцелованы,
 Межножье у тебя всё исколечено».
 Ай тут Маринке за бедú стало:
 65 Обернула Маринка серым туром
 Да спустила его во чистó полё.
 (Тут как-то неловко.)

(Бабушка-вадворенка узнала, что Добрыня обёрнутый. Побежала к Маринке: «Отверни назад добра молодца. А то отверну тебя сукою волочажною или кобылой водовозной и будешь возить воду на весь город». Устрашила её, и она обвернула.)

№ 27

- Выходил-то Добрыня на круто крыльцѣ,
Брал он себе в руки тугой лук,
Закладывал он стрелоцьку калёную,
Стрелил он стрелоцьку по городу.
- 5 Улетела стрелоцька калёная,
Ходил он искать стрелоцьку каленую,
Не мог натти стрелоцьку по городу.
Вышел он да по-за городу,
Увидел: у душки Маринки лютой грозы
- 10 Розбито окно косявцето.
Зашел Добрыня к ей во горенку —
Лежит на столе у ей стрелоцька калёная.
Говорит-то Микитушка Добрынюшка:
«Ой есь, душка люта гроза,
- 15 Отдай тою стрелоцьку калёную!» —
«Не отдам тебе стрелоцьку калёную:
Прострелил у мяя окно косявцето,
Залетела стрелка моёму милу другу,
Залетела ему да во черны груди,
- 20 Розбила у его да легка-пѣцения,
Гляди — лежит убит на кроватке тесовой».
Другой раз Микитушка выпрашивал:
«Ой есь, матушка люта гроза,
Отдай мою стрелоцьку каленую!» —
- 25 «Не дам я твою стрелоцьку каленую:
[Розбил ты у меня окно косявцето,
Убил ты у меня мила друга,
Прострелил у его черны груди,
Розбило его легка-пѣцения].
- 30 Третьей раз Микитушка выпрашивал:
«Ой есь, Маринка люта гроза,
Отдай мою стрелоцьку каленую!» —
«Не дам твою стрелоцьку каленую:
Розбил ты у меня окно косявцето,
- 35 Убил ты у меня мила друга,
Прострелил у его черны груди,
Розбило его легко-пѣцения».
Обернула она его гнедом туром,
Спустила его да во чисто полѣ.
- 40 У той же бабушки-задворенки
(У Микиты кресна была.)
Было у ей две дощери.
Ходили они во чистом поли,
Увидели у Маринки гнедов туров:
Раньше было у Маринки девять туров,
- 45 Нынь у Маринки стало десеть туров;
Десятой тур да над турами тур,

- Ближешенько к им да приближаетца,
Низко им он поклоняетца,
Горяцима слезами да умываетца.
- 50 Пришли девки к матери,
Говорят они таково слово:
«Ой есь, матушка родимая,
У Маринки было деветь туров,
Нынь стало десять туров;
- 55 Десятой тур да над турами тур,
Ближешенько к нам да приближаетца,
Нижешенько к нам да поклоняетца,
Горяцима слезами да умываетца».
На то старушка была догадлива,
- 60 Брала она книгу нынь волшебную,
Смотрела она в книги нынь волшебной,
Говорит она и таково слово:
«Овернутой мой любимой крестницёк,
Тот же Микитушка Добрынюшка,
- 65 Раньше ходил в деиь три раза,
А нынь не ходит третьёй день».
Надевала она шубу на одно плецё,
Надевала шляпу на головушку,
Брала стрось в руки залезную,
- 70 Пошла к душки Маринки лютой грозы.
Зашла она (к) Маринки лютой грозы:
«Здрастуй, Маринка люта гроза». —
«Здраствуешь, бабушка-задворенка». —
«Ой есь, Маринка люта гроза,
- 75 Отверни моёго хресьника!» —
«Не отверну я твоёго хресьника:
[Прострелил он у меня окно косявцето,
Убил он у мя мила друга,
Прострелил у него черны груди,
- 80 Розбил его легка-пецени».]
Другой раз старушка выпрашиват:
«Ой есь, Маринка люта гроза,
Оберни моёго хресьника,
Не отвернешь моёго хресьника,
- 85 Оберну тебя сукой-волоцяю,
По всему городу станешь волоцйтися».
Того Маринка не боялсе:
«Не отверну, грит, твоёго хресьника:
Прострелил он у меня окно косявцето,
- 90 Убил он у мя мила друга,
Прострелил у него черны груди,
Розбил его да легка-пецени».
Говорит-то бабушка-задворенка:
«Ой есь, Маринка люта гроза,

- 95 Отверни моего хресьника,
 Не отвернешь моего хресьника,
 Оберну кобылой водовозной,
 На весь город станешь воду возить».
 Того Маринка забоялase,
- 100 Того Маринка и перепалase,
 Говорит Маринка таково слово:
 «Возьмет меня он за себя взамуж,
 Так отверну я твоего хресьника».
 Говорит-то бабушка-задворенка:
- 105 «Возьмем тебя за его взамуж».
 Брала Маринка книгу волшебную,
 Выходила она на круто крыльце,
 Скликала она гиедов туров.
 Бежат у Маринки десеть туров,
- 110 Десятой тур да над тураи тур.
 Да отвернула Маринка Микиту Добрынюшку.
 Говорит-то Микита таково слово:
 «Тебе спасибо, моя любима хреснушка,
 Избавила меня от галеня».
- 115 Говорит-то бабушка-задворенка:
 «Ты мой любимой хресьнище,
 Овешалась я ей взеть за тебя взамуж».
 Взял Микита ей за ся взамуж.
 Валила старушка их на кроватьку тесовую.
- 120 Говорит-то Микита таково слово:
 «Ой есь, Маринка люта гроза,
 Целовалась ты с поганыим тотарином —
 Отрежу у тебя о зубы губы!»
 Отрезал у ней о зубы губы.
- 125 «Обнималась ты с поганыим тотарином —
 Отрежу у тебя по локот руки!»
 Отрезал у ей по локот руки.
 «Оплеталась ты с поганыим тотарином —
 Отрежу у тебя я по колен ногы!»
- 130 Отрезал у ей по колен ногы,
 Вынес ей вон на улицю,
 Выбросил ей да во чисто полё:
 «Полетай, душка Маринка, во чисто полё,
 Воронам-воронам на граенё!»

№ 28

- Чурилка пошел стрелятьца вдоль по городу,
 Увидел: сидят два голуба.
 Натягивал он да тугой лук,
 Выпускал он стрелочку каленую.
- 5 Залетала стрелочка каленая
 Во стеклышко во хрустальное

- Идолищу да во правой глаз,
 Маринушка взяла стрелочку каленую,
 По Чурилку ходит—просит:
- 10 «Уж отдам я тебе стрелочку каленую, возьми меня замуж!» —
 «Не возьму тебя, баба, за себя замуж».
 Она обернула его туrom поганым и говорит:
 «Ходить тебе в зеленóм саду,
 Искать тебе шелковú траву!»
- 15 У той бабки у горенки
 Были две девушки-черна́вушки,
 Ходили они в зéлен сад,
 В зéлен сад, чисто поле малинки брать.
 Раньше у Маринки деветь туров,
- 20 Нынче стал десятый тур.
 Десятый тур к ним приближаетца,
 Сам слезно приплакиват,
 Таковы́ слова выговариват:
 «Уж вы гой еси, девушки-черна́вушки!
- 25 Моей вы кресной матушки дочери,
 Вы скажите своей матушке родимой:
 Преж у Маринки было деветь туров,
 Нынче стал десятый тур,
 Десятый тур слéзно приплакиват,
- 30 Таковы́ слова выговариват:
 „Не могу я ходить в зеленóм саду,
 Не могу есть да шелковú траву,
 Не хочу я пить да ключевú воду“».
 Сказали девушки-чернавушки своей матушке.
- 35 Накладывала шубку на одно плечо,
 Накладывала шапку на другó ухó,
 Забежалася к Маринке на крутó крыльцо.
 «Уж ты гой еси, Маринка ты блядь-гроза!
 Ты отверни моего кресника.
- 40 Оберну я тебя кобылой водовозною,
 На тебе чтобы воду возили,
 Воду возили, жáлились».
 Она его не отвертыват.
 Она ее сукой обернула. Все псы за ней волочатца.
- 45 «Возьмет он за себя замуж, так отверну его».

(Он посулился замуж взять. Она после отвернула его, Маринка-то. Она отвернула его, он посулился замуж взять. Говорит он ей:)

- «С поганым татаринoм обнималася,
 С поганым татаринoм целовалася,
 С поганым татаринoм оплеталася!»
 Взял он ей белы́ руки по локтям отрезал ей,
- 50 Губы ей отрезал, ноги разорвал,
 Тóулово ей обросил во чистó поле.
 Только житья у их, молодых, было.

№ 29

Добрыня-то ведь поляковать ездил, дак богатырь был. Добрынюшка Никитич у матери без отца рос. Тоже¹ Омелфой Тимофеевной звали. Он три года жил стольником у князя, три года жил ключником. Он просился на трое суток по Киеву гулять. Ходил, гулял, постреливал, в окно к Маринке-волшебнице стрелил и приятеля убил. Осердилась она, говорит: «Взамуж возьми». А он не взял. Она обернула его

5

ослом. У его тетки были дочери, в лес за ягодам ходили. Пришли, говорят: «Осел какой-то к нам пристал, трется и трется, плачет всё». Тетка-то сдогадалась, что то не осел, да и отговорила его.

Тогда поехал поляковать и Настасью Микулишну встретил. Она тоже воевала ездила. Тоже вот женился он, дак поехал на Пучай-реку купаться, а мать его не спускала. «Ты, — говорит, — можешь утонуть». (Это он холостой ездил, забыла ведь.) Он поехал, плават: «Мама сказала, Почай-река сердитая, а она, как лужица».

10

Вдруг видит, змей летит. Он нырнул, а слуга его убежал и с платьем. Наг остался. Когда он вышел, клятву со змеем дали, чтоб не летать на Киев-град. Не успел Добрынюшка выкупаться, а змей уж Путятичну тащит.

15

Собирает князь гостьбу, кто выручит Путятичну. Старший хоронится за младшего, а у младших ответу нет. Алеша Попович и говорит: «Я видел, на Пучай-реке Добрыня со змеем братался, он поедет».

Пошел Добрыня, заплакал. Мать и говорит ему: «Ладно, я тебе сплету плеточку из семи шёлков, ты этой плеточкой помахивай. Как приедешь на горы Сорочинские, станут змеи бурушке ноги подтачивать, ты его постегивай. Он станет плясать, змей отряхивать». Поехал Добрынюшка на горы Сорочинские.

20

Перескакивал конь Почай-реку. А Почай-река была на два поприща. Змеи ноги у коня подъедать стали. Конь стал прыгать, змей топтать. Долго ли, коротко ли ехал, всех детей притоптал. Змей летит, торопится домой: «Ты зачем ко мне на съедение приехал?» — «А ты зачем ко мне в Киев летал?»

25

Стали биться-ратиться. Три головы отсек, стоит он в змеиной крови. Мать-земля змеину кровь не принимает. Он стал плеткой хлестать — кровь да мать сыру землю: «Мать-земля, чего не примашь кровь змеиную, я уж замерз» (видно, холодно было). Мать-земля приняла кровь-от. Пошел в жильё, а княжна висит на стене, руки роспалены. Выпустил всех: «Идите, не тронет вас змей». Благодарили его.

30

Долго ли, коротко ли ехал, опять на заставу поехал. Он стоит на заставе три года: это чтобы богатырь не проскочил. А жена уже была взята. Они, бат, без свадьбы женились, как теперь, видио. Он ей, поезжая, сказал: «Жди меня три года, а тогда выходи замуж, только не за Алешу Поповича, он, собака,

35

мне крестовой брат». Она ждала три года, потом шесть лет ждала. Стали сватать. Она говорит: «Я двенадцать лет буду ждать». Тогда ее стали силком замуж брать. А Добрыня поил коня в Рябинке-реке, конь воду не пьёт, стал говорить ему: «Езжай в Киев, силком жену отдают Алеше Поповичу». Поехали. Он скачет через стену городовую. Коня бросил, пришел к матери: «Дай гусли». Мать не узнала: «Что ты, смеешься!» — «Я Добрыня». — «У Добрыни были тапочки шелковые да бриллиантами усажены, а ты оборванец, какой ты Добрыня?» — «Я воевал, приоборвался». Она посмотрела родинку: на груди у его была. Узнала, дала гусли.

40

Пришел он на пир, со скоморохами в запечье сел. Все пьют, едят, веселятся, а Настасья Микулишна слезы льет. Он в чару зеленá вина кольцо спустил и говорит: «Дайте невесте поднести». Она пить стала, кольцо под губы подкатилось. Она говорит: «Не этот мой муж, а тот, что в запечье сидит». Он вышел: «Здорово, Алеша Попович, оженился, а спать не с кем». Пир-от рассыпался.

¹ Сказывала после сказки о Дюке, мать которого — Омелфа Тимофеевна. (Примеч. соб.).

№ 30

Тоже еще о Добрыне некоторые вот пели. (*Это я запомнил со старины дак.*) Там было, что Добрынюшка из лука стрелять учился и раз он шел по городу. Увидел: два голубя любят, золотыми крыльями обнимаются. И вздумал он в одного стрелку пустить. Пустил он стрелку, да нога скользнула, и рука его опустилась. Полетела стрелка не в голубя, а ниже жёлоба. (*Как-то «стоячего» или чего там. Я не помню.*) И залетела стрелка в окно татарина, да разорвала (*как уже*) завесы полотняны, и залетела ему в белу грудь. Тут выскакивала на крыльцо Маринушка люта гроза. «Ты убил да моего да друга верного. Если ты не возьмешь меня замуж за себя, оберну тебя кобылой водовозною». А Добрыня ей и говорит слова: «Твои губы все да исцелованы, твои груди все да уж излежаны. Не возьму я тебя взамуж никогда». (*И все это как-то там, со старины поется.*) Ну, опосля этого, дак раз не возьму — она обернула его кобылой водовозною, то есть в тура. (*Как уж туры-те назывались?*) В тура обратила его. И вот Добрынюшка потерялся. Не знают родители, где его сыскать. А потом уже стали догадываться. Из туров-то тур отсекается, к дому ихнему приближается.

А была у них бабушка-затворенка. Она и говорит: «Не Добрыня ли наш да там скитается с турами?» (*Как-то там.*) Ну, и пошли они. «А Добрынюшка, говорит, не боится людей, только туры его сторонятся». Догадались они, что Добрыня Никитич. Донесли тогда они бабушке-затворенке. Пошла тут старушка-затворенка и говорит Маринушке лютой грозы: «Не освободишь ты Добрынюшку нашего, оберну я тебя кобылой водовозною». (*И вот тут уж не помню: обернула она его или как-то другим путем освободила его. И вот тут она боле кончается. Это уже довольно забытое дело, трудное.*)

ДОБРЫНЯ И НАСТАСЬЯ

№ 31

Родился Добрынюшка сын Никитич,
 Вырос он до семнадцати лет,
 Стал у матушки просить добра коня,
 Со двенадцати цепей, со двенадцати рózвезей:
 5 Приохотилось съездить на чистó поле,
 Охота съездить на заставу богатырскую.
 Стояло на заставе тридцать три богáтыря.
 Говорит ему матушка родимая:
 «Ой, днтя мое молодёшенько,
 10 Ехати на заставу теби ранёшенько!»
 Отвечает Добрыня Никитич:
 «Дай коня, матушка, отцовского,
 Охота посмотреть заставу богатырскую!»
 Давала матушка разрешеньицо
 15 Выбрать коня, какого хочетца.
 Радёшенек побежал на конюшен двор,
 Выбрал себе коня доброго,
 С двенадцати цепей, с двенадцати розвязёй,
 Наклал на него узду тесмяную,
 20 Наклал седло булатное,
 Обуздал его с двенадцати ремней,
 Тринадцату седлал не для красы, для ради крепостн.

- Тогда снарядилсе Добрыня Никитич млад,
На коня скочил, в стремена ступил,
25 Распростилсе он с маменькой родимой,
Погонил он в чисто поле, во раздольцо.
Посмотрел в подзорну трубочку,
Посмотрел в сторонку западну,
Увидел: едет там полёница преудалая,
30 Ездит да стрелоцкой постреливат,
На богатырску заставу заехала,
Над заставой насмехаетца,
Над Добрынюшкой улыбаецца.
Разгорелось сердце молодецкое,
35 Расходилась у Добрыни сила богатырская.
Погонил он на полённицу удалую,
На ту он Анну Папичну.
Съехались они во чистом поли,
Схватились они дратьца-ратитьца.
40 Бились-ратились двое суточки,
Не пили, не ели и не кушали,
Не ранили друг дружку, не кровавили.
Схватились оны на востры́ копья,
Не ранили друг друга, не кровавили.
45 У копей руцки извихалися,
Копья в руцках поломалися;
Схватились они в рукопашный бой,
Боролись они три часа.
Вот дала ему потяпушу,
50 Взяла его в кож́ан мешок полóжила,
Повезла его на заставу богатырскую —
Не пошел ее богатырский конь:
«Не могу везти две силы богатырские!»
Говорит тут Анна Папична:
55 «Кто есть ты, богатырь какой?
Если старóй — отец мне будь,
Если рóвня мне — возьми в замужество».
Говорит Добрыня Никитич ей:
«Я молода детина, лет семнадцати,
60 Будь жена — слуга верная».
Тут отомкнула она кож́ан мешок,
И посватались, и взял он ей в замужество.
Говорит Добрыня Никитич:
«Ой ты, девушка молодёшенька,
65 Замуж итти еще ранёшенько,
Поживи еще три годика,
Погуляй еще по нашей за́ставы,
Друг дружку чтоб не ранили, не кровавити».
Прошло времецко три года, как три часа.
70 Говорит он маменьке родимой:
«Взял благословление женитьца на Аинушке на Папицной».
Говорит он маменьке родимой:

- «Я нашел невесту богосужену,
Во чистом поле богатырицу удаюю.
- 75 Силушкой едва не сильней меня,
Сметушкой едва не сметней меня,
Обещал ей я в замужество взять,
Обручился я золотым кольцом».
- Дала матушка ему благословеньице,
80 И женился Добрыня Никитин сын.
Живет с молодой женой уже двенадцать лет.
Вдруг им горе приключилося,
Поднялся неверный враг,
Неверный враг, силы множество.
- 85 Пишет им пакеты строгие,
Просит силы от их многие,
Разорить хотят всю святу Русь.
Взял Добрыня у матушки благословеньице
Ехать в бой ему во чистом поле.
- 90 Наказывают наказы строгие
Своей молодой жены.
Говорит Добрыня Никитич:
«Поеду я во чистом поле, во раздольице,
Битьце-ратитьце с силой неверной».
- 95 Сослужил молебен во пятьсот рублей,
Чтобы мог побить врага неверного.
Говорит жены, слуги верной:
«Останься ты, молодая жена,
Не приеду, может, три года,
- 100 Не ходи ты до меня в замужество;
Не приеду, может, шесть лет,
Тогда можешь идти в замужество,
Ведь ты молодёхонька, зелейхонька,
Только не ходи за Олешу Поповица,
- 105 Не ходи за бабьего насмешника».
Распростились с Добрыней, прослезились.
И проездил Добрыня три года.
Не приехал Добрыня и шесть годов,
Не приехал Добрыня и двенадцать лет,
- 110 Ни вести нет, ни павести,
Ни писем нет, ни грамотки.
Приехал Олеша Попович из чиста поля,
Стал на его жены свататьца
И принес ей вести невесёлые,
- 115 Рассказал он молодой жены:
«Ехал я по чисту полю,
Видел Добрыню мертвого.
Лежит он во чистом поли,
Буйна голова его прострелена,
- 120 Через волосы проросла зеленая трава,
Расцвели цветы лазоревы».
Стал опять Олеша свататьца,

- Стали отдавать молодú жену
За того Поповича хвастливого.
- 125 Делают рукобильцо,
Пропивать стали, отдавать.
Стоит Олёша со сватьями за столом дубóвым,
Получить хоцет молодú жену.
Тут народы все скопились,
- 130 Все над ей прослезíлисе:
Добрынюшку всем жалко стало уж.
Вдруг бежит тут скоморошина,
Не спрашиват у дверей придверников,
Не спрашиват у ворот приворотников,
- 135 Несет в руках гусельцы веревчаты,
Сам садитца на порожницок,
Сам говорит таковó словó:
«А можно ли сыграть скоморошину
Для свадьбы в гусельцы,
- 140 Гусельцы да веревчаты?»
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Поиграй при свадьбы, сколько хоцетце».
Заиграл скоморошина во гусельцы.
Заплясали все до единого.
- 145 Говорит тут Анна Папична:
«Занóяло во мне ретивó сердцó,
Заиграл скоморошина, как мой муж родной.
Сыграй, скоморошина, во второй разок,
Подам тебе цару зелена вина».
- 150 Заиграл второй раз скоморошина,
Все люди тут заплакали.
Просит она у солнышка Владимира
Подать скоморошины цару зелена вина.
Дали разрешеньцо, понесли скоморошины.
- 155 Говорит таковы словá:
«Пей, скоморошина,
Ты играл, как мой прежной муж,
Прежной муж да Добрынюшка».
Попросил скоморошина подать цару ей ответную.
- 160 Разрешили подать ему цару зеленá вина.
Во цароцки будто огнем горит,
Как клюцом кипит.
Спустил во цару именно кольцо
И говорит таковы словá:
- 165 «Пей до дна и найдёшь добра!»
Выпила княгиня зеленá вина,
Увидала свое именнó кольцо,
Схватила его за белы рукí:
«Не тот жених, кто вóзли меня,
- 170 А тот мне суженой, что протнв меня».
Схватила за белы руки,
Поцеловала в уста сахарные.

- Остался Олеша расстроенной,
 Расстроенный Олеша, неуспокоенной.
- 175 Все на пиру взволновалисе,
 Взволновалисе все, на его поругалисе:
 «Не дай Бог свадьбы Олешеньки!»
 Дал Добрыня Олеше потяпушу:
 «...с тобой, с твоей выслугой,
- 180 Не бери вперед ты чужих жен».
 Олеша пошел едва живой.
 Добрыня жил до старости с молодой женой.

№ 32

- Что во стольном городе во Киеве
 Еще жил молодой боец Добрынюшка,
 Свет Добрынюшка Никитич млад
 Со своею родимою со матушкой
- 5 Да со Анною, верно, Алексаидровой.
 Было в пору-времечко во летнее,
 Что во летнее времечко да во жаркое,
 Как задумал удалый добрый молодец
 Погулять-то в чистом поле да потешиться.
- 10 Как седлает он да коня доброго,
 Надевает он доспехи да богатырские,
 И поехал он гулять да в чисто поляшко.
 Выезжаючи Добрыня во чисто поле,
 Он увидел да ископытъ великую.
- 15 Он поехал по следу да богатырскому
 На своем ли, Добрыня, на добром коне.
 Видит: едет богатырь да по чисту полю,
 На нем платье на богатыре да женское.
 Тут Добрынюшка выхватывал свою палицу,
- 20 Свою палицу буёву — шестьдесят пудов
 И разъехался — ударил богатыря сзади палицей.
 Не дрогну́л богатырь да не овёрнулся.
 Говорит себе Добрынюшка Никитич же:
 «Видно, сила у Добрыни да всё по-старому,
- 25 Только смелость у Добрыни да не по-старому».
 Как разъехался Добрынюшка во второй раз,
 И ударил он богатыря по го́ловы.
 Не овёрнулся богатырь, не сворохнулся.
 Тут разъехался Добрыня ко сыру дубу́,
- 30 Он ударил его палицей буевою.
 Сырой дуб тут на лáстенья рассыпался.
 Говорит себе Добрынюшка Никитич млад:
 «Видно, сила у Добрыни все по-старому,
 Только смелость у Добрыни да не по-старому».
- 35 Наезжает он, Добрыня, да во третий раз
 И ударил своей палицей богатыря великого.

- Тут богатырь овернулся к Добрыне же,
Он берет тут Добрыню за честны кудри,
Он кладет Добрыню в мешок кожаный.
- 40 Еще едет богатырь на добром коне,
Говорит он сам с собою таковы слова:
«Коли молод в мешке — будет брат родной,
Коли ровня мне, так я замуж пойду».
(Ишь, не разглядела, кого хватат!)
- 45 Вынимает из мешка удала добра молодца:
«Еще как тебя звать, да добрый молодец,
Как зовут тебя да все по имени,
Величают тебя да по отчеству?» —
«Я Добрыня есть да стольно-киевский,
- 50 По отчеству да все Никитьевич». —
«Ты возьмешь меня замуж, так не сниму головы».
Тут Добрынюшка с ей да обручился же,
Они кольцами да поменялись же.
«Хочешь знать мое имя женское?»
- 55 Я Настасия да дочь Никулична.
Ты бери своего коня доброго
И поедем с тобою в стольный Киев-град
Ко твоей ли родимой ко матушке,
Повенчаемся с тобой да в церкви божией».
- 60 Приезжают они да в стольный Киев-град,
Зрадовалася тут да его матушка,
Свет Анна да, верио, Александровна:
Сын приехал домой да с молодою женой.
На другой же день гостили они свадебку.
- 65 Собиралися на свадьбу да все богатыри,
Приезжал-то старой казак Илья Муромец,
Приходил князь Владимир со княгинею Апраксией.

№ 33

♩ = 120

Во сто-ли-ном - то го-ро-де во Ки-е-ве

Е-ще был мо-ло-дец До-бры-нюш-ка Ни-ки-тич млад

Со сво-ей - то ро-ди-мо-ей со ма-туш-кой

Свет ведь Ая — ной то вер — но с А — ле — к(ы) — сан — д — ров — ной.

Как во ту ли по — ру бы — ло во лет — ню — ю...

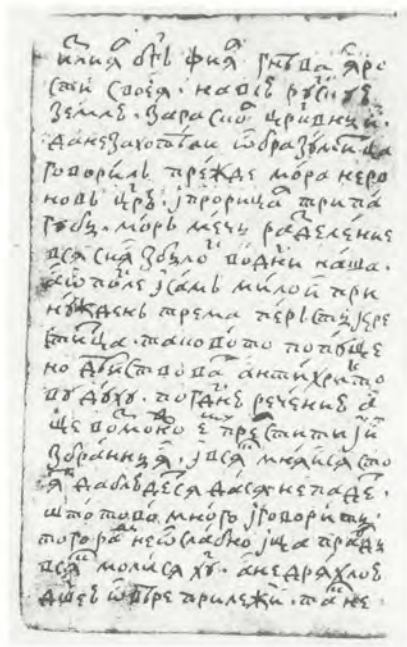
- Во стольном-то городе во Киеве
 Еще был молодец Добрынюшка Никитич млад
 Со своей-то родимой со матушкой
 Свет ведь Анной-то, верно, с Александровной.
- 5 Как во ту ли пору́ было во летнюю,
 Что во летнюю во пору во жаркую,
 Как выходит Добрыня на широкий двор,
 Оседлал-то коня да своего добраго,
 И надел-то доспехи да бога́тырския,
- 10 И поехал гулять да в полё чистое.
 Увидал он-то ископытъ великую
 И поехал по следу да богатырскому.
 Видит: едет бога́тырь да не оборачивается.
 И наехал тут Добрыня со своею палицей,
- 15 И ударил он раз да вот бога́тыря.
 И назад не оглянулсе бога́тырь его.
 Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
 «Еще сила-то у меня да всё по-старому,
 Еще смелость у Добрыни не по-старому».
- 20 И наезжает он второй раз, ударяет же
 Своей палицей он да вот буёвою.
 Как сидит тут бога́тырь да не шелóхнется.
 Отъезжает тут Добрыня ко сыру дубу
 И ударил палицею да во сырой-от дуб.
- 25 Расколосе тут дуб да все по ла́стеньям,
 Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
 «Еще сила у Добрыни всё по-старому,
 Еще смелость у Добрыни не по-старому».
 Разъезжается Добрынюшка во третий раз,
- 30 И ударил он бога́тыря́ да еще в третий раз.
 Овернулсе Настасья да Никулична
 И берёт-то Добрыню да за честны́ кудри́,
 И спускает тут Добрынюшку в мешок кожаный.
 И проехала немного Настасья Никулична,
- 35 Говорит-то она сама с собою же:
 «Еще молод-то детинка, да себе брат будет,
 Еще старой-от кто будет — голову сниму,

Андрей Денисов. Миниатюра.

Заставка.

Автограф протопопа Аввакума.

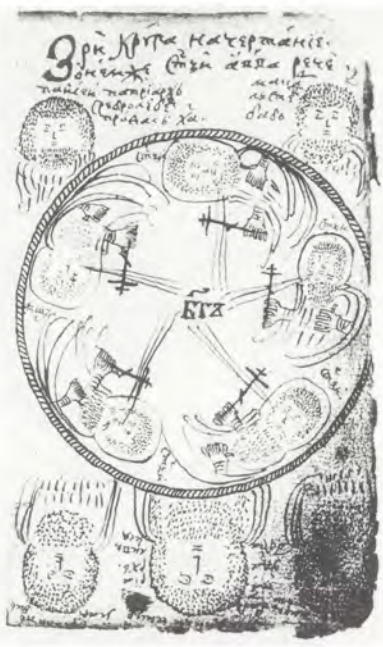

Рис. протопопа Аввакума.

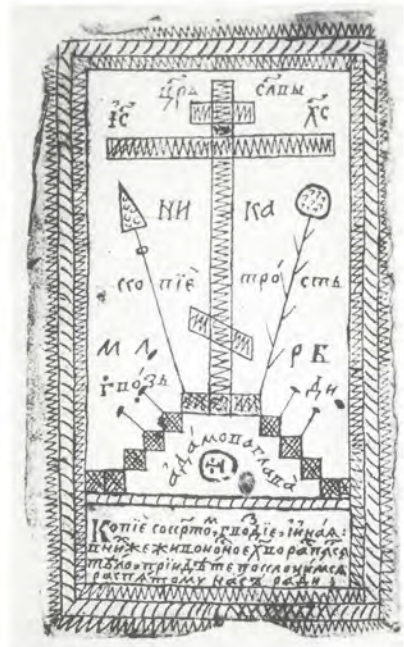

Рис. инока Елифания.

Иллюминированный месяцеслов.

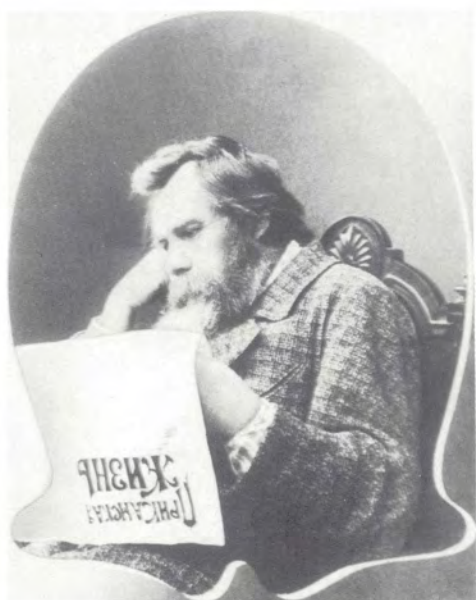
Времена года. Лето.

Осень.

Н. Е. Ончуков (1872—1942).

Н. Е. Ончуков (1913).

А. М. Астахова (1886—1971).

Н. П. Колпакова (1902—1994).

«Лузан», охотничий набор (пороховница, пистонница, мерка для пороха), кремневое ружье, стрелы.

Трепало и веретёна.

Душегрейка и сарафан-«костыч».

Валёк и каталки.

Шейка точёная.

Ларчики.

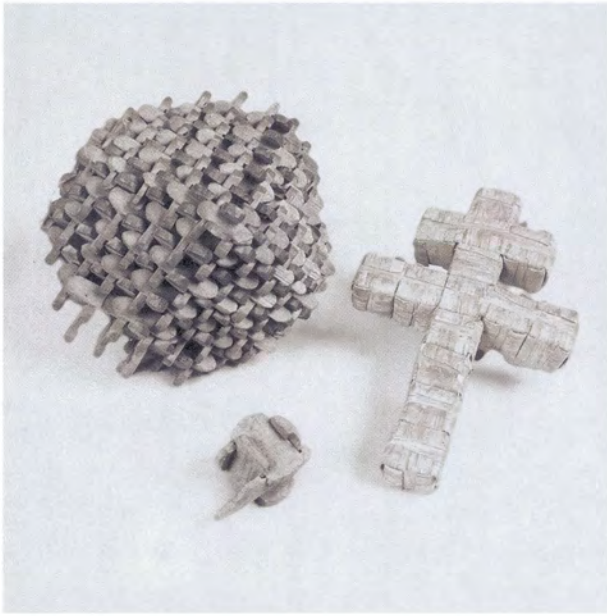
Гребни, пряжка, серьги.

Берестяные теса и «косичок» — лопаточка для мешания пищи.

Солонки.

«Шаркуны» — детские игрушки.

Детские игрушки.

Деревянные куклы.

Каталка и конь.

- Еще ровня мне будет, да и взамуж пойду».
 Вынимает из мешка да ведь Добрынюшку,
 40 Увидала она молодца да ведь хорошего:
 «Еще как тебя звать, да добрый молодец,
 Еще как величать да по отчеству?»
 Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
 «Я из стольнаго города, из Киева,
 45 Ай зовут меня Добрынюшка Никитьевич». —
 «Ты возьмешь меня замуж, али не хочется?»
 Говорит тут Добрынюшка Никитич же:
 «Поменяемсе же кольцами золочёныма».
 Поменялися они, поцеловалися.
 50 Отыскал тут Добрыня своего коня,
 И поехали они да в стольный Киев-град.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

№ 34

- Отправлялся Добрыня во чисто полё
 Не на много ведь поры, да на двадцеть два года,
 Оставляет он свою да любиму симью,
 Любиму свою симью, да молоду жону:
 5 «Если сполнится мне да двадцеть два года,
 Не сиди-то ты, моя да молода жона,
 Не сиди-то ты вдовой горькою,
 Ты поди-ко-ся да за инá замуж,
 Хошь за барииа поди, хошь за буюрина,
 10 Не ходи толькё за Олёшинькю Поповица,
 Олёшинька мне будёт крестовой брат».
 Заводилосе у князя пированьё-столоваиьё,
 Сидели они да на честиом пиру,
 Как запала-то ведь мысль в ретиво серчо,
 15 Как задумал-ыт Олёшинька женитися,
 Как на той-то вдовы да на Добрыниной:
 «Уж ты, батюшко Владимир стольно-киевской,
 Ты позволь мне-ка женитися на Добрыниной вдовы!»
 Отвечает ему Владимир стольнё-киевской:
 20 «Можот быть, Добрыня еще сам живой».
 Говорит Олешинько Поповиц блад:
 «Я давно вить-то ездил во чисто полё —
 Сквозь Добрынюшка трава растёт,
 Сквозь Микитица цветы цветут;
 25 Ты позволь мне на ней женитися,
 Ты же сам будёшь мне-ка батюшком,
 А княгнна-то Апраксия место матушки,
 Как ты, старой да Илья Муромець,
 Ты же мне быть ты тысяцким;

- 30 Как Цюрило Голошапишко,
Ты будёшь мне ходить да место дружки-то». Срежались они да со князём-то,
Как пошли-то ведь да со князем поездом,
Ише к той-то ведь Добрыниной родной матушке.
- 35 Шли-то ведь они да ноцным временём,
Как колотятся они у Добрыниной у матушки,
Как у тех же ворот да у крылецных.
Выходила-то Добрынина родна матушка:
«Ише хто же тут колотитце ноцным временём,
- 40 Ише воры-то или разбойники?»
Отвечат на то Владимир стольнѣ-киевской
«Запускай нас, Добрынина родна матушка,
Мы идём ведь к Добрыни на почэсен пир». Запускала их Добрынина родна матушка,
- 45 Не воротят они в ложню теплую,
Ищэ прямо всё идут да в лёжню спальнюю,
Где-то спит его да молода жона.
Заходил Владимир стольнѣ-киевской
Как со тем же ведь Олѣшинькой Поповицом,
- 50 Как со тем же ведь стары да Илья Муромцом,
Говорят они Добрыниной молодой жоны:
Ты ставай-ко-се, вдова, со кроватоцьки,
«Ты ставай-ко-се с постелюшки пуховой,
Со кроватоцьки ставай-ко со тисовой.
- 55 Надевайся ты во платьицо во цветное,
Ты поди-ко-се с Олѣшой ко божьей церкви,
Принимай-ко-ся с Олѣшой золоты винчи». Тут не белая лебедушка восклыкала,
У Добрыни молода вдова заплакала.
- 60 Как ставала ведь она да со кроватоцьки,
Как брала она в руки да золоты ключи,
Отмыкала она ящики окованны,
Вынимала она умываньицо румянное,
Вынимала она своё да платье цветноё,
- 65 Надевала она своё да платье цветноё.
Еще брал-то ей Олѣша да праву руку,
Как повёл-то ей Олѣша во божью церкву,
Принимали они винчи да золотые с им.
Были у Добрыни три ўтехи,
- 70 Были три ворона кормлёныи,
Полетели эти вороны кормлёныи,
Где ведь спит-то ведь Добрыня во чистом поли,
Ище спит-то ведь Добрыня во белом шатре.
Как один-от ведь садилса на сырой дуб,
- 75 Как другой-от ведь садилса на бел шатёр,
Как третей-от ведь садилса на сыру землю.
Как первой-от ворон-от воскуркаёт —

- Как удрóгла ведь матушка сыра земля;
 Как второй-от ведь ворон-от воскуркаёт —
- 80 Как сухое-то пенье поломалось;
 Ищэ третей-от ведь ворон-от воскуркаёт —
 Как наш-то ведь доброй молодец пробужаитце,
 От великою хмелинки просыпаитце:
 «Видно есь у нас над городом незгодушка».
- 85 Как сряжалса ведь Добрынюшка Микитьевич,
 Как сбирал-то ведь Добрыня свой белой шатёр,
 Поворот дёржит Добрынюшка во свой город.
 Приежал-то Добрынюшка ноцьным временём,
 Как колотитце Добрыня у своих ворот,
- 90 Выходила ведь Добрынюшкина родна матушка:
 «Ищэ хто же тут колотитце ноцьным временём,
 Ищэ воры ли вы ходите, розбойники?» —
 «Ётпирай-ко-ся ты, матушка родимая,
 Запусти-ко ты меня, уда́ла добра мóлодца!»
- 95 Как заходит ведь Добрыня да в гриню светлую,
 Как заходит ведь Добрыня в спальну ложную —
 Как ведь нет-то его да молодой жоны.
 Ищэ спрашиват свою да родну матушку:
 «Ищэ где моя да любима жеиа?»
- 100 Как не белая береза росшаталася,
 Не зеленая к земле да приклонялася —
 Да падала-то Добрынина матушка в резвы ноги:
 «Недавно ведь у нас был Владимир стольно-киевской,
 Ишшо с тем же ведь Олёшинькой Поповицом,
- 105 Увели-то у Добрынюшки молоду жону». —
 «Уж ты дай мне-ка, матушка, благословеньцо,
 Как сходить-то ведь к Олёшиньке на свадебку».
 Говорила ему матушка родимая:
 «Ты пойдешь, моё дитятко, на свадебку,
- 110 Ищэ много крови ты прольёшь напрасной». —
 «Я не пролью, матушка, крови напрасной:
 Ищэ ейно-то ведь дело невольное».
 Надевал-то ведь он платьцо калицеско,
 Заходил-то ведь Добрынюшка на свадебку,
- 115 Как сидят-то они за столами за дубовыми,
 Как сидит-то жена с Олёшинькой Поповицом;
 Наливали калики чару зелена вина,
 Подавал калики князь да стольно-киевской,
 Подходил-то ведь Добрыня к дубову столу,
- 120 Ищэ брал он ведь чару во праву руку,
 Как за цяроцькой Добрыня выговариват:
 «Тибе дай Боже, Владимир, ходить батюшком!»
 Наливают калики чару зелена вина,
 Подаваёт калики княгиня мать Апраксия,
- 125 Как приходнт-то калика к дубову столу,
 Как берёт он цяру во праву руку,

- Как за чарой Добрыня выговариват:
«Те подай Боже, княгина, ходить матушкой!»
Наливают калики чару зелена вина,
130 Подавает калики Илья Муромець,
Как берёт-то калика во праву руку,
Как за чарой сам выговариват:
«Те да[й] Бог, Илья, да ходить тысяцьким!»
Наливает цару Олѣша-то Поповиць-от,
135 Подавает цару Олѣшинька Добрынюшке,
Как берёт-то Добрыня во праву руку,
Ищэ пьёт-то царю со една духу,
Как за царой сам выговариват:
«Те подай Боже, Олѣша, во совете жить!»
140 Наливаёт-то ведь чару молода жона,
Ищэ пьет-то ведь Добрыня с едина духу:
«Те подай Боже, молодушка, согласно жить!»
Как сьмаёт-то Добрынюшка с правой руки,
Как с правой-то руки да злачёный перстень,
145 Роздвигала-то ведь она дубовы столы,
Да падала ему да во резвы ноги:
«Ты прости меня, Добрыня, во первой вины:
Как мое-то ведь дело подневольнѣе».
Как он брал свою жену да за праву руку:
150 «Проздравляю тебя, Олѣша, с молодой жоной!
Благодарю тебя ведь, князь да стольно-киевской!
Ты на што надеелся, Илья Муромець,
Вы уж взяли жену да от жива мужа?»

№ 35

Во стольном во граде во Киеве
У ласкового князя Владимира
Было столóванье-пирóванье.
Все пьют вино. Все стали пьяны-веселы.

- 5 Князь по полу похаживает,
Тиху-смирну речь выговариват:
«У всех службы сослужены,
У Добрыни Никитича служба не служена».

- 10 Добрыня стал с лавки и спросил: «Какую службу тебе надо сослужить?» Князь Владимир и говорит:
«Съездить в землю Подольску да Угорьску, дорогу туды почистить да в гости к тестю заходить». Служба
тяжелая. Не поглянулось Добрыне, он и пошел домой. А туды не зашел, взял коня с конного двора,
оседлал его. Мати увидела, что поезжат Добрыня. Побежала на верхний этаж к Настасье Никулишной,
жене его, и говорит: «Настасья Никулишна, что ты сидишь, что глядишь? Закатáетца наше солнце
15 красное: съезжает Добрыня с широка́ двора́». Побежала Настасья Никулишна в онной рубашке без
чулок. Прибежала к Добрыне. Встала по праву сторону, к стрéмецку. Стала выпрашивать: «Куда поезжаешь,
надолго ли едешь?» Он и сказал: «Еду в землю Подольску да Угорьску. Туды дорогу проложить надобно».
И дает жене наказ: «Ты первó подожди три годá, как не буду — подожди другие три, а потом хоть как
живи, только за Олешу Поповича не выходи».

Уехал Добрыня Никитич. Жила Настасья Никулишна три годá. Не бывал Добрыня из чистá поля. Пожила ешшо, прожила другие три годá. Не бывал Добрыня из чистá поля. Приехал тут Олеша Попович и сказыват: «Видел Добрыню, убитый лежит в чистом поле. Сквозь ребра проросла трава, а в траве цветут цветы». Офимья Олександровна слéзно заплакала, портила свои очи ясные, крушила ретивó сердцó. Стал Владимир-князь к Настасье Никулишне похаживать, Настасью Никулишну стал посватывать: «Чем тебе, молодая, время проводить напрасно, выйди замуж, хоть за князя ходи, хоть за боярина, хоть за русского могучего богатыря, выйди хотя за Олешу Поповича». Отвечала Настасья Никулишня: «Я исполнила заповедь мужнину — прожила вдовой шесть годóв. Исполню другу заповедь женьскую — проживу другие шесть. Тогда успею уйти в замужество».

Прошло шесть годов. Опеть стал Владимир-князь похаживать, Настасью Никулишну посватывать. Не пошла Настасья ни за князя, ни за боярина, ни за русского богатыря, а пошла за Олешу Поповича. Пировать стали. Пир пошел третьей день. Сидела Офимья Олександровна в высоком тереме и плакала: «Давно, — говорит, — закатился мое красно солинышко, сегодня закатитца млад светел месяц: уходит Настасья Никулишна, богоданное мое дитятко».

Видит: кто-то приехал к воротам широким, смело привязыват коня к дубовú столбу, заходит к Офимье Олександровне. «Здравствуй, матушка родимая», — говорит приезжий. — «Добрый человек, не смейся надо мной. Мое дитятко было не éдако: личико было румяное, кудри были желтые, одежда на нем была да хорошая». Говорит Добрыня Никитич: «Матушка родимая, не признала своего дитя! У меня была приметочка — на правóй ноге родимочка» Разул Добрыня сапог со правóй ногí, тогда мать и признала его. «А где, — говорит, — моя молодá жена?» — «Замуж походит, пирует. А завтра к венцу итти хочет».

Взял Добрыня гармонь да пошел на пир. Не омылся, не переволокся, так и зашел. «Здравствуй, князь Владимир, где наше место скоморóшное?» — «Ваше место скоморóшье у пецке да ешшо на запечке». Зашел за пецку Добрыня, в гусли поигрывает, песни попевает. Владимир-князь ему стакан принес: «Хорошо играшь, веселишь мою компанию, садись за стол. Первó место — подле меня, другó — против меня, а третьё — куды хошь». Не сел Добрыня подле князя, ни против князя, а сел Добрыня против Настасьи Никулишной. Стал поигрывать, а ему вино подают. Настасья Никулишна налила вина, подала вино и говорит: «Хорошо играешь, так играл мой прежний муж, Добрыня Никитич». Взял скоморошина стакан и выпил единым духом. Добрыня Никитич взаимно стакан подал. Туды имениó кольцо спустил и сказал: «Пей до дна, так узнашь добра́». Выпила Настасья Никулишна, выпила до дна, прикатилось колецко к её губам, схватила колецко, сама через дубовый стол соскочила и говорит: «Не тот муж, который возле меня сидит, а тот муж, который против меня сидит». Схватилась за белу шею, стала на колени: «Прости в той глупости, пошла за того, за которого не велел». Добрыня Никитич говорит: «Я не дивлюсь да разуму женьскому, — их волос долог, да ум кóроток. Куды их ведут, туды и идут. Только дивлюсь я князю да со княгинею: они просватали молодú жену у жива мужа». Тут и Олеша Попович стал просить прощеньца: «Извини, Добрыня Никитич, что я брал твою жену». — «Я не дивлюсь, что ты брал мою жену, потому что она шибко хороша, а в том тебе не прощу, что ты, когда приехал, матушке наврал». Хотел Добрыня побить Олешу, да стар казак Илья Муромец не дозволил, и пошел он с молодой женой, с Настасьей Никулишной, домой.

№ 36

Как и жил добрый молодец Добрынюшка,
 Что Добрынюшка свет да он Никитьевич,
 Со своею он да с молодой женой,
 Что с Настасьей он да со Никуличной.

5 Как зовет его князь Владимир стольно-киевский:
 «Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад,

- Сослужи-ка мне да службу верную,
 Поезжай-ка ты в земли татарские,
 Ты повыбей там чудь да белоглазую,
 10 Ты повыбей сорочину долгополую».
- Тут Добрынюшка князю поклонился же,
 Он приходит, Добрыня, в дом родительский:
 «Уж ты гой еси, матушка родимая,
 Свет ты Аниа да, верно, Александровна,
 15 Дал мне службу князь Владимир стольно-киевский:
 Съездить в земли мне во татарские,
 Мне повыбить там чудь белоглазую,
 Мне повыбить сорочину долгополую.
 Ещё дай ты мне благословеньице.
- 20 Ты поди-ка сюда, да молодая моя жена,
 Что Настасья свет да Никулична,
 Я скажу тебе слово прощальное».
- Тут подходит к нему Настасья свет Никулична.
 «Ты скажи-ко, скажи, да молода моя жена,
 25 Ты мне будешь верна да ровно три годá?»
- Говорит ему Настасья свет Никулична:
 «Я Добрыне до могилы жена верная».
- Говорит Добрынюшка Никитич млад:
 «Ещё жди меня да ты три-то года,
 30 Ещё жди ты меня да и другие три,
 Выходи тогда замуж, за кого схочется,
 Ты за князя выходи или за боярина,
 Не ходи за моего брата названного,
 За Алешу ты да за Поповича».
- 35 Распростился Добрыня с родной матушкой,
 Распростился нонь Добрыня с молодой женой,
 Он садился на добра коня скорёхонько,
 Еще видели посадку молодецкую —
 Да не видели поездки богатырской.
- 40 Как поехал Добрынюшка Никитич млад
 Он во земли во татарские,
 Ему бить буде чудь да белоглазую,
 Ему бить буде сорочину долгополую.
 Не ворóтился Добрыня через три годá,
- 45 Не ворóтился Добрынюшка в другие три.
 Стали сваты заходить к Настасье свет Никуличны.
 Ходит князь Владимир сватом со княгинею,
 Еще сватают ее за Алешеньку Поповича.
 Говорила тут Настасья Никулична:
- 50 «Я Добрынина слова нáземь не роняю же.
 Прождала я Добрыню ровно шесть годов,
 Подожду я Добрыню и другие шесть».
- Как проходит всего времечка двенадцать лет,
 Ходит князь Владимир снова сватать ей
- 55 За того же за Алешу да за Поповича,
 Говорит ему Настасья свет Никулична:

- «Я нарушу мою заповедь великую,
Я пойду за брата его названного,
За Алешу всё да за Поповича».
- 60 Приезжает тут Алешенька Попович млад,
Говорит Алеша Анны Александровны,
Что Добрыниной родимой матушке:
«Еще твой ли Добрынюшка Никитич млад
Он лежит на поле чистоем:
- 65 Его буйная головушка проломлена,
Плечи сильные прострелены,
А сквозь кудри его да желтые
Проросла трава муравая с цветочками».
Запечалилась, слёзно вот заплакала
- 70 Свет ведь Анна Александровна,
И дает она свое благословеньице
Еще дочери любимой Настасьи свет Никуличны
Ей итти за Алешиньку да за Поповича.
Начинается тут да пированье-столованье
- 75 У того ли у князя да у Владимира
Во палатах его да белокаменных.
Еще спит Добрынюшка во чистом поле,
Еще спит, ничего да вот не чует он.
Бьет копытом его конь о сыру землю.
- 80 Тут выходит Добрыня из белá шатра,
Из белá шатра белополóтняна:
«А уж ты гой еси, мой верный добрый конь,
Уж ты что бьешь копытом о сыру землю,
Не дашь ты мне покою во белом шатре?»
- 85 Говорит ему конь да таковы слова:
«Уж ты гой еси, хозяин мой, Добрынюшка Никитич млад,
Ты невзгодушки да вот не ведаешь:
Как твоя-то молода, верно, жена,
Что Настасья свет Никулична,
- 90 Она замуж идет да за Алешеньку,
За Алешу идет да все за Поповича.
Ты садись на меня, на добра коня,
Мы поедем с тобою да в стольный Киев-град».
Тут садился Добрынюшка да на добра коня,
- 95 Он поехал прямо в стольный Киев-град.
Его конь бежит, да как стрела летит,
Мелки речки конь да перескакиват,
Крупны реки конь да перелётыват.
Приезжает Добрыня в стольный Киев-град.
- 100 Он соскакиват со своего добра коня,
Не привязыват коня да ко столбышку точёному,
Он идет-бежит да в свои теремы.
У приворотничков Добрыня да не спросился же,
У придверничков он да не сказался же,
- 105 Всех он взашей прочь отталкиват.
Как заходит Добрыня в палаты светлые,

- Как бегут сзади приворотнички,
 Как бегут за Добрынюшкой придвернички:
 «Уж ты гой еси, наша, верно, матушка,
 110 Свет ведь Анна да Александровна,
 Как приехал на твой широкий двор
 Богатырь он незнаемый да неведомый,
 Уж он всех нас взашей да прочь отталкиват».
 Говорит тут Анна, верно, Александровна:
- 115 «Уж ты гой еси, удалый добрый молодец,
 Был бы жив Добрынюшка Никитич млад,
 Еще не дал бы тебе над нами смеяться».
 Говорит тут Добрынюшка Никитич млад:
 «Я с Добрынею сейчас да приразъехался,
 120 Я поехал в стольный Киев-град,
 А Добрынюшка заехал во Чернигов-град,
 Должен быть сейчас скорехонько».
 Говорит тут да Анна Александровна:
 «Уж ты гой еси, удалый добрый молодец,
- 125 Или врешь ты, или правду сказывашь.
 Ведь Добрынюшка Никитич млад
 Он лежит во поле чистоем,
 Его буйная головушка проломлена,
 Плечи сильные прострелены,
- 130 А сквозь кудри его да желтые
 Проросла трава муравая с цветочками».
 Говорит ей тут Добрынюшка Никитич млад:
 «А и кто тебе про это сказывал?» —
 «Ездил в поле чистое Алешенька Попович млад,
- 135 Прослезил он меня, грешную».
 Говорит да тут Добрынюшка Никитич же:
 «Уж ты гой еси, родима моя матушка,
 Не признала ты богатыря незнаема».
 Говорит ему свет Анна да Александровна:
- 140 «Я не знаю тебя, удалый да добрый молодец,
 Как зовут тебя да по имени,
 Величают да по отчеству?»
 Говорит тогда Добрыня таковы слова:
 «Я твой сын, Добрынюшка Никитич млад.
- 145 Уж ты знаешь ли приметы на моем да теле белом?»
 Говорит ему свет Анна да Александровна:
 «Я знавала приметы на белом теле да у Добрынюшкн».
 Тут Добрыня раздевает епанчу боёвую,
 Раздевает он платье да богатырское,
- 150 Он снимает нательную, верно, рубашечку,
 Он показывает на белом теле приметочки.
 Увидала тут Анна свет да Александровна,
 Увидала, слёзно да она заплакала,
 Обняла свое чадо милое.
- 155 В ту пору у князя Владимира стольно-киевского
 Идет пир честной, идет свадьба, столóванье.

- Тут сидит Алешенька Попович млад
 Со своей Настасьей со Никуличной.
 Говорит Добрыне Анна да Александровна:
- 160 «Уж ты гой еси, родное мое дитяtko,
 Как выходит твоя да молода жена
 За Алешу замуж за Поповича.
 А и прослезил меня Алешенька да Попович млад,
 Он соврал про тебя на чистом да на полюшке».
- 165 Говорит нонь Добрынюшка Никитич млад:
 «Уж ты гой еси, родная моя матушка,
 Уж ты дай мне-ко платье скоморошеское,
 Уж ты дай мне-ко гусельки звончатые,
 Я пойду ко князю да на почестен пир».
- 170 Одевается он во платье да скоморошеское,
 Он берет ведь гусельки звончатые,
 Он приходит ко Владимиру на почестен пир,
 Он заходит в гридню да во светлую,
 Он садится ко печке да ко муравленке.
- 175 Как гостей-то во палаты полным-полно:
 Еще сидит тут старой казак Илья Муромец,
 Еще сидит тут Алешенька Попович млад.
 Он сидит за столом да за дубовым,
 Он сидит за столом да с молодой его женой.
- 180 Князь Владимир со княгинеею их ведь чествуют,
 Им подносят чары да зелена вина.
 Заиграл тут в свои гусельки да звончатые
 Что Добрынюшка Никитич млад.
 Он играет да он выигрывает:
- 185 Да как встречался он с молодой женой во первый раз,
 Со Настасьей свет да со Никуличной.
 Услыхал тут князь Владимир да стольно-киевский:
 «Ой ты гой еси, преудалая да скоморошина,
 Ты садись-то за наши столы да за дубовые,
- 190 Что за скатерти да за браные,
 Что за ества да за сахарные.
 Еще перво-то место буде подле меня,
 Еще место второе-то супротив меня,
 А еще третье-то место да куда сам пожелаешь».
- 195 Тут садился Добрынюшка Никитич млад
 Что не подле он князя да Владимира,
 Что не супротив он да стольно-киевского,
 А садился Добрынюшка Никитич млад
 Он супротив Настасьи да свет Никуличны.
- 200 Говорит Добрыня да таковы слова:
 «Уж ты гой еси, князь Владимир да стольно-киевский,
 Ты позволь мне налить чару да зелена вина».
 Наливает чару Добрыня да свет Никитич млад,
 Опускает он в ту чару да золотó кольцо,
- 205 Подает он чару Настасьи да свет Никуличны,
 Говорит тут Добрыня да таковы слова:

- «Еще кто чару пьет до дна, тот увидит добра».
(Никто на пиру-то не признал его, вот беда!)
 Еще тут Настасья свет да Никулична
 Она пьет чару зелена да вина,
 210 Она пьет чару вот до донышка.
 Прикатился тут перстень да ко устам ее.
 Как берет она перстень да встает на ноги,
 Говорит она да таковы слова:
 «Как не тот мой супруг, да что подле меня,
 215 А тот мой супруг, да что насупротив меня».
 Как закипело у Добрынюшки сердце молодецкое,
 Тут соскакиват Добрыня да на резвы ноги,
 Он хватает Алешеньку да за честны кудри,
 Он бросает Алешеньку да о кирпичат пол,
 220 Говорит тут Добрыня да таковы слова:
 «Не слезить бы тебе было всё родной моей семьи,
 Не слезить бы да моей родной матушки.
 Не дивую я да уму женскому,
 А дивую князю я Владимиру со княгинею Апраксией:
 225 Обманули ведь Настасью да свет Никуличну.
 Как убью я, растопчу Алешеньку да Поповича».
 Тут старóй казак да Илья Муромец
 Он соскакивает со стула со ремянчата,
 Он захватыват Добрыню да за белы руки:
 230 «Ты оставь, Добрынюшка Никитич млад,
 Не губи Алешу да ты Поповича».
 Тут Добрынюшка Никитич млад
 Он берет свою да молодую жену,
 Он ведет ее в свои палаты да белокаменны.
(Этим и песня кончится.)

№ 37

Ка_к(ы) слу - чи - ло - се до_б(ы)-ры_ни в по - ле́ е - ха - ти,
 И не на мно_го, не на ма_ло е - му - на це - лый год.
 О_с(ы) - тав - ля - е_т(ы) о - н(ы) же - ну да сво - ю ми - лу - ю:

- Как случилось Добрыни в полѣ ехати,
И не на много, не на мало ему — на целый год.
Оставляет он жену свою милую:
«Если год-то пройдёт, да я не вёрнуся —
- 5 Тогда можь ты идти да толькѣ взамуж-то,
Толькѣ за когò хоть ты поди, дак мне-ка как всё равно,
Толькѣ не ходи ты за Олѣшенькю Поповичя —
Ведь он-то мне-ка ведь нынь да как двоюрод брат».
- 10 Как задумал-то Олѣшенькя жениться.
Он прошёл-то к Ильи да нынче к Муромцю:
«Я желаю женитцѣ на Добрыниной жены».
Ах ведь тут-то старой да Илья Муромец
Говорит-то сейчас да таковò словò:
- 15 «Может быть-то Добрыня-то жив-то быть».
А Олѣша-то и тут да выговариват:
«Я уж ездил по чистòму по полю-ту,
Я и видел-то труп да нынь Мекитичя:
Сквозь его-то сейчас да ведь трава растет,
- 20 Как трава-то растет, да ведь цветы цветут».
Тут и стар-то казак дак Илья Муромец
Согласилсѣ женитцѣ нынь Поповичю.
Они стали собиратцѣ за невестою
Как ведь в то же времѣ да нынь среди ночí:
- 25 «Как добром-то пойдёт, — дак вòзьмем с радостью,
А добром-то не поидет, — дак вòзьмем нечестью».
Вот(ы) тут-то пошли да нынь к Добрыниной жены,
Ах(ы) старой Илья да нынче Муромець:
«Уж ты ой еси, ты матушка Добрынина,
- 30 Мы пришлн-то ведь к вам да нынь посватать-то
На Добрыниной жены да на за Поповичя».
А она ведь говорит дак таковò словò:
«Может, жив-то Добрынюшка Мекитич блад».
А Илья-то теперь да нынче Муромець
- 35 Говорит: «Уж неживой да нынь Добрыня-та:
Сквозь его уже сейчас дак ведь трава растет,
Ведь трава ле растет, да как цветы цветут».

- Ак добром-то пойдёт, — дак вóзьмем с радостью,
А добром-то ле не пойдет, — дак вóзьмем нéчестью».
- 40 Тут пошла нынче матушка Добрынина
Ко своей-то снохи да в спальню светлую:
«Уж ты ой еси, вставай да нынче, сноха милая,
Тут и пришли за тобой да нынъ посватать же.
Тут Олешенька пришел и со старым Ильей.
- 45 И добром пойдешь, — возьмут с радостью,
Иль добром не пойдешь, — возьмут нéчестью».
Тут ведь стала собираться молода вдова.
Повели ее да на почестен пир.
Тут и пили-столовали на честном пиру.
- 50 Как во ту пору было да как в то времечко
Как Добрыня ехал по чисту полю,
Остановилсе он да во белом шатре,
Как бы спал да храпел, как река шумит.
Как и в это время да прилетел ворон,
- 55 Как бы первой раз он воскуркал же —
Молодой спит как крепким сном.
А второй-то раз воскуркал же —
А сухое пенье поломалосе.
А во третьей раз воскуркал же —
- 60 А в озерах вода да сколыхаласе.
Тут проснулся удалой доброй молодец:
«Видно, есть-то над городом незгодушка».
Как ведь едет сейчас да ко свою двору,
Ко свою двору, к высокоу терему.
- 65 Не встречат его нынъ дорогá семья,
Дорогá его семья да молода жена.
Он заходит-то сейчас да в гридню светлую,
Он здороватсе да нынъ да с родиой матушкой:
«Уж и где же моя да дорогá семья,
- 70 Дорогá ли семья да молода жена?» —
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец,
Уж ты милое мое да нынче чадо милое,
Увели-то ее да на почестен пир,
Да взяли же за Олешеньку за Поповича».
- 75 Он и просит да у матушки благословеиница
И сходить-то на свадьбу посмотри-то.
А ведь мать ему-то говорит таково слово:
«Понапрасну потеряшь свою буйну голову».
Отвечает он-то матушке родимой:
- 80 «Я не буду ничего нынъ разговаривать,
Я надену нынъ платьице калическо».
Тут пошел же Добрынюшка на свадьбу-то.
Как пришел-то Добрыня нынъ на свадьбу-то,
Как ему наливали зеленá вина,
- 85 Как чару-то дают да невеликую,
Невелику-то чару — полтора ведра.
Подает-то ему да старой казак Илья Муромец.

- Как берет-то Добрыня во праву́ руку́,
Он и пьет-то да еди́ным духо́м,
90 Сам за чарой-то слово выговариват:
«Дай Бог больше тебе да ходить тысяцким».
Тогда наливает чару-то Олешенька,
Подает-то он ее ныне Добрынюшке.
Он берет-то ведь чару во праву́ руку́,
95 Он не малую-ту чару, не великую —
Полтора-то ведра да зеленá вина:
«Тебе дай-то Бог да во совете жить».
Подает-то ему и невеста же и чару ему да зеленá вина,
Как не малу, не велику — полтора ведра.
100 Тогда берет-то ведь Добрынюшка Мекитич млад,
Выпивает-то чару еди́ным духо́м,
Сам за чарой-то слово выговариват:
«Тебе дай же ведь Бог во согласьи жить».
Сам снимает платье калическое
105 И снимает перстень обручальной же,
Подает-то сво́ей да дорогой жены.
Как стает-то она на резвы́ но́ги,
Раздвигает столы да всё дубовые
И выходит к Добрынюшке Мекитичу.
110 Тогда Добрынюшка Мекитич проздравляти стал:
«Как тебе, старо́й казак Илья Муромец,
Тебе стыдно у жива мужá жену-то брать.
А тебе и здравствуй, Олешенька ты Попович млад.
Здорово женившись, да не с кем спать».
(Конец.)

№ 38

Ай, во с(ы) - ла_в(ы)_но - ё_м(ы) во го - ро - ди во Ки - ё - ви,
Да у ла_с(ы)_ко - ва у к(ы)_ня - зя да у Вла - ди - ме - ра,
За_во - ди - л(ь)_сэ у их сё_д(ы)_ми_(и) по - че - сё_н(ы) пир
Ай на кня - зей - то (о),на бо - я - р(ы) да ле то_л(ы)_ста_б(ы)_рю - жи - их,
да на ру_с(ы)_ки - и_х(ы) мо - гу - чи - х_х(ы) да бо - га - ты - рей...

- Ай во славноём во городи во Киёви
 Да у ласкова у князя да у Владимира
 Заводилсэ у них сѣдни почесѣн пир
 Ай на князей-то, на бояр да ле толстобрюхих,
 5 Да на русских могучих да богатырей,
 Ай на всю-де поляницу да преудалую.
 Уж как день-от идѣт нынче ко вечеру,
 Ай и пир-от идѣт теперь навесели,
 Уж как все-де на пиру да ле напивалисе,
 10 Ай и все на пиру дак наедалисе.
 Тогда выходил-де Владимер да стольно-киѣвской,
 Он по гридне-то своей дак запохаживал,
 Таково-де словечко да выговаривал:
 «Уж вы все-де на пиру стали веселѣшѣньки,
 15 Одному-де мне, Владимиру, невесело.
 Ведь наехал от чужой земли невежа-та,
 Он называѣт в чысто полѣ сопротивничка.
 Ай вы гой еси, могучие-те богатыри,
 На кого же я накину службѣ великую,
 20 Ай великую-ту служебку, немалую:
 Уж как съездить богатырю в чысто полѣ,
 Да побитцэ-поратитцэ с невежою?»
 Тут как все-де на пиру дак приумолкнули.
 Ай как старшой-от-де хоронитцэ за средняго,
 25 Ай как среднѣй-от хоронитцэ за меньшаго,
 Уж никому-де не хочетцэ ехать во чыстó полѣ.
 Как из-за того-де стола, да ле из-за средняго
 Воставаѣт Михайло-де сын да Павлович.
 Говорит-де сам дак таковó словó:
 30 «Уж ты гой еси, Владимир наш стольно да киѣвской!
 Ты разреши-ко-се сказать мне да таковó словó». —
 «Уж ты гой еси, Михайло да сын-де ле Павлович!
 Говори-ко ты здесь нам таковó словó». —
 «Уж я сам-де недавно да из чыстá поля
 35 Ай и также ле моя братыца крестовыя.
 Они стояли во чыстóм полѣ, да всё ратились
 Уж с неверной-де силушкой да собаки Калина.
 Ай не ездил только в чысто полѣ Добрынюшка,
 Он в ето время всё жил нынче да во Киёви
 40 С молодой-де женой с Настасьѣй Никуличной.
 Ты положь-ко-де ету службу да на Добрынюшку,
 Уж он съездит, Добрыня, да во чыстó полѣ».
 Тогда брал-де Владимир чяру полтора ведра,
 Наливаѣт во чяру да зелена вина,
 45 Подносил он Добрынюшки Никитичу:
 «Ты прими-де от меня чяру зелена вина,
 Ай ты выпей-ко-сь, Добрынюшка, всю ее досуха.

- Сослужи-ко-се ты мне служобку великую,
Уж ты съезди, Добрыня, да во чыстó полё,
50 Ты побейсе-поратьсе да всё ле с силушкой,
Ты очисти дороги да прямоежжия».
Тогда брал-де Добрыня да зеленá вина,
Выпиваёт он чяры да зеленá вина,
Выходил-де Добрыня из-за столов дубовых,
- 55 Он поздраствовал Владимира-князя да солнышка,
Да прощалсэ с князьями да со боярами,
Ай с могучима со русскими богатырьми.
Да пошёл тогда (Добрыня) да ко своему двору,
Заходил он во светлицу-де в свою-то ле,
- 60 Раздеваёт Добрынюшка цветнó платьё,
Ой надевает Добрыня платьё богатырскоё,
Выходил-де он конюшоньку стоялую,
Обрежаёт своего добра коня кавурушку,
Он седлаёт седёлышко черкальскоё,
- 65 Да подтягивал подпругов да всех одиннадцеть,
А двенадцету подтягивал для ради крепости.
Увидала его матушка родимая
Из того-де окошочка косявчета,
Да скричала сама дак зычным голосом:
- 70 «Уж ты гой еси, молодушка Настасьюшка!
Ты беги скорей-де нынче да на конюшен двор,
Ты уж выпрашивай у своего дак (мужа) Добрынюшки,
Он куда-де отъезжаёт дак со своего двора?
Он ле долго ле уедёт, наш доброй молодец,
- 75 И когда нам заставит всё ждать-поджидать?»
Тут скорёшонько выбегала Настасья Никулична,
Подбегала она к своей лады да милоей:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад!
Ты куда же ле наш дак отправляессе?»
- 80 Отвечает тогда Добрыня ей таковó словó:
«Уж как стала ты у меня дак всё ле спрашивать,
Уж как стану теперече тебе сказывать:
Ай накинуд на меня князь стольно да киёвской
Уж как служебку накинуд он немалую:
- 85 Ай как съездить мне, Добрыни, да во чыстó полё,
Ай и битисе мне, дратися с невежою,
Ай побить мне егóву да всю ле да силушку». —
«Ах ты гой еси, любимой мой да державушка!
Ты когда-де заставишь нам дожидать тебя?»
- 90 Отвечат-де опять ей таковó словó:
«Ай как пройдёт-то ле тому времечку все три года,
Не вернусь ле я если дак со чистá поля,
Ты еще-де поживи других ле три года.
Да пройдёт тому-де времечку всех шесть-то ле лет,

- 95 Да не вернусе я тогда дак со чистá поля,
Тогда тебе, Настасьюшка, будёт воля вольная,
Уж захочёшь ты, Настасьюшка, вдовой живи,
Ай захочёшь ты, Настасьюшка, замуж пойти.
Ты пойти хошь ле за князя, да за боярина,
- 100 Да за могучего ле сильного богатыря,
Не ходи только за Олешеньку Поповича,
Мие Олешенька Попович ле названой брат». —
И поехал Добрыня да во чистó полё,
Уж он стал там битьсе-ратитьсе со силушкой.
- 105 Ай как день-от идёт, дак будто дождь дождит,
Ай неделя за неделей да всё трава растёт,
Ай и год-от за годом да как река бежит.
И проходнт тому времечку ле три годá —
Не бывал-де Добрыня да со чиста поля.
- 110 В его времечко поехал Олешенька поповской сын
Во чистó-де полё да ле он поляковать.
Приежжаёт Олешенька со чистá поля,
Да привозит он весточку нерадостну:
Щой побитой лежит Добрынюшка Никитич млад,
- 115 Во чистóm-де полё, ногами во ракитов куст.
Его мамонька-де горчехонько заплакала
Со своей-де невесткой, Настасьёй Никуличной.
Да сажалисе обок да ко окошечку,
Жалобнёшонько по Добрыни да они плакали.
- 120 Ай сажалисе они дак ко окошечку,
Опять стали-де его ждать дак со чистá поля,
Уж как день-от идет, дак будто дождь дождит,
А неделя за неделей-да всё (к)ак трава растет,
Ай и год-от за годом, да всё река бежит,
- 125 И прошло других опять нынче три годичка —
Не бывал-де Добрыня да со чистá поля.
Тут ле стал-де Владимир да к им похаживать,
Ай и стал он Настасьюшку посватывать:
«А прошло ведь других тепере три года,
- 130 Видно, нету в живых нынче Добрынюшки.
Ты пойти-ко-се, Настасьюшка, всё замуж ле,
Ты поди-ко-се за князя, да за боярина,
Хошь за удалого могучёго богатыря.
Ты, Настасьюшка, теперече всё молоденька,
- 135 Тебе долго ведь жить-вдоветь будёт до старости!»
Отвечаёт Настасья да таково слово:
«Уж я выдержала ле мужию ле заповедь,
А я выдержу ещё свою заповедь женскую,
Я прожду его, Добрынюшку, вторых шесть ле лет.
- 140 Да пройдёт тому-то времечку двенадцеть лет,
Не вернетца мой муж дак со чистá поля —
Все успею же я выйти да во замужество».

- Ай прождалá она других дак ровно шесть-то ле лет,
И не бывал-де Добрыня да со чистá поля.
- 145 В его времечко да ехал Олёшенька поповский сын,
Он приехал, Олёша, да со чистá поля,
Привозил опять ле весточку нерадостну:
«Ай лежит Добрыня да во... ой, на сырой земли,
Его косточки-ти звери да приростáскали».
- 150 Тут ле стал опять ходить да ле князь Владимир-от,
Он ле стал опять Настасьюшку посватывать:
Ай не пошла-де Настасьюшка за князя-де,
Не пошла-де Настасья да за богáтыря,
Только пошла она за Олёшеньку Поповича.
- 155 Уж как пир-от у них пошёл нынче навёсели,
Ай как треть-ёт день приходит, да всё идти-то им
Во божью церквú, принять дак по злату венцу.
Ай старушенька осталасе в своей светлице,
Жалобнёшонько старушенька ле заплакала:
- 160 «Закатайтцэ теперь дак как ясён месéц!»
Ай из далёче-далёче да из чистá поля
Ай не белая порошенька повыпала —
Ай наезжаёт ле детина да со чистá поля,
- 165 Заезжаёт детина да ко Добрынину
Ко тому-де конюшеньки стоялоей.
Соскочнл тогда удáлой да со добра коня,
Заходил скорей Добрыня да во свою свéтлицу:
«Уж вы здравствуйте-де, Мамельфа да Тимофеёвна,
- 170 Ты Добрынина, видно-видно, да все ле матушка!
Я вчерась-де был с Добрынюшкой Никитичём,
Да он дал мне-ка такой наказ-де вам-то ли,
Уж расспросить-де у старушки да про его жену».
Отвечает старушенька дóбру да молодцу:
- 175 «Молода его жона пошла в замужество
За того-де Олёшу да за Поповича.
Уж как третьёй день идет сёдни пир навёсели,
Да пойдут они во церьков принимать по злату венцу». —
«Уж ты гой еси, Добрынюшкина-де матушка!
- 180 Да ещё ле мне Добрыня да наговаривал:
Тебе сходить нынче в погреба-ти да во глубокия,
Принести-де мне платьё да скоморошиноё,
Да ещё-де принести мне-ка гусёлушка,
Да ещё ты налей мие-ка пива крепкого.
- 185 Когда сокручусе, снарежусь я скоморошиной,
Чтобы меня на пиру дак не пообидели».
Ай сходила старушка в погреба глубокия,
Выносила ему платьё скоморошиё,
Выносила ещё гусёлушка ярóвчаты,

- 190 Да подносила ему дак пива крепкого.
 Ай снаредилсе скоморошиной преудалоей,
 Да и брал он гусёлушка ярóвчаты,
 Да-й приходил он ко... да ко Владимиру,
 Ай и крест-от кладёт дак по-учёному,
- 195 Поклоны-ти ведёт дак по-учёному,
 На все стороны ле он дак поклоняется,
 Князю-солнышку с княгиной да во особину.
 «Уж ты гой еси, Владимир да стольн-от киевской!
 Ты пойшь ле, кормишь приежжих да добрых молодцов?»
- 200 Отвечает Владимир да таково́ словó:
 «Уж ты здравствуёшь, уда́ла да скоморошина!
 У мяя все-де места нынче признанеты,
 Только есть одно тебе местечко на печушки». —
 Как скоморошина етого места не брезгивал,
- 205 Он садилсэ на печку да на муравленку,
 Ай и клал-де на колени свои гусёлышка,
 Он их начал налаживать от Чернигова,
 Да накладывать он стал ведь столоной Киёв-град,
 Ай и стал он по струночкам похаживать,
- 210 Да и всих он поименно да ле всё припёвали.
 Тут и все-де на пиру дак приумолкнули,
 Ай и все-де на честном дак приутихли же.
 Говорит тогда молодая да всё княгинюшка,
 Молода-та Настасья да дочь Никулична:
- 215 «Ай не быть же скоморохи да преудалоей,
 Ай и быть, видно, могучёму богатырю!
 Прежде еко играл Добрынюшка Никитич млад». —
 Тут вставал-де Владимир да на резвы́ ногы,
 Говорил-де он сам дак таковы́ слова:
- 220 «Уж ты гой еси, преудала да скоморошина!
 За твою-то игру дак за хорошую
 Ты слезывай-ко со той нынче со печушки,
 Да и дам я тебе дак здесь три мёстечка:
 Ай перво́ мёсто́ — садись ты возле всё меня,
- 225 Ай второ́ мёсто́ — садись дак во супротив меня,
 Ай и третиё-т мёсто, дак сам куда захошь». —
 Не садилсэ скоморошина рядом с Владимиром,
 Не садилсэ-де он дак супротив его,
 Ай садилсэ супротив кнегиной, ой молодой.
- 230 Говорил-де скоморошина таково́ словó:
 «Уж ты гой еси, Владимир да стольн-от киевский!
 Разреши-ко-се налить мне да чяру полную,
 Чяру полную налить, дак полтора ведра,
 Уж кому-де я хочу, тому пожалую».
- 235 Говорит тогда Владимир да скоморошину:
 «Ты теперече налей чяру зеленá вина,
 Уж тебе-ка ле нынче да воля полная».

- Наливал тогда скomorошина чяру зеленá вина,
 Да спускал он ле свой злачен перстенъ в водочку,
- 240 Подносил-де молодой дак всё княгинюшки:
 «Уж ты гой еси, молодая да как княгинюшка!
 Ты прими-ко-се от меня чяру зеленá вина,
 Да повыпей-ко ты чяру да ету дóсуха.
 Не допьешь ты ле чяру да ету досуха,
- 245 Не видать тогда тебе будёт добра-то ли».
 Принимала Настасья да чяру зеленá вина,
 Выпивала она дак чяру досуха —
 Прикатилосе ко устам да ей колечушко,
 Ай взяла она кольцо дак во белы́ руки,
- 250 Говорит сама тогда дак таково́ слово:
 «Уж не тот мой муж, которой со мной рядом сидит,
 А тот мой ле муж, которой да супротив меня!»
 Выходила Настасья из столов дубовых,
 Ай и пала она дак во резвы́ ноги:
- 255 «Уж прости-ко-се меня, ты да всё Добрынюшка,
 Не послушала я твоей заповéди велико́й,
 Я пошла о-де взамуж за Олешеньку Поповича!»
 Отвечаёт Добрыня да таково слово:
 «Уж у бабы-то ведь волос долог, да ум кóротенькой,
- 260 Ей куда ведут, она дак всё туда идёт,
 Ей куда везут, дак она да всё туда едёт.
 Уж не прошу только Олешеньки Поповичу —
 Он зачем ездил-де нынь дак во чисто́ полё,
 Он слезил-де мою родиму да матушку!»
- 265 Ай тогда брал-де Добрынюшка Олешеньку
 За желты́ кудры́, выводил из столов дубовых,
 Ай и начал Олешеньку поваживать,
 Да гусёлушками своими его охаживать —
 Да не слышно-де было Олёши оханьё
- 270 От того-де гусельшков-де да буханья.
 А при том-де пиру дак при Владимирском
 Сидел-де тут Ильюшенька сын Иванович.
 Он брал-де Добрыню да за плечи могучия:
 «Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад!
- 275 Ты уйми-ко-се своё да ле ретивó сердце,
 Ты сдержи-ко свои да ле-ка руки белыя,
 Не убей-ко Олешенька Поповича!»
 Тогда брал-де Добрыня Настасью Никуличну,
 Целовал-де у ей уста сахарныя,
- 280 Да повёл он во свои полаты ведь белыи.
 А Олешенька садилсэ да на скомеёчку,
 Садилсэ Олёша да приговаривал:
 «Только далась-де женидба Ставру Годинову,
 Да другá-та далась Добрынюшки Никитичу».
- 285 Ай и столько Олешонька жонат бывал,
 Да и столько Олешонька с жоной живал.

№ 39

У Добрыни жена осталася. Посылала мать его невестку: «Ты поди, припади ко стремечку, спрашивай, когда в окошечко смотрети». Приходила жена ко Добрынюшке: «Любима держава, когда тебя ждати, когда в окошечко глядети?» Отвечал ей Добрыня: «Три года не приеду — жди, а если еще три года не приеду — жди, и еще три года прожди, а потом за кого хошь иди. Хоть за князя иди, за боярина, хоть за купца торгового, и только за Алёшу не ходи». (Он ему брат крестов был, потому и не велел.)

5 А Алёшенька в поле сам поезживал, да и соврал Володимиру-князю: мол,

«Видел: Добрынюшка лежит во чистом поле,
А ноженьками во ракивов куст,
А головка — на ковыль-траву».

10 И сказал он это князь Владимиру. Князь Алёшеньке поверил и стали к вдове Алёшу сватать. Как она не хотела замуж ийти. Князь ей приказывает. А она помнила, что Добрынюшка говорил: «Надо ждать девять лет и не ийти за Алёшеньку. Он лес(т)ной прелестник и бабий насмешник. А ещё он брат мне крестовый. А крестовый брат паче родного». А Алешенька врал-врал, князь и верил. Сватали они княгиню. Прибежала мать Добрынюшки:

15 «Закатилось солнце красное,
Закатился светёл месяц».

А тут возвращается Добрынюшка скорёхонько. Слезат с лошади, в конюшен двор сводит. К матушке своей обращается:

«Здравствуй, Добрынюшкина матушка,
20 Ты сходи во погреба глубокие,
Принеси чару зелена вина,
Занеси-ка ты платье мне скоморошие,
Занеси-ка ты мне игры скоморошие».

А она ему отвечает:

25 «Коли было бы моё дитё любимое,
Не пришлось бы тебе насмехаться».

Она его не признават — он шапку на голову надвинул. Принесла она ему зелена вина. Принесла ему гусельки яровчатые. Тут попросил Добрынюшка принести её дубинку: пойду, грит, на свадьбу, чтоб детинушку не обидели.

30 У ворот предворьев он не спрашивал,
У дверей предверьев не спрашнвал.

35 Пошла молва: мол, идет человек — не слушает. Богатырь он, по богатырю и дела. Вошёл в избу, поздоровался: «Дайте мне местечко сести». — «Садись край печки, край муравленки». Добрынюшка не брезговал: садился край печки, край муравленки. Князь жену его просватывал. Дали ему гусельки яровчатые, он стал песни играть, а жена его села и задумалась: «Мой муж прежде таки игрушки играл». Поклонилась она царю: «Не тот мой муж, кто со мной сидит, а тот, кто на печке лежит». — «Садись, — грит царь, — Добрыня, куда тебе место слюбится: хошь передо мной садись, хошь с тоей княгиною». А Добрыня отвечает:

«Не хочу перед тобой сидеть,
40 Не хочу рядом с твоею княгиною,
А я сяду по княжне новобрачною».

- А жена тут встала и князю поклонилась: «Великой князь, не тот мой муж, кто со мной сидит, а тот мой муж, кто против меня стоит». Поклонилась жена Добрынюшке: «Прости, любимая державушка, я девять лет тебя прождала, и только князь меня силой оженил. Да я с женихом только посидела рядом».
- 45 Алеша тоже поклонился Добрынюшке: «Прости, брат названный. Я, грит, поцелуем не грешен, только рядом посидел». — «Я, — грит Добрынюшка, — за то тебя прощаю, а за то не прощаю, что весточки нерадостные носил, что мать моя плакала. За то, грит, не прошу».

Взял Алёшу за желты́ кудри,
 Алёшеньку стал по полу поваживать,
 50 Алёшеньку стал похаживать.
 Тут Добрынюшка стал гусельцами похлопывать,
 Тут Алёшенька стал поохивать.

Хотел Добрынюшка Алёшу убить, да отпустил. Жену взял в дом к себе, повёл со свадебного пиру.

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

№ 40

- Во том во городе во Муроме,
 Во том селе да Карачагове,
 Жил тут Иван сын Тимофеич.
 У того Ивана Тимофеича
- 5 Было у него единó чадо,
 Единó чадо́, да единённое;
 Оно хворо было у него, нездоровое,
 И жил он у него в посторонной хрóмине —
 Он тридцать лет тут без ног сидел
- 10 И не видел свету белого, вольного.
 Во тридцатом году, да во посленни нни,
 Среди-то было да ночки темныя,
 Приходила ему сиротинушка убогая,
 Просила милóстыну его радí Христа.
- 15 Говорит же ей удалой доброй молодец:
 «Уж ты ой еси, сиротинушка убогая!
 Не могу я стать, милостыни подать,
 Не то — тебе подать, рад сам принять».
 Эта сиротинушка убогая
- 20 Выинмает ковригу дару божьяго,
 Из кормана вымат скланной ножичек
 И стала эту ковригу порúшивать,
 Да и стала его мазáть да ноги резвые,
 Раз она помазáла ноги резвые,
- 25 Другой раз помазáла ноги резвые.
 Затим она помазала очи ясныя,
 И стал тогда молодец да на резвы ноги.
 Ище его мазала да очи ясныя,
 И увидел тогда молодец да вольной белой свет;

- 30 И эта сиротина да тут потерялася.
Молодец тут слезно расплакался:
«Это чудо ле, братцы, не диво ле,
Что же надо мной это сделалось,
Что надо мной состоялосе?»
- 35 Урод ле приходил, меня уродовал,
Але во сне мне-ка это привиделось?
Приходил, винно, Микола мне Светитель».
Учул он в себе удачу молодецкую,
Учул силу богатырскую;
- 40 Стал он тут похаживать,
Приходил ко дверям ко широким,
Двери были плотно замкнуты,
Навешаны были замки весучие;
Топнул детинушка двери широкие —
- 45 Разорвались замки весучие.
И вышел он вон на улицу
И пошел по своему широку двору,
Ко своему к отцу, к матушке.
Отца-матушки дома не случилось,
- 50 Ушли они чистить поле чистое
Под ту под пашню хлеборонную;
Он пошел им помогать поле чистити.
С отцем, матушкой детинушка поздоровался,
На него тогда они взрадовались.
- 55 И стал им помогать поле чистити,
И стал дубья рвать со коренём.
Говорит его тогда мать родимая,
Говорит хозяину Ивану Тимофеичу:
«Винно, дитё будет нам не кормилицо,
- 60 Станет ездить, винно, по полю по чистому».
Немного помогал им молодец поле чистити,
Как стал у них просить благословеньца
Да съездить-сходить да в стольной Киев-град:
«Посмотреть мне князя Владимирера,
- 65 Посмотреть всех русских богатырей».
И просит их, падат во резвы ноги;
Не дают они ему благослов(л)еньца;
И падат им детинушка во второй након,
С буйной главы до сырой земли;
- 70 Не дают они благословеньца;
Падат им детинушка во третей након:
«Дадите пойду и не дадите пойду».
Тогда дали ему родители благословеньце
С буйной главы до сырой земли,
- 75 И стали они тогда ему наказывать:
«Когда ты было у нас хворо-нездоровое,
Много об тебе мы обещалися:

- Когда будешь ты у нас живой-здоровой,
Когда будешь ездить по полю по чистому,
80 Не проливай ты напрасно крови человеческой.
Стоять тогда за веру за крещшоную,
За ти монастыри за причестныи,
За ти за церкви да за божии,
За ти младенцы троедённыи».
- 85 И все это они ему наказывали,
И все это ему наговаривали.
Тогда же его отец-батюшко,
Тот Иван сын Тимофеевич,
Повел тогда его на конюшен двор
- 90 Отдавать ему коня добраго.
Привел он детинушку на конюшен двор,
Отворил двери там широкии.
Стоит там да, право, доброй конь;
Конь стоит наубёл-белой,
- 95 Хвост-грива научёрн-черна,
Научер-черна, как у чёрна ворона;
Конь стоял на семи цепях,
На семи цепях, на семи развезях.
Накладывал на него детинушка узду чекмяниую —
- 100 Разорвал он все цепи железные.
Выводил коня вон на улицу,
Накинул на него руку правую —
Конь засел в землю по щёточек.
Не седлал он коня добраго,
- 105 А заскочил прямо на добра коня —
Побежал его нончи доброй конь.
Доезжат детинушка до реки до Медвежины,
Напоил водой чистою коня добраго
И приехал назад к своему широку двору.
- 110 И стал он тогда заводить все приправы себе молодецкие,
Сбруню себе богатырскую.
Пошел он сперва к кузнецу, ко мастеру,
Сковал сперва палицу боевую,
По весу тянет палица девяносто пуд.
- 115 Потом сковал себе саблю булатную,
По весу тянет сабля двадцать пять пудов.
Сковал копейцо буржумецкое,
По весу тянет копейцо десять пудов.
И завел себе лучишко подорожное,
- 120 Тридцать три стрелочки каленыи,
Каленыя стрелочки, перёныи,
Перёныя — перышка были орлинские,
Не простого орла — сика́мскаго.
Стал тогда молодец снаряжаться,
- 125 Стал он тогда сподоблятися,
Стал уздать-седлать коня добраго;

- И стал он сперва на коня класть плотны плотнички,
 На плотнички мякки войлочки,
 А затим седёлышко черкальчато;
- 130 Подстеговал он двенадцать подпруг шелковых,
 Ище брал черезхребетницу
 Через степ лошадинную,
 Не простого шолку — земли Греческой,
 И стал класть всю приправу молодецкую
- 135 На седёлышко черкальчето,
 И стал тогда залог закладывать:
 «Не слезовать чтобы мне со добра коня».
 И другой залог стал закладывать:
 «Не кровавить чтобы сабля вострая».
- 140 Третьей залог стал закладывать:
 «Не вымать из налучья тугой лучек».
 Не видели тогда поездки молодецкой,
 Побежки лошадиной,
 Только и видели, как молодец на коня вскочил
- 145 Да в стремя ступил.
 Винно: в поли курива стоит,
 Курива стоит, да дым столбом валит.
 Приежжат молодец к ростаям широким —
 На ростаях-то лежит да сер-горюч камень,
- 150 На камешке подписи есть подписаны
 И подрези есть подрезаны:
 «Есть тут три дорожечки широкии в стольной Киев-град:
 Еинóй дорогой ехать три месеча,
 Другой дорогой ехать два месеча,
- 155 Есть третья дорога прямоежжая,
 Ехать той дорогой полмесеча.
 Еинной дорогой ехать — женату быть,
 Другой дорогой ехать — богату быть,
 Третьей дорогой ехать — живому не быть».
- 160 Стоит молодец да призадумался:
 «На что же мне женату быть?²
 На старость женату — чужа корысть.
 На что мне на старость богачество?²
 Есть у меня богачество.
- 165 Поеду я лучше по дороге прямоежжой, где живу́ не быть, —
 На поле старому смерть не писана».
 Поехал молодец по той дороге прямоежжой,
 Есть на ней три за́ставы великия:
 Первая на ней за́става великая —
- 170 Есть на ней болота дыбучие, грязи черныя.
 Росла дорожка та прямоежжая ровно тридцать лет,
 Никто по ней не проежживал,
 Ясный сокол не пролетывал.
 Тогда стал доброй молодец первой залог разрушивать:

- 175 Слезавае со добра коня,
Левой-то рукой коня ведет,
Правой рукой дубья рвет, мосты мостит,
Мосты мостит все калиновы,
Перекладнины кладет дубовые.
- 180 Промостил тогда грязи черныя, болота дыбучие,
И проехал доброй молодец за́ставу великую.
Заскочил тогда на добра коня
И поехал в стольной Киев-град.
И здраво едет поле чыстое,
- 185 Эдраво едет лесы темные,
И доезжает до за́ставы великия.
Живут тут мужички да новотокмяны,
Не пропускают они ни коннаго, ни пешаго,
Не удала добра молодца,
- 190 Всех они бьют и грабят.
Увидели они удала добра молодца
И ладят его бить и грабити;
За его стали хвататисе,
За его стали иматисе;
- 195 Он сидит на добром коне — не трехнется
И говорит им таково слово:
«За что вы меня хотите бить и грабить?
Бить вам меня не за что,
Взять у меня нечего,
- 200 Только есть у меня, право, доброй конь,
Конь стоит у меня восемьсот рублей;
Еще есть у меня шуба кунья,
Она стоит у меня семьсот рублей;
Ище есть у меня чуден-крест серебряной,
- 205 Крест-от стоит у меня пятьсот рублей».
Тут робята стали за него пуще хвататися,
Пуще стали иматися,
По пяти, по десяти и по двадцати пяти со стороны хватаются.
Стал тогда молодец разрушивать другой залог:
- 210 Вымал из-за на́лучья тугой лучек,
Из кармана вымал тетивку шелковую,
Из кольчужины вымал каленú стрелу,
Принатегнвал тогда, право, тугый лук,
Принаправливал калену стрелú,
- 215 Хочет стрелить в землю матушку,
Сам он стрелке приговариват:
«Лети, моя калена стрела, в землю матушку,
Рой землю матушку до пояса,
Оборви у робятушок ногн резвые!»
- 220 Полетела его калена стрела в землю матушку,
Рыла землю матушку до пояса;
Тогда все мужички устрашилися,

- Как овсяны мешки повалилися.
 Поехал тогда молодец в стольной Киев-град.
- 225 Здраво он едет поле чистое, леси темные,
 Подъезжает к заставе великой,
 Эта застава великая — заселнлся тут Сóловей Рахматович.
 У той дороженькн широкой
 Свито-в́ито у него гнездо на семи дубах
- 230 И на семи пагубках;
 Сидел Сóловей Рахматович ровно тридцать лет,
 Не пропускал не конного, не пешого, ни удала добра мóлодца,
 Не пролетныи ясны сокола,
 Убивал своим свнстом за двенадцать верст.
- 235 Приезжает удалой доброй молодец,
 Услыхал его Сóловей Рахматович,
 Засвнстел Сóловей по-соловьиному,
 У стараго конь учул — пал на́окарачь.
 Бьет коня он по тучным ребрам,
- 240 Сам коню приговариват:
 «Ох ты волчья сыть, травяной мешок!
 Не слышал, винно, ты в поле волчьяго воя, воронаго граяннля,
 Што падашь наокарачь!»
 Стал тут молодец принатягивать тугой лук,
- 245 Принаправливать калену стрелу,
 Сам ко стрелке приговаривал:
 «Ты лети же, моя калена стрела,
 Повыше лети лесу темнаго,
 Поннже облака ходячаго,
- 250 Не падай не на воду, не на землю,
 Падн Сóловью во правой глаз!»
 Повалился Соловей со вита гнезда,
 Тут молодец коня подганивал,
 Сóловья на землю не уранивал,
- 255 На подлетнке его и подхватывал,
 Брал себе в седёлышко черкальчето
 И поехал в стольной Киев-град.
 У стараго конь стал подпинатися,
 И стал конь подпиратися.
- 260 Бил он коня по крутым ребра́м,
 Бил и приговаривал:
 «Ох ты волчья сыть, травяной мешок!
 Винно, чуешь каку ле невзгодушку.
 Над собой ле, над хозеинном?»
- 265 И сказал ему конь языком руським человеческим:
 «Некакую я не чую невзгодушку
 Не над собой, не над хозеинном,
 Не могу нести вас — два богáтыря».
 Тогда встает удалой доброй молодец,
- 270 Сымает Сóловья с седельца черкальчета,
 Приковывал его ко стремени лошадиной

- И поехал вперед в стольной Киев-град.
Едет к Соловьё к широку двору,
У Соловьё было три дочери,
275 Поленицы приудалыя.
Увидали сначала Соловьё его дочери:
«Уж ты ой еси, матушка родимая!
Едет у нас отец, мужика везет,
Мужик у стремени поскакиват».
- 280 Тогда бросилась жена ко окошечку косящату,
Посмотрела из трубки подзорная:
«Ох вы глупы дочери, неразумныи!
Мужик-от едет, отца ведет».
На то были дочери догадливы,
- 285 Побежали скоро вон на улицу,
Заскочили на ворота на широкие,
Затенули подворотничку тяжелую,
Хочут спустить ее на удала добра молодца.
Увидал их Соловей Рахматович:
- 290 «Уж вы ой еси, дочери родимые!
Не сердите вы удала добра молодца,
Просите меня на выкупку,
Давайте ему золотой казны».
Соскочили дочери родимые,
- 295 Добра молодцу низко кланяются,
Давают ему золотой казны.
Говорит удалой доброй молодец:
«Не надо мне ваша золота казна,
Отмыкайте лучше все погреба глубокие,
- 300 Отмыкайте подвалы широкие —
Не сидят ле у вас удалы добры молодцы?»
На то оне ему ответ держат.
Не верит старой, домогается,
Говорят ему тогда дочери:
- 305 «Не можем отомкнуть, ключи потеряны».
На то молодец осержается,
Приходит к подвалам широким, дверям железным, замкам весучим,
Стоптал все двери железныя, замки весучие —
Сидят там удалы добры молодцы.
- 310 Выпускал их на вольной белой свет,
А затим схватил саблю вострую
И срубил у дочерей буйны головы.
Сел тогда молодец на добра коня
И едет вперед в стольной Киев-град,
- 315 Оставляет добро соловьиное
Всем удалым добрым молодцам:
«Живите вы, удалы добры молодцы,
И всем соловьиным добром пользуйтесь!»
Едет здраво поле чистое,
- 320 Едет здраво лесы темные,
Приезжает тогда в стольной Киев-град,

- Приезжает к воротам городovým,
 У дверей не спрашивает приверетников,
 У ворот приворотников,
 325 Едет прямо через стену городовую,
 Через ту башню наугольную,
 Подъезжат ко гридне княженевской.
 О ту пору у князя у Владимира
 Завелся почесен пир.
- 330 Слезавáт молодец со добра коня,
 Вяжёт коня к дубову столбу, золоту кольчу,
 Заходит во гриню княженевскую,
 Княженевскую гриню, во столовую;
 Богу в угол добрый молодец молится
- 335 И кланяется во вси стороны,
 Князю и княгине на особицу.
 Сидят на пиру у князя бояры толстобрюхие и руськие богатыри,
 Промежду собой разговаривают:
 «Надо ехать дорога чистити;
- 340 Заросла дорога прямоезжая,
 Заселился на ней Соловей Рахматович,
 Тридцать лет не пропускает ни коннаго, ни пешаго,
 Ни проезжа удала добра молодца».
 Сидит удалой доброй молодец, речи выслушивают
- 345 И говорит им таково слово:
 «Что вы сидите, толкуете,
 Привезен у меня Соловей Рахматович,
 Прикован у стремени лошадиной».
 Не верят ему гости князевы.
- 350 Говорит им удалой доброй молодец:
 «Посылайте смотреть слугу верную».
 Посылал князь слугу верную вон на улицу;
 Побегала скоро слуга верная,
 Посмотрела коня добраго,
- 355 А у коня лежит собачище.
 Пришла и сказала слуга верная:
 «Лежит у коня добра молодца кака ле собачища».
 Посылал князь слугу верную
 Звать собачищу в гриню княженевскую.
- 360 Зовет тогда слуга верная:
 «Ой еси, Соловей Рахматович!
 Пожалуйте во гриню княженевскую».
 Соловей на то ей ответ держал:
 «Не ваше я пью и кушаю, не вас и слушаю,
- 365 Стараго я ем, пью, кушаю, его и слушаю».
 Посылает тогда князь удала добра молодца;
 Зовет доброй молодец Соловья Рахматовича во гриню княженевскую,
 Говорят ему гости княжески:
 «Заставь посвистеть Соловья Рахматовича,
- 370 Мы послушаем его, потешимся».
 Спросил их удалой доброй молодец:

- «Как вам засвистеть — во весь свист але в полúсвиста?»
 Отвечали ему: «Пусть свистит во весь свист».
 Говорит удалой доброй молодец:
 375 «Свисти им, Соловей Рахматович, однако в полусвиста».
 Свнснул Соловей полусвистом:
 Задрожала гриня княженевская,
 Столы расшаталися, яства проливалися,
 Бояре все удристалися,
 380 Князя и княгиню старой во руках держит.
 Вывел тогда Сóловья Рахматовича на широкой двор.
 Стали тогда садить добра молодца за широкой стол,
 Низко кланяться, стали спрашивать:
 «Откуль ты, какой молодёшинёк, зеленёшинёк?»
 385 Коего ле ты отца, да коей матери?
 Кабы как те, молодца, именем зовут?»
 Он-де стал тут им да все рассказывать:
 «А того я села да Карачáгова,
 Из того из города из Мурома,
 390 Как имени Ивана сына Тнмофеича».
 Уж как тут сидят все на честном пиру:
 «Уж мы как его, удала добра молодца, назовем нонь по имени?»
 Кабы быть же Илья, больше Муромец».

№ 41

- Как во том ле было прежде городе Муроме,
 Кабы жил кабы был тут нонь стар казак,
 Кабы стар, пишут, казак Илья Муромец:
 Он сидел-то на печиньке-то тридцеть лет,
 5 Не имел при себе он как ведь рук ле, ног.
 Как ушли его ионь отець ле, ноньце матушка,
 Он осталса на пецьке на муравленке.
 Как пришли ле тут две калеки нонь убогея,
 Как зашли ноньце к ему, Богу помолилися,
 10 Говорят они старóму Илье Муромцу:
 «Ох ты ой еси, старыя Илья Муромец!
 Ты ставай-ко ноньце с печеньки муравленой».
 Говорит на то старой им, ётвет дёржит:
 «Ох вы ой еси, как люди нонь хрецоныя!»
 15 Я сидю ноньце на пеценьке земляной, право,
 Я невного нонь, немало, ровно тридцать лет».
 Говорят ему калеки во второй након:
 «Ты ётведай-ко, ставай ноньце как с пеци-то».
 Кабы стал ноньце их ле, право, слушатьсе,
 20 Он змахнул ноньце своима рукамы белыма,
 Шевелить как стал ногами ноньце резвыма,
 Говорят ему калеки таковы слова:
 «Слезывай ты ноньце с пецьки земленой, право».
 Он как стал ноньце слезывать, право, со пеценьки,

- 25 Как задествовали его руки белыя,
Заслужили как его нонь ноги резвыя.
Как говорят ему калеки нонь прохожие:
«Ты возьми как ведро ноньце водяное,
Ты поди-ко нонь сходи как за водой, право,
- 30 Ты на ту как нонь на реценьку Карчагу ле,
Принеси-ко ты ведром воды, право».
Он пошел ле, старой, нонь за водой, право,
Он принёс нонь воды, право, ключевойей.
А сидят ле тут калеки, говорят, право,
- 35 Говорят они старому Илье Муромцу:
«Ты повыпей-ко же ноньче воды сколько хочетсе».
Говорят тут нонь калеки, его спрашивают:
«Ты учуюл ле нонь в себе, право, цего-сего?»
Говорит ноньце старой, как им ответ дёржит:
- 40 «Я поцюл ноньце в себе силу великую».
Говорят на то ищэ калки-то:
«Кабы есь у 'тця, у 'тця ле, нонь у матушки,
Кабы есь нонь у их полё посеяно,
Зашел ноньце скот да кабы топъцет ле,
- 45 Ты поди огороди, огороди как ноньце божей дар».
Как юшли-то калеки нонь убогня,
А пошел он как хранить полё ётцовское.
Он завидел в поли ноньци скот ходит,
Он как из поля скота ноньце выганивал,
- 50 Кабы полё-то сырим дубьем огораживал,
Он ведь рвал тут как дубьницо с кореньицом,
Он оклаал, огородил людям на юдивленьицо.
Как пришли его отец ле, ронна матушка,
Как пришли они, увидели свое полё,
- 55 Кабы всё оно как дубьями заклажено,
Они тут как бы самн удивилисе:
«Кабы шчо эки чудеса у нас сотворилися?»
Зашли они в комнату свою тёплую,
Как ювидели: старой их сын здоровой стал.
- 60 Говорит ноньце старой как отцу, матушке:
«Ох ты ой еси, отец ле нонь родимья!
Ох ты ой еси, как матушка любимая!
Вы как дай ноньце вы мне было благословленьицо,
Я хоцю ноньце ехать в стольней Киев-град,
- 65 Я хоцю нонь посмотреть князя Владимира,
Со его любой со матушкой любимой».
Кабы дали тут ему благословленьицо,
Кабы ехати ему на стольней Киев-град,
На своем-то коне ле, право, белыём;
- 70 Кабы был-то ю отца его конь белой весь,
Наюбел весь, как белыя куропать,
Его хвос был ле, грива научер-черна.
Кабы стал ноньце старой тут отправлятисе,
Как он в ту ле дорожку старопрежнюю,

- 75 Старупрежнюю дорожку прямоежжую,
 На котору поселился кабы Соловей,
 Поселился тут ведь Соловей Рахматович.
 Он сидит ведь кабы сам-от на сырых дубах,
 На тринадцати сидит как мелких падубках;
- 80 Кабы были у его ведь сильни заставы:
 Кабы первая застава — станичники,
 А другая кабы застава — граничники,
 Кабы третья была застава — турзы-урзы,
 Как турзы эте урзы ёне проклятыя.
- 85 Как поехал нонь старой ле в путь-дорожиньку,
 Как пришли ведь три ростани, три дорожиньки,
 Как стоит ле тут ноньце, право, дубовой столб,
 На столбу тут как надписи подписаны,
 Кабы подрези кому юказаны:
- 90 «Кабы в правое дорожку идти-ехати,
 Как во той ле дорожиньке богату быть;
 Как ' середию дорожку, право, ехати,
 Во середней-то дорожки живому не быть;
 Кабы в третью-ту дорожку кабы ехати,
- 95 Как во третей-то дорожки жонату быть».
 Кабы тут стоит старой ле нонь роздумалс:
 «Кабы що ноньце мне ехат в ту дорожоньку,
 Во которой мне дорожоньки богату быть?
 А ' середню мне-ка ехат, как жонату быть?»
- 100 Кабы лучше я поеду в третью дорожоньку,
 Во которой дорожке живому не быть».
 Он поехал нонь, старой ле, в ту дорожоньку,
 Во которой как старому живому не быть.
 Кабы едет ближе к городу ко Киеву,
- 105 Приежжаёт он ко первой ле заставе,
 Тут стоели как на заставы станичнки.
 Они близко тут старому приближающа,
 Как хотят они стара ле бити-грабити,
 Как хотят они старого испохабити.
- 110 Говорит ноньце старой им, как ётвет дёржит:
 «Ох вы ой еси, удалые добрые молодцы!
 Уж вы потьте ноньце проць от старого,
 У старого смерть будёт страховитая».
 Как на то ноньце станичники не врандуют,
- 115 Кабы ближе все ' старому приближающа.
 Кабы брал ле в руки палицу жалезную,
 Кабы стал он их, поганных, помахивать,
 Как туда-то махнёт — лежат улицьма,
 На округ-то поворотит — с переюлками;
- 120 Он побил их, проклятых, до единого,
 Он опеть же заскакивал на добра коня,
 Он ёпеть же поехал ноньце к городу.
 Как стрещяёт тут его другая застава,
 Тут стоят ле на заставы граничники,

- 125 Они тоже кабы ближе приближаютца,
 Как хотят они стара ле бити-грабити,
 Как хотят его стащить ле со добра коня.
 Говорит как им старой нонь таково слово:
 «Ох вы ой еси, удалы добрые молодцы!
- 130 Вы не бейте как меня ле ноньце, старого,
 А старого ведь нонь бить вам не за што,
 У старого как взять ле ноньце нечего,
 У старого только есь ноньце белой конь,
 Кабы конь ведь наубел ведь бел,
- 135 Кабы хвост ле его, грива наючерн-черна;
 Ищэ есь только при се ле, право, чуден крес,
 Он невного ноньце стоит — во петсот рублей».
 Кабы пуще тут прокляты ёсержаютца,
 Кабы ближе ле ' старому приближатца.
- 140 Как на то ле преж старой-от был догадливой,
 Он ведь брал ведь в руки палицу жалезную,
 Кабы стал же их, проклятых, помахивать,
 Он вперед туда махнёт — как лежат улицьмы, —
 Он прибил как бы всех тут до единого.
- 145 А ёпеть же заскакивал на добра коня,
 А ёпеть же как едёт как ближе к городу.
 Приежжаёт как к посленьней ноньце заставы,
 Тут стоели как на заставы турзы-урзы,
 Как турзы ле урзы, Богом проклятыя.
- 150 Как бы ближе ле ' старому приближатца,
 А хотят ищэ старого бити-грабити,
 А хотят они стащить его со добра коня.
 Говорит ле им старой как в последней раз:
 «Ох вы ой еси, турзы-урзы проклятыя!
- 155 Уж вы потьте ноньце проць ёт старого,
 У кого у вас как есь нонь молоды жоны,
 У кого кабы у вас есь дети малыя».
 Как на то они, проклятыя, не врандуют,
 Они ближе к старому приближатца.
- 160 Как старой ноньце ведь крепце осержаетце,
 Он как брал ионьце саблю свою вострую,
 Кабы стал тих турзов нонь помахивать,
 Как присек их всех нонь до единого.
 Он ёпеть же заскоцил как на добра коня,
- 165 Он опеть же едёт в ту дорожоньку,
 А котора как идёт ле ноньце к Киеву.
 Приежжает нонь ко подкопу как первому,
 Как глубокой ле подкоп тут ископанной,
 Во подкопи-то копьиця поставлены.
- 170 Как завидел старой тут глубок подкоп,
 Он приправил своего коня доброго
 Как скочить ле через тот глубок подкоп,
 Как повыскочил его ле ноньце доброй конь.
 Кабы опеть нонь как едёт ближе к городу,

- 175 Ко другому ле подкопу он подъехал нонь,
Он приправил же своёго коня доброго,
Он стегнул как его нонь по крутым ребрам —
Повыскочил его ле, право, доброй конь.
Он опеть же ноньце едет ближе к городу,
- 180 Кабы третей подкоп ноньце ведь стретилса;
Он ведь тут, старой, с конем раздумалса:
Кабы, видно, этот подкоп-от широкой нонь.
Он ведь тоже нонь стегнул как коня доброго,
Кабы тоже как скочил ле его доброй конь —
- 185 Он не мог перескочить этого подкопа.
Кабы падал тут старой нонь в глубок подкоп,
Со своим ле со добрым он конём добрым.
Как во подкопе ведь были, право, копыца,
Как ведь копыа-ти были там, право, наставлены —
- 190 Проколоться как коню были направлены;
По его ноньце, старому, как по щасьцу,
Кабы копыа ле ведь тут нонь роздвигалсе,
Кабы падал тут старой нонь со добрым коием,
Как меж ти ёни ведь копыа бурзоменския.
- 195 Кабы нонци тут старой-от призадумалса:
«Ох ты ой еси, мой ноньце доброй конь!
Как мы как ноньце станём выздыматисе,
Мы ведь как станём такой беды избавлятисе?»
Кабы был-то тут у старого аркан как шолковой,
- 200 Завезал он как одним коньцём своего коня доброго,
А другой-от коницёк берёт в руку правую,
Он змахнулса-стрепенулса ноньце в подкопе —
Он повыскоцил, старой, ноньце из подкопа,
А на ту ле нонь ведь, право, на сыру землю.
- 205 Потенул он се арканом коня доброго —
Забрала его как сила молодецькая,
Он повызнял коня он на сыру землю.
А ёпеть же заскакивал он на коня доброго,
Как опеть ноньце как едет нонь старой казак,
- 210 Он как едет ведь ближе ' Соловью.
Кабы Соловей сидит там на сырых дубах,
На тринадцати сидит мелких падубках,
Он завидел старого добра молодца,
Засвнстел как бы Соловей по-змеидному,
- 215 Закрычал как бы Соловей по-звериному —
Подрожала ронна матушка сыра земля,
Как бы сырыя тут дубье расшатался,
У старого ноньце конь, право, ёбрюшилса,
А припал его как конь ведь на колени-то.
- 220 Кабы бьёт его старой ведь по тучным ребрам:
«Кабы ой еси, ты нонь ле, право, доброй конь!
Не слышал будто вороньяго граянья,
Не слышал ведь как вороньяго курканья?»
Как скочил ведь как тут конь на резвы ноги,

- 225 Как тут ноньце старой ле осержаетце,
Натенул он свой ле, право, тугой лук,
Он направил как бы стрелоцьку калёную,
А калёную стрелоцьку, перёную,
Он направил кабы ей, сам приговаривал:
- 230 «Ох ты ой еси, моя стрела калёная,
Ох ты ой еси, моя стрела перёная!
Полети-ко, моя стрелоцька, туда, право,
Ты туда ле ка', стрелка, куды я велю,
Полети-ко нонь ты Соловьёю во правой глаз».
- 235 Полетела его нонь калена стрела,
Как не падала она ле ноньце на горы,
Как не падала она ноньце на землю,
Залетела, право, Соловьёю во правой глаз,
Кабы тутэ нонь Соловей свернулса нонь,
- 240 Как свернулса ноньце Соловей с сырых дубов;
Как старой-от был ведь Богом он ухватчивой,
Подгонил ноньце под Соловьёя Рахматова,
Он схватил кабы Соловьёя на полети нонь,
Привезал его ко степи лошадинойей,
- 245 Как поехал-то бы ближе-то бы ' городу.
Кабы было тут у Соловьёя деветь дощерей,
Как на всех было взято деветь зетевьей,
Кабы близко тут старой к ним приближается;
Как завидели старого неприятеля,
- 250 А хотят бы его, право, побить, право.
А сидит тут кабы Соловей на добром коне,
Он сидит ле старым как тут привязаной,
Говорит он как своим любимым зетевьям:
«Вы не бейте ноньце руського богатыря,
- 255 Не сердите кабы нонь его ле, мóлодца,
Уж вы лучше унижайтесь ионь добрым концом,
Как просите нонь: миня он не спустит ле».
Кабы были у его ворота широкия,
Кабы были тут надворотнички тяжёлыя,
- 260 Кабы кто тут заедет, придавят того,
Говорит ищэ им Соловей Рахматович:
«Не сердите вы как руського богатыря,
Не спускайте как надворотенку тяжёлую».
Как опеть же поехал ближе к городу.
- 265 Как невного поры-время миновалосе,
Приезжает старой как ближе к городу.
Он соскакивал ' своёго коня доброго,
Привезал как коня доброго к дубову столбу,
К дубову ле ён столбу, золоту кольчу,
- 270 Как пошел ноньце типеря во светлу гриню,
Во светлу ле эту гриню княженеческу.
Как заходит он во гриню, Богу молитца,
На все стороны как сам тут поклоияйтца,
А князю-то, княгины на ёсобичу:

- 275 «Уж ты здравствуешь, нонь солнышко Владимир-князь!
Ох ты здравствуешь, нонь сё матушка Опраксия!»
Говорит ноньце как солнышко, ответ держит:
«Ох ты здравствуешь, удалой доброй молодец!
Ты ёткуль ноньце едёшь, куда прависься?»
- 280 Ты какого ле отца, какой матушки?
Ище как тя, молодца, имянём зовут?» —
«Из того еду из города из Мурома,
Из того ле я села-жила Карчагова». —
«Ищэ как тя, молодца, нонь именём зовут?» —
- 285 «Именём меня зовут ле я как стар казак,
Как бы стар казак я, ноньце Илья Муромец». —
«Уже как ты, поколь нонь ехал, правилса?» —
«Я ведь ехал нонь дорожкой старопрежней,
Старопрежней дорожкой, прямоежжой,
- 290 На котору поселилса кабы Соловей,
Поселилса он, сабака, убивал вного,
Убивал он, как грабил людей добрых,
Он поставил тут заставы великия,
Мне как Бог пособил — я все проехал нонь,
- 295 Как побил я тут ведь Соловья Рахматова,
А строи́л как его я со сырых дубов,
Привязал я ко степи лошадиной,
Он сидит ноньце у мня как на добром коне,
На добром кони сидит привязаной».
- 300 Говорит ле на то солнышко Владимир-князь:
«Ох ты ой еси, стар ле доброй молодец!
Ты садись-ко июнь с дороженьки попить-поись,
Ты попить ноньце, поись, хлеба покушати».
- 305 Как садилса старой июньце, попил-поел,
Кабы стал его ведь солнышко тут спрашивать,
Кабы стал он ведь тут с ним розговаривать:
«Как неможно ле нонь Соловья завести суда?»
Говорит на то стар ле, как ответ дёржит:
«Как пошли-тко ты ле слуг ле верных,
- 310 Кабы верных ты слуг ле, неизменных».
Как пошли эте ведь слуги ноньце верныя,
А подходят они ближе к коню доброму,
Как завидели тут Соловья привязана,
Ужахнулись они Соловья Рахматова,
- 315 Говорят они как Соловью Рахматову:
«Ох ты ой еси, июнь Соловей Рахматович!
Мы как посланы от стара ле казака Ильи Муромца,
Мы как посланы отвезать тебя нонь, право,
Как от той ле от степи лошадиной».
- 320 Говорит кабы им Соловей, ответ дёржит:
«Я не вашима руками нонь привязаной,
Я не вашима руками коню приказаной,
Кто нонь привязал меня к добру коню,
Я того ноньце могу ле, право, слушати».

- 325 А зашли эти ведь слуги нонь, народ в гриню,
Кабы сказывают они князю Владимиру:
«Говорил ведь нонь как Соловей Рахматович:
„Я не вашима руками сижу привязаной,
Я не вашима словами сижу приказаной,
330 Кабы хто меня привязал, того я слушаю“».
Говорит ищэ как солнышко ' второй након:
«Ох ты ой еси, старой ле Илья Муромец!
Заведи-ко ноньце Соловья в светлу гриню».
Пошел ле старой нонь ко добру коню,
335 Кабы стал ноньце ён Соловья ётвязывать,
Говорит сам как Соловью Рахматовичу:
«Ты пойдём ионьце как, Соловей, в светлу гриню,
Ты Владимиру-царю на посмотреньицо,
А сторонным ты людям на удивленьицо».
340 Он завёл ноньце как Соловья Рахматовича,
Говорит на то как солнышко Владимир-князь:
«Ох ты ой еси, стар казак Илья Муромец!
Ты позволь-ко ноньце Соловью засвистеть, право,
Засвистеть кабы ему нонь о полусвиста,
345 Закричать кабы ему нонь о полукрика».
Говорит ле тут стар таково слово:
«Как велю я засвистеть ему о полусвиста,
Я возьму ле нонь тебя, князя, в руку правую,
А княгину надо взяти в руку левую».
350 Говорит ноньце старой ле, право, Соловью:
«Засвисти-ко ноньце, Соловей, в полусвиста».
Кабы много тут народу собиралось,
На юдивление как в Киев соезжалисе;
Засвистел он ноньце, Соловей, в полусвиста —
355 Подрожала ровно гриня княженеческа,
Кабы князь-от, княгнна цють не юпали тут,
Простонародие тут все как ровно заспали.

№ 42

- Эх во той же маленькой во Галицы Великой,
Во той Корелы пребогатой
Да жила-была вдова благочестивая
Да по имени Ёмелфа Тимофеёвна.
5 Кабы было у ей цадо милое
Да по имени Илья сын Иванович,
Да сидел-то Илеюшка на печеньки,
Он на той жо на печке на муравленке.
Кабы не было у Ильи по колен ножок,
10 Кабы не было у Ильи по локот ручок,
Кабы не было у Илеюшки очей ясных,
Не видел Илеюшка свету белого,

- Свету белого не видел, сонца красного,
Солнца красного, добрых людей.
- 15 Много того время миновалось,
Как того прошло время тридцать лет.
Как приходит калика переходящая,
А заходит в гридню тёплую,
Уж и крест ли кладёт по-писаному,
- 20 Поклон ведёт по-учёному,
Из речей калика выговаривает:
«Уж здравствуй ты, Илья и сын Иванович!
Сотвори мне милостыньку душевную».
Говорит Илейко таковó словó:
- 25 «Уж ты здравствуй, калика добрый молодець!
Я сижу теперь на печке на муравленке:
Кабы нет у меня по колéи иожóк,
Нет у меня по локóт ручóк,
Нету у меня óчей ясных,
- 30 Не вижу я свету белого,
Не вижу я сонця красного,
Не вижу я да людей добрых.
Если видишь, то на полке сам
Ты возьми своей рукой правой».
- 35 Говорит калика таковó словó:
«Уж ты ой еси, Илья и сын Иванович!
Ты сойдí-ко-ся со печки со муравленой,
Те не даст ли тебе Бог ноги резвые,
Те не даст ли тебе Бог руки белые,
- 40 Те не даст ли тебе Господь очи ясные,
Не ювидишь ли ты сонця красного?»
То немного время миновалось,
Вот содвинулся Илеюшка со печеньки —
Поевились у Ильи ноги резвые,
- 45 Оказались у Ильи ручки белые,
Оказались у Ильи очи ясные,
Увидел Илеюшко свету белого,
Свету белого увидел, сонце красное,
Увидел Илеюшко людей добрых.
- 50 Спустился Илеюшко со печечки муравленой,
Берёт со спици шубу енóтову,
Отдаёт калики дóбру молодцу.
А хотел на калику ладóм посмотреть,
А не видел — калика нз видú ушёл.
(Эта калика Миколой Светым пришёл.)
- 55 Заслышал Илья в себе силы множество,
Он приходит ко своей матери родимой:
«Уж ты ой еси, моя мати родимая,
Ты чесна вдова Ёмелфа Тимофеёвна!
Уж дай мне-ко благословенья великого.
- 60 Захотелось мне-ка съездить в стольный Киев-град,
А захотелось себя показать, людей посмотреть,

- Посмотреть солнышко Владимира».
 Говорит его матушка такие рецѣи:
 «Я не дам тебе благословеньица великого
 65 Я с буйной главы да со сырѡй земли:
 А в город ехать — дальний путь.
 Премой дорогой ехать тебе трѣ года,
 Кривою дорогой ехать тридцать лет,
 Протенут твои да молодѣ летá.

(Тридцать лет сидел на печи, да тридцать лет ехать — вот сколько!)

- 70 А преую дорогой — есть за́ставы великия,
 Есть три за́ставы великия:
 Одна за́става великая — есь мостики колёные,
 А колёные мостики нынь по́дгиили,
 Не переехать будет тебе реченок,
 75 Утупишь своего коня доброго.
 Другая есь за́става великая —
 А стоит тут рать-сила великая,
 А не мала, не велика — сорок тысячей,
 Не пройти тебе будёт, не проехати.
 80 А третья есь за́става великая —
 Тут сидит Соловеюшко Рахматьевич,
 Ах на трѣх-де дубах да на трѣх поддубах.
 Зашипит Соловейко по-змеиному,
 Закричит Соловейко по-звериному,
 85 Упадёт твой конь на о́карач».
 Говорит Илья таковѡ словѡ:
 «Уж ты ой еси, моя матушка родимая!
 Хошь ты дашь благословеньице — поеду я,
 Хошь не дашь благословеньице — опять поеду я».
 90 Кабы тут его горькая матушка расплакалась,
 Из рецей она да выговаривала:
 «Уж ты чадо моё горькое,
 Ты горькое мое дитя, сладкоё!»
 Не могла отбитьца от Илеюшки.
 95 Надевала на себя кунью шубу,
 На босú ногú башмачки надергивáт,
 Брала она с собой золоты́ ключѣи,
 Выходила она вон на улицу,
 Отмыкала она всё подвалы великие,
 100 Выносила она сбрую лошадиную,
 Выводила она его коня до́брого.
 Ах уздает-седлает он коня доброго,
 А двенадцать по́дпруг кладёт шол(ковых),
 А тринадцатую кладёт через хребѣтну кость,
 105 Не ради басы́ — ради крепости,
 А ради при́прежи лошадиныя,

- Штобы не оставил его конь во чистом поле.
 А берёт палицу буевую,
 Ён берёт с собой тугой лук,
 110 Тугой лук с каленой стрелой.
 Не видели никто — Илья на коня ступил,
 На коня ступил да в стремёна вс(кочил),
 Только видели: во поле куревá стоит,
 Куревá стоит да дым столбóm валит.
- 115 Он ведь клал меж собой свой велик залог:
 «Штобы мне до города не слезть с коня».
 Уже едет Илья нынче чистым полем,
 Ну подъехал ко тем мостикам калённым.
 Заплелась травá во резвы ногй,
 120 И тут-то Илья остановился жо,
 Из репей же сам Илья выговариват:
 «Хошь я клал меж собой велик залог,
 А ведь то будет мне разрешить свой велик залог».
 Он спускаться, Илья, с коня доброго
- 125 На ту на матушку на сырú землю.
 Он уж левою рукою коня ведёт,
 А правую рукою сыро дубьё рвёт,
 Сыро дубьё-де рвёт, да он мост мостит,
 Перевёл ён своего коня доброго.
- 130 Уж скоро садитця на добра коия,
 Поехал Илья во чисто поле,
 Он завидел во поле рать великую,
 Да не малу, не велику — ровно сорок тысяч.
 Сосчитал он всех людей до единого,
 135 Не оставил ни единого не счислёного.
 (Сорок тысяч человек было, а всех сосчитал!)
 Подъезжает Илья ко этой ко силе великой:
 «Уж вы здравствуйте, удалы добры молодцы,
 Уж сорок тысяч удалых молодцев!
 Укажите мне дорожку премопутнею,
 140 Премопутнею и премоезжую».
 Не могли они указать дорожки премопутней,
 Ёни взяли Илью кругом себе,
 Стали Ильюшку поширгивать,
 Стали Ильюшку ведь подёргивать.
 (Побеждать хотят!)
- 145 Кабы тут Илейке за бедú стало,
 За великую досаду показалосе,
 Кабы взял он палицу буевую,
 Сколько он бьёт палицей буевой,
 А вдвое-втрое топчет своим конём —
 150 Победил ён всю рать великую,
 Не оставил в живых ни единого.
 Оттуль-то Ильюшка поворот даёт.

- А завидел он в полюшке Соловьёшка
 На трёх дубах, на трёх поддубьях.
- 155 А зашипел Соловейко по-змеиному,
 А заревел Соловей по-звериному, —
 Как упал у Ильи конь наокарачь.
 Как хватил Илья в руки палицу буёвую,
 Начал бить коня по тужим ребрам:
- 160 «Ах ты волчья же сыт, травеной мешок!
 Неужели не слышал ты крику звериного,
 Не слышал ты свис(т)у змеиного?»
 Соскочил его конь на резвы ногй.
 А берёт Илья в руки свой, право, тугой лук,
- 165 Берёт тугой лук правой рукой,
 Натягáет у туга лúка верёвочку,
 Накладыват каленú стрелú,
 Ко стрелы Илья да приговариват:
 «Ты лети, моя стрела да всё калёная,
- 170 Не падай ни нá землю, ни нá воду,
 Розлетись Соловеюшку во правой шар!»
 Полетела стрела, как люта́ змея,
 Она не пала ни нá землю, ни нá воду,
 Розлетелась (Соловеюшку во правой шар),
- 175 Роздробила (его) всю буйну гóлову.
 А подъехал Илья сын Иванович,
 Кабы скоро хватил Соловеюшка,
 Привезал Соловеюшка к добру́ коню,
 Привезал коню под брюшицу.
- 180 Поехал Илья сын Иванович во чистó поле.
 (Долго поётця — скоро скажетця! Уже третей год едет.)
 Не много время миновалось —
 Завидел Илья: во поле терем стоит.
 Во этом терему великом сидели его деточки родимые.
 У этого Соловеюшка Рахматьева
- 185 Кабы была любимá семья,
 Любимá семья да дети малые.
 Старша дочь в окнó бросíлася:
 «Татушка едет — мужика везёт».
- А друга дочь бросíлася в окошечко,
- 190 Тоже говорит:
 «Татушка едет — мужика везёт»,
 А мала дочь бросíлася в окошечко:
 «А мужик-от едет — отца везёт».
 (Близко стало — так видит.)
 Побежали эти дочери во чистó поле:
- 195 Старшая дочь бежит с мутóвкой,
 А вторая дочь бежит с поварёнкою,
 А кабы мала дочь бежит — она ковш тащíт.

- Тут сидит Илья да усмехаетца.
 Говорит Соловешко Р(ахматьеви)ч:
- 200 «Уж вы ой еси, мои дети любимые!
 Не дразните юдала добра молодца,
 Вы катите-ко сороковку красна золота,
 Откупите у его отца-родителя». .
 Он на то, Илья, не ослышался;
- 205 Отворачиват коня как лютым зверём,
 Едет Илья во чисто поле.
(Долго п(о)етця), скоро ск(а)зываетця!)
 Приеждает Илейко в стольней Киев-град
 Ко тому ко солнышку Владимиру.
- 210 Оставляет своего коня на улице,
 Заходит ко солнышку Владимиру во светлые покои,
 Крест-от кладёт по-пи(са)иому),
 Он поклон-от ведёт по-учёному,
 Из речей Илья да выговариват:
- 215 «Уж здраствуй, солнышко Владимир-князь,
 Ты Владимир-князь да стольне-киевский!»
 Говорит солнышко Владимир-князь:
 «Уж здраствуй, Илья сын Иванович!»
 Собирает князь пир великий
- 220 Для того Ильи сына Ивановича,
 Говорит В(ладым)ыр таковó словó:
 «Уж ты ой, Илья сын Иванович!
 Ты позволь завести нонь Соловешка,
 Завести во грини светлые».
- 225 Илья и говорит:
 «Заводите вы в светлые светлицы».
 Из речей Владимир выговариват:
 «Уж вы ой еси, слуги верные!
 Вы йдите на крылечушко на прекрасное,
- 230 Заводите Соловешка Рахматьевича
 Во мои покои во светлые».
 На ёто слуги не ослышились,
 Как выходят на крылечушко прекрасное,
 Но не смеют спуститьця на сырú землю́.
- 235 Из речей ёти слуги выговариват:
 «Уж ты ой еси, Соловешко Рахматьевич!
 Как просил тебя солнышко Владимир-князь
 Как во свою во светлую нонь светлицу».
(Сами не смеют подойти!)
 Отвещает ноне Соловешко Рахматьевич:
- 240 «Я не царьско нонь пью-кушаю,
 Не Владымыра ныне слушаю.
 Уж я пью-ем-кушаю Илеюшки,
 А Ивановича я нонь и слушаю».
 Отнесли ёти слуги слова царю:

- 245 «Пью-кушаю Илеюшки,
А Ивановича нонь и слушаю».
Говорит царь таковó словó:
«Уж ты ой еси, Илеюшка Иванович!
Заводи ты Соловеюшка Рахматьевича
- 250 Во те во гридни светлые».
Тогда Илья вышел вон на юлицу,
Ён заводит Соловеюшка Рахматьевича.
Говорит Владимир таковó словó:
«Уж ты ой еси, Соловей Рахматьевич!
- 255 Засвисти, Соловеюшко, по-соловьинному,
Закричи, Соловей, по-змеинному».
Говорит Соловейко таковó словó:
«Не твоё я ем-пью-кушаю,
А не Владимира-солнышка и-де слушаю,
- 260 Пью-де ем-кушаю Ильи Ивановича,
И ёго слушаю».
Говорит Владимир таковó словó:
«Уж ты ой еси, Илья сын Иванович!
Уж ты позволь-ко спеть Соловеюшку».
- 265 На то Илеюшко не ёслышился,
Говорит Илья сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Соловей Рахматьевич!
Вполовину засвисти по-соловьинному,
Вполовину засвисти по-змеинному,
- 270 Вполовину зареви по-звериному».
Не послушался Соловеюшко хозяина,
Зашипел-заревел Соловеюшко во всю прыть.
Испужались вси гости,
Кабы все упали, как бубнó лежат.
- 275 Тогда Илеюшко рассёрдился,
Вывел Соловеюшка Рахматьевича вон на улицу,
Бросил Соловеюшку о сырú землю,
Тут Соловеюшку смерть случилася.

(Тут и конецъ. А девки-ти обратно укатали то золото. Хотели откупить, да не могли.)

№ 43

Отец старóго был Муромец, а мать — Анастася Софеевна. Отец и мать его засеяли, он и родился. Он у их рос до тридцати лет без ног, без рук, сидел на печке на муравленке, отец и мать его всё кормили. Отец и мати его в то время, в зимнее время, разной работой занимались, а в летнее пору поля разнимали. Целых тридцать лет сынок нездоров был.

- 5 Сидит он на печке на муравленке — отец с матерью дома не жили — сидит он на печке на муравленке, старóй козак Илья Муромец. И вот заходят три сиротины. «Здравствуй, говорят, старóй козак Илья Муромец». — «А, говорит, здравствуйте, калики убогие, сумки да переносные». И говорят калики: «Старóй козак Илья Муромец! Подай милóсыню спасенную». Он и подал милóсыню спасенную. Они и говорят: «Старóй козак Илья Муромец, вставай с печки со муравленки!» А он и говорит: «А и ой еси, калики убогие,

10 сумки переносные! Я сижу на печке-муравленке ровно тридцать лет. Я встать, говорит, не могу». А калики говорят: «Вставай, старóй, не оманывай!» Говорят до трёх раз, всё не верят ему. Старóй козак Илья Муромец, как они глазами взвели, вскочил с печки со муравленки. Откуда взялись руки и ноги у старóго козака Илья Муромца.

15 Говорят эти калики убогие: «Спустись-ко ты в ренские погреба глубокие, налей цяру зеленá винá и принеси к нам сюда». Вот он спускался и вино им поднял, не велику цяру, не малую — равнёхонько полтора ведра. И калики и говорят: «Ну-ка, выпей, Илья Муромец, эту цярочку в полтора ведра на единый дух». Вот он и эту цярочку выпил на единый дух и не прикорчился. Вот он и подвыпил. А калики его и спросили: «Много ли чувствуешь силушки?» А он и ответил: «Во мне силушки много-множество». — «А ну-ко ещо, старóй Илья Муромец, спустись в ренские погреба, подними цяру зеленá винá, не малу, 20 не велику, а в два ведра равнёхонько».

Вот он и спустился, опять налил вина виноградного два ведра и подал. Калики опять приказали выпить. Он и выпил. Они спросили: «Много ли чувствуешь могуты-силы?» — «А во мне, говорит, силы стало много-множество. Было бы в матушки во сырой земли столб от земли до неба, а в столбу колечко 25 золотое заверчено, поворотил бы нижний конец вверх, а верхний вниз». Эти калики говорят и в третий раз: «Спустись ты, Илья Муромец, в ренские погреба, налей цяру зеленá винá, не малу, не велику — в три ведра равнёхонько». Вот он поднял третью цяру вина. А они и говорят: «Выпей-ко эту цяру в три ведра». Вот он эту цяру выпил, третью-то. А калики его на третий раз спрашивают: «Много ли чувствуешь 30 могуты-силы богатырской?» — «А во мне стало, говорит, силушки — половинушка».

Тогда он бросился в кут по милосыню. А вернулся — калик нет, двери не отворялись, а калики 35 потерялись. Старóй же козак Илья Муромец выскочил на улицу, хотел калик догнать. На улице нет никого. Выхватил из кармана трубочку подзорную, посмотрел в поле, где отец и мать в поле занимаются. Тогда же он в то побегал дубёе рвать. Стал он из земли дубёе рвать-крошить со всем с кореньём. Отец-мать тридцать лет поле рознимали, а он в три часа поле очистил, старóй козак Илья Муромец, ихнее детыще. А отец-мать увидали: «Экой богатырь их поле рознимает». А он в то время забегал 40 в избу, лёг на койку, где отец с матерью спят, отдыхать. Вот отец и мати пришли, зашли с поля в избу, а на кровати их сын спит, старóй козак Илья Муромец. Вот отец и мати поймались ему на шею и заплакали: откуда ему Бог руки-ноги дал? Тогда же он сказал: «Не плачьте, отец и мать, дал мне руки-ноги Бог». Вот он тогда на ноги стал.

И стали из города приходять посматривать старóго козака Илью Муромца. Он тогда и говорит, 45 старóй козак: «Отець мой родитель, поездяй в стольной Киев-град, купи бурушка троелеточка» (по-нашему — коня). Вот тогда отец его Егор Тимофеевич пошёл в стольный город Киев-град (такой же, как Питер был). Вот отец сходил в город и купил там коня, бурушка косматенького троелеточка. Илье Муромцу конь понравился. Вот Илья Муромец коня взял и дал отцу денег тридцать златниц злата и серебра.

45 Тогда же старóй козак Илья Муромец оседлал своего коня, обуздал, поездяет в чисто поле, пробует, каков конь у его. Вот сколько ли поездил, долго ли, коротко ли — приездяет к своему отцу Егору Тимофеевичу. Тогда же он, старóй козак Илья Муромец, снимает доспехи богатырские, палицу буёвую и все шелковые арканы, копёе долгомерное и саблю вострую. (Товарищцы носят шашки, а богатыри сабли.) Ставил своего коня и кормил пшеном белояровым.

50 Вот он тогда, козак Илья Муромец, коня спустил и роздёрнул шатёр белобархатной (у русских богатырей белый шатёр, у чужих — чёрный).

И заходит Илья Муромец в свой белой шатёр, поставил столики дубовые, роздёрнул скатерти белобархатные. Тут старóй козак Илья Еремеевич попил, покушал, стал во полухмелью. Вот старóй ложился спать и заснул сном богатырским. Спал старóй в шатре двенадцать суток. На тринадцатые сутки старóй 55 пробужаецца. Одевался, вымывался ключевой водой, утирался чистым тонким полотенцем, молился Господу Богу, сел, попил, покушал за столики дубовые. Выходит старóй козак Илья Муромец воин на улицу и имал своего добра коня. Садился на добра коня и отправилса старóй козак к отцу-матери в свой родимый град.

Вот он приехал к отцу-матери. Снимали отец-мати со добра́ коня старо́го козака Илью Муромца. 60 Заходил старой к отцу с матерью. Прожил с ними месяц, более. Вот он задумал ехать. Говорит отцю-матери: «Сдумал я ехать в стольный Киев-град». Вот он отцю в ноги пал. Отец и спустил его. Вот он и матери родимой Анастасеи Софеевны в ноги. Анастасея Софеевна не спускает: «Не ездь в стольной Киев-град, не дам благословения». А он лежит, и плачет, и просит. Ну, она и спустила. Только говорит: «А подорожных людей не убивать, а безвинных не ворошить!» Мати его подняла с полу. Он и вышел, старо́й 65 козак Илья Муромец, на улицу. Он и клал двенадцать подпругов на коня, чтобы конь из седла не выронил, а тринадцатую клал через кониную степ для всякой всячины. Собралса народ смотреть, много народу скопилось, хотят смотреть поездку Ильи Муромца, как он поедет. Нихто не мог увидеть, как старо́й скрылся из глаз, уехал из города. Скопотил все желты пески макарьевьски: курева́ идёт, дым столбом валит. Вот старо́й козак Илья Муромец — не видать сходима красна солнышка: всё чисто 70 скопотил, всю землю матушку.

Вот, значит, какое дело.

Тогда же старо́й козак Илья Муромец выехал в поле, по полю трое суток катит. Подъезжает он к дубову́ столбу на тракторво́й дороге, а на столбу золоты подписи велики подписаны. Старо́й козак Илья Муромец близёхоинько подъехал и видит: «По премой́ дороге ехать — быть богатому. А по левой́ дорожке 75 ехать — быть женатому. А по правой́ дорожке ехать — быть убитому». Вот Илья Муромец и призадумался: «А на што мне, старо́му, на ста́ры дни богатство, на што золото-серебро? А шё мне, старому, жениться? А женитьця на ста́ры дни — чужа́ корысть. (А он ещё не старой, тридцеть лет.) А поеду я по той дорожке по правой, где мне быть убиту». Вот старо́й козак Илья Муромец отправилса в стольной Киев-град по той дорожке, где быть убитому.

Вот он долго ли, коротко ли ехал, больш́и те речки плавунóм плывёт, а мелкие речки промеж ног берёт. Вот он приехал во чисто́ поле. Много в чистом поле стоит силы-армии. Стоят разбойники-подорожники. А эта дорога запала-залегла ровно тридцеть лет. Никто по ней не ездивал. Вот заезжает старой Илья Муромец в эту армию, в самую серёдо́чку. Остановил коня в самой серёдо́чке. И говорит-то козак Илья Муромец: «Уж вы здравствуйте, удалы добры молодцы, всё сыновья-дети отечские!» Они ему никакой 85 ответ не дают. Вот они начали друг дружку глазами помаргивать, хотят Илью Муромца убить. А Илья Муромец на коне сидит, ни к чему не ведаёт. Он и говорит: «Уж вы удалы добры молодцы, сыновья-дети отечские! Уж и взять с меня, старого, нечего. Есь у меня сорок каёных стрелочек, и кажная стрелочка стоит по рублику, и всего-то это выйдет сорок рубликов. А есь у мян с собой пухов колпак, если продать, стоит он петьсот рублей. А есь у мян с собой кунья шуба. Конь у мян простой — 90 без числа-сметы нет, сколько стоит». Вот эти разбойники-подорожники хотят старо́го убить, голову срубить. А отец-мать благословення не дали людей убивать.

Вот Илья Муромец снимает тугой лук и кладёт калену стрелу́ в тугой лук. И спускает калену́ стрелу́ во чисто́ полё во матушку во сыру́ землю. Залетела эта стрелочка в сырой дуб. И был этот дуб вышиной в десеть сажен, а шириной в три охвата мусьские. И залетела калена в дуб, и весь дуб раскрóшила 95 в мелкие (дребезги). От этого страху от великого все разбойники пали на землю и лежали трое суток. А старо́й козак эти трое суток всё на коне высидел, ждёт, как (встанут). Тогда на четвёртые сутки все проспались, встали на резвы́ но́ги. Вот тогда эти разбойники все кланяютця старому козаку Илье Муромцу. Говорит старо́й козак Илья Муромец: «Уж вы ой еси, разбойники, удалы добры молодцы! Будете вы подорожничать, с онного разá сниму у всех головы с плеч, всех побью».

100 Ну, вот, ланно, хорошо. «Обернитесь вы на восточну сторону, помолитесь вы Богу и станьте добрыми людьми, не подорожничайте, и я тогда вас прошу». Вот они тогда стали, помолились Богу на восточну сторону: «Што и станем мы, разбойники-подорожники, станем стоять за веру за крещёную». Тогда старой козак Илья Муромец оставил их в живых и сам поехал от их прочь.

105 Долго ли ехал, ли коротко, доехал до большого болота зыбучего, тут был калинный мост. По тому мосту русьские богатыри ездили всё. Некоторые мостовины по этому мосту выгнели, некоторые свалились. Вот он тогда спустил коня во чисто поле. Начал ладить мост. Этот мост, мостовинки он повыст[л]ал,

110 столбики повыстановил, а мост весь повывалядил. На столб́ы разных птиц повывалядил. Тогда вскочил старóй козак Илья Муромец на добр́а коня и отправилса опять в путь-дороженку по этому мосту. Долго ли коротко ли ехал. Едет по чистому полю, коня не поит, не кормит и сам не ест, всё едет в путь-дорожку. Вот он долго ли, коротко ли ехал. А тут Соловей-разбойник, самый главный подорожник, на дубах на великих гнездо свито. Не допускал он на двенадцеть вёрст, страхом-рёвом людей убивал.

115 Тогда же Соловей Рахматович засвистел по-змеиному, заревел по-звериному. У старóго козака Илья Муромца конь на все четыре коленца пал, а старóй сидит. Тогда старóй вытаскивает плёточку шелкóвую, коня одёрнул шелкóвой плёткой; скочил он на резв́ы ноѓи, по-старóму стал. Тогда старóй козак Илья Муромец сымал со плеч тугóй лук свой, лук подорожной. И стрел́ил он по матушке сырой земле в сторону, где Соловей сидит. Перву-то он стрелочку не дóстрелил, ниже она ушла; кладёт он другу в лук, стрелят во матушку сыру землю. Другу-то стрёлочку стрел́ил, промáху опять сделал. Кладёт он трéтью стрелочку в тугóй лук и метит в Соловь́а Рахматовича — и спустил каленú стрелу. Полетела каленá стрела и залетела Соловь́ю прямо в прáвой глаз. И полетел Соловей Рахматович со тех дубов с матерящих со великих на матушку на сырú зёмлю. А старóй козак начал погóнивать коня к Соловь́ю-разбойнику, и подгон́ил, и схватил за б́елы руки, и завезал к седлу, и подвесил нога подверх, головой испод, так его и везёт.

120 Вот едет к еговú двору, где его жена. Дети малые бегают, играют. Прибежали, говорят: «Мамонька, едет наш тятя, везёт русьского богатыря — ноги наверх, головой испод». Тогда же мати говорит: 125 «Нет, дети мои любезные. Едет Илья Муромец, везёт вашего татетку головушкой испод, ногами вверх». (Она уже знает.)

130 Вот Илья Муромец подъезжает к их высоко терему. Там стоит столб, на нем три колючка. Одио колючко менно, друго серебрено, третье золото. Он за все три колючка коня завезал. Заходил тогда в палаты ейны кнеженецкие поганые. Ихним богам Богу не молитца, целом не б́ёт и головы не гнёт. Тогда сейчас дети малые и сама она в ноги кланяютца: «Прости нас, старóй козак, мы виноваты, что подорожничали». Старóй козак простил, не убил понапрасному егову жену и детей. У его ещо были три дочери зме́й. Две дочери пришли, простились, старóй их не убил, а третья не пришла, спряталась. Тогда старóй козак Илья Муромец вышел на улицу, сел на коня и ладит поездять. А у их было трое воротá подмазаны. Вот старóй под эти воротá подъехал. Вот он проехал эти ворота, што двое сестер простились, 135 а под третьи подъехал, — сам и конь полетели в яму. А у коня были под собой бумажные крылья, старóй и не знал, он и поднялся и удержался. Тогда он заскочил в ейный шатёр, она в ём и сидит, некуда ей деваться. Заскочил в шатёр, схватил за волосы за долгие за женские и хватил ее о пол. Тут ее убил, разлетелись ее кося по матушке по земле, а тых оставил в живых.

140 Вот тогда старóй козак поехал в стольной Киев-град. (Раз поехал, нужно доехать.) Долго ли, коротко ли ехал, одержал коня, заехал на высоко место, на холм. Посмотрел в трубочку подзорную во все стороны, где стольной Киев-град. Вот он тогда посмотрел под сторону под летнюю — стоят одни поля зелёные, одни луга прекрасные; поглядел под сторонушку под западну — увидел сн́еги глубокие, ничего не увидел, ничего не знаменуетца; поглядел он под сторону под зимнюю — увидел там большие велики льды непроходимые. Потом посмотрел в тёплую сторону — стоит стольной Киев-град. В знаменáх 145 знаменуетца, в трубочку оказуетца. Тогда старóй козак Илья Муромец сел на коня и поехал вперёд. Поехал до Киева-града.

150 Долго ли, коротко ли ехал — доехал до Кнева-града. Ворота все поняты, стены все повывалядены, штоб в город никто не проехал, всё закреплено. Да тогда старóй козак Илья Муромец одёрнул коня: «Неси меня, конь, через стены городовые!» Хватил он плёткой шелкóвой. Скочил конь через крепости городовые, да вот тогда старóй козак по городу едет. Заезжает к дворцу хрустальному кнеженецкому. Заезжает в ограду. В ограде столб, на столбе подписи подписаны, золоты буквы: «За менно кольцё везать людям мещанам городовым, крестьянам всем; а за серебрено кольцё везать людям торговым, купцам всем, людям чиновным; а за золото кольцё везать кнезьям, русьским богáтырям, поленицам преудалым». А Соловей Рахматович всё у седла висит, всё живой ещо. Соскочил тогда старóй со добр́а

155 коня, сымает шелков повод, снимает доспехи богатырские, все сбрую лошадиную. Вот старóй Илья Муромец насыпал пшены-муки белояровой, налил баскóй воды медляной, наложил шелковóй травы. Тогда заходит старóй козак в палаты кнеженецкие, поклон-то он ведёт по-учёному, а молитву творит по-писáному, на все на четыре стороны покланяетца, князю и кнегине в особицу. У князя почестен пир, народу много-множество. Тут все кнезёи, русьскне богáтыри. И вот князь Владимир его принимает.

160 Сымает с его дорогú шúбу енóтову. Посадил его за дубовой стол за перёдний. Вот его начали спрашивать: «Откуль, добрый молодец? Куда путь правишь?»

Вот и стал рассказывать: «Еду я из города Карачаева, зовут меня старóй козак Илья Муромец». Вот и стали его спрашивать: «Покуль ехал, какой дорожкой?» — «Я ехал той дорожкой премеждею, и всех видел я разбойников и всех подорожников. А ежели вы не верите, я привёз Соловья Рахматовича с собой». — «Ну, если привёз, так неси с собой Соловья Рахматовича». (Все ведь добрыи кнезёи, богáтыри, и я там был, под порóгом сидел.)

Вот тогда он и занёс, старóй, Соловья в избу. Все на Соловья смотрят, у Соловья стрелá так в правóm глазú и сидит, кровь бежит. Князь и говорит: «Старóй козак Илья Муромец! Я на веку не слышал свиста соловьиного, рёва змеиноного, пусть Соловей засвистит, заревёт». Ну, вот, ладно, хорошо. Старóй козак и приказывает: «Засвисти, Сóловей, в пóлсвиста, зареви в пóлрева по-соловьиному да по-змеиноному». Ну, вот, значит, он и заревел, засвистел во весь свист. Только весь княженецкий дворец задрожал. И заревел по-змеиноному во весь рёв. Все попадали. А кнезя да кнегину Илья Муромец за руки держал, так они дрожали.

Вот всё это время прошло, народ стал шевелитьца. Илья Муромец схватил Соловья Рахматовича и потащил вон на улицу из палат кнеженецких. Вытащил, бросил о землю, тут он и убил.

Вот он тогда зашёл на почестен пир. Вот тогда стали подпавать зеленím внном. Подле правóй руки сидит Самсон Колыбанович, а подле лéвой руки — Дунай сын Ивановнч. Вот народ стал на пиру все пьяные. Отецькой сын хвáстат золотóй казной, а новой хвáстат высоким теремом. Вот тут на пиру доспелись, народ пьяный, все розошлись кто куда на улицу, в чисто поле, сделали шатры и легли спать.

180 Богáтыри-то спят, а курзёи-мурзёи городóвые стали князю сказывать: «Старóй шибко хвастат: „Я все дороги проехал, приехал в стольной Киев-град. Стольной Киев-град весь возьму, силу всю повысеку, кнезёя Владимира возьму в работники, а кнегину-государыню возьму за себя замуж“». Тогда же князь Владимир крепко осердилса. А кнегина этого дела не знает, ещё спит. Владимир-князь приказал: «Курзёи-мурзёи, копайте яму долину сорокá локот, и в ширину сорокá локот, и в глубину сорокá локот, и посадите старого Илью Муромца в эту яму со всем с конём. Накладите шлеги железные наверх, положьте плиту железную на эти матицы. Навалите матушки сырóй земли. А на матушку сырú землёю навалите дёкого камня серого. (А старóй в поле спит, ничего не знат.) И залейте всю цементом. Тогда придите ко мне обратно». Вот они пришли обратно. Старóго посадили, он сидит лет тридцать. Думают — помер. А кнегина свет государыня доспела подкопы, и она там поила-кормила его тридцать лет, и никто не знал.

Вот на этот город нашла сила-армия несметная, поганая. Поганый Идолишше приедяет. Приходит посол: «Пусть князь со мной добром мирится, а кнегину замуж за меня отдаст!» (Вот какие разбойники-подорожники пришли!) Вот пришла сила, а князь сильно запечалилса: некого послать воевать. А кнегина подошла и говорит: «Дозволь мне слово молвить супротив себя. Ой же ты солнышко Владимир-князь! У нас живóй в яме сидит Илья Муромец». А Владимир собрал силу большую против Издолишша, никто не может одолеть. Ну, вот князь и приказывал: «Курзёи-мурзёи, идите откапывайте Илью Муромца и ведите ко мне на лицё, буде живóй». А князь думает: «Какой богáтырь! До сих пор живóй в землй». Вот пошли, камень свалили, плиту сняли. Сидит Илья Муромец на дубовом столе, на столе книга Евангелье, и читат старóй, сам бел, и конь бел. Вот эти курзёи-мурзёи кланяютца: «Просит тебя солнышко

200 Владимир-князь, тебя на почестен пир». А старóй головы не поднимает, не гнёт, сидит, читает книгу Евангелье. Тогда роскопали яму. Курзёи-мурзёи пошли к Владимиру и сказали: «Да, действительно,

Илья Муромец сидит, читает книгу Евангелье, челом не бьёт, головы не гнёт, своей буйной головы о стол. Сам бел, как бел кúропат, сам бел, и конь бел».

205 Князь поехал на лошади, кучер повёз. Не подымат старóй буйной гóловы, ничего не разговариват. Вот приехал и начал рассказывать всем русьским богáтырям и своей кнегине. И говорит кнегини: «Ты, моя хозяйка, пойди, попроси, может послушает тебя, подымет свою буйну голову, приедет на почесен пир».

210 Ну, вот кнегина и поехала. Кучера тоже повезли. Вот она подъехала, с коляски слезла и подошла к этой ямы. Вот подошла, кланяетца: «Здраствуй, старóй козак Илья Муромец! Напала на наш град рать-сила несметная, хочет весь град огнём сожгать, весь народ полонить, меня взять в куфарочки. Не можешь ли оборонить стольной Киев-град?» Тогда старóй козак Илья Муромец вскочил на резвы́ ноги, пал кнегини в ноги и говорит: «Рад, кнегина, тебе служить, еду в ваши палаты княженецкие, к кнезю Владимиру на почесен пир».

215 Вот кнегина не успела приехать, а Илья Муромец уж едет на своём коне ко ласкову князю Владимиру, опять к тому столбу, опять привезал коня.

Опéть зашёл, поздоровался, и его посадили в передний угол на то же место, где он сидел, когда из города своего от отця-матери уехал.

220 Тогда князь говорит: «Ой же ты, старóй Илья Муромец! Стена наша городовая, дума наша крепкая, задвирочка наша золочёная, пособи нам горе мыкати!» А старóй говорит: «Ой же ты, князь Владимир! Не со мной ты пил-кушал, не со мной думу думал, а с погаными татарами кособрюхими». Подошла кнегина и говорит: «Пожалей, старóй козак Илья Муромец! Заступись за наш стольной Киев-град. Побей, покоси силу-рать несчётную, поганую!» Вот как кнегина и сказала, все русьские богáтыри от князя вон пошли. Вот все они ошатýлись в поле, в онóм шатре двое, в онóм — трое.

225 Долго ли, коротко ли спали, все собрались в оннóм месте, начал старóй с ними толковать. Говорит старóй всем русьским богáтырям: «Вот таперича я, говорит, поеду в поле один, послушаю силу великую. А вы ждите, слушайте. Тогда я буду косить силу-армию несчётную. Зазвонит моя сабля вострая, забрякат моя поклю́шка золочёная (*у саблѣ*), тогда не ездите во чисто́ поле. А буде не забрякат моя сабля вострая, не зазвонит поклю́шка золочёная, — выеждайте ко мне в поле чистое, помогите, пособи́те косить армию великую». Вот тогда старóй и поехал в поле. А богáтырь Самсон и другие к землѣ приникли, ушми́ припали.

230 Старóй заеждает в серёдку силы-армии несчётной поганой и начал косить-рубить силу-армию несчётную безобразную. Зазвонила сабля вострая, забрякала поклю́шка золочёная. Тогда не поехали к старому пособлять. Вот старóй косил силу-армию татарскую суточки без питеру, без едеру, безо снѹ.

235 Ну, вот, ланию, хорошо. Остальные богáтыри выехали рубить, всех покосили, остальные, кто мог, на кораблях ушли. Вот тогда перекосили, стоят, толкуют, кони побрели. Вот тогда в поле выехали, свалились в шатёр спать. А в городе флаги весёлы навесили, кабаки новы царёвы отвóрили — вино пить безденежно. Вот эти богáтыри вставали на резвы́ ноги, умывались ключевой водой, Богу молятца, утираютца чистым белым полотенцем. Тогда в город приехали, заеждют в новы царевы кабаки, стали пить вино безденежно. (*Тут и конец.*)

№ 44

Ай когда сидел старóй на печки на муравленке,
Он сидел кабы, старóй, как без рук, без ног,
Он сидел ровнёшенько, братья, ровно тридцет лет.
Приходили как к ему калики убогия,
5 Кабы сумочки к ему да переносныя.
«Как сижу я, старóй, на печке на муравленке,
Я сидел-ко ровнёнько, право, тридцет лет». —

- «Ты вставай-ко, старóй, со печке со муравленке,
Ты подай-ко милосыню спасенную!»
- 10 Говорил кабы старóй каликам преюбогим:
«Как не действуют у мя руки-ножицьки».
Уж и 'друг скоцил старóй со печки со муравленки.
Говорят-ко ему калики как убогия:
«Ты спустисе-ко, старóй, в рен... да в ренски по́греба,
- 15 Ты налей-ко себе цярочку зе... ой, да зеленá вина,
Ты не малую кабы цярочку... ой, кабы полтора ведра́».
Ой подносил каликам ионь ой да преюбогим.
Ой говорят калики ой да преюбогии:
«На, выпей-ко цяру да зеленá вина́,
- 20 Кабы ты выпил нонь, старóй, цярочку ой да зеленá вина́».
Тут спросили калики ой да преюбогия:
«Кабы много и чувствуешь могуту-силу?» —
«Во мне силушки э́й стало ой да много-множество». —
«Ой ты налей-ко, старóй, ещё цярочку ровно два ведра».
- 25 Он спускаетце э́й, старинка, да в ренски по́гребы,
Ай он налил, кабы стар, э́й да зеленá вина́,
Он бы выпил, старóй, он эту цярочку э́й да на е́ди дух.
Ай тут спросили у старого калики нынь ай нынь убогия:
«Ай ты много ли, старóй, чувствуешь ай да могуты-силы́?» —
- 30 «Ай да кабы был столб таперича, столб ай да ко сырóй землі,
Ай до́ неба я поверну́л, старóй, нижнóй коне́ц».

№ 45

Во Муроме во городе, в селе Карачарове, у крестьянина Ивана Тимофеевича было чадо малое, чадо хворое, без рук, без ног. Отец с матерью ушли в поле работáть. А к ему пришла старушка просить милóстыню ради Христа, по-старининому. А он ответил: «Я не могу подать, рад сам от тебя взять».

Затем она вынела краюшку хлеба, дара божьего, отрезала горбушку ему и той горбушкой помазáла
5 его руки, ноги резвые и скрýлася.

Тогда ставал старóй на резвы ногí, почувствовал он себя здоровым, вышел тогда вон на улицу и пошел в чисто полё к отцу, к матери. И стал им помогать работáть. Они этому удивилися, што у их сын стал здоров, и потом пошли с поля домой.

Не в долгое время старóй козак стал просить у отца-матери благословения ехать в стольней
10 Киев-град посмотреть князя со кнегиной. Тогда дали ему благословения отец с мати. Сказал ему отец:
«Иди на конюшен двор. Там есть глубок погреб, накрыт плитой железной. Эту плиту соймёшь, там есь конь добрый, этим конём завладашь».

Пошел он на конюшен двор, снял он плиту железу, аки перо (показалось она ему лехкой). Тогда зáржал в погребу конь и выскочил вон из погреба. Тогда старóй схватил его за гриву. Хвост-грива была
15 у его белая (долго стоял, верно, побелел). Обуздал, оседлал добра коня. И стал проеждать в стольне Киев-град. Только видели, как он в стремена ступил, только видели, как он на коня скочил, а не видели поездки молодецкия. Только видели — в поле курёвá стоит, дым столбом валít.

Подъехал он к трём дорогам-росстаням. На этих росстанях стоял столб, на столбе было написано:
20 «По правóй дороге поедешь — богатой будешь, по левóй дороге поедешь — женатой будешь, а по средней дороге поедешь — живой не будешь».

Думал долго старóй, по какой дороги ехать, раздумался: «На што мне, старóму, богату быть? На што мне, старóму, женату быть? Поеду-ка я, старóй, по дороге, где живому не быть».

На той дороге были три за́ставы великия. Первая за́става ему повстречалася — болота зыбучия и леса тёмныя. Слезывал он с добра́ коня, взял коня за шолков по́яс. Лево́й руко́й коня веде́т, право́й дубья́ рвёт да мосты́ мостит. И проехал перву за́ставу. Садилса на коня и поеждял вперёд. И подьеждает ко второ́й за́ставе. Видит — стоят мужики иовото́кмена. Стали имать его добра коня. Тогда он стал говорить: «Ох вы, мужики новото́кмена! Бить мя не́ за што и грабить нечего, только есь у мя кунья шуба, которая стоит семьсот рублей».

А мужики стали пу́ще приниматься, штобы с его содрать. Тогда соскочил старóй со добра коня и схватил мужика новото́кмена, который был побольше и потолще, за резвы́ но́ги и стал мужиком помахивать, и стал мужиков побивать. Пра́ву руку махне́т — лежит уличя, леву руку — так с переулками. И всех перебил до единого. И отту́ль поехал вперёд.

Видит он: гнездо Соловья сына Рахматова, которо́ стоит на двенадцети дубах, на тринаццетом поддубушке. Засвистал этот Соловей по-змеинному, заревел по-туриному. Пал у старого добрый конь на колени. Соскочил старóй с добра́ коня́ и закричал на него: «Ох ты ой еси, конь да травяной мешок! Не слышал ты граю вороньего, свисту змеинного, крику зверинного?» Вынул тогда старóй свой ту́гой лук и калену́ стрелу и направил свою калену́ стрелу́ в Соловья сына Рахматова. Полетела его каленá стрела в Соловья́ и попала Соловью́ прямо в правый глаз, и повалился Соловей с дуба́ прямо как овсяный мешок. Взял Илья́ Соловья́, привезал к сбруе лошадиной и поехал дале. Увиделн Соловья́ сына Рахматова молада жена и дочери его. Дочери говорят: «Везёт Соловей́ мужика». А жена́ говорит: «Дети, неправду говорите, мужик Соловья́ везёт». Выбегали вон на улицу, просили оставить им Соловья́, обещали злата сколько надобно. Отказалса старóй: «Не надо мне вашего злата-серебра. Повезу Соловья́ в стольне Киев-град».

Приехал он в стольне Киев-град к той ко грине кнеженецкой. Слезавал он со добра коня, привезал коня к дубову столбу, к дубову столбу, к золоту кольцу. И пошёл он тогда во гриню княжецкую. Зашёл он в гриню княжецкую. Богу помолился, поклонился во все стороны, князю со кнегиней во особицу. В это время у князя Владимира вёлся почесен пир. Посадили его за дубовый стол попить да поисть с пути, с дорожецьки. Стали его выпрашивать: «Откуль ты, добрый молодец?» Отвечал он им: «Я из города из Мурома, из села Карачарова, сын Ивана Тимофеевича». — «Покуль ты шел, добрый молодец, покуль ехал?» — «Я шел-ехал премой дорогою в стольней Киев-град». — «Как ты мог проехать, потому што дорога залегла ровно тридцеть лет, ведь три за́ставы на ей великия?» — «А я проехал прямо, в сырых местах болотистых мосты намостил, мужиков новото́кменных побил, Соловья́-разбойника сюда привёз». Тут все зрадовалися и захотели посмотреть Соловья́, сына разбойника. Пошли вон на улицу смотреть Соловья́ сына разбойника. Тогда сказал Илья́ Муромец Соловью́ сыну разбойнику: «Засвисти ты полусвистом, зареви ты полуре́вом». А Соловей-разбойник обратно заревел во весь рёв и засвистал во весь свист, ажно сыра мать земля задрожала. Все попадали. А князя с кнегиней старóй козак он в руках продержал. Осердилса Илья́ Муромец и убил Соловья́-разбойника. *(Больше ничего не знаю.)*

№ 46

Сидел Илейка без рук, без ног,
 На печи сидел Илейка тридцеть лет.
 Ушли у него отець-мать на полё,
 Сидит Илейка один на пещьки-муравленки,
 5 Под окно пришли калики перехожие:
 «Подай, Илейка, милóстыню радí Христа».
 Говорит Илейка таково слово:
 «Ой есь, калики перехожие!
 Рад бы я подал,

- 10 И не действуют ни руки, ни ноги:
Сижу я тридцать лет без рук, без ног».
Говорит калика переходящая:
«Протяни, грит, праву ноженьку».
Протянул он праву ноженьку —
- 15 Подействовала его да права ноженька.
«Протяни, грит, леву ноженьку».
Протянул он леву ноженьку —
И подействовала его лева ноженька.
Слез он с пецьки-муравленки,
- 20 Говорит он таково слово:
«Ой есь, калики переходящие!
Подействовали у меня резвы́ ноги,
Не действуют у меня белы́ руки,
Не могу я вам подать милостыню».
- 25 Говорит калика переходящая:
«Протяни, говорит, праву рученьку».
Протянул Илейка праву рученьку —
Подействовала его права рученька.
«Протяни, говорит, леву руку».
- 30 Протянул Илейка леву руку —
Подействовала его лева рученька.
Вынес он буханочку и подал им.
Говорят калики переходящие:
«Ой еси, Илеюшко!
- 35 Спустись ты (к) матери во глубок погреб,
Подынь ты, зацери кружку квасину».
Спустился он во глубок погреб,
Поднял он квасу круженьку.
Говорит калика переходящая:
- 40 «Ой еси ты, Илейка Муромець!
Выпей ты эту квасу круженьку».
Выпил Илейка квасу круженьку.
«Чо, Илейка, по се чувствуешь?» —
«Чувствую я по се силюньки». —
- 45 «Спустись ешшо во глубок погреб,
Подынь ешшо кружку зелена вина».
Поднял он кружку зелена вина.
Говорит калика переходящая:
«Выпей, Илейка, эту круженьку».
- 50 Выпил Илейка эту круженьку.
Говорит калика переходящая:
«Чо, Илейка, по се чувствуешь?»
Говорит-то Илейка Муромець:
«Столько я чувствую в себе силюньки,
- 55 Было бы кольце́ во сырой земли,
Поворотил я бы мать сыру землю».
Говорят калики переходящие:

- «Дали мы ему силы множество,
Убавить надо силы половиношка».
- 60 Убавили силы половиношку,
Потерялись калики перехожие.
Выходил Илейка вон на улицу,
Пошел Илейка во чисто полё,
К отцю к матери идёт на полё.
- 65 Увидела его мати родимая,
Говорит она мужу Мурому:
«Ой есь, мой муж Муром!
Вон идет кто ли, как наш Илеюшко». —
«Глупа ты, баба, нерозумна,
- 70 Сидит Илейка тридцать лет без рук, без ног».
Поближе подходит к им Илеюшко.
Говорит опять жена у Муромы:
«Совсем как наш идет будто Илеюшко».
Не верит Муром ейным словам.
- 75 Подошел к ним Илейко близко-наблизко,
Узнали его и возрадовались.
Поздоровалсе он с отцём, с матерью,
Говорит Илейко таково слово:
«Ой есь ты, мой отець-мати!
- 80 Садитесь вы на колоденку».
Спрашивают его отець с матерью.
«Пришли под окно два калики перехожие:
„Подай, Илейко, милóстыню радí Христа“.
Говорит Илейко таково слово:
- 85 „Ой есь, калики перехожие!
Рад бы я подал,
И не действуют ни руки, ни ноги,
Сижу я тридцать лет без рук, без ног“.
Говорит калика перехожая:
- 90 „Протяни, грит, праву ноженьку“.
Протянул я праву ноженьку —
Подействовала моя да права ноженька.
„Протяни, грит, леву ноженьку“.
Протянул я леву ноженьку —
- 95 И подействовала моя лева ноженька.
Слез я с пецьки муравленой,
Говорю я таково слово:
„Ой есь, калики перехожие!
Подействовали у меня резвы ноги,
- 100 Не действуют у меня белы руки,
Не могу я вам подать милóстыню“.
Говорит калика перехожая:
„Протяни, грит, праву рученьку“.
Протянул я праву рученьку —
- 105 Подействовала моя права рученька.
„Протяни, говорит, леву рученьку“.

- Протянул я леву рученьку —
 Подействовала у меня лева рученька.
 Вынес я буханочку и подал им.
- 110 Говорят калики перехожие:
 „Ой еси, Илеюшко!
 Спустись ты к матери во глубок погреб,
 Подынь ты, зачерпни кружку квасину“.
 Спустился я во глубок погреб,
- 115 Поднял я квасу круженьку.
 Говорит калка перехожая:
 „Ой еси ты, Илейка Муромец!
 Выпей ты эту квасу круженьку“.
 Выпил Илейка квасу круженьку.
- 120 „Что, Илейка, по се чувствуешь?“ —
 „Чувствую я по се силюньки“. —
 „Спустись еще во глубок погреб,
 Подынь еще кружку зелена вина“.
 Поднял я кружку зелена вина.
- 125 Говорит калика перехожая:
 „Выпей, Илейка, эту круженьку“.
 Выпил я эту круженьку.
 Говорит калика перехожая:
 „Что, Илейка, по се чувствуешь?“ —
- 130 „Столько я чувствую в себе силюньки:
 Было б кольцо во сырой земли,
 Поворотил я бы мать сыру землю“.
 Говорят калики перехожие:
 „Дали мы ему силы множество,
 135 Убавить надо силы половинушку“.
 Убавили силы половинушку,
 Потерялись калики перехожие.
 Тогда пошел я к вам во чисто поле».
- Говорит Илейко таково слово:
 140 «Ой есь, ты мой отец-мати!
 Садитесь вы на колоденку,
 Подчишу за вас я полюшко».
- Берет он дубину за вершинушку,
 За вершину дубинушку подергиват,
 145 За полё дубинушку помётыват.
 Выцистил он полюшка порядочно.
 Пошел он домой да с отцём, с матерью.
 Проходит у их дома тёмна иоценька,
 Ставали они поутру рано.
- 150 Говорит-то старой да Илья Муромець:
 «Ой есь, мой отець-матушка!
 Дайте мне благословеньице
 Сходить-съездить в стольней Киев-град,
 Посмотреть князя да со княгиною,

- 155 Посмотреть мне всех руських богатырей». Не дават отець-мать благословеньицѣ:
«Помрем мы без тебя да смертью лютоей!»
Другой раз старой их выпрашиват:
«Ой есь, мой отець-матушка,
- 160 Дайте мне благословеньицѣ
Сходить-съездить в стольнѣй Киев-град,
Посмотреть князя да со княгиною,
Посмотреть мне всех руських богатырей». Не дават отець-мать благословеньицѣ:
165 «Помрем мы без тебя да смертью лютоей!»
Третьей раз старой нонь выпрашиват:
«Ой есь, мой отець-матушка!
Дайте мне благословеньицѣ
Сходить-съездить в стольной Киев-град,
- 170 Посмотреть князя да со княгиною,
Посмотреть мне всех руських богатырей.
Даитѣ — поеду и не даите — поеду!»
Говорит-то его отець Муром:
«Ой ты, мой старой да Илья Муромець!
- 175 Ехать тебе дорожкой прямоежжено —
Прямоежжая дорожка призапушшена,
Призапушшена дорога, призасорена,
Не ездят той дорогою тридцеть лет.
Заселился там Соловей Рахматович,
- 180 Не пропускат он ни конного, ни пешого,
Не пропускат он зверя рысучего,
Не пропускат он птицю полетушчую,
Не пропускат он руського богатыря,
Убиват он своим свистом громким.
- 185 А кругом дорожкой надо ехать трѣ года». Срежался старой да И(лья) М(уромець),
Седлал-уздаль он коня доброго,
Подстегивал он двенадцеть подпругов,
Тринадцету степ да лошадиную —
- 190 Не оставил (бы) молодца да в поли доброй конь
Серым-то волкам да на съеденьицѣ,
Черным воронѣнкам нынь на граяньѣ.
С отцѣм, с матерью он распрошчается.
Не видали отправки молодецкой,
- 195 Не видали поездки богатырьской,
Только видят: во поли курева идет,
Курева идет да дым столбом валнт.
Приеждал он к ростаням дороженьки,
Поехал он по прямой дороженьки,
- 200 Приехал он в болотину дыбущую —
По болотины мостики привыгнили.
Слезывал Илейка со добра коня,

- У коня брал он повод да во леву́ руку,
 Правой рукой дубинушки он подергиват,
 205 Болотинку он мост помашчиват.
 Перебрался он болотину дыбучую,
 Перешел он да во чисто полё.
 Садилса он на добра коня,
 Поехал он путью-дорожечки.
- 210 Там увидел во чистом поли,
 Увидел он Соловья за семь верст:
 Сидит Соловей Рахматович
 На семи дубах, на восьми поддубочках.
 Увидел Соловей руська богатыря
- 215 Во той же дорожки прироссоренной,
 Натягал Соловей духи змеинные,
 Заревел он громким голосом —
 У старого конь да на колени пал.
 Бьет коня по тучьным ребрам:
- 220 «Уж ты конь, да травяной мешок,
 Не слышал ты граю воронового!»
 Брал он себе в руки тугой лук,
 Накладывал стрелу и приговаривал:
 «Уж ты, моя каленá стрела,
- 225 Не падай не на́ землю, не на воду,
 Пади Соловью во пра́вой глаз!»
 Закладывал он стрелоцьку каленую,
 Не серы волки в поле завоели —
 У старого у лука макляки заскрипили.
- 230 Полетела стрелоцька каленая,
 Попала Соловью во правой глаз,
 Свалился Соловей Рахматович
 С семи дубов, с восьми поддубочков.
 Не удалось Соловью на пол пасть —
- 235 Подъехал старой да И(лья) М(уромець),
 Приковал его к седельшку зеркальцятю,
 Едет он по чисту полю.
 Были у Соловья две дощери,
 Выходили они на крыльце паратное,
- 240 Глядели они да во чисто полё,
 Видят они: во чистом поле
 Отець едет, богатыря везет.
 Забежали они к матушки родимой:
 «Ой есь, наша матушка родимая!
- 245 Татка едет, богатыря везет».
 Вышла у них матушка родимая
 На то же крыльце да паратное.
 Брала она трубоньку подзорную,
 Глядела она во чисто поле,

- 250 Говорит она таково слово:
 «Не отецъ везет, а богатырь отца везёт;
 Поднимаите надрешотницы тяжелые,
 Зовите гостя попить-поись.
 С той же да с пути-дороженьки
- 255 Заежжать станет в нашу оградушку —
 Спустите надрешотницы тяжелые,
 Богатырю спустите во буйну голову,
 Придайте его к смерти лютойей».
 Подъежжат старой да И(лья) М(уромець),
- 260 И проехал он мимо в стольной Киев-град.
 Приеждат старой в стольной Киев-град,
 Слезывал он да со добра коня,
 Заходил он к солнышку Владимиру.
 Идет у солнышка почесен пир;
- 265 Садиле старого да за передней стол,
 Тут они стали его спрашивать:
 «Поколь же ты, уд(алой) доб(рой) мол(одец),
 Поколь же ты ехал, поколь путь держал?
 Ехал ты дорожкой кругоезжей?»
- 270 Говорит-то старой да таково слово:
 «Ой еси, удалы доб(ры) молодцы!
 Ехал я дорожкой прямоезжей».
 Нихто не верят уд(алы) д(обры) м(олодцы):
 «У нас засорена дорожка нонь тридцеть лет,
- 275 Тут сидит Соловья Рахматович
 На той же дорожки прямоезжей,
 Не пропускает он ни конного, ни пешого,
 Не пропускает он зверя рыскучего,
 Не пропускает он птицю полетушчюю,
- 280 Не пропускает он (и) руського богатыря,
 Убиват он своим свистом громким».
 Говорит-то старой И(лья) М(уромець):
 «Ой есь, уд(алы) д(обры) м(олодцы)!
 Я ехал дорожкой прямоезжей,
- 285 Сидит у мя Соловей Рахматович,
 Сидит он у мя да на добром кони,
 Прикован-то (к) седельшку зеркальцяту».
 Говорит-то солнышко Владимир-князь,
 Говорят все руськи богатыри:
- 290 «Если есь у тя Соловей Рахматович,
 Заведи его да на почесен пир».
 Говорит-то старой да И(лья) М(уромець):
 «Ой еси, Микитушка Добрынюшка!
 Заведи поди Соловья Рахматова».
- 295 Выходил-то Микитушка Добрынюшка:
 «Ой еси, Соловей Рахматович!
 Пойдем к солнышку на почесен пир».

- Говорит Соловей таково слово:
 «Не твоё пью-кушаю, не ты и слушаю,
 300 Есь у мян хозяин — И(лья) М(уромець)».
 Заходил-то Мик(итушка) Добрынюшка:
 «Ой есь, старой да И(лья) М(уромець)!
 Не идёт со мной С(оловей) Р(ахматович)».
 Выходил старой да вон на улицу,
 305 Сымал он С(оловья) Р(ахматовича),
 Заводил он его на поцесен пир.
 Садил его да за дубовой стол,
 Подавали ему цяру зелена вина,
 Не большу, не малу — полтора ведра.
 310 Тут они сидят, пьют-едят.
 Говорит-то солнышко Владимир-князь,
 Говорят вси руськие богатыри,
 Ти же бояра толстобрюхие:
 «Ой есь, старой да И(лья) М(уромець)!
 315 Разреши свистеть Соловью Рахматову
 Своим ему да громким голосом».
 Ставал старой да на резвы ноги,
 Брал князя он под праву руку,
 Матушку Апраксию под левую.
 320 Говорит-то старой да И(лья) М(уромець)
 Тому же Соловью Рахматову:
 «Ой есь, Соловей Рахматовиць!
 Натяни ты духи змеинные,
 Засвисти ты о полусвиста».
 325 Натягал Соловей духи змеинные,
 Засвистел Соловей во весь свист —
 Всех тут нараз да приошунуло,
 Заползали бояра толстобрюхие,
 Поддаржал старой да Илья Муромець
 330 Князя и мать Апраксию.
 Осердился старой да Илья Муромець,
 Схватил Соловья за черны кудри,
 Поднял он его выше буйной главы,
 Опустил он его о кирпичат пол,
 335 Придал его он смерти лютойей.

№ 47

- Во селе было во Каракове,
 У Ивана сына Тимофеева
 Был сын Илья Муромець,
 Тридцать лет он сидел без рук, без ног.
 5 На тридцатом году пришел бел старик,
 Бел старик Снежна Груда,
 Просит милостыню ради Христа и ради Господа.

- «Я не то что подать — а готов я сам принять».
- Бел старик отвечает Илье Муромцу:
- 10 «Я подам тебе милостыню ради Христа,
 Подам тебе краюшку дару божьего.
 Съешь, Илья, краюшку дару божьего,
 Растягай, Илья, руки белые,
 Шевели, говорнт, ногами резвыма,
- 15 Вставай, Илья, да на резвы́ ноги».
- Илья протягал руки белые,
 Шевелил Илья ноги резвые,
 Вставал Илья да на резвы́ ноги.
 Отвечат Илья да сын Иванович:
- 20 «Посиди-ко-се, старик да Снежна Груда,
 Схожу я к Ивану Тимофееву —
 Нет ли у него квасу-хмелю пьяного».
(Иван-то в другой комнате жил.)
 Принес Илья квасу-хмелю пьяного:
 «Выпей, бел старик да Снежна Груда!»
- 25 Отвечает Илье бел старик:
 «Впереди подателя по́й — не пьёт,
 Выпей-ко ты, Илья Иванович!»
 Илья выпил квасу-хмелю пьяного.
(Сам наперед!)
 Спрашивает бел старик Илью Муромца:
- 30 «Много ли ты силы имешь?» —
 «Если был бы во сырой земли сырой дуб,
 Во сыром дубу было бы кольцо,
 Поворотил бы я всю землю-матерь поселеиную».
 Появилася перед ним дернина земли-мати.
- 35 «Приздынь ее», — говорит бел старик Снежна Груда.
 Первый раз признал Илья до пояса,
 Второй раз признал до колена,
 Третий раз признал — только сшевелил.
 Говорит Илье старик Снежна Груда:
- 40 «Довольно тебе той силы».
 Бел старик тут у его и потерялся.
 Пошел Илья к отцу-матери —
 Отца-матери дома не случилось.
(Ушли поле копать.)
 Пошел Илья к отцу, к матери.
(Где они поле копают.)
- 45 Увидала его мати: «Наш Илья идет!» —
 «Какой тебе Илья, — говорит отец, —
 Наш Илья тридцать лет без рук, без ног».
 Пришел Илья к отцу, к матери:
 «Здравствуйте, отец и матушка,

- 50 Божья вам помощь — поле копати.
 Давно ли вы поле копаете?» —
 «Мы уже поле копам целых тридцать лет». —
 «Охвота мне сходить в стольной Киев-град,
 Посмотреть князя и со княгиною,
- 55 Посмотреть всех руських богатырей».
 Ответят отец Ильи Муромцу:
 «Есть у меня в конюшенном доме двенадцать лошадей».
 Пошел Илья выбирать коней:
 На которого руку положит — тот и с ног падёт,
- 60 А на которого взглянет — кожа валом идёт.
 Ответят отец Ильи Муромцу:
 «Есть у меня сивушко-бурушко,
 На семи стоит цепях и на семи замках,
 Навалена на ём плита чугунная,
- 65 Плитой овладашь — и конём будешь владать».
 Подошел к плиты Илья, пнул ногой —
 Улетела плита в поле чистое.
 Выводил Илья коня доброго,
 Седлал-уздавал коня доброго —
- 70 Не ради басы, а ради крепости.
 Выезжал он тогда в поле чистое —
 Лежит во поле сер-горюч камень,
 Написаны на камню [подписи глубокие],
 Подписи глубокие, подрези немецкие.
- 75 Старой читал и головой качал:
 «От этих росстаней есть три дороги:
 Перва дорожка — быть женатому,
 Друга дорожка — быть богатому,
 По третьей дорожке ехать — живому не быть».
- 80 На что мне на старость быть богатому,
 На что мне на старость быть женатому?
 Поеду по дорожке, где живу не быть».
 Наехал Илья на перву заставку,
 Прносило мимо мостики калиновы,
- 85 Прносило мимо столбики малиновы,
 Старой идет — одной рукой коня ведет,
 Другой рукой старой дубья рвет,
 Он дубья рвет да мосты мостит.
 Наехал Илья на другу заставку,
- 90 На плутов наехал, на разбойников.
 Тут и вышли тридцать три разбойника,
 Стали нмать Илью Муромца.
 Отвечает им Илья Муромец:
 «Вам бить-то меня не за что,
- 95 Вам взять-то у меня нечего —
 Нету у меня золотой казны,

- Нету у меня молодой жены,
 Нету у меня малых детей,
 Нету у меня старá отца,
 100 Нету у меня старой матери,
 Нету у меня стара дедушки,
 Нету у меня старой бабушки,
 У старого смерть страховита да полохливая.
 Нет ли у вас молодых-то жен?
- 105 Не останутся ли у вас малы деточки,
 Стары бабушки и стары дедушки?»
 Еще пуще приступают к Илье Муромцу,
 Стали его вязать вязками.
 Он повыврал все ихны вязы-вязочки,
- 110 Хватал он разбойника за ноги —
 Которой всех побольше, которой всех потолше:
 «Ты долог, собака, — не сóрвешься,
 Толстой ты, собака, — не сломишься!»
 И начал им других охлобачивать:
- 115 У иного он ноги выломал,
 У другого он глаза выкопал.
 Связал он разбойннков вязками
 (вместях):
 «Один — неси, другой — указывай,
 Детям своим каждой наказывай
- 120 Не ездить, не ходить, не дурачить им —
 По этой дорожке ездит Илья Муромец».
- Поехал Илья в стольной Кнев-град.
 Наехал он на Соловья Рахматова.
 Сидит Соловей на семи дубах,
- 125 На семи дубах, на восьми пáдубках,
 Свистит-то он по-змеиному,
 Ревет-то он по-звериному,
 Убиват людей громким голосом.
 Натягал Илья свой тугой лук,
- 130 Он клал свою калену стрелу,
 Ко стрелы Илья приговаривал:
 «Лети, моя калена стрела,
 Выше лесу-то, лесу темного,
 Пониже облака ходечего,
- 135 Упади, стрела, Соловью в правый глаз!»
 Полетел Соловей с семи дубов,
 На полети старой его подхватывал,
 Вязал его к седлу кониному.
 Ехал старой в стольной Киев-град.
- 140 Увидали соловьевы деточки:
 «Татенька везет богáтыря!»
 Отвечает им родна маменька:

- «Богатырь везет вашего татеньку.
Подъте, подыньте подворотницу чугунную».
- 145 Приехал старой Илья Муромец,
Через ограду перескочил на добром кони,
Сронил Илья плиту чугунную,
Всех в доме их выкочкал.
Ехал теперя в стольный Киев-град
- 150 К солнышку-батюшку на почесен пир.
Заходил Илья на почесен пир:
«Здравствуй, солнышко-батюшко,
Здравствуйте, все руськие богатыри!»
Солнышко-батюшко спросил Илью:
- 155 «Ты отколь приехал, добрый молодец?» —
«Я, говорит, из села Каракова,
Сын Ивана Тимофеева». —
«Давно ли, Илья, из двора выехал?
Ведь надобно ехать на округу». —
- 160 «Я ехал дорожкой прямоезжей».
Отвечат ему солнышко-батюшко:
«Есть там Соловей Рахматович,
Убиват он своим громким голосом.
Та дорожка зарастала тридцать лет:
- 165 Черный ворон туда не пролетывал,
Добрый молодец не прохаживал». —
«Вы не вернте мне! — говорит Илья, —
Привез я на показ Соловья Рахматова».
Пошел звать солнышко-батюшко
- 170 Того ли Соловья Рахматова.
Отвечат ему Соловей Рахматович:
«Не вашу я хлеб-соль кушаю,
Не вас я и слушаю».
Попросил солнышко Илью Муромца:
- 175 «Занеси в избу Соловья Рахматова».
Он занес Соловья, посадил к венуку.
Заставили Соловья зареветь по-звериному,
Запеть его по-соловьиному.
Старой казак велел петь треть свистом,
- 180 Князя взял под праву́ руку,
А княгню взял под леву́ руку.
Заревел Соловей о полу́свиста —
Бояра, как овсяные мешки, распáдались.
Старой казак ссек у Соловья голову.
- 185 Тут начал солнышко-батюшко
Илью Муромца поить-угощать,
Подарил ему он кунью шубу,
Кунью да соболиную.

№ 48

- Старой-то Илья Муромец,
 По прозванию Илья Иванович,
 Тридцать лет лежал на пецки на муравленки.
 Отец-мать уехали пашню пахать,
- 5 Пришла сиротина убогая, та калика перехожая,
 Просит милостыню спасённую:
 «Сотвори мне-ка млостыню спасённую».
 Говорит-то старой да Илья Муромец:
 «Не могу слезть с пецки со муравленки,
- 10 Не могу растянуть свою руку правую,
 Не могу сотворить милостыню спасённую,
 Берн с прилавка сколько тебе надобно».
 Говорит сиротина убогая:
 «Поворотись, слезешь с пецки, Илья Муромец».
- 15 Он воротитьца стал и слез с пецки со муравленки.
 Говорит сиротина убогая:
 «Поди сходи во погребы глубокие,
 Налей ты цару зеленá вина,
 Не малу, не велику — в полведра». —
- 20 «Уж ты гой еси, калика перехожая!
 Выпей-ко с того с устатоцку тяжелого,
 Со той дорожецки со дальнией».
 Говорит ему калика перехожая:
 «Не пью я зеленá вина,
- 25 Не кушаю я сладкой водочки,
 Уж ты выпей сам для здоровьица».
 Взял единой рукой Илья Муромец,
 Выпил он чару зеленá вина.
 Говорит калика перехожая:
- 30 «Много ли ты силы чувствуешь?» —
 «Чувствую, как изможёнье есть».
 Говорит сиротина убогая:
 «Сходи поди в погребы глубокие,
 Налей-ка чару зеленá вина,
- 35 Не малу, не велику — в полтора ведра». —
 «Уж ты гой еси, калика перехожая!
 Уж ты выпей-ка зеленá вина».
 Отвечает калика перехожая:
 «Я не пью зеленá вина, выпей сам для здоровьица».
- 40 Выпил он полтора ведра.
 Говорит калика перехожая:
 «Много ли в себе силы чувствуешь?» —
 «А чувствую силы в себе:
 Была бы в матушке сырой земле кольчужина,

- 45 Поворотил бы мать сырú землю кругом». Пошел он на конюшин двор,
Выбирал коня себе спечáнушка,
Седлал, уздал узду тесмяную,
Седлал седло зеркальцато,
- 50 Двенадцать клал он прутóв мѣнных,
Тринадцату клал чересхребѣтницу:
Не ради басы́ — ради крепости.
Поехал он во чистó поле,
Приехал он ко столбам точеным;
- 55 На столбах-то надписи написаны,
На столбах подрезы подрезаны:
«Во первú дорожку ехать — живому не быть,
Во вторú дорожку ехать — богáту быть,
Во третьú дорожку ехать — женату быть».
- 60 Говорит Илья Муромец таковы́ слова:
«На старость женитьца — чужá коры́сть,
А богатства мне не надобно:
Есть у меня золоты́ казны».
Осталась дорожка прямоезжая,
- 65 Зарасталась прямоезжая тридцать лет.
Он-то по той дорожке и поехал.
Там сидит Соловей Рахматовиц
На семи дубах, семи поддубацках.
Заревел он своим звонким голосом соловьиным,
- 70 Конь пал на коленца.
Соскочил Илья Муромец со добра́ коня:
«Конь ты конь, да травяной мешок!
Не слышал ты свисту соловьиного?»
Садился опять на добра́ коня,
- 75 Натягивал он тугóй лучок,
Накладывал стрелоцку каленую,
Выпускал эту стрелоцку калѣную,
Залетала стрелоцка в соловьиный правый глаз,
Пал Соловей со семí дубáх, семи поддубушках.
- 80 Привязал Соловья ко хвосту коню́,
Едет по дорожке прямоезжией
Ко тому высóку новú терему.
Увидала девушка-чернавушка,
Говорит-то матушке родимой:
- 85 «Отец-от едет, мужицка ведет».
Взглянула матушка родимая:
«Мужик-то едет, отца ведет».
Выходят на ворота железные,
Хотят жгать-палить дóбра мóлодца.
- 90 Говорит-то Соловей Рахматовиц:
«Не сердите вы удала добра молодца,
Не сердите вы да Илью Муромца,

- Откупите вы меня золотой казной».
Он зашел к им в комнаты,
- 95 Увидел платье богатырское.
«Есть у нас во погребе глубокое
Тридцать три богатыря сидят,
А кони их на конюшнях стоят».
Он пошел, этих богатырей и выпустил,
- 100 Отобрали золотú казну
И поехали в стольный Киев-град.
Пировали-столовали у солнышка Владимира.
Солнышко Владимир-князь дал Илье Муромцу
Дорогí подароцки — кúню шубу.
- 105 Старой-от по полу похаживат,
Таковы́ слова выговариват:
«Эта шубочка мне в любвѣ пришла».
А боярам толстобрюхим завидú стало,
За великую досаду показалось.
- 110 Сказали они князю Владимиру,
Что-то старой-то по полу похаживал,
Таковы́ слова выговаривал:
«Эта шубочка мне-ко не в любвѣ пришла».
Князь Владимир рассердился,
- 115 Посадил его в погреб глубокий.
А жена-то, княгиня мать Апраксия,
Кормит, поит его чем надобно.
Какой ли король подпался, а некому воевать.
Говорит княгиня мать Апраксия:
- 120 «Ты еси, Владимир-князь,
Поди ко погребу глубокому,
Нет ли старого живого Ильи Муромца?»
Отвечает солнышко Владимир-князь:
«Ой ты, глúпа баба, неразумная,
- 125 Какой живой старой есть,
Столько лет прошло?»
Она опять ему повторила,
Он пошел во погребы глубокие.
Там сидит старой да книгу читает,
- 130 Головы не разгибает, челом не бьет.
Пришла к тому погребу княгиня мать Апраксия.
Говорит она старому да Илье Муромцу:
«Не забудь мое да великó добрó,
Не помяни князю зло великое».
- 135 Тут не белой куропать вспархиват,
А старой с погреба вскакиват.
Говорит солнышко Владимир-князь:
«Надо — отдам тебе золотú казну,
Надо — отдам тебе полцарства,

- 140 Одну дощку да полцарства дам». —
«Не надо мне золотой казны,
Напиши мне лучше ярлык-грамотку,
Отошли по всей стране-губернии,
Чтобы всюду принимали, кормили Илью Муромца».
- 145 Поехал тут во чистó поле,
Ездил, гулял он во чистом полí,
Приехал он ко терему — новú кабаку.
Сидят-то кали́ки перехожие,
Перехожие кали́ки, переезжие,
- 150 Пьянёшеньки они да веселёшеньки,
Своима кошельками призваквивают,
Узелки свои да приразвязывают,
Насобирали золоты́ казны на полведра.
Взял старóй одной рукой да и выпил к однú духú.
- 155 Они бить его хотят. Он и говорит им:
«Бить-то меня не за что, взять-то у меня нечего,
А возьмите мой чúден крест,
Несите вина на пятьсот рублей».
Тут они расселись, пить стали.
- 160 Он и пьян стал и заспал в кабаке.
Они стали его побуживать.
Его богатырское сердце возъярилося,
Могучи плечи расходилися,
Схватил он чумаков-человальников,
- 165 Бросил во чистó поле.
Тут они пошли в подвалы в глубокие,
Выкатили три бочки зеленá вина,
Одну — ногой катíт, другú — под пазухой,
А третьú — в руке несет.
- 170 «Пейте, кали́ки перехожие!»
Тут он поехал на своем на добрóm конí,
А встречаетца опеть кали́ка перехожая.
Он стал спрашивать у нее, выведывать:
«Шо едете во стольний Киев-град?»
- 175 Говорит-то кали́ка перехожая:
«Во стольний Киев-град едете,
Пришел Идолище поганое,
Сидит у князя у Владимира за столом,
У княгини мать Апраксии
- 180 Руку держит пониже пупа да окол черева».
Он и говорит:
«Ой еси ты, кали́ка перехожая,
Дай ты мне платье, что потрепешней,
Хúдо кушаченко о пяти узлов».
- 185 Отвечает ему кали́ка перехожая:
«Я облакусь в твое платье хорошее,

- Никто не даст мне ничего».
Говорит ей Илья Муромец:
«У меня есть тебе что пить, что есть».
- 190 Тут они платье и поменяли.
Зашел Илья Муромец к князю Владимиру —
Сидит там Идолище поганое.
Говорит Идолище таковó слово:
«Несите мне уточку не кушану, не кушану, не рушану!»
- 195 Принесли ему уточку не кушану, не рушану.
Идолище нож воткнул
Да прямо в рот пихнул.
Говорит-то кали́ка перехожая:
«У меня у татеньки родимого
- 200 Была собака волоча́ща,
По сме́тьям собака волочилась,
Костью́ собака подавилась,
И Идолищу того не миновать будет».
Говорит Идолище поганое:
- 205 «Несите мне братыньку пива пьяного!»
Принесли ему братыньку пива пьяного,
Взял он одной рукой и выпил к одному духу.
Говорит-то кали́ка перехожая:
«У меня прежде у матушки родимой
- 210 Была корова завиду́щая,
Плала по ушату воды, тим она и захлебнулася,
И Идолищу того не миновать будет».
Схватил Идолище булатов нож,
Бросил он в кали́ку перехожую.
- 215 На полёте нож калика подхватывал,
Свистнул в Идолище поганое —
Улетел окóничкн с простенками.
Кали́ка тут его и убил и выбросил во чистó поле.
Поехал Илья Муромец во чистó поле
- 220 Искать кали́ку перехожую.
Нашел на кали́ку перехожую,
Переменяли они платишко,
Скинул с себя потре́бнишко,
Поехал во чистó поле.
- 225 Собрались тут оин, стары́ казаки́,
Становили шатры чёрны ба́рхатны.
Илья Муромец глядел-смотрел во чистó поле
Из своей трубочки подзорной.
Увидел там зверь еси идет, человек ли, кто ли.
- 230 Посылать стали Олешеньку Поповича.
А он и говорит:
«Послать надо старóго Илью Муромца».

- Старо́й-то таково́ словó выговариват:
«Забренчат палицы буёвые,
235 Зазвенять копéйца долгомётные,
Не утерпеть старо́му во бело́м шатру,
Потеряю вашу золотú казну».
Послали тут Олешеньку Поповича.
Олешенька Попович невежлива рода, не отецкого.
- 240 Приехал и говорит:
«Отколь, какой едешь, отколь кáтишься?»
Тот дал ему по тяпушу,
Прибавил по алабушу,
Посадил на добра́ коня:
- 245 «Пришли, говорит, старо́го Илью Муромца».
Приехал Олешенька ко бело́му шатру.
Сказывать стал, рассказывать
Старо́му Илье Муромцу:
«Тебя звал во чисто́ поле».
- 250 Скакал скорей старо́й да Илья Муромец,
Шубу облака́л на одно плечо,
Шапку надевал на одно ухо́,
Седлал коня доброго,
Поезжал во чисто́ поле.
- 255 Тут видели только, как в стремена ступил,
А не видели, как на коня скочил.
Только видели: во чистом поли курева стоит,
Куревá стоит да дым столбом валит, —
То Илья Муромец встречу едет с Соколюшком.
- 260 «Здравствуй, удалой добро́й мо́лодец,
Откуль едешь, откуль кáтишься, куда путь держи́шь?» —
«Я, говорит, еду-иду со старо́м казаком, с тобой поратитьца».
Тут ткнулись они копельцами бурзameцкими —
У рукояток копья поломались.
- 265 Ударились они палицами боёвыми —
А палицы у них загорелися.
Тут скакали они со добро́х коней,
Стали они битьца на рукопа́шицу.
Бились-тягались трои суточки.
- 270 У старо́го нога лева́ да подвихнулася,
Правá нога да окатилася.
Пал старо́й на сыру́ землю.
Тут вскочил Сокольник на бело́и груди́,
Он хотел пороть да гру́ди бёлые,
- 275 Он смотреть его да ретиво́ сердцо́.
Взмолился старо́й Господу Богу:
«Стоял я за веру христианскую,
Стоял я за церкви православные!»
Вдвое старо́му силы прибыло.

- 280 Он скочил скорей да на резвы́ ногѣ,
Хватил Сокольника да за златѣ кудрѣ —
Упал Сокольник да на сырѣ землѣ.
Вынимат старѣй да свой булатной нож,
А хочет пороть его белѣ грудѣ,
285 Увидел его да чуден крест —
И говорит Илья Муромецъ таковѣ словѣ:
«Какой ты земли, какой родины,
Да какого отца-матери,
Как тебя, молодца, да именем зовут,
290 Да какого ты роду-племени?»
Отвечал ему Сокольник таковѣ словѣ:
«Когда был я у тебя на белѣх грудѣх,
Я не спрашивал ни роду, ни племени,
Я не спрашивал отца-матери».
295 Опеть второй раз стал спрашивать Илья Муромецъ.
Отвечал ему Сокольник таковѣ словѣ:
«Той я матушки Златѣгорки сын».
Говорит ему старѣй да Илья Муромецъ:
«Твоей-то я матушки за рукѣ держал,
300 За рукѣ держал, уста целѣвал,
На руки сыпал да опочѣн держал,
Опочѣн держал — любовь сердечную,
Тут мы тебя и прѣжили».
Тут они и разъехались.
305 Поехал Сокольник ко матушке родимой,
Ко той ко мамке, ко Златѣгорке.
Говорит-то Сокольник своей матушке:
«Я съехался в поли, сратился
Со теим со старым Ильей Муромцем во чистѣм полѣ».
(И рассказал всё.)
310 Она и говорит:
«Не пустым старѣй да похваляетца,
То у старѣго было дело».

№ 49

Был-жил богатырь. Ездил он всё по чисту полю, воевал. Не было у него ни сына, ни дочери. Всё он молил, чтобы у них родился кто-то, сын ли, дочь ли. Вот родился у них сын. Назвали они Илья Муромецъ его. Потом он рос хорошо, здоровый был, потом опился, ноги его носить не стали. А отец и мать старѣ стали, на поле работают. А егѣвый сын все дома сидит.

- 5 Потом зашла к нему сирѣтина — калика переходящая, просит милостыню: «Стань, молодец, дай мне кусок хлеба, милостыню». А он и говорит: «Как я встану, у меня ноги не действуют». — «Встань, может и встанешь. Подай, говорит, милостыню». Он стал пошевеливатьца, вставал, вставал и встал. Пошел, дал ей милостыню. Поклонился ей и сказал: «Ты меня на ноги поставила, а то двадцать лет сидел». Отец, мати приходят, а он ходит вокруг хаты своей. Мать возрадовалась: «Вот нам замена пришла,
10 на ногах ходит, работать будет».

Тут прошло несколько времячко, поработал Илья Муромец и говорит: «Докуль я здесь сидеть буду, — ничего не знаю, сижу. Я, говорит, не буду работать: а дайте мне благословение, дайте мне отёцко копье мённо, долгомерно, и пáлицу боеву». Отец его не спускал сразу, а потом его благословил ехать. Вывел ему коня доброго — сам ездил еще воевал. Вынял ему ружье цельное, двенадцать золотых стрелоцек, пáлицу боевую, седло зеркальное, узду серебряну.

15 Вот он заседлал лошадь, сам направился, положил двенадцать подпругов, не ради басы — ради крёпости. И распротился он тут с отцем-матерью. Отец ему тут наказывал: «Поедешь, дитя, во чёсто поле, встретятца там росстони, три дороги; серый камень тут же. На камню написаны позолóты: первá дорога ехать — быть женатому, вторá дорога ехать — быть богатому, а третья́ дорога — двадцать лет никто

20 не ездил, заселился тут Идолище немецкое. И он тут, из-за него никто и не ездит. Он на трех дубах толстых тут сидит, со стороны на двадцать верст никого не допускает: заревёт он криком звериным, от голосу его лошади и валятся». И не велел ехать отец ему той дорогой: «Не ездит той дорогой, не убивай Идолище немецкое, не нарушай мое благословение».

И видели: молодец в стремена ступил, не видели, как на коня скочил. Вот он уехал. Вот он там ехал 25 близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли. Доехал к этим росстоням, эти надписи прочитал, кака куда дорога.

Вот первá дорога — женатому быть. А он и говорит: «На чир мне женитьца, старому, мне не семнадцать лет». Вторá дорога — быть богатому. «Мне не надо, говорит, чужое богатство, своего хватит. А, говорит, лучше поеду я, где живому не быть, испытаю счастья».

30 Вот он поехал. Дорога вся заросла. Одной рукой коня ведет, другой — сыры́ дубья́ рвет, направляет дорогу. А здесь мостики сповы́гнили, столбики сповыломались. Он мостики принаправил, он столбики припоставил. И всё вперед да едет. А Идолище немецкое узнал, что он близко, не допускает к себе. Крикнул Идолище немецкое голосом, а у Ильи Муромца конь на колени пал. Он схватил лошадь и говорит: «Что ты, конь, ты конь, травяной мешок, не слышал ты вóронья гарканья?» Заскочил на коня

35 Илья Муромец и говорит: «Не велел мне отец до Киева лук спускать — приходитца», — говорит. Тугой лук принатягивает, стрелоцку кладет, прикаказывает:

«Ты лети, моя стрелоцка калёная,
Не упáдывай ни нá небо, ни нá землю,
Залетí, моя стрелоцка калёная,
40 Идолищу прямо в правый глаз!»
Натянул он тугóй лук,
Спусти́л стрелоцку калёную:
Не деревья с пней повалилися,
Не звери в лéси закричали —
45 Залетала стрелоцка Идолищу прямо в правый глаз,
И свалился Идолище с дубá нá землю.
Он ехал на коне, не останавливался,
Подхватил его себе на коня,
Приковал он его к лошадиной гриве
50 И поехал с ним вперед.

Едет он, а на дороги у Идолища много у него наубívано, налóжено сыновей отецких. Едет, а у Идолища жена да сыновья увидели и говорят: «Мама, папа едет да мужика везет». А мать посмотрела и говорит: «Нет, детки, мужик-то едет да папу везет».

Побежали дети. Мужика колотят, хотят его с лошади стащити да убить. А стар казак сидит, Илья 55 Муромец, на лошади: которого ногой лягнет, так тот и повалится. Жена золотой казной выкупать мужа ладит, а он едет мимо, не останавливатца, продолжают свой путь-дороженьку. Ни на цо он не смотрит.

- Приезжат прямо в стольный Киев-град, проезжат к князю солнышку Владимиру. Едет он мимо заставы крепкой, приехал он прямо к воротам, к князю Владимиру. Чела не бьет и головы не гнет. И тут поставил он лошадь добрую с Идолищем немецким, а сам пошел во дворец. В ту пору было, в то времячко было собрано пирóванье-столованье. Зашел он, поклонился во все стороны, царю-солнышку на особенности. Стал государь у него спрашивать: «Ты еси, стар казак Илья Муромец, ты какой ехал путью-дорожецкой?» Он говорит: «Я ехал дорогой прямоезженной, по которой двадцать лет никто не езживал, птица не летала, голосом всех убивал Идолище немецкое». Говорит ему Владимир-князь: «А как ты мог тут пройти-проехать?» А он говорит: «У меня Идолище привезено на лошади». А говорит ему солнышко Владимир-князь: «Если привезено у тебя Идолище на лошади, заведи его в помещение». Он пошел, его завел, зашел с Идолищем. Зашел стар казак с Идолищем — мост-то не выдержал, в помещение зашли, — так всё помещеньице пошатнулось. Посадил их князь Владимир на лавку за стол и говорит таковы́ слова: «Заревни ты, Идолище, криком зверинным!» А этот говорит: «Не твое я пью-кушаю, не тебя я сейчас слушаю. Не в твоих руках хожу. Заставит если стар казак, тогда я рёвкну».
- 70 Вот у старá казака стал князь просить: «Ну пускай он заревёт, я послушаю». Стар казак Илья Муромец взял князя под ту руку, под пазуху, княгиню под другую руку и заставил зареветь Идолище в полугóлоса: окóлни стекла все сповыпали, а на божьих церквáх кресты повывомались. Лежали по часу они, ничего не слышали. Прележались и заставили Илья Муромца вывести его и насмерть убить. И он вывел этого Идолища и расстрелял его. И зашел этот князь, по комнатам ходит да приговариват:
- 75 «Чем же я стану, стар казак Илья Муромец, дарить тебя за услúгу?» Принес он шубоцку соболáнную о двенадцать пуговок, в каждой пуговики зámчуги переливаются, петёлки все шелкóвы.
- И вот тут пировеали они, столовеали целыи сеутоцки. Все напились, все бояра свалилися пьяные. А князь ушел со своей Апраксеньей Андреевной в свои палаты белокеаенны. А стар казак Илья Муромец стал весел,

- 80 Шубу эту понáшивают
 Да таковы́ слова приговариват:
 «Уж ты будь, моя шуба, счастлива,
 И будь, моя шуба, талáниста,
 Я убил Идолище во чистóм полí,
 85 Еще убить бы неприятеля со зятелком со Ки́ршаком,
 У его, у собаки, силы множество».
 Этим боярам завидú стало,
 За великую досаду показалось.

- 90 Стали они думать, что бы наврать на него. «Нас никто не даривал такими подарками, а приехал какой нахвáлисто, его подарил шубой князь». Побежали они, государю и наврали:

- «Ты вот подарил нахвáлище шубу,
 Он по полу похаживает,
 За рукав шубу поволáчивает
 И шубы своей наговаривает:
 95 „И быть ты, моя шуба, счастлива,
 И быть, моя шуба, таланиста!
 Я убил Идолище во чистóм полí,
 Еще убить бы солнышка Владимира!“»

- 100 Вот они доложили всё зáлпом. Сейчас солнышко Владимир-князь призвал старóго Илью Муромца казака к себе. И вот говорит солнышко Владимир-князь: «Што ты, с тар казак Илья Муромец по́ полу похаживаешь, небывáлыми рецами похваляешься?» А он говорит: «Я не так ходил, не волочил шубу и наговаривал: „Убил я Идолище во чистóм полí, а есть еще убить зятелка со Кíршаком. У его,

- у собаки, силы множества». Говорит солнышко князь Владимир: «У меня бояре жили-ладилн, никогда не вралн и теперь не соврала». Сейчас же он его взял, заставил слугам верным выкопать погреб.
- 105 Выкопали погреб и посадили его в этот погреб. Навалили чугунную плиту на его, на погреб. А была княгиня. А хороша, ласкова, она пожалела его, она сделала ход подземельный из своей спальни, снесла ему стол и книгу Евангелие читать. Наняла слугу верную. Доспела ему ход, и носит слуга верная ему всё тайком.
- 110 Долго ли, мало ли, годов пятнадцать минуло. Переходили из города в город калики убогие — сиротины. И вот шла одна калика убогая, хватила ее погода на дороге, она вся вымокла, устала.

- И хотела эта калика огня добыть,
И хотела платье высушить.
Заметила она в чистом поле маленькую заметочку —
Едет этот неприятель со зятелком, со Кіршаком,
- 115 Со войском бессчётным.
Не удалось калики огня добыть,
Не удалось платьа высушить,
Побежала она прямо в стольный Киев-град,
С просьбой она к солнышку Владимиру.
- 120 Поклонилася она солнышку Владимиру:
«Заметила я в чистом поли заметочку,
Заметила я неприятеля неверного,
У его, у собаки, силы множество,
Переди его идет сорок тысяц,
- 125 Позади его идет сорок тысяц,
А по бокам у его цисто смёту нет.
И вот накрыло то войско немецкое,
Кругом обошел он стольный Киев-град».
Запечалился солнышко князь Владимир, закручинился,
- 130 Не знает, на кого нынче надеятьца.
И говорит ему Апраксия Андреевна:
«Уж ты еси, солнышко Владимир-князь!
Есть у нас надежда с тобой великая,
Есть у нас стар казак Илья Муромец,
- 135 Сидит он пятнадцать лет в темном погребе,
Мы попросим его, постоит ли он верой-правдою за божьи церкви».
И говорит солнышко таково слово:
«Уж ты глупая баба, неразумная,
У тя волос долог, да ум коротенок,
- 140 Где же живой будет человек пятнадцать лет
Голоден, в темном погребе?»
А она его спрашивает: «Может и живой сидит?»
А неприятель этот подъехал и просит поединщика
И такими словами похваляетца:
- 145 «Я Киев-град огнём сожгу,
Святые иконы я сповыколю,
Божьи церкви я сповыломаю,
Пресвятую Богородицу во грязи стопчу,
Солнышка Владимира возьму во конюхи,

- 150 А Апраксию Андреевну возьму во нянюшки!»
 Запечалился солнышко, закручинился,
 Не знает, на кого нынче надеяться.
 И говорит Апраксия Андреевна таково́ словó:
 «Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!»
- 155 Есть у нас с тобой надежда великая,
 Есть у нас стар казак Илья Муромец». —
 «Глупая ты баба, неразумная,
 Не в свое дело вмешиваешься». —
 Не послушался ее солнышко Владимир-князь.
- 160 А говорила Апраксия Андреевна в три разá,
 И пошел он смотреть по́гребы высокие.
 Идет он нерадостен, невесел,
 По земле несет буйну голову,
 Потупя́ он несет очи глупые,
- 165 Со своими он боярами большебрюхими.
 Открыли они погребы глубокие,
 Оттянули эту плиту тяжелую,
 И говорит солнышко Владимир-князь таково́ словó:
 «Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромец!»
- 170 Ты пособи́ моему горюшку великому,
 Нападает на нас сила немецкая,
 Немецкая она сила, неверная.
 Послужи ты нам верой-правдою,
 Ты не ради меня, а за всю землю́,
- 175 За божьи́ церкви́, за святы иконы!»
 И сидит стар казак Илья Муромец,
 Он целом не бьет и головы́ не гнет,
 Никакого он ему ответа не дает.

(Говорил он ему до трех раз, никакого он ему не дал ответа.)

- Пришла Апраксия Андреевна,
 180 Говорит она таково́ словó:
 «Пособи нам горю великому,
 Послужи нам верой-правдою!»
 Он только мог дожидаться слова Апраксии,
 Он вылетел из погреба, как белый кúропать,
- 185 И сказал он ей таково́ словó:
 «Уж ты еси, Апраксия Андреевна!
 Я рад служить и голову сложить для тебя,
 Только нету у меня коня доброго,
 Нету пáлицы боёвой,
- 190 Нету у меня долгомерного копья,
 Тугова́ лука, стрелоцек калёных». —
 Привела она его в палаты белокаменны,
 Посадила она его за трапéзоньку,
 Наносила ему явства сахáрные,
- 195 Принесла ему она полштоф воды,
 Наливает она ему меру немалую,

- Наливает ему чару немалую — в полтора ведра.
 Стар казак Илья Муромец берет эту чару одной рукой
 И выпивает чару за один дух.
- 200 Говорит Апраксия Андреевна:
 «Уж ты еси, стар казак Илья Муромец!
 У меня сохранена твоя боёва лошадь,
 Сохранены твои припасы военные».
 Вывели ему добра коня,
- 205 Вынесли ему всю сбрую лошадиную,
 Приправу всю военную.
 Он выехал во чисто поле
 Один на один битъца с неприятелем.
 А у него, у собаки, силы множество:
- 210 У него впереди сорок тысяц, позади сорок тысяц,
 По бокам числа-смёты нет.
 И выехал он, и махнет он этой палицей:
 Направо махнет — целой улицей вáлятца,
 Налево махнет — переулками.
- 215 Сколько он бьет, друга́ столько конь убьет, грудью валит их.
 И сколько он бился тут, ратился,
 И выбил он тут от едина до единого.

220 Киршика взял в плен, а сам князь-то неверный убежал. И он выбил тут, вернулся, всех бояр большебрюхих тут же повыколотил. Солнышко Владимир-князь встречается его и боитца его, он и говорит ему, а Илья Муромец ни одно слово в ответ не дает, говорит лишь с Апраксией Андреевной, которая кормила и поила его. А князь-то запрятался, когда бояр убивать стали, во божьей церквѣ его нашли. Вот тут они возвели столóванье-пирóванье. Солнышко князь Владимир со своей Апраксией Андреевной стали жить за его́вым распорядком.

№ 50^н

- Как во том-де во городе во Мурове,
 У того было Ивана да Тимофеева,
 У его-де одно было чадо милое,
 Оно хворое было да нездоровое:
- 5 Не ходили у его да ноги резвые,
 Не служили у его да руки белые,
 Не говорил-то у его да говорок-язык.
 Жил Иван — состарился
 И того еще скорей переставился.
- 10 Осталось у его едино чадо,
 Едино чадо, одинокое,
 Звали его Илья сын Иванович.
 Он сидел без рук, без ног и без очи ясных,
 Немного времени сидел он — тридцать лет:
- 15 Не служили его ноги резвые,
 Не служили его руки белые.
 Во тридцатом-то году да, во последнеем,

- Приходила калика да перехожая,
И та еще сиротинушка убогая,
20 И попросила она его милостыни ради Христа небесного.
«Я не то тебе подать — готов сам принять,
Я сижу не много, не мало — тридцать лет:
Не служат мои ноги резвые,
Не служат мои руки белые». —
- 25 «Если ты не можешь подать, я тебе подам».
Отломил краюху хлеба белого:
«Если ты готов принять, так я тебе подам».
И подала ему краюху дара божьего.
Тогда стал он с мягкá местá,
- 30 И заслужили тогда его ноги резвые,
И заслужили руки белые,
И увидел тогда он вольный белый свет.
Тогда уже калика утерялася.
Тогда он стает на резвы ногí,
- 35 Выходит из своей комнаты.
Зашел он ко свою отцу-родителю,
Звать отца Иван да Тимофеевич:
«Что же ты, чадо милое,
И как у тебя заслужили ноги резвые,
- 40 Отчего же у тебя заслужили руки белые,
Для чего же у ты заслужил говорок-язык?» —
«Во тридцатом-то году в последнем
Зашла ко мне калика перехожая,
Попросила у меня на милостыню.
- 45 Я сказал: „Я не то тебе подать, готов сам принять“.
Нет ли у тебя, отец, добрый конь.
Нет ли у тебя, отец, латы булатные?
Дай ты мне, добру молодцу,
Хочу съездить в стольный Киев-град
- 50 И посмотреть там князя с княгиней,
И посмотреть там всех русских богáтырей».
У его-то отца-то был добрый конь.
Стоял он в погребях ровно тридцать лет,
Он ел пшenu да белоярову.
- 55 «Я тебе могу дать того добрá коня».
Тогда говорит Илья Муровец:
«Пойдем-ко, отец, на твой конюшен двор,
Посмотрим мы с тобой добрá коня».
Вот тогда они пошли на конюшен двор,
- 60 Посмотрели они добрá коня.
Он стоял, конь, ровно тридцать лет,
Ел пшenu белоярову.
«Да нет ли у его еще латы булатные,
Да нет ли у его палица буёвая,
- 65 Нет ли у его приспехи богатырские?»
Говорил тогда отец таковы слова:

- «Есть у его палица буёвая,
Есть у его копьецо буржумецкое».
Тогда говорил он отцу таковы слова:
- 70 «Дай ты мне, отец, все приспехи богатырские,
Поеду я в стольный Киев-град,
Проеду я дорожкой прямоезжею,
По которой дорожке тридцать лет никто не хаживал, не проезживал
И белый лебедь туда не пролётывал,
- 75 И черной горносталя не пропрыгивал».
Дал тогда ему отец добра́ коня,
Уж и как дал ему приспехи богатырские.
И тогда он садилсе на добра́ коня.
Не видали поездки молодецкой,
- 80 Не видали посадки богатырской,
Только видели: во чистом поле курева́ стоит,
Курева́ стоит, ну дым столбом валит.
Ехал он дорожкой прямоезжею,
Приехал он к грязям черным,
- 85 И проехал он эти грязи черные:
Одной рукой он добра́ коня ведет,
А другой рукой он мост мостит, —
И проехал эти он грязи чёрные.
Он опять приехал ко второй заставе великой.
- 90 Тут были мужички новотóкманы,
Эти мужички за его стали грабиться.
«Уж вы ой еси, мужички новотóкманы,
У меня, у старого казака, взять-то нечего,
Только есть у меня один добрый конь,
- 95 Стоит мой-от конь рублей тысячу.
Есть у меня шуба кунья,
Стоит шуба пятьсот рублей.
И чуден крест стоит тысячу».
А мужички еще с того пуще за его стали грабиться.
- 100 Он и вырвал дубинку тяжеловесную,
Потом начал косить мужичков новотóкманов в обе стороны.
И их всех побил до единого,
И проехал вторую за́ставу.
И потом он подъехал к третьей за́ставе великой.
- 105 Тут сидел на этой за́ставе Соловей Рахматович.
Он сидел, Соловей, на семи дубах,
На семи дубах, на восьми па́дубках.
Услыхал Соловей добра молодца,
Заревел Соловей по-змеинному,
- 110 Закричал Соловей по-соловьинному.
У старого казака добра молодца
Упал добрый конь с ног на колени.
Бьет старóй добра́ коня по тучным ребрам:
«Уж ты ой еси, мой добрый конь!

- 115 Неужели не слышал ты во чистом поле вороньего граянья?»
Бьёт коня по тучным ребрам:
«Ставай, мой конь, на резвы ног!»
Тогда у его был с собой тугий лук да каленá стрела.
Заряжал он каленú стрелу в тугий лук
- 120 И спускал стрелочку, и к стрелочке приговаривал:
«Уж ты ой еси, моя стрела калёная!
Лети-ко, стрела, ты пониже облака ходячего
И пониже красна солнышка,
Залети ты Соловью в правый глаз!»
- 125 Молодец-та то был хватчивый,
Налету он Соловья подхватывал,
И взял он Соловья, положил в карман
И поехал опять вперед по той дорожке прямоезжей.
Потом у его пал конь с резвých ног на колени.
- 130 Бьёт коня по тучным ребрам:
«Уж ты мой добрый конь, не можешь нести меня, богатыря?» —
«На мне сидит вас два богатыря».
Тогда догонул старой добрый молодец,
Что есть у меня в кармане Соловей Рахматович.
- 135 Тогда старóй на это был догадливый,
Да вынул он Соловья из кармана,
Привязал его к хвосту конскому,
И тогда поехал опять старой преспокойно по своей дорожке.
Он приезжает к Соловью во высокий дом,
- 140 Увидала Соловьева молода жена,
Говорила она своим дочерям:
«Дочери мои родные, едет наш Соловей,
Везет, наверно, добра молодца».
Увидали тогда его родны дочери:
- 145 «Не отец наш везет — добрый молодец отца везет».
Заходила жена на ворота высокие,
Поднимала подворотницу тяжелую.
Подъезжал старой казак к подворотнице тяжелой,
Тогда говорит Соловей Рахматович своей жене:
- 150 «Уж ты ой еси, молода жена!
Не изнимай ты подворотницу тяжелую,
Не раздражай ты добра молодца».
Тогда она упустила подворотенку тяжелую.
Говорит тогда Соловей своей молодой жене:
- 155 «Отпирай-ка ты подвалы глубокие,
Выпускай оттуда ты добрых мóлодцев
И давай добру молодцу золотой казны».
Вот тогда она отворила подвалы глубокие,
Выпустила она тридцать мóлодцев
- 160 И потом давала ему золотой казны.
«Не надо мне ваша золота казна,
Отпускайте вы добрых молодцев

- По своим местам да к молодым жена́м».
- 165 Тогда старой казак не дал им Соловья Рахматовича,
Отправлялся старой тогда с ним в стольный Киев-град.
Приезжал старо́й в стольный Киев-град
К тому солнышку Владимиру,
У солнышка Владимира был почестен пир.
- 170 Тогда заходит старой во горницу на почестен пир:
«Уж ты здравствуешь, солнышко Владимир-князь!
Уж ты здравствуешь, княгиня-мать Апраксия!» —
«Приходи-ка ты, удалый добрый молодец,
Какой ты страны да какой Орды,
Какого ты отца, какой матери?»
- 175 Говорит на то старо́й казак Илья Муромец:
«Приехал я из города из Мурома,
Из того села Карачегова.
Ехал я дорожкой прямоезжейей,
По которой дорожке никто не прохаживал,
- 180 И серый заюшка не проскакивал,
И белый горноста́ль не прорыскивал».
Тут молодцы на это не поверили.
«Я привез Соловья Рахматовича».
- 185 Вот побежали смотреть Соловья да Рахматовича.
Говорят: «Ну, как же он ревет у тя по-змеиному,
По-змеиному, по-соловьиному?»
Тогда старо́й казак Илья Муромец
Приказал Соловью зареветь в полу́свиста́.
Тогда заревел Соловей полу́свисто́м —
- 190 Все на пиру устрашались.
Тогда выходит солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой, Соловей ли Рахматович,
А зареви-ка еще полу́свисто́м».
- 195 Отвечает на то Соловей да Рахматович:
«Не твое я ем-кушаю, не тебя я и слушаю».
Старой казак заставил его зареветь во весь свист.
Тогда заревел Соловей во весь свист —
У Владимира-князя все зданья поколебались,
Все столы пошатались,
- 200 И все яства на столах прирассыпались,
И дорогí вíна все разливались.
Тогда ста́рого старика на пир все приняли
И все его принахва́лили.
- 205 Тогда приказали ему окончить Соловья ли Рахматовича.
Тогда старо́й прикончил Соловья Рахматовича,
И принял он от князя Владимира дорогí дары,
Дорогí дары и велкие.
(Эта старина вся.)

№ 51^H

♩ = 88

- Из того ишче из города нынь из Мурова,
 Из того ишче села было Карачагова,
 А да жил тут был Иван сын Тимофеевич,
 Кабы было у его едино чадо, едино милоё,
 5 Как едино было рóдно, едино любимоё,
 Уж и звали его Илеюшко сын Иванович.
 Как лежал нынь Илейка да, право, тридцать лет,
 У его не было под собой нынче резвых-де ног,
 Ах держал Иван Тимофеевич нянечку-служаночку,
 10 Обирала она едино чадо милоё, едино любимоё.

Тридцать лет лежал — ног не было. И пришел к нему старец, к Илье свету Ивановичу. Попросил его квасу попить либо пива. Он говорит: «Есть у отца моего пива бочки, да я тридцать лет лежу». — «А попробуй, пошевели ногами». Он шевелит — ноги действуют. Соскочил, в погреб кинулся. Бочку пива из погреба выкатил. Подал старцу.

15 «Спасибо, — говорит старец, — будешь ездить по чистым полям.

Только не дерись с Вольгой:
 Вольга по черным лесам ходит серым волком,
 По пенью, по коренью скачет черным горностаем,
 По синему морю ходит рыбой щукою —
 20 Он возьмет тебя хитростью.
 Не дерись и со Святогором —
 Он возьмет тебя силою».

И потерялся старец. Оделся Илейка и пошел в поле к отцу, к матери. Они в поле работают. Узнать его не могут. Пришел Илья: «Здравствуйте, я ваш сын. Идите домой, я вам напашу». Речка Муравленка пошла через луга. Отправился Илейко домой: «Ну, отец, выберу я себе коня по себе. Поезжу по полям, по городам, по селам». Выбрал конечка-семилеточка. Говорит конь: «Ой ты гоё еси, Илья свет Иванович, я не могу тебя носить: меня кормили худой травой осотою и поили водой болотною. Покорми меня пшеной белояровой, пои водою ключёвою».

30 Через три месяца стал он поигрывать. Илья клал на него потнички, клал седло зеркальное. Зашел в комнату, взял у родителей благословение и поехал.

Приехал ко чисту полю, а там столб с надписью: «По одной дороге поедешь — богату быть, по другой поедешь — женату быть, по третьей поедешь — живым не быть». Говорит Илья: «Богатому мне не надо быть. И женатому не надо — жена сбалуется. Поеду, где живому не быть. Перечитал я много книг. Мне на поле смерть не писана, на море не явлена».

35 Дорожка заросла, замутилася. Ясён сокол тридцать лет не пролётывал, зверь не прорыскивал. Поехал Илья, до грязей доехал. Начал по грязям мость мостить, замостил речку Смородину: «Если меня мост понесет, то и всех понесет». Поехал — вынес его мост. Приехал Илья к городу Чернигову. Там стоят разбойнички. Стал с ними Илья биться, всех перебил. Предлагает ему народ быть в Чернигове воеводою. Отказался Илья. Едет дальше, видит — гнездо Соловьиное на семн дубах, на восьми падубках.

40 Подъехал он. Засвистал Соловей. Упал конь под Ильей. Илья его бил, ругал. Поднялся конь, подъехал ближе. Опять Соловей засвистал. Опять упал конь. Снова Илья бил его, ругал. Конь поднялся. Подъехали к Соловью за пять верст. В третий раз упал конь. Поднял его Илья, натянул лук, стреле наказал: «Лети, моя стрела, стрелочка каленая, выше облака ходячего, попадн Соловью во правый глаз». Залетела 45 стрела Соловью во правый глаз, вышибла стрелочка правый глаз Соловью. Пал он на землю. Илья схватил его, к седлу привязал. Сломал дуб Соловья Рахматовича, разломал всё гнездо, всё спалил, чтобы не отросла трава. Поехал к Соловьиному дому. Жена выбежала, стала подворотню поднимать. «Повешу тут ворон пугать», — Илья говорит. Заревел Соловей: «Прости, только отпусти меня — всё отдам». Илья убил жену, убил семью, весь дом сжег, поехал с Соловьем к князю Владимиру.

50 Оставил коня с Соловьем во дворе, взошел в гридню, помолился, поклонился всем боярам, князю с княгиней по-особому. «Откуда ты, богатырь? Кто ты?» — «Я молодой Илейка сын Иванович». — «Как сюда ехал?» — «По дороге, где тридцать лет никто не ездивал. Я речку замостил, разбойников у Чернигова убил, Соловья поймал». Пошел Илья во двор, принес за кудри Соловья напоказ. «Если ты им владеешь, пусть он засвистит, заревет». Приказал Илья Соловью, — тот засвистел, заревел. 55 Все обмерли. Долго без памяти лежали. И князь тоже. Других он, Соловей, свистом убивал, а с Ильей ничего не может сделать. Хватил его Илья об пол и убил. Вытащили Соловья за Киев, завалили в яму, хряща-каменя навалили сверху. Князь прочунел. Пир устроил.

№ 52

Илья-то Муромец сиднем сидел тридцать три года. Пришли к нему калики перехожие, а отца-та и матери дома не было, на пожне корнн ворочали. Они и говорят ему: «Полно, Илья, нежиться, подай нам чару меду сладкого». — «Что вы смеетесь надо мной? Я ведь тридцать три года сиднем сижу, ни руками, ни ногами не владею». — «Сойди, подай меду сладкого!» И на третий раз говорят ему: «Полно, полно, Илья, нежиться, неси меду сладкого!» Илья, как птичка, соскочил. Соскочил с печи, побежал в погреб, принес меду. Они дали сперва ему пить и спрашивают: «Много ли силы чуешь?» — «Много», — говорит. — «Неси еще цару зелена вина!» Подали ему, выпил Илья чашу, всё до дна. «Много ли чуешь силы?» — «Был бы столб, а на ём кольцо, за что ухватиться, дак я бы перевернул мать сыру землю». — «Много, — говорят, — силы-то наделили». Опять подали ему меду, выпил он, калики и спрашивают: «Много ли убыло силы?» — «А силушка стала половинушка, половинушка стало силушки». — «Тебе, Илья, и того хватит. На битве тебе смерть не писана, не убьют в бою-то». — «А на чем я поеду, у меня коня нет, а дома я сидеть не буду». Калики сказали: «Купи жеребенка вшивого, паршивого, тот тебя заможет, другой не заможет».

Пошел Илья, купил вшивого, паршивого, худущего жеребенка. Куды поезжат с таким? Пустил его в поле пастись. Три дня покормил, дак не узнал. «Ты ли?» — спрашивает. — «Я, — говорит, — отъелся. А ты-то, такой ли был?» Три дня ведь прошли, он-от сбегал на поле, все коренья очистил. Трое суток прошли, он поехал дорогою прямоезжею. Залегла дорога прямоезжая ровню тридцать лет от того Соловья-разбойника Будимировича. Сидит он, собака, на девяти дубах. А Илья-то клятву клал: до Киева-града не вынимать чтобы стрелы и лук. А к дубу подъехал — зашипел Соловей по-змеинному, засвистел по-соловьиному. Конь-то у его на коленки пал. «Что ты, собака, травяной мешок, не слыхал ты шипу змеиного, а посвисту соловьиного?» Илья стрелил, дак Соловья прямо в правой глаз угодил. А Соловей сошел, прямо пал кубарем. Кубарем пал, дак он его приторокáл ко стремяни кривого-то да и поехал. Дочери выскочили (*мимо дома Соловья-то разбойника ехали*) да и говорят: «Папа едет, русского богатыря везет». А мать посмотрела и говорит: «Несите подарки да золото, то отца какой ле незнакомой человек везет». — «Да нет, то папа русского богатыря везет». Подъехал Илья. «Не надо мне подарков», — говорит.

После подъехал к Чернигову, а у Чернигова сила-армия татарская. Он опять татар выбил. Они вынесли ему подарки. «Не надо, — говорит, — отдайте сиротам». Тоже приехал в Киев-град, вошел в палату, стал на середину, поклонился всем, а князю с княгиней в особинку. Это Чурила-то Пленкович говорит: «В очах детина завирается, кого-сь ограбил, дак пришел чужого одел». А Илья говорит: «Посмотрите, князь, мою удачу богатырскую: залегла дорога ровню тридцать лет, а я тебе во двор Соловья привез». Князь вышел, увидел Соловья и говорит: «Посвисти». А Соловей говорит: «Не твое пил-ел, не тебя и слушаю». Илья и велел Соловью засвистать вполголоса, а он засвистал во весь свист. Все и попадали, князя-то и княгиню он под полу взял, дак не упали. Он убил Соловья: не мотай добрых людей, не сироти детей.

Стал Илья служить верой-правдой князю Владимиру. Калин-царь подходил войной, дак его не случилось. Как кричит, летит Илья, едет. Приехал от Калина татарин. Говорит, требует, чтобы всё отдали, дак ведь силы-сметы нет. Калика перехожая Иванище какой ле богатырь был. Встретился с Ильёй, рассказал ему. «Ты, Иванище, силой боле меня, а удалю хуже меня». Не дават ему Иванище сапоги, в них бриллианты были, дорогу показывали. Илья взял платье каличье, а Иванища привязал к коюю. А сам прибежал в Киев-град. Там никого не пускали милостыню просить. А он пришел и заревел под окном: «Подайте милостыню Христа ради». А Идолище сидит у князя Владимира и говорит: «Я вам запретил, чтоб сироты не ходили». А Илья в комнату зашел. Идолище спрашивает: «Какой у вас Илья, много ли есть да пьет, много ли кушает?» — «Как и я, калека». — «А я вот по семи ведер пью, по быку кушаю». — «У моего батюшка была корова обжорлнва, обожралась корова и лопнула». Идолищу

это обидно показалось, кинжал в Илью всадить хотел. А Илья увертлив был, нож перехватил и в его всадил.

Князь послал его просить сроку на три дня, чтоб панихиду отслужить. Илья пошел. Он просил сроку на неделю и на три дня, а они не дают. Илья говорит: «Не даете, дак всех переколочу, лысой бес».

50 Его связали, стал ему Калин-царь в очи плевать, дак не поглянулось (нам бы и то поглянулось, а то так). Схватил он татарина: куда махнет — улица, перемахнет — переулочек. Крепок татарин — не ломится, крепок — не вернется. Всех перебил, не знали, куда бежать, заклинаются: «Чтобы нам боле в Киеве не бывать!».

55 Потом ездил, ездил, он ведь не женат был, поехал в поле поляковать. Одно время просмотрел заставу, молодой богатырь какой ле проехал. Добрыня отказался ехать за им: «Некем мне, старику, заменитьсь, надо стряхнуться». А едет Сокольник, лютой паляницы сын, стали биться. Подвернулась нога у Ильи, пал он, а Сокольник на грудь сел. Вынул Сокольник нож, хочет вынуть ретиво сердцё. Илья думает: «Мне на поле смерть не писана». Он ему стукнул, тот улетел выше дерева стоячего, ниже облака ходячего. Сел Илья на него: «Чей ты сын, какого отца-матери?» Тот не сказал. Распорол Илья 60 ему груди белые, а на руке повязка была, сын его был. Убил сына-то.

А потом он на Святые горы поехал. Увидел богатыря, а конь-от ему и говорит: «Берегись, ядрен он, затопчёт тебя и меня, не могу против его коня, заберись на дерево». Он влез на дерево. Едет Святогор да ящик хрустальный возит, а в ящике жена его. Сел под дерево закусывать, потом он отдыхать лег, а жена косы заплетать села, да в зеркале и увидела Илью. Увидела и говорит: «Он тебя убьёт, я тебя 65 и с конем в корман положу». Святогор трое суток ездил и не знал, конь спотыкаться стал. «Что ты, волчья сыть, не замог носить меня?» — «Я тебя и жону носил, а теперь с богатырем и конем ношу». Он вынул, Илья ему поглянулся. Побратались.

Поехали на Святые горы. Нашли гроб. «Илья, ляг, не тебе ли сделан?» Илья лег. Широкий и глубокий ему гроб, велик очень. Святогор лег — по ём как раз, да и доска тут. «Илья, закрой меня». — «Что ты, 70 как ето!» Тот не закрыл, он сам натянул, дак доска сама приросла. «Руби, Илья!» — «Меч мой не берет». — «Руби моим мечом!» — «Дак силы нет». — «Пей, у меня пена потечет».

Хлопнул Илья три раза: и поперек обруч стал, а вдоль обруч нарост. Илья заплакал: «Вот сам себя ты захоронил». Самый сильный богатырь всё по Святым горам ездил, мать-земля не носила. Ездил Илья, наехал на погреб с золотом и серебром. «Куда мне с золотом и с серебром?» Взял и церковь поставил.

75 Приехал к князю, у ёго гостьба. И Илью не признали, оборвался ездил-то. «Где мне место?» — «Да вон в запечьи, где скоморохи». Он как двинул — все железные-то стулья поломал. Князь говорит: «Ты это для чего? То для богатырей было изготовлено. Уходи!» Он ушел да с голями стал по маковкам стрелять. Что наделал-то! Князь похватался: кого к Илье послать? Добрыню послал. Добрыня боится: «Смерть моя, спереди подойти — убьёт! Как быть?» Подошел Добрыня сзади: «Брателко названый, 80 не оскорбись, князь тебя не узнал, пойдём на пир». — «Ты пришел обходительной, а то я бы убил». Пошли. Князь Владимир всё разгневался опять снова. Приказал его заточить во глубокий погреб и засыпать песком, чтоб никто не заходил.

Три года прошло, како ле войско пришло. У князя Владимира дочка была хорошая. Прокопала ход и носила пищу Илье. Стал князь тужить. Княгиня и говорит: «Пойдём, может, Илья жив». — 85 «Дура баба, волос долог — ум короток». Дочка тоже говорит: «Пойдём, папа, может жив Илья-то». А богатыри-то в то время уехали все, как Илью-то князь посадил, испугались, что и им то будет. Пришли, а он сидит, и свечка горит. Князь в ноги пал. А он говорит: «За тебя не иду, за царицу не иду, а знаю, за кого иду». Потом поехал к етому кресту, приехал, где церковь-то стоит, тут и умер.

(Окаменел, так говорят, а кто его знает? Говорят вот, в церкви лежит, а сапоги на ём разные делались, всё меняли. А в третьей или четвертой год подметки подбили, дак не стал ходить-то.)

№ 53

♩ = 112

Во сла-в(ы)-ном - то го - ро - де во Му - ро - ме,
 Во се - ле - то ведь и бы - ло Ка - ра - ча - ро - ве
 Трид-цать - лет у - же и - ли и да - же слиш - ко - ю,
 Си - ду - ном(ы)-то си - дел да ту - т(ы) кресь - ян - ский сын,
 По про - зва-н(и) - ю - то он да Иль - я Му - ро - мец...

- Во славном-то городе во Муроме,
 Во селе-то ведь и было Карачарове,
 Тридцать лет уже или и даже с лишкою
 Сидуном-то сидел да тут крестьянский сын,
 5 По прозванью-то он да Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович.
 И во ту ли пору да вот во летнюю,
 И во летнюю пору да вот во жаркую
 Как приходят калики да перехожие.
 10 Постучались они да у окошечка:
 «Уж ты гой еси, Илеюшко Иванович!
 Ты подай-ко-се нам да-я испити же».
 Говорит тут Илья да вот Иванович:
 «Я без рук-то сижу ноне, без ножечек
 15 Тридцать лет уже и даже с лишкою».
 Говорят тут калики да перехожие:
 «Ты, Илеюшка, нас да не обманывай».
 Как ведь стал-то Илья да тут рукой шевелить,
 Ещё стал-то Илья да тут рукой шевелить,
 20 Ещё стал-то Илеюшко на ножечки.
 Как берёт-то братыню да полтора ведра,
 Ещё спускается в погреба да во глубокие,
 Наливает-то братыню да полтора ведра
 И подносит братыню каликам перехожим.
 25 Говорят-то калики да перехожие:
 «Уж ты гой еси, Илеюшка, выпей сам до дна!»

- Выпивает тут Илеюшка чару полную.
 Говорят тут калики да перехожие:
 «Ты налей-ко, Илеюшка, вто́ру чарочку».
- 30 Он спускается, Илья, да в погреба глубокие,
 Наливает-то он, верно, полтора ведра,
 Что не малу, не велику — полтора ведра,
 Наливает-то он, верно, втору чарочку
 И подносит он кали́кам перехожиим.
- 35 Говорят тут калики да перехожие:
 «Уж ты гой еси, Илеюшка, выпей сам до дна!»
 Выпивает-то Илеюшка втору чарочку,
 Говорят-то кали́ки да перехожие:
 «Много ль силы, Илеюшка, в твоих рученьках?»
- 40 Говорит тут Илеюшка Иванович:
 «Кабы столб-то в земли да мне до небушка,
 А к нему-то было кольцо червленое —
 За кольцо-то бы взял да я ведь рученькой,
 Повернул бы святорусску да землю-матушку».
- 45 Говорят тут калики перехожие:
 «Ты подай, Илья Иванович, нам третью чарочку».
 Опустился он да в погреба глубокие,
 Наливает-ко братыню в полтора ведра
 И подносит калнкам перехожиим.
- 50 Говорят тут калики да перехожие:
 «Уж ты гой еси, Илеюшко, выпей сам до дна!»
 Выпивает-то Илья да третью чарочку,
 Говорят ему калики перехожие:
 «Много ль силы, Илеюшко, в твоих рученьках?»
- 55 Отвечает им Илья да сын Иванович:
 «Во мне силушки наполовину приубавилось».
 Говорят ему калики перехожие:
 «Выбирай же ты теперь себе жеребчика,
 Поезжай ты, Илеюшко, на святую Русь
- 60 Защищать свою да землю-матушку,
 Басурманов поколачивать».
 Распростились калики перехожие,
 Отошли они нонь от окошечка.
 Как возвращаются с поля да отец с матерью,
- 65 Тому диву они, верно, да сдивовалися:
 Ходит на ногах у их да Илеюшко Иванович.
 Говорит отцу он, матери:
 «Покупайте мне, родители, худа, верно, жеребчика,
 Еще буду я в росы его выкатывать».
- 70 Как отец ему купил худа жеребчика.
 Стал Илеюшка за им, верно, ухаживать.
 Бытто выросил Илеюшка жеребчика.
 Одевается Илья в доспехи богатырские,
 Доставал себе он палицу буёвую,
- 75 Доставал себе он саблю вострую,
 Доставал еще себе он стрел колчан и тугой лук.
 «Дайте мне, отец, верно, да с матушкой, благословеньце,

- Я поеду в стольной Киев-град,
Я поеду поглядеть князя Владимира». —
- 80 «Бог тебя благословит, наше чадо милое,
Поезжай ты, наш Илеюшко, во стольный Киев-град,
Злом не мысли на татарина,
А тем паче на крестьянина».
- Распростился нонь Илья с отцом и с матерью,
- 85 И отправился Илейко в путь-дороженьку.
А легала путь-дороженька через Чернигов-град.
Подъезжает он к Чернигову.
Круг Чернигова-то града тут черным черно,
Окружают нонь Чернигов-град черны вороны,
- 90 Черны вороны, да злы татарове.
Нарушает Илейка заповедь отцовскую,
Вынимает он свою да саблю вострую —
И пошел рубить он силушку татарскую.
Порубил Илья всю силу, верно, татарскую.
- 95 Отворяются воротички у города Чернигова,
Приглашают ноне в гости Илью Муромца,
Говорит ему народ да таковы слова:
«Уж ты гой еси, удалый добрый молодец!
Как по имени тебя звать, величать по отчеству?»
- 100 Будь у нас ты во Чернигове воеводою».
Говорит Илья Иванович:
«Уж вы гой еси, люди черниговцы!
Мне не быть у вас да воеводою.
Укажите мне дорожку в стольный Киев-град».
- 105 Говорят Илье черниговцы:
«Прямоезжая дорожечка во Киев-град
Запала да заколодела,
Серый зверь по ней не рыскиват,
Черный ворон не пролётыват,
- 110 А у той у грязи черные,
У березки у покляпые,
У креста ли Леванидова
Одихмантьев сын злодеюшка
Соловей засел разбойничек.
- 115 Он сидит-то на семи дубах,
Он свистит по-соловьиному,
Закричит он по-звериному,
Зашипит он по-змеиному —
С гор сползут пески сыпучие,
- 120 Лесы, рощи к земле склоняются».
Говорит Илья Иванович:
«Уж вы гой еси, люди черниговцы!
Не поеду я околицей,
Околицей ехать, верно, две тысячи-то верст,
- 125 А прямоезжей-то дорожкой ровно тысяча.
Я поеду по дорожке прямоезжей.
Не страшён мне Соловей, верно, разбойничек».

- И поехал Илья Иванович прямоезжею дорожечкой.
 Приезжает он ко грязи черные,
 130 Ко березке он ко покля́пые,
 Ко тому кресту Леванидову.
 Увидал его тут Соловей, верно, разбойничек,
 Засвистал он по-соловьиному,
 Закричал он по-звериному,
 135 Зашипел он по-змеиному —
 Пал жеребчик на коленочки
 (это у Ильи-то)
 У Ильи тут у Ивановича.
 Говорит Илья Иванович:
 «Ах ты волчая сыть недосытана,
 140 Травяной мешок нескла́денный,
 Не бывал ты, конь, во те́мио́м лесу,
 Не слышал ты на своем веку
 Соловьиного ты по́свисту,
 Что звериного ты голосу,
 145 Что звериного, туриного,
 Или шипу ты змеиного?»
 Вынимает он стрелу калёную,
 Натягает он лук, шелко́ву ниточку,
 Говорит стреле калёной:
 150 «Ты лети, моя калёная стрела,
 Ты не попадай ни на землю, ни на воду,
 Попади ты в глаз разбойничку!»
 И попала стрела калёная
 Соловью-разбойнику прямо в правый глаз.
 155 Полетел тут с дуба старого
 Комом на землю разбойничек.
 Подхватил Илья Иванович разбойника,
 Привязал его к праву стремени
 И поехал он в путь-дорожечку,
 160 И поехал прямо в стольный Киев-град.
 Приезжает он в стольный Киев-град,
 Соскочил он с добра коня,
 Привязал его к столбу да золочёному.
 Как заходит он ко князю Владимиру в гридню светлую.
 165 Поклонился он князю Владимиру и княгинюшке Апраксии,
 Поклонился он, верно, всем чудо-богатырям,
 Всей собравшейся нынь да братии.
 Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
 «Ты садись-ко, добрый молодец,
 170 Ты откуда нынче едешь, куда путь держи́шь,
 Ты приехал к нам какой дорожкой?»
 Говорит Илья Иванович:
 «Я из города из Мурома,
 Из села я Карачарова,
 175 А зовут меня Илеюшко Иванович,
 А прозвание мое Муромец».
 Посадили тут Илеюшку за дубовый стол,

- Наливали ему чару зеленá вина,
 Не малую, не велику — в полтора ведра.
- 180 И берет он чару единóй рукой,
 Выпивает он чару единým духóm.
 «Уж я ехал, Владимир-князь стольно-киевский,
 Повидать тебя и всех славных богáтырей.
 Уж я скажу, не утаю ничего:
- 185 Ехал я сюда дорожкой прямоезжею».
 Подивились тут князь и со княгинею,
 Подивилися могучие богатыри:
 «Как прямая-то дорожечка
 Запала да заколодела,
- 190 Там сидит да на семи дубах
 Соловеюшко да разбойничек».
 Говорит Илья Иванович:
 «Соловей-то ведь разбойничек
 Он висит у меня нонь у правой стремени».
- 195 И Илье тут, верно, не поверили,
 Выходили все да на широкий двор,
 Выходил князь Владимир со княгинею.
 Говорил тут князь Владимир стольно-киевский:
 «Уж ты гой еси, удалый добрый молодец!
- 200 Что Илеюшка Иванович,
 Вели Соловью засвистеть в полсвиста соловьиного,
 И закричать в полкрика звериного,
 И зашипеть в полшипа змеиного».
 Говорит Илья Иванович:
- 205 «Уж ты гой еси, Соловеюшко-разбойничек!
 Засвисти ты в полсвиста соловьиного,
 Закричи ты в полкрика звериного,
 Зашипи ты в полшипа змеиного».
 А тогда Соловей да не послушался:
- 210 Засвистел он во весь свист да соловьиный,
 Закричал во весь он крик, верно, звериный,
 Зашипел во весь он шип, верно, зменный —
 Все околени во Киеве потрескались,
 Все-то маковки с домов посыпались,
- 215 Князь с княгиней на коленочки попадали,
 И весь народ тут приужахнулся.
 Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
 «Уж ты гой еси, добрый молодец Илья Иванович!
 Ты уйми-ка Соловья-разбойника,
- 220 Будем мы тебя дарить да будем чествовати,
 Ты очистил нам дорожку да прямоезжую».
 Заходил Илья Иванович в палаты белокаменны,
 Угощали его, потчевали.
 Князь Владимир стоял стоя перед ним,
- 225 А княгиня Апраксия ему кланялась,
 А другие богáтыри радовались, веселилися,
 Называли его своим братом старшим.

- Выходит тут Илья Иванович на широкий двор,
Он садился на добра коня,
230 Он поехал с Соловьем-разбойником да во чисто поле,
Говорит он Соловешку-разбойничку:
«Соловей ты свет да разбойничек,
Прослезил ты много детей, матерей,
Сгубил много ты народа православного —
235 Тебе смертный конец, верно, пришел сейчас!»
Вынимал он саблю вострую,
Отрубал он Соловью да буйну голову.
Воротился Илья в стольный Киев-град.
Выбирал он себе, Илья, товарищев
240 Что по силе по своей, по своей ловкости:
Выбирал он Добрынюшку Никитича,
Выбирал он ведь Алешеньку Поповича,
Да семь братьев Сбродовичей.
Поезжают они во чисто поле,
245 Они делают заставу богатырскую,
Стали жить да быть богатыри на заставушке.

№ 54

$\text{♩} = 180$

Ка - бы преж - де, до - се - л(ы) да в мо - ло - ду по - ру,
Как во то - м(ы) - де во го - ро - де во Му - ро - ви,
Как во то - м(ы) - де се - ле да Ка - ра - чэ - го - ви
Ка - бы бы - л(ы) - то ле ту - т(ы) И - ва - н(ы) Ти - мо - фе - я - вич.
Ка - бы жи - л(ы) - то ле о - н(ы) да как со - ста - ри - л(ы) - сз,
Как и - ще то - го - де о - н(ы) ско - ре пре - ста - ви - л(ы) - сз.
Как ос - та - лось у ё - го да е - ди - но ча - до,
О - но хво - ро - ё бы - ло, не - з(ы) - ло - ро - во - ё.

- Кабы прежде, досель да в молоду пору,
 Как во том-де во городе во Мурови,
 Как во том-де селе да Карачэгови,
 Кабы был-то ле тут Иван Тимофеевич.
- 5 Кабы жил-то ле он да как состарилсэ,
 Как ище того-де он скоре преставилсэ.
 Как осталось у ёго да едино чадó,
 Оно хвороё было, нездоровоё.
 Он сидел-де на печке равно тридцеть лет,
- 10 Не ходили у ёго да ноги резвья,
 Не служили у ёго да рукн белья,
 Как не говорил-то у ёго говорок-язык.
 Во тридцатом-то году, да во последнёем,
 Отпирались у ёго да двери на́ пету,
- 15 Заходила ему калика да перехожая:
 «Уж ты здравствуй-ко ты, да доброй молодець!
 Я пришла-де просить у тя милостену
 Как для Христа-де Исуса царя небесного».
 Говорил-то Илья да таково слово:
- 20 «Уж ты гой еси, калика да перехожая!
 Я сижу ведь на пецьке равно тридцеть лет —
 Как не служат мои да руки белья,
 Как не ходят мои да ноги резвья.
 Я не то тебе подать, да готов сам принять».
- 25 Говорит на то калика да перехожая:
 «Если готов ты принять, дак я тебе подам».
 Подавала калика добру молодцу,
 Подавала краюшку дару божьёго.
 Кабы съел-то Илья краюшку дару божьёго —
- 30 Заслужили у ёго да ноги резвья,
 Заслужили у ёго да руки белья,
 Кабы стал говорить его говорок-езык.
 Кабы в ету ле пору вот во то времё
 Как калика-та от его да утераласе.
- 35 Как ставал тогды Илья да с пецьки-муравленки,
 Заходили у ёго да ноги резвья,
 Заслужили у ёго да руки белья,
 Уж как стал говорить да говорок-езык.
 Как выходит старой да он на улецю,
- 40 Он пошёл-де к отцу да ведь родителю.
 Увидал-то отець да Илью-сынá:
 «Уж ты как же, мой сын, како пришёл сюда?
 Кабы как у тя заслужили ноги резвья,
 Уж ведь как заслужили руки белья,
- 45 Уж ле как у тя ведь стал да голос ведь зык, говорок-езык?»
 Говорил на то Илья да сын Ивановиць:
 «Заходила мне калика перехожая,
 Попросила у мя она милостену
 Как для Христа-де ради царя небесного.

- 50 Отвечал-то кали́ке я перехожоей:
 „Я сажу-де на пещьке равно тридцеть лет,
 Как не то тебе подать, да готов сам принять“.
 А вынимала кали́ка краюху дару божьёго.
 Кабы съел-де Илья краюшку дару божьёго —
- 55 Заслужили у юго да руки белыя...
 (Мы, мат, тожо опеть пели, дак!)
 Заслужили у ёго опять да ноги резвыя,
 Кабы стал говорить да говорок-язык
 Выходил-то Илья да он на улещу,
 Заходил-де к своёму ронну батюшку.
- 60 Как увидал-де ёго да ронной батюшко».
 Кабы стал он звать ронно́го ины́ще батюшка:
 «Ты пойдём-ко со мной да на конюшон двор,
 У тя есть ведь, ведь там ище доброй конь».
 Походили оне да на конюшон двор,
- 65 Увидали они да тут добра́ коня,
 Кабы ел он пшану да белоярову.
 Говорит тут Илья отцу-родителю:
 «Кабы есь ле у тебя пришепи да богатырьския,
 Уж как есь ле у тя копьецё да бурзумецкоё,
- 70 Есь ле, есь ле у тя пали́ца буёвая,
 Кабы есь ле у тебя латы́ булатныя?»
 Как на то ле ему отвечал ронной батюшко:
 «Кабы есь у мя копейцо бурзумецкоё,
 Кабы есь у мя палица буёвая,
- 75 Кабы есь у мя ведь латы-ти булатныя,
 Кабы есь-то мя да ище доброй конь!»
 Как Илья-та ле стал всё подговаривать,
 Как отвязывал Илья ище добра коня,
 Как надевал-де уздецьку шамохацкую,
- 80 Надевал-де седелицо бурзумецкоё,
 Надевал на ся он латы-ти булатныя,
 Кабы брал с собой палицу буёвую,
 Кабы брал с собой копейце́ бурзумецкоё,
 Выводил-то Илья да нынь добра коня.
- 85 Как не видали посадку молодецкую,
 Не видали побезку лошадинную,
 Как увидели: в чистом поли только пыль стоит,
 Кабы пыль-та стоит, да дым столбом валит.
 Как поехал старой да чысту полю,
- 90 Как приехал по той дорожки прямоежжоей,
 Приежжат он первой со заставы великоей,
 Приежжат он ле к тим да черным грязям.
 Увидал он мужичков да новотокманов.
 Как мужички захватили добра молодца:
 «Ах, куда же ты поехал, куды путь держишь?»
 Как ведь стали за его да они грабитце,
 Кабы стали ёго да подговаривать.

- «Уж вы ой еси, ребята добры молодцы,
Уж вы ой еси, мужички да новотокманы!
- 100 Кабы взять-то у меня ведь нынче нечего,
(К)абы бить-то меня ведь нынче не за что —
Кабы есь у меня один да ищѣ доброй конь,
Кабы конь-от ле стоит вам во тысичу!
Кабы есь на мне шубочка ведь куня,
- 105 Она стоит ле ведь да во пятьсот рублей!
Кабы есь-то на мне да ище чуден крест,
Кабы-сь крест-от ведь стоит он во тысишу!»
Как ище того пуше мужички за его прималисе.
Кабы старой-от-де был на то ухватчивой,
- 110 Он выдергивал дерева подлѣннѣ,
Кабы стал он им махать да во все стороны —
Он убил всех мужичков да новотокманов.
Как оттуль ведь старой да опять путь дѣржал,
Кабы едѣт старой да по чысту полю,
- 115 Подъезжат к Соловью да он Рахматову.
(Давай отдохнѣм!)
Как поехал старой (к) Соловью Рахматову.
Как сидел-то Соловей да на семи дубах,
На семи-то дубах, на вѣсьми падубках.
Кабы едѣт Илья да по чысту полю,
- 120 Подъезжает он Соловью ище Рахматову.
У старого конь да подпинайтце,
На резвы ноги конь да приклоняйтце.
Кабы бѣѣт-то Илья коня по тучным ребрам:
«Уж ты ой еси ле, мой да ты ведь доброй конь!
- 125 Уж ты что же у мя да подпинаиссе,
Уж ты что же у мя да подваляиссе!
Не слышал ле ты в чистом поли вороньѣго граянья?»
Как на то ведь старой да был догадлевой.
Как берѣт ле ведь свой да ище тугой лук,
- 130 Он закладывает туда да калену стрелу,
Кабы стрелочке он да наговариват:
«Уж ты ой еси, моя да калена стрела!
Ты лети-ко повыше облака ходечаво,
Ты лети-то пониже красна солнышка,
- 135 Залети-ко ты Соловью ище инын в правой глаз!»
Полетела стрела ище по воздуху,
Залетела Соловью да вот ведь в правой глаз.
Как на то ле был старой ище ухватчивой —
Ухватил Соловья да на полетику,
- 140 Как не дал Соловью упасть на сырѣ землю.
Он ле клал Соловья себе (в) глубок корман,
Отправлялсе старой да в путь-дорожечку.
У старого-то конь да подпинайтце,
Кабы бѣѣт-то старой ище добра коня:

- 145 «Уж ты что же ведь, мой да ты ведь доброй конь,
Ты не можь меня везти да на себе-то ли?»
Говорит-то ему да ище доброй конь:
«Не могу я вас нести, да двух богатырей!»
Так догонулсе тогда ище старой казак:
- 150 «Как у мня-то Соловей да ни в кормани ле?»
Вынимал Соловья да из кормана он,
Как прикаливал хвосту ище конинному,
Как поехал старой ище б чыстом полём,
Увидала старого молода жона
- 155 Так того Соловья да Будимировы.
Говорит она теперь да до... своим дочерям:
«Уж вы ой еси, мои да дочки милья!
Как отець-от везёт да добра молодца».
Выходили они да вон на улецю,
- 160 Как смотрели они да во чысто полё,
Говорили своей да ронной матушки:
«Как не отець-от везёт да добра молодца —
Как везёт-то доброй молодець нашегó отца».
У Соловья-то ведь была да Будемировица,
- 165 Как была у ёго да молода жона.
Как на то она была ище догадльлива:
Как заходила она да на больши врата,
Поннимала подворотенку тяжёлюю,
Как хотела задавить да добра молодца.
- 170 Увидал-то Соловей да Будемирович,
Говорит-то своей да молодой жоны:
«Уж ты ой еси, моя да молода жона!
Не поннимай-ко ле ты тежолу воротенку —
Ты упрашивай-ко ты да добра молодца,
- 175 Ты давай-ко ему да золотой казны,
Выкупай-ко меня, да Со(л)... ой Соловьёшка».
Говорит на то старой да Илья Муровець:
«Мне не надо ле вашу золоту казну,
Вам не надо ле ведь мне ваше боґачество.
- 180 Выпускайте вы удалых добрых молодцов,
Отправляйте-ко вы их во страны свои,
Отправляйте-ко вы всех к вотцам-матерям».
Поежжат тогда Илья опеть в путь, да вперед держит.
Приеждал ле Илья да во стольной Киев-град,
- 185 Как заеждал-то к двору князя Владимирера,
Он слезывал-то, старой, да со добра коня,
Он привязывал ёго да к дубову столбу,
Заходил-де Илья в гриню княжонецкую.
Как встават-то Илья перед святым Боґом,
- 190 Кабы молитце Илья да Восподу Боґу,
Кабы крест-от кладёт да по-учёному,
Как молитву творит полу Иусову,

- На все стороны Илья да поклоняйтце,
 Как князю со княгиней на особицу:
- 195 «Уж ты здраствуешь, солнышко Владимир-князь!
 Уж ты здраствуешь, княгина да мать Апраксея!
 Уж вы здраствуйте, уда́лы добры молодцы!»
 Отвечат-то на то ище Владимир-князь:
 «Приходи-ко ты, удалый добрый молодец!»
- 200 Как откуль же идёшь да откуль прависсе?
 Как какой же ле ведь ты да нынь какой страны,
 Как какой-де страны, да ты какой Орды?»
 Говорит на то Илья да таковы слова:
 «Я ведь еду из города из Мурова,
- 205 От того еду села да Карачёгова,
 Как меня именем зовут Илья да сын Иванович,
 Уж я ехал дорожкой прямоежкой,
 По котора-то дорожка заросла давно.
 Как по ей ле ведь тридцеть лет нехто не хаживал,
- 210 И по ей-то ище нехто не ежживал,
 Кабы белой-от ведь заюшко не проскакивал,
 Кабы серой горносталя да не пролетывал.
 Я проехал все ведь за́ставы великия,
 Я привёз-де сюда да Соловья Будемировы».
- 215 Кабы все-то народ да приудрогнули,
 Кабы все-то народ да испужалисе.
 Как походят они да вон на улецу
 Как смотреть Соловья да Будемировица,
 Выходили они да вон на улецу,
- 220 Как говорят-то Соловью да таковы слова:
 «Уж ты ой еси, Соловей да Будемирович!
 Заревни-ко ведь ты да по-зверинному,
 Засвисти-ко ведь ты да по-соловьинному!»
 Отвечал Соловей да таковы слова:
- 225 «Я не ваше ведь ем, не ваше кушаю,
 Я не вас-то сейчас да ведь я слушаю».
 Говорили они Илью Ивановичу:
 «Ты прикажи-ко и ему да зареветь сейчас,
 Как пускай он заревёт да по-зверинному,
- 230 Как пускай засвистит по-соловинному!»
 Приказал ему старой свистеть по-соловинному,
 Как реветь-то ему да по-зверинному,
 Да вот велел-то ему ревить в полúсвиста.
 Заревел тогда Соловей да во полúсвиста —
- 235 Кабы царя-та князя гриння с рёву зашаталасе,
 Как столы-ти ведь все да завальлялися,
 Кабы пиццы-те все да прирассыпались,
 Как дороги-ти вина все розьливалисе.
 Кабы все-то старóго приухвалили,
- 240 Кабы все-то старóго ведь проздравили,
 Кабы все-то старóго на пир приняли,

- Кабы все-то ле им сталі довольныя.
 Кабы солнышко батюшко Владимир-князь
 Подарил-де старому как подарочки,
 245 Одарил-де старого Илью Муромца,
 Кабы все-то старóго на пир приняли,
 Кабы все-то старым были довольныя,
 Кабы старóму приказали Соловья убить,
 Кабы не было ёго чтобы на всём свети.
 250 Кабы тем-то старинá да ета кончилась.

№ 55

- Уж ты гой еси да Илья Муромец,
 А и гой еси да сын Иванович!
 Со рожденья он ведь ходить не мог,
 Он сидел, Илья, да ровно тридцать лет,
 5 Он на той печи да на муравленке,
 Он без рук, без ног сидел, без памяти.
 Приходили тут да слуги верные,
 Слуги верные, друзья любимые.
 А зашёл тут калика убогая,
 10 Он спросил у его ковш воды испить.
 Говорил ему да Илья Муромец:
 «Не могу сойти я со того местá,
 Я со той печи да со муравенки.
 А сижу, говорит, на печке ровно тридцать лет,
 15 Нет ни рук, ни ног, нет ни памяти».
 Напивали тут да слуги верные,
 Напивали ему чару великую.
 Подходили, говорили Илье Муромцу:
 «Уж ты гой еси да Илья Муромец,
 20 Уж ты гой еси да сын Иванович!
 Ты сотроньсе-ка да со того места,
 Ты со той печи да со муравленки».

(Он сотронулся, встал, и руки-ноги пошли, и стал он большим богатырем. После воевал он с кем-то, с кем, уж не помню, но победил его.)

№ 56

(Это я все не запомнила дак. Ну, рассказывали:)

- Сидел он тридцать лет. Закован был в темнице, в замках, в земли, без ног. А отец с матерью были у него уже старые: ну, что ж, он тридцать лет сидел. И вот пошли отец с матерью на поле пахать. (Тогда пахали на лошади.) Вот. Пашут. Пошли пахать, а его оставили посматривать, там ему наказывали. Ну, и пришел к нему старец. Старец пришел и говорит ему: «Долго ли будешь, Илья Иванович, сидеть закованной в цепях без ног?» — (Ну, так.) — «А сколько, говорит, Бог повелел». А он и ушел, старец.
 5 На другой день опять отец с матерью ушли пахать полоску. И опять так же. Этот старичок, старец, пришел к нему и говорит: «Ну, Илья Иванович, глони из этого кувшина воды, глони из этого кувшинчика

воды глоток». Ну, он и глонул. На другой, на третий день опять пришел, принес водицу. Спрашивает у него: «Полегдало — нет?» А ему немного стало полегче. Налил опять. Опять ему дал глонуль воду. 10 «Сейчас тебе из третьего родника принесу воду», — старец, он опять пришел к нему. Дал глонуль воды. Илья хотел глянуть — его уж нет, этого старичка. Илья сел. Сел — и ноги появились. Ноги появились — он и пошел. Пошел. Его ноги встали. Он обрадовался.

Пошел к отцу-матери на поле. Мать увидела — идет сын. Мать в обморок пала. Как это так? Столько лет сидел без ног — и идет! Ну, пришел. Спрашивает отец, мать: «Ну, как ты? Как идешь. 15 Ног не было и идешь?» Ну, он тогда рассказывает: «Ко мне три дня подряд приходил дедушко, приносил воду. В первый день пришел, спросил: „Долго будешь сидеть?“ — Сказал: „Сколько Бог повелел.“ Он мне дал глоток воды испить. Ну и ушел. Мне стало полегче. На другой день пришел. Опять принес. Глоток дал глонуль. Я испил. А на четвертый день пришел, принес четверть кувшина. Я испил и пошел. Вот. Пришел». Отец с матерью возрадовались. Мать сперва в обморок пала, а потом уже всё. А потом 20 поверила. А рядом пашет отец на кобыле. А такой хороший жеребенецек. Вот Илья Муромец и говорит: «Пойду-ка я к соседу. Там оставляю своего жеребенецка. И пусть он у меня растет, этот жеребенецек, не по дням, а по часам, не по месяцам, а по часам. И вот этого взял жеребенецка вороного и стал растить. И он у его за несколько месяцев вырос такой конина, на котором он и ездил. И вот он стал на этом коне ездить. *(Ну, и я тут забывать стала. Только я так слыхала.)*

№ 57

Жили-были мужик да баба. У их был сын. Сын этот был нездоровый. Тридцать лет и три года был он без рук, без ног и слепой, не видел. Ну, отец да мать у его пошли цистить полё. Сын этот лежит на кровати. Сын лежит на кровати, отец да мать его ушли, заходят к им в дом два целовека, прохожаи 5 какие-то незнакомыи. Поздоровались. «Проходите, говорит, ребята». Они по полу прошли. «Давай, вставай, говорят, принимай гостей. Поддай, говорят, нам хоть по чары зелена вина». Он говорит: «Ой, робятушки, я не то вам подать, я от вас принять рад, я лежу тридцать три года без рук, без ног и слепой».

Ну, они подумали, сами промежү поговорили, вымают бутылку. Вамают бутылку, наливают стопку, поднесли ему ко кровати. «Ну, говорят, говоришь, ты рад от нас принять, так вот тебе, выпей от нас 10 чару зелена вина». Он говорит: «Я в руки сам не могу взять и на ноги не могу стати. Ну, говорит, давай, поднесите ближе, я ведь глотать могу». Они поднесли, в рот ему вылили, он поглотал это, выпил, и стал вставать с койки. С койки встал и пошел по полу. Начал по полу похаживать, поскрипывать. Они поглядели на него, посмотрели: «Ну, говорят, сколько ты чувствуешь, имеешь ты над собой силы?» Он говорит: «Я чувствую нынче сил столько, говорит, что если бы было вокруг земли-матери кольцо, так я бы всю мать-землю вокруг повернул».

Они подумали, переговорили промежду собой и говорят: «Его не будет земля-мать носить, у него 15 надо силу убавить». Они вынимают другую бутылку, наливают опять ему стопку: «Ну-ко, говорят, давай, вторую выпей». Он опять взял, тут уже сам, своими руками взял вино, выпил и похаживает по полу. Они опять спросили: «Ну, говорят, как перед давешним чувствуешь сам себя? Сколько силы имеешь в себе?» — «Да, говорит, перед давешним вполонину, говорит, меньше я чувствую». — «Ну ладно, говорят, 20 тогда живн, а мы пойдем».

Ну ладно, они тут попрощались и ушли, эти прохожаи два. Он обулся, оделся и пошел к отцу, к матери, где его отец с матерью поле чистят. Отец с матерью увидали: смотрят — он идет, сын ихний. Подошел. Они в обморок пали, просто это... тридцать три года уже лежит, не встает.

Ну, тут он подошел, их поднял и стал им помогать поле чистить. Поле это было возле озера, так он 25 лесину возьмет, с кореньями оторвет, мечет в озеро, сколько сил у его много, не только что он топором... Ну, метал он и метал, лесины рвал, много он тут места вычистил, озеро всё замуромил. А его звали Ильей. И его прозвали поэтому стар казак Илья Муромец: он замуромил, всё заметал озеро. Ну, мать и отец стали ему говорить: «Хватит тебе, давай пойдем домой». Пошли домой. Дома он немного пожил,

несколько суток, стал у матери-отца просить благословения ехать в стольный Киев-град. Они ему это
 30 благословение, решений не давали, говорят: «Ты столько лет лежал да стал ходить и хочешь уехать
 от нас». А он говорит: «Да ведь я и без благословения поеду, все равно пойду, мне охота съездить
 и дайте-ко мне-ко коня». Ну, они поплакали, поплакали, ничего не сделаешь, коня ему хорошего дали,
 и он поехал на кони.

Едет. Ехал он, ехал он — стоит на росстáнях столб. Приколочена на столб доска, на доске написано:
 35 «По одной дороге поедешь — богатый будешь. По второй дороге поедешь — женатый будешь,
 по третьёй дороге поедешь — живой не будешь». Он думал-подумал, сидит на кони. «А на что мне, говорит,
 на старого богатство, а на что мне на старость жанится. А я поеду лучше по той дороге, по которой жив
 не буду». И поехал. Едет — лес видит. На лесу сидит там Сóловей Рахматович. Он заселился там, сидит
 40 тридцать лет и свистóm людей убиват. Если что, целовек идет, едет ли откуль ли, он засвистит во весь
 полон свист, целовек не может переносить, просто падат и умирает.

Ну, едет — Сóловей Рахматович сидит. Соловей Рахматович увидел этого человека, он засвистел, заре-
 вел во весь полон свист. У его конь на коленци пал, а он все равно не пал, сидит на коне, все равно
 сильный. Он коня хлопнут по спине: «Ах конь, говорит, ты конь, травяной мешок. Не видал, говорит,
 ты, не слышал ты воронийного граянья, соловьиного посвисту». Конь встал на ноги. А у него была стрела,
 45 лук. (Это раньше орудия такая была, лук да стрела.) Он зарядил стрелу, навел на Соловья Рахматовича
 стрелу и стрéлил, и приговаривал: «Лети, стрела, выше леса, выше темнаго, выше облака., залети
 Сóловью в правый глаз». Стрела полетела, залетела Сóловью, куда он наметил, Соловью в правый глаз.
 Соловей не замог там сидеть, там, на дубах сидел, на семи дубах сидел, на семи поддубках, ну он не
 замог сидеть, встал, полетел. И этот стар казак Илья Муромец подгонил его, и он пал, полетел, он
 50 подгонил его и на коня его взял себе. Ну, он не убился, он живой, он только не замог, у него глаз
 прострелили. Взял его на коня и поехали вместе.

Ехали они близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли. Приехали они в стольный Киев-град. Там цари
 собрались, пируют, собраны бояре толстобрюхие. Гуляют, пьют тут, веселятся. Ну, этот стар казак Илья
 Муромец зашел, который лежал тридцать три года. Зашел, поздоровался, поклонился, все тоже
 55 поздоровались, видят — целовек незнакомый, спросили: «Откуль, говорят, прависся, куда путь дер-
 жишь?» А он говорит: «Я вот оттуль и оттуль правлюсь, говорит, по той-то, по той-то дороге». А они-то
 говорят: «Ох ты, добрый молодец, не пустым ли ты да похваляешься? Эта дорога уже запала тридцать
 лет. Добрый молодец не прохаживал по этой дороге, черный ворон не пролетывал. Заселился тут Соловей
 Рахматович, свистом людей убиват». Он говорит: «Да если, говорит, вам надо поинтересоваться, посмотреть,
 60 я, говорит, могу Сóловья Рахматовича в избу к вам завести, если вы разрешите да если вам желательно
 посмотреть». Они у царя попросили разрешения, царь дал разрешение, и сам хочет посмотреть. «Давай,
 говорит, заведи, если ты так говоришь, если есть он у тебя». Он пошел, попросил у него, Соловей
 Рахматович слезат с коня, заходит в избу: ему уже деваться некуда. Зашли в избу, Соловей Рахматович
 тоже поздоровался, люди с ним поздоровались. Ну, царь ему сказал: «Ну, говорит, давай». (Он этому
 65 сказал, Ильи-то Муромцу.) «Давай, говорит, заставь ему засвистеть, вот мы слыхали, что он свистóm
 людей убиват, дак в полúсвиста, только не во весь полон свист». Он ему сказал, приказал, а он, Соловей
 Рахматович, осердился тоже, что там вот так сделали, он заревел, засвистел, да во весь полон свист.
 Тут люди со свисту его, кто живой, дак живой остался не живой, так много мертвых оказались, не могли
 это вынести его. Мало живых остались, ну царь, правда, тоже живой, кое-как живы остались, но много
 70 мертвых. Ну, тут царь тоже рассердился. Ну, царь и... переговоры и вынес такое решение: этого
 Соловья Рахматовича чтобы убнть, а старого казака Илью Муромца посадить в темный погреб на тридцать
 лет. (Это который привез-то его.) Ну, раз царь приговорил, такое решение вынес, они выше царя тоже
 не могут. Соловея Рахматовича убили, а старого казака Илью Муромца посадили в темный погреб на
 тридцать лет. Приказал царь слугам, слуги свели, посадили его. Сидит. Ну, ладно, сидит.

75 А это у царя жена вздумала его там ходить, пропитывать ему, его кормить в темном погребу. Стала
 его ходить пропитывать, еду ему стала носить, а он сидит, попросил книгу Евангелие читать, это старинну
 книгу. «Мне, говорит, сидеть так скушно». Ну, там како-то освещенье там тоже есть ему, немножко.

Жена эта у царя, принесла царица ему книгу, а от этого царя воровски, чтобы царь не узнал. Она ему принесла книгу, еду носит его пропитывать, живет стар казак Илья Муромец.

- 80 Проходить уже стало тридцать лет, уже исполнилось, он все жив сидит. А после кака-то война стала. Эта война пошла на царя. А царю обороны нету. У царя оборонить некому. Он тогда это вспомнил и стал говорить: «Да, говорит, был бы стар казак Илья Муромец, дак может быть оборонил бы меня». А жена у царя, эта царица и говорит: «А может, говорит, он и живой сидит?» Она-то знает, что он живой сидит. Кормит его ходит. А царю-то не сказыват. Он и говорит: «Ох ты, говорит, баба, волос у тебя долог, да ум короток. Может ли, говорит, целовек тридцать лет без мяса сидеть в погребу, говорит». А она всё равно настоит: «Все же, говорит, надо посмотреть». Ну царь и решил, и слуг послал. «Сходите, говорят, посмотрите в темный погреб, как там стар казак Илья Муромец, есть, нет, говорит, жив». Слуги пошли у царя, погреб открыли, посмотрели — он сидит, бел, как куропат, голову согнул, смотрит книгу Евангелие читат. Слуги сказали. Говорят: «Стар казак Илья Муромец, тебя царь просит выйти на поверхности».
- 90 Он головы не поднимат, сидит, всё читат. Он только осердился, что его так царь посадил. Они три раза ему так говорили, он всё сидит, головы не поднимат, книгу Евангелие читат. Пришли, царю доложили, царь подумал, стал жену свою посылать: «Ну-ко, говорит, сходи ты, может, он тебя послушает». А та дело знает уж, его пропитыват, да то всё это такое, пришла: «Ну, говорит, стар казак Илья Муромец, вот так-то, так, меня хозяин послал к тебе». Он закрыват книгу Евангелие, выходит из погреба,
- 95 ей послушал (*всё-таки она кормит там*). Послушал, вышел из погреба, вылез он, как бел кúропат. Ну, тут царь посмотрел, поглядел, удивился все это, ну тут стал его просить: «Давай, говорит, стар казак Илья Муромец, послушай меня, пожалуйста. На меня, говорит, войной пошли, меня, говорит, оборонить некому. Не мог ли меня оборонить, как-то меня тут защитит³». А раньше никакой орудии не было, механизации никакой не было, только поедут на лошадках да пешком пойдут. Он говорит: «Конь есть у тебя хороший?» — «Есть», — говорит. — «Ладно, говорит, приготовь два коня, поедем с тобой в чисто поле». Царь заставил слугам, коней подготовил, на коней настелили постилку, ковры, и поехали, отправились царь да стар казак Илья Муромец.

- Выехали они в чисто поле, там на его, в общем, тут така Орда неверная, народ — на царя. Этот стал казак Илья Муромец по чистому полю поезживать, у него така орудия, какая-то палица буювая была, этой палицей буювой помахивать, по людям поезживать, кого махнет, коснет, так на две, на три части целовек... Этак поезживал, поезживал, поваживал палицей буювой, всю эту Орду присек. Ну, и остались они с царем, поехали домой. Тут царь опять собрал какой-то пир, начал угощать старого казака Илью Муромца, потом старого казака Илью Муромца взял к себе уж, как на престол тут, на содержание, стал поить, кормить его, хорошо держать, ну, правда, он тут постарел, жил немного, потом он старый был и умер. (*Вот и всё, кончилось представленья, сказке конец.*)

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

№ 58

- Поехал старóй в стольней Киев-град
 Посмотреть князя со кнегиною,
 Купцёй — людей торговых,
 Всех христиан православных.
- 5 Стар был на коне наусед-седой,
 Под старым был конь наубел-белой.
 Выеждял он на ростани на широкия,
 Лежит на ростанях сер-горюч камень,
 Есь тут на камешки подписано,

- 10 Подрезами в камешек зарезано:
 «Есть тут от камешка три дорожецки:
 По одной дорожке ехать — быть богатому,
 По другой дороге ехать — быть женатому,
 По третьёй дороге ехать — живому́ не быть».
- 15 Тут стал старой, прираздумалса:
 «Ехать мне в ту дорожку, где быть богатому, —
 На старость богачство — души па́губа;
 Ехать мне дорожецку, где быть женатому, —
 На старость мне жениться — чужа́ коры́сть;
- 20 Лучше я поеду в ту дорожецку,
 В кото́ру живому́ не быть».
 Заростала та дорожка триццеть лет,
 Заселилса тут Со́ловей Рахматович:
 Кто в эту дорожецку заезживал,
- 25 Тот обратно не выезживал.
 Поехал старой в ту дорожецку,
 Где живому́ не быть.
 Одной рукой коня ведёт,
 Другой рукой сыры́ дубы́ рвёт,
- 30 Версто́вые столбики он повывставил,
 Калиновы мостики повывмо́стил.
 Приеждает ко за́ставе ко первой:
 Нако́паны тут по́гребы глубокие,
 И наставлены ко́пья вострые.
- 35 У ста́рого конь тут обрюшился,
 Соскакивал старо́й со добра́ коня
 И бьёт по круты́м бедрам:
 «Ох, ты конь, мой конь, травяно́й мешок,
 Зачем ты обрюшился?»
- 40 Вытаскивал старо́й тут добра́ коня́,
 Опётъ поехал вперёд по дорожецьке.
 Подъеждает ко заставе ко второ́ей.
 Сидит тут Солове́й Рахматович,
 Сидит Со́ловей на двенаццети дубах,
- 45 На тринаццети мелких па́ддубков.
 Засвистел Со́ловей по-соловьиному,
 Зашипел по-зме́йному —
 Тут у ста́рого конь на коленца пал,
 Бьёт старо́й по крутым бедрам:
- 50 «Ох, ты конь, ты конь, травяной мешок,
 Не слышал ты граю вороньего?»
 Тут и стал старо́й свой туго́й лук,
 Зарежат тут калену́ стрелу́,
 (Прежде богатыри с стрелáми ездили.)
 Стал стрелки наговаривать:
- 55 «Ты лети, стрелка, выше лесу, выше тёмного,
 Ты лети, стрелка, ниже облака ходячего,

- Не падай ты, стрела, ни на́ воду, ни на́ землю,
 Полети ты, стрелка, Соловьёю прямо в правый глаз,
 Пра́вым глазом, стрелка, за́лети,
 60 А левым глазом, стрелка, вылети!»
 Пра́вым глазом стрелка за́летела,
 Ле́вым глазом стрелка вы́летела —
 Тут и пал Соловей на сырую землю.
 Посадил тут он Соловьёя на степ лошадиную,
 65 Путал пúтами шелко́выми,
 Поехал опять он тут вперёд по дорожке.
 Были у Соловьёя семь дочерей любимых
 И семь зятевьей любимых.
 Едет — подъезжает к дому ихнему Соловьёину.
 70 Увидала тут дочи бо́льшая,
 Говорит: «Отечь-от едет — мужика везёт».
 А увидала тут дочи меньшая,
 Говорит: «Мужик-от едет — отчя везёт».
 Тут и начали они зарезать туги́ луки, зятевьёя его.
 75 Говорит Соловёй тут Рахматович:
 «Не натегайте туги́ луки́,
 Не зарежайте калены́ стрелы́,
 Просите лучше у доброго молодца меня к себе,
 Сулите злата-серебра».

80 Он не приворотил, поехал в стольный Киев-град посмотреть князя со кнегиною. Приезжает тут в стольне Киев-град. Тут идёт пи́ро́ванье-столова́нье на весь мир. Он тут тоже сел. Он, старой-от козак, велел засвистеть в полсви́ста, а он засвистал во весь свист. Старо́й осердилса, привезал Соловьёя за хвост коню и пустил в чистое поле. *(Дальше не знаю. Чуть ли и не кончилась тем старинка.)* Так он и очистил дорожку прямоезжую.

№ 59

- Поехал старо́й козак по дороге по широкой,
 Дорога была — ко́са саже́нь.
 Приезжает старо́й козак да к росста́ням,
 Написано на росста́нях три адреса:
 5 На одном адресе написано — женатому быть,
 На другом адресе написано — богату быть,
 На третьем адресе написано — живому не быть.
 «На что мне на стары дни женату быть,
 А на что мне на стары дни богату быть?»
 10 А вот я лучше поеду по дороге премоезжей,
 Лучше мне живому не быть».
(Не было у него родных, тридцать лет сидел калекой.)
 Едет он по дорожке премоезжей,
 Приезжал старо́й ко сыру́ дубу́,
 Засвистал Соловей в полсви́ста —

- 15 Спотыкнулся конь ретивой,
Засвистел тогда Соловей в полный свист —
Пал конь его на коленки.
«Конь ты, мой конь, травеной мешок!
Не видал ты, говорит, побегу звериного,
- 20 Не слышал ты полёту тетерьего?»
Напрегал тогда старой тугой лук,
Напровляя стрелу калёную,
Вот он стрелил тогда Соловья в правой глаз.
(Он на семи дубах сидел.)

Тогда он вылётывал из гнезда, как овсяный сноп. Брал старой его на добра коня. Поехал к его двору.

25 Он подъезжал к воротам высоким. Выходила его ронная жена, просила его: «Ой вы еси, добрый молодец!
Оставь, говорит, моего мужа на покание, дам тебе золотой казны».

Подъезжал старой к воротам высоким. Тут заметил — стоит сторожа. Тогда поехал старой в стольне Киев-град и увёз с собой. (Дальше не знаю.)

№ 60

- Во славном городе во Уроме,
Во том селе Карачаеве
Был детинка тридцати лет,
Из речей детинка выговаривал:
- 5 «Уж ты ой еси, мать моя родимая!
Ты мне дай благословеньцо великое —
Мне итти нонче, ехать в стольной Киев-град,
Мне прямой дорогой прямоезжею,
Прямоезжей дорогой, малоезжей,
- 10 Котора пустела цела тридцать лет».
Говорит тогда матушка ему родимая:
«Прямой дорогой ехать — тебе живу не быть».
Просит от ей коня доброго.
Выводила она ему коня доброго,
- 15 Выносила сбруню лошадиную.
Выносила ему саблю вострую,
Выносила ему копейцо бурзоецкое,
Указала ему палицу буёвую,
Не малу, не велику — девяносто пуд.
- 20 Седлат он, уздат коня доброго,
Перехрестникок кладет через хребетну степь,
Он не для ради басы — ради крепости:
«Не оставил бы меня доброй конь во чистом поле».
Тогды седлат он, уздат коня доброго,
- 25 Кладет все доспехи богатырские.
Приготовил своего коня доброго,
Распрошашаитце тогда со своей родной матерью.
Тогда садилса молодец на добра коня,
Едет детинка по чисту полю,

- 30 Едет он ступцёй бродовой.
Он доехал до столба номерована,
Написаны надписи немецкие:
Мне по первой бы дорожки ехать — быть женатому,
Мне по второй ехать — быть богатому,
- 35 Мне по третьей дорожке ехать — живу не быть.
Говорил детинка таковы слова:
«Мне вить, старому, женицца, пожалуй, не для чего,
Старому женицца — чужа корысть.
А мне богасьво, пожалуй, — не к диковинки.
- 40 А я поеду той дорогой прямоезжей,
Прямоезжей дорожкой, малоезжей,
Которой дорожкей живу не быть».
Он доехал до болот до дыбучих,
Он сидит и роздумывает на своем коне добром:
- 45 «Я из Урома ехать до стольного —
Не ставать молодцу со добра коня,
Разрушить мне-ка будет свой велик залог».
Спускался молодец со добра коня
Левою рукою он коня ведёт,
- 50 И правую рукою сыро дубьё рвет,
Сыро дубьицо рвёт, себе-ка мост мостит.
Настелил себе мостики каленые,
Переехал он болота все дыбучие,
Тогда скакал на своего коня доброго,
- 55 Едет детинка по чисту полю.
Приезжал к второй заставы великой,
Стоят мужики малокерчана,
Их не мало, не много — сорок тысячей.
Подъезжат к этой силушки великой.
- 60 «Уж вы братья-мужики малокерчана,
Где эта дорога прямоезжая,
Котора лежит в стольной Киев-град?»
А не то ему сказать — его убить хотят:
Стали молодца тогда поддерживать,
- 65 Коню доброму копьём бока потыкивать —
Сидит молодец, посмехаицца.
Тогда берет он в руки палицу буювую,
Он поехал вдоль по силушки великой,
Во праву руку махнёт, дак лежат улицей,
70 Во леву руку махнёт, дак — переулками.
Он вырубил всю рать-силу великую.
Тогда выезжал он на горы на высокие,
Завидел удала добра молодца
Соловешко его Рахматьевич.
- 75 Засвистел Соловей по-соловьинуму,
Зашипел Соловей по-змеиному —
Его добрый конь подпинаецца,

- О сыру землю носом подпираецця.
Он бил своего коня доброго,
80 Он бил его, ломал по тучным ребрам:
«Ах ты волчья сыть, травяной мешок,
Не слышал ли ты свисту соловьиного,
Не слышал нашего крику богатырского?»
Берет в руку правую тугой лучок,
85 Он вкладывал стрелочку каленую,
Ко стрелы молодец приговаривал:
«Уж ты, стрелочка моя калёная,
Калена стрела, муравлёная,
Ты не падай не на горы, не на воды,
90 Не спускайся во темны леса дремучие,
Разлетись Соловеюшку во правой глаз!»
Полетела стрела, взвыла заплакала,
Она не пала не на горы, не на воды,
И не спустилась на темны леса дремучие,
95 А разлетелась Соловеюшку во правой глаз.
Свалился Соловей со семи дубов,
Со семи дубов, семи поддубышов.
Подъезжат молодец не дремаючись,
Скакал на своего добра коня,
100 На добра коня садна вперде себя,
Приезжали ко палатам соловьиным —
Из окошечка увидела больша́я дочь:
«Видно, татушка едет, мужика везет».
Бросилась в окошко сама меньша дочь:
105 «Врите, мои сестры все любимые,
Мужик-от ведь едет — везет татушку».
Тогда становитца удалой доброй молодец
У тех палат соловьиных:
Большой-ёт сын бежит — в руках топор ташшит,
110 Ешщё меньшой бежит со тупицею,
Большая дочь бежит — в руках ковш ташшит,
А меньша бежит с помешавкою.
Говорил Соловеюшко Рахматьевич:
«Да несите мои ноне золоты ключи,
115 Отпирайте мои погребы глубокие,
Откупайте меня золотой казной».
Поехал тогда доброй молодец,
Увез Соловья в стольной Киев-град.
Приезжал он ко стольному Киеву,
120 Едет детинка вдоль по городу,
Едет ко ограды ко церковной,
Где поют — служат обедню воскресенскую.
Спускался детина со добра коня,
Вяжет своего коня доброго,
125 Насыпал ему пшеницы белояровой,
Наливал воды сладкой-медовой,

- Он идёт тогда во храм-церковь соборную.
 Он кресты то кладет по-писанному,
 Поклон ведёт по-учёному:
- 130 Он кланяется на все четыре стороны,
 Владимиру с княгиней — на особину.
 Ставал молодец на праву руку,
 Где стоят те ли русские богатыри,
 Позаде паленицы преудалые.
- 135 Тут подходит Олешинька Попович блад:
 «Ты здравствуешь, удалой доброй молодец,
 Ты какой земли, какого города,
 Ты какого отца, которой матери,
 Тебя как, молодца, именем зовут,
- 140 Величают тебя из отечества?»
 Ответ держит удалой доброй молодец:
 «Не то нонь поют, не то и слушают.
 Нонь поют — служат обедню воскресенскую».
 Отходила обедня воскресенская,
- 145 Выходят все вон на улицу,
 И выходит удалой доброй молодец.
 Он стоит у своего добра коня
 За той за оградой за церковной.
 Приходил к ему солнышко Владимир-князь:
- 150 «Уж ты здравствуешь, удалой доброй молодец,
 Тебя милости к нам просим на почесен пир!»
 Садилса Илья на своего коня доброго,
 И едет детна вдоль по городу,
 Он воротит ко ограды княженецкой,
- 155 Он заводит во ограду княженецкую,
 Тогда вяжет своего коня доброго
 Ко тому ко столбу ко дубовому,
 Ко тому ко колечку ко серебряну.
 Заходит он в гридню светлую,
- 160 Во те ли палаты княженецкие,
 Он Богу не молитца и челом не бьёт,
 Только кланяется на все четыре стороны,
 А Владимиру с княгиней на особину.
 Посадили тогда добра молодца
- 165 Во большо место — за переднён стол,
 Подносили ему чару зелена вина,
 Хоть не малу, не велнку — полтора ведра.
 Он беретца, детинка, единой рукой,
 Выпивал эту чару единым духом,
- 170 Единым духом да одним помахом —
 Не оставил во чарочки и в глаз пустить.
 Говорил тогда солнышко Владимир-князь:
 «Уж ты ой еси, доброй молодец!
 Ты какой земли, какого города,

- 175 Какого отца, которой матери,
Тебя как, молодца, именем зовут,
Величают удалого из отчества?» —
«Зовут, говорит, меня Илеюшкой,
Величают меня — сын Иванович,
- 180 Я из славного города из Урома,
Из того из села Карачаева.
Ехал я дорогой прямоезжей,
Прямоезжей дорогой, малоезжей,
Котора пустела целых тридцать лет.
- 185 Туды ясной сокол не пролетывал,
Серый волк туда не прорыскивал,
Доброй молодец удалой не проезживал.
Настелил я себе мостики каленые,
Переехал все болота я дыбучие,
- 190 Уж я вырубил всю рать-силу великую,
Братьев-мужиков малокерьчанов,
Их не много, не мало — сорок тысячей,
Не оставил живой души на сѣмена,
Привез я Соловья вам в стольной Киев-град».
- 195 Говорил тут Олешенька Попович блад:
«Пустым, молодец, похваляйся,
За винною чарой завираешься».
Говорил тогда Илеюшка Иванович:
«Уж ты ой еси, Олешинька Попович блад!
- 200 Спустишь-ко, Олешка, на сыру землю,
Веди от моёго коня доброго,
Веди Соловеюшка Рахматовця
Во эту ли гридню светлую,
Во те ли палаты княженецкие».
- 205 Выходил Олѣшка вон на улицу,
Стоит Олѣшка на белом крыльце,
Он не смет спуститця со бела крыльца,
Говорил тогда Олѣшка таковы слова:
«Уж ты ой еси, Соловеюшко Рахматьевич!
- 210 Тебя милости просим на почесен пир». —
«Не твое я пью нонче кушанье,
Не тебя я, Олѣшинька, послушаю».
Заходит Олешка назад в гридню светлую,
Во те ли палаты княженецкие.
- 215 «Не слушат, говорит, меня Соловеюшко Рахматович».
Скакал Илейка через дубов стол,
Спускался Илейка со красна крыльца,
Он ведет Соловья на красно крыльцо,
Берет его за право крыло,
- 220 Заводил его в гридню светлую,
Во те ли палаты княженецкие.
Говорил тогда удалой доброй молодец,

- Уж и тот же Илеюшко Иванович,
 Говорил-то он таковы слова:
 225 «Засвисти-ко, Соловеюшко, в четверть свиста».
 Засвистел Соловеюшко во полный свист —
 Княженецкие палаты все пошаталисе,
 Питья на столах все проливалисе,
 Упал тогда Владымер со резвых ног,
 230 Пал он на óпромень,
 Бояра по застолью все напоззались.
 Тогда осердилса Илеюшка Иванович,
 Берет Соловья за право крыло,
 Выводил Соловья вон на улицу,
 235 Спускал его со красна́ крыльца,
 Опускал его о сыру землю,
 О сыру землю, о горяч камень,
 Кончил его он тут вечну жизнь,
 Розóрвал он его начётверо,
 240 Разметал он его по полю чистому,
 По тому роздолью по широкому,
 Худым птицам на съеденьицо.

№ 61

- От того от моря от синего,
 От того от океана Ледовитого
 Ехал старóй да Илья Муромец на добрóm конí.
 Едет старóй — только куревá стоит, дым столбом валíт,
 5 Из-под копыт прямо летит, прямо за́ версту.
 На конí Илья сам бел-белóй,
 Бел-белóй, уж сед-седой.
 Приехал старóй на первóй застав,
 На застáвы три столбика стоят,
 10 Стоят да три столбика дубовые,
 На столбики дощечки приколочены,
 На дощечках подписи подписаны,
 Золотыми нумерами надрезы надрезаны:
 «Первú дорожку мне ехать — живому не быть,
 15 Вторú — мне богатому быть,
 Третью — мне женатому быть».
 Подумал старóй своим умом богатырским:
 «Смóлodu было богатство не нажито,
 На старость мне — душа па́губа,
 20 Смолоду было не же́енось,
 А на старость жениться — чужá коры́сть.
 В чистóm полí старóму смерть не писана,
 Поеду в ту дорожку да неéзжену,
 Поеду в ту дорожку прямоезжую».

- 25 Заросла дорожка эта тридцать лет;
Добрый молодец туда не проезживал,
Ясен сокол туда не пролётывал,
Добрый молодец туды не прохаживал:
На дороге живет Соловей Рахматович,
- 30 Не спускает он ни конного, ни пешего.
Левой рукой старой Илья Муромец коня ведет,
А правой — дубья рвет,
Дубья рвет и мосты мостит.
Едет старой опять вперед,
- 35 Стоят тут три мужичка, три богатыря,
Хотят старого схватить за черны кудри.
Говорит да Илья Муромец:
«Ой вы еси, мужички, русски богатыри!
Бить-то вам меня не за что,
- 40 Взять-то вам у меня нечего,
Только есть на шеи чуден крест позолоченый».
На то мужики пуще обзаводились,
Хватать стали Илью Муромца.
Разгорелось у Ильи сердце богатырское,
- 45 Он схватил всех трех во белы руки,
Бросил их о сыру землю,
И тут мужицкам и смерть случилася.
Едет опять Илья Муромец вперед,
Опять приехал на заставу великую.
- 50 Сидит тут Соловей Рахмантович
На двенадцати дубах, на двенадцати поддубинках.
Закричал Соловей по-змеиному,
Заревел Рахмантов по-соловьиному,
Испужался у старого доброй конь, конь богатырский,
- 55 Припал он на колена.
«Ой ты, конь, ты конь, лошадь добрая,
Не слышала разве ты крыку соловьиного,
Не слышала разве ты крыку вороньего?»
Справился у старого конь.
- 60 На кони сидит, лук принатыгиват,
Калёную стрелоцку накладыват,
Сам ко стрелки приговариват:
«Ты лети, стрелка моя калёная,
Калёная стрелоцка, перёная,
- 65 Ты не на воду падн, стрела, не на землю,
А попади ты Соловью во правой глаз,
И вылети ты, стрела, ухом левым!»
А на лету старой был ухватчивой —
Полетел с дубу Соловьешко.
- 70 Ухватил старой его правой рукой,
Не допустил его до сырой земли,
И привязал его к стремени булатному,

- Приковал ко стремяни лошадиному.
Едет Илья опять вперед в стольне Киев-град.
- 75 Увидела Соловья мать родимая, гроза великая:
«Ой еси ты, Илья Муромец,
Почему везешь ты моего сына?
Не пропущу я вас в стольне Киев-град,
Не спущу к солнышку Владимиру!»
- 80 Говорит Соловей матушке родимой:
«Не твое теперь, маменька, кушаю,
Не тебя сейчас я слушаю,
Теперь слушаю Илью Муромца,
Почитаю я за родного батюшка».
- 85 В ёйной дом Илья выстрелил,
Окошечка все выбил до единого.
Едет вперед, не разговариват,
Приехал старой в стольне Киев-град
Ко солнышку да ко Владимиру.
- 90 Ставит коня позади двора,
Дал ему пшеницы белоюровой:
«Стой, мой бурушко, тихо-смириенько».
Заходит Илья к солнышку Владимиру,
Крест кладет по-писаному,
- 95 Поклон дает по-ученому,
Молитву творит по-Исусову,
Кланяетце на все четыре стороны,
Солнышку Владимиру на особицу:
«Здравствуй, солнышко Владимир-князь!» —
- 100 «Здравствуй, русский сильный богатырь,
Старой казак Илья Муромец!
Откуль едешь, откуль прáвишьсе,
Откуль ныиче путь держишь?» —
«Еду из сторонущи из западной,
- 105 Еду дорожкой прямоёзжей».
Сделал солнышко Владимир-князь
Большо пирóванье, большо столóванье.
Тридцать три собралось русских богатыря,
Собралось много бояр толстобрюхих.
- 110 Пировали-столоváли трои суточки,
Стали все пьянёшеньки,
Стали все веселёшеньки.
Ильюшко стал пьянёшенек,
Стал по полу похаживать
- 115 И такие речи стал поговаривать:
«Пособил Бог добыть Соловья Рахмантова,
Пособи, Бог, добыть врага неверного, врага идóльского,
Еще успокоить думою бояр толстобрюхих».
Говорит ему тут солнышко Владимир-князь:
120 «Сходи-ко-се на улицу, приведи Соловья Рахмантова
Поглядеть нам всем на посмотрёньицо».

- Тут и вышли все на улицу,
Взял он солнышка Владимира во праву́ руку́,
А матушку его Апраксию во леву́ руку́,
125 И сказал Илья Соловью Рахмантову:
«Зареви ты, Соловей, в полукрика,
Засвисти ты, Соловей, в полусвиста».
Заревел Соловей во весь крик,
Засвистал Соловей во весь свист —
- 130 Пáли все тут люди нá землю,
Лежали люди без ума все три часа.
Солнышко Владимир с матушкой
Едва живы в руках Ильи.
Рассердился тут старóй на Соловья,
135 Заскочил старóй тут на добра́ коня́,
Привязал он Соловья за лошадиный хвост,
Потащил его по чисту́ полю́:
Где руки, где ноги, где буйна голова,
Тут ему и смерть случилася.
- 140 Приехал старóй в стольне Киев-град;
Насказали на старóго бояре толстобрюхии,
Насказали солнышку Владимиру,
Что «пособил Бог добыть Соловья Рахмантова,
Пособи, Бог, добыть солнышка Владимира».
- 145 Испужался солнышко Владимир-князь,
Приказал слугам верным взять старого за белы́ руки́
И вести его в подземелие.
Дал там ему стол дубовый, книгу Евангелье, свечи стерлянные,
Посадили тут Илью Муромца.
- 150 У солнышка матушка была до сирóт добра́,
Она носила тайком всё, что хочетце,
Кормила его ровно три годá.
Взволновалась тут земля неверная, силы множество.
Едет она на стольне Киев-град
- 155 И шлет она пакет немилослив:
«Весь стольне Киев-град во полон возьму,
Мелкую силу всю повырублю».
Солнышко Владимир запечалился:
«Кто меня станет охранять-беречь?»
- 160 Нет у меня сильного богáтыря,
Нет надежного Ильи Муромца».
Послал он слугу верную
К Ильи Муромцу во темной погрéб.
Пнходила слуга верная к Илье Муромцу,
- 165 Низко ему поклонилася,
Горькими слезами уливается:
«Ты выходи-ко, старóй да Илья Муромец,
Выходи-ко ты за святую Русь,
На нас большá сила срядилася!»

- 170 Старой казак челом не бьет, головы не гнет:
«Не ваше пью и кушаю,
Не вас сейчас я слушаю».
Пришла к князю тут слуга верная:
«Ильюшка нам челом не бьет, головы не гнет».
- 175 Не ваше, говорит, кушаю,
Не вас, говорит, и слушаю,
А послушаю только матушку Апраксию».
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Поди, матушка Апраксия,
- 180 Сходи к Илье Муромцу,
Пади ему во праву ногу,
Проси у него прощеньица!»
Побежала к нему матушка Апраксия,
Отворила двери погребны,
- 185 Бьет челом, низко кланяется:
«Ой еси, старой Илья Муромец!
Ты защита была великая,
Оборона была надежная,
Ведь на наш на стольне Киев-град
- 190 Вволновалась Орда неверная,
Хочет она взять стольне Киев-град!»
Говорит тут ей Илья Муромец:
«Поди, веди мне бурушка,
Дам тебе ключи золоченые».
- 195 Привела матушка ему бурушку,
Развернул он двери стеклянные,
Вылетел из погребя ясным соколом.
Не видала Апраксия, как он на коня скочил,
Только видела, как в стремяна ступил,
- 200 В стремяна ступил булатные.
Пригонил он в стольно Киев-град,
По приезде его все встретили,
Сделали ему чистен пир.
Солнышко стал ему жалитьце:
- 205 «Отделились все от нас русски богатыри,
Поднялась на нас сила неверная,
Пособи нам с ней справитьце».
Говорит тут старой казак Илья Муромец:
«Не хочу с ней ладитьце,
- 210 Не хочу с ней миритьце,
Поеду сам на заставу».
Приехал он на заставу великую,
Поглядел он в трубочку подзорную,
Увидел силу неверную,
- 215 Неверную силу многую,
И погонил к силы неверной.
Раз пять прокатил и всех сранил.

- По улоцки гонѣт, как траву косѣт.
 Лучшую силу во полон берет,
 220 Плохую силу в пень повырубил,
 А красно чѣсто сѣребро ко себе берет,
 Красно золото колесом катѣт,
 Красных девушек гонит станицами,
 Молодых молодухек всех пленницями.
 225 Оттуль нынче поворот держѣт,
 Приехал в стольне Киев-град,
 Сделали тут нынче веселой пир.
 Все на пиру напивалисе,
 Досыта все наедалися.
 230 Благодарили старá казака да Илью Муромца:
 «А сберег ты нам стольне Киев-град,
 Не знаем теперь, чем дарить тебя». —
 «Не надо мне ваши подарочки, —
 Говорит тут Илья Муромец, —
 235 Меня храните да в темницу не садѣте».

№ 62

Со - би - ра - л(ы) - сэ ста - рой да в пу - т(и) до - ро - жоч - ку,
 А во ту о - н(ы) суб - бо - ту да во х(ы)рис - тов - ску - ю.
 А к за - ут - ре - н(и) - ни пос - петь во сто - л(е) - нѣй Ки - е - в(ы) град.
 А всё пря - мы - м(ы) - то пу - тѣм ту - да петь - сот тут вѣрст,
 Ах, о - коль - ни - к(ы) пу - тѣм да - к(ы) во - сем - сот тут вѣрст...

- Собиралсэ старой да в путь-дорожочку,
 А во ту он субботу да во Христовскую,
 Ах к заутренни поспеть во стольнѣй Киев-град.
 А всё прямым-то путѣм туда петьсот тут верст,
 5 Ах окольним путѣм дак восьмсот тут верст.
 Прямоезжа-та дорожка да заколóдела,

- Ах калиновы мосты все разворочены,
Заселилсэ там Соловей да сын Рахматович.
Ах сряжалсэ старóй да в путь-дорожочку,
10 Ах как складывал он заповедь великую:
«Как бы в пути-то ле мне да во дорожочки
Ах как рук бы своих да не кровавити».
Ах поехал старóй да в путь-дорожочку.
Ах приехал старóй во Быкетóвец-град.
- 15 Ах как те ле мужики да быкетовския
Ах как ходят во слезах да во великих:
Ах напала на них литва поганая.
Ах как стал тут старóй да подрадумалсэ:
«Ах как всякий-то заповеди вкладывают,
20 Ах не всякий же заповедь испалниват».
Ах иачал он тут битъ литву поганую,
Не оставил поганных на сéмена.
Ах как те ле мужики быкетовския
Ах тащát тут они да злато-сéребро.
- 25 Говорит тут старóй да Илья Муромец:
«Мне не надо ведь ваше да злато-сéребро,
Попросите-ко вы мне да могучей силы».
Ах поехал старóй да в путь-дорожочку.
Ах заслышил Соловей да сын Рахматович,
- 30 Как едёт удалой да доброй мóлодец,
Засвистал Соловей по-соловьинному,
Замызгáл тут собака да по-собачьему —
У Ильи ведь тут конь да на колени пал.
Ах как бил-то Илья да по крутым ребрам:
35 «Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Не слышал воронина да всяка граеня,
Не слышал ты сорочьего кычиканья?
Ах от свиста-та ты да на колени пал».
Ах снимал тут Илья с себя тугий лук,
- 40 А как вкладывал он стрелочку калёную,
А как вкладывал он стрелку да приговаривал:
«Ах лети-ко, моя стрела калёная,
(Ну-ко, остановите немножко, я передышу...)
Ах лети-ко Соловью да ты во правый глаз,
Ах как выйди, стрела, да во левó ухó!»
- 45 Ах свалилсэ Соловей да сын Рахматович.
Ах подъехал старóй да Илья Муромец,
Ах схватил он Соловья да за белы руки,
Пристеи́нул он ко стремени булатному.
Ах поехал старóй во стальной Киев-град.
- 50 Ах приехал старóй-то ли ко к обеденке.
Ах отслужили уже службу Христовскую.
Говорит тут старому да Владимир-князь:
«Ах как что же ты, Илья, да опоздал сегодня?»
Говорил тут Илья да таковы слова:

- 55 «Получилось две одержки тут великие:
Ах как первая одержка да вот Быкетовец-град,
Ах напала на него литва поганая,
Ах разбил я их да растоптал да до единого.
А втора одержка да Соловей-разбойничек».
- 60 Ах говорил тут как солнышко Владимир-князь:
«Ах не ври-ка, Илья, нас не обманывай,
Что Соловей будет у тя да здесь прикованный». —
«Ах идемте со мной вы ко добру коню,
Ах увидите там Соловья-разбойника».
- 65 Ах пошли тут они да ко добру коню,
Говорит тут да солнышко Владимир-князь:
«Засвисти-ка, Соловей, по-соловьиному,
Замызгай-ко, собака, да по-собачьему!»
Говорит Соловей да сын Рахматович:
- 70 «Не твое я пью-ем, не у тя и кушаю,
Не тебя я хочу да ношь ведь слушати». —
Говорил тут старой да таковы слова:
«Засвисти-ко, Соловей, да только в полсвиста».
- А как солнышко князь тут на колени пал.
- 75 Ах как вынул старой тогда булатный нож,
А прирезал-приколол Соловья насмерть тогда.

№ 63

Тридцать богатырей сидело в одном шатре белобархатном в чистом поле. Едет из-за лесу чудо великое. Похваляется, из речей вышибается:

- «Еду-поеду я во стольный Киев-град,
Я достану стольный Киев-град,
5 Опять же церкви на пожар пуцу,
А святых икон на полав реки,
Князя Владимира в котле сварю,
А княгниюшку замуж отдадим!»

10 Тридцать богатырей не смеют выехать на этого Идолища, чтобы его остановить. И против него како-либо борьбу открыть. А стар казак Илья Муромец тоже был в той партии.

- Старому казаку в поле смерть не писана,
Что ж Идолище похваляется.
От поехал...
Подъезжает к городу Киеву,
15 Там он сидит на семи дубах
И на восьми падубках —
Идолище — семглавый зверь.
Илья Муромец натягиват тугой лук,
Накладыват калену стрелу
20 И сам всё наговариват:
«Лети, моя калена стрела,
Не падай ни в воду, ни на землю,

Упади Идолищу в левый глаз
И во правый глаз выйди,
25 И ко мне обратно прилети!»

Отправился стар казак Илья Муромец за ним. Он увидел Илью Муромца там,

Он закричал по-звериному,
А засвистел по-соловьиному, —
У старого казака Ильи Муромца
30 Конь с ног упал на колени.
Тогда бьет коня он по крутым ребрам,
И коню он так приговариват:
«Ах ты волчья сыть, травяной мешок,
Не слышал ты вороньего граянья,
35 А сорочьего кучиняня?»

Конь вскочил. Тогда он натягиват (калёны) тугой лук и накладыват калену стрелу, и бьет Соловья Рахметовича с этих дубов, чтобы он больше не кричал. Стукнул его, стрела залетела, как наказывал, в левый глаз, а правым вышла. Он подгонил на добром коне. Подхватил его на лошадиную и повез его в Киев-град на обсуждение.

40 «Откуда он? Каков человек?» —
«Ехал поглядеть в стольный Киев-град!»

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

№ 64

$\text{♩} = 84$

Как во том-то нын(и) во го-ро-де во Ки-я-ви,
Как и шёл-то ту-т(ы) ста-рой ка-зак Иль-я Му-ро-мец.
Е-му встре-тил-се ка-ли-ка да Ва-с(и)ка Пи-неж-ской
„Уж ты зара-ствуй, кум-ка-ли-ка, да Вась-ка Пи-неж-ской,
Ты по-што на-стре-ту шёл да ве-ло-ста-ро-му...

Как во том-то нын(и) во городе во Кияви
Как и шёл-то тут старой казак Илья Муромец.

- Ему встретилсе калі́ка да Васька Пинежской.
 «Уж ты здраствуй, кум-калі́ка да Васька Пинежской,
 5 Ты пошто настрету шёл да не по-старому,
 Уж как что же ты молчишь-то не по-прежнему?»
 Говорит Илье калі́ка да Васька Пинежской:
 «Приземлилсе в город на крыльях, верно, чудо чудноё,
 Приземлилсе тут а́спид, верно, диво дивноё —
 10 Повязал-то всех солдатов да нынь Издо́лишшо.
 Тут сидит де Мутонюшка, слушай, до вечера —
 На его рычит да оскорбит, будто „я мать прав лишу“ —
 Всё как бросил в ту невежу долго́ньку па́лицу,
 Угонилсе-схлеснулса-то будто бы в че́рэвы».
- 15 Говорил тут старо́й казак Илья Муромец:
 «Уж ты гой еси, калі́ка, да Васька Пинежской!
 Будем мы с тобой обряжаться в верхнее —
 Ты возьми-ко, стар, мои сумы́, дак в церковь так пройде́шь».
 Как тут-де калі́ка да не дослышалсе.
- 20 «Уж и на тебе, калі́ка, да платья́ цвѣтныя
 Через день раздень те платья́, дак в церковь так пройде́шь».
 Как пошёл-де калі́ка да возле города,
 Как пошёл тот старо́й да в стольной Киѣв-град.
 Как заходят тут старо́й да всё ко горе крутой —
- 25 Как и встретят тут старо́ва ихни девушки,
 Как и встретили тут Муромца их придвернички...

- 30 Уж вы здраствуйте, удаљи...
 Да говорит тут старо́й казак Илья Муромец:
 «Открывайте двери пошире, да целовальнички,
 Вы налейте-ко мне ча́ру да зеленá вина!»
 Как дали ему ту чару да в полтора ведра,
- 35 Как в ножки ставили ковш да в опохмелушку,
 Уж что ковшик тот в опохмелушку...

№ 65

- Заехал Издолище поганое
 В тот же стольной Киев-град:
 Ушище — сильны блюдишша,
 Глазишше, как сильны чашишша,
 5 А голова, как пивной котёл.
 Зашел он к солнышку Владимиру —
 Разбежались все руськи богатыри.
 И тот же старой да Илья Муромец,
 Скрылся старой да он во городи.

- 10 Взял он капли старые,
Состарил свое бело лице —
Повесилась у его губа дó шшеки.
Погано Издолишшо заповедал всем,
Чтобы не поминали старóго Илью Муромца.
- 15 Пришел старой к солнышку Владимиру,
С клюкой железной он да сторбилса.
Сидит Издолишше поганое,
На коленях доржит матушку Апраксию,
Руками бродит под подолами.
- 20 Подносит Владимир пищчу-кушанье —
За одну шшеку кладет он буханочку,
За другу кладет белу лебедь.
Говорит-то калика перехожая:
«У моей-то у маменьки родимой
- 25 Была корова обжорчива,
По сметьям ходила да косью задавилась,
А тебе, погано Издолишшо,
Не миновать етой чаши тож будет».
Попросил он у солнышка, попрашиват:
- 30 «Подай милостыню ради Христа,
Не ради меня, а ради старóго Ильи Муромца».
Схватил Издолншше поганое,
Схватил свой чинжалишшо-булатной нож,
Свистнул он калику перехожую.
- 35 На то калика был увёрчивой —
Увернул от ножа булатного.
Схватил калика перехожая,
Выхватил кирпичу из печи,
Свистнул заёмно во черны груди гостинцы —
- 40 Попало Издолишшу в пивной котёл,
Провалился Издолишше вон с простеночком.

№ 66

К Владимиру заявился татарин. Не помню, как его звали. Тургин, что ли. Нет, не Тургин. Похоже, что ли.

[Соб.: *Тугарин?*

С. А.:] Тугарин, однако. Может, вы и читывали?

5 [Соб.: *А что там было?*

С. А.:] — Пришел Тугарин это. А Илья-то тогда еще не был. На постах этих не стоял. И вот когда он услышал, решил поехать, посмотреть этого Тугарина. Пришел он, говорит. А он сидит, говорит, просит чуть ли не по барану за краю съесть. (*Не то утоцки, не помню.*) А он пришел да и говорит ему таковы слова: «А у нашего батюшки Владимира была корова да водовозная да (*как уж он?*) волчья съесть да ей, говорит, да ей раздавила. А этому татарину то же будет». И он, татарин, за столом сидит, говорит; взял книжал да его ткнул тама-ко. Ну, просто бросил, а он на лету подхватил его да и подошел к нему, говорит: «Не хочу я здесь палаты царские кровавити», — говорит. Взял у него колпак сверху, говорит,

который у его на голове сидел, говорит, шлёпнул ему, говорит (трехпудовый он был!), шлёпнул ему, говорит, на голову. Тут ему и смерть была.

15 [Соб.: Это старина была?

С. А.:] (Вроде старины. Хороший рассказ такой был. Тогда в малых годах я столько читал. Теперь всё забыл уж.)

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК

№ 67^Н

- Кабы жили на за́ставы бога́тыри,
 Недалёко от города — за двенадцать верст,
 Кабы жили они да тут петнадцеть лет,
 Кабы тридцеть-то их было да со богатырём;
 5 Не видали не конного, не пешого,
 Не прохожого они тут, не проежжого,
 Да не серой тут волк не прорыскивал,
 Не ясен сокол не пролётывал,
 Да не руськой богатырь не проеживал.
 10 Кабы тридцеть-то было богатырей со богатырём:
 Атаманом-то — стар казак Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович,
 Подутóманьём — Самсон да Колыбанович,
 Да Добрыня-то Микитич жил во писарях,
 15 Да Олеша-то Попович жил во поварах,
 Да и Мишка Торопа́нишко жил во конюхах,
 Да и жил тут Василей сын Буслаевич,
 Да и жил тут Васинька Игнатъевич,
 Да и жил тут Дюк да сын Степанович,
 20 Да и жил тут Пермя́ да сын Васильевич,
 Да и жил тут Родивон да Превысокие,
 Да и жил тут Микита да Преширокие,
 Да и жил тут Потанюшка Хроминькой,
 Затем Пóтык Михайло сын Иванович,
 25 Затем жил тут Дунай да сын Иванович,
 Да и был тут Чурило блады Пленкович,
 Да и был тут Скопин сын Иванович,
 Тут н жили два брата, два родимые,
 Да Лука да Матвей, дети Петровья...
 30 На зацине-то было светла деницька,
 На зори-то тут было да ноньце на утренной,
 На восходе-то было да красна солнышка,
 Тут ставаёт старо́й да Илья Муромец,
 Илья Муромец ста́ваёт да сын Ивановичь,
 35 Умывается он да ключевой водой,
 Утирается он да белым полотном,
 А ставаёт да он нонь перед Господом,

- А молитсе он да Господу Богу,
А крест-от кладёт да по-писанному,
40 А поклон-от ведёт да как ведь водитсе,
А молитву творит полну Исусову.
Сам надёрнул сапожки на босу ногу,
Да и кунью шубейку да на одно плещё,
Да пухов-де колпак да на одно ухо.
45 Да и брал он нынь трубочку подзорную,
Да выходит старой да вон на улицу,
Да и зрел он, смотрел на вси стороны:
Да смотрел он под сторону восточную —
Да и стоит-то-де наш там стольнё Киев-град;
50 Да смотрел он под сторону под летную —
Да стоят там луга да там зелёныи;
Да гледел он под сторону под западну —
Да стоят там да леса тёмныи;
Да смотрел он под сторону под северну —
55 Да стоят-то-де там да ледены горы;
Да смотрел он под сторону в полуночю —
Да стоит-то-де нашо да синё морё,
Да и стоит-то-де нашо там чисто полё,
Сорочинско-де словно наше Кулигово.
60 В копоти-то там, в тумане не знай — зверь бежит,
Не знай — зверь там бежит, не знай — сокол летит,
Да Буян ле славной остров там шатайтсе,
Да Саратовы ле горы да знаменуютсе,
А богатырь ле там едёт, да потешаетсе:
65 Попередн-то его да бежит серой волк,
Позади-то его бежит черной вожлок,
На правом-то плеще, знать, воробей сидит,
На левом-то плеще да, знать, белой кречет,
Во левой-то руке да держит тугой лук,
70 Во правой-то руке стрелу калёную,
Да калёную стрелочку, перёную,
Не того же орла да сизокрылого,
Да того же орла да сизокамьского,
Не того же орла, которой на дубу сидит,
75 Да того же орла, которой на синём морн,
Да гнездо-то он вьёт да на серой камень.
Да подверх богатырь стрелоцьку подстреливат,
Да и на пол он стрелоцьку не ураниват,
На полёте он стрелоцьку подхватыват.
80 Подъездят он ныне ко белу шатру,
Да и пишот нонь сам да скору грамотку,
На правом-то колене держит бумажецьку,
На левом-то колене держит чернильничу,
Во правой-то руке да держит перышко,
85 Сам пишот ерлык да скору грамотку,
Да подмётывал ерлык да скору грамотку
Да к тому же шатру да к белобархатному.

- Да берёт-то стар казак Илья Муромец
 Да и то у него тут написано,
 90 Да и то у него тут напецятано:
 «Да и еду я нонь да в стольнёй Киев-град,
 Я грометь-шурмовать да в стольнё Киев-град,
 Я соборны больши церкви я на дым спущу,
 Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
 95 Я пецятны больши книги да во грезе стопчу,
 Чудны образы-иконы на поплав воды,
 Самого я князя да в котле сварю,
 Да саму я княгиню да за себя возьму».
 Да заходит тут стар тут во белой шатёр:
 100 «Ох вы ой есь, вы дружинушка хоробрая!
 Вы хоробрая дружина, да заговорная.
 Уж вам долго ле спать, да нынь пора ставать.
 Выходил я, старой, вон на уличу,
 Да и зрел я, смотрел на вси стороны:
 105 Да смотрел я под сторону восточную —
 Да и стоит-то-де наш там стольнё Киев-град...»¹

¹ Да и смотрел [я] под сторону под летнюю —
 Да стоят там луга да там зелёны;
 Да глядел [я] под сторону под западну —
 Да стоят там да лесы тёмны;
 5 Да смотрел [я] под сторону под северну —
 Да стоят-то-де там да ледены горы;
 Да смотрел [я] под сторону в полуночю —
 Да стоит-то-де нашо да синё морё,
 Да и стоит-то-де нашо там чисто полё,
 10 Сорочинско-де словно наше Кулигово;
 В копоты-то там, в тумане не знай — зверь бежит,
 Не знай — зверь там бежит, не знай — сокол летит,
 Да Буян ле славной остров там шатантсе,
 Да Саратовы ле горы да знаменуютсе,
 15 А богатырь ле там едёт, да потешается:
 Попереди-то его да бежит серой волк,
 Позади-то его бежит черной вожлок,
 На правом-то плече, звать, воробей сидит,
 На левом-то плече да, звать, белой кречет,
 20 Во левой-то руке да держит тугой лук,
 Во правой-то руке стрелу калёную,
 Да калёную стрелочку, перёную,
 Не того же орла да сизокрылого,
 Да того же орла да сизокамышского,
 25 Не того же орла, которой на дубу сидит,
 Да того же орла, которой на синём мори,
 Да гнездо-то он вьёт да на серой камень.
 Да подверх богатырь стрелоцьку подстреливат
 Да и на пол он стрелоцьку не ураниват,
 30 На полёте он стрелоцьку подхватыват.
 Подвеждят он ныне ко белу шатру,
 Да и пишот нонь сам да скору грамотку,
 На правом-то колене держит бумажецьку,
 На левом-то колене держит чернильничу,
 35 Во правой-то руке да держит перышко,
 Сам пишот ерлык да скору грамотку,
 Да подмётывал ерлык да скору грамотку
 Да к тому же шатру да к белобархатному.
 Да берет-то стар казак Илья Муромец
 40 Да и то у него тут написано,
 Да и то у него тут напецятано:
 «Да и еду я нонь да в стольнёй Киев-град,

- Тут скакали нынь все руськие богатыри,
Говорит-то-де стар казак Илья Муромец:
«Да кого же нам послать нынь за богатырём?»
- 110 Да послать нам Самсоиа да Колыбанова —
Да и тот ведь — он роду-то сонливого,
Заневид потерят свою буйну голову;
Да послать нам Дуная сына Иванова —
Да и тот, он ведь роду-ту заплывчива,
- 115 Заневид потерят свою буйну голову;
Да послать нам Олёшеньку Поповиця —
Да и тот он ведь роду-то хвасливого,
Потерееет свою буйну голову;
Да послать-то нам ведь Мишку да Торопанишка —
- 120 Да и тот он ведь роду торопливого,
Потереет свою буйну голову;
Да послать-то нам два брата, два родимыя,
Да Луку-де, Матвея, детей Петровицей, —
Да такого оне роду-то ведь вольнёго,
- 125 Они вольнёго роду-ту, смирёного,
Потеряют свои да буйны головы;
Да послать-то нам Добрынюшку Микитиця —
Да и тот он ведь роду он ведь вежлива,
Он вежлива роду-ту, очеслива,
- 130 Да умеет со мóлодцом соехатсе,
Да умеет он со молодцом розъехатсе,
Да умеет он ведь молодцу и честь воздать».
Да уцюло тут ведь ухо богатырскоё,
Да завидело око да молодецькоё —
- 135 Да и стал тут Добрынюшка сряжатисе,
Да и стал тут Добрынюшка сподоблетисе:
Побежал нынь Добрыня на конюшен двор,
Да и брал он коня да всё семи чепей,
Да семи он чепей, да семи розъвезей,
- 140 Да и клал на коня да плотны плóтьницьки,
Да на плóтьницьки клал да мякки войлоцьки,
Да на войлоцьки седёлышко черкальскоё,
Да двенадцетъ он вяжот подпруг шолковых,
Да тринадцету вяжот черезхребётную,
- 145 Через ту же он степ да лошадиную,
Да не ради басы да молодецькоюй —
Ради крепости вяжот богатырскоюй.

Я грометь-шурмовать да в стольнѣ Киев-град,
Я соборны больши церкви я на дым спущу,
45 Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я пѣцятны больши книги да во грези стопчу,
Чудны образы-иконы на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню да за себя возьму».

- Тут он признал он-де шапоцьку курцявую,
Он простилсе со всеми руськими богатырьми.
- 150 Да не видно поездки да молодецькой,
Только видно, как Добрыня на коня скочил,
На коня он скочил, да в стремена ступил,
Стремена-те ступил, да он коня стегнул.
Хоробра была поездка да молодецкая,
- 155 Хороша была побезка лошадиная,
Во чистом-то поле видно: курива стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплютсе,
Из ноздрей у коня пламё мечетсе,
- 160 Да и сива-де грива да расстиается,
Да и хвост-то трубой да завиваетсе.
Наежжаёт богатырь на чистом поли,
Заревел тут Добрыня да во первой након:
«Уж я верной богатырь, дак нынь напуск держу,
- 165 Ты неверной богатырь, дак поворот даёшь!»
А и едёт тотарин да не ёгленетсе;
Заревел-то Добрынюшка во второй након:
«Уж я верной богатырь, дак инын напуск держу,
Ты неверной богатырь, дак поворот даёшь!»
- 170 А и едёт тотарин да не ёгленетсе;
Да и тут-де Добрынюшка ругатце стал:
«Уж ты гадина едёшь да перегадина!
Ты сорока ты лётишь да белобокая!
Да ворона ты лётншь да пустопёрая,
- 175 Пустопёра ворона да по загуменью!
Не воротншь на заставу каравульнюю —
Ты уж нас, молодцов, видно, нечем считаешь?..»
А и тут-де тотарин да поворот даёт,
Да снимал он Добрыньку да со добра коня,
- 180 Да и дал он иа ж(опу) по отяпышу,
Да прибавил иа ж(опу) по алябышу,
Посадил он назад его на добра коня:
«Да поедь ты, скажи стару казаку —
Кабы што-де старой тобой заменяетсе,
- 185 Самому ему со мной ище делать нечево?»
Да поехал Добрыня да одва жив сидит,
Тут едёт Добрынюшка Никитьевич
Да к тому же к своему да ко белу шатру,
Да встречаёт его да нынче стар казак,
- 190 Кабы стар-де казак да Илья Муромиц:
«Ох ты ой еси, Добрынюшка Никитиць блад!
Уж ты што же ты едёшь не по-старому,
Не по-старому ты едёшь, да не по-прежнему,
Повеся ты доржишь да буйну голову,
- 195 Потопя ты дёржишь да очи ясны?»
Говорит-то Добрынюшка Никитиць блад:
«Наежжал я тотарина на чистом поли,

- Заревел я ему да ровно два роза,
 Да и едѣт тотарин, да не ёгленется;
- 200 Кабы тут-де-ка я ровно ругатсе стал,
 Да и тут-де тотарин да поворот даѣт,
 Да сымал он меня да со добра коня,
 Да и дал он на ж(опу) да по отяпышу,
 Да прибавил он еще он по алябышу,
- 205 Да и сам он говорит да таковы реци:
 „Да и што-де старой тобой заменяется,
 Самому ему со мной да делать нечего?“»
 Да и тут-де старому да за беду стало,
 За великую досаду да показалосе,
- 210 Могуци его плеча да расходилисе,
 Ретиво его сердцѣ разгорецилосе,
 Кабы ровно-неровно, бутто в котли кипит.
 «Ох вы ой еси, руськие богатыри!
 Вы седлайте-уздайте да коня доброго,
- 215 Вы кладите всю сбруню да лошадинную,
 Вы кладите всю приправу да богатырьскую».
 Тут седлали-уздали да коня доброго,
 Да не видно поездки да молодецъкою,
 Только видно, как старой нынѣ на коня скочил,
- 220 На коня он скочил, да в стремена ступил,
 Да и прижнял он свой да нонь пухов колпак:
 «Вы прощайте, дружинушка хоробрая!
 Не успеете вы да штей котла сварить —
 Привезу голову да молодецъкую!»
- 225 Во чистом поли видно: курива стоит,
 У коня из ушей да дым столбом валит,
 Да из глаз у коня искры сыплютсе,
 Из ноздрей у коня пламѣ мечетсе,
 Да и сива-де грива да ростналетсе,
- 230 Да и хвост-от трубой да завиваетсе.
 Наежжаѣт тотарина на чистом полн,
 От того же от города от Киева,
 Да и столько-де места — да за три поприща.
 Заревел тут старой да во первой након:
- 235 «Уж я верной богатырь, дак я напуск держу,
 Ты неверной богатырь, дак поворот даѣшь!»
 А и едѣт тотарин да не ёгленетсе;
 Да и тут старой заревел во второй након:
 «Ёж я верной богатырь, дак я напуск держу,
- 240 Ты неверной богатырь, дак поворот даѣшь!»
 Да и тут-де тотарин да не огленетсе;
 Да и тут-де старой кабы ругатсе стал:
 «Уж ты гадина едѣшь да перегадина!
 Ты сорока ты лѣтншь да белобокая!
- 245 Ты ворона ты лѣтишь да пустоперая,
 Пустопера ворона да по загуменью!
 Не воротишь на заставу каравульную —

- Ты уж нас, молодцов, видно, нечем считаешь?..»
 Кабы тут-де тотарин поворот даёт,
 250 Отпустил тотарин да нынь сера волка,
 Отпустил-то тотарин да черна вождока,
 Да с права он плещя да он воробышка,
 Да с лева-то плещя да бела кречета.
 «Побежите, полетите вы нынь проць от меня,
 255 Вы ищите сибя хозяйна поласкове,
 Со старым нам съездятся — да нам не брататся,
 Со старым нам съезжатця — дак чья божья помочь».
 Вот не две горы вместо да столканулисе —
 Два богатыря вместо да тут соехалисе.
 260 Да хватали они сабельки нынь вострыи,
 Да и секансь-рубнлись да челы сутоцьки,
 Да не ранились они, да не кровавились,
 Вострыя сабельки их да изломалисе,
 Изломалисе сабельки, исщербилнсе —
 265 Да бросили тот бой да на сыру землю.
 Да хватали-то палицы боёвья,
 Колотились-дрались да челы суточки,
 Да не ранились они, да не кровавились,
 Да боёвья палнцы загорелисе,
 270 Загорелисе палицы, распоёлнсе —
 Да бросали тот бой на сыру землю.
 Да хватали копейця да бурзومهцькии,
 Да и тыкались-кололись да челы сутоцьки,
 Да не ранились они, да не кровавились,
 275 По насадке копейця да изломалисе,
 Изломалисе они, да извихнулисе —
 Да бросили тот бой да на сыру землю.
 Да скакали они нонь да со добрых коней,
 Да хватались они на рукопашецьку.
 280 По старому по бесчесью да по великому
 Подоспело его слово похвальнёе —
 Да лева его нога да окольздилося,
 А права-то нога и подломилося,
 Да и падал старой тут на сыру землю,
 285 Да и ровно-неровно, бутто сырой дуб.
 Да заскакивал Сокольник на белы груди,
 Да и розорвал лату да он булатную,
 Да и вытащил чинжалище, укладен нож,
 Да и хочет пороть да груди белыя,
 290 Да и хочет смотреть да ретиво серце.
 Кабы тут-де старой да нынь расплакалса:
 «Ох ты ой есть, пресвята мать Богородиця!
 Ты пошто этта меня нынче повыдала?
 Я за веру стоял да Христовую,
 295 Я за церкви стоял да за соборныя».
 Вдруг не ветру полоска да перепахнула —
 Вдвое-втрое у старого да силы прибыло,

- Да свиснул он Сокольника со белых грудей,
 Да заскакивал ему да на черны груди,
 300 Да и розорвал лату да всё булатную,
 Да и вытащил чинжалище, укладен нож,
 Да и ткнул он ему да во черны груди —
 Да в плечи-то рука и застоялсе;
 Тут и стал-де старой нынче выпрашивать:
 305 «Да какой ты удалой да доброй молодец?»
 У поганого сердце-то заплывчиво:
 «Да когда я у те был да на белых грудях,
 Я не спрашивал не роду тя, не племени».
 Да и ткнул старой да во второй након —
 310 Да в локти-то рука да застоялсе;
 Да и стал-де старой да опеть спрашивать:
 «Да какой ты удалой да доброй молодец?»
 Говорит-то Сокольник да таковы реци:
 «Да когда я у те был на белых грудях,
 315 Я не спрашивал не роду тя, не племени,
 Ты ище стал роды у мня выпрашивать».
 Кабы тут-де старому да за беду стало,
 За великую досаду да показалсе,
 Да и ткнул старой да во третьей након —
 320 В заведи-то рука да застоялсе;
 Да и стал-то старой тут выпрашивать:
 «Ой ты ой еси, удалой доброй молодец!
 Да скажись ты мне нонче, пожалуйста:
 Да какой ты земли, какой вотчины?»
 325 Да какого ты роду, коя племени?
 Да и как тя, молодца, именём зовут?
 Да и как прозывают от отечестви?»
 Говорит-то Сокольник да таковы реци:
 «От того же я от камешка от Латыря,
 330 Да от той же я девчонки да Златыгорки,
 Она зла полениця да преудалая,
 Да сама она была ище одноокая».
 Да скакал-то старой нонь на резвы ноги,
 Прижимал он его да ко белой груди,
 335 Ко белой-де груди, да к ретиву сердцю,
 Человал его в уста да нынь сахарныи:
 «Уже ты чадо ле, чадо да моё милоё!
 Ты дитя ле моё, дитя моё сердцецноё!
 Да съезжались с твоей да мы ведь матерью,
 340 Да на том же мы ведь на чистом поли,
 Да и сила на силу прилучилсе,
 Да не раинились мы, да не кровавились —
 Сотворили мы с ей любовь телесную,
 Да телесную любовь, да мы сердечную,
 345 Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили;
 Да поедь ты нынь к своей матери,
 Привези ей ты нынь в стольно Киев-град,

- Да и будешь у меня ты первой богатырь,
Да не будет тебе у нас поединщиков».
- 350 Да и едет Сокольник ко свою двору,
Ко свою двору, к высокоу терему,
Да встретят его матушка родимая.
«Уж ты цядо ле, цядо мое милое!
Уж дитя ты моё, дитя сердечнее!
- 355 Уж ты што же нынь едешь да не по-старому?
Да и конь-то бежит не по-прежнему?
Повеся ты доржишь да буйну голову,
Потопя ты доржишь да оци ясныя,
Потопя ты их дёржишь да в мать сыру землю».
- 360 Говорит-то Сокольник да таковы реци:
«Уж я был же нынь-ныньце да во чистом поли,
Уж я видел стару коровушку базыкову,
Он тебя зовёт блядкой, меня — выбледком».
Говорит-то старуха да таковы реци:
- 365 «Не пустым-де старой да похваляется —
Да съежжались мы с им да на чистом поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
Да не ранились мы, да не кровавились,
Сотворили мы с им любовь телесную,
- 370 Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, цядо, тебя прижили».
А и тут-де Сокольнику за беду стало,
За великую досаду показалосе,
Да хватал он матушку за черны кудри,
- 375 Да и вызнял он ей выше могущих плечь,
Опустил он ей да о кирпичат пол —
Да и тут-де старухе да смерть случилосе.
У поганого серьцё-то заплывчиво,
Да заплывцево серьцё-то, разрывчиво,
- 380 Да подумал он думу да промежду собой,
Да сказал он нынь слово да ныньце сам сибе:
«Да убил я топеря да родну матушку,
Да убью я, поеду, стара казака,
Он спит нынь с устатку да нонь с великого».
- 385 Да поехал Сокольник в стольнѣ Киев-град,
Не пиваючись он, да не едаючись,
Не сыпал-де он нынече плотного сну,
Да розорвана лата нынь булатная,
Да цветно его платьѣ да всё истрѣпано.
- 390 Приворачивал он на заставу каравульнюю,
Некого тут на заставы не случилосе,
Не случилосе-де нынь, не пригодилосе,
Да и спит-то один старой во белом шатру,
Да храпит-то старой, как порог шумит;
- 395 Да соскакивал Сокольник да со добра коня,
Да заскакивал Сокольник да нынь во бѣл-шатѣр,
Да хватал он копейцѣ да бурзومهцькое,

- Да и ткнул он старому да во белы груди,
 По старому-то по счастью да по великому,
 400 Пригодилосе ле тут да золот чюден крест —
 По насадки копейцо да извихнулось;
 Да и тут-де старой да пробужаитсе,
 От великого сну да просыпаитсе,
 Да скакал-де старой тут на резвы ноги,
 405 Да хватал он Сокольника за черны кудри,
 Да и вызнял его выше могуцнх плещь,
 Опустил он его да о кирпищат пол —
 Да и тут-де Сокольнику смерть случилосе.
 Да и вытащил старой его вон на улицу,
 410 Да и руки и ноги его он оторвал,
 Розсвистал он его да по чисту полю,
 Да и тулово свезал да ко добру коню,
 Да сорокам, воронам да на расклёваньё,
 Да серым-де волкам да на ростарзаньё.

№ 68

- Да стояли-де на заставы богатыри,
 Да ни много ёни — петнаццеть лет:
 Але стар-то казак был на бóльшани,
 А Добрынюшка Микитичь был во писарях,
 5 Да и Васинька Буслаев был во кашниках,
 Да два брата Долгополыи — во конюхах.
 Да ништо-ко туды нонь не прохаживал,
 Кабы черной ле ворон да не пролетывал.
 Да ставают ёни ютром ранешинько.
 10 Да ставал стар казак утром ранёшинько,
 Надевал он сапожки да на босу ногу,
 Свою кунью-ту шубу на одно плещё,
 Свой пухов-де калпак да на одно ухо,
 Кабы брал-то ле трубоцьку подзорную,
 15 Выходил-де ведь он да на юлицу,
 Заходил он на рели да превысокия,
 Он смотрел ле теперь да во чисто полё.
 Не гора ле в чистом поле знаменуется —
 Не богатырь ле ездит да потешаетця:
 20 Под правой-то ногой дак бежит серой волк,
 Под левой-то ногой дак молодой выжлок,
 На правом-то плеще сидит ясён сокол,
 На левом-то плеще сидит белой кречет,
 Калену ле он стрелоцьку постреливат
 25 Да и на пол-де стрелку да не юраниват.
 Слезывал-то старой дак на сыру землю,
 Он увидел ярлык дак скору грамоту,
 Он взял-де ярлык да скору грамотку,
 Заходил-то старой да во белой шатёр,

- 30 Говорил-то стар казак да Илья Муромець:
«Ой вы ой еси, дружинушка хоробрая!
Аш вам полно-ко спать, да пора ставать,
От великого сну да пробужатисе,
Он великой хмелины да просыпатисе.
- 35 Ты ставай-ко, Добрынюшка Микитиць блад,
Ты считай-ко ярлык, да скору грамоту».
Да ставаёт Добрынюшка Микитиць блад,
Ключевой-де водой да умываетця,
Полотёнышком сам да утирается,
- 40 Он берёт-де ярлык да скору грамоту,
От цитаёт, детина, да усмехаецса:
«Уж у старой собаки да голову срублю,
Я Добрынюшку Микитиця возьму в писари,
Я и Ваську Буслаева во кашники,
- 45 Да два брата Долгополых возьму в конюхи».
Кабы тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалосе.
Он уздал-де, седлал да коня доброго,
Он поехал за Сокольником в чисто полё,
- 50 Он наехал на Сокольника в чистом поле,
Закрычал тут старой дак зычным голосом:
«Ах ты ой еси, ворона да пустопёрая!
Да куда ноньце летишь, да куды путь держишь?»
Заневид ты потеряешь буйну голову!»
- 55 Да на то ноньце Сокольник не ёгленетце.
Закрычал тут старой да во второй након:
«Уж ты ой еси, ворона пустопёрая!
Ты куда ноньце летишь, да куды путь держишь?»
Заневид ты потеряешь буйну голову!»
- 60 А оттуль же Сокольник да поворот даёт,
Да съезжались со старым, да они встретилисе:
А ударил Сокольник да Илью Муромца —
Он не выпал едва из седёлышка.
Оттуль же ёни дак разъезжались,
- 65 Как съехали они да во второй након,
Как ударил стар казак да Сокольничка —
Тут ведь вышиб его из седёлышка.
А скакали тут ёни да на сыру землю,
Как хватались они дратця в рукопашную,
- 70 Онн бились как, дрались да двои сутоцьки.
Как каки-то ле тяжки грехи попутали —
Как права нога стара казака да окатилосе,
Да лева его нога да подломнлосе.
Как садился Сокольник да на белы груди,
- 75 Он вымал-то чинжалище булатен нож,
Он хотел-то пороть да груди белыя —
В заведи его рука да застоялосе.
Замахнулса Сокольник да во второй након —
Да в локтю его рука да застоялоса.

- 80 Тут змолился старой дак Господу Богу:
 «Ох ты ой есь, присвета мать Богородиця!
 Я стоял ноньце за веру Христовую,
 Я стоял ноньце за церкви православныя,
 Я стоял ле за иконы за чудныя,
- 85 Ты повыдала поганому Едолнщю».
 У стара казака да силы прибыло;
 Он не бел-то ле куропать выпархивал —
 Кабы стар-де казак ноньце выскакивал,
 Он бросал-то Сокольника на сыру землю,
- 90 Он садился к ему да на белы груди:
 «Ох ты ой еси, удалой да доброй молодец!
 Ты коей нонь земли, коей вотчины?
 Коего ты отца, да коей матери?
 Кабы как тебя, детина, да именём зовут?»
- 95 Говорит-то Сокольник да таково слово:
 «Когда был я у тя дак на белых грудях,
 Я не спрашивал ни имени, ни вотчины,
 Я хотел нонь пороть твои белы груди —
 Ты пори ноньце мои, право, белы груди».
- 100 Говорит ему старой да во второй закон:
 «Ох ты ой еси, удалой доброй молодец!
 Ты коей ноньце земли, да коей вотчины?
 Коего же ты отца, да коей матери?» —
 «От того же я от камешка от Латыря,
- 105 Да от той же я от матушки Златыгорки,
 Как зовут меня, право, Сокольником».
 Говорит ему старой да Илья Муромец:
 «Ох ты ой еси, удалой доброй молодец!
 Ты ведь будешь нынцце мне да непоклёпной сын:
- 110 Мы дрались с твоей матушкой родимой,
 Мы дрались ле с ею да ровно три года,
 Мы один ле другого да нынц не ранили,
 Мы не ранили один, дак не кровавили —
 Уж мы сделали любовь с ею сердцецную,
- 115 Да сердцецную любовь, да нынц телесную».
 Говорил ле стар казак Илья Муромец:
 «Ты зачем же ведь выехал во чисто поле?
 Молодешинёк выехал, зеленёшинёк,
 Кабы выехал ле ты да лет семнаццети,
- 120 Да и не было бы тебе в поли поединщика».
 Кабы тут же ёни да распростилисе,
 Как поехал Сокольник да он назад домой.
 Приежжает он к своей матушке родимой,
 Говорит своей матушке родимой:
- 125 «Уж как стара собака да похваляетца:
 Будто ты ему топере да ноньце суца блядь,
 А как я ему да ноньце выbledок?»
 Говорит ему матушка родимая:
 «Не пустыми ведь старой-от похваляетца,

- 130 Ты ведь будёшь ему да непоклёпной сын». Кабы тут же Сокольнику за беду стало, За велику ле досаду показалосе — Он убил свою матушку родимую. Он поехал топере да во чисто полё,
- 135 Ко тому же шатру да Илью Муромцю, Он и брал-то копейцо бурзомецкое. Как о ту ноньце пору, да как о то время, Кабы стар казак спит, дак порог шумит, Кабы ткнул-де Сокольник Илью Муромца,
- 140 Да попал-де ему, право, в чуден крес. Кабы тут-де старой да пробужаетсе, Он выскакивал, старой, дак из бела шатру, Он хватал ле Сокольника за черны кудри, Да бросал же его ноньце о сыру землю,
- 145 Да срубил же ему да буйну голову.

№ 69

- Недалёко от города от Киева
А стоит ле триццеть три богатыря.
А пасли-стерегли они да стольней Киев-град.
Во первы́х-от, у их был да стар козак,
- 5 Во-вторы́х, —у их Добрынюшка Микитич блад,
Во-третьи́х, —у ех Дунай да сын Иванович,
Во-четвёртих-то, — Самсон да сын Колыбанович,
А во пятых, — Олешенька Попович блад,
Во шестых, — два брата да Долгополых,
- 10 Долгополы два брата полонённые.
Как инá братья вся была схожея.
Отаманом да был стар козак,
Податаманьём — Добрынюшка Микитич блад,
А во писарях был Дунай да сын Иванович,
- 15 А во пóварах Самсон был да Колыбанович,
А во кóнюхах — Олешенька Попович блад.
Поутру́-то, ле утра ле было ра́ному,
На зачине тут было да свету белого,
На подъёме тут было да красна солнышка,
- 20 А старой-от козак пробуждаетца,
Ключевой водой да старóй умываетца,
Полотёнушком старóй обтираетца.
Одеваёт ступеньца на босú ногú,
Надеваёт кунью́ шубú на онно плечó,
- 25 Надевает ле колпак на онно́ ухó,
А выходит старóй да вон на юлецю.
Как глядел-насмотрел на все стороны,
В мороку в туман и нынь худо видитца:
То ле летит блад ясён сокол,

- 30 То ле едет там удалой доброй молодец.
Едет винно собака потешаетцэ:
Впереди его, собаки, да бѣжит серый волк,
Позади его, собаки, да звери всякии,
На правѳм-то плечѳ сидит ясѳн сокѳл,
- 35 На левѳм-то плечѳ дак сидит бел кречѳт.
Едет, винно, собака да потешаетцэ:
Подверьх он стрелочку постреливат,
Кабы нѳ пол ту стрелку не юраниват,
Он в руки возьмѳт — пламѳ мечетца,
- 40 А вокруг-то повернѳт — искры сыплютцэ.
Кабы едѳт собака да потешаитцэ:
На правѳм-то колѳни дер(жит) гумажечку,
Он гумажечку держит да гербовой лист.
На левѳм-то колѳни держит чернильницю,
- 45 Во рукѳх-то держит перо ѳрлиное,
Не того же орла да сизокрылѳго,
Да того ле орла сизокамьского,
А не тот был орѳл — на лесу сидит,
А бы тот орѳл — на корню сидит,
- 50 А гнездо-то он вьѳт да на сѳр камень,
Он бы пишу достават из синѳ морѳя.
Он бы пишет ѳрлык да скорограмотку:
«Я поеду, молодецѳ, да в стольней Киев-град,
Я поеду, молодецѳ, да там поздороватьцэ.
- 55 Я силушку всю во грѳсь стопчу,
Я бы князѳ там Владимира под мечь склоню,
Я бы матушку кнегиню с собой возьму».
А пометыват ѳрлык ко зѳставы,
А старѳй-от берѳт, во шатѳр пошел,
- 60 Кабы будит дружину всю заговорьную:
«Вы встаньте-ко, дружина (заговорьная)!
А будѳт спать — стѳла порѳ вставать,
Ты вставай-ко, Добрынюшка Микитич блад,
Ты вставай-ко, Дунай (сын) Иванович,
- 65 А цитай етот ерлык да скорограмотку,
Ка' да щѳ у собаки есь написано,
Ка' да щѳ у собаки напечатано».
Как цитай Дунай сын, рассказывѳт:
«Я поеду, молодецѳ, да в стольней Киев-град,
- 70 Я поеду, молодецѳ, там да поздороватьцэ,
Я бы силушку хочу да всѳ во грѳсь стопчу,
Я кнезя ле Владимира под мечь склоню,
Кабы матушку кнегиню да то с собой возьму».
А на ето старѳй да осержаетцэ,
- 75 Выбирать он стал, кого в сугѳн послать:
«А послать нам Олѳшу Поповиця —
А Олѳша Поповичь роду невежлива,

- А невежлива сам роду да не оцеслива,
Кабы роду-то Олёша поповьского.
- 80 А послать-то ле двух-то братьев Долгополых,
Долгополых-то бра́тов полонённых же, —
А от не нашей земли они, неверьные,
А доспеют бы изменушку великую.
А послать ведь Добрынюшку Микитичя —
- 85 Кабы тот ле детинка роду вежлива,
Да вежлива детинка роду, оцеслива».
А не видели поездки да молодецкое,
А увидели: Добрынюшка на коня скочил,
На коня-то он скочил да в струмена ступил.
- 90 А увидели: да во поле курева́ стоит,
Курева́ стоит, да дым столбом валит.
Нагонил-натоптал скоро-на́скоро:
«А какой же ты ле едешь богатырь же?
Есле русьской богатырь, то поворот даю,
- 95 Есле не русьской богатырь, да я напúс держу».
(Сзади хочет ехать.)
А на третье раз да как ругатьцэ стал:
«Ты кака летишь ворона да пустопёрая,
Да кака же сорока позагубиста?»
А оттуль же молодец поворот даёт.
- 100 Кабы даёт Добрынюшке по тяпышу,
А прибавил бы Добрыни по алабышу,
А едва ле Добрыня на коне сидит,
А оттуле Добрынюшка поворот даёт.
А увидел старой казак Илья Муровец —
- 105 А бы едет Добрыня да не по-старому,
А сидит он на коне да не по-прежнему.
Осержаётцэ старо́й да сам срежаетцэ:
«Не сварить вам без меня пивна́ котла —
Привезу вам голову́ вам тотарьскую!»
- 110 Как отправилса старо́й казак Илья Муромец,
Нагонил-натоптал скоро-на́скоро:
«Ты какой же нонь едешь за богатырь же?
Есле русьской богатырь, да я поворот даю,
А не русьской богатырь, да я напúс возьму».
- 115 А на третье ле раз ругатьцэ стал:
«Ты кака летишь ворона да пусто(пёрая),
Да кака летишь сорока да позагубиста?
Ты ницем зовешь нас, тридцеть богатырей!»
А оттуль молодец да поворот даёт.
- 120 Кабы съехались два удалых добрых м(олоцц)а́,
Кабы секлись сабёлками острыми —
А сабёлки-те у их прищербалисе.
А тыкались копейцами бурзамеческими —
А копейца у их да извихалисе.

- 125 А соскакивали робята да со добрых коней,
А хватались робята да в охабоцьку,
Кабы биелись-боролись да трое сутокки —
А пробиели они до колен землю.
По бесчесью тут да по великому
- 130 У старого-то правá рука да промáхнулась,
А левá-то ногá да прокáтилась.
Кабы пал старóй на матушку сырú землю.
А садился Соколик на белы груды,
Он и хоцёт пороть да груди белые,
- 135 Он и хоцёт смотреть его ретивó серцьё.
А взмолился старóй дак да Господу́ Богу:
«Пресвета ти ли мати Богородиця!
А стоел я за веру за Христовую,
Я держалса того креста распятого,
- 140 А повыдала поганому Издолищу,
Ты повыдала ему дак на руганьице!»
У старóго вдвое да силы прибыло,
Он скакал со матушки сырой земли,
А взметал-то Сокольника на матушку,
- 145 А на матушку метал его на сырú землю,
А садился ему он да на черны груды.
Замахнулса пороть его черны груды,
Посмотреть он хотел его (ретиво серцьё) —
Застоялась у старого во плече рука.
- 150 «А скажи е-то удалой доброй молодець,
Откуль идёшь, да откуль едешь же,
Ты какого отца да какой матери?»
Говорил е удалой да добрый молодець:
«Не роздражай меня, удалого,
- 155 Ты порн скоро мон да груды чёрные,
Посмотри моё ты ретивó серцьё».
Замахнулса старóй дак во вторóй након —
Застоелась у его дак во локтю рука.
«Ты скажи-ко, удалой да доброй молодец!
- 160 Ты какого отца да какой матери?» —
«Я сидел когдэ у тя на белых грудях,
Я не спрашивал роду у тя, не племени,
Я отца не спрашивал, не матери,
Ты пори скорее да груды чёрные,
- 165 Ты смотри моё да ретивó серцьё».
Замахнулса старóй да во третей након —
Застоелась у старóго да в зáведи рука.
«Ты скажи-ко, удалой доброй молодець,
Та какого отца да какой матери,
- 170 Ты откуль нонь идёшь да откуль правишь?» —
«Я иду, молодець, да от синя моря.
Кабы матушка моя да Златыгорка,

- А Э(латыгорк)а она да полениця же,
 Полениця она да преюдалая».
- 175 А соскакиват старóй да со чернóх грудéй,
 А хватал его, мо(лоцца), за белы рукí,
 Целовал бы его он в устá сахарные:
 «А твоя ле матьь блядка,
 А бы то, молодець, есь ты выбледок,
 180 А любимой ты мой ноньце сын же веть.
 Ты поедь-ко, удалой да доброй молодець,
 Привези матушку родимую,
 Окрестим-приведём в веру Христовую,
 А не будёт тебе в поле поединщика».
- 185 А разъехались удалы да добры молоццы,
 А приехал как молодець ноньце к матушке:
 «А ты ой еси, матушка родимая!
 А бы ездил-ходил во чистóм поле.
 Я бы видел собаку серú седатую,
 190 Он зовёт тебя да, право, блядкой,
 А меня-то кличет да выбледком».
 Говорит его ле матушка родимая:
 «Не пустым-то молодець похваляетцэ.
 Я (...) ле тут матушка родимая».
- 195 Он хватил ле за косы женьские долгиа,
 А метал-то он ей о кирпичет пол,
 А давал он ей тут да скору смёрточку.
 Погонíл на тот, право, белóй шатёр,
 А бы ткнул копьём да во белóй шатёр,
 200 Он бы ткнул старóму во белы груди.
 У старóго на грудí был бы чúден крест,
 А попало ему, право, в чúден крест.
 Просыпаеццэ старóй дак скоро-на́скоро,
 Выбегаёт старóй да вон на улецю,
 205 Он хватил Сокольника за буйнú главú —
 Он отóрвал да тут буйнú главú,
 А бы туловище отвёз он во чистó поле,
 А бы вóронам да на граеньицэ,
 А зверям бы его да на тасканьицэ.

№ 70^н

- Ай да не близко от города, не далёко же,
 Не далёко ё от Киева — за двенаццэтъ вёрст,
 Там и жили на за́ставы бугáтыре,
 Караулили-хранили стольнéй Киев да град,
 5 Не видали не конного, не пешёго,
 Не прохожёго, ни ле проежжёго.
 Э да их было двенаццетъ все богáтырей:
 Да за старóшого был Илья Муромеч,
 Под им был Самсон да Колыбанович,

- 10 Ай Добрыня да был у ёго во писарях,
А Олёша жил во конюхах,
Кабы Мишка Торопанишка чашки-ложки мыл,
Чашки-ложки мыл да поварёночки.
Да не серой-ёт волк не прорыскивāt,
15 Да не черной медвед не прохаживāt,
Да встает старой да по ютру ранó,
Да й выходит старой вон на юличю,
Да берёт-де старой да подзорную трубочку.
Да он и смотрит под сторону под западню —
20 Кабы там да стоят горы ледяныя.
Посмотрел под сторонушку под северну —
Кабы там да стоит морё синёе.
Посмотрел под сторону обедничну —
Кабы там стоит да полё чистое,
25 Ай ведь ездит богатырь забавляетца,
Кверху он стрелочку постреливат,
На сыру землю он стрелку не юраниват,
На лету ту стрелочку подхватывāt.
На одном-то колене держит чернильницу,
30 На другом-то колене держит гумажечку,
И пишет богатырь скорограмотку.
Ай подъезжает богатырь к белу шатру,
Подбрасывает грамотку старому казаку.
А и берёт старой эту грамотку,
35 Да заходит старой во белой шатёр,
Заревел-закричал громким голосом:
«Не время нам спать, пора вставать,
От великого вы сою пробужатися,
От великого хмелю просыпатися!»
40 А вот скокали ребята на резвы ноги,
Умывались ребята ключевой водой,
Утирались чистым полотенышком.
Вот и стал читать старый скорограмотку:
«Уж я еду-де к вам в стольный Киев-град,
45 Греметь-шурмовать у вас в стольнем Киеве,
Стара казака к себе в полон возьму,
Молоду его кнегину за себя возьму,
Добрыню Микитичя во писари,
А Олешу Поповиче во конюхи,
50 Как бы Мишку Торопанина чашки-ложки мыть,
Чашки-ложки мыть да поварёночки.
Белой я шатёр у вас на дым спущу,
А светые иконы на полав воды».
Ай вот и стал старой их выпрашивать:
55 «Да кого мы пошлём да во чисто полё,
Во чисто полё пошлём да за богатырем?
А послать нам Мишку Торопанишку,

- А у нас Мишка роду торопливого —
Заевит потеряют свою буйну гóлову.
- 60 А пошлём мы Добрынюшку Микитичя,
Добрыня роду у нас вежливого:
Он умеет с богатырем съехаться,
Он умеет богатырю ведь честь воздать».
Вот и стал тут Добрынюшка срезатисэ.
- 65 Только видели, как Добрыня на коня вскочил,
Только видели: Добрыня в стремя ступил.
Только видят: в чистом полё куревá стоит,
Куревá стоит да дым столбом валит,
У коня изо рту пламя мечетцэ,
- 70 У коня из ноздрей искры сыплютцэ,
А и хвост трубой да завиваетцэ.
Подъезжает Добрыня да ко богатырю,
Заревел тут Добрыня во пёрвой након:
«А и куда ты едёшь, куда путь дёржишь?»
- 75 А на ето богатырь не ёслушался.
Заревел-закричал ны второй након:
«Ах ты летишь, ворона пустопёрая,
А и ты летишь, сорока загумённая,
Не воротись к нам на заставу караульную!»
- 80 А на ето богатырь поворот даёт.
Налетел тогда богатырь на Добрынюшку —
Сосвистнул он Добрыню со добра коня,
Да и дал ему по жопы два потяпыша,
Да и прибавил ему два алабыша.
- 85 Посадил его назад на добра коня:
«Поеждяй ты, Добрыня, во белой шатёр,
Да скажи от мене старичку низкой поклон,
Да пускай вами, гавнами, не заменеецца,
Самому ему со мной не поправитцэ».
- 90 Ай видят: идёт Добрыня не по-старому,
А и конь-то бежит не по-прежнему,
Повеся он дёржит буйну гóлову,
Потопя он дёржит да очи ясныя.
Подъезжает Добрыня да ко белу шатру,
- 95 Да заходит Добрыня во белои шатёр.
Вот и стал его старой выпрашивать,
А и стал ему Добрынюшка рассказывать:
«Да послал он тебе со мной низкой поклон,
Не велел он гавном заменяться,
- 100 Самому ему со мной не поправитцэ».
А ю старóго тут плеча да расходилися,
Да и глаза у его да помутилися,
Заревел он, закрычал громким голосом:
«Вы уздайте-седлайте коня доброго,
- 105 Коня доброго уздайте его со восьми чепей!
Не успеете вы, говорит, горшка сварить,

- Привезу я таторьску буйну голову!»
 Вот и стал тут старой тут срежатице,
 Да и стал тут старой надеватисе.
- 110 Надеваёт он латы тут богатырские,
 Надеваёт он шляпу на одно ухо,
 На правом-то плечи чёрной ворон,
 На левом-то плечи всё орёл сидел.
 Ай да не виделн старика, как на коня скоцел,
- 115 Только видели: старой в стремена ступил,
 Ай да увидели: в чистом поле курева стоит,
 Курева где стоит да дым столбом валит,
 У коня из роту пламя мечтцэ,
 У коня из ноздрей да искры сыплютцэ,
- 120 Ах хвост трубой да завиваетцэ.
 Полетел старичок во чистое поле.
 Подъезжает старой да к богатырю.
 Заревел тут старой да во первой закон:
 «А куда же ты едешь, куда путь держишь,
 125 Не воротнишь к нам на заставу?
 Ай неужели нас, богатырей, ничем зовёшь?»
 Ай на его богатырь не послушелся.
 Заревел тогда старой на второй закон:
 «Ах ты летишь, ворона да пустопёрая,
 130 Ах ты летишь, сорока загумённая!»
 А на его богатырь поворот даёт.
 А не две тут тучи столкнулисэ —
 Два богатыря тут съезжалисэ.
 Задрожала тогда мать сыра земля.
- 135 Они бились-хвостались целы сутки —
 У их палицы до рук да обломалисэ.
 Они бросили тут бой о сыру землю,
 Схватили копееца оны булатныя,
 Они тыкались-дрались вторые сутки —
- 140 А копееца у их да изломалисэ.
 Они бросили тот бой о сыру землю,
 Да скочили тогда со добрых коней,
 Да схватились ёни во охабочку.
 Они бились-боролись да третьи сутки —
- 145 А похвальнее слово старого спутало:
 Одна-то нога-то подкатнуласэ,
 А другая нога-то подломиласэ,
 Вот упал тогда старой на сыру землю.
 Заскочил ему тогда богатырь на белые груди,
- 150 Он разорвал ведь латы богатырския,
 Да и вытащил чинжалище булатное,
 Замахнулса ему да во белые груди.
 Ай да взмолилса старой да Богородицы:
 «Пресветая ты мати да Богородица,

- 155 Почему ты меня да это выдала
 Черным воро́нам да на расклёванье,
 А лютым зверьям на растёрзанье?
 А стоял я за веру за Христовую,
 А молился всегда да Богородицы!»
- 160 А не ветру полоска тут махнула —
 Вдвое-втрое у ста́рого силы при́было.
 Сосвисну́л он бога́тыря со белы́х грудёй,
 Заскочил он ёму на белы́ груды́.
 Он разо́рвал латы да богатырския,
- 165 Да и вытащил чинжалешо булатноё,
 Замахнулсэ ему да во белы́ груди —
 В плече его рука́ да застояласэ.
 Вот и стал его ста́рой то́гда распрашивать:
 «Да какого ты роду, какого племене,
- 170 Но как же тебя зовут по емени?» —
 «А ко́гда был я у тебя на белы́х грудя́х,
 Я не спрашивал ни роду, ни племене».
 Замахнулсэ ста́рой на второй након —
 В локтю рука да застоялосэ.
- 175 Вот и стал его ста́рой выпрашивать:
 «Да какого же ты роду, какой племене,
 Но как же тебя зовут по емене?» —
 «А ко́гда был я у тебя на белы́х грудя́х,
 Я не спрашивал у тя ни роду, ни племене».
- 180 Замахнулсэ ста́рой на третей након —
 В заветье́ рука да застоялосэ.
 Вот и стал его старик выпрашивать:
 «Да какого роду, какой племене,
 Но как же тебя зовут по емене?» —
- 185 «Ай я еду из-за мо́ря, бога́тырь же,
 А мне не много веку, только двенаццетъ лет.
 У мня мати богатыриця, полениця уже,
 А отец мой — он прохожий молодець».

190 Тогда скочил старой со белых грудёй и поставил его на резвы́ ногы́ и поцеловал его дважды: «И ты будешь мене сынок, и я тебе буду татенька. Поедем со мной во бело́й шатёр». А он сказал ему: «Не еду я с тобой во бело́й шатёр. Поеду назад за синё морё. За синё море поеду, — говорит, — к ронной матушке. И приедем мы обои с матерью».

195 Распростелись и приеждает к ронной матери, встретила его родима матушка: «Где же ты, дитятко, побыл, чего же ты, дитятко, повídaл?» — «Был я в стольнем Киеве и видел там базыкову коровушку, и она зовет тебя б(лядкою), а меня выб(лядком)». Вытащил чинжалишо и шарнул матери в гру́ди. И завернул коня и поехал опять в стольный Киёв-град.

200 Подъезжает ко белу́ шатру. Соскочил со́ добра́ коня и забежал во бело́й шатёр. А ста́рой со великого устатку спит богатырским сном, не слышит. Вытащил он чинжалишо булатноё и шарнул ста́рому во белы́ груды́. Погоди́лся у ста́рого на груды́ старинный чуден крест. Угадал он в этот самый крест. Соскочил то́гда ста́рой на резвы́ ногы́, схватил Сокольника за белы́ кудры́, хвосну́л его о дубовый пол, на одну́ руку́ наступил, друго́ оторвал, наступил на одну́ ногу́, друго́ оторвал и выбросил его на улицу и опять лёг спать. (Тут конецъ, пожалуй.)

№ 71

- Стояли на заставе богатыри,
 Стерегли-берегли они стольней Киев-град.
 Не много их было, добрых молодцев, —
 Триццеть три богатыря,
 5 Во главе стоял самый старой козак Илья Муромец.
 Поутру рано старой пробужался,
 Кунию шубу надевал на одно плечо,
 Пухов колпак на одно ухо,
 Чаблеты одевал на босу ногу,
 10 Выходил вон на улицу из белы шатра,
 Припадал к матушке сырой земле правым ухом,
 Не дрожит ли матушка сыра земля дубровушка зелёная,
 Уж слышал он, што дрожит матушка сыра земля.
 Вынул он свою трубку подзорную,
 15 Стал он смотреть в чисто поле.
 Увидел он: в чистом поли
 Поежживат доброй молодец,
 Калену стрелу он постреливат,
 И на полёте он стрелу подхватыват.
 20 Заходил он вновь во белой шатёр,
 Разбудил он добрых молодцов:
 «Ставайте вы, добры молодцы!
 Будет вам спать, пора вставать,
 Во чистом поли стоит негодущка:
 25 Поеждиват там доброй молодец,
 Калену стрелу он постреливат,
 И на полёте он стрелу подхватыват.
 Кого ле бы послать узнать,
 Какой он земли, какой Орды,
 30 Какой отчины, какой отцовщины?»
 Пошлём мы Олешу Поповича —
 Олеша был роду вежливого и очесливого,
 Умел как с людьми сойтись и съехаться». —
 И отправили Олешу Поповича
 35 Расспросить доброго молодца.
 Поехал Олеша во чисто поле.
 Подъездят он к добру молодцу,
 Сиздала кричит он добру молодцу:
 «Ох ты ой еси, добрый молодец!
 40 Какой ты земли, какой Орды,
 Какой отчины, какой отцовщины?»
 Стоим мы на заставе, богатыри,
 Берегём-стерегём стольней Киев-град». —
 А доброй молодец с им говорить не желат.
 45 А подъездят к нему,
 Говорит ему таковое слово добрый молодец:
 «Старого я козака возьму у вас во писари,

- Добрыню Никитича — во конюхи,
А Олёшу Поповича — во кучеры».
- 50 Дал Олёше по тяпышу,
И прибавил по алабышу.
Поехал Олёша ко белу шатру —
Едва на коне сидит.
Стречают Олёшу добры молоццы,
- 55 И видят: Олёша сидит да не по-старому.
Говорит Олёша таковы слова:
«Добрый молодец говорил:
„Старого я козака возьму у вас во писари,
Добрыню Никитича — во конюхи,
60 А Олёшу Поповича — во кучеры“».
- Закипело у старого ретивó сердце кровью горячей.
Скоренько он стал снаряжаться во чисто поле,
Брал он всю свою приправу молодецкую,
И садилса он на добра коня скоренько,
- 65 И погонил в чисто поле к добру молоццу.
Не брãтились тут, не здоровались,
А прямо стрещались копьями бурзамецкими.
У старого по бесчаштью по великому
Права рука промãхнулась —
- 70 И вылетел он из седла вон и пал на сырую землю.
Приеждий добрый молодец ткнул его в ретивó сердце
Копьём да бурзамецким.
Был у старого на груди чуден крест серебряный,
О крест копьё его остаиовилосе и притупилосе.
- 75 Тогда старой взмолилса Господу Богу:
«Стоял ведь я за веру православную,
За церкви божиин,
Выдал меня Господь тотарину богатому!»
Проевилось тут у старого силы множество.
- 80 Соскочил он со сырой земли,
Сронил проеждего доброго молодца с добра коня
И ткнул его в ретивó сердце копьём бурзамецким —
В плечи рука его остоялась.
Стал он спрашивать доброго молодца:
- 85 «Скажи мне, добрый мóлодец,
Какой ты земли, какой Орды,
Какой отчины, какой отцовщины,
Как тебе именём зовут?»
Отвечал ему добрый мóлодец:
- 90 «Как был я у тебя на белых грудях,
Не спрашивал твоего роду-племени,
Прямо порол груди белыя».
Ткнул старой второй раз во черны груди —
Во локтю опять его рука да остоялась,
- 95 И опять стал спрашивать старой козак доброго молодца.
Отвечает добрый молодец по-старому.

- Занёс тогда старой козак во третей након копье бурзамецкое —
 В заведи рука его да остоялесе.
 Тогда стал отвечать добрый молодец:
- 100 «Я от того от моря от студёного,
 От того от камешка от серого,
 От той матушки от Златыгорки».
 Тогда старой соскакивал с белых грудей,
 Брал доброго молодца за белы руки,
- 105 Подымал с сырой земли,
 Стал говорить таковы слова:
 «С твоей матушкой родимой
 Стояли мы три года — тегались,
 Собственный ты мой ронной сын,
 110 Оттого и рука у меня остаивалась».
 (Больше ничего не слышал.)

№ 72^н

- Аж на горах, на горах крутых,
 Ай на шоломах, на горах юкатистых,
 Ай-я застали там на заставы богатыри,
 Ай-я берегли-стерегли да стольней Киев-град.
- 5 А не много тут богатырей — триццеть три:
 А и во-первых, старый казак Илья Муромец,
 Во-вторых, Дунай да сын Иванович,
 Ай-я во-третьих, Олешенька Попович блад,
 Ай-я в-четвёртых, Добрынюшка Микитович,
- 10 Ай-я во-пятых, был тут Васенька Окулович,
 Во-шестых, Васенька Буслаёвиць,
 А и как всех по имени — не высказать,
 Ах и как по изотчине — не звеличать.
 Ай-я по утру нонь было по раному,
- 15 Ай-я старой казак провожаетця,
 Ключевой ле водой е умываетця,
 Аж он браным полотенцем вытираетця.
 Вынимал ле трубочку подзорную,
 Он смотрел ле, гледел во чисто поле,
- 20 А-на ювидала во чистом поле доброго молодца.
 Кабы ездит молодец потешанце:
 А-на калёную стрелочку подстреливат,
 А на землю ту стрелку не ранивал,
 На полёте сам стрелочку подхватыват.
- 25 А ще как это старому за беду стало,
 За досаду великою показалосе:
 «А ще как нас-то, богатырей, ничем зовёт,
 Как ницем ле зовёт, ни во что кладёт!»
 Ай-я говорил ле старой да таковы слова:

- 30 «Мы кого же нонь пошлём за молодцем?
 Ай-я пошлём нонь Добрынюшку Микитича:
 Аж Добрынька у нас да вежлива,
 А ще как вежлива роду была, учестлива,
 Ёна умеет с людьми съехаться,
- 35 Ёна юеет с людьми да поздороватьще,
 Ёна умеет, Добрыня, людям честь воздать».
 А ще как и стал Добрынюшка срезжатися,
 Ай как скоро наш Микитич сподоблятися,
 А берёт своего коня доброго,
- 40 А кабы берёт он его за шолкóв повóд,
 А налаживал на своего коня шолкóв повóд,
 Стремена наступил да на коня скочил,
 А да поехал-погонил во чистó поле.
 А да ювидели: во чистóм поле куревá стоит,
- 45 Куревá стоит, да дым столбом валит.
 Ён ле скоро пригонил к добру молодцу,
 Говорил Добрынька таковы́ слова:
 «А ще ты здраствуешь, да доброй молодец!
 Ты ли ездить, гуляшь, потешаишьсе,
- 50 А как ту ле стрелочку постреливашь,
 На полети ле стрелочку подхватывашь,
 А на землю ту стрелочку не ранивашь,
 А ще как наших богатырей ничем зовёшь,
 А ничем нас зовёшь, ни во что кладёшь».
- 55 А подъезжает ко Добрыньке ко Микитичу,
 Снимает со добра́ коня,
 Аж как дал на жопу-ту по тэпышу,
 На другую дал ему по ёлабышу,
 Ай-я посадил Добрыньку на добра коня́:
- 60 «Поеждяй назад, Добрынька, на за́ставу,
 Ты скажи теперь старому Илье Муромцу —
 Аж как после старой говном не заменеетца:
 Если хочет, пусть едет во ч́исто поле
 Побитися со мной, поратися,
- 65 Попробовать силы молодецкия».
 Ай-я приехал Добрынька ко белу шатру,
 А н тут стал Добрынька рассказывать.
 А ю старóго тут очи ясны помутилисе,
 Могуче плечи его да расходилисе,
- 70 А ще как и стал старóй скоро срезжатися,
 А н скоро ле старóй стал сподоблятися.
 А-на берёт свою приправу да богатырскую,
 А н как сабельку берёт ён булатную,
 Ай-я копеицо берёт да бурзамецкоё,
- 75 А бурзамецкоё копеицо да долгомерное,
 Ай-я палицу ту буёвую,
 Ай да стал ён тут седлать коня добраго,

- А наложивал седёлышко черкальчето,
 А-на ле клал на брюхо пять подпругов,
 80 А и шестой он поло́жил через хребетину,
 А и не для ради ба́сы — ради крепости,
 Штоб не оставил добрый конь во чистом поли.
 Ай-я и стрёмена наступил, на коня скочил
 А ще и отправилса-поехал во чистó полё.
- 85 А-на ювидели: во чистом поли курева́ стоит,
 Курева́ то ле стоит, дым столбом валит.
 А и да скоро пригонил к добру молоццу,
 А еще сразу ле с ним съехались
 Как на те нонеце сабельки булатные.
- 90 Ани бились тут, махались, добры молоццы —
 Ай-я по насадоцкам сабельки измахались.
 Ай-я во вторóй раз ребята еще съехались
 Как на те нонеце копеица долгомерныя —
 Ай-я копеица да те изломались,
- 95 По насадочкам копеица да извихались.
 Ай-я они съехались на палицы буёвые —
 А ще как палицы опять у них сломались,
 По насадочкам они извихались.
 Ай-я скозили робята со добрых коней,
- 100 И схватились они на рукопалочку.
 А ще бились тут робятушки, боролисе,
 А кабы бились тут робятушки трое суток —
 Ай-я до колена о землю прибилисе.
 Ай-я по старому бесчастью по великому
- 105 Кабы правая нога подскользилася,
 Кабы левая рука а опустилася,
 Как а упал ле старой на мать сыру землю.
 Налетел Сокольник ему на белы́ грудí,
 А-на выхватывал кинжал свой булатный нож,
- 110 А-на взмохнул тут старому во белы́ грудí —
 А ле старому по бесчастью по великому,
 Ай-я попало старому во чуден крест.
 Ай-я взмолилса старой Богородице:
 «А ще ты, пресвета мати Богородица,
- 115 А ще ты выдала меня да на поруганье,
 Ай-я на поруганье, на покор?»
 Ай-я лежит старой, сам чувствует —
 А ще как много силы прибыло.
 Ай-я стрепеснулса старой, как белой куропат,
- 120 А ще скочил старой, да стал на резвые ноги,
 А ще хватил Сокольника за жолты кудри́,
 А и подымал ёго выше буйной головы,
 А опустил его на матушку на сыру землю,
 А и садилса старой ему на белы́ груди.
- 125 Ай-я вынимал кинжал свой булатной нож,
 А-на взмахнул своей рукой правое —

- Ай-я завид рука у старого застоелоя,
 А ще говорил ле старой да таковы́ слова:
 «А ще ты ой еси, юдалой молодец,
 130 А ще коей ты земли да коего города,
 А ще которого ты отца, которой матушки,
 А ще как тя, молоцца, ёменём зовут?»
 Ай-я говорит Сокольник, ответ дёржит:
 «Кабы я был у тя на белых грудях,
 135 Я не спрашивал ю тя роду-племени,
 Я не спрашивал ю тя да ётца-матушки,
 Есле хочёшь, пори мои белые груди».
 А ще взмахнул старой во второй након —
 А ще в локтю у его рука застоеласе,
 140 А ще говорил ле тут старой да таковы́ слова:
 «Да ты гой еси, юдалой доброй молодец,
 А ще которого отца, которой матери,
 А уж как отца именём зовут?»
 А ще говорит ле Сокольник, ётвет дёржит:
 145 «Кабы был я когда у тя на белых грудях,
 А ще не спрашивал ю тя роду-племени,
 А не спрашивал ю тебя отца-матушки,
 Есле хочёшь, пори мои е белы́ груди».
 Ай-я взмахнул ле старой на третей раз —
 150 А ще в плече у его рука застоелосе.
 А ще говорил ище старой, его спрашивал:
 «А ще ты ой еси, удалой молодец!
 А ще как тя, молоцца, да ле именем зовут,
 А ще как тебе величают по ётечеству?»
 155 А говорит ему Сокольник, ётвет дёржит:
 «А зовут меня, да добра́ молоцца,
 Аж зовут-то меня, право, Сокольником.
 А ще как есь у меня матушка родимая,
 А ще как та нонече, право, Златыгорка».
 160 А берёт его старой за праву́ руку,
 А ще целует его в уста ле да во сахарные,
 А ще называет его, право, своим сыном,
 Аж как тут молоццы да ле помирились,
 А ще назвались они братьема ронными-та,
 165 А ще поехали теперь долеко ко белым шатрам.

№ 73

- Недалеко от города от Киева
 Тут стояли на заставы богатыри:
 Во-первых, стоял казак да Илья Муромець,
 Во-вторых, Дунай да сын Ивановичь,
 5 Во-третьих, стоял Добрынюшка Никитиць,
 Во-четвертых-то, Олешенька Поповиць.
 По утру раным-ранешинько,

- По восходу было красна солнышка,
Выходил Илья Муромецъ вои на улицу,
10 Смотрел он во все стороны в трубочку подозрную.
«У нас все же-де во поле по-старому,
А в зеленых у нас лугах не по-прежнему —
Как заехал к нам удалый добрый молодець,
Уж он топчет нашу травоньку шелковую
- 15 И ломат он наши яблони кудрявые.
Конь-ёт под ним вот, как лютой змей,
Сам он на коне-то, как лютой зверь.
У его же три утечи, три великие:
Впереди его бежит чернóй медведь,
20 Позади его бежит борзóй выжлочек,
На правом плече воробей сидит.
Со своими он утехами потешается».
Заходил тут Илья да во белóй шатёр,
Говорил он тут Олешеньки Поповицю:
- 25 «Поезжай-ко ты, Олешенька Поповицев,
Поезжай-ко ты к удалу добру молодцу,
Спрашвай-ко ты удала добра молодца,
Которого он города, коей земли,
Он которого отца, коей матушки».
- 30 Поехал Олешенька Поповицев,
Он поехал к удалу добру молодцу.
Доезжает тут Олеша в зелены сады,
Заревел Олеша громким голосом:
«Ах ты блядь, ты ворона пустопёрая,
- 35 Зачем ты залетела не спрóся в зелены сады
И мнешь нашу травоньку шелковую,
И ломашь наши яблони кудрявые?»
Заревел тут Сокольник громким голосом —
И падат у Олёши конь наóкорочь.
- 40 Подъезжает тут удалый добрый молодець
[Ко тому ли ко Олёши ко Поповичу],
Схватил он тут Олешу за русы кудри,
Сбросил он Олешу на сыру землю,
Наклескал его по жопе по-робецьему,
- 45 Приговариват удалый добрый молодець:
«Возьму я Илью к себе в прикашчики,
Возьму я Дуная к себе в писари,
А Добрыню я возьму к себе в конюхи,
А тебя, Олешу, — чашки-ложки мыть».
- 50 Поехал Олеша ко белым шатрам,
Говорит тут Олеша Илье Муромцю:
«Не сказыват удалый добрый молодець,
Не сказыват ни родины, ни óтчины,
Тебя, Илью, он хочет взять в прикашчики,
- 55 Дуная-то взять к себе в писари,
Добрыню-то взять к себе в конюхи,
А меня, Олешу, — чашки-ложки мыть».

- Это слово Ильи за беду сталó,
 За беду, за досаду показалось.
- 60 Выходил старой тут на улицу,
 Прикликал он к себе коня доброго,
 Седлаал он, уздал коня доброго:
 Седлает Илья седло черкасское,
 Подстегиват двенадцать подпруг шелковых,
- 65 Тринадцату кладет чересхребетную,
 Не ради басы — да ради крепости,
 Ради прелести лошадиной,
 Не оставил бы меня добрый конь во чистóм поле.
 Берет он с собой палицю буёвую,
- 70 Берет с собой копейцё бурзومهцькое,
 Берет он с собой саблю вострую.
 Отправлялся Илья к добру молодцю.
 Подъезжает к добру молодцю, недалече уж.
 Отпускает удалый добрый молодець
- 75 От себя три утхи три великие:
 «Едет, — говорит, — собака ярыжлива,
 Надо будет с ним поотведаться».
- Заревел Илья громким голосом:
 «Эй ты, удалый добрый молодець,
- 80 Ты какого городу, какой земли,
 Какого отця, какой матушки?»
 Заревел тут Сокольник громким голосом —
 Падат у Ильи конь на́корочь.
 Бьет Илья коня по тучиым ребрам:
- 85 «Ах ты волчья сыть, травяной мешок,
 Не слышал ли ты крыку богатырского,
 Не слышал ли ты шипу соловьиного?»
 Разъехались удалы добры молодцы
 (на друг дружку),
 Палицами буёвыми билися.
- 90 Долго ли билися, коротко ли —
 Палки в руках загорелся,
 Никоей никоего не ранили,
 Не ранили, не окровавили.
 Кололися они копьями вострыма —
- 95 По насáдкам копья извернулися,
 Никоей никоего не ранили,
 Не ранили, не окровавили.
 Секлись они саблями вострыма —
 Все сабли у них исчербилися
 (друг о дружку),
- 100 [Никоей никоего не ранили,
 Не ранили, не окровавили.]
 Сбнилися они со добрых коней,
 Схватилися крепким боем врукопашную.
 Долго ли билися, коротко ли —
- 105 Никоей никоего не ранили,
 Не ранли, не окровавили.

- У Ильи нога права подвернулася
(как-то),
И бросил Сокольник Илью на сыру землю,
Садился Сокольник на белы груди,
110 Вынимает из кинжалища булатен нож,
Расстегивает пуговики вальячные,
Разворачивает латы булатные.
Взмолился Илья Божьей матери:
«Стоял я за веру православную
115 [И за дом Божьей матери],
А теперь доставаюсь на поруганье
Идолищу поганому!»
У Ильи вдвое силы прибыло,
И сбросил Сокольника со могучих плещь,
120 И сел ему на белы груди,
Вынимает из кинжалища булатен нож,
Расстегивает пуговики вальячные,
Разворачивает латы булатные,
Заносит нож во первой након,
125 Хочет пороть груди белые,
Смотреть на его ретиво сердце —
В заведи рука остоялася.
И спрашиват удала добра молодца:
«Ах ты, удалый добрый молодецъ,
130 Какого ты города, какой земли,
Какого отца, какой матушки?»
Говорил тут Сокольник таковы слова:
«Я сидел бы у тебя на белых грудях,
Смотрел бы у тебя ретиво сердце,
135 Не спрашивал бы ни родины, ни отчины».]
Занес Илья нож во второй након —
В локтю рука остоялася.
[Спрашиват Илья добра молодца:
«Ах ты, удалый добрый молодецъ,
140 Какого ты города, какой земли,
Какого отца, какой матушки?»
Говорит тут Сокольник таковы слова:
«Я сидел бы у тебя на белых грудях,
Смотрел бы у тебя ретиво сердце,
145 Не спрашивал бы ни родины, ни отчины».]
Занес Илья нож во третей након —
В плече рука остоялася.
(Опять не может убить!)
Спрашиват Илья добра молодца:
«Что ты, удалый добрый молодецъ,
150 Какого ты города, какой земли,
Которого отца, кой матушки?»
Говорит тут удалый добрый молодецъ:
«От того же я от моря, моря синего,
От того же я от камня от Латыря,

- 155 От тоей паленици приудалыя,
Я от матушки от Латыгорки».
Говорил тут Илья Муромецъ:
[«Был я у камня у Латыря,]
Был я у матушки Латыгорки,
- 160 Жил я там ровио три месяца.
Видно, ты будешь мне сын, а я — твой отец».
Встал тут Илья со белых грудей,
Взял он его за белы руки,
Встали они на резвы ноги
(поцеловались!),
- 165 Разъезжались да распрощались.
Поехал Илья во белы шатры,
А Сокольник поехал к родной матушке.
Приехал Сокольник к родной матушке,
Спрашивает мать его родимая:
- 170 «Не видал ли, говорит, старого нá поли?»
[Говорит тут Сокольник таковы слова:]
«Видал, грит, собаку ярыжливу,
Тебя зовет блядью, меня выблядком».
Бросил мать о середу кирпичату,
- 175 На одну ногу стал, за другу розорвал.
(А самому 12 лет, — непобедимый был.)
Поехал он назад к Илье Муромцю,
Натягиват он свой тугой лук,
Кладет он туда калену стрелу,
И сам ко стрелы приговариват:
- 180 «Не падай ты ни на воду, ни на гору,
А падай Ильи во белы груди,
Разбей ему груди белые,
Сомешай ему кровь со печенью!»
Разлетелася стрела во белы шатры
- 185 И пала Ильи во белы грудн,
А пала ему в крест серебряной,
Крест серебряной в полтора пуда.
Стрела Илью когда хлопнула,
Выскакивал Илья вон на улицу
- 190 В одних чулочках, без чоботов,
В одной рубашке, без пояса.
Наехал Сокольник по белым шатрам
Илью посмотреть еще мертвого.
Схватились они с Ильей Муромцем,
- 195 И тут Сокольнику и смерть пришла.

(Сокольник в кое время ездил к матери, а Илья-то отдохнул.)

№ 74

У того у моря у холодного,
У того у камня у Латыря,

- Тут живет един сын с родной матушкой.
Молода юность, десяти годов,
5 Он замог, детинушка, конём владать,
Он немецким копейцом замог штурмовать,
Он здымать замог свою палицу буевую,
Хоть не тежолую палку — девеносто пуд.
И говорил тогда детинка таковы слова:
10 «Уж ты ой еси, мать моя родимая!
Мне-ка дай благословеньцо великое
Ходить мне-ка, ездить по чисту полю!»
Выводила она ему тут коня доброго,
Выносила ему сбруню лошадиную,
15 Выносила копейцо бурзомецкое
И выносила ему саблю вострую,
Указала ему палицу буевую
И стала тогда ему наказывать:
«Уж ты ой еси, мое чадо милое!
20 Ты когда поедешь по чисту полю,
Ты увидишь когда старого седатого,
Не доедиши старому, с коня ставай,
Кланяйся старому понизёшинько,
Понизёшинько старому, ниже пояса,
25 Ниже пояса старому, до сырой земли,
До сырой земли старому, в ногу правую».
Отправляетца удалой доброй молодец,
Седлат-уздат коня доброго,
Перекресницу кладёт через хребётну степь,
30 Не для ради басы — да ради крепости:
Не оставил бы меня добрый конь во чистом поле.
Кладёт свои доспехи богатырские,
Берёт свою саблю вострую,
Берет от копейцо бурзомецкое,
35 Берет свою палицу буевую,
Садитца он на добра коня,
Распрощаетца со своей родной матушкой,
И поехал он ступцой потихошинько.
Поехал детина по чисту полю,
40 Со утехами он своима потешаетца:
Впереди его бежит большой [белый] зверь,
Позади его бежит большой черной медведь,
По праву руку бежит чёрной выжлочек,
Как по левую бежит его серый волк,
45 На правом плече сидит блад ясен сокол,
На левом плече сидит блад сизой голубь.
Он и левою рукою нонь коня правит,
Правою рукою ярлыки пишёт,
Он розметыват по полю по чистому,
50 По тому ли раздолю по широкому.
Мимо едет крепку заставу великую,
Где стоят двенадцать руських богатырей,

- Пасут-берегут стольной Киев-град.
Туда ясной сокол не пролётывал,
55 Туда серые волк не прорыскивал,
Доброй молодец удалой не проезживал —
Эта крепкая застава великая.
Он двенадцать богатырей ничем зовет —
Стучит-гремит матушка сыра земля:
- 60 Тогда услышал старой Илья Муромец,
Выходил старой вон на улицу
В одной беленькой рубашечки без поеса,
В одних беленьких чулочках и без чобота.
Он скоро заходит во белый шатер,
- 65 Говорит своей дружинишки хороброю,
Своим двенадцати руським богатырям:
«Уж вы ой еси, могучие богатыри!
Проехал богатырь по чисту полю,
Нас, двенадцать богатырей, видно, ничем зовет,
- 70 Он ничем, видно, зовет нас, ни во што кладёт».
Говорил тогда старой таковы слова:
«Уж ты ой еси, Олешинька Попович блад!
Попроведай ты удала добра молодца:
Он коей земли, какого города,
- 75 Он какого отца, которой матери,
Его как, молодца, именём зовут,
Величают молодца из отечества».
Приготовили Олешки коня доброго,
Выходил тогда Олешка вон на улицу,
- 80 Надевал на себя платъице военное,
Тогда скоро заскочил на добра коня —
И поехал Олешка по чисту полю
Состигать на чистом поли богатыря.
Приезжал Олешка близко к нему — за пять верст,
- 85 Закричал Олешка громким голосом:
«Уж ты, блядь наша ворона пустоперая,
Ты последняя птица волочажная,
По сметишшам ты, птица, волочиласе,
Поганой косью задавиласе!»
- 90 Приезжал Олешка к ему близко к самому —
Едет детинка — не огленетця,
Всё с утехами своими потешаетця.
Тогда воротитця удалой доброй молодец,
Воротит своёго коня доброго,
- 95 Приезжал к Олешке близко к самому,
Снимал Олешку со добра коня,
Во праву холку дал ему два отяпыша,
Во леву холку дал два оляпыша,
Посадил Олешку на добра коня,
- 100 Стал Олешиньки тогда он наказывать:
«Я старóго возьму к себе в прикащики,
Я Добрынюшку возьму во писари,

- Я Иванушка Горденова — во конюхи,
Я тебя, Олёшку, — чашки-ложки мыть».
- 105 Поехал со своим утёхами велнкима,
Поехал вдоль по чисту полю,
А Олёшка поехал ко белу шатру.
Едет Олёшка не по-старому,
Не по-старому была, не по-прежнему.
- 110 Приехал Олёшка ко белу шатру,
Он едва спустился да со добра коня,
Он едва зашел во белой шатер
И стал Олешинька рассказывать,
Со слезами Олешка разговаривать.
- 115 Говорит богатырь таковы слова:
«Он старого берет у нас в прикащики,
Он Добрынюшку Микитича у нас — во писари,
Он Иванушка Горденова — во конюхи,
А меня, Олёшку, — чашки-ложки мыть».
- 120 У старого очи ясны помутилисе,
Его могучие плечи расходилисе,
Богатырское сердце възъярилося.
Приготовили старому коня доброго.
Выходил старой вон на улицу,
- 125 Надевал на себя платьице военное,
Опясал кольчуги золоченые,
Он берет с собой палицу буёвую,
Он берет с собой саблю вострую,
Новую саблю, необновлену,
- 130 И берет с собой копейцо бурзомецкое.
Не видели посадки молодецкой,
Его скороей побезжки лошадиной,
Увидели: во поле только курева стоит,
Курева стоит, да дым столбом валит:
- 135 Сустигать он на чистом поле поехал богатыря.
Недалеко приезжал он, близко — за пять верст,
Закричал тогда старой громким голосом:
«Уж ты здраствуешь, удалой доброй молодец,
Ты какой земли, какого города,
- 140 Ты какого отца, коей матери,
Тебя как, молодца, именём зовут,
Величают удалого из отечества?»
Приезжат тогда старой близко к самому,
Съезжают удалы добры молодцы.
- 145 Говорит тогда удалой доброй молодец:
«Уж вы ой еси, мон утёхи любимые!
Мне-ка нонче, утёхи, не до вас стало,
Не до вас мне стало, да не до вас пришло».
Съезжались удалы добры молодцы,
- 150 Они бились палками буёвыми —
От рук ихны палочки ломалися,
Ни один ни одного не обранили,

- Не обранили, не окровавили.
 Они секлися сабельками вострыма —
 155 Ешше все ихны сабли исшербилисе,
 Ни один ни одного не обранили.
 Не обранили, не окровавили.
 Они тыкались копьями бурзумецкима —
 По насадочкам все ихны копя изломалися,
 160 Ни один ни одного не обранили,
 Не обранили, не окровавили.
 Скакали со своих коней добрых,
 Схватилисе они рукопашкою.
 Ешше бродят молодцы по колен земли —
 165 У старого рука права промахнуласе,
 Да его левая нога подвернуласе —
 И упал тогда старой на сыру землю:
 Во озерках вода вся сколыбалася,
 И сухое пенё обломалосе,
 170 Сыро дубье со вершинами соплеталосе.
 Тогда сел ему собака не белы груди,
 Розрывал он его латы-панзыри
 И те же кольчуги золоченые.
 Тогда взмолилса Илья Муромец:
 175 «Уж ты ой еси, Спас многомилосливой!
 Пресвета, говорит, мать Божья Богородица,
 Я стоял за веру православную,
 Я за руськие церкви за соборные,
 И за все монастыри богомольные —
 180 Уж ты выдала меня собаке на поругание!» —
 У старого тогда силы вдвое прибыло,
 Он и сшиб-сломил собаку со белых грудей,
 Завернулса ему он на черны груди,
 Разрывал он его латы-панзыри
 185 И те же кольчуги золоченые,
 Тогда вынимал он из кинжалишша булатной нож,
 Еще хочет он пороть груди черные,
 Мешать он собаки кровь со печенью
 И вымать его ретиво серцо —
 190 В заведи у старого рука права остоялсe.
 Спрашиват старой Илья Муромец:
 «Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
 Ты какой земли, какого города,
 Ты какого отца, которой матери,
 195 Тебя как, молодца, именем зовут,
 Величают удалого по отечеству?»
 Ответ держит удалой доброй молодец:
 «Когда я сидел у тебя на белых грудях,
 И хотел я пороть груди белые,
 200 И хотел я мешать кровь со печенью,
 И хотел я вымать ретиво серцо,
 Я не спрашивал ни роду, ни племени,

- Ни твоё отца, твоей матери».
Вынимал старой из кинжалишша булатен нож,
205 И хочет он пороть груди чериые,
Мешать он собаки кровь со печенью
И вымать его ретиво сердце —
В локтю у старого рука права остояласе.
Спрашивает старóй Илья Муромец:
210 «Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
Ты какой земли, какого города,
Ты какого отца, которой матери,
Тебя как, молодца, именем зовут,
Величают, удалого, по отечеству?»
215 Ответ держит удалой доброй молодец:
«Когда я сидел у тебя на белых грудях,
И хотел я пороть груди белые,
И хотел я мешать кровь со печенью,
И хотел я вымать ретиво сердце,
220 Я не спрашивал ни роду, ни племени,
Ни твоё отца, твоей матери».
Вынимал старой Илья Муромец булатен нож,
Он хочет пороть груди чериые,
Мешать он собаке кровь со печенью
225 И вымать его ретиво сердце —
В заведи у старóго рука права остояласе.
Спрашивает старóй Илья Муромец:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
Ты какой земли, какого города,
230 Ты какого отца, которой матери,
Тебя как, молодца, именем зовут,
Величают, удалого, по отечеству?»
И сказал тогда удалой доброй молодец:
«От того я от моря от холодного,
235 От того я от камешка от Латыря,
Я родилса от матушки Златыгорки,
От той ли паленицы преудалые».
Тогда стал Илья со черных грудей
И берет его за белы руки,
240 Человал его в уста сахариые:
«Уж ты ой еси, мое чадо милое!
Мы с твоей матушкой Златыгоркой
Спали-ночевали в одном шатре,
И тут мы тебя, видно, прижили».
245 Распрощалися удалы добры молодцы,
И поехал он к морю ко холодному,
Ко своей ко матери Златыгорки,
А старóй тут осталса на чистом поле
Со своим конем добрым,
250 Разоставил свой белой шатёр,
И лег он спать во белой шатёр.
Приехал Сокольник ко своему двору,

- Ко своей ли матери родимой,
 Стречат его матушка родимая:
 255 «Уж ты ой еси, мое чадо любимое!
 Не видал ли ты старого-седатого?»
 Ответ держит удалой доброй молодец:
 «Уж я видел старого-седатого,
 Старой называет тебя блядкою,
 260 А меня обзывает он выблядком».
- Берет он во свою руку правую,
 Берет свою саблю вострую,
 Новую саблю, необновлену,
 И ссек у ей со плеч голову,
 265 Идёт ко своему коню доброму,
 Повеся идёт буйну голову,
 Идет, потупя очи ясные.
 Садился молодец на добра коня,
 И поехал он по чисту полю
 270 Искать старого Илью Муромца.
 Приехал к старому ко белу шатру
 И скоро скочил со добра коня,
 Берет в руки копейцо бурзомецкое,
 Распахнул у шатра полу правую,
 275 Ткнул старому во белы груди.
 Пробудилса старой Илья Муромец,
 Выскочил старой вон на улицу
 В одной беленькой рубашки и без пояса,
 В одних беленьких чулочках и без чобота.
 280 Он берет тогда собаку за черны кудри,
 Он здымал его выше головы,
 Опускал его о сыру землю,
 О сыру землю его, о горюч камень —
 И кончил его тогда вечну жизнь.

№ 75

- По утру-де, утру было ранному,
 На восходе было красном солнышки,
 Выходил-то старой да вон на улицу,
 Брал он трубоньку подзорную,
 5 Здрел-смотрел да на все стороны,
 Слушал ушми да богатырськими:
 Под той сторонущкой под западной
 Едет невежа потешаицця,
 Небылыма он словами похваляицця,
 10 На поезде он стрелоцьку постреливат,
 На полётике стрелоцьку подхватыват,
 Вперёдн его бежит серой волк,
 Позади его бежит большия пёс,
 На правом плечи да блад ясен сокол,

- 15 На левом плечи — сизой орёл.
Небылыма он словами похваляицця:
«Я зайду-заеду в стольный Киев-град —
Соборны церквы все — конюшиами,
Чудны образа во грязь стопцю,
- 20 Самого князя голову срублю,
Саму княгинушку с собой возьму!»
Зашел-то старой нонь во бел шатёр,
Будил он Олешиньку Поповиця:
«Ставай-ко, Олешинька, скорешинько,
- 25 Умывайся, Олешинька, белешинько,
Обтирайся, Олешинька, сушешенько».
Будил он Микитушку Добрынюшку:
«Ставай-ко, Микитушка, скорешенько,
Омывайся, Микитушка, белешенько,
- 30 Обтирайся, Микитушка, сушешинько —
Под той сторонушкой под западной
Едет невежа потешаицця,
Небылыма он словами похваляетца:
„Я зайду-заеду в стольный Киев-град —
- 35 Соборны церквы все — конюшнами,
Чудны образа во грязь стопцю,
Самого князя голову срублю,
Саму княгинушку с собой возьму!“»
Седдал-уздал Микита коня доброго,
- 40 Подстегивал он двенадцать подпругов,
Тринадцату степ да лошадиную,
Не ради басы — ради крепости:
Не оставил молодца да в поли добрый конь
Серым волкам да на съеденьиццё,
- 45 Черным воронёнкам на граенё.
Не видали отправки молодецькоей,
Не видали поездки богатырськоей,
Только видят: во поли курева идет,
Курева идет, да дым столбом валит.
- 50 Наганивал невежу во чистом поли,
Стал выпрашивать роду-племени:
«Ты коёго, молодець, да роду-племени,
Ты коёго, молодець, да отця-матери,
Как тя, мóлодца, да именем зовут?»
- 55 Тут от невежи ответу нет.
Другой раз Микитушка выпрашивал:
«Ты коего, молодець, да роду-племени,
Ты коего, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодець, да именем зовут?»
- 60 Тут от невежи ответу нет.
И третий раз Микитушка выпрашивал:
«Ты коего, молодець, да роду-племени,
Ты коего, молодець, да отця-матери?»
Заревел невежа большим голосом —

- 65 У Микиты конь в окораць пошел,
Отгуль Микита поворот даёт.
Глядит старой да во чисто полё:
Едет Микита не по-старому,
Едет Микита не по-прежнему.
- 70 Звыл старой и заплакал тут:
«Винно, старому мне замены нет,
Нету старому да великой».
Седлал-уздал старой да коня доброго,
Подстегивал он двенадцать подпругов,
- 75 Тринадцату степ да лошадиную
Не ради басы — ради крепости:
Не оставил молодца да в поли добрый конь
Серым волкам да на съеденьицё,
Черным воронёнкам на граеньё.
- 80 Наганивал невежу во чистом поли,
Говорит-то старой да таково слово:
«Що ты, ворона, рострепаласе,
Що ты, пустопера, рострепескаласе,
Небылыма ты словами похваляисся?»
- 85 Хватали они копыя ноньце вострые —
По насадкам копыя извернулисе.
Некоторый некоторого не ранили,
Некоторой некоторого не окровавали.
Хватали они сабельки нонь вострые —
- 90 По насадкам сабельки свернулисе.
Некоторой некоторого не ранили,
Некоторый некоторого не окровавали.
Хватали они палици буёвые —
По насадкам палици свернулисе.
- 95 Некоторой некоторого не ранили,
Некоторой некоторого не окровавили.
Соскакивали они да с добрых коней,
Хваталсь они во мятоцьку,
Бнлись-боролись трои сутоцьки.
- 100 По великому старого по бесчаштьицу
Права нога да прокатиласе,
Лева рука да прокольздиласе,
Пал старой на сыру землю.
Садилса Сокольник на белы груди,
- 105 Розрывал его пуговки серебряны,
Вымал чинжалишшо-булатен нож,
Ладит пороть его белы груди.
Подумал старой да Илья Муромець:
«Стоял я за веру за крешченую,
- 110 Стоял я за церькви соборные,
Стоял за младенцей троедённиых —
Выдала присвета Богородиця
Поганому Издолишчу на граеньё».
Прибыло старому тут силюньки,

- 115 Не вдвое, не втрое — силы впетеро.
Смахнул невежу со белых грудей,
Садилса Сокольнику на черны груди,
Розрывал его пуговики серебряны,
Вымал чинжалишчо-булатен нож,
- 120 Ладит пороть его черны груди.
Увидел он Сокольника на правой руки,
На правой руки — старого именно кольцѣ —
Остаялась у старого рука правая.
Стал он спрашивать роду-племени:
- 125 «Ты коего, молодець, да роду-племени,
Ты коего, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?» —
«Сидел я у тя на белых грудях,
Не спрашивал ни роду, ни племени,
- 130 Не спрашивал ни отця, ни матери».
Другой раз старой нынь выпрашивал:
«Коего, молодець, да роду-племени,
Коего, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?» —
- 135 «Сидел я у тя на белых грудях,
Не спрашивал ни роду, ни племени,
Не спрашивал ни отця, ни матери».
Третьей раз старой выпрашиват:
«Коего, молодець, да роду-племени,
- 140 Коего, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?»
Сказал он старому Ильи Муромцю:
«Из того же я, говорит, города,
Той же матушки Паленги».
- 145 Ставал старой да на резвы ноги,
Брал его да за белы руки,
Говорит старой да таково слово:
«Ой есь, мой сын Сокольничек!
С твоей матушкой я жил триццет лет.
- 150 Поедем, Сокольник, ко мне на за́ставу,
На заставу ко мне попить-поись». —
«Не еду я к тебе на за́ставу».
Второй раз старой выпрашивал:
«Поедем, мой сын Сокольничѣк,
- 155 На заставу ко мне попить-поись!» —
«На заставу ехать мне-ка время нет».
Третьей раз старой его выпрашивал:
«Поедем, мой сын Сокольничѣк,
На заставу ко мне попить-поись!»
- 160 Говорит-то его Сокольничѣк:
«Ехать мне к вам — время нет».
Розъезжались удалы добры молодцы.
Приезжат Сокольник к родной матери,
Стрецяла его мати родимая:

- 165 «Где ты был, мое да цядо милое?»
 Говорит Сокольник таково слово:
 «Ой есь, моя мати родимая!
 Старой тебя зовет бледью, меня — выбледком».
 Говорит она да таково слово:
- 170 «Не пустым, дитя, он похваляница».
 Соскоцил Сокольник со добра коня,
 На одну ногу стал, о другу розорвал.
 Скоцил он нонь на добра коня,
 Оттуль Сокольник поворот дает.
- 175 Приеждат к старому к белу шатру,
 Соскоцил Сокольник со добра коня,
 Скоцил старому в белой шатёр —
 Спит старой да крепко-накрепко.
 Схватил Сокольник копье вострое,
- 180 Ткнул старому во белы груди.
 По великому старого по счастьюцу
 Попало старому в чуден крест,
 Толщина креста — аршин была,
 Долина креста — коса сажень,
- 185 Зашло копье да до полу-креста.
 Соскоцил-то старой да на резвы ноги,
 Схватил Сокольника за черны кудри,
 Подымал он его выше буйной главы,
 Опустил он его о сыру землю,
- 190 Придал он его смерти лютой.

№ 76

- От того от морюшка от синего,
 От того от камешка от серого,
 От той от мамки от Владимирки
 Был у ей сын, маленький воробушек.
- 5 И стал он тоже поезжать от матушки,
 Проснтся в чистó поле погулять.
 Отпускает его мамка, наговаривает:
 «Ты еси, мое чадо милое,
 Не съезжайся ты со старым казаком Ильей Муромцем,
- 10 Он побьет тебя, молодёшенька!»
 (Он-то молодой был еще, пятнадцать лет ему было!)
 Взял Сокóлик палицу боёвую,
 На правóм плече у него сидит седой голубь,
 На левóм плече сидит сизый сокол,
 Впереди его бежит собака его верная.
- 15 И поехал он, простился с родной маменькой,
 И выехал он во чистó поле.
 Едет он по чисту полю,
 По чисту полю, по раздольицу,
 Едет он, забавляетца,

- 20 Вперед палнцу помётывает,
 На лету он палнцу подхватывает,
 И палнце он наговаривает:
 «Нож ты мой булатный,
 Стрелоцка моя калёная,
- 25 Палица моя боевая,
 Не выдавайте меня во чистом поле,
 Во чистом поле с неприятелем!»
 Поехал он прямо на заставу богатырскую.
 А было в эту пору, во времецко —
- 30 Вышел стар казак да вон на улнцу,
 Вышел он на свою на башню на высокую,
 Взял он трубоцку подзорную,
 И смотрит он во все четыре стороны:
 Под восточной стеной — горы снежные,
- 35 Под западной — погоды великие,
 А под северной — горы льденистые,
 А с южной стороны он заметил
 Во чистом поле неприятеля,
 Неприятеля да мала юноша.
- 40 Едет маленькнй да забавляетца,
 Небылымн речами похваляетца,
 Говорит он, изрецает таково слово:
 «Я заеду нынче в стольный Киев-град,
 Святы иконы я сповыкаю,
- 45 Старого казака возьму во конюхи,
 Всю заставу его сповыубиваю».
 Едет, просит споединщика.
 Зашел стар казак Илья Муромец:
 «Ну, ребята, — говорит он, — кого послать нынче нам?
- 50 Алешеньку, рода поповского? Не умеет он съехатца
 С Добрынюшкой во чистом полн,
 Потерят он свою буйну голову;
 Послать Добрынюшку, роду богатого?
 Так Добрынюшка — роду богатого,
- 55 Не умеет он съехатца во чистом полн;
 И послать мне Васильюшка — роду христианского!»
 Вот собрали они Василя,
 Посадили его на добра коня,
 Посадили в седлышко зеркальное,
- 60 Дали ему тугой лук, нож булатный, копье долгометное.
 И видели: молодец в стремяна вступил,
 А не видели, как на коня вскочил.
 Видели: в поли не пыль стоит,
 Курева стоит, да дым столбом валит.
- 65 Наехали молодеца во чистом поле:
 «Што едешь, ворона распугана,
 Нас, сорок богатырей, ннцем зовешь,
 Всю нашу заставу, молодец, под ноги стоптал?»
 Нагонил Васильюшку с добрым конем,

- 70 Схватил Васильюшка за желты́ кудри,
Вытащил его из седёлышка зеркального,
На одну уколку дал ты́пушек,
На другую посадил ала́бушек
И посадил обратно на того коня,
- 75 Отправил Васильюшка со услугой.
Поехал Васильюшка — не может сидеть на кони —
Едет Василий не по-старому,
Едет Василий не по-прежнему.
Встречает стар казак да Илья Муромец,
- 80 И говорит он таково́ слово́:
«Што ты, Василий, едешь не по-старому,
Что ты, сын крестьянский, не по-прежнему?
Ты не умел, видно, съехаться с молодцом во чистом поле.
Кого нынче послать нам поединщика?»
- 85 Давай пошлем нынче Алешеньку, сына поповского». —
Отправляют они Алешеньку, сына поповского,
Повыбрали Алешеньке добра́ коня,
Всю приправу молодецкую,
Всю сбрую лошадиную.
- 90 Сел Алешенька на добра́ коня,
Распростился со всема со товарищами,
Поехал во чисто́ поле.
Подъезжает опеть ко добру молодцу
И говорит молодцу таково́ слово́:
- 95 «Што ты едешь, собака ста́ра,
В чем ты едешь, похваляешься,
Из речей да вышибаешься?»
Подгонил Алешенька к добру молодцу.
Не успел Алешенька конём вернуть —
- 100 Подхватил его добрый молодец за желты́ кудри́,
Вытащил со добра́ коня,
Со добра́ коня, с седла зеркального,
По одну — дал ему ты́пышек,
По другú холку дал ала́бушек,
- 105 Посадил обратно на добра́ коня,
Отправил опять на заставу со услугой.
Поехал Алешенька не по-старому,
Едет Алешенька, да не по-прежнему,
Встречат стар казак да Илья Муромец:
- 110 «Что ты едешь не по-старому,
Што ты, сын Попович, не по-прежнему?
Не умел, наверно, съехаться с добрым молодцем во чистом поли.
Кого нынче нам послать да поединщиком,
Кого станем выбирать да защитника,
- 115 Защитника всему нашему народу?»
Послали они Добрынюшку, сына купческа,
Повыбрали ему добра́ коня,
Всю сбрую лошадиную, всю приправу военную:
Дали ему копье долгометное, тугой лук, булатный нож,

- 120 Дали ему все стрелоцки калёные,
Все винтовочки заряженные.
Поехал Добрынюшка во чистó поле.
Во чистóм поле да на раздольице
Наезжает быстро добрый молодец
- 125 И говорит он таковó словó:
«Ты куда-то едешь, куда путь держишь,
Нас, сорок богатырей, ницем зовешь?»
Он не бился с нм, на рáтился,
Он взял дал ему тьяпышек,
- 130 На другу холку дал алабушек,
Посадил его на добра коня,
И поехал Добрынюшка со услугой —
Не может сидеть на добрóm коне.
И говорит нынче стар казак Илья Муромец:
- 135 «Больше неким, ребята, заменится,
Придетца самому ехать во чисто поле
Да съезжатьца с добрым молодцом.
Мы съедимся с им — добром да не разъедимся».
Поехал стар казак да Илья Муромец.
- 140 Помолился он Господу Богу,
Заходил он да во божьи церкви,
Налаживал он чудный крепкий крест.
Видели, как стар казак в стремяна вступил,
А не видели — на коня вскочил,
- 145 Не пыль в поли — куревá стоит,
Куревá стоит, дым столбом валит.
Съезжаютца сейчас два молодца во чистóм поли
На добрых своих конях да на удáлых.
Как подъезжат стар казак да к добру молодцу,
- 150 Отпускает от себя всех добрый молодец.
Он сымает с правá плеча сиза голубя,
Сымает с левá плеча чёрна соболя,
Отпускает он всех их во чистó поле:
«Вы подьте от меня, мы съедимся со старым Ильёй Муромцем,
- 155 Нам добром с нм да не разъехатьца».
Вот и съехались они и срáзались,
Они пулями стрелялись — пули их не брали,
Копьями бились — копыа поламались.
Бились они тут трои суток —
- 160 Некотóрый некотóрого не ранили.
Сбились они с добрых коней,
Схватились они на рукопашиую битьца,
Волочились они тут и билися —
У младóго у Соколика нога тут подвинулася,
- 165 Повихнулася у него правá нога,
Упал он на колена с ног.
А в пору было, в то времечко,
А стар казак Илья Муромец
Сел ему да на белы груди

- 170 И вытащил он булатный нож,
И замахнулся ему во белы́ грудí —
Во плече рука у его да застоялася.
И стал он у его спрашивать:
«Уж ты молодой, юный да сын Сокóлушек,
- 175 Ты скажи мне всю правду-истину,
Ты с какой земли, какой родины,
Ты какого да отца-матери?» —
«Уж ты старая собака захлыничива,
Уж ты стар, смотри, да стар казак,
- 180 Ты не спрашивай у меня ни отца, ни матери,
Никакого у меня ни рóду, ни племени;
Коли сидишь на грудя́х, так коли меня».
Во второй раз замахнулся стар казак на него —
Во локтí рука застоялася.
- 185 «Ты скажи-ка мне, христианский сын,
Ты какой земли, да какой родины,
Ты какого да отца-матери?» —
«Ты колí меня, когда сбил меня,
Ты не спрашивай ни роду, ни племени:
- 190 Ни отца у меня, ни матери».
Он и замахнулся во третей након —
По кистí рука застоялася.
Он опять спрашивает:
«Уж ты ой еси, Сокóлушка,
- 195 Ты скажи мне-ко всю правду-истину,
Ты какой земли, какой родины,
Какого да отца-матери?»
Он и сказывать ему стал:
«Я от того от камешка от серого,
- 200 От той от мамки от Владимирки».
Вставал стар казак на резвы́ ногí,
Брал его во белы́ рукí,
Целовал его в уста сахáрные,
Называл его чадом мыльнм:
- 205 «Ты одно у меня чадо милое.
Есть в чистóм поле стоит шелкóв шатер,
Мы поедем там, да отдохнем там».
Садились они на добры́х коней,
Поехали они к белóму шатру да белока́менну,
- 210 Поехали они во чистó поле.
Они приехали столóваньем да пирóваньем тут,
Ложились они тут с бою отдыхать,
Ложился стар казак, засыпал своим крепким сном.
А молодой этот Соколик не спит,
- 215 В худом уме всё думает.
Вышел он вон на улицу,
Поехал он ко своей маменьке.

- Приезжает он к своей мамоньке.
 Встречает его мамонька родимая:
 220 Всё-то у него не по-старому, всё не по-прежнему,
 Всё-то у него истрепано, всё оборвано.
 И говорит ему мамонька таковó словó:
 «Ты, чадо мое милое,
 Ты съехался во чистóм поле со стары́м казакóм,
 225 А старóму в поле смерть не написана».
 Говорит Соко́лик таковó словó:
 «Я съехался со стары́м казакóм во чистом поле,
 Старый казак зовет тебя б(лядью), меня выб(лядком)».
 Говорит ему мамонька родимая:
 230 «Не пусты́м старóй да похваляетца».
 Он взял у матери да голову смахнул.
 Когда заспал стар казак да Илья Муромец
 Своим сиом да богатырским,
 Тогда забежал Со́кол во бел шатер,
 235 Во бел шатер да в белокаменный
 Со своим ножом со булатным,
 Он ткнул стара казакá во белы́ груды́.
 У старого-то казакá был чу́дный крест,
 Во крест нож-то ударился,
 240 Разбудился стар казак да Илья Муромец,
 Увидел окол себя Соко́лушка,
 Говорит ему таковó словó:
 «Уж ты что делаешь, млад Соко́лушек,
 Не говóрено было больше биться-ратитьца».
 245 Вскочил стар казак на резвы́ ногы́,
 Хватал его за желты́ кудры́,
 Поднимал его выше лесу, выше тёмного,
 Выше облака, выше ходящего,
 Опускал его на землю — не подхватывал, —
 250 Опáдывал Соко́лик, как камешек, на сыру́ землю.
 (Так вот он его и убил.)

№ 77

- Поехали прогуливатьце двенадцать мо́лодцев,
 Ездили, гу́тели и стали варить, закусывать.
 Постреливат детинка стрелку вверх,
 На лету́ простреливат.
 5 «Кого послать по детинке спросить,
 Какого роду он, племени?» —
 «Послать лучше Олешеньку Поповича:
 Если послать Добрынюшку Никитича,
 Так он роду невежливого, да не отéчливого».

10 Послали Олешеньку. Олешенька поехал. Подъезжат к тому добру молодцу:

«Уж ты ой еси, удалой дóброй молодец!

Ты какого да роду-племени:

Какого да отца-матери,

Как, детинка, ты именем зовут?»

15 Он: «Фу» — да не здраствует,

Всё похватывают да постреливат.

На третий раз Олешенька Попович подъезжает ближе. Иванушка Сокольник говорит: «Не сказывай да не спрашивай», — говорит. Поехал Олешенька Попович и подъезжат к товарищам, а стар казак Илья Муромец говорит: «Самому надо съездить, кипятите котлы, а сам я съезжу». Подъезжат во чистó

20 поле и говорит:

«Уж ты ой еси, детина, добрый мóлодец!

Как ты именем зовут,

Какого ты роду племени?»

А он опять не отвечает. На второй раз опять говорит:

25 «Какого ты роду-племени,

Какого отца-матери,

Как тебя именем зовут?»

А он опять тут не здравствует. Третий раз спрашивают. Тогда Илья Муромец говорит: «Давай, говорит, бороться, если ты не отвечаешь». Ну и стали бороться. Боролись, боролись, зéмлю-мать до

30 полногí пробили. Боролись, боролись второй раз — до колена пробили, а третьей раз пробили землю до пояса. Иванушка Сокольник старóго казака Илью Муромца и бросил, подколоть хочет. А стар казак Илья Муромец и говорит: «Старóму казаку Илье Муромцу смерть во чíстом поле не написана». Старóму казаку Илье Муромцу силы вдвое прибыло. Свалил с грудéй Иванушку Сокольника, и опять стали бороться.

35 Боролись они, боролись. Стар казак Илья Муромец бросил Иванушку Соколика, вынимат свой кинжалище и спрашивают:

«Как тебя, детинка, зовут,

Какого ты роду-племени?» —

«Я, грит, тебя валил, не спрашивал,

40 И ты вали меня, не спрашивай».

Нож вынимат, а Бог не допускат,

Рука в плечи не дошла, стала.

Опять стали снова бороться. Долго дело деется, скоро сказыватца, опеть Илья Муромец его сбросил, опеть вынимат кинжалище, а рука в локти застоялася, опять говорит:

45 «Я тебя валил, не спрашивал,

И ты меня вали, не спрашивай».

Потом опять стали бороться третий раз. Илья Муромец опеть свистнул — рука у него в кисти отстоялася.

«Скажи, говорит, детинка,

50 Какого ты роду-племени,

Какого отца-матери,

Как тебя именем зовут?

[У] меня, грит, рука отстоялась».

А он отвечает: «А я, грит, Иванушка Сокольник». Илья Муромец и заплакал: «Эх, да я, грит, тебя прижил. Я у твоего тятеньки жил во конюхах». Теперь стар казак Илья Муромец стал от его отходить. Стал на лошадь садитьца. Трое сутки ведь они боролись, стягались, сын да отец.

Иван Сокольник поехал так в избу-ту к матери раскатом и говорит матери: «Ты, грит, выблядка, меня прижила, меня люди корят». Приехал к своим товарищам. *(Тут и конец, а мне кривой жеребец!)*

№ 78

Во славном во городе во Киеве
 Уж как жили на заставе богатыри.
 Атаманом-то был Илья Муромец,
 Полутаманом — Самсон да Колыбанович,
 5 Алеша Поповиц жил во писарях,
 Добрыня Никитич жил во поварах,
 А Мишка Торопанец чашки-ложки мыл,
 Чашки-ложки он мыл, да повареночки.

№ 79^н

Недалёко от города от Киёва,
 Недалёко ли во чистом полё — за двенадцать верст,
 Тут стояла застава богатырская,
 Тут стояло тут тридцать удалых добрых молодцев,
 5 Тут стояло тридцать могучих богатырей.
 Уж наибольший их был да, право, стар казак,
 Стар казак Илья Муромец.
 Выезжал Сокольник во чистом полё,
 Ездит на полях у города у Киева,
 10 Не приворотил к заставе богатырской,
 Не спросился славных богатырей.
 Ездил Сокольник по чисту полю,
 Своими утехами забавляется:
 Подкидывает свою палицу буёвую,
 15 Палица была девяносто пудов,
 На полёте-то палочку подхватывают,
 На землю ей не ураниват;
 Из туга лука стрелочку постреливат,
 На землю ее не ураниват,
 20 На полете стрелочку подхватывают.
 По праву руку бегат черной медведь,
 По леву руку бегат серый волк,
 На правом плече сидит млад ясён сокóл,
 На левом плече — млад сиз орел,
 25 На головушке сидит черный кречеток заморской.
 Вставал Илеюшко по утру по раннему,
 Вот он брал трубочку подзорную,
 Выходил он в одну улочку,
 Заходил на заставу богатырскую,

- 30 Смотрел Илья да на все стороны.
Смотрел в сторонку подшелонную —
Стоят леса темные, дремучие;
Смотрел в сторону подзападную —
Под западной сторонешкой грязи черные, болота зыбучие;
- 35 Смотрел в сторонку подглубиничную —
Под глубиничной сторонкой снежны горы непроходимые;
Смотрел в сторонку подсеверную —
Под северной сторонешкой стоят сини́ моря Вохлынские,
Стоят сини́ моря Вохлынские, Ледовитый океан.
- 40 Смотрел в сторонку подполно́чну —
Тут стоят ледяны горы непроходимые;
Смотрел в сторонку подвосточную —
Под восточной сторонкой стоят горы превысокие,
Стоят горы превысокие, места претемные;
- 45 Смотрел в сторонку подобедничную —
В подобедничной сторонке стоят поля зеленые;
Смотрел в сторону теплую подлётную —
В подлётной сторонке стоит славный Киев-град,
По чистым полям ездит Издóлище поганое.
- 50 Тогда стар казак зашел да на заставу богатырскую,
Разбудил всех мóлодцов-богáтырей:
«Проспали мы: Издолище поганое
Ездит по чистым полям по киевским».
Сказал стар казак Илья Муромец:
- 55 «Надо ехати проведати,
Снарядить Алешеньку Поповича!»
(Худяиший такой был, малосильный!)
Уж как стал Алешенька сряжатися,
Стал Попович сподоблятися.
Выходил Алешенька на улицу,
- 60 Обуздал коня уздечкою тасмяной,
Оседлал седёлышком зеркальчатым,
Во седёлышко кчал плотны потнички,
На потнички стелил он мягки войлочки,
Застегивал у седла двенадцатую подсте́голенку,
- 65 Метал тринадцатую через сильну степь,
Через сильну степь лошадиную:
«Это не ради басы — ради крепости,
Не оставил чтобы конь меня в чистóм полé».
На коня вскочил, в стремяна ступил,
- 70 Поехал Алешенька ко Издóлищу.
Подъезжает, ругает речьми непотребными:
«Ах ты Издóлище, сорока белобокая,
Ты, вороиа пустопёрая,
Уж ты еддишь мимо заставы богатырской,
- 75 Нас, богáтырей, ничем зовешь,
Нас, богáтырей, ни во что кладешь!»
Едет Сокольник помимочок, ему не здравствует,

- Своими утехами забавляется.
 Обгонил его Алешенька вокруг кругом,
 80 Встречает Сокольничка, сам ругается:
 «Ты, сорока белобокая, ворона пустопёрая,
 Едешь мимо нашей заставы богатырской,
 Нас, богатырей, ничем зовешь,
 Нас, богатырей, ни во что кладешь,
 85 Не отдаваешь нам честь молодецкую!»
 Едет Сокольник помимочок, ему не здравствует.
 Обгонил Алеша Сокольничка во третий раз,
 Обгонил, опять ругается.
 «Ты, сорока белобокая, ворона пустопёрая,
 90 Едешь мимо нашей заставы богатырской,
 Нас, богатырей, ничем зовешь,
 Нас, богатырей, ни во что кладешь,
 Не отдаваешь нам честь молодецкую!»
 Это Сокольничку не по уму пришлось,
 95 Это Сокольничку не по разуму,
 За великую досадушку показалось.
 Подгонил Сокольничек ко Алешеньке,
 Схватил его за черны́ кудри́,
 Вытащил его из седёлышка,
 100 На ж(опу) положил два отяпышка,
 На отяпышки положил два олабушка
 (четыре раза хлопнул!) —
 Алеша и встать не смог.
 Еле-еле взобрался на добра́ коня
 И поехал на заставу богатырскую.
 105 Вышел стар казак из за́ставы,
 Смотрит он на Алешеньку Поповича:
 Уж как едет Алеша не по-старому,
 Не по-старому едет, не по-прежнему,
 Он лягается на коне, как худа ворона.
 110 Зашел старой казак на заставу богатырскую:
 «Не надо было посылать Алешеньку Поповича,
 Алешенька ведь роду он поповского,
 Он поповского роду, собачлива,
 А надо было посылать Добрынюшку Микитича.
 115 У Добрыни отец был Никита Романович,
 Он ведь роду был-от вежлива, вежлива роду, очёстлива,
 Умел с людьми сойтись, съехаться,
 Умел людей именём назвать
 И величать из отечества.
 120 И Добрынюшка Микитич роду вежливого».
 Стал Добрынюшка сряжаться,
 Микитич-бат сподоблятися,
 Срядился он скоро-на́скоро,
 Выходил он вон на улицу,
 125 Обуздал коня уздечкою тасмяною,
 Обседлал его седёлышком зеркальчатым,

- Во седёлышко клаал плотны потиички,
 На потнички стелил мягки войлочки,
 Застегивал двенадцатую подсте́голенку,
 130 Метал тринадцатую через сильну степь,
 Через сильну степь лошадиную:
 Не ради басы́ — ради крепости,
 Не оставил чтобы конь да во чистом полé.
 На коня садился Добрыня, в стремена ступил,
 135 Не видали поездки молодецкойей,
 Не видали побезки лошадинойей,
 Только видят: в поле куре́ва́ стоит,
 Из ушей пар столбом валит,
 Из ноздрей искры сыпом сыплются,
 140 Изо рту пламя-огои́нь столбом стоит.
 Подгонил Добрынюшка к Сокольничку,
 Обгонил его вокруг-кругом,
 Соскочил Добрыня со добра́ коня,
 Снял он шапочку-пухово́й колпак,
 145 Еще кланяется понизёшенько:
 «Здравствуешь, удалый добрый молодец,
 Коя ты села, коя города,
 Какого роду, какой племени,
 Какого отца, которой маменьки,
 150 Как тебя, мо́лодца, именём назвать
 И величать тебя из отчества?»
 Едет Сокольничек помимочок, ему не здравствует.
 Заскочил Добрыня на добра́ коня,
 Обгонил Сокольничка вокруг-кругом,
 155 Соскочил со добра коня,
 Снял он шапку-пухово́й колпак,
 Еще кланяется понизёшенько:
 «Здравствуешь, удалый добрый молодец,
 Коя ты села, коя города,
 160 Какого роду, какой племени,
 Какого отца, которой маменьки,
 Как тебя, мо́лодца, именём назвать
 И величать тебя из отчества?»
 Сокольничек едет помимочок, не разговариват.
 165 Тогда заскочил Добрыня на добра коня,
 Обгонил Сокольничка вокруг-кругом.
 Стретаётся ему во третий раз.
 Снял он шапочку-пухо́вой колпак,
 Еще кланяется понизёшенько:
 170 «Здравствуешь, удалый добрый молодец,
 Коя ты села, коя города,
 Какого роду, какой племени,
 Какого отца, которой маменьки,
 Как тебя, мо́лодца, именём называть
 175 И величать тебя из отчества?»
 Тут сказал ему Сокольничек:

- «Я не спрашивал вас ни отца, ни матери,
Я не спрашивал ни роду, ни племени.
Только надо мне поединщика,
180 Старого казака Илью Муромца».
Тогда заскочил Добрыня на добра коня,
Приехал на заставу богатырскую:
«Что Сокольник со мною не здоровался,
Только просит он, Сокольник, поединщика,
185 Стара казака Илью Муромца».
Тут и стал Илеюшка сряжаться,
Стал сряжаться, сподобляться,
Снарядилсе Илейко скоро-наскоро,
Обуздал коня уздечкою тасмяною,
190 Обседлал коня седёлышком зеркальским,
Во седельшко крал плотны потнички,
На потнички стелил мягки войлочки,
Застегивал у седла двенадцатую подстега́ленку,
Метал тринадцатую через сильную степь,
195 Через сильну степь лошадиную:
Не ради басы — ради крепости,
Не оставил чтобы конь во чистом полё.
И поехал тогда Илеюшка в стольный Киев-град:
«Надо, надо мне-ка покаяться,
200 Надо, надо мне с души грехи сиести,
Может статья — убьют меня».
Покаялся Илейко, распростился с князем и с княгинею,
Тогда уехал на заставу богатырскую,
Распростился со богатырями.
205 Как сказал Илейко таково слово:
«Коли убьют меня, — схороните во матушку во сыру землю».
Распростился он, сядился на добра коня,
Погонил он в чисто поле к Сокольничку.
Не гора с горой скатается —
210 Богатырь с богатырем съезжаются.
Ухватили они по палице буёвой,
Начали один другого бить палицами буёвыми.
От рук их палочки загорелися,
По насадочкам извихлялися —
215 Бросали они палочки на матушку сыру землю.
Схватили тогда по копейцу бурзомецкому,
Начали драться копьями бурзомецкими.
Дрались они копьями бурзомецкими.
От рук у их копейцы загоралися,
220 По насадочкам извихлялися —
Бросили они их на матушку сыру землю.
Схватили они по сабельке по вострой,
Ищерблены, икровавлены,
Начали рубиться саблями острыми.
225 От рук их сабельки загорелися,
С носка до пяты ищербалися,

- По насадочкам извихлялися —
 Бросили их на матушку сыру землю.
 Соскочили тогда со добрых коней на матушку сыру землю.
- 230 Схватились в рукопашный бой.
 Дрались они, промесили матушку сыру землю до колена.
 У старого права нога да прокатилася,
 Лева рука да прохватила —
 Улетел старой на матушку сыру землю.
- 235 Взлетел Сокольник ему на белы груды,
 Вытащил чинжалище, булатен нож,
 Хочет распороть у старого белы груды,
 Вытащить легка, печень и ретиво сердцо,
 Предать старого злой смерти.
- 240 Тогда взмолился старой Богу Господу:
 «За что выдали меня поганому татарину на поруганье?
 Стоял я сорок лет за церкви за соборные,
 Стоял за веру за крещеную,
 За пресвяту я Божью мать Богородицу
- 245 И за всю силу небесную,
 Стоял я за тех младенцев троелетних,
 За тех девиц сорокалетних,
 Не выдавал поганым татарам на поруганье».
 Вдруг у старого силы прибыло.
- 250 Схватил Сокольника за черны кудры,
 Свистнул его с себя на сыру землю,
 Взлетел ему на белы груды,
 Вытащил чинжалище булатен нож,
 Хочет у него распороть белы груды,
- 255 Вытащить вон ретиво сердцо.
 Замахнулся, хочет всадить ему булатен нож в белы груды —
 В плече у его рука застоялася.
 Стал Илеюшка выпрашивать:
 «Кто ой еси, удалый молодец,
- 260 Коя села, коя города,
 Какого роду, какой племени,
 Как тебя именем назвать, величать по отчеству?»
 Говорит Сокольник таковы слова:
 «Когда я сидел у тебя на белых грудях,
- 265 Я не спрашивал у тебя ни роду, ни племени,
 Ни отца не спрашивал, ни матери,
 Пори мои груди белые,
 Тащи вон мое ретиво сердцо, легка и печень».
 Во второй раз замахнулся старой казак Илья Муромец —
- 270 Во локтю у Ильи рука застоялося.
 Опять старой стал выпрашивать:
 «Кто ой еси, удалый добрый молодец,
 Коя села, коя города,
 Какого роду, какой племени,
- 275 Как тебя именем назвать, величать по отчеству?»
 Говорит Сокольник таковы слова:

- «Когда я сидел у тебя на белых грудях,
Я не спрашивал у тебя ни роду, ни племени,
Ни отца не спрашивал, ни матери.
- 280 Пори мои груди белые,
Тащи вон мое ретиво сердце, легка и печень,
Представляй меня да злой смерти».
Третий раз замахнулся старой казак Илья Муромец —
В кисти рука застоялося.
- 285 Тогда стал он опять Сокольника спрашивать:
«Кто ой еси, удамый добрый молодец,
Коя села, коя города,
Какого роду, какой племени,
Как тебя именем звать, величать по отчеству?»
- 290 Тогда сказал ему Сокольник:
«От того я от моря, моря синего,
От того я от камешка от Латыря,
От той от матушки Золотой горки».
Соскакивал старой на резвы ноги,
- 295 Брал Сокольника за белые руки,
Ставил его на резвы ноги,
Целовал его в уста сахарные,
Называл его сыном любимым.
Говорит Сокольник таково слово:
- 300 «Как ты мог меня прижить моей маменьке?» —
«Я у твоей маменьки жил в таю три месяца,
Тут я тебя прижил, мой сын». —
«Я съезжу, спрошу у маменьки,
Верю ли ты ею хвастаешь».
- 305 На коня скочил, в стремя ступил,
Погонил Сокольник во своё место.
А старой казак поставил шатер белобархатный,
Лег спать с великого побойща,
Захрапел, как порог зашумел.
- 310 Пригонил Сокольник ко своё место.
Не приказывал коня, не привязывал,
Как бежал он в палаты белокаменные.
Повстречалась ему маменька родимая.
Говорит Сокольник таковы слова:
- 315 «Был я на полях на киевских,
Видел старого казака Илью Муромца,
Он тебя назвал б(лядь)ю, меня зовет вы(бляд)ком». —
«Не пустым старой похваляется:
Жил со мною в таю три месяца,
- 320 Тут тебя мне-ка прижил».
Схватил Сокольник сабельку вострую,
Нещарблену, некровавлену,
Срубил у матери буйну голову.
Схватил копейцо берзоецкое,
- 325 Как бежал он вон на улицу,
Как садился на добра коня,

- Как он ехал во чистó полё ко старóму.
 Старóй спит, как порог шумит.
 Заскочил Сокольник в шатер белобархатный,
 330 Ткнул старóго копьём берзоецким в ретивó сердцó.
 А у старóго погодилсе на груди чуден крест —
 В крест взошло копейцо и сломилося.
 Ото сну старóй прохвátился,
 Соскочил старóй на резвы́ ногí,
 335 Как схватил Сокольникча за черны́ кудрí,
 Свистнул его в вышину поверх,
 Поднял повыше дерева стоячего,
 Чуть поннже облака ходячего,
 Не подхватывал его на белы́ рукí.
 340 Пал он на матушку сыру землю́, —
 Тут Сокольникчу смерть случилася.
 Поймал Сокольникчова коня старóй казак,
 Привязал Сокольникча к коню за хвост,
 Пустил Сокольникча во чисто полё:
 345 «Езди, гуляй по чисты́м полям».
 Тогда собрал свой белóй шатер,
 Склаал в седёлышко зеркальское,
 Вскочил старóй на добра́ коня,
 Сам поехал на заставу богатырскую.
 350 Собрались тогда русские могучие богáтыри
 И поехали во стольный Киев-град.
 Приезжали они в стольный Киев-град,
 Сделал тогда князь им почестен пир,
 Пировали они, столовали трое суток.
 (Тогда и конец.)

№ 80

- Жило-было тридцать два богáтыря могучиних,
 Они жили на заставушке,
 Охраняли на посту да славный Киев-град.
 За старшóго был старóй казак,
 5 Старóй казак Илья Муромец.
 Вот сидят они, богáтыри, у заставушки.
 У заставы сндят у великоей,
 А в чистом поле Соколик-богáтырь.
 Он к заставы не приворачиват,
 10 Богáтырям челом не бьет, головы не гнет.
 Как пошли тут богатыри, Илье долóжили:
 «Ездит в чистом поле богатырь незнаемый,
 Он к заставы не приворачиват,
 Нам, богатырям, челом не бьет, головы не гнет».
 15 Рассердился старóй казак Илья Муромец,
 Стали думать они, кого в чисто поле послать,
 Во чистó поле, во раздолие:

- «Нам послать будет Алешеньку Поповича:
Алеша роду невежливого, неочестливого,
20 Не сумеет он слова молвити,
Разумную речь говорить.
А послать нам буде послать Добрынюшку Никитича:
Он, Добрыня, роду вежлива,
Роду вежлива, очестлива,
- 25 Он сумеет с богатырем съехаться,
Он сумеет ему речь держать.
Поезжай, Добрыня, во чисто поле».
Не видали тут, как Добрыня коня седлал,
Не видали, как Добрыня на коня скочил,
- 30 Только видят: в чистом поле куревá стоит.
Подъезжает Добрыня ко богатырю:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец!
Как тебя по имени зовут,
Величают из отчества?»
- 35 Куда едешь, куда путь держишь?»
Богатырь ему ответа не дает,
Он челом не бьет, головы не гнет.
В другой раз Добрыня спрашивал:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец!
- 40 Как тебя по имени зовут, величают из отчества?»
Куда едешь, куда путь держишь?»
Богатырь ему ответа не дает,
Он челом не бьет, головы не гнет.
Рассердился тут Добрынюшка:
- 45 «Ох ты гой еси, невежа неученая!
Ты пошто мимо заставы поезжашь,
Сам челом не бьешь, головы не гнешь?»
Тут богатырь оборот давал,
Дал Добрынюшке по тябышу, по олябышу,
- 50 Сам поехал во чисто поле.
Едет по полю Добрынюшка,
Повеся держит буйную голову,
Приезжает на заставу он:
«Еще дали мне по тябышу, по олябышу».
- 55 Говорит тут Илья Муромец:
«Некого послать нам в чисто поле за богатырем —
Видно, самому мне ехать.
Не сварить вам котла пива пьяного —
Привезу я вам вора-татарина».
(Похвастался, значит.)
- 60 Не видали, как Илья на коня скочил,
Только видят: в поле куревá стоит.
Подъезжает Илья ко богатырю,
А Соколик с им не разговариват,
Он челом не бьет, головы не гнет.
- 65 Говорит ему Илья Муромец:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец!

- На заставы нас тридцать два богатыря,
Куда едешь мимо, нам челом не бьешь, головы не гнешь?»
А Соколик ему ответа не дает.
- 70 В другой раз говорит Илья:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец!
На заставы нас тридцать два богатыря,
Куда едешь мимо, нам челом не бьешь, головы не гнешь?»
А Соколик ему ответа не дает.
- 75 Рассердился Илья Муромец:
«Ох ты гой еси, невежа неученая!
На заставы нас тридцать два богатыря,
Куда мимо едешь, нам челом не бьешь, головы не гнешь?»
Тут схватил Соколик свое копье мурзومهцкое,
- 80 Они стали биться-ратиться.
У их копья изломались,
У их сабли извихлялися,
У их мечи понщербалися.
Захватилися они в рукопашный бой —
- 85 У Ильи тут нога подскользнулася,
Говорит Илья Муромец:
«Не была мне на роду смерть в поле написана.
Ох, неужто ко мне смерть пришла?»
Тут у его силы вдвое прибыло —
- 90 Повалил Илья Соколика,
Еще сел к ему на белы груди:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец!
Ты чьего нын роду-племени,
Как тебя именём зовут,
- 95 Величают по отчеству?»
Отвечает Соколик таковы слова:
«Я сидел у тебя на белых грудях,
Ничего у тебя не спрашивал,
Режь и ты меня, не спрашивай».
- 100 Вынул нож Илья Муромец,
А рука у его в плече остоялася.
Говорит он таковы слова:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец!
Ты чьего нын роду-племени,
- 105 Как тебя именём зовут,
Величают по отчеству?»
Отвечает Соколик таковы слова:
«Я сидел у тебя на белых грудях,
Ничего у тебя не спрашивал.
- 110 Режь и ты меня, не спрашивай».
Вынул нож Илья Муромец,
А рука в локте остоялася.
Говорит он таковы слова:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец!
- 115 Ты чьего нын роду-племени,
Как тебя именём зовут,
Величают по отчеству?»

- Отвечает Соколик таковы слова:
 «Из того я роду-племени,
 120 Только знаю я свою мать родимую».
 (Марьей ли ее звали, как ли — он назвал.)
 Поднимат его Илья Муромец,
 Говорит ему таковы слова:
 «Ты сынком мне-ка приходишься».
 И пошел старой спать во белой шатер.
 125 Тут Сокольник нын разгневался,
 К своей матери он кинулся,
 Приезжает, говорит ей таковы слова:
 «Видел я старого казака Илью Муромца,
 Тебя назвал б(лядь)ю, меня вы(блядко)м».
 130 Тут убил он мать родимую.
 Снова едет во чистое поле ко заставушке.
 Там увидели его опять богатыри:
 «Не опять ли тот невежа к нам спешит?»
 А Соколик привернул ко шатру,
 135 Размахнулся — хотел старого убить,
 Да попало его копье в чудотворен крест.
 Пробудился Илья Муромец,
 Разорвал тогда Соколика, в поле выбросил.

(Тут и конец. Боле не помню, дале-то. Бывают, боле ницо и не было.)

№ 81

$\text{♩} = 112$

Ай, да во стольнём во городе во Киёве,
 Как жили на заставах богатыри,
 Как равулили хранили стольней Киёвград.
 Не видали они ни конного, ни пешаго,
 Не прохожого они да не проезжаго...

Ай да во стольнём во городе во Киёве
 Как жили на заставах богатыри,

- Каравулили-хранили стольнёй Киёв-град.
 Не видали они ни конного, ни пешего,
 5 Не прохожого они да не проезжаго.
 Да не серой-от волк да не прорыскивал,
 Да не черной медведь да не пробегивал.
 Ставает старóй да поутру ранёшенько,
 Да выходит старóй, да он на улицу,
 10 Да берет он подзорну свою трубочку.
 Он смотрит под сторону под западну:
 Кабы там-де стоят горы ледяные.
 Он смотрит под сторону под северну:
 Кабы там-де стоит да море синее.
 15 Он смотрит под сторону под летнюю:
 Кабы там бы стоит да поле чистое.
 Не туман ведь в поле да полыхается —
 Ездит богáтырь, забавляется:
 Он кверху-то стрелочку постреливат,
 20 На сыру землю стрелку не ураниват,
 На лету-то стрелочку подхватыват.
 На одном-то колене держит чернилочко,
 На другом-то колене держит бумажечку,
 Да и пишет богáтырь скору грамотку.
 25 Подъезжает богáтырь ко белú шатру,
 Он подбросил эту грамотку сторóму казаку.
 Берет да старóй эту грамотку,
 Да заходит сторóй да во белой шатёр —
 Заревел, закричал он громким голосом:
 30 «Уж как не время спать, да пора вставать,
 От велика сонá пробуждаться,
 От великой хмелины просыпатися!»
 Вскочили ребята на резвы ногí,
 Умывались они все ключевой водой,
 35 Утирались они да полотёнышком.
 Вот и стал им читать да старик грамоту:
 «Уж я еду да к вам во стольный Киев-град,
 Я греметь-штурмовать что ваш стольный Киев-град,
 Что Владимира-то князя я под меч склоню,
 40 Молоду его княгиню за себя возьму,
 Я Алешу Поповича — во конюхи,
 А Добрынюшку Микитича — во писари,
 Кабы Мишку Торопанишка — чашки-ложки мыть,
 Чашки-ложки ему мыть да поварёшки,
 45 А святы ваши иконы на поплав спущу!»
 Вот и стал тогда старóй их спрашивать:
 «Да кого мы пошлем да во чисто поле,
 Во чисто полё пошлем да за богáтырем?
 Да послать бы нам Мишку Торопанишка:
 50 У нас Мишка да роду торопливого,
 Зря ведь он потерял свою буйну голову.
 Мы пошлём лучше Добрынюшку Микитича:

- Добрыня-то — роду у нас вежливого,
Он сумеет с богатырем-то съехаться,
55 Он сумеет богатырю всю честь воздать».
Вот и стал-то Добрынюшка сряжаться,
Вот и стал-то Никитич сподобляться.
Да не видели Добрыню, как на коня когда вскочил,
А увидели: Добрыня в стремя ступил, —
60 Да увидели: в чистом поле куревá стоит,
Куревá стоит, да дым столбом валит,
У коня-то из роту пламя мечется,
У коня из ноздрей искры сыплются,
А хвост трубашкой возвивается.
- 65 Полетел тут Добрыня во чисто полё,
Во чисто полё поехал да за богатырем.
Подъезжает Добрыня ко богатырю.
Заревел тут Добрыня во первой закон:
«А куда же ты едешь, куда путь держишь?»
70 Не воротить ты на заставу караульную?»
А на это богатырь не вослушался.
Заревел тогда Добрыня да во второй закон:
«Ах ты летишь, ворона да пустопёрая,
Ах ты летишь, сорока загумённая,
75 А ты нас, богатырей, ничем зовешь?»
На это богатырь поворот дает,
Нападает тут богатырь да на Добрынюшку,
Схватил он Добрыню да со добра коня,
Свистнул он его да на сырú землю,
80 Да дал ему по ж(опе) да два тяпыша,
Да прибавил он два олабыша,
Посадил его назад да на добра коня:
«Поезжай ты назад да во белой шатёр,
Да скажи старику от меня да низко́й поклон,
85 Да пусть вами, г(ов)нами, не заменяется,
Самому ему со мной не поправиться!»
Видят: едет Добрыня не по-старому,
А конь-то бежит да не по-прежнему —
Повеся́ он держит да буйну голову,
90 Потопя он держит да очи ясныя.
Подъезжает Добрыня ко белú шатру,
Заходит Добрыня во белой шатер.
Вот и стал его старóй да тут выпрашивати,
И стал ему Добрыня рассказывати:
95 «Посылает он тебе со мною низко́й поклон,
Не велел нами, г(овн)яками, да заменяться:
„Самому ему со мной не поправиться“».
У старóго глаза да помутилися,
А могучие плеча́ да расходилися.
- 100 Заревел тут старик да громким голосом:
«Уздайте, седлайте коня доброго,

- Коня доброго да со восьми цепей,
 Не успеете, говорит, горшок щей сварить —
 Привезу сюда боярскую да буйну голову!»
 105 Вот и стал тут старóй тут сряжаться:
 Надеват-то латы богатырские,
 Надеват он шляпу да на одно ухó,
 На правóм плече у него орёл сидит,
 На левóм у него черный ворон.
- 110 Да не видели старика, на коня когда скочил,
 Не увидели: старик в стремяна скочил,
 А увидели: в чистом поле куревá стоит,
 Куревá стоит, да дым столбом валит,
 У коня-то из роту пламя мечется,
- 115 У коня-то из ноздрей да искры сыплются,
 А хвост трубашкой завивается.
 Полетел да старóй да во чистó полё,
 Во чистó полё поехал да за богáтырем.
 Подъезжает старóй да ко богáтырю,
- 120 Заревел тут старóй да во первой након:
 «А куда ты же едешь, куда путь держишь?»
 Не воротишь ты на заставу караульную?»
 А на это Сокольник да не ослушался.
 Заревел тогда старóй да во второй након:
- 125 «Ах ты летишь, ворона пустопёрая,
 Ах ты летишь, сорока загумённая,
 Ах ты нас, видно, богáтырей, ничем зовёшь!»
 На это Сокольник да поворот дает.
 Не две тучи столпилися —
- 130 Два богáтыря тут да солеталися.
 Задрожала тогда да мать сырá земля.
 Они бились-хвосталися да целы суточки,
 У нх палицы все да изломалися.
 Они бросили тут бой да на сырú землю,
- 135 Да и повыхватили сабельки булатные.
 Они билися-рубилися да вторы суточки,
 У них сабельки все да исщербалися.
 Они бросили тут бой да о сырú землю,
 Да соскочили тогда да со добрýх коней,
- 140 Да схватилися тогда они в охабочку.
 Они бились-боролись да третьи суточки.
 Да старого похвально да слово спутало —
 Одна-то нога да поскользиулася,
 А друга-то нога да подломилася,
- 145 А столкнул Сокольник его на сырú землю,
 Да разорвал он у его латы богатырские,
 Да вытащил чинжалище булатное.
 Замахнулся Сокольник да во белы́ ему груди́ —
 Взмолился старóй тогда Богородице:

- 150 «Пресвятая ты мать да Богородица,
Почему ты меня выдала
Черным воронам да на раслёванье,
Лютым зверям да на растасканье?»
Вдвое-втрое у старого силы прибыло.
- 155 Сосвистнул он Сокольника со белых грудей,
Соскочил он ему да на черны груды,
Он разорвал его латы богатырские,
Да и вытащил чинжалище булатное,
Замахнулся Сокольнику во белы груды —
- 160 А в маханье рука да застоялася.
Он и стал его тогда он и спрашивать:
«Да какого ты роду, да какой племени,
А как же тебя зовут по имени?»
Отвечал Сокольник да такову речь:
- 165 «Когда был я у тебя да на твоих грудях,
Я не спрашивал ни роду у тя, ни племени». —
Замахнулся старой да во второй након —
А в маханьи рука да остоялася.
Он и стал его опять да тут спрашивать:
- 170 «Да какого ты роду, да какой племени,
А как же тебя зовут по имени?» —
«Есть там за морем богатырица да одноокая,
Я ей буду сын, а отец у мня прихожий молодой».
Скочил тут старой на резвы ногы,
- 175 Схватил он Сокольника за белы руки,
Поставил его на резвы ногы:
«А ты будешь сыном, да я отец тебе».

180 [На этом месте исполнитель, певший всю былинку с огромным увлечением, устал и дальнейшее передал в кратких словах:] Сокольник едет к матери за проверкой, узнает от нее правду, сердится, убивает ее, возвращается к Илье, спящему в шатре, и пытается убить его копьём. Илью спасает крест на груди. Богатырь просыпается, убивает Сокольника, выбрасывает из шатра и снова засыпает.

№ 82

[Пели двое в унисон.]

♩ = 104-112

Ой, не да-лѣ-ко от го-ро-да от Ки-е-ва,
Ах, не да-лѣ-ко, не близ-ко-да за две-над-цать вѣрст
Сто-я-ла за-ста-ва да бо-га-тыр-ска-я,

- Ой недалёко от города от Киева,
 Ах, не далёко, не близко — да за двенадцать вёрст,
 Стояла застава да боғатырская,
 Не велика, не мала — тридцать собогатырёв.
- 5 Они хранили-каравулили стольнёй Киев-град.
 Тут не конной, не пешой не прохаживал,
 Не рысучой зверь да не пробегивал,
 Не ясён сокол да не пролётывал,
 А жил за старшего да Илья Муромец.
- 10 Поутру вставал да он ранёшенько,
 Умывается старой да ключевой водой,
 Вытирается старой да полотеничком,
 Богу молится да не по множеству,
 Одевал козловы-те сапожки на белы чулки,
- 15 А кунью шубу да на плечи,
 А пуховой колпак да на головушку.
 А брал он трубочку подзорную
 И зрел-смотрел на все стороны:
 На севере стоят да ледяны горы;
- 20 А еще зрит в сторону восточную —
 На восточной стоят да леса темные;
 А еще зрит-смотрит в ту да южную —
 А на юге там стоят луга зелёные;
 А еще зрит-смотрит во сторону во западную —
- 25 А на западе стоит да поле чистое,
 Поле чистое да все Куликово.
 Там славный Буян-остров, он шатается,
 А не Саратовски там горы да воздымаются —
 А ведь едет богатырь да забавляется:
- 30 Во руках держит да свой лук тугой,
 Он стрелочку калёну да сам постреливат,
 На лету ее подхватыват,
 На землю ее да не ураниват.
 На левом колене у его чернильница,
- 35 На его правом колене бумажечка.
 А и пишет он арлык да скору грамоту,
 Он подмётыват да ко белу шатру.
 Выбегат старой да он скорёшенько,
 Брал он записочку легошенько,

- 40 Давал читать Добрынюшке Никитичу.
Где читал Добрыня, да усмехается:
«А не идёт богатырь, да похваляется:
„Уж я еду к вам в стольный Киев-град,
Пошуметь-пограметь да в стольном Киеве,
- 45 Я божьи церкви на дым спущу,
А церковны-те иконы на полав воды,
А медны кресты я во грязь стопчу,
Владимира-князя под меч склоню,
Апраксию-княгиню за себя возьму,
- 50 Крупну силу да я повыбью всю,
Мелку силу я повыгоню,
Да Добрынюшку Никитича да во писари“».
Закричал старой громким голосом:
«А не время спать, да нам пора вставать,
- 55 Не от великого хмелю да просыпаться,
Не от крепкого сна вам разбудатися!
А кого же мы пошлём да за богатырем,
А кого же мы пошлём да за могучим?
А послать-то не послать Самсона да Колыбанова?
- 60 А Самсон-от Колыбанов роду да он сонливого,
Не за что он потеряет дак буйну голову.
А послать-то не послать-то Мишку ле Турупанишка?
А Мишка Турупанишка роду ле да торопливого,
Не за что он потеряет дак буйну голову.
- 65 А послать-то не послать Алешеньку Поповича?
А Алешенька Попович роду заговорлива,
Не за что он потеряет дак буйну голову.
А послать-то не послать Добрынюшку Никитича?
А Добрынюшка Никитич роду вежлива,
- 70 А сумеет он с богатырем ведь съехаться».
А не видели, как Добрыня да на коня скочил,
А не видели, как Добрыня да в стремя ступил,
Только видели: в поле копать стоит.
Где догнал Добрынюшка богатыря,
- 75 Он кричал ему да во первой закон:
«Если русский богатырь, да поворот держи,
А не русский богатырь, да я напущ даю!»
А на это тут детина да не слушался.
А закричал Добрыня да во второй закон:
80 «Если русский богатырь, да поворот держи,
А не русский богатырь, да я напущ даю!»
А на это тут детина да не слушался.
А кричал Добрыня да во третий закон:
«Если русский богатырь да поворот держи,
- 85 А не русский богатырь, да я напущ даю!»
А на это тут детина да не слушался.
А тут стал Добрынюшка ругатися:

- «А едешь, гадина, да перегадина,
 А летишь, ворона да пустопёрая,
 90 А летишь-машешься, сорока да загумённая.
 А была у нас убайна коровка набозыкова —
 По загуменьям коровина волочнлася,
 Алавиной корова да подавилася.
 А верно те, собаке, да то же надобно».
- 95 А на это тут детина да поворот дает,
 О да брал он Добрыню да за желты кудри,
 А бросал его да на сыру землю,
 А дал ему да тут по тяпышу,
 А прибавил еще да по олабышу:
- 100 «А поезжай, грит, ты назад да во белой шатер,
 А скажи-ка старику да ты низкой поклон,
 А что он вами, говнами, да заменяется:
 Ему самому со мною да не поправиться».
- А и едет Добрыня да не по-старому,
 105 А и конь его бежит да не по-прежнему,
 А повеся держит Добрыня да буйну голову,
 Потопя его да очи ясные.
 А-де стал старой Добрынюшку выпрашивать,
 А Добрынюшку выпрашивать, его выведывать.
- 110 «Видел в поле да я богатыря,
 А шлет он тебе да он низкой поклон,
 А говорит, что он вамн, говнами, да заменяется,
 Ему самому со мною да не поправиться».
- А завидело око да молодецкое,
 115 А слышало ухо да богатырское,
 Расходились его плеча могучие,
 Рассердилось его да ретиво сердце:
 «Оседлайте мне да вы добра коня!
 Уберите его да вы со трех цепей,
- 120 Укладите восемь подпружичек,
 А девятую кладите да через хребетину.
 А на шею кольчужечку серебряну,
 А не ради красы дак молодецкой,
 А ради крепости да богатырской,
- 125 А чтобы не оставил добрый конь да во чистом поле.
 А не успеете вы шей котла сварить —
 А привезу я вам погану да буйну голову,
 На погаленье вам дам, на поруганье!»
- А не видели, как старой да на коня вскочил,
 130 А не видели, как он да в стремя вступил,
 А только видели: в чистом поле копыт стоит,
 Из-под копыт коня да искры сыплются,
 А из рота да коня да пламя мечется,
 Не золотиста грива да расстилается,
- 135 Хвост трубой его да завивается.
 О-де наговаривал Сокольник да он своим слугам,

- Он своим слугам, да своим верным:
 «Уж выбирайте вы себе хозяина поласковой,
 А поласковой хозяина, повежливей,
 140 А со старым-то съехатися — да не с родным отцом,
 А со старым-то съехатися — да мне не брататься,
 А со старым-то съехатися — да дело да под молитвою,
 День под молитвою — да чья Божья помощь».
 Тут не две горы да там столкнулися,
 145 А два богатыря да съехались.
 А копья их да повихалися,
 А сабли их да пощербалися,
 Ухватились они да там в охабочку,
 Они бились-дрались да целы сутки.
- 150 А-де старому похвально да слово встретилось —
 А лева рука да проказнулася,
 А права нога да подломилася,
 А-де упал старой да на сыру землю,
 Где взмолился старой да Богородице:
 155 «А я за вас стою, да я за вас борюсь,
 А я стою-борюсь за верушку Христовую,
 А выдали вы меня поганым да на погáенье,
 А на погáенье выдали, на поруганье!»
 А тут не ветер полосочкой возмахиват —
 160 У старого силы вдвое да тут поприбыло.
 Ухватил он Сокольника за подпазухи
 И бросил его да на сыру землю.
 Он вытащил ножичок булатный,
 Разорвал его латы железные,
 165 А хотел он ему резать да груди черные,
 А смотреть его да ретиво сердце —
 А в плече его рука да остоялася,
 Он стал выпрашивать богатыря:
 «Уж ты кой земли, да кой матери,
 170 А как звать тебя да нынь по имени?» —
 «Когда я у тя сидел на грудях, тебя не спрашивал,
 А режь меня да ты, не спрашивай».
 А замахнулся старой ведь во второй разок, —
 А в локтю рука его да остоялася:
 175 «Уж ты гой еси, да добрый молодец!
 Коей ты земли, да кой матери,
 А как тебя зовут да нонь по имени?» —
 «Я у тя сидел на грудях, тебя не спрашивал,
 А режь меня да ты, не спрашивай».
- 180 Замахнулся старой да во третий разок —
 А в заведи его рука да остоялася:
 «Уж ты гой еси, да добрый молодец!
 Коей земли да кой матери,
 А как тебя зовут да нонь по имени?» —
 185 «Есть за морем поляница да одинокая.
 Есть за морем поляница да одинокая,

- Та поляница — моя матушка».
 Тут соскакивал старой на резвы ногы,
 Брал Сокольника за белы руки,
 190 Называл его сыном любезным.
 Говорит Сокольник таково слово:
 «А и как ты прижил меня моей маменьке?» —
 «Я у маменьки твоей прожил втаю три месяца,
 Тут тебя и прижил я, мой сын».
 195 Говорит Сокольник таково слово:
 «А поеду я, спрошу у моей маменьки,
 Верно ли ты ею похвасталсе».
 Погонил Сокольник к своей маменьке,
 А старой поставил шатер белобархатный,
 200 Лег он спать с великого побойща.
 Пригонила Сокольник к своему двору,
 Говорит матери таковы слова:
 «Был я на полях на киевских,
 Видел старого казака Илью Муромца,
 205 Назвал он тебя б(лядь)ю, меня вы(блядко)м». —
 «Не пустым старой похваляется:
 Он со мной жил втаю ровно три месяца,
 Тут тебя мне-ка прижил».
 Тут схватил Сокольник саблю вострую,
 210 Срубил у матери буйну голову.
 Он садился на добра коня,
 Ехал во чисто поле ко старому.
 Заскочил Сокольник в шатер белобархатный,
 Старой спит, как порог шумит.
 215 Ткнул Сокольник старого копьем в ретиво сердце.
 А у старого погодился на груди чуден крест,
 Копейцо в крест вошло да и сломалось.
 Ото сну старой пробуждается,
 Как схватил Сокольника за черны кудри,
 220 Поднял повыше дерева стоячего,
 Чуть пониже облака ходячего,
 На белы руки его не подхватывал.
 Пал Сокольник на матушку сыру землю —
 Тут Сокольничку смерть случилася.
 225 Тогда собрал старой свой белой шатер,
 Соскочил старой на добра коня,
 Сам поехал на заставу богатырскую.

№ 83

Еще жили на заставы богатыри,
 Еще ездил Добрынюшка во чисто поле,
 Увидал он ископыт великую:
 Ездит в поле богатырь, похваляется.

- 5 Приезжает Добрынюшка на за́ставу:
«Уж ты гой еси, наш старший брат,
Старший брат да Илья Муромец!
Видел я на поле́ ископыть великую:
Ездит во́ поле бога́тырь, похваляется».
- 10 Говорит Илья Иванович:
«А кого послать нам за нахвальщиком?»
Собирали они думушку великую:
«Нам послать буде Алешеньку Поповича».
Говорит Илья Иванович:
- 15 «У Алеша глаза поповски, завидушие,
Позавидует Алеша на богатство —
Понапрасну потеряет буйну голову». —
«Нам послать буде Василья Долгополова».
Говорит Илья Иванович:
- 20 «Вы неладное, бога́тыри, удумали:
У Василья полы долгие,
Ходит Васька — заплетается,
Заплете[т]се в битве полами,
Поинапрасну потеряет буйну голову,
- 25 А и лучше бы послать Добрынюшку Никитича».
Тут садится Добрыня на добра коня,
Поезжает на нахвальщика.
Выезжает он на гору Сорочинскую,
Он глядит в трубу серебряну.
- 30 Видит он: нахвальщик в поле тешится —
Саблю вострую выметыват,
Булаву́ бросает он под облако,
Приимает одно́ю рукой
Ту булаву́ стопудовую,
- 35 А другою — саблю вострую.
Закричал тут Добрынюшка Никитич млад:
«Ты собака сомохвальщина,
Ты зачем, верно́, заехал к нам
Через русскую заставушку?»
- 40 Услыхал его нахвальщикек,
На добром коне сворачивал, —
Сколебалась мать сыра земля,
Из озер вода повыбилась.
Испугался тут Добрынюшка Никитич млад:
- 45 «Унеси меня ты, Господи,
От злодея от нахвальщика!»
Приезжает он обратно на заставушку,
Говорит Илья да таковы слова:
«Больше некого послать нам на нахвальщика,
- 50 Самому пришло старóму ехати».
Тут садился Илейко на добра коня,
Он поехал на нахвальщика.
Выезжает он на гору Сорочинскую,
Он глядит в трубу серебряну,

- 55 И увидел старóй да тут нахвальщика.
Булаву бросал он выше облака,
Саблю вострую выметывал.
Закричал Илья Иванович:
«Эй ты, вор-собака, самохвальщина,
- 60 Ты зачем в чнсто поле заезживал
Через русскую заставушку,
Илье Муромцу не бил челом,
И не бил челом Добрынюшке,
И всей братье богатырскойей?»
- 65 Услыхал его нахвальщикек,
На Илью коня сворачивал. —
Сколебалась мать сыра земля,
Из озер вода повыбилась,
Тут и съехалнсь два могучих богатыря.
- 70 Они сшиблись, верно, копьями булатными —
Копья длинны изогнулнся,
Они сшиблись да саблями булатными —
Сабли востры зазубрились.
Соскочили тут богатыри да со добрых коней,
- 75 Они схватились в рукопашный бой.
Бились день они до вечера,
Бились-дрались до полуночи,
От полуночи до солнышка.
Как махнет Илья свет Муромец
- 80 Ручкой правою единою —
Проскользнулнся ноженькой левою
И упал на землю, верно, матушку.
Тут насел нахвальщик на его на груди белые.
Вынимает он булатный нож,
- 85 Хочет резать он Илейке груди белые.
Говорит ему нахвальщик же:
«Не тебе бы, старцу старому,
В поле чистое выезживать,
Или некем заместиться тебе?»
- 90 Ты бы келейку себе повыстроил
При пути да при дороженьке,
Собирал бы Божьи милости,
Был бы сыт ты мне, старинушка».
Говорит Илья Иванович:
- 95 «Да не так в писанье писано,
У апостолов удумано:
В чистом полюшке, в раздольице
Не бывать Илье убитому».
У Ильи тут силы, лёжучи,
- 100 Втрое-вчетверо прибавилось.
Как махнул Илья свет Муромец ручкой правою
Прямо в грудь ему, нахвальщику —

- Вышибал он тут нахвальщика
 Выше дерева стоячего.
- 105 Соскочил Илья на резвы ноженьки,
 Подбегает он к нахвальщику,
 Вынимает он булатный нож,
 Отрезает по плеч голову,
 Вынул сердце с черной печеню.
- 110 Тут садился Илья на добра коня,
 Поднимает он голову нахвальщика
 На свое ли на копье бурзуменское
 И поехал на заставу богатырскую.
 Приезжает Илья на заставу богатырскую,
- 115 Он кидает на землю ту голову,
 Говорит он богатырям да таковы слова:
 «Уж ты гой еси, моя дружинушка хоробрая!
 Сколько лет я в поле еживал,
 А таких нахвальщиков не видывал».

(Вечная слава нашим предкам и нашим богатырям, и нашим вождям, и вечная слава нашим непобедимым войскам!)

№ 84

$\text{♩} = 72$

У то - го же бы - ло у мо - ря, мо - ря си - не - го,
 У ка - ко - го бы - ло у ка - меш - ка хо - лод - но - го,
 Тут жи - ла у них ба - ва но - же не - че - с(ы) - ти - ва - я
 И у ей - то бы - ло ча - до нь не ми - ло - е
 А по и - ме - ни Со - коль - ник, сын И - ва - но - вич...

У того же было у моря, моря синяго,
 У какого было камешка холодного,

- Тут жила у них вдова нонь нечестивая,
И у ей-то было чадо ныне милоё,
5 А по имени Сокольник сын Иванович.
Еще он стал бы детинушка на возрасти,
Да на возрасти детинушка, на вóзлети,
Он стал просить вот у матушки благословеньицо
Как с буйной головы да бы до сырой земли.
- 10 Не дават ему нынь ехать во чистó полё:
«Ты и сын милый, чадо мое мало глупоё». —
«Уж ты дашь благословеньицо великоё,
Хошь не дашь благословеньицо великоё —
Я поеду нынь, детина, да во чистó полё
- 15 И посмотрю я нынь, детина, да свету белого,
Посмотрю все долинушки широкия». —
«Уж поедёшь нынь, детина, да во чистó полё,
Моё чадо ты, детина бы, любимоё,
Уж по имени Сокольник сын Иванович,
- 20 Ты увидишь нынче старóго-седатого,
Ты сойди-ко-се, моё да чадо милоё,
Ты сойди-ко со добрá коня бы на землю,
Поклонисе ему нынче, как родну батюшку». —
Отправлялся, сурежался наш добрый молодец,
- 25 Он уздал тут, седлал он коня доброго,
Он прощался тут с родимой да он своей маменькёй.
Ведь отправилсэ детина ка(к) во чистó полё,
Он взял себе утехи всё великия:
Впереде-то его бежит да ныне серой волк,
- 30 Позаде-то его бежит да чернóй медведь,
Он сам тут пишет, ярлыки несёт.
Он долго тут ехал ли, коротко ле,
Подъезжает тут ко крепости великоёй,
Ко могучим тут богáтырям ко русскиём.
- 35 Он ничем их зовёт, да не во что кладёт,
Всё своима бы утехами утешаетсэ,
Белый-те песок ныне да всё размётыват.
Тут вставал да тут Илья стар ныне Муромец,
Он взглянул бы во трубочку подзорную,
- 40 Он смотрел во все четыре да нынче стороны,
Там завидел удáла добра молодца:
«Он ведь едет, верно, мимо, нас ничем зовёт,
Да двенадцать нынь богáтырей не во что кладёт.
Он ведь едет, все утехами своими утешаетсе,
- 45 Впереди его бежит да ныне серой волк,
Позади-то его бежит чернóй медведь». —
Как отправлялсэ старóй да Илья Муромец,
Ныне спрашиват нынче да добра молодца:
«Ой куды же нынь все едешь, да куды путь держишь,

- 50 Проезжаешьсе, верно, нынче всё во стоальной градъ»
Он настигал бы уда́ла добра молодца,
Его спрашиват старо́й да Илья Муромец:
«Ты куды же нынче едешь, куды путь держи́шь?»
И тут детинушке теперь не до утех стало,
- 55 Тут он складывал те утехы все хорошие,
Ярлыки-то стал писать да скоры грамотки.
Тут бы схватывал Илья да свой булатен меч,
Как свалил-то он уда́ла добра молодца —
Да упал бы Сокольник на сыру землю́.
- 60 Тут схватилися ребята да в рукопашную —
Тут свалилсе бы Сокольник да на сыру землю́.
Вынимал тогда Илья кинжалище булатно́е,
Хочет нынче пороть его груди белые,
Да хочет мешать его кровь со печеню́ю —
- 65 Остоялася рука нынче во первой во раз.
Еще хочет бы колоть его груди белые —
А рука нынь остоялася во второй тут раз.
И тогда бы нынь старо́й да выговаривал:
«Ты бы чей, молодец, как именем зовут,
- 70 Именем-то зовут да величают по отечеству?
Ты скажи-ко-ся, удалой доброй молодец,
Ты какого бы отца, которой матери?»
Говорит Сокольник таковы слова:
«От того же я от моричка от синёго,
- 75 От того бы от камешка холодного,
Я от той же матери Златой горки».
Говорил бы старо́й таковы слова:
«Абы ты мне-ка сынок родной.
Воевали да мы с твоей родной матушкой,
- 80 Со Комбри́галкой, твоей да родной матерью».
Ну и стал тут Илья да со белых грудей,
Целовал тут детинушку в уста сахарные.
Распрощалися тогда, тут разъезжались.
Как поехал бы Сокольник да в свою сторону,
- 85 А Илья бы поехал назад в крепость-ту.
Ведь он поехал тут Сокольник, добрый молодец,
Осержается удалый добрый молодец:
«Как бы этот-то зовет мать б(ляд)кою,
Да меня-то называет, верно, вы(бляд)ком».
- 90 Он поехал нынь к родимой своей мамоньке.
Он приехал нынь, детинка, к родной матери,
Говорит тогда бы мать ему да таковы слова:
«Ты бы видел же, дитя, да старого-седатого?»
Отвечает ей удалый добрый молодец:
- 95 «Да и видел я, верно, стара-седатого,
Он зовет, верно, тебя нынче б(ляд)кою,
Величат меня да как бы вы(бляд)ком ».

- Говорит детине мать да таковы слова:
 «Да не пустым ведь он, детинка, да похваляется:
 100 Верно было дело так, верно случилось». Тут детинушка схватил свою да родну матушку, Он схватил-то ее и живота лишил. И он поехал опять где-ка в ту сторону, Да где-ка в крепости живет Илья бы Муромец.
- 105 Он и хочет-то опеть с ним да повидатисе, Он и хочет его бы живота лишить. Он и долго ли ныне ехал ли, коротко ли — Вот и едет мимо их, да их ничем зовёт, Он ничем-то зовёт, да их в ничто кладет.
- 110 Вот и смотрит старóй да во все стороны, Говорит бы старóй да таковы слова:
 «Он заехал к нам, собака, во чистó полё, Верю, тот был удалóй да доброй молодец». Он садится, Илья, нынь на добра́ коня,
- 115 Уж берет себе приправу до богатырскую. И как съезжаются уда́лы да добры молодцы. От и спрашивают старóй да Илья Муромец:
 «Ты куды же нынче едёшь, да куды путь держи́шь? Или едёшь ты, детинушка, битьсе-ра́тисе?»
- 120 Говорит ему Сокольник таковы слова:
 «Да, хочу я бы нынче да битьсе-ратисе, И хочу бы у тебя да голову́ сложить». Ну бы съехались ребята друг со дружкой, Они билися тут теперича, сохватилися,
- 125 Они бы тут штыки да нынь полóмали, Они вострые сабельки повыщербили, Они полицы буёвые поломали же. Тут скакали бы ребята да на сыру землю́, Они стали бы биться в рукопашный бой.
- 130 Дак у старого рука тут промахнулася, Как бы левая нога да бы подвернулася, Тут упал бы старóй да на сыру землю́, Тут зашёл бы Сокольник ему да на белы́ груди́, Он вот хочет бы пороть его груди белые,
- 135 Еще хочет бы мешать бы кровь со печенью. Вынимает нынче бы детинушка булатен нож, Он и тыкиул ему-то во бёлу грудь. Подхватил бы нынь тут его да как бы чуден крест. Тут взмолился старóй да Илья Муромец:
- 140 «Ты ли ой еси, Создатель ты небесный же, Пресвятая Божия мать Богородица, Ты не выдай меня собаке на поруганье!» Тут бы вдруг ему силушка случилася, Он бы справился да нынче, Илья Муромец,

145 Он свостнул детинушку да со белой груди,
Заходил-то ему сам на груди белые,
Вынимал бы теперь да он булатен нож,
Попорол бы теперь да груди белые,
Помешал его нынть кровь со печенью.
(А и всё, больше нету.)

№ 85

Жили, хранили Киев-град двенадцать богатырей. Из них, конечно, старший-то был Илья Муромец. Как они столицу хранили, было ли, нет ли, кто его знает. Подъезжал один богатырь и стрелки постреливал к воздуху, и не давал падать на землю, подхватывал. Вызывал их поратиться, а богатыри в шатре были. Потом они стали беседовать: «Кого нам послать за богатырем етим?» Стали выбирать, кто бы мог поехать: «Послать бы Мишку Торопанюшку: он роду торопливого, незавидь где потеряет свою буйну голову. Того нужно отставить». Потом послать хотели Алешу Поповича: «Алеша Попович роду сонливого, тоже отставить». «Послать, — говорят, — Добрынюшку Никитича. Добрынюшка Никитич роду вежливого, сумеет с богатырем съехаться, сумеет честь воздать».

Поехал Добрынюшка Никитич в чистое поле, наезжает на Сокольника. Это Сокольник наезжал. И закричал он своим громким голосом: «Если русский богатырь, отворот давай, а если не русский, то напұст держи». А Сокольник не оглянется. До трех раз-то повторял Добрынюшка. Потом поворот дает Сокольник. Подъезжает к Добрынюшке Никитичу, берет коня его за повод и поворачивает в обратную сторону. «Поезжай, говорит, обратно. С тобой мне делать нечего. Скажи старому казаку Илье Муромцу низкий поклон. Никем г(овно)м заменяется, ему старику не поправиться». [Коня-то тяпнул по тяпышу, добавил по олабышу. От евовного тяпанья лошадь присела.]

Поехал Добрынюшка Никитич ко белу шатру обратно. Подъезжает ко белу шатру обратно, остальные смотрят. Конь бежит не по-старому, а Добрыня сидит не по-прежнему. Подъезжает Добрынюшка и сказывает старому казаку низкий поклон. «Никем ты г(овно)м заменяешься, ему, старику, не поправиться».

$\text{♩} = 126$

А м(ы)-не, ста - рич-ку, да за бе - ду ста - ло,

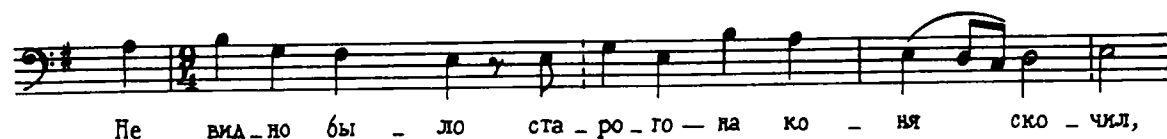
За бе - ду ли ста - ло, да за ве - ли - ку - ю,

За ве - ли - ку - ю до - са - ду по - ка - за - ло - се,

За ве - ли - ку - ю до - са - ду по - ка - за - ло - се.

(— Он тогда вот и сказал: „Не удастся, — гыт, — вам горшка скипятить, я привезу татарску буйну голову“.)

Да толь_ко вин_но бы_ло в стру_ме — на сту_пил,

А не вин_но бы_ло по_еза_ки мо_ло — дец_ки_ся,

Толь_ко вия_но бы_ло — в чис_том по_ле_ку_ре — ва сто_ит,

Толь_ко вин_но бы_ло — в чис_том по_ле_ку_ре — ва сто_ит,

Ку_ре_ва — де сто_ит, да дым стол_бом ва_лит,

У ко_ня_то из ро_ту́ да пла_мя ме_чит_ся...

- А мне, старичку, да за беду стало,
 20 За беду ли стало, да за великую,
 За великую досаду показалосе,
 За великую досаду показалосе.
 Могучие плеча расходилисе,
 А могучие плеча расходилисе,
 25 Кровь горячая да роскипеласи,
 Кровь горячая да роскипеласи,
 Очи ясные да возмутилисе:
 «Уздайте, седлайте коня, да ко́ня добренького,
 Уздайте, седлайте коня, да ко́ня добренького!»
 30 Уздали, седлали коня да со семи цепей.
 Уздали, седлали коня да со семи цепей.

Он тогда вот и сказал: «Не удастся, гыт, вам горшка скипятить, я привезу татарску буйну голову».

- Не видно было старого: на коня скочил,
 Да только винно было: в струмнна ступил,
 35 А не винно было поездки молодецкой,
 Только видно было: в чистом поле кулева стоит,
 Только винно было: в чистом поле кулева стонт,
 Кулева-де стоит, да дым столбом валит,

- 40 У коня-то из роту да пламя мечится,
У коня-то из ноздрей да искры сыплются,
У коня-то хвост да он столбом стоит.
Нагонила старой да на Сокольника,
Нагонила старой да на Сокольника,
- 45 Закричал он своим да громким голосом,
Закричал он своим да громким голосом:
«Если русский богатырь, оворот давай,
Если русский богатырь, оворот давай,
А не русский богатырь, ты напуст держи!»
- 50 А на это Сокольник не оглянется,
[А] на это Сокольник не оглянется,
А стал старой да всё ругаться,
Стал старой да всё ругаться,
Стал ругаться да всё браниться:
- 55 «Ворона ты летишь пустопёрая,
Ворона ты летаешь пустоперая,
Сорока ты летаешь загуменная,
А нас, добрых молодцов, да ты ничем зовешь.
А нас, добрых молодцов, да ты ничем зовешь!»
(Потом я уж немножко, извините, неловко.)
- 60 Бились-дрались да целы суточки,
Они бились-дрались да целны суточки,
А не ранились да не кровавились,
А не ранились да не кровавилсь,
А копейча по насадкам извихнулся,
- 65 А копейча по насадкам извихнулся.

Они тогда слезли со добрых коней, стали бороться. Как ни боролись, старого казака лева нога подвернулась, упал. Похвально слово его попутало: чем похвалишься, тем и подавишься. Наскочил тогда Сокольник на белые груди и махнул его булатом в грудь. Он вроде как крест носил, то ле в броню попало, — не мог пробить его.

- 70 Вдвое-второе силы прибыло у Ильи Муромца, он смахнул богатыря и скочил ему на белые груди. И тоже махнул он булатом, но рука в локте остоялась, он не мог его убить. Стал его спрашивать: «Откуда ты явился, какого ты роду-племени, что не слышно было раньше про тебя?» А он с достью богатырской говорит: «Я, когда сидел на белой груди, не спрашивал роду-племени. Уж ты победил, не расспрашивай».
- 75 Но он опять спрашивает. Вынужден сказать: «Сокольник. Мать была богатырица-паланица, а отца, говорит, не знаю, какой был отец». Потом, конечно, Илья Муромец сознался ему отцом. Сокольнику было тринадцать лет, но чувствовал такую силу, что не мог сидеть, поехал поратиться.

- Илья Муромец спустил Сокольника, но Сокольнику показалось неловко, что он оказался в(ыблядо)к. Он поехал и мать убил. (Так ли оно было, Бог его знает.) Потом вернулся обратно, поехал и на отца. А с битвы Илья ехал, лег в чистом поле отдохнуть, заснул богатырским сном, а коня рядом спустил.
- 80 Когда конь богатырский заслышал, конь стал копытами землю бить, Илью будить, чтобы на сонного не наехал. Всё же добудился, успел Илья уехать в белой шатер. И нагонила Сокольника во белом шатре и наскочил на отца. Тогда Илья наступил на одну ногу и рóзорвал его, прикончил, что нахальный сын его был. (Больше не знаю, так от стариков слышал.)

№ 86

Musical notation for the song, consisting of five staves of music with lyrics underneath. The tempo is marked as 126. The lyrics are:

Ка_к(ы) во сто_л(к)нѣ_м(ы) во го_ро_де во Ки_ѣ_ве,

Ка_к(ы) у ла_с(ы)_ко_ва кня_зя ю В(ы)_ла_ды_ме_ра

За_во_ди_ло_се пи_ро_вань_ѣ_с(ы)_то_ло_вань_ѣ,

Ка_к(ы) пи_ро_вань_ѣ_с(ы)_то_ло_вань_ѣ, по_це_сся пир.

Ка_к(ы) бы все_то на пи_ру да на пи_ва_ли_се...

- Как во стольнѣм во оде во Киѣве,
 Как у ласкова князя ю Владимира
 Заводилосе пирóваньѣ-столóваньѣ,
 Как пирóваньѣ-столóваньѣ, поцесен пир.
- 5 Как бы все-то на пиру да напивалисе,
 Как бы все на честнóм да наедалисе,
 Только есь один не пьян да ён невѣселой,
 Он-то ходит теперь да вдоль по гриденки,
 Он-то ножецкя ё ножецкю похлапыват,
- 10 Он каблук о каблук да поколачивает:
 «Юж ты ой есь, наш солнышко Владимир-князь!
 Ты позвольте мне-ка ноне слово вымолвить.
 Юж ты ой есь, наше солнышко Владимир-князь!
 Ты-то дай-ко-се-ка мне-ка поединщыка,
- 15 Мне-ка съездить на чистое на полюшку,
 Мне-ка надобно бы мне-ка поединщыка,
 Мне побитце с ним-то надо, поздороватце.
 [Уж ты ой еси,] солнышко Владимир-князь!
 Мне-ка дайте-се топеря поединщыка,
- 20 Я поеду я по чистому по полюшку,
 Я поеду бы я с ним да поздороваюсь».
 А старóй [тот же час] выходит вон на улицу,
 И берет он своѣго коня доброго.
 Поезжат бы старóй да не прошшантце,

- 25 Уезжает старóй да в чисто полюшко.
Он уехал, старóй, да далекёшенько,
Он раскинул шатер белополóтненой,
Забирается на отдых во чистó полё,
Он забралсе в шатер белополóтненой.
- 30 Тут немного поры-время миновалосе,
Как ко старому приехал поединщикек.
Он приехал ко старóму он подратисе,
А старóй же топеря спит он крепким сном.
Он к старóму он забралсе на белúю грудь,
- 35 Вынимает он кинжалище-булатной нож,
И спустил бы старóму он во всюю грудь,
И старóй бы проснулсе своим крепким сном,
И старóй обтер свон очн ясные,
И старóй-от бы сел бы да он на ту землúю,
- 40 И старóй-от встает да на резвú ногú:
«Ой ты ой еси, мое чадо, чадо милое!
Ты почто же ты приехал к твоему отцу,
А не тут же тебе напасти было-то».
И берет его старóй да за русú кудрú,
- 45 Он бы поднял его, старóй, повысокохонько,
Опустил бы старóй да на сыру землúю:
«Ой ты ой еси, мое чадо, чадо милое!
Тогда знай бы вперед да приезжай ко мне,
Ты мое ведь, мое да чадо милое,
- 50 Ты мое же да племя наше».
(Тут и всё, больше не знаю.)

№ 87

$\text{♩} = 144$

От то - го бы - ло от мо - ря от Сту - дё - на - го,
От то - го бы - ло от ка - меш - ка от Ла - ты - ря,
Как от той бы - ло от ма - туш - ки Зла - ты - го - р(и) - ки,
Как у е - й(и) - то бы - ва - л(ы) да ча - до ми - ло - ё,

О_и(ы) про — си_л(ы)-то у е — й(и) бла_го — слов — ле_и(и)_и — ца,
 Ка — бы съез — дить, схо — дить да в сто_л(и)_ной Ки — єв град,
 По — смот — реть та_м(ы) кня — зя да со княя — ги — но — ю,
 По — смот — реть там и_ще русс — ки — х(ы) бо — га — ты — рей...

- От того было от моря от Студёнаго,
 От того было от камешка от Латыря,
 Как от той было от матушки Златыки,
 Как у ей-то бывал да чадо милоё,
 5 Он просил-то у ей благословеньица,
 Кабы съездить, сходить да в стольной Киёв-град,
 Посмотреть там князя да со княгиною,
 Посмотреть там ище русских бога́тырей.
 Как давала ему матушка благословеньица.
 10 Выходил он ведь тогда да на конюшон двор,
 Он седлал себе коня да троелеточка,
 Надевал ему уздечку шамошелкову,
 Ох, ле клал на ту лошадочку двенадцеть войлучков,
 Как тринадцетой метал цезез хребетницу,
 15 Он не для-то басы — да ради крепости,
 Щобы не оставил его доброй конь в чысто́м полі.
 Отправлялсэ Сокольник в стольной Киёв-град,
 Он садилсэ тогды да на добра коня.
 Как правóй-то ногой да в струмена стоял,
 20 Ак левóй-то ногой да колесо катил.
 Он поехал-де нынь да по чысто́у полію,
 Он по тому-де ле ехал по роздолющу.
 Говорил-то Сокольник таковы слова:
 «Я заеду теперь на за́ставу богатырьскую,
 25 Я старого казака возьму в придверьники,
 Я Олешу-ту Поповича — во писари,
 Я Добрынюшку Никитича — во стольники,
 Как остáльных-то богатырей возьму во конюхи.
 Я приеду тепере в стольной Киёв-град,

- 30 Я князя-та царя да во полон возьму,
А кнагину мать Опраксею за себя возьму,
Кабы стольной я Киѣв на огни сожгу,
Как святы, ой, иконы на поплав реки».
Как во ту-де пору, ище во то времѣ,
- 35 Как на той-то на за́ставы великой
Кабы были уда́лы добры мо́лодцы —
До двенадцети уда́лых добрых мо́лодцов.
Как первой-то — старо́й казак Илья Муровец,
Как второй-то — Олѣшенька Попович блад,
- 40 Кабы третьѣй — Добрынюшка Никитич блад,
Кабы се́мых-то братьей да Долгополых.
Как в онну-де как пору, нынь в оино времѣ,
По утру-то было ище ранешенько,
Как ставал-то старой да со мягка́ места,
- 45 Надевал-то ведь шубу на онно плечо,
Как пухов-то колпак да на онно ухо.
Кабы брал-то ведь трубочку подзорную,
Выходил-то старо́й да во чысто́ полѣ.
Как смотрел-то в сторонушку подзападну —
- 50 Увидал-то ле там ище сини́ моря;
Как смотрел-то в сторонушку подсеверну —
Увидал там ле ти горы ледя́нные;
А смотрел под сторонушку под сточную —
Там видал-де леса ище дремучия;
- 55 Как смотрел-де под сторонушку под летнюю —
А видал ле ведь там иде чысто́ полѣ,
Как во том-де ле было во чысто́м поли́
Увидал ле он добра ище ведь мо́лодца:
Кабы едет молодец да по чысту́ полю́.
- 60 Заходил тогды старо́й да во бело́й шатер:
«Вы ставайте-ко, удалы добры молодцы,
Кабы у нас во чыстом поли видал я добра молодца,
Кабы надо кому ле съездить за нахвальщыком!»
Отправляли они Олѣшеньку Поповича.
- 65 Поежжал-то Олѣшенька Попович же,
Поежжал ведь он нынь да во чысто́ полѣ.
Он встречалсэ, Олѣшенька, с добрым мо́лодцом,
Говорил-де Олѣша таковы слова:
«Ах, кака же ты невежа-та хорошая,
- 70 Почему же ты на за́ставу нам не приворачивашь?
Ты, наверно-де, нас да ты ничем зовѣшь,
Как ничем нас зовѣшь да ни во что кладѣшь?»
Ах, ставал тут Сокольник со добра́ коня,
Кабы дал-то Олѣшеньке по тяпышу,
- 75 Как прибавил ему да по ола́бышу.
Отправлялсэ Олѣшенька на заставу.

- Как у Лёшеньки конь бежит коровою,
 Как Олёша на коне сидит вороною.
 Приеждал-то Олёшенька на за́ставу,
 80 Посмотрели на Олёшу добры мо́лодцы,
 Говорит-то старой да таковы слова:
 «Видно, мне-то, старо́му, неким замениться,
 Кабы надо мне ведь ехать во чисто полё».
 Как ставал-де старо́й да на резвы ноги,
 85 Надевал с собой одежду ту военную,
 Кабы брал с собой он палицу буёвую,
 Ище брал с собой копёйцо бурзумецкоё,
 Кабы брал с собой ведь сабельку он вострую,
 Он наряжал-де, старо́й, ище добра коня.
 90 Как садилсэ он, старо́й, да на добра коня,
 Поеждал-то старо́й да во чисто полё.
 Наеждал-то тогда да он Сокольника,
 Говорил-то ему да таковы слова:
 «Уж ты ой еси, удамый добрый мо́лодец!
 95 Уж ты что же нам на за́ставу не приворачивашь?
 Ты ницем нас зовёшь да ни во что кладёшь?
 Заежжай-ко ты нам да хлеба-соли есть,
 Кабы хлеба-то есть да переваров пить!»
 От тогды-то с Сокольником они оссорились,
 100 А схватились с Сокольником ведь [бой вести].
 Как ударились они да саблима вострыма —
 Кабы сабли-ти у их да пощербалисе.
 Кабы схватились онн палицами буёвыма —
 По насадкам-то палицы росшаталисе.
 105 Кабы схватились они копёйцима-та вострыма —
 Как копёйца у их да поломалисе.
 Как соскакивали они ище с добрых коней,
 Как схватились они да рукопашный бой.
 Как по великому несчастью было в то времё —
 110 У старо́го-то рука да прохватиласе,
 Кабы левая нога да проступиласе,
 Кабы пал да старо́й да на сыру землю.
 Как садилсэ Сокольник на стара казака,
 Как хотел у ёго пороть да ведь белы груди.
 115 Как взмолилсэ старо́й да Господу Богу —
 Как у старого-то силы вдвое прибыло.
 Как вскочил-де старой, вин(но), сэ сырой земли,
 Ухватил-то Сокольника за белы руки,
 Он метал-то Сокольника на сырú землё,
 120 Он садилсэ ему да как на черны груди,
 Замахнулсэ старо́й нынь (своим) ножом булатным —
 У старо́го-то рука да остояласе,

- Как замахнулсэ старой да во второй након —
У старóго-то рука да задержаласе.
- 125 Кабы спрашивал старóй ведь роды ль, племени,
Как тогда ему сказал ище Сокольник же,
Как сказал-то ему да роду ль, племени:
«От того-де я от моря от Студёного,
От того ище от камешка от Латыря,
- 130 Как от той ище от матушки Златы́ки».
Поднимал-то его да на резвы́ ногí,
Говорит-то старóй да таковы слова:
«Уж ты ой еси, удамый добрый мóлодец!
Мы с твоей-то ведь нонче ронной матушкой
- 135 Мы кабы бились-дрались ище двенадцеть лет,
Во тринадцетом году да во последнёем
Мы с твоей-то ронной да согласилесе,
Согласилесе мы да с ей (по)мирилесе,
Кабы сделали мы с нею любовь телесную».
- 140 Поежжал тогда Сокольник ронной матушки,
Подъезжат-то Сокольник к широку́ двору́ —
Увидала его да роина матушка,
Выходила она да вон на улецу,
Кабы смотрит она на добра мóлодца:
- 145 Кабы едёт-то он да не по-старому,
Кабы едёт-то он да не по-прежнему.
Говорит тогда Сокольник таковы слова:
«Уж ты ой еси, моя мати родимая!
Мы бы съехались теперь со старым казаком,
- 150 Мы ведь съехались с им, ище поссорилесь.
Он называт-то тебя да ище блядкою,
Он величат-то меня да ище выблядком».
Как берёт-де Сокольник свой булатной нож,
Абы зарезал свою да рониу матушку.
- 155 Как бы тут-то ее да смерть случиласе.
«Я поеду тепере во чыстó полё,
Я зарежу своего да родна батюшка».
Поежжал-то Сокольник во чыстó полё.
Кабы едёт ле он да по чыстú полю́ —
- 160 Увидали его на зáставы добры мóлодцы.
Как седлал-то старой ище добра́ коня,
Поежжал-то Сокольнику навстречу ле.
Кабы съехались они ище с Сокольником,
Как схватились они во рукопашный бой.
- 165 Кабы метал-де старóй ведь нынь Сокольника,
Розорвал-то старóй его ведь надвоё.
Кабы тут-де Сокольнику смерть случиласе,
Как на етом-де деле всё окончилось.

№ 88

♩ = 116

Ай во столь - нём во го - ро - де во Ки - е - вк

Там жи - ли на зас - та - вы бо - га - ты - ри,

Ка - ра - ву - ли - ли - хра - ни - ли столь - нёй Ки - е - в(ы) град,

Не ви - да - ли о - ни не кон - но - го, не пе - шо - го,

Не про - хо - жо - го о - не, да не про - е - ж(и) - жо - го.

Да не се - рой там волк да не про - ры - с(ы) - ки - вал,

Да не чёр - ной ме - д(ы) - вель та - м(ы) не про - бе - ги - вал.

Ста - ва - ет ста - рой да по - ут - ру ра - но́,

Да вы - хо - дит ста - рой дак вон на ву - ле - цу...

Ай во стольнём во оде во Киеви,
Там жили на за́ставы богатыри,
Каравулили-хранили стольнёй Киев-град,
Не видали они не конного, не пешого,

- 5 Не прохожого оне да не проежжого.
 Да не серой там волк да не прорыскивал,
 Да не чёрной медведь там не пробегивал.
 Ставает старой да поутру рано,
 Да выходит старой дак вон на вулицу,
- 10 Да берёт-де старой подзорну трубочку.
 Он смотрит под сторону под'летнёю —
 Кабы там-де стоят да леса темныя;
 Он смотрит под сторону под западню —
 Кабы там-де стоят горы ледяныя;
- 15 Он смотрит под сторону под северну —
 Кабы там-де стоит да морё синяё;
 Он смотрит под сторону восточную —
 Кабы там-де стоит да полё чыстоё.
 Не туман, видит, в поле да колыбаитце,
- 20 Видит: ездит богатырь, забавляйтце.
 Он кверху-то стрелочку постреливат,
 На сыру землю стрелку не ураниват,
 На лету ету стрелочку подхватыват,
 На одном-то колени дёржит чернильничку,
- 25 На другом-то колени дёржит гумажочку,
 Да и пишот богатырь скору грамотку.
 Подъезжает богатырь ко белу шатру,
 Он подбросил ету грамотку старому казаку.
 Вот берет-де старой да ету грамотку,
- 30 Да заходит старой да во белой шатёр,
 Заревел тут старой да громким голосом:
 «Уж как не времё спать, да нам пора ставать,
 От великого сону пробужатися,
 От великой хмелинки просыпатися!»
- 35 Вот скочили ребята на резвы иогы,
 Умывались они да ключевой водой,
 Утирались они все полотенышком,
 Вот и стал им читать да старый грамотку:
 «Уж я еду-де к вам да во стольней Киёв-град,
- 40 Я греметь-штормовать у вас в стольнем Киеве,
 Старá казака да я под меч склоню,
 Молоду его княгиню за себя возьму,
 А белой ваш шатёр да я на дым спущу,
 А святы ваши иконы на поплав воды спущу,
- 45 А Мишку Торопанишка — во конюхы,
 А Добрыню Микитичя — во писари,
 Кабы Мишки Торопанишку — чашки-ложки ему мыть,
 Чашки-ложки ему мыть да поварёночки».
 Вот и стал тогда старой да их выпрашивать:
- 50 «Да кого мы пошлём да во чысто полё,
 Во чысто полё пошлём мы за богатырём?
 А послать бы нам Мишку Торопанишка:

- У нас Мишка-та роду торопливого,
Заевяд он потерял свою буйну голову.
- 55 А пошлём лучше Добрынюшку Мекитича:
А Добрыня-то роду да у нас вежливого,
Он сумеет с богатырём-то съехатьце,
Он сумеет богатырю ведь честь воздать».
- Вот и стал тогда Добрынюшка срезаться,
60 Вот и стал тут Микитич сподобляться.
А не видяли, Добрыня как на коня когда скочил,
А увидяли: Добрыня в стремя ступил.
Да увидяли: в чистом поле куревá стоит,
Куревá где стоит, да дым столбом валит,
- 65 У коня-то ыз роту пламё мечитце,
У коня из ноздрей да искры сыплютце.
Полятел тут Добрыня во чистое поле,
Подъезжает Добрыня ко богатырю,
Зарявел тут Добрыня во первой закон:
- 70 «А куда же ты едешь, куда путь держишь?
Не воротись ты на заставу каравульню?»
А на его богатырь не ослушался.
Зарявел тогда Добрыня во второй закон:
«Ах ты летишь, ворона пустопёрая,
- 75 Ах ты летишь, сорока загумённая,
Ах ты нас, видно, богатырей, нечим зовёшь?»
А на его Сокольник поворот даёт,
Налетел тут Сокольник на Добрынюшку,
Он схватил тогда Добрыню со добра коня,
- 80 Он бросил его да на сыру землю,
Да и дал ему по жопы-то два тяпыша,
Да прибавил ему да два олабыша,
Посадил его назад да на добра коня:
«Поезжай ты назад да во белой шатёр
- 85 Да скажи старику от меня низко́й поклон,
Да пускай вами, говном, не заменяйтце,
Самому ему со мной да не поправитце».
- Видят: едет Добрыня не по-старому,
А конь-то бежит да не по-прежнему,
- 90 Повеся он держит да буйну голову,
Потопя он держит дак очи ясныя.
Подъезжает Добрыня ко белу шатру,
Да заходит Добрыня во белой шатёр.
Вот и стал его старик тогда допрашивать,
- 95 Ай и стал ему Добрынюшка рассказывать:
«Он послал со мной тебе низко́й поклон,
Не велел нами, говном, да заменятися, —
Самому ему со мной, говорит, не поправитце».
- У старого-то плеча расходилисе,

- 100 А глаза у его да помутилисе,
Заревел тогда старóй да громким голосом:
«Вы уздайте, седлайте кóня доброго,
Коня доброго уздайте да со восьми цепей.
Не успеете вы, говорит, горшка сварить —
- 105 Привезу я ведь тотарску да буйну голову!»
Вот и стал тут старóй тогда срежатисе,
Надевает он латы да бога́тырьцкия,
Надевает он шляпу да на левó вухó,
А черной ворон у его на левóм плечи,
- 110 А сизóй-то орёл да на по-правом плечи,
Да не виделн, старой как на коня когда скочил,
А увидели: старой да в стремяна когда ступил.
Да увидели: в чыстóм поле куревá стоит,
Курева где стоит, да дым столбом валит,
- 115 У коня-то из роту пламё мечитце,
У коня из ноэдрей да искры сыплютце,
А хвост-от трубочкой завиваитце.
Полятел тут старóй да во чыстó полё,
Подъежжает старóй да ко бога́тырю,
- 120 Заревел тут старик да во первьóй након:
«А куда же ты едёшь, куда путь дёржишь?»
Не воротишь ты на за́ставу каравульнюю?»
А на ето бога́тырь не ослушалсэ.
Заревел тут старóй да во второй након:
- 125 «Ах ты лéтишь, ворона пустопёрая,
Ах ты лéтишь, сорока загумённая,
Ах ты нас, винно́, бога́тырей, нечим зовёшь?»
А на ето бога́тырь поворот даёт.
А не две тут ведь тучи да столконулисе —
- 130 Два бога́тыря тут да солеталисе.
Задрожала тогда да мать сырá земля.
Они бились-хвостались да целы суточки —
У их палицы все да изломалисе.
Они ж выхватили сабельки булатныя.
- 135 Они бились-рубились да вторы суточки —
У их сабли-ти все да исщарбалисе.
Они бросили тот бой да о сыру землю́.
Да скочили тогда да со добрых коней,
Да схватились они тогда в охабочку.
- 140 Они бились-боролись третьи суточки,
А старо́го похвальнё слово спутало —
Ан одна-та но́га да подкатнуласе,
А втора-та но́га да подломиласе —
Упал то́гда старóй да на сырú землю́.
- 145 Заскочил ему Сокольник на белы́ груди,
Он разóрвал-де латы да бога́тырския,

- Да и вытащил чиньжалишчо булатноё.
 Взмолилсэ старой тогда Богородицы:
 «Пресвятая ты мати Богородица,
 150 Почему ты меня да ето выдала
 Черным вóронам да на росклёваньё,
 А лютым-то зверьям да на ростасканьё?
 Я стоял ведь за веру за Христовую,
 А молилсэ всегда тебе, Богородицы».
- 155 А не ветру полоска тогда махнула же —
 Вдвоя-втроя у старóго силы прибыло,
 Сосвистнул он Сокольника со белых грудёй,
 Заскочил он ему да на его грудí,
 Он розóрвал-де латы да богатырския
- 160 Да и вытащил чинжалшчо булатноё.
 Замахнулсэ Сокольнику во белы грудí —
 А в махальни рука у ёго застояласе.
 Вот и стал ёго старóй да тут спрашивать:
 «Да како́го же ты роду, какой племенн,
 165 А как же тебя зовут по имени?»
 Отвечает Сокольник да таковую речь:
 «Когда был я у тя да на твоих грудях,
 Я не спрашивал не роду у тя, не племени».
- 170 В завяты́ у ёго рука да застояласе.
 Вот и стал ёго старой ище выпрашивать:
 «Да како́го же ты роду, какой племени,
 Ах как же тебя зовут по имени?»
 Отвечает Сокольник таковую ему речь:
 175 «Есь, грит, за морём богатырица да одноокая,
 Я ейный сынок, а отец у мня прохожей молодёц».
- Соскоцил тогда старóй да на резвы́ но́ги,
 Поднимает Сокольника на резвы́ но́ги:
 «Ах ты ой еси, дитятко, Сокольник же,
 180 А ведь ты будёшь сынок, а я отец тебе».

(Это было как раз, — я сказкой остатки доскажу, что ле, петь-то не замог.)

- Он, это самое, стар казак, ездил всегда он по всёму свету, искал всё себе поединщыка, чтобы кто мог с им состоять. И вот и он как раз услышал это — за морем там одноокая богатырица есь очо́нь сильняя. Он к ей уехал, там силу тожо попробовать; ну он там с ей отведалсе, ей победил, ну, она и стала просить в гости его там, к ему. Оне уехали, видно, там подвыпили, погостились, да и перёспали там. И он прижил этого самого вот Сокольника ей, в это время, в этой гостьбы. Ему только было двенадцать лет, он стал у матери просить благословенье ехать себе поединщыка искать. А она говорит:
 185 «Что ты, дитятко, молодёшенёк ты, зеленёшенёк... (Оно — всё бы оно поётся, ну я... худо петь-то мне, не могу!) Ты, говорит, тебе, говорит, не времё ехать, ты, грит, пока подрости, подобрей; подобреёшь, тогда, грит, поедёшь». А он ей заявил: «Дашь, говорит, коня, поеду, и не дашь — поеду!» Ну, она,

190 в силу необходимости, пришлось ей отдать коня богатырского своего. И он вот к им и приехал. Она ему рассказала, что вот такая-то там богатыри живут, охраняют такой-то город, и вот он к им и приехал, как раз этот сын его. И вот они тут и сразнились.

Ну, он только был двенадцати ище лет, но он уже отца своего всё-таки преодолел. Ну, и вот он, настолько был, тожо уж богатырь был, дак ишь и серъцо-то большоё жо было. Стал его стар казак звать в гости-ка к отцю там, а он грит: «Нет, я уж поеду счас домой, грит, а приеду — дак только с матерью, говорит, к тебе в гости». Приехал домой, россердился так, разнервничал. Мати вышла его встречать: «Где же ты, дитятко, говорит, побыл, кого же ты повидел?» — «Был, говорит, я за морём, видел бозыкову коровушку, говорит. Она, говорит, тебя зовёт блядью, а меня — выблядком!» Россердился, мать свою чинжалишчом шáриул, и мать свою убил. И тогда завернул своего коня и поехал обратно, 200 опять во белой шатёр.

Приехал, а стар казак с великого побоища. У его ети все помощники видели там, как они дрались. Они от страху убежали все и лишились своего шатра. Он приехал, — их никого нету. Он коня спустил там и лёг, да богатырским сном заснул. А ет Сокольник прилетел, сын его, ко белу шатру, заскочил во белой шатёр, а отецъ ёго спит богатырским сном. Шáриул ему чинжалишчом в грудь. Погодился, 205 говорит, у старóго старинной чуден крест, говорит. Угадал да в самый крест выгнул, а груди не повредил.

Скочил, говорит, стар казак, говорит, на резв́и но́ги,
Схватил, говорит, Сокольника в-за белы́ кудри́, говорит,
Хвостнул его о кирпичён пол,
Наступил, говорит, ему на одну руку, другую отóрвал, говорит,
210 Наступил, говорит, на одну ногу, — отóрвал.
И выбросил за окошко и опять лёг спать.

(На этом старина, по-моёму, кончилась. Может быть, и еще дальше что ле было, но я больше-то не могу петь-то. Вишь, когда бы у меня ребята вот помогали бы, то бы мы спели всё бы это. Но мне трудно. У меня вишь как серъцо-то больнё, дак мне трудно петь-то. Долго-то не могу я.)

№ 89

$\text{♩} = 100$

Ай, не да - лё - ко бы - ло о - ты) го - ро - да от Ки - е - ва,

Не да - лё - ко, не близ - ко - да за две - вал - цеть вёрст

Де сто - я - ла за - ста - ва да бо - га - ты - р(ы)ска - я,

Не ве - ли - ка не ма - ла — трид - цать да со - бо - га - ты - рей,

Они хра - ни - ли ка - ра - ву - ли - ли столь - ней(я) Ки - ев град.

Да заля - га - ла до - рож - ка да ров - но трид - цеть лет...

- Ай недалёко было от города от Киева,
 Не далёко, не близко — да за двенадцать вёрст
 Де стояла застава да богатырская,
 Не велика, не мала — тридцать да собогатырей,
 5 Они хранили-каравулили стольней Киев-град.
 Де залягала дорожка да ровно тридцеть лет,
 Тут не конной, не пешой а не прохаживал,
 Не рыскуей зверь да не прорыскивал,
 Ни ясён сокол да не пролётывал.
 10 Ай-де был атаманом Илья Муромец.
 По(й)утру ставал старой ранешенько,
 Омываетце старой да ключевой водой,

- Он-де Богу молитце, старой, да не помножоцьку,
 Одевал козловы сапожки да на белы чулки,
 15 Он Богу молитце дак не по множецьку,
 Одевал ведь кунью шубу да на одно плеще,
 А пухов-от колпак дак на одно ухó,
 А-де брал он трубоцьку подзорную,
 А выходил он сам дак на крылецьюшко.
- 20 А зрил-смотрел в ту сторонушку во северну —
 Ой-де на севери стоит дак ледяны горы;
 А ище зрит-смотрит в ту сторонушку в востоцьную —
 Ой-де на востоке стоят дак лесы тёмные,
 А-де лесы темная, горы высокие;
- 25 А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во южную —
 А-де на юге стоят луга широкие,
 А-де луга широки, травы там зелёные;
 А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во западну —
 А-де на запади стоит да полё чистое,
- 30 Полё чистое, да всё Куликово.
 А-де не славной Буян-остров там шатайтце,
 А не Саратовы горы да взременяютце,
 А, верно, едёт богатырь да забавляйтце:
 А стрелоцькой он кверху да сам постреливат,
- 35 На лету стрелу подхватыват, на пол не (й)ураливат
 На левом колени его чернилица,
 А на правом колени его бумажоцька:
 А-де пишот он арлык, дак скору грамотку,
 Он подметывает ей да ко белу шатру.
- 40 А-де выбегал старой да поскорешенько,
 Он брал записоцьку легошонько,
 А давал читать Добрынюшке Никитицу.
 А-де читал Добрыня, да усмехайтце:
 «А там едёт молодець, похваляйтце:
- 45 „Уж я еду к вам да в стольней Киев-град,
 А шуметь-грометь да в стольнем Киеви.
 Я божьи церкви да и на дым спущу,
 А деревянные иконы — да на поплав воды,
 А медны иконы да я во грезь стопцу,
- 50 А Владимира-князя да я под мець склоню,
 Апраксину я княгину да на себя возьму.
 Крупну силу да я сповыбью сам,
 А мелку силу да я сповыгоню,
 А Добрынюшку Никитица я — во писари“».
- 55 Де закричал старой да громким голосом:
 «А не времё спать, дак вам пора ставать,
 А не от великого хмелю да просыпатися,
 А не от крепкого сна, робята, да розбужатися,
 А кого же мы пошлём дак за богатырём,

- 60 А кого же мы пошлём дак за могуциим?
 А послать-то не послать мне Дюка сына Степановиця?
 А не Дюк Степановиць — роду неповоротливого,
 Не за что он потеряет дак буйну голову.
 А послать-то не послать нам братьей да полонённых?
- 65 А братья полонёные соцниют всё изменушку.
 А послать-то не послать Самсона сына да Колыбановиця?
 А Самсон сын Колыбанов — роду да он сонлвого,
 Не за что он потеряет дак буйну голову.
 А послать-то не послать дак Мишку ле Торупанишка?
- 70 А Мишка Торупанишко — роду ле торопливого,
 Не за что он потеряет дак буйну голову.
 А послать-то не послать Олëshеньку Поповиця?
 А Олëshенька Поповиць — роду да заговорливого,
 А не сумеёт он с богатырём ведь съехатце,
- 75 Не сумеёт он богатырю ведь честь воздать,
 А незавид он потеряет дак буйну голову.
 А послать-то не послать Добрынюшку Никитиця?
 А Добрынюшка Никитиць да роду вежливаго,
 А сумеёт он с богатырём ведь съехатце,
- 80 А сумеёт он с богатырём розъехатце,
 А сумеёт он богатырю ведь честь воздать».
 А не видели, как Добрыня да на коня скоцнал,
 А не видели, как Добрыня да в стремяна ступил,
 Токо видели: цистом полí копать стоит.
- 85 Где догнал-се Добрынюшка Сокольника,
 Он кричал, Добрыня, да во первой након:
 «Если русский богатырь, да поворот даю,
 А не русский богатырь, да я напúс держу!»
 А на его детина да не(й) ослушалсэ.
- 90 А-де кричал Добрыня да во второй након:
 «Если русский богатырь, дак поворот даю,
 А не русский богатырь, да я напúс держу!»
 А на его детина да не(й) ослушалсэ.
 А-де кричал Добрыня да во третьей након:
- 95 «Если русский богатырь, да поворот даю,
 А не русский богатырь, да я напус держу!»
 И на его детина да не(й) ослушалсэ.
 А-де стал Добрынюшка ле ругатися:
 «А едëshь, гадина ты перегадина,
- 100 Не приворачивашь к нам на заставку каравульнюю,
 Не считаешь ты нас, удалых добрых молодцев.
 А летишь, ворона да пустопёрая,
 Летишь, машешься, сорока да загумённая.
 А была у нас убайна коровина бозыкова,
- 105 По загуменьям коровина волочиласе —
 Олавиной коровина подавиласе.
 Верно те, собаке, да то же да надобно!»

- А на ето детина да поворот даёт,
 Ой-де брал он Добрыню да за жёлты кудри,
 110 Он бросил его да на сыру землю,
 Он дал тут ему ведь сам по тяпышу,
 А прибавил ещё да по олабышу:
 «А поезжай-ко ты назад, Добрыня, да во белой шатёр,
 Расскажи-ка старику да ты низко́й поклон,
 115 Ан что он вами, говна́ми, да заменяйтце,
 Ему самому в поли да тут не справитце».
 А-де едёт Добрыня да не по-старому,
 Его конь бежит да не по-прежнему,
 А повеся́ дёржит Добрыня да буйну голову,
 120 Потопя́ его да оци да ясные.
 А-де стал старо́й Добрынюшку выспрашивать,
 А-де стал старо́й Добрынюшку выведывать.
 «Видел в поли да я богатыря,
 Шлёт он тебе да сам низко́й поклон,
 125 Что говорит — что́ он вами, говна́ми, да заменяйтце,
 Ему самому со мною да там не справитце».
 А завидело око да молодецкоё,
 А слышило ухо да богатырскоё,
 А расходились его плеча́ могучия,
 130 А рассердилось его да ретиво́ сердцо́.
 «Уж уздайте-седлайте да мне добра́ коня́!
 А берите вы его да вы со трёх цепей,
 А кладите восемь ле подпружецёк,
 А девяту кладите чересхребётную,
 135 А на шею кольчужоцьку серебряну,
 А не ради красы дак молодецкой —
 Ради крепости дак богатырской,
 А щобы не оставил добрый конь дак во чистом поли́.
 А не успеете вы шей котла сварить —
 140 Да привезу погану да буйну голову
 На погáленьё вам, дак на покóрканьё».
 А не видели, как старо́й дак на коня скоцил,
 А не видели, как старо́й дак в стремена ступил,
 А не видели поездки дак молодецкой,
 145 А не видели побежки да лошадиной,
 Токо видели: в чистом поли копáть стоит,
 Из-под копыт коня да искры сыплютце,
 Изо рта коня да пламе́ да мечитце,
 А не золотиста грива да росстилаитце,
 150 Хвост трубой коня дак завиваитсе.
 А-де наговаривал Сокольник да он своим слугáм,
 Он своим слугáм, да сво́им да верным:
 «О(й) вибирайте вы себе хозяина поласковой,
 А поласковой хозяина, повежливей, —

- 155 Со старым-то съехатце, дак мне не брататце,
 Со старым-то съехатце, дак не с родным отцом,
 Со старым-то съехатце, дак дело да под молитвою,
 Дело под молитвою, да чья божья помочь».
 Тут не две горы ведь там столкнулисе,
- 160 А два богатыря ведь в поле съехали.
 Они бились-дрались дак целы да сутоцьки,
 А копья их дак повихалисе,
 Сабли их да пощербалисе.
 Они бросли етот бой дак на сыру землю,
- 165 Ухватились они да-де тут в охабоцку.
 У старого похвальнѣ да слово сретило —
 А-де лева нога его да подломиласе,
 А права нога да прокользнуласе,
 А-де упал старой да на сыру землю.
- 170 Ай заскочил Сокольник на белы груди,
 А разорвал его латы булатные,
 Вытащил кинжалицо булатное,
 Он хотел ему ведь резать груди белые,
 Осмотреть его-де ретиво серьцо.
- 175 Где взмолился старой дак Богородице:
 «Я за вас стою, да я за вас борюсь,
 А я стою, борюсь за верушку Христовую,
 А выдали вы мия поганым да на поруганье,
 А выдали мия поганым да на погаленье!»
- 180 Тут не ветер полосоцькой возмахиват —
 У старого вдвое-втрое силы да тут попрйбыло.
 Ухватил он Сокольника за подпазухи,
 Он бросил его да на сыру землю,
 А заскочил ему на груди белые,
- 185 А разорвал его латы железныя,
 Он вытащил ножичек булатной,
 Он хотел ему резать груди белыя,
 А смотреть его да ретиво сердце —
 А в плечи рука его да остояласе.
- 190 А-де стал старой спрашивать Сокольника:
 «А кой земли, да коя роду-племени?
 А как тебя зовут ведь тут по имени?» —
 «Я когда сидел у ты на грудях, да я не спрашивал,
 А режь меня и ты, не спрашивай».
- 195 Да замахнулсэ старой да во второй након —
 А в локтю рука его да остояласе.
 А-де стал старой спрашивать Сокольника:
 «А как тебя зовут, да чьего роду-племени?» —
 «А когда я у ты сидел на грудях, тебя не спрашивал,
- 200 А режь меня да ты, не спрашивай».
 А-де замахнулсэ старой да во третьей након —
 В заведи его рука дак остояласе.

- Он-де стал старóй ведь спрашивать Сокольника:
 «Коёго роду, да коя племени?»
 205 Как зовут тебя по имени?» —
 «А есть за морём полени́ца да одноокая,
 Она бу́дет мне мать, да я её ведь сын».
 Де взял старóй Сокольника за подпазухи,
 И поставил его да на резвы́ но́ги.
- 210 «Поезжай-ко к матери да во чёрно́й шатёр,
 А скажи-ко ей ты да сам низко́й поклон,
 А пусть приезжает к нам на за́ставу каравульнюю.
 А не бу́дет те в поли да поединщика».
 А говорил Сокольник да своёй матери:
- 215 «Видел в поле я коровушку бозыкову,
 Она блядью тебя ругат, дак меня выbledком».
 А то́гда говорит мати ведь сама Сокольнику:
 «А старóй-то не пустым ведь хвалитце,
 А старóй тебе да он ведь ро́дный отец».
- 220 Тогда рассердилсе Сокольник да сам ведь в ярости,
 И срубил ведь голову родной матери.
 И поехал то́гда дак во бело́й шатёр.
 А забежал Сокольник да он к Илье Муромцу
 И ударил старóго да во бело́ю грудь.
- 225 А-де у старóго на груди да медный чудный крест,
 Из-под креста старóго да кровь ведь брызнула.
 Тогда скочил старóй дак на резвы́ но́ги,
 Ухватил Сокольника за жолты́ кудри
 И бросил его́ да о кирпичет пол.
- 230 Тут Сокольнику ведь смерть случиласе.

№ 90

♩ = 96

Не да - лё - ко о - ты) го - ро - да, не б(ы) - ли - с(ы) - ко же,

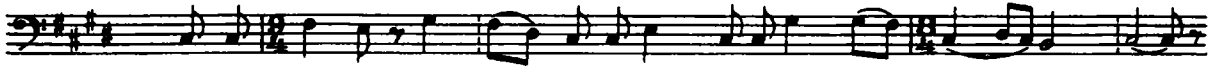
Не да - лё - ко, не близ - ко - да за две - над - це - ты) вёрст,

Не да - лё - ко, не б(ы) - лиз - ко да за д(ы) - ве - над - це - ты) вёрст

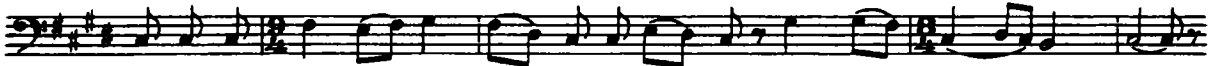
Сто - я - ла за - ста - ва да бо - га - ты - р(ы) - ска - я,

Да сто - я - ла за - ста - ва да бо - га - ты - р(ы) - ска - я,

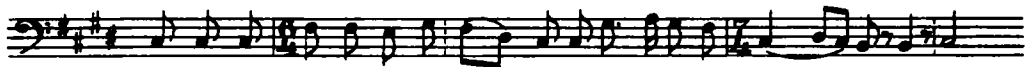
Не ве - ли - ка, не ма - ла - да трид - цеть да со бо - га - ты - рёв,

Ой, не ве - ли - ка, не - ма - ла - да трид - цеть со бо - га - ты - рёв,

О - ни хра - ни - ли - ка - ра - ву - ли - ли сто - л(н) - ной и Ки - е - вы град,

О - ни хра - ни - ли - ка - ра - ву - ли - ли сто - л(н) - ной и Ки - е - вы град.

Тут не кон - н(ы) - ной и не пе - шой и не про - ха - жи - вал,

Не рыс - ку - цёй и зве - р(и) - да не про - ры - с(ы) - ки - вал,

А не рыс - ку - цёй и зве - р(и) - да не про - ры - с(ы) - ки - вал...

- Не далёко от города, не близко же,
 Не далёко, не близко — да за двенадцать вёрст,
 Не далёко, не близко — да за двенадцать вёрст
 Стояла застава да богатырская,
 5 Де стояла застава да богатырская,
 Не велика, не мала — да тридцать да собогатырёв,
 Ой не велика, не мала — да тридцать собогатырёв,
 Они хранили-каравулили стольнёй Киев-град,
 Они хранили-каравулили стольнёй Киев-град.
 10 Тут не конной, не пешой не прохаживал,
 Не рыскуцёй зверь да не прорыскивал,
 А не рыскуцёй зверь да не прорыскивал,
 Не ясён сокол да не пролетывал,
 Ой не ясён сокол да не пролетывал.
 15 Залегала дорожка да ровно тридцать лет,
 Залегала дорожка да ровно тридцать лет.

- А-де жил на заставе атаманом да Илья да Муромец,
 А-де жил на заставе Илья да Муромец.
 Да ставал старой да по утру ранешанько,
 20 А-де ставал старой да по утру ранешанько,
 Омывайтце старой да ключевой водой,
 Омывайтце старой да ключевой водой,
 Вытирайтце старой да полотёнышком,
 Вытирайтце старой да полотёнышком,
 25 Одеват козловы сапожки да на белы чулки,
 Одеват козловы сапожки да на белы чулки,
 Он Богу молитце да не помножечку,
 Он да Богу молитце да не помножечку.
 Де одевал ведь кунью шубу да на одно плечо,
 30 Одевал он ведь кунью шубу да на одно плечо,
 А-де пухов-от колпак да на одно ухо,
 Де пухов-от колпак да на одно ухо.
 А-де брал он трубочку подзорную,
 А-де брал он трубочку подзорную.
 35 Он выходит на парадное да сам крылечушко,
 А выходит сам да на парадное крылечушко,
 Он зрит-смотрит в ту сторону во северну,
 Он зрит-смотрит в ту сторонушку во северну,
 Он зрел-смотрел в ту сторонушку во северну —
 40 Де на севери стоят да ледяны горы,
 Де на севери стоят да ледяны горы.
 Ище зрил-смотрел в ту сторонушку восточную,
 Ище зрил-смотрел в ту сторонушку восточную —
 На востоке там стоят да леси тёмныё,
 45 На востоке там стоят да леси тёмныё,
 Леси тёмныя, горы высокиё,
 Леси тёмныя, горы высокия.
 Ище зрит-смотрит в ту сторонушку во южную,
 Ище зрит-смотрит в ту сторонушку во южную —
 50 Де на юге стоят луга широкиё,
 Где на юге стоят луга широкиё,
 Де луга широкия, травы зелёныё,
 Де луга широки, травы зелёныё.
 Ище зрит-смотрит в ту сторонушку во западну,
 55 Ище зрит-смотрит в ту сторонушку во западну —
 Де на запади стоит да полё чистоё,
 Де на запади стоит да полё чистоё,
 Полё чистоё да всё ле Куликово,
 Полё чистоё да всё ле Куликово.
 60 Где не славный Буян-остров там шатайтце,
 Де не славной Буян-остров там шатайтце,
 Не Саратовски там горы да взременяютце,
 Не Саратовски горы да взременяютце,
 Ой не Саратовски там горы да взременяютце —

- 65 Едѣт богатырь да забавляйтцѣ,
Едѣт богатырь да забавляйтцѣ:
Стрелоцькой сам он постреливат,
Стрелоцькой сам он постреливат,
На лету стрелу подхватыват, на пол не уранива(т),
- 70 На лету стрелу он да сам похватыват,
На пол её да не ураниват,
А на правом колени его чернилица,
На правом колени его бумажочка,
На левом колени его чернилица,
- 75 На правом колени его бумажочка.
Он пишот арлык да скору да грамотку,
Он пишот арлык да скору грамотку.
Он подмѣтыват ей да ко белу шатру,
Он подмѣтыват ей да ко белу шатру.
- 80 Де выбегал старой да тут скорѣшенько,
Выбегал старой да тут скорѣшенько,
Он брал записочку легошенько,
Ой-де брал он записочку легошенько,
Давал читать Добрынюшке ле Никитичу,
- 85 Де давал читать Добрынюшке Никитичу.
Де читат Добрыня да усмехаитце,
Ой-де читал Добрыня да усмехаитце:
«Едѣт детина да похваляетце,
Ой едѣт детина да похваляетце:
- 90 „Еду к вам да в стольнѣй Киев-град,
Уж я еду к вам да в стольнѣй Киев-град,
Я шуметь-грометь да в стольнѣм Киеве,
Я шуметь-грометь да в стольнѣм Киеве.
Уж я еду к вам да в стольнѣй Киев-град,
- 95 Я шуметь-грометь да в стольнѣм Киеве,
Я божьи церкви да я на дым спущу,
А древяны иконы — да на поплав воды,
А я медны иконы да во грезь стопчу,
А Владимира-князя да я под мець склоню.
- 100 Ай медны иконы да я во грезь стопчу,
А Владимира-князя да я под мець склоню,
Апрасину я кнегину да за себя возьму,
Апрасину я кнегину да за себя возьму,
Крупну силу да я сповыбью сам,
- 105 Мелку силу да я сповыгоню,
А Добрынюшку Никитича да я — во писарн.
Крупну силу да я сповыбью сам,
Мелку силу да я сповыгоню,
А Добрыню Никитича я — во писарн“».
- 110 А-де закричал старой да громким голосом:
«Ой не времѣ спать, да вам пора ставать!»
Де закричал старой да громким голосом:

- «Ой не времѣ спать, да вам пора ставать,
 Не от великого хмелю да просыпатися,
 115 Не от крепкого сну, робята, да розбужатися.
 Ой, не времѣ спать, да вам пора ставать,
 Не от великого хмелю да просыпатися,
 Не от крепкого сну, робята, да розбужатисѣ.
 Не от великого хмелю да просыпатися,
 120 Не от крепкого сну, робята, пробужатисѣ.
 А кого ж мы пошлѣм да за богатырѣм,
 А кого ж мы пошлѣм да за могучим?
 А кого ж мы пошлѣм да за богатырѣм,
 А кого ж мы пошлѣм да за могучим?
 125 А послать-то не послать не Дьюга, знать, Степановича?
 А не Дюк Степанович да роду да повотливого,
 Не за што он потерят дак буйну голову.
 А послать-то не послать дак братьей да полунѣнных,
 А послать-то не послать дак братьей да полунѣнных?
 130 Братья полунѣнные социняют-то всё изменушку,
 Братья полунѣнные да социняют-то всё изменушку.
 А послать-то не послать дак Мишку ли Турупанишка,
 А послать-то не послать дак Мишку ле Турупанишка?
 Мишка Турупанишка роду ле торопливаго,
 135 Мишка Турупанишка роду ле торопливаго,
 Не за што он потерят дак буйну голову.
 А послать-то не послать дак Мишку ле Турупанишка?
 Мишка Турупанишка роду ле торопливаго,
 Не за што он потерят дак буйну да голову.
 140 А послать-то не послать Самсона сына да Колыбанова,
 А послать-то не послать Самсона сына да Колыбанова?
 А Самсон-сын роду да сон... сонливаго,
 Не за што он потерят дак буйну да голову.
 А Самсон-сын роду да он сонливаго,
 145 Не за што он потерят дак буйну да голову.
 А послать-то не послать Олѣшеньку Поповица?
 А Олѣшенька Поповица роду да заговорливаго.
 А послать-то не послать Олѣшеньку Поповица?
 А Олѣшенька Поповица роду да заговорливаго,
 150 Незавид он потерят дак буйну ле голову.
 А послать-то не послать Добрынюшку Никитица?
 А Добрынюшка Никитица роду вежливаго,
 А послать-то не послать Добрынюшку Никитица?
 А Добрынюшка Никитица роду вежливаго,
 155 Он сумеет он с бога...
 А послать-то не послать Добрынюшку Никитица?
 А Добрынюшка Никитица роду вежливаго.
 А послать-то не послать Добрынюшку Никитица?
 А Добрынюшка Никитица роду вежливаго,
 160 Он сумеет с богатырѣм ведь съехатце,
 Он сумет с богатырѣм разъехатце,

- Он сумет с богатырём там съехатце,
 Он сумет с богатырём разъехатце,
 Он сумет богатырю ведь честь воздать».
- 165 Ой не видели, как Добрыня да коня скоцил,
 А не видели, как Добрыня да в стремя ступил,
 Ой не видели, как Добрыня да на коня скоцил,
 А не видели, как Добрыня да в стремя ступил,
 Токо видели: в чистом поле копать стоит.
- 170 А где догнал Добрынюшка ле Сокольника,
 А кричал Добрыня да во первой након,
 Ой-де догнал Добрынюшка Сокольника,
 А кричал Добрыня да во первой након:
 «Если русский богатырь, да поворот даю,
- 175 А не русский богатырь, да я напус даю,
 Если русский богатырь, да поворот даю,
 А не русский богатырь, да я напус даю!»
 А на его детина да не ослушалсе.
 Де кричал Добрыня да во второй након:
- 180 «Если русский богатырь, да поворот даю,
 А не русский богатырь, да я напус даю!»
 А на его детина да не ослушалсе.
 Ой-де кричал Добрыня да во третьей након:
 «Если русский богатырь, да поворот даю,
- 185 А не русский богатырь, да я напус даю!»
 А на его детина да не ослушалсе.
 Ой-де стал Добрынюшка ле ругатися:
 «Едёшь, гадина ты перегадна,
 Летишь, ворона да пустопёрая,
- 190 Едёшь, гадина ты перегадина,
 Летишь, ворона да пустопёрая!
 Летишь, машишься, сорока да загумённая!
 А была у нас убайна коровушка бозыкова,
 А была у нас убайна коровушка бозыкова,
- 195 По загуменьям коровина волочиласе,
 По загуменьям коровина волочиласе,
 Оловиной корова да подавиласе,
 Оловиной коровина подавиласе.
 Верно те, собаки, да то же да надобно!»
- 200 А на его тут детина да поворот даёт,
 А на его детина да поворот даёт,
 Он-де брал Добрыню да за жёлты кудри,
 Он-де брал Добрыню да за жёлты кудри,
 Он бросил его да на сыру землю,
- 205 Он бросил его да на сыру землю,
 Он дал ему ведь тут по тяпышу,
 А прибавил еще да по олабышу:
 «А поезжай-ко ты назад да во белой шатёр,
 А скажи-ко старику да ты низкой поклон,

- 210 Што он вами, говнами, да заменяйтце:
 Ему самому со мною да там не справитце».
 Едёт Добрыня да не по-старому,
 Конь его бежит дак не по-прежнему,
 Повеса дёржит Добрыня да буйну голову,
- 215 Потопя его да оци ясныё.
 А-де стал старой Добрынюшку выспрашивать,
 Стал старой Добрынюшку выведывать.
 «Видел в поле да я богатыря,
 Он шлёт тебе да сам низкой поклон,
- 220 Говорит, что он вами, говнами, за... заменяйтце,
 Ему самому со мною да в поле да там не справитце».
 А завидело око да молодецкоё,
 А заслышало ухо да богатырскоё,
 А расходились его плеча могучиё,
- 225 Рассердилось его да ретиво сердце,
 Закрнчал старой да громким голосом:
 «Уж седлайте-уздайте вы добра коня!
 Оберите его да вы со трёх цепей,
 А кладите ему да восемь ле подпружочёк,
- 230 А девяту кладите чересхребётную,
 А на шею кольцюжочку серебряну,
 Ой не ради красы дак молодецкой —
 Ради крепости да богатырскоёй,
 А штобы не оставил добрый конь да во чистом поли.
- 235 Не успеете вы щей котла сварить —
 Да привезу погану да буйну да голову,
 На погаленьё ей, да на поруганьё».
 Тут не видели, как старой дак на коня скоцил,
 А не видели, как старой да в стремяна ступил,
- 240 Ой не видели поездки да молодецкоёй,
 А не видели побежки да лошадиной,
 Токо виделн: в чистом поле копать стоит,
 Из-под копыт коня да нскры да сыплютце,
 Изо рта коня да пламём да мечитце,
- 245 Не золотиста грива да росстнаитце,
 Хвост коня трубою да завнвайтце.
 Ай говорил Сокольник да он своим слугам,
 А своим слугам, да своим верным:
 «А выбирайте вы себе хозяйна поласковей,
- 250 А поласковей хозяйна, повежливей,
 Со старым-то съехатце — да мне не брататце,
 Со старым-то съехатце — да не с родным отцом,
 Со старым-то съехатце — да дело да под молитвою,
 Дело под молитвою, да где божья помочь».
- 255 А тут не две горы ведь там столкнудисе —
 Два богатыря ведь в поле съехались.
 Копья их дак повихались,

- Сабли их да пощарбалисе,
Ухватились они ведь там в охабочку.
- 260 А дрались они, бились да целы да суточки.
А похвально слово старику ведь тут ле стретило —
Де права нога его провихнуласе,
Лева рука его да покальзиласе,
Ой-де упал старой да на сыру землю.
- 265 А заскочил Сокольник ему да на белы груди,
Вытащил ножичок булатный,
Он хотел резать его да груди да белыё,
А смотреть его да ретиво сердце.
Де взмолился старой дак Богородице:
- 270 «Я за вас стою, да я ле за вас борю(сь),
Я стою-борюсь за верушку Христовую —
Выдали меня поганым да на погаленьё,
Выдали меня поганым да на покурканьё!»
Тут не ветер полосочкой возмахивал —
- 275 У старого силы втроё да тут поприбыло.
Ухватил он Сокольника за подпазухи,
А бросил его да на сыру землю,
Разорвал его латы булатныё,
Вытащил ножичок булатной,
- 280 Он хотел резать да груди-де белыё,
Он смотреть его да ретиво сердце.
Замахнулсе старой да во первой након,
Ой-де замахнулсе старой да во первой након —
А в плечи рука его да остояласе.
- 285 Ой-де стал он спрашивать Сокольника:
«Коёго отца да коя да матери,
Коё ты дак роду-племени?» —
«Когда я на твоих грудях сидел, тебя не спрашивал,
Режь меня и ты, не спрашивай».
- 290 Де замахнулсе старой да во второй након —
А в плечи рука его да остояласе.
А-де стал старой ведь тут выпрашивать,
Стал старой его ле выведывать:
«Как тебя зовут, да чьёго роду ты,
295 А как тебя ведь звать по имени?» —
«Я когда сидел на твоих грудях, тебя не спрашивал,
Режь меня и ты, не спрашивай».
Де замахнулсе старой да во третьей након —
И в заведи рука его да ле остояласе.
- 300 А-де он стал, старой, Сокольника выпрашивать,
Де стал Сокольника выведывать:
«Чьёго роду да ты ведь, коя да племени,
Как зовут тебя ле по имени?» —
«Есть за морём палинока да одинокая,
305 Я её ведь да родной сын».
Ой-де взял старой ведь тут Сокольника,
Он поднял его да на резвы ноги,

- Он поднял его, да он обнял его:
 «Я же буду ведь родной я отец тебе,
 310 Поезжай-ко ты назад да во черной шатёр,
 А скажи-ко матери да ты низкой поклон,
 А приезжай к нам на заставу каравульную,
 А не будет те в поле да поединщика».
 Поезжал Сокольник дак он ко матери,
 315 Он гат: «Видел я в поли да там богатыря,
 Он тебя называт...
 Видел я в поле ведь там богатыря,
 Видел я в поле коровушку бозыкову,
 Тя бля... блядью он ругат, да меня да выблядком».
 320 Он убил тут свою ведь да родную маму.
 Он приехал к старому да во белой шатёр,
 Забежал он к старому да Илье да Муромцу,
 Ударил его да во белую грудь.
 А-де был у старого да чудной крест,
 325 Из-под креста его да кровь-то не брызнула.
 Де соскочил старой дак на резвы ноги,
 Ухватил Сокольника за жёлты кудри,
 А бросил его да о кирпичат пол.
 Тут Сокольнику да ведь да смерть случиласе.
 (Всё, конец, всё!)

№ 91

- Недалёко было от города от Киева,
 Не далёко и не близко — за двенадцать вёрст,
 Стояла застава богатырская,
 Не велика, не мала — тридцать со богатырём.
 5 Они хранили-караулили стольный Киев-град.
 Тут залегала дорожка ровно тридцать лет:
 Ни конный, ни пеший не прохаживал,
 Ни рыскуций зверь ие прорыскивал,
 Ни ясен сокол не пролётывал.
 10 Был атаманом Илья Муромец.
 Вставал старой поутру ранёшенько,
 Омывается старой да клюцовой водой,
 Вытирается старой да полотенешком,
 Обувал козловы сапожки на белы чулки,
 15 А кунью шубу на одно плечо,
 Пухов-от колпак да на одно ухо.
 Брал он трубочку подзорную,
 Сам выходит на крылечешко
 И зрит-смотрит во сторону во северну,
 20 Где на севере стоят да ледяны горы;
 А еще зрил-смотрел во ту сторону восточную —
 На востоке стоят леси тёмные;

- И ещё зрит-смотрит во ту сторону во южную,
 Где на юге стоят луга зеленые;
 25 А ещё зрит-смотрит во ту сторону во западну,
 Где на западе стоит поле Куликово.
 Там не славный Буян-остров шатается,
 Не Саратовски горы взгремяются —
 Верно, едет богатырь — забавляется:
 30 Стрелку кверху он подстреливат,
 На лету стрелу подхватыват,
 На пол не ураниват.
 На левом колене его чернильница,
 На правом колене его бумажеца.
 35 Он пишет орлык да скору грамотку...

(На одном ворон сидел плече, на другом... — бел сокол — это не упомянул, пропускаю.)

- И подъезжает Сокольник ко белу шатру,
 Он подметывает орлык да скору грамотку.
 Выходил старой скорешенько
 И брал записоцку легошенько,
 40 И давал читать Добрыне Никитицу.
 Где читал Добрыня да усмехается:
 «Едет детина — похваляется:
 „Еду к вам в стольный Киев-град,
 Пошуметь-погрометь в стольном Киеве.
 45 Я божьи церкви на дым спущу,
 А деревянные иконы на поплав воды,
 А медны иконы я во грязь стопчу,
 А Владимира-князя я под мец склоню,
 А Апра辛ью-княгиню за себя замуж возьму.
 50 Крупну силу я выбью сам,
 Мелку силу я повыманю;
 Добрыню Никитича я — во писари,
 А Олешу Поповица я — во конюхи,
 А Мишку Горопанишку — чашки-ложки мыть,
 55 Илью Муромца мыть да поварёшечки!“».
 Где закричал старой да громким голосом:
 «Не время-то спать — пора вставать, —
 Не от великого хмелю просыпаться,
 От крепкого сна разбуджиться!
 60 Кого мы пошлём да за богатырём?
 Послать-то не послать нам Самсона сына Колыбанова?
 Послать-то не послать нам Мишку Горопанишку?
 Мишка Горопанишка роду торопливого,
 Не за что он да потеряет буйну голову.
 65 Послать-то не послать нам Олешеньку Поповица?
 Олешенька Поповиц роду заговорливого,
 Не за вещь он потеряет да буйну голову.
 Послать-то не послать нам Добрынюшку Никитица?
 А Добрыня Никитиц да роду вежливого,

- 70 Сумет он с богатырем съехаться
И сумет с богатырем разъехаться,
И сумеет он богатырю честь воздать».
Где стал Добрыня снаряжаться,
Заскочил Добрыня на добра коня,
- 75 Поехал Добрыня во чисто поле,
Догнал Добрыня Сокольника.
И кричал Добрыня во первой закон:
«Если русский богатырь — поворот держу,
А не русский богатырь — я напус держу!»
- 80 На это детина не слушался.
Кричал Добрыня во второй закон:
«Если русский богатырь — поворот даю,
А не русский богатырь — то напус держу!»
И на это детина не слушался.
- 85 Кричал Добрыня во третьей закон:
«Если русский богатырь — поворот даю,
А не русский богатырь — то напус держу!»
И на это детина не слушался.
И где стал Добрынюшка ругаться:
- 90 «Едешь, гадина да перегадина,
Не приворачивашь к нам на заставу караульную,
Не считаешь ты нас, удалых добрых молодцев!
Летишь, ворона пустоперая,
Летишь, машешься, сорока загуменная!
- 95 Была у нас убайна коровушка базыкова,
По загуминам коровина волочиласе,
Половинной она подавиласе.
И верно те, собаке, то же надобно!»
На это тут детина поворот держит,
- 100 Подъезжает к Добрыне Никитичу,
Брал он Добрыню за желты кудри,
Бросил его на сыру землю,
И дал он ему тут по тяпушу,
И прибавил по алабышу,
- 105 И посадил его на добра коня.
«Поезжай-ка ты назад да во белой шатёр,
Скажи-ко старику низкой поклон,
Что он вами, гавнами, заменяется, —
Ему самому со мной не справиться».
- 110 Едет Добрыня не по-старому,
Конь его бежит да не по-прежнему,
Повеса держит Добрыня буйну голову,
Потупя его да очи ясные.
Где стал старой Добрынюшку выпрашивать,
- 115 Где стал старой Добрынюшку выведовать.
«Видел я во чистом поле коровину базыкову,
Шлёт он тебе низкой поклон,

- И говорит: „Что он вами, гавнами, заменяется,
Ему самому со мной будёт не справиться“».
- 120 Где-то слыхало уху богатырское,
Завидело око молодецкое,
Расходились его плещи могущие.
Закричал старой да громким голосом:
«Уздайте-седлайте мне добра коня!
- 125 Возьмите-берите его со восьми цепей,
Седло кладите через хребетную,
А на шею кольчужечку серебряну —
Не ради красы да молодецкой,
А ради крепости да богатырской,
- 130 Чтобы не оставил конь да во чистом поле.
Не успеете вы шей котла сварить,
Привезу я вам погану буйну голову
На погалинье да на покурканье!»
Не видали, как старой на коня скочил,
- 135 И не видели, как старой в стремена ступил.
Только видели: в чистом поле копоть стоит,
Не золотиста грива коня расстиляется,
Хвост трубой завивается,
Из-под копыт коня да искры сыплются,
- 140 Изо рту у коня пламя мецется.
Где не две горы столкнулися —
Два богатыря съехалнсь.
Под ними земля задрожалася.
Они билсь-дралсь да целы сутоцки —
- 145 Сабли их пощербалися.
Билсь-дралсь да вторы сутоцки —
Копья их повихалися.
Билсь они дрались да третьи сутоцки,
Бросили этот бой да на сыру землю,
- 150 И ухватились они в охабоцку.
Где похвально слово старику встретилося —
Права нога его подломилася,
Лева нога его показилася,
И упал старой на сыру землю.
- 155 Заскочил ему Сокольник на белы груди
И разорвал его латы железные.
Вытащил ножичек булатный,
Хотел он ему резать груди белые,
Хотел его смотреть да ретнво сердцо́.
- 160 Где взмолился старой да Богородице:
«Я стою-борюсь за верушку Христовую —
Выдали меня поганым на погалинье,
На погалинье да на покурканье».
Где не ветер полоской-от взмахивал —

- 165 У старого силы вдвое-втрое прибыло.
Ухватил он Сокольника за подпазухи
И бросил его на сыру землю,
И разорвал его латы булатные,
Вытащил он кинжалище
- 170 И хотел он ему резать груди белые,
И хотел он смотреть ретивó сердцó.
Замахнулся старой во первой након —
В плечи рука его застоялесе.
Стал старой спрашивать:
- 175 «Кой ты земли, кое племени,
Каких ты отца-матери?»
Сокольник ему отведал:
«Я когда на твоих грудях сидел,
Я тебя не спрашивал,
- 180 И ты режь меня, не спрашивай».
Замахнулся старой во второй након —
В локтю его рука застоялесе.
Стал старой спрашивать:
«Коей ты земли, кое племени,
- 185 Каких ты отца-матери?»
Сокольник ему отведал:
«Я когда на твоих грудях сидел,
Я тебя не спрашивал.
И ты режь меня, не спрашивай».
- 190 Замахнулся старой во третьёй након —
В заведи рука его застоялесе.
Стал старой спрашивать:
«Коей ты земли, кое племени,
Каких ты отца-матери?»
- 195 Сокольник ему отведал:
«Есть за морем поленица одинокая,
Это моя мать,
А отец — прохожий молодец».
Взял старой Сокольника за подпазухи
- 200 И поставил его на резвы ноги.
«Ты, говорит, мне сын, а я тебе — отец.
Поезжай ты к матери родимой
И приезжай к нам на заставу караульную —
И не будет тебе в поле поединщика».
- 205 Поехал Сокольник к родной матери,
Мать его стала выпрашивать:
«Где побывал, добрый молодец,
Кого ты видал в полюшке Куликовом?» —
«Видел я в полюшке Куликовом коровушку базыкову,
- 210 Тебя блядью обзывают,
А меня выблядком считают».
(И мать зарезал, убил мать.)

- Тогда поехал Сокольник во белой шатёр,
 Подъехал Сокольник ко белу шатру,
 Забежал Сокольник во белой шатёр
 215 И ударил старого во белу грудь.
 Был на груди у старого большой чудный медный крест,
 Крест-то выгнулся, а грудь не повредилася.
 Соскочил старой на резвы ноги,
 Ухватил Сокольника за желты кудри
 220 И бросил его о кирпичный пол.

№ 92

- Недалеко от Киева, да за двенадцать верст,
 Стояла там застава богатырская,
 Не велика, не мала — тридцать три богатыря.
 Как встаёт старой да по утру ранó,
 5 Умывается старой да ключевой водой,
 Утирается старой да полотеницем.
 Одевает на ноги да сапоги козловые,
 Пуховую шапоцку на головушку,
 Отправляет да на дозор Добрынюшку.
 10 Он садится на добра коня,
 Ему коня ведут да со восьми цепей.
 Отправляется старой да во чисто полё...

Тут он смотрит под западну, под восточну, под северну сторону. *(Кака первая сторона — не знаю.)*

- Под западной стороной стояли горы высокие,
 15 Под другой стороной — леса дремучие,
 Под другой стороной — луга зелёные.
 Видит старой: во чистом поле
 Ездит на коне да добрый молодец,
 Из лука-то он стрелу да выпускават,
 20 На лету стрелу подхватыват.
 Подъезжает к нему Добрынюшка,

- он с ним здоровається, он же с ним-то не здоровається. «Куда путь держишь?» Он ему тоже ничего не отвечает. Наездник, который приехал, как не наш, отвечает; выругался не по-хорошему и отвечает: «Пусть, мол, сам старой едет». Тогда он второго послал, Алёшу Поповица. Ну и вот он то же самое
 25 отвечает, опять же. Второго же он стащил со добра коня,

Бросил его да во сыру землю,
 Дал ему два оттяпыша да два оладыша.

Третий сам и поехал: второму послу сказал: «Пусть он вам, гавнами, не заменяется, мол, сам пусть едет».

- Обратно они едут не по-старому,
 30 Обратно они едут не по-прежнему,
 Тут и конь-то не так бежит,
 Потупя да держит буйну голову.

Заревел тут старой да громким голосом:

- «Не успеете вы да горшка схватить —
35 Привезу я вам татарску буйну голову!»
Коня ему только подвели, не видели,
Как он в стремена ступил.
Только видели: во поле курева стоит...

- Он видел, что татарин там, а там его сын был, родной сын. Его (старого) жена в плену была, только
40 она вернулась — не знаю... Они (татары) селенье всё угнали (женщин, детей, стариков) к себе. И тут
сын Ильи Муромца был. Увидев у него, трехлетнего, большую силу, он (татарин) стал к матери его
подходить, ласкаться, а он стрелу его выхватил и защитил (мать). Татары взяли его, воспитали, против
отца настроили. Они Илью Муромца не могли победить, вот они и вздумали сына натравить. Когда он
45 сам поехал, во поле курева стоит, у коня из ноздрей пламя мечет, хвост трубой завиватся, из-под копыт
земля летит. Тоже пока Илья поздоровался с ним: «Куда, мол, едешь, куда путь держишь?» А тот ему
отвечат: «Мол, я не здороваться с вами приехал, мол, воевать с вами.

- Я приехал к вам пошуметь-погрометь,
Пошуметь-погрометь в стольном Киеве.
Я святы ваши иконы на поплаве спущу,
50 Молоду-то княгиню за себя возьму...».

После этих слов начался бой. Тут уж недружелюбно у них стало. Сперва копьями бились,

- И вот копья их повывихались.
Они бросили этот бой да на сыру землю,
Схватились они за остры сабельки.
55 Они бились-дрались вторы сутоцки —
Сабли ихни пощербались,
Пощербались, поломались.
Они бросили тот бой на сыру землю...

- (Не знаю, чего у них третье было. Вообще, они три сутоцки дрались. Этот татарин Илью уже
60 побеждает.)

Бросил его на сыру землю,
Вытащил он кинжалище булатное.
Замахнулся он во первой након
И всадил кинжалище булатное да во белу грудь.

- 65 Крест, мол, вдавился во белу грудь. Тоже поранил, а рану смертельную нанести не смог. Взмолился
тогда Илья Муромец Богородице:

- «Мол, по что же ты меня здесь сповыдала,
Кормилица, мол, ты мати Богородица.
Молился я тебе верой-правдою»
70 После этого у старого вдвое-втрое силы прибыло.
Сосвистнул он со себя татарина
Да на сыру землю.
Илья Муромец обратно сел на него.
Замахнулся старой во первой након —
75 В плечи, мол, рука застоялася.
Замахнулся старой во второй након —

В локтю рука застоялася.
 Еще замахнулся во третьёй након —
 Впереди рука застоялася...

80 Тогда Илью, старого, догадка стала брать — ни тот, ни другой не может [победить]:

«Чьего роду ты, чьего племени,
 Да как звать тебя по имени?» —

85 «Когда был я на тебя, я не спрашивал ни роду, ни имени». Како они спрашивали-расспрашивали? Узнал Илья Муромец, что тот — сын ему. И тогда Илья приглашат в гости к себе. «Съезди за матерью и приезжай в гости...» (Или насовсем — не знаю как.) Ну вот, они по-хорошему разъехались-разошлись. Он его отпустил, Илья, в гости зовет. Когда домой приехал снова, то он матери наврал. Он матери ничего не сказал, что бой у них был, вражда. Матери наврал: «Тебя, мол, ругает блядью, меня выблядком».

90 В это время, что трое сутки бились они, все эти слуги его убежали, считали, что старого победили, и боятся, чтоб им в плен не попасть. Ну, и когда старой прнехал на заставу, где полевой шатер стоит, увидел, что никого нет. Ну, и он после не поел, лёг отдыхать. Он и спит спокойно. А этот в это время налетел на него, на сонного. Ну, и всё равно, он и спящего не смог его словить. Как-то сумел старой оборониться. Или снова в крест ему попал, или что — не смог он старика.

95 Рассердился тут старой, закипела кровь... Так он расправился: на одну руку наступил, другую оторвал, на одну ногу наступил, другую оторвал. Снова спать лёг, уже без печали, снова отдыхать лёг. А тут конь-то его и знат хозяина, он пришёл. А что сбежали, факт-то узнали, стали обратно собираться...

№ 93

Недалеко от Киева, за двенадцать верст,
 Стояла там застава да богатырская,
 Стояла там не велика, не мала —
 Да тридцать три богатыря.

5 Встает ли старой да поутру рано,
 Умывается старой да ключевой водой,
 Утирается старой да полотенцем,
 А козловы сапоги да на белы ноги,
 Соболину шапку да на одно ушко.

10 А берет старой трубу подзорную,
 Выезжает ли старой да во чисто полё,
 Ой да смотрит старой да сторону во северну —
 Да стояли там горы ледяные.
 Ой да смотрит старой во сторону во южную —

15 Уж и там-то стоят леса дремучие.
 А смотрит ле старой в трубу подзорную,
 А смотрит ле старой да сторону восточную —
 Уж и там ле есть луга зеленые.
 А смотрит ле старой во сторону во западну —

20 Во западне стороне да поле чистое,
 Видит там старой богатыря.
 Пишет старой да письмо-грамотку,
 Отправляет ле старой да во белой шатёр.
 Ездит богатырь, забавляеце:

- 25 Он стрелою на лету да выпускает стрелу,
На лету стрелу да он подхватывает.
«А послать нам не послать ле за богатырем,
А послать ле нам не послать Мишку Торопанишку?»
Он сумеет ле с богатырём он съехаце,
- 30 А сумеет он да с ним разъехаце?
Мишка Торопанишка роду торопливого,
Ни за что он потеряет буйну голову.
А послать ле нам Добрынюшку Никитича?
А Добрынюшка Никитич роду вежливого,
- 35 А сумеет ле с богатырём он съехаце,
Он сумеет он да с ним разъехаце.
А послать ле не послать-то нам Алешеньку Поповица?
Алеша Попович роду справедливого,
А сумеет ле он с богатырем-то съехаце,
- 40 А сумеет ли он да с ним разъехаце?»
Собираеце в дорогу да Мишка Торопанишка.
А только видели они, как в стремена ступил,
Да увидели: во поле курева стоит,
Курева стоит, да дым столбом летит.
- 45 Подъезжает он да ко богатырю,
Поздоровалсе он во первой након,
А на это богатырь да не откликнулсе.
Поздоровалсе он во второй након,
И на это богатырь не откликнулсе.
- 50 Поздоровался Поповиц во второй након,
И на это богатырь не откликнулсе.
Торопанишка на это поворот даёт,
Собирается в дорожку Добрынюшка,
Добрынюшка да во чисто полё.
- 55 Да не видели Добрыню, как на коня вскочил,
Только видели: во поле курева стоит,
Курева стоит, да пыль столбом летит.
Воздаёт Добрыня честь богатырю,
А на это богатырь не откликнулся.
- 60 А Добрынюшка на это поворот даёт.
Доложил Добрынюшка старому,
Собираеца в дорогу Алеша Поповиц.
Не виделн они, как в стремена ступил,
Только видели: во поле курева стоит.
- 65 Подъезжает Поповиц ко богатырю,
Поздоровалсе Поповиц во первой након,
А на это богатырь не откликнулсе,
А на это богатырь отвецат ему:
«Пусть он сам едёт во чисто поле.
- 70 Я приехал к вам во стольный Кнев-град,
Пошуметь да погрометь во стольном Киеве.
Я святы ваши иконы на поплав спущу,

- Молодую-то княгиню за себя возьму,
 А самого его я во грязь втопчу,
 75 Всю его дружину я под меч возьму».
- Отвечат ему тогда Алёшенька:
 «Это что же за базыкова коровушка,
 Это что же за корова да поблудиласе,
 По овинам корова да шаталасе,
 80 Да свиной да объедаласе,
 И свиной корова подавиласе?»
- Стащил Поповица он с добра коня,
 Бросил он его да на сыру землю,
 Дал ему да два оттыпыша,
 85 И добавил ему да два олабыша.
 «Пусть он вами-те, говнами, не заменяеца,
 Да самому ему со мной будёт не справица».
- Заревел старой тут громким голосом:
 «Вы ведите-ко коня да со восьми цепей,
 90 Вы уздайте-ко коня да...»
- Уж не видели старого, как на коня вскочил,
 И только видели: во поле как курева стоит,
 Курева стоит, да пыль столбом летит,
 У коня-то хвост трубой да завиваеца,
 95 У коня-то из ноздрей да пламя мечеце,
 У коня из глаз да искры сыпающе.
- Тут не две тут силы да сходилисе —
 Два богатыря да тут съезжалисе.
 Они бились-дрались да первы сутоцки —
 100 А копья их да повихалисе,
 Повихалисе да поломалисе.
 Они бросили тот бой да на сыру землю.
 Они билисе-дрались да вторы сутоцки —
 А сабли их да пощербалисе,
 105 Пощербалисе да поломалисе.
 Они бросили тот бой да на сыру землю.
 Схватилисе они да третьи сутоцки.
 Они билисе мечом булатным,
 Они бросили тот бой да на сыру землю,
 110 Да схватилисе они в охабоцку,
 А левая нога да повихнуласе,
 Повихнуласе да пошатнуласе, —
 И сборол тогда малой да старого.
 Замахнулсе молодой да на первой након —
 115 В плечи рука да застояласе.
 Замахнулсе он да во второй након —
 А в локтю рука да застояласе.
 Замахнулсе он да во третьей након —
 Впереди рука да застояласе.
 120 «Кормилица ты мать да Богородица,
 Ты пошто это меня сповыдала?»

- Я молился те да верой-правдою.
 Вдвое-второе тут да силы прибыло,
 Он и сбросил молодого со белой груди,
 125 Сбросил его да на сыру землю.
 Замахнулсе старой да во первой након —
 А в плечи рука да застоялесе.
 Замахнулсе ведь старой да во второй након —
 А в локтю рука да застоялесе.
 130 Замахнулся ведь старой да во третьёй након —
 Спереди рука да застоялесе.
 Стал старой да его спрашивать:
 «А чьего же ты роду-племени,
 Как зовут тебя да как с-по имени?» —
 135 «Когда был я у тебя да на белых грудях,
 Я не спрашивал тебя да роду-племени»...

№ 94

У Ильи Муромца был сын нажитой. Он с поляницей дрался и нажил сына. За десять лет этот сын приехал воевать. А Илья Муромец стоит, из подзорной трубы смотрит — едет богатырь,

Вынимает он бумажечку,
 Скоро пишет письма-грамотки.

- 5 Ухватил старый казак это письмо: «Я еду шуметь-грометь в стольный Киев-град». Илья заскочил в белый шатёр, закричал громким голосом: «Хватит нам спать, проехал иашу заставу богатырь».

- Воскочили ребята на резвы ноги,
 Обтирались они ключевой водой,
 Утирались они тонким полотном,
 10 Становились они в одну шириночку:
 «Кого послать нам за богатырем?»
 Послать нам Мишку Торопайишка —
 Он такого роду торопливого,
 Потеряет голову, не воротится;
 15 Послать Алешу Поповича —
 Он такого роду сам невежливого,
 Потеряет голову, не воротится;
 А пошлём мы Добрыню —
 А Добрыня роду съехатого,
 20 Он умеет съехаться, умеет честь воздать».
 Вот садился Добрыня на добра коня,
 И полетел он за этим богатырем.
 Он настиг его в чистом поле,
 Он стал спрашивать:
 25 «Куда ты едешь, куда путь держишь?»
 (Не отвечает ему.)
 Куда летишь, ворона пустоперая,
 Куда летишь, сорока загубённая?»

- И видит: он поворот даёт,
Налетел он на Добрыню
- 30 И дал ему по тяпышу
Да прибавил еще по алабышу —
Вылетел Добрыня из седельшка,
Упал на землю.
Соскочил он со добра коня,
- 35 Схватил за желты кудри
И забросил его на своего коня:
«Ты поедь скажи старому казаку:
Вашим говном путь не заменяется —
Самому ему со мной не справиться».
- 40 Едет Добрынюшка не по-старому,
Не по-старому едет, не по-прежнему,
Конь бежит — поднимается,
А Добрыня сидит еле держится.
Приехал он к белу шатру,
- 45 Старый казак стал его спрашивать,
А Добрыня ему отвечает:
«Он послал низкой поклон,
Нашим говном не велел заменяться,
А самому тебе с ним не справиться».
- 50 Рассердился старик крепко-накрепко,
Роспрямились его плечи богатырские,
Засверкали его глаза кровью,
Он заревил, засвистел крепким голосом:
«Вы седлайте, уздайте коня с семи цепей!»

55 Тогда Илья схватил его и полетел в чисто поле.

- Они бились, стегались трое суток —
У старого нога подвернулася,
А левая рука оскользнулася.
(Упал старик на землю, а он...)
Выхватывает своё кинжалище,
- 60 Растигает у старого крючки-пряжечки.
Скоро старик взмолился Богородице:
«Пресвятая мати Богородица,
Выдала меня ты на поругание,
Серым воронам на исклевание,
- 65 Серым волкам на истаскивание!»
Не ветра тут полосочка подёрнула —
У старого казака силы прибыло,
Вдвое-втрое у него силы прибыло.
Он сына содвинул со своих грудей,
- 70 Соскочил ему на черны груди,
Выхватывает своё кинжалище,
Замахнулся он на первой након —

- А в плечи рука удержалася,
 (он спрашивает:)
 «Откуда ты, какой ешь?» —
- 75 «А и у тебя на грудях сидел, не спрашивал». —
 Замахнулся он и во второй након —
 Рука в локтю у него удержалася.
 (И спросил:)
 «Ты чьего роду-племени,
 Как тебя зовут по имени?» —
 (Он тогда сказал:)
- 80 «Роду я — поленицын сын,
 А спородил меня казак Илья Муромец». —
 Он тогда соскакивал со чёрных грудей,
 Ухватил его за рученьку
 И поставил его на резвы ноги:
- 85 «Сын ты мой, только выблюдок,
 А мать твоя блядочка».

Сокольнику эти слова не понравились. Илья-то звал его в гости к себе, а он не поехал. Они сели на коней, распростились, разъехались. Сокольник приехал домой, мать вышла его встречать. Он мать разрубил на мелкие куски, заскочил на коня и поехал к старому казаку.

- 90 А он спит богатырским сном. Он заскакивает в белый шатер и ударил его прямо в грудь своим кинжалищем. Золоченый крест и вогнулся. Илья тогда вскочил на резвы ноги и вцепил его в каменный пол. У него тут голова отлетела. Илья вырвал его на мелкие куски и высвистел в чистое поле.

№ 95

- Не далеко от города, не близко-то
 Как на за́ставе были богатыри.
 Они жили-караулили стольный Киев-град.

- 5 Поутру старой стават ранёшенько,
 Умывался он да ключевой водой,
 Вытирался он да полотёнышком.
 Одеват он на ноги сапоженьки,
 Кунью шубу берёт на одно плечо,
- 10 А бобров колпак на одно ухó,
 Выходит он на крыльцо парадное,
 Зрит он, смотрит в трубу подзорную
 Под ту ли под сторонку под западну —
 Там он видит грязи чёрные.
- 15 Он зрит, он смотрит в трубу подзорную
 Под ту ли под сторонку под северну —
 Там стоят ледяны горы.
 Он зрит, он смотрит в трубу подзорную
 Под ту ли под сторонку под восточную —
- 20 Он видит ли там едет богатырь.

Посылает тогда старой Алёшу узнать, что за богатырь такой неизвестный. Алёша похваляется: «Я, мол, к вам его приволоку». Вот поехал. И вот они встретились. Алёша и спрашивает незнакомца: «Куда едешь, куда идёшь?» Тот молчит. Алёша в другой раз его спрашивает. Тот снова молчит. Алёша в третьё спрашивает. И снова незнакомец молчит. Разозлился тогда Алёша на незнакомца и говорит:

25 «Ворона ты летишь, пустопёрая,
Сорока ты летишь, загуменная,

Почему, мол, на богатыря внимания не обращаешь?» Незнакомец взял его с коня. Дал по тяпошу, дал по лабошу. И говорит Алёше: «Скажи Илье Муромцу, пусть вами, говнами, не заменяется, а самому ему со мной не справиться». Идёт Алёша назад,

30 Повеся держит да буйну голову,
Потупя глядят да очи ясные.

Илья спросил Алёшу, что незнакомец. Алёша ему рассказал. Задрожал Илья Муромец.

Задрожали его плечи могучие.
«Приведи ко мне ты коня со семи цепей».

35 Не видели, как на коня скочил,
Не видели, как в стремя ступил,
А только видели: в чистом поле
Пыль столбом стоит.

40 Приехал Илья к этому богатырю. Тут они и схватились. Бились-дрались трое суток. Незнакомец упал. Илья выхватил кинжал, замахнулся —

В плечи рука застоялася.
Спрашивает: «Какого ты роду-племени?
Какого ты отцу-матери?»

45 А сперва-то его молодой побивал. Он снова спрашивает поваленного молодого: «Какого, мол, рода-племени?» Тот молчит. Опять замахнулся Илья — в локти рука застоялася. Снова Илья у него род-племя выпрашивает. Молчит незнакомец. В третий раз замахнулся Илья — в заведи рука застоялася. Опять спрашивает Илья: «Какого ты роду-племени?» Отвечат незнакомец: была у него мать сильная поляница. С богатырями дралась. Она и с Ильей дралась. От него сына и прижила. Отпустил Илья сына. А тот к матери пришел и говорит: «Мол, отец тебя хулит-бранит, тебя блядью зовет, меня выблядком».

№ 96

Как во славном-то было граде Киеве,
Управлял-княжил да Владимир-князь,
Поставил он стражу охранять град Киев —
Удалых троих да богатырей.

5 Во главе их был да Илья Муромец,
Были друзья его по оружию:
Добрынюшка Никитич млад да Алёша сын Поповича,
Еще были братья да Долгополые,
Лука да Матвей, дети Петровичи,
10 Поваром-то был Мншка да Торопанишко,
Он чашки-ложки мыл да поворёночки.
Дружно жила застава караульная,

- Берегли строго стольный Киев-град,
Никто заставу мимо не прорыскивал.
- 15 Во едино утро было ранёшенько,
Проскакал заставу да злой разбойничёк,
Удалой исполин Сокольничёк.
Едет полем он да забавляется:
Из лука стреляет да в чисто небушко —
- 20 Его стрелка земли да не касается,
Подбирает он да своевременно.
На левом колене стоит чернилица,
На правом колене лежит бумажечка,
Да и пишет он да скору грамотку.
- 25 Всегда первым старой да просыпается,
Да и смотрит он в трубушку подзорную.
Видит: в поле будто как бы дым валит,
Дым валит да столбом стоит.
Старой будит всех: «Да встать пора бы вам,
- 30 Вставать пора да разбудатися,
Ключевою водою да омыватися,
Полотенцем белым утиратися!»
Посылает старой Добрынюшку Никитича,
Он роду будет знатного, умеет встретиться,
- 35 Встретиться да и совет держать.
Поскакал Добрыня на коне своём,
Нагоняет в поле гордого Сокольника.
«Уж ты гой еси, да добрый молодец!
Откуда ты да к нам пожаловал?
- 40 Какого ты да роду-племени?
Чтоб достойно тебе честь воздать».
А Сокольник ему ответ держит:
«Что-де вами старой подменяется,
Самому ему со мной да делать нечего».
- 45 Да(й) дал Добрыне тяпыша,
Да вдобавок еще олабыша,
Да(й) выпал он из седла на землю.
Едва собрался на коня сести,
С горем явился к стану да караульному.
- 50 Тут-то старому да за беду стало,
За велику досаду да показалосé.
Привести приказал да коня буйнаго,
Укрепить на нем седло казацкое.
«Не успеете вы в котле обед сварить —
- 55 Привезу голову я басурмаискую».
Видели старого, как в стремена вступил,
Но не видели его в поле, как скакал.
Нагнал в поле да зла разбойника,
Поносить начал его словами бранными:

- 60 «Что ты кичишься, ворона да пустопёрая?»
И сразились они копьями булатными
А во чистом поле, да во раздольице.
Да и бились-дрались они трое суток,
И не ранились они, не кровавились,
- 65 Поломались у них да копья острые.
Тут схватились они да врукопашную —
Одолел да Сокольник старого,
Хочет пороть да его груди белые.
Да призвал он в помощь Богородицу —
- 70 Тут у старого втрое силы прибыло,
Опрокинул под себя Сокольника,
Приступил пороть его груди белые,
Но рука старого остояласе,
Уткнуть Сокольника не далó.
- 75 И начал его старой упрашивать:
«Какого ты роду будешь, племени?»
А Сокольник ему да и ответ держит:
«Когда я был на твоей груди,
То не спрашивал роду-племени
- 80 Да какого ты отца-матерн».
Тут старой ему удар еще нанес,
Но опять рука его да остояласе.
И снова просит он опять Сокольника:
«А скажи ты мне об отце да матери».
- 85 Тут Сокольник слово да вымолвил:
«Я родился от матерн Златыгорки».
И старой назвал его своим сыном.
На том познании они да помирились.
Но Сокольник замыслил дело злое тут
- 90 И вернулся к матери с донесением:
«Что я видел в поле коровушку базыкую
И тебя зовет блядкой, а меня выблядком».
Да и мать ему дала такой ответ:
«Не пустым-то старой да похваляется —
- 95 Была поступка да молодецкая».
За сие он и убил тут мать свою
И решился убить еще отца старого,
Да не позволил Бог да совершить сего.
Сошлись они снова да во чистом поле,
- 100 Победил-то старой тогда Сокольника
Да сказал ему да таковы слова:
«Не успел ты скопить да силу исполинскую,
Выехал драться на седьмом годку,
А кабы выехал ты да лет семнадцати,
- 105 То бы не было тебе да поединщика».
Но не написано было судьбою старому
Смерть принять да во чнстом поле.

- Да однажды ехали они, три богатыря,
Увидали гроб новый на распутии
- 110 И начали в нем да примеряться.
Добрыня, Алеша ложились впервые —
Неудобен пришелся им гроб новый.
Последним лег да Илья Муромец —
И вдруг на гроб да крышка накрылася,
- 115 И обручи железные утвердилися,
Рассекать их стали острыма саблями,
А они с каждым ударом прибавляются.
И сказали они тогда старому:
«Не можем помочь тебе, Илья Иванович».
- 120 Так старому смерть тогда случилася.

№ 97

- А уж полно вам спать, да нам пора вставать,
Нам пора вставать да розбужатися,
Ключевою водой да умыватися,
Полотенцем белым да обтиратися.
- 5 Мимо заставы да караульную
Проехал враг да и Сокольник.
Да и пишёт он да ярлык-грамотку,
На левой колене держит чернильницу,
На правом колене держит бумажочку
- 10 Да стреляет в небо ещё стрелку быстрюю.
Она, стрелка, на землю не упáдает,
Подхватывает он да на лету с коня.
И скачет Сокольник на коне своем,
И не видать его по дороженьке,
- 15 А видно только: пыль стоит столбом.
Посылает Илья да Муромец Добрыню Никитича
(«старый казак» — вот надо тут было),
Он роду честного, умеет с богатырем стретиться,
Да и стретиться да поздороваться,
Да и совет держать, уж ты и совет держать.
- 20 «Уж ты гой еси, да добрый молодец!
Какого ты да роду-племени?»
А Сокольник ему да и ответ держит,
Что-де с вами старой да заменяется,
Самому-то ему да делати нечего.
- 25 Да и дал он Добрыне по тяпышу да по олабышу,
Тут и выпал из седла на землю,
И едва доехал станции караульное.
Тут и старому за беду да показалосе,
За досаду велику да показалосе.
- 30 Приказал привести да коня буйного
Да надеть седло казацкое.

- Только видели, как старой в стремена вступил
 ([Заплакал:] «Вот тут вот плачу. Нет голосу!»),
 А не видели, как в поле чистом старой скакал.
 Нагонял он врага Сокольника,
 35 И схватились они да во чистом поле,
 Да и бились они да трои суточки,
 И не раились да не кровавились.
 (Нет, я не могу так!)

№ 98

- На за́ставе жили богатыри.
 Атаманом был Илья Муромец.
 Недалеко от Киева, за двенадцать верст,
 На заставе жили богатыри там.
 5 Жили-хранили стольный Киев-град.
 В атаманах был Илья Муромец,
 В податаманьях — Самсон Колубанович.

(Это как помощник, верно.) А Алеша Попович был во писарях. А Василий Буслаевич... наверно,
 10 поваром и был. А Мишка Торопанишко чашки-ложки мыл — повареночек... А Добрыня Никитич вроде
 во конюхах что ли был. (Так мне вспоминается.) Добрыня Никитич был во конюхах. Вот как-то было
 в одно время, може сам Илья вышел. Заметили там в чистом поле — не зверь бежит и не орел летит,
 а будто остров колыбается, что-то тако. Все стали рассматривать вот тут его. Добрыню Никитича,
 кажется, послали разведать, что там за богатырь. Добрыня Никитич ездил. Уехал, там Сокольник его,
 алабыш насадил ему на руку. «Пускай, говорит, вами, г(овнами), не заменяется, самому, говорит, ему
 15 с нами не поправиться». Вот тут и закипело у Ильи ретиво сердце: «Давай, сряжайте!» Коня вот тут
 оседлали. Уздали коня да со семи цепей да со восьми ремней.

Поехал Илья. Не видно было поездки молодецкой, только видно было: во чистом поле курева́ стоит,
 так покати́л.

Ну вот, с Сокольником они тут встретились. Он спрашивает: «Если русский богатырь, то поворот
 20 даю, а не русский богатырь, напуск держу». А он с ним не разговариват. Потом все-таки Илья ругаться
 стал. «Ты, говорит, нас, молодцов, ничем не имеешь, ворона ты пустопёрая, сорока загу́мённая». Ругать
 его стал, этого Сокольника. Вот они тут и схватились. (Копья взяли, кажется, что ли.) Копья издержались,
 не ранили друг дружку, не кровавили. Бросили тот бой на сыру землю, а саблями начали. Сабли тоже
 исцербались, изломались и тоже не ранили. И тот бой бросили. Тогда схватились в рукопашный бой.
 25 (Вот, кажется, этот...) Да у Ильи одна нога поскользнулась, друга подвернулась как-то тут. Там
 говорится еще, что бахвальное слово его попутало, из-за этого-то он и упал. И вот Сокольник заскочил
 ему на белы груди и хочет пороть белы груди. А тот взмолился ко святой Богородице: «Я, говорит, стоял
 за веру православную, за веру русскую». Там вдвое-втрое у старо́го силы прибыло. Сбросил он Сокольника
 со белой груди и вскочил ему на черны груди, и хочет его пороть. А у него рука застоялась, не мог.
 30 На три раза и всё не мог.

Тогда он стал его расспрашивать: «Какого ты роду-племени?» Все, да. Ну и потом они разъехались.
 Разъехались, дак вот Сокольник отъехал, мать убил свою. Она тоже его спрашивала. «Видал, говорит,
 там стару коровушку базыкову. Он, г оворит, тебя бл(ядко)й зовет, а меня выблядком». Убил её
 и поехал. Этого старика хотел убить. Но будто бы не мог убить. Ну это вот, копьем его шаркнул,
 35 да в крест попал... Илья спросонок вскочил, его стукнул. На одну ногу ступил, другу оторвал, на одну
 руку ступил, другу оторвал. Привязал за хвост коню да отправил в чисто поле. (Тут, наверно, и конец
 у них, что ли.)

№ 99

♩ = 132

Ай, не да - лё - ко бы - ло о - т(ы) го - ро - да, не бли - с(ы) - ко же,
 Не да - лё - ко, не близ - ко - за две - на - д(ы) - це - т(и) вёрст
 Де сто - я - ла за - ста - ва да бо - га - ты - р(ы) - ска - я,
 Не ве - ли - ка не ма - ла - трид - цать да со бо - га - ты - рей,
 Де хра - ни - ли - ка - ра - ву - ли - ли сталь - нёй Ки - е - в(ы) град.
 За ле - га - ла до - рож - ка ров - но три - д(ы) - це - т(и) лет.
 И не ко - н(ы) - ной и не пе - шой не про - ха - жи - вал...

Ай не далёко было от города, не близко же,
 Не далёко, не близко — за двенадцать вёрст,
 Де стояла застава да богатырская,
 Не велика, не мала — тридцать да собогатырей,

- 5 Де хранили-каравулили стольнёй Киев-град.
 Залегала дорожка ровно тридцать лет,
 И не конной, ни пёшой не проезживал,
 Не рыскучей зверь да не прорыскивал,
 Не ясен сокол да не пролётывал,
- 10 А был атаманом Илья Муромец.
 Де вставал старой да по (й)утру ранешенько,
 Омываются старой да ключевой водой,
 Вытираются старой да полотёнышком,
 А козловы сапожки на белые щюлки,

- 15 А Богу молитсе да не помножоцько,
А берёт он трубоцьку подзорную,
Он сам выхóдя на крылецьюшко,
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во северну —
Де на севери стоит да морё синёе,
- 20 Море синёе да ледовитое.
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во встоцьную —
На востоке стоят да горы тёмные.
А ище смотрит-гледит в ту сторонушку во южную —
На юге стоят луга широкие.
- 25 А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во западну —
Де на запади стоит да полё чистойё,
Полё чистойё да всё Куликово.
А там не славный Буян-остров там шатайтсе,
Не Саратовски там горы да взременяются,
- 30 А едёт богатырь — забавляйтсе:
Стрелоцькой он сам постреливат,
На лету стрелу подхватыват, на пол не (й)ураниват.
Не правóm колени его бумажоцька,
А на левóm колени его чернилица,
- 35 А пишот он арлык да скору грамотку.
А подъезжаёт Сокольник ко белу шатру,
И подмётыват он арлык да скору грамотку.
Ай-де выбегал тут старóй ведь сам скорешенько
И брал записоцьку легошонько,
- 40 А-де отдавал цитать Добрынюшке Никитицу.
А цитат Добрыня — да усмехаитце:
«Едёт богатырь да похваляитце:
„Еду к вам да в стольной Киев-град,
Пошуметь я, погрометь да в стольнём Киеви!
- 45 Я божьи церкви да на дым спущу,
А древяны иконы — на поплав воды,
А медны иконы я во грезь стопцу,
А Владимира-князя да я под мець склоню,
Апраксину я княгину за себя возьму!“».
- 50 А закричал старóй да громким голосом:
«А не времё спать — да вам пора (в)ставать,
Не от великого хмелю да просыпатися,
Ай не от крепкого сна, робята, да розбужатися!
А кого ж мы пошлём да за богатырём,
- 55 А кого ж мы пошлём да за могуциим?
Как послать да не послать нам Мишку да Торупанишка?
А Мишка Торупанишко роду он торопливаго,
Не за что он потерят дак буйну голову.
А послать-то не послать Самсона сына Колыбанова?
- 60 А Самсон сын Колыбана роду он сонливого,
Не за что он потерят дак буйну голову.
А послать дак не послать-де Дюка сына Степанивица?

- А не сумеет он с богатырём ведь съехатце,
 А не сумеет он с богатырём розъехатце,
 65 А не сумеет он с богатырю ведь честь воздать,
 А не за что он потеряет дак буйну голову.
 А послать дак не послать Олешеньку Поповицязь
 А Олешенька Поповицзю роду заговорливаго,
 А незавид он потеряет дак буйну голову.
 70 А послать-то не послать Добрынюшку Никитицязь
 А Добрынюшка Никитицзю роду вежливаго,
 А сумеет он с богатырём ведь съехатце,
 И сумеет он с богатырём розъехатце,
 И сумеет он богатырю ведь честь воздать».
- 75 А не видели побёжки лошади́нной,
 А не видели поездки да молодецкой,
 То(ль)ко видели: в дистом поли копать стоит.
 Де догнал Добрынюшка Сокольника,
 И кричал он во первой након:
 80 «Если русский богатырь — да поворот даю,
 А не русский богатырь — я напýс держу!»
 А на его детина не (й)ослушалсэ.
 А кричал Добрыня да во второй након:
 «Если русский богатырь — поворот даю,
 85 А не русский богатырь — я напýс держу!»
 А на его детина не (й)ослушалсэ.
 Ай и стал кричать Добрыня во третьей након:
 «Ежли русский богатырь — да поворот даю,
 А не русский богатырь — я напýс держу!»
 90 А на его детина не (й)ослушалсе.
 Ай-де стал Добрынюшка ругатися:
 «Едешь, гадина ты перегадина!
 Летишь, ворона пустопёрая!
 Летишь, машишьсе, сорока загумённая!
- 95 Не приворачивашь к нам на за́ставу караву́льнюю,
 Ай не считашь нас, уда́лых добрых молодцов!
 А была у нас убайна коровушка бозы́кова,
 По за́гуменьям коровина волочиласе,
 Олави́ной корова да подавиласе,
 100 А верно те, собаке, то же надобно?!»
 Ай-де подъезжал Сокольник ко Добрынюшке,
 Взял его ведь за жёлты кудри,
 А бросил его ведь на сыру́ землю́,
 И дал он ему ведь тут по ты́пышу,
 105 А прибавил еще да по олабышу:
 «А поезжай-ко ты назад да во бело́й шатёр,
 А скажи-ко старику да ты низко́й поклон,
 Ан что он вами, говна́ми, заменятце?
 А ему самому со мною ведь не справитце!»

- 110 Едѣт Добрыня не по-старому,
 А конь его бежит да не по-прежнему:
 Потопя дѣржит Добрыня буйну голову,
 Потопя его да очи ясныя.
 Ай-де стал старой Добрынюшку выпрашивать,
- 115 А стал старой Добрынюшку выведывать.
 «Видел в поли я богатыря,
 А уж шлѣт он тебе да сам низкоу поклон,
 И говорит: „Что он вами, говнами, заменяйтце?
 Ему самому со мною там не справитце!“».
- 120 А заслышило ухо да молодецкое,
 А завидело око да богатырское,
 А рассердилось его да ретиво сердце,
 А расходились его плеча могучия,
 А закричал старой да громким голосом:
- 125 «Уж седлайте, (уздайте) вы добра коня,
 А берите его да со семи цепей,
 А восьму кладите чересхребѣтнюю,
 А на шею — кольчужоцьку серѣбрену:
 А не ради красы да молодецкоей —
- 130 Ради крепости да богатырскоей,
 Щобы не оставил доброй конь да во чистом поли».
 Ай не видели, как старой да на коня (вскоцил,
 И не видели, как старой да в стремяна вступил —
 То(ль)ко видели, как в чистом поли копать стоит,
- 135 Из-под копыт коня да искры сыплютце,
 Из ноздрей коня да пламе мечитце,
 А и золотиста грива да росстилаитце,
 А хвост трубой коня да завиваитце.
 Ай-де говорит тут Сокольник он своим слугам,
- 140 А своим слугам, да слугам верным:
 «А выбирайте вы себе хозяина поласковой,
 А поласковой, да вы повежливе(й):
 А со старым-то съехатьсе — да мне не брататце,
 А со старым-то съехатсе — да не с родным отцом».
- 145 А тут не две горы ведь там столкнулися,
 А два богатыря ведь (со)езжалисе,
 А под имá земля-мать задрожала же.
 А бились они, дрались да целы сутоцьки —
 Сабли их да пощербалисе.
- 150 И дрались они ведь целы сутоцьки —
 Копья их да повихалисе.
 И хватились они ведь там в охабоцьку,
 А бились-дрались да целы сутоцьки.
 А старому похвальне слово встретилося —
- 155 Права нога да прокользнуласе,
 А лева нога да подломиласе,
 Упал старой да на сыру землю.

- И взмолилсэ старой Богородице:
 «Я за вас стою, да я за вас молюсь,
 160 Я борюсь, стою за верушку Христовую,
 А выдали мя да поганым на погаленьё,
 Чёрным вóронам на ростáрзаньё!»
 Тут не ветёр полоесоцькой возмахиват —
 У старóго силы вдвоё тут поприбыло.
- 165 Ухватил он Сокольника за подпазухи
 И бросил ёго да на сырú землю,
 Разорвал ёго латы железныя,
 Вытащил ножичёк булатныи
 И хотел ёго ведь резать грудь белыя,
- 170 А смотреть ёго да ретиво серьцо.
 Замахнулсэ (старой) да во первой након —
 А в плечи рука ёго да остояласе.
 Стал старóй Сокольника выпрашивать,
 Стал Сокольника выведывати:
- 175 «А чьей ты земли, да коя матери,
 И како́го роду, ко́го племени,
 И как тебя зовут ведь сам по имени?» —
 «Я ко́гда на твоих гудях сидел, тебя не спрашивал,
 Режь же, режь меня, и то не спрашивай!»
- 180 А замахнулсэ старóй да во второй након —
 А в заведи́ рука ёго да остояласе.
 И опять всё стал старóй Сокольника выпрашивать,
 А стал старóй Сокольника выведывать:
 «Я, — говорит, — на твоих гудях сидел — тебя не спрашивал.
- 185 А режь меня, — и то не спрашивай!»
 Замахнулсэ старóй да во третьей након —
 А в заведи́ рука ёго ведь остояласе.
 Он опять же стал Сокольника выпрашивать,
 Стал Сокольника выведывать:
- 190 «Коё ты земли, да коя племени,
 Как зовут тебя по имени?» —
 «Есь полени́ца одинокая,
 Я ей сын...»

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

№ 100

- Подарил-то-де солнышко Владимир-князь
 Как тому же Илье да стару казаку,
 А дарил ему шубейку о петьсот рублей,
 Говорил-ту-де тут да нынче стар казак:
 5 «А не мне были подароцьки направлены,
 А направлены Дунаю сыну Ивановичу,

- А мне, видно-де, нынѣ да пригодились».
 Уж услышали тут думныя бояра нынѣ,
 Они писали ерыки да скоры грамоты,
 10 Доносили князю они Владимиру:
 «А обхулил твои да стар подароцьки,
 Говорил будто стар казак Илья Муромецъ:
 „Уж я цѣ, думаю, мне князь дарить станѣт,
 Он и шубку дарит мне, будто у мяя шубок нет“».
- 15 Тут призвал нынѣ солнышко Владимир-князь
 Как тово же ведь нынѣ да стара казака,
 Кабы тут-де-ка стар да на опѣр пошел,
 Кабы думных бояр да приказал притти,
 Они сложились троима да все ответили:
 20 «Говорил-то-де это еще стар казак,
 Он вполне говорил, да все мы слышали».
 Говорит-то тут стар казак Илья Муромецъ:
 «Говорил же то я, да не совсем же так,
 Они ложно доносят показанье-то,
- 25 Они с клятвой на старѣ да пригибают же.
 Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
 Говорил-то ведь я да промежу собой:
 А не мне были подароцьки направлены,
 А направлены Дунаю сыну Иванову,
- 30 Уже мне, молодцу, видно, пригодились».
 Нечему тут Владимир-князь не варуѣт:
 «После дела-то ведь всяк же отпираетца».
 Он позволил ископать нынѣ глубок погреб,
 Засади-ту-де стара нынѣ казака.
- 35 Тут ведь нынѣ богатыри прогневилися,
 Говорят тут вси руськин богатыри:
 «Засадишь ты нынѣ нашего предводителя,
 Мы уж все нынѣ розойдемся и розъедемся,
 У тя пусто станет стоеть стольно Киев-град».
- 40 Говорит-ту ему тут молода жона,
 Кабы та же княгиня да мать Апраксия:
 «Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
 На кого же ты ведь нынѣ да понадеешься?
 У тя думны бояра да, зная, изменщики, —
- 45 Когда не будѣт у тя надежды великоюй,
 Онн тогда же пуще изменят же».
 Нечему же тут князь нынѣ не варуѣт.
 Тут и выскоцил стар казак Илья Муромецъ,
 Побежал он по городу по Киеву,
- 50 Забегал же нынѣ он на царев кабак,
 Он и выпнул там двери все подвальниа,
 Он тут выкатил три боцьки сороковоцьки,
 Да крычал-де старой да зычным голосом:
 «Ох вы ой еси, да руськии богатыри!
- 55 Уж вы вси же хресьяна да православныи!
 Уж вы вси-де нынѣ голи да кабацкии!

- Вы тащите-ткось мни меру да своеруцъную,
Своеруцъную меру, да поварёноцъкой,
Уж вы пейте вина да сколько хочите,
60 Поминайте меня, да добра молодца».
Тут не крык ле стонт, да как не стон стонёт —
Спровожают тут удала добра молодца.
Говорит-то-де тут да нынъце стар казак:
«Уж я мог бы-де не сесь нынъце в глубок погреб,
65 Уж я мог бы победить да нынъце весь город —
Повинуюся закону да государеву:
Я сидел преж без ног да ровно тридцеть лет,
Нынъ опять, видно, мне да быват Бог судил».
Засадил тут удала добра молодца,
70 Как захлупили плитой его железной же,
Загребли его матушкой сырой землёй.
Тут и вси же народ да разъезжаютсе,
Разъезжаютсе вони, да разбегаютсе.
Уж розъехались вси руськи нынъ богатыри,
75 Они прогневались на князя на Владимира,
Да на думных-то бояр да толстобрюхиных.
Как-то нынъце княгина да роздумалась,
А роздумала в уми да промежу собой,
Ископала она нынъце тайной подкоп
80 Как к тому же ле к старому казаку,
А снесла она ему нынъце ременщат стул,
А снесла она свеци да воску ярова,
Да снесла она книги старопечатныи,
Забавлялся штобы да нынъце стар казак,
85 Штобы с великой тоски смерть не случилосе;
А кормила-поила его тридцать лет.
Уж прошло нынъце поры да это времени,
Миновало промеж тем ищэ тридцеть лет,
Тут садилсь нынъ бояра толстобрюхие
90 Как за ти же за столы да за дубовыи,
Они писали ерлыки, да скору грамотку,
Посылали вси по дальним сторонушкам,
Посылали они Ковшёю Безсмёртному:
«Нынъ уж вси разошлись руськи богатыри,
95 Как пустой стоит у нас стольно Киев-град,
Он пустой стоит да нынъце тридцеть лет».
Скоро скажется исторя, долго деитсе.
Как приехал Ковшей да во чисто полё,
Нагонил нынъ силушки премножество:
100 Попереди-то его да сорок тысяцей,
По праву его, собаки, да сорок тысяцей,
По леву руку, собаки, да сорок тысяцей,
Позади его да числа-смету нет.
Он писал ерлыки да скору грамоту,
105 Выбирал он тотарина, какой лучше всех,
Отсылал с им ерлык, да скору грамоту.

- Да цитат-де князь Владимир скору грамоту,
 Говорит он своей да молодой жоны,
 Как своей он супруге да обручальноёй:
- 110 «Ох ты ой есь, княгина да мать Апраксия!
 Ты позволь мне придумать думу крепкую:
 Кабы просит Ковшей у меня поединщиков,
 А кого же нам послать будёт поединщиком?»
 Говорит-то его да молода жона:
- 115 «На кого же ты надею преж оставалса же?
 У тя есь думны бояра, да при себе живут,
 Ты поди-тко има нынь заменейся же».
 Говорит-то тут князь да таковы реци:
 «Ты не дельнё мне да говоришь ныньце,
- 120 Ах ты ой есь, Опросинья да дочь Семеновна!
 Молодая княгина да обручальяя,
 Ты ведь востра баба, да всё догадлива,
 Та скажи-тко, скажи мне, пожалуста, —
 Да кого же нам послать нам поединщиком?»
- 125 Говорит тут княгина да мать Опраксия:
 «Мне ночесь што-то мало спалось — много виделось:
 Будто жив в погребу да сидит стар казак».
 Говорит тут-де солнышко Владимир-князь:
 «Кабы была при себе да сабля вострая,
- 130 Я срубил бы у тебя буйну голову:
 Уж прошло ныньце время ровно триццеть лет,
 Уж какой ныньце ётам живой ныньце стар казак?»
 Говорит-ту княгина да мать Апраксия:
 «Я не знаю, к чему да сёдни виделось,
- 135 Будто жив сидит в погребу будто стар казак».
 Говорит-то-де солнышко Владимир-князь:
 «Как ты преж будто дельнё што ле баяла,
 А уж ныньце сочиняшь таку безделичу:
 Уж и много продолжалось да поры-времени,
- 140 Уж прошло-де топере ровно триццеть лет,
 А какой уж ныньце живой да есь стар казак?»
 Говорит ему княгина да мать Апраксия:
 «Мне ведь зря-то ныньце сон виого не видитсе,
 Што приснитсе мне ночью, то и сбьдетсе.
- 145 Ох ты ой еси, солнышко Владимер-князь!
 Ты некого не посылай, некому не приказывай,
 Уж ныне ведь народ да всё неверной здесь,
 Ты изволь посмотреть, сходить в глубок погреб,
 Он и взáбыл не живой ле в погребу сидит».
- 150 Как на то-де нынь князь да не ётслушалса,
 Он надёрнул сапожки да на босу ногу,
 Он и куню-де шубу да на одно плещё,
 Свой пухов-де колпак да на одно ухо,
 Побежал-ту-де князь да скоро-на́скоро,

- 155 Ухватил он лопатоцьку жалезную,
Он раскидывал пески да всё макарьевски,
Отопрудил он плиту да все железную.
Уж и жив-то сидит да нынче стар казак,
Он и зрит ле, гледит да нынь в гумажной лис,
- 160 Перемётывают листики ербовыя.
Закрычал-то тут-де солнышко Владимир-князь:
«Уж и звыше ума цюдо состоялосье!»
Заревел тут и солнышко Владимир-князь:
«Ты изволь-ко, Илья да ище Муромець,
- 165 Ты и вытти нынче к нам на белой свет,
Ты уж больнё большой да строк нынь высидел!»
А сидит-ту старой да не огленетсе.
Побежал тут назад домой Владимир-князь,
Он росказывает своёй да молодой жоны:
- 170 «Уж и зоболь же не здря да сон привиделса,
Ищэ жив-де сидит да у нас стар казак.
Уж ты ой есь, княгина мать Апраксия!
Ты скатайся-тко, сходи, да ты сама позови».
Побежала тут княгина да мать Апраксия,
- 175 Уж как кликнула княгина да во первой након:
«Поизыть-ко, пожалуй, доброй молодец,
Разгони-тко-сь ты кручину да с ретива сердца,
Ты не ради князя да ты Владимира,
Уж ты ради веры да ты Христовой,
- 180 Послужи-тко же ты да верой правой!»
Кабы тут-де старой да нынь выскакивал,
Бутто белой тут куропать выпархивал;
Он ступил по земли да нынче три ступья,
А услышал его да нынче доброй конь —
- 185 Он и сорвал все цепи да нынь железныи,
Он розорвал все пуинки шелковыи,
Закрычал-де ведь, заржал да зычным голосом,
Прибежал он к Илье да к стару казаку.
Как Илья-то-де плачёт, конь не поддавантсе,
- 190 Уж как ровно-де пули, слезы катятсе.
Говорит-то-де тут да нынче стар казак:
«Уж ты здраствуй-ко, княгина да мать Апраксия!
Уж жива ле моя сбруня да лошадиная,
Уж жива ле моя приправа да богатырьская?..»
(Тут слуги принесли все, что нужно.)
- 195 Ухватил-ту-де стар казак Илья Муромець
Кабы ту же нынь палицу буёвую,
Он свиснул эту палицу, доброй молодець,
Улетела эта палица подверх из виду,
Уж и пала она на матушку сыру землю.
- 200 Подрожала нынче матушка сыра земля —
Уж уцюли нынь все руськии богатыри:

«Ищэ есь нынѣ в Киеви сильнѣй бѣгатырь,
 Подават нынѣ знак нам, добрым молодцам».

(Поехал Илья Муромец в поле драться с Ковшеем, княгиня ему и говорит, извиняется:)

«Уж ты ой есь, слуга наш да стар казак!
 205 Извини ты, пожалуй, да не прогневайся,
 Как пособит вам Бог да царь небесной свет,
 Состоит как сохранио стольнѣ Киев-град,
 Вы обратно опеть, да не гостите тут».

210 Илья Муромец встретился с другими богатырями в поле и побил Ковшея Бессмертного. Стали после этого богатыри думать — куда нынѣ ехати? А княгиня это увидела, прилетела (т. е. прибежала) сама за богатырями и закланялась, зазвала их в Киев. Богатыри посоветовали между собой и опять поехали к князю Владимиру; тут они и стали снова жить.

№ 101

У той ли у турицы златорогоей,
 Были у ей дети малые.
 Выходят дети вон на улицу,
 Выходят они из черна шатра.
 5 Скоро они заходят во черной шатѣр,
 Говорят своей матери родимой:
 «Уж ты ой еси, мать наша родимая!
 Уж и та турица златорогая,
 Над стольным заря зачинаетца,
 10 Восходно красно солнце подымаетца». —
 «Врите, мои дети все любимые,
 То ие утрення заря зачинаетца,
 Не восходно красно солнце подымаетца —
 То выходит пресвята мать Богородица,
 15 Она слышит над городом невзгодушку,
 Видит: будет над стольным безвременьцо».
 И немного поры-время миновалосе,
 Подступал нонче собака Калин-царь,
 Он одиннадцать прошел земель сильных,
 20 Под двенадцатой подходит стольной Киев-град.
 Не видно восходна красна солнышка
 От ихна пару от погаиого —
 Ясну соколу в вешной день не облететь,
 Рыскучу зверю в осенню ночь не обрыскать,
 25 Ни часту дожджу эту силушку не примочить.
 Был у его богатырь Игнатий сын Иванович.
 Он призвал его во чернѣй шатѣр,
 Написал он ему ерлык-скору грамотку,
 Он не красками печатал, не печатями,
 30 Он печатал, собака, красным золотом.
 Поехал Игнатий в стольный Киев-град,
 Едет Игнатий дорогой прямоезжей,

- Прямоезжей дорогой, малоезжей,
Едет Игнатий и раздумыват:
- 35 «Мне дорогой ехать — мне не честь-хвала,
Мне не выслуга будет богатырская».
Он и ехал стороной — не дорогою,
Он в ограду заезжал не ворóтами,
Он скакал через стену городовую,
- 40 Через высокоу ту башню наугольную.
Скакал тогда он со добра коня,
Он оставил коня неприказана,
Неприказана коня, непривязана:
«Никому до моёго коня дела нет».
- 45 Идет Игнатий на красно крыльцо,
Его лесенки дубовые сгибаютца,
Вереюшки точеные шатаютца.
Заходит Игнатий в гридню светлую,
Во те палаты княженецкие,
- 50 Он и Богу не молитца и челом не бьет,
Клаияетца он на все четыре стороны,
Владимиру с княгиней — на особнну,
Он мечет ерлык на дубовой стол,
Поклон тогда вывел и скоро вон пошел.
- 55 Говорил тут солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич-блад!
Ты ломай-ко печати все поганые,
Читай-ко ерлык-скору грамотку,
Ты читай, Добрыня, не упадывай,
- 60 Ни единого словечка не утаивай».
Он сломал все печати те поганые,
Стал читать он ерлык-скору грамотку:
«Подошел к нам собака Калин-царь,
Он одиннадцать прошел земель сильных,
- 65 Под двенадцатой подходит стольной Киев-град,
У нас ладит все монастыри под дым пустить,
Пресвяту мать Богородицу в ногах стоптать,
Вседержителя Спаса — на поплáв рекí,
Ладит всю худшую силушку повырубить,
- 70 Ладит лучшую всю силушку повыгонить.
Ешше просит от нас собака сто возов:
„Помрет, говорит, моёй силы много с голоду“.
Ладит князя Владимира в котле сварить,
А княгину мать Апраксию взять в супружество».
- 75 Тогда упал Владимир на кирпиччат пол,
Лежит Владимир три часа мертв.
Проснулса солнышко Владимир-князь —
Стал писать Владимир скору грамотку:
«Пусть он даст нам строку хоть на три годика,
- 80 На три годика не даст, дак хоть на три месяца,
На три месяца не даст, дак хоть на трои суточки,

- Нам покаятца в городи да подладитца».
- Старого тогда дома не случилось.
- «Кабы был, говорит, у меня старой, дак — дума крепкая,
- 85 Кабы был у меня старой, дак — шуба теплая,
 Кабы был у меня старой — дак рука правая».
- Приготовил ерлык-скору грамотку,
 Отправил Добрынюшку Микитича
 Ко тому ли собаке царю Калину.
- 90 Седлал Добрынюшка Микитич-блад,
 Седлал своего коня доброго.
 Берет с собой палицу буёвую,
 Берет с собой саблю вострую,
 Новую саблю, необновлену,
- 95 Берет свое копейцо бурзومهцкое.
 Садилса Добрыня на добра коня,
 Повез он ерлык-скору грамотку;
 Выезжал он на горы на высокие,
 На те ли на щелы неукатисты,
- 100 Смотрит он в трубочку подзорную,
 Он смотрит рать-сну великую.
 Сидит Добрыня, природумывает,
 На своем Добрыня на добром коне:
 «Не думой было это нашей принадумано,
- 105 Не бelyма руками приобделано».
- Приезжат близко к силушки великой
 И говорит Добрыня таковы слова:
 «Уж ты ой еси, тотара немилóсливы!
 Дайте мне дорожку до черна шатра,
- 110 У меня, говорит, коничёк молодинькой,
 Первопутная лошадка, неученая,
 Погубит много вас, душ безвинных».
- Не дают ему дорожку до черна шатра.
 Тогда он берет палицу буёвую,
- 115 И поехал он по силушки великой:
 Во праву руку махнёт — дак лежат улицей,
 Во леву повернет — переулками.
 Добилса Добрыня до черна шатра,
 Скакал со своего коня доброго,
- 120 Он берет с собой саблю вострую,
 Роспахнул у шатра полу правую,
 Заходит Добрыня во черный шатер:
 «Уж ты здраствуешь, батюшка наш Калин-царь,
 Я привез тебе хлеба сто возов
- 125 И закуски тебе другá сто возов».
- Он махнул своей саблей вострой,
 Саблей новой, необновленной,
 И ссек у его со плеч голову.
 Поехал он назад в стольной Киев-град

- 130 По той ли силы по великой:
 Во праву руку махнет — лежат улищой,
 Во леву повернёт — переулками.
 Он увидел своих русских богатырей —
 Секут они рать-силу великую;
- 135 Секли они трои суточки,
 Не пиваючи, не едаючи,
 Своим добрым коням отдоху не даваючи.
 Они вырубил всю рать-силу великую,
 Не оставили живой души на сѣмена,
- 140 И поехали тогда в стольной Киев-град,
 Столовали они трои суточки
 И трои же сутки просыпалисе.

№ 102

- На того же солнышка Владимира
 Напал войной король неверные,
 Нагонил он силы много-множество.
 Тот же солнышко Владимир-князь
- 5 Стал он просить Илью Муромця:
 «Ой есь, старой да И(лья) Муромец!
 Напал на нас король неверные,
 Нагонил он силы много-множество,
 Побей ты эту рать неверную!»
- 10 Сряжался старой да сподобляицця,
 Седлал-уздаль он коня доброго,
 Подстегивал он двенадцать подпругов,
 Тринадцату степ да лошадиную
 Не ради басы — ради крепости,
- 15 Не оставил молодца да в поле доброй конь
 Серым волкам да на съеденьицѣ,
 Черным воронѣнкам нынѣ на граеньѣ.
 Выезжал он во чисто поле,
 Бить стал эту рать неверную.
- 20 Бил рать он трои сутоцьки,
 Выбил всю эту рать неверную.
 Приезжат он к солнышку Владимиру,
 Заходит он к ему да в светлу светлицу —
 Сделал солнышко почесен пир.
- 25 На том же пиру да почесном
 Подарил старому кунью шубу.
 Ходит старой нынѣ по полу,
 Шубу за рукав да он потрехиват,
 Этой шубы он да приговариват:
- 30 «Будь ты, моя шуба, сшаслива,
 Будь ты, моя шуба, таланиста,
 Не давай меня в победушку!»

- Учули бояра да толстобрюхие,
 Говорят они солнышку Владимиру:
- 35 «Ой еси, солн(ышко) Вл(адимер)-князь!
 Ходит старой нынче по горници,
 Твою шубу он по полу потаскиват
 И шубы старой да приговариват:
 „Как легко эту шубу я потаскиваю,
 40 Та же участь будет солнышку Владимиру,
 А матушку Апраксию за ся возьму“».
 Поверил им солнышко Вл(адимер)-князь.
 Выкопали нынче глубокий погреб,
 Глубокий погреб да тридцать саженный,
 45 Засадил там старого И(лью) М(уромца),
 Засадил его да во глубокий погреб,
 Навалили плиту тяжелую,
 Тяжелую плиту, да плиту каменную.
 Осердились русские богатыри,
- 50 Разъехались куда надобно,
 Нету при городе ни одного.
 Та же матушка Апраксия
 Выкопала она подкоп тайные,
 Докармливает там она его, допаивает.
- 55 На тот же на стольной Киев-град
 Напал войной король неверные,
 Забрать ладит стольной Киев-град.
 Не стало у них нынче защитника —
 Разъехались все удалы добры молодцы,
- 60 Помореной старой голодной смертью.
 Нагнал король силы много-множество.
 Куда солнышко пошлет своих послов
 Искать русских богатырей,
 Какого найдут — ни один не идет:
- 65 «Погубили, гряд, старого И(лью) М(уромца),
 Нашего атамана-защитника».
 Говорит-то матушка Апраксия:
 «Ой еси, солнышко Вл(адимер)-к(нязь)!
- 70 Отвали с погреба плиту тяжелую —
 И не живой ли старой да И(лья) М(уромец)?» —
 «Глупа ты, грит, баба нерозумная,
 Волос долог, а ум-от короток:
 Столько время сидит, да ладншь живому быть?»
 Приходят строки короткие
- 75 От того ли короля неверные,
 Говорит опять мат(ушка) Апраксия:
 «Ой есь, солн(ышко) Вл(адимер)-к(нязь)!
- 80 Отвали плиту тяжелую,
 Посмотрите во глубокий погреб —
 Не живой ли старой да И(лья) М(уромец)?» —
 «Глупа ты баба, нерозумная,
 Волос долог, а ум-от короток:

- Столько время сидит, дак ладишь живому быть?»
 Тут она помешкала и третий раз насмелилась:
- 85 «Ой есь, солн(ышко) Вл(адимер) кн(язь)!
 Напрасно посажен старой да И(лья) М(уромец).
 Отвалить надоть плиту тяжелой,
 Посмотреть надо в глубоком погребе,
 Может, взаболь жив старой да И(лья) М(уромец)».
- 90 И придумал солн(ышко) Вл(адимер) к(нязь):
 Брал он себе слуг верных,
 Приходили они к глубоку погребу,
 Отвалили плиту тяжёлую,
 Посмотрели они во глубок погреб —
- 95 Там сидит старой, как белой куропись,
 Цитат он книгу Еваиделё.
 Говорит-то солн(ышко) Вл(адимер)-кн(язь):
 «Ой еси, старой да И(лья) М(уромец)!
 Прости меня во первой вины,
- 100 Понапрасно я те посадил да во глубок погреб.
 Напал нынь король неверные,
 Нету у меня зашчитушки,
 Розъехались все удалы добры молодцы,
 Нету их да ни единого.
- 105 Ой есь, старой да И(лья) М(уромец)!
 Тебя подымём из глубокого погреба,
 Зашчить наш стольной Киев-град —
 Нагонил король неверные,
 Нагонил он силы много-множество,
- 110 Окружили наш стольной Киев-град!»
 До трех раз звал солн(ышко) Вл(адимер)-к(нязь) —
 Не отгибат старой да ему буйной главы,
 Не говорит он с им ни одного словечика.
 И заплакал солнышко Владимир-князь,
- 115 Пошел он к своей да и молодой жены:
 «Ой есь, грит, матушка Апраксия!
 Отвалили мы плиту тяжёлую,
 Посмотрели мы да во глубок погреб:
 Точно, жив сидит да И(лья) М(уромец).
- 120 Звал я его да до трех раз —
 Он со мной да не словещико.
 Сидит, цитат он книгу Еванделё,
 Не отогнул он мне-ка свою буйну главу;
 Поди ты зови его да поконайся нынь.
- 125 Понапрасно я посадил, дак он сердитця,
 Потому он со мной да не словещико.
 Ты поди сходи да поконайся нынь,
 Не послушат ли тебя И(лья) М(уромец)».
- 130 Приходила она к глубоку погребу,
 На колени пала на сыру землю:
 «Ой еси, старой да И(лья) М(уромец)!

- Ты выйди из глубока погреба,
Оборони наш стольной Киев-град:
- 135 Окружила нас сила неверная,
Никого нету у нас заштитника,
Посадили тебя да во глубок погреб —
Все розъехались руськи богатыри».
Ставал-то старой да на резвы ноги:
- 140 «Ой еси, матушка Апраксия!
Уйди подале от глубока погреба».
Отошла она подальше от погреба,
Выскоцил старой да И(лья) М(уромец),
Брал он ее да за белу шею,
- 145 Целовал он ей да лице белое:
«Одна, говорит, меня матушка спородила,
А друга матушка воскормила.
Рад старацця — голову положить!»
Заходили они в светлу светлицю,
- 150 Говорит-то старой да И(лья) М(уромец):
«Ой есь, матушка Апраксия!
Есь ли у мя да той доброй конь,
Есь ли приправа молодецкая?» —
«Твой доброй конь, грит,
- 155 Ест у меня пшано да белоярово,
Твоя приправа склажена во глубок погреб».
Сряжалса старой да сподоблялса нонь,
Выходил он вон на улицу.
Выводили ему добра коня,
- 160 Седлал-уздал он коня доброго,
Подстегивал он двенадцать подпругов,
(Тринадцат)у степь да лошадиную:
Не ради басы, ради крепости —
Не оставил молодца да во поли доброй конь
- 165 Серым волкам да на съеденьице,
Черным вороненкам нонь на граеньё.
Не видали отправки молодецкой,
Не видали поездки богатырской,
Видят: во поле курева идет,
- 170 Курева идет, да дым столбом валит.
Начал косить он рать неверную,
Бил-косил он трои суточки —
Выкосил всю рать невериую.
Гонит он в стольной Киев-град
- 175 С великого, большого побоишша.
Видят старого Илью Муромца,
Что сердитой едет да И(лья) М(уромец),
Запрятался солн(ышко) Вл(адимир)-князь,
Выскакивал он во светлу светлицю —
- 180 Нету солнышка Владимира.
Сидели тут бояра толстобрюхне,
Ждали его с большого побоишча:

- Он всех выбил тут бояр да толстобрюхих,
 Почувствовал — в ногах его волочитце,
 185 Унимат его матушка Апраксия.
 Увидел он матушку Апраксию,
 Брал ее за белы руки,
 Ставил ее на резвы ноги.
 Тут она его умаливат,
 190 Тут она его упрашивает:
 «Много выбил ты бояр да толстобрюхих».
 Прошло и его сердце ретивое,
 Стал спрашивать солнышка Владимира:
 «Ой еси, матушка Апраксия!
 195 Где наш солн(ышко) Вл(адимир)-кн(язь)?»
 Говорит да матушка Апраксия:
 «Перепапса солн(ышко) Вл(адимир)-ки(язь),
 Скрылся-спрятался от тебя во глубок погреб».
 Тогда вывели солнышка Владимира,
 200 Пал солнышко старому во праву ногу:
 «Прости, грит, меня, старой, да во первой вины».
 Тогда поднял его старой да за белы руки,
 Поставил его на резвы иоги
 И простил его во первой вины.

№ 103

$\text{♩} = 80-84$

За_чи_нал_се у Сол_нышка Во_ло_ди_ме_ра
 Да за_чи_на_л(ы)се ле в(ы)_ту_но_ви ис_по_че_се_н(ы) пир,
 Да вот по_че_се_н(ы) пир, пра_во, по_хва_л(и)_ней_от стол,
 Да со_би_ра_ли_се е_ще маль_чич_ки бо_га_ты_ри,
 Да де_ве_но_сто ле петь русь_ких бо_га_ты_рей...

- Зачиналсе у солнышка Володимера,
 Да начиналсе ле втунове испочесен пир,
 Да вот почесен пир, право, похвальней-от стол,
 Да собиралисe еще мальчишки-богатыри,
 5 Да девеносто ле петь руських богатырей,
 Да ведь Лука ле, Матвей, дети Петровичи.
 Да уж ле вси ле на пиру да наедалисе,
 Да уж ле вси ле на честном да напивалисе.
 Да вот сидит стар ле казак да Илья Муромец,
 10 Да он сидит ле ничем, право, не хвастает,
 Да повеся ле держит да буйну голову,
 Да потупя ле держит свои очи ясные.
 Да уж как все ле на пиру да порасхвастались:
 Да умной-разумной — старой матерью,
 15 Да глупой-безумной — молодой женой,
 Да кто похвастался да могутой-силой,
 Да уж кто похвастал конем добрым,
 Да уж кто ле похвастал золотой казной.
 Да уж как солнышко Владимир-князь поднимается,
 20 Да стал он по полу похаживать,
 Да стал старого казака Илью Муромца выпрашивать:
 «Да что же ты сидишь, старой, ничем не хвастаешь?
 Не доходили до тебя, верно, чары винные?
 Чары винные, стаканы пивные?»
 25 Или собраны тебе друзья-приятелн не по уму?»
 Берет солнышко Владимир-князь чару зелена вина,
 Не малу, не большу чару — полтора ведра,
 Подавает старому казаку Илье Муромцу:
 «Старой казак Илья Муромец!
 30 Выкушай чару зелена вина!»
 Тут берет стар чару во праву руку,
 Впивает чару за единой дух,
 Ковригу хлеба берет за щеку.
 Стал стар казак Илья Муромец по полу похаживать,
 35 Да сапог о сапог стал пощелкнвать,
 Да за рукав шубу стал поволакивать —
 Тут и все на пиру приудрогнули,
 Да друг за дружку хоронятся:
 Да уж как малой хоронится за среднего,
 40 Средней хоронится за большего.
 Стал просить старой казак Илья Муромец
 У солнышка князя Владимира лошадь добрую,
 Лошадь добрая, бурушка косматенькой,
 Косматенькой бурушка, расхматенькой.
 45 И просит у него благословеньца
 Во чисто поле ехать биться-ратиться.
 Пошел он выбирать на конюшен двор
 Лошадь добрую, бурушка косматого,
 Косматого бурушка, расхматого.

- 50 Одного тяпнул — спина дыбитса,
А второго-та взял.
Поезжает стар казак Илья Муромец,
Берёт себе тугой лук и калену стрелу,
И берёт себе палицу буёвую,
- 55 Особливо берёт шашку вострую.
Поехал казак во чисто полё,
Не видали поездочки богатырьской,
А только видели: в поле дым стоит,
Дым стоит, да курева валит,
- 60 Из ноздрей да искры сыплются,
Из ушей у ёго да дым столбом валит.
Ездил, бился, трои суточки ратился,
Вперёд махнёт — дак цела улица,
Назад махнёт — переулочек.
- 65 Побил, потоптал всю силу неверную.

№ 104

Илья Муромец был тогда молод — ему было девятнадцать-двадцать лет. А Калин-царь брал тогда дань с Руси. И вот посылает Владимир-князь Илью Муромца к Калину-царю откупаться, велит нести ему серебро, золото, жемчуга. Пришёл Илья Муромец к Калину-царю и говорит: «Калин-царь проклятый, вот тебе дары, дай нам сроку трое суток спеть молебен с панихидой по усопшим душам». Калин-царю не понравилось, как Илья Муромец с ним разговаривает. Приказал он его связать-сковать и привязать к дубу-дереву. А потом Калин-царь говорит Илье Муромцу: «Русские люди хвастать любят, а сам ты теперь сидишь, как лысый бес». Тогда Илья Муромец взмахнул руками, — все путы полетели, и начал он их крошить. Перебил их великое множество.

КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ

№ 105

- А и бежала калика переходя
А от того от моря от Студеного,
Алатыря-камешка, Алатыря.
- 5 Она по три дни бежит, по три ночи,
Не пиваючи бежит, не едаючи.
Прибегала ко матке Елесей-реки,
Захотела калика тут попить и поись,
Она попить-поись и тут огня добыть,
Огня добыть, платье повысушить.
- 10 Не юспела калика опочиниться —
Накатается вдруг туча темная,
А бы тёмна туча, туча грозная:
Навалилося Ёрда неверная,
Прибегала собака — Кудреванко-царь,

- 15 Он со тим со зетем со Киршиком,
Он со тим со сыном со Миршиком.
У его, собаки, силы множество,
Прибегала ко матке Елесей-реки.
Он мосты мостил тут калиновы,
- 20 Перекладины кладет все дубовыя,
Переносится, собака, перевозится
Через ту-де матушку Елесей-реку.
Становился на поле Куликово,
Заставлявал шатры он чернobarхатны;
- 25 Ёт того-де от пару лошадиного,
От того ёт духу человеческа
А и поблёлко красно солнышко,
Помертвел батюшко светёл месяц,
А и потерялися ле тут да звезды частыя,
- 30 Звезды частыя, да зори ясныя.
А и ёго ле, у собаки, силы множество,
По праву его руку сорок тысячей,
По леву-ту руку сорок тысячей,
Переди собаки сорок тысячей,
- 35 Позади его да числа-смету нет.
Он кабы сам ён, собака, заговоршык злой,
Ён кабы стал по силы поезживать,
Кабы стал он силу заговаривать:
Не брала чтобы силу сабля вострая,
- 40 Не ломила бы палица буёвая,
Не кололо бы копейцо бурзомёцкое.
Он как ездил по силы да трои суточки,
Он как бы всю силу заговаривал;
Приежжат тогда-де ён да во черной шатёр,
- 45 Во черной шатер, да чернobarхатной;
Он садился тогда да на ремещат стул,
Брал чернила тогда да со гумагою,
Он писал тут ерлык-скору грамоту,
Он писал-де ноне да в стольный Киев-град,
- 50 Ко тому ко князю ко Владимиру;
Он просил у князя виноватого,
Виноватого да поединщика.
Написал ён ерлык, ой скору грамоту,
Он говорит, собака, Кудреванко-царь,
- 55 Говорил он своей силы-армии:
«Из вас бывал ли кто на святой Руси?
А по-руському кто говаривал,
По-немецькому протолмачивал?»
Приходило тут Тугарище поганое,
- 60 Говорит Тугарище поганое:
«Я бывал-де смала на святой Руси,
А маленько я по-руському говаривал,

- По-немецкому протолмачивал».
- А кабы это ноне Тугарище поганое:
- 65 Голова Югарища нонь пивной котел,
 Кабы юшница — да царски блюдища,
 Кабы глазища — да сильны чашища,
 Кабы ручища — да сильны граблища,
 Кабы ножница — да сильны кичинища,
- 70 Вышину-де сам — как трюх сажен,
 Шириной Югарище — коса сажень,
 Коса сажень да нонь печатная.
 Кабы это калика все увидела,
 Она все, калика, услышала,
- 75 А её оттуль — опять вперед пошла, —
 А идет калика в стольный Киев-град.
 Приходила калика в стольный Киев-град,
 Уж ко той ко грине княженевской,
 Как становилась под окошечко косяцато,
- 80 Как на то на место на калическо —
 Как просит тут милóстыню ради Христа,
 Как крычит она зычным голосом.
 А как в ту пору было, о то время,
 У того у князя у Владимира,
- 85 Погодился удалой доброй молодец,
 Кабы стар казак да Илья Муромец.
 Он глядел-де стар да вон на юлицу,
 Кабы в ту околенку хрустальную —
 Увидал калику перехожую.
- 90 Говорит тут стар казак Илья Муромец:
 «Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
 Ты пойди скоренько вон на юлицу,
 Ты на юлицу, да на круто крыльцо,
 Ты зови калику перехожую,
- 95 Ты зови калику, низко кланейся,
 Кабы эта калика да не плоха была».
 Уж и тут бы князь скоро не ослышался,
 Побежал он скоро вон на улицу,
 Выбегал-де скоро на круто крыльцо,
- 100 Он спускался скоро со крута крыльца,
 Кабы тут калике да низко кланялся,
 Говорил тут князь ей таково слово:
 «Ты пожалуй-ко, калика перехожая,
 Ты ко мне, ко князю ко Владимиру,
- 105 Уж во ту во гриню княженевскую,
 Ище хлеба ись да перевару пить,
 А затим у меня, у князя, чего Бог послал».
 Кабы скоро тут калика нонь идет ище
 Как во ту во гриню княженевскую.

- 110 Заходила тут во гриню княженевскую —
 Она Богу-ту ноньче молилася:
 Кабы крест кладет все по-писаному,
 А поклон кладет все по-учёному,
 А молитву творит полну Сусову,
- 115 На вси стороны калика покланяется,
 Как князю со княгиной на особнцу.
 Говорит тут старый таково слово:
 «Приходи-де ты, калика перехожая».
 И говорит тут старый таково слово:
- 120 «Уж ты ой есь, солнышко Владимир-князь!
 Ты сади нончи калику за дубовой стол
 И попить и поись, нонь покушати».
 На то ноньче князь да не ослышался.
 Как становят бы нонь скоро дубовой стол,
- 125 Как на стол бы носят всяки кушанья.
 И говорит тут солнышко Владимир-князь:
 «Ты садись-ко, калика, за дубовой стол
 Кабы хлеба ись да перевару пить,
 А затим от князя чего Бог послал».
- 130 А и бы тут ноньче калика перехожая
 Как садится скоро за дубовой стол
 Попить-поись, хлеба покушати.
 А бы садилось калнка перехожая
 Кабы пить да ись, хлеба кушати.
- 135 А и как пила-де, ела она досьта,
 А ходила скоро из-за стола еще,
 А из стола-де скоро да дубового,
 Кабы Богу ту помолилося,
 На вси стороны она поклонилосе,
- 140 И как спасибо она нонь дала ище,
 А садилосе на лавочку брусчатую.
 Уж как подходит удалой доброй молодец,
 Кабы стар казак, нонь Илья Муромец,
 Ён бы стал ю ей нонь все выспрашивать,
- 145 Ён бы стал у ей все выпытывать:
 «Ты откуль же, калика перехожая,
 Ты откуль идешь, куда путь держишь?
 Ты чего, дорогой шла, нонь видела,
 Ты чего, дорогой шла, нонь слышала?»
- 150 Уж как тут ему калика нонь ответ держит:
 «Я иду, калика перехожая,
 От того ле от моря, от Студеного,
 С Алатыря-камешка, от Латыря;
 Я бежала, калика перехожая,
- 155 Я бы по три дни бежала, по три ночи,
 Не пиваючи бежала, не едаючи,
 Прибежала я ко матки Елесей-реки,

- Захотела тут калика нонь попить-пойсь,
И попить-пойсь, да тут огня добыть,
160 Уж огня добыть, платье повысушить.
Не юспела я, калика, опочиниться —
Накатилосе вдруг тут туча темная,
А темна туча, туча грозная:
Навалилося бы тут Орда неверная,
165 Прибегал тут собака Кудреванко-царь,
Прибегал ко матки Елесей-реки.
Он как чрез ту-де Елесей-реку
Он мосты мостил все калиновы,
Перекладины кладет да все дубовые,
170 Переноситце собака, перевозитце
Через ту-де ноньче матку Елесей-реку.
Становилса на поле Куликово,
Заставливал шатры он чернобáрхатны.
У его ле, у собаки, силы множество:
175 По праву руку сорок тысячей,
По леву руку сорок тысячей,
Переди собаки сорок тысячей,
Позади его да числа-смету нет;
От того ле от пару лошадиного,
180 Ёт того ёт духу человеческа
Ой поблѣкло красно солнышко,
Помертвел батюшко светел месяц.
И как стал он, собака, по силы поежживатьь,
Кабы стал он силу заговариватьь,
185 Не брала чтобы силу сабля вострая,
Не ломила бы палица буевая,
Не кололо бы копейцо бурзомецкое;
Он как ездил по силы да трои суточки,
Приежжат тогда-де он во черной шатер,
190 Во черной шатер, да чернобáрхатной,
Он садилса тогда да на ремещат стул,
Брал чернильницу он да с гумагою,
Он писал тут ерлык, скору грамоту,
Он писал-де ноньче в стольный Киев-град,
195 Ко Владимиру ко князю, ко солнышку,
Он просил у князя виноватого,
Виноватого да поединщичка.
Написал ерлык он, скору грамоту,
Говорит-де собака Кудреванко-царь,
200 Говорит он своей силы-армии:
„Из вас бывал ле кто на святой Руси?
А по-руському кто говаривал,
По-немецкому протолмачивал?“
Приходило тут Тугарище поганое,

- 205 Говорило Тугарище поганое:
 „Я бывал-де смала на святой Руси,
 И маленько-де по-руському говаривал,
 По-немецкому протолмачивал“.
 А у этого Тугарища поганого,
- 210 Голова Тугарища с пивной котел,
 А ющища — да царски блюдища,
 А глазища — да сильны чащища,
 Как ручища — да сильны граблища,
 Как ножища — да сильны кичинища,
- 215 Вышиной Тугарище он трюх сажон,
 Шириной Югарище — коса сажень,
 Коса сажень да нонь печатная».
 Кабы все ёна им рассказала же,
 Кабы все ёно им разведала,
- 220 Ище тут нонь калика стала прощатися,
 Как бы тут калика опять вперед пошла.
 А кабы немного время миновалосе,
 Уж немного время прокатилосе —
 Приезжает Идолище поганое
- 225 Ко тому ко князю, ко Владимиру,
 И заходит он во гриню княженевскую,
 Он-де Богу тут он не молитце,
 Он кладет ерлык на дубовой стол —
 И оттуль-де он поворот дает.
- 230 Выходило Идолище вон на улицу,
 Он как подпадывал своим плечом правым
 Как под ту под гриню княженевскую —
 Задрожала гриня княженевская;
 Тут уехал он, Идолище поганое.
- 235 Кабы после того было, после этого,
 Уж погодилсе у князя у Владимира
 Кабы стар казак да Илья Муромец.
 Говорит тут солнышко Владимир-князь:
 «Уж ты стар казак Илья Муромец,
- 240 Мы как што мы станем ноньче делати?»
 Ой говорит тут старой таково слово:
 «Уж как делать-то нам пришло нечего —
 Собирать, видно, всех русских богатырей».
 Говорит тут-де солнышко Владимир-князь:
- 245 «Мы кого же нонь пошлем да за богатырьми?»
 Говорит тут стар казак Илья Муромец:
 «Как послать нам надо за богатырьми
 Как того Добрынюшку Микитича:
 Ой Добрыня Микитичь роду вежлива,
- 250 Он-де вежлива роду, сам очеслива,
 Он умет с богатырьми и съехаться,
 Он умет с има нще разъехаться».

- Как бы тут ноньчи Добрыня скоро снаряжатся,
Он и скоро, Добрыня, сподобляится,
255 Он пошел бы скоро вон на юлицу,
Он пошел к своему широку двору,
Он уздать-седлать своего коня доброго.
Как поехал Добрыня Микитич брат
Собирать всех русских богатырей,
260 Он как ездил, Добрыня, трои суточки,
Не пиваючи съездил, не едаючи,
И здоху коню не даваючи;
Как приехал тут Добрыня в стольной Киев-град,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
265 И как собрал всех русских богатырей.
Собралися все, да ёни съехались,
Уж не много и не мало тут было богатырей,
Собралися все ко князю ко Владимиру.
Говорят бы все руськи богатыри:
270 «Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромец!
Уж мы, что мы станем ноньче делати?»
Говорит им старой таково слово:
«Уж как делать-то ле нам да пришло нечего,
Надо ехать, видно, во чыстó полё».275 И говорит стар казак Илья Муромец:
«Уж вы ой еси, руськи богатыри!
Надо нам итти во божию церковь,
Во божью церковь Богу молитися,
Помолнтся Спасу Вседержителю,
280 А затим и Миколу-то Святителю,
А затим присветой мать Богородице,
Ой помолитися, благословитися».Кабы тут робята ноне вон пошли,
Приходили все робята ко добрым коням,
285 Как садилися робята на добрых коней —
И не видели их поездки богатырскойей,
Как тяжелой побежки лошадиной.
Только видели: робята вскочили,
На кони скóчили, в стремена стúпили —
290 Только видно: в поле курева стоит,
Курева стоит, дым столбом валит.
И когда едут они по полю по́ чистому,
Говорит бы тут стар казак Илья Муромец:
«Уж вы ой еси, руськи богатыри!
295 Нам поставить надо во чисто поле,
Во чисто поле нам белой шатер».Кабы они, робята, становилисе,
Уж поставили ноньче во чисто поле
Кабы бел шатер, да белобархатной,

- 300 Говорит тут старой таково слово:
«Мы кого же ноньче оставим во белом шатру
Берекчи ле, стерекчи золоту казну,
Золоту ище казну богатырьскую?»
Говорит на это юдалой доброй молодец,
- 305 Кабы тот Олешинька Попович брат,
Говорит Олеша таково слово:
«Нам оставить надо во белом шатру
Как старого казака да Илью Муромца».
Говорит тут старой таково слово:
- 310 «Не в уме же ты, Ёлеша, слово вымолвил —
Когда загромят ноньчи палицы биевые,
Забренчат ле собельки булатныя,
Не усидеть мне, старому, во белом шатру.
Нам оставить надо во белом шатру
- 315 Как того Добрынюшку Микитича —
Он как ездил собирал руських богатырей,
Собирал ездил трои суточки,
Не пиваючи ездил, не едаючи
И добру коню здоху не даваючи,
- 320 Как себе спокою не имеючи».
Ой как оставили Добрынюшку Микитича,
Как выходили они из бела шатра
И садилась тогда на добрых коней,
И поехали нонь по полю чыстому;
- 325 А как увидели тут силу нонь неверную,
Говорит тут стар казак Илья Муромец:
«Уж вы ой еси, руськи богатыри!
Вы иной едьте по праву руку,
Вы иной едьте по леву руку,
- 330 Сам я еду середкой, самой матицей».
Уж поехали на ту на силу, на армию,
Не здоровались робята, не крестовались,
Они стали палицами помахивать,
Как вперед махнут — лежит юлица,
- 335 Поперек махнут — переулками.
Они били тут, ломили трои суточки,
Не пиваючись да не едаючи,
Как себе спокою не имеючи,
Они били тут-де их да до единого.
- 340 Тогда собиралися робята ко белу шатру,
Собиралися, да все съехались,
Заходили все робята во белой шатер,
Говорит тут стар казак Илья Муромец:
«Нонь все ли приехали богатыри?» —
- 345 «У нас нет двух брата Долгополые,
Лука, Матвей, дети Петровские».
Говорит тут стар казак Илья Муромец:

- «Видно, нету их в живых нонь на сем свете».
- А как немного время миновалось,
 350 Как приехали два брата Долгополые,
 Как приехали они ко белу шатру,
 Выходили тут они во белой шатер,
 Говорит тут старой таково слово:
 «Уж вы ой еси, два брата Долгополые!
 355 Не считали мы вас живыми на сем свете».
- Говорят тут два брата Долгополые,
 Как Лука, Матвей, дети Петровские:
 «А бы кто нас может победить ноньче?
 Кабы было золото кольцо в земле,
 360 Поворотили бы мы мать землю,
 Как была бы ноньче на небо лестница,
 Мы пресекли бы всю силу небесную».
- Говорит им старой таково слово:
 «Уж вы ой еси, два брата Долгополые!
 365 Кабы эти ваши слова богопротивные».
- Не юспели тут братья попить-поись,
 Кабы эта сила вся восстала же:
 Как котораго секли надвое,
 Из того-де стало ноньче двое же,
 370 А котораго секли натрое,
 Из того-де стало ноньче трое же,
 Кабы прибыло же силы множество,
 Кабы вдвое, втрое, ноньчи веро...
 И кабы эта ноньче сила, нонь неверная,
 375 Находити им стала на белой шатер.
- Кабы тут все робята зволновалисе,
 Выходили кабы они из бела шатра,
 Как сажались они скоро на добрых коней;
 Опять они стали по силы нонь поезживать,
 380 Кабы стали силу нонь помахивать:
 Как вперед махнут — лежит улица,
 Поворот дают — переулками.
 Они били-рубил шестеры суточки,
 Не пиваючи, да едаючи,
 385 На учас здоху не имеючи,
 Кабы били они их до единого,
 Не оставили их не единого.
 Тут тогда это стало покоище,
 Кабы Маево стало побоище.¹

¹ «Конец былины был мне рассказан на словах, т. к. старинщик больше не мог петь: когда после битвы богатыри собрались в шатер, то увидели, что опять нет двух братьев Долгополых. Поехали искать их и нашли — они окаменели. Увидя это, Илья Муромец сказал: «Чем они похвалялись, тем и подавились». (Онч., с. 142).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

№ 106

- Кабы шла калика перехожая
 От того от города от Киёва,
 Ай настречю-ту калики доброй молодец.
 О, сошелса он с каликой, поздоровались,
- 5 Говорит на то удалой доброй молодец:
 «Ты уж ой еси, калика перехожая,
 Ты ёткуль ле нонь идёшь, да ты куда путь дёржишь?»
 Уж на то ему калика нонь ответ доржит:
 «Я иду ноньце из города из Киёва,
- 10 Я пошла ноньце собирать ищэ милóстыню».
 Говорит на то удалой доброй молодец:
 «Уж ты ой еси, калика перехожая,
 У вас 'сё ль нонь во городи по-старому?
 И во Кнёви у вас всё ле нонь по-прежнему?»
- 15 Говорит на то ему калика, ответ доржит:
 «И во городи у нас да не по-старому,
 И во Киёви у нас да не по-прежнему:
 Заселилось ведь ко князю ко Владимиру
 Кабы то ищэ Идолищо поганое,
- 20 Как не малоё-то Идолищо поганое:
 Вышину-де как Идолищо-то трёх сажён,
 Он-де трёх сажень, да он печатных,
 Ширину-де Идолищо — коса сажень,
 И коса где сажень да и печатная;
- 25 Голова-то у ёго силь(н)ёй пивной котёл,
 Кабы ушища у его, как царски блюдища,
 Кабы глазища у его, как сильни чашища,
 Кабы ручища у его, как будто граблища,
 Уж бы ножища у его — сильни кичинища.
- 30 Заселился он ко князю ко Владимиру,
 Как во ту его во грню княженевскую,
 Меж князём он сидит да меж княгиною,
 У княгины-то держит да руки в пазухи,
 Он пониже опускает руки — окол черева;
- 35 Кабы князь-от тут сидит нецё говорить не смет».
 Ка' сказала ему калика перехожая,
 Уж тому-де ка' удаду добру молодцу,
 Говорит на то удалой доброй молодец:
 «Уж ты ой еси, калнка перехожая,
- 40 Ты ёмменимсе со мной ты платьём четвным».
 Говорит на то калика перехожая:
 «Уж ты ой еси, удалой доброй молодец!
 У тебя-де нонь да платьичо хорошоё,
 У меня-то-де платьичо калическо,

- 45 Всё изношено у меня платьё, все изорвано.
 Уж на то-де молодец не соглашается,
 Говорил ён калики во второй након:
 «Уж ты ой еси, калика перехожая,
 А ёмнимся со мной ты платьём четвным».
- 50 Уж на то ёпеть калика вновь ответ доржит:
 «Уж ты ой еси, удалой доброй молодец,
 Уж на цё ты ле нонь да обзадорилса?
 У мня платьё на сибе да всё изношено».
 Говорит тут молодец да во третьей након:
- 55 «Уж ты ой еси, калика перехожая,
 Уж омнимсе с тобой мы платьём четвным».
 Уж на то ноньце калика соглашаласе,
 Скиныва́т она ' себя платьё калическо,
 Молодеч-от скидыва́ платьё хорошее,
- 60 Он ростёгиват у ся все ноньце пánзыри,
 Скиныва́т он ' себя платьё хорошоё,
 Отдават свое платъицо калики же,
 Он берёт ю калики платьё калическо,
 Надевал на себя платьё калическо,
- 65 А калика надел платьё молодечкоё.
 Они тут ионьце с каликой распростилисе,
 И калика оттуль ноньце вперёд пошла,
 Молодец-от-де пошел да ' стольнёй Киёв-град,
 А идёт молодец да ' стольнёй Киёв-град,
- 70 Он заходит тогда да в стольнёй Киёв-град,
 Он проходит ко цареву большу кабаку,
 Ко тому-де кружалу восудареву,
 Он становилса под окошечко кабачкоё,
 Где живут же чумаки да человальники;
- 75 Становилса под окошечко касявчато,
 Он крычал-де своим да зычным голосом:
 «Уж вы ой есь, чумаки-люди, человальники,
 Вы уж мерейте вина мне на петьсот рублей,
 Я как шел со той дорожки, я со дальнёй,
- 80 Со того устатку со великого,
 Кабы выпить я-де хоцю зелена вина,
 Уж как верьте мне вина вы на пятьсот рублей,
 Обзадорюсь молодец — куплю на тысячю».
 Уж глядят тут чумаки да человальники
- 85 Как сквозь то-де окошечко косявчето,
 Дак сквозь ту-де околнку хрустальнюю,
 Говорят-де чумаки ему, ответ держат:
 «Уж ты ой еси, калика перехожая,
 На тибе-то, винно, платъицо калическо,
- 90 Всё изношено у тя платьё, всё изорвано,
 Мы не верим те вина и на петь денежок».
 И оттуль калика ноньце проць пошел,

- Он зашел, калика, на большой кабак,
Тут сидят 'сё ле, пьют голи кабацкья,
95 Он зашел-де, с имá да поздоровался:
«Уж вы здравствуйте, вы голи 'сё кабацкья!»
Говорят на то-де голи-то кабацкья:
«Уж ты здравствуй, удалой доброй молодец!»
Говорит на то удалой доброй молодец:
100 «Юш вы ой еси, вы голи всё кабацкья!
Вы не можете ли как ле ноньце сложиться,
Э, не можете ли сложиться по гривенке,
Опохмелить меня, удала добра молодца,
Да с того мне-ка с устатку со великого,
105 Э, со той со дорожоцьки со дальнёй?»
И на то были-де голи 'сё догадливы,
Они сложились как 'се ле тут по гривенки,
Они взяли кабы тут нонь зелена вина,
И не много, не мало — полтара ведра,
110 Подавают тут удалу добру молодцу.
Он берёт ету цару единой рукой,
Он-де пьёт ноньце цару к единому духу,
Он за цярою сам рець выговариват:
«Окатило у молодца нонь ретивó серцо,
115 Не звеселило у молодца буйну голову».
Он растегивал ю ся нонь все и панцыри,
Скиныват он с себя да ноньце чуден крес,
Ож бы чуден-от крес да был серебряной,
Но весú тенёт крес его полтара пуда;
120 Отдават-де тут голям да 'сё кабацким,
Он-де сам говорит тут таково слово:
«Уж вы ой еси, вы голи се кабацкья!
Вы тащыте мой ле нонь да, право, чуден крес,
Вы тащыте крес во лавоцьку торговую,
125 Вы заложте мой крест да в петьсот рублей».
Вы на то были-де голи 'сё проворныя,
Потащили они-де скоро нонь серебрян крес,
И заложили нонь крес его в петьсот рублей,
Притащили ему денежок петьсот рублей,
130 Отдавают-де удалу добру молодцу.
Он как взял тут денежки петьсот рублей,
Он как стал тут пить да зелена вина,
Он бы сколько сам пьет, вдвое голей поит;
Он тут пил, молодец, время трон суточки,
135 Одолила тут его тягость тяжёлая,
Забрала его хмелинушка великая,
Заходил ён тут на пецьку на муравленку,
Он как зáспал, захрапел тут доброй молодец —
Он тут спит и тут храпит, будто порог шумит.
140 Как на то ле чумаки-воры человальники,
Они стали молодца ноньце побуживать,

- Кабы стали молодца нонь потресати нонь,
Уж бы сами говорят ему таково слово:
«Тебе полно же нонь спать, пара ставать,
145 А пара-де ставать, пара опревитсэ».
Его раз они будили и другой будят,
И третьей-от раз и шибко потресают его;
Кабы тут молодец да пробужаитсе,
Он соскакивал со печки со муравленки,
150 Он схватил тут чумака да за черны кудри,
Он здымал его повыше буйной головы,
Опускал чумака и о кирпичат пол —
Кабы тут чумаку и смерть случиласе.
Он и сам говорил и таково слово:
155 «Богатырское сердце зло-заплывчиво,
И заплывчиво серчѣ, и неуимчиво,
Как беду-ту я dospел, дак наб друга дось».
Он выскакивал бы скоро вон на улицу,
Пробегал-де ' подвалу-ту кабацькому,
160 Как ко тим-де ко дверям да ко широкиим,
Кабы двери-ти да ноньце плотно заперты,
Они заперты-де плотно, ныньце замкнуты,
И навешаны замки да 'сѣ весучия.
Он раствори́л 'се тут двери 'сѣ подвальния,
165 Пробегал-де ко подвалу-ту кабацькому,
Там лежат 'се как боцьки сороковацьки,
Уж лежат ищѣ боцьки ' зеленым вином.
Он как брал енну боцьку под праву руку,
Он другу-ту ле берѣт боцьку под леву руку,
170 И третью-ту ле он боцецьку пинком пинат.
Он вытаскивал на площадь на кабацькую,
Он расту́ливал тут боцьку сороковоцьку,
И уж сам тут говорил да таково слово:
«Ох вы ой еси, вы голи 'сѣ кабацькия!
175 Вы несите свою меру — повареноцьку,
Уж вы пейте вина у вас сколько моць берѣт,
Мы не будѣм же во городи виноваты же».
Кабы пьют кабы голи всё кабацькия.
Кабы после того, да после этого,
180 Уж пошел тут цюмачѣк, да целовальник же,
Он пошел нонь ко князю ко Владимиру —
Он пошел к нему с объявкой, жалобой ищѣ.
Он приходит нонь ко князю ко Владимиру,
Он как князю-ту бы начал всё рассказывать,
185 Как бы спѣрва, сначала, как нынь деелось.
Говорит чумак ноньце такovy слова:
«Уж ты ей еси, солнышко Владимир-князь!
У нас што же ноньце как ищѣ содеелось,
В кабаки-то ле нонь да состоялосе:

- 190 Приходила нам калика ко окошечку,
 Ко тому-де окошечку кабацькому,
 Как ревьёт у нас калика под окошечком,
 И просила у нас да зелена вина,
 И просила вина да на петьсот рублей,
- 195 Говорила калика ищэ таково слово:
 „(Й)обзадорюсь я ковда — куплю на тысецю!“
 Мы ювидели, што на ей платьё калическо,
 Мы сказали ей, калики перехожой:
 „Што как не по цё тебе дак ноньце верити,
- 200 На тибе-то, винно, платьицо калическо,
 Мы не верим те вина и на петь денежок“.
 Заходила тут калика на большой кабак,
 Тут сидят ' кабаки голи кабацкия,
 Уж зашла она, с голёми поздоровалась,
- 205 Говорила им калика таковы слова:
 „Уж вы ой еси, вы голи 'сё кабацкия!
 Вы сложитесь-ко все ноньце по гривенки,
 Вы возьмите-ко бы нонь да зелена вина,
 Опохмельте меня, удада молодца,
- 210 И со той меня со дальной дорожечки,
 Со того миня с устатку со великого!“
 Уж на то были-де голи 'сё догадливы,
 Они сложились как 'се скоро по гривенки,
 Они взяли тут ему да зелена вина,
- 215 Уж не мало, не много — полтара ведра,
 Подавают тут удалому добру молодцу,
 Он берёт эту цяру единой рукой,
 Он бы пьёт эту цяру к едину духу,
 Ишо сам тут говорит да таково слово:
- 220 „Окатило у мя, молодца, да ретиво серцо,
 Не звеселило у мя, молодца, буйну голову“.
 Скинывал он с себя да ноньце чуден крес,
 Отдавал-де тут голям 'сё кабацкиим:
 „Вы заложьте мой крес да во петьсот рублей“.
- 225 Заложили голи крес нонь во петьсот рублей,
 Как-де стал пить молодец да зелено вино,
 Он бы сколько сам пьёт, вдвое голей поит;
 Он тут пил, молодец, да трои суточки —
 Забрала его хмелинушка великая.
- 230 Заходил он тут на печку на муравленку,
 Он как з'аспал, захрапел тут доброй молодец.
 Уж мы стали, чумаки, его побуживать,
 Кабы стали молодца нонь потресати же —
 Пробудилсе тут удалой доброй молодец;
- 235 Он соскакивал со печки со муравленки,
 Он схватил тут чумака да за черны кудри,
 Он здымал его выше буйной головы,

- Опускал чумака о кирпичет пол —
 Кабы тут чумаку да смерть случиласе.
- 240 Он зревел молодец да таково слово:
 „Как беду-ту я доспел, дак наб друга дось!“
 Он выскакивал бы скоро вон на улицу,
 Подбегал ко подвалу ко кабачкому,
 Он топнул как тут двери сё подвальния,
- 245 Розломил, розорвал замки весучия,
 Ростворил 'се тут двери 'се подвальния,
 Пробегал-де ко подвалу ко кабачкому,
 Там лежат 'сё как боцьки сороковоцьки,
 Он как брал енну боцьку по праву руку,
- 250 Он другу-ту ле брал под леву руку,
 А третью-ту он-де боцецьку пинком пинал,
 Он вытаскивал на площадь на кабацкую,
 И уж сам тут говорил да таково слово:
 „Уж вы ой еси, вы голи всё кабацкия!
- 255 Уж вы пейте вино да сколько мощь берёт,
 Мы не будём-де во городи виноватые“».
 Кабы князь-от говорит тут таково слово:
 «Уж я што же ноньце могу ищэ делати,
 У миня у самого да на дому беда!»
- 260 Уж не много тут-де время миновалосе,
 Как приходит тут удалой доброй молодец
 Ко тому ищэ ко князю ко Владимиру,
 Он заходит ионь во гриню княженевскую,
 Он как Богу-ту ле тут да ныньце молитсе,
- 265 Он-де крес-де кладёт да по-писанному,
 И поклои-от он ведёт да по-ученому,
 И молитву творит 'сё полну Исусову,
 На вси стороны он нонь-де покланяетсэ,
 И князю-ту с княгиной на особину.
- 270 Как сидит тут Угарищо поганое,
 А тому-де он Угарищу челом не бьёт,
 Он челом ему не бьёт, да головы не гнёт,
 Как Угарин-от сидит на его зглядыват,
 Кабы зглядыват сидит, на его зворачиват.
- 275 Молодец-от становилса под окошечко,
 И под хóрошо, под красно, под трубно окно.
 Принесли ноньце Угарищу попить-поись,
 Принесли сперва коврижку дару божьяго,
 Он на нож ей воткнул — совсем челком пехнул:
- 280 'Щоки на щоку коврижку перемётывал,
 Уж енной щокой-де короцьку вываливал.
 Как сидит ле там удалой доброй молодец
 Как под хорошим, под красным, под трубным окном,
 Говорит же молодец да таково слово:
- 285 «Уж ты помнишь ле, князь, да паметуешь ле,
 Кабы прежде ю вас да ищэ деялось:

- У попа-то у ё́тца было духовного,
 Как была у попа корова, волочилосе,
 Алави́ной-де корова задавилосе?
 290 Кабы этому Угарищу же то́ будёт».
 А Угарин-от сидит, на его зглядыват,
 Он бы зглядыват на его сидит, зворачиват.
 Принесли ищэ Югарищу поганому,
 Принесли ему лебёдоцьку не кушену,
 295 И не кушену лебёдоцьку, не рушену.
 Он на нож ей воткнул, совсем челком пехнул,
 'Щоки на щоку лебёдку переметыват,
 Уж енной щокой косьё ищэ вываливат.
 Там сидит-де удалой доброй молодец,
 300 Говорит опеть-де ён да токово слово:
 «Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
 Уж ты помнишь ле, князь, да паметуешь ле,
 Как у вас-то во городи прежде было же:
 Как худа-де собака волочилосе,
 305 По сметьям собака-та шаталосе,
 Как собака-та и косью задавилосе?
 Кабы этому Угарину же то́ будёт».
 И Угарин нонь сидит, на его зглядыват,
 Кабы зглядыват, сидит, на его зворачиват.
 310 Он и тут ноньце Угарин осержаетсе:
 Он схватил свой, Югарин, нонь булатен нож.
 Он как бросил нонь в удала добра молодца,
 Он как бросил нож ему да в груди белья.
 Молодец-от был на то да был ухватчивой:
 315 Он схватил ноньце ножицёк за черешок,
 Он до ся ноньце ножик не допускивал.
 Говорил тут молодец да таково слово:
 «Уж ты ой еси, ты солнышко Владимир-князь!
 Ты велишь мне-де кровавить свою гриню же?»
 320 Говорит на то солнышко Владимир-князь:
 «Я не знаю ле, как вам нонь присоветовать».
 Он сьмаёт, молодец, ' себя пухов колпак,
 Он завёртывал колпак да на три югла же,
 Он как бросил колпаком ноньце в Угарища,
 325 И во ти-де его да груди чёрныя —
 Повалилса тут Югарин вон на юлицу
 И со всем ле с простенком межоконным.
 А на то был молодец опеть ухватчивой:
 Он на улицу-де скоро нонь выскакивал,
 330 Кабы на пол-де Югарища не уранивал,
 На подлетнке его да нонь подхватывал,
 На енну его ногу ступил, другу оторвал —
 Кабы бросил его тулово во чысто полё,
 Там черным-то воронам на воскурканьё,

- 335 Он серым-то волкам да на востарзаньё,
Там как синёму всему морю на утншаньё,
Кабы всим нам, молодцам, да на послуханьё,
Кабы старым старухам да на долгой век.

№ 107

- А из далече-далече, из чиста поля,
Из того же из роздолья из широкого,
Наежжала 'сё калика, всё убогая,
Кабы та же сиротина да переходящая.
- 5 Со пути ле, со дорожки да приусталосе,
Захотелосе калики да опохмельтьсе,
А пошел-то ле калика на царёв кабак,
А на то же ле он кружало да высударево.
А пришел-то ле он, калика, да во царев кабак,
- 10 А сидят тут нонь как голи да всё кабацкия,
Говорит-то им калика таково слово:
«Уж вы ой есь, право, голи да всё кабацкия!
Уж вы сложите-тко-сь, вы, голи, да по копеечке,
А возьмите-тко-сь вы, голи, да нонь косушечку,
- 15 Опохмельте-ко вы, голи, да добра молодца».
Кабы сложились все голи да по копеечке,
Кабы взяли, право, голи одну косушочку,
Опохмелили калику да добра молодца.
Кабы начал тут калика, да стал похаживать,
- 20 Кабы крепко каблуками да пол притаптывать:
«Уж вы ой есь, чумаки да человальники!
Вы отмерейте вина мне-ка на петьсот рублей,
Я петьсот-то ле пропью — возьму на тысячу».
А не меряют ему на одну копеечку.
- 25 Говорит-то им калика во второй након:
«Уж вы ой есь, чумаки да человальники!
Вы отмерейте вина мне на петьсот рублей,
Я петьсот-то ле пропью — возьму на тысячу».
А не верят-то ему на одну копеечку.
- 30 Кабы снял-то он с себя да, право, чуден крес,
Кабы стоит этот крест да во петьсот рублей,
В долину-ту этот крест, право, три четверти,
В ширину этот нонь крес, право, две четверти,
В толщину-ту этот крес, право, чела четверть.
- 35 Кабы бросил им за стойку да за кабацкую:
«Вы отмерейте вина мне-ка на петьсот рублей,
Я петьсот-то пропью — возьму на тысячу».
Не берут-то чумаки его ле чуден крес,
А не меряют вина ему на копеечку.
- 40 А то взял-то назад как свой чуден крест,
А схватил он чумака да за черны кудри,

- Кабы вытащил из-за стойки из-за кабацкоей,
 Кабы адынул-то его как выше головы,
 А свиснул-то нонь его да о кирпичат пол —
- 45 Кабы тут ле чумаку да смерть случилось.
 А одна-то беда случилась, надо друга дось,
 Побежал-то он ко дверям да ко подвальниим,
 А топнул-то он ле двери да как подвальния —
 А сломил ноньце он двери-ти подвальния.
- 50 А берёт он сороковку во праву руку,
 А другую сороковку да во леву руку,
 А третью-то сороковку да он пинком пинат —
 Кабы выхватил на площадь на широкую,
 Роздубанил сороковки да с зеленым вином:
- 55 «Уж вы ой еси, вы голи да все кабацкия!
 Кабы пейте вы вина да сколько хочите,
 Сколько хочите вы пейте, сколько можите,
 Поминайте вы калику да добра молодца,
 А старого-де казака да Илью Муромца!»

№ 108

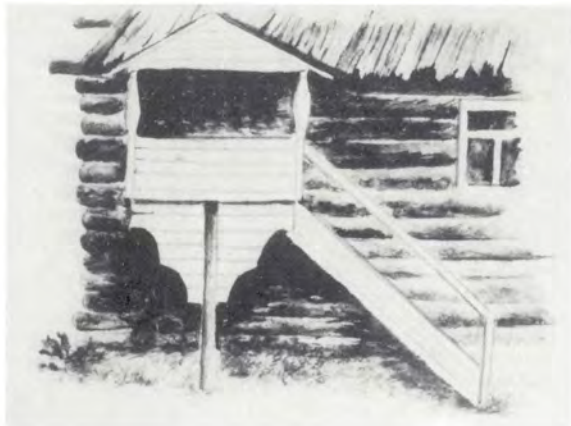
- Шла калика переходящая
 Из города из Киева.
 Настрету ей, калике,
 Старой козак Илья Муромец.
- 5 «Здравствуй, добрый молодец!» —
 «Здравствуй, калика переходящая,
 Откуль идёшь, откуль путь держишь?»
 Говорит ему калика переходящая:
 «Я иду из города из Киева,
- 10 От того от князя от Владимира». —
 «Всё ли у вас в городе по-старому,
 Всё ли у вас в городе по-прежнему?»
 Отвечат калика переходящая:
 «У нас в городе не по-старому,
- 15 У нас в городе не по-прежнему:
 Завезалось Издолище поганое
 Ко тому ко князю ко Владимиру во гриню во столовую.
 Сидит он меж князём да меж кнегиною,
 У кнегине держит руки да в пазухе,
- 20 Пониже пупа около цёрева,
 А князь не смел ему слова вымолвить».
 Говорит тогда старой козак Илья Муромец:
 «Ох ты ой еси, калика переходящая,
 Сменяемся мы с тобой платьем цвётным».
 (У калики како уже платье!)
- 25 Говорит калика переходящая:
 «У мя платье каличие,

- У тебя платье молодецкое,
Не меняю я с тобой».
Просит его козак во второй након.
30 На это калика опять не соглашается.
Стал просить его в третьей након.
Тут калика соглашалась.
И поменяли они платье, которо можно было.
Поехал старой в стольне Киев-град,
35 Не доеждает до города — слезавал с добра коня,
Спустил коня в чисто поле,
Сам пошел в стольне Киев-град.
По первости зашел на царев кабак:
«Здравствуйте, чумаки-целовальники,
40 Опохмельте мя, калику, с пути-дорожецки!»
Говорят чумаки-целовальники:
«По разговору стоишь оправить тебя,
По платью не стоишь ни одного гроша».
Были тут голи кабацкие.
45 «Ох вы ой еси, голи кабацкие!
Уж вы сложьтесь по гривенке, —
Опохмельте калику с пути-дорожецки!»
На это были голи ухватливы да и догадливы,
Сложились они все по гривенке,
50 Купили зеленá вина,
Чару в полтора ведра,
Подали калике перехожей.
Брал он чару единой рукой,
Выпил он чару к единому духу,
55 Звеселило тогда его ретивое сердце,
Скиневал с себя чунный крест,
Который стоит ему петьсот рублей,
И говорит он голям кабацким:
«Ох вы ой еси, голи кабацкие!
60 Вы снесите мой крест,
Заложьте в лавку торговую,
Заложьте его в двухстах рублях».
На то голи были ухватчивы,
Потащили его крест в лавку торговую
65 И заложили его в двухстах рублях,
И притащили денежки и отдали калики перехожаей.
Пил он вина по надобью и голей поил,
Напилса он допьяна,
И зашел на печку на муравленку,
70 И спал-храпел богатырским сном
Целы трое суток.
Стали его будить чумаки-целовальники,
Ото сну он тогда пробуждается,
Соскакивал он на кирпичен пол,

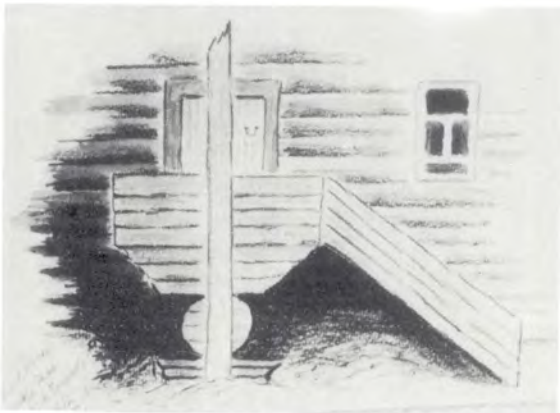
- 75 Схватил чумака за черны́ кудри́,
 При́знял он его выше буйной головы,
 Спустил он его на кирпи́шат пол —
 Тут чумаку смерть случилась.
 «'Ну беду сделал, надо другу сделать —
- 80 Не буду я в городе виноватый».
 Выходил он скоро вои на уличю,
 Стоптал и сломал двери подвальных,
 Стал выкатывать бочки сороковочки с зелёным вином
 На площадь на кабацкую.
- 85 Сказал голям кабацким:
 «Пейте, голи, вина, сколько надобно, —
 Не буду я в городе виноватый».
 Побежали чумаки-человальники
 Ко князю с желобью.
- 90 Говорят чумаки-целовальники:
 «Ох ты ой еси, Владимир-князь!
 Пришла к нам калика перехожая,
 Пила она сколько надобно,
 Убила чумака-человальника,
- 95 Выкатила бочки сороковочки
 На площадь на кабацкую
 И поила голи кабацкие».
 А князь им слова не вымолвил.
 Узнал князь: эта калика — не худа блоха.
- 100 Скричал он своих слуг верных:
 «Запрегайте вы тройку лошадей
 На царев кабак,
 Зовите вы калику перехожую
 Хлеба-соли кушать и переваров пить!»
- 105 На то слуги были догадливы,
 Запрегли они лошадей и поехали на царев кабак,
 Зовут они калику перехожую
 Ко князю ко Владимиру.
 Отвечает калика перехожая:
- 110 «Мне не надо ваших лошадей, да я пешком иду».
 И приходит он ко князю ко Владимиру.
 Заходит он во гриню во столовую,
 Молитця он, на все стороны поклоняетце,
 А князю со кнегиней во особицу,
- 115 А поганому Издолишшу челом не бьёт, головы не гнёт.
 Попонсят ему на стол лебёдушку не кушанную, не рушеиную,
 На нож ее воткнул и в гортань пихнул,
 С щоки на щоку лебёдку переваливал,
 Нижней щокой косьё вываливал.
- 120 Говорит тогда калика перехожая:
 «Помнишь ли, князь, помятуешь ли?
 У попа была у отца собака, у Ростовского,

Тип избы. Усть-Цильма.

Старое крыльцо. Дер. Оксина.

Старинное крыльцо. Д. Великая Виска.

Старое крыльцо. Дер. Оксина.

Крыльцо. Усть-Цильма.

Тип избы. Дер. Абрамовская.

Избы и амбары. Дер. Андег.

Изба Ф. Головиной. Дер. Оксина.

Тип крестьянского двора. Дер. Степановская.

Дом «попа Сидора». Дер. Скитская.

Избы. Дер. Андег.

Тип крестьянского двора. Дер. Лабожская.

Деталь избы. Дер. Лабожская.

Амбары. Дер. Андег.

Старый сарай. Усть-Цильма.

Амбар. Дер. Андег.

Сушка кошенины на взвозе. Дер. Лабожская.

Старая изба с разрушенным взвозом.
Дер. Оксина.

Часовня. Женщина в «совике».
Усть-Цильма.

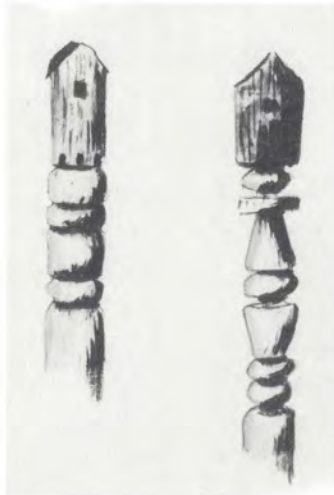
Носка кошенины.
Усть-Цильма.

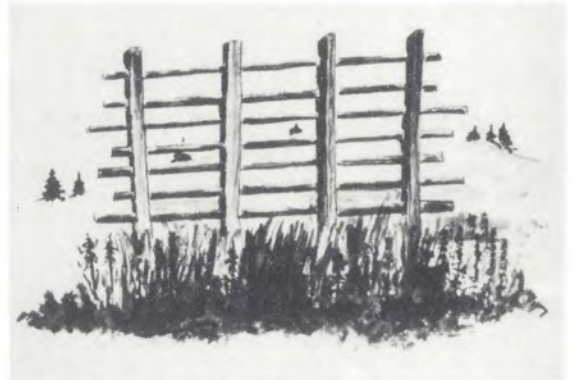
Верхушка «журавля»
у колодца.
Дер. Никоновская.

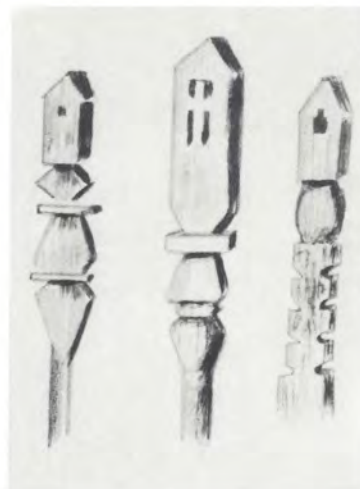
Могильные столбики
на кладбище
самосожженцев.
Дер. Скитская.

Могильные столбики.
Дер. Скитская.

«Зарод» для сушки сена. Усть-Цильма.

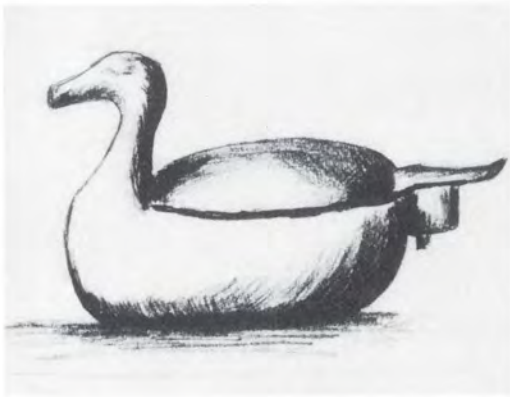
Могильные столбики.
Дер. Скитская.

Приспособление
для витя веревков.
Дер. Скитская.

Деревянный флюгер.
Дер. Никоновская.

Уточка-солоница. Дер. Загривочная.

Старинный наряд. Усть-Цильма.

Старик в «совике». Усть-Цильма.

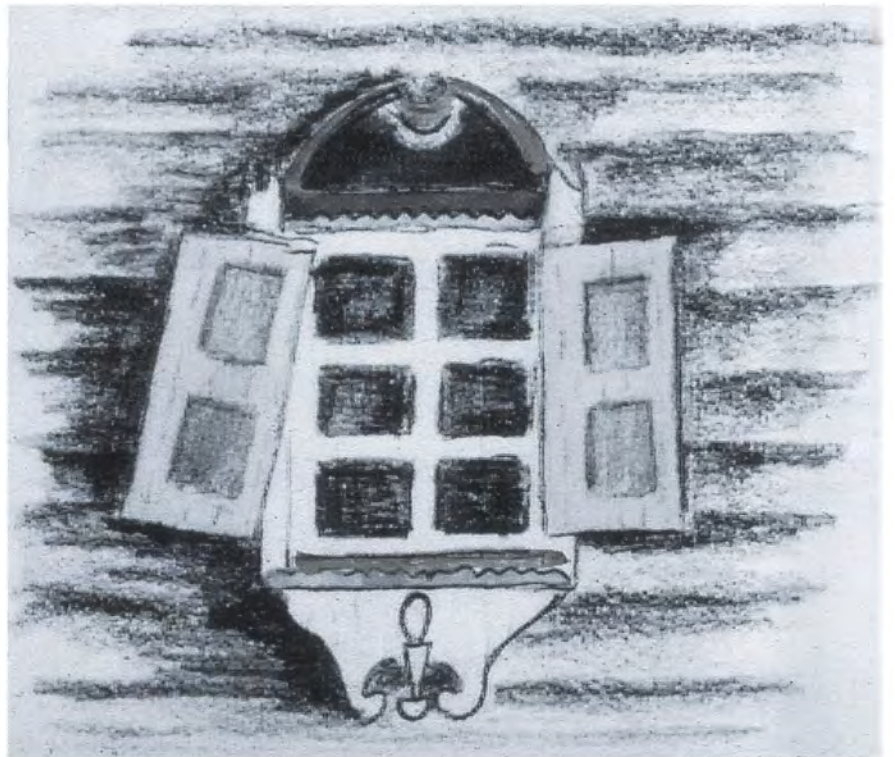
Туес. Усть-Цильма.

Архитектурная деталь. Дер. Оксино.

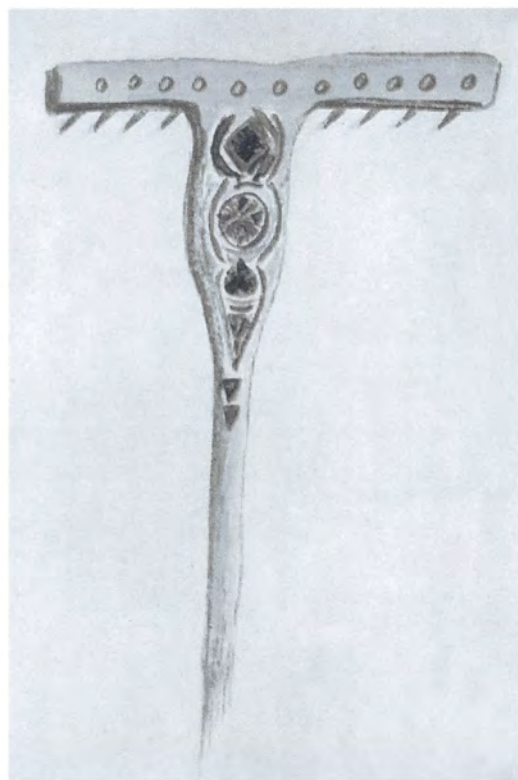
Архитектурная деталь. Дер. Оксина.

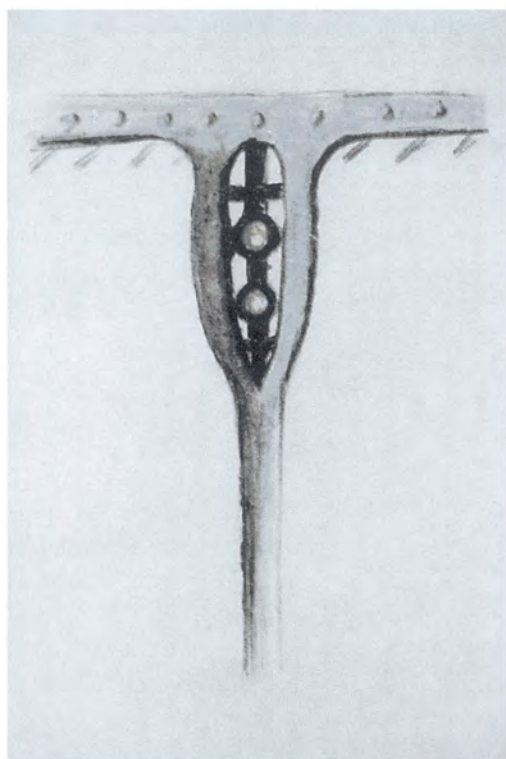
Архитектурная деталь. Дер. Оксина.

Прялка. Усть-Цильма.

Грабли. Дер. Замежное.

Грабли. Дер. Замежное.

Рукавицы. Усть-Цильма.

Могильные столбики. Дер. Скитская.

Погост самосожженцев. Дер. Скитская.

Печора, д. Абрамовская. Рис. Н. П. Колпаковой, 6 авг. 1955 г.
Отдел фольклора. Государственный институт истории искусств (СПб.).

- По сметьям она, собака, таскалася да костью подавилася».
- Понесли ему коврижечку хлеба тоже не кушану и не рушану,
- 125 С щоки на щоку коврижечку переваливал,
Нижней щокой корки вываливал.
Говорит тогда калика таковá словó:
«Помнишь ли, князь, помятуешь ли?»
У попа у отца у Ростовского была коровища,
- 130 По сметьям шаталася да шалом подавилася».
Издолище сидит поглядыват да осержаетця.
Принесли ему, Издолищу, ушат воды,
Выпивал он этот ушат воды,
Говорит тогда калика таковó словó:
- 135 «Помнишь ли, князь, помятуешь ли?»
У отца у попа у Ростовского
Была кобыла водовозная,
Много она пила воды и захлебнуласе,
То же будет и этому Издолищу».
- 140 Схватил он булатный нож, Издолище поганое,
Бросил в калику переходящую булатным ножом самым остриём,
На полёте нож калика подхватывал за самый черешок,
Говорить стал калика князю таковы словá:
«Можно ли, князь, гриню твою кровавити?»
- 145 И положил нож в пухов колпак,
И свернул пухов колпак на три угла,
Бросил он в Издолище поганое,
И попал он в Издолище поганое —
И повалился Издолище на улицу со всем с простенком.
- 150 Выскакивал он на улицу, калика переходящая,
Онну ногú оторвал Издолищу и бросил воронám на съедение.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ

№ 109

- Кабы ездил старóй по чистú полю́,
А и стрелял гусей, белых лебедей,
Аще побивал малых утёнышков.
Наеждют на старого станичники-подорожники,
- 5 Да хотят старика бити-грабити,
А с конём, с животом разлучить хотят.
Говорил им старóй во первóй након:
«Уж вы ой еси, робята вы станичники,
Вековы вы собаки, да подорожники!
- 10 А и бить ведь меня, старого, не за что,
А и взеть-то у меня нонече нечего:
Кабы дело моё заезжее,

- Кабы хлебцы у мя есь завозные,
Золотой казнѣ у мя с собой нѣ взето,
- 15 Только есь у мя да худа гунюша,
Худа гунюшка есь да кунья шубонька,
Не много стоит она — всего петьсот рублей».
А на то-де станичники не варуют,
А хотят старичка бити-грабити,
- 20 Да с конѣм, животом разлучить хотят.
Говорил им старой второй закон:
«Уж вы ой еси, робята вы станичники,
Вековы вы собаки да подорожники!
Уж вам бить меня вовсе не за что,
- 25 А и взеть у мя нынче нечего».
А на то-де станичники не варуют,
Поблизешенько ко старому подбираются.
Кабы взял нонь старой тугой луцок,
Да направил он калену стрелу,
- 30 Да и стрѣлил старой нонь в сырой дуб,
А разбил дуб в мелки дребезги.
Кабы тут-де станичники умолкнули,
Приумолкнули вси, да угрогнули:
А увидили они промежу себя — много мѣртвых есь.

№ 110

- Кабы ездил-де стар да по чисту полю,
По широкому роздольцу розгуливал,
Он гоня лисиц да серых заецей,
Он крыластых, перастых, перелетистых.
- 5 Тут наехали на старого станишники,
Вековецьны они подорожники.
Как хотят старика а бити-грабите,
Как с конѣм, животом розлучить хотят.
«Вы поедьте, робята, вы назад домой!
- 10 Только есь-де у вас да молодѣ жонѣ,
Только есь-де у вас да отци-матерѣ.
А взеть у мя вам нецего:
Золота казнѣ с собой нѣ взета,
А ведь дома у мя не осталосе».

№ 111

- Кабы да ездил старой да по чисту полю,
По тому ли раздолью по широкому,
Да стрелял он гусей да белых лебедей,
Побивал да он малых утѣнышок.
- 5 Наезжают на старого все станичники,
Как хотят да старика-то бить, ограбити,

- И с конем и с животом разлучить хотят.
 Говорит тут старóй да во первóй након:
 «Ой еси, ребята вы станичники,
 10 Вековы вы собаки-подорожники!
 Уж вам бить-то меня да вовсе не за что,
 Вам взять-то у меня теперь нечего:
 Как дело-то у меня-то здесь заезжее,
 Хлебы-то у меня завóзные,
 15 Золотой у меня казнý с собой нé взято,
 Только есть у меня худá гúнишка,
 Хúда гúнишко да лисья шúбешка,
 А немножечко стóит она — восемьсот рублей».
 Как тому ли станичники не веруют,
 20 Всé поблизёшеньки к старóму подвигаются,
 Хотят старика да бить-ограбить,
 С конем, с животом разлучить хотят.
 Говорил тут старóй во второй након:
 «Ой еси, ребята вы станичники,
 25 Вековые вы собаки-подорожники!
 Уж вам бить-то меня да вовсе не за что,
 Уж вам взять-то у меня нечего:
 Уж дело-то у меня-то заезжее,
 Хлебы-то у меня все завóзные,
 30 Золотой казнý с собой нé взято».
 Тому ли станичники не веруют,
 Приблизёшенько к старóму да подвигаются,
 А хотят ли старика бить-ограбить,
 С конем, животом разлучить хотят.
 35 Говорил старóй да в третей након:
 «Ой еси, ребята да вы станичники,
 Вековые вы собаки-подорожники!
 Уж вам бить-то меня да вовсе не за что,
 А взять-то у меня теперь нечего:
 40 Дело-то у меня всё заезжее,
 Уж как хлéбы-ти да у меня все завозные,
 Золотой у меня казнý с собой нé взято».
 Тому ли станичники не веруют,
 Приблизёшенько к старóму да подвигаются,
 45 Как хотят ли старика да бить-ограбить,
 С конем и с животом разлучить хотят.
 Берет тут старóй да как тугóй лучок,
 Натягиват тетивочку шелкóвую
 И накладыват стрелочку калёную.
 50 Стрелнл старóй да всё в сýрой дуб,
 Он разбил, растрепал его в мёлки дрéбезги.
 Тогда ль станичники приумолкнули,
 Приумолкнули они и приужáхнулись,
 Посмотрели они да промеждú собой:
 55 Промеждú собой много мёртвых есть.

№ 112

- Ездил старóй да по чистýм полям,
Холмы ронял да ляги спáлкивал.
Наехали на старóго станишники,
Бить-де хотят да старóго, грабити,
- 5 [С] конем, животом его да разлучить хотят.
Говорит им старóй да таковы́ слова:
«Уж вы ой еси, да люди вольные,
Люди вольные да привольные!
Уж вам бить меня да грабить не за что,
- 10 У меня, у старóго, брать вам нечего,
У старóго есь у меня онна́ бúна-бúнушка,
На себе она у меня шúбишка,
Сама-то шуба стоит во пятьсот рублей,
На этой шубы есть у меня тридцать три пуговки,
- 15 Тридцати пуговкам у меня цена есть —
Кáжна пуговка стоит пятьсот рублей,
А трем-то пуговкам цены им нет:
Онна́-то пуговка из зláта-сéребра,
А втора-то пуговка — чíсто зóлото,
- 20 А третья-то пуговка — жемцуження».
Не поверили старóму станишники,
Не поверили его рецам богаты́рским,
Сошлись они да сразилисе
Во чистом поли да во раздольице.
- 25 Сняли старóго они со добра́ коня,
И схватились они да во охáпочках.
Бились они, дрались да трое сутоцек.
Попросил старóй себе в пóмочь да добра́ коня,
Помолил себе он да Господа Бога:
- 30 «Уж ты ой еси, да лошадь добрая,
Лошадь добрая да богаты́рская!
Помоги-ка-се да моему горю,
Победить этих станишников».
Расходилсе его конь да во чистóм поле,
- 35 Помогать стал своему богáтырю-хозяину,
Бить-ломать копы́тама вóстрыма
Этих он врагов, станишников.
Помог он своему богáтырю-хозяину,
Повыбил старóй со своим добры́м конем,
- 40 Повыбили они станишников —
До единого они да во чистóм поли,
Со своим-то он да со добры́м конем.
Стал товды старóй да на резвы́ ногы́,
Помолилсе он да Господу Богу:
- 45 «Спас меня да свет небесной царь».
Поехал старóй да из чистá поля.

№ 113

♩ = 144

Ка_бы е_з(ы)_дил-де ста_рый да по чкс_ту по_лю,
 Он стре_лял - де гу_сей да бе_лых ле_бе_дей,
 Он и се_рых ли ма_лень_ких ву_тя_ты_шов.
 Как на_е_ха_ли на ста_ро_го ста_ни_ч(и)_ни_ки,
 Как хо_тят - де ста_ро_го би_ти, гра_би_ти...

Кабы ездил-де старый да по чисту́ полю

[По широкому да по раздольцу].

Он стрелял-де гусей да белых лебедей,

Он и серых ли маленьких вутятышов.

5 Как наехали на старого станичники,

Как хотят-де старого бити, грабити.

[Уж и говорил им стар да во первой након:]

«Уж и бить-то ле [меня], старого ле, не за что,

Уж и взять вам у старого ныиче нечего,

10 Золотой казны да с собой не взято,

Только есть у стара худа шубишко,

Худа шубишко да худа гунишко,

Дорогой ценой — да стоит сто рублей,

Дешевой ценой — да пятьдесят рублей».

15 Как станишники на то они не варуют,

Как хотят старо́го бити-грабити.

Говорил им старой во второй након:

«Уж и бити вам меня да ныиче не за что,

Уж и взять у меня да ныиче нечего,

20 Золотой казны с собой не взято,

Только есть у стара худа шляпишко,

Дорогой ценой стоит пятьдесят рублей,

Дешевой ценой — да ровно двадцать пять».

Как станишники на то оне не варуют,

- 25 Как хотят да старого бити-грабити.
 Говорил им старой во третей након:
 «Уж и бити вам меня не за что,
 Уж и взять у меня да нынче нечего,
 Золотой казны с собой не взято,
- 30 Только есть у стара сабля вострая,
 Сабля вострая есть да некровавлена».
 Как станичники на то оне не варуют,
 Как и стали за старого приниматися.
 Говорил им старой во четвёртой раз:
- 35 «Уж и бити вам меня не за что,
 Уж и взять у меня да нынче нечего,
 Золотой казны с собой не взято,
 Только есть у стара конь бел, как снег».
 Туту стал старой по силушке поезживать:
- 40 На праву руку махнёт — цела улица,
 На леву руку махнёт — переулочек.
 Сколько рука секёт, столько конь топчёт.
 Станичники стали ему конатися:
 «Уж ты гой еси, старой казак Илья Муромец!
- 45 Ты оставь из нас хошь три имени!» —
 «Я оставляю вас да нездоровых!»
 Как у первого глаза-те вытыкал,
 У второго отсек да руки белые,
 У третьего отсек да ноги резвые.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

№ 114

$\text{♩} = 100$

Как бы кто е - шё с(ы)_ка - за - л(ы)ны_к(и)_че про ста - ро - ё,

Про ста - ро - ё с(ы)_ка - за - л(ы)нам да про - (о) бы - ва - ло - ё,

Про то - го - де ста - ро - го да И., И_л(и)ю Му - ромца.

Уж ка_к(ы) мяо - го - де ез - ди_л(ы) И., И_л(и)я Му - ро - мец,

Ой, по чыс - ту - то по - лю о - н(ы) всё по - ля - ко - вать,
 О - чи - ща - л(ы) - де ста - рой - (и) до - ро - щ(и) - ки да пря - мо - ез - жи - я,
 Он сто - я - л(ы) е - щё за Рос - си - ю - щ(и) - ку свя - ту - ю Русь,
 Да е - ще то - го сто - я - л(ы) о - н(ы) всё - (о) за Ки - е - (и) - град.

- Как бы кто ещё сказал нынче про старое,
 Про старое сказал нам да про бывалое,
 Про того-де старого да Илью Муромца.
 Уж как много-де ездил Илья Муромец,
- 5 Ой по чысту-то полю он всё поляковать,
 Очищал-де старой дорожки да прямоезжия,
 Он стоял ещё за Россиюшку — святую Русь,
 Да еще того стоял он всё за Киев-град.
 Ай пришло тепере да времечко ему —
- 10 Состарилсе старой наш Илья Муромец,
 Ай головушка у Илюшоньки посёдела,
 Очи ясные у него да притупилися,
 Ай он стоял-де за веру да христианскую,
 Да ещё стоял за князя-та за Владимира,
- 15 Да тех-де вдов, сирот дак малых деточёк.
 Уж как пришла однажды ему дак мысль в голову:
 Я уж съезжу ещё дак во чисто полё,
 Ай последний раз, видно, ещё постою-то я.
 Ах поехал Илья как во чисто полё,
- 20 Да наехал ле он дак на чудо чудное —
 Ай горечь камень лежал дак край дорожочки.
 На горячо(м) камне-де надписи написаны:
 Уж как в правую дорожку ехать — убиту быть,
 Ай прямоезжую дорожку ехать — жонату быть,
- 25 Во леву руку-де ехать — да всё богату быть.
 «Ай как во леву руку поеду, да где богату быть, —
 А нашто мне, старому-то, богачество?
 Как пряму дорогу ехать, да где жонату быть, —
 Ай зачем же мне нынче жонату быть?»

- 30 Уж поеду в ту дорожку, да где убиту быть».
Отъезжает Илья дак за три поприща,
Наезжает на станичников-разбойничков,
Ай станичники-разбойнички ровно да трёх ли сот.
Увидал тогда атамаи-от их, разбойников,
- 35 Ай скричал тогда разбойников атаманушко:
«Уж вы гой еси, мои все ли разбойнички!
Вы поймите-ко сего дак старого казака,
Вы снимите-ко его дак со добра коня,
Отрубите ему-де буйну да голову!»
- 40 Отвечает на то им Илья Муромец:
«Уж вы гой еси, станичники-разбойнички!
Уж вам нечо у меня дак убиёте дак ограбити,
Только есь у меня наличных три-де тысячи,
Да ещё на мне кунья шубонька стоит тысячу,
- 45 Да ещё ли добру коню цены-то нет.
Уж вы гой еси, станичники-разбойнички!
Ай дайте вы старому да мне поправитце,
Тогда станите вы сами старому кланятце».
Вынимаёт тогда дак он свой тугой лук,
- 50 На... й налаживал он в лук дак калену стрелу,
Говорит-де Илья дак таково слово:
«Уж вы гой еси, станичники-разбойнички!
Я стрелять-то ле буду по вам дак каленой стрелой,
Аль я стрелю-де лучше да во сырой дак дуб».
- 55 Он стреляет калену стрелу во сырой дуб —
Сырой дуб-от от стрелы дак весь расщепалсе,
Ай станичники-разбойнички все попадали.
Говорит тогда ему атаман-разбойничок:
«Уж ты гой еси, старой дак Илья Муромец!
- 60 Ты оставь-ко-сь нас еще дак на семена».
Отвечает Илья ему таково слово:
«Вы садитесь-ко на своих дак на добрых коней,
Поезжайте вы все дак ко домам своим,
Ко отцам-то ле, ко матерям, молодым жонам,
- 65 Уж вам полно здесь лить кровь неповинную».
Собралися все разбойнички, поклонилися
И сядились на добрых коней, поехали,
А Ильюшонька обратно да он путь держал
Ко тому-де ко камешку горячому.
- 70 Он как старую там запись всё захеривал,
А он новую-де запись да сам подписывал:
«А как ездил я в ту дороженьку, где убиту быть,
Но не так-то тут ведь дело да всё случилосе,
Ай вернулсе я назад, дак ста... старый казак,
- 75 Ай старый казак вернулсе, да Илья Муромец.
Ай поеду теперь, дак где жонату быть».
И отъехал от камешка ровно три поприща,

- Он наезжает он-де на горяч камень,
На горяч камень наезжает да на великой.
- 80 Ай написано на камню да всё-то ле, хто богату быть.
Уж девитце Илья такой тут записи,
Говорит сам собой дак таково слово:
«Уж я век-де ездил да по чисту полю,
Экого чуда я дак не наезживал».
- 85 Соскочил тогда Илья дак со добра коня,
Он к могучему-де камешку подпадывал,
Ай своим-то ле дак могучим плечом
И как серой камень оттуда он отваливал —
Там увидал погреба-ти да всё глубокии,
- 90 В погребах-то там лежит дак золота казна.
Илья тому нинче дивуетце:
А и кто здесь хозяин той золотой казны?
Он набрал только себе дак золотой казны,
Сколько смог его-де конь дак ето всё поднять.
- 95 Он отвёз-де золоту отсюда ле прочь её,
Роздаёт золоту казну нищей братии.
Ай приехал опять дак ко горечу камню,
Он-ка старую-ту подпись да всё захеривал,
А как новую подпись всё подписывал:
- 100 «Ай ездил я в ту сторону, где богату быть,
Но нашто жо мне богатство на старости,
Ай теперей поеду, да где жонату быть».
Отъезжает от камешка за три поприща,
Наезжает Илья да на терема златоверхие,
- 105 А увидали тогда его дак там все нянюшки,
Уж как не много, не мало — да ровно тридцеть девицей,
Тридцеть девушек встречают да добра молодца,
Ай сьимают его дак со добра коня,
Да берут-де за... старого за белы руки,
- 110 Ай заводят его дак в гридни светлыи,
Там княгинюшка его дак всё встречает ли,
Ай встречала его, дак добра молодца:
«Уж ты здравствуешь, удалой да доброй молодец,
Ты со дальнейей теперь пути-дорожочки,
- 115 Ты садись-ко-се за столы-ти да за дубовыя,
Ты поешь-попей у меня дак что нинче Бог послал!»
И садилсе Илья за столы дубовыя,
Уж как ест он, пьёт с утра у ней до вечера.
Ай воставаёт Илья со столов дубовых,
- 120 Благодарствую княгиню да он за хлеб за соль:
«А еще гой еси, княгинюшка молодая ты!
Ай старику-ту мне бы нинче отдохнуть-поспать
Аль со-то той-де со дорожочки со дальноей».
Ах брала она Илью дак за руки белыя,
- 125 Отводила его теперь во спаленку,
Подводила старого да ко кроваточки.

- Ай старой казак смотрел дак на кроваточку,
 Головой качал старой, дак сам спроговорил:
 «Уж я век свой ездил всё дак по чужим землям,
 130 А екого чуда ле я дак всё не видывал,
 Эта кроваточка-то, видно, да всё подложная».
 Он как брал-де королеву да за белы руки,
 Шибанёт ее во кроваточку часовную —
 Ай кроваточка была теперь подложная,
 135 Отвернулась кроваточка подложная
 И упала во погреба-ти да во глубокия.
 Выходил тогда Ильюшонька вон на улицу,
 Он как спрашивал у ней дак всё придверников:
 «Уж вы гой еси, королевичной придверники!
 140 Укажите к погребам дак всё дверей ле вы!»
 Отводили придверники старого казака,
 Подводили его к погребам глубоким,
 А не надобно ему ключи ко две... у дверей,
 Он замки-те руками да прочь отдергивал,
 145 Открывает погребов двери ле на пяту,
 Заходил тогда старой в погреба глубокия —
 А там сидит у ней в полону сорок царей-королевнчей,
 Да ещё-де сидят там всё богатыри.
 Увидали они дак Илью Муромца,
 150 А н встали все самн дак на резвы ноги,
 Поклонилися старому да до сырой земли.
 Говорнт-то нм Илья дак таково слово:
 «Выходите вы теперече все на волюшку,
 Поезжайте вы ле все да к отцам-матерям!»
 155 И подходила тут к нему дак королевична,
 Поклониласе она тоже да у сырой земли:
 «Уж ты гой еси, старой казак Илья Муромец!
 Не узнал ты, видно, меня, Златыгорки».
 Отвечаёт старой ей таково слово:
 160 «Уж ты гой еси, королева да Златыгорка!
 Ты зачем меня хотела схороннт в своих,
 Во свон-те погреба меня глубокия?»
 Отвечаёт ему королева Златыгорка:
 «Ай ты зачем моёго убил сына любимого,
 165 Ай любимого-де сына да ты Сокольничка?»
 Отвечаёт опять он таково слово:
 «Он зачем на меня, твой сын, напал на спящего,
 Он ведь бил меня рогатиной по белым грудям.
 Ах, привёлсе у мня на груди дак чудной мой ле крест —
 170 Есле бы не было на шеи да как чудна креста,
 Он убил, видно, бы меня дак во чистом поле».
 А н брал он Златыгорку за белы руки,
 Выводил её ко стояльни-то, ко конюшонькам,
 Он брал-де трех жеребчиков неезжанных —

- 175 Привязал королевну к жеребцам, дак ко ей хвостам то ли,
И спустил он жеребцов дак во чисто полё.
Розбежались жеребцы, королеву роздёрнули;
Ой он ейной дом её да всё на огонь спустил,
А и ту ле прислугу спустил по домам своим.
- 180 И опять-де он садилсе да на добра коня,
Поворот-от держал ко тому камешку.
Он старую-ту подпись всё захеривал,
А как новую-ту подпись да он подписывал:
«А и ездил я в ту сторонушку, где жонату быть,
- 185 Ай жонату быть, в другу — да где убиту быть,
Во третью я ездил, где дак бы всё богату быть».
А и со той поры Илью нынче славу поют.

АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

№ 115

- Из далече-далече, нз чиста поля,
Тут едут удалы два молодца,
Едут конь-о-конь, да седло-о-седло,
Уздú-о-узду да тосмянную,
- 5 Да самн меж собой разговаривают:
«Куды нам ведь, братцы, уж как ехать будёт?
Нам ехать, не ехать нам в Суздаль-град?
Да в Суздале-граде питья много,
Да будёт добрым молодцам испропитисе —
- 10 Пройдёт про нас славушка недобрая.
Да ехать, не ехать в Чернигов-град?
В Чернигове-граде девки хороши,
С хорошими девками спознатца будёт —
Пройдёт про нас славушка недобрая.
- 15 Нам ехать, не ехать во Киев-град?
Да Киеву-городу на оборону,
Да нам, добрым молодцам, на выхвальбу».
Приежжают ко городу ко Киеву,
Ко тому жо ко князю ко Владимиру,
- 20 Ко той жо ко гриденки ко светлой,
Ставают молодцы да со добрых коней,
Да мецют коней своих невязаных,
Некому-то коней да неприказанных —
Некому-то до коней да, право, дела нет.
- 25 Да лазят во гриденку во светлую,
Да крест-от кладут-де по-писаному,
Поклон-от ведут да по-учёному,
Молитву творят да всё Иусову,
Они бьют челом на вси чотыри стороны,

- 30 А князю с княгиней на особинку:
«Ты здравствуй, Владимир стольно-киевской!
Ты здравствуй, княгина мать Апраксия!»
Говорит-то Владимир стольно-киевской:
«Вы здравствуй, удалы добры молодцы!
- 35 Вы какой жо земли, какого города,
Какого отца, да какой матушки?
Как вас, молодцов, да именём зовут?»
Говорит тут удалой доброй молодец:
«Миня зовут Олёшой нынь Поповицём,
- 40 Попа бы Левонтя сын Ростовского,
Да другой-от Еким, Олёшин паробок».
Говорит тут Владымер стольно-киевской:
«Давно про тя весточка прохаживала —
Случилосе Олёшу в очи видети;
- 45 Да пёрво те место да подле меня,
Друго тебе место супротив меня,
Третьё тебе место — куды сам ты хошь».
Говорит-то Олёшннька Поповиц-от:
«Не седу я в место подлэ тибя,
- 50 Не седу я в место супротів тибя,
Да седу я в место, куды сам хоцю,
Да седу на пецьку на муравленку,
Под красно хорóшо под трубно окно».
Немножко поры-де миновалосе —
- 55 Да на пету гриня отпиралосе,
Да лазат-то цюдо поганое,
Собака Тугарин был Змеевич-от;
Да Богу собака не молитче,
Да князю с княгиной он не кланетче,
- 60 Князьим и боярам он челом не бьёт;
Вышина у собаки видь уж трёх сажои,
Ширина у собаки видь двух охват,
Промежу ему глаза да калена стрела,
Промежу ему ушей да пядь бумажная;
- 65 Садилса собака он за дубов стол,
По праву руку князя он Владимира,
По леву руку княгины он Апраксии;
Олёшка на запечье не утерпел:
«Ты ой есь, Владимир стольно-киевской!
- 70 Али ты с княгиной не в любе живешь?
Промежу вами чудо сидит поганое,
Собака Тугарин-от Змеевич-от».
Принесли-то на стол да как белу лебедь,
Вынимал-то собака свой булатен нож,
- 75 Поддел-то собака он белу лебедь,
Он кинул, собака, ей себе в гортань,
Со щеки-то на щеку перемётыват

- Лебѣжѣ косьѣ да вон выплѣиват.
 Олѣша на запечѣе не утерпел:
- 80 «У моего у света у батюшка,
 У попа у Левонтья Ростовского,
 Был старо собачишко дворовоѣ,
 По подстолью собака волочиласе,
 Лебежею косью задавилосе,
- 85 Собаки Тугарину не минуть того,
 Лежать ему во дѣлече в чистом поле».
 Принесли-то на стол да пирог столовоѣ,
 Вымал-то собака свой булатен нож,
 Поддел-то пирог да на булатен нож,
- 90 Он кинул, собака, себе в гортань.
 Олѣшка на запечѣе (не) утерпел:
 «У моего у света у батюшка,
 У попа у Левонтья Ростовского,
 Было старо корѣвишко дворовое,
- 95 По двору-то корова волочиласе,
 Дробиной корова задавиласе,
 Собаки Тугарину не минуть того,
 Лежать ему во далечем чистом поле».
 Говорит-то собака нынь Тугарин-от:
- 100 «Да што у тя на запечѣе за смерд сидит,
 За смерд-от сидит, да за засельшина?»
 Говорит-то Владимир стольно-кневской:
 «Не смерд-от сидит, да не засельшина,
 Сидит руськѣй могучѣй да бѣгатырь,
- 105 А по имени Олѣшинькя Попович-от».
 Вымал-то собака свой булатен нож,
 Да кинул собака нож на запечѣе,
 Да кинул в Олѣшиньку Поповицѣ;
 У Олѣши Екимушко подхвдчив был,
- 110 Подхватил он ведь ножицѣк за черешок,
 У ножа были припои нынь серебряны,
 По весу-то припои были двенадцеть пуд.
 Да сами они-де похваляютца:
 «Здесь у нас дело заежжое,
- 115 А хлебы у нас здесь завозныя,
 На вине-то пропѣем, хоть на калаче проедим».
 Пошел-то собака из застолья вон,
 Да сам говорил-де таковы речи:
 «Ты будь-кѣ, Олѣша, со мной на полѣ».
- 120 Говорит-то Олѣша Поповицѣ-от:
 «Да я с тобой, с собакой, хоть топере готов».
 Говорит-то Екимушко да парубок:
 «Ты ой есь, Олѣшинькя, названой брат!
 Да сам ли пойдѣшь али миня пошлѣшь?»
- 125 Говорит-то Олѣша нынь Поповицѣ-от:
 «Да сам я пойду, да не тнбя пошлю,

- Да силы у тя дак есь ведь с два миня».
 Пошел-то Олѣша пеш дорогою,
 Настрету ему идѣт названой брат,
 130 Названой-от брат идет Гурьюшко,
 На ногах несѣт поршни кабан-зверя,
 На главы несѣт шелон земли Греческой,
 Во руках несѣт шолыгу подорожную,
 По весу была шолыга девеносто пуд,
 135 Да той же шолыгой подпиратца.
 Говорит-то Олѣшинька Попович-от:
 «Ты здравствуй, ты мой ты названой брат!
 Названой ты брат да ведь уж Гурьюшко!
 Ты дай мне-ка поршни кабан-зверя,
 140 Ты дай мне шолон земли Греческой,
 Ты дай мне шолыгу подорожную».
 Наложил Олѣша поршни кабан-зверя,
 Наложил Олѣша шолон земли Греческой,
 В руки взял шолыгу подорожную,
 145 Пошел-то Олѣша пеш дорогою,
 Да этой шолыгай подпиратце —
 Он смотрел собаку во чистом поле:
 Летаѣт собака по поднебесью,
 Да крылья у коня ноньце бумажноѣ.
 150 Он втапоры, Олѣша сын Поповиць-от,
 Он молитця Спасу Вседоржителю,
 Чудной мати Божей Богородици:
 «Уж ты ой еси, Спас да Вседоржитель наш!
 Чудная есть мать да Богородиця!
 155 Пошли, Господь, с неба крупна дожджа,
 Подмочи, Господь, крыльѣ бумажноѣ,
 Опусти, Господь, Тугарина на сыру землю!»
 Олѣшина мольба Богу доходна была:
 Послал Господь с неба крупна дожджа,
 160 Подмочилось у Тугарина крыльѣ бумажноѣ,
 Опустил Господь собаку на сыру землю.
 Да едѣт Тугарин по чисту полю,
 Кричит он, зычит да во всю голову:
 «Да хошь ли Олѣша я конѣм стопчу?
 165 Да хошь ли Олѣша я копьем сколю?
 Да хошь ли Олѣша я живком зглону?»
 На то-де Олѣшинька ведь вѣрток был,
 Подвернулса под гриву лошадиную.
 Да смотрит собака по чисту полю,
 170 Да где-де Олѣша нынѣ стоптан лежит —
 Да втапоры Олѣшинька Поповиць-от
 Выскакивал из-под гривы лошадиной,
 Он машот шолыгой подорожною
 По Тугариновой-де по буйной головы.

- 175 Покатилась голова да ' плечь, как пуговиця,
Свалилось трупё да на сыру землю.
Да втапоры Олёша сын Поповиць-от
Имаёт Тугаринова добра коня,
Левой-то рукой да он коня дёржит,
- 180 Правой-то рукой он трупё секёт,
Россек-то трупё да по мелку часью,
Розметал-то трупё да по чисту полю.
Поддел-то Тугаринову буйну голову,
Поддел-то Олёша на востро копьё,
- 185 Повёз-то ко князю ко Владимиру,
Привёз-то ко гриденке ко светлой,
Да сам говорил-де таковы речи:
«Ты ой есь, Владимир стольно-киевской!
Буди нет у тя нынь пивна котла,
- 190 Да вот-те Тугаринова буйна голова;
Буди нет у тя дак пивных больших чаш,
Дак вот те Тугариновы есны оци;
Буди нет у тя да больших блюдишшов,
Дак вот те Тугариновы больши ушишша».

№ 116

- Ай да ездили богатыри по чисту полю,
По тому же раздолью по широкому:
А один-то Олёшинька Поповиць блад,
А другой-от Еким, слуга-паропок.
- 5 Доезжали до ростаней до широких,
А ёдна это дорога в славной Киев-град,
А другая-та дорога, право, в Новой-град,
А третья-та дорога во Чернигов-град.
Говорит-то нонь Олёшинька Поповиць блад:
- 10 «У нас в Киеве-де граде было бывано,
Кабы киевскому князю было служено,
Во Нове-то ле гради было бывано,
Новгородцькому князю было служено,
А поедем, тавариш, во Чернигов-град —
- 15 Во Чернигове-то гради у нас не бывано,
Как черниговскому князю у нас не служивано».
А поехали они да во Чернигов-град,
А приехали они да во Чернигов-град,
Становили-то коней среди двора,
- 20 Не привязанных коней, да не приказанных:
«А до наших лошадей да штобы дела нет».
А зашли они во гридню княженевскую,
Кабы молятся они да Восподу Богу,
Кабы крест-от кладут да по-писаному,

- 25 А поклон-от-де ведут да по-учёному,
А молитву-ту творят да полну Сусову,
На всн стороны чотыре да поклоняются,
На особину князю, право, черниговскому.
А сидит за столом да за дубовым,
- 30 Он сидит-то со княгиной, с молодой жоной,
Меж нима сидит тотарин-от поганой же,
А по имени зовут его Тугарин Змеев,
Меж князём-то ле он сидит, да меж княгиною,
Как ле дёржит он свои-то руки белыя
- 35 У княгины-то он дёржит руки в пазухи,
Он пихат-то ей да руки вплоть до черева.
Говорят-то ле эти два богатыря,
А тому же князю они черниговскому:
«У тя нету ле нам места сесть порóзного?»
- 40 Говорит-то им князь, право, черниговской:
«У мяя нету вам места нынь порóзного,
Кабы все у меня места, право, признаныты».
Говорят-то богатыри таково слово:
«Уж мы видим, как у тя да есть три места нам:
- 45 А одно-то ноньце место насопротив тебя,
А другое-то место возле тя сидеть,
А третье-то место на печке на муравленке».
Говорил-то им князь, право, черниговской:
«Уж вам Бог с вами с печкой с муравленой».
- 50 А бы сели они на печку на муравленку,
Кабы смотрят на князя да со княгиною,
Кабы што же тут ведёт, право, Тугарин Змеев;
Принесли ему коврижку, право, нерушенную,
Он и сунул се в гортань, ее челком сглонул.
- 55 Говорит-то тут Олёшинька Поповиць блад:
«Уж ты ой еси, Еким да слуго-паропок!
Кабы помнишь ле ты, да помятуешь ле:
Как у нашего сударя света батюшка,
А у Федора у попа у ростовскаго,
- 60 А была ' его корова, право, старая,
Кабы старая, коровищо, мохнатая,
По загороду корова да волочиласе,
Улавиной корова задавиласе —
Кабы этому Тугарнцу не миновать того».
- 65 Принесли ему лебедушку не рушану,
А заткнул он на ножик ей — челком сглонул.
Говорит-то тут Олёша да во второй након:
«Уж ты ой еси, Еким да слуга-паропок!
Уже помнишь ле ты, да помятуешь ле?»
- 70 А у нашего сударя света батюшка,
А у Федора попа да у ростовскаго,
Как была у его нонь старая собачища,

- По подстолю собака волочилосе,
 Кабы косью собака подавилосе,
 75 Кабы этому Тугарину не миновать того».
 Как на то был нонь Тугарин-от догадливой,
 Он схватил себе чинжалище булатен нож.
 Кабы бросил он на печку муравленку,
 А во этих-то удалых добрых молодцов.
- 80 А на то были робята-ти увёрточны,
 А схватили-то чинжалище булатен нож.
 Говорит-то тут Екимко слуга-поропок:
 «Уж ты ой еси, Олёшинька Поповиць блад!
 Уж ты сам его разишь, але мне-ка велишь?» —
- 85 «Уж я сам-то не ражу и тебе не велю.
 Ковда выедёт он на поле на чистое,
 А кому-де Бог даст божья помочь».
 А на то был-де Тугарин-от догадливой,
 Побежал-то Тугарин вон на улицу,
- 90 Кабы вынел он тут крыльё тут гумажноё,
 Подвезал к себе он крыльё-то гумажноё,
 Полетел-то он, поднялся вверх на воздух-от.
 А пошли эти богатыри во божью церковь,
 А змолились они Спасу Вседержителю,
- 95 Присвятой мати Божьей Богородице,
 А тому же как Миколы свет Можекскому,
 Штобы дали они, право, мокра дожда,
 А смочили штобы крыльё как гумажноё,
 Штобы пал-то Тугарин на сыру землю.
- 100 Поднялася ле тут да темень тёмная,
 Темень тёмная тут, да туча грозная,
 Кабы с тем ле она со мокрым дождём —
 Кабы пал-то Тугарин на сыру землю.
 А увидел тут Олёшинька Поповиць блад,
- 105 А садилса ле скоро да на добра коня,
 Погонил-то ле скоро да во чысто поле,
 Нагонил он как скоро нонь Тугарина,
 Кабы сам он ему стал выговаривать:
 «Кабы ой еси ты, право, Тугарин Эмеев!
- 110 Кабы што у тя взади-то за шум шумит?
 Кабы што у тя взади-то за гром гремит?»
 Кабы стал Тугарин налево да поворачиватсе,
 Да смотреть у себя, што назади-то есь —
 Подгонил-то Олёшинька Попович блад,
- 115 А со правого-то боку подгонил к ему,
 Кабы тюкнул его да саблей востроей,
 А срубил у его да буйну голову.
 Он заткнул голову да на востро копьё,
 А привез ее ко князю ко черниговскому:
- 120 «Уж ты ой еси нонь, князь, право, черниговской!
 Уж вам нате голова, право, тотарьская,

- Кабы вашего она-то неприятеля».
 А скочил тогда-де на ноги князь черниговской:
 «Уж вы ой еси, удалы да добры молодцы,
 125 Кабы руськие могучие богатыри!
 Заходите-тко-сь ко мне да на почесен пир,
 А садитесе-ко вы да куды хотите:
 А одно-то вам место, право, возли меня,
 А друго-то вам место напротив меня,
 130 А третьёе-то место — куды сдумайте».
 Говорят-то ему как добры молодцы:
 «Кабы Бог с тобой, с местами да твоима же,
 На приездинах гостей ты не учёствовал,
 На поездинах гостей не учёствовать».

АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА ПЕТРОВИЧЕЙ-ЗБРОДОВИЧЕЙ

№ 117

- А во стольнём во городе во Киеве
 Вот у ласкова князя да у Владимира
 Тут и было пированье-столованье,
 Тут про руських могущих про богатырей,
 5 Вот про думных-то бояр да толстобрюхих,
 Вот про дальних-то купцев гостей торговых,
 Да про злых-де полениць да преудалых,
 Да про всех-де хресьян да православных,
 Да про чесных-де жон да про купеческих.
 10 Кабы деиь-от у нас идёт нынцде ко вецелу,
 Кабы солнышко катитсе ко западу,
 А столы-те стоят у нас полустолом,
 Да и пир-от идёт у нас полупиром.
 Кабы вси ле на пиру да напивалисе,
 15 Кабы вси-то на чесном да пьяны-веселы,
 Да и вси ле на пиру нынь приросхавастались,
 Кабы вси-то-де тут да прирозляпались:
 Как иной-от-де хвастант своей силою,
 А иной-от-де хвастант своей сметкою,
 20 А иной-от-де хвастант золотой казной,
 А иной-от-де хвастант чистым серебром,
 А иной-от-де хвастант скатным жемцюгом,
 А иной-от-де домоом, высоким теремом,
 А иной-от-де хвастант нынь добрым конём,
 25 Уж как умной-от хвастант старой матерью,
 Кабы глупой-от хвастант молодой жонной.
 Кабы князь-от стал по полу похаживать,
 Кабы с ножки на ножку переступыват,
 А сапог о сапог сам поколачиват,

- 30 А гвоздѣк о гвоздѣк да сам пощалкиват,
 А белыми-ти руками да сам розмахиват,
 А злачными-ти перснями да принабрякиват,
 А буйной головой да сам прикачиват,
 А жолтыми-ти кудрями да принатрякиват,
- 35 А ясными-ти оцями да прирозглядыват,
 Тихо-смирную рець сам выговариват.
 Кабы вси ту-де тут нонь приумолкнули,
 Кабы вси ту-де тут ионь приудрогнули.
 «Ох вы ой есь, два брата родимыя,
- 40 Вы Лука-де, Матвей, дети Петровичи!
 Уж вы што сидите, будто не веселы?
 Повеся вы держите да буйны головы,
 Потопя вы дѣржите да очи ясные,
 Потопя вы держите да в мать сыру землю.
- 45 Разве пир-от ле для вас да все нечесен был,
 Да поднощычки для вас были не вежливы,
 А не вежливы были, да не ёчесливы?
 Уж как винны-то стаканы да не доходили,
 Але пивны-то цяры да не доносили?
- 50 Золота ле казна у вас потратилась?
 Але добры-ти кони да приужжены?»
 Говорят два брата, два родимыи:
 «Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
 Уж пир-от для нас, право, чесен был,
- 55 А поднощычки для нас да были вежливы,
 Уж как вежливы были и очесливы,
 Кабы винны стаканы да нам доносили,
 Кабы пивныя-ти цяры да к нам доходили,
 Золотая казна у нас да не потратилась,
- 60 Как и добрых нам коней не заездити,
 Как скачен нам жемцюг да всё не выслуга,
 Кабы чистое серебро — не похвальба,
 Кабы есть у нас дума в ретивом сердце:
 Кабы есть у нас сестра да все родимая,
- 65 Кабы та же Анастасья да дочь Петровична,
 А не хто про ей не знат, право, не ведает —
 За семима-те стенами да городовыми,
 За семима-ти дверьми да за железными,
 За семима-те замками да за немецкими».
- 70 А уцюло тут ведь ухо да богатырьское,
 А завидяло око да молодецькое,
 Тут ставаёт удалой да доброй молодец
 Из того же из угла да из передняго,
 Из того же порядку да богатырьскаго,
- 75 Из-за того же из-за стола середняго,
 Как со той же со лавки, да с дубовой доски,
 Молодые Алѣшенька Поповиць млад.

- Он выходит на сѣреду кирпищат пол,
Становилсе ко князю да ко Владимиру:
- 80 «Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты позволь-ко, позволь мне слово вымолвить,
Не позволишь ле за слово ты сказнить меня,
Ты сказнить-засудить, да голову сложить,
Голову-де сложить, да ты под мець склонить».
- 85 Говорит-то-де тут нынѣ Владимир-князь:
«Говори ты, Олѣша, да не упадывай,
Не единого ты слова да не уранивай».
Говорит тут Олѣшинька Поповиць млад:
«Ох вы ой есь, два брата, два родимыи,
- 90 Вы, Лука-де, Матвей, дети Петровици!
Уж я знаю про ваши сестру родимую —
А видал я, видал, да на руки сыпал,
На руки я сыпал, уста челѳивал!»
Говорят-то два брата, два родимыи:
- 95 «Не пустым ле ты Олѣша да похваляишьсе?»
Говорит тут Олѣшинька Поповиць млад:
«Ох вы ой еси, два брата, два родимыя!
Вы бежите-ко нынѣ да вон на улицу,
Вы бежите-тко скоре да ко свою двору,
- 100 Ко свою вы двору, к высокоу терему,
Закатайте вы ком да снегу белого,
Уж вы бросьте-тко-сь в окошечко косявчато,
Припадите вы ухом да ко окошечку —
Уж как чѣ ваша сестра тут говорить станѣт».
- 105 А на то-де робята не ѣтслушались,
Побежали они да вон на улицу,
Прибежали они ко свою двору,
Закатали они ком да снегу белого,
Онн бросили Настасье да во окошецько,
- 110 Как припали они ухом да ко окошецьку,
Говорит тут Настасья да доць Петровицьна:
«Ох ты ой еси, Олѣшинька Поповиць млад!
Уж ты што рано идѣшь да с весела пиру?»
Разве пир-от ле для те, право, не чесен был?»
- 115 Разве поднощычки тебе были не вежливы?»
А не вежливы были да не очесливы?»
Кабы тут-де робятам за беду стало,
За великую досаду показалосе,
А хоцют они вести ей во чисто полѣ.
- 120 Кабы тут-де Олѣшиньке за беду стало,
За великую досаду показалосе.
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты позволь мне, позволь сходить посвататъсе,
Ты позволь мие позвать да стара казака,
- 125 Ты позволь мне — Добрынюшку Никитиця,
А робята-ти ведь роду-ту ведь вольнѣго,

- Уж как вольнёго роду-ту, смирённого».
 Уж позволил им солнышко Владимир-князь,
 Побежали тут робята скоро-на́скоро,
 130 Они честным порядком да стали свататься.
 Подошли тут и руськи да три богатыря,
 А заходят во гриню да во столовую,
 Они Богу-ту молятся по-ючёному,
 Они крест-от кладут да по-писанному,
 135 Как молитву говорят полну Исусову,
 Кабы кланяютсе да на вси стороны,
 А Луки да Матвею на особицу:
 «Мы пришли нынь, робята, к вам посвататься,
 Кабы с честным порядком, с весела пиру,
 140 А не можно ле как да дело сделати?»
 А не можно ле отдать сестра родимая?»
 Говорит тут стар казак Илья Муромецъ:
 «Не про нас была пословица положена,
 А н нам, молодцам, да пригодиласе:
 145 Кабы в первой вины да, быват, Бог простит,
 А в другой-то вины да можно вам простить,
 А третья-то вина не надлежит ищѣ».
 Подавал тут ведь цяру зелена вина,
 Не великую, не малу — полтора ведра,
 150 Да припалнивал меду тут да сладкого,
 На закуску калач да бел-крупичатой;
 Подавают они цярю да обемá рукми,
 Поблишешинько они к имá да придвигаются,
 Понижешейнько они им да покланяютсе,
 155 А берут-то-де цяру единой рукой,
 А как пьют-ту-де цяру к едину духу,
 Кабы сами они за цярой да выговаривают:
 «А оммыло-де нашо да ретиво серцѣ,
 Звеселило у нас да буйну голову».
 160 Веселым-де пирком, да они свадебкой
 Как повыдали сестру свою родимую
 За того же Олѣшиньку Поповиця.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ — СВАТ

№ 118

- Во городе стольном Киеве
 У ласковаго князя у Владимира
 Завелся у князя почесен пир
 На тех князей, бояр толстобрюхих,
 5 На дальних гостей — купцей торговых,
 На честных жен ихних, на купеческих,
 На руських могучих на богáтырей,

- На злых палениц да преудалых,
 На тех мешшан да пригородных,
 10 Людей посадских,
 На всех крестьян да православных.
 Пир идет у князя о полупира,
 Стол идет о полустола,
 День идет ко вечеру,
 15 Солнышко катится ко западу,
 Князь-от стал да пьянешинек,
 Пьянешинек, да веселешинек,
 По полу стал похаживать,
 С ноги на ногу переступывать,
 20 Тихо-смирну речь стал князь да выговаривать:
 «Все молодцы сидят у меня да поженены,
 Красны девушки все повиданы,
 Один я, солнышко, холост хожу,
 Холост хожу, да не женат живу.
 25 Не знат ли кто мне полюбовницу,
 Полюбовницу, да супротивницу?
 Мне така нужна: станом статна,
 Да полна возрастом,
 Лицом бела, да волосом руса,
 30 Речь-говоря — тихо-смирная,
 Тихо-смирная, да со умылкою».
 Все тогда на пиру приумолкнули,
 Большой-от хоронится за среннего,
 А сренней — за меньшого,
 35 От меньшого большому ответу нет.
 Из-за того стола серенияго,
 Со той со лавки дубовой скамьи
 Вставал удалой доброй молодец
 По прозванью Дунай да сын Иванович.
 40 Подходил Дунай ко князю Владимиру,
 Нижешенько князю покланяется:
 «Позволишь ли мне, князь, слово вымолвить?
 Не позволь за слово казнить-повесить,
 Але выслать меня да в ссылки дальняя».
 45 Говорит-то солнышко Владимир-князь:
 «Говори ты, Дунай, да не упадывай,
 Ни единого словечка не утайвай —
 Не будешь мной казнен, не будешь вешаной,
 Не будешь выслан в ссылки дальняя».
 50 Говорит тогда Дунай сын Иванович:
 «Жил я за морем за синиим,
 У Семена, царя Лиховитого,
 Жил у него целых три́ года.
 Есть у Семена три дочери:
 55 Больша — Авдотья Семеновна,
 Учена она в хитру грамоту,

- Училась она ездить-гулять и конем владать,
И копьём шурмовать;
Втора дочь Анастасия Семеновна,
60 Учена она в хитру грамоту,
Училась она ткать и прясть и шелком шить;
Третья — Апросинья дочь Семеновна,
Станом статна, полна возрастом,
Лицем бела, волосом руса,
65 Речь-говоря тихо-смирная,
Тихо-смирная, со умылкою,
По полу идет — не трехнется,
Цветно платье на ней не ворохнется,
Сквозь ей рубашку тело видети,
70 А сквозь ей рубашку тело видети:
Из кости в кость мозг переливается,
Как скачен жомчуг перекаатся, —
Есть кому перед князем стать,
И есть кому честь воздать».
- 75 Владимир-князь был догадливой,
Говорит князь да таково слово:
«Ой вы гой еси, мои стольнички,
Молодцы мои подносчички!
Наливайте-ко чару зелена вина,
80 Не велику, не малу — полтора ведра».
Скоро подносчички не замешкались,
Наливали чару зелена вина в полтора ведра,
Прибавляли чашу пива хмельнаго,
Турий рог да меду сладкаго,
85 На закуску колачик бел-крупичатой,
И поднес князь чару Дунаю Ивановичу:
«Ой ты гой еси, Дунай да сын Иванович!
Выпей-выкушай от мея, князя Владимира».
Берет Дунай чару по праву руку
90 И пьет чару к единому духу.
Говорит тогда солнышко Владимир-князь:
«Съезди, Дунай, посватайся».
Говорит ему Дунай да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
95 Дай мне-ка двух товарищов,
Одного — Добрынюшку Микитича,
Другого — Алёшиньку Поповича».
На то Владимир был догадливой:
«Ой вы ой еси, мои стольнички-подносчички!
100 Наливайте-ко вы чару зелена вина в полтора ведра».
На то стольнички не замешкались,
Наливали чару зелена вина в полтора ведра,
Подносил-то князь по чаре обоим богатырям.
«Съездите, робята, послушайтесь, посватайтесь».

- 105 Скоро робята сряжаются,
Скорé того да отправляются,
Выходили молодцы да все на улицу,
Спровожали их все да люди добрыи,
Говорит-то им солнышко Владимир-князь:
- 110 «Уж вы ой еси, удалы добры молодцы!
Поезжайте-ко вы да все посватайтесь».
Говорит тогда Дунай да сын Иванович:
«Добром отдадут — добром возьмем,
А добром не отдадут, дак боём возьмем,
- 115 Великой дракой-кроволитием».
Садилась молодцы да на добрых коней,
Прощались со всимá да людьми добрыми —
Не видно поездки молодецкой,
Не видно побежки лошадиной.
- 120 Не много время миновалось,
Не дым лишь в поле — курива стоит,
Курива стоит, да дым столбом валит,
Гонят богáтыри да чисту полю.
Близко ле, далеко ле, скоро ле, долго ле —
- 125 Приезжали они в землю во неверную,
К Семену, царю да Лиховитому;
Слезали молодцы да со добрых коней,
Привязали коней к дубову столбу,
Вошли во гриню во столовую,
- 130 Отворяли во грине двери на пята,
Запирали двери крепко-наплотно —
Подрожжала гриня царская.
Становились они на середка пол,
На середка пол — проти матицы:
- 135 У их-де там Богу не молятся,
На четыре стороны поклонятся.
Встречат их Семен, да Лиховитый царь,
Говорит-то Семен да таково слово:
«Приходи-ко, Дунай да сын Иванович,
- 140 И вы, удалы добры молодцы,
Садитесь-ко на лавочку брусую.
Как вас суда ветры забросили?»
Отвечат-то Дунай да сын Иванович:
«Уж мы едем из земли из руськой,
- 145 Посланы мы от князя от Владимира
Свататься на твоей меньшóй дочери,
Афросинье Семеновне».
Говорит им Семен, Лиховитый царь:
«Я теперь вам не могу сказать —
- 150 У меня нет крыла в доме правого,
Авдотьи дочери Семеновны:
Сами знанте, чего хотите, то и делайте».

- Говорит ему Дунай сын Иванович:
 «Ты добрам отдашь, мы добром возьем,
 155 А добром не отдашь, мы боём возьмём,
 Великой дракой-кроволитием.
 Где у тебя Афросинья дочь Семеновна?»
 Говорит Семен, да Лиховитой царь:
 «Сидит она да в занней горнице».
- 160 Говорит Дунай да сын Иванович:
 «Льзя ли нам протти в занню горницу,
 К Афросинье свет Семеновне?»
 Зашли они в занню горницу,
 Говорит Афросинья дочь Семеновна:
- 165 «Здравствуй, Дунай да сын Иванович,
 Каки тебя сюда ветры забросили?»
 Говорит Дунай сын Иванович:
 «Ой ты гой еси, Афросинья дочь Семеновна!
 Мы приехали к вам от того от князя от Владимира,
- 170 От Владимира красна солнышка,
 Посланы мы тебя посвататься,
 Посвататься, низко поклоняться,
 Если добром идешь, дак добром возьмем,
 А добром не идешь, дак и боем возьмем,
- 175 Великой дракой-кроволитием,
 Скроем дом родительской по окошечкам».
 Говорит Афросинья дочь Семеновна:
 «Ведите родителя моего батюшка».
- 180 Пришёл Семен, Лиховитой царь,
 Говорит она отцу, Семену, царю Лиховитому:
 «Уж ты ой еси, родитель мой, отец-батюшко!
 Приехали сватовшики от князя Владимира,
 Добром пойду, хотят добром взять,
 А добром не пойду, боем возьмут —
- 185 Чó станем, родитель-батюшко, с тобой делати?»
 Говорит ей родитель — Семен, Лиховитой царь:
 «Сряжайся, Афросинья Семеновна,
 Нету у нас большой сестры Авдотьи Семеновны».
 Сряжалася Афросинья Семеновна в платье цветное,
- 190 Совсем они направились, направились, приготовились.
 Спровожают отец с матушкой
 Афросинью дочь Семеновну,
 Садил Дунаю на добра коня,
 С Семеном тут распрощались.
- 195 Едут молодцы да по чисту полю.
 Отъехали от земли от неверные,
 Завидели на поле чистом шатер стоит,
 Стоит шатер да чернобархотной.
 Говорит тут Дунай да сын Иванович:
- 200 «Уж вы ой еси, друзья мои, братья, товарищи!
 Возьмите мою красну девушку

- К себе на коня в седло,
А я съезжу сам до черна шатра,
Что в шатре там такó деется?»
- 205 Сдал он девицу своим товарищам:
«Я скоро съезжу ко черну шатру».
Погонил молодец да по чисту полю.
Пригоиил-де Дунай да ко черну шатру.
У шатра-то конь стоит к сыру дубу завязаной,
- 210 Завязаной за шелковые поводы,
Насыпано пшена белоярого.
Слезавал Дунай да со добра коня,
Спустил коня к пшаной белояровой.
У дуба кони не поладились,
- 215 Разлегались кони, раскусались.
Дунай пошел во черной шатер —
Двери в шатре были заперты и заложены.
Дунаю это не поглянулося:
Очи ясные его да помутилися,
- 220 Белы руки его да распростались,
Рванул двери он шатровые —
Сорвались все крючки-петельки.
Завидел он: спит паленица, разметалася,
Не мог утерпеть тогда доброй молодец:
- 225
.
Утешился удалой доброй молодец —
.
- Проснулася тогда красна девица,
- 230 Глянула на удала добра молодца:
«Просмешники Дунай да сын Иванович,
Надсмеялся надо мной, да красной девицей,
За это примешь суд от царя и от Бога.
Ты засеял мне, может, три отрока —
- 235 Куда топерь я деваюся?»
Говорит Дунай сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Авдотья дочь Семеновна!
Повезу я тебя да в стольной Киев-град.
Мы были у твоего батюшки-родителя,
- 240 Посланы от князя от Владимира
Свататься на твоей сестре Афросинье Семеновне;
Сосватались мы и везем ее до князя Владимира».
Авдотья тут загорюнилась,
Промеж себя она взгоревалася, призадумалась,
- 245 Что попала она во несчастьицо.
Как Авдотье да делать нечего,
Поехала она с Дунаем в стольной Киев-град.
Не могли настичь на поле чистом добрых молодцов,
Приезжали ко граду ко Киеву.

- 250 Приехали в стольный Киев-град,
У князя пир идет да больше старого.
Заходит Дунай во гриню во столовую,
Заводит Авдотью дочь Семеновну,
Завидел солнышко Владимир-князь,
- 255 Топеря стали они свадьбу делати:
Старого казака стал князь ставить тысяцким,
Дуная Ивановича стал — дружкойю,
Добрыню Микитича — дрúгою,
Скопина Михаила Ивановича — бережáтелем.
- 260 Собрали попов, отцей духовных,
Весь чин церковной —
Повенчали князя Владимира.
Женить стали Дунай сын Ивановича:
Князя поставили тысяцким,
- 265 Старого казака — бережателем,
Добрыню — большой дружкойю,
Олёшу — меньшей дружкойю, —
Повенчали Дуная сыи Ивановича.
Со той со радости великой
- 270 Завелся пир да больше старого;
Пировали-столовали много времени,
Напился Дунай до пьянешинька,
Во хмелю-то он, детина, несуразен был,
Из речей детина вышибается,
- 275 Худыма словами он да похваляется:
«Ох ты бледь, Авдотья дочь Семеновна!»
Говорит Авдотья дочь Семеновна:
«Кабы я была в доме батюшка родителя,
Я бы съездила по твоей шее белой саблей вострою,
- 280 А топерь ты надо мной нзгиляишься,
Изгиляишься, да искитаишься,
Надо мной, над красной девицей, ломаишься».
Тут Дунай да сын Иванович
Схватил Авдотью за русы косы.
- 285 Говорит Авдотья дочь Семеновна:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Иванович!
Не хватай меня за русы косы,
Я слышу по себе — ныне беременна,
И засеяны во моей утробе два отрока».
- 290 Тут взял Дунай Авдотью выше буйной главы,
Бросил ей да о кирпичат пол —
Тут Авдотье смерть случилось.
С той со ярости с великой
Вынимал он чинжалище-булатен нож,
- 295 Распорол у Авдотье живот и груди белые,
А когда завидел во чреве двух отроков,
Не мог стерпеть тогда он этого —

Разрезал свои груди белые.
Тут Дунаю смерть случилась.

№ 119¹

...Выходили удаалы добры молодцы,
Выходили молодцы да вон на улцу,

- ¹ Во городе стольном Киеве
У ласкового князя у Владимира
Завелся у князя почесен пир
На тех князей, бояр толстобрюхих,
5 На дальних гостей — купцей торговыхих,
На честных жен ихних, на купеческих,
На руських могучих на богатырей,
На злых палениц да преудаалых,
На тех мешшан да пригородных,
10 Людей посадских,
На всех крестьян да православных.
Пир идет у князя о полупира,
Стол идет о полустола,
День идет ко вечеру,
15 Солнышко катится ко западу,
Князь-от стал да пьянешинек,
Пьянешинек, да веселешинек,
По полу стал похаживать,
С ноги на ногу переступывать,
20 Тихо-смирну речь стал князь да выговаривать:
«Все молодцы сдят у меня да поженены,
Красны девушки все повываны,
Одни я, солнышко, холост хожу,
Холост хожу, да не женат живу,
25 Не знат ли кто мне полюбовницу,
Полюбовницу да супротвилицу?
Мне така нужна: станом статна,
Да полна возрастом,
Лицом бела, да волосом руса,
30 Речь-говоря — тихо-смирная,
Тихо-смирная, да со умылакою». —
Все тогда на пиру приумолкнули,
Большой-от хоронится за среннего,
А сренней за меньшого,
35 А от меньшого большому ответу нет.
Из-за того стола серенного,
Со той со лавки дубовой скамьи
Вставал удаалой доброй молодец
По прозванью Дунай да сын Иванович:
40 Подходит Дунай ко князю Владимиру,
Нижешенько князю покланяется:
«Позволишь ли мне, князь, слово вымолвить?
Не позволъ за слово казнить-повесить
Але выслать меня да в ссылки дальния».
45 Говорит-то солнышко Владимер-князь:
«Говори ты, Дунай, да не упадывай,
Ни единого словечка не утанвай —
Не будешь мной казенен, не будешь вешаной,
Не будешь выслан в ссылки дальния».
50 Говорит тогда Дунай сын Иванович:
«Жил я за морем за синими,
У Семена, царя Лиховитого,
Жил у него целых три года.
Есть у Семена три дочери:
55 Больша — Авдотья Семеновна,
Учена она в хитру грамоту,
Училась она ездить-гулять и конем владеть,
И копьем шурмовать;
Втора дочь — Анастасия Семеновна,

- Седлали, уздали бы добрых коней
 Во ту же узду да во тосмянную,
 5 Во то же седёлышко тощёное,
 Двенадцать кладут-то подпруг шёлковых,
 Тринадцету кладут чересхребётную,
 Не ради басы — всё ради крепости,
 Ради прытости лошадиной —
 10 Не оставил бы добрый конь в чистом поле.
 Не видели поездки богатырской,
 Только видели их, как в стремена ступили,
 Скопóтили желты пески сыпучия:
 Не видно ходеча красна солишка.
 15 Они долго ли ехали, коротко ли,
 Не дошѐд было города Леховитского,
 Становились молодцы да во чисто поле,

- 60 Учена она в хитру грамоту,
 Училась она ткать и прясть, и шелком шить:
 Третья — Апросинья дочь Семеновна,
 Станом статна, полна возрастом,
 Лицем бела, волосом руса,
 65 Речь-говоря тихо-смирная,
 Тихо-смирная, со умылкою,
 По полу идет — не трехнется,
 Цветно платье на ней не ворохнется,
 Скозь ей рубашку тело видети,
 70 А сквозь ей рубашку тело видети,
 Из кости в кость мозг переливаются,
 Как скачен жомчуг перекаатятся —
 Есть кому перед князем стать
 И есть кому честь воздать».
 75 Владимир-князь был догадливой,
 Говорит князь да таково слово:
 «Ой вы гой еси, мон стольнички,
 Молодцы мон подносички!
 Наливайте-ко чару зелена вина,
 80 Не велику, не малу — полтора ведра».
 Скоро подносички не замешкались,
 Наливали чару зелена вина в полтора ведра,
 Прибавляли чашу пива хмельнаго,
 Турий рог да меду сладкаго,
 85 На закуску колачик бел-крупнищатой,
 И поднес князь чару Дунаю Ивановичу:
 «Ой ты гой еси, Дунай да сын Иванович!
 Выпей-выкушай от меня, князя Владимира».
 Берет Дунай чару во праву руку
 90 И пьет чару с ёдину духу.
 Говорит тогда солнышко Владимир-князь:
 «Съезди, Дунай, посватайся».
 Говорит ему Дунай да сын Иванович:
 «Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
 95 Дай мне-ка двух товарищов,
 Одного — Добрынюшку Микитича,
 Другого — Алёшиньку Поповича».
 На то Владимир был догадливой:
 «Ой вы ой еси, мон стольнички, подносички!
 100 Наливайте-ко вы чару зелена вина в полтора ведра».
 На то стольнички не замешкались,
 Наливали чару зелена вина в полтора ведра,
 Подносил-то князь по чаре обоним богатырям.
 «Съездите, робята, послушайтесь, посватайтесь».
 105 Скоро робята сряжаются,
 Скорѐ того да отправляются,

- Говорит-то Дунай да сын Иванович:
 «Ты ой еси, Добрынюшка Микитиць блад!
- 20 Останся ты этта во чистом поле,
 Оставляю я те да нынь прометоцькю:
 Поставлю копя я вверх тупым кончём,
 Положу на копейчо я копеечку,
 Да ту же копеечку серебряну;
- 25 Когда это копейчо да зашатаице,
 Потемнит бы копеечка серебряна —
 Я буду у казни у смертной,
 Гони ты, Добрыня, скоро-на́скоро,
 Заставай меня живого, добра молодца».
- 30 Да поехал Дунай в город Леховицкия,
 Ко тому же Семёну Леховитскому,
 Приежжает ко городу Леховитскому,
 Ко той же ко гриденки ко светлой,
 Ставаёт Дунай да со добра коня,
- 35 Он лазит во гриденку во светлую,
 Да Богу молитце у их некому,
 Тольки бьёт челом на вси чотыре стороны,
 Самому-то Семёну на особинку:
 «Ты здрастуй, Семён да Леховитския!» —
- 40 «Ты здрастуй, Дунай да сын Иванович!
 Куды-то ты едёшь, куды путь держишь?
 Кабы мне-ка ты приехал в услуженьицо?»
 Говорит-то Дунай да сын Иванович:
 «Не тебе я приехал в услуженьицо,
- 45 Приехал я к те да нынь посвататце
 На той Опросеньи дочь Семёновны
 За того же ли за князя за Владимира».
 Говорит-то Семен да Леховитския:
 «Ты ой есь, Дунай да сын Иванович!
- 50 Не стара заслуга твоя прежняя —
 Отсек бы я у тя по плечь голову».
 Говорит-то Дунай и во второй након,
 Говорит-то Дунай да не с упадкою:
 Он топнул-то правой ногой во кирпичат пол —
- 55 Подрожали полаты киеженевския.
 Да сам говорит-де таковы реци:
 «Отдашь буди честью, возьму с радостью,
 Не отдашь буди честью, возьму нечестью:
 Мы всё твоё царсво под мець выклоним,
- 60 Заморим мы тя в злодейке земляной тюрьме».
 Да тут бы Семён да осержаитце,
 Скакал бы Семёи да на резвы ноги,
 Выбегал бы Семён да вон на улечу,
 Играл бы Семён да он во турей рог,
- 65 Нагонил силы многим множество —
 Сохватали удала добра молодца,

- Свезали во пúтенки шелковья,
 Садили на тележку-двоеколочкю,
 Повезли-то ко казни ко смертной,
 70 Ко смертной казни к позорной:
 Речистой езык да вынет теменём,
 Да ясны-ти оци-ти — косичами,
 Ретиво сáрцо — промежу плецьми.
 По праву руку идёт силы сорок тысяцей,
 75 По леву руку идёт сорок тысяцей,
 Переде-то его да числа-смету нет,
 Позаде-то его да числа-смету нет —
 Кабы плацёт Дунай, да как река тецёт.
 Немножко поры-де миновалосе —
 80 Наежжает Добрынюшка Микитиць блад.
 У ясна сокола да крыльё óтросло,
 У добра молодца вдвоё силы прибыло,
 Разрывал-то он путинки шелковья,
 Скакал-то Дунай да на резвы ноги,
 85 Ухватил-то тележку-двоеколочкю,
 Да вперед-де махнет — дак лежит улица,
 Назад отмахнет — с переулками,
 Добирайтче Дунай-де до добра коня.
 Добрался Дунай-де до добра коня,
 90 Садилса Дунай-де на добра коня,
 Они секли, рубили до единого.
 Выходил Семен да вон на уличу,
 Кланетця им да понижешенькю:
 «Вы ой есь, удалы добры молодцы,
 95 Вы сильни могуци руськи багатыри!
 Умирите-тко серчо своё ретивоё,
 Оставьте хоть малого, либо старого».
 Умирились удалы добры молодцы,
 Приежжают ко гриденки ко светлой,
 100 Срежатча Опросенья дочь Семёновна,
 Да плацёт Опросенья, как река тецёт:
 «Кабы мая да нынь родна сёстра,
 Кабы та же Настасья дочь Семёновна,
 Ты ой есь, Дунай да сын Ивановичь,
 105 Кабы она бы с тобой да поотведалась!»
 Средились удалы добры молодцы,
 Посадил Дунай да позади себя,
 Посадил Опросинью дочь Семеновну,
 Поехали удалы добры молодцы,
 110 Поехали они да в стольнё Киев-град.
 Они долги ли ехали, коротко ли,
 Нашли они ископытъ конинную,
 Говорит-то Дунай да сын Иванович:
 «Ты ой есь, Добрынюшка Микитиць блад!

- 115 Посажу я те Опросинью нынь назад в седло,
Ты поедь-то, Добрыня, в стольнѣ Киев-град,
А назад-то суда не ворочайся,
Я поеду по ископотн конинной». —
Он поехал, Дунай да сын Иванович,
- 120 Он долго ли ехал, нынь коротко ли,
Заздріл: на чистом поли стоит чѣрн шатѣр.
Приехал ко шатру да нынь ко чѣрному,
Он откинул полу не левую,
Заходит Дунай да нынь во чѣри шатѣр,
- 125 Да спит-то Настасья — не пробудитце.
Лежилса Дунай ей на праву руку.
Разбужатча Настасья дочь Семёновна,
Схватила Настасья нынь востру саблю,
Здымала Настасья выше головы —
- 130 Остоялось рука, да рука правая,
Как будит Настасья дочь Семёновна,
Разбужаитця Дунай да сын Ивановичь.
Выходили они да вон на улечу,
Схватился Дунай да со Настасьюшкой,
- 135 Они долго ли водилисе, коротко ли,
Сыполнилось времѣ трои сутоцьки,
Как мецѣт Настасьюшка Дунаюшка,
Как метала Настасья на сыру землю,
Садилась ему дак на белы груди.
- 140 Немного поры дак миновалосе,
Наежжает Добрынюшка Микитиць блад,
Да сам говорит-де таковы реци:
«Ты ой есь, Дунай да сын Ивановичь!
Нам не чесь-то, хвала да молодецкая,
- 145 Не выслуга будѣт богатырская
Лѣжать-де под гузном нынь под бабьим тим;
Да баба-то, право, нынь задом пухла,
Треси ей за пельки, пинай пѣд гузно».
- 150 Дунай тряс ей за пельки, пинал пѣд гузно —
Слетела Настасья со Дунаюшка.
Скочил-то Дунай на резвы ноги,
Садился Дунай ей на белы груди,
Да хоцѣт пороть-де груди белыя,
Да хоцѣт смотреть да ретиво серцо.
- 155 Да плацѣт Настасья, как река тецѣт,
Сама говорит таковы реци:
«Ты возьми миня, Дунай, да во супружесво,
Принесу я те два угодыя, два великия,
Два-ти жо, два сына, два любимыя:
- 160 По колен-то ноги да будут в золоте,
По локот-то ведь будут руки в серебре,
Во лбу-то ведь будѣт красно солиышко,

- В тылу-то ведь будёт блад-светёл месяц,
По косичам-то будут тут есны зори,
165 По верховишшу будут часты звездочки». Говорит тут Добрынюшка Микитиць блад:
«Прости её, бабу, во первой вины». Ставает Дунай дак на резвы ноги,
Берёт-то Дунай дак за белы руки,
170 Челуёт Настасью в сахарны уста,
Поехали они вси в стольнёй Киев-град.
Приехалн они да в стольнёй Киев-град,
Стрецяют-то их да кнези-бóяра,
Да сильны могучия багатыри,
175 Стрецяёт Владимир стольно-киевской,
Берёт Опросинью за белы руки,
Челуёт Опросинью в сахарны уста.
Крещона Опросинья — миром не мазана,
Заводили во церкву во божую тут,
180 Мазали видь миром православным,
Ставал Владимир на подножек-от
Со той Опросиньей дочь Семёновной,
Спринимал-то Владимир золоты винчи
Со той Опросиньей дочь Семёновной,
185 Выпивал-то Владимир чару заздравную
Со той Опросиньей дочь Семёновной.
Пошёл-то Владимир он из церкви вон,
Заходили во полаты белокаменны,
Да пир-от пошёл, пир навесело.
190 Обвенчался Дунай да сын Ивановиц,
Обвенчался Дунай да со Настасьюшкой,
Да вси на пиру да пьяны-веселы,
Да вси на пиру да прирасхвастались,
Как хвастат Дунай да сын Иванович:
195 «Я горазд-де, Дунай, на во примет стрелеть». Говорит-то Настасья дочь Семёновна:
«Ты не хвастай, Дунай да сын Иванович!
Сама я, Настасья, не хилé тебя
Да стрелеть во приметоцьки приметныя».
200 Кабы тут-то Дунай да осержаитце,
Выходил-то Дунай да вон на улицу,
Да сам говорит да таковы реци:
«Выходи-тко, Настасья дочь Семёновна».
Выходила Настасья вон на улицу,
205 Относила приметоцьку в чисто полё,
Да ту же приметоцьку — злачен перстень,
Натегивала Настасья свой ведь тугой лук,
Кабы стрелнла Настасья во чисто полё,
Да в ту же приметоцьку злачен перстень,

- 210 Прострелила Настасья свой злачен перстень.
Осержитце Дунай да сын Иванович,
Поводит Настасью во чисто полё,
Уговариват солнышко Владимир-князь,
Уговариват Опросинья дочь Семеновна:
- 215 «Ты ой есь, Дунай да сын Иванович!
Умири свое сарцо нынь ретивое,
Прости её, бабу, во первой вины».
Богатырское сарцо-то заплывчиво,
Не миритче Дунай да сын Иванович.
- 220 Как плацёт Настасья, как река течёт,
Сама говорила таковы речи:
«Прости меня, Дунай, да во первой вины,
Не стреляй меня, Дунай да сын Иванович:
Да есь два угодья во мне великия,
- 225 Два чада жо, два чада, нынь два милья,
Два чада жо, два сына, два любимыя,
По колен-то у их ногн в золоте,
По локот-то у их руки в серебре,
Во лбу-то у их красно солнышко,
- 230 В тылу-то у их светёл месец,
По косичам у их есны зори,
По верховишшу частыя звездочки».
Не слушаёт Дунай да сын Иванович,
Он клал ей ведь на голову золото кольчо,
- 235 Он ей стрелил, Дунай, в золото кольчо,
Прострелил Дунай ей груди белыя,
Розломил-то у ей да грудь он белую,
Розрубил-то у ей да ретиво сарцо,
Смешал-то ей да кров со печенью,
- 240 Он увидел у ей два угодьича,
Два-ти жо, два чада, нынь два милья,
Два-ти жо, два сына, два любимыя:
По колен-то у их ноги в золоте,
По локот-то у их руки в серебри,
- 245 Во лбу-то у их красно солнышко,
В тылу-то у их светёл месеч,
По косичам у их есны зори,
По верховишшам частыя звездочки.
Богатырско сарцо нынь заплывчиво:
- 250 Изуоставил Дунай своё востро копьё,
Изуоставил Дунай да 'сё во белу грудь,
Кабы ткнул копьём себе в белу грудь,
Ищэ поворотитця у Дуная язык в головы:
«Где пала-то ныньце бела лебедь,
- 255 Да пади-ко-сё тут да и есен сокол».

№ 120

- Как во стольнѣм во городе во Киѣве
 Как у ласкова у князя у Владимира
 Как было пированіе-столованіе
 Как на русских на могучих богатырей.
 5 Все на пиру да напивалися,
 Да как все ли на честном наедалися,
 Да как все ле на пиру да пьяны-веселы,
 Да как все ле да на чесном да приросхвастались.
 10 Как еной ле хвастат да красным золотом,
 Как еной ле хвастат да чистым серебром,
 Как еной ле хвастат своим добрым конѣм,
 А как умной ле хвастат отцом да матерью,
 Как ле старым отцом да старой матерью,
 Как глупой хвастат да молодой жоной,
 15 Как да глупее-то хвастат ле детьми малыма.
 Как уж вышел ле солнышко Владимир-князь
 Да как на те ли полы да на дубовыя,
 На честы ле мелкы да перекладинки,
 Он-на сапог ле о сапог да поколачиват,
 20 Он-на гвоздѣк о гвоздѣк да всё пощёлкиват,
 Он-на ле куньей ли шубой прирозмахиват,
 Он-на белыма-те рукама прирозваживат,
 Он ле значныма перснями всё побрякиват,
 Он-на желтыма ле кудрями принатряживат,
 25 Как умну речь да выговариват:
 «Вы уж ой еси, удалы добры молодцы!
 Все вы сидите да все пьяны-веселы,
 Уж как все вы на пиру сидите поженены,
 Как красны девушки у всех у вас повыбраны,
 30 А как уж я, солнышко, холост хожу,
 Холост хожу, да не женат живу.
 Вы не знаете ли мне да сплюбовницу,
 Сплюбовницу мне да молоду жону?»
 Как тут все ле на пиру да призамолкнули,
 35 Как все ле тут на чесном да приутихнули,
 Как большой ле от хоронится за средняго,
 Как уж средняго ле хоронится за меньшого,
 Как уж от меньшого, от бельнего ответу нет.
 Как из-за того ле стола из-за перьвого,
 40 Из того ли ведь угла из передняго,
 Тут выставаёт ле удалой доброй молодец,
 Как по прозванью Васенька Окулович,
 Говорит ле ведь он да таковы словы:
 «Как уж я прежде-досель я в молоду пору,
 45 В молоду пору, да я с измалых лет,
 Я живал ведь да бывал да за синим морѣм,

- У того ле я Семёна да Лиховитого,
 Лиховитого Семёнушка страховитого.
 Уж я три ле года живал я во конюхах,
 50 Уж три ле года жил я во стольниках,
 Уж как три ле года жил я во п'сарях.
 Уж ведь есь у него нынче да две дочери:
 Как одна да дочь — Овдотья Семёновна,
 Она во чистом ведь поли ездит богатырем,
 55 А друга ле есь Марина да лебедь белая,
 Она статным ведь статна да полным возраста,
 А лицом-то бела да руса волосом,
 Она ходит да нонче в тонкой белой рубашке,
 В одних-то чулочках без чоботов,
 60 Как уж сквозь рубашку да тело видетца,
 Как уж из кости в кость мозг переливаетца,
 А из кости в кость жемчуг пересыпаетца».

№ 121

- Как во стольнем во городе во Киве
 Как у ласкова князя да у Владимира,
 Как у ласковой ой кнегины Апраксей
 Тут заводитса у солнышка а почесеен пир
 5 Как на всех-де бояр да на толстобрюхих,
 Как на всех и-де крестьян да православных,
 Как на всех на русских могучих на богатырей.
 Кабы стол-от идёт-ту у них в полустола,
 Кабы пир-от идёт у них в полупира,
 10 Кабы солнышко ходит среди пола.
 Кабы все-де на пиру да напивались,
 Все-де на честном да наедались,
 Уж как все на пиру да прирасхвастались.
 Умный-от хвастает старым отцом,
 15 А р(азумн)ый-от хвастает старой матерью,
 Уж как глупой-от хвастает молодой женой.
 С(олн)ышко ходит среди пола,
 Он в одной-де рубашке да сам без поеса,
 Он в одних-де чеблетах да без чулочиков,
 20 Он каблук-де о-а каблук и да поколачиват,
 Тихо-смирную речь сам выговариват:
 «Ох вы (как) все вы на пиру сндите поженены,
 Добры дочери за вас да все повыбраны,
 Да я один-де хожу да не жонат живу,
 25 Кабы кто мне нашёл нонче супружницу,
 Как супружницу нашёл да сплюбовницу,
 Кабы можно было да мне её замуж взять,
 Кабы можно-де было женой её назвать».
 Уж как все-де на пиру да приюмолкнули,

- 30 Кабы все-де на честном да призадумались,
 Кабы старой-от хоронитсэ за средьнего,
 Кабы средьней-от хоронитсэ за меньшого,
 Аж меньшей-от хоронитсэ за пришлого,
 Кабы у пришлого у нишшего нонь ответу нет.
 (Никто отвечать не хочет.)
- 35 Из того-де из-за столика передьнёго,
 Как со той ли скамьи-лавки ай да всё дубовой,
 Тут вставаёт удалой доброй молодец,
 Тарокан-от-де встает да сын всё Заморенин.
 Он тихохонько ко князю подвигаетца,
- 40 Перед самым-де он князем да становитца,
 Тихо-смирную речь да выговаривает:
 «Ох ты гой еси, солнышко Владимир-князь!
 Ты позвол-ка мне, князь, слово молвити,
 Но за это за слово не казнить меня,
- 45 Не казнить меня, да не вешати».
 Говорит тут солнышко Владимр-князь:
 «Ох ты гой еси, Тарокан да сын Заморенин!
 Говори ты слово, не утаивай,
 За собой речь ты не удерживай,
- 50 Не будешь казиён, не будешь вешаный».
 Говорит тут Тарокан да сын Заморенин!
 «Я бывал-де, живал за синím морём,
 За тем-де за морем за Хвалынским,
 У того-де Семёна да Леховитого,
- 55 Леховитого-де Семёна да страховитого.
 Уж как три-де года жил я да во кóиюхах,
 Уж как три-де года жил я во стольниках,
 Уж как три-де года жил я во ключниках,
 Поверена мне была да золотá казнá.
- 60 Есь у Семёнушка три дочери:
 Перьвая дочка есь Настасьюшка,
 Она злая паленица да преудалая,
 Ездит Настасья ко синю морю,
 Стреляет гусей да белых лёбедей,
- 65 А промéж тем малых серых утёнышков;
 Уж как вторая дочь да есь Апраксея,
 Она статным-де статна, полна возраста,
 Русы косá да полна вóлосом,
 Из косточки в кость мозг переливается,
- 70 Скатной да жемчуг перекатается,
 Сквозь белую рубашку тело всюду видитсэ.
 Уж как можно Апраксею тебе замуж взять,
 И можно Семёновиу женой назвать».
 Говорит тогда солнышко Владимир-князь:
- 75 «Ох ты гой еси, Тарокан да сын Заморенин!
 Поеждяй-ка ты теперь да за сние море

- К тому-де Семёну да Леховитому,
 Леховитому Семёну да страховитому,
 Привези ты мне дочь Апраксею,
 80 Наделю я тебя да золотой казно́й,
 Города тебе дам да с пригоро́дками,
 Сёла дам да со присёлками».
 Говорит то́гда Тарокан да сын Заморенин:
 «Уж ты го́й еси, солнышко Владимир-князь!»
- 85 Снареди-ка ты мне да три кораблика,
 Три кораблика, да три червлёных,
 Нагрузи-ка их ты товарами,
 Ты товарами да всё заморскими.
 Дай ищо мне три богатыря:
- 90 Старо́го казака да Илью Муромца,
 Добрынюшку сына Никитича,
 Смелого Олёшу Поповича,
 Добром не дадут — мы сило́й возьмём,
 А не силою возьмём — смелостью,
 95 А не смелостью, так хитростью».

(Дальше немного забыл.) Они привезли силою её. С Настасьей билась. Добром не дали. Для того и богатырей взяли. Илья Муромец, тот — сильный богатырь, Олёша — смелый. Они силой и привезли. Пир был, всё хорошо было.

№ 122

- Ай-я во стольнем во городе во Кееве
 Ю ласкова князя ю Владимира
 Заводилса, право́, почестен пир
 Про всех про русских богатырей,
 5 Про всех палени́ц уда́лых,
 Про всех ле купцов людей торговых,
 Про всех ле бояр толстобрюхих,
 Про всех ле крестьян православных.
 Да все на пиру да напивалися,
 10 А да все на чесно́м да наедалися.
 А ще из-за того ли стола из-за переднего,
 А ще из-за тое лавки со дубовой,
 А ще вставаёт ле солнышко Владимир-князь,
 А ще выходит серёд на кирпищат пол,
 15 А ще солнышко по пиру похаживат,
 А ще сапог о сапог покалачиват,
 А как гвоздик о гвоздик ён пощёлкиват,
 Буйно́й ле ён главой он покачиват,
 Ай-я жёлтыми кудрями ён потряхиват,
 20 Ай-я белыми руками размахиват,
 Ай-я злачныма перстнями он побрякиват,
 Ай-я тихо-смирную речь да выговариват:

- «А ще вы все тут, русские богатыри,
А ще вы все сидите тут поженены,
25 А у всех вас жоны повыбраны».
Аж как все сидят да приёдрогнули,
А как приёдрогнули да приужахнули.
А как старший хоронетця за среднего,
А средний хоронетця за младшего,
30 А от младшего ответу нет.
Ай-я един Дунай, прáво, весёл е сидит,
Весёл сидит, высоко гледит,
Ай-я говорит ле Дунай да таковы́ слова:
«А ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
35 Ай-я не буду ле за слово вешаной,
А я не буду ле за слово в ссылку сосланой,
А я не буду, право, расстреляной».
А и говорил, право, Владимир-солнышко-князь:
«Столько же, Дунай, да не упадывай,
40 Не единого словечка не утаивай,
Ай-я не будёшь ю меня казнён-вешаной,
А не будёшь ю меня в ссылку сосланой,
Ай-я не будёшь ю меня, право, расстреляной».
Ай-я говорит ле Дунай да таковы́ слова:
45 «А и прежде-досель в молодú порú
Ай-я бывал, я живал в земле дальнеёй,
А и в дальнеёй земле да в Турецькоей,
А и в Турецькой земле да в королевской,
А и в королевской земле да Юдейской,
50 Ай-я у того я у князя юдейского,
У того ле Семена да Леховитого.
Ай-я три года жил ю него во конюхах,
А я три года жил ю него во писарях,
А я три года жил ю него во стольниках,
55 Как миновалось пора-времечко,
Немного прошло, право, девять лет.
Ай-я да было у Семена две дочери:
Большáя да дочь Овдотья Семёновна,
Да зла паленица да приудалая,
60 А меньшáя-то дочь — Опрасенья дочь Семёновна.
А не бывала Опрасенья на светой Руси,
На светой Руси да в каменнóй Москве,
А и сидит ёна в крепкой тюрьме,
А и в крепкой тюрьме в камённой,
65 Ай-я сидит за семим стенами каменнами,
За семима дверями за железными,
За семима замочками немецкими,
Ай-я за семима околнками хрустальными,
Сидит она на стульчаке ремещатом.
70 Ай-я статнým она статнá, полна возраста,
Волосом она русá, лнцом бела,

- Ай-я сквозь ейну рубашку тело видетця,
 Ай-я сквозь ейно тело да кости видятця,
 Ай-я сквозь ейны кости мозг переливаетця,
 75 Не скачён ли женьчуг перекатаетце.
 А ще как можно перёд князём стоять,
 А ще как можно кнегиною звать».

№ 123

- А во стольнём во Кieve во городе
 Как у ласкова князя ю Владимира
 Было пирóваньё-столованьё
 Про тех ли царей, царевичей,
 5 Как про тех ли кнезей, кнезевичей,
 Как про тех ле купцей торговых,
 Как про русских богáтырей могучиих.
 Сбиралнсь они да соеждались,
 И все на пиру да напивались,
 10 И все на чесном да наедались.
 И тут на пиру да приросхвастались:
 Иной хвастал золотой казнóй,
 А иной хвастат чыстым жамчугом,
 А иной хвастат конём добрым,
 15 А иной хвастает сбруей лошадиной,
 А глупый хвастат молодой женой,
 А мудрый хвастат старой матерью.
 Выходит тут князь на кирпичат пол,
 Говорит-то он да таковы рецй,
 20 С ножки на ножку переступывает,
 Сапог о сапог покалачивáт,
 Гвоздék о гвоздék да он пошалкиват:
 «Уж вы ой еси, удалы да добры молодцы!
 Уж все вы сидитé нынче весёлешеньки,
 25 И вы все сидитé нынче пъяиешеньки,
 И все вы живитé нынче спожéнены,
 Красны девушки за вас были повыданы.
 Один я нынче холóст хожу,
 Холóст хожу, да не женат живу.
 30 Не знаете ли мне да соепружницю,
 Не знаете ли мне да полюбовницю?»
 Тут-де ребята да приумолкнули.
 Меньший хоронитца за среднего,
 А средний хоронитца за старшего,
 35 А у старшего ныне ответу нет.
 Из того из угла из переднего,
 Из-за того же стола из-за середнего,
 Ставаёт удалой дабрый молодец,
 По имени Дунай да сын Иванович:

- 40 «Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
 Позволь мне теперь да слово вымолвить,
 Не позволь мне за слово скорó сказнѣть.
 Бывал я за морем за синим
 У того же Семёна Леховитого,
- 45 Чѣстя его да знаменитого.
 Есть у его две дочери:
 Больша́-то — Овдотья дочь Семёновна,
 Зла поленица преудалая,
 А меньша́ — Опросенья дочь Семёновна,
- 50 Станом он статна́ да полна возрастом,
 Волосом она руса да лицём белá,
 Коса у ей руса до поеса,
 Скрозь платье у ей тело видитця,
 Из костки в костку мозг переливаетця».
- 55 Поехали они нынѣ свататьця.
 А стрѣяет их Овдотья дочь Семёновна во чистом полѣ,
 Тут они с Дунаем сразилися,
 Сразилися и потом помирилися,
 Поехали топеря свататьця,
- 60 Сосватали себе Опросенью дочь Семёновну.
 (И тут и конецъ.)

№ 124

- У ласкова князя у солнышка как у Владимира
 Было пированье-столованье,
 Съеждялись-скоплялись тут со всех четырех дальних сторон,
 Все на пиру стали пьяны-вѣселы.
- 5 Солнышко батюшко Владимир-князь
 По полу кирпичату похаживáт,
 С ножки на ножку переступывáт,
 Сам из речей выговаривáт:
 «Все у меня нынѣ в городе поженены,
 Из деревён красные девушки повыбраны,
- 10 Только я нынѣ один холост хожу.
 Не знаете ли мне, говорит, супружницы,
 Супружници мне, полюбовницы,
 Щебы статным она статна́ была,
- 15 Статным статна́, полным возраста,
 Походоцька была щебы у ней упáлая,
 Рець-говоря тиха-смирная,
 Было щёбы кого назвать кнегиною».
- Тут больший хоронится за среднего,
 20 А средний кроитьсе за меньшего,
 От большего да от меньшего ответу нет.
 Со той со лавки, со дубовой доски,

- Из самого из угла из переднего
 Выскакивал Дунай тут сын Иванович:
- 25 «Ах ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
 Ты позволь мне слово повымолвить,
 Скоро ли я за то слово буду скáзиенный,
 Скáзненный буду, посáженный».
 Говорит тут солнышко Владимир-князь:
- 30 «Говори, Дунай сын Иванович,
 Едiного словечка не утаивай».
 Говорит Дунай сын Иванович:
 «Жил я во земли во Литовския,
 Жил я у Семена Леховитого.
- 35 Есь у Семена две дочери:
 Дочь большая — та палениця зла наездница,
 Она ездит по чистым полям.
 Есь у Семена дочи меньшая —
 Та Опраксея Семёновна,
- 40 Статным она статна, полным возрасту,
 Коса у ей руса до поёса,
 Рець-говоря тиха-смирная —
 Будет кому перед князем стоять,
 Будет кого назвать кнегиною».
 (Боле и не знаю. Будет врать.)

№ 125

- Во стольном во городе во Кieve
 У ласкова князя у Владимира
 Заводилось пирóванье-столóванье.
 Все на пиру да пьяны-веселы,
- 5 Все на пиру да приросхвастались.
 Иной-от хвастат золотой казной,
 Иной-ёт хвастат конем добрыним,
 Иной-ёт хвастат силой-храбростью,
 Умной хвастат отцом-матерью,
- 10 Глупой хвастат молодой женой,
 Ходит Васинька нынь по полу,
 Сапог о сапог поколачиват,
 Жолтыма кудрями да принатряхиват,
 Таки реци Вася да выговариват:
- 15 «Все у мя в городе споженены,
 Все у мя девушки сповыданы,
 Одни только я неженат хожу,
 Неженат хожу, да я холост блужу,
 Не знаете ли, робята, мне-ка сполюбовницу,
- 20 Статным статну да полну возрастом,
 Волосом русу да лицей белую?»
 Все робята тут призадумались:

- Большой хоронитца за среднего,
 Средний хороницца за меньшого,
 25 А от меньшого-то и ответа нет.
 Из-за того стола да из переднего
 Стават Дунай да сын Ивановичь,
 Говорит-то он да таково слово:
 «Ой есь, солнышко Владимир-князь!
 30 Позволь-ко мне да слово вымолвить.
 Не станёшь ли меня за то слово казнить,
 Казнить-то меня да нынче вешати?» —
 «Говори, Дунай, да что те хоцетця,
 Говори, что те приохотилось,
 35 Ни единого словецка не утаивай,
 Не утаивай словецька, не уранивай».
- Говорит-то Дунай да сын Ивановичь:
 «Жил я за морём за синним,
 У того жил Семена Лиховитого,
 40 Жил я у его три года.
 Есь у его две дощери Семеновны:
 Больша-то Настасья доць Семеновна —
 Сильна могуця палениця,
 Мала Авдотья доць Семеновна
 45 Выходила она в одной рубашки без пояса,
 В одных щчаблетах без цюлоциков,
 Сквозь ей рубашку тело видети,
 Сквозь ей тело кости видети,
 Всячески кости человечески,
 50 Сквозь кости мозги видети,
 Из кости в кость мозг переливаицца —
 Скачен жемчуг перекатаицца».
- У солнышка сердце загоряицца,
 Говорит-то солн(ышко) Вл(адимер)-кн(язь):
 55 «Ой есь, Дунай да сын Ивановичь!
 Привези поедь мне сплюбовницёй».
- Говорит Дунай да таково слово:
 «Ой еси, солн(ышко) Вл(адимер)-кн(язь)!
 Есь у его Настасья доць Семеновна,
 60 Срубит у меня да буйну голову.
 Дай мне удалых двух молодцев:
 Одного — старого И(лью) М(уромця),
 Другого — Олешеньку Поповиця».
- Седдали-уздали они коней добрых,
 65 Садилась они да на добрых коней,
 Не видали отправки молодецкой,
 Не видали поездки богатырьской,
 Вндят: во полн курева идет,
 Курева идет, да дым столбом валит.
 70 Приеждали к городу Семёнову,
 Становили шатер да во чисто полё.

- Говорит-то Дунай да сын Иван(овиць):
 «Ой есь, старой да И(лья) М(уромець)!
 Я один поеду нынь посватаюсь.
- 75 Буди дома Настасья доць Семёновна,
 Я сыграю тогда во турий рог,
 Приеждайте вы поскорее ко мне». —
 Поехал Дунай да сын И(вановиць),
 Приехал он к городу Семёнову,
- 80 Слезывал он со добра коня,
 Заходил он да во горенку —
 Сидит Семён, да Лиховитый князь,
 На той же лавоцьки дубовой.
 «Здравствуешь, Семен да Лиховитой князь». —
- 85 «Здравствуй, Дунай да сын Ивановиць,
 Куда ты пошел, да куда поехал?
 Али приехал мие-ка в услуженьице?»
 Говорит-то Дунай сын Ивановиць:
 «Приехал я к тебе не в услуженьице —
- 90 Посвататьця Авдотью доць Семеновну
 За того же солнышка Владимира». —
 Говорит-то Семен да Лиховитой князь:
 «Была бы Настасья доць Семеновна,
 Срубил у тебя бы буйну голову».
- 95 Другой раз Дунай нонь посватался:
 «Ой есь, Семен да Лиховитой князь!
 Отдай Авдотью доць Семеновну
 За того же солнышка Владимира».
- Говорит-то Семен да таково слово:
- 100 «Была бы Настасья доць Семеновна,
 [Срубил у тебя бы буйну голову]». —
 Третий раз Дунай нынь посватался:
 [«Ой есь, Семен да Лиховитой князь!
 Отдай Авдотью доць Семеновну
- 105 За того же солнышка Владимира,]
 Добром не дашь, дак я боём возьму».
- Помутились у Дуная оци ясные,
 Схватил Семена за черны кудри,
 Поднял он его выше буйной главы,
- 110 Опустил его да о кирпиччат пол,
 Придал его смерти лютой.
 Ломал он у его кованы замки,
 Заходил к Авдотьи в теплу спаленку:
 «Здраствуй, Авдотья доць Семеновна». —
- 115 «Здраствуй, Дунай сын Ивано(виць),
 Куда ты пошел, да куда поехал?» —
 «Я пришел тебя посвататьце
 За того же солнышка Владимира». —
 «Где у меня Семен да Лиховитой князь?» —

- 120 «Придал я его смерти лютой.
Ой еси, Авдотья доць Семеновна!
Бери себе платью подвенецьную,
Поедём со мной в стольней Киев-град
За того же за солнышка Владимира».
- 125 Горькими она заплакала,
Брала она платье подвенецьное,
Выходили они да вон на улицу,
Садилсь они на добра коня,
Приеждали к шатру да белобархатну.
- 130 Говорит-то Д(унай сын) И(вановиць):
«Ой еси, старой да И(лья) М(уромець)!
Бери невесту себе на руки,
Вези ей солнышку Владимиру.
Я поеду по Настасью доць Семеновну,
- 135 Звать стаю ей на пир, на свадебку».
Поехал Д(унай сын) И(вановиць),
Выезжат он на ископыт лошаднину;
Увидел он: во чистом поли
Стоит шатер да чернбархатный.
- 140 Приезждат он к шатру да чернбархатну,
Слезывал он со добра коня,
Спустил своего коня доброго,
Заходил он во черный шатер:
В том же во черном шатру
- 145 Сидит Настасья доць Семеновна.
«Здрастуй, Настасья доць Семеновна». —
«Здрастуй, Д(унай сын) И(вановиць),
Куда ты пошел, да куда поехал?» —
«Пришел я, приехал звать на свадебку:
- 150 Увезли у тя Авдотью доць Семеновну
За того же солнышка Владимира».
Говорит она да таково слово:
«Где у меня отець да Лиховитой князь?» —
«Убил я князя да Лиховитого,
- 155 Прнехал звать тебя на свадебку».
Тут они да согласились,
Тут они да обручился,
Поезжают они да в путь-дорожецьку.
Поехали они да в путь-дорожецьку,
- 160 Приехали к городу Семенову.
Брала Настасья платье подвенецьное,
И поехали они в стольной Киев-град.
Идёт у солнышка почесен пир,
Заходили они да в светлы светлицы,
- 165 Посадили их да за дубовой стол,
Из-за того стола да под венец пошли.
Две свадьбы, две сестры под один венец.
Выходили они из божьей церкви,

- Пошел у солнышка почесен пир,
 170 Все на пиру да напивалисе,
 Все на чесном да наедалнсе.
 Говорит-то Дунай да сын Ивановиць:
 «Не было таких удалых добрых молодцов —
 Не могли достать невесту солн(ышка) Владимиру,
 175 Я достал за солн(ышка) Владимира
 И за ся взял Настасью доць Семеновну,
 Я по метоцькам, верно, метне всех».
 Весела стала Настасья доць Семеновна,
 Говорит она да таково слово,
 180 Своема словами она вышиблась:
 «Ой есь, Дунай ты сын Ивановиць!
 Я силюнькой-то сильне тебя,
 Я по метоцькам-то метне тебя».
 Осердился Дунай да сын Иван(овиць),
 185 Говорит он да таково слово:
 «Ой еси, Настасья доць Семеновна!
 Пойдем со мной да во цисто поле,
 Положим мы колецько на головушку,
 Стрелеть станем да сквозь колецико».
 190 Говорит-то Настасья доць Семеновна:
 «Ой еси, Дунай да сын Ивановиць!
 Прости меня да во первой вины».
 Не прошчат Дунай ей во первой вины.
 Уговаривал его солн(ышко) Вл(адимер)-кн(язь),
 195 Уговаривали руськие все богатыри —
 Не могли уговорить удала добра молодца.
 Выходили они на зеленый луг,
 Стал Дунай да сын Ивановиць,
 Положил на голову себе колецико:
 200 «Стреляй, говорит, Настасья доць Семеновна».
 Первый раз стрелила сквозь колецико,
 Другой раз стрелила сквозь колецико,
 Третий раз стрелила сквозь колецико.
 Говорит-то Настасья Семеновна:
 205 «Прости, Дунай, меня во первой вины».
 Ставала она на зеленый луг
 И клала она на голову колецико,
 Говорит она да таково слово:
 «Ой еси, Дунай да сын Ивановиць!
 210 Не стрелей мне-ка да во белы груди:
 Есть лежат у мя во белых грудях
 Тобой засеяны два ясных сокола,
 По локот у их руки в золоте,
 По колено их ноги в серебри,
 215 Во лбу у их красно солнышко,
 На затылки светёл месяц,

- По косицям цясты звездоцьки —
 Не губи своих ясных соколов
 И меня, Настасью доць Семеновну».
- 220 Первой раз Дунай стрелил, он не дострелил,
 Другой раз стрелил, он перестрелил,
 В третий раз он направилса,
 Спустил он ей стрелу да во белы груди —
 Свалилась Настасья доць Семеновна
- 225 На ту же матушку сыру землю.
 Подбежал Дунай да сын Ивановиць,
 Распорол он у ей белы груди:
 Лежат тут два ясных сокола,
 По локот у их руки в золоте,
- 230 [По колено их ноги в серебри,
 Во лбу у их красно солнышко,
 На затылки светел месец,]
 По косицям цясты звездоцьки.
 Заткнул Дунай копье тупым концём
- 235 Во ту же матушку сыру землю,
 Навалился своей белой грудью:
 «Куда пошла бела лебедь,
 Туда, грит, пойдет и ясной сокол».

№ 126

- Во славном во городе во Киеве
 У ласкова князя у Владимира
 Заводился стол — почестен пир
 Про всех купцей — людей торговых,
- 5 Про всех крестьян православных,
 Про всех бояр толстобрюхиных.
 А вот все робята собиралися,
 Садились ребята на почестен пир,
 Пируют-столуют трои суточки,
- 10 Третьи-то сутки — день до вечера.
 День-от идет ко вечеру,
 Солнышко катится ко западу,
 Княженецкая радость — в полурадости.
 Из-за того стола из-за переднего
- 15 Встает тут солнышко Владимир-князь,
 Выходит на середу кирпичат пол.
 Солнышко по полу похаживат,
 Тихо-смирную речь выговариват:
 «Уж вы ой еси, все русьски богатыри!
- 20 Все вы сидите поженены,
 У вас у всех жоны повыбраны,
 От тех купцей — людей торговых.

- Един-то я, солнышко, холост живу,
 Холост живу, да не женат хожу.
- 25 Не знаете ли мне-ка кто супружницу,
 Супружницу да сполубовницу:
 Статным чтобы была статна, полна возрастом,
 Волосом бы была руса́, лицом — белая,
 Сквозь ейные чтобы рубашки ее тело видети,
- 30 Сквозь ейное тело — кости видети,
 А не скачѣн жемчуг перекатается —
 Из кости в кость мозг переливается».
- А все-то сидят — удрогнули,
 Удрогнули сидят, умолкнули,
- 35 Старший хоронится за среднего,
 Средний хоронится за младшого,
 А младший сидит — ответу нет.
 Один Дунай только весѣл сидит,
 Весѣл видит да высоко глядит.
- 40 Говорит ли Дунай таковы слова:
 «Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
 Не буду ль я за слово ка́знен-вѣшеной,
 Не буду ль я за слово в ссылку сосланной?»
- Говорил ему солнышко таковы слова:
- 45 «Эх ты стой-ко-се, Дунай, да не упадывай!
 Ни единого словецька не утаивай,
 Не будешь за слово ка́знен-вѣшеной,
 Не будешь за слово в ссылку сосланной».
- Говорил тут Дунай таковы слова:
- 50 «Прежде досель да в молодú порú
 Бывал я, живал в земли дальние,
 Дальние земли живал, в Турецкой,
 Турецкой земли, королевской,
 В королевской земли живал, Индейской,
- 55 У того я жил Семена Лиховитого.
 Три года я жил у его во конюхах,
 Три года я жил у его во писарях,
 Три года я жил у его во стольниках.
 Немного прошло тому времяцьку,
- 60 Прошло-прокатилось ровно девять лет.
 Было у Семена тогда три дощери:
 Большая дощ — Овдотья дощ Семеновна,
 Злая полениця преудалая,
 Ездит-гулят все во чнстом поле,
- 65 Бьется-дерется со богатырьми.
 Меньшая — Опросенья дощ Семеновна.
 Не бывала Опросенья на святой Руси,
 Не видала Опросенья каменной Москвы,
 Сидит она живет да в тюрьмы крепкой,
- 70 В крепкой тюрьмы живет во каменной,
 За семи она стенами за каменными,

- За семи за дверями за железныма,
 За семи за замоцьками немецкими,
 За семи за околениками хрустальныма,
 75 Не простого стекла — все немецкого.
 Сидит она живет на стульцике ремешчатом,
 Вышиват она разны шириночки.
 Статным она статна да полна возрастом,
 Волосом она руса да лицом белая,
 80 Сквозь ейной рубашецьки тело видети,
 Сквозь ейно тело кости видети,
 Сквозь кости мозг переливается,
 Ровно скачен жемчуг да перекатается».
 Загорелось у солнышка да ретиво сердцѣ,
 85 Закипела у него да кровь горячая:
 «Уж ты ой еси, Дунай сын Иванович!
 Бери-ко-се себе да двух товарищев:
 Во-первых, старá да Илью Муромца,
 Во-вторых-то, Олѣшеньку Поповиця.
 90 Олѣша Поповиць умет играть во пешки мелки шахматы,
 Он заседет с Семеном играть во пешецьки,
 А в ту ли пору, в это времецько
 Мы сходим к Опросеньи доць Семеновной,
 Попросим ей мы, посватаемся:
 95 Пойдет она с нами охвотою.
 Не пойдет охвотою — возьмем неволею».
 Стали тут ребята собиратися,
 Поезжают тут ребята, добры молодцы.
 На то был солнышко наш догадливой:
 100 Наливает им цару зелена вина,
 Кладѣт в цары турий рог меду сладкого,
 Подносит ребятам, добрым молодцам.
 Берут ребята во праву руку,
 Пьют они да ко одну духу.
 105 Подходят ребята ко добрым коням,
 Берут они в руки свой шелков повод,
 Скоро они да в стремена ступили
 И скорешинько да на коней скочили.
 Смотрят у их всю поездку молодецькую,
 110 Увидели: ' поли только курева стоит,
 Курева стоит, да дым столбом валит
 От ихнего пару лошадиного.
 Тут прнехали к Семену Лиховитому,
 Ставали ребята ко красну крыльцу,
 115 Слезывали ребята со добрых коней,
 Везали коней да к дубову столбу,
 К дубову столбу да к винтову кольцу.
 Заходили они к Семену Лиховитому
 Во ту во гриню во столовую,

- 120 Помолились они Богу по-писаному,
Поздоровались с Семеном Лиховитыим,
Садились на стульчики дубовые,
Говорили Семену таковы слова:
«Уж ты ой еси, Семен Лиховитый!»
- 125 Приехали мы к тебе о хорошем деле — о сватовстве,
О сватовстве Опресенью доць Семеновну
За того за солнышка Владимира
В стольной Киев-град». Пошли они к Опресеньи дочь Семеновной,
- 130 Пошли они Опросеньи долóжили:
«Здравствуй, Опросенья доць Семеновна,
Мы приехали к тебе о хорошем деле — о сватовстве,
Засватать тебя за солнышка Владимира». Опросенья доць Семеновна
- 135 Говорила она таковы слова:
«Есть у меня папоцька Семен Лиховитый,
Есть у меня маменька родимая,
Попросите их да посватайте,
За мной дело не будет спóрное».
- 140 Пошли они к отцу и к матушки,
Говорили им о хорошем сватовстве:
«Говорила Опросенья нам таковы слова...»
Отец-маменька скоро с нима решился.
Пошли, Опросенье опять долóжили.
- 145 Опросенья с нима сама решилася
И дала им руку-рукобитие,
Помолился Богу они, решился.
Скоро ребята стали собиратися,
Домой они стали отправлятися.
- 150 Выходила Опросенья доць Семеновна,
Простиласе с отцём, с матерью,
Простнласе она, благословилася.
Подходят ребята ко добрым коням,
Берут в руки свои шелкóв повод.
- 155 Скоро старóй в стремена ступил,
В стремена ступил н на коня скоцил,
Посадили Опросенью ко стару казаку,
Ко старому казаку да к Ильи Муромчу.
Отправились ребята, добры молодцы,
- 160 Скоро проехали они по чисту полю,
Скоро приехали в стольной Киев-град,
Заехали в ограду княженецькую,
Становились они ко краснóу крыльцу,
Слезывали они со добрых коней,
- 165 Вязали коней да к дубову столбу,
К дубову столбу да к винтову кольцу.
Выходит тут солнышко Владимир-князь,

- Берет он Опросенью за правú рукú,
Ведет во гриню во столовую.
- 170 Садилсь они за столики все дубовые,
Посъели всё, покушали,
Водоцьки все подвыпили.
После етого да после етого
Сходили они да во божью церкову,
- 175 А скоро тут они повенчались,
Повенчались да обручились.
Пришли они во гриню во столовую,
А все сели за столики дубовые,
А стали пировать тут пуще старóго,
- 180 Пуще старóго, да пуще прежнего.
Пировали-столовали трои сутоки.
Все они стали пьяны-веселы,
Все они тут расхвастались:
А мудрой-ёт хвастат золотой казной,
- 185 Средней-ёт хвастат отцём-матерью,
А глупой-ёт хвастат молодой женой.
Свели молодых на подклет, повалили спать.

№ 127

Поехал Добрынюшка Никитич свататьца к Семену Лиховитому. Свадьба сыграли. Семен не хотел отдавать девки, а девка сама пошла. Поехали и повенчались.

- Добрынюшка Никитич поехал во чýсто поле искупать коня. Ископать велика показалаь ему, шатер,
и лошадь стоит, ест пшено белоярово. Лошадь спустил, кони подрались и быстро помрились и стали
5 есть пшено белоярово из одного мешка. Зашел, в избу вступил, а там богатырица разметалась. Он на
сонú-ту ей и притворил. Она потом прочухарилась и грит: «Что ты, Добрынюшка, сделал, осквернил
меня». А он и отвечает: «Я, грит, возьму тебя замуж, поедем со мной». Сели на лошадей да и поехали.
А сестра ее за Олешеньку пошла. Добрыня говорит: «Надо коли в реке покупатьца». Оба с женой
Марьей Семеновной и выкупались в реке. Покупались и пошли к венцу. Обвенчались и стали пировать.
- 10 Марья Семеновна напилась пьяна и прирасхвасталась, и говорит:

- «Уж ты, Добрынюшка Никитич,
Жил ты у нас во конюхах,
Ездить да не во вполменя,
А стрелять-то не во треть меня».
- 15 Никитичу-то за бедú пало,
За досадушку-то показалосе,
Стоптал-то он правой ногой кирпичат пол:
«Сряжайся, Марья Семеновна, во чýсто поле,
Снимай перстни да обручальные!» —
- 20 «Уж ты ой еси, Добрынюшка!
Поедем да мы во чýсто поле
Снимать перстни да обручальные,
Первый раз ты, Добрынюшка, стрелишь —
Там мне-ка не дострелишь,

- 25 А второй раз стрелишь — перестрелишь». —
 «А я, грит, стрельну —
 Тебя первой раз сойму». —
 «А ты с третьего раза стрельнёшь —
 Залетит стрела во белы груди,
 30 Размешашь ты кровь со печенью,
 Погубишь меня.
 А прижил ты мне-ка два отрока:
 По локоть-то руки в золоте,
 По колени ноги в серебре,
 35 Погубишь меня».

А ему этто пуще кажетца. Он топчет в пол: «Сряжайся, да и только!»

Поехали в чисто поле, заехали тама-ка, персни на голову поставили. Она как стрельнула — сразу сняла перстень с головы у его. Он стал стрелять: первой раз стрельнул — не дострелил, второй раз стрелил — перестрелил, в третий раз стрельнул — залетела стрела во белы груди. Пала она с лошади.

- 40 Подъехал он ко лошади, распорол ей брюхо, а там два младенца лежат, по локоть руки в золоте, по колени ноги в серебре. Потом взял копьё, ткнул в землю да грудью-то и пал на копьё-то. Тут в поли поехали с пиру веселого смотреть, а они оба мёртвые лежат. *(Все рассказала, больше и сказывать нечего.)*

№ 128

- Во стóльном во гóроде во Киеве
 У ласкова князя у Владимира
 Собирал свет солнышко Владимир-князь,
 Собирал да он почёстен пир,
 5 Почестен пир да похвáлен стол
 Кабы про всех хрисьян да правослáвных,
 Про них бояр да большебрóжных,
 Про руських да про богáтырех.
 Да кабы день-то идет да ко вецору,
 10 Кабы солнышко идет да ко западу,
 Кабы пир-от был да о полú-пирá,
 Кабы стол-от был да о полú-столá,
 А кабы все на пиру стали пьянешеньки,
 А пьянешеньки стали да веселешеньки.
 15 Кабы солнышко да Владимир-князь
 Он был хмелен да полурадостен,
 А кабы по полу князь похаживáл,
 А с ножки нá ножку переступывáл,
 Каблук о кáблук перестукивáл,
 20 Менным гвоздником поколачивáл,
 Белýма-то руками приразмахивáл,
 Могучима плечама пошевеливáл,
 А н желтыма кудрями перетряхивáл,
 Тиху-смирну речь приговаривáл:
 25 «А н то ж, мои русски богáтыри,
 Аж вы, хрисьяне православныи,

- Аж вы, бояре толстопузыи,
 Аж вы все на пиру да поженены,
 Девыцы-красавицы за вас да повиданы,
 30 А я холост хожу, да не женат живу.
 А и кто ж из вас мне невесту знат?»
 Аж и все за столом приумолкнули,
 За дубовыми да все приутихнули,
 А и старшой хоронитца за среннего,
 35 Аж и сренней-то хоронитца за младшего,
 А от младшего князь не мог ответ держать.
 А за тем столом да за серенним
 Молодой-то Дунай да сын Иванович,
 А и стал говорить Дунай да таковó словó:
 40 «Аж как солнышко батюшко Владимир-князь!
 А позволь-ко мне слово да вымолвить,
 А за то слово да не казнить меня,
 А не казнить да не вешати,
 Не ссылать меня в ссылки дальнии».
- 45 Говорит тут ему Владимир-князь:
 «Говори-ка-се, Дунай, да не упáдывай,
 Ты не ённого словечка да не утáивай,
 Аж не будешь ты казнен, не будешь вёшаен,
 Не будешь выслан в ссылку дальнюю».
- 50 Говорит Дунай да таковó словó:
 «Аж и прежде живáл в земли да в дáльнейей,
 В земли дальнейей да в неверной,
 А у князя я жил да у Лиховатого,
 А и жил я у князя да ровно три годá,
 55 Аж и жил я у князя да конюхом,
 Аж и конюхом да и придворником,
 Аж и были у князя две дочери:
 Аж одна была полянка да преудалая,
 А и ездила она по чистým полям;
- 60 А вторá была дочь Опракся,
 Ай Опракся была дочь Семеновна,
 Она особь жила да во гóренке,
 Она училась только прость и ткать,
 Аж и престíсь да и шелком шить.
- 65 Аж и полным статиá да полново́зрастна,
 Аж лицом белá да волосом русá,
 А косá русá до дóлга вóлоса,
 Аж и было бы кому перед князем стоять,
 А и было бы кого княгиней звать».
- 70 А и говорил Владимир-князь:
 «А и ты, Дунай да сын Иванович,
 А и съезди-ко да посватайся,
 Аж и дам тебе товарища по нáдобью».
 Говорил Дунай сын Иванович:

- 75 «Как не надо мне многи́ товарищи,
Аж и есть у меня три товарища:
А и первой товарищ — сабля вострая,
А и второй товарищ — копьё булатное,
А и третьёй товарищ — конь-лошадь добрая.
- 80 Аж дай-ко мне еще товарища,
А старого казака да Илью Муромца».
Аж стали уда́лы сняража́тятся,
А и стали они собиратися,
А не видели поездки молодёцкой,
- 85 А не видели побёжки лошадиной,
Только видели: курева́ в поли стоит,
Курева́ стоит, да пыль столбом летит,
Как скоро поехали да в поле чистое.
Как приехали они ко князю Лиховитому,
- 90 Как зашли во гриню княжеицкую,
Аж у их там Богу не молятца,
На все стороны только нонь поклоняютца,
А князю с княгинею да на осóбицу:
«А и здравствуй, Лихови́той князь».
- 95 Говорил тут Лихови́той князь:
«Уж ты здравствуй, Дунай сын Иванович,
Ты зачем приехал, сын, зачем пришел?»
Говорит Дунай сын Иванович:
«Я приехал тут нонь посвататьца
- 100 Ко твоей любимой дочери,
А к Опраксии да к Семеновне,
А за солнышко князя Владимира.
Аж и дашь добром, так добром возьмём,
А не дашь добром, так лихом возьмем да кроволитием».
- 105 А недолго думали добры мóлодцы,
Они не сваталсь князю, не кланялись,
Они сорвали двери замчёные,
Они взяли Опраксею пóд руки,
Посадили на добра́ коня,
- 110 А старóй впереди сел,
А Дунай-от позади сидит.
Говорит Опраксея да Семеновна:
«Уж вы есть, уда́лы дóбры мóлодцы,
Уж вы руськие могучие богатыри!
- 115 За кого вы меня везёте нонце,
За себя берешь али за товарища?»
Говорит тут Дунай сын Иванович:
«Не за себя беру, не за товарища,
А за солнышко да за Владимира».

(Тут она и кончается. Я ее люблю, эту старину, так вот и помню.)

№ 129

- Во стóльиом во городе во Кieve
Ай у ласкового князя да у Владимира
Собирался тут почéстен пир
Со всех сторон, землей дáльних,
5 Про всех про русских богáтырей,
Про всех христиан да православных,
Про всех бояр да толстобрюхих.
А все тут робята собиралися,
И все робята съезжалися
10 Ко тому ко солнышку Владимиру.
Пируют-столуют трои суточки,
Третьи-то сутки день до вечера.
День-от идет ко вечеру,
Солнышко катится ко западу,
15 Со той со лавки, дубовóй скамьí,
Ставаёт удалый добрый мóлодец
По имени Скопин сын Иванович.
Пó полу Скопин похаживат,
Буйной-то головой он покáчиват,
20 Желтыми кудрями он потряхиват:
Тíху-смíрну речь приговариват:
«Прежде да я бывал-живал,
Бывал я езжал в земли дальние.
Во той земле да во Турецкие
25 У того я жил Семена Леховíтого.
Три года я жил у него во ко́юхах,
Три года други жил во кúчерах,
И три года я жил у него во пíсарях.
Немного прошло да поры-времечка,
30 Прокатилось-прошло-проминовалось,
Ровно как прошло да девять лет.
Были у Семена тогда две дочери:
Большáя дочь — Авдотья Семеновна,
Злая поленíца удалая,
35 Ездит-гúлит всё во чíстом пóли,
Бьется-дерется со богáтырями;
Меньшáя — Афросинья дочь Семеновна,
Не бывала Афросинья на святой Руси,
Не видала она да каменнóй Москвы,
40 Сидит она да в тюрьмý крепкой,
А в крепкой тюрьме сидит в каменной,
За семíма дверями за железными,
За семíма замочками немецкими,
За семíма оконенками хрустальными,
45 Не из простого стекла — всё немецкова.
Сидит она за столиком дубовым,

- Она шьет-вышивает разны шириночки,
 Божьи цѣркови со образами
 И со попами, со дьяками и со причетниками».
- 50 После этого и после этого
 Придумалось и прихотилось
 Солнышку князю Владимиру
 Жениться на Афросинье дочь Семеновне.
 Говорит тут князь Владимир таковы́ слова́:
- 55 «И кого нам послать да в землю дальнюю
 К тому Семену Леховитому
 Посватать Афросинью дочь Семеновну?»
 Говорит тут солнышко Владимир-князь:
 «А пошлем мы старóго Илью Муромца,
- 60 А другого Чурила Бладоплѣнковича».
 Говорит тут Добрыня таковы́ слова:
 «Уж ты гой еси, солиышко Владимир-князь!
 Чурила-то у нас роду невежлива,
 Невежлива и неучеслива,
- 65 Не умеет он с людьми сойтись-съехаться,
 Не умеет он как поздороваться,
 Не умеет он как им честь воздать.
 Пошлем-ка Добрыню Никитица:
 Добрыня-то у нас роду вежлива,
- 70 Вежлива роду был, учеслива,
 Умеет он с людьми сойтись-съехаться,
 Умеет он с людьми поздороваться,
 Умеет он ровно и честь воздать».
 И стали тут робята сряжатися,
- 75 И скоро стали собиратися,
 Поезжают во ту землю дальнюю
 К тому Семену Леховитому
 О хорошем деле, о свáтовстве,
 За того за солнышка Владимира,
- 80 Захотелось солнышку пожениться.
 После этого скоро робята отправлялися,
 Скоро проехали они все болота чистые,
 Прогонили все леса дремучие,
 Подъезжают к тому высóку тѣрему,
- 85 Ко тому Семену Леховитому.
 Становятся к ограде ко дубóвоей,
 Ко тому крылечку ко косявчату,
 Ко тому столбу и ко дубовому,
 И ко тому кольцу золочѣному.
- 90 Слезывáют уда́лы дóбры мóлодцы,
 Вяжут своих добры́х коней
 За то кольцо золочѣное

- И заходят на крылечко косявчато,
Заходят в гридни во столовые.
- 95 Они Богу молятца по-писаному,
Молитву прочитали по-ученому,
И всем кругом поклонилися,
Со всема они поздоровались:
«Здравствуйте, Семен Леховитый,
- 100 Мы приехали к тебе по добру́ делу — о свáтовстве,
Посвататьца вашу дочку Афросинью дочь Семеновну
За того мы за солнышка князя за Владимира,
Вашу дочь Афросинью дочь Семеновну».
Говорит тут Семен таковы́ словá:
- 105 «Вы сходите к моей дочке Афросинье дочь Семеновной
Во ту во ейну горницу,
За те за двери за железные,
За ти замки за немецкие,
Увидáйте Афросинью дочь Семеновну».
- 110 Пошли робята к Афросинье дочь Семеновной,
Зашли они — поздоровались,
Низко ей поклонилися:
«Здравствуйте, Афросинья дочь Семеновна,
А мы приехали к тебе о хорошем деле — о свáтовстве
- 115 За того за солнышка Владимира-князя».
А да Афросинья дочь Семеновна
На это им ответ держít:
«Да я такая, может, ему не по рáзуму?
Он со мною не вíдался,
- 120 А только слышал в таких книгах и стáринах,
Что есть такие-то у Семена Лиховитого две дочери:
Одна — Авдотья дочь Семеновна,
Зла поляница преудалая,
Ездит-гúлит всё во чистóм поли;
- 125 Другая — Афросинья дочь Семеновна,
Живет в таком во тереме,
Заперта крепко она, заложена.
Это солнышку Владимиру придумалось-приохотилось
Ему на нас пожениться».
- 130 Вот они взяли Афросинью дочь Семеновну,
Пошли все к Семену Леховитому,
И порешились оии и просватали.
И скоро тут робята отправляютца,
Из того города поезжают в свой стольный Киев-град.
- 135 И привезли они Афросинью дочь Семеновну.
Выходит скоро солнышко Владимир-князь,
Берет Афросинью за белы́ руки
И ведет ей во свою во гридню во столовую.
После этого и после этого

- 140 Сходили они во божью церковь,
И скоро они тут повенчались,
И стали они тут пировать и столовать,
И все на пиру напивались,
И все на честном наедались,
- 145 И все на пиру прирасхвастались.
А глупый-от хвастат своей молодой женой,
А средний-от хвастат своим отцом и своей матушкой,
А мудрый хвастат своей золотой казной.
И говорит Искудра дочь Малютина,
- 150 По полу похаживат,
Тиху-смирну речь она выговариват:
«Уж ты гой еси, солиышко Владимир-князь!
Кого же нам послать Скопинá позвать?»
Один говорит Чурила Пленкович:
- 155 «Кого мы пошлем Скопинá позвать?
Пошлем мы опять Добрынюшку Никитица:
Добрыня у нас был роду вежлива,
Вежлива он был, учеслива,
Умеет он с ним сойтись и поздороватьце,
- 160 Умеет он ему честь воздать».
Говорит Добрыня таковы слова:
«Здравствуй, Скопін сын Иванович,
Я послан к вам послом скóрым
От солнышка Владимира,
- 165 Позвать просил он вас на почестен пир».
Скоро Скопин у нас тут сряжаетце,
Скоренько он сподобляетце,
Седлал он, уздал своего коня доброго,
Закладывал уздечку-от тесмяную,
- 170 Накладывал седельшко черкáльчето,
И скоро накладывал на своего коня доброго.
Наложил он на него свой шелков повód,
И только он в струмена ступил,
И скоро на коня скочил,
- 175 И отправились робята, дóбры мóлодцы,
Ко тому ко солнышку Владимиру на почестен пир,
Стали робята пировать и столовать,
Стали они забавлятися разными играми.
Вставаает Скопин на резвы ногí,
- 180 Говорит Скопин таковы слова:
«Прежде досель я, молодец,
У Искудры-то я на коленях сиживал,
Бéлы грúди у ей в руках дёрживал,
Уста-то у ей целóвывал».
- 185 И это Искудры за бедú стало,
За велику ей досаду показалосе.

(Как была у Владимира в горницах, это ей не понравилось.)

№ 130

♩ = 112

Ка_к(ы) во сла_в(ы)_но_м(ы) во го_ро_де во Ки_ё_ве,
 А у ла_с(ы)_ко_ва кня_зя у В(ы)_ла_ды_ме_ра
 За_во_ди_ло_се сто_ло_вань_ё_пи_ро_вань_ё
 Ка_к(ы) на все_х(ы) же куп_цей, ло_по_в(ы), бо_га_ты_е,
 Ка_к(ы) на ру_с(ы)_ки_х(ы) мо_гу_чи_х(ы) всё бо_га_ты_рей,
 На кресть_я_н(ы) всех, бо_я_р(ы) да тол_сто_брю_хи_ех...

- Как во славном во городе во Киёве
 А у ласкова князя у Владимира
 Заводило се столóваньё-пирóваньё
 Как на всех же купцей, попов богатые,
 5 Как на русских могучих всё богатырей,
 На крестьян всех, бояр да толстобрюхих.
 Как бы все-то ль на пиру да пьяны-веселы,
 А не все ли на пиру да развесёлыя.
 Как бы все-то на пиру да прирасхвастались:
 10 Как иной-от ведь хвастат чистым сёребром,
 Как иной-от бы хвастат скатным жемчугом,
 А иной-от ведь хвастат красным золотом,
 Как иной-от бы хвастат(ы) добрым конём,
 Как иной-от ведь хвастат саблей вострою,
 15 Ак иной ведь хвастат палицей буёвою,
 А иной-от ведь хвастат копейцем бурзаемецкими,
 А ведь умной ведь хвастат старой матерью,

- А безумной ведь хвастат молодой женой.
 Как бы все-то сидят да развесёлыя.
- 20 Абы солнышко князь да по полу ходил,
 Он ножка о ножку поколачивал,
 Он сапог о сапог да нынь пошалкивал,
 Он бёлыма руками принамахивал,
 Он рúсыма кудрями принатряхивал,
- 25 Он ясныма глазами приразглядывал:
 «Уж вы ой еси, удáлы добры молодцы,
 Уж вы русские могучие богáтыри!
 Уж вы все-то сейчас развесёлыя,
 Уж вы все-то у нас да припожéнены,
- 30 Уж красны девушки да взамуж выданы,
 А один-то я у вас да нынь холóс(т) хожу,
 Я холóс(т)-то хожу, да без жены живу.
 Вы не знаете ле кто мне поединщицу,
 Вы не знаете ле кто да мне невесту-ту?»
- 35 Мне статным-то надь статна́, да 'ак лицом бела,
 А лицом-то бела да волосóm русá,
 А походочка бы у ей да тихо-смирная,
 Ейна речь лебедина тихо-смирная».
- А один-то удáлый доброй молодец
- 40 Как по имени Дунай да сын Иванович:
 «Уж ты ой еси, ты солнышко Владимр-князь!
 Не моги меня казнить, моги помиловать.
 Я бы знаю-то тебе да нынь невесту-ту.
 Как статным-то она статна, да полна возрастом,
- 45 Ак лицом-то она бела, да волосóm русá,
 Ей походочка была да тихо-смирная,
 Ейна речь-то была да лебединая:
 Есть и за морем Семен да Лиховинских,
 Есть и дочь у него да распрекрасная,
- 50 Как по имени она Ефросинья дочь Семеновна».

(Не знаю больше, как ведь, забыл ведь я уж тут больше. Ладно, как-то... Я же сроду не певал таких самостоятельно.)

- Как послали Дуная за невестой-ту.
 Он и взял с собой могучих богáтырей,
 Он корабль нагрузил да златом-сéребром,
 Он прнехал ко Семену да Лиховинских:
- 55 «Как мы русские могучие богатыри
 Что из стольнёго из города из Киёва,
 Я приехал к вам за дочерью Ефросиньею,
 Ей за князя за Владимира взамúж везти.
 А добром отдадут — возьмем с радостью,
- 60 А добром не отдадут — возьмем нéчестью».
- Согласилсе тут Семен да Лиховинских:
 «Еще дочь моя, Ефросинья Семеновна,

- Приезжает богатырь за тебя свататься
 Что за русского за князя за Владимира.
 65 Говорит: добром даем — возьмут с радостью,
 А добром не отдаем — возьмут нечестью».
 Еще стала Ефросинья нын сряжатисе,
 Во цветное свое платье наряжатисе,
 Собираетсе во стольней Киёв-град
 70 Она за русского за князя за Владимира.
 Привозили Ефросинью в стольней Киёв-град,
 Тут пошло у их пированье великое.

№ 131

- А ше как по полу Владимир-князь прохаживал,
 А ше тиху-смирну речь да выговаривал:
 «А ше вы, гости ли мои все преудалые,
 А ше как бояре вы ли сидите да православные,
 5 А ше как все ли вы сидите вы да споженатые,
 А как один-де-то Илия неженатый был,
 Я один неженатый живу, да я холост живу».

(Дальше они ищут ему жену везде. И взял он жену из Греции, греческую царевну. А как зовут ее — не помню.)

БОЙ ДОБРЫНИ С ДУНАЕМ

№ 132

- Ай да первая поездка да молодецкая,
 Хоробра была поездка да молодецкая,
 Да не видели побезку да лошадиную,
 Только видели: в чистом поли курева стоит,
 5 Курива стоит, дак дым столбом валит.
 Выежжал ле тут Добрыня на чисто полё,
 Он брал-то ле трубоцьку подзорную,
 Осмотрел на четыре да на дальни стороны,
 Он смотрел-де под сторону под западну —
 10 Там стоят-де топере да лесы темия;
 Он смотрел-де под сторону под северну —
 Там стоят-де топере да леденны горы;
 Он смотрел-де под сторону восточную —
 Там стонт дак и наш да стольней Киев-град;
 15 Он смотрел-де под сторону под летную —
 Он завидел в чистом поле черной шатёр,
 Он черной-де шатёр, да чернобархатной.
 Думучись-то Добрынюшка роздумалсе:
 «Как у нашего царя было у белого,

- 20 У наших-то руських богатырей,
Кабы были ле шатры белополотнены,
Тут стоит ноньце черной, да чернobarхатной».
Приеждял тут Добрыня ко черну шатру,
Привезал он коня да ко сыру дубу,
- 25 Заходил-то Добрыня да во черной шатер,
Розоставлены столы тут белодубовыя,
Розоставлены вёдра да зелена вина,
Розоставлены бадьи да с медом сладким,
Розоставлена посуда да все хрустальня,
- 30 Тут лежал-де ярлык, да скоро грамота:
«А кабы кто ноньце в моём шатру попьёт-поес,
Как попьёт-де, поес, право, покушает,
Не уехать живому из чиста поля».
А оттуль же Добрыня да поворот даёт,
- 35 Он поехал назад да в стольнёй Киев-град,
Доеждал-то Добрыня до Несей-реки,
Он поил-де коня да во Несей-реки,
Думучись-то Добрынюшка роздумалса:
«Я приеду теперь да в стольнёй Киев-град,
- 40 Кабы станут богатыри да спрашивать,
Кабы станут же руськие выведывать,
Уж я што им скажу, што поведаю?
То не чесь мне хвала молодецкая».
Как оттуль же Добрыня поворот даёт,
- 45 Приеждял-то Добрыня да ко черну шатру,
Привезал он коня да ко сыру дубу,
Заходил тут Добрыня да во черной шатёр,
Он напилса, наелся, тут накушался,
Приломал он тут посудушку хрустальнюю,
- 50 Приломал он-де вёдра ' зеленым вином,
Приломал он бадьи да с мёдом сладким,
Розрывал он тут да весь черной шатёр,
Розбросал он шатёр да по чисту полю.
Он лёжилса тут спать да на сыру землю.
- 55 Как о ту же о пору, о то времицько
Приеждал тут Дунай да из чиста поля,
Он завидел свой шатёр не по-старому:
Вся приломана посудушка хрустальная,
Все приломаны вёдра с зеленым вином,
- 60 Все приломаны бадьи с медом сладким,
Весь розорванной его да черной шатёр.
Как увидел он Добрыню на сырой земле,
Вынимал-де он сабельку булатную,
Он хотел-то срубить да буйну голову,
- 65 Думучись-то ле сам дак призадумалсе:
«Как сонного-то губить, дак ровно мёртвого,
То не чесь будет хвала да молодецкая,

- А не выслуга будет да богатырская».
 Розбудил он Добрынюшку Микитица,
 70 Хватилисе они дратца на рукопашецьку,
 Они билисе-дрались да трон сутоцьки.
 Как о ту ныньце о пору, да о то время
 Кабы стар ле казак да Илья Муромець
 Выезжал стар казак да во чисто полё
- 75 Как со тем же Олёшинькой Поповицом.
 Говорит стар казак дак Илья Муромець:
 «Ой ты ой есь, Олёшинька Поповиць брат!
 Слезывай ты тепериця со добра коня,
 Припадай-ко к земле да юхом правным,
- 80 Не стучит ле де-ка матушка сыра земля,
 Не дерутца ле где руськие богатыри:
 Кабы два ноньце руських, дак помирить надо,
 Кабы два ноньце неверных, дак прогонить надо,
 Кабы руськой с неверным, дак пособить надо».
- 85 Припадал-то Олёша да ухом правным:
 «Как не где нонь не стучит да мать сыра земля».
 Как скакал-то старой да со добра коня,
 Припадал он ко матушке сырой земле —
 Там стучит ле ведь матушка сыра земля,
- 90 Да под той же сторонушкой восточной;
 Как прямой-то дорогой ехать месяцы,
 Выезжал-то стар казак да ровно в три часа.
 Закричал стар казак да зычным голосом:
 «Уж вы ой еси, удалы добры молодцы!
- 95 Вы об цём деритесь, дак об цём ратитесь?
 Разве на земли-то стало да ныньце юзко вам?
 Кабы до́ неба-то стало да ноньце низко вам?»
 Они-то ноньце дерутса, не варуют,
 Они пуще дерутса, пуще ратятса.
- 100 Да скакал-де старой дак со добра коня,
 Он хватал-де обех ноньце в охабоцьку:
 «Ох вы ой еси, удалы да добры молодцы!
 Вы об цём нынь деритесь, да об цём ратитесь?»
 Кабы стал ему Дунай ноньце высказывать:
- 105 «Я ведь за морём ноньце жил, да за синиим,
 Я за синиим жил за Варальским
 У того же я Семёна Лиховитого,
 Я ведь три года жил да ровно в конюхах,
 Да и три года жил да, право, в стольниках,
- 110 Да и три года жил я в поннощычках,
 Да прошло же тому время ровно девять лет,
 Я ведь выжил всю посудушку хрустальнойю,
 Я выжил ле вёдра да ' зеленым вином,
 Я выжил ле бадьи да с мёдом сладким,
- 115 Да я выжил ле столы белодубовыя,
 Да и выжил шатёр да чернobarхатной.
 Захотелось мне-ка ехать во свою землю,

- Во свою ле землю, ноньце на родину,
 Я поехал нонь топере да во свою землю,
 120 Выжеждал я топерь да на чисто полё,
 Я поставил свой шатёр да на чисто полё,
 Розоставил я столы белодубовыя,
 Розоставил я вёдра да (') зеленым вином,
 Розоставил я бадьи да с мёдом сладким;
 125 Захотелось мне-ка съездить за ёхвотою,
 Написал я ерлык да скору грамоту:
 „Кабы хто нынцѣ в моём шатре попьёт-поес,
 Как попьёт-де, поес, право, покушает,
 Не уехать живому из чиста поля“».
- 130 Говорит им стар казак да Илья Муромец:
 «Те спасибо нонь, Дунай да сын Ивановиць,
 Не оставляшь свой шатёр без угроз ты молодецких,
 Те спасибо, Добрынюшка Микитич млад,
 Не боишься ты угроз да молодецких».

№ 133

- Ездил Добрыня по чисту́ полю
 И приворачивал к летным тихим за́водям,
 И стрелял гусей-лѣбедей,
 Околачивал серых малых утѣнышков.
- 5 Наездилса Добрынюшка да наохвотилса,
 Отъехал от тихих малых за́водей,
 Выехал Добрыня во чистó полё,
 Поехал по полю по чѣстому.
 Завидел на́ поле черно́й шатѣр,
 10 Черно́й шатѣр, да чернобархатной,
 Здумал приворотить к шатру да чернобархатну.
 Шатровы двери за́перты,
 За́перты двери, да за́мкнуты,
 Над дверями подпись подписана,
 15 Да подрезь подрезана,
 И с угрозою шатѣр оставленный:
 «Кто приворотит к тому шатру,
 Кто отопрѣт мои двери шатровыя,
 И попьѣт, поест, покушает,
 20 Не уедет он от черна́ шатра,
 Хоть уедет он от черна́ шатра,
 Не уедет он из чиста́ поля,
 Нагоню я на поле на чистое,
 Под меч склоню и голову́ срублю».
- 25 Добрынино дело не выклое,
 Не выклое дело, не бывалое:
 «Не бывал Добрыня по чистым поля́м,
 Не видал шатров чернобархатных,
 Чернобархатных шатров да с угрозами».

- 30 А поехал Добрыня против черна шатра,
Немного проехал он и прираздумалса,
Прираздумалса Добрынюшка промеж собой:
«Я приеду нонь да в стольней Киев-град,
Зайду ко князю ко Владимиру,
- 35 У князя, можот, сидит старой казак,
Старой казак да Илья Муромец.
Он и спросит у меня, старой казак, да таковó словó:
„Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад!
Ты уж где бывал да што слышал,
- 40 Што слышал, да кого видывал?
У меня старому сказать будет нечего.
Видел только, скажу, на поле
Черной шатёр да со угрозою,
Не посмел отворить двери шатровые.
- 45 Што мне скажет на то старой казак?
„Полно тебе, Добрыня, ездить да во чисто полё,
Дома живи да ты с бабами,
Почищай ты у их да передници
И подтирай ты у их задници“».
- 50 Воротился тогда Добрыня ко чернó шатрú,
Поставил коня к дубú сырóму,
Где насыпано пшена да белоярова,
Подошел Добрыня к дверям шатровым,
Сорвал замочки он заморския,
- 55 Отопрал двери он шатровыя,
Зашел Добрыня он во черной шатёр.
Во шатри стóлик стоит поставленийый,
На столи кушанья всякие разныя,
Стоят графины с водкой разною.
- 60 Стал Добрыня тут кушати,
Стал водоцьки покушивать,
Наелса-напилса Добрыня досыта.
Омманула водка Добрынюшку Никитичя:
Не мог Добрыня уехать от черна шатра́,
- 65 Свалилса спать он во черном шатре́.
Долго ли спал ли, корóтко ли,
Наехал тут шатровый хозяин.
Разгоречилса на Добрыню Никитичя,
Сонного убить всё равно как мёртвого,
- 70 Закричал только ярым голосом:
«Кака приехал тут за невежа ж?
Сорвал мои замки весучия,
Я срублю у тебя да буйну голову!»
Будил-клíкал его до трёх разóв.
- 75 Стал его попинывать,
Попинывать и пошевеливать.
Пробудилса Добрыня от крепкого сна,

- Скочил Добрыня на резвы́ ногы́,
Ушел Добрыня из черна́ шатра́.
- 80 Садилса Добрыня на добра́ коня́,
Поехал Добрыня от черна́ шатра́.
Сзади настиг хозяин его в чистом́ поли:
«Кака ты приехал за невежа такая,
Не спрашивашь ты ни дедины и ни вотчины, и не хозеина,
- 85 Наелса и напилса допьяна
И уехал от черна́ шатра!»
Ехали они, знашь, до Киева,
Приехали они в стольней Киев-град,
Зашли ко князю ко Владимиру.
- 90 У князя сидит старой казак,
Старой казак да Илья Муромец.
Говорит Илья да таково́ слово:
«Откуда взелись да такы́ молощцы?»
Оба старому стали жалитьця,
- 95 Один объявляет ему жалобу,
Што приехал к его шатру, напился, наелся.
А другой отвечает таково́ слово:
«Зачем ты оставляешь шатёр с угрозою?»
Говорит им на то старой казак:
- 100 «Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад,
Али ты Дунай да сын Иванович!
Помиритесь, согласитесь вы,
Делить вам нечего:
Один оставил шатёр с угрозою,
- 105 А другой хоть попил-поел — не унёс ничего». У князя пир идёт уж трое суточки.

№ 134

- Хороша была поездка молодецькая,
Хороша была побежка лошадиная:
Вот не видели, как на коня, ах, вскочил,
Да не видели, как он в стремена вступил,
- 5 Только видели: в чистом поле курева́ стоит,
Курева́ стоит, дым столбом валит.
Выежжаёт Добрыня во чисто́ полё,
Вынимал он да нову трубу́ да подзорную,
Он смотрел да на всю четыре стороны:
- 10 Там-то стоёт лёсы тёмныя,
Там-то стоёт горы́ высокия,
Да и стояло да поле чистое,
Да во чистом́ поли́ да шатёр стоит.
Да как у наших у русьских у богатырей
- 15 Как стоёли шатры белополотнены,
Ах, там да стоит шатёр да чернобархатный,
Поежжал Добрыня ко черну́ шатру́.

- Приежжает Добрыня ко чернѹ шатрѹ,
 Не привязывал коня, ах, и не приказывал,
 20 Заходил Добрыня, ах, и во чернѹ шатѣр.
 Стоели а столы все а дубовыя,
 А вокладины столесины кедровыя,
 А подѣрнуты а скатѣрочки шелковыя,
 А наставлены а ества сахарныя,
 25 Да стоели е тут ведра с зе... ах, и с зеленѹм вином,
 Лежал тогда ерлык да скорописчатѹ,
 Ах и написаны е угрозы да бога... да богатырския:
 «Уж и кто попьѣт-поест, а покушает —
 Не уехать и живому да из... ах, из чистѹ поля».
 30 Откуле Добрыня по... ах, и поворот даѣт.
 Выходил Добрыня во... да вон на улицѹ,
 Садилсы Добрынюшка на... ах, и на добрѹ коня,
 Доежжаѣт Добрыня да ко Невѹй-реки,
 Он и кормил-поил да ко... ай, и коня доброго,
 35 Думучись Добрыня прираз... ах, да прираздумалса:
 «А приеду я в стольнѣй Киѣв-град,
 Станут богѹтыри все испрашивать,
 А и станут вси русьскыя все разведывать,
 А што им я скажу, што, ах, поведаю?»
 40 Не честь-хвала молодецкая,
 Да не выслуга богатырская».
 А оттуле Добрыня поворот даѣт,
 Доежжаѣт Добрыня ко... ай, ко чернѹ шатрѹ.
 Он привязывал коня ко сы... ах, ко сырѹм дубѹ,
 45 Ко сырѹм дубѹ да к зо... ах, да к золотѹ кольцѹю.
 Заходил тогда Добрынюшка во... ах, и во чернѹ шатѣр,
 Ах, и садилса Добрыня за дубовый стол,
 Он и пил тут ества сахарныя,
 Он и напилсы, Добрынюшка, ах, и зеленѹ виинѹ,
 50 Он и розлил, Добрынюшка, зеленѹ винѹ,
 Он разѹрввал скатѣрочки шѣлковыя,
 Расколѹл столесинки кедровыя,
 Разломал е столики, ах, дубовыя,
 Разѹрввал шатѣр черно... ах, и чернѹбархатный.
 55 Выходил тогда Добрынюшка во... ах, и вон на улицѹ,
 Пал коню своему пѹд ноги.
 Да едет Дунай из чистѹ поля,
 Завидел шатѣр да не по-старому,
 Не по-старому шатѣр, да не по-прежнему.
 60 Приезжаѣт Дунай ко своему чернѹ шатрѹ,
 Да выдѣргивал чннжалищо предолгоѣ,
 Хотел он пороть Добрыни грѹдн белыя,
 Думуцѣсь Дунай прираздумалсѹ:
 «Не честь-хвала моя молодецкая,
 65 Да не выслуга моя богатырская —
 Соннѹго мне бить равнѹ мѣртвого,

- Лучше побудить да потегатися,
 Да силушки своей да попытатися...
 „Ох ты ой еси, ты удалой добрый молодец!
 70 Да будет тебе спать — пора вставать,
 От великого сну пробужатисэ,
 От великой хмелинки просыпатисэ!“ »
 Розбужалса Добрыня от великого сна,
 Садилса Добрыня на добра́ коня,
 75 Поехали они во чисто полё.

(Они тогда съехались. Добрыня победил Дуная. Как тут было, не знаю. Три раза съезжались.)

Выпадывал Дунай из седёлышка,
 Скокал Добрыня с добра́ коня,
 Расстёгивал латы железныя,
 Порóл Добрыня груди белые.

№ 135

- Хороша была поездка молодецкая,
 Хороша была поездка лошадиная.
 Как не видели — Добрыня на коня скочил,
 Только увидели: Добрыня в стремя ступил.
 5 И поехал Добрыня во чисто полё,
 Вынимал тогда трубу подзорную,
 И здрел-смотрел во чисто полё,
 И увидел: в чистом поле шатёр стоит,
 Шатёр стоит белобархатный.
 10 И подъехал Добрыня ко чери́у шатру
 И не привязывал коня и не приказывал,
 Заходил тогда Добрыня во бело́й шатёр.
 Стыят во шатри́ столы́ дубовыя,
 Розоставлены столы кедровыя,
 15 Подёрнуты скатертью шолковую,
 Розлиты напитки всё разныя.
 Тут лёжит ерык да скорограмотный,
 Написаны угрозы богатырския:
 «Кто попьёт и поест и покушаёт —
 20 И не уехать тому из чиста́ поля».
 Оттуль Добрыня поворót давал,
 Поехал тогда Добрыня в стольный Киев-град,
 Доехал Добрыня до Невой-реки,
 Думуци сам он прироздумался:
 25 «Я приеду в стольный Киев-град,
 И станут у меня богатыри спрашивать,
 И станут русьскии выведывать,
 Што в чистом поли там деетце,
 И не честь будет да молодецкая,
 30 Не выслуга будет богатырская».
 И оттуль Добрыня поворот даёт,

- И приехал тогда ко чернѹ шатрѹ,
Заходил тогда да во чернѹ шатѣр,
Наливал тогда стакан да зеленѹ винѹ
35 И пил тогда через край до диѹ,
И закусывал ѹства сахѹрные.
Розорвал тогда весь белѹй шатѣр,
Розломал тогда столы дубовыя,
Розодрал тогда скатерти шолкѹвыя,
40 Выходил тогда он вон на улицу
И лежился спать да коню пѹд ноги.
Едет Дунай да из чистѹ полѹ,
Здрел-смотрел да во трубу подзорную
И увидел: шатѣр стоит не по-прежнему,
45 Не по-прежнему, да не по-старому.
Приехал тогда да ко чернѹ шатрѹ,
Вынимал тогда чинжалище предолгоѣ
И хотел рубить у его да бѹйну гѹлову,
Думуци себе да прироздумалси:
50 «Мне не честь-хвала да молодецкѹя,
Не выслуга будет богатырскѹя.
Не пора ли тебе стать да разбуджѹтисѹ,
С великим хмелем да росстоватисѹ!»
(Дальше не помню хорошо.)
Тут они дрались цѣлы сутки.
- 55 Стар казак приехал, учул, што они дерутцѹ, и их рознял.

№ 136

- Кабы ездил Добрыня по чистѹ полѹ,
А стрелял он гусей да белых лѣбедей,
А ещо он стрелял да серых утицей.
Увидел Добрыня во чистѹм полѣ,
5 Во чистом поле тут шатѣр стоит.
Думуци Добрыня прираздумалси:
«Кабы русьскѹй богѹтырь был — был белѹй шатѣр,
А как неверный богѹтырь — чѣрн шатѣр».
Приезжал тут Добрыня ко чернѹ шатрѹ,
10 Слезывал Добрыня со добрѹ конѹя,
Спустил Добрыня к еговому коню своего конѹя:
«Какой мой конь отгонит его — я побью его в чистѹм полѣ.
А его конь отгонит, тогда он меня побьѣт в чистѹм полѣ».
Тут кони поладились.
- 15 Заходит Добрыня во чернѹ шатѣр:
Тут-де столы да розоставлены,
И скатѣрки на них подѣриуты,
И питѹя-кушаиѹ всякнѹ разноличныя,
Стоят тут бѹдьи мѣду сладкого;

- 20 Лёжит тут удалый добрый молодец
И вешня сабелька вострая.
И хотел Добрыня отсеки голову́ у его.
Думучи Добрыня прироздумался:
«Сонно́го убить — всё равно как мёртвого».
- 25 Стал он богатыря побуживать,
Поехали они да во чисто полё,
Бились-дрались да трое сутокки,
Не ранились они да не кровавилнсь.
Говорит-то Добрынюшка Микитич блад,
- 30 Стал его выпрашивать:
«Какого ты роду, какого племени?
Как тебя зовут по имени?» —
«Зовут меня Дунай Иванович,
Русский богатырь я».
- 35 Встават Добрыня и берёт его за руку:
«Если русьский богатырь, мы побратуемся».

(Больше-то, пожалуй, я и не знаю. Там еще что-то было.)

№ 137

$\text{♩} = 108$

Уж как е-з(и)-ди-л(ы) До-б(ы)-ры - ня да по чи-с(ы)-ту по - лю,
Он за - ви - де-л(ы) До-б(ы)-ры - ня, да та-м(ы) ша - тё - р(ы) сто - ит.
Уж как рус-ски те ша-т(ы)-ры бы-ли бе - ло - ба - р(а) - ха - т(ы) - ны,
А как тот-то де ша - тё-р(ы) да-к(ы) че - р(ы) на - ба - р(а) - ха - т(ы) - кой.
Как по - е - ха-л(ы) До-б(ы)-ры - ня да ко че-р(ы) - ну ша - т(ы) - ру...

Уж как ездил Добрыня да по чисту́ полю,
Он завидел, Добрыня, да там шатёр стоит.

- Уж как русски-те шатры были белобархатны,
 А как тот-то-де шатёр дак чернobarхатной.
- 5 Как поехал Добрыня да ко чернóу шатру,
 Он ведь ставил коня да к дубовóу столбу,
 Он ведь вяжет коня да к золоту кольцу.
 Он заходит, Добрыня, да во черной шатер —
 Тут стоит нынь бочка да с зеленým вином.
- 10 Он напился, наелся, да стал пьянёшенек,
 Пьянёшенек стал да веселёшенек.
 Он ведь стал по шатру нынче похаживать,
 Он стал шатер нонь подергивать,
 Уж как вырывал шатер на мелки дребезги,
- 15 Уж как сам тут упал на мать сырú землю́,
 Он засыпáл честнým богатырским сном...
 (*Дальше забыто.*)

ДЮК СТЕПАНОВИЧ И ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ

№ 138

- Из той из Нижной Малой Галицы,
 Из той Корелочки да из богатой,
 Выезжал-то на добром коне, на троелеточке,
 Молодой Дюк да сын Степанович,
- 5 Выезжал на горы на высокия,
 На ти на шóлони окатисты,
 Он смотрел-глядел на вси на дальны стороны
 Из той нз трубочки подзорной.
 Сперва смотрел под сторону под северну —
- 10 Видны — стоят там ледяны горы;
 После смотрел под сторону восточную —
 Там видно: стоят да леса темные;
 После смотрел под сторону под летную —
 Там видно: стоят да поля чистыи,
- 15 Видно: стоит там стольной Киев-град;
 Затим смотрел под сторону под западну —
 Там видно: стоят да моря синие,
 Там плавают гуси-лебеди
 На тихих вёшных заводах.
- 20 Оттуль молодой да поворот дает,
 Приезжат назад во Нижну Малу Галицу,
 Во Корелочку да во богатую,
 Ко той ко матушке ко родимой,
 Честой вдове Омельфе Тимофеевне.
- 25 Пал Дюк тогда матушке во резвы ноги,
 Просит у ней благословленьица съездить в Киев-град.
 Не дават ему мать благословленьица.

- Он и падат ей да во второй након,
 Говорит сам таково слово:
- 30 «Ой еси, матушка родимая!
 Дай мне-ка благословленьице от буйной главы до сырой земли
 Съездить в Киев-град,
 Посмотреть князя Владимира».
 Не дает ему матушка благословленьица.
- 35 Падат Дюк да во третей након
 И говорит ей таково слово:
 «Уж ты дашь — поеду и не дашь — поеду».
 Говорит ему Омельфа Тимофеевна:
 «Уж ты ой еси, дитятко родимое,
- 40 Молодой Дюк да сын Степанович!
 Молодешинёк ты, зеленёшинек».
 Но дала ему благословленьицо от буйной главы до сырой земли.
 Стал тут молодец снаряжатся,
 Стал сподоблятися ехать в стольной Киев-град.
- 45 Говорит ему матушка родимая,
 Чесна вдова Омельфа Тимофеевна:
 «Когда ты приедешь в стольной Киев-град
 И будешь на честиом пиру, —
 Княженевски пиры злы-омманчивы —
- 50 Дам тебе я перстыночки барановы,
 Подари ты старому казаку Илье Муромцу».
 Говорит ей молодой Дюк да сын Степанович:
 «Как узнаю я Илью Муромца?»
 Говорит ему Омельфа Тимофеевна:
- 55 «Когда приедешь ты в стольной Киев-град
 Ко той ко грине княженевской,
 Все уйдут во божью церковь.
 Прнезжай и ты ко божьей церкви
 И заходи во божью церковь —
- 60 Крест клади по-писаиому,
 Поклон — по-ученому,
 Поклонись на вси четыре стороны,
 Подойди на право крýлосо,
 Служат тут обенню воскресенскую;
- 65 Простой ты службу воскресенскую,
 Подойди к дверям церковным;
 Пойдет народ из божьей церкви:
 Сперва пойдут мешшана пригородныи,
 Затем пойдут хрестьяна православныи,
- 70 Затим купцы, люди торговые,
 И тогда пойдут руськие богатыри,
 Позади всех идет стар казак Илья Муромец,
 Перстанки эти ему в любы придут;
 Тогда, куда он пойдет,
- 75 Туда тебя за собой поведет».
 Простился с матерью родимой
 Молодыя Дюк да сын Степанович,

- Поехал тогда в стольной Киев-град.
 Едет здраво поле чистое,
 80 Здраво едет лесы темныи,
 Приезжат тогда в стольной Киев-град,
 Приезжат ко грине княженевской.
 Князь ушел во божью церковь,
 А за ним все русские богатыри.
 85 Приезжат Дюк ко божьей церкви,
 Слезавáт со добра коня,
 Вяжет коня к дубову столбу
 И заходит тогда во божью церкву.
 Богу тогда он да молнтся,
 90 Поклон кладет по-писаному,
 Крест — по-ученому,
 На вси стороны покланяется,
 Приходит на право крылосо,
 Слушат обедню воскресенскую.
 95 Потеснил он на правом крылосе
 Чурила млада Пленковича.
 Не стерпливой на то Чурило был,
 Говорит тогда Чурило Пленкович:
 «Что это за такой за балбан пришел,
 100 Совсем сучьём необтесанной?»
 Говорит ему Дюк сын Степанович:
 «Не то нынче поют, да не то слушают,
 Поют и слушают обедню воскресенскую».
 Подходит Дюк да сын Степанович
 105 Ко тем ко дверям ко церковным,
 Пошел народ из божьей церкви:
 Сначала пошли хресьяне православныи,
 Затем пошли мешшане пригородныи,
 Затем пошли купцы, люди торговые,
 110 Тогда пошли русские богáтыри,
 Позади всех идет стар казак Илья Муромец.
 Подарил Дюк перстяночки Илье Муромцу,
 Принимал стар казак Илья Муромец перстяночки,
 В любóи пришли ему перстяночки барановы,
 115 И ведет удала добра молодца, куда сам идет.
 И пошли все русские богатыри
 К тому ко князю ко Владимиру
 На тот да на почесен пир.
 Садит их солнышко Владимир-князь за дубовы столы.
 120 Водле ся садит стар казака Илья Муромца,
 Добра молодца за передний стол.
 Сидят все они на чесном пиру,
 Пьют, едят чего Бог послал;
 Все стали они пьянешиньки,
 125 Все стали веселешиньки,
 И молодья Дюк да сын Степанович
 Стал пьянёшинёк да веселёшинёк.

- Сидит он — колачик бел-крупищетый поламыват,
 Середочку колачика закусыват,
 130 Верхню корочку на стол кладет,
 Испонню корочку под стол кидат
 И говорит таково слово:
 «У нас во Нижней Малой Галиче,
 Во Корелочке богатой,
 135 У матушки родимой,
 Честной вдовы Омельфы Тимофеевне,
 У нас — колачик ешь, другой хочется, третий просится;
 Подики у нас менные,
 Дровца были соломенны,
 140 А у вас верхняя корка пахнет сосенкой,
 А исподня пахнет гнилкою».
 Говорит на это Чурило млады Пленкович:
 «Что это за такой богач пришел?
 Над тобой, над князем, гость ломается,
 145 Над божьим даром изгиляется».
 Подходит Чурило к Дюку Степановичу:
 «Давай, ударимся об велик заклад,
 Которой которого платьем цветным перещепат».
 Говорит на это Дюк Степанович:
 150 «У тебя дело домашнее,
 У меня дело заезжее —
 Дай сроку на суточки
 Съездить по платью цветное».
 Дават ему Чурило время срочнаго на суточки,
 155 Ударилсь во велик заклад,
 Не во сто рублей, не во ты́сячи —
 О своих да буйных головах.
 О Чуриле поручаются бояры толстобрюхие,
 О Дюке — стар казак Илья Муромец.
 160 Писал тут Дюк Степанович
 Ярлык-скору грамоту
 К своей родимой матушке,
 Честной вдове Омельфе Тимофеевне,
 Чтобы послала матушка родимая
 165 То платью четное,
 Которое оболока́л трижды в год.
 И пошел Дюк на улицу ко добру коню,
 Кладет ярлык в седёлышко черкальчето
 И отправляет во Нижню Малу Галичу.
 170 Побежал его добрый конь во Нижню Малу Галичу.
 Увидала его Мамельфа Тимофеевна через окошечко хрустальное,
 Прочитывала ярлык-скору грамоту
 И вложила платью самоцветное в седёлышко черкальчето,
 И отправила коня назад в стольный Киев-град.
 175 Наредились тогда оба боярина
 И хочут идти во божью церковь;
 У обеих платью у них хорошоё —

- Провел рукой правой Дюк Степанович по белым грудям,
По тем по пуговкам валяжным,
180 И заревели его пуговицы валяжные
Всеми разными голосами,
Как во чистом поле серы волки завояли.
Провел и Чурило Пленкович по белым грудям,
Но не заревели у него пуговицы.
- 185 Пошли они ко князю Владимиру,
И говорит Дюк сын Степанович:
«Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромец!
Что я стану с Чурилой делати?»
Говорит тут стар казак Илья Муромец:
- 190 «Во первой вины Бог простит».
Говорит тут Чурило Пленкович:
«Давай ударимся об велик заклад,
Не во сто рублей, не во тысячу —
О своих ле буйных головах:
- 195 Давай скакать через Непр-реку?»
Ударились об велик заклад,
Садилась они на добрых коней,
Говорит Чурило млады Пленкович:
«Скачи ты первой, Дюк Степанович».
- 200 Говорит Дюк Степанович:
«Которой накликают, тот наперед ступат».
Погонил Чурило и середка реки конь его обрюшился.
Разгонилося тогда и Дюк Степанович,
Схватил Чурило за желты кудри
- 205 И вытащил на берег с его конем.
Говорит Дюк Степанович:
«Ой ты ой еси, стар казак Илья Муромец!
Что я нынчи над Чурилой стану делати?»
Говорит стар казак Илья Муромец:
- 210 «Во первой-то вины его Бог простил,
Во второй вины ты прости».
Чурило был роду заплывчива:
«Давай ударимся еще о велик заклад?»
Поручилися о Чуриле князья и бояры,
- 215 А о Дюке — стар казак Илья Муромец.
Пошел Чурило млады Пленкович
Во те во лавочки торговые
Купить чернил на пятьсот рублей
И бумаги на тысячу,
- 220 Собрали писарей и пошли описывать животы.
Писали, писали, описали бумагу, чернила,
Поежжают они во Нижню Малу Галичу
И видят, что будто огонь горит,
А это Дюков высок терем стоит, лучи мечет.
- 225 Ходит у крута крыльца работница.
Слезавают они со добрых коней
И работнице низко кланяются:

- «Здравствуй ты, Омельфа Тимофеевна!»
 Говорит им работница:
- 230 «Я не Омельфа Тимофеевна, я ее служаночка,
 Омельфа Тимофеевна во божьей церкви;
 Когда она пойдет из божьей церкви,
 Впереди ее идут сукно стеля́т,
 Позади трубу вертят,
- 235 Подле бок идут куфарочки,
 На ней платье не погнется». —
 Заходят эти писаря в высок терем,
 Затим повел их Дюк на конюшен двор
 Писать заводы лошадиные.
- 240 Писали они заводы лошадиные,
 Издержали бумаги на пятьсот рублей, чернил на тысячу;
 Заходили они тогда да во высок терем,
 Принесли им братынечку позолочену,
 А у ней, братынечки, семьдесят семь рожков,
- 245 Из каждого рожка бежат напитки разные.
 Не могли ей дать цены оценщики.
 Говорит тогда Омельфа Тимофеевна:
 «Заложит пушай солнышко Владимир-князь стольной Киев-град
 И тогда приедет животы мои описывать».
- 250 Возвратились тогда писаря и оценщики в стольной Киев-град.
 Говорит тогда Илье Муромцу Дюк Степанович:
 «Что я буду над Чурилою теперь делати?» —
 «Ой ты ой еси, Дюк Степанович!
 Пусть он будет меньшей брат, а ты старшой,
- 255 А вперед не хвастает».

№ 139"

- Ай во етоей ай да во Нижной Малоей да Галицы
 Ай да есь ле да там живёт пречесна вдова
 Как по емени а Емельфа да Тимофеевна.
 А-сь как есь у ей да едино чадо
- 5 А молодой да Дюк да Степановець,
 А немного е от рожденьица — да двенаццеть лет.
 А предумалосе ему да приохотилосе
 А-сь как съездить да сходите ко синю морю́,
 А на ти нонеце крутые да ба́ские бе́режка,
- 10 А на те нонеце а пески е желтые да макарёвские
 А пострелять-то там гусей, белых ле́бедей,
 А-сь как серых маленьких ютёнышов.
 А стал он просить у матушки благословленьица
 А от буйно́й головы́ да до сырóй земли́.
- 15 А дала ему да мати благословленьица
 А-сь как съездить-сходите ко синю морю́,
 А на те нонеце крутые да баские бе́режка,

- А на ти нонеце пески жолты макарёвски.
 Ай да стал тут нонеце Дюк, право, срезатися,
 20 А молодыи как стал собиратися,
 А набрал тут свой, право, тугой лук,
 А набрал ту ле стрелоцки калёныя,
 А калёныя а ле стрелоцки, перёныя,
 А не простым оны перьём — всё ёрлинским,
 25 А не простого ле ёрла — да сезокамьского,
 А-сь сезокамьска ёрла, право, заморьского.
 А пошел Дюк ле на конюшен двор,
 Брал юздечку он тесменную,
 Юздад он коня да троелетоцька,
 30 А юздад ле тут, право, налаживал,
 Ай седёлко на его, право, накладывал,
 А-сь стрёмена наступил да на коня скочил,
 А-на поехал-погонил да ко синю морю,
 А на те нонеце крутые да ле баськие бёрежка,
 35 А на ти нонеце жолтые пески макарёвские,
 Ай пострелял тут он гусей да белых лёбедей,
 Ай кабы серых да маленьких ютёнышов.
 А оттуль ле Дюк нонеце поворот даёт.
 А-на поехал ле на горы да высокия,
 40 А на те нонеце ле окаты на прекрасныя,
 А становил он своёго коня доброго,
 А вынимал он тут ле трубоцьку подзорную.
 А смотрел ле под сторону под северну —
 А ён видал там ле море ледовит окиян,
 45 А стоят ле там ледá там ледяны горы,
 А смотрел ле он под сторона под летию —
 А да видать там што ли знаменуетца,
 Ай ровио стольнё Кеев-град оказуетца.
 А направил ле своего коня доброго
 50 Аж ко тую ле нонеце стóрону, куда путь лежит.
 Ай говорил ле тут да его доброй конь,
 А говорил ён ёзыком человеческим:
 «А-сь ты ой еси, молодыи Дюк Степановиць,
 А не могу я тя нести до стольней Кеев-град:
 55 А корьмил миня травой, право, осочною,
 А поил миня водой, право, болотнаю.
 Поеждяй назад да в Нижиую Галицу,
 Ай-яй поставь меня да на рели на высокия,
 А насыпь мене пшено белояровое,
 60 А попой миня водое, право, ключевой.
 Ай-яй да не много время пройдёт, право, шесь дён,
 А поеждяй тогда на мне да во стольней Кеев-град.
 А не будут нас дёржать реки быстрые,
 А не будут нас дёржать ручьи прегрóbлые:
 65 Аж как быстрыя ти реки на скоку скоцím,
 А прегрóbлые да руцьи шага[м] шагiём».
 Аль поехал тут ле Дюк в Нижиую Галицу,

- Он привёз домой гусей, право, лебедей,
Аж как серых тут малых ютёнышов.
- 70 Ай поставил ён своёго коня доброго
А на те нонеце на рели на высокия,
А насыпал ле пшено белоярово,
А налил ле воды, право, ключевой,
А-на сам тут пьёт да сам кушаёт.
- 75 А да немного прошло времецко — как шесь ле дён,
А придумалось Дюку да приохотилось
Аж как съездить ему да ле в стольней Киев-град
А посмотреть князя да со кнегиною,
Аж как всех тут русских богатырей.
- 80 А да не белыя берёзынька да загибаетца,
А не малиновы листоцики да расстилаютца —
А упадывал ле Дюк да сын Степановиць
Ай ко своей родимой да, право, матушкн,
Он просил у ей и благословленицэ
- 85 А ён от буйной головы до сырой земли.
А не даёт ему мати благословленица,
А и говорит Омельфа да таковы слова:
«Аж молодыи ты Дюк да сын Степановиць,
А да не в полном ты во полном вóзрасте,
- 90 Ай куда же ты поедешь, да куда путь найдёшь?»
А говорит нынче ле Дёк, ответ держит:
«Аж ты ой еси, родема моя матушка,
А по емени Омельфа Темофеевна!
Аж ты дашь ты мне, право, благословленица,
95 Ай не дашь ле мне ты благословленица —
Аж да поеду ле ноне да в стольней Кеёв-град».
Ай да даёт ему мати благословленице
Ай от буйной головы до ле сырой земли.
Ай да стала ему мате да тут наказывать,
- 100 Аж как стала тут родима наговаривать:
«Аж ты ой еси, молодые Дюк Степановець,
Аж ты приедёшь, можот, скоро в стольней Кеёв-град,
Ай и князя да нонеце да не случитца ведь,
А он уйдёт ко обедне воскресеньской».
- 105 Ай да стал ле тут нонь Дюк, право, срежатися,
А молодыя нонь тут сподоблятися.
А надел ле на себя да шубу кунюю,
Он да взял да тут на приправу да богатырьскую,
Аж как брал ле он да сабельку булатную,
- 110 А копейцо ле брал он борзоземцкоё,
А борзоземцкоё копейцо долгомерноё,
А-на как брал ле палицу буёвую,
Ай да брал ён за тонкий [конец].
А и пошел, право, на конюшен двор,
- 115 А юздад там, седлал коня доброго,
Он привёл ко крылецику перёному,
А да выходит тут б' матушка,

- Она стала тут ле ему, правó, наказывать,
 А дорогим тут ле стала наговаривать:
- 120 «Аж ты ой, молодьи Дёк Степановиць!
 Ай посадят тебя да можот на почестен пир,
 А ты не пей тут много зеленá винá,
 А да не хвастай ле сам своим богатесвом,
 А не хвастай своими конями добрыми,
- 125 А не хвастай е своим платьем цветным,
 А не хвастай ле да своей золотой казной,
 Не хвастай много старой матушкой».
 А да стал ле тут он снарезатися,
 А сам садилса на добра коня,
- 130 А стремена наступил да на коня скочел,
 А да поехал-погонил да во чисто полё.
 А ювидали: тут да ле в поле куревá стоит,
 А куревá ле то стоит, да дым столбом валит.
 А ле скоро пригонил да в стольно Кеёв-град
- 135 А до ко тем ле ко полатам кнеженецким,
 А до ко тем ле ко дворам кнеженецким.
 А-на не спрашивал а у ворот приворотников,
 А-на не спрашивал а у дверей придворников,
 Ай да приехал-пригонил да ко красну крыльцу,
- 140 А становилса тут да ле Дюк к дубову столбу,
 А соскакивал да ле Дюк да со добра коня,
 А-на вязал коня к винтову кольцу,
 Ай-я к винтову кольцу да золоцёному.
 Ай-я заходит тут ле Дюк на красно крыльцо,
- 145 А ле со красна крыльця заходит да во новы сені,
 А-ей заходит ён во гриню во столовую,
 А да Богу-то молицца по-писáному,
 А-на поклон да ле ведёт да ле по-учёному,
 А да молитву творит да ле полну Исусову,
- 150 А во вси стороны кругом да ле поклоняйтця,
 Аж как матушке кнегины да во особицу.
 «А ты здравствуй, добрый молодец!
 А ты откуль нонеце едешь, куды путь дёржйшь?
 А не видать-то ле тебя в стольнем Кеёве,
- 155 А не слыхать-то ле тебя, добра молоцца».
 Ай говорит нонеце Дюк, да ле ответ держит:
 «А из той ле из Нижней Малой Галицы,
 Из той же из Карелы из богатой,
 Аж так там живёт пречесна вдова
- 160 А да по емени Омельфа Тимофеевна,
 А молодая нонь я Дюка сын Степановиць,
 А да не многого рожденьица мне — двенаццать лет».
 А да стал нонеце ле Дюк кнегины спрашивать:
 «Аж да где ваш солнышко Владимир-князь?»
- 165 Ай-яй говорит кнегина, а ответ держит:
 «А-на шел ко заутрене Христовой,
 А ко той к обедни воскресеньской,

- А да стонт тут ле ён на правом крылосе,
 А по праву руку стоял его, право, старой козак,
 170 А по леву руку да ле Дунай да сын Ивановиць».
- А да подходит да ле нонь Дюк да во божью церкву
 А да ко той ко обедне да воскресеньскойей,
 А да заходит да нонь Дюк во божью церковь,
 А ён Богу тут ле молицца по-писанному,
 175 А-на поклон ле ведёт по-ючёному,
 А да молитву ён а творил полну Исусову,
 А во все стороны ён поклоняецца.
 Ай-я да Владимиру-кнезю да во особицу.
 А-на подходит ко кнезю ко Владимиру,
 180 А-на ставаёт ему да под леву руку.
 Ай говорит ле Чурилко да таковы слова:
 «А да какое тут зашло за невежищо,
 Аж как всех он стеснил русських богатырей,
 А да миня, Чурилка, да вовсе с места сжил».
- 185 А-ей говорит а ле Дюк, право, ответ держит:
 «А не то ноньце поют, не то слушают,
 Аж как служат обедню воскресеньскую».
 Ай-яй говорил тут ноне Чурило во второй након:
 «Ай-яй какое пришло тут невежищо,
 190 Аж как всех он стеснил русських богатырей,
 Ай-яй мя-то, Чурилка, да вовсе с места сжил».
 А говорил ле тут нонь Дюк да таковы слово:
 «Ай-яй не то поют да не то слушают,
 Аж как тут служат обедню воскресеньскую».
 195 А говорил тут Чурилко во третьей након:
 «Ай-я да какое зашло невежищо,
 Аж как всех стеснил русських богатырей,
 А да миня то ле, Чурилка, да вовсе с места сжил».
 Ай-я говорил тут ноньце Дюк да сын Степановиць:
 200 «А не то ноньце поют, не то слушают,
 Аж как служат нонь обедню воскресеньскую».
 Ай да отходит обедня воскресеньская,
 А да выходят да ноньце все из божней церкви.
 А молодые тут Дюк да сын Степанович
 205 А пораньше он всех пошел из божей церкви,
 А становилса он а в ворота церковныя,
 Аж как всем ле наш а Дюк да поклоняецца,
 А да Чурилку да ле Дюк головы не гнёт.
 Ай пошел-то ле он а за князем да за Владимиром,
 210 А все сильнии да русские богатыри,
 А пошли ёни все ко кнезю ко Владимиру,
 А сели за столы за дубовыя,
 А за питья, за есва они сели за сахарныя.
 Аж как все тут на пиру да напивалисе,
 215 Аж как тут на чесном да наедалисе,
 Аж как тут на пиру стали пьяны-веселы.

- Ай говорит тут нонь Чурила бладо Плёнкович:
 «Ай-яй какое ле сидит за невежищо,
 Ай-ей бел-крупчат колачик ён розламыват,
 220 А серёдку колачика выкусыват,
 А-на как верхнюю короцку наверх стола кладёт,
 А как нижнюю короцку под стол мечёт». Ай-я да это Чурилку не понравилась,
 Говорит Чурилко да таковы́ слова:
 225 «Аж ты ой еси, солнышко Владимир-кнезь!
 Какое у тя сидит невежищо:
 А-яй колачика он розламыват,
 Середка колачика выкусыват,
 Ай да нижнюю короцку под стол мечёт,
 230 Да верхнюю короцку на стол кладёт». Ай-яй говорит солнышко Владимир-князь:
 «Ты ой еси, Дюк да сын Степановиць!
 Ай-я ты сидишь ю миня на чесном пиру,
 А над божьим даром искитаешься:
 235 Ай-я колачики ты у нас розламывашь,
 Серёдка колачика ты выкусывашь,
 Ай-я нижну ту короцку под стол мечёшь,
 А верхнюю короцку на стол кладёшь». Ай говорит ле Дюк, тут ответ держит:
 240 «Да верхняя короцка пахнет сосенкой,
 Ай-я нижняя короцка пециноцкой.
 Ай-я у моёй родимой матушки
 А есь у нас пеценька муравлена,
 А есь сподики у ей всё медляныи,
 245 А помёлышко у ей шёлкóвое,
 А-яй колачика съешь — другой пуще хочетця,
 А по другому колацику душа горит». Ай говорит ему солнышко Владимир-князь:
 «Ты ой еси, удалой доброй молодець».
 250 Ай подходит Чурилко да бладо Плёнкович,
 Нападает на Дюка на Степановиця,
 Ай-я говорит ле Чурило да таковы́ слова:
 «Ай ты ой еси, да Дюк Степановиць!
 А мы юдарни с тобой о велнк заклад,
 255 Не о ста рублей, не о тысеци,
 А о своей ле, право, буйной головы:
 А съкакать через реку Енисей-реку,
 А съкакать, право, на добрых конях».
 Ай тут ударнлись юдалы добры молошцы,
 260 А юдарилась они не о ста рублях,
 А не о ста ле рублях, не о тысеци —
 О своих ле о буйных, право, гóловах.
 Ай-я тут стали ребятушка срежатнся,
 Да стали юдалы да сподоблятися,
 265 А поехали ёны на добрых конях
 А ко той же Енисей-реке.

- А тут много народу собиралось
 А смотреть юдалых добрых молодцов.
 Ай-я говорит Чурило да таковы́ слова:
 270 «Уж ты ой еси, Дюк да сын Степановиць!
 А ле поеждяй наперёд ты, Дюк Степановиць».
 Говорит ле тут Дюк, ответ дёржит:
 «Аж ты ой еси, Чурило да бладо Плёнкович!
 Не моя была, право, находоцка,
 275 А твоя была, право, нападоцка,
 Поеждяй, право, на́перёд ты».
 Ай поехал-погонил доброй молодец
 По имени Чурило да бладо Плёнкович,
 Ай-я обрюшился среди реки его доброй конь.
 280 Ай-я погонна тут, право, Дюк Степановиць,
 А хватил он Чурилу за жолты́ кудры́,
 А ён вытащил его через...
 А говорил-де Дюк ему да таковы́ слова:
 «А ой ты, Чурило да бладо Плёнкович!
 285 Ай-ей я срублю у тя да буйну голову».
 Ай говорит ле ему Чурило таковы́ слова́,
 Да таковы́ слова́, да низко кланяетця:
 «А во первой вине да прости меня».
 Да на ето-то Дюк да соглашаетця.
 290 А поехали они ко Владимиру,
 Да сели опять да на почесен пир,
 А допяна ребята да напивалиесе,
 А во хмелю они да похвалялиесе,
 А говорит опять Чурило да бладо Плёнкович:
 295 «А ты ой еси, Дюк да сын Степанович!
 Ай которой мы можом...
 Да пойдём туда во божью́ церьковь,
 А юдаримса с тобой о велик заклад,
 Не о ста ле рублей да о тысяеци —
 300 Ай о своей ле буйной да буйной го́ловы».
 А на это Дюк да соглашантця.
 Да ударились ребята о велик заклад,
 Ай-яй не о ста рублей да не о тысячи —
 О своей-то о буйной го́ловы.
 305 Ай говорил-то ле Дюк да сын Степановиць:
 «Уж ты ой еси, Чурило да бладо Плёнкович!
 А у мя-то дело приезжее,
 Да у мя надо ехать за чистó полё,
 А-ей достать платье, право, цвётноеё».
 310 Да сдумал ле Дюк да сын Степановиць
 Написать ле, написать да скорограмотку
 Ко своей ле матушке родимоей,
 Ай-ей попросил у ей да таковó словó:
 «Уж ты ой еси, моя мати родимая!

- 315 Ты пришли мне ли платьє цвѣтнѣе,
Да цвѣтнѣе платьє да самолучшѣе,
Да в которое хожу во божью церкву.
Да в которое хожу я да Господу молитвѣя».
Написал он ерлык да скорограмотку,
- 320 Выходил он ле, Дюк, да на юлицу ко добру коню,
Он полѣжил седѣлышко черкальское,
Он и правил своего коня доброго
А во ту ле свою да Нижну Галицу
Ко своѣй ко родимой ко матушке.
- 325 Да конь везѣт — только земля дрожит,
Да скоро пробежал поле чистѣе,
Ай-яй прибежал он в Нижну Малу Галицу.
Ай-яй прибегает его, право, доброй конь,
А стал да конь ко красну крыльцу,
- 330 Ай-яй выходит да его роина матушка,
Да по емени Ёмелфа Сtimoфеевна,
Да смотрит седѣлышко черкальское,
Да есь там ерлык, да скорограмотка,
Да процитала ерлык, да скорограмотку,
- 335 А покачала своей да буйной гѣловой,
Ай-я покачала, сама заплакала:
«Уж ты ой еси, молодьи да Дюк Степановиц!»
Уж что я тебе, право, наказывала:
Да ты не пей много зеленá винá,
- 340 Да не хвастай да своим богачесвом».
Ай-ей побежала она во кладовѣе богатые
Да за той за шубой, право, кунией.
А полѣжила она на добра коня,
Да на тое седѣлышко черкальское,
- 345 А отправила она его в путь-дорожецьку.
А и конь бежит — только земля дрожит,
А и скоро пробежал нонеце чистѣе полѣ,
А прибежал в стольней Кеѣв-град,
А и становицца конь да ко красну крыльцу,
- 350 А и становицца конь, копытом бѣѣт.
Ай-ей выбегает тут Дюк да сын Степановиц
Ко своему тут, право, да добру коню.
А и снял с себя, право, шолков поес,
А привезал его ко дубову столбу,
- 355 А ко дубову столбу да к винтову кольцу.
Да берѣт с седѣлка да шубу кунию,
А заходит во грини во столовые,
А говорит ле Дюк да такѣе слова:
«А ты ой еси, Чурило да бладо Пленкович!»
- 360 А мы станем теперѣ да срежатися,
Ай-ей да станем с тобой да сподоблятися.
А пойдѣм мы с тобой Богу молитися,

- А пойдём во божью церковь,
 А да станем мы с тобой да по ряду,
 365 Аж как по ряду станем, да по близку».
 Ай-ей пошли тут ребята да за божью церквú,
 А-ей много народу собиралосе
 А-ей смотреть юдалых добрых молодцов.
 А тут станут ребята роздеватися,
 370 А тут станут ребята розболакатися,
 А говорил тут Чурило да таковы слова:
 «А ты ой еси, Дюк Степановиць!
 А роздевай свою шубу кунию».
 А говорит ему Дюк, право, ответ держит:
 375 «А не моя была походецка-нападоцка,
 А раздевайся, Чурило да бладо Плёнкович».
 А да стал тут Чурило да роздеватися,
 А да стал тут юдалый да розболакатися,
 А всё ли пошло тихо-натихо,
 380 Да всё ли прошло баско-набаско.
 Ай-е да стал Дюк тут роздеватесе,
 А ле солнышко берёт да под праву руку,
 А старого берёт под леву руку,
 А ле говорил Дюк да таковы слова:
 385 «А ой еси, юдалы да добры молодцы!
 А вы не бойтесь песенок разных,
 А не бойтесь вы песенок змеинных».
 А и провёл по пуговкам своей рукой —
 А и кажна пуговка распоялася,
 390 Ай-я из каждой пуговки вылетала змея,
 Вылетали тут змеи, право, разные,
 А закричали-запели разным голосом.
 Ай-я божья церковь да пошатилася,
 А и все тут ле народ упал,
 395 А и все тут дьяки да причётники,
 Ай-яй солнышко стоит под правой руекой,
 А старой стоит под левой руекой.
 Аж как стали тут Дюку наговаривать,
 А и стали тут Дюка упрашивать:
 400 «Да ты уйми змеёв разных,
 А ле страху от них множество».
 Ай-ей повёл тут Дюк по пуговкам,
 На те змеи да, право, разные,
 Ай-ей ото сну тут вси да пробудились.
 405 А отошла тут обедня да воскресеньская,
 Да пошли тут ко князю да ко Владимиру,
 Они сели за столы да за дубовыя,
 А за питья-ества да за сахарныя,
 А ёни стали тут пить да веселнтися.
 410 Говорит тут Дюк да таковы словó:
 «Уж ты ой еси, Чурило да бладо Плёнкович!

- Да нельзя ли у тебя срубить да буйну голову?»
 А ле стали тут Дюка все юпрашивать,
 А и стали тут Дюка юговаривать:
- 415 «А да во перьвой вины, право, ты простил,
 А во второй вины ты опять прости».
 А на ето-то Дюк да соглашаетце,
 Говорит только да таковы слова:
 «А пускай не находит на меня Чурило-де бладо Плёикович,
- 420 А пускай не находит, право, третией раз».
 Ай-яй сидят тут ребята да забавляютця,
 Да и стали опять пьяны-веселы,
 Ай-я все они, ребята, и приосхвастались.
 Ай-я подходит тут Чурило да бладо Плёикович
- 425 Ко тому ле Дюку Степановицу:
 «Уж ты ой еси, Дюк да сын Степанович!
 Мы побьёмся с тобой о велик заклад,
 Ай-я не о ста рублей, не о тысеци —
 А о своей ле, право, буйной гóловы:
- 430 Да у которого больше будёт богачесва,
 Да у которого больше будёт имушесва,
 Ай-я у которого будёт больше золотой казны,
 Золотой казиы да бесчётной».
 Да все на пиру сидят задумались,
- 435 Ай-я назначать стали писарей,
 А купили чернила на петьсот рублей,
 Да гумаги взяли они на тысецу,
 Ай-я да поехали они Чурилу описывать,
 А и всё ли его, право, имушесво.
- 440 А описали Чурила все имушесво,
 Да выдержали чернила да на петьсот рублей,
 А гумаги издержали на тысецу.
 Да пришли тут ребята на почесен пир,
 А и стали ёни вси рассказывать:
- 445 «Описали мы Чурила бладо Плёиковиця,
 Да всё ёго житьё, всё имушесво,
 Ай-я повидержали чернила на петьсот рублей,
 Да гумаги повидержали да на тысецу».
 А и говорил ле тут солнышко да таковы слова:
- 450 «А уж ой еси, Дунай сын Ивановиць!
 Поеждайте теперь в Нижнюю Галицу,
 Ко тому ле Дюку Степановичу,
 А описывайте там всё имушесво».
 А и скоро тут ребята срезались,
- 455 А и брали чернила на петьсот рублей,
 Ай-яй гумаги берут ёни на тысецу,
 А да поехали юдалы добры молодцы
 А да в ту Нижнюю Малу Галицу,
 А и в ту ле Карелу пребогатую.
- 460 А да скоро они проехали по чисту полю,
 А проехали ребята поле чистое,

- Ай-я приехали они в Нижнюю Галицу,
А к тому ле дому Дюкову.
Ай-ей становились ребята ко красну крыльцу,
465 Ко красну крыльцу, да ко дубову столбу,
А ко дубову ле столбу, да к винтову кольцу,
Да к винтову ле кольцу да золощёному,
Ай-я заходят-то ребята да на красну крыльцо,
А и заходят во гриню столовую:
470 «Ай-я здравствуй, Ёмельфа Темофеевна!»
А говорит тут девушка-служаноцка:
«А не Дюкова ведь я тут матушка —
Я ле Дюкова, право, служаноцка,
А ушла ёго матушка во божью церкву,
475 А ушла она Богу помолитися
Да ко той ле заутрене ко Христовой,
Да ко тоей ле обедне воскресеньской».
Да отходит обедня воскресеньская,
Ай-я видать там идёт Дюкова матушка,
480 А впереди ле идут молоды молодушки,
Они стелят сукна, право, красные,
Позади тут идут да красны девушки,
А завёртывают сукна да, право, в трубоцку.
А пришла Дюка ронна матушка,
485 А и сидят во грине добры молоццы,
А добры молоццы да поздоровались,
А и низко сама им поклониласе.
А и становили тут столики дубовыи,
А нанесли тут питья-есва сахарныи,
490 А поили тут юдалых добрых молоццов,
А нанесли тут разных напитоцков,
А принесли тут братынецку немалую,
А у ей, братынецки, дваццать пять рожков,
Ай из каждого рожка разные напитоцки.
495 А говорит Дюка матушка после этого:
«А уж вы ой еси, юдалы добры молоццы!
Зацем сюда нонь пришли да приехали?»
Ай-яй говорят тут юдалы добры молоццы:
«Мы от солиышка князя посланники,
500 Ай-яй мы описывать тут всё твоё имущесво,
А мы описывать тут всё твоё богачесво».
Ай-яй говорила Ёмельфа тут, ответ держит:
«А уж ой еси, юдалы добры молоццы!
А уж как у Дюка, право, три дома,
505 Да ле три ле стали высоки терема,
А хорошо они, баско изукрашены,
А да разными... изнаряжены,
Ай-яй на крыше у нас...
Ай-яй есь у нас стоит ещё конюшен двор,
510 А есь там стоят кони добрыи,
А и вся там сбруя лошадиная.

- А да пишете перво конюшен двор,
Пишите-цените коней добрых,
Да и всю ныне сбрую лошадиную».
- 515 А пошли тут ребята на конюшен двор
Да описывать всё их имущесво.
А писали они, ценили коней добрых,
А всю нонеце сбрую лошадиную,
А ценили-писали, право, конюшен двор.
- 520 Зашли опять во гриню во столовую,
А и стали описывать, право, перьвой дом,
А в котором живёт Дюк Степанович,
А в котором всё его платье цветноё.
А описали ёни, право, перьвой дом,
- 525 А повыдержали чернила на петьсот рублей,
Да гумаги издержали да на тысецу.
Ай-я тут молодцы скоро поворот держат,
Да и тут с Омельфой распростилисе,
Ай-яй поехали скоренько во стольней Кеев-град,
- 530 А заходят ко князю ко Владимиру.
А и все тут ребята собиралисэ,
А и все тут снова на почесен пир,
Аж как стали тут ребята рассказывать
Как про Дюково всё про именице:
- 535 «А мы повыдержали чернила на петьсот рублей,
А гумаги издержали на тысецу,
Ай-я опнсали ю Дюка только конюшен двор,
Ай-я да первое-ет дом сталй опнсывать,
В котором живёт Дюк Степановиць,
- 540 Ай-я не стало у нас, право, чернила ведь,
Не хватило у нас, право, гумаги-то.
А мы сидели у Омельфы на чесном пиру,
А в той ле во грине во столовия,
Ай-я нанесли пнтья-есва сахарныя
- 545 А и разныя напитки хмельныя,
Ай-яй принесли братыньку дваццать пять рожков,
А из каждого рожка разнын напитки,
А напитки эти всё хмельныя,
А етой братыньке не могли оценки дать».
- 550 А сидит тут Чурило запечалилса,
А опустил свою буйну голову,
А в землю глядят они ясныя.
А ишшо говорит ле Дюк да таковы слова:
«А ты ой еси, Чурило бладо Пленкович!
- 555 А выходи-то теперь на юлицу,
А ставай-ко-ся на площадь на широую,
А срублю я ю тя буйну голову».
Ай-я как стали тут все тут юпрашивать,
А и стали тут вси да юговаривать.
- 560 А и говорил ле Дюк да таковы слова:
«А не могу я прощать больше в третей раз».

А уж как брал тут Дюк саблю вострую,
 А и смахнул тут Чуриле буйну́ голову́,
 Говорил ле ещё да таковы́ слова́:
 565 «Пускай не находит на меня третий раз».

№ 140

Ай из Нижней из Малой Галицы,
 Из той же Карелы пребогатой,
 Еждает удалой да доброй молодец
 А по имени Дюк дак сын Степанович.
 5 Ётъеждает от Нижней Малой Галицы,
 А от той ле Карелки пребогатой,
 Да Дюк отъеждает за двенаццеть вёрст.
 Выеждает на горы да на высокия,
 На те же на шоломя на укатисты,
 (Дюк-то — Ильин он выб(лядок)!)
 10 Становил своёго коня да доброго,
 Говорил ле он ле сам с собой:
 «Кабы ето местецько повыше всех,
 Кабы ето местецько покраше всех».
 Вынимаёт сам трубочку подзорную,
 15 А глядил-смотрел во все стороны.
 Во первы́х-то, смотрел сторону подсеверну,
 А во трубочки ему тогда знаменуитця,
 А в подзорну удалу оказуитця —
 А стоят ле там ледяны́ горы;
 20 А глядил бы в стор'ну в подвосточную —
 А стоит там стольне Киев-град;
 Гледел бы да во ту стор'ну в подобедицьну —
 А стоит м'арева баскн-кудрявые,
 А кудрявые м'арева, хлебородные;
 25 А глядел бы под ту стор'ну под летную —
 А стоит ле там да поле чистое,
 А на том ле поли, право, на чистоем
 Кабы едят могуци русьски богатыри,
 А бы едят молодци та потешаютьцэ;
 30 А глядел под ту стор'ну под западну —
 А стоит там Нижня да Мала Галиця,
 А и та же Карелка прибогатая.

№ 141

Из той же Нижней Малой Галицы,
 Из той Корелы пребогатая,
 Выезжает Дюк да сын Степановиц.
 Выезжает он во чисто полё,

- 5 Заехал он на горы Сарочинские,
Брал он трубоньку подзорную,
Смотрел под сторонушку под северну.
Под той же сторонушкой под северной
Стоит там, штё ли, как тёмной лес;
- 10 Смотрел под сторонушку под летную —
Под той сторонушкой под летной
Большой огонь, да сильно зарево.
Говорит-то Дюк да сын Степановиц:
«Горит у меня, видно, Нижна Галица,
- 15 Горит Корела да пребогатая».
Поворотил он своего да коня доброго,
Приезжат он домой да в Нижну Галицю.
Стрецияла его матушка родимая,
Прическа вдова Омельфа Тимофеевна:
- 20 «Что (ты), моё да цядо милое,
Куда ты ходил, да куда ездил онь?» —
«Ой есь, моя матушка родимая,
Был я на горах Сарочинских,
Брал я трубоньку подзорную,
- 25 [Смотрел под сторонушку под северну —
Под той же под сторонушкой под северной
Стоит там, штё ли, как темный лес;
Смотрел под сторонушку под летную —
Под той сторонушкой под летной
Большой огонь, да сильно зарево».] —
«Ой еси, мое дитя милое!
Молодехонько ты, дитя, да зеленехонько.
Под той стороной под северной —
Не тёмной лес, а стоит стольной Киев-град.
- 35 Под той сторонушкой под летной —
Не огонь горит, оно не зарево,
А светит наша Нижна Галица:
Сараи у нас горят серебряны,
Маковки да позолощены,
- 40 От солнышка они огнем горят».
Говорит-то Дюк да сын Степановиц:
«Ой есь, матушка родимая!
Дай мне благословленьце
Сходить-съездить в стольной Киев-град
- 45 Посмотреть князя да со княгиною,
Посмотреть мне-ка руських богатырей». —
«Уж не дам, грит, я тебе благословленьце
Итти-ехать тебе в стольной Киев-град:
Молодехонько ты, дитя, да зеленехонько».
- 50 Другой раз Дюк нынь выспрашивал:
[«Ой есь, матушка родимая!
Дай мне благословленьце
Сходить-съездить в стольной Киев-град
Посмотреть князя да со княгиною,

- 55 Посмотреть мне-ка руських богатырей». —
«Уж не дам, грит, я тебе благословленьицѣ
Итти-ехать тебе в стольной Киев-град:
Молодѣхонько ты, дитя, да зеленѣхонько»].
Третьей раз Дюк нынѣ выпрашивал:
- 60 [«Ой есь, матушка родимая!
Дай мне благословленьицѣ
Сходить-съездить в стольной Киев-град
Посмотреть князя да со княгиною,
Посмотреть мне-ка руських богатырей»]. —
- 65 «Уж не дам, грит, я тебе благословленьицѣ
Итти-ехать тебе в стольной Киев-град:
Молодѣхонько ты, дитя, да зеленѣхонько». —
«Дашь — поеду, и не дашь — поеду».
Заплакала его мать родимая:
- 70 «Ой есь, мое цудо милое!
Пойдешь ты, поедешь в стольной Киев-град,
Есь там Чурилишко провязьливой,
Погубит у тебя да буйну голову».
Выносила она перчаточки замцужные:
- 75 «Ой еси, мое да цудо милое!
Подари ети перцятки Ильи Муромцю».
Не видали отправки молодецькой,
Не видали поездки богатырьской,
Только видели: в поле курева стоит,
- 80 Курева стоит, да дым столбом валит.
Приежжат он в стольной Киев-град
К той же обедни воскресеньской,
Заходил он во божью церковь,
Становился на правой крылос,
- 85 Брал он книгу — Еванделя.
Стоял тут Чурило блада Пленковиц.
Выжал Дюк да сын Степанович
Своима могутны плецьми,
Выжал Чурила блада Пленкова
- 90 С того же права крылоса.
Тогда подходит Чурило блада Пленкович,
Стал он его выпрашивать:
«Коёго, молодець, ты роду-племени,
Коёго, молодець, да отця-матери,
- 95 Как тя, молодца, да именем зовут?»
Говорит Дюк сын Степанович:
«Не то поют, да не то слушают —
Поют обедню воскресеньскую».
Другой раз Чурилишко выпрашиват:
- 100 «Коёго, молодець, ты роду-племени,
[Коёго, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?»
Говорит Дюк сын Степанович:
«Не то поют, да не то слушают —

- 105 Поют обедню воскресенскую]». Третьей раз Чурилишко выспрашивают: «Коёго, молодець, ты роду-племени, [Коёго, молодець, да отця-матери, Как тя, молодца, да именем зовут?»
- 110 Говорит Дюк сын Степанович: «Не то поют, да не то слушают — Поют обедню воскресенскую]». Отходит обедня воскресенская, Выходили они все да вон на улицу.
- 115 Стретил Дюк да сын Степановиць Того же старого Илью Муромця, Подарил ему перчаточки замцьюжные. Заходили они в палаты белокаменны К тому же солнышку Владимиру,
- 120 Пошел у солнышка почесен пир. Тот же старой да Илья Муромець, Садилса он да за передней стол, Того же Дюка сына Степанова Посадил себе подле праву руку.
- 125 Тут они сидят, пьют-едят, Тот же Дюк да сын Степановиц Попивать он стал зелено вино. Сидит же Дюк да сын Степановиць, Ес он белы колацики:
- 130 Верхну короцьку на стол кладёт, Нижну короцьку под стол мецёт, Ес одну середоцьку. Замечает Чурило блады Пленковиць, И говорит Чурило таково слово:
- 135 «Ой еси, солнышко Владимир-князь! Приехал гость к нам незванная, Незванной гость и нежданной, Тебя, князя, ничем зовёт, Нас, богатырей, не во што кладёт.
- 140 Ес он у тебя колацики, Верхну короцьку на стол кладёт, Нижну короцьку под стол мецёт, И ес он одну середоцьку». Осердילים все удалы добры молодцы,
- 145 Осердилса солнышко Владимир-князь, Все стали на него нападывать, Тут стали ему допрос делать: «Почему же у нас не ешь колацики?» — «У моей-то матушки родимой,
- 150 У цесной да у Омельфы Тимофеевны, Пецки-ти у нас муравлены, Потики-то у нас серебряны, Помельшко у нас медляное — Она пекёт колацики:

- 155 Один колачик съешь, а другой пушке хоцицца,
А об третьём-то колачики душа горит».
Поддарживат его старой да Илья Муромец.
Тут Дюк с Чурилом прироспорили,
Говорит Чурило таково слово:
- 160 «Ой есь, приехал ты, молокососишко!
Я куплю-продам тебя одной своей куньей шубой».
Бились они с Чурилом о велик заклад:
Не об злате, не об серебре,
А об своих буйных головах —
- 165 У которого дороже кунья шуба.
Рестовали Дюка сына Степанова —
Поддарживат его старой да Илья Муромец,
Не дават его в обидушку.
Писал-то Дюк да сын Степановиць,
- 170 Писал он ерлык да скору грамоту
И своей он матушки родимой
Причесной вдовы Омельфы Тимофеевной:
«Ой есь, моя матушка родимая,
Причесна вдова Омельфа Тимофеевна!
- 175 Пошли мне пальто да воскресенское».
Выходил-то он да вон на улицу,
Клаал ярлык да он в седельшко зеркальцятю,
Отправил он своёго коня доброго.
Прибегат его доброй конь
- 180 В ту ли да Нижну Галицу.
Стрецяла его матушка родимая,
Стрецяла она и заплакала:
«Потерял, видно, цядо буйну голову».
Подходила она да к коню доброму,
- 185 Отмыкала седельшко зеркальцятю,
Вымала ерлык да скору грамоту,
Цитала ерлык да скору грамоту:
«Да ой есь, моя матушка родимая!
Пошли мне пальто да воскресенское».
- 190 Выносила она да пальто да воскресенское,
Клала в седельшко заркальцятю
И отправила своего коня доброго.
Прибегал конь да в стольной Киев-град,
Выходил-то Дюк да сын Степановиць,
- 195 Отмыкал седельшко зеркальцятю,
Заходил он в светлу светлицю.
У того же Чурила блада Пленкова
Ценили кунью шубу в пятьсот рублей,
У того же Дюка сына Степанова
- 200 Тоже ценили во пятьсот рублей.
Надел-то Дюк да сын Степановиць
На себя да он кунью шубу.
Было у Дюка на шубы три пуговки,
Провел-то Дюк да сын Степановиць

- 205 По пуговкам своей да правой руценькой —
Запели эти пуговики разным голосом.
Ценили эти пуговики:
Двум пуговкам цену дали,
А третьей не могли и цены дать.
- 210 Скопил тут Дюк да сын Степановиць
На свои да на резвы ноги,
Хватил он сабельку вострую —
Рубить ладит у Чурила буйну́ главу́.
Тут стали его упрашивать,
- 215 Стали его да уговаривать.
Поглядел он на старого Илью Муромця
И простил Чурила блада Пленкова.
Тут опять они сели на почесен пир,
Тут они и пьют-едят.
- 220 Опеть Чурило с Дюком приросспорили,
Говорит-то Чурило таково слово:
«У меня, грит, житъя-имущества больше твоего».
Бились они о велик заклад:
У которого меньше житъя-имущества,
- 225 Рубить у того буйну голову.
Захватили Дюка сына Степанова —
Поддарживат старой да Илья Муромец,
Не дават он Дюка в обидушку.
Выбирали они два писаря:
- 230 Одного — Олёшиньку Поповица,
Другого — Микитушку Добрынюшку
Ехать в Нижну Галицю,
Описывать житье-имушество
У того же Дюка сына Степанова.
- 235 Два писаря поехали к Чурилишку.
Приежжают Олешинька с Добрынюшкой
В ту ли да Нижню Галицю,
Заходили оне во горницю
(Номер дома они знают!) —
Ходит у печки тут женшчиин.
- 240 «Здравствуй, говорят, Омельфа Тимофеевна». —
«Я, говорит, не Омельфа Тимофеевна,
Я ейна куфароцька,
А Омельфа Тимофеевна в парной баенки».
Идет Омельфа из парной баенки,
- 245 Ведут ей две куфароцьки под руки.
Заходит она ходом задним,
Зашла она в теплу спаленку.
Выходила она на куфоньку:
«Здрастуйте, удалы добры молодцы,
- 250 Куда вы пошли, куда поехали?» —
«Приехали мы тебя описывать:
Росхвастался Дюк да сын Степанович

- С тем же Чурилой блада Пленковым
Об житье и об имушществе».
- 255 Вынимал Олеша ерлык, да скору грамоту,
Перёдал Омельфы Тимофеевны.
Роспечатала она ерлык, да скору грамоту,
От того же Дюка да сына Степанова:
«Ой есь, моя матушка родная!
- 260 Прическа вдова Омельфа Тимофеевна,
Отведи магазин — сбрую лошадиную,
Пусть они ее описывают».
Говорит Омельфа Тимофеевна таково слово:
«Ой есь, добры молодцы!
- 265 Проходите с дорожки попить-поись».
Провела она их во горенку,
Посадила за дубовой стол,
Подала она по рюмке вина заморського —
Зашавило у робят да буйну голову.
- 270 По другой подала рюмоцьки заморського —
Где они сидели — тут и заспали.
Пробужались они поутру рано,
Посадила она их попить-поись,
Подала опеть по рюмоцьки вина заморського.
- 275 Говорит она таково слово:
«Ой есь, удалы добры молодцы!
Пойдемте, отведу я вам магазин описывать».
Описывали они магазин два месяца,
Не хватило у них ни чарнила, ни бумаги.
- 280 Говорит-то Олешинька Попович:
«Не описать нам ейно житье-имушчество целой год».
Отправлятя стали в путь-дороженьку.
Приежжают они в стольной Киев-град,
Заходили к солнышку Владимиру.
- 285 Спрашивать стали у Олешиньки Поповича:
«Долго ты, Олешинька, поездил нынь!
Много ли описали у Чурила блада Пленкова?»
Говорит им Олеша таковы слова:
«Описали, говорят, его на пятьдесят тысець». —
- 290 «А мы, говорит, у того же Дюка сына Степанова
Описывали магазин сбрую лошадиную,
Описывали ровно два месяца —
Не хватило у нас ни чарнила, ни бумаги
На одну ли же сбрую лошадиную.
- 295 Все имушчество его описывать —
Заберет нас круглой год».
Скоцил-то Дюк да сын Степановиц,
Скоцил-то он да на резвы ноги,
Хватил он сабельку вострую —
- 300 Рубить ладит его буйну главу,
Того ли Чурила блада Пленкова.
Стали его да упрашивать,

- Стали его да уговаривать.
 Поглядел он на старого Илью Муромца,
 305 Послушал старого Илью Муромца —
 Не стал его рубить да буйну голову.
 Тогда сели опять они на почесен пир,
 Тут они опять пьют-едят,
 Тут опять с Чурилом да прироспорили.
 310 Говорит-то Чурило да таково слово:
 «Я-то силовькой сильне тебя».
 Тут они да прироспорили,
 Тут они да прироссорились,
 Бились-боролись о велик заклад,
 315 Не об злате они, не об серебре —
 О своих ли то буйных головах:
 Скакать на добрых конях через Дунай-реку:
 Которой не перескоцит,
 Рубить у того да буйну голову.
 320 Как их унимали-упрашивали —
 Не могли упросить добрых молодцев.
 Выходили они да вон на улицу,
 Садились они да на добрых коней,
 Подъехали они к Дунай-реки,
 325 И собралось тут народу много-множество.
 Говорит Чурило блада Пленковиц:
 «Скаци, говорит, Дюк, через Дунай-реку».
 Говорит Дюк да таково слово:
 «Ты накликал — наперед ты скаци».
 330 Розъехалса Чурило блада Пленковиц,
 Скоцил он через Дунай-реку —
 Огруз он в саму середоцьку.
 Розъехалса Дюк да сын Степановиць,
 Скоцил он через Дунай-реку —
 335 Не оммоцил он копытика,
 Перескоцил он через Дунай-реку.
 Поворотил он своёго коня доброго,
 Прижал он его шпорами вострыма
 И скоцил назад он через Дунай-реку,
 340 И хватил Чурилу за жёлты кудри,
 И вытащил его из Дунай-реки.
 Соскоцил Дюк со добра коня,
 Хватил он сабельку нынь вострую,
 Срубил Чурилу буйну голову.

№ 142

Во той во Нижной во Галицы
 Есть там живет пречестная вдова
 По имени Омельфа дочь Тимофеевна.
 И есть у ней едино чадо —

- 5 Молодые Дюк сын Степанович,
Ему от рожденья шестнадцать лет.
Придумалось ему да приохвотилось
Съездить-сходить да ко синю морю,
На те-де круты баски бережка,
- 10 На те пески желты макарьевски,
Пострелять там гусей да белых лебедей,
Серых малых утенышков.
Просил он у мамы благословленьцо —
От буйной главы да до сырой земли.
- 15 Не дает ему мать благословленьцо
Съездить-сходить да ко синю морю.
Стал тут Дюк суряжатися,
Степанович стал сподоблятися:
Берет он свой тугой лук со стрелками,
- 20 Брал он стрелоцьки калёные,
Калёные стрелоцьки, перёные:
Не простым перьём — всё орлинским,
Не простого орла — всё заморского,
Заморского орла, сизоканского.
- 25 Берет он уздилоцьку тесьменную,
Выносил седёлышко зеркальцято.
Пошел он, Дюк, на конюшен двор,
Узнал-от коня троелетоцька,
Накладывал седёлышко зеркальцято.
- 30 Скоро тут Дюк в стремена вступил,
В стремена вступил дак на коня скоцил,
Отправилса-поехал ко синю морю,
На те-де круты да баски бережка,
На те пески жолты макарьевски.
- 35 Пострелял он тут гусей, белых лебедей,
Серых малых утёнышков.
Оттудова Дюк поворот дает:
Поехал на горы на высокие,
На те на окаты на прекрасные.
- 40 Становил он своёго коня доброго,
Вынимал он трубоцьку подзорную,
Смотрел он, глядел да на все стороны:
Видать, там что ли знаменуетца —
Стольный Киев-град да оказуетца.
- 45 Придумалось ему да приохвотилось
Съездить-сходить да в стольной Киев-град,
Посмотреть там князя со княгинею,
Всех там руських богатырей.
Направил коня своего доброго
- 50 В ту сторону, куда путь лежит.
Говорил ему свой ли доброй конь,
Говорил он языком человеческим:
«Ой есь, молодые Дюк Степанович!
Не могу я нести тебя в стольной Киев-град:

- 55 Ты кормил меня травой-осотою,
 Поил меня водой болотною,
 Поезжай теперь назад в Нижну Галицу,
 Во ту Корелу пребогатую,
 Поставь меня на рэли на высокие,
- 60 Насыпь мне пшены белояровой,
 Напой меня водой ключевою,
 Пройдет тогда пора-времечко,
 Пора-времечко — как десять дён,
 Поезжай тогда на мне в стольной Киев-град:
- 65 Не будут нас держать ручьи приглубые,
 Не будут нас держать речки быстрые,
 Мелкне ручьи мы на шаг шагнём,
 Быстрые речки мы на скок скакнём!..»
 Отправнся Дюк в Нижну Галицу,
- 70 Во ту Корелку пребогатую,
 Ко своей ли маменьки родимой.
 Привез он гусей да белых лебедей,
 Серых маленьких утенышков.
 Поставил коня на рели на высокие,
- 75 Насыпал пшены да белояровой,
 Поил он его водой ключевою.
 Прошло поры-времечко ровно десять дён,
 Говорил ему свой доброй конь,
 Языком ему человеческим:
- 80 «Поезжай теперь на мне в стольной Киев-град,
 Не будут нас держать ручьи приглубые,
 Не будут нас держать да реки быстрые».
 Не белая берёза изгибается,
 Не малиновы листоцьки расстилаются —
- 85 Упадывал тут Дюк сын Степанович
 К своей ли к маменьки родимой,
 Просил у ей благословеньица —
 От буйной главы да до сырой земли.
 Не дает ему мама благословеньица
- 90 Съездить-сходить да в стольной Киев-град,
 Посмотреть там князя со княгинею,
 Всех-то русских богатырей.
 Стал тут Дюк суряжатися,
 Молодые стал да сподоблятнся.
- 95 Стала ему матушка наказывать,
 Стала ему да наговаривать:
 «Ты ой еси, мое да чадо милое!
 Придешь-придешь да в стольной Киев-град,
 Зайдешь ко князю да ко Владимиру,
- 100 Помолися Богу по-писаному,
 Молитву сотвори да по-Исусову.
 Посадят тогда да на почестен пир
 Со всеми ли со руськими богатырьми,
 Не пей сам много зеленá вина,

- 105 Не хвастай своим богатством,
 Не хвастай своей да золотой казной,
 Не хвастай ты мною, старой маменькой».
 А все тут на пиру напивались,
 Все на честном да наедались,
- 110 Все на честном да прирасхвастались.
 Говорил тут Чурилко таковы слова:
 «Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
 А какое к нам пришло то за невежищо,
 Всех стеснил руських богатырей,
- 115 Меня-то, Чурилка, вовсе с места сжил».
 Говорит тут Дюк таковы слова:
 «Не то нонче поют, не то слушают —
 Сидят, гуляют да забавляются».
 Говорил еще Чурило во второй након:
- 120 «Уж ты ой еси, Дюк сын Степанович!
 Ударимся мы с тобой о велик заклад:
 Не о ста рублей, не о тысячи —
 О своей-то ли буйной головы».
 Скоро тут ребята собирались,
- 125 Берут от князя проверщиков —
 Описать у нас имущество,
 У которого больше окажется.
 Поехали описывать у Чурила млада Пленкова,
 Взяли они чернила на тысячу,
- 130 Другого взяли они на пятьсот рублей,
 Описали у его все имущество.
 Поехали они во Нижну Галицу
 К Дюку сыну Степановичу,
 Ко его ли маменьке родимой.
- 135 Говорит ли им маменька родимая:
 «Приехали к нам гости неэзваны,
 Незваные гости, нежданнны,
 Стали они у меня выпрашивать,
 Стали они у меня описывать.
- 140 Стоят-то у нас три терема,
 Три терема стоят да три высокиих,
 Крыши у нас да все медляные,
 Печки-муравленки каменны,
 Пóдикки у ннх медяные.
- 145 Калачик съешь — другой пуше хочется».
 Описали они в трех высокиих теремах —
 Выдержали они чернила на пятьсот рублей,
 Бумаги затратили на тысячу.
 Не описывали у него еще конюшен двор,
- 150 Не описывали лошадей хороших,
 Не описывали сбрую лошадиную,
 Оттуль поехали молодцы — поворот дали.
 Приехали к солнышку Владимиру,
 Стали они тут рассказывать.

- 155 Проверять они стали ихны записи:
 У Чурила все имущество описано,
 У Дюка описано только три терема
 Со великим большим богатством,
 Конюшен двор еще неописанной,
- 160 И лошади хорошие не описаны,
 И сбруя лошадиная не описана.
 Говорил ли Дюк тут таковы слова:
 «Ой есь, солнышко Владимир-князь!
 Нельзя ли у Чурила срубить голову?»
- 165 Стали тут все уговаривать:
 «Во первой вины его Бог простит».
 Простил он Чурила млада Пленкова,
 Опять стали они сидеть-забавлятися,
 Пить стали много зелена вина.

№ 143

- Не белá ли заря да подымалася,
 Красно солнышко выкатáлосе —
 Сын стоял тут перед матерью,
 Просил у матери прощеньице,
- 5 Просил у матери благословеньица:
 «Охота съездить мне в стольне Киев-град,
 Посмотреть князя со княгинею».
 Говорит ему маменька родимая,
 Чесна́ вдова Офимья Федоровна:
- 10 «Ой еси ты, молодой сынок,
 Молодой сынок, ты Дюк Степанович!
 Молодѣшенек ты, лет шестнадцати,
 Не съездить тебе прямой дорожецкой.
 Ехать надо по Волхову,
- 15 С Волхова надо ехать на Сви́ру-реку,
 По Свиры-реки есть шатѣр быстѣр,
 Есть шатер быстрой, поворот крутой.
 Слыхала я от твоего родителя —
 По тому шатру живет змея лютая,
- 20 Много молодцев повыбила,
 Много кóраблей повывела».
 На то сынок ей ответ держит:
 «Ой еси ты, моя маменька родимая!
 Не сказывай мне, не уговаривай,
- 25 Уж задумал, так поеду в стольне Киев-град,
 Не боюсь я змеи лютой».
 Увидела мать, как богатырь на коня скочил скорѣшенько,
 В стремена ступил крутешенько,
 Молодой детина лет шестнадцати.
- 30 Говорит второй раз мать родимая:
 «Ой еси, мое дитя молодѣшенько!

- Ты послушай меня, ма́терь родимую,
 Честну вдову Офимью Федоровну,
 Ты придешь, дитя, в стольне Киев-град,
 35 Встретит тебя солнышко Владимир-князь,
 Сделат тебе почёстен пир,
 Соберет вас, тридцать трех богатырей,
 Соберет на пир тридцать три русских богатыря.
 Все на пиру будут пьянёшеньки,
 40 Будут все веселёшеньки —
 Ты на пиру, сынок, не напивайся,
 Из рещей не вышибайся,
 Не хвастай золотой казной,
 Не хвастай могу́що́й си́ло́й,
 45 Не хвастай там до́брый конем».
- Поехал Дюк Степанович,
 Распростился с ро́дной маменькой,
 Поехал по темны́м лесам,
 Поехал он по чисты́м полям.
 50 Мёлки рущейки перескакиват,
 Мёлки лесы промеж ног берет.
 Приехал к ре́кѣ Волхову
 И увидел шатёр быстёр и поворот крутой,
 И увидел тут змею лютую.
 55 Испугался у Дюка до́бро́й конь,
 Припал к земли на коленочки.
 Говорил тут Дюк Степанович:
 «Ой ты, конь, мой конь,
 Товарищ верный мой!
 60 Для чего ты на колена припадывашь?
 Не видал разве птицек-пташецек?»
 Тугой лук Дюк принатягиват,
 Стрелоцку накладыват,
 Стрели́л стрелоцко́й в змею лютую.
 65 Сваалилась змея на́ землю,
 Тут у змеи и смерть случиласе.
 Едет Дюк опеть вперед,
 Проехал дорожку прямоезжую
 И приходит к обедни в стольне Киев-град,
 70 Поставил коня к столбу то́чѣному,
 Привязал к ко́льцу золо́чѣному,
 Сам заходит в свѣ́тлу свѣ́тлицу,
 Крест кладет он по-писа́нному,
 Поклон кладет он по-учѣ́ному:
 75 «Здравствуй, солнышко Владимир-князь,
 Со своей маменькой Апра́ксией!»
 Говорит тут солнышко Владимир-князь:
 «Здравствуй, могучий бо́гатырь Дюк Степанович,
 Молодой русской сильной бо́гатырь!»

- 80 По приезде сделал чеснóй пир,
Собрал тридцать три богáтыря солиышко Владимир-князь.
Пили-кушали, что им хочется,
Напились, стали веселёшеньки.
На пиру богáтыри стали хвастати:
- 85 Один хвастает золотой казной,
А другой стал хвастать могуцёй силóй,
Иной стал хвастать добрым конем,
Умой стал хвастать отцом-матерью,
А безумный хвастал молодой женой.
- 90 Дюк Степанович сидит умиёшенько.
Говорит ему тут солнышко Владимир-князь:
«Что же ты, Дюк Степанович,
Могучий богáтырь, сидишь невесело?
Что же ты ницем не хвастаешь?
- 95 Ни добрым конем, ни золотой казной?»
В разговоры с солнышком не вяжетца,
С калацом сидит да забавляетца:
Вёрхну короцку на стол кладёт,
Нижню короцку под стол мечет.
- 100 Говорит тут богáтырь Васенька Буслаевич,
Говорит ему Олеша Поповиц:
«Что же ты, Дюк Степанович,
Над пирóм что ли насмешаешься,
Над калачиком сидишь, искитáешься,
105 Из серёдки калацек покусываешь?»
Говорит тут им Дюк Степанович:
«Не могу я есть вашего калацика:
Вёрхня корка пахнет хвойкою,
Нижняя пахнет гнилкою.
- 110 У меня у матери родимой
Пóдики были менные,
Помёлышки она держала шелкóвые,
Мóцет помяло в медóву бадью,
Калацик съешь — второй хочется,
- 115 Об третьём уж душа болит.
У моей-то маменьки родимой
Сошьёт она, уважит платьицо,
Обволокёшьсе в ём, принарядишьсе —
Как с краснóй девушкой приобóймешьсе;
- 120 Как застёжечки застегнешь —
Как с красной девушкой да поцелуешьсе.
У моей-то маменьки родимой,
У чеснóй вдовы Офимьи Федоровной,
Про богáтырского коня вам цены не сказать».
- 125 Все богáтыри на него и рассердилися,
Взяли его во белы руки,
Положили заповедь великую,
Дали ему писцёй десять человек
Описать егóво всё имúчество.

- 130 Сogласился тут Дюк Степанович,
Взял десять мужицков-богатырей,
Как десять мальчиков,
И поехал в свой родимой дом с богатырями.
Мёлки речки перескакиват,
- 135 Мёлки леса промеж ног берет.
Приехали они на Днепр-рекú,
Говорит тогда Дюк Степанович:
«Скаците через Днепр-рекú».
Олеша Попович первый через реценьку скочил —
- 140 На серёдки реки коня угрузил.
Скорóшенько Дюк Степанович через рекú скоцил,
За кудри схватил Олеша Поповича.
Вышли все на высок берег,
Едут ко своему терему.
- 145 Встретила его матушка родимая,
Испужалось ёйно ретивó сердцó,
Выбегала она на улицу,
Схватила во белы́ руки́,
Целовала в уста сахáрные.
- 150 И зашли все мужицки в палаты белока́менны,
Поздоровались с егóвой матушкой родимоей,
Со чеснóй вдовой Офимьей Федоровной.
«Похвастал, говорит, твой сын добры́м конем,
Цена будто ему не изложена».
- 155 Говорит тогда Офимья Федоровна своим слугам верным:
«Несите сбрую лошадиную».
Занесли тут сбрую лошадиную,
Стали они со сбруи описывать —
Бумаги, цернила было на пятьсот рублей,
- 160 Не хватило ни цернил, ни бумаги на одну сбрую бúрушкову,
Не могли они дать цены.
Посадила матушка писарёй за стол,
Покушали, поели, попили, что им хоцетце.
Принесли брáтыни рожков семьдесят
- 165 И других разных напитокочков.
По краям брáтынюшки ключом кипит,
Во середочки — огнём горит,
Пахнет ароматом ужасным,
От аромата все пъяиёшеньки.
- 170 Не могли той брáтыни они дать цены́.
Вздумали ехать в обратный путь,
Опустили руки белые,
Повесили буйны гóловы.
Спроварила со двора их чеснá вдова,
- 175 Проводила, с има распростилася,
И поехали писцы ко солнышку ко Владимиру,
Говорят ему таковы́ слова́:

- «Трудно нам описывать,
Тяжело с има тягаться,
180 Чесна́ вдова богатырска умная,
Занесла нам сбрую лошадиную,
Не могли мы ей описать и цены дать,
Вся блестит, огнем горит —
Не хватило у нас ни чернил, ни бумаги.
185 Накормила, напоила, что нам хоцетце,
Принесла бра́тыни рожков семьдесят,
От аромату стали пьянёшеньки,
Все стали веселёшеньки,
Не поедем боле описывать».
- 190 Говорит тут им солнышко Владимир-князь:
«Ой еси вы, русски богатыри!
Небывали были посланы, неудалые —
Обесчестили меня, солнышка Владимира».
С той поры к Дюку не ездили.
- 195 Дюк женился, живет с молодой женой,
Живет веселёшенько, хорошёхонько,
Пировали, столовали они три месяца,
На том пиру и мы были,
Попили, поели, распростилисе.

№ 144

- Вывел Дюк Степанович коня доброго,
На коня руки накладыват — у коня туша гнетца;
Шапочку наложил двадцать пять пудов,
Перчаточки одел тоже двадцать пять пудов,
5 А сапожки одел — те сто пудов.
Накладыват руки на своего коня доброго,
У того туша гнётца.
Проговорил конь, туша добрая:
«Ласковой хозяйин, Дюк Степанович,
10 Не сходить будет в Ярослав-город,
Не сносить будет тя, добра молодца,
Широки печоры хвостом не выкрати,
А больше моря во скок не выбрати,
Выкопай погреб в девять сажень,
15 Направь ты лестницу в девять ступень,
Насыпь мне пшена белоярова и пой, корми меня,
На девятой заре меня прокатывай.
Слуги-те у тя были неверные,
Неверные были да измененные:
20 Сенном-то кормили осóтенным,
А водой-то понли болотенной».
Выкопал Дюк Степанович погреб деветь сажён,
Направил лестницу деветь ступень,
Насыпал пшена белоярого,

- 25 Кормил-поил, а на девятой заре прокатывал.
 Шесть недель кормил, ухаживал,
 Вывел своего добра коня
 Ехать да в Ярославль-город,
 Стал коня по спине потяпывать,
 30 У коня спина так и здымаетце — бежать хочет,
 Садился он да на добра коня —
 Не видели поездки молодецкой,
 Только видели: курева в поли стоит,
 Курева стоит, да дым столбом валит.
 35 Приехал в Ярославль-город.

Коня завязал к церковному столбу, службу служат они господню, и он на службу встал. Отслужили и стали со службы выходить. Тут князь Владимир и кланяетце: «Пожалуйста, — говорит, — проходите ко мне, пообедайте, чего Бог послал». Пошли обедать.

- Дюк Степанович нижнюю корочку под стол кладет,
 40 А верхнюю корочку на стол кладет,
 Ест одну середочку,
 Князю Владимиру тут неловко стало:
 «Откуль, говорит, ты приехал, какая ты невежа?» —
 «У моей-то, говорит, матушки Омёлфы Тимофеевны
 45 Калачики-то ешь — да пуще хоцетца,
 По второму съешь — так пуще хоцетца,
 А по третьему — то душа болит».

Тут они стали на спор походить, князья и бояры стали бороться, и Дюк Степанович всех повыметал. Стали правдаться — он всех повыправдал: конь широки́ печоры хвостом выкрыл, больши моря в услок
 50 выбрал, солнышка батюшка Владимира вытащил с конём на землю из воды.

Сошлись они, съехались, сдумали у его коня отбирать. Он говорит: «Седте, посадите кого на моего коня». Посадили Мнкитича Добрынюшку. Микитич Добрынюшка шапочку его не может нести, шапочку Дюкову, она весит двадцать пять пудов, перчаточки не может опеть снести, тяжелы кажутца.

Письмо написал жены да матери, да и поехал спроведывать, каков дом да каково место. Сидит он.
 55 Подъехал к ихнему дому. Маменька говорит ронная: «Не наш сидит Дюк Степанович». А Добрынюшка сидел там. Зашел пить и ись да за столом и заспал. Жена [Дюка] его взяла да и в свою спальню и снесла спать. Трое сутки спал, проспался да и говорит: «Надо быть, я долгонько спал, трое суточки спал».

- Все высмотрел — подики медяные, а помельшки шелковые,
 Городом назвать — так мал добре,
 60 А теремом назвать — так велик добре.

Тут поехал он туда, где Дюк был посажен, в тюрьму посажен был. Поехал конем он обратно, назад. Приехал, привёз записки. Потом посмотрели да выпустили его. Сел он на своего коня и поехал домой. Приезжал. Мать и жена срадовалнся — стрецали со слезами со горяцима. «Не плачьте, маменька родица и жена молода, приехал я жив да здоров». Стали жить да поживать. (И я боле ничего не знаю врать.)

№ 145

Во той-то во Нижной Малой Галицы,
 Во той-то Корелы пребогатыи,

- При чеснóй-то Омелфы Тимофеевны,
Ей сын был да молодой Дюк Степанович,
5 Молодой да Дюк Степанович, лет семнадцати.
Не бывал-то он во граде стольном Кieve,
Задумал ехать во стольне Киев-град,
Посмотреть князя да со княгинею,
Русских могучих да богатырей.
- 10 Пошел он скоро на конюшен двор,
Выбирал он коня троелеточка,
Седлал-уздал узду тесмяную,
Седлал седло зеркальцето,
Двенадцать клал прутов менных,
- 15 Тринадцату клал чересхребётницу,
Не ради басы — да ради крепости,
Не ради побежки лошадиной —
Ради поездки молодецкой,
Чтобы не разбил, не разметал во чистом поли.
- 20 Видели только, как в стремена ступил,
А не видели, как на коня скочил,
Только видит мать: в чистом поли курева стоит,
Курева стонт, да дым столбом валит.
Въехал он да в стольне Киев-град
- 25 Ко тому высокоу нову терему,
А князя Владимира в доме не случилось,
Ушел он во божью церкву
Служить обедню воскресеньскую.
Он поехал опеть да во божью церковь,
- 30 Становил коня не привязанным,
Не привязанным да не приказанным.
Зашел он во божью церкву,
Запел он своим зычным голосом,
Покрывал он всех попов, дяков,
- 35 Попов, дяков, малых поддяков.
Боярам толстобрюхиим завиду стало,
За велику досаду показалося,
Посылают к нему Олешеньку Поповича.
Олешенька Попович роду невежлива,
- 40 Невежлива, неочестлива:
«Какой ты, говорит, откуль пришел?»
Молодой-то да Дюк Степанович
Отказал его на первых словах:
«Не то поют, да не то слушают,
- 45 Читают обедню воскресеньскую».
Когда отошла служба воскресеньская,
Стали люди расходитися,
Расходитися да растекатися.
Подходит к нему удалой добрый молодец,
- 50 Тот-то старой Илья Муромец:
«Меня-то зовут да Илья Иванович».
Тихохонько старой да поклоняется:

- «Какой, откуль, да каким именем звать?» —
 «Из той-то, грит, я из Нижней Малой Галицы.
- 55 Из той-то Карелы пребогатый,
 Пречесной-то Омелфы Тимофеевны сын».
 Вынял из кармана подарочки — златы перчаточки.
 И пошли они из божьей церкви,
 Идут они под матушку Неву-реку.
- 60 А Олешеньке завиду стало,
 За великую ему досаду показалось,
 Ударилсь они об велик заклад,
 Не во ста рублях, да не во тысячи —
 О своих молодецких буйных головах:
- 65 Давай скакать да во Неву-реку, да на конях,
 Вперед скочить да назад отскочить;
 У которого конь обрушится,
 Да штобы оторвать у него да буйну голову.
 У Олеша-то Поповича конь туды и обрушился.
- 70 Молодой-то Дюк Степанович
 Тут схватил его за желты кудри,
 Вытащил его да из Невой-реки.
 Тут садилсь они опеть на добрых коней,
 Подъезжали они к високу нову терему,
- 75 Заходили они во гриню во столовую,
 Садилсь все они за дубовый стол.
 Пир шел полупиром,
 Стол стоял полустолом.
 Говорит-то сын да Дюк Степанович:
- 80 «У нас-то, грит, во Нижней Малой Галице,
 У нашей Корелы да пребогатой,
 У нашей-то родимой матушки,
 Печки-то, грит, у ней муравлены,
 Помёлушки у ней шелковые,
- 85 Пóдики у ней менные,
 Калацы-то, грит, ешь — больше хочетца,
 По третьему ешь — сердцу проситца.
 А печки-то у вас глиняны,
 А подики-то у вас кирпичные,
- 90 Калацки-то ешь — верхню корочку на стол кладешь,
 А нижнюю — под стол мечешь,
 Одну-то ешь середышку».
 Олеше Поповичу за беду стало,
 За великую досаду показалось:
- 95 «Давай щеголять цветным платьем!»
 Молодой Дюк сын Иванович
 Написал ярлык да скору грамотку,
 Коня послал в Нижню Галцу
 Ко матушке родимой.
- 100 Матушка увидела из того висока нова терема,
 Из окошечка косовчата.
 Выбегала скоро она на улицу,

- Встречала она коня доброго,
Открывала седелечко зеркальцато,
105 Вынимала ярлык, да скору грамотку,
Направляла ему да платье-шубочку,
Положила в седелечко зеркальцато,
Отправляла коня она доброго.
Встретил коня да Дюк Степанович,
110 Вынимал шубочку цветистую,
В пятьдесят пуговочек вальяжных,
Каждая пуговка ревет своим голосом.
«Я, — грит, — думал хорош-пригож стольний Киев-град,
А в стольном Киеве ничего нету».
- 115 Взели чернил, бумаг на сто рублей,
Стали описывать богатства Киев-града.
Осталось чернил, бумаги на сто рублей.
Опять взяли чернил, бумаг на пятьсот рублей,
Поехали описывать Нижню Галицу,
120 Ту ли Карелу пребогатую.
Поехали они в Нижню Малу Галицу,
Увидел солище Владимир-князь.
«Солнышко-то, — грит, — лучи мечет».
Говорит-то Дюк сын Степанович:
- 125 «То у моей матушки родимой сарай золотой,
От сарая-то лучи мечёт».
(*Едут гости.*)
Увидела матушка родимая
Из того висока нова терема,
Из того окошечка косявчата,
130 Да таки слова да выговариват:
«Мое дитя, верно, захвастался,
Захвастался, да захрястался».
Выходит сперва мала служаночка,
Здороваецца князь Владимир: «Омелфа Тимофеевна!»
- 135 Дюк грит: «Это наша мала служаночка».
Выходит потом больша служаночка.
Здороваецца князь Владимир: «Омелфа Тимофеевна!»
Дюк грит: «То больша наша служаночка».
Тут выходит матушка родимая,
140 Причестна вдова Омелфа Тимофеевна,
В красном золоте она, не по́гнется,
Подол у ней четверы́ несут.
(*Здороваютца.*)
«Видно, мое дитя молодехонько да захвасталось,
Захвасталось, да захрясталось».
(*Стали пировать.*)
- 145 Она стала пьянешенька, веселешенька.
«Чо, — говорит, — описывать?»
У нас есть, — грит, — три погребя глубокие:
Первый погреб — с красным золотом,
Второй погреб — с чистым серебром,

- 150 Третьей погреб — с чистым жемчугом».
 Описали-то, описали-то и поехали.

№ 146

- Не белая березынька шатаетце,
 Не лазоревы цветы расстилаютце —
 Молодой Дюк сын Степанович поклоняетце,
 Падает своей матушке во резвы ногі,
 5 Просит у ей благословеньца
 Съездить-сходить в стольний Киев-град,
 Посмотреть там князя со княгиною,
 Посмотреть там бояр большебрюхиих
 И посмотреть там богатырей преудальиих.
 10 Не дает ему мать благословеньца
 Ехать-итти в стольний Киев-град:
 «Молодѣшеиек ты, зеленешенек,
 Не умеешь ты с людьми сойтись-съехатца,
 Не умеешь с ними поздороватца».
 15 Во второй раз падает во резвы ногі,
 Во второй раз просит благословеньца
 Съездить-сходить в стольний Киев-град,
 Посмотреть князя со княгиною,
 Посмотреть бояр большебрюхиих.
 20 Все-таки мать не дала благословеньца:
 «Молодешенек ты, чадо милое,
 Чадо милое, одинокое,
 Не смею я тебе дать благословеньца —
 Ты рассоришься с людьми проезжими,
 25 Да набьют тебя понапрасну ведь».
 В третьей након в ноги падает,
 Таковы речи выговаривает:
 «Если дашь благословеньца, я поеду,
 А не дашь благословеньца, я пешком да пойду».
 30 Мати родимая заплакала, зарыдала горькими слезама:
 «Настойчиво ты, неохотливо».
 Дала ему благословеньца:
 «Поезжай ты с Богом, чем пешком итти».
 Мать ему наказывает:
 35 «Не пей ты там зеленá вина,
 Не хвастай своей удачей молодецкойей,
 Не хвастай богатством превеликиим,
 Не хвастай мной, да старой матушкой».
 Вот дала благословеньца,
 40 Пошел Дюк сын Степанович на конюшен двор.
 Пошел на конюшен двор,
 Повыбрал себе коня дóброго,
 Коня дóброго, троелеточка.
 (Богатство его было — оценить никто не могли.)
 Выбрал коня троелеточка,

- 45 Седлал-уэдал добра́ коня
 Во двенадцать войлышков, во двенадцать плотничков,
 Не для басы — для крепости.
 Наверх клал седлышко зеркальчато,
 В струмена ступил, на коня заскочил,
- 50 Потом не видели поездки молодёцкне,
 Только видели: в поле курева́ стоит,
 Курева́ стоит, да дым столбом валит.
 Мелки речки конь перешагивал,
 Кру́пны реки перескакивал,
- 55 Скакал конь с укатистой на увалистой,
 Мелки леса он промеж ног брал,
 Кру́пны леса перескакивал.
 Выезжал Дюк сын Степанович
 На раздолье поля на великое,
- 60 Вынимал трубочку подзорную,
 Смотрел на все четыре стороны:
 По западной стороночке — сер каméнь лежит,
 По северной сторонушке — моря широкие,
 Под восточной сторонушке — леса дремучие,
- 65 Под восточной сторонушке увидел: стольний Киев-град стоит.
 Подъехал к стольне Киеву-граду,
 Заехал в стольний Киев-град.

Народу совсем вольного нету, по дороге шляющегося, увидел: только малые ребятушки бегают, шалят.

- «Ох вы, малы ребятушки,
 70 Знаете ли, где палаты белокаменны
 Солнце-батюшки Владимира-князя?»
 Подъехал к палате белокаменной,
 Вяжет коня за парадное крыльцо,
 За парадное крыльцо, за золотó кольцо́,
- 75 Заходит безо всякого докладица,
 Безо всякого решения.
 Отворят двери широкие,
 Молится по старой религии,
 Кланяется во все стороны.
- 80 Мать выходит княгиня Апраксения:
 «Куда же ты, добрый мóлодец, направился,
 Куда, добрый мóлодец, путь держи́шь?» —
 «До вас, княгиня великая, посмотреть вас
 И посмотреть всех ваших людей подáнных,
- 85 Где же солнышко, бат, Владимир-князь?
 Не видать его в палатах белокаменных». —
 «Ушел он, сегодня день у нас воскресенье,
 Ушел он в церковь божию,
 Помолиться да Господу Богу».
- 90 И пошел Дюк Степанович во божью церкву,
 Стает Чуриле Никитиче (*главный генерал*) под праву руку,
 Солнышку-батюшке под леву руку.
 (*В середину идет, себя не низит мóлодец.*)

Потом все богатыри изумились, что за такой, растолкал всех. Стали его спрашивать: «Откуль ты приезжал, какого роду-племени?» А он им ответ: «Не то поют теперь, не то слушают, разговора постороннего не может быть, сейчас молятся.

Господу Богу надо молиться с понятием,
С понятием да с усердием».
Отошла служба воскресенская,
И пошел народ из храма божьего
100 По своим домам, всяк во свой дом.

Солнышко повел гостя с собой, народу волнение стало: приехал какой великой человек, не простой, приехал к солнышку без доклада, в церкви Чурилу отпихнул. По всему городу молва пошла. У солнышка пошел почестен пир. Расставляют столы. Собрал гостей, самых сильных богатырей, самых почетных.

Вот на пиру стали все веселешеньки,
105 Все стали пьянешеньки.
Дюк Степанович от калачика верхню корочку откладывает,
Нижню корочку под стол кладет,
Серединку откусывают.
«Верхня корочка пригорелая у вас,
110 Нижня корочка призадымлена,
А у моей матушки — помелочко шелковое, подики серебряны,
Один калачик съешь — по другом душа горит».
А богатые бояре его обнесли:
«Что ты за невежа, за скотина такой,
115 Наш пир не во что кладешь, царя ничем считаешь,
Все нас, богатых да бояр, не тем зовешь!
У нас есть богатыри такие — тебя возьмут,
На одну долонь посадят, другой долонью придавят».
С Чурилой Никитичем они прирасхвастались
120 Своей удалью великою,
Стали биться о велик заклад:
Через Неву-реку который перескочит,
А не перескочит — с того голова долой.

Наш Дюк Степанович не подаетца: «Не дорожу я своей головушкой, бьюсь я и документы пишу о своей голове». Поехали к Неве-реки с Чурилой Никитичем на добрых конях. Чурила Никитич скочил — в реку упал со добрым конем, плавает все там на реке, а Дюк Степанович скочил — через перескочил, перескочил — обратно скочил, Чурила Никитича хватил за бѣлы вѣлосы и со всем конем обратно скочил. Вот сейчас Дюк Степанович хочет рубить голову Чуриле. Стали его упрашивать: «Первой вины да Бог простит». Дюк сын Степанович и простил первой вины. Опять сделали пирушку. А он опять расхвастался:
130 «Вам не описать у меня богатство великое — чернил, бумаги не хватит».

Матушке письмо в погорелку с конем послал. «Мне матушка пришлет одежду чистую, богатую, — вам такой не видать». Конь сбегал взад-вперед. Скоро сказка сказывается... Матушка заплакала, зарыдала. Нашла самоцветное платье самое дорогое. (А его уж там заарестовали почти.) Вот привел конь одежду великую. Дюк Степанович обрядился в само цветное пальто и шапку и всё наложил. Одежда была, как
135 зеркало. А по пуговкам проведет, каждая пуговка своим голосом поет. Цены дать не могли. Пошли конюшен двор описывать. Тоже цены не могли дать. Всё описали и опять сделали пир. Покорил Дюк сын Степанович, покорил он богатырей богатством всех, покорил он столный Киев-град. И Дюк стал почетный гражданин, по всему земному шару славится. Вот прославили его, прописали первым богатырем, первым богачом.

№ 147

На дальней стороншке был богатырёв сын. Он был молодешенек. Отец-то его давно уж умер, а мати была жива. В онно утро взял он трубку подзорную и вышел прогулятьца.

Вот он стал эту трубку воротить под западну сторону. И завидел: тамо-ка стоят борá высокие да леса темные. Потом воротил свою подзорну трубку на ту на северну сторону. И узрел там горы леденистые.

5 На летней стороне завидел все лужки, да все зеленые. На тех на лугах на зеленых завидел стольной Киев-град. А стоят там все дома, да все высокие. Тут-о-ка и его был дом.

Пошел он в стольной Киев-град и зашел к матери своей Владимирке. Стал просить у ее благословеньице: «Дай, матушка Владимирка, благословеньица съездить во чисто поле посмотреть богатырей. Там богатыри борются».

10 Матушка Владимирка не хочет пускать свое чадо милое: «Не дам тебе благословеньице — ты молодёшенек да зеленёшенек». Богатырёв сын не послушался матери и стал собираться во чисто поле. Матушка тут слёзно заплакала. А сын-от вывел уж добра коня и говорит матери: «Дай бронь позолочену для коня». Она вынесла ему, а он сел на добра коня и поехал во чисто поле. Едет день, едет другой, а на третий день на чистом поле, широком раздольице увидел богатырей. Все они в дорогих платьях и дерутся, кто кого может.

15 Тут богатырёв сын и сам стал махаться саблей. Которого махнет, того с плеча голова прочь. Богатыри видят, что хорошо деретца. Дивом дивятся на силу богатырёва сына. И приглашают его в гости в свои широкие хоромы. Сели тут богатыри [на коней] и поехали, приехали к дому высокому, хорошему. Зашли в палаты и стали пировать, вино разливать. Напились тут богатыри и стали хвастатьца платьем: чье хуже, чье лучше. Кого худо, с плеча голову прочь.

Богатырёв сын вышел на улицу, подозвал свою лошадь и сунул записку — ко своей матери Владимирке — под седло. Конь поскакал домой. Прибежал, лягнул стену, и стена задрожала. Мать на колени упала, плачет, думат — сын-от уж умер, а конь один вернулся. Слуги выбежали ловить коня, а он никого не пускает к себе. Тогда сама матушка вышла к нему. Она взяла во белы ручки записоцку и прочитала

25 и узнала, что сын просит отцово богатырёво платье. Она вынесла и привязала к седлу коню. Конь поскакал по чисту полю, добежал до богатырёва дома. Лягнул ногами, и стены камни задрожали. Вышел хозяин к коню. Велел слугам дать ему пшена, а сам развязал узел с платьем и облокся.

30 Стали тут богатыри платье смотреть друг у дружки. У богатырёва сына пуговицы все золоченые, провел по пуговицам — все пуговича заревели разным голосом. Богатыри с ног улетели. Он превысил всех платьем. Богатыри не хотят помириться. Тогда они сказали: «Давайте грамоты писать по животы да по домам».

Целу сутоцку писали у онного богатыря имущество, други сутоцки у другого, а на третий день поехали к богатырёву сыну. Срядились три богатыря и поехали. Едут день, едут другой, а на третий увидели из-за леса тёмного зарево огромное. Богатыри говорят: «Пожар начался». Подъехали, завидели: стоит

35 дом большой, весь золотой, а стены огнем зияют. Приехали к дому, вышла матушка Владимирка их встречать. Радуетца на сына, не наглядитца. Вынесла на стол всякого кушанья, угощает их.

Вот они стали описывать имущество. Писали, писали, целую неделю исписали. Не хватило ни бумаги, ни чернила, а имущества неописанного еще полным-полно.

40 Матушка Владимирка вышла в погреб и вынесла братаину в семьдесят рожков. Из каждого рожка разные наливки бежат. Богатыри этому братыну не могли и цены дать. Не знают, как оценить.

И опеть по имуществу превысил их богатырёв сын. Пришлось им помиритьца.

№ 148*

♩ = 192

Е - ще кто бы нам, брат_цы, ста - ри - ну с(ы)_ка - зал,
 Ста - ри - ну ту ска_зал да на ста - рин - ный лад,
 Е - ще кто бы то_ль, брат_цы, да в(ы)_ню - ю пе - с(и)_ню спел,
 Всё пес - ню ту спел да по - д(ы) гус - ля - р(ы)_ный звон?
 Как во той - то ли бы_ло Ма - лой Га - ли - чи,
 Во Ко - ре - лы то бы_ло пре - бо - га - то - ей...

- Еще кто бы нам, братцы, старинú сказал,
 Старинú-ту сказал да на старинный лад,
 Еще кто бы-то ль, братцы, давнюю песню спел,
 Еще песню-ту спел да под гусярный звон?
 5 Как во той-то ли было Малой Галичи,
 Во Корелы-то было пребогатой,
 Молодой-то жил боярин Дюк Степанович
 Со своей-то родимой со матушкой,
 Со Мамельфой-то, верно, Александровной.
 10 Говорит-то ведь Дюк да ведь Степанович:
 «Уж ты гой еси, любима моя матушка,
 Свет Мамельфа-то, верно, Александровна!
 Уж как дай-ко-се мне благословеньице
 Еще съездить-то мне как в стольный Киев-град,
 15 Поклонитесь-то ведь мне князю Владимиру
 И княгинюшке, верно, да Апраксии».
 Говорила-то ведь мать да Мамельфа Александровна:
 «Уж ты гой еси, любимо моё дитячко,
 Молодой-то боярин Дюк Степанович!
 20 Еще есть-то на пути горы толкучие,
 Еще есть-то на пути птицы клéвучие».

- Говорит-то ей, верно, Дюк Степанович:
 «У мя есть-то ведь бурушко-косматушко,
 Не боюся я ведь горы да тут толкучие,
 25 Не боюся я, верно, птицы клёвучие».
- И дала ему тут мать благословеньице,
 И поехал он ведь в стольный, верно, Киев-град.
 Подъезжает-то ведь Дюк да, верно, Степанович,
 Подъезжает он к горам да вот толкучим.
- 30 Не успели тут горы как раздвинутце —
 Проскакал-то его да ведь бурушко.
 Подъезжает он к птицам да ведь клёвучим.
 Не успели тут птицы крылья распустити же —
 Как проскакиват-то, верно, его бурушко.
- 35 Приезжает-то ведь Дюк да вот Степанович,
 Приезжает он да, верно, в стольный Киев-град.
 Заходил-то ведь он во церкву божию,
 Еще стал-то ведь он да к праву клиросу.
 Еще кончилась обедня вот Господня же.
- 40 Как выходит-то, верно, Дюк Степанович,
 Приглашают-то на пир к князю Владимиру.
 Как идет по мостовым-то Дюк Степанович,
 Еще сам-то на сапожки он поглядыват,
 Говорит-то ведь дак Дюк Степанович:
- 45 «Еще всё-то ведь здесь да не по-нашому,
 Мостовые-то ведь все да деревянные,
 И песочком-то ведь да не присыпаиы,
 Как сапожки-то сафьяны я упачкаю».
- Приглашают-то его на честен пир к князю Владимиру.
- 50 Еще был тут во стольном Киеве
 Молодой-то боярин Чурила Пленкович.
 Как идет-то Чурила как по Киеву,
 Еще зонтиком, Чурила, призакрылся он —
 Еще девушки глядят, да все заборы трещат,
- 55 Как молодушки глядят, да как оконницы звенят,
 Еще старые старухи костыли грызут.
 Посадили за столы да за дубовые
 И за скатерти его, верио, браные,
 Подносили-то ведь Дюку да Степанучу,
- 60 Подносили-то чару зеленá вина.
 Еще полчарочки-то пьёт, друга под стол он льёт,
 Как берёт-то колачик, призакусывает,
 Как ведь верхнюю-то корку съест, нижню под стол мечёт.
 Говорит-то ему да князь Владимир жо:
- 65 «Уж ты гой есь, молодой да ведь боярин жо,
 Молодой ты боярин, Дюк Степанович!
 Почему ты ведь чарочки под стол-то льёшь,
 Почему ты колачики под стол мечёшь?»
- Говорит-то ведь Дюк да, верио, Степанович:
- 70 «Еще всё-то у вас в Киеве да не по-нашому:
 Как у вас-то ведь в Киеве печи-ти всё глиняные,

- А помялышка, верно, как сосновые,
 Еще колачики пахнут, верно, сосенкой.
 Как у нас-то ведь, верно, в Малой Галичи,
 75 Во Корелы-то, верно, пребогатой,
 Еще печки-ти у нас да все муравлены,
 А помялышка у нас да все шолковые,
 Еще водичка у вас да призадохлася —
 Мочат у нас помялышка да в медовой воде,
 80 А водичка у нас в погребах стоит,
 На серебряных цепях она качается,
 Никогда наша вода не задыхается».
 Говорит тут молодой боярин Чурила Младопленкович:
 «Уж ты гой еси, Владимир стольно-киевский!
 85 Еще молодой-то боярин призахвастался,
 Я советую его да посадить в тюрьму
 И послать-то туда да нынь разведчиков».
 Как взяли-то ведь тут Дюка да Степановича,
 Посадили же его да во тюремку же.
 90 Выбирают нонь да, верно, всё разведчиков.
 Посылают-то Илью да, верно, Муромца,
 Посылают-то другого что Добрынюшку Никитича.
 Собираются ведь наши бояры живёхонько,
 Поезжают-то они во Малу Галичу,
 95 И поехал Добрынюшка Никитич же
 И со Ильей-то старым да со Муромцем.
 Как ведь выехали на гору Сорочинскую
 И глядят, верно, в трубу они серебряну,
 Говорит-то Добрынюшка Никитич млад:
 100 «Уж ты гой еси, Илеюшко Ивановч!
 Ведь, наверно, Мала Галича огнем горит».
 Говорит-то Илья да, верно, Муромец:
 «Уж мы скажем-то, Добрынюшка Никитич млад,
 Неужели посылаа Дюк Степанович вести же,
 105 Чтoб спалили его да Малу Галичу?»
 Вот и съехали с горы да с Сорочинской,
 Подъезжают-то они да к Малой Галиче,
 А на домах-то кровли всюду зóлоты,
 Крыши зóлоты — да как огонь горит.
 110 Как слезают они с добрых коней же
 И привязывают коней к столбам дубовым же.
 Еще заходят Илья да со Добрынюшкой
 И заходят да в палаты белокаменны.
 Как проходят-то они да перву горницу,
 115 Еще сидит-то нонь тут да баба старая —
 Еще вся-то одета она в шелка заморские.
 Говорит тут Илья да, верно, Муромец:
 «Уж ты здравствуй, ты Дюкова да матушка!»
 Говорит-то ему да баба старая:
 120 «Я не Дюкова да, верно, матушка,
 Уж я Дюкова-то, верно, калачница».

- Еще входят они да в другú горницу —
 А сидит-то нонь тут да баба старая,
 И одета баба да вся в сéребро.
- 125 Говорит тут Илья да, верно, Муромец:
 «Уж здравствуй, ты Дюкова да матушка!»
 Говорит-то да баба, верно, старая:
 «Я не Дюкова да, верно, матушка,
 Уж я Дюкова да, верно, ноне нянюшка».
- 130 Говорит тут Илья да свет Иванович:
 «Уж скажи нам, да Дюкова, верно, нянюшка,
 Еще где-ка увидеть Дюкову-ту матушку?»
 Говорила-то ведь им да баба старая:
 «Еще Дюкова матушка да у обеденки».
- 135 Как немножко тут времечка проходит же,
 И идет-то ведь Дюкова да матушка.
 Ее ведут-то ведь трое, верно, под руки,
 И одета она вся вот в жемчуг скáченой.
 По мосточкам-то всё да по калиновым
- 140 Впереди-то ей сукна, верно, стелются,
 Позади-то ее сукна обираются.
 Как приходит да, верно, Дюкова матушка,
 Поклонился ведь ей да Илья Муромец:
 «Уж ты здравствуй, Дюкова, верно, матушка!»
- 145 Еще мы приехали к тебе да приразведати —
 Еще твой-от сын да призахвастался,
 Призахвастался, ноне во тюрьме сидит».
 Говорит ему да Дюкова, верно, матушка:
 «Уж вы гой еси, удалы добры молодцы!»
- 150 Проходите ко мне да во палатушки».
 Провела она их в столову нову горницу:
 Во столовой полы да все хрустальные,
 Под полами-то, верио, жива рыбаца.
 Наливала им Дюкова, верно, матушка
- 155 Что по чары зелена вина заморского —
 Как по чары-то пьешь, да второй хочется,
 Еще другú-то пьешь — да третьей хочется.
 Повела их Дюкова да, верно, матушка
 Животы свои да им показывать.
- 160 Как писал Добрынюшка Никитич млад,
 Как писал Добрыня на бумажечке,
 На бумажечке, верно, да скорописчатой,
 Он писал-считал сбруи конские,
 Как одних-то сбруй записать не мог —
- 165 Не хватило у Добрынюшки бумажки ведь.
 Говорила тут им Дюкова матушка:
 «Уж вы гой еси, удалы добры молодцы!
 Вы скажите-ка вашему князю Владимиру:
 Еще пусть-ка на чернила он Чернигов-град продаст,
- 170 На бумагу-то он — славный Киев-град,
 И тогда-то присылат ко мне описывать».

- Распростился Илья-то и Добрынюшка
 Как со Дюковой да, верно, они с матушкой
 И поехали домой да в стольный Киев-град.
- 175 Приезжают они, верно, ко князю Владимиру,
 Рассказали-то богатыри, чего видели.
 Еще выпустили Дюка вот Степановича,
 Угощают-то его да зеленым вином.
 Тут Чурила-то, верно, Младопленкович
- 180 Он задорный был, завистливый,
 Говорит Чурила да таковы слова:
 «Уж мы будем биться о велик залог,
 Не о ста-то рублях, не о тысяче —
 О своих-то буйных со мной головах:
- 185 Уж мы ездить будем на добрых конях,
 На добрых конях, верно, двенадцать дней,
 Чтоб о каждый день были кони сменные,
 Кони сменные да переменные».
- Говорит-то Дюк, верно, Степанович,
- 190 Говорит-то таковы слова:
 «У меня-де бурушко — завозный конь».
 А от залога он-де не отказывается.
 Станет поутру ранешенько,
 Выйдет на росу, верно, холоднѣхоньку
- 195 И выводит свою бурушка-косматушку:
 На бурушке шерсть переменится.
 Так проездили они двенадцать дней.
 На двенадцатый день пришло скочить
 Через Почай-реку, верно, глубокую,
- 200 Скочить с конем да обратно отскочить.
 Первый скочил тут Чурила Младопленкович —
 И обрушился Чурила насередь реки.
 Второй скочил Дюк Степанович —
 Реку перескочил и обратно скочил
- 205 И Чурилу за волосья вытащил.
 Говорит-то, верно, Дюк Степанович,
 Говорит-то таковы слова:
 «Что ты, князь Владимир стольно-киевский,
 Ты кому прикажешь голову рубить?»
- 210 Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
 «Ты оставь нам Чурилу хоть для памяти,
 Не руби ему да буйну, верно, голову».
 А Чурила был завистливый,
 Говорит он да, верно, таковы слова:
- 215 «Уж мы будем ходить да в церкви божии,
 Уж мы будем ходить да все двенадцать дней,
 И на каждый день чтоб было платье сменное,
 Платье сменное да переменное».
- Говорит-то Дюк Степанович:
- 220 «У меня-де, Чурилушко, платье завозное».
 А от залога не отказывается.

- Садится он на ремянный стул,
Пишет Дюк да ярлыки он скорописчаты
Что своей ли родимой матушке,
225 Зашивает он в сумки перемётные,
Отправляет он своёго бурушка косматого.
Прибегает бурушка, верно, в Малу Галичу.
Увидала тут Мамельфа Александровна:
Нет у ей родного сына Дюка ведь Степановича.
230 И горько она ведь тут заплакала.
Посмотрела она в сумки перемётные,
Увидала ярлыки да скорописчатые —
Прочитала ярлыки да скорописчатые,
Наложила ему платья она цвётного,
235 Что цвётно́го платья переменного,
Переменного платья на двенадцать дней.
Стали ходить тут в церковь божию
Дюк Степанович, верно, с Чурилушкой.
Как Чурилушка ставал на правый клирос,
240 Как Дюк Степанович — на левый клирос,
Пришло время на двенадцатый день,
Собралось народу множество.
Как Чурила Младопленкович застегнет пуговики —
Молодец с красной девицей обóймутся,
245 Расстегнет Чурила пуговики — да поцелуются.
Тут глядит Чурила на Дюка да Степановича,
Тут и думат: проиграл он буйну голову.
Как и кончилась тут обеденка церковная,
Вынимает Дюк Степанович плетку шелко́вую,
250 Как ударил Дюк Степанович по своим пуговкам —
Как вот заревели звери лютые,
Как и зашипели змеи ползучие,
А народ-то весь тут с ног попадали,
Князь Владимир с княгиней Апраксией чуть живы́ ушли.
255 Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Уж ты гой еси, молодой-то боярин, Дюк Степанович!
Переиграл ты нашего Чурилу Плёнковича».
Говорит тут Дюк Степанович:
«Уж ты гой еси, Владимир-князь стольно-киевский!
260 Ты кому прикажешь рубити буйну голову?»
Говорит Владимир стольно-киевский:
«А оставь нам Чурилу хоть для памяти».
Говорит тогда Дюк, верно, Степанович:
«Эх, Чурила, ты млад боярский сын,
265 Не с богатырями бы тебе, Чурила, ведаться,
А водиться бы с киевскими бабами».
Распростился он с князем со Владимиром
И поехал на бурушке косматом
Ко своей матушке Мамельфе Александровне.

№ 149

Дюк-то Степанович ведь три года у матушки без отца рос, отца-то богатыри убили. Как стал он трех годов, стал коня искать. Он-то всё хочет в Киев-град ехать, а мать-то не пускает, коня не дает. А он всё коня искал: на которого руку наложит, так конь-то шататца, всё не выбрать коня-то.

А подросток до шести годов, дак пошел по городу искать коня, кто коня укажет. Идет — стоит старуха, 5 он ее и спрашивает, где коня взять. «Конь в глубоком погребке стоит, тот тебе подойдет». Пришел Дюк к погребу, спихнул чугунную доску, доской погреб-от накрыт был да песками присыпан. Взял он коня, поехал на горы таки коло Киева. Смотрит: «Ничего в Киеве хорошего нет, белое всё, церкви белые, а у нас все золотое». А конь пал на колени и говорит: «Не могу тебя носить, спусти меня пастись». Спустил коня-то, а сам зашел в погреб, тут питера и ядра всяко. Напился, наелся и спать лег. Сколько спал, 10 две ли, три ли недели, не знаю, свидетелей-то не было. Проснулся, а платье-то на нем все лопнуло, разлезлось. Вышел из погреба, а коня нет, стал его кликать, а конь-то говорил: «Я сам прибегу». Опять пошел Дюк в погреб, напился, наелся, надел новое платье и спать лег. Сколько проспал, проснулся, а платье опять лопнуло. Вышел на улицу, а коня всё нет. Снова в погреб спустился. Долго ли спал, три года, тут и жил. Выспался, вышел на улицу. Тут конь прибежал, говорит: «Ехать можно, ты отъелся». А Дюк 15 смотрит и не узнает: «Ты не мой конь». — «А ты на себя посмотри, тоже не похож на себя. Одни кости были». Сел он на коня, прибежал к матушке Омелфе Тимофеевне, она выскочила: «Кто такой?» А он прощаться приехал: «Прости, матушка Омелфа Тимофеевна, я поеду в Киев-град, ко князю Владимиру». Поехал он к Киеву, приехал на горы, конь говорит: «Ничего там хорошего, белым белешенько, а у нас в Золотой Орде всё в золоте». Все равно поехали, конь его скачет, озера и реки меж ног спускает. Хотел 20 Дюк к обедне в Киев приехать, пришел в церковь, а князя в церкви нет. Пошел в полаты ко княгине Апраксии, видит: сидит она. Он и говорит: «Здравствуй, княгини портомойница». — «Что ты, какá, говорит, я портомойница, я княгиня». — «А у нас так-от портомойницы ходят».

Пошел Дюк в церковь, стал, а сам все на сапоги поглядывает: сапоги-то в песке припылились. Князь стал на пир приглашать, пришли в полаты, — Дюк всё на сапоги поглядывает. Чурила-то Пленкович 25 насмешник был и говорит: «Какой-то нахальник приехал к нам, с кого-сь сапоги да платье стащил, дак всё поглядывает». А Дюк-от и говорит: «У нас в Золотой Орде впереди-то идут лопатники, а потом стельщики, сукна стелют, дак сапоги-то только чистятся, а тут в песке всё». А Омельфа-то Тимофеевна дала ему перцатоцки, жемчугом шитые, велела подарить Илье Муромцу, старому казаку: «Ты ведь дитя хвастливое, дак он за тебя заступится».

30 Вот стали все есть. Он ест, верхнюю-то короцку на стол кидат, а нижнюю-то короцку под стол мецот. А Чурила-то и говорит: «Откуда такой нахальник к нам явился, хлебушко под стол кидат?» — «А у вас вот, господа, пеци-то глиняны, а у нас —

Один съешь, дак другой хочется,
Второй съешь, дак душа горит,
35 Третьей съешь, дак и сыт».

Всё поспариват с Чурилой. Заложились они об заклад: «Давай ездить каждый день на новом коне». — «У меня кони-то в Золотой Орде в проклятой». Пошел к Сивушке-Бурушке за помощью. Конь и говорит: «Я буду кататься на заре, шерсть менять». Стал Чурило биться не о ста рублей, не о тысячи — о буйной 40 голове: Почай-реку перескочить, да и назад отскочить. А Почай-река на два поприща змеиных, на два по́скака лошадиных. Илья и Добрыня смотреть пошли. Чурила вперед скочил да назад не доскочил, Дюк ёго за волосы вытащыл. Хотел снести голову, да князь и княгиня отмолили.

Стали опять биться, стали платья носить, всё чтоб новое. Он послал записочку в Золотую Орду, коню под седло положил. Мать прислала ему платья. Стали среди церкви: Чурила повел палочкой по пуговкам, дак с одной стороны мальчик, а с другой девочка, дак поцелуются. А Дюк провел, дак всё 45 райские птички поют. Опять перецоголял его, дак о головах ведь бьются.

Чурила решил о богатстве биться. Описывать добро пошли Добрыня Никитич да Илья. «А Олешу Поповича не посылай, он роду поповского, руки загребушие, он еще загребет казну-то мою, ограбит». Еще Потанюшку Хроменького послали. «Я ехал три дня, а вам косой-то дорогой три года». Вот ехали три года, да богатыри ведь всё. Приехали. Зашли в комнату, говорят: «Здрасте, Омелфа Тимофеевна». —

50 «Кака я Омелфа Тимофеевна, я портомойница». Во втору комнату зашли: «Здрасте, Омелфа Тимофеевна!» — «Кака я Омелфа Тимофеевна, я ее рукомойница, а она в церкви стоит. Да вы всем-то не кланяйтесь. Как пойдет Омелфа Тимофеевна из церкви, впереди-то пойдут лопатницы, потом-то пойдут метельщицы, а сзади стельщицы. Потом Омелфа Тимофеевна».

55 Пошли они, видят: дорогу разметают, сукна стелют, потом Омелфа Тимофеевна идет. Поздоровались они, а она и не посмотрела. Зашли в дом. «Зачем пришли?» — «Именье твое описывать». — «Како у меня именье? Описывайте ложки да вилки!»

Три года писалн, не могли описать. Она говорит: «Поезжайте к князю, пусть на бумагу продаст Киев-град, а на чернила Чернигов-град».

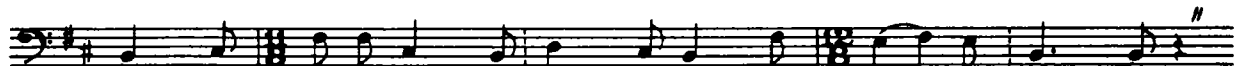
60 И вернулись, ничего не вышло у них. Опосля смирились с Чурилом, дак и свататься вместе ходили за двух девок.

№ 150*

$\text{♩} = 188$

Как во той - де во ниж - ной Ма - лой Га - ли - цы,

Как во той(и)-де Ко-ре - лы пре - бо - га - ты - ей

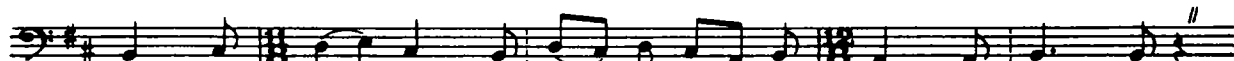
Ка бы жи-л(ы) та-м(ы) Сте-па-н(ы) да о-н(ы) со - ста - рил - ся,

Как и - ще то-го Сте-па-н(ы) ско-ре пре - ста - вил - ся.

Как ос - та-лась у е - го да мо - ло - да жо - на,

Мо - ло - да та жо-на, да ча - до ми - ло - с,

Как е - му - то ле бы - ло ка-к(ы) на - зва-н(ы) и - цо -

А - бы бы-л(ы) о-н(ы) ле Дю - к(ы) ще Сте - па - но - виль.

Как про - шло то - му вре - мя - ка сем - над - цать лет,
 Го - во - рил о - н(ы) сво - ей да ро - д(ы)ной ма - мень - ки:
 „У - ж(ы) ты, ой е - си мо - я ма - ти ро - ди - ма - я!
 Уж ты да - й - ко се мне бла - го - с(ы)лов - лень - и - це,
 Ка - бы съез - дить схо - ди - ть мне [в]сто - л(и)ной Ки - ев - град,
 По - смот - реть мне кне - зя да со к(ы)не - ги - на - ю,
 По - смот - реть - то м(ы)не рус - ски - и - х(ы) бо - га - ты - рей!“
 Го - во - ри - ла е - му да ма - т(и) ро - ди - ма - я:
 „Ты не е - з(ы)ди, мо - ё да ча - до ми - ла - ё,
 Ты не е - з(ы)ди - ко ты да в сто - л(и)ной Ки - ев - град -
 У ца - ря - та жи - ву - т(ы) пи - ры ом - ма - н(и)чи - вы.
 Ты на пьес - се тог - ды да зе - ле - на ви - на,
 Ты по - хвас - та - ешь тог - да да зо - ло - то - й каз - ной...“

- Как во той-де во Нижной Малой Галицы,
 Как во той-де Корелы пребогатой,
 Кабы жил там Степан да он состарилсэ,
 Как ище того Степан скорé представилсэ.
- 5 Как осталась у его да молода жона,
 Молода-та жона да чадо милое,
 Как ему-то ле было как названьицо —
 Абы был он ле Дюк ище Степановиць.
 Как прошло тому времецька семнадцать лет,
- 10 Говорил он своей да рóдной маменьки:
 «Уж ты ой еси моя маті родимая!
 Уж ты дай-ко-се мне благословеньице,
 Кабы съездить-сходить мне [в] стольной Киев-град,
 Посмотреть мне кнезя́ да со кнегинаю,
- 15 Посмотреть-то мне русских богатырей!»
 Говорила ему да мать родимая:
 «Ты не езд, моё да чадо милаё,
 Ты не езд-ко ты да в стольной Киев-град —
 У дяря-та живут пиры омманчивы.
- 20 [Там похвастаёшь ты да...]
 Ты напессе тогды да зелена вина,
 Ты похвастаешь тогда да золотой казной,
 Ты похвастаешь тогда еше добрым конём,
 Ты похвастаешь ище силой́ могучейей».
- 25 Говорит он на то да родной матушки:
 «Я поеду сейчас да в стольной Киёв-град!»
 Как дала она ему благословеньица:
 «Ах, поедёшь ты, чадо мое милоё,
 Ты не пей-ко ле там да зеленá вина,
- 30 Ты не пей-ко-се там да пива пьяного,
 Ты не хвастай-ко там да золотой казной,
 Ты не хвастай-ко там ище добрым конём,
 Ты не хвастай-ко ты да платьём цветным —
 Ты похвастай-ко мной, да старой матерью».
- 35 Походил тогды Дюк да на конюшен двор,
 Выбирал себе коня да троелеточка,
 Надевал ему уздечку шелку шемохацкаго,
 Надевал ему седёлышко сверькальскоё,
 Он садилсэ тогды да на добра коня,
- 40 Поежжал он тогда да в стольной Киёв-град.
 Он приехал ко князю ко Владимеру,
 Как ко той до ему да гринни княжонецккой.
(Это-то я пробрасывал тогда, забыл онново, так.)
 Он подъезал ко гринни княжонецккой,
 Как к тому-де столбу ище дубовому.
- 45 Ак у того-де столба да у дубового
 Как завеньчено было три колечика:
 Как первое-то колецько было менноё,

- Как второе-то колецько как серебрено,
Кабы третье колецько позолочено.
- 50 Тут были ведь подписи подписаны,
Уж как были й-де по́дрези подрезаи:
Кабы простые-то ле люди крестиянска
Кабы вежут добрых коней к колечуку,
Как к колечуку вяжут они к менному;
- 55 Как богатые люди ище приедут,
Они вяжут кольцо ище серебрено;
Как богатыри-те как ище приедут,
Они вяжут за колецько золóчено.
(Три колечика, дак разны приежжают да завязывают.)
Говорит-то ведь Дюк ище Степановиць:
- 60 «Я в своей-то ле Нижней Малой Галифты,
Я ведь там-то живу я ведь простым мужиком;
А в своей-то вот Нижной Малой Галицы,
Я ведь там же живу ище добрым купцом;
Я своей-то в ле в Нижной Малой Галицы,
- 65 Я живу-де ведь как да я великим князём».
(Я, говорит, сам всё один соуправляю, дак!)
Он завязывал коня да за колецька,
Как за все-те он три да ён зав'язывал.
(Как он все будто и исполнял, он все колецька поводом продёрнул.)
А князя-та Владимира в доме не слуцилосе,
Кабы ушли они-то ведь в церкву божию
- 70 Как служить-то обедню воскресенскую.
Там походит ле Дюк да во божью церкву,
Он заходит-де Дюк да во божью церкву,
Он крест-от кладёт да по-учёному,
Он молитву творит полну́ Исусову,
- 75 Кабы поклон-от ведёт да по-писанному,
Он стаёт тогда подле князя по Владимира,
Тут приходит ему...
- (От приходит ему..., как жо, от забыл... Уже надумалось! Дак можно отдохнуть ведь.)*
Приходит ему Чурило да блада Клёнковиць.
«Уж ты ой еси, удалый доброй молодец!
80 Ты с какой-де страны, да ты какой земли,
Ты какой-де земли, ище какой Орды,
Уж ведь как-то тебя да именём зовут?»
Отвечал на то ле Дюк ище Степановиць:
«Ат не то-де поют, да здесь ведь слушают,
85 Как поют здесь ведь службу воскресенскую».
Кабы концилась тогда служба воскресенская,
Как Владимир-от князь берёт Дюка Степанова
За правую руку ище за белую,
Он ведёт его во гридню княжонещкую.
- 90 Он устроил тогда он ище пир богатыи
Как для тех-то бояр да толстобрюхиих,

- Как для тех-то кресьян да православных,
 Как для тех-де он русских богатырей.
 Кабы все на пиру да напивалисе,
 95 Кабы все на честном да наедалисе,
 Кабы все-то сидят да пьяны-вёсёлы,
 Как один-то ле Дюк сидит нечем не хвастает.
 Подходил ему солнышко Владимир-князь:
 «Уж ты што же, удалой доброй молодец,
 100 Уж ты што же ле, Дюк да наш Степановиць,
 Почему же нечем да ты не хвастаешь?
 Наверно, рюмки вина те не доходили,
 Винно, пивныя чяры не доношены?»
 Отвечаёт на то да Дюк Степановиць:
 105 «Мне как винны-ти чярочки доношаны,
 Уж мне пивны стоканы все доходили».
- Ат на то ведь нын солнышко догадлив был,
 Он спускалсэ сейчас да во глубок погреб,
 Наливал он ведь чяру зелена вина,
 110 Не велику, не малу — полтора ведра,
 Заносил он ведь Дюку-то Степанову.
 Как берет-то Дюк Степановиць чярку во праву руку,
 Кабы пьёт эту чяру к едину духу,
 Он калачиком...
- 115 Да и сам-то к тому да приговаривал:
 «Окатнло моё да ретиво сердце,
 Обвеселило мою да буйну голову».
(Цярка порядоцьня, дак он(и) веселой стал!)
 А говорит тогда да Дюк Степановиць,
 Он закусывать калачик ишепчонинькой,
 120 Абы сам-то себе да приговариват:
 «Аж у мя-то у родимой ише маменьки
 Как калачики у мя да ише хорошии,
 Как(ы) подики у мя ише медянии,
 Как помельшка у нас ише шелковыя,
 125 Ах у вас-то ле, солнышко Владимир-князь,
 Й вас ведь подики, наверно, как ведь гнилены,
 Как помельшка у вас ише сосновыя —
 Кабы нижна-та короцька пахнёт гниланку,
 Кабы верхна-та короцька — на сосенку».
- 130 Тогда говорит-то Чурило бладо Клёнковиць:
 «Уж ты ой еси, Дюк да ты Степановиць!
 А давай-ко мы с тобой да поровняймсе
 Кабы тыми-де мы платьём с тобой цветным».
 Отвечат на то ле Дюк ише Степановиць:
 135 «У мя здесь ведь платьицо дорожной,
 Кабы здесь у мя ведь платьицо худяшное.
 Я пошлю-де за платьём в Нижну Галицу,

- Привезут-де мне платьё ище цветное».
 Посылат-то ле Дюк да сын Степановиць,
 140 Кабы пишот письмо да своей матери:
 «Ты пошли-ко-се мне да платьё цветное,
 Я которо надевал ище одныжде в год».
 Поежжает человек за платьём цветным,
 Приежжаёт ле й Дюковой ронной матушки,
 145 Кабы той-де Омельфы Тимофеёвной:
 «Уж ты дай-ко-се мне да платьё цветноё
 Как своёго-то сына ведь родимаго,
 Кабы которо надеват он нонь онныжде в год».
 Назавязывала-приготляла платьё цветное,
 150 Как сапожки-ти клала ведь зелён сафьян,
 Кабы шубу-ту клала ище кúньицу.
 Отправлялсэ товда да его ведь посол,
 Приежжал-де ле он ище во стольной Киёв-град,
 Привозилэ-де он да платьё цветноё.
 155 Одевалсэ тогды да Дюк Степановиць,
 Он сапожки надел ище зелён сафьян,
 Он(ы) шубу надел да ище кúнию,
 Проводил он по шубы ишче по пуговкам:
 Кабы кажная пуговка стала петь своим голосом,
 160 Кабы етим ведь Дюк перещоголял его.
 Говорит-то ведь Дюк да сын Степановиць:
 «Вы берите-ко с собой бумаги множество,
 И чернила берите много-множество,
 Вы описывайте-ко мою золоту казну».
 165 Поежжали они да в Нижну Галицу,
 Приежжали к двору к Дюка́ Степанова.
 Кабы стретила ех их да ронна матушка,
 А садила ведь их да за дубовый стол.
 Приносила она фляжочку великую,
 170 Кабы было у фляжечки семьдесят рожков,
 Как нэ кажного рожка да разна напиточка —
 Не могли они фляжки той цены сказать.
 Как описывали его да ведь имучество —
 Не хватило у их да бумаги белой,
 175 Не хватило у их чернила черного.
 Отправлялись они да [в] стольной Киёв-град,
 Рассказали царю да всё ведь по́ ряду,
 Рассказали царю да всё ведь по́ чести.
 Кабы тим-то у их старина́ скончаласе,
 180 Кабы тим-то она у их покóнчнлась.

Всё, значит, у Дюка именёе проверили. И все больше. С этим кончилась старина.

Этот был Чурило благодной, он был с гола щыплив. Крепко толь хотел его перещоголять. Одежда ёго, тут вншь, кажна пуговка заговорила своим голосом. Эк вон ждал своего, такой нету. (Кака-то вот была цюш горожóна, дак пели ведью.)

№ 151

- Жил да был в Карелы да пребогатой,
 Воспитала его мать Омельфа Тимофеевна.
 Однажды был он у князя Владимира
 На честном пиру, да на весельице.
- 5 Как напились гости зелена вина,
 Зелена вина да пива хмельнаго,
 И начал каждый в словах хвалиться.
 Умный хвалится да отцом-матерью,
 А глупый хвалится да молодой женой...
- 10 Молодой Дюк сын Степанович
 Не ест калачики да издевается:
 Нижнюю корочку под стол кидат,
 А верхнюю часть на стол бросат.

(Ишь, оно не переводится тут в стих, вот!)

- Говорит он князю Владимиру:
- 15 «Считаю тебя как да сиротиною —
 Калачики на столе негодны,
 Испечены снизу в пеплу да подгорелые.
 А как у матушки моей Омельфы Тимофеевной
 Печки есть да поды медные,
- 20 А помёлышки ей и шелковые.
 Испекутся калачики румяные:
 Съешь калачик — пуще хочется,
 А другой поешь — невидимо укатится».
- Тут говорит ему Владимир-князь:
- 25 «Не пустым ли ты, детина, да похваляешься?»
 Посылает своих слуг-писарей
 Описать имение богатое.
 И берут они чернил-бумаги на пятьсот рублей.
 Как приехали писаря да стали спрашивать,
- 30 Где живет тут Омельфа Тимофеевна.
 Да и сказали им, что в церкви молится,
 А когда пойдет домой, то можно видети —
 Занимает в ходьбе она двенадцать слуг:
 Двое из них дорогу метут метелками,
- 35 Да двое ковры несут

(Вот видишь, тут не пойдет: это просто прочитать надо будет!),

- Да двое слуг ковры разворачивают,
 И еще двое ведут ей под рука,
 Да двое слуг подол несут,
 Да еще двое собирают в трубочку.
- 40 И вышла из церкви Омельфа с моления.
 Поклонились ей низко писари,
 Попросили у ней да разрешения
 Описать имение богатое:
 «А послал-то нас Владимир-князь».

- 45 И указала она описать дворы конные.
 И писали послы многи днн,
 Поистратили чернил, бумаги полностью,
 А описали только дворы конные.
 И вернулись к Владимиру с донесением,
 50 Что не пустым да детина похваляется.

№ 152

- Уж как во той же во Нижней Малой Галице
 А ше как... живёт да пречестна вдова
 А ше по имени Амелиха Тимофеевна.
 А ше как было у ней да едино чадо
 5 А ше по имени ле Дюк да сын Степаиович.
 А ше вздумал он съездить да во стольный Киев-град,
 А ше он стал ли просить благословенне:
 «А што еси, Амелиха Тимофеевна,
 А ше да е ли благословение да
 10 А ше как съездить-сходить да в стольный Киев-град
 Как к тому ли-то ле царю да Владимиру.
 А ше даше... благословеньице,
 А ше дашь — пойду,
 А ше не дашь — пойду».

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ И КАТЕРИНА

№ 153

- Ай выпадала пороха снегу белого,
 И не во пору порошиця, не вовремя,
 Ай да среди лета — о Петрова дни.
 А по той порохе снегу белой
 5 А не белинькой-то заюшко проскакивал,
 А не сер горносталя ту' пропрядывал
 Ко тому е ко двору ко Пермятину —
 Да проскакивал тут да ко круту крыльчу,
 Он заскакивал ле тут да на круто крыльчо,
 10 Он стучит-де ка', громит да в золото кольчо.
 Ай услыхала Пермятина молода жона,
 Во той ле ка' она да во теплой лёжни,
 Ай выходила-де она да ' занню горничу,
 Да из занней-то горничу в новы сени,
 15 Приходила ко дверям нонь ко широкиим,
 Отворила она ворота, двери на пету,
 А брала она Чурила за белы руки,
 Человала его в уста ищэ сахарныя,
 Да вела она Чурила по новым сеням,

- 20 Из новых-то сеней да в занню горничу,
 Да из занней-то горници в теплу лёжню.
 Ай кабы зажил тут Чурило по-домашному:
 Он рукавоцьки-перстяноцьки кладёт ище,
 Он кладёт их ище да он на грядоцьку,
- 25 Он пухов ле колпак весит на спичку же,
 Он зелён кафтан вешат на грядоцьку,
 Ай сапожки кладёт ноньце под лавоцьку,
 Сам ложилса нонь Чурило на кроватоцьку.
 Услыхала у Пермьаты нонь служаноцька,
- 30 Кабы та-де нонь девушка-чернавушка,
 Говорит ноньце девушка-чернавушка:
 «Я пойду ле Пермьаты сыну Иванову,
 Как ушел нонь Пермьата да во божью церковь».
 Говорит тут Чурило блады Пленкович:
- 35 «Ож ты ой есь, ты девушка-чернавушка!
 Ты не сказывай Пермьаты сыну Иванову,
 Я куплю тебе платоцик на головушку,
 Заплачу я за платоцик и нонь пети рублей».
 Уж на то ноньце девка не сдавайтце:
- 40 «Эй, я скажу-де Пермьаты сыну Иванову».
 Говорит на то Чурило млады Пленкович:
 «Ёж ты ой еси, девушка-чернавушка!
 Ты не сказывай Пермьаты сыну Иванову,
 Я куплю тебе в косу да ноньце лентоцьку,
- 45 Заплачу ноньце за лентоцьку десети рублей».
 Как на то ноньце девка не сдавайтце:
 «Я пойду-де бы нонь да во божью церков,
 Я скажу-де Пермьаты сыну Иванову».
 Говорит на то Чурило млады Пленкович:
- 50 «Ёж ты ой еси, девушка-чернавушка!
 Ты не сказывай Пермьаты сыну Иванову,
 Я куплю тебе ноньце шубеецьку,
 Заплачу я за шубейку двадцеть пять рублей».
 Уж на то ище девка не сдавайтце.
- 55 Побежала она ка', девушка, надёрнулась,
 Прибежала она скоро в божью церкву,
 Там как служат нонь обедню воскресеньскую.
 Подходила к Пермьаты сыну Иванову,
 Говорит тут девушка-чернавушка:
- 60 «Уж ты ой еси, Пермьата да сын Иванович!
 Заскочил-де конь в твои да в зелены сады,
 Ён как вытоптал твои все зелены сады».
 Ож на то был Пермьата да был догадливой,
 Он как скоро пошёл нонь из божьей церкви,
- 65 Он как скоро бы идёт да к широку двору,
 Он да скоро заходит да на круто крыльцо,
 Он и скоро идёт да по новым сеням,
 Из новых-то ле сеней да в занню горницу,
 Как из занней-то он горничу во теплу лёжню,

- 70 Как увидел он Чурила млады Пленковича,
 Как живёт тут у него Чурило по-домашнему.
 Говорит тут Пермьята да сын Иванович:
 «Кабы прежде тебе да было сказано,
 Уж досель тебе было ище наказано:
- 75 Не ходи ты в мои да в зелены сады,
 Не топчи ты мою да шёлкову траву».
 Говорит на то Чурило да блады Пленкович:
 «Уж я эки-ти ли речи не слышал у тя».
 Ой как тут ле Пермьята да сын Иванович
- 80 Он схватил ноньце Чурила за черны кудри,
 Он тащил его бы скоро да вон на улицу,
 Он вытаскивал бы скоро на круто крыльцо,
 Да бросал он Чурила со крута крыльця —
 Уж как тут ноньце Чуриле смерть случилось.
- 85 Ён заходит, Пермьята, да во теплу лежню,
 Говорит его ле нонь да молода жона:
 «Не зайдёт боле другижды красно солнышко».
 Ён схватал ей, Пермьята, да за черны кудри,
 Он вытаскивал ей скоро вон на улицу,
- 90 Как спускался бы он да со крута крыльця,
 На одну ногу ступил ей, другу оторвал,
 Кабы бросил он ей да во чисто полё,
 Там черным-де воронам да на воскурканьё,
 Он серым-де ка' волкам да на ростарзаньё,
- 95 Уж как синему ле морю на утишеньё,
 Кабы нам всем, молодцам, на послыханьё,
 Кабы старым ле старухам на долгой век.

№ 154

- Нападала пороха снегу белого,
 Не во пору пороха, нынь не вовемя,
 Да середка-де лета — о Петрова дни.
 По этой же порохе снегу белого
- 5 Не белой-де заюшко проскакивал,
 Не чернохвост горносталя да тут пропрядывал —
 Молоды душа Чурило да тут прохоживал
 Да к тому Пермьяте да к молодой жоне.
 Да заходит бы он да на крылечико,
- 10 Кабы брякался он да во колечико,
 Да выходит Настасья дочь Колашнича,
 Отпирала она да двери на пету,
 Да брала молодца за белы руки,
 Человала молодца в уста сахарныи,
- 15 Проводила его да в лежню-спальню нонь.
 Кабы зажил тут Чурило по-домашнему:
 Да кушак-от бы вешал он на спичечку,

- А пухов-де колпак кладёт на полочку,
 Да софьянны сапожки кладёт под лавочку,
 20 Да ложилса на кроватку да на тесовую
 Да с тою-де Настасьей да со Колашницей,
 Да на те же перины да на пуховыи.
 Да была Пермьята ищэ служаноцька,
 Говорила она да таково слово:
 25 «Уж ты ой еси, Чурило да блады Плёнкович!
 Ты не парь же кишку да во чужом горшку,
 Да пойдю к Пермьяте да я нажалюсе».
 Говорит-то Чурило да блады Плёнкович:
 «Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
 30 Не ходи к Пермьяте, да ты не сказывай,
 Да куплю я тибе да в косу лентацьку,
 Заплацую я за ленту двадцать пять рублей».
 Да на то-де девчонко да не сдавайтце,
 Говорит-де она да таково слово:
 35 «Уж ты ой еси, Чурило да блады Плёнкович!
 Ты не парь же кишку да во чужом горшку,
 А пойдю к Пермьяте да я нажалюсе».
 Говорил-де Чурило да блады Плёнкович:
 «Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
 40 Не ходи к Пермьяте, да ты не сказывай,
 Да куплю я тебе да нонь шубеечку,
 Заплачу за шубейку да петъдесят рублей».
 Да на то же девчонко да не сдавайтце,
 Да пошла-де девчонко да вон на улицу,
 45 Да пошла-де девчонко да во божью церковь,
 Говорила она да таково слово:
 «Уж ты ой есь, Пермьята да сын Иванович!
 Да у нас-де в садах да не по-старому:
 Заскоцил-де в сады да как чужой же конь,
 50 Да стоптал бы траву у нас шёлковую».
 А на то Пермьята да был догадливой,
 А пошел же бы он да из божьей церкви,
 Да заходит бы он да в лёжну-спальню нонь,
 Говорит же Пермьята да сын Иванович:
 55 «Уж ты ой еси, Настасья да дочь Колашница!
 Эта цей как веситса шёлков кушак?
 Эта цей-де лежит да нонь пухов колпак?
 Эта цьи-де лежат да нонь сапожоцьки,
 Да сапожки лежат да нонь софьяинные?
 60 Да бы цей же у нас да ионьце доброй конь?»
 Говорит тут Настасья да дочь Колашница:
 «Уж ты ой есь, Пермьята да сын Иванович!
 Да ходила я по городу по Киеву,
 Кабы видела купцей, людей торговых,
 65 Они ездят на конях всё на добрых,
 Кабы носят-де шапоцьки пуховыя,
 Кабы носят кушаки да всё шёлковыя,

- Кабы носят сапожки да сафьянныя —
 Да купила тебе да носить в праздники,
 70 Да купила коня да тебе доброго,
 Кабы ездить во церковь да во божью нонь».
 Да пошёл Пермята да сын Иванович
 Да ко той ко кровати ко тесовой,
 Розмахнул-де бы он да новы завесы,
 75 Да стену одияло да соболинное —
 Да лежит-де Чурило да без почтаников.
 Как-де брал-де Чурила за жёлты кудри,
 Да метал-де его да на кирпичат пол,
 Да вытаскивал его да вон на улицу,
 80 Да везал бы коню да за хвост ноньце,
 Да спустил бы коня да во чисто полё.
 Да заходит назад да в лёжну-спальню нонь,
 Говорит Пермята да таково слово:
 «Уж ты гой еси, Настасья да дочь Колашница!
 85 Уже што ле тебе да ноньце надобно?»
 Говорила Настасья да дочь Колашница:
 «Кабы где же ле нонь да как есен сокол,
 Кабы тут же ле быть да белой лебеди!»
 Кабы взял Пермята да молоду жону,
 90 На одну-де ногу да он ступил ноньце,
 Как другу-де ногу да у ей оторвал,
 Да служанку же взял да за себя взамуж.

№ 155

- Ай-я выпадала-де пороша снегу белого,
 Ай-я не во пору, во пору да не во времё,
 Ай-я серёдки-де лета — да о Петрова дне.
 Ай-я по той-де по порохе да по белу снежку,
 5 Ай-я не сер горносталя да тут пропрядывал,
 Ай-я не белый-де заюшко а проскакивал —
 Проезжал тут-де Чурило да млада Плёнкович
 Ай-я ко тому-де Перметё да к молодой жоне.
 Перметы-де-ко дома не случилось,
 10 Он ушёл-де служить да во божью церковь,
 Он служить-де [обедню] воскресеньскую.
 Ай-я спускал-де е Чурило коня да в зелены луга,
 Заходил на крылечико е тесовое,
 Ан стучал-де, гремел да в золоту кольцо.
 15 Выходила тут Настасья дочь Колашница
 Во одной тонкой е рубашечки без поеса,
 Во одных тонких чулочиках без башмачиков.
 Ай брала кабы Чурилу за белы руки,
 Ай вела кабы его да во теплу спальню.
 20 Кабы зажил Чурилка да по-домашному:
 Он пухов-де колпак да клал на грядочку,

- Ай-я перчатки барановы [да] на полічку,
Он и шёлков кушак вешал на спичку,
Зелён-де кафтан вешал на спичку,
- 25 Ай-я сапожки сафьяновые а под лавочку,
Он и лежился на кроваточку о тешовую,
Ай-я на те-де на перины да пуховые,
Ай-я на те-де на подушки на шелкóвые,
Ай-я под то-де од'яло под соболиное,
- 30 Ай-я с тоё-де со Настасьей дочь Калашиницой.
Ай-я была-де у их тут, право, служаночка.
Говорит-де служаночка да таково́ словó:
«Уж ты гой еси, Чурило да младо Плёнкович!
Ай-я ты не парь-де кишку а да во чужом горшку.
- 35 Я пойду-де схожу дак Перметы́ скажу,
Перьметы́-де скажу, право, о нажалуюсь».
Говорит-де ей Чурило да младо Плёнкович:
«Ох ты гой еси, девушка-чернавушка!
Не ходи ты да, право, не сказывай,
- 40 Я куплю тебе в косу да, право, ленточку,
Заплачу я а за ленту рублей двенадцети».
Ай-я на то кабы девка не соглашаетца:
«Я пойду-де схожу да Перметы́ скажу».
Говорит ей Чурило младо Плёнкович:
- 45 «Я куплю тебе на головушку шёлкóв платок,
Заплачу я за платок двадцеть пять рублей».
Ай-е на то кабы девка не соглашаетца:
«Ай-я пойду, право, схожу Перметы́ скажу».
Говорит Чурило да таково́ словó:
- 50 [«Не ходи ты, право, не сказывай,]
Я куплю тебе шубейку да соболиную,
Заплачу за шубейку да пятьдесят рублей».
Ай-я на то кабы девка не соглашантца,
А пошла-де ёна тут во божью церковь.
- 55 Ай-я тут служил Перметá-де обедню да воскресеньскую,
Он стоял, Перметá, на правом крылосе.
Подходила она к ему да со пра́ва плеча,
Говорила тут она ему да таковы́ слова́:
«Ох ты гой еси, да Перметá дак сын Иванович!
- 60 Уж ты молишься, право, спасаешься,
Над собой-де невзгодушку не ведаешь —
Как у нас кабы в доме да не по-старому:
Заскочил кабы в сады, право, чужой конь,
Он стоптал-де пшеницу да белоярову».
- 65 Ай-я на то-де Пермета да был догадливой,
Он накидывал да шубейку-де на одно плечó,
Он бежал-де скорей на улицу,
Он бежал во свой, право, высок терем,
Заходил он на крылечико тесовое,

- 70 Стучал да гремел в золотó кольцó.
 Выходила тут Настасья да дочь Калашница,
 Заводила-де его дак во теплú спальню,
 Говорит ей Перметá дак таковы́ слова:
 «Ох ты гой еси, Настасья дочь Калашница!»
- 75 У нас чей-де в сада́х, право, чужой там конь?
 Это чей-де колпак лежит на грядочке?
 Это чей-де кафтан висит на спíчке?
 Это чей-де е кушак вéсит на спíчке?
 Это чьи-де е перчаточки на полочки?
- 80 Это чьи-де е сапожочки под лавицой?»
 Говорит-де Настасья да дочь Калашница:
 «Я была-де во городе во Кieve,
 Я видала там купцов, людей торговых,
 Они носят кабы едакую да одежду там —
- 85 Я купила-де для вас всю одежду же,
 Кабы ездить вам во божью́ церковь».
 На то-де Пермета да был догадливый,
 Он раскидывал зановесь шелкóвую,
 Он [раскидывал] одеяло да соболиноё —
- 90 Как лежал-де Чурило в одних подштаниках.
 Он хватал-де Чурилу да за желты́ кудри́,
 Он вытаскивал Чурилу да иа серёдку пол,
 [Он вытаскивал Чурилу] да вон на улицу,
 Привезал да ко хвосту да лошадиному,
- 95 Пускал-де коня до во чистó поле —
 Растаскал да кабы конь по чистú полю́.
 Заходил тут Перметá да во теплú спальню́,
 Говорит-де своей, право, да молодой жене:
 «Ох ты гой еси, Настасья дочь Калашница!»
- 100 Ай-я чего тебя да ещо надобно?»
 Ай-я на то ему Настасья ответ держит:
 «Ай-я куда полетел дак млад есён сокóл,
 Ай-я туда-де летí вот бела лебедь».
 Он вытаскивал ей дак вон на улецу,
- 105 Бросил её да во чистó полё,
 На одну ногу ступил, да другу оторвал.
 Ай-я служаночку взял да за себя взамуж.

№ 156

- Да не вóвремё пороху снегу выпала —
 О же выпала пороха о Петрови дни.
 Што не серой-то заюшко прорыскивал,
 Не белой-то горнасталюшко проскакивал —
- 5 Проходил тут Чурила бладо Плёнкович.
 Он статным-то статней в полном возрасте,
 Лицо его, как белый снег,

- Оци его ясна сокола,
 Брови его чёрна соболя,
 10 На ножецках обутки — сафьян сапог,
 На головушке шапочка чурванка,
 Кабы шуба на ём да всё куня,
 Опясочки его да троешёлковые,
 Троешёлковые да и шёлковые,
 15 На ручечках перчаточки серебряные.
 Вот идёт-то Чурила вдоль по городу,
 Идёт-то Чурила по чисту полю,
 Заходит Чурила в стольнёй Киев-град
 Ко тому же Пермету сыну Степановичу.
 20 Он колотится в колечико серебряное —
 Уж заперты ворота крепко-накрепко.
 Выходила Маремьяна вон на юлицу,
 Отпирала ворота шире на пету,
 Из рецей Маремьяна выговаривāt:
 25 «Три годá красно солнышко не вздыбывалось,
 А вздынулось красно солнышко в четвёртый год.
 А не белый куропат налётывал,
 Ясный сокол всё прилётывал —
 Вот пришёл-то Чурила бладой Плёнкович».
 30 Да взяла его за ручушки за белыя,
 Цёловала его уста сахарныя,
 Проводила во грндню тёплу спальнюю.
 Вот розделса Чурила по-домашному:
 Ён козловы сапожки под кровать кладёт,
 35 Он кушак с рукавицками на дубовый стол,
 Кабы кунью шубу весит на спицюшку,
 Он ложитса спать на кроватку на тесовую,
 На ту же на перину на пуховую,
 Он на то же изголовье на косявщето,
 40 Он со той же Маремьяной со Микулишной.
 Тут выходит нонь девушка-чернавушка,
 Из рецей эта девка выговаривāt:
 «Ох ты ой еси, Чурило бладо Плёнкович!
 Как же ты разделса по-домашному?»
 45 Я пойду, девка, во божью церковь,
 Я скажу Пермету сыну Степанову».
 Говорит ле Чурило таковó словó:
 «Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
 Не ходи-тко ты, девушка, во божью церковь»,
 50 Не сказывай Пермету сыну Степанову,
 Я куплю тебе платье во петьсот рублей!»
 На реци бы девка не сдаваетца,
 Из рецей эта девка выговаривāt:
 «Уж ты ой еси, Чурила бладо Плёнкович!
 55 Уж как же ты розделса по-домашному?»
 Я пойду ле, девка, во божью церковь,
 Я скажу Пермету сыну Степанову».

- Говорит нынѣ Чурило таковó словó:
 «Не ходи-тко, девушка, не сказывай,
 60 Я куплю тебе шаль и во шесѣсот рублей!»
 На реци девка не сдаетца,
 Надевала на себя платье цвѣтное,
 Пошла эта девица вон на юлицу.
 Заходит девушка во божью церковь,
 65 Она крест кладѣт по-писаному,
 Поклон-от ведѣт по-учѣному,
 А молитву творит полну Исусову,
 Уже кланятца на все цетыре стороны,
 Из рецей эта девка выговариваѣт:
 70 «Уж ты здраствуй, Пермята сын Степанович!
 Уж ты служишь обедню воскресеньскую,
 Уж читаешь книжки Божии,
 У тебе во городе не по-старому,
 Ах во Кѣеве-граде не по-прежнему:
 75 Заселила конь чужой нонь в чистó поле,
 Он ведь топцѣт твою траву шѣлковую,
 Он ведь пѣѣт твою воду медвяную».
 Уж на то Пермята догадаетца,
 Запирал ѣн скорей книжки Божии,
 80 Выходил Пермята из божьей церкви,
 Заходит на своѣ крылечушко на прекрасное,
 Он колотится в колечико серебряно,
 Уж заперты ворота крепко-накрепко.
 Кабы тут-то Пермету за беду стоѣт,
 85 За великую досаду показалосе.
 Ноги резвыи его да расходилися,
 Могуци его плечи расшевелилися,
 Руки белыя его да розмахалися,
 Лицо белое его да помутилосе,
 90 Оци ясные его помутились жѣ,
 Ретивó его сердце розъерилося,
 Сомешалася кровь его со пѣченью.
 Топну́л он ногой во двери —
 Уж он вышиб двери с ободверинами.
 95 А заходит во гридню тёплую,
 От хватил в руки саблю вострую,
 Кабы ссек Чуриле пó плеч голову,
 Кабы бросил его во чистó поле,
 Кабы тут Чурилу смерть случилася.
 100 Говорит-то Пермята таковó словó:
 «Уж ты ой есь, Маремьяна дочь Микулична!
 Я прощу же тебя во первой вины».
 Говорит Маремьяна таковó словó:
 «Уж ты вор жѣ ты, Пермята сын Степанович!
 105 Кабы была бы у меня в руках сабля вострая,
 Я бы ссекла у тя пó плеч голову».
 А на реци Пермята не сдаетца,

- Из редей-то Пермьята выговарива̄т:
 «Уж ты ой еси, Маремьяна дочь Микулишна!
 110 Я прощу тебя во первой вины».
 Говорит Маремьяна таково́ словó:
 «Уж ты вор жё ты, Пермьята сын Степанович!
 Кабы была бы у меня в руках сабля вострая,
 Я бы ссекла у те по́ плеч голову».
- 115 А на реци Пермьята не сдаваетца,
 Из редей-то Пермьята выговарива̄т:
 «Уж ты ой еси, Маремьяна дочь Микулишна!
 Я прощу тебя во первой вины».
 Говорит Маремьяна таково́ словó:
 120 «Уж ты вор Пермьята сын Степанович!
 Кабы было копьё бурзомецкое,
 Я сколола бы тебя, вора Степанова».
 (*Как ещё его ругат!*)
 А на реци Пермьята не сдаваетца,
 Из редей-то Пермьята выговарива̄т:
 125 «Уж ты ой еси, Маремьяна дочь Микулишна!
 Я прощу-то тебя во первой вины».
 Говорит Маремьяна таково́ словó:
 «Да куда полетел блад ясён сокол,
 Да туда же летí лёбедь белая».
 (*Вот какую грубость сказала!*)
- 130 Кабы то Пермьяте за бедú встаёт,
 За великую досаду показалосе.
 Ссек у Маремьяны по́ плеч голову,
 Бросил Маремьяну во чисто́ поле,
 Кабы тут Маремьяне смерть случилася.
- 135 Он взял эту девушку за себя взамуж.

№ 157

- Нападала порóха снегу белого,
 Да не во пору порóшиця, не во́время,
 Да серёдка ле лета — о Петрова дни.
 Приходит Чурило да к широку двору́,
 5 Да заходит Чурило да на круто́ крыльцо,
 Да стуцит-громит да золотым кольцом,
 Выходила Окулина да Миколаевна,
 Хватала его да за белы́ руки:
 «Уж ты здрастуй, да удалый добрый мо́лодець»,
 10 Молодой-де Чурило да бладо Плёнкович!
 Да давно я ждала тя да дожидаласэ».
 Повела его она да по новы́м сеня́м,
 Завела она да во тёплу лёжницу.
 Тут и зажил Чурило по-домашнёму:
 15 Свешал всё платьце на грядоцьку,
 Кабы шапочку, перчятоцьки на лавоцьку,

- Да зелён кафтан, сапожки да под кроватоцьку,
 Сам лёжитса спать на кроватоцьку
 Со цюжой жоной же с Переметиной.
- 20 Да поцюла-де девушка-чернавоцька,
 Переметина верная служаноцька.
 Побежала ёна да по нovým сэням,
 Забегала ёна да в тёплу лёжницу:
 «Уж ты здраствуй, удамый добрый молодец,
- 25 Молодой-де Чурило да млада Плёнковиць!
 Уж ты зажил, Чурило, по-домашнёму,
 Уж ты свешал всё платьицё на грядоцьку,
 Кабы шапочку, перцятоцьки на лавоцьку,
 Да зелён кафтан, сапожки да под кроватоцьку,
- 30 Сам лёжилса спать да на кроватоцьку
 Со цюжой-де жоной да с Переметиной —
 Паришь кишку во цюжом горшку».
 Говорит-де она да во второй након:
 «Уж я пойдун-схожу да с Перметы скажу!» —
- 35 «Ты не сказывай, девушка-чернавоцька,
 Переметина верная служаноцька,
 Я куплю те, куплю да алу ленотоцьку,
 Кабы стоила леныта двадцеть пять рублей!» —
 «Мне не надо твоя да ала ленотоцька,
- 40 Уж я пойдун-схожу да с Перметы скажу!» —
 «Ты не сказывай, девушка-чернавоцька,
 Переметина верная служаноцька,
 Я куплю те, да куплю да шубу кунюю,
 Кабы стоила шуба да петъдесят рублей,
- 45 Кабы потянута шуба хрущатой камкой!» —
 «Мне не надо твоя да шуба кунья!»
 Да со тих рецей девка вон и пошла.

(Боле не знаю.) Она пошла, сказала. Он пришёл и его убил. К жене лёг. Она обняла его, сперва рукой. Он сказал: «Мне сама ты не надо, не надо твоей руки». Отсек. Губы, всё отсек.

№ 158

- Не во пору пороха снежка выпала —
 Выпадала пороха среди весны,
 Среди весны — да о Петрови дни.
 По той по порохе снежку белому
- 5 Не белой бы заюшко проскакивал,
 Не сер горностаюшко прорыскивал —
 Проезжал туда удалой доброй мóлодец
 Именём-то Чурнлко бладо Пленкович.
 Едет Чурилко к Перминой жене,
- 10 Едет во город не дорогою,
 Во город воротит не воротами,
 Подъезжат ко крылечку ко прекрасному,

- Оставляют он коня непривязанным,
Непривязанным коня, неприказанным.
- 15 Забегал он на крылечико косяшшето,
Побренчал он во колечико серебряно,
Выходила тут Анна Николаевна,
Брала Чурилку за белы руки,
Проводила к себе в гридию светлую,
- 20 В гридию светлую, в спальню тёплую.
Раздевался Чурилко по-домашнему:
В одних он чулочиках без чоботов,
В одной он рубашечки без пояса,
Ложился Чурилко опочин держать.
- 25 Да немного поры миновалось тут,
Приехал Пермь из чиста поля,
Привез он гусей, белых лёбедей,
Крыластых, пернастых перелетных птиц,
Из речей же сам выговариват:
- 30 «Уж ты гой еси, девушка-чернавушка!
Перминая верная служаночка,
Где у меня молода жена,
Молода жена, да любима семья?
Почему же она меня не встретила?»
- 35 Большим она больна или трудным-трудна?»
Отвечала тут девушка-чернавушка:
«Больным-больна лежит она, трудным-трудна,
Нельзя до ней доложитися».
- 40 Во ту же пору, во то времечко
Зазвонили заутреню воскресенскую.
Надел на себя платье цветное
И пошёл Пермь во божью церковь.
Немного время миновалось,
Подходила девушка-чернавушка
- 45 Ко ихнёй гридни светлой,
Ко той же ко спаленки ко теплой,
Говорила она таковы слова:
«Уж ты гой еси, Чурилко бладой Пленкович!
Не время тебе спать со чужой женой,
- 50 Пора же тебе да убиратися —
Приехал Пермь из чиста поля.
Я скажу же Перми сыну Михайлову —
Оторвет у тебя по плеч голову!»
Говорил тут Чурилко бладой Пленкович:
- 55 «Уж ты гой еси, девушка-чернавушка!
Ты не сказывай Перми сыну Михайлову,
Уж я дам тебе подарок во пятьсот рублей».
Отвечала тут девушка-чернавушка,
Перминая верная служаночка:
- 60 «Мне не надо твой подарок во пятьсот рублей,
Я скажу же Перми сыну Михайлову!
Не время тебе с чужой женой забавлятися,

- Придет же Пермя да из божьей церкви —
Оторвет у тебя по плеч голову!»
- 65 Говорит тут Чурилко во второй након:
«Уж ты гой еси, девушка-чернавушка!
Перминная ты верная служаночка,
Ты не сказывай Перми сыну Михайлову,
Уж я дам тебе подарок — восемьсот рублей».
- 70 Говорила тут девушка-чернавушка,
Пермина-то верная служаночка:
«Мне не надо твой подарок восемьсот рублей,
Я скажу Перми сыну Михайлову!»
Говорила тут девушка-чернавушка:
- 75 «Не время тебе забавлятися,
Пора тебе убиратися.
Я скажу Перми сыну Михайлову!
Оторвет он у тя по плеч голову!»
Говорил тут Чурилко таковы слова:
- 80 «Уж ты гой еси, девушка-чернавушка!
Перминная верная служаночка,
Ты не сказывай Перми сыну Михайлову,
Уж я дам тебе подарок в целу тысячу».
Отвечала ему девушка-чернавушка,
- 85 Перминная верная служаночка:
«Мне не надо твой подарок в целу тысячу,
Я скажу Перми сыну Михайлову —
Оторвет он у тебя по плеч голову!»
На это Чурилко все не бордуёт.
- 90 Надевала она шубу на одно плечо,
Побегала она во божью церковь,
Подходила к Перми сыну Михайлову,
Наступала ему на праву ногу,
Моргнула ему глазом правым:
- 95 «Забрался да конь в зелены сады,
Стоптал твою траву шелковую».
На это Пермя был сдогадливой,
Выходил Пермя из божьей церкви,
Заходил Пермя на красно крыльцо,
- 100 Подходил он ко грнденки ко теплой,
Ко той ли ко спаленки ко ложной —
Дверн-ти крепко были заперты.
Брал он двери с ободверинами,
Заходил он во гриденку во светлую,
- 105 Подходил ко кроваточки тесовой,
Размахнул он завесы шелковые —
Лежит же Чурилко, потешается,
С его молодой женой забавляется.
Берет он Чурилка за русы кудри,
- 110 Бросил Чурилка кирпичат пол,
Оторвал у Чурилка по плеч голову,
Открыл он окошечко косяшшето,

- Выбросил Чурилка вон на улицу.
 Подходил он ко кроваточки тесовой,
 115 Говорил же Пермя да таковы слова:
 «Уж ты гой еси, Анна Николаевна!
 Ты пади-ко мне да во резвы ноги,
 Я прошшу тебя, бабу, во первой вины».
 Отвечала ему Анна Николаевна:
 120 «Куда улетел блад ясен сокол,
 Туда полетит и бела лебедь!»
 Говорил Пермя да во второй након:
 «Ты пади-ко мне да во резвы ноги,
 Я прошшу тебя да во первой вины!»
 125 Отвечала она: «Где ясен сокол,
 Туда же лети и бела лебедь!»
 Говорил Пермя во третей након:
 «Ты пади-ко мне да во резвы ноги,
 Я прошшу тебя, бабу, во первой вины!»
 130 Отвечала ему Анна Николаевна:
 «Куда полетел блад ясен сокол,
 Туда полетит и бела лебедь!»
 Брал ей Пермя за русы кудри,
 Бросил её о кирпичат пол,
 135 Оторвал ей по плеч голову,
 Бросил ее за окошечко:
 «Куда улетел блад ясен сокол,
 Туда лети и бела лебедь!»
 Брал он девушку-чернавушку,
 140 Одевалась она в платье в цвѣтное,
 Повел он ее во божью церковь,
 Примали они золоты венцы,
 Человали божий чуден крест.
 Выходили они из божьей церкви,
 145 Справляли они тогды свадебку.
 Поженили Пермя во второй након.

№ 159

- Напала порошиця бела снега,
 Не во пору порошиця, не во время,
 Середка лета — о Петрове дни.
 По той ли порошици бела снега
 5 Не бел-от заюшко пробегивал,
 Не серой горностаальчик поскакивал —
 Туда ехал Чурило блада Пленковиць,
 Уехал он в город Перемятину.
 Ушел Перемят да сын Ивановиць
 10 К той же обедни воскресенскойей.
 Заходит Чурило блада Пленковиць
 В тот же дом да к Перемятину,

- Заходил он в светлу светлицю,
Скиныват он свою кунью шубу
- 15 И вешат он ей на вешалку.
Походит он в тёплу спаленку,
Говорит-то девушка-чернявушка,
Верна Перемятова куфароцька:
«Не ходи, Чурилишко, к чужой жены —
- 20 Пойду схожу да Перемяту скажу!»
Говорит Чурило блада Пленковиць:
«Не сказывай, девушка-чернявушка,
Куплю тебе першчатки подвенецьные!»
Чернявка на то не соглашалася,
- 25 Говорит она таково слово:
«Не ходи, Чурило, ко чужой жены —
Пойду схожу да Пермяту скажу,
Пермяту скажу сыну Иванову!»
Говорит-то Чурило млада Пленковиць:
- 30 «Не сказывай, девушка-чернявушка,
Куплю те башмаки да подвенецьные!»
На то чернявка не соглашалася.
Говорит она таково слово:
«Не ходи, Чурило, ко чужой жены —
- 35 Пойду схожу да к Пермяту скажу,
Пермяту скажу сыну Иванову!»
Ушел Чурило в теплу спаленку —
Надела она шубу на одно плецё,
Побежала она да во божью церьковь.
- 40 Заходила она да во божью церьковь, —
Стоит Перемят на правом крылоси,
Читат он стоит книгу Еванелё.
Подошла тут девушка-чернявушка,
Верна Перемятова куфароцька,
- 45 Говорит она да таково слово:
«Ой есь, Перемят да сын Ивановиць!
Шчо-та ноцесь да во снi грезилось?»
На то Перемят да был догадливый,
Ставал он тогда да с права крылоса,
- 50 Выходил да вон на улицю,
Пошел к своёму широку двору.
Заходит он да ходом задним,
Зашел он во теплу спаленку —
Лежит Чурилошко привязьливой
- 55 Со его женой да уннжаецця,
На его кроватицьке тесовой.
Говорит-то Перемят да сын Ивановиць:
«Говорил я тебе, Чурилишко привязьливой, —
Не ездн, Чурило, ко чужим женам —
- 60 Потеряшь свою да буйну голову
Не за денежку, не за копеецьку!»
Схватил Чурило за жёлты кудри,

- Поднял его выше буйной главы,
Придал его да смерти лютойей.
- 65 Говорит тут Перемята молода жена:
«Ой есь, Перемят да сын Ивановиць!
Прости меня да во первой вины!»
Говорит да Перемят да сын Ивановиць:
«Глупа ты баба, неразумна,
- 70 Волос-от долог, ум-от — короток».
Выходила она на крыльце паратное,
Говорит она да таково слово:
«Не выйдет красно солнышко,
Не зайдет ко мне в окно косящето,
- 75 Не обогрет у меня да ретиво сердце!»
Уцюл Перемят да сын Ивановиць,
Выскакивал на крыльце да паратное,
На одну ей ногу стал, за другу розорвал.
Зашел Перемят в светлу светлицю,
- 80 Говорит он девушки-чернявушки:
«Ой еси, девушка-чернявушка!
Бери у меня да кованы ключи,
Отмыкай у мя да больши сундуки,
Бери себе платье подвенецное, —
- 85 Пойдем с тобой да во божью церковь,
Пойдем с тобой да повенчаемся!»
Говорит-то девушка-чернявушка:
«Не смейся, Перемят да сын Ивановиць,
Надо мной же, над девушкой-чернявушкой!»
- 90 Говорит Перемят да сын Ивановиць:
«Ой еси, девушка-чернявушка!
Бери у меня да кованы ключи,
Отмыкай у мя да больши сундуки,
Бери себе платье подвенецное, —
- 95 Пойдем с тобой да во божью церковь,
Пойдем с тобой да повенчаемся!»
Говорит-то девушка-чернявушка:
«Не смейся, Перемят да сын Ивановиць,
Надо мной же, над девушкой-чернявушкой!»
- 100 Говорит Перемят да во третьей раз:
«Ой еси, девушка-чернявушка!
Бери у меня да кованы ключи,
Отмыкай у мя да больши сундуки,
Бери себе платье подвенецное, —
- 105 Пойдем с тобой да во божью церковь,
Пойдем с тобой да повенчаемся!»
Брала она кованы ключи,
Отмыкала она больши сундуки,
Вымала она платье подвенецное,
- 110 Пошли с Перемятом во божью церковь,
Пошли они повенцелисе.

№ 160

- Выпала поро́ха снегу белого,
 А не во пору поро́шица и не вовремя,
 О серёдки ле́та — о Петрова днн.
 А по той по порохи снегу белому
 5 То не зверь-то бежал,
 Не горноста́й рыска́л —
 А гоня́л Чурило младо́й Пленкович.
 Он приехал, Чурило, к высокому терему,
 Он ставил коня позади двора,
 10 Привязал коня к столбу точеному, кольцу золоченому.
 Уж как по те́мну утра, утра раннему
 Он бежит в светлу светлицу,
 Из светлицы проходит в теплу спаленку,
 Он разулся, разделся да по-домашнему:
 15 Он платви́це свешал всё на грядочку,
 Сафья́нины сапожки под кровать,
 Сам ложитца на кровато́чку,
 Ко чужой жене на праву ручку.
 Пермяты-то в доме не случилось,
 20 Он ушел Богу моли́тьца во бо́жьё церко́вь.
 Увидела тут девушка-служаночка.
 Уж как верная была, надежная,
 Уж проходила она во теплу спальницу,
 Сама тут говорила да таковы слова:
 25 «Уж ты, Чурило да младо́й Пленкович!
 Ты чужу-то пашню пашешь, а своя так стоит,
 Чужу женку любишь, а своя так живет!
 А я схожу до Пермяты, скажу,
 Пермяты скажу сыну-то Васильевичу».
 30 Говорит Чурило младо́й Пленкович:
 «Не ходи-ко ты, девушка, не сказывай,
 Я куплю тебе подарочек на пятьсот рублей!» —
 «И не надо твои деньги и подарочек!»
 Побежала тут девушка-чернавушка,
 35 Уж тихонько заходит да во бо́жьё церко́вь,
 А сама-то Пермяты говорит таковы слова́:
 «Ой ты, Пермята да сын Васильевич!
 Заскочил в твой зе́лен сад да чужой конь,
 Он смял и притоптал всю шелкову́ траву!»
 40 Но Пермята был догадливой,
 Он скорёшенько выходил из бо́жьей церкв́и,
 Крутешенько бежит к высокому терему.
 Он скорешенько проходит в те́плу спальницу —
 А увидел тут Чури́ла на право́й ру́ки,
 45 На право́й ру́ки у своей жены.
 Он схватил тут шашку во праву́ ру́ку,
 А лево́й руко́й Чурило за черны́ кудри́,

- Он сам тут говорит да таковы́ слова́:
 «Уж я много тебе раз, Чурило, говаривал,
 50 Уж я много тебе раз наказывал —
 Не ходи ты по чужим женам, по мужниим,
 Потеряешь ты свою буйну голову!»
 Уж смахнул тут у Чурилы буйну голову,
 Он левой выбросил окошком да на улицу,
 55 А сам говорит тут таковы́ слова́:
 «Ох ты ой еси, моя баба ты глупая,
 Уж ты глупая моя баба, неразумная!
 Ты пади-ко мне скорей да во праву́ ногу́,
 Я прощу тебя не во первой вины!»
 60 На те слова жейка ответ держит:
 «Уж куды положил ты бела лебеда,
 Уж теперь туды клади белу лебедушку!»
 Он смахнул тогда у бабы буйну голову,
 Он окошком выбросил на улицу.
 65 А сам тут думает умом-разумом:
 «Уж возьму за ся замуж ту служаночку,
 Уж верну слугу да надежную».
 Уж сошлись пированьем-столован[ь]ем,
 Уж как все тут на пиру да наедались,
 70 Уж как все на честном напивались,
 Уж живут теперь со служаночкой хорошехонько,
 Хорошехонько, да веселехонько.

№ 161

 = 108

Вы - па - да - ла по - ро - ха да в сне - гу бе - ло - го,
 А_х(а) не во по - ру по - ро - ши - ця, не во - вре - мё,
 Ка_к(а) се - рё_д(ы)_ка - то ле - та да о Пет - ро - ва дни.
 А_х(ы) по е - той по по - ро - хи да не уш - ка - н(ы) ска - кал,
 Не уш - ка_н(ы) гу_то ска - кал, не го_р(о)_но - сталь рыс - кал...

- Выпадала пороха да снегу белого,
 Ах, не во пору порошиця, не во времё,
 Как серёдка-то лета — да о Петро́ва дни.
 Ах, по этой по порохи да не ушкан скакал,
 5 Не ушкан тут скакал, не горноста́ль рыска́л —
 Ах, бежал тут Чурила да бладо Клёнкович
 Ко чужой-то жене да он к Перьякиной.
 Увидала его девушка-чернавушка,
 Молодая Перьякина служаночка:
 10 «Уж ты гой еси, Чурила да бладо Клёнкович!
 Ты чужу пашню пашешь, а сво́я так стоит,
 Ты чужу-то жонку любишь, а сво́я так живет!
 Уж я пойду схожу да Перьяты скажу». —
 «Не ходи-ко-ся, ты еще не сказывай,
 15 Я куплю тебе серёжочки с подвосточкой,
 Заплачу я за серёжки да двадцать пять рублей!» —
 «Мне не дороги твои золоты сережочки,
 Только дорога мне да правда истинна!»
 Как забралсэ Чурила да в теплу спаленку,
 20 Ах, разулсе, разделсэ да по-домашнёму:
 Ах, сафьяны-ти сапожочки под лавочку,
 Ах, как шапочка, рука́вочка на лавочки,
 Ах, как цвётно-то платьице на грядочки.
 Увидала его девушка-чернавушка,
 25 Ах, молодая Перьякина служаночка:
 «Уж ты гой еси, Чурила да бладо Клёнкович!
 Ты чужу пашню пашёшь, а своя так стоит,
 Ты чужу жёнку любишь, а своя так живёт!
 Уж я пойду схожу да Перьяты скажу». —
 30 «Не ходи-ко-ся ты еще не сказывай,
 Я куплю тебе сапожочки зелён сафьян,
 Заплачу я за сапожки пятьдесят рублей!» —
 «Мне не дороги твои будут сапожечки,
 Только дорога мне да правда-истина!»
 35 А пошла же тут девушка-чернавушка:
 «Уж ты гой еси, Перьята да сын Васильевич!
 Заскочил к тебе конь да в зелёны сады,
 Он ведь топчет твою да шелкову́ траву!»
 Ах, Перьята на это был догадливый,
 40 Ухватил он с собой да саблю вострую,
 Ах, бежит тут Перьята да в теплу спаленку —
 Ах, лежит тут Чурила да с молодой женой.
 Ах, срубил он Чуриле да буйну голову.
 «Уж ты кайсе-ко, баба, да во первом грехе,
 45 Я прощу еще твою беду великую!»
 Говорила Перьяты да молода жена:
 «Где бел лебедь лежит, пускай ляжет лебедушка!»

№ 162

$\text{♩} = 96$

Вы_па_да_ла по_ро_ха да сне_гу бе_ло_го,
 Как не во по_ру по_ро_ши_ця не во вре_мё,
 Как се_рё_д(ы)_ка та ле_та да о Пет_ро_ва дни.
 Как по е_той по по_ро_хи да не уш_кан ска_кал,
 Не уш_ка_н(ы) ту_ты ска_кал, не гор_но_стак рыс_кал,
 А бе_жа_л(ы) ту_ты Чу_ри_ла да бла_до Клён_ко_вич...

Выпадала пороха да снегу белого,
 Как не во пору порошиця, не во́времё,
 Как серёдка-та лета — да о Петрова дни.
 Как по етой по порохи да не ушкаи скакал,
 5 Не ушкан тут скакал, не горноста́й рыска́л —
 А бежал тут Чурило да бладо Клёнковиц
 К молодой ле жене да ко Пермьякиной.
 Заходил ле он к ней да в светлу спаленку,
 Он розулсэ-розделсэ да по-домашнему:
 10 Уж одежду-ту свёшал да он на грядоцьку,
 Уж как шапочку, рукавочку да на лавочку,
 А сафьянны-ти сапожки да под кроваточку.
 Заходила тут девушка-чернавушка,
 Молода-то Пермьякиина служаночка:
 15 «Уж ты го́й еси, Чурило да бладо Клёнковиц!
 Ты чужу пашню пашёшь, да своя так стоит,
 Ты чужу жо́ну любишь, да сво́я так живёт!
 Я пойду же тепере да Перьметы́ скажу». —
 «Не ходи-ко ты, девушка, да не сказывай.

- 20 Я куплю тебе башмáчки да позолочены,
Чтобы стоили они да в пятьдесят рублей!» —
«Мне не надо башмáчки да позолочены,
Я пойду же тепере да Перьметы́ скажу!» —
«Не ходи-ко ты, девушка, да не сказывай,
- 25 Я куплю тебе шубейку да во пятьсот рублей!» —
«Мне не надо твоя шубка-фуфачка,
Мне дороже всего да правда-истина!»
Побежала она да Перьметы́ сказать:
«Ах, Перьмета́ ле ты да сын Васильевич!
- 30 Заскочил к тебе конь да в зелены сады,
Уж как топчёт твою да шолкову́ траву!»
А на ето Перьмета́ да был догадливой,
Ухватил он со стены да остру сабельку́,
И забежал он к жене да в нову спаленку
(спуталась!)
- 35 И срубил он Чуриле да буйну голову.
«Ах, ты кайсе-ко, баба, да во первом грехе,
Я прошу твою вину ещё великую!»
Говорила жона да таковы слова:
«Где бела лебедь лежит, пусть легёт лебедушка!»
- 40 И срубил он жене да буйну голову.

№ 163

- Выпадала да порóха да снега белого,
Ах, не во пору порошица да не вóвремё,
Как серёдка-та лета — да у Петрова дни.
А по етой по порохи да не ушкан скакал,
- 5 Не ушкан тот скакал, не горноста́й рыскал —
А бежал тут Чурило да бладо Клёнкович
Молодой-то жене да ко Пермьякиной.
Увидала его да девушка да чернавушка.
А зашел-то ле он в нову спаленку,
- 10 А розулсэ-розделсэ да по-домашнему:
А как шапочку, рукавочку да на лавочку,
А сафьянны-то сапожечки да под лавочку.
Увидала его девушка-чернавушка,
Молода-та Пермьякина да служаночка.
- 15 «Ах, Чурила ли ты да бладо Клёнкович!
Ах, чужу пашню пашешь, своя так стоит,
Ты чужу жону любишь, своя так живёт!
А пойду-то ле я да Перьмяты́ скажу». —
«Не ходи-ко ты, девушка, да не сказывай,
- 20 Я куплю тебе серёжочки с подвосточкой,
Заплачу я за серёжки да двадцеть пять рублей!» —
«Мне не дороги твои златы да серёжочки,
Только дорога мне да правда-истина!»
Ах, забрался Чурила да в теплу спаленку,

- 25 А розулсэ-розделсэ да по-домашнему:
 Ах, как шапочку, рукавочку да на лавочку,
 А сафьянны-ти сапожечки да под лавочку.
 Увидала его девушка да чернавушка,
 Молода да Перьмякина служаночка:
- 30 «Ах, Чурила ле ты бладо Клёнкович!
 Ты чужу пашню пашешь, своя так стоит,
 Ты чужу жону любишь, своя так живёт!
 Я пойду ле то Пере... Перемяты скажу». —
 «Не ходи-ко ты, девушка, да не сказывай,
 А дороже мне да ле правда-истина!» —
- 35 Я куплю ле серёжки двадцать пять рублей!» —
 «Мне не надо твои златы да серёжочки,
 А дороже мне да ле правда-истина!» —
 «Не ходи-ко ты, девушка, да не сказывай,
 Я куплю тебе шубейку да в пятьдесят рублей!» —
- 40 «Мне не надо шубеечка да собольего,
 А дороже мне да правда-истина!»
 Побежала она да ле Перьмяты сказать:
 «Перьмята ле ты наш да сын Васильевич,
 Заскочил к тебе конь да в зелены луга,
- 45 Ах, как топчёт твою да ле шелкову траву!»
 А Перьмята на это да был догадливой,
 Ухватил он со стены да ле остру сабельку,
 А скочил ле к жене да в теплу спаленку,
 А срубил он Чуриле да буйну голову.
- 50 «Ах, как кайсе, жена, да ле во первóm грехе,
 Я прошу тебе твою вину да великую!» —
 «Где бела лебедь лежит, пусть легёт лебёдушка!»
 А срубил он жене да буйну голову.

№ 164

Вы - па - да - ла по - ро - ха да ске - гу бе - ло - го

Как не во по - ру по - ро - ши - ця да не во вре - мя,

А се - рёд - ка - та ле - та да о Пет - ро - ве дки.

Как по е-той и по по-ро-хи да не уш-кан ска-кал,
 Не уш-ка-н(ы)-от ска-кал, не гор-но-стай рыс-кал...

- Выпадала пороха да снегу белого,
 Как не во пору порошиця, да не вóвремё,
 А серёдка-та лета — да о Петрове дни.
 Как по етой по порохи да не ушкán скакал,
 5 Не ушкан тут скакал, не горноста́й рыска́л —
 А бежал-то Чурило да бладо Клёнкович
 К молодой-то жене да ле ко Пермякиной.
 А зашёл ле Чурила да в светлу спаленку,
 А разулсэ-разделсэ да по-домашнему:
 10 А как шапочку, рука́вочки да на лавочку,
 А сафьянны-те сапо́жочки да под лавочку,
 А забилсэ Чурила да к молодой жене.
 Увидала его девушка да черна́вушка,
 Молода-та Пермякина да служаночка:
 15 «Ты чужу пашню пашёшь, да своя так стоит,
 Ты чужу жо́ну любишь, да своя так живёт!
 Я пойду ле топере да Перьметы скажу». —
 «Не ходи-ко ты, девушка, да не сказывай,
 Я куплю тебе сапожочки да сафьянные,
 20 Чтобы стоили сапожки да пятьдесят рублей!» —
 «Мне не надо сапожочёк да сафьянных,
 А дороже всего да ле правда-истина!» —
 «Не ходи-ко ты, девушка, да не сказывай,
 Я куплю тебе шубейку да за пятьсот рублей!» —
 25 «Мне не надо шубейки да за пятьсот рублей,
 Мне дороже всего да ле правда-истина!»
 Побежала она да ле Перьмяты сказать:
 «Перьмята ле ты наш да ле сын Васильевич!
 Заскочил к тебе конь да ле в зелены́ сады,
 30 А как топчёт твою да ле шелкову́ траву!»
 А Перьмета на его да был догадливой —
 Ухватил он со стены да ле саблю вострую
 И срубил он Чуриле' да буйну голову.
 «Ах ты кайсе, жена, да ле во первóм грехе!
 35 Я прошу твою вину нынче да великую». —
 «Где бело́й лебедь лежит, пусть легёт лебедушка!»
 И срубил он жене да ле буйну голову.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ БЫЛИН

В комментариях всем группам былин предпосланы преамбулы, содержащие сведения об ареале распространения данного сюжета, специфике вариантов, версий и редакций, местных особенностях сюжета.

Кроме сообщений о первоисточниках публикуемых текстов и основных паспортных данных, учтены замечания сказителей и собирателей, а также дана характеристика каждого текста.

Названия сюжетных групп (гнезд) былин принадлежат научной традиции. Названия отдельных текстов былин даны исполнителями и соответствуют первоисточникам. Квадратными скобками обозначены названия, данные собирателями как основные или уточняющие.

В разделе «Разночтения» указаны номера строк публикуемого текста и даны разночтения, встречающиеся в сказанном варианте или в опубликованных ранее текстах данной былины. Здесь учитываются случаи пропуска, замены или перестановки слов и строк былины, приводящие к нарушению композиции или смысловым изменениям; случаи замены или пропусков союзов, предлогов, частиц и междометий; случаи изменения формы и времени глаголов, падежных окончаний существительных, суффиксов прилагательных, которые вносят новые смысловые или эмоциональные оттенки. К разночтениям относятся и случаи постановки ударений в словах, и «ё», не встречающиеся в основном тексте. Фонетические замены типа «палицу-палицю», «русский-руський» и др. не указываются, так как специально рассматриваются в текстологической справке (кроме случаев, когда они встречаются в строке или отрывке былины, показанных как пример разночтений).

Ссылки на номера былин даются по настоящему изданию. Кроме условных сокращений, предназначенных для всех разделов тома, в Комментариях используются следующие сокращения:

авг. — август
апр. — апрель
вм. — вместо
вол. — волесть
ВСГ — Всесоюзная студия грамзаписей
«Мелодия»
выс. — выселок
г. — год (года)
г. р. — год рождения
д. — деревня
дек. — декабрь
ДЛ — фонд дисков лаборатории ИРЛИ
дор. — дорожка
др. — другие
ед. хр. — единица хранения
зап. — записано, запись
ист. — историческая(ие)
колл. — коллекция
кас. — кассета
кн. — книга
ком. — комиссия

коммент. — комментарий
кор. — коробка
л. — лист
лир. — лирическая(ие)
маш. — машинопись
м/ф — магнитофонная запись
наст. изд. — настоящее издание
нап. — напев
напр. — например
об. — оборот
окт. — октябрь
оп. — опись
п. — папка
перебел. — перебеленная
полев. — полевая
пос. — поселок
прилож. — приложение
примеч. — примечание
Р. — разряд
р. — река
р-н — район

рожд. — рождение(ния)
рукоп. — рукопись
с. — страница
сел. — село, селение
след. — следующий(ая, ие)
см. — смотри
соб. — собиратель
сост. — составитель
ср. — сравни
с/с — сельский совет
ст. — сторона
т. — том
тетр. — тетрадь
т. п. — тому подобное
у. — уезд
ф. — фонд
ф. эксп. — фольклорная экспедиция
цит. — цитируется, цитата
ЭУ — указатель этнич. и географ. названий
I ФВ — фонд фонозаписей ИРЛИ
VI МФ — фонд магнитофонных пленок ИРЛИ

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ (№ 1)

Былина о Волхе, который обладает чудесным даром оборотничества, принадлежит к древнейшему пласту русского эпоса. Общее количество записей невелико, но их широкая география (Западное и Восточное Прионежье, побережье Белого моря, Печора, Урал, Западная Сибирь) свидетельствуют о былой популярности сюжета. Подавляющее большинство текстов записано до революции.

№ 1

Онч., № 84 «Вольга Всеславьевич».

Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., д. Бедовая Пустозерской вол. (зап. в сел. Оксино) — от Маркова Павла Григорьевича, 76 лет.

Единственный печорский вариант редкой былины о Волхе записан от сказителя, в текстах которого сохранилось немало архаичных мотивов и подробностей (см. коммент. к № 115, 244). Текст представляет собою начало былины. Очевидно, П. Г. Марков забыл или не знал продолжения былины.

Рассказ о том, как мать Вольги ходит «по всем церквям» и вымаливает сыну идеальные качества, не встречается в других вариантах былины; не исключено, что он создан местными сказителями. (Сходная по содержанию формула из былины «Добрыня и Алеша» — ответ матери Добрыни на жалобу сына — в печорских вариантах не зафиксирована). В этом описании упомянуты главные герои многих популярных на Печоре сюжетов: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Дюк, Чурила, Козарин; имя библейского персонажа Самсона в местной традиции упоминается в былине «Илья Муромец и Сокольник»; приписываемые им качества соответствуют представлениям печорских сказителей об этих богатырях («смётка Олёши Поповича», «вешво Добрынюшки Микитица» и т. д.). Загадочным остается лишь имя «Кузенка Сибирчаженина», обладателя чем-то примечательной шапки. В репертуаре П. Маркова нет былин об Илье Муромце, Дюке, Чуриле, Козарине, Святогоре, Самсоне, поэтому приписывать ему создание этой формулы нет оснований.

СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (№ 2—8)

Ареал бытования былины ограничивается европейским Севером России (Азб., с. 278, 279). В последние полвека сделано много записей (особенно в Прионежье, на Печоре и Мезени), преимущественно прозаических, что в значительной мере объясняется влиянием книги — этот сюжет обычно включался во все сводные былины об Илье Муромце, печатавшиеся в дешевых массовых изданиях и хрестоматиях. В новых записях ощущается тенденция к унификации сюжета, стиранию специфики региональных редакций. В отличие от ряда прионежских вариантов, в северо-восточной редакции — Печора, Мезень, Кулой, Пинега — (некоторые особенности северо-восточной редакции сюжета отмечены также в ряде кенозерских записей) Святогор не питает враждебных чувств к Илье Муромцу, не пытается его умертвить, хотя иногда сохраняется намек на иную этническую принадлежность богатыря-великана (формула «русские комарики покусывают», неуместная в устах русского богатыря). В былине не говорится о том, что Илья не может поднять палицу или меч Святогора; он получает часть силы «старшего» богатыря уже после его смерти через выступившую на гробе пену (в прионежских текстах — через дыхание). Обычно Илья нарушает запрет Святогора (не трогать желтую и красную пену) и получает чрезмерную силу. «Эпический мотив перегрузки богатыря силой, излишек которой он избыгает вырыванием лесов, встречается только в мезенско-печорских вариантах» (Аст., I, с. 605). В большинстве северо-восточных записей приводится диалог Святогора со строителями гроба (в Прионежье этот эпизод изредка встречается лишь в поздних записях). На Печоре не зафиксирован мотив неверной жены Святогора, популярный

¹ В колонтитуле круглые скобки указывают на суммарный комментарий к сюжетам былин.

в западных регионах, но зато в былинку часто вводится рассказ о поездке Ильи к отцу Святогора, редкий в прионежских текстах. Второй эпический сюжет о Святогоре («Святогор и тяга земная») в печорских записях практически отсутствует. Единственный фрагмент скорее восходит не к устной традиции, а к книге (см. коммент. к № 7). Как и в других районах, подавляющее большинство вариантов «Святогора и Илья Муромца» — прозаические пересказы; немногочисленные стихотворные тексты также пестрят прозаизмами.

№ 2

Онч., № 61 «Святогор».

Зап. Ончуковым Н. Е.: май 1902 г., д. Уег Усть-Цилемской вол. (зап. в сел. Усть-Цильма Печорского у.) — от Вокуева Анисима Федоровича, 70 лет.

Типичный для печорской традиции пересказ былины, еще не превратившийся в побывальщину или сказку и сохраняющий некоторые особенности былинной фразеологии («стало его помётывать, побрасывать», «темны леса»). Строители «тёшут (гроб) в гумажной лист» — в северо-восточной редакции роковая «домовина» не производит устрашающего впечатления, напротив, Святогор нередко хвастается, что легко «разопрёт» ее.

№ 3

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 65, 65 об., рукоп., л. 40—42, 43—45 маш. (копии) «Про Святогора»; РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1—8, маш.; Л., 1939, № 5; Л., 1979, № 3 «Святогор и Илья Муромец».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 7 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на — от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.

В тексте есть мотив, не известный по другим печорским записям: узнав о смерти Святогора, его отец бросает в Илью Муромца «нашоку железную» (ср. близкий по содержанию эпизод в одной из пудожских былин — СЧ, 44). Оригинальны и выразительны некоторые реплики Святогора: «Ветра нет, а шишки падают» (реакция на удар богатырской палицей), «Едешь ты по чужой дороженьке!» Вместе с тем в былинке немало откровенных прозаизмов.

Разночтения Л., 1939, № 5 и Л., 1979, № 3

3	Выехал на ископытть лошадиную (1979)
4	И поехал он по этой ископытти (1979)
6	Вынул палицу буёвую (1979)
10	Другой раз ударил его старой (1979)
11	Своей же палицей буёвой (1979)
Вм. 15	Взял Святогор его вместе с конем,
Вместе с конем в карман положил (1979)
17	Проговорил его да добрый конь (1939)
Проговорил у его да доброй конь (1979)
18	Ласков хозяин, ты н сам сидишь (1979)
50—52	отсутствуют (1979)
56, 63	Говорит старой да таково слово (1979)
59, 66	Налетел на ей обруч железной (1979)
76	Возьми ее с конец ложечки (1979)
77	Пойдешь по нашей пути-дороженьке (1939)
Пойдешь по нашей путь-дороженьки (1979)
80	отсутствует (1939)
Увидишь, — говорит, — наш дом великие (1979)

- 88 отсутствует (1939; 1979)
 89 И зайди в избу у моему отцу (1939; 1979)
 92 И скажи, как с тобой мы сошлись-съехались (1939)
 И расскажи, как мы с тобой сошлись-съехались (1979)
 93 И у нас какое было побоище (1939)
 И какое у нас подеище (1979)
 97 Хлебнул старой ту силу белую (1939)
 110 И проехал он дом этот большущие (1939)
 И проехал он этот дом большущие (1979)
 113 Выскочил Святогор из горницы (1939; 1979)
 115 Свистнул он удала добра молодца (1939)
 И свистнул он в удала добра молодца (1979)
 124—190 отсутствуют (1939)
 128—190 отсутствуют (1979)

В рукописи на месте строк 61—65 — две строки точек; после строки 127 примеч. соб.: «Следует рассказ о встрече со странниками и о смерти Святогора до слов „И у нас како было подеишо“». В данном тексте строки 61—65 и 128—190, отсутствующие в рукописи, даны по машинописи (РГАЛИ) и Л., 1979, № 3.

№ 4

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 62 об., рукоп., л. 34 маш., л. 35 маш. (копия); РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 43, рукоп., л. 3, 4 «Святогор и Илья Муромец».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 2 июля 1938 г., д. Лабожское Нижнепечорского р-на — от Тайбарейского Василия Петровича, 73 г.

Былину перенял от Безумова С. А.

№ 5

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 54, рукоп., л. 42 маш., л. 45 маш. (копия) «Про смерть Святогорову» (прозаический пересказ).

Зап. Леонтьевым Н. П.: 2 июня 1938 г., д. Лабожское Нижнепечорского р-на — от Тайбарейского Василия Петровича, 73 г.

№ 6

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 75, рукоп., л. 5—7 маш., л. 46, 47 маш. (копия); Л., 1979, № 4 «Про смерть Святогорову».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 16 авг. 1940 г., д. Гаревое Усть-Цилемского р-на — от Хозяинова Сидора Антоновича, 80 лет.

В Л., 1979, № 4 имя исполнителя — Семен.

В строке 47 нарушена логика: исполнитель повторил формулу 43 и 45 строк. Ср. другие былины на этот сюжет.

Единственное отступление от местной редакции сюжета — перестановка знакомства Ильи с отцом Святогора ближе к началу былины и механическое прикрепление этого эпизода к самому Святогору (он назван «стариком» и хочет «пощупать ручки» Ильи, словно слепой).

Разночтения Л., 1979, № 4

- 6 Положил Илью Муромца в свой карман
 23 Дал ему Илья свою палицу
 26 На другой день они опять поехали
 29 Божия помощь вам, добры молодцы
 55 Макни ее полукалачиком

№ 7

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 10, л. 48—50, маш.; БП, № 79, нап. XXII «Святогор». ФА VI МФ, 332.3.

Зап. Колпаковой Н. П.: 6 авг. 1956 г., д. Тельвиска Нарьян-Марского р-на — от Кузьмина Тимофея Степановича, 68 лет.

Связь текста с устной традицией Печоры маловероятна. Т. Кузьмин объединил с сюжетом «Святогор и Илья Муромец» фрагмент из другой былины о Святогоре — рассказ о его попытках поднять сумку с «тягой от сырой земли» (этот сюжет на Печоре ни разу не фиксировался, глухне его отголоски обнаруживаются в одной из записей об исцелении Ильи — см. № 47). В основной части текста некоторые детали перекликаются с прионежскими вариантами и далеки от северо-восточной редакции сюжета (внешний вид Святогора — «глова-то его в облак-тучу подпирается» — ср. Рыбн., 51; спутники выезжают на гору Сорочинскую и видят там готовый гроб, «как немалый же»; Илья пытается освободить Святогора, пуская в ход его меч, а не свое оружие). Исполнитель — большой любитель чтения, многие его былины полностью или частично заимствованы из книг.

В строке 1 ошибочно «сине» вместо «чисто».

Разночтения БП, № 79

- 1 Выезжал ведь Святогор на чисто полюшко
 После 19 ремарка отсутствует

№ 8

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 16, л. 69—72, маш.; БП, № 71, нап. XXI «Святогор». ФА VI МФ, 335.2.

Зап. Колпаковой Н. П.: 9 авг. 1956 г., д. Калюши Нарьян-Марского р-на — от Пономарева Андрея Федоровича, 72 г..

Прозаический склад речи, обилие частиц, вставных слов («нынь», «тут», «ли», «ведь») резко выделяют данный текст от других текстов А. Пономарева, отличающихся чеканностью стиха. По содержанию вариант близок остальным печорским записям; некоторые традиционные эпизоды в нем опущены (нападение Ильи Муромца на Святогора, передача силы и др.).

Разночтения БП, № 71

- К 6 ремарка (Вот я тут не знаю, он его в карман из-за какого вроде вот [дела] взял-то в карман-то запихал).
 13 Нонь ты сидишь вишь сам на коне
 16 Он тяжелым мне ли кажишься
 17 Ну, он схватился да Святогор теперь
 30 Еще кто это ложиться будет тут

Квадратные скобки в тексте принадлежат собирателю.

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ (№ 9—15)

Одна из древнейших былии. Известная во всех районах бытования русского эпоса. Печорские варианты вместе с другими северо-восточными (кроме золотицких) образуют особую версию сюжета, заметно отличающуюся от прионежской и поморской. «В ней стерта первичная основа сюжета — подвиг. Освобождение девицы если и происходит, то в качестве выкупа со стороны побежденной змеи (...). Некоторые варианты вносят дальнейшие видоизменения, используя сказочно-легендарные мотивы» (Аст., I, с. 571). Специфическая особенность северо-восточной редакции — отсутствие первого боя богатыря со змеем. (В прионежских и поморских текстах преобладает двухчастная композиция, зарегистрирована она и в Западной Сибири.) Возможно, что это — результат переработки сюжета, рассказывавшего о двух подвигах героя. Исследователи склонны полагать, что мирную развязку некоторых вариантов (в том числе одного печорского — № 10) и часто фигурирующие в них «переговоры» Добрыни со змеем можно рассматривать как следы древнейшей основы этой былины (Д и А, с. 378). Два печорских текста записаны в понизовье (№ 15 и 29).

В составе контаминированного текста см. № 29.

№ 9

Онч., № 63 «Никита Романович, рождение и детство Добрыни».

Зап. Ончуковым Н. Е.: май 1902 г., д. Уег Усть-Цилемской вол. (зап. в сел. Усть-Цильма) — от Вокуева Анисима Федоровича, 70 лет.

Сюжетная принадлежность отрывка устанавливается по аналогии с последующими текстами: на Печоре о смерти Никиты Романовича, о рождении и молодости его сына рассказывается обычно в вариантах былины «Добрыня и змей» (№ 10—12) в соседних районах — в былине о бое Добрыни с Ильей Муромцем. Текстуально вариант А. Вокуева особенно близок к началу «Добрыни и Маринки» П. Поздеева (№ 23). Возможно, прежде на Печоре была известна редакция этого сюжета, начинавшаяся рассказом о рождении и молодости героя.

№ 10

Онч., № 59 «Добрыня и змея»; Д и А, № 8.

Зап. Ончуковым Н. Е.: май—июнь 1902 г., д. Рошинский ручей (на р. Печоре) Усть-Цилемской вол. — от Торопова Игнатия Васильевича, 69 лет.

«Печорский вариант представляет дальнейший отход от старейших редакций: освобожденная девушка становится женой Добрыни Никитича — развитие сюжета в плане сказки о спасении красавицы, похищенной чудовищем. Былина использует и другие сказочно-легендарные мотивы: змея обещанные награды-выкуп — казну, коня, девицу — выблевывает. Вместо плети, которую во всех других вариантах дает мать, Добрыня берет по совету матери, три прутка; имн он бьет змею — мотив известного заговора против лихорадок-трясавиц, которых укрощают таким же образом. О непосредственном влиянии этого древнего образа говорит и то, что Добрыня при расправе хватает змею «за косы» (Аст., I, с. 572).

Как и большинство других северо-восточных и сибирских вариантов, былина начинается упоминанием отца Добрыни Микитушки Романовича и описанием молодости героя. Формула «Не поспел тут Добрыня-та ёгна добыть, не поспел тут Добрыня-та котла сварить», видимо, перенесена из других былинных сюжетов (на Печоре нередко в «Илье Муромце и Сокольнике» и некоторых былинах о татарском нашествии — см. № 49, 67, 69, 70, 206 и др.). В тексте И. Торопова побежденная змея предлагает Добрыне в качестве выкупа «собя, да красну девицу». Это — не случайная оговорка сказителя; эпическая традиция Печоры знает образ змеи, превращающейся в девушку (№ 277, 279 — «Лука, змея и Настасья»).

Разночтения Онч., № 59

1 ...Резань да свободой слыла

№ 11

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 10, л. 47 об.—49 (полев.), тетр. 3, л. 30, 31 об. (перебел.); Аст., I, № 60 «Микита, сын Романович». Зап. Астаховой А. М.: 10 июля 1929 г., д. Аврамовская Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Ивана Емельяновича, 80 лет.

Записано с голоса.

Примеч. соб. к строке 38: «Эпизод купанья исполнитель пропустил сознательно, сказав, что он в точности повторяет предыдущий отрывок» (с. 378).

Начало былины традиционно для северо-восточной версии сюжета. Как и в предыдущем варианте, змею не берет обычное оружие, ее можно победить только с помощью чудесной «плеточки троехвосточки» (подробнее этот мотив развит в № 15). Однако Добрыня расправляется с врагом другим способом: «нагрёб колпак земли, бросил и убил». В этой непоследовательности можно усмотреть отзвук древнейшей двухчастной композиции, хорошо сохранившейся в Прионежье (в первом бою герой пускает в ход «колпак земли греческой», а во втором — чудесную плеть, полученную от матери).

№ 12

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 408, л. 521—527, маш.; БП, № 45 «Про Добрыню». ФА VI МФ, 213.2; БРМЭ, № 64, нап. с. 320, 321.

Зап. Колпаковой Н. П.: 25 июля 1955 г., сел. Усть-Цильма — от Дуркина Тимофея Семеновича, 84 г.

«Примечание исполнителя в конце и введение в текст известной сказочной формулы (строка 189) показывает восприятие им содержания былины как сказочного» (БП, с. 540).

«С обоими ранее записанными на Печоре (в Усть-Цилемском районе) вариантами данный текст объединяют тождественное по содержанию начало и отсутствие второго боя со змеей, а с вариантом сборника Ончукова еще конечный эпизод — женитьба Добрыни на освобожденной им от змеи красавице. Вместе с тем текст своеобразен: в описании молодости Добрыни заметны припоминания из сюжета „Добрыня и Маринка“ в некоторых обработках северо-восточной группы былин (озорство на улице и жалоба на Добрыню — см., например, Григ., III, 55; обучение грамоте — № 23), однако связи с последующим повествованием и с образом самого героя в данной былине эти включенные в эпизоды не имеют. К помощи отцовской плетки, данной ему матерью, Добрыня обращается только после напряженного боя с копьем, палицей, саблей (...). В конечном эпизоде ощущается смутное припоминание из былин прионежского типа о похищении змеем племянницы князя Владимира Забавы, (...) но Киев и князь Владимир, как и в других печорских вариантах, не упоминается (...). Текст несет некоторые следы забывания первоначальной основы сюжета, но разработан полнее и стройнее, чем другие печорские варианты, и в отдельных эпизодах выразителен» (БП, с. 540).

№ 13

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 424, л. 566, маш.; БП, № 45а «Про Добрыню». ФА VI МФ, 213.4.

Зап. Колпаковой Н. П.: 26 июля 1955 г., сел. Усть-Цильма — от Дуркина Тимофея Семеновича, 84 г.

Примеч. соб.: «Текст, исполненный Т. С. Дуркиным „для разбега“, является началом предыдущей былины (см. № 12). Напев тот же».

№ 14

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 409, л. 528, маш.; БП, № 38, напев V. «Старина про Добрыню Никитича». ФА VI МФ, 210.4.

Зап. Колпаковой Н. П.: 18 июля 1955 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Ермолина Никиты Федоровича, 70 лет.

Примеч. соб. к тексту былины: «Дальше было забыто. Добрыня едет на заставу, защищает родную землю и „получает звание“ богатыря. Но спеть про все это исполнитель не смог».

«Судя по записанному отрывку, это начало былины о Добрыне и Змее. Указание исполнителя на содержание забытой былины свидетельствует, что былина начисто забыта даже в основной своей схеме» (БП, с. 538).

№ 15

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 19, л. 93—98, маш.; БП, № 68, нап. XX «Добрыня и Змей». ФА VI МФ. 335.1; Д и А, № 10, нап. с. 366; БРМЭ, № 54, нап. с. 276, 277.

Зап. Колпаковой Н. П.: 9 авг. 1956 г., д. Калюши Нарьян-Марского р-на — от Пономарева Андрея Федоровича, 72 г.

Публикуемый текст, записанный на Нижней Печоре, совершенно отличен от редакций Усть-Цилемского р-на (БП, с. 546).

«Как и в других печорских и архангельских текстах, богатырь одерживает окончательную победу над змеем уже в первом бою (второй бой отсутствует). Подобно некоторым другим текстам с Пинег и Печоры (...) данная былина описывает мольбу змеи сохранить ей жизнь и попытку откупиться подарками. Но в отличие от текста Ончукова (№ 10) богатырь не слушает обещаний змеи и сразу убивает ее. Индивидуальная черта текста — подробный наказ умирающего Микиты, в котором излагается вся последующая борьба Добрыни со змеей. Другая особенность текста — рассказ о плеточке из полынь-травы, растения, не встречающегося на севере, а на юге являющегося, по повериям, одной из самых действенных средств от змей. Перенесение действия на Оку-реку — черта несомненно поздняя». (Д и А, с. 378). Из ремарки исполнителя после 55 строки, явствует, что обычным оружием змею убить невозможно.

Разночтения БП, № 68

29	В ширину б́ыла вот коса́ сажень
31	Чтой нападут жары-ма́ревы
35	Всё пусть не ездит ныи́ь к Оки-реки
44	И целн́кóм когда съись, в хобота складёт
45	Где-то он пущай сорвет полынь-траву
К 50 ремарка:	Так или этак змея вишь ты люоедная хочет его сгрóмать: «Целикóм, — говорит, — я тебя хочу сгромать, али в хобота склоню»
54	Он очутился на крутых горах
55	Ко своёму коню к доброму
После 55	И так наказыват: что он будет [плетку плести]... А эта прилетит змея-то опять сзади, так эту плетку-то... смажет пущай ей, дак... он побьет ей, а так не убить будёт
66	Захотелось ему ныне вить
106	Он наказывал, говаривал

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ (№ 16—20)

Сюжет зафиксирован в разных районах бытования русского эпоса (в их числе — Беломорье, Мезень, Вага, Средняя Волга, Западная Сибирь), однако общее количество записей сравнительно невелико (27), и большая их часть приходится на Прионежье (см. Азб., с. 76—77). Ныне выделяются три версии сюжета, притом основная распадается на три редакции. «Крупные отличия имеет печорская версия, испытавшая существенное воздействие других былин. Богатыри везут здесь дань-пошлину на кораблях, состязания мотивируются тем, что иноземный король отказывается ее принять, требуя от богатырей службы; богатыри обычно убивают его, забирают богатства и возвращаются на Русь. Главным героем оказывается в одном случае Василий Буслаев, в другом Дунай; Добрыня присутствует только в двух записях, причем роль его здесь гораздо менее значительна» (Азб., с. 78—79).

Можно отметить еще одну специфическую особенность печорской версии: равномерное «распределение обязанностей» между посланцами князя Владимира. В основной версии сюжета посольство номинально возглавляет Василий Казимирович, однако успех всех предприятия определяется Добрыней, который последовательно выигрывает все состязание.

В текстах печорских сказителей русские богатыри поочередно выдвигаются на первый план, демонстрируя свое искусство каждый в своей области: Потанюшка Хроменький побеждает татарских борцов (2 варианта), Никита Широкий (2) или Алеша Попович (1) выигрывает состязания в стрельбе из лука, Добрыня укрощает необъезженного жеребца (1), а глава киевского посольства во всех 4 текстах обыгрывает в шахматы иноземного царя или его дочь. Для печорских текстов характерно также включение некоторых сказочных мотивов (см. № 16, 18, 19); бытовые подробности нередко используются для иронически-сниженного изображения врагов (богатыри заявляют, что такими луками, как у татар, в Киеве «бабы шерсти бьют», а на таких конях «ездят только старухи по миру» и т. п.).

Нижне-печорские варианты (№ 18, 19) отличаются от средне-печорских некоторыми второстепенными деталями. В них меняется порядок состязаний, по-иному описывается и мотивируется выбор спутников Дунаем или Василием Казимировичем; в ставку иноземного царя отправляется главный герой, оставляя товарищей «на крутом берегу». (Здесь уместным оказался сказочный по происхождению мотив — нож или копье, которые ржавеют, сигнализируя о бедственном положении хозяина.) В финале обоих текстов богатыри увозят в Киев «злато-серебро» и «товары разные», захваченные у побежденных. В устьицлемских вариантах развязка иная: в одном русские послы принуждают «царишша Бутуишша» принять дань, а в другом привозят назад в Киев «Посылку всю князевскую». Эти разночтения не столь существенны, чтобы выделять внутри печорской версии сюжета разные редакции.

№ 16

Онч., № 11 «Василий Буслаев».

Зап. Ончуквым Н. Е.: апр. 1902 г., Замежное (Замег) Усть-Цилемской вол. (на р. Пижме) — от Остахова Анкудина Ефимовича, 78 лет.

Примеч. соб. к названию былины: «Представляя из себя по действию, в главном, Василя Казимира, былина эта имеет в начале, а также и весь конец — Василя Буслаева; последним же именем все время величал А. Остахов и героя былины» (Онч., с. 52).

В тексте соединены 2 сюжета — «Добрыня и Василий Казимирович» (с заменой имен основных персонажей) и «Поездка Василя Буслаева». В первом сюжете события развиваются по обычной для печорской версии схеме, но место Василя Казимировича и его спутников заняли Василий Буслаев и его традиционные соратники Потанюшка Хроменький и Микитушка Широкий. Необычный финал (посланцы князя Владимира удовлетворяются тем, что «царишшо Батуишшо» принимает дань), вероятно, обусловлен контаминацией сюжетов: Василию Буслаеву еще предстоит дальняя дорога, традиционная развязка здесь не совсем уместна. А. Остахов ввел в былинку сказочный мотив — назначая богатырям первое испытание, царь предупреждает, что у него есть «в поле триццеть три колышка, как на всех-то на колышках по головушке, а на трех-то ле колышках нет головушек — я повешу ваши буйные головушки» (строки 81—84).

№ 17

Онч., № 65 «Василий Казимирович».

Зап. Ончуковым Н. Е.: май 1902 г., д. Уег Усть-Цилемской вол. (записано в сел. Усть-Цильма Печорского у.) — от Вокуева Аннсима Федоровича, 70 лет.

Выпущенные собирателем места былины даны в подстрочнике с изменением форм глаголов.

Вариант принадлежит к тому же изводу, что и предыдущий, — совпадают и общая сюжетная схема, и порядок следования отдельных эпизодов, их оформление. Киевское посольство возглавляет традиционный герой этой былины Василий Касимирович, но спутники у него те же, что и в тексте Остахова. А. Вокуев

подробнее развивает некоторые эпизоды (состав дани, выбор борцов Абатум Абатумевичем, описание стрельбы из лука, расправы с вражеским войском). Резко отрицательная характеристика «воров бояр-подмолвщиков, злых толстобрюхих подговорщиков» — обычная черта печорской былинной традиции.

№ 18

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 64, 64 об., рукоп.; РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 14, л. 1—10, маш.; Л., 1939, № 8; Л., 1979, № 13 «Дунай Иванович и Батуй Кайманович».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 4 июня 1938 г., д. Лабожское Нижнепечорского р-на — от Тайбарейского Василия Петровича, 73 г.

Былину перенял от односельчанина Пономарева Ф. М.

В нижнепечорских текстах, в отличие от устьицелемских, состязания начинаются с игры в шахматы; потерпев поражение, Батуй Кайманович заключает киевского посла в темницу, откуда он освобождается сам или с помощью названных братьев. В Тайбарейский не описывает состязания в борьбе, но зато вводит в былинку новое испытание — укрощение «коня неученого» (судя по способу укрощения, этот мотив позаимствован из волшебных сказок). Отвод Ильи Муромца, который просит включить его в состав посольства, ничем не мотивирован и в других вариантах не встречается.

Разночтения Л., 1939, № 8 и Л., 1979, № 13

11	Возьмите, — говорит, — меня в товарищи (1979)
57	Станет копейцо тогда ржавети (1939)
65, 66	перестановка строк: 66, 65 (1979)
91	Призвал Батуюшко двенадцать татаринов (1939)
96	отсутствует (1939)
113	Уж как пнул Добрынюшка Микитьевич (1939)
118	отсутствует (1979)
125	Есть у меня жеребец неученый (1979)
К 135	ремарка отсутствует (1939)
После 135	Долго ли ездил, коротко ли (1939; 1979)
К 194	ремарка отсутствует (1939)
207	отсутствует (1939; 1979)
239	отсутствует (1979)
242	И встречает их старой да Илья Муромец (1979)
251	Завелось тут столованье-пированье, почестен пир (1939)
257, 258	отсутствуют (1939; 1979)
265	Заездил жеребца до пропасти (1979)

№ 19

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 18, л. 81—92, маш.; БП, № 69 «Василий Касимирович». ФА VI МФ, 334.1.; Д и А, № 16; БРМЭ, № 54а, нап. с. 280.

Зап. Колпаковой Н. П.: 9 авг. 1956 г., д. Калюши Нарьян-Марского р-на — от Пономарева Андрея Федоровича, 72 г.

В машинописи строки 20, 21, 133, 134 заключены в скобки.

В композиционном плане текст повторяет предыдущий, но из трех состязаний сохранилось только одно — игра в шахматы. Вместе с тем сказитель вводит в былинку нетрадиционные мотивы и подробности, часть из них,

не неся никакой идейной нагрузки, загромождает сюжет (Василий Касимирович оставляет на кораблях «дружинушку хорошую», велит ей отплыть в открытое море, а в конце уговаривает приблизиться к берегу).

Разночтения БП, № 69

46 отсутствует

№ 20

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 26, л. 136, маш.; БП, № 89 «Про Добрыню». ФА VI МФ, 332.4. Зап. Колпаковой Н. П.: 27 июля 1956 г., д. Андег Нарьян-Марского р-на — от Суслова Аристарха Ивановича, 65 лет.

Текст представляет собой «начало неизвестной былины о Добрыне. Так обычно начинается былина об Иване Годиновиче. Возможно, что исполнитель смешал героев» (БП, с. 553).

Разночтения БП, № 89

- 11 Как ведь выходит Владимир-князь по комнаты
- 12 Он ножка о ножку-те похлопыват
- 13 Как каблук о каблук да поколачиват
- 19 Он не пьет-то чару топерь заздравную

ИДОЛИЩЕ СВАТАЕТ ПЛЕМЯННИЦУ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА (№ 21, 22)

На Печоре записано два варианта «этой редкой и поздней былины, возникшей как сплав сказочных и эпических мотивов» (БП, с. 551). Сюжет зафиксирован также на Мезени, Зимнем берегу (по 2 варианта), на Карельском берегу (1) и на Пинеге. Все тексты очень близки по композиции, региональные различия отмечаются лишь в экспозиционной части, в деталях финала и в употреблении имен собственных. Большинство вариаций вызвано заимствованием мотивов из других былин. Показателем недолгого устного бытования сюжета можно считать разнородность заимствований, почти полное отсутствие оригинальных поэтических формул, свойственных только данной былине, несогласованность отдельных деталей. В печорских вариантах (оба они записаны в низовьях реки) повествование осложняется развернутым вступлением, близким к началу былины «Соломан и Василий Окулович»: действие начинается в заморской земле, король которой ищет себе достойную жену; сватовство поручается Идолищу; племянницу князя Владимира именуют Анной. На Мезени и в Поморье былана открывается описанием приезда Идолища в Киев, имя невесты — Марфа. В облике Идолища доминируют черты великана — (см. его портрет) видимо, перенос из былин о татарском нашествии, Алеше и Тугарине или Илье и Идолище, а также оригинальное описание буйства уже обезглавленного чудовища: в мезенских записях от его «сбортыханья» «сколыбалося синё морё из края в край», «пошатались (...) черны корабли» — Григ., III, 100, 107; в одном печорском тексте Идолище ломает «мачту корабельную» — № 21, в другом — еще до убийства обрывает снасти — № 22.

№ 21

Онч., № 73 «Гремит Манойлович, Идол Жидойлович и Анна, племянница Владимира-князя»; Д и А, № 85.

Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., сел. Великая Виска Пустозерской вол. — от Шалькова Николая Петровича, 80 лет.

По сравнению с другими певцами Н. Шальков еще больше активизирует роль героини. Она не только убеждает князя Владимира отвести от Киева угрозу разорения, приняв ультиматум сватов (формула встречается

только в этом сюжете — ср. мезенские варианты), но и сама спивает и убивает Идола Жидойловича (в других текстах это делают богатыри). В былине есть логические неувязки: ничего не сказано о судьбе «силы», сопровождающей Идола; в палатах турецкого короля пируют «кресьяна православные», хотя сват изображается как «неверный» (он «русским богам (...) не молится»), сообщает, что для свадьбы готовят кобылятину и жеребятину). В былинку введены мотивы из «Дуная» (Идол прежде бывал «в земле русской»).

№ 22

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 9, л. 43—47, маш.; БП, № 83 «Про Василия Турецкого» [«Идойло сватает племяннику князя Владимира»]. ФА VI МФ, 328. 2. Д и А, № 86.

Зап. Колпаковой Н. П.: 4 авг. 1956 г., д. Тельвиска Нарьян-Марского р-на — от Кузьмина Тимофея Степановича, 68 лет.

В тексте Т. Кузьмина Анна Путятишна поит Идойла не только вином, но и «зельем лютым»; описание чары с отравой (строки 106, 107) перенесено из исторической песни о смерти Скопина. Включение этих мотивов художественно не оправдано, так как Идойло погибает не от яда — его обезглавливает Добрыня. На имени жениха «Василий» сказало влияние былины о царе Соломане. Оригинально описание колдовства с целью предсказать результаты поездки Идойла в Киев (строки 10—22), упоминание «шляпки белой» с русского корабля и «шляпки черной» с корабля свата; выразительна картина буйства турецкого посла перед смертью.

При повторе на м/ф строки 108, 109:

Как от чары тут Идойло не отказывается.

И берёт-то ли чару единой рукой.

Разночтения БП, № 83

47	На четвертый-от год закатилося
109	Как берёт-то чару единой рукой

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА (№ 23—30)

На Печоре записано 8 вариантов былины, однако это не может служить свидетельством хорошей ее сохранности. В местной редакции сюжета в образах главных героев утрачены многие древнейшие черты, повествование нередко переводится в сказочный план, насыщается бытовыми подробностями. В этом отношении печорские записи уступают не только прионежским, кенозерским и вологодским, но и мезенско-кулойским. Лишь в одном варианте (№ 23) кратко описывается колдовство Маринки, но формулы заговора нет; цель заговаривания — не «присушить» Добрыню, а превратить его в тура. Добрыня почти полностью лишен черт эпического героя, скорее он напоминает попавшего в беду героя волшебной сказки, которого выручают близкие. Любовника Маринки он убивает случайно, его соперник только в двух текстах назван змеем (№ 23), Идолищем (№ 28); чаще это — «тотарин» (№ 26, 30) или просто «мил дружок», «приятель» (остальные 4 варианта). Спасает Добрыню его крестная или сказочная «бабушка-задворенка» (5 текстов), а не мать или сестра, как в большинстве других редакций; иногда она пользуется «книгой волшебной» (как и Маринка в одном из вариантов — № 23). Во многих печорских записях скомкан финал — былина завершается «отворачиванием» Добрыни, расправа с Маринкой описывается лишь в 2 вариантах (№ 27, 28).

В печорской редакции сюжета к имени Маринки прочно прикрепился эпитет «Маринка-люта гроза» (он встречается также в двух кулойских вариантах — Грэг., II, 37, 59). О превращении Добрыни в тура догадываются «две девушки» (дочери) бабушки-задворенки (крестной) — отправившись «в лес по ягоды», они встречают гнедого тура, который ведет себя необычно:

Близехонько к ним да приближается,
Низко он им поклоняется,
Горючими слезами да умывается.

Аналогичный эпизод есть в упоминавшихся выше кулойских вариантах и одном мезенском пересказе былины (Аст., I, 7). Из 8 печорских текстов «Добрыни и Маринки» 3 записаны в устье Печоры. Публикации былины практически не оказали никакого влияния на ее устные варианты — даже в сводном пересказе С. Марковой, явно связанном с книгой, этот сюжет дан в местной редакции (см. коммент. к № 29).

№ 23

Онч., № 21 «Рождение Добрыни, первые годы жизни, бой с Маринкой».

Зап. Ончуковым Н. Е.: апр.—май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родиновича, 65 лет.

Самый полный печорский вариант былины, содержащий некоторые архаичные детали, забытые другими сказителями (Маринка заговаривает «следы» Добрыни, ее любовник — «змей Горыныцкой», в облике Добрыни сохранились черты эпического героя). В начале текста подробно рассказывается о рождении и детстве Добрыни. На Печоре эти эпизоды обычно вводятся в былину о бое богатыря со змеем (№ 11, 15, 29, 154), в соседних районах они чаще всего встречаются в сюжете «Бой Добрыни с Ильей Муромцем». В данном варианте Добрыня просит благословения погулять по Киеву не у матери, а у князя Владимира (см. также № 29), нет здесь и запрета заходить «в переулки Маринки» (на Печоре такой запрет встречается лишь однажды — № 26).

№ 24

Онч., № 35 «Добрыня и Маринка».

Зап. Ончуковым Н. Е.: апр.—май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Рочева Егора Ивановича, 61 г.

Набор основных эпизодов типичен для печорской редакции сюжета, однако их традиционная последовательность нарушена. Повествование начинается с того, как две дочери крестной богатыря встречают в лесу плачущего тура, крестная догадывается о ворожбе Маринки и, угрожая ей, требует «отвернуть» крестника. Героя «призвали» и стали «допрашивать», и только здесь выясняется вся предыстория его отношений с Маринкой. Вряд ли исполнитель ставил перед собой сознательную цель заинтриговать слушателей, ввести в сюжет «тайну»; скорее всего перестановка эпизодов вызвана его забывчивостью. (В тексте есть явные признаки разрушения: конфликт остается неразрешенным, нет даже «отворачивания» богатыря, главный герой называется то «Микитушкой Добрынюшкой», то «Никитой Романовичем».) Любопытна чисто северная бытовая деталь — упоминание «избы нижней»; архаичен эпитет «книга волховная» (в других записях фигурирует «книга волшебная»). Лаконично и выразительно сказано об отношении богатыря к своей службе «во кучерах» и «во писарях»: «Мне сижаноцька эта как прискуцилась».

№ 25

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 8, л. 51 об.—55 об. (полев.), тетр. 2, л. 39—41 (перебел.); Аст., I, № 73 «Маринка».

Зап. Астаховой А. М.: 7 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Носова Василия Прокопьевича, 65 лет, и Носова Якова Проппьевича, 63 г.

Традиционный текст, содержащий основные особенности местной редакции сюжета, «в то же время наблюдаются характерные для позднейшего этапа развития былины выдвигание и развертывание психологических моментов

(...). Вследствие этого обыденно-житейский колорит, характерный вообще для печорских обработок, в данном тексте особенно выделяется» (Аст., I, с. 575).

Разночтения Аст., I, № 73

- 18 Ай-я розбила-розломала раму хрустальную
19 Розорвала занавесочку шолковую

№ 26

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 10, л. 32 об.—38 (полев.), тетр. 3, л. 24—26 (перебел.); Аст., I, № 61 «Добрыня и Маринка».

Зап. Астаховой А. М.: 10 июля 1929 г., д. Абрамовская Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Ивана Емельяновича, 80 лет.

И. Чупров пропел лишь половину былины, кратко пересказав содержание остальных эпизодов. Композиция варианта обычна для печорской традиции. Как и в былине П. Поздеева (№ 23), Добрыня просит у князя Владимира благословения «пройти вдоль по Киеву»; единственный раз во всех печорских записях использован запрет заходить в Маринки переулочек (правда, без какого-либо объяснения).

№ 27

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 69, рукоп., л. 29—33, маш.; РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1—5, маш.; Л., 1979, № 17 «Добрыня и Маринка».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 8 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на — от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.

Один из двух печорских вариантов, в которых действие доведено до логического конца — расправы с Маринкой. Содержание и последовательность большинства эпизодов обычны для местной редакции сюжета. Оригинальное замечание «бабушки-задворенки», подозревающей, что ее крестник превращен в тура:

Раньше ходил в день три раза,
А нынь не ходит третий день (строки 65—66).

«Милый друг» Маринки не назван в этом варианте змеем или татаринном, но мыслится как враг русской земли (стрела Добрыни попадает ему «во черны груди»).

Разночтения Л., 1979, № 17

- 2 Брал он стрелочку каленую
3 отсутствует
5 отсутствует
6 Ходил — искал стрелочку каленую
14 Ой есь, Маринка люта гроза
21 отсутствует
33 Не отдам твою стрелочку каленую
35 Убил у меня мила друга
46, 55 Десятый тур — над турами тур
54 Нынь у ней стало десять туров
60 Брала она книгу волшебную.
61 Смотрела она в книге волшебной

- 62 Говорит она таково слово
 73 Здравствуешь, бабушка задворенка
 74, 82 Ой есь, Маринка люта гроза,
 После 83 Не отверну я твоего крестника:
 Прострелил он у меня окно косяще-то,
 Убил он у мя мила друга,
 Прострелил у него черны груди,
 Разбил его да легко-печеня.
 109 Бежат к Маринке десять туров
 129 Отрежу у тебя по колен ноги

В рукописи на месте строк 34—37, 89—92 — строка точек. Текст восстановлен на основании указаний собирателя по аналогии со строками 26—29, 77—80.

№ 28

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 67, 68, маш.; БП, № 14 «Про Маринку».

Зап. Митропольской Н. К. и Переваловой Е. И.: авг. 1942 г., д. Верхнее Бугаево Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Шишоловой Авдотьи Андреевны, 79 лет.

Былину переняла от отца.

Текст дефектный (Добрыню заменил «Чурилка», он просит «девушек-чернавушек» рассказать «бабке-горейке» о постигшей его участи; не все эпизоды органично связаны с основной сюжетной линией). Описание расправы с Маринкой, как и в предыдущем варианте, видимо, перенесено из былины «Иван Гоудинович».

№ 29

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 6, № 6, л. 12, 13, рукоп.; БП, № 75 [«Добрыня Никитич»].

Зап. Митрофановой В. В.: 24 июля 1956 г., д. Качгарт Нарьян-Марского р-на — от Марковой Софьи Степановны, 78 лет.

Прозаический пересказ, в котором объединены сюжеты «Добрыня и Маринка», «Добрыня и змей» и «Добрыня и Алеша», и кратко сообщается о встрече Добрыни с Настасьей-поляницей. «Все три сюжета пересказаны кратко, второй сюжет («Добрыня и змей») близок к прионежской традиции: действие происходит на Пучай-реке, изображены два боя со змеем (...) включены и характерные для прионежской традиции детали — виновником отсылки Добрыни на выручку Путятиншны является Алеша Попович (...). Эта близость к традиционной композиции и характерным деталям Прионежья, а также само объединение трех сюжетов, не встречающееся в печорских былинах, делает очевидным восхождение текста к какому-то книжному пересказу». (БП, с. 549). Внетекстовые данные подтверждают это предположение: «Записанные у нее богатырские сказки Маркова когда-то читала в книге, которую назвала „Старое время на Руси“, но уже лет пятнадцать назад книга была утеряна. Слышала также былины и сказки о богатырях и в устном исполнении». (БП, с. 210). Сюжет «Добрыня и Маринка», вероятно, не входил в состав печатного текста, которым пользовалась Маркова. В Прионежье он бытовал в виде самостоятельного произведения, его нет в репертуаре В. Чуркова, П. Калинин и И. Касьянова, былины одного из которых легли в основу книжного свода. В данной части текст Марковой, скорее всего, восходит к местной устной традиции — он содержит некоторые типичные для местной редакции сюжета элементы, правда, в искаженном виде. (Плачущий осел, который встретился в лесу пришедшим за ягодами девушкам.) В сюжете «Добрыня и змей» есть детали, не встречающиеся в текстах упомянутых выше певцов, но известные по другим прионежским записям. Отголоски прионежской традиции слышны и в сюжете «Добрыня и Алеша».

№ 30

Арх. ФК МГУ, 1980, тетр. 1, № 354, л. 70, 70 об., рукоп.; м/ф, кас. 19, дор. 1 «Добрыня и Маринка» (прозаический пересказ).

Зап. Ивановой А. А.: июнь 1980 г., д. Среднее Бугаево Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Носова Степана Афиногеновича, 78 лет (уроженца д. Загривочная на р Пижме).

Примеч. соб.: «Иногда пересказ приближается к былинному стиху».

Краткий пересказ былины, в котором просматриваются некоторые специфические особенности печорской редакции сюжета (имя героини, упоминание «бабушки-задворенки», рассказ о необычном поведении тура и др.).

ДОБРЫНЯ И НАСТАСЬЯ (№ 31—33)

Былина о встрече Добрыни с богатыршей-поляницей, об их поединке и женитьбе впервые зафиксирована на Печоре в 1942 г. (№ 31) в редакции, очень близкой к вариантам прионежских сказителей. Эта запись, как и две последующие, представляет собой контаминацию комментируемого сюжета с другими былинами о Добрыне, что не свойственно печорской традиции, но обычно в прионежских текстах. Все это дает основания полагать, что данный сюжет не был известен устной былинной традиции Печоры и попал в репертуар местных сказителей из книг.

№ 31

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 1, дело 61, л. 133—138, маш.; БП, № 2 «Добрыня и Алеша».

Зап. Беловановой А. В.: авг. 1942 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Носовой Анастасии Артемьевны, 67 лет.

В оригинале строки 133, 134 с нарушением логики:

Не спрашват у дверей придверников,
Не спрашиват у ворот приворотников.

Контаминация сюжетов «Добрыня и Настасья» (героиня названа «Анной Папичной») и «Добрыня и Алеша». Сопоставление этого текста с другими печорскими записями и вариантами из соседних районов наводит на мысль о соединении книжных и устно-фольклорных элементов. По построению сюжета, содержанию и словесному оформлению основных эпизодов вариант примыкает к былинам прионежских сказителей Чукова, Калинина и Касьянова, которые генетически связаны друг с другом. Совпадение некоторых подробностей в сюжете «Добрыня и Настасья» позволяет связывать комментируемый текст с вариантом П. Калинина. А. Носова не следовала за книжным первоисточником буквально — в ее былинке немало печорских общеэпических формул, некоторые детали заимствованы из местных редакций других эпических песен.

Разночтения БП, № 2

- 125 Желают рукобутьцо
134 Не спрашиват у ворот привратников

№ 32

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 12, л. 53—55, маш.; БП, № 81 «Как Добрыня женился».

Зап. Колпаковой Н. П.: 7 авг. 1956 г., д. Тельвиска Нарьян-Марского р-на — от Кузьмина Тимофея Степановича, 68 лет.

Спето в порядке пробы, без магнитофонной записи.

Оба приведённых текста (№ 32 и 33) представляют отдельную былинку. Они не только почти в точности воспроизводят композицию прионежских, но и совпадают с ними в формулировках (ср., например, слова Добрыни о своей силе и смелости и др.), а также в некоторых характерных деталях (Добрыня расшибает дуб на «ластинья», Настасья кладет Добрыню в «кожаный мешок» и т. п.). Такого рода близость, а также отсутствие сюжета в ранних печорских записях вызывает вопрос, не пришла ли прионежская редакция на Печору в каком-либо печатном издании (...). Сопоставление обоих текстов, записанных один за другим, показывает склонность Т. С. Кузьмина к творческим вариациям» (БП, с. 551). Следует отметить, что в вариантах Чукова и Касьянова Настасья кладет Добрыню в карман, а не в кожаный мешок — эта деталь встречается только у П. Калинина. Видимо, печатный текст Калинина — источник былинки Кузьмина.

№ 33

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 11, л. 51, 52, маш.; БП, № 81а «Как Добрыня женился». ФА VI МФ, 333.3.

Зап. Колпаковой Н. П.: 7 авг. 1956 г., д. Тельвиска Нарьян-Марского р-на — от Кузьмина Тимофея Степановича, 68 лет. См. коммент. к былинке № 32.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША (№ 34—39)

В большинстве районов бытования русского эпоса этот сюжет принадлежит к числу наиболее популярных, его удельный вес в эпическом репертуаре особенно вырос за последние десятилетия. Например, на соседней с Печорой реке Мезень более четверти собранного в 1958—1961 гг. былинного материала составили записи «Добрыни и Алеши» — 9 текстов из 34 (см. ПФМ, № 205—213). На Пудогге эта былина входила в репертуар более 70 сказителей. В печорском же регионе (по общему числу записей он лишь незначительно уступает пудожскому) за всю историю собирания удалось зафиксировать 8 вариантов сюжета. Только один из них полностью восходит к устной традиции, остальные испытали воздействие книги.

№ 34

Онч., № 95 «Алеша Попович женится»; Д и А, № 68.

Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., д. Пойлово (зап. в сел. Куя, на Печоре, Пустозерской вол.) — от Шевелевой Прасковьи Ивановны (уроженки Мезени), возраст не указан.

Н. Е. Ончуков сдержанно отозвался о своей единственной печорской записи «Добрыни и Алеши»: «П. И. (Прасковья Ивановна Шевелева) совсем не поет старин и спела мне про женитьбу Олеша после моей усиленной просьбы, спела, кажется, в первый раз в жизни, и потому очень плохо» (Онч. с. 389). Действительно, у Шевелевой не развернуты некоторые эпизоды, подробно разрабатываемые сказителями из других районов: не сообщается, чем занимался Добрыня в отъезде; лаконично и маловыразительно описание встречи героя с матерью; опущены многие подробности в финале былинки (нет даже сцены узнавания Добрыни, которая так привлекает слушателей своим драматизмом, — богатырь, хотя и переоделся «в платье калческо», сразу заявляет свои права на жену, снимая с руки «элачен перстень»).

Тем не менее вариант Шевелевой не лишен своеобразия, содержит ряд редких, а то и уникальных мотивов. Князь Владимир не сразу соглашается поддержать сватовство Алеши, заявляя: «Может, Добрыня еще сам живой», и только после уверений Алеши, что он якобы видел труп своего названного брата, активно включается в сватовство. Весть о предстоящей свадьбе Добрыне приносят «три ворона кормлёныи» — они будят его своим «курканьем», от которого «удрогла ведь матушка сыра земля», «сухое-то пеньё поломалося»; Добрыня догадывается, что дома приключилась беда. Мать богатыря пытается удержать его дома, опасаясь, что на свадебном пиру он прольет «много крови напрасной». Сын ее успокаивает, заявляя, что не намерен строго судить жену — «ейно дело невольное». Когда Добрыню угощают на пиру, он «за цародькой» выговаривает иронические пожелания:

князю Владимиру — «ходить батюшкой», княгине — «матушкой», Илье Муромцу — «тысяцким», Алеше — «во совете жить», молодой жене — «согласно жить». Есть в этом тексте отдаленная параллель к сборнику Кирши Данилова: в роли дружки в свадебном поезде выступает «Цюрило Голошапишко» (в былине «Соловей Будимирович» этого сборника соперником главного героя является «голой шап Давид Попов» — № 1; «шшап молодой Давыд Попов» пытается отбить невесту у Соловья Будимировича и в былине пинежской сказительницы М. Д. Кривополеновой — Озаровская, с. 17—26).

№ 35

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 155—157, маш.; № 8 «Добрыня и Алеша».

Зап. Ермолиной И. К.: авг. 1942 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Савуковой Татьяны Антоновны, 63 г.

Прозаический пересказ былины, многими эпизодами и формулами перекликающийся с вариантом В. Лагеева (№ 38). Это сходство естественно, так как Савукова родом из Усть-Цильмы, где жил и Лагеев. Однако в данном случае устное заимствование былины одним исполнителем у другого маловероятно. Видимо, оба варианта восходят к одному и тому же печатному тексту, составитель которого дополнил былину известного прионежского сказителя А. Чукова (Гильф., 149) некоторыми подробностями из других прионежских записей, а начало позаимствовал из сборника КД (№ 21). Савукова добросовестно и довольно подробно пересказала книжный текст, потому в ее варианте нет очевидных точек соприкосновения с печорскими былинами. А Лагеев — человек творческого склада — внес в былину существенные коррективы, в частности, переработал всю ее начальную часть, опираясь при этом на местную эпическую традицию.

Разночтения БП, № 8

58 Взял Добрыня гусли да пошел на пир

№ 36

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 13, л. 56—64, маш.; БП, № 82 «Добрыня на чудь поехал».

Зап. Колпаковой Н. П.: 7 авг. 1956 г., д. Тельвиска Нарьян-Марского р-на — от Кузьмина Тимофея Степановича, 68 лет.

Начальный эпизод текста и его название у певца явно связаны со Сборником Кирши Данилова (№ 21), а основная часть близка к прионежской редакции сюжета «Добрыня и Алеша» (см. БП, с. 551). В былине Кузьмина, как и в вариантах Савуковой и Лагеева, много общего с редакцией Чукова-Калинина. Однако в комментируемом тексте нет целого ряда деталей, имеющих у его земляков, в то же время встречаются отсутствующие у них элементы прионежской традиции. Эти разночтения заставляют предполагать, что Кузьмин и устьцилемские сказители пользовались близкими, но не тождественными книжными текстами.

Разночтения БП, № 82

66 Плечи сильно прострелены

75 У того ли князя да у Владимира

№ 37

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 32, л. 149, маш.; БП, № 62 «Женитьба Алеши Поповича на Добрыниной жены». ФА VI МФ, 325.3.

Зап. Колпаковой Н. П.: 31 июля 1956 г., д. Лабожское Нарьян-Марского р-на — от Сулова Никандра Ивановича, 65 лет.

Текст повторяет все основные особенности былины П. Шевелевой (№ 34). Тщательно сопоставив оба варианта, А. М. Астахова выявила несомненную близость их общего построения, аналогии в мотивировке действия, оформлении отдельных эпизодов. Внушительный список приведенных ею схождений (БП, с. 544—545) можно дополнить еще одним: Суслов вслед за Шевелевой ни разу не называет по имени жену Добрыни, что необычно для этой былины. Вместе с тем вариант Суслова — не механическое повторение записи Ончукова: исполнитель еще больше упростил сюжетную схему, изменил некоторые детали, что позволило снять встречающиеся у Шевелевой логические неувязки. Поскольку в доме Суслова оказался экземпляр «Печорских былин», а сам сказитель известен как большой любитель чтения, справедливо, что «основа его текста восходит к записи Ончукова», которую он «в ряде случаев улучшает» (БП, с. 545).

Разночтения БП, № 62

11	Он пришел-то к Ильи да ле ныне к Муромцу
13	Ах ведь тут ли-то старóй да Илья Муромец
14	Говорит ли-то сейчас да таковó словó
18	Я ли видел-то труп да нонь Микитича
20	Как трава-то растет, да ведь и цветы цветут
24	Как ведь и в ту же пору вон да нонь среди но́чи
27	Вот и тут-то пошли нынь к Добрыниной жены
30	Мы всё ли шли-то ведь к вам да нынь посвататьцо
37	Если трава ле растет, да как цветы цветут

№ 38

ПИЯЛИ КЭ, № 504/1, 506/1; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 172, п. 3, № 4, маш. «Добрыня и Алеша». СП, с. 32, 33 (отрывки), нап. с. 32.

Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., сел. Усть-Цильма Коми АССР — от Лагеева Василия Игнатьевича, 69 лет.

Текст записан с пения, подкупает продуманностью и соразмерностью элементов сюжета, последовательным соблюдением классического формульного стиля, отточенностью стиха. Между тем генетически вариант, видимо, связан не с печорской, а с прионежской традицией: в нем имеются особенности, характерные для разных районов Прионежья, что практически исключает возможность устного заимствования. Самые близкие параллели к былине Лагеева обнаруживаются в текстах известного прионежского сказителя А. Чукова (Рыбн., 26, Гильф., 149). Печорский певец следует за Чуковым и при оформлении так называемых «переходных мест», которые, как правило, особенно неустойчивы и варьируются даже в повторных записях, сделанных от одного и того же исполнителя. В былине Лагеева встречаются детали, неизвестные печорской традиции и широко распространенные в Прионежье, а рядом с ними — эпические формулы, типичные для печорских записей. Это переплетение элементов разных локальных традиций свидетельствует о творческой переработке сказителем книжного текста.

Былина была записана 15 окт. 1965 г. на пластинку в Москве на ВСГ «Мелодия»: грампластинка Д-024791—024792, № 1.

№ 39

Арх. ФК МГУ, 1978, п. 1, тетр. 6, № 2, л. 3—5, рукоп. «Женитьба Алеши Поповича».

Зап. Кручининой М. Н.: лето 1978 г., д. Бугаево Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Семеновой Натальи Тимофеевны, 77 лет (уроженка д. Замежной, в которой прожила 60 лет).

Краткий пересказ былины, содержащий специфические элементы прионежских редакций сюжета; особенно близок к вариантам П. Калинина и А. Чуркова (Гильф., 5, 149). Наиболее вероятный источник текста

Н. Семеновой — книга; сохранившиеся эпические формулы почти дословно совпадают с соответствующими фрагментами «былины двадцатой» из «Книги о киевских богатырях» В. П. Авенариуса (СПб., 1876, с. 238—242). Незначительны вариации, типичные для пересказа стихотворного произведения — отдельные слова заменены синонимами («крестовый брат» вместо «названного», «гусельцами похлопывать» вместо «поваживать» и т. п.).

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 40—57)

Сюжет о чудесном исцелении богатыря-сидня получил широкое распространение практически во всех районах бытования русского эпоса. В большинстве вариантов он облекается в форму сказки или побывальщины; песенно-стихотворные тексты записывались почти исключительно на европейском Севере России, но и в них нередко просматривается прозаическая первооснова произведения. Большинство исследователей считает, что рассказ об исцелении Ильи Муромца оформился в былинную сравнительно поздно (см. Аст., I, с. 617); в нем используется немало сказочно-легендарных мотивов. На бытовании сюжета в последние 80—100 лет заметно сказало влияние лубочных пересказов и других дешевых изданий былин. «Исцеление» обычно контаминируется с другими сюжетами, с него начинаются почти все сводные пересказы и былины об Илье Муромце. Сюжетная схема устойчива, разнообразные детали и подробности фиксируются повсеместно, но по старым записям можно установить некоторые региональные особенности. В ряде печорских текстов странники исцеляют Илью-сидня хлебом («даром божьим» — устьцилемские варианты), речной водой, словом; рассказ о выпивании трех чар вина, пива или кваса и «регулировании» чудесно обретенной силы отсутствует; нет и предсказания неуязвимости Ильи Муромца («на бою тебе смерть не писана»), запрета биться со Святогором, Вольгой, Микулой (эти мотивы встречаются лишь в нескольких вариантах, связанных с книжными источниками). Богатырского коня и оружие герой получает от отца, а не покупает по совету старцев. В некоторых текстах Илья не только сидень, но и слепой; в 5 вариантах на просьбу калик переходных подать милостыню он отвечает: «Я не то тебе подать — готов сам принять». Не исключено, что эти особенности — следы региональной печорской редакции сюжета, которая под влиянием печатных текстов и их устных пересказов постепенно утрачивала свои специфические черты.

№ 40

Изв. ОРЯС, 1902, т. VII, кн. 3, «Печорские былины», № 4, с. 305—317; Онч., № 19 «Первая поездка Ильи Муромца».

Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1901 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.

«Эта старина записана со слов, а не с пения, только самый конец, от слов: „Откуль ты, какой“ и пр., был спет. Тут сразу заметна разница в стиле между тем, что спето и что рассказано словами» (Онч., Изв. ОРЯС, 1902, т. VII, кн. 3, с. 317).

Самый распространенный тип контаминации — соединение сюжетов об исцелении Ильи Муромца и о его победе над Соловьем-разбойником. В первом сюжете находим большинство особенностей, отмеченных в общем обзоре печорских вариантов. Выразительна характеристика богатырского коня, включающая распространенную на Печоре формулу «стоял на семи цепях, на семи розвезях» (см. коммент. к сюжету «Илья Муромец и Сокольник»). Рассказ о победе над Соловьем-разбойником, как и в большинстве других печорских записей, осложнен мотивами трех дорожек и трех застав, столкновением с разбойниками (в этой роли выступают «мужички да новотокмяны» — ср. № 45, 50). Освобождение героем пленников Соловья-разбойника встречается еще в двух печорских вариантах (№ 48, 50). В былинне использован мотив, характерный для сюжета «Святогор и Илья» — конь Ильи не может нести двух богатырей (ср. № 50). Близкий по композиции пересказ обоих сюжетов записан от И. П. Поздеева — сына П. Поздеева (№ 45).

№ 41

Онч., № 53 «Илья Муромец».

Зап. Ончуковым Н. Е.: апр.—май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Дуркина Игнатия Михайловича, 75 лет.

Контаминация сюжетов «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Богатыря исцеляют словом, но «силу великую» он получает, испив речной воды. Оригинально описание крестьянской работы Ильи — он не раскорчевывает поле, как обычно, а огораживает от скота засеянную пашню (деталь чисто местная). Подчиненный, вспомогательный характер эпизода с разбойниками (испытание богатырских качеств героя перед боем с главным противником) подчеркивается тем, что «станичники», «граичники» и «турзы-урзы» поставлены на заставах Соловьем-разбойником. Заговаривая стрелу, богатырь велит ей лететь, «куда я велю». (Ср. № 63). Предупреждение Ильи, что «у старого будет смерть страховитая», и совет пойти прочь всем, у кого есть молодые жены и малые дети, видимо, позаимствованы из былины о царе Соломане (ср. другую печорскую запись — № 47 и мезенский вариант «Ильи Муромца и Соловья-разбойника» — Аст., I, 1). Описание подкопов, утыканных копьями (см. также № 58 и, в редуцированной форме, — № 43), обычно в первой версии сюжета «Илья Муромец и Калин-царь», которая на Печоре не записывалась. Этот эпизод встречается в одном из вариантов былины «Потап Артамонович» (№ 235).

№ 42

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 14, л. 35 об.—49 об. (полев.), тетр. 5, л. 22—31 об. (перебел.); Аст., I, № 95 «Илья Муромец».

Зап. Астаховой А. М.: 25 июля 1929 г., д. Великая Виска, Ненецкого нац. округа — от Дитяевой Прасковьи Ивановны, 69 лет.

Былина была сначала рассказана, потом спета. В полевой и перебеленной тетрадах в круглые скобки заключены добавления и изменения, внесенные при пении, а в квадратные — принадлежащие сказанному варианту. При пении, как обычно, вставлялись короткие слова, междометия, изменялась форма отдельных слов, например:

	<i>Пение</i>	<i>Рассказ</i>
	3 Да жила-была	Жила-была
	4 Ёмелфа Тимофеёвна	Омелфа Тимофеевна
	5 Кабы было... чадо	Было... чадо
	8 Он на той жо	На той
9, 27	ножок	ног
	10 ручок	рук
	19 Уж и крест ли	Крест ли
	25 Уж ты здравствуй	Здравствуй
	37 Ты сойди	Сойди
	59 Благословенья великого	Благословение великое
	80 есть	есь
	82 Ах на трёх-де дубах да	На трёх дубах
83, 84	Соловейко	Соловеюшко и т. п.

Публикуется спетый вариант по полевой записи.

Сказанный вариант:

- 1 Во малоей Галицы великоей
6 Был у ей Илья сын Иванович
13 Не видел Илейка солнца красного
14 Не видел Илеюшка добрых людей
Вместо 15, 16 16, 15
17 Пришла калика переходящая
18 отсутствует
23 Сотвори милостыньку душевную
24 Говорит Илья сын Иванович
Вместо 26 Не могу я встать со печки со муравленой
28 Нет у меня рук белых по локот
33 Если видишь, то возьми своей рукой
34 отсутствует
42 отсутствует
52 Отдаёт калике переходящему
54 А не видел, куда калика потерялся
55 Заслышал в себе Илья силы множество
56 Приходит ко матушке родимой
58 отсутствует
61 отсутствует
Вместо 65 и 66 Итти-ехать в стольней Киев-град
70 Премой дорогой ехать — есть заставы великие
71 отсутствует
73,74 отсутствует
Вместо 77 и 78 Стоят во чистом поле сорок тысячей неприя(теля)
83 Закричит Соловеюшко по-змеиному
Между 85 и 86 Не пройти тебе будет, не проехать
86 И говорит Илья сын Иванович
91, 92 отсутствует
96 Надевала башмачки на босую ногу
102 Седлает Илья того коня доброго
103, 104 отсутствует
108 отсутствует
109 Брал с собой тугой лук
112 отсутствует
115 Клад он меж собой свой велик залог
117 Отправился Илья Муромец во чисто поле
118 Подъехал ко мостику калёному
119 отсутствует
121 И сам-то в уме подумал
Вместо 124 и 125 Тогда спустился Ильяюшка на сыру землю
129 Перевёл своего коня доброго через мостики калёные
130 отсутствует
132 И завидел он во поле силы множество
133 отсутствует
135 Не оставил ни одного не сцетана
137 Здравствуй, рать великая

- 138 40 тыс(еч) удалых молодцев без единого
 142 Кругом взяли Илью посередке себе
 Вместо 145 и 146 Рассердилса Илья сын Иванович
 147 отсутствует
 149 А вдвое-втрое конём топчет
 150 отсутствует
 151 И не оставил ни одного живого человека
 153 Завидел он в полюшке С(оловья) Р(ахматьича)
 157 Его конь добрый упал на óкарачь
 158 Взял Илья в руки палицу буёвыу
 160 отсутствует
 Вместо 161, 162 Неужели не слышал крику зверино́го, свисту змеино́го
 163 Тогда его конь соскочил, на свои ноги стал
 Вместо 164, 165 Берёт Илья в руки свой тугой лук с каленой стрелой
 168 Ко стрелы приговарива́т
 169 Ты лети, моя калёная стрела
 170 Не падай ни на́ воду, ни на́ землю
 Между 171 и 172 Роздоби его всю буйну голову
 173 отсутствует
 176 Успел Ильюшка сын Иванович
 177 Подхватил Соловешка за чесны́ кудри
 178 отсутствует
 183 отсутствует
 185—187 отсутствует
 Перед 195 Теперь его деточки родимые
 195 Побежали во чисто́ поле
 198 Третья бежит — она ковш тащит
 199 Сидит Ильюшка усмехаецца
 204 Откупите меня у удала до́бра молодца
 205 отсутствует
 206 Отворачивает Илья как люты́м зверём
 209 Приехал во Киев в стольней град
 211 отсутствует
 215 отсутствует
 217, 218 отсутствует
 Вместо 220, 221 Для Ильи доспел он пил великий
 222 Говорит Владымыр-князь
 Вместо 224, 225 Позволь ты моим слугам
 Завести Соловья Рахматьевича
 В мои покои светлые
 226 А подите вы в светлые светлицы
 227 Говорит В(ладимыр) таково́ словó
 232 Владымыра слуги не ослышались
 234 Не смеют спуститьца они на сыру́ землю
 235 Говорят они да таково́ словó
 238 Во свои покои светлые
 240 Не ца́рьско ем-пью-кушаю
 242 Я пью-ем И(льи) И(вановича)
 243 И его же и слушаю

Переял быляню от отца. После строк 75, 146, 240 исполнение прерывалось разговорами сказителя с женой и односельчанами, заходившими в дом во время записи текста (см. биографическую заметку, с. 503 и Аст., I, с. 591—592)

Вариант объединяет три сюжета: «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец и Калин-царь». Начало первого сюжета сказитель пропел (см. следующий текст). Интересно, что в стихотворном варианте родители героя не названы по именам. Их имена, как и упоминание «ренских погребов», рассказ о покупке богатырского коня, не традиционны для Печоры. У П. Торопова встречается и другая деталь, не имеющая параллелей в местных былинах: окружив богатыря, разбойники «начали друг дружку глазами помаргивать», Илья уstraшает их стрельбой из лука, но оставляет в живых. В этой части пересказа «отход от известных былинных редакций очень силен и обусловлен, вероятно, влиянием какого-то книжного источника» (Аст., I, с. 592). Два других сюжета даны в местных редакциях, содержат типичные для них детали и формулы. О трех кольцах, за которые привязывают своих коней представители разных сословий, см. наш коммент. к № 150. В некоторых эпизодах и ремарках исполнителя чувствуется влияние сказок.

Разночтения Аст., I, № 93

139	...раскрошила в мелкие дребезги
143	...ждет, как встанут
217	Ворота все поперты...

В полевой записи строка 142 не окончена (...ждет, как...); в строке 145 неразборчиво написано третье слово; в ремарке после 185 строки неразборчиво написаны последние слова.

№ 44

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 13, л. 11 об.—13 об. (полев.), тетр. 3, л. 94 об., 95 (перебел.); Аст., I, № 92 «Про старого» (отрывок).

Зап. Астаховой А. М.: 20 июля 1929 г., д. Климовка Усть-Цилемского р-на — от Торопова Павла Ивановича, 57 лет.

Данный текст — начальный отрывок сводной былины об Илье Муромце, которую Павел Иванович передал прозой (см. № 43), заметив, однако, что может ее петь: «Другие помогают, я устаю, а другие подхватывают. Старуха (жена) помогает». На просьбу собирателя спеть былинку полностью — спел лишь данный отрывок. Текст отрывка близок прозаическому пересказу в деталях эпизода и в лексике.

В исполнение отрывка вносил некоторые песенные приемы: разделение слов, повторение отдельных слогов (см. строки 14—15) — Аст., I, с. 618.

№ 45

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 9, л. 9 об.—14 (полев.), тетр. 3, л. 104 об.—107 (перебел.); Аст., I, № 80 «Про старого казака, про первую поездку Ильи».

Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Поздеева Ивана Петровича, 64 г.

И. П. Поздеев — сын сказителя П. Р. Поздеева, репертуар которого записан Н. Ончуковым. Исполнитель пересказал былинку отца (см. № 40), опустив или сократив некоторые эпизоды. В тексте И. Поздеева сохранены многие формулы и обороты, характерные для языка былин.

№ 46

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277 п. 1, № 1, л. 70, 70 об., рукоп., л. 3, маш. (28 строк); РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1—12, маш.; Л., 1939, № 1; Л., 1979, № 2 «Первая поездка Ильи Муромца».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 8 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на — от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.

Как и в большинстве других контаминированных текстов, сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник» предпослан рассказ об исцелении героя. Вариант И. Осташова содержит ряд характерных для печорской традиции элементов, но в нем отсутствуют мотивы трех дорожек, стычка богатыря с разбойниками. Об опасностях, подстерегающих Илью на прямоезжей дороге, Илью предупреждает отец. Оригинальный поэтический образ использован в описании стрельбы из лука (строки 227—229).

Разночтения Л., 1939, № 1 и Л., 1979, № 2

9	Рад бы я подать (1939, 1979)
43	Что, Илейка, ты по се чувствуешь (1979)
52	Что ты, Илейка, по се чувствуешь (1979)
56	Поворотил бы я мать сыру землю (1979)
После 62	Пошел Илейка вон на улицу (1979)
68	Совсем как будто наш идет Илеюшко (1979)
71—74	отсутствуют (1979)
73	Совсем как наш будто идет Илеюшко (1939)
78—80	отсутствуют (1939, 1979)
После 81	Как же это чудо приключилося (1979)
82—136	отсутствуют с примечанием: «Далее следует пересказ предыдущего от слов „Сидел я на печке-муравленке“ до — „Потерялись калики перехожие“» (1979)
82	Пришли под окно калики перехожие (1939)
84	Говорю я им таково слово (1939)
86	Рад бы я подать (1939)
140	Ой есь вы, мой отец с матерью(1979)
149	Вставали они поутру раным-рано (1979)
157,165	Помрем мы без тебя смертью лютой (1979)
166	Третий раз старой их выпрашивает (1939)
Третий раз старой выпрашиват (1979)
171	Посмотреть всех русских богатырей (1979)
176	Прямоезжая дорожка да призапущена (1979)
181	Не пропускает ни зверя рысучего (1939,1979)
193	С отцом-матерью он распрощается (1939)
С отцом-матерью он да распрощается (1939)
201	По болотине мостики приломаны (1939, 1979)
202	Правой рукой он дубинушку подергиват (1979)
206	Перебрался через болотину дыбучую (1939)
Перебрался за болотину дыбучую (1979)
209	Поехал он в путь дорожечку (1939, 1979)
219	Бьет Илья коня да по тучным ребрам (1979)
220	Ай ты волчья сыть, да травяной мешок (1939)
Уж ты волчья сыть, да травяной мешок (1979)
233	С семи дубов и восьми поддубочков (1939)
247	На то ли крыльцо да парадное (1939)
249	Глядела она да во чисто поле (1979)
258	Предайте его смерти лютой (1939, 1979)
263	С пути-дороженьки к нам попить-поесть (1939, 1979)
271	Тут и стали они его спрашивать (1979)

- 278 Не верят удалы добры молодцы (1939)
Никто не верит удалому доброму молодцу (1979)
279 У нас засорена дорожка тридцать лет (1939, 1979)
292 Прикован к седельшку зеркальчату (1979)
310 Садил его за дубовый стол (1939)
314 Не большу — не малу — в полтора ведра (1939, 1979)
325 Говорил-то старой да Илья Муромец (1939, 1979).

Строки 83—136, 326—340 из-за отсутствия в рукописи даны по машинописному тексту (РГАЛИ). В рукописи строки 30, 31, 165, 171, 282, 286 — неполные; на месте строк 159—164, 167—170, 283—285 — строки точек. Восстановлены на основании указаний собирателя.

№ 47

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 48—52, маш. (копия); Л., 1979, № 1 «Илья Муромец».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 16 авг. 1940 г., д. Гаревое Усть-Цилемского р-на — от Хозяинова Сидора Антоновича, 80 лет.

Контаминированный текст, обе части которого в основе своей традиционны, хотя и содержат ряд оригинальных деталей. Как и в некоторых других печорских записях, мотив исцеления богатыря связан с хлебом; в роли целителя выступает «бел старик Снежна Груда», имя которого другими сказителями не упоминается. Оригинально испытание силы Ильи Муромца в строках 30—38, отдаленно перекликающееся с былинной «Святогор и тяга земная» (этот сюжет на Печоре не зафиксирован). С. Хозяинов вводит в свой текст мотивы из «Наезда литовцев» (расправа с разбойниками — ср. № 113), «Илья Муромец и разбойники» и былины о царе Соломане (стихи 106—120 — см. коммент. к № 41).

Разночтения Л., 1979, № 1

1	Во селе было во Кракове
84—89	отсутствует
120	отсутствует
160	Ехал я дорожкой прямоезжей
После 175	Он занес Соловья Рахматова
Посадил Соловья он к венику
180	Князя Илья взял под праву руку

Строки 1—63, отсутствующие в рукописи, даны по машинописи, 64—182 — по рукописи.

№ 48

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 74—83, маш.; БП, № 12 «Илья Муромец».

Зап. Митропольской Н. К. и Переваловой Е. И.: авг. 1942 г., д. Верхнее Бугаево Усть-Цилемского р-на — от Шишоловой Авдотьи Андреевны, 79 лет.

Былину переняла от отца Андрея Поздеева (былины от А. Поздеева не записаны).

Сводный текст. Включает в развернутом или фрагментарном виде 7 сюжетов: былины об исцелении Ильи Муромца, о Соловье-разбойнике, Калине-царе (вторая версия), Ильи Муромца и разбойниках (отдельные мотивы), голях кабацких (закладывание креста и убийство чумаков-целовальников), Идолище Поганом, Сокольнике. Мотив-связка между сюжетами о Соловье-разбойнике и Калине-царе такой же, как и в предыдущем варианте — бояре перевирают слова Ильи о подаренной князем шубе. А. Шишолова использует некоторые подробности и формулы, характерные для печорской былинной традиции (мотив трех дорожек, освобождение плененных

Словьем богатырей, формулы «на семи дубах, семи поддубацках», «тут не белой куропать выпархиват»; наказ Ильи перед боем с Сокольником, перенесенный из былин о татарском нашествии — строки 234—237; расправа Сокольника с Алешей и др.). Любопытно рационалистическое объяснение отказа калики поменяться платьем с Ильей: «Я облакусь в твое платье хорошее, никто не даст мне ничего». Узнавание Сокольника по нательному кресту не свойственно печорской традиции (этот мотив популярен на соседней Мезени — Григ., III, 16, 32, 88 и др.).

Разночтения БП № 12

После 309 ремарка дана как строки 310—311. В тексте из арх. Коми фил. АН СССР ударения не проставлены.

№ 49

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело, 61, л. 103—111, маш.; БП, № 11 «Илья Муромец».

Зап. Митропольской Н. К. и Переваловой Е. И.: авг. 1942 г., д. Среднее Бугаево Усть-Цилемского р-на — от Мяндиной Елены Григорьевны, 69 лет (уроженки д. Карпушовка). Былину переяла от отца Григория Васильевича Дуркина (былины от Г. В. Дуркина не записаны).

В тексте объединены три сюжета — «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и вторая версия «Ильи Муромца и Калина-царя» (аналогичные контаминации см. в № 43, 57 и в сводной былине об Илье, № 48). Прозаический пересказ перемежается со стихотворными фрагментами, большая часть третьего сюжета передана стихами. Об исцелении богатыря сообщается кратко. Характерно, что нет угощения Ильи пивом или квасом, зато упомянут «кусочек хлеба» (ср. № 40, 45, 47). Некоторые особенности печорской обработки есть и во втором сюжете: Илья исправляет подгнившие мостики, на лету подхватывает «Идолище немецкое» (Соловья-разбойника). Еще теснее связан с местной традицией рассказ об отражении татарского нашествия на Киев: вражеское войско первым замечает калика (ср. № 105, 206, 209). Илья не слушает князя Владимира, но готов служить княгине Апраксини, в одиночку разбивает войско «неприятеля» и расправляется с клеветниками-боярами. Текст отличается стилистической пестротой — лаконичные и точные формулы соседствуют с неудачными имитациями былинных оборотов («боёва лошадь», «очи глупые» и др.), с новой бытовой лексикой («никогда не врали», «помещеньце», «полштоф воды» и т. д.).

В тексте из архива Коми фил. АН СССР ударения отсутствуют.

№ 50

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 404, л. 504—511, маш.; БП, № 46, нап. VI, «Первостольный богатырь Илья Муромец». ФА VI МФ, 202.2.

Зап. Колпаковой Н. П.: 13 авг. 1955 г., сел. Усть-Цильма Коми АССР — от Вокуева Гаврилы Васильевича, 73 г.

Былины переял от отца — Вокуева Василия Петровича и деда — Вокуева Петра Ивановича.

«Исполнитель, прежде чем спеть всю былину, спел несколько первых стихов», — 6 строк. (Примеч. соб., БП, с. 541):

От того было от города от Мурова,
Из того, ей, села да Карачегова,
От того было Ивана да Тимофеёва.
У ёго, ей, было да ча..., ей, одно чадо,
Как одно, ей, чадо да одинакоё,
Оно сидело, ей, на печке ровно тридцать лет...

От исполнителя записан на магнитофон отрывок (6 строк) варианта былины — ФА VI МФ, 202.2:

$\text{♩} = 176$

От то - го бы - ло от го - ро - да от Му - ро - ва,

Из то - го, ей, се - ла да Ка - ра - че - го - ва,

От то - го бы - ло И - ва - на да Ти - (э) - мо - фе - ё - ва.

У ё - го, ей, бы - ло да ча., ей, од - но ча - до,

Как од - но, ей, ча - до да е - ли - на - ко - ё

Оно си - де - ло, ей, на печ - ке ров - но трид - цать лет...

Контаминация былин об исцелении Ильи Муромца и Соловье-разбойнике. В разработке обоих сюжетов Г. Вокуев следует местной традиции; его текст особенно близок к варианту П. Поздеева (№ 40), хотя и уступает ему по объему за счет упрощения некоторых описаний и пропуска эпизодов. Принадлежность этих двух записей, а также пересказа И. П. Поздеева (№ 45) к одному изводу не вызывает сомнений (совпадают все оригинальные детали, имена собственные, порядок следования и содержание основных эпизодов, текстуально близки многие формулы — подробнее см. БП, с. 541).

При повторной записи (через 9 лет — см. № 54) сказитель упростил некоторые эпизоды и описания, опустил второстепенные подробности, что привело к сокращению текста; противника Ильи несколько раз ошибочно назвал «Соловьем Будемировцем».

Разночтения БП, № 46

7	Не говорил у его да говорок-язык
75	И черной горносталя не пропрыгивал
117	Ставай, конь, на резвы ноги
125	Молодец на то был ухватчивой
192	Уж твой Соловей ли Рахматович
197	Тогда Соловей заревел во весь свист

№ 51

РО ИРЛИ, Р. V, кóлл. 160, п. 1, № 403, л. 500—503, маш.: БП, № 44 «Про Илью». ФА VI МФ, 213.1 «Первая поездка Ильи»; МФ, 213.5.

Зап. Колпаковой Н. П.: 25 июля 1955 г., сел. Усть-Цильма Коми АССР — от Дуркина Тимофея Семеновича, 84 г.

$\text{♩} = 92$

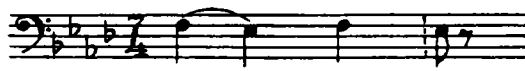
Из то - го е - щ(и)ч(е) и - з(ы) го - рода ны - не и - з(ы)

Му - ро - ва,

Из то - го е - щ(и)ч(е) се - ла да ле Ка - ра -

- ча - ро - ва,

А да жи - л(ы) гу - т(ы) был мо - ло - дой И - ва - н(ы) сы - н(ы) Ти - мо -

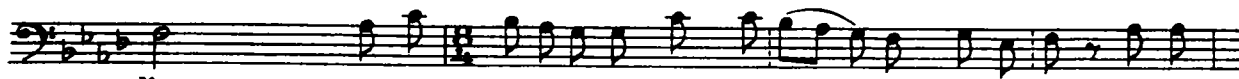
- фе - ё - виць.

Как бы - ло у е - го е - ди - но ця - до, бы - ло е - ди - но - лю -

- би - мо - ё,

Как не и - ме - л(ы) о - н(ы) гри - д - ц(ы) ле - т(ы) под со - бой ре - з(ы) -

- вы - х(ы) де ног.

Перед записью Дуркин Т. С. в порядке припоминания спел следующее начало былины (зап. Соколовым Ф. В. и Колпаковой Н. П.):

Из того еше из города ныне из Мурова,
Из того еше села да ле Карачарова,
А да жил тут был молодой Иван сын Тимофеёвиць.
Как было у его едино цядо, было едино-любимое,
5 Как не имел он тридцеть лет под собой резвых-де ног.

В комментарии к БП № 44 приведен такой вариант «пробы голоса» Т. С. Дуркиным:

Из того еше из города ли из Мурова,
Из того еше села да ле Карачагова,
Ой же жил тут и был молодой ли Иван сын Тимофеевич,
Уж было у его едино чадо милое, едино любимое,
Уж не имел он тридцать лет под собою резвых-де ног.

(БП, с. 540)

Пересказ сюжетов об исцелении Ильи Муромца и его победе над Соловьем-разбойником, в который вкраплены два стихотворных отрывка. В отличие от былины о Сокольнике (№ 79) этот текст Т. Дуркина невыразителен и бесцветен, почти не содержит характерных печорских формул (чуть ли не единственное исключение — «гнездо Соловьиное на семи дубах, на восьми падубках»). Есть основания полагать, что сказитель был знаком с каким-то книжным вариантом. Исцеляющий Илью старец наказывает ему не биться со Святогором и Вольгой (такой запрет встречается лишь в двух печорских пересказах, связанных с книгой, — см. коммент. к № 11 Прилож. I и № 2 Прилож. II; устной печорской традиции не известно и имя Вольги). В сюжете «Илья Муромец и Соловей-разбойник» упоминается речка Смородина, рассказывается об освобождении богатырем Чернигова и о предложении стать воеводой в этом городе. Эти детали также не свойственны печорским записям, но обычны в прионежских.

№ 52

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 4, л. 6—9, рукоп.; БП, № 74 [«Илья Муромец»].

Зап. Митрофановой В. В.: июль 1956 г., д. Качгарт Нарьян-Марского р-на — от Марковой Софьи Степаиовны, 78 лет.

Сводный пересказ, объединяющий 9 сюжетов, связанных с именем Ильи Муромца; былины об исцелении, о Соловье-разбойнике, Калине-царе (с упоминанием имени Калина, что не свойственно устной традиции Печоры), об Идолище Поганом, Сокольнике, смерти Святогора, ссоре Ильи с Владимиром, голях кабацких. Используются также мотивы третьей, самой редкой части «Трех поездок Ильи Муромца» — былины, вообще не фиксировавшейся в Печорском крае. Схематичность пересказа, почти полное отсутствие поэтических формул, бедность языка затрудняют его сопоставление с другими записями. Каких-либо подробностей или эпизодов, характерных только для печорской быллинной традиции, в тексте нет. Два сюжета определенно связаны с книжными источниками: вариантом пудожского сказителя Н. Прохорова — «Илья и Идолище» (Рыбн., 118) и сборником Кирши Данилова — («Илья и Калин», № 25; подробнее см. об этом: Новиков, с. 42—43). Рассказ об исцелении богатыря тоже далек от местной обработки сюжета, содержит необычные для нее детали (троекратное угощение Ильи вином, убавление силы вполонину и пр.). В той части, которая посвящена победе над Соловьем-разбойником, слышны отголоски текста Т. Рябинина из Заонежья (Гильф., 75) — освобождение Чернигова, знаменитый финальный монолог Ильи. Сюжет о смерти Святогора содержит некоторые уникальные подробности варианта заонежского сказителя Л. Богданова (Рыбн., 51) — конь советует Илье спрятаться на дереве, Святогор возит жену в «ящике хрустальном» и др. Лишь в способе передачи силы Илье через пену — вероятный след печорской традиции. Приведенные факты позволяют полагать, что С. Маркова пересказала сводную

былину, прочитанную когда-то в книге. (Другие ее тексты также связаны с печатными источниками — см. коммент. к № 29 и 149).

№ 53

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 6, л. 21—29, маш.; БП, № 77 «Илья Муромец и Соловей-разбойник». ФА VI МФ, 329.3.

Зап. Колпаковой Н. П.: 5 авг. 1956 г., д. Тельвиска Нарьян-Марского р-на — от Кузьмина Тимофея Степановича, 68 лет.

«Текст представляет обычное для Печоры объединение былины о Соловье-разбойнике с сюжетом об исцелении. Но в варианте не обнаруживается каких-либо черт, сближающих его с другими записанными на Печоре текстами. Наоборот, в нем проходят (...) мотивы, хорошо знакомые по известным текстам Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга (...). Точного следования, однако, указанным вариантам нет, это свободная композиция, составленная по их мотивам. Вероятнее всего, что здесь мы имеем дело или с пересказом уже готовой обработки, ставшей известной Т. С. Кузьмину из какого-либо книжного источника, или с собственной редакцией, созданной на основе прочитанных им былин.

(...) На первое предположение наводит нашу мысль употребление слова „чудо-богатыри“ (строка 166) и необычное окончание былины (строки 239—246), характерное для книжных обработок» (БП, с. 549, 550). В былине Т. Кузьмина особенно много переключек с вариантом заонежского певца Т. Рябинина (Гильф., 74).

Разночтения БП, № 77

5	По прозванью тут да Илья Муромец
7	И во ту ли пору да вот летнюю
18	Как и стал-то Илья да тут рукой шевелить
31	Наливает-то он верно втору чарочку
41	Кабы столб да в земле да мне до небушка

№ 54

ПИЯЛИ, КЗ, МФ, 500.1 [«Илья Муромец»]; ИРЛИ, ФА VI МФ, 770.1 (копия); звуковое прилож. № 8. Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., сел. Усть-Цильма — от Вокуева Гаврилы Васильевича, 82 г. Повторная запись (см. коммент. к № 50).

В первоначальной записи, сделанной без припоминания, былина оканчивалась стихами:

Одарил-де старого Илью Муромца,
Кабы принял его да на почесен пир,
Кабы всё-то на етом дело кончилось.

В стихе 192 слово «полну» звучит: «поўну».

№ 55

Арх. ФК МГУ, 1980, тетр. 18, № 159, л. 155, рукоп. «Исцеление Ильи».

Зап. Коробушкиным И. В.: лето 1980 г., д. Новый Бор Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Дуркиной Александры Николаевны, 72 г.

Примеч. соб.: «Исполнительница плохо помнит текст, говорит, что переняла его от мужа, умершего после войны» (л. 155).

№ 56

Арх. ФК МГУ, 1980, тетр. 1, № 101а, л. 16 об., 17, рукоп. «Исцеление Ильи Муромца» (пересказ).

Зап. Ивановой А. А.: июнь 1980 г., д. Медвежка Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Кирилловой Матрены Федоровны, 68 лет (уроженки д. Черногорка на р. Нерице).

Примеч. соб.: 1) «М.Ф. и ее муж Онисим Прокопьевич — староверы, поэтому отказались петь, т. к. „петь в пост грех“»;

2) М.Ф. назвала былинку «старинной» и «бывальщиной». Переяла ее от отца Федора Дмитриевича Поздеева.

Многословный, но бедный по содержанию пересказ основных мотивов былины об исцелении Ильи Муромца. Возможна его связь с устной традицией Печоры — старец исцеляет богатыря-сидня водой из разных источников.

№ 57

Арх. ФК МГУ, 1980, тетр. 20, л. 48—52; рукоп.; МФ, кас. 25, ст. 1 (пересказ былины об Илье Муромце).

Зап. Вдовченко Н. В.: лето 1980 г., хутор Алёхино (рядом с сел. Сергиево-Щелья) Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Семеновой Марфы Алексеевны, 63 г. (уроженки д. Барашки).

Примеч. соб.: «Исполнительница назвала пересказ былины сказкой. Слышала она ее от своего деда» (л. 52 об.).

В строках 35, 40, 72, 87, 109, 163 — пропуск слов собирателем.

В пересказе соединены три сюжета: об исцелении Ильи Муромца, о Соловье-разбойнике и Калине-царе (вторая версия). Такой же тип контаминации см. в № 43, 49 и в сводной былине об Илье Муромце (№ 48). В тексте встречаются характерные для местной традиции подробности и формулы (Илья — слепой, он говорит каликам: «Я не то вам подать, я от вас принять готов»; Соловей-Разбойник сидит «на семи дубах, семи поддубках» и др.). Текст дефектный, лексика модернизируется («бутылка», «стопка», «механизация»).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК (№ 58—63)

Одна из самых популярных героических былин, отличающаяся разнообразием деталей, широкой географией бытования основных композиционных типов, которые редко укладываются в рамки одного региона. Во многих районах сюжет осложняется вводными эпизодами, часто контаминируется с другими эпическими песнями об Илье Муромце. «Распространение в XIX и начале XX в. дешевых печатных изданий этой былины и лубочных ее пересказов оказало влияние на тексты некоторых исполнителей» (Аст., I, с. 607). Большинство печорских записей относится к той версии сюжета, которая включает мотив трех дорожек и рассказ о встрече богатыря с разбойниками. В наиболее полных текстах использован также мотив трех застав. Соловью-разбойнику отводится роль последнего, самого трудного препятствия на пути героя. Эта версия зафиксирована и в других районах, порой удаленных от Печоры на многие сотни километров (см., напр., выгозерский вариант, содержащий еще и описание поездки Ильи в ту дорожку, «где женату быть», — Гильф., 271). Эпизод освобождения русского города, осажденного «силой неверной», не характерен для печорской традиции, он отмечен лишь в одном тексте, восходящем к устным источникам (№ 50), и в трех книжных по происхождению вариантах (№ 53, 62 и Прилож. II, № 2). В соседних районах — на Пинеге, Мезени и особенно на Кулое — этот эпизод фиксировался гораздо чаще. Оригинальных деталей и формул в печорских записях немного. Нередко указывается, что на прямоезжей дороге в Киев «мостики нынь подгнили» («приломаны»); Соловей Рахматович сидит «на семи дубах, на семи падубках»; сбив противника стрелой, Илья Муромец «коня подганивал, Соловья на землю не уранивал, на полетике его подхватывал». Длина прямоезжей и окольных дорог измеряется не верстами, а продолжительностью поездки по ним («премой дорогой ехать тебе три года, кривою дорогой ехать тридцать лет» — № 42, см. также № 40, 46, 61). В вариантах из сборника Н. Ончукова (№ 40, 41) и некоторых более

поздних записях (№ 49, 50) в финальном эпизоде нет нарушения Соловьем-разбойником приказа Ильи Муромца свистеть «в полсвиста»; возможно, этот мотив был изначальным в печорской традиции и лишь позднее трансформировался под влиянием лубочных изданий (см. варианты отца и сына Поздеевых, где такая замена очевидна — № 40, 45). В составе контаминированных текстов см. № 40—43, 46—54, 57, 61, а также коммент. к Прилож. III, № 1 и Прилож. II, № 2).

№ 58

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 12, л. 2—6 (полев.), тетр. 3, л. 54 об.— 57 (перебел.); Аст., I, № 69 «Про старого».

Зап. Астаховой А. М.: 15 июля 1929 г., д. Карпушевка Усть-Цилемского р-на — от Носова Самойлы Михайловича, 59 лет.

Текст записан со слов. Исполнитель лишь показал былинный напев, который близок напеву Н. П. Носова (см. нап., Аст., I, XI).

Несмотря на скомканный конец и пропуск некоторых эпизодов, вариант С. Носова в основном передает печорскую редакцию сюжета. Мотив трех застав редуцирован, но в прототексте, видимо, описывалось столкновение богатыря с разбойниками — от него сохранился эпизод с подкопами, в которые «обрюшился» конь Ильи (ср. № 41, а также № 44, где этот эпизод включен в рассказ о попытках дочерей Соловья выручить отца). Описание «наусед-седого» богатыря и его коня встречается еще в нескольких северо-восточных записях (см. № 40, 41, 45, 61, а также Григ., III, 8 — Мезень). В этой былине, повествующей о первой поездке Ильи Муромца (часто сразу после исцеления), такая формула неуместна и может рассматриваться как косвенное свидетельство сравнительно недавнего включения мотивов из «Трех поездок Ильи Муромца» в сюжет о победе над Соловьем-разбойником.

Разночтения Аст., I, № 69

3 Купцей и людей торговых

№ 59

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 11, л. 47 об.—49 (полев.), тетр. 3, л. 50, 51 об. (перебел.); Аст., I, № 48 «Про старого» (отрывок).

Зап. Астаховой А. М.: 13 июля 1929 г., д. Замежное Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Савелия Дементьевича, 62 г.

«Текст представляет лишь отрывок былины, интересный как свидетельство о бытовании ее и по р. Пижме. От былины осталась голая схема. Конец забыт. „Сторожа“ у ворот — очевидно, след позабытого эпизода с подворотней» (Аст., I, с. 608).

№ 60

РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 33, рукоп., л. 6, 6 об. «Про первую поездку Ильи Муромца».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 2 июня 1938 г., д. Лабожское Нижнепечорского р-на — от Тайбарейского Василия Петровича, 73 г.

Былину перенял от Безумова С. А.

Текст содержит основные элементы печорской редакции сюжета; некоторые редкие мотивы и подробности роднят его с вариантом П. Поздеева (№ 40) — глухой намек на заповедь богатыря «не ставать со добра коня», упоминание застав на прямоезжей дороге, «мужиков малокерчан» (у П. Поздеева — «мужики-новотокмяна», см. также № 45). Иронически сниженное описание детей Соловья-разбойника, пытающихся освободить

из плена главу своего рода (строки 109—112), есть еще в одном нижнепечорском варианте (№ 42). Сказитель воспринимал Соловья-разбойника как чудовищную птицу (см. строка 219). Стычка Ильи с Алешей Поповичем во время церковной службы — перенос из местной редакции былины о Дюке Степановиче. Оригинальна формула выпивания богатырской чары зелена вина (строки 169—171). Видимо, при записи отдельные фразы были пропущены, что приводит к нарушению логики повествования (в строках 45—47 не ясно, о каком «залоге» идет речь; в строках 98—100 пропущено какое-то действие героя; судя по строке 105, в разговоре должна была участвовать еще одна дочь Соловья-разбойника).

№ 61

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 146—153, маш., «Илья Муромец и Соловей-разбойник»; БП, № 1 «Илья Муромец».

Зап. Беловановой А. В.: авг. 1942 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Носовой Анастасии Артемьевны, 67 лет.

В строках 35 и 38 исполнительница ошибочно назвала мужиков-разбойников (подорожников, станичников) русскими богатырями.

А. Носова объединила в одно произведение былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец и Калин-царь». (Такие же контаминации см. в № 44, 48.) Первый сюжет дан в обычной для Печоры редакции (мотив трех дорожек, расправа богатыря с тремя «мужиками», заменившими традиционных разбойников). В корне переработан эпизод столкновения Ильи с родственниками Соловья (строки 75—87), он передан не былинным слогом, а стилизован под былинку; единственная эпическая формула (строки 81, 82) перенесена из финальной сцены. Рассказ об отражении вражеского нашествия на Киев представляет собой вторую версию сюжета «Илья Муромец и Калин-царь» (предводитель «силы неверной» не назван по имени). Герой справляется с врагами в одиночку, однако сохранился рудимент более сложного композиционного типа (отказ богатырей служить князю Владимиру — строка 205). В этой части текста преобладают бытовые разговорные интонационные конструкции, далекие от эпического стиля (см. строки 146—151, 209—217, 235 и др.).

№ 62

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 411, л. 531—533, маш.; РФ, № 3, 1957, с. 263, 264; БП, № 35 «Старина про стара казака Илью Муромца» [«Илья Муромец и Соловей-разбойник»]. ФА VI МФ, 209.2.

Зап. Колпаковой Н. П.: 19 авг. 1955 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Ермолина Никиты Федоровича, 70 лет.

Небольшой по объему, но стройный и выразительный вариант. Среди печорских записей стоит особняком, так как относится к той версии сюжета, что распространена в Прионежье и не фиксировалась на северо-востоке; многими особенностями примыкает к рукописным пересказам XVII—XVIII вв. так называемой краткой себежской редакции (см. об этом: БП, с. 537, 538). Устные источники текста Н. Ермолина маловероятны; он повторяет композиционную схему, многие подробности и формулы варианта известного пудожского сказителя Н. Прохорова (Рыбн., 116), который перепечатывался в дешевых популярных изданиях былин. Наиболее показательно повторение специфических особенностей прохоровского текста: на прямоезжей дороге «калиновы мосты все разворочены» (у Прохорова «переворочены»); Илья освобождает «Быкетовец-град» («Бекетовец»), который окружили «литва поганая» («проклята погана Литва»); размышления богатыря о необходимости нарушить «заповедь великую» (строки 18—20 у Ермолина, 36—38 у Прохорова); выражение «замызгал тут собака да по-собачьему» (то же у Прохорова); приезд Ильи в Киев во время обедни и его рассказ о «двух одержках великих» (у Прохорова — «три помешки великие», так как описывается еще и столкновение героя с родственниками Соловья-разбойника). Единственное отступление от прохоровской редакции — отказ Ильи принять дары освобожденных бекетовцев. Все эти подробности отсутствуют в печорских вариантах, связанных с местной традицией. Вместе с тем в тексте Ермолина нет ни одной формулы, характерной для печорских сказителей.

Разночтения РФ № 3 и БП № 35

- 2 А во ту он субботу да во христовскую (БП)
 3 Как в заутренню поспеть ой во стольной Киев-град (РФ)
 11 Как бы в пути-то ле мне да во дорожечке (РФ)
 Как-де бы в пути-то ле мни да во дорожочки (БП)
 12 Ах как рук бы ды своих да не кровавити (РФ, БП)
 16 А все ходят во слезах да во великих (БП)
 26 Мне не надо ведь вашо да злато-серебро (БП)
 38 Ах от свиста-то ты да на колени пал (БП)
 65 Ах пошли тут они ко добру коню (БП)

№ 63

Арх. ФК МГУ, 1980, тетр. 12, № 86, л. 39, 40; рукоп.; МФ, № 4, ст. 1 [«Илья Муромец и Соловей-разбойник»].

Зап. Голосновой Т. Б.: лето 1980 г., д. Карпушевка Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Носова Ивана Егоровича, 83 г.

Замечание исполнителя: «Вот на этом и закончу. Конечно, она дальше была, эта старина. Но тогда я еще молодой был. Отец покойный, он в 70 лет помер, давно уж» (л. 40).

Начало этого прозаического отрывка переключается с сюжетом «Илья Муромец и Сокольник», но далее следует описание боя Ильи с Соловьем-разбойником, в котором использован ряд местных формул. Редкая деталь содержится в наговоре богатыря на стрелу: он велит ей поразить Соловья и вернуться обратно (ср. такие же акценты на точное исполнение стрелой воли хозяина в № 41, а также в некоторых мезенских и кулойских текстах).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ (№ 64—66)

Этот сюжет, один из самых популярных в цикле былин об Илье Муромце (см. Аст., I, с. 594), в печорском эпическом репертуаре занимает скромное место. Большинство вариантов — путаные и невыразительные. Во всех записях действие происходит в Киеве, в двух — непосредственному столкновению героя с противником предшествует нарушение Илейей запрета просить милостыню ради Христа или произносить свое имя (этот мотив популярен на Пинеге, встречается в мезенских и золотицких вариантах — см. Аст., I, с. 595). Как и в других северо-восточных записях, от могучего удара Ильи Идолище вываливается на улицу «со всем ле с простенком межоконным». Обычно подчеркивается нежелание калики поменяться платьем с богатырем, иногда оно получает рационалистическое объяснение (см. коммент. к № 48). Варианты отца и сына Поздеевых осложнены включением сюжета «Илья Муромец и голи кабацкие».

В составе контаминированных текстов см. № 48, 52, 106, 108, а также коммент. к сводному пересказу А. Бажукова (т. 1, с. 301, 320, 502, 510; т. 2, Прилож. VII, № 1).

№ 64

ИРЛИ ФА I ФВ, 1178.1 [«Илья и Идолище»].

Зап. Федоровым Д. Г.: 1914 г., д. Устье Пустозерской вол. — от Усачева Ивана, возраст не указан.

Начало былины о победе Ильи над Идолищем. Близких параллелей в других печорских записях не обнаруживается. В тексте есть оригинальные детали: обычно безымянный калика-вестник здесь назван Васькой Пинежским и к тому же является кумом Ильи Муромца; Идолище напоминает скорее летающего змея, чем великана, как в других печорских вариантах.

Строки 27—29 на фонограмме не прослушиваются.

№ 65

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 66 об., рукоп., л. 8, 9, маш.; РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 4, л. 1, 2, маш.; Л., 1939, № 2; Л., 1979, № 8 «Идолище в Киеве».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 7 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнелечорского р-на — от Остахова Ивана Кирилловича, 65 лет.

Сюжет разработан в традиционном плане, но вместо переодевания Ильи в платье каинки используется чужеродный в эпосе мотив — богатырь изменяет свой облик с помощью «капель старых» (то есть старящих). Отход от традиции, вторжение бытовой лексики чувствуется и в некоторых других подробностях: вместо попа Ростовского Илья вспоминает «маменьку родимую», расправляется с Идолищем, «свистнув взаимно» «кирпичиной», которую он выхватил из печи.

Разночтения Л., 1939, № 2 и Л., 1979, № 8

	3	Ушищи — как сильны блюдища (1939; 1979)
	9	Скрылся старой да во городе (1939)
	14	Чтобы не поминали Ильи Муромца (1939)
После	20	Сидит Идолище поганое (1979)
	21	За одну щеку кладет тот буханочку (1939)
	29	Попросил он у солнышка (1939)
		Попросил он у солнышка Владимира (1979)
	30	Подать милостыню ради Христа (1939)
	34	Свистнул он в калику переходящую (1979)
	36	Увернул он от ножа булатного (1939)
	39	Свистнул взаимно во черны груди (1939)
		Свистнул взаимно во черны груди (1979)
		(Гостинцы!)

№ 66

Арх. ФК МГУ, 1980, тетр 1, № 357, л. 41, 42, рукоп. МФ, кас. 19, дор. 2 «Илья и Тугарин».

Зап. Ивановой А. А.: июнь 1980 г., д. Среднее Бугаево Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Носова Степана Афиногеновича, 78 лет (уроженца д. Загривочная на р. Пижме).

Попытки припомнить содержание былины «Илья Муромец и Идолище», видимо, читанной исполнителем в молодости (см. его заключительные ремарки). Отказ Ильи «кровавити палаты царские» — мотив, не известный устной печорской традиции.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК (№ 67—99)

Подавляющее большинство записей этой былины сделано на европейском Севере России. Северо-восточные редакции сюжета (печорские, мезенские, кулойские, часть золотницких и поморских текстов) принадлежат к одной версии, для которой характерно развернутое описание богатырской заставы, «введение в качестве действующего лица (а не только упоминаемого) матери (...) изображение охотничьих атрибутов Сокольника (ловчие звери и птицы)» (Аст., I, с. 611); сына Ильи Муромца обычно именуют Сокольником или Подсокольником. Отдельными элементами с этой версией перекликаются некоторые кенозерские записи, а также два очень близких друг другу варианта из Шенкурского (Кир., I, с. 46) и Архангельского (Кир., IV, с. 6) уездов, которые неоднократно перепечатывались и обрабатывались составителями популярных сборников и хрестоматий. В Печорском крае былаина о бое Ильи Муромца с сыном занимает первое место по количеству записей (свыше 30),

большинство стихотворных вариантов отличается высокими художественными достоинствами. На протяжении почти целого столетия местная редакция сюжета устойчиво сохранялась в живом бытовании, ее специфические особенности легко обнаруживаются даже в дефектных, полузабытых текстах и отрывках (см. коммент. к № 78, 114, 313, Прилож. I, № 18—22 и др.).

Около половины печорских записей сделано в нескольких деревнях на реке Пижме, их уроженцы занесли местный извод былины в другие районы Печорского края (см. коммент. к № 78, 85, 98). Пижемские варианты отличаются устойчивостью композиции, богаты оригинальными деталями и выразительными формулами, не встречающимися в других северо-восточных записях, в том числе и в текстах с Печоры. Среди богатырей, охраняющих Киев на заставе, называется Мишка Торопанишка, «рода торопливого»; в описании Сокольника используется отрицательный параллелизм («Не Буян ле славной остров там шатайтсе, да не Саратовы ле горы да знаменуютсе»); отводя богатырей, которые не смогут одолеть врага, Илья Муромец говорит: «За невид („незавид“) потеряет буйну голову»; отправляя опозоренного Алешу (или Добрыню) на заставу, Сокольник иронически передает «низкой поклон» Илье и предупреждает: «Да пускай вами, г(овнами), не заменяетця, самому ему со мной не поправитцэ»; чудесное избавление Ильи от смертельной опасности во время поединка («вдвое-втрое силы прибыло») обычно сопровождается формулой, связанной с морскими впечатлениями: «Вдруг не ветру полоска да перепыхнула» (ср. один из мезенских текстов — Григ., III, 42); временное поражение богатыря мотивируется его хвастовством: «Подоспело („спутало“, „попутало“, „сретило“) его слово похвальнёе»; мать Сокольника нередко называется «поляницей да одноокой». Некоторые подробности и формулы роднят пижемские варианты с записями со Средней Печоры: богатыри стоят на заставе «недалёко от Киева, за двенадцать вёрст»; Сокольник прямо в седле пишет «ярлыки скоры грамотки»; догнав противника, Добрыня говорит ему: «Если русьской богатырь, то поворот даю, если не русьской богатырь, то я напуск держу»; возвратившись к матери, Сокольник обзывает Илью «собакой яржливой», «старой коровушкой базыковой». В пижемских текстах встречаются некоторые формулы, известные по записям из других северо-восточных районов, но не зафиксированные на Средней и Нижней Печоре: Добрыне ведут коня «с семи цепей, с семи розъезей» («с восьми ремней»); различные виды оружия обобщенно обозначаются словом «бой» («тем боем друг друга не ранили», «бросили тот бой на сыру землю»). Вместе с тем в пижемском изводе отсутствуют отдельные эпизоды и общеэпические формулы, имеющиеся в других печорских записях, — ни в одном варианте не рассказывается о рождении и детстве Сокольника, нет формулы «по колена в землю утопталися», «видно, старому мне замены нет»; не упоминается, что Илье «в поле смерть не писана». Специфические особенности этого извода наиболее полно представлены в былинах Федосьи Чуркиной, Еремея и Леонтия Чупровых (№ 67, 88, 91).

Обилие оригинальных формул и подробностей не выводит пижемские тексты за пределы печорской редакции сюжета. Как правило, они касаются частных, словесного оформления общепечорских мотивов и эпизодов; сюжетная схема былины во всех уголках этого обширного региона остается неизменной. К тому же целый ряд своеобразных формул зафиксирован на всей территории Печорского края. Это — угрозы Сокольника взять Илью Муромца «в прикащики», Добрыню — «во писари», Алешу — «чашки-ложки мыть» и т. д.; описание его расправы с Добрыней или Алешей («Да и дал ему по ж(опе) два потяпыша, да и прибавил ему два алабыша») (за пределами печорского региона эти два мотива отмечены лишь в одном мезенском варианте — Аст., I, 2); надежды Ильи на легкую и скорую победу («А не успеете вы шей котла сварить, да привезу погану да буйну голову»); упреки Сокольника матери («Тебя зовет б(лядкой), а меня выб(блядком)») и ее ответ («Не пустым-то молодець похвалятцэ») (предпоследняя формула зафиксирована однажды на Мезени — Аст., I, 20). Если в других редакциях сюжета Сокольник подбрасывает «под облаки» палицу или меч, на лету подхватывает оружие и угрожает Илье Муромцу («Как я владею палицей, так владеть мне старым казаком»), то в печорских текстах этой угрозы нет, Сокольник «тешится» стрельбой из лука, на лету подхватывая выпущенную стрелу. Лишь в двух вариантах упоминается «палочка», причем в одном из них — вместе со «стрелочкой» (№ 76, 79). Своеобразна печорская формула, выражающая недовольство киевских богатырей вызывающим поведением «нахвалящика»: «Нас ничем зовет, ни во что кладёт». Подробное изложение предыстории Сокольника, характерное для среднемезенской редакции и некоторых других вариантов (см. Аст., I, с. 611), на Печоре встречается в 4 текстах (по 2 с низовьев и среднего течения — см. № 74, 76, 84, 87).

В составе контаминированных текстов см. № 48, 52.

№ 67

Онч., № 1 «Застава богатырская» [«Илья Муромец и Сокольник»].

Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Чуркина (на р. Пижме) Усть-Цилемской вол. — от Чуркиной Федосьи Емельяновны, 55 лет (уроженки д. Аврамовской на р. Пижме).

«Эту былинку знала твердо и спела прекрасно» (Онч., с. 4).

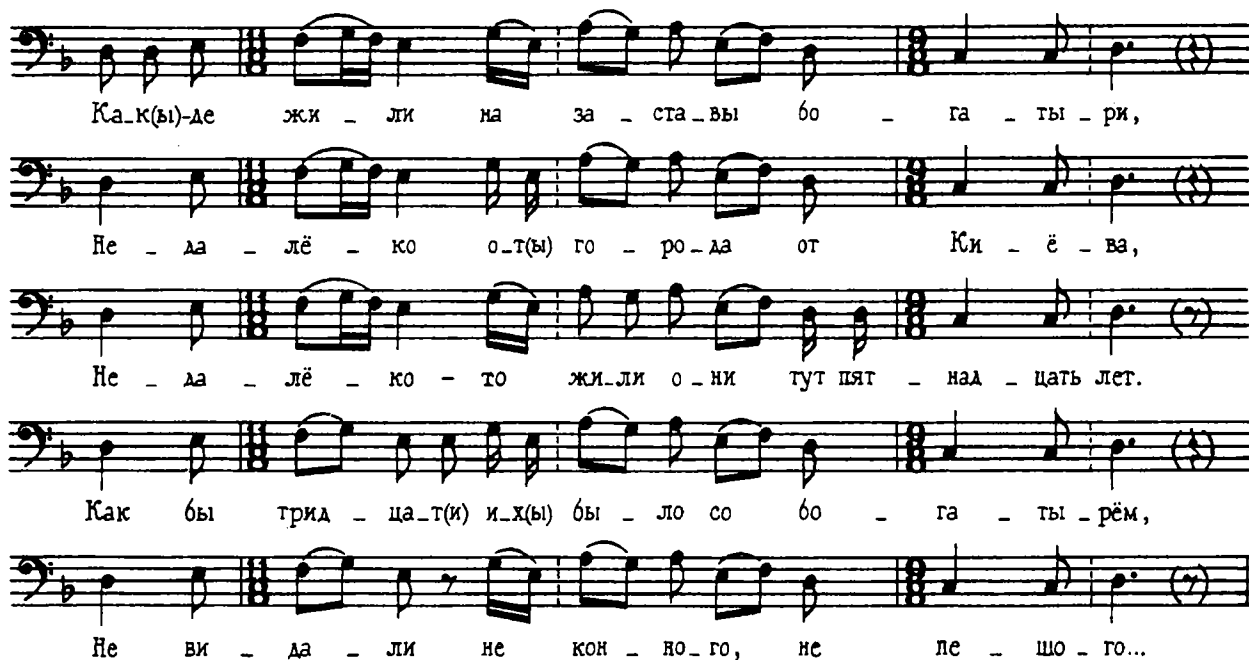
Самый полный печорский вариант былины; первая по времени фиксация охарактеризованного выше пижемского извода. Перечисляя богатырей, стоящих на заставе у Киева, певица назвала 17 имен, среди них и Скопина Ивановича. (Случай единственный, но закономерный, так как в этом районе историческая песня о смерти Скопина приобрела многие черты былин.) Интересно редкое для местной эпической традиции упоминание «славного поля Кулигова» (строка 59, ср. № 89), а также описание чудесных перьев морского орла в строках 72—76 (ср. № 69 — в другом контексте). Подобная формула часто встречается в былине о Дюке Степановиче, но на Печоре она отмечена лишь в одном варианте этого сюжета (№ 139). Необычный штрих — включение воробья в состав «охоты» Сокольника (см. также № 73). Ф. Чуркина — одна из немногих печорских сказителей, которые ввели в былинку краткое воспоминание Ильи Муромца о его бое с матерью Сокольника (см. № 68, 84, 87, 88).

В подстрочнике восстановлен выпущенный собирателем при публикации отрывок былины (строки 50—99).

Примеч. соб. к строке 29: «Больше богатырей Ф. Е. вспомнить не могла, как ни старалась, но сказала, что прежде помнила всех».

31 июля 1956 г. отрывок былины, записанной от Чуркиной, спел Суслов Никандр Иванович, имея перед глазами сборник Ончукова (ИРЛИ, ФА VI МФ, 324.1. звукозапись Ф. В. Соколова в д. Лабожское Нарьян-Марского р-на Архангельской обл.):

 = 144

Ка_к(ы)-де жи - ли на за - ста_вы бо - га - ты - ри,
 Не - да - лё - ко о_т(ы) го - ро_да от Ки - ё - ва,
 Не - да - лё - ко - то жи_ли о_ни тут пят - над - цать лет.
 Как бы трид - ца_т(и) и_х(ы) бы - ло со бо - га - ты - рём,
 Не ви - да - ли не кон - но_го, не ле - шо - го...

Как-де жили на заставы богатыри,
 Недалёко от города от Киёва,
 Недалёко-то жили они тут пятнадцать лет.

Как бы тридцать их было со богатырём;
 Не видали не конного, не пешого,
 Не прохожого оне тут, не проежжого,
 Да не серай тут волк и да не прорыскнвал,
 Не ясен-то сокол да не пролетывал...

Н. И. Суслов был остановлен, поэтому дальше не пел.

№ 68

Онч., № 6 «Бой Ильи Муромца с сыном».

Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., сел. Замежное (Замег) Усть-Цилемской вол. (на р. Пижме) — от Осташова Анкудина Ефимовича, 78 лет.

А. Осташов опустил описание неудачных попыток других киевских богатырей противостоять Сокольнику, на бой с ним сразу выезжает Илья Муромец. В остальном текст не выходит за рамки пижемского извода, хотя и не содержит всех его деталей и подробностей. Сравнение Ильи с выпархивающим «куропатем» — перенос из былины «Илья Муромец и Калин-царь» (см. также № 72). Формула «заневид потеряшь буйну голову» обращена к Сокольнику, а не к одному из русских богатырей, как обычно.

№ 69

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 13, л. 42—53 об. (полев.), тетр. 3, л. 72—77 об. (перебел.); Аст., I, № 87 «Недалеко от Киева» [«Про старого»].

Зап. Астаховой А. М.: 21 июля 1929 г., д. Климовка Усть-Цилемского р-на — от Торопова Николая Самсоновича, 79 лет, и Поздеева Михаила Алексеевича, 33 г.

В перебеленной записи и полевой (тетр. 13, л. 52 об.) в строке 194 после первого слова — пропуск.

«Текст представляет самый полный и стройный вариант даинной былины из записанных иами на Печоре, очень близок к тексту Чуркиной (Онч., № 1, 67 нашего издания), но короче его». (Аст., I, с. 614). Н. Торопов использовал редкие на Печоре формулы: описание «пера ёрлиного» (строки 45—51), пышущей огнем стрелочки (строки 39—40). Необычен эпитет «Долгополы два брата полонённые» (ср. № 89 и дополнение Г. Чупрова к тексту Е. Чупрова — коммент. к № 70); именно этим обстоятельством Илья мотивирует отвод братьев («А от не нашей земли они, неверьные, а доспеют бы изменушку великую»).

Разночтения Аст., I, № 87

27	Как гледел ле смотрел на все стороны
68	Как цитает Дунэй, сам рассказываѣт
148	Посмотреть он хоѣѣт его ретиво серьѣѣ
152	Ты какого отѣя да какой матери
158	Застоелась его дак во локтю рука
194	Он хватил ле тут матушку родимую

№ 70

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 10, л. 3 об.—12 (полев.), тетр. 3, л. 2—9 об. (перебел.); Аст., I, № 57, нап. IX «Про старого». ФА I ФВ, 656.2; СП, нап. с. 51, 52; БРМЭ, № 59а, нап. с. 305.

Зап. Астаховой А. М.: 10 июля 1929 г., д. Аврамовская Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Еремея Провича, 39 лет.

Начало былины в исполнении братьев Чупровых (Еремея, Якова, Климентия) и сына Еремея Провича — Лариона записано на фонограф:

$\text{♩} = 88$

Ай, да не близ-ко(у) от го(у)-ро-да не да-лё-ко(у) же,

Не да-ле-ко(у) от Ки-е-ва-за две-нац-цать вёрст,

Там и жи-ли на за-ста-вы бу-га-ты-ре,

Ка-ра-у-ли-ли - хра-ни-ли столь-ней Ки-е-в да град.

При записи на фонограф строки 9—15 были пропущены. В полев. тетр. строки 13—15 записаны вне текста. Гаврила Иванович Чупров (из той же деревни) дополнил перечисление богатырей на заставе:

Ещё было два брата Долгополых,
Долгополыи два брата, полонёныи:
Лука-де, Матвей, дети Петровичи.

См. также № 69, строки 9, 10.

В 1978 г. экспедицией МГУ записан текст былины об Илье Муромце и Сокольнике от племянницы Е. П. Чупрова Марфы Никифоровны Поташовой (см. № 95), которая переняла её от дяди (см. коммент. к № 95). От второй племянницы — Мяндиной Евдокии Малафеевны, записаны тексты № 92, 93.

Былина записана от Е. Чупрова трижды (см. № 81 и 88). Несмотря на прозаическое окончание, эти варианты относятся к числу лучших печорских записей «Ильи Муромца и Сокольника», включают практически все специфические особенности пижемского извода. Через 35 лет после первой записи Чупров почти дословно повторил свой первый вариант, на том же месте прекратил пение и перешел на прозу. (В 1955 г. это окончание не было записано — собиратель ограничился собственным его пересказом.) В стихотворной части разночтения выразились в пропуске отдельных строк и дополнений текста единичными стихами, замене некоторых слов и выражений синонимами («поправитцэ» — «справиться», «в полон возьму» — «под меч клоню» и т. п.); в повторной записи есть лишь одна новая подробность, традиционная на Пнжме, — мать Сокольника названа «богатырицей одноокой». Устойчивой по содержанию и словесному оформлению оказалась и прозаическая часть былины; в записи 1964 г. чуть подробнее рассказано о связи Ильи Муромца с матерью Сокольника, о рождении и детстве его сына, а также введено рационалистическое объяснение того факта, что соратники Ильи не предотвратили нападения Сокольника на спящего богатыря («от страху убежали все»). Интересно варьирование социально-этнической принадлежности Сокольника: выезжая на бой, Илья обещает привезти «тотарську буйну голову» (запись 1929 г.), «боярьскую» (1955), «царскую» (1964); в былине Ф. Чупрова, считавшего Е. Чупрова своим учителем, — «татарскую» (№ 85).

Разночтения Аст., I, № 57

1	Ай да не близко от города, не далёко ж не
2	Не далёко от Киева — за двенадцать вёрст
4	Караулили, хранили стольнёй Киев да град
6	Не прохожёго ой ни да ле приезжёго
14, 15	следует после 6. Вариант 15: пробегиват
59	Заевид потерят свою буйну голову

Былина была записана 15 окт. 1965 г. на ВСГ «Мелодия» (Москва): грампластинка Д-025677,

№ 71

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 9, л. 14 об.—19 (полев.), тетр. 4, л. 1—4 об. (перебел.); Аст., I, № 79 [«Илья Муромец и сын»].

Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Поздеева Ивана Петровича, 64 г.

От отца исполнителя, П. Р. Поздеева, былина на этот сюжет не записана (Аст., I, с. 614).

В перебеленном тексте к строке 57 в скобках добавлено: «таковы слова» (л. 3).

Относится к редакции, к которой восходят многие печорские варианты этого сюжета, но вместе с № 72 выделяется особым концом: эпизодов покушения на жизнь Ильи и гибели сына нет, кроме того, эпизод с крестом передвинут в середину былины. В каждом из этих вариантов есть традиционные печорские подробности и формулы, отсутствующие в другом. Сын Ильи Муромца не назван И. Поздеевым по имени; в погоню за ним первым выезжает Алеша Попович, а не Добрыня, как в большинстве печорских текстов (см. также № 48, 73, 74, 81, 87). В комментируемом варианте это — результат механической замены имен, поскольку Алеше приписываются качества, свойственные обычно Добрыне («роду вежливого и очеславного» и т. д.).

№ 72

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 8, л. 23—31 об. (полев.), тетр. 2, л. 29 об.—34 (перебел.); Аст. I, № 70 «Сокольник».

Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Носова Василия Прокопьевича, 65 лет.

К В. П. Носову во время исполнения былины присоединились Иван Григорьевич Носов, 40 лет, и Авдотья Игнатьевна Дуркина, 60 лет.

Запись на ФВ 7 июля 1929 г. Е. В. Гиппиусом и Э. В. Эвальд. — ФА I ФВ, 598.1.

$\text{♩} = 100$

Ой и на го - рах то, го - рах да на о - ка - ти - с(ы) - тых
 Сто - я - ли на за - ста - вах бо - га - ты - ри,
 Сто - я - ли на за - ста - вах бо - га - ты - ри,
 А трид - цать кля - зей да при - бо - га - ты - их .
 А в пер - вых ста - рой да Иль - я Му - ро - мец,
 Во вто - ры - ех Ду - най да сы - н(ы) И - ва - но - виць,
 Во треть - их До - б(ы) - ры - нюш - ка Ми - ки - тич сын...

В полевой записи (тетр. 8, л. 23 об.) и перебеленной после 15 строки неполная строка: «А на... старый». В 157 строке перебеленной записи на месте слова «паленица» — пропуск, в полевой записи — неопределенный значок (тетр. 8, л. 31).

Обилие совпадений с предыдущими текстами — наглядное свидетельство большой близости устьицелемских и пижемских вариантов, их принадлежности к одной редакции сюжета. Необычна развязка былины — примирение Ильи Муромца с сыном (см. также предыдущий текст). Эпизод с крестом, спасающим Илью от смерти, перенесен из традиционного финала в описание поединка. Сравнение богатыря с белым куропатом заимствовано из сюжета «Илья и Калин» (см. также № 68).

Подробнее о былине см. Астахова, 1, с. 613, 614.

Разночтения Аст., I, № 70

- 67 А и тут стал Добрынька им рассказывать
 106 Кабы левая рука опустилася
 159 А ще как та нонече паленица, право, Златыгорка

№ 73

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 63, 63 об., рукоп. «Илья Муромец и Сокольник»; РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 33, л. 1, 1 об., рукоп.; Л., 1979, № 6 «Про Сокольника».

Зап. Леонтьевым Н. П.: в начале 1938 г., д. Голубково Нарьян-Марского р-на — от Маркова Игнатия Терентьевича, 80 лет.

Строки 41, 100, 101, 115, 138—145, 159, 172 даны по рукописи, хранящейся в РГАЛИ. Там же примеч. соб.:

1) к строке 176: «После описания расправы Сокольника с матерью Игнатий Терентьевич выражает свое удивление: „Самому только 12 лет, а вон какой непобедимый Егорий был“»;

2) к строкам 189—195: «Строчки „крест серебряной в полтора пуда“ и дальше — „Илью посмотреть еще мертвого“ — не то составная часть текста былины, не то замечание сказителя, т. к. он не пел эти строчки, а сказал обычным тоном»;

3) на л. 1 об.: «Закончив петь, Игнатий Терентьевич сказал: „Старина эта исконна. Уж, видно, люди были таки могутны, вот про них и пели“».

В былине И. Маркова, наряду с чисто печорскими формулами (зачин — описание заставы, угрозы Сокольника, его расправа с Алешей Поповичем, диалог с матерью и др.), встречаются элементы, характерные для мезенских редакций (от рева Сокольника валяются с ног богатырские кони Алеши и Ильи). Своеобразен способ нападения Сокольника на спящего Илью Муромца — стрельба заговоренной стрелой; формула заговора ближе всего к той, которая встречается в первой версии былины «Илья Муромец и Калин-царь» (на Печоре эта версия не записывалась).

Разночтения Л., 1979, № 6

- 11 У нас же — де во поле по-старому
 15 И ломает наши яблоки кудрявые
 23 Заходит тут Илья во белой шатер
 31 Он поехал к удалому добру молодцу
 35 Ты зачем залетела в зелены сады (*неспрося*)
 41 отсутствуют
 63 Седлал он седло черкасское
 После 88 ремарка (друг на дружку)
 100,101 отсутствуют
 110 Вынимает кинжалище — булатен нож
 115 отсутствует
 119 И сбросил он Сокольника со могучих плеч
 121 Вынимает он кинжалище — булатен нож
 Вместо 137 В плече рука остоялася (*опять не может убить*)
 38—145 отсутствуют
 159 отсутствует
 161 Жил я там ровно полмесяца
 171 Не видал ли ты старого на поле
 172 отсутствует
 181 А сам ко стрелы приговариват

№ 74

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 72, 72 об., рукоп.; РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед.хр. 8, л. 1—10, маш.; Л., 1939, № 3; Л., 1979, № 7 «Илья Муромец и Сокольник».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 1 июня 1938 г., д. Лабожское Нижнепечорского р-на — от Тайбарейского Василия Петровича, 73 г.

Былину перенял от Дитятева А. И.

Строка 41 публикуется по Леонт., № 3, 1939; в рукописи эта строка — «Впереди его бежит большой левый зверь».

В рукописи пропуски и примеч. соб.:

1) после строки 205: «и т. д. до слов „ретиво сердце“»;

2) после неполной строки 210: «и т. д. до слов „ни твоего отца, твоей матери“»;

3) после строки 223: «и т. д. до слов „величают удалого по отечеству“».

Пропущенные места восстановлены по соответствующим строкам рукописи: 187—189, 192—203, 187—195.

Подробный рассказ о детстве Сокольника, открывающий эту былину, роднит ее со среднемезенской редакцией сюжета. (На Печоре записано еще 3 текста с таким началом — см. общий обзор вариантов.) В остальном былина В. Тайбарейского не выходит за рамки местной традиции, отличаясь, как и другие тексты этого сказителя, стройностью композиции, отточенностью поэтических формул (см., напр., описание «охоты» Сокольника, его угрозы киевским богатырям, рассказ о том, как Илья снаряжается для боя и выезжает на поединок). Особенно впечатляюще гиперболизированное описание падения Ильи «на сыру землю» в строках 167—170. Сказитель употребляет глагол «пасти» в его древнем значении («пасут-берегут стольной Киев-град»); у других печорских певцов «караулили-храннли», «берегли-стерегли».

Разночтения Л., 1939, № 3 и Л., 1979, № 7

7	Он вздымать замог палицу буёвую (1979)
30	Не ради басы, а ради крепости (1979)
38	И поехал он ступцой по чисту полю (1979)
39	отсутствует (1979)
41	Впереди его бежит большой черной медведь (1979)
42	отсутствует (1979)
49	Он разметыват их по полю чистому (1979)
57	Эту крепкую заставу великую (1939, 1979)
63	В одних беленьких чулочках без чоботов (1979)
71	Говорит тогда старой да таковы слова (1979)
86	Уж ты серая ворона пустоперая (1939)
	Ух ты, серая ворона пустоперая (1979)
109	Не по-старому едет, не по-прежнему (1939, 1979)
113	И стал Олешка рассказывать (1979)
117	Он Добрынюшку Микитича — во писарн (1979)
133	Увидели: во поле курева стоит (1979)
148	Не до вас стало, не до вас пришло (1979)
154	Еще все ихны сабельки исщербилси (1979)
159	По насадочкам их копья изломалися (1979)
164	Еще бродят молодцы по колен в земле (1979)
176	Пресвята мать божья богородица (1979)
183	Завернулся он ему на черны груди (1979)
184	Разрывал он ему да латы-панцыри (1979)
186	Вынимал он кинжалище — булатный нож (1979)
188, 222	Мешать собаке кровь со печенью (1979)

- 195, 229 Как тебя, молодца, именем зовут (1979)
 204 Вынимал старой кинжалище — булатен нож (1979)
 207 Вынимать его ретиво сердце (1979)
 208 В заведи рука права остоялася (1979)
 219 И хотел вынимать ретиво сердце (1979)
 222 Вынимал Илья Муромец кинжалище — булатен нож (1979)
 223 И хочет он пороть груди черные (1979)
 224 Мешать собаке кровь со печенью (1979)
 225 Вынимать его ретиво сердце (1979)
 226 В заведи рука права остоялася (1979)
 230 отсутствует (1979)
 239 И брал его за белы руки (1979)
 246 И поехал он к морю холодному (1979)
 255 Уж ты ой еси, чадо любимое (1979)
 264 И ссек у ней со плеч буйну голову (1979)
 269 И поехал он к старому Илье Муромцу (1979)
 270 отсутствует (1979)
 278 В одной беленькой рубашечке и без пояса (1939)
 В одной беленькой рубашечке без пояса (1979)
 279 В одних беленьких чулочках и без чоботов (1939)
 В одних беленьких чулочках без чоботов (1979)
 280 отсутствует (1979)
 284 И кончил тогда его вечну жизнь (1979)

№ 75

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 67, 68 об., рукоп., л. 10—15, маш. «Про Сокольника»; РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 43, л. 6—9, рукоп.; Л., 1979, № 5 «Про Сокольника» [«Илья Муромец и его сын Сокольник»].

Зап. Леонтьевым Н. П.: 7 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на — от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.

В рукописи встречаются строчки точек, пропуски отдельных слов и стихов, которые восстановлены на основании указаний собирателя: строки 34—37, 57—60, 62, 63, 74—77, 91, 92, 95, 96, 126, 127, 132—136, 139—141. В строке 130 рукою соб. исправлено «не отца, не матери» на «ни отца, ни матери».

Одна из первых записей этого сюжета на Нижней Печоре. Общее построение былины и некоторые формулы типичны для местной редакции (описание поездки Сокольника, его диалог с матерью). Однако в тексте есть особенности, роднящие его с мезенскими записями: на заставе стоят только три богатыря — Илья, Добрыня и Алеша; Сокольник устрашает Добрыню своим ревом, от которого «у Микиты конь в окорачь пошел» (ср., напр., Аст., I, 11, 20).

Разночтения Л., 1979, № 5

- 11 На полете он стрелочку подхватыват
 14 На правом плече — млад ясен сокол
 18 Соборны церквн сделаю конюшнями
 19 Чудны образы я во грязь стопчу
 20 Самому князю голову срублю
 21 А саму княгинюшку с собой возьму
 23 Будил он Олешеньку Поповича

- 42 Не ради басы, а ради крепости
 43, 77 Не оставил бы молодца в поле добрый конь
 73 Седлал он, уздал да коня доброго
 81 Говорит-то старой таково слово
 85 Хватали они копыя очень вострые
 98 Схватились они в охачпку
 116 Смахнул он невежу со белых грудей
 121 Увидел у Сокольника на правой руке
 125 Ты коего, молодец, роду-племени
 128, 136 Сидел бы у тебя я на белых грудях
 130, 137 Не спрашивал бы ни отца, ни матери
 132, 139 Ты коего, молодец, роду-племени
 133, 140 Ты коего, молодец, да отца-матери
 135, 141 Как тя, молодец, да именем зовут
 136 Не спрашивал бы ни роду, ни племени
 142 И сказал Сокольник старому Илье Муромцу
 После 155 Говорит-то его Сокольник
 157 Ехать на заставу мне-ка время нет
 158 В третий раз старой его упршивал
 186 Соскочил-то старой на резвы ноги

№ 76

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 95—102, маш.; БП, № 10 «Илья Муромец и сыи».

Зап. Митропольской Н. К. и Переваловой Е. И.: авг. 1942 г., д. Среднее Бугаево Усть-Цилемского р-на — от Мяндиной Елены Григорьевны, 69 лет (уроженки д. Карпушовка).

Былину переняла от отца Г. В. Дуркниа.

Данный текст по развитию сюжета отличается от известной по прежним записям среднечорской редакции (БП, с. 529).

Основа сюжета, содержание и оформление ключевых эпизодов традиционны. Вместе с тем многие особенности текста правомерно связывать с личным творчеством исполнительницы, ее попытками «осовременить» древнюю эпическую песню. Сцены, пронизанные «драматическим лиризмом», «психологическим осмыслением взаимоотношений героев» (БП, с. 18), подчас лишены образного начала, невыразительны и многословны, а стих в таких эпизодах скорее напоминает рубленную прозу (см., напр., строки 205—215, 240—244). До Ильи Муромца на бой с Сокольником поочередно выезжают три других богатыря, социальная принадлежность которых четко разграничена: «Василий, сын крестьянский», «Алешенька, сын поповский» и «Добрынюшка, сын купеческий». Подробное описание их неудачных переговоров с Сокольником, наряду с многочисленными психологическими комментариями, приводит к разрастанию текста до 250 строк. Эпизод временного поражения Ильи Муромца опущен — богатырь сразу побеждает соперника. В тексте много новых слов и выражений, не характерных для языка эпической поэзии («защитник всему нашему народу», «винтовочки заряженные», «пули», «юный сын», «христианский сын» и др.). Интересен заговор Сокольника на оружие (строки 23—27), не встречающийся в других записях из северо-восточных районов. Певица переосмысляет некоторые постоянные эпитеты, иногда довольно удачно, напр., «копье долгометное» (в другом тексте она использовала традиционный эпитет «отецко копье менно долгомерно» — № 49). Употребление словосочетания «седлышко зеркальное» — (строка 59) — не редкость в новых печорских записях (см. № 46, 79 и др.).

Примеч. в БП, № 10: к строкам 12, 13: «...явная оговорка в эпитетах, ср. стихи 151, 152».

К строке 51: «С Добрынюшкой» — случайная вставка, ср. стихи 54, 55».

№ 77

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 40—42, маш., «Илья Муромец и сын»; БП, № 22 «Про Илью Муромца».

Зап. Разумовой А. П.: авг. 1942 г., д. Уег Усть-Цилемского р-на — от Дуркиной Марфы Дмитриевны, 70 лет.

Исполнительница смогла припомнить полтора десятка строк из начала былины, остальные эпизоды рассказала прозой. Сюжетная схема пересказа и некоторые специфические детали, обычные в печорской редакции сюжета, свидетельствуют о связи этого текста с устной традицией. Рассказ Ильи о его знакомстве с матерью Сокольника («Я у твоего тятеньки жил во конюхах») отдаленно перекликается с сюжетом «Дунай и королева», который на Печоре не зафиксирован. «В стиле пересказа заметно воздействие сказки (сказочная формула „долго деется, скоро сказывается“; концовка-приказка: „Тут и конец, а мне кривой жеребец“; имя героя — Иванушка Сокольничек). На Добрыню перенесена традиционная характеристика Алеши Поповича» (БП, с. 543).

№ 78

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 117, маш. «Застава богатырская»; БП, № 30 «Илья Муромец» (отрывок).

Зап. Сапожниковой Д. Я.: авг. 1942 г., д. Крестовка Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Макара Ивановича, 66 лет.

В исполнении былины «проявляется свойственная М. И. Чупрову манера придавать повествованию шуточный сниженный тон» (примеч. соб.: БП, с. 536).

Начало былины — описание богатырской заставы. Упоминание Мишки Горопанца позволяет отнести этот фрагмент к пижемскому изводу сюжета «Илья Муромец и Сокольник» (М. Чупров родом из Абрамовской на р. Пижме).

№ 79

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 425, л. 567—579, маш; БП, № 43 «Про Сокольника». ФА VI МФ, 213.3; МФ, 212.4 (конец).

Зап. Колпаковой Н. П.: 25 июля 1955 г., сел. Усть-Цильма — от Дуркина Тимофея Семеновича, 84 г.

Былину усвоил от дяди со стороны матери — Дуркина Семена Васильевича, жившего в д. Кемгорт Усть-Цилемского р-на.

Из-за преклонного возраста и болезненного состояния Т. Дуркин спел всего несколько начальных строк былины, остальное сказывал. Тем не менее его текст свидетельствует о том, что «Тимофей Семенович в прошлом был несомненно незаурядным исполнителем былин» (БП, с. 135). Сказитель любит детализированные описания, развернутые троекратные повторы, имеет в своем арсенале яркие и выразительные формулы (см. строки 21—25, 121—140, 209—231 и др.). Несмотря на сказывание, в большом по объему тексте (более 350 строк) почти нет прозаизмов. Былина Т. Дуркина безупречна в композиционном плане; в ней последовательно выдерживается противопоставление Добрыни и Алеши. Предварительная характеристика богатырей подтверждается содержанием их вопросов, обращенных к Сокольнику, и реакцией последнего — Алешу он избивает, с Добрыней ведет переговоры. (В других печорских записях Сокольника пытается задержать либо Алеша, либо Добрыня.) Уникально описание панорамы, открывающейся перед Ильей Муромцем, осматривающим окрестности в подзорную трубу (строки 30—49). С эпической обстоятельностью перечисляются 8 разных направлений, а природные особенности каждой «сторонки» в точности соответствуют географическому окружению Печорского края (на юго-западе — «леса темные, дремучие», на западе — «грязи черные, болота зыбучие», на северо-западе — «снежные горы непроходимые» и т. д.). В этой формуле в качестве постоянных эпитетов использованы некоторые областные слова — «в сторонку подшелонную» (юго-западную), «подглубничную» (северо-западную). Выразительной

деталью, не имеющей аналогии в других текстах, сказитель дополнил традиционную формулу, описывающую возвращение избитого Сокольников Алеша: «Он лягается на коне, как худа ворона».

Перед исполнением полного текста былины Т. С. Дуркин спел вариант ее начала:

♩ = 88

Не да лё ко от(ы) го ро да (а) от(ы)
Ки ё ва,
Не да лё ко бы ло, за две -
над це т(и) вёрст,
Бы ла за ста ва бо -
га (о) ты р(и) ська.
Уж и жи ло ту ты триа цеть у да лы х(ы) доб рых
мо лод цов.
Как хра ли ли о ки, ка ра ву ли ли сто., сто ль нёй
Ки ё в(ы) град...

Недалёко от города от Киёва,

Недалёко было, за двенадцать вёрст

Была застава богатырьска.

Уж и жило тут тридцать удалых добрых молодцов.

5 Как хранили они, каравулили сто..., стольнёй Киев-град.

(БП, с. 539—540)

Разночтения БП, № 43

- 2 Недалёко ли во чистом поле за двенадцать верст
 114 А надо было послать Добрынюшку Микитича
 231 Дралисе они, помесили матушку сыру землю до колена
 293 От той от матушки Золотыгорки

№ 80

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 24, л. 130—134; маш.; БП, № 91 «Про Илью и Сокольника». Звукозаписи нет.

Зап. Колпаковой Н. П.: 25 июля 1956 г., д. Осколково Нарьян-Марского р-на — от Поздеева Павла Николаевича, 64 г.

«Текст принадлежит к основному печорскому типу обработок сюжета (...) но передает традиционную схему кратко, не развертывая эпизодов и описаний» (БП, с. 554). Упоминание «котла пива пьяного» роднит данный вариант с былинной средне-печорского сказителя Н. Торопова (№ 69). (П. Поздеев родом из тех же мест, на Нижнюю Печору он переселился за 10 лет до записи комментируемого текста — см. БП, с. 252.)

№ 81

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 417, л. 547—554, маш.; БП, № 53 «Про Илью Муромца». ФА VI МФ, 218.6; БРМЭ, № 59, нап. с. 301.

Зап. Колпаковой Н. П.: 5 авг. 1955 г., д. Абрамовская Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Еремея Провича, 67 лет.

Вторичная запись данной былины через 26 лет. Отклонения от первоначального текста незначительны (см. коммент. к № 70).

Разночтения БП, № 53

- 20 На сыру землю не ураниват
 36 Вот и стал тогда старой их спрашивать
 37 Уж я еду к вам во стольней Киев-град
 161 Он и стал его тогда он и выспрашивать

№ 82

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 414, л. 538—545, маш.; РФ, т. II, 1957, с. 258—262; БП, № 51 «Про старого казака Илью Муромца». ФА VI МФ, 219. 11.

Зап. Колпаковой Н. П.: 5 авг. 1955 г., д. Боровская Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Леонтия Тимофеевича, 52 г., Чупрова Маркела Маркеловича, 72 г., Чупровой Анны Лукичны, 43 г.

От Л. Чупрова, как и от жителя соседней деревни Е. Чупрова (см. коммент. к № 70), сделано несколько записей этой былины (см. № 89 — 91, 99). Диапазон вариаций в них несколько шире, чем у Еремея Чупрова, но изменения не коснулись структурных элементов. При повторных исполнениях сказитель изменял некоторые выражения, пропускал отдельные строки и вставлял новые, сокращал или расширял формулы-описания (характеристика богатырской заставы, угрозы Сокольника, его обращение к «слугам верным» перед боем и др.). Существенно переработана лишь формула расправы Ильи Муромца с Сокольников. Тексты Л. Чупрова содержат все основные особенности пижемского извода, в некоторых отношениях они дают самые близкие параллели к варианту Ф. Чуркиной (см. ругательства Добрыни, адресованные Сокольникову). Формула «Я у маменькн твоей прожил в таю три месяца» встречается также в былинной устьцилемского сказителя Т. Дуркина (№ 79).

Интересны попытки исполнителя переосмыслить ставшее непонятным слово («не за что не потерять буйну голову» — 1955 г., «незавид...» — 1964 и «не за вещь» — 1978 г., «ни за што» и «незавид» — 1980 г.).

В строке 91 произведена замена: вместо «у барина корова» — «убайна корова» в соответствии с реальным звучанием на м/ф по № 99, строка 97.

Былина была записана 15 окт. 1965 г. на ВСГ «Мелодия» (Москва): грампластинка Д-025677, № 3.

№ 83

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 5, л. 16—20, маш.; БП, № 78 «Илья и нахвальщик». Звукозаписи нет. Зап. Колпаковой Н. П.: 5 авг. 1956 г., д. Тельвиска Нарьян-Марского р-на — от Кузьмина Тимофея Степановича, 68 лет.

«Былина восходит к книжному источнику — к текстам № 7 и 8 первого выпуска книги „Русские былины и сказания“, изданной А. Каспари в 1894 г. как бесплатная премия журнала „Родина“. Оба указанных текста („Застава богатырская“ и „Илья Муромец и нахвальщик“) являются переложением известной шенкурской былины о богатырях на заставе из сборника Киреевского (I, с. 46). (...) Сопоставление былины Т. С. Кузьмина с текстом издания Каспари показало, что более половины ее стихов в точности или с незначительными изменениями повторяют этот текст, остальные близко следуют ему. Сохранено и самое название, данное Каспари основной части былины» (БП, с. 550).

№ 84

РО ИРЛИ, колл. 160, п. 3, № 20, л. 99—104, маш.; БП, № 67 «Про Сокольника». ФА VI МФ, 336. 1. Зап. Колпаковой Н. П.: 10 авг. 1956 г., д. Калюши Нарьян-Марского р-на — от Пономарева Андрея Федоровича, 72 г.

Былина не принадлежит к числу лучших текстов А. Пономарева. В ней опущены или представлены некоторые ключевые эпизоды, нарушена последовательность событий, строго соблюдаемая другими печорскими сказителями. В погоню за Сокольниковым сразу выезжает Илья Муромец (другие богатыри даже не упомянуты), он легко выигрывает первый поединок. После убийства Сокольниковом матери соперники вiovь «бьются-ратятся», на сей раз с переменным успехом (как в традиционном сюжете). В сцену поединка перенесен эпизод с крестом, спасающим Илью от смерти (ср. № 71, 72). В былине сохраняется немало специфических особенностей печорской редакции сюжета, а ее начало (рассказ о детстве Сокольника) переключается со среднемеженскими и некоторыми печорскими записями (см. № 74, 87).

Разночтения БП, № 67

- 2 У того же было у камешка холодного
- 3 У той же у матушки Колмбриголки
- 4 У ей-то было чадо у ней милое
- 9 Как бы с буйной головы до сырой земли
- 10 Не дават ему да ехать во чисто поле
- 11 Ты и сын мой, чадо мое глупое
- 12 Уж давашь благословеньице великое
- 18 Уж ты чадо, ты детина бы любимое
- 21 ошибочно повторен стих 22
- 24 Отправлялся, суряжался Сокольник сын Иванович
- 27 Вот отправился детина да во чисто полё
- 31 Ведь он сам-от ти пишет ярлыки несет
- 38 Тут вставал да тут Илья да старой Муромец
- 39 Он взглянул бы вот во трубочку вот подозрною

- 40 Он смотрел все четыре да нынче стороны
 43 Да ведь нас ныне, богатырей, ни во что кладет
 76 Я от той же матери Златыгорки

№ 85

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 6, № 3, л. 2—5, рукоп.; БП, № 73 [«Илья Муромец и Сокольник»].
 ФА VI МФ, 341. 11 (стихотворная часть текста); БРМЭ, № 62, нап. с. 313—315.

Зап. Митрофановой В. В.: 28 июля 1956 г., д. Угольное Нарьян-Марского р-на — от Чупрова Фомы Алексеевича, 56 лет.

Примеч. соб.:

- 1) К строкам 21—23: «Фраза, взятая в квадратные скобки, вставлена женой исполнителя».
 2) К строке 28: «Начало записи на магнитофон».

Былина записана на Нижней Печоре, но связана с эпической традицией Пнжмы (Ф. Чупров — племянник и ученик Е. Чупрова). Текстологический анализ полностью подтверждает эти сведения — в подробном пересказе «Ильи Муромца и Сокольника», записанном от Ф. Чупрова, содержатся все основные особенности пижемского извода, а некоторые детали встречаются только у этих двух сказителей («Не удастся вам горшка скипятить, я привезу татарску буйну голову»). Чупров-младший удачно дополнил традиционную пижемскую формулу: «Похвально слово его попутало»: «чем похвалишься, тем и подавишься» (ср. № 105). В начале текста на Алешу Поповича переиесена традиционная характеристика Самсона Колыбановича («роду сонливого»). Необычная деталь введена в заключительный эпизод: спящего Илью будит его богатырский конь, «чтобы на сонного не наехал».

Разночтения БП, № 73

- 2 За беду ли стало, да за великую
 19 Курева-де стоит, да дым столбом валит
 36 Ворона ты летишь пустопёрая
 37 Сорока ты летишь загуменная

№ 86

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 29, л. 141, 142, маш.; БП, № 66 «Старина» [«Илья и Сокольник»].
 ФА VI МФ, 324. 4.

Зап. Колпаковой Н. П.: 31 июля 1956 г., д. Лабожское Нарьян-Марского р-на — от Тайбарейского Никандра Васильевича, 63 г.

«Текст представляет собой смутное припоминание эпизода покушения Сокольника на жизнь спящего Ильи Муромца. Отрывочные припоминания из других былин (о Дунае, Иване Годиновиче), а также из исторической песни о Кострюке помогли исполнителю придать некоторую завершенность своему тексту, получившему совсем иной смысл: „поединщик“, которого ждет Илья Муромец, оказывается его сыном, не знающим отца, но сам Илья почему-то узнает сына (переработка случайная и неудачная)». — БП, с. 546. Вариант Н. В. Тайбарейского не имеет ничего общего с былиной его отца (см. № 74), даже нападение сына на спящего отца описано иначе.

Разночтения БП № 66

- 12 Ты позволь-ко мне слово вымолвить
 16 Мне-ка надобно мне-ко поединщика
 17 Мне побитьсе-ка надо с ним-ка, подратисе
 24 Поезжает старой да не прощаетсе

В стихе 22 неясно прослушиваются 3—5 слова (витязь?).

№ 87

ПИЯЛИ, КЗ, МФ, 501. 1; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 172, п. 3, № 6, маш. «Илья и Сокольник».

Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., сел. Усть-Цильма Коми АССР — от Вокуева Гавриллы Васильевича, 82 г.

Текст записан с пения. Перед исполнением сделана предварительная запись.

В предварительном пересказе былины:

	4	Было у ей одно чадо, был он лет двенадцети.
	12	... уздечку точмяную
	30	... князя Владимира ...
После 31 ремарка		(Ишь, как он хотел!)
	52	леденистыя
После 52 ремарка		(Там, наверно, океан, — труба далеко у него брала)
	80	Стретил его, Олешу, старой казак:
«Что же, Олёша, приехал не по-старому,
Что же ты, Олёшенька, не по-прежнему?»
Говорит Олёша таково слово:
«Едет там невежа иерусская,
Дал, говорит, мне по тяпышу,
И прибавил, говорит, мне по олабышку,
Еле я, говорит, на кони живой сiju!»
	85	Брал с собой латы булатныя
	88	Брал с собой еще тугой лук,
И брал с собой калену стрелу
	92	Наганивал добра молодца.
После 98		Говорит Сокольник таковы слова:
«Нечего мне у вас на заставы делать»
	105	Бурзонецкима
	111	Проскользнулае
	117	Выскакивал старой из-под добра молодца
После 125		«Когда сидел у тебя на белой груди,
Не спрашивал у тебя роду-племени»
	168	И на этом старина кончилась

Стройный по композиции, подробный и выразительный вариант — еще одно свидетельство хорошей сохранности сюжета в устной печорской традиции. Текст Г. Вокуева содержит многие специфические особенности печорской редакции былины, а также ряд эпизодов, редких в этом районе (рассказ о детстве Сокольника, воспоминания Ильи Муромца о бое и любовной связи со Златыгоркой). Редкая формула (строки 77—78) использована певцом для описания бесславного возвращения Алеши Поповича после стычки с Сокольником (ср. № 170).

Необычно описание богатырской «поездочки» Сокольника, содержащее не совсем ясную по смыслу гиперболу: «Как правой-то ногой да в струмена стоял, Ак левой-то ногой да колесо катил». В финальном эпизоде сказитель отступил от традиции: Сокольнику не удалось врасплох напасть на Илью Муромца, его заметили на заставе, что привело к повторному поединку.

На м/ф ленте плохо прослушиваются последние слова в стихе 100.

Былина была записана 15 окт. 1965 г. на ВСГ «Мелодия» (Москва): см. грампластинку Д-025677.

См. звуковое прилож. № 7.

№ 88

ПИЯЛИ, КЗ, МФ, 510. 1; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 172, п. 3, № 8, маш. «Илья Муромец и Сокольник». СП, с. 48—50 (отрывки), нап. с. 48.

Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., д. Боровская Пижемского с/с Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Чупрова Еремея Провича, 77 лет.

Примеч. соб.: к строке 41: «Видимо, ошибочно не назвал Владимир-князя».

См. коммент. к № 70.

См. звуковое прилож. № 4.

№ 89

ПИЯЛИ, КЗ, МФ, 514.1; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 172, п. 3, № 10, маш. «Илья Муромец и Сокольник». Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., д. Боровская Пижемского с/с Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Чупрова Леонтия Тимофеевича, 61 г., и его жены Чупровой Анны Лукичны, 52 г.

Вторая запись. См. коммент. к № 82 и № 90, 91, 99.

См. звуковое прилож. № 6.

В строке 95 произведена замена: вместо «У барина корова» — «Убайна корова» в соответствии с реальным звучанием на м/ф по № 99, строка 97.

№ 90

ПИЯЛИ, КЗ, МФ, 512—513 «Илья и Сокольник»; ИРЛИ, ФА VI МФ, 770.5 (отрывок, копия). Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., сел. Усть-Цильма — от Чупрова Леонтия Тимофеевича, 61 г. Третья по счету запись былины от этого исполнителя (см. № 82, 89, 91, 99).

В строке 193 произведена замена: вместо «у барина корова» — «убайна корова» в соответствии с реальным звучанием на м/ф по № 99, строка 97.

№ 91

Арх. ФК МГУ, 1978, п. 1, тетр. 3, № 1, л. 1—10 об., рукоп. «Про Старого» [«Илья и Сокольник»]. Зап. Голубковым М. М.: лето 1978 г., д. Боровская Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Чупрова Леонтия Тимофеевича, 75 лет.

Предпоследняя по времени запись былины от Л. Чупрова (см. № 82, 89, 90, 99 и коммент. к № 82).

В строке 95 произведена замена: вместо «у барина корова» — «убайна корова» в соответствии с реальным звучанием на м/ф по № 99, строка 97.

№ 92

Арх. ФК МГУ, 1978, п. 1, тетр. 1, № 3, л. 3—8 об., рукоп. «Про Старого». Зап. Голубковым М. М. и Харитоновой В. И.: лето 1978 г., д. Замежное Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Мяндиной Евдокии Малафеевны, 51 г. (уроженки д. Абрамовской на р. Пижме).

Примеч. соб.: «Былина была исполнена по первой просьбе; вечером того же дня была записана на кассету (см. кас. 78—56)».

См. № 93.

Круглые скобки в тексте принадлежат собирателю.

Исполнительница — двоюродная племянница Еремея Чупрова, от которого записаны три варианта этой былины (см. № 70, 81, 88). По композиции оба ее текста близки к записям, сделанным от Е. Чупрова, конец былины она тоже пересказала прозой. В стихотворной части существенных отклонений от пижемского извода нет, а в прозаической встречаются поздние по характеру рационалистически-бытовые мотивировки: случайная встреча и бой отца с неузнанным сыном объясняются тем, что враги взяли в плен жену Ильи Муромца и его сын вырос на чужбине; возможность нападения Сокольника на спящего Илью — бегством его перепуганных слуг (этот мотив присутствует и в последней записи от Е. Чупрова — № 88).

№ 93

Арх. ФК МГУ, 1978, п. 1, тетр. 1, № 5, л. 10—12 об. и тетр. 2, л. 1—3, рукоп. «Былина про Старого». Зап. Голубковым М. М. и Харитоновой В. И.: лето 1978 г., д. Замежное Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Мяндиной Евдокии Малафеевны, 51 г. (уроженки д. Абрамовской на р. Пижме).

Примеч. соб.:

1. «Данную былину усвоила от отца — Чупрова Малафея Ивановича».

2. «Вариант былины см. на кассете 78—56».

См. коммент. к № 92, запись без м/ф (тетр. 1, № 2, № 3, л. 3—8 об.).

№ 94

Арх. ФК МГУ, 1978, п. 1, тетр. 2, № 6, л. 6—13, рукоп. «Илья Муромец и сын» (пересказ). Зап. Степановой Т. А. и Тюниной Е. А.: лето 1978 г., д. Загривочная Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Чупрова Семена Емельяновича, 84 г.

Довольно полный вариант пижемского извода этой былины (ср. № 67, 70, 82 и др.); некоторые традиционные подробности и формулы опущены или использованы в других эпизодах (строки 65, 80—82).

№ 95

Арх. ФК МГУ, 1978, п. 1, тетр. 6, № 1, л. 1—3, рукоп. [«Об Илье Муромце»]. Зап. Кручинниной М. Н.: лето 1978 г., д. Загривочная Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Поташовой Марфы Никифоровны, 67 лет, и Поташова Афанасия Ивановича, 70 лет. Начали петь: «Как на заставе были богатыри», — затем поправились:

Не далеко от города, не близко-то
Как на заставе были богатыри...

Примеч. исполнительницы: «Старину певал дядька Еремей Провнич Чупров. Долго пел. Я переняла немного» (л. 3). См. его былины № 70, 81, 88, 222.

Пересказ пижемского извода былины с отдельными стихотворными вставками.

№ 96

Арх. ФК МГУ, 1980, тетр. 1, № 359, л. 72 об., 73 об., рукоп. «Илья Муромец и Соколик». Зап. Ивановой А. А.: июнь 1980 г., д. Среднее Бугаево Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Носова Степана Афиногеновича, 78 лет (уроженца д. Загривочной на р. Пижме).

Примеч. соб.:

1) «Былину исполнял по собственной записи, написанной накануне, чтобы не сбиться» (л. 74 об.).

К строкам 12; 29: «Исполнитель сбился».

Былина записана от С. Носова дважды (см. № 97). Второй текст полнее первого, но оба они дефектны. Традиционные былинные формулы, свойственные печорской редакции сюжета, то и дело перемежаются со стихами, явно сочиненными певцом в момент исполнения и неумело стилизованные под былинные (см. строки 12—13, 19—21 и др.). С. Носов, видимо, был знаком с пижемским изводом — в его тексте есть некоторые специфические детали, встречающиеся только в записях с реки Пижмы (упоминание Мишки Торопанишки, формула «Я видел в поле коровушку базыкую»). В финальном эпизоде использованы мотивы сюжета «Святогор и Илья Муромец» с перестановкой и заменой главных героев (Илья погибает в гробу, а Добрыня и Алеша пытаются спасти его).

№ 97

Арх. ФК МГУ, 1980, тетр. 1, № 350, л. 67, 67 об., рукоп.; м/ф, кас. 19, дор. 1 «Илья и Сокольник».

Зап. Ивановой А. А.: июнь 1980 г., д. Среднее Бугаево Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Носова Степана Афиногеновича, 78 лет (уроженца д. Загривочной на р. Пижме).

Примеч. соб.: «С. А. пел эту былинку по записи, сделанной им накануне. Перед пением долго настраивался на лад, вспоминая правильный мотив. Во время пения делал исправления в тексте. Старину до конца не спел — заплакал и закашлялся» (л. 67 об.).

К строке 9, 14, 15: «слова в скобках — исправления в момент пения».

См. коммент. к № 96.

№ 98

Арх. ФК МГУ, 1980, тетр. 19, № 246, л. 31—35, рукоп. «Илья и Сокольник».

Зап. Коробушкиным И. В.: лето 1980 г., д. Новый Бор Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Чупрова Василия Пафнутьевича, 77 лет.

Примеч. соб. к строке 43: «Фраза не закончена. Пропуск собирателя»; к строке 39: «пороть (колоть)»; к строке 47: «Илья».

Одна из последних по времени фиксации пижемского извода (В. Чупров родом из д. Аврамовской на р. Пижме). Несмотря на явные следы разрушения былины, прозаическую форму исполнения, в тексте сохранены многие специфические подробности и формулы; иногда содержащиеся в них художественные образы понимаются буквально («будто остров колыбается», «алабыш насадил ему на руку»).

От В. П. Чупрова в том же году был записан вариант, представляющий отрывочное припоминание сюжета (см. Прилож. I, № 21).

№ 99

ИРЛИ, ФА ЛМК 36.6 [«Илья Муромец и Сокольник»]; 36,6 (отрывок, дубль) — из архива Ю. Е. Красовской; СП, с. 35 (отрывок), нап., с. 36.

Зап. Красовской Ю. Е.: 29 июля 1980, д. Боровская, Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Чупрова Леонтия Тимофеевича, 77 лет и Чупровой Анны Лукичны, 68 лет.

Примеч. соб.:

- 1) к строке 55: «Л. Т. Чупров смолкает, А. Л. Чупрова ошиблась и спела „могучими“ вместо „могучим“»;
- 2) к строке 82: «В данном случае „й“ заменяет „его“. В бытовой речи такая форма тоже встречается»;
- 3) к строке 125: «„...уздайте“ пропущено (обычно поет), вместо него путаница слов»;
- 4) к строке 154: «В данном варианте былины пропущен эпизод, в котором Илья, уезжая, хвалится: „Не успеете вы шей горшок сварить, привезу евонну буйну голову“. В конце третьего дня боя его „встречает“ собственное похвальное слово, которым он чуть не накликал на себя гибель»;
- 5) к строке 179: «„Ежель“ — ошибочно, поправился».

Последняя по времени запись от Л. Чупрова (см. № 82, 89, 90, 91 и коммент. к № 82). Былина до конца не допета.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ (№ 100—104)

Самая популярная из цикла былин о татарском нашествии на Киев известна в разных версиях и редакциях. Многие мотивы и эпизоды роднят ее с близкими по тематике сюжетами: «Илья, Ермак и Калин», «Камское побоище», «Михайло Данилович», «Суровец-Суздалец» и др. (см. Азб., с. 166—174). На Печоре записано 11 вариантов, которые безоговорочно можно отнести к данному сюжету (в том числе 7 — контаминации с другими былинами об Илье); к ним примыкает один текст неясной сюжетной принадлежности, условно названный «Илья Муромец и сила неверная» (№ 103). Кроме того, целая группа вариантов переходного типа содержит мотивы и образы, характерные для сюжета «Василий Игнатьевич и Батыга» и былин о татарском нашествии с Ильей Муромцем в главной роли (см. общий обзор вариантов былины о Василии Игнатьевиче и комментарии к № 58, 203, 206, 207, 208, 209, 213). В репертуар печорских певцов входили также близкие к «Илье Муромцу и Калину-царю» сюжетные образования «Камское побоище» и «Потап Артамонович» (сюжет «Суровца-Суздальца» с мотивами былины о богатыре-малолетке). Подавляющее большинство печорских записей комментируемой былины относится ко второй версии сюжета, осложненной рассказом о клевете бояр и заключении Ильи Муромца в погреба. Эти эпизоды детально разрабатываются местными сказителями, содержат ряд оригинальных подробностей и устойчивых формул. (Выслушав просьбу князя Владимира или его слуг защитить Киев, «старой казак челом не бьет, головы не гнет», зато по первому слову спасшей его от смерти княгини Апраксии высказывает из темницы: «Будто белой тут куропать выпархивал».)

Для печорских записей характерно отсутствие некоторых эпизодов, популярных в других регионах. Ни в одном тексте нет стрельбы из лука по шатру русских богатырей с целью разбудить их и призвать на помощь. (Этот мотив крайне редок и в соседних районах: на Мезени он зафиксирован лишь однажды — Аст., I, 33, а в одном из кулойских вариантов переосмыслен — Григ., II, 55.) В печорских, мезенских и кулойских былинах нет рассказа о вырытых татарами подкопах, о временном пленении Ильи говорится только в текстах, зависимых от Сборника Кириши Данилова (см. коммент. к № 52, 104, Прилож. II, № 6). Лишь в одном варианте, восходящем к устной традиции, татарское войско возглавляет Калин-царь (№ 101), его имя фигурирует также в указанных выше книжных по происхождению текстах и в одной записи «Ставра Гоудиновича», тоже связанной с книгой (№ 179). В кулойских былинах Калин не упоминается, а в мезенских фигурирует в двух вариантах «Камского побоища» (Григ., III, 90, 111).

В составе контаминированных текстов см. № 43, 48, 49, 52, 57, 61, а также комментарии к сводной былине А. М. Хаханзыкской (Прилож. III, № 1), сводному пересказу А. М. Бажукова (Прилож. II, № 6).

№ 100

Онч., № 2 «Илья Муромец в опале».

Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Чуркина (на р. Пижме) Усть-Цнлемской вол. — от Чуркиной Федосьи Емельяновны, 55 лет. (уроженки д. Аврамовской на р. Пижме).

«Эту старину Ф. Чуркина помнила очень плохо, только в общих чертах, и только на усиленную мою просьбу согласилась ее пропеть, причем, когда пела, часто путалась и останавливалась, чтобы припомнить. При сравнении этой старины с предыдущей (см. № 67 — *Сост.*) и последующей (см. № 117 — *Сост.*) разница в обработке содержания видна сразу. По всему видно, что старина припомнилась во время пения, а не передавалось слышанное и усвоенное ранее» (Онч., с. 16).

После строки 6 примеч. соб.: «Старина эта, говорила мне Ф. Е., пелась стариками непосредственно после старины о женитьбе Дуная. После смерти Дуная Илье М. доставалась его шуба, из-за которой все и началось» (Онч., с. 16).

В тексте подробно разработана первая часть второй версии сюжета (конфликт между Ильей и князем Владимиром, подготовка к битве с врагами), о самом подвиге богатыря скупно сообщено прозой. Ф. Чуркина последовательно изображает думных бояр «изменщиками»: они клеветуют на Илью, для пушей верности предпочитая устному доносу письменный («ерлыки скоры грамоты»), они же сообщают «Ковшею Бессмертному» о заточении богатыря и беззащитности Киева. Княгиня Апраксия так же последовательно принимает сторону оклеветанного

героя, убеждает князя не верить доносчикам, а в минуту опасности иронически советует ему искать у них помощи. Драматизм положения Ильи Муромца усугубляется тем, что он сознает свою силу и повинуетя только «закону да государеву» (строки 63—66). В сюжет о татарском нашествии удачно вписались мотивы из былины о голях кабацких, плач киевлян по любимому богатырю (строки 61—62) — с их помощью подчеркивается кровная связь Ильи с трудовым людом, его огромная популярность в Киеве. Оригинальна мотивировка недовольства героя княжеским подарком — шуба была предназначена не ему, а Дунаю (редкий в русском эпосе случай прямой переключки былин о разных богатырях). В тексте немало выразительных формул и постоянных эпитетов («Ты ведь востра баба, да всё догадлива», «уж и звыше ума цюдо состоялосье», «книги старопечатныи» и др.), но вместе с тем встречаются чрезмерно растянутые эпизоды (допрос Ильи Муромца и его попытки оправдаться перед князем), проявления сентиментальной чувствительности, не вяжущиеся с суровым обликом богатыря (плач Ильи и коня, встретившихся после долгой разлуки).

№ 101

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 62, рукоп.; РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 9, л. 1—5: маш.; Л., 1939, № 6; Л., 1979, № 12 «Добрыня и Калин-царь».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 1 июня 1938 г., д. Лабожское Нижнепечорского р-на — от Тайбарейского Василия Петровича, 73 г.

Исполнитель не помнил, от кого перенял данную былинку.

Текст своеобразен во многих отношениях. Это единственный на Печоре устный по происхождению вариант былины о татарском нашествии, в котором вражеское войско возглавляет Калин-царь. На роль главного героя выдвинулся Добрыня, заменивший Илью Муромца (обычно он только читает послание иноземного царя и помогает Илье окончательно разгромить татар, иногда по его поручению созывает русских богатырей). «В одном из исследований сюжета отмечается, что вариант В. Тайбарейского дает близкую параллель к Сказанию о Захарии Тютчеве (из цикла повестей о Куликовской битве) — Добрыня послан в ставку Калина с просьбой об отсрочке, но он «палницей пролагает себе путь к царскому шатру (...) отсекает голову самому царю», и лишь в финале былины на помощь Добрыне приходят другие богатыри (Азб., с. 170).¹ Комментируемый текст может служить еще одной иллюстрацией взаимодействия былин о татарском нашествии и сюжета «Василий Игнатьевич и Батыга» — в нем использован заповедь о турах златорогих, а имя татарского посла — «Игнатий сын Иванович». Вариант отличается несомненными художественными достоинствами, лаконичными и отточенными поэтическими формулами (см., напр., развернутую характеристику посла в строках 37—54; формулу, выражающую сожаление князя Владимира об отсутствии в Киеве Ильи Муромца в строках 84—86). В ультиматум вражеского царя включено необычное требование провианта для татарской «силы»; этот мотив получает дальнейшее развитие в иронически-почтительной реплике Добрыни (стихи 124—125).

Упоминание «царицы златорогой» в первой строке — случайная обмолвка певца или неточность собирателя (в стихе говорится о «турице златорогой»).

Разночтения Л., 1939, № 6 и Л., 1979, № 12

1	У той ли у царицы златорогой (1979)
11	Врите, мои дети любимые (1939; 1979)
28	Написал ему ярлык — скору грамоту (1979)
31	отсутствует (1979)
32	Поехал Игнатий дорогой прямоезжей (1979)
34	Он скакал через стену городецкую (1979)

¹ Ср. сходный по содержанию эпизод в одной из мезенских записей «Камского побойца» — Илья Муромец одной рукой подает Кудреванку «скорый ерлык», а другой срубает ему голову — Аст., I, № 44.

- 37 Он ехал стороной — не дорогою (1979)
 55 Говорил тогда солнышко Владимир-князь (1979)
 61 Он сломал все печати поганые (1979)
 69 Ладит худшую силушку повырубить (1979)
 70 Ладит лучшую силушку всю повыгонить (1979)
 99 На те ли холмы на окатисты (1979)
 114 Тогда берет он палицу буювую (1979)
 118 Добрался Добрыня до черна шатра (1979)
 138 Они вырубил рать-силу великую (1979)

№ 102

РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 33, л. 8 об., 9, рукоп.; ед. хр. 5, л. 1—7, маш.; Л., 1939, № 4; Л., 1979, № 9 «Илья Муромец в опале у Владимира».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 7 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на — от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.

Строки 1—110, отсутствующие в рукоп. из архива собирателя, даны по рукоп. РГАЛИ.

В построении сюжета есть лишь одно заметное отклонение от местной традиции: дважды описывается нападение на Киев неверного короля, что не свойственно русскому эпосу (исключение — былина о Камском побоище). В первый раз Илья Муромец разбивает вражеское войско, за что и получает от князя шубу. Эту мотивировку следует отнести на счет личного творчества И. Осташова (она не обязательна), а второе вторжение неверного короля продиктовано сюжетной необходимостью. Как и другие печорские варианты, комментируемый текст отличается социальной заостренностью: в финальном эпизоде Илья «всех выбил тут бояр да толстобрюхих», князь Владимир трусливо прячется от него «во глубоком погреб». Хотя сказитель упоминает других русских богатырей, в знак протеста против княжеского произвола покинувших Киев, вражеское войско Илья истребляет в одиночку (явление нередкое в печорских записях этого сюжета; см., напр., № 61). В былинне встречаются формулы, позаимствованные из других эпических песен: обращенный к Апраксин монолог Ильи (строки 146—147) — из «Козарина» (ср. № 269); рассказ о том, как княгиня унимает разгневанного богатыря — из былины «Василий Буслаев и новгородцы» (ср. № 237, 238) и др.

Разночтения Л., 1939, № 4 и Л., 1979, № 9

- 3, 8 Нагнал он силы много-множество (1939, 1979)
 5 Стал просить он Илью Муромца (1979)
 7 Напал на меня король неверные (1939, 1979)
 15 Не оставил бы молодца да в поле добрый конь (1939, 1979)
 20 Бил он рать трои суток (1939, 1979)
 26 Подарил старому он кунью шубу (1979)
 31 Будь, моя шуба, таланиста (1979)
 32 Не давай меня, шуба, в обидушку (1939, 1979)
 40 Та же участь солнышку Владимиру (1979)
 54 Докармливает так она его, допаивает (1939, 1979)
 66 Нет его, атамана-защитника (1939, 1979)
 72 Волос долог, а ум короток (1939, 1979)
 88 Посмотреть во глубоком погребу (1939, 1979)
 100 Понапрасно я те посадил во глубоком погреб (1939, 1979)
 120 Звал его я до трех раз (1939)
 Звал я его до трех раз (1979)
 124 Поди ты зови его да покаяйся нынь (1979)

- 126 Потому он со мной — ни словечика (1979)
 127 Ты поди, скажи да покаяйся нынь (1939)
 Ты поди-сходи да покаяйся нынь (1979)
 141 Отойди подале от глубока погреба (1979)
 144 Брал он ее за белу шею (1939)
 145 Целовал он ей лицо белое (1939)
 154 Твой доброй конь — стоит (1939)
 164 Не оставил бы молодца да в поле добрый конь (1939, 1979)
 181 Сидят тут бояре толстобрюхие (1939)
 186 отсутствует (1979)
 187 Брал он ее за белы руки (1979)
 196—197 отсутствуют (1939)
 204 Простил его да во первой вине (1979)

№ 103

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 2, № 4, л. 16—18, рукоп.; БП, № 49 «Илья Муромец и сила неверная». ФА VI МФ, 223. 10; БРМЭ, № 58, нап. с. 299.

Зап. Власовой Э. И.: 29 июня 1955 г., д. Рошинский Ручей Усть-Цилемского р-на — от Поздеевой Татьяны Ивановны, 70 лет.

После 34 строки примеч. соб.: «Дальше запись сделана со слов, а не с голоса. Голос больше „не бежал“, старушка устала и не могла петь» (БП, с. 542).

Формально текст завершен, но его сюжетная принадлежность остается неясной. Подробно развернув сцену пира у князя Владимира и хвастовства за столом, певица кратко сообщила о победе Ильи Муромца над «силой неверной». Наиболее вероятна связь этого текста со второй версией сюжета «Илья Муромец и Калин-царь». (Собираясь на битву с врагом, богатырь просит у князя коня — с аналогичной просьбой Илья часто обращается к Апраксии после своего освобождения из заточения.) Описание угощения богатыря («ковригу хлеба берет за щеку») — неудачный перенос из былины об Идолище Поганом. В репертуаре Т. Поздеевой есть еще одна эпическая песня (и тоже скомканная, неясная по сюжету) о вражеском ишествии на Киев (№ 209).

Разночтения БП, № 49

- 4 Да собирались еще мальчишки богатыри
 9 Да вот все старый казак да Илья Муромец
 Примеч. к строке 9 «Исполнительница, начав стих словами: „Да вот вси солнышки“, запнулась и затем продолжала, как в тексте»
 19 Да уж как солиышко лн Владимир-князь поднимается

№ 104

Арх. ФК МГУ, 1978, п. 1, тетр. 7, № 1, л. 1, 1 об., рукоп. «Илья Муромец и Калин-царь».

Зап. Грозовым А. Л.: лето 1978 г., д. Замежная Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Поздеева Якова Семеновича, 53 г.

Пересказ отражает некую связь с текстом из Сборника Кирши Данилова (№ 25), о чем свидетельствуют выражения: «русские люди хвастать любят», «ты теперь сидишь, как лысый бес», — а также нехарактерное для устной традиции Печоры имя татарского царя «Калин».

КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ (№ 105)

Сюжет примыкает к былинам «Илья Муромец, Ермак и Калин», «Илья Муромец и Калин-царь», нередко контаминируется с ними. Зафиксирован во многих районах бытования русского эпоса, но особенно популярен на Мезени (Азб., с. 142—152, 284). На Печоре не получил широкого распространения — записан один вариант и один прозаический отрывок, связанный с книжным источником (см. коммент. к Прилож. I, № 26). Оба текста испытывали воздействие сюжета «Васлий Игнатьевич и Батыга» (см. общий обзор вариантов этой былины на с. 404—408). В них говорится только об одном чуде — воскресении перебитого вражеского войска («которого секли надвое, из того-де стало нонче двое же...»); во время второй битвы количество врагов не увеличивается (это характерно и для большинства мезенских былин). Развязка в печорских записях благополучная: богатыри вновь уничтожают врагов, погибают лишь братья Долгополые, бросившие вызов «силе небесной».

№ 105

Изв. ОРЯС, 1902, т. VII, кн. 3, «Печорские былины», № 1, с. 284—295 «Про „Маево“ побоище»; Онч., № 26 «Маево побоище».

Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1901 г., Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.

В публикации 1902 г. к строке 26 («От того ёт духу человека») примеч. соб.: «При пении былин одни и те же слова одним и тем же человеком произносятся неодинаково: ёт и от, ён и он, Югарище и Тугарище, чарь и царь и пр. Всякий раз я записывал, как произносилось» (Изв. ОРЯС, 1902, с. 284).

Первая часть текста охарактеризована на с. 303. Интересны некоторые штрихи в образе Ильи Муромца: он отказывается во время битвы стеречь шатер, мотивируя это тем, что не сможет усидеть при звуках боя; сурово осуждает легкомысленное хвастовство братьев Долгополых (строки 364, 365), а в их гибели видит справедливое возмездие: «Чем они похвалились, тем и подавились». Оригинальная деталь — Добрыню оставляют «берекчи-стерекчи золоту казну», потому что он трое суток собирал богатырей и устал — встречается также в двух мезенских записях (Григ., III, 111, Аст., I, 12). Необычное название былины (ср. «Мамаево побоище» в одном из мезенских вариантов — Григ., III, 44, представляющем смесь традиционных эпических мотивов и личного творчества исполнителя), а также указание другого мезенского певца на существование двух названий былины «Камское побоище» и «Мамаево побоище» (Григ., III, с. 592).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ (№ 106—108)

Сюжет редко оформлялся как самостоятельное произведение, обычно его соединяли с другими эпическими песнями — то в качестве пролога к основному повествованию («Илья Муромец и Идолище»), то в качестве вставного эпизода (былины о татарском нашествии на Киев). Рассказ об угощении Ильи Муромца голями кабацкими и о его столкновении с чумаками-целовальниками включался в состав сводной былины об этом богатыре, иногда отмечались немотивированные контаминации (с сюжетом «Святогор и Илья Муромец» — на Мезени, Григ., III, 114; Аст., I, Прилож. № 2; с «Небылицей» — на Пинеге, Григ., I, 138). Наибольшее количество записей сделано на Кенозере. В северо-восточных регионах этот сюжет не получил широкого распространения. Кроме упомянутых выше имеется всего по одной записи с Мезени (Григ., III, 51 — в составе былины «Илья и Идолище») и Кулоя (Григ., II, 28 — фрагмент, по которому трудно судить, является он началом комментируемой былины или другого сюжета). На Печоре, где голи кабацкие играют заметную роль во многих эпических песнях, сюжет фиксировался 4 раза, но только однажды — как самостоятельное произведение. В двух случаях он органично включен в былинку «Илья Муромец и Идолище» (№ 106, 108), а в третьем — в состав сводной былины об Илье и тоже предшествует рассказу о его победе над Идолищем (№ 48). Отдельные эпизоды, характерные для этого сюжета, встречаются также в былинах о татарском нашествии («Илья Муромец и Калин-царь», № 100 — угощение богатырем голей кабацких и «Василий Игнатьевич и Батыга», № 204 — убийство чумака и угощение голей). В прозаическом своде С. Марковой, зависимом от книжных источников,

эпизод с голями дан не в местной, а в прионежской редакции (№ 52). В некоторых печорских текстах традиционная сцена в кабаке осложняется подробным рассказом о богатырском сне Ильи Муромца и убийстве разбудившего его чумака-целовальника. Оригинальная формула, которую произносит Илья перед разграблением винных погребов: «Как беду-ту я dospел, дак наб друга dospеть».

В составе контаминированных текстов см. № 48, 52, а также коммент. к сводной былине А. Н. Хаханзыкской (Прилож. II, № 1).

№ 106

Онч., № 20 «Илья Муромец, голи кабацкие и Угарище».

Зап. Ончуковым Н. Е.: апр.—май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.

Самый полный печорский вариант былины «Илья Муромец и Идолище», отличающийся от других записей развернутыми и выразительными картинками (портрет Идолища, его поведение в княжеском тереме, обжорство; язвительные реплики Ильи Муромца). Удачно включение в былинку сюжета об Илье и голях кабацких, позволившее еще до стычки с главным противником подчеркнуть демократизм богатыря, его исключительную физическую силу. Слово предчувствуя, что ему предстоит совершить подвиг — освободить Киев, Илья не бонтся кары за убийство целовальника: «Мы не будем в городе виноваты же». У П. Поздеева, как и у его сына, опущен диалог о том, как выглядит Илья Муромец, сколько он ест и т. п. Название былины и упоминание Югарина в тексте (строка 293) свидетельствует о том, что «Идолище» — не собственное, а нарицательное имя. Выразителен образ униженного и растерянного князя Владимира, который в присутствии Идолища «говорить не смет», на жалобу чумаков отвечает: «Что я могу делати? У меня самого на дому беда», — и даже на учтивый вопрос Ильи, долженствующий поднять его княжеский престиж («велишь кровавить гриню?»), отвечает уклончиво: «Я не знаю, что присоветовать». О концовке варианта см. коммент. к былине того же исполнителя «Чурило и неверная жена» (№ 153).

№ 107

Онч., № 62 «Илья Муромец и голи».

Зап. Ончуковым Н. Е.: май 1902 г., д. Уег Усть-Цилемской вол. (зап. в сел. Усть-Цильма Печорского у.) — от Вокуева Анисима Федоровича, 70 лет.

Текст А. Вокуева производит впечатление цельного, законченного произведения, не нуждающегося в продолжении. Как и в кенозерской редакции сюжета, Илья Муромец появляется в Киеве в платье калики переходной. Поведение целовальников, отказавшихся напоить богатыря в долг и даже принять в залог его натальный крест, ничем не мотивировано. (Ср. № 106, 108, где Илье не верят «и на петь денежек», потому что на нем «платье калическо, изношено».)

№ 108

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 9, л. 24—31 (полев.), тетр. 4, л. 7—10 об. (перебел.); Аст., I, № 78 «Илья Муромец и Издолище».

Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Поздеева Ивана Петровича, 64 г.

И. Поздеев, сын П. Р. Поздеева, перенял былинку у отца, в композиционном плане повторяет его вариант (см. № 106). Есть лишь одно существенное нововведение: Поздеев-младший еще удачнее скрепил контаминированные сюжеты (выслушав жалобу чумаков на буйство захожего калики, князь пригласил его к себе: «Узнал князь: эта калика — не худа блоха»). «В отношении стилистической обработки видно, наоборот, свободное отношение И. П. Поздеева к тексту отца. Точных совпадений стихов не имеем. (...) Иногда усвоена

лишь идея, формулировка дана иная (ср., напр., строки 89—91 у Ончукова и 42, 43 наст. изд.). Отдельные места сильно сокращены. (...) Иногда описание (...) совсем опускается. (...) Пропускаются повторения» (Аст., I, с. 595).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ (№ 109—113)

Рассказ о столкновении Ильи Муромца с разбойниками зафиксирован во всех основных районах бытования русского эпоса, но в самостоятельную былинку он оформляется сравнительно редко (наибольшее количество таких текстов записано на Пинеге). Гораздо чаще этот сюжет контаминируется с другими былинами об Илье, включается в состав более сложных по композиции произведений в качестве одного из эпизодов («Три поездки Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник»). На Печоре бытовал и как отдельная эпическая песня (5 вариантов), и как часть былины о Соловье-разбойнике. Композиционная схема печорских текстов предельно проста и устойчива; как и в других районах, больше всего различий в развязке. В составе сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник» встреча богатыря со станичниками (или ратью) обычно предваряется мотивом трех дорог, в самостоятельных былинах подчеркивается ее случайность (герой подвергается нападению разбойников по пути на охоту).

В составе контаминированного текста см. № 48, а также коммент. к сводному пересказу А. М. Бажукова (Прилож. II, № 2).

№ 109

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 10, л. 39—41 (полев.), тетр. 3, л. 27 об., 28 об. (перебел.); Аст., I, № 59 [«Илья Муромец и станичники»].

Зап. Астаховой А. М.: 10 июля 1929 г., д. Аврамовская Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Ивана Емельяновича, 80 лет.

Текст предельно упрощен; вполне законченная в сюжетном отношении былина уместилась в 34 строках. И. Е. Чупров сохраняет редкую в русском эпосе деталь — ссылку богатыря на то, что у него «дело заезжее», «хлебцы завозные». «Ср. использование образа (...) в эпизоде освобождения Чернигова в былинке о Соловье-разбойнике у Киреевского, I, с. 35» (Аст., I, с. 602).

№ 110

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 11, л. 1—14 об. (полев.), тетр. 3, л. 38, 38 об. (перебел.); Аст., I, № 53 «Про старого» (отрывок).

Зап. Астаховой А. М.: 12 июля 1929 г., сел. Замезное Усть-Цилемского р-на — от Поздеевой Анны Максимовны, 70 лет.

Примеч. соб. в рукописи: «Сперва сказала словесно, потом спела. Напев „Бутмана“ Еремея Чупрова из Абрамовской».

См. нап. Аст., I, № 10 или к № 216.

Зачин былины традиционен для печорских записей (выезд «старого» на охоту). Совет богатыря разъехаться по домам, адресованный тем, у кого есть «молоды жоны», видимо, перенесен из сюжета о царе Соломоне (ср. два варианта «Ильи Муромца и Соловья-разбойника», где эта формула дана в более развернутом виде, — № 41, 47).

№ 111

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 114, 115, маш. «Илья Муромец и разбойники»; БП, № 29 «Про старого казака» [«Илья Муромец и станичники»].

Зап. Сапожниковой Д. Я.: авг. 1942 г., д. Крестовка Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Макара Ивановича, 66 лет.

Вариант восходит к былине И. Е. Чупрова, отца сказителя (см. № 109), и в основном повторяет ее. М. Чупров ввел в текст трехкратное обращение «старого» к станичникам, несколько дополнительных стихов, при повторах не сокращал формулы, что привело к увеличению объема (55 строк против 34 у отца).

Разночтения БП, № 29

1	Как да ездил старой да по чисту полю
6	Как хотят да старика побить-ограбити
17	Худа гунишка да лисья шубенка
22	С конем, животом разлучить хотят

№ 112

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 26, 27, маш.; БП, № 19 [«Илья Муромец и разбойники»].
Зап. Разумовой А. П.: авг. 1942 г., д. Уег Усть-Цилемского р-на — от Осташовой Ксении Кондратьевны, 78 лет.

Начало былины традиционно, но первые строки зачина своеобразны. Описание борьбы богатыря со станичниками и его молитвы по случаю победы (строки 23—46) не имеет аналогий в северно-русских записях и, очевидно, сочинено исполнительницей (об этом, в частности, свидетельствует почти полное отсутствие поэтических образов, устойчивых эпических формул).

№ 113

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 2, № 99, л. 174, 175, рукоп.; БП, № 47 [«Илья Муромец и станичники»];
ФА VI МФ, 223.1; БРМЭ, № 57, нап. с. 296, 297.

Зап. Власовой Э. И.: 28 июля 1955 г., сел. Усть-Цильма — от Михеева Акима Евпсихеевича, 89 лет.

Сюжетная схема варианта обычна для местной традиции; А. Михеев подробнее других печорских певцов описывает переговоры Ильи с разбойниками (строки 8—30), удачно вводит в третий его монолог упоминание «сабли вострой некровавленной» (от увещеваний богатырь переходит к угрозам). Расправа со станичниками (строки 46—48), возможно, перенесена из сюжета «Наезд литовцев», известного на Печоре. (Ср. аналогичную формулу в одном из вариантов былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» — № 47.)

Разночтения БП, № 47

8	Уж и бить вам меня да нынче не за что
12	отсутствует
13	Дешевой ценой — да ровно двадцать пять
21	Дорогой ценой — да ровно двадцать пять
31	Как станичники на то же не варуют

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 114)

Согласно исследованиям, сюжет принадлежит к числу самых поздних по времени окончательного оформления былин об Илье Муромце (Аст., I, с. 614); основной ареал распространения — Восточное Прионежье и Кенозерско-Каргопольский край. На Печоре и в прилегающих районах мотив трех дорожек и рассказ о столкновении Ильи Муромца со станичниками нередко используется в сюжете «Илья Муромец и Соловей-разбойник»,

известна и самостоятельная былина «Илья Муромец и разбойники». Сюжет «Трех поездок» в старых записях отсутствует, лишь в двух вариантах встречаются мотивы из второй поездки (Мезень и Кулой). В последние десятилетия на Печоре записаны: стихотворный вариант былины и сводный пересказ об Илье Муромце, включающий ее мотивы. Оба текста связаны с книжными источниками (см. коммент. к № 63 и 114).

В составе контаминированного текста см. также № 52 (отдельные мотивы).

№ 114

ПИЯЛИ, КЗ, МФ. 506. 1—2 «Три поездки Ильи Муромца»; ИРЛИ, ФА VI МФ, 769.1 (отрывок, копия); БРМЭ, № 56, нап. с. 292, 293.

Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., сел. Усть-Цильма — от Лагеева Василия Игнатьевича, 69 лет.

Как и другие былины В. Лагеева (см. коммент. к № 38, 179, 242), текст восходит к книге. Видимо, источник во всех четырех случаях один: составитель печатных текстов пользуется теми же приемами обработки фольклорного материала (они скомпонованы из отдельных строк, позаимствованных из различных научных изданий былин; литературная правка минимальна). В комментируемой былине множество редких, а то и уникальных формул и подробностей, близкие параллели к которым обнаруживаются в записях из разных районов России (Кенозеро, Пудога, Выгозеро, Поморье, Онега, Пинега, Симбирская губерния). Ср. строки 1—3, 31, 133, 134, 135 в комментируемом тексте и соответственно строки 1—3 (Кир., I, с. 1), 65 (Гильф., 271), 102 (Гильф., 221), 143, 144 (Григ., I, 21).

Из других вариантов заимствованы упоминание «наличных» денег (Кир., I, с. 86, строка 40), описание освобождения обманутых королевичной гостей (Гильф., 226, строки 107—108), расправы с коварной красавицей (Рыбн., 154, строки 148—152). Бескровная развязка первого эпизода (устрашив разбойников, богатырь отпускает их) не характерна для этого сюжета и перенесена из былины «Илья Муромец и разбойники». Текст завершается распространенной в Прионежье былинной концовкой «А и с той поры Илью нынче славу поют»; формула не известна устной традиции Печоры (она встречается еще в одной записи, связанной с книгой, — см. коммент. к № 248). В былине В. Лагеева нет деталей или формул, характерных для местной эпической традиции. Единственный оригинальный эпизод — объяснение Ильи с королевичной, которая назвалась Златыгоркой (перенос из «Ильи Муромца и Сокольника») — не соответствует канонам русского героического эпоса (в нем каждая былина — замкнутая структура, прямые переключки между разными сюжетами крайне редки). Очевидно, этот эпизод сочинен составителем книжного текста. Он есть в «былине двадцать третьей» из «Книги о киевских богатырях» В. П. Авенариуса (СПб., 1876, с. 267—276), которая содержит почти все вышеупомянутые мотивы и подробности.

Былина была записана 15 окт. 1965 г. на ВСГ «Мелодия» (Москва): грампластинка Д-024792, № 2.

См. звуковое прилож. № 1.

АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН (№ 115, 116)

Сюжет зафиксирован практически во всех районах бытования русского эпоса — от беломорского побережья до Терека, от Заонежья до Алтая и Восточной Сибири. Однако, несмотря на широкую географию и сравнительно большое количество записей, ни в одном регионе эта былина не выдвинулась на первый план; развернутых, логически завершенных вариантов наберется не более полутора десятков, причем большинство из них записано до революции. Явное ослабление интереса к этому сюжету исследователи склонны объяснять тем, что в европейской части России его почти повсеместно вытеснял близкий по содержанию и композиции сюжет «Илья Муромец и Идолище» (см. об этом: Д и А, с. 399—401).

Обе печорские записи «Алеши и Тугарина» относятся к числу лучших вариантов этой былины; особый интерес они представляют еще и потому, что сделаны Н. Е. Ончуковым в местах активного бытования сюжета «Илья Муромец и Идолище» и позволяют привести дополнительные аргументы, подтверждающие генетическую связь этих двух былин (см. об этом коммент. к сюжету «Илья Муромец и Идолище»). Тексты печорских

сказителей содержат почти все ключевые эпизоды основной версии сюжета — «Алеша побеждает Тугарина в Киеве» (Азб., с. 287): выбор Алешей и его спутником дороги на росрани; диалог с хозяином пира по поводу места за столом; обжорство Тугарина и колкие насмешки Алешей Поповича над ним; короткая стычка в княжеских палатах (Тугарин бросает в Алешу нож, тот удерживает Екимом от схватки и откладывает поединок на следующий день); молитва богатыря о дожде, который смочил бы бумажные крылья Тугарина; изворотливость и хитрость Алешей, помогающие ему одолеть противника; возвращение Алешей в город с головой врага на копье. В печорских былинах Тугарин изображается как великан-змеевич, но не змей: он ездит на коне, вооружен, как обычный воин-всадник, в его угрозе расправиться с Алешей нет ничего «змеиного»:

Да хошь ли Олѣша я конѣм стопчу?
 Да хошь ли Олѣша я копьѣм сколю?
 Да хошь ли Олѣша я живком сгложу?

(Последняя фраза тоже естественна в устах исполина.) В обоих вариантах Еким — слуга, а не побратим Алешей Поповича и, в отличие от уральских записей, нет даже намек на любовную связь княгини с Тугариным. Несмотря на очевидную близость текстов А. Вокуева и П. Маркова, в них есть и различия, касающиеся порой весьма существенных моментов.

№ 115

Оич., № 85 «Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин»; Д и А, № 35.

Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., д. Бедовая Пустозерской вол. (зап. в сел. Оксино) — от Маркова Павла Григорьевича, 76 лет.

В строке 91 слово «не утерпел» восстановлено по аналогии со строкой 79.

Один из лучших среди всех известных науке вариантов этой былины, сохранивший целый ряд архаичных деталей. «Обращает на себя внимание упоминание града Суздаля (Суздали). Наряду с традиционным Черниговом и Киевом такое немотивированное упоминание, а также точное упоминание слова „смерд“ оставляют впечатление древности соответствующих частей текста» (Д и А, с. 401). Князь Владимир в этом варианте рад приезду Алешей, он предлагает богатырю самые почетные места за столом, надеясь найти в нем заступника. Видимо, такие отношения с князем изначальны для печорской традиции (ср. аналогичное поведение Владимира в родственном сюжете «Илья Муромец и Идолище»). С одним из печорских вариантов «Ильи и Идолища» (№ 133) былинку Маркова роднит указание на то, что Алеша с Екимом садятся «на пецьку на муравленку, под красно хорошо под трубно окно». (Видимо, создатели этой формулы считали, что в княжеской «гриденке светлой» топили по-черному, как в русских домах XVI в.) Обмен Алешей платьем с «названным братом Гурьюшком» выглядит чужеродной вставкой: Алеша уже «расшифровал» себя на пиру; в отличие от Ильи Муромца («Илья и Идолище») ему нет смысла маскироваться. П. Марков использует редкие детали и формулы, близкие параллели к которым обнаруживаются в текстах, записанных за многие сотни, а то и тысячи верст от Печоры. В описании боя с Тугарином подчеркивается, что «Олешенька ведь вёрток был, подвернулся под гриву лошадиную», и Тугарин потерял его из виду; смертельный удар врагу Алеша нанес «из-под гривы лошадиной». Аналогичным образом развиваются события и в варианте заонежского сказителя А. Чукова (Рыбн., 24, строки 43—40), а также в былинке о нашествии татар мезенского певца М. Михашина (Григ., III, 98(402)¹). Молитву Алешей о дожде Марков сопровождает выразительной ремаркой: «Олѣшина мольба богу доходна была». Подобной формулы нет ни в одной былинке, записанной в европейской части России, но есть она в тексте с реки Индигирки («Олѣшина-та молитва богу дохонная» — РФ, 1, с. 214). И у Кириши Данилова: «Алешины молитвы доходны ко Христу» (КД, 20). В текстах печорского сказителя, в том числе и в комментируемом, как и в Сборнике Кириши Данилова, часто встречается наречие «втапоры». Оригинальна концовка былины Маркова. Насмешки

¹ Здесь и далее в жирных скобках указан сквозной номер текстов по всем томам.

Алеши над головой побежденного Тугарина изредка встречаются и в других текстах (Мезень — Григ., III, 30(334)); Заонежье — Гильф., 99; Западная Сибирь — Гул., Прилож. I, № 11). Однако печорский певец дает самую развернутую формулу, в которой иронически переосмысливаются портретные детали («голова — будто пивной котел» и т. д.). Примечательно, что именно такое описание внешнего вида врага чаще всего используется в печорских вариантах «Ильи Муромца и Идолища» (см. № 65, 106). Приведенный в начале комментируемой былины портрет Тугарина построен на других художественных образах (строки 61—64). «Аналогичным представляется отказ Алеши Екиму идти на бой из-за того, что у Екима силы вдвое больше (ст. 125—127)» (Д и А, с. 401). Видимо, все дело здесь в порче текста: Марков просто не допел постоянную формулу до конца. Ср. в былине «Илья и Идолище» пудожского сказителя Н. Прохорова и его учеников:

Ах ты сильный, могучий Иванище! (...)
Есть у тя силы с дву меня,
А смелости-ухватки половинки нет

(Рыбн., 118)

№ 116

Онч., № 64 «Алеша Попович, Еким и Тугарин».

Зап. Ончуковым Н. Е.: май 1902 г., д. Уег Усть-Цилемской вол. (зап. в сел. Усть-Цильма Печорского у.) — от Вокуева Анисима Федоровича, 70 лет.

Действие происходит не в Киеве, хотя он и упомянут в тексте, а в Чернигове; князь и княгиня не названы по именам. В отличие от варианта Маркова и печорских записей былины «Илья Муромец и Идолище», в которых князь Владимир учтиво принимает заезжего богатыря (калику), здесь черниговский князь и не помышляет о хлебосольстве: сперва заявляет, что в гридне «все попрязанто», а когда ему указывают на свободные места, предлагает гостям устраиваться «на печке на муравленке». Это — достаточно убедительная мотивировка отказа Алеши и его спутника остаться на княжеском пиру в финале былины. (Ср. алтайский вариант, в котором герои отказываются от предложенных князем мест, а в конце былины, как и в комментируемом тексте, не принимают запоздалого приглашения «за единый стол» — Гул., 40.) Появление заключительной формулы продиктовано развитием сюжетного действия.

В тексте Вокуева Тугарин перед боем привязывает себе «крыльё» (...) «гумажное» (в былине Маркова бумажные крылья не у самого Тугарина, а у его коня). В разгар поединка Алеша пускается на хитрость, обманом заставляя Тугарина обернуться. Его противник изображается как неповоротливое чудовище (ср. варианты с р. Индигирки — РФ, 1, с. 215, 216).

АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА БРАТЬЕВ ЗБРОДОВИЧЕЙ (№ 117)

Сравнительно редкий сюжет. Подавляющее большинство записей сделано на Пинеге и в Поморье, единичные тексты найдены в центральных районах России и в Белоруссии. География записей былины и примыкающих к ней баллад об Иване Дудоровиче и Федоре Кольщатом, практическое ее отсутствие в тех районах, где популярна близкая в сюжетном отношении былина о Хотене Блудовиче, позволили исследователям предположить среднерусское происхождение этой эпической песни (Д и А, с. 408). На Печоре и соседней Мезени сюжет фиксировался по одному разу.

№ 117

Онч. № 3 «Олеша Попович и сестра братьев Долгополых»; Д и А, № 48.

Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Чуркина (на р. Пижме) Усть-Цилемской вол. — от Чуркиной Федосьи Емельяновны, 55 лет (уроженки д. Аврамовской на р. Пижме).

После строки 119 примеч. соб.: «Дальше Ф. Чуркина знала старину уже не так твердо и пела не совсем уверенно» (Онч., с. 25.)

«Название текста, по-видимому, дано собирателем, так как в самом тексте не встречается прозвище „Долгополые“, известное по некоторым вариантам былины „Гибель богатырей“ и по различным эпическим текстам книжного происхождения.

Текст исполнен в хорошей традиционной манере. В то же время он — поздний по ряду признаков (...). Описание сватовства, с разрешения князя и участием Ильи Муромца и Добрыни Никитича, следует считать новинкой, введенное местной традицией или даже самой певицей. (...) Столь же чинное сватовство, заменившее собой лихой увоз, встречается еще в вариантах из Нижней Зимней Золотицы» (Д и А, с. 410).

«Лука и Матвей, дети Петровичи», «роду вольного, смиренного» упоминаются в былине Ф. Чуркиной «Илья Муромец и Сокольник» (№ 67) и тоже без эпитета «Долгополые». Однако вряд ли это слово внесено в название былины собирателем — во многих печорских записях «Ильи Муромца и Сокольника» братья Долгополые (часто «Лука да Матвей, дети Петровичи») входят в состав богатырской заставы (см. № 68, 96, 103, 199 и др.), упоминаются они также в одном из вариантов былины о наезде литовцев (№ 263) и в былинах о татарском нашествии на Киев (№ 105, 203).

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ — СВАТ (№ 118—131)

Одна из самых популярных былин, отличающаяся стабильностью сюжета, единой трактовкой основных образов-персонажей, одинаковой мотивировкой их действий. Региональные различия касаются имен собственных, оформления отдельных эпизодов, второстепенных деталей. Существенные отклонения от общерусской редакции сюжета, как правило, связаны с разрушением текстов и вторжения в былинную сказочных элементов. Из 15 печорских вариантов 3 записаны на Нижней Печоре, 2 записи повторные. В качественном отношении они заметно уступают прионежским, поморским и мезенско-кулойским вариантам. Многие сказители смогли вспомнить лишь начало былины, в большинстве текстов отсутствуют финальные эпизоды (состязание в стрельбе и гибель Дуная и Настасьи). Даже имя главного героя не во всех вариантах традиционно. Характерных только для Печоры особенностей в былине немного: устойчивое имя иноземного царя «Семен Лиховитый» и необычные подробности в портрете невесты («сквозь ее рубашку тело видети», сквозь тело — кости, сквозь кости — мозги, «из кости в кость мозг переливается — скатен жемчуг перекатается»)¹. От соседних мезенских вариантов печорские отличаются отсутствием целого ряда мотивов (Дунай пирует вместе со всеми, а не сидит в погребках; он сам подсказывает князю, где искать невесту; Семен Лиховитый недоволен сватовством, но не чернит князя Владимира; нет мотива реки, протекающей от крови героя, и т. д.). Традиционный для этой былины поединок Дуная с Настасьей почти повсеместно вытеснен сказочным эпизодом встречи богатыря со спящей в шатре поляницей (см. также мезенский текст — Грнг., III, 99).

№ 118

Изв. ОРЯС, 1902, т. VII, кн. 3, «Печорские былины», № 3, с. 340—349; Онч., № 45 «Дунай Иванович».

Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1901 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Дуркина Дмитрия Карповича, 40—45 лет.

«Старина записана со слов...» (Изв. ОРЯС, 1902, с. 349).

¹ Таков же портрет невесты в одном из кулойских вариантов — Грнг., II, 8 и в одном мезенском тексте — Аст., I, № 18, который, видимо, испытал влияние печорской традиции (в нем царь не назван по имени, но его дочери носят отчество «Семеновна»). Такого рода деталь встречается лишь в сказках (Аф., I, с. 321, 324, 369; Худ. с. 56 и др.).

Несмотря на импровизаторские наклонности исполнителя, текст в основе своей традиционен. Первое сватовство протекает мирно, хотя киевские богатыри ведут себя агрессивно и в случае отказа готовы взять невесту «боем». Нерешительность Семена Лиховитого мотивируется отсутствием старшей дочери — «крыла в доме правого». (Аналогичный художественный образ есть в одной из мезенских записей — Григ., III, 63.) Необычен финал былины — нет состязания в стрельбе, Дунай убивает жену после ссоры на пиру. Поведение богатыря осуждается («Во хмелю-то он суразен был» и т. д.), трагическая развязка трактуется в этическом плане как «суд от царя и от бога» за его грехи (см. гневную отповедь Авдотьи в строках 277—282). Как и в ряде других северо-восточных записей, у иноземного царя не 2, а 3 дочери (см., напр., Аст., I, 85) — это еще одно проявление влияния сказок на былинку. О поведении богатырских коней у коновязи см. коммент. к № 136.

№ 119

Онч., № 86 «Дунай».

Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., д. Бедовая Пустозерской вол. (зап. в сел. Оксино) — от Маркова Павла Григорьевича, 76 лет.

Начало былины не записано, так как, по мнению собирателя, оно идентично началу былины «Дунай», спетой Д. К. Дуркиным (№ 118, строки 1—150). При сопоставлении, однако, видно, что даже «стыковые» стихи пропеты П. Г. Марковым и Д. К. Дуркиным различно:

Строки	Марков П. Г.	Строки	Дуркин Д. К.
1	Выходили удалы добры молодцы	107	Выходили молодцы да все на улицу
2	Выходили молодцы да вон на улицу		

Начало былины дано в подстрочнике.

Комментируемый текст содержит некоторые исконные для этой былины мотивы и подробности, утраченные другими сказителями (пленение Дуная и разгром войска Семена Лиховитского, описание боя Дуная с Настасьей — правда, уже после их любовной связи в шатре). Марков использовал редкую в русском эпосе формулу — совет одного русского богатыря другому, как победить поляницу («треси ей за пельки, пинай под гузно» — ср. КД, 50; Рыбн., 165, некоторые северо-восточные варианты «Дуная» — Григ., II., 33, III, 41).

№ 120

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 6, л. 22—25 об. (полев.), тетр. 2, л. 7—9 об. (перебел.); Аст., I, № 76 [«Дунай»].

Зап. Астаховой А. М.: 1 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Овчинниковой Агафьи Родионовны, 62 г.

Былина записана со слов и выправлена при пении. Исполнительница заметила: когда поется, «так складнее, а сказываешь, так как сказку» (Аст., I, с. 514).

Традиционное начало былины, завершающееся характеристикой идеальной невесты. Имена собственные не традиционны: Дуная заменил Васенька Окулович — герой былины о царе Соломане, Апроснью — «Марина да лебедь белая» — «очень популярное вообще на Печоре имя женского персонажа» (Аст., I, с. 581). А. Овчинникова «былинку слышала от стариков, но видела и в кинге» (там же).

Публикуется спетый вариант по полевой рукописи, где круглыми скобками обозначены изменения, внесенные при пении, а квадратными — принадлежащее сказанному варианту.

Сказанный вариант

3	Заводился у князя почестен пир
4	отсутствует

Вместо 5, 6	6,5	
	15	Глупее-то хвастат малыма детушка(ми)
	25	Тихую смирную речь да приговаривает
	27	Все вы сидитэ да все понежены
	28	отсутствует
	33	Сполюбовницу мне да супротивницу
Между 33 и 34	34	Супружницу да молодую жену
	34	Все тут на пиру да приумолкнули
	38	А от меньшего от бельнего ответу нет
	41	Выставаёт тут удалой доброй молодец
	42	Уж тут Васенька Окулович
	44	Уж я прежде досель
	45	отсутствует
	46	Живал я за синим морём
	49	Три года живал я во конюхах
	51	Уж я три года жил я во писарях
	52	Есь у него да две дочери
	54	А в чистом ведь поле ездит богатырем
	55	А друга есть Марина дочь Семеновна
	58	Ходит она в тонкой белой рубашецке
	60	Тело у ей сквозь рубашку да видитце

При пении также добавлялись отдельные слова, частицы, напр.:

	<i>Пение</i>	<i>Рассказ</i>
2	Как у ласкова у князя	У ласкова у князя
7	Да как все ли на пиру	Все на пиру
14	Как глупой хвастает да	Глупой хвастает
19	Он на сапог ле о сапог	Он сапог о сапог,

Иногда изменялись формы слов или менялся их порядок, например:

9 — 11	еной	иной
30	А как уж я	А уж я как
40	Из того ли ведь угла Семёнушка	Из того ли это угла Семёна

И в полевой и в перебеленной рукоп. в строке 38 над словом «бельнего» поставлен «?»

№ 121

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 9, л. 45 об.—49 (полев.), тетр. 4, л. 19 об.—22 об. (перебел.); Аст., I, № 85 «Про Тарокана, сына Заморенина».

Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Дуркина Павла Федоровича, 54 г.

Исполнитель рассказал 38 строк, затем после долгих упрасиваний их спел, далее вновь перешел на сказ. В полевой записи круглыми скобками отмечены добавления при пении: строки 1—11, 18—19, 26, 31, 32, 37.

В строке 22 после «Ох вы» — слово неразборчиво. Квадратными скобками отмечены опущенные при пении слова.

Публикуется спетый вариант по полевой записи.

Сказанный вариант:

- 8 Стол-от идёт-де о полустолá
 9 Пир-от идёт-де во полупира́
 10 отсутствует
 21 Сам такую речь да выговариват
 22 Уж как все на пиру сидите поженены
 24 Уж я один-де хожу да нежонат живу
 27 Чтобы можно было ее замуж взять
 28 Чтобы можно было-де жоной назвать
 29 Уж как все на пиру тут призадумались
 30 Уж как все на честном да запечалились
 34 А у пришлого у нишшого ответу нет
 35 Из того ли из-за столика передньего
 36 Со той ли скамьи-лавки дубовой
 38 Тарокан-де сын Заморенин

Текст сильно разрушен, не завершен и испытал явное воздействие сюжета «Соломан и Василий Окулович» (в роли свата Дуная заменил Тарокан Заморенин, послы князя Владимира отправляются к Семену Лиховитому на кораблях). Тарокан говорит, что у заморского царя три дочери, но характеризует только двух. Судя по заключительным ремаркам сказителя, он слышал или читал (см. Аст., I, с. 470) и вторую часть сюжета, в которой описывается поединок главного героя с Настасьей-поляницей.

№ 122

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 8, л. 46 об.—50 об. (полев.), тетр. 2, л. 37 об.—39 (перебел.); Аст., I, № 72 [«Дунай»].

Зап. Астаховой А. М.: 7 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Носова Василия Прокопьевича, 65 лет, и Носова Якова Прокопьевича, 60 лет.

Былина не окончена, т. к. исполнитель отказался петь, сказав, что «дальше как следует не знает».

Изображение затворничества младшей дочери — мотив, встречающийся в заонежских вариантах (см. Аст., I, с. 577, 578, 581).

В. Носов — единственный печорский певец, от которого сделаны повторные записи «Дуная» (см. № 126, 129). Комментируемый текст обрывается на рассказе Дуная о младшей дочери Семена Лиховитского, которую богатырь считает достойной стать женой князя Владимира. Как и в других былинах сказителя, экспозиционные сцены переданы обстоятельно, изобилуют живописными деталями. Вторая запись, сделанная в 1940 г. (№ 126), значительно полнее. В. Носов ввел в некоторые эпизоды дополнительные подробности (описание пира, развернутый портрет невесты-красавицы), а главное — продолжил повествование, доведя его до счастливой женитьбы князя Владимира. Необычная роль отведена Алеше Поповичу — он должен отвлечь внимание заморского царя, «засесть» с ним «играть в песочки», а тем временем другие сваты поведут переговоры непосредственно с невестой. Сватовство проходит мирно, хотя намеки на возможное насилие в тексте сохранились. Последняя строка интересна перенесением крестьянских свадебных обычаев в княжескую среду: «Свели молодых на подклет, повалили спать». Третий вариант, записанный от В. Носова всего через 2 года (№ 129), резко отличается от двух первых. В роли главного героя Дуная заменяет Скопин, сюжет «Дуная» механически соединен с исторической песней о смерти Скопина (в 1929 г. Носов исполнял ее как самостоятельное произведение — Аст., I, 74). В рассказе о добывании невесты для князя Владимира опущены некоторые подробности, Скопин по собственной

инициативе описывает красавицу — Афросинью, побуждая тем самым князя свататься к ней. В текст введены некоторые мотивы других былин (отвод Чурилы из числа сватов).

№ 123

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 10, л. 25 об.—30 (полев.), тетр. 3, л. 18—20 (перебел.); Аст., I, № 65 [«Дунай»].

Зап. Астаховой А. М.: 10 июля 1929 г., д. Аврамовская Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Гаврилы Ивановича, 50 лет.

Традиционное начало былины, содержащее экспозицию и завязку сюжета. Об основных событиях сказано в нескольких строках (55, 56); судя по всему, исполнитель когда-то слышал о поединке Дуная с его будущей женой, но не знает и не встречался с таким концом, «чтобы Дунай взял Овдотью за себя. Ведь он не за себя ходил свататься, а за князя, за князя и взял» (Аст., I, с 581).

№ 124

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 12, л. 7—9 (полев.), тетр. 3, л. 57 об.—59 (перебел.) [«Дунай»].
Зап. Астаховой А. М.: 15 июля 1929 г., д. Карпушевка Усть-Цилемского р-на — от Носова Василия Евдокимовича.

Собирателем не указаны дата и место записи. Определены по расположению текстов в полевой и перебеленной тетрадах.

Обычное для печорской традиции начало «Дуная».

№ 125

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 68, 68 об., рукоп., л. 23—28, маш. «Про женитьбу Владимира»; РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 6, л. 1—8, маш. «Женитьба Владимира»; Л., 1979, № 11 «Про женитьбу Владимира».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 10 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на — от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.

Примеч. соб.: «Эту былинку (...) некоторые былинщики Печоры называли иначе — „Дунай Иванович“. Он — главное действующее лицо» (Л., 1979, с. 333).

На месте строк 101, 103—105, 231—233 — строка точек; строка 234 неполная. Восстановлены на основании указаний соб.

Самый полный вариант былины среди всех послереволюционных записей. Семен Лиховитый решительно отвергает сватовство князя Владимира, его дочь тоже противится этому. Текст И. Осташова — единственный на Печоре, в котором Дунай убивает отца невесты. В начале второй части сюжета события развиваются нетрадиционно: Дунай мирно договаривается с Настасьей и женится на ней. Финальный эпизод — состязание супругов в стрельбе из лука — близок к варианту П. Маркова (№ 119).

Разночтения Л., 1979, № 11

12	Сапог о сапог приколачивает
22	Все ребята тут да прираздумались
72	Говорит Дунай да сын Иванович
78	Поехал Дунай сын Иванович
85	Аль приехал ко мне в услуженьице
94, 101	Срубила б у тебя буйну голову
111	Предал его да смерти лютой

- 125 Горькими слезами она заплакала
 140 Подъезжает к шатру чернобархатну
 153 Говорит она таково слово
 155 Убил я князя Лиховитого
 182 Ой есь, Дунай сын Иванович
 189 Положим колечко на головушку
 194 отсутствует
 199 Встал Дунай сын Иванович
 205 Говорит-то Настасья дочь Семеновна
 208 И клала себе на голову колечико

№ 126

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 76, 77, рукоп.; Л., 1979, № 10 «Про солнышко Владимира». Зап. Леонтьевым Н. П.: 19 авг. 1940 г., сел. Усть-Цильма — от Носова Василия Прокопьевича, 75 лет. Повторная запись (см. коммент. к № 122).

Разночтения Л., 1979, № 10

- 4 Про всех людей торговых
 8 Собрались ребята на почестен пир
 13 Княженецка радость — в полурадости
 21 У всех у вас жены повыбраны
 25 Вы не знаете ли кто мне-ка супружницу
 29 Сквозь ейные чтобы рубашки тело видети
 31 А не скатен жемчуг перекатается
 50 Прежде, досель, в молоду пору
 58 Три года я жил у него в стольниках
 61 Было у Семена тогда две дочери
 64 Ездит-гулят все во чисто поле
 65 Бьется-дерется все с богатырьми
 71 За семью она стенами за камёнными
 72 За семью за дверями за железными
 73 За семью за замочками немецкими
 74 За семью за околками хрустальными
 76 Сидит-живет на стульчике ремешчатом
 83 Ровно скатен жемчуг перекатается
 84 Загорелось у солнышка ретивó сердце.
 Вместо 90 Олёша Попович умеет играть
 Во мелки пешки-шахматы
 К 90 сноска: Это говорит уже Дунай Иванович
 92 А в ту ли пору, а в это времечко
 93 Мы сходим к Опросенье дочь Семеновной
 107 Скоро они да в стремена вступили
 108 И скоренько да на коней вскочили
 110 Увидели — в поле только курева стоит
 114 Вставали ребята ко красну крыльцу
 115 Слезали ребята со добрых коней
 122 Садилися на стульчики дубовые

- 126 О сватовстве Опросеньи дочь Семеновны
 128 написано отдельно, взято в скобки
 130 Пошли они Опросеньи доложилися
 136 Есть у меня папочка Семен Лиховитый
 139 За мною дело не будут спорное
 143 Отец-маменька с ними скоро решилися
 156 В стремена вступил и на коня вскочил
 158 Ко старому казаку да к Илье Муромцу
 164 Слезали они со добрых коней
 172 Водочки все повыпили
 174 Сходили они да во божью церковь
 177 Пришли они в гридню во столовую
 182 Все они стали веселы

В варианте Л., 1979 последовательно изменено *ць* на *ч*, отдельные слова даны в литературной форме (вместо русские — русские, един — один, младшого — младшего, у его — у него, в тюрьмы — в тюрьме, товарищев — товарищей, охвотою — охотою, гриню — гридню, везали — вязали и т. п.), снято большое количество ударений.

№ 127

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 43, 44, маш.; БП, № 23 «О Добрынюшке Никитиче» [«Дунай»].

Зап. Разумовой А. П.: авг. 1942 г., д. Уег Усть-Цилемского р-на — от Дуркиной Марфы Дмитриевны, 70 лет.

«Краткий прозаический пересказ былины о Дунае с прикреплением ее к Добрыне. Из всего сюжета четко в памяти М. Д. Дуркиной сохранился лишь эпизод состязания Дуная с женой в стрельбе с трагическими последствиями этого состязания, частично переданный в стихотворной форме» (БП, с. 534). В тексте немало грубоватых просторечий, диссонирующих с традиционной былинной лексикой и стилистикой («девка», «подрались», «почухарилась», «брюхо»). В то же время М. Дуркина сохранила в своей памяти выразительную формулу, не имеющую параллелей в других записях: похваставшись на пиру, Марья Семеновна говорит, что Добрыня умеет «ездить да не по впол меня, а стрелять-то не во треть меня».

Разночтения БП, № 23

- 13 Добрынюшка говорит
 15 Обвенчались и пир стали пировать
 39 (22) А прижил ты мне`два отрока

Цифра в скобках означает № строки по БП внутри прозаического текста.

№ 128

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 46—49, маш.; БП, № 26 «Дунай».

Зап. Разумовой А. П.: авг. 1942 г., д. Хабариха Усть-Цилемского р-на — от Осташова Якова Андреевича, 65 лет.

«Былина в исполнении Осташова отличается хорошей сохранностью поэтических образов, художественно-словесных формулировок. Сказитель плавно, не обрывая ни одной строчки, вел свое повествование, а окончив, признался

в своем увлечении этой былиной» (примеч. соб. — БП, с. 535). Повествование обрывается увозом невесты для князя Владимира. В строках 76—79 использован популярный образ разбойничьих песен.

№ 129

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 8—13, маш.; БП, № 33 «О Скопине» [«Дунай-Скопии»]. Зап. Лупановой И. П.: авг. 1942 г., сел. Усть-Цильма — от Носова Василия Прокопьевича, 78 лет.

Данный вариант представляет собой контаминацию двух сюжетов: «Дунай» и «Скопин».

Былину не закончил: «Вот и все. Дальше не пели» (БП, с. 117).

Третья по счету запись этого сюжета от В. Носова (см. коммент. к № 122 и Прилож. III, № 3).

№ 130

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 3, № 91, л. 146—148, маш.; БП, № 63 «Женитьба солнышка Владимира». ФА VI МФ, 325.2.

Зап. Колпаковой Н. П.: 31 июля 1956 г., д. Лабожская Нарьян-Марского р-на — от Суслова Никандра Ивановича, 65 лет.

При пении во время записи на магнитофон исполнитель сбился на строках 4, 5:

Ан на всех же купцей, попов, богатырей,
Как на русских могучих все богатырей,

но сам заметил свою ошибку и попросил исправить (см. текст).

Текст содержит только первую часть сюжета. «Эпизоды сватовства и увоза Ефросиньи переданы кратко и без изображения конфликта и военного столкновения. (...) Необычным для „Дуная“ является поездка сватов на корабле» (БП, с. 545).

№ 131

Арх. филолог. ф-та Сыктывкарского университета, п. 10, тетр. 1а, 1981 г., рукоп. «Про Владимира-князя» (отрывок).

Зап. Егоровым И. Н. и Зелениным А. В.: лето 1981 г., сел. Усть-Цильма — от Чупровой Федосьи Ефимовны, 73 г.

Отрывок из начала былины. Упоминание Греции — результат возможного знакомства с каким-то печатным текстом.

БОЙ ДОБРЫНИ С ДУНАЕМ (№ 132—137)

«Былина на редкую в русском эпосе тему о столкновении двух русских богатырей друг с другом. (...) Принадлежит к числу малоизвестных» (Аст., I, с. 568). Самое большое количество записей сделано на Кулое, чуть меньше — на Мезени и Печоре; 2 варианта записано на Зимнем берегу. За пределами северо-восточного субрегиона сюжет фиксировался только на Пудогe в составе былины «Добрыня и Алеша» (версия Н. Прохорова и его учеников).

Наиболее полными и цельными в идейно-художественном отношении являются мезенские тексты. В них неизменно признается моральная правота Добрыни, Дунай осуждается киевскими богатырями и князем Владимиром. Оставляя на шатре подпись «со великими угрозами», Дунай посягает на свободу действий других богатырей, чем справедливо возмущается Добрыня:

Ишше этих страстей дак нам боетисе —
Нам не надобно по полю поляковать.

(Григ., III, 17)

Будто нам уж молодцам и в поле выезду нет.

(Григ., III, 37)

Золотицкие и большинство кулойских вариантов относятся к этой же версии сюжета, но в них нет такой четкости и определенности в критериях моральной оценки главных персонажей, да и осуждение Дуная далеко не всегда столь безоговорочно. Печорские варианты гораздо беднее подробностями, во многих из них скомкана концовка, лишь в двух текстах (№ 132, 133) рассказывается о том, как Илья Муромец рассудил Добрыню с Дунаем, еще один сказитель прозой сообщил: «Стар казак приехал (...) и их рознял» (№ 135). Главное отличие печорской версии от мезенско-кулойской — мирная развязка. Оба богатыря оказались по-своему правы: Дунай не оставил шатер «без угроз молодецких», а Добрыня не побоялся этих угроз. Такой же финал характерен для пудожских вариантов, в которых место Дуная занимает Алеша Попович. Эту версию сюжета одни исследователи считают более поздней по времени возникновения (Аникин, с. 54—56), другие — более древней (Русский былинный эпос на Севере, с. 154, Д и А, с. 388). Все 6 печорских вариантов былины записаны в Усть-Цилемском районе.

№ 132

Онч., № 7 «Бой Добрыни и Дуная»; Д и А, № 22.

Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., сел. Замезное (Замер) Усть-Цилемской вол. (на р. Пижме) — от Остахова Анкудина Ефимовича, 78 лет.

Предлог (с) в строках 50, 118, 128 восстановлен по аналогии со строкой 59.

Самый ранний по времени записи и самый полный печорский вариант былины, содержащий некоторые подробности, утраченные сказителями следующего поколения (размышления Ильи Муромца о том, как ему поступить после выяснения этнической принадлежности сражающихся богатырей; рассказ Дуная о своей службе иноземному королю). А. Остахов вложил в уста Ильи выразительную формулу:

Разве на земле-то стало да ноньце юзко вам?
Кабы дó неба-то стало да ноньце низко вам?

В другом месте сказитель еще раз подчеркнул эту важнейшую мысль былины (русские богатыри должны жить в мире друг с другом): «Не дерутца ле где руськие богатыри; кабы два ноньце руських, дак помирить надо». Любопытно упоминание «моря Варальского» — еще одно свидетельство географической осведомленности печорцев.

№ 133

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 9, л. 31 об.—35 (полев.), тетр. 4, л. 11—13 (перебел.); Аст., I, № 82 [«Добрыня и Дунай»].

Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Дуркина Дмитрия Карповича, 83 г.

Былину на данный сюжет Н. Е. Ончуков от Д. К. Дуркина не записал.

В основном текст не выходит за рамки печорской традиции. Однако Д. Дуркин не описывает поединка богатырей — Дунай преследует Добрыню, едущего в Киев, где их мирит Илья Муромец. Мотивировка примирения — «один оставил шатер с угрозой, а другой хоть попил-поел — не унес ничего» — знаменует собой еще больший отход от первоначального осмысления конфликта, характерного для мезенско-печорской версии сюжета.

Разночтения Аст., I, № 82

- 11 Задумал приворотить к шатру да к чернobarхатну
 48 Почищай ты у их да...
 49 И подпирай у их ты....

№ 134

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 2, л. 43—47, (полев.), тетр. 3, л. 48—50 об. (перебел.); Аст., I, № 49 [«Добрыня и Дунай»].

Зап. Астаховой А. М.: 13 июля 1929 г., сел. Замежное Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Савелия Дементьевича, 62 г.

Строки 1—72 спеты, остальные переданы словесно.

В полевой записи к строке 38 в скобках добавлено: «все разведывать» (тетр. 11, л. 44 об.).

«Восходит к редакции единственного варианта у Ончукова (см. № 132), отличаясь от последнего лишь некоторым словесным переоформлением, а от всех печорских вариантов — необычным для печорской традиции концом: убийством Дуная. Конец этот, возможно, Савелий Дементьевич, позабыв настоящий, тут же придумал (см. слова самого исполнителя: „Как тут было, не знаю“). Но, может быть, исполнителю когда-нибудь приходилось слышать былинку с трагическим концом. (...) Пел на тот же напев, что и былинку о Садко. Напев этот близко стоит к песенным напевам, и местами он также разбивает отдельные слова, как это делается в песне» (Аст., I, с. 569).

Как и в большинстве других печорских текстов, Добрыня сначала отъезжает от шатра Дуная и лишь потом, побоявшись неминуемых обвинений в малодушии, возвращается и учиняет погром. В изображении хмельного буйства Добрыни чувствуется ироническая насмешка («Пал коню своему под ноги» — см. также следующий текст).

Разночтения Аст., I, № 49

- 35 Думучись Добрыня прираз... ах да призадумался

№ 135

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 11, л. 18—20 об. (полев.), тетр. 3, л. 41 об.—43 (перебел.); Аст., I, № 52 [«Добрыня и Дунай»].

Зап. Астраховой А. М.: 12 июля 1929 г., сел. Замежное Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Афанасия Максимовича, 75 лет.

Примеч. соб. к строке 9: «Очевидная оговорка вместо „чернobarхатный“, см. следующий стих».

«Текст, как и другой вариант из той же деревни от С. Д. Чупрова (№ 134), восходит к редакции этого сюжета, зафиксированной в записях Ончукова (см. № 132). По словесному оформлению оба варианта из Замежного чрезвычайно близки, что объясняется частым совместным исполнением. (...) Позабыв в подробностях конец быliny, А. М. Чупров помнит все же, в противоположность Савелию Чупрову, о благополучном исходе и о роли Ильи Муромца.

„Невой-река“ — очевидно, переосмысление непонятной „Несей-реки“» (Аст., I, с. 569).

№ 136

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 10, л. 30 об., 31 об. (полев.), тетр. 3, л. 21 об., 22 об. (перебел.); Аст., I, № 66 [«Добрыня и Дунай»].

Зап. Астаховой А. М.: 10 июня 1929 г., д. Аврамовская Усть-Цилемского р-на — от Чупрова Гаврилы Ивановича, 50 лет.

Исполнитель спел только три первых строки, чтобы показать напев, остальной текст рассказал.

Полузабытый, путанный текст, в котором выпущены многие ключевые эпизоды. Вместо Дуная на спящего противника сначала хочет напасть, а потом будит его Добрыня. Г. Чупров использовал популярный в богатырских сказках и изредка встречающийся в былинах мотив: Добрыня спускает своего коня к коню противника, чтобы по их поведению узнать, кто победит в предстоящем бою (см. № 118, 127, а также Марков, 37, Рыбн., 130, 131, Григ., III, 99).

№ 137

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 406, л. 518, маш.; БП, № 42, нап. IV «Про Добрыню». ФА VI МФ, 212.2.

Зап. Колпаковой Н. П.: 23 авг. 1955 г., д. Кривомежная Усть-Цилемского р-на — от Носова Лазаря Михайловича, 76 лет.

«Текст представляет собой начало былины о встрече и бое Добрыни с Дунаем. Дальнейшее повествование исполнителем забыто. Следы забвения былины несет и данный отрывок: не указано, что в шатре (или над входом в шатер) находилась надпись, заключавшая угрозы тому, кто посмеет тронуть оставленные напитки и еду, — это и побуждает Добрыню учинить разгром шатра» (БП, с. 539).

Разночтения БП, № 42

14 Уж как вырвал шатер на мелки дребезги

ДЮК СТЕПАНОВИЧ И ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ (№ 138—152)

В сборнике Н. Ончукова сюжет представлен единственным вариантом (Онч., № 24), что не соответствует его истинному месту в репертуаре печорских сказителей. Новые записи вывели былинку о Дюке в число наиболее популярных, по общему количеству вариантов (15) Печора уступает лишь Онего-Каргопольскому краю, значительно превосходя все остальные районы Русского Севера. Подавляющее большинство текстов отличается сложной композицией.

Текстологический анализ заставляет усомниться в справедливости утверждения, что «печорские варианты переводят конфликт в план личного столкновения Дюка и Чурилы» (Аст., II, с. 743). По своему идейному пафосу печорские варианты близки к прионежским и кенозерско-каргопольским; почти все содержащиеся в них эпизоды и мотивы подчинены главной художественной задаче — подчеркнуть превосходство Галича над Киевом. Этому способствует использование ряда традиционных мотивов, известных по записям из других регионов (Дюк опасается замарать сапоги на грязных улицах Киева, пренебрежительно отзывается с киевских калачах; посланцы князя Владимира принимают за пожар сияние золоченых крыш и маковок Дюкова терема и даже сарая, они путают нарядных служанок богатыря с его матерью, не в силах оценить и малой части галицких богатств). Этой же цели служат оригинальные детали и подробности, удачно найденные местными певцами (см. коммент. к № 138, 139, 141, 143, 147, 150). Дюк бросает вызов всему Киеву, поэтому князь Владимир нередко велит заключить его в темницу, в Галич отправляет самых известных богатырей, а в одном из вариантов сам едет «описывать Нижнюю Галицу» (№ 145). Что касается Чурилы, то в записях нового времени его часто заменяют более популярные былинными герои, прежде всего Алеша Попович — № 143, 145 (та же тенденция характерна для мезенских и кулойских текстов).

Сюжетная схема этой былины на Печоре довольно устойчива и содержит все ключевые эпизоды (выезд Дюка из родного города и напутствие матери, похвальба на пиру у князя Владимира, два состязания с Чурилой, оценка мужества богатыря), однако в порядке их следования вариаций гораздо больше, нежели

в онегокаргопольских записях. Особого внимания заслуживают оригинальные мотивы и подробности, которых в печорских текстах немало (в основном они концентрируются в первой части былины).

1. В прионежской традиции инициатором столкновения, как правило, является Чурила, Дюк вынужден защищать свое доброе имя и делает это с блеском. В печорских вариантах галицкий богатырь с самого начала настроен агрессивно — в церкви он силой вытесняет Чурилу с правого клироса и язвительно прерывает его сетования:

Не то ноньце поют да не то слушают —
Поют и слушают обедню воскресенскую.

2. Активную роль в развитии действия играет Илья Муромец — как и в ряде других районов, он покровительствует Дюку, помогает ему советами, удерживает от скоропалительных решений. Обычно былинные певцы ничем не мотивируют симпатии Ильи к заезжему молодцу, лишь в кенозерско-каргопольской редакции сюжета освещается предыстория их отношений. Иное художественное решение (быть может, не столь удачное, если помнить традиционное бескорыстие Ильи Муромца) нашли печорские сказители. Зная характер своего сына и предвидя неминуемые осложнения в Киеве, мать Дюка дает ему подарок для Ильи Муромца — «перстяночки барановы», перчаточки «жемчужные», «золаты»; они Илье «во любви пришли». Нечто подобное есть и в одном из золотицких вариантов (ТМ, 49), но сходство оказывается чисто внешним, так как подарок — «Дюковые обродочки» — унизителен для Ильи Муромца. В печорских же текстах его авторитет непререкаем.

3. В ряде вариантов Дюку приходится отложить свою поездку, так как обиженный конь отказывается ему служить:

Не могу я нести тебя в столичный Киев-град:
Ты кормил меня травой-осотою,
Поил меня водой болотною.

Богатырь насыпает коню «пшены белояровой», поит его ключевой водой и только после этого отправляет в путь.

4. В начале былины большинство сказителей использует такой мотив: поднявшись на высокую гору, Дюк смотрит в подозрную трубу во все четыре стороны; подробно описывается открывающаяся перед ним панорама. На Печоре это описание приобрело характер «общего места» и встречается в нескольких сюжетах («Илья Муромец и Сокольник», «Бой Добрыни с Дунаем», «Козарин»).

5. Родина Дюка устойчиво именуется «Нижней Малой Галицей», «Корелой пребогатой».

6. Среди галицких сокровищ, поразивших воображение послов князя Владимира, выделяется чудесная «братынечка позолочена», у которой «семьдесят семь рожков».

В приведенном перечне преобладают сюжетобразующие элементы, что дает полное право говорить о существовании печорской редакции данной былины. Характерные для нее мотивы и подробности зафиксированы как в Усть-Цилемском, так и в Нарьян-Марском районах, лишь описание братины не отмечено в низовьях Печоры.

Специфические черты этой редакции сюжета наиболее полно представлены в текстах № 138, 139, 141, 142 этого издания, а беднее всего — в вариантах, испытавших книжное влияние и лишь частично восходящих к устной традиции (№ 148, 149). См. также Прилож. III, № 2.

№ 138

Изв. ОРЯС, 1902, т. VII, кн 3, «Печорские былины», № 5, с. 317—325; Онч., № 24 «Дюк Степанович». Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1901 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.

«Старина записана со слов» (Онч., Изв. ОРЯС, 1902, с. 325).

Один из лучших печорских вариантов, содержащий почти все отмеченные выше особенности местной редакции сюжета. Именно этот текст дал повод говорить о «переводе конфликта в план личного столкновения Дюка

и Чурилы» (Аст., II, с. 743) как о специфической черте печорской традиции. Между тем и в былине Поздеева далеко не все замыкается на личном соперничестве Дюка и Чурилы, ибо последний трактуется как представитель всего Киева, ставленник князя Владимира и «бояр толстобрюхих». В художественной структуре данного текста важное место занимает эпизод с «колачиком крупищетым», который пришлось Дюку не по вкусу. Чурила сам подчеркивает, что дело не только в личной неприязни гостя к нему:

Что это за такой богач пришел?
Над тобой, над князем, ломается,
Над божьим даром изгиляется.

Последовательно выигрывая у Чурилы одно состязание за другим, Дюк тем самым ставит под сомнение богатство и славу стольного Киева. Заключительные слова его матери звучат как вывод-обобщение (строки 249—250).

Сказитель использует прием предварения событий: наказ Омельфы Тимофеевны сыну не состоит из общих сентенций («княженевски пиры злы-омманчивы», «не захвастай своим богатством»), мать подсказывает, как узнать Илью Муромца; она заранее уверена, что «перстяночки эти ему в любви придут». Поздеев — один из двух печорских певцов, называющий Дюка «боярином» (строка 176), второй — Т. Кузьмин, вариант которого испытал сильное влияние книжных источников (см. коммент. к № 148). В Прионежье и Каргополье героя этой былины постоянно именуют «боярским сыном».

Разночтения 1902 г.

256 А впредь не хвастает

№ 139

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 6, л. 29 об.—44 и тетр. 7, л. 2 об.—26 (полев.), тетр. 2, л. 12—29 об. (перебел.); Аст., I, № 71, нап. XI «Дюк Степанович».

Зап. Астаховой А. М.: 1—2 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Носова Василия Прокопьевича, 65 лет. Запись на ФВ 7 июля 1929 г. Гиппиуса Е. В., Эвальд Э. В. — ФА I ФВ, 598.1:

$\text{♩} = 96$

Ай во е-то-ей ай да во Ниж-ной Ма-лой да Га-лицы,
Ай да есь ле да та-м(а), жи-вё-т(ы) да пре-чес-на в(ы)до-ва
Как по и-ме-ни дак О-мель-фа ли да-к(ы) Ти-мо-фе-ёв-на.

Ай во етоей ай да во Нижной Малой да Галнцы,
 Ай да есь ле да там, живёт да пречесна вдова
 Как по имени дак Омельфа ли дак Тимофеевна.
 Ай да есь у неё да чадо любнмо, едино чадо,
 Ах молодой-то ли наш князь да верной, право, Дюк Степановиць.
 Ай да немножко ёт рожденица, восемнадцать лет.
 Ах да предумалось ле ему да преохвотилось,
 А где съездить ле где сходить ли, верно, к синю морю,
 А на те нонче да на круты баские бережка,
 А на ти нонче на пески ле жолты Макарьёвски,
 А пострелять ле там гусей ле, белых ли лебедей.

Былинну перенял от Торопова Игнатия Васильевнча. Текст записан в два приема: вторая часть (начиная с 223 строки) спета 2 июля, исполнялась неохотно, на более быстрый напев, чем первая часть былины. Сказителю подпевала дочь Марфа, 15 лет, и внучка Татьяна, 13 лет (см. биографическую заметку о Носове В. П., с. 485).

Былина записывалась во время пения, отчего в записи есть невозстановимые места (Аст., I, с. 584—585).

Единственный печорский вариант, в котором противопоставление Киева Галице заметно приглушено, а князю Владимиру отведена роль третьей стороны в спорах Дюка и Чурилы. В значительном по объему тексте (567 строк) из многочисленных эпизодов и подробностей, бросающих тень на Киев и его князя, сохранены только те, без которых нарушилась бы логика повествования. Видимо, такое сужение конфликта — результат сознательной творческой установки В. П. Носова или одного из его учителей, так как антикиевская тенденция чувствуется даже в кратких, полуразрушенных печорских вариантах. Во всем остальном былина Носова остается в русле местной традиции, содержит практически все характерные для печорской редакции сюжета особенности (нет только эпизодов, связанных с Ильей Муромцем, его имя вообще не упоминается). Исполнитель хорошо владеет былинным стихом, любит повторы, детализированные описания, обладает богатым запасом эпических формул. Особенно часто он использует синонимичные словосочетания — «роздеватися-розболокатися», «находоцка-нападоцка», «поехал-погонил» и пр. Пристрастие певца к развернутым повторам не всегда художественно оправдано (напр., словесная перепалка Чурилы и Дюка в церкви — строки 181—201). В. П. Носов — единственный печорский сказитель, сохранивший редкое в северо-восточных районах описание чудесных орлиных перьев. (В прионежско-каропольском регионе этот мотив очень популярен). В строках 218—223 сказитель допустил

неточность (по логике вещей, вместо прямой речи должно быть повествование от третьего лица). «Енисей-река» (строка 257) — позднейшая замена традиционной «Пучай-реки» или «Непры-реки» (Днепра). В строках 325 и 346 использована формула волшебных сказок.

В повторной записи 1940 г. (№ 142) некоторые эпизоды опущены или сокращены. Не упоминается чудесная братыня, из трех состязаний Чурилы с Дюком осталось только последнее; первая стычка между ними происходит не в церкви, а на пиру, что приводит к явным алогизмам (формула «не то нонче поют, не то слушают оказывается неуместной»). Изменена и развязка былины — Дюк прощает своего заносчивого соперника.

Разночтения Аст., I, № 71

3	Как по емени ай Ёмелфа да Темофеевна
4	А-сь да как есь у ей да едино чадо
5	Ах да молодыи да Дюк да Степановець
6	А да немного е от рожденьица да двенадцать лет
57	Поеждяй назад ты да в Нижнюю Галицу
152	А ты здраствуй, удалый добрый молодец
307	А у мя-то дело приезжее
419	А пускай не находит на меня Чурило да благо Плёнкович
448	Да гумаги повыдержали на тысецу

Примеч. соб.:

К строке 53: «„ю“ в слове Дюк звучит почти совсем как „ё“».

К строке 58: «„я“ близко к „ё“, иногда „ай-ей“».

К строке 113: «в рукописи неразборчиво».

Строка 127 была вставлена дополнительно.

Строка 158 была вставлена при проверке.

К строкам 282, 296, 507, 508 — в рукописи пропуски.

№ 140

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 12, л. 26 об.—28 (полев.), тетр. 3, л. 67 об., 68 об. (перебел.); Аст., I, № 90 «Дюк Степанович».

Зап. Астаховой А. М.: 19 июля 1929 г., д. Климовка Усть-Цилемского р-на — от Торопова Николая Самсоновича, 79 лет.

«Былину пел на тот же напев, что и остальные, заметив, что следует петь по-другому, но ему тяжело» (Аст., I, с. 585).

Собиратели записали только начало былины, по которому можно судить, что вариант Н. Торопова относится к местной редакции сюжета (упоминается «Нижняя Малая Галица», подробно описан выезд Дюка «на шоломя на укатисты» и осмотр окрестностей в подзорную трубу). Даже в небольшом 30-строчном отрывке проявляется незаурядное мастерство сказителя; в полном виде его былина, несомненно, заняла бы почетное место среди других печорских записей.

Текст Н. Торопова — единственный, в котором указывается, что Киев расположен к востоку от Галицы (обычно указывается южная — «летняя» сторона, в одном варианте — северная).

№ 141

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 65 об., 66 об., рукоп.; РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 3, л. 1—11, маш.; Л., 1939, № 10; Л., 1979, № 19 «Дюк Степанович».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 7 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнелечорского р-на — от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.

В рукописи на месте строк 25—30, 51—58, 60—64, 101—105, 108—112 — строки точек. Строка 107 — неполная. Восстановлены на основании указаний соб., по аналогии.

Сохраняя основные приметы местной редакции сюжета, комментируемый вариант по композиции проще № 138, 139 (опущены эпизод с конем и диалог Дюка с княгиней Апраксией или слугами князя Владимира — приехав в Киев, герой сразу отправляется в церковь). Изменен порядок основных эпизодов — былинку заключают скачки на конях через Дунай-реку. Подобно В. П. Носову, И. Осташов трактует описание имущества Дюка, как оценивают назначенные князем «писари» Алеша Попович и Добрыня. Вместе с тем в тексте настойчиво подчеркивается антитеза «Киев-Галица». Уже в экспозиционной части содержится явный намек на превосходство Галицы (строки 33—40). Чурила, не простивший Дюку стычки в церкви, на пиру умело настраивает киевлян против «чужака»:

Тебя, князя, ничем зовёт,
Нас, богатырей, ни во что кладет.

(Эта формула, по всей вероятности, перенесена из былины «Илья Муромец и Сокольник».) На Дюка «осердился все», даже «арестовали» его, лишь Илья Муромец «не дават его в обидушку», садит за передний стол по праву руку от себя. И молодой богатырь благодарен своему заступнику: выиграв первые два состязания, он не рубит сопернику голову, как предусмотрено уговором.

Поглядел он на старого Илью Муромца
И простил Чурила млада Пленкова.

В целом вариант Осташова выдержан в традиционном духе, насыщен постоянными формулами, повторами. Удачно найден сказителем мотив-скрепа, органично соединяющий эпизод на пиру с состязанием платьями. Пытаясь унижить Дюка, заносчивый Чурила заявляет:

Я куплю-продам тебя одной своей куньей шубой!

Включение в текст новой лексики порой диссонирует с общим возвышенно-поэтическим лексическим строем былины («арестовали», «пальто», «магазин сбруи лошадиной», «рюмка вина»).

Разночтения Л., 1939, № 10 и Л., 1979, № 19

3	Выезжает Дюк сын Степанович (1979)
4	отсутствует (1979)
5	Выезжает на горы Сарачинские (1979)
13	Говорит-то Дюк сын Степанович (1939, 1979)
16	Поворотил он своёго коня доброго (1979)
36	Не огонь горит и не зарево (1939, 1979)
38	Сарай у нас горит серебряной (1939)
41	Говорит Дюк да сын Степанович (1939)
47	Уж не дам я тебе благословеньца (1939)
49	Молодохонько ты, дитя, зеленехонько (1979)
56, 65	Уж не дам я тебе благословеньца (1939, 1979)
59	Третий раз Дюк ее выспрашнвал (1939, 1979)
69	Заплакала мать его родимая (1979)
75	Ой еси, мое чадо милое (1939, 1979)
84, 85	отсутствуют (1979)
88	Своими плечами могучими (1979)
96, 110	Говорит Дюк да сын Степанович (1979)

- 114 Выходили они да все на улицу (1939)
 126 Тот-де Дюк сын Степанович (1979)
 127, 128 отсутствуют (1939)
 146 Все стали на него поглядывать (1939)
 147—156 отсутствуют (1939)
 158 Тут Дюк с Чурилом крепко спорили (1939)
 177 Клаал ярлык в седельшко зеркальчато (1979)
 180 В ту же да Нижну Галицу (1939)
 187 отсутствует (1979)
 188 отсутствует (1939)
 Да ой есь, матушка родимая (1979)
 189 отсутствует (1939)
 После 195 Вымал свое пальто да воскресенское (1979)
 213 Рубить у Чурила буйну голову (1939, 1979)
 215 отсутствует (1939)
 221 Говорит Чурило таково слово (1939)
 После 238 ремарка отсутствует (1939)
 242 Я ей только кухарочка (1939)
 Я, — говорит, — ейна кухарочка (1979)
 244 отсутствует (1939)
 253 отсутствует (1979)
 264 Ой есь, удалы добры молодцы (1939)
 Ой еси, удалы добры молодцы (1979)
 268 Подала по рюмке вина заморского (1979)
 270 По другой подала рюмочке вина заморского (1979)
 281 Не описать нам ейно имущество за целый год (1979)
 287, 288 перестановка строк: 288, 287 (1939)
 292 Описывали только два месяца (1939)
 296 Заберет нас на круглый год (1979)
 298 отсутствует (1979)
 300 Рубить-разбить его буйну голову (1939)
 302 Стали его да упрашивать (1979)
 Стали его упрашивать, уговаривать (1939)
 306 Не стал ему рубить да буйну голову (1939)
 Не стал рубить его да буйну голову (1979)
 312 Тут-то они прираспорили (1979)
 322, 323 отсутствуют (1939)
 335 Не омочил он ни копытика (1979)

№ 142

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 277, п. 1, № 1, л. 77 об., 78 об., рукоп.; Л., 1979, № 18 «Про Дюка сына Степановича».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 20 авг. 1940 г., сел. Усть-Цильма — от Носова Василия Прокопьевича, 75 лет. Повторная запись (см. коммент. к № 139).

Разночтения Л., 1979, № 18

3 По имени Омельфа Тимофеевна

- 14 От буйной главы до сырой земли
 25 Берет он уздилочку тесменную
 30 Скоро он, Дюк, в стремена ступил да на коня вскочил
 31 В стремена вступил да на коня вскочил
 68 Быстрые речки — на скак скакнем
 71 Ко своей ли маменьке родимой
 76 Понл его водой ключевою
 78 Говорил ему свой добрый конь
 86 К своей ли маменьке родимой
 87 Просил он у ней благословеньица
 88 От буйной главы до сырой земли
 103 Со всема ли со русскими богатырьми
 106 Не хвастай своей золотой казной
 111 Говорил тут Чурило таковы слова
 114 Всех стеснил руских богатырей
 115 Меня-то, Чурилку, вовсе с места сжил
 119 Говорил еще Чурила во второй након
 123 О своей-то ли буйной голове
 127 У которого больше у нас окажется
 137 Гости незваны, гости нежданнны
 145 Калачик съешь — другой хочется
 149 Не описали у него еще конюшен двор
 150 Не описали лошадей хороших
 151 Не описали сбрую лошадиную
 158 Со великим большим богатством

В варианте Л., 1979 заменено *ць* на *ч*, *тца* на *тсья*, отдельные слова даны в литературной форме (вместо прихвостилось — прихотилось, благословеньицо — благословеньице, о тысячи — о тысяче, у его — у него, медляные — медяные и т. п.).

№ 143

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 126—132, маш.; БП, № 3 «Дюк Степанович».

Зап. Беловановой А. В.: авг. 1942 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Носовой Анастасии Артемьевны, 67 лет.

В тексте сохранена общая сюжетная канва былины, однако он не отличается высокими художественными достоинствами. Совсем не упомянут Чурило Пленкович; в одних эпизодах его заменяет князь Владимир, в других — Алеша Попович (сцена на пиру, перескакивание на коне через Днепр-реку). Заметен отход от традиционной былинной фразеологии, склонность певицы к импровизации. Забывая традиционные для «Дюка» эпические формулы, она охотно вводит в свой текст сказочные мотивы, элементы плачей, исторических песен, развернутые описания из других былинных сюжетов. Как правило, такие переносы сопровождаются переосмыслением постоянных формул, их деформацией. Так, в строках 58—61 с трудом угадывается формула укора коню из былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник», а в строках 116—121 — описание чудесных пуговиц Дюка. (Кстати, использованные здесь поэтические образы связаны не с печорской, а с прионежской традицией.)

Не исключено знакомство А. Носовой с печатными источниками. Ее вариант крайне беден сугубо печорскими мотивами и формулами, даже мать главного героя названа не «Омельфой Тимофеевной», а «Офимьей Федоровной». С местной редакцией сюжета былину Носовой роднит упоминание чудесной «братыни рожков семьдесят»,

хотя описана она как чара с отравленным вином в исторической песне о смерти Скопина и некоторых других эпических песнях (строки 166, 167).

Далее следует крайне неудачная импровизация:

Пахнет ароматом ужасным,
От аромата все пьянешеньки.

В наказе матери героя использована формула, встречающаяся во многих печорских и некоторых мезенских вариантах былины о поездке Василия Буслаева (строки 16, 17). Формула также подверглась деформации. В то же время в тексте есть мотивы, не свойственные местной эпической традиции (упоминавшееся выше описание платья Дюка, бой со «змеей лютой», который справедливо рассматривается в литературе как варнация прионежского мотива «трех застав» — БП, с. 527). Это позволяет предположить переплетение книжных по происхождению элементов с устной печорской традицией (тем более, что в сводной былине А. Носовой о Добрыне влияние печатных источников еще более ощутимо — см. коммент. к № 31). Исполнительница стремилась выдержать стихотворный ритм, но часто сбивалась на прозу (строки 130—133, 178—185 и др.): текст сказывался, а не пелся.

№ 144

Арх. Комн фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 37—39, маш.; БП, № 24 «Дюк Степанович».

Зап. Разумовой А. П.: авг. 1942 г., д. Уег Усть-Цилемского р-на — от Дуркиной Марфы Дмитриевны, 70 лет.

Краткий, путаный вариант, соединяющий стихотворные фрагменты с прозаическим пересказом. В стихотворных отрывках М. Дуркина сохраняла былинную фразеологию, традиционные печорские формулы, а переходя на прозу, сбивалась на схематичный и маловыразительный пересказ. Подробно описано выхаживание богатырского коня, которого слуги Дюка (а не он, как обычно) кормили «сеном осотенным», поили «водой болотенной». Нижняя Галица не упоминается, Киев заменен «Ярославом-городом», Пучай-река — «широкой Печорой». Соперником Дюка является не Чурила, а сам князь Владимир: он сажает богатыря в темницу. В тексте встречаются некоторые элементы сказочного оформления (подчеркивание огромного веса одежды и обуви Дюка — их даже Добрыня «не может снести»; богатырский сон героя; типично сказочная концовка).

Разночтения БП, № 24

70 Тут поехал он туда, где был [Дюк] посажен...
80 ...жив и здоров

№ 145

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 59—63, маш.; БП, № 13 «Дюк Степанович».

Зап. Митропольской Н. К. и Переваловой Е. И.: авг. 1942 г., д. Верхнее Бугаево Усть-Цилемского р-на — от Шишоловой Авдотьи Андреевны, 79 лет.

Довольно полный вариант, содержащий основные особенности печорской редакции сюжета (родина Дюка названа «Нижней Малой Галицей», традиционна роль Ильи Муромца, описано столкновение в церкви с Алешей Поповичем, заменившим Чурилу Пленковича). Несмотря на скомканный конец, противопоставление богатой Галицы Киеву выдержано последовательно, с особой четкостью сформулировано в словах Дюка:

Я, грит, думал, хорош, пригож стольный Киев-град,
А в стольном Киеве ничего нету.

Чурила Пленкович не упоминается, его роль перешла к Алеше Поповичу. Князь Владимир сам отправляется в Галицу описывать богатства Дюка. Изменен традиционный порядок эпизодов: сначала соперники состязаются в скачках через Неву-реку, а затем повествование переходит в обычное русло. Есть в тексте оригинальная деталь, не известная по другим печорским записям, — в церкви Дюк «своим зычным голосом покрывал он всех попов-дьяков». Близкие по характеру мотивы встречаются в двух кулойских вариантах — Григ., II, 45 (257) и 51 (263). Перед строками 90—93 очевидный пропуск исполнителя (или собирателя) — укору Дюку оказались включенными в его собственный монолог. В строке 111 «валяжные» (пуговицы) — переосмысление традиционного постоянного эпитета «валячные» (т. е. литые, чеканные).

Разночтения БП, № 13

104 Открывала седёлышко зеркáльчато

№ 146

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 10—14, маш.; БП, № 34 «Дюк Степанович».

Зап. Лупановой И. П.: авг. 1942 г., сел. Усть-Цильма — от Кислякова Ивана Григорьевича, 70 лет.

Данный «вариант испытал сильное воздействие сказочного жанра как более знакомого и близкого сказителю (от И. Г. Кислякова записано более 16 сказок)» (БП, с. 537).

Замена Днепра или Пучай-реки в эпизоде состязания конями Невой-рекой встречается и в других печорских вариантах (см. № 145).

Примеч. соб.: «Строки 34—38 вставлены сказителем позже» (БП, с. 121).

Подробнее о былине см. БП, с. 537.

«И. Г. Кисляков — известный в Усть-Цильме сказочник, и это наложило отпечаток на единственный записанный от него былинный текст — в нем перемежаются стихотворные и прозаические фрагменты. Начало былины передано стихом, сохраняются постоянные формулы, развернутые описания, параллелизмы и другие особенности поэтического языка героического эпоса. Во второй части — «о состязании» — исполнитель окончательно перешел на прозаический пересказ. (...) Образы богатырей сопровождаются определениями, связанными с современными понятиями: Чурила — главный генерал, Дюк становится почетным гражданином Киева. Имеются и другие случаи модернизации: «документы пишет о своей голове», «его уже заарестовали», «обрядился в самоцветную пальто» (БП, с. 537).

И. Кисляков придерживается традиционной для Печоры сюжетной схемы, но передает ее не столь подробно, как П. Поздеев, В. Носов или И. Осташов; состязание платьем и опись имущества соединяет в одном эпизоде. Необычно отчество Чурилы — «Никитич» (очевидно, позаимствовано из былин о Добрыне). Любопытно указание, что в княжеских палатах Дюк «молится по старой религии» (строка 77). В районе, где позиции старообрядчества в прошлом были особенно сильны, такая деталь служит знаком глубокой симпатии создателей былины к герою. И не случайно исполнитель завершил свой пересказ словами: «Покорил Дюк сын Степанович, покорил он богатырей богатством всех, покорил он стольный Киев-град».

Разночтения БП, № 34

46	Во двенадцать войлышков, во двенадцать потничков
68	...бегают, малят
109 (108)	Наш пир не во что кладешь, пáря, ничем считаешь
128	отсутствует
134	Тоже цены не могли дать
138	отсутствует

Цифра в скобках означает № строки по настоящей публикации, не совпадающей с БП.

№ 147

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 158—160, маш.; БП, № 9 «Про богатырева сына» [«Дюк Степанович»].

Зап. Ермолиной И. К.: авг. 1942 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Савуковой Татьяны Антоновны, 63 г..

Прозанческий пересказ былины, по существу уже превратившийся в богатырскую сказку. В тексте выпущены некоторые важные эпизоды, утрачены имена героев, в том числе и главного; лишь мать «богатырева сына» названа по имени, но оно не традиционно — «Владимирка». Тем не менее связь варианта с былинной традицией Печоры не вызывает сомнений. Т. Савукова использует ряд местных формул, в ее пересказе описана чудесная «братына в семдесят рожков», подробно сообщается, как герой выходит на гору и смотрит в подзорную трубу в «западу, северну и летнюю сторону». Обычным для этой былины состязаниям предшествует участие героя в своеобразном турнире киевских богатырей. Проявив высокое воинское искусство, «богатырев сын» получает всеобщее признание, приглашается на пир, где разворачиваются дальнейшие события.

Разночтения БП, № 9

24	Кого махнет...
27	...в свои высокне хоромы
28	...и поехали к дому высокому, хорошему
34	...лягнул стену каменну, стена задрожала
53	...а и стены огнем зияют

№ 148

РО ИРЛИ, р, V, колл. 160, п. 3, № 7, л. 30—39, маш.; БП, № 84 «Про Дюка». ФА VI МФ, 327.8; БРМЭ, № 55, нап. с. 287.

Зап. Колпаковой Н. П.: 4 авг. 1956 г., д. Тельвиска Нарьян-Марского р-на — от Кузьмина Тимофея Степановича, 68 лет.

«Превосходный текст, обнаруживающий большое мастерство Кузьмина как сказителя былин. В тексте нет специфических для печорской традиции мотивов, кроме традиционного на Печоре упоминания Малой Галичи и Карелы пребогатой. Отсутствует эпизод высматривания Киева в подзорную трубочку, не упоминается подарок, привезенный Дюком Илье Муромцу (перчатки). С другой стороны, наблюдаются элементы, сближающие текст с прионежскими вариантами: чудесные и опасные заставы на пути в Киев, недоумение оценщиков при виде сверкающей Галичи (неужели Дюк велел спалить Галичу к их приезду?); каждодневная мена мастн Бурушкой в эпизоде состязания конями; презрительное обращение Дюка к Чуриле в конце былины: «Не с богатырями бы тебе, Чурила, ведаться, а водиться бы с киевскими бабами» (см., например, все эти мотивы: Рыбн., 16, 29; Гильф., II, 85, 152, 159 и др.). Очевидно, Т. С. Кузьмин слышал или читал былину в прионежской редакции или в обработке, использовавшей прионежские тексты. Вместе с тем есть детали, восходящие к другим былинам: ср. образ Чурилы (строки 51—53) с описанием первого появления Чурилы в былине Кириши Данилова об этом богатыре (КД, 18); юмористическое изображение того впечатления, которое он производит на женщин (строки 54—56), текстуально совпадает с соответствующими стихами нижегородского текста из сборника Киреевского (Кир., IV, с. 87) и варианта сказительницы А. М. Пашковой (Пар.-Сойм., с. 76). Начальные же строки текста Кузьмина (1—4) непосредственно связаны с известными стихами Лермонтова — вступлением в «Песню про купца Калашникова»: «Мы сложили ее на старинный лад», «Мы певали ее под гусярный звои» (БП, с. 552). Т. Кузьмин, как и С. Маркова, упоминает «Почай-реку», использует описание чудесных пуговиц, отличающееся от традиционного печорского. (Подробнее см. коммент. к № 149). Оригинальный художественный образ:

Во столовой полы да все хрустальные,
Под полами-то верно жива рыбаца, —

очевидно, генетически связан с побывальщиной Дмитриевой из Заонежья: «(...) половицы в полу стеклянные, под ними вода течет, рыбки разноцветные; а хлестнет рыба хвостом, половина точно треснет. Упирается князь, боится ступить по половцам, однако же ведут, так надо идти» (Рыбн., 88).

Разночтения БП, № 84

3	Еще кто бы-то ль, братцы, давнюю песню спел
4	Всё песню ту спел да под гусярный звон
8	Со своей ли-то родимой со матушкой
14	Еще съездить-то мне-ка в стольний Киев-град
24	Не боюсь я ведь горы ведь толкучии
31	Проскакал-то его ведь и Бурушко
32	Подъезжает он к птицам да вот и клеуччим
45	Еще-то всё-то ведь здесь да не по-нашему
53	Еще зонтиком Чурила призакрылся жо
54 (55)	Еще молодухи глядят, да как оконницы звенят
65 (66)	Молодой ле ты боярин, Дюк Степаевич
70 (71)	Как у вас-то ведь в Киеве печки все глиняные
201 (202)	И обрушился Чурила засередь реки

Цифры, заключенные в скобки, означают номера строк по настоящей публикации, не совпадающе с БП.

№ 149

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 6, № 5, л. 10, 11, рукоп.; БП, № 76 «Дюк Степанович».

Зап. Митрофановой В. В.: 24 июля 1956 г., д. Качгарт Нарьян-Марского р-на — от Марковой Софьи Степановны, 78 лет.

Комментируя тексты С. Марковой, А. М. Астахова пришла к выводу, что сводная сказка о Добрыне и пересказ былины о Дюке — «сплав слышанного ею в устной традиции и читанного в книгах» (БП., с. 549). К этому можно добавить, что и третья былина Марковой — об Илье Муромце — восходит к книжным источникам (см. коммент. к № 52). Связь с местной традицией проявляется в том, что Дюк по совету матери дарит Илье Муромцу «перцяточки, жемчугом шитые»; использован также мотив откармливания коня перед дальней дорогой (причем и сам богатырь за это время так «отъелся», что Омельфа Тимофеевна его не узнала). Как и в тексте Осташова (№ 141), Дюк еще до приезда в Киев убедился в превосходстве родного города: осмотрев с горы окрестности, он пришел к выводу: «Ничего в Киеве хорошего нет, белое все, церкви белые, а у нас все золотое». (Возможно, эта деталь появилась в результате буквального прочтения топонима «Золотая Орда», заменившего в комментируемом тексте традиционную «Галицу».) Некоторые мотивы роднят вариант Марковой с записями из Прионежья и Каргополья — «мена масти конем Дюка в состязании коняи, исключение Алеши Поповича из числа оцеищиков из-за его «загребущих рук». (...) Своеобразной и очень удачной деталью текста является изображение ошибки Дюка, принявшего княгиню Апраксию за портомойницу, — ошибки, обратной, той, которую совершают посланцы от князя Владимра на родину Дюка, принимающие портомойницу за мать Дюка. (...) В конце рассказа ясно припоминание стихотворения А. К. Толстого «Сватовство» (БП, с. 549). Перечень прионежско-каргопольских (или, во всяком случае, не печорских) деталей можно дополнить. Маркова упоминает «лопатниц», «метельниц», которые идут по улице впереди матери Дюка (эта подробность обычна в кенозерско-каргопольских текстах, изредка встречается в пудожских, но не характерна для печорских, мезенских и кулойских вариантов). В описании чудесных пуговиц на одежде Чурилы использован популярный в Пронежье поэтический образ («Чурила провел палочкой по пуговкам, дак с одной стороны мальчик, а с другой девочка, дак поцелуются»).

Сказители Печоры подчеркивают изысканность наряда другими средствами — каждая пуговка поет своим голосом. Для местных записей не характерен гидроним «Пучай-река». И в «Дюке», и в «Добрыне и змее» действие происходит на Непре, Дунай-реке, Енисей (Несей)-реке, и лишь в былинах С. Марковой и Т. Кузьмина (см. коммент. к № 148), явно связанных с книгой, фигурирует «Пучай-река». Что касается ошибки Дюка, по платью принявшего княгиню Апраксию за портомойницу, то эта художественная находка, видимо, тоже не принадлежит Марковой. Данный мотив встречается в побывальщине, записанной в Заонежье П. Н. Рыбниковым (Рыбн., 88), а позднее не раз фиксировался в этом же районе (Аст., II, 142, 149).

Разночтения БП, № 76

5 ...дак пошел по городу искать коня, кто укажет

№ 150

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 172, № 3, № 1, маш.; РФ, т. XII, 1971, с. 234—237 «Дюк Степанович». ФА VI МФ, 769.6; СП, с. 22—24 (отрывки), нап. с. 23

Зап. Балашовым Д. М.: июль 1963 г., сел. Усть-Цильма Коми АССР — от Вокуева Гаврилы Васильевича, 81 г.

Примеч. соб. к строкам 19, 113, 125 — «исполнитель сбился».

Одна из последних по времени печорская запись былины о Дюке. Вариант содержит целый ряд специфических особенностей местной редакции сюжета (упоминание «Нижней Малой Галицы», столкновение Дюка с Чурилой в церкви, описание чудесной братины). Некоторые эпизоды опущены (осматривание окрестностей в подзорную трубу, сближение Дюка с Ильей Муромцем, состязание конями), но те, которые введены, излагаются обстоятельно, скомпонованы удачно. Повествование начинается с рассказа об отце богатыря, что необычно для «Дюка» и, видимо, объясняется влиянием былин о молодости Добрыни и Василия Буслаева. Обращает на себя внимание форма имени отца Дюка «Стефан», как нельзя более уместная в сюжете, приуроченном к Галицо-Волинской земле. Интересна еще одна особенность варианта. Приехав к терему князя Владимира, Дюк видит три кольца для привязывания коней — медное, серебряное и позолоченное и подписи, сообщающие, что предназначены они для всадников, принадлежащих к разным сословиям. Богатырь рассудил, что у себя в Галице он живет «простым мужиком», «добрым купцом» и «великим князем», и привязал своего коня сразу за все три кольца. Ближних параллелей к этому уникальному мотиву обнаружить не удалось, но отдаленное сходство прослеживается в одном из кулойских вариантов «Дюка» (Григ., II, 51), в мезенской былине о Камском побоище (Григ., III, 111), в текстах с Пинеги (Григ., I, 14(50), устья Индигирки (БС, № 83). Все это позволяет считать своеобразную «иерархию колец» для привязывания коней не домислом Г. Вокуева или его предшественника, а традиционной, хотя и редкой деталью.

Разночтения РФ, т. XII

4	Как ище того Степан скорó преставилсе
19	отсутствует
56	Как богатыри те ище приедут
113	отсутствует
132	Кабы тим да мы платьем с тобой цветным
133	Отвечает на то ле Дюк ище Степанович
137	Привезут мне платьё ище цветное

Былина была написана на ВСГ «Мелодия» (Москва) 15 окт. 1965 г.: грампластинка Д-025678, № 1.

№ 151

Арх. ФК МГУ, 1980, тетр. 1, № 360, л. 74, 74 об., рукоп. «Дюк Степанович».

Зап. Ивановой А. А.: июнь 1980 г., д. Среднее Бугаево Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Носова Степана Афиногеновича, 78 лет.

Примеч. соб.: к строке 6 — «произносит *хм'ел'наго*»,
к строке 9 — «исполнитель сбился».

«Былину исполнял по собственной записи, написанной накануне, чтобы не сбиться» (л. 74 об.).

Стяженный и сильно разрушенный текст, в котором схематично переданы два эпизода: пренебрежительный отзыв Дюка о киевских калачах и описывание его имущества княжескими слугами. Печорской специфики сюжета в варианте не обнаруживается.

№ 152

Арх. филолог. ф-та Сыктывкарского университета, п. 10, тетр. 1а, 1981, рукоп. «О Дюке Степановиче» (отрывок).

Зап. Егоровым И. Н. и Зелениным А. В.: лето 1981 г., сел. Усть-Цильма — от Чупровой Федосьи Ефимовны, 73 г.

Начало былины. Упоминание Нижней Малой Галицы свидетельствует о ее связи с местной традицией.

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧ И КАТЕРИНА (№ 153—164)

Былина о Чуриле и Катерине — одна из популярнейших на Русском Севере, имеется большое количество как старых, так и новых ее записей. Ключевые эпизоды устойчиво повторяются во всех районах бытования этого сюжета, однако отношение исполнителей к персонажам варьируется, что отражается на стилистическом оформлении и особенно на развязке былины. Диапазон этих вариаций необычайно широк: оскорбленный муж убивает обоих любовников, служанку-доносчицу, а иногда и на себя накладывает руки (Гильф., 8); он убивает неверную жену и Чурилу, а на служанке женится (см. публикуемые тексты); карает жену, отпуская любовника («До тебя-то мне, Чурило, делу нету-ка» — Гул., 33; «Ты был, Чурило, званый гость» — Гул., 27); после гибели Чурилы Катерина решается на самоубийство (кенозерская редакция). В одних редакциях сюжета подчеркивается глубина и искренность чувства Катерины, семейно-бытовой конфликт приобретает трагическое звучание (Гильф., 224 и другие кенозерско-каргопольские записи), в других любовники изображаются в нарочито сниженном, даже ироническом плане (Гильф., 8 и другие повенецко-толвуйские варианты). В разных районах бытования сюжет осложняется некоторыми дополнительными эпизодами (сборы и выезд Чурилы в повенецко-толвуйской редакции, игра Чурилы и Катерины в шахматы в кенозерско-каргопольских текстах); в былине используется много оригинальных формул, часто иносказательных, построенных на метафорических образах и параллелизме; ареал распространения этих формул, как правило, совпадает с границами регионов. Мужские имена героев устойчивы; если не считать механические переносы из других былин, то варьирование отмечается лишь на фонетическом уровне («Чурила» — «Щурилушка», «Пермята» — «Бермята» — «Берма» — «Ярма» — «Вельма» и др.). Жену Пермяты обычно называют Катериной (Прионежье, Выгозеро, Кенозерско-Каргопольский край, Моша, Сборник Кириши Данилова); в записях с Алтая и из северо-восточных районов европейской части России (в том числе и с Печоры) она чаще остается безыменной, реже получает одно из популярных в русском эпосе женских имен — «Василиста», «Настасья Викулична». Из 12 печорских вариантов 9 записано в Усть-Цилемском районе (одна запись повторная) и 3 — на Нижней Печоре. Все тексты принадлежат к одной редакции сюжета, ряд особенностей которой обнаруживаются также в записях с Верхней Мезени (Аст., I, 6, 16.) В печорской редакции служанка всегда принимает сторону обманутого мужа, настойчивые попытки Чурилы подкупить ее заканчиваются безрезультатно. Пермята без колебаний убивает Чурилу, но готов простить жену «во первой

вины». Однако героиня отказывается от примирения с нелюбимым мужем, провоцируя его на расправу. С чувством глубокой скорби она говорит о Чуриле: «Не зайдет боле другожды красно солнышко» (№ 153), готова разделить его участь: «Да куда полетел блад ясён сокол, да туда же лети лебедь белая» (7 вариантов из 9), а в одном из текстов не скрывает своей ненависти к мужу (№ 156, строки 113—115). (Ср. попытки героини отравить мужа в записях с Зимнего берега и Пинегы.) С такой группировкой персонажей полностью согласовывается женитьба Пермьты на служанке.

В этой былине местные сказители избегают детализации и развернутых описаний, предпочитая скоротечные, драматические диалоги. Даже троекратные повторы (попытки Чурилы подкупить служанку, «допрос» жены о вещах Чурилы) не вызывают замедления действия, а способствуют предельному обострению ситуации, подготавливают эмоциональные взрывы и решительные, бескомпромиссные поступки героев.

Для печорской редакции сюжета характерны повторяющиеся по вариантам мотивы и формулы, не встречающиеся или редкие в других регионах. Почти во всех текстах подчеркивается, что в доме Пермьты

Тут и зажил Чурило по-домашнему.
Свешал всё платице на грядцоьку,
Кабы шапочку, перчатцоьки на лавоцьку...

Аналогичная формула есть в одном из верхнемезенских вариантов (Аст., I, 16), в другом она дана в сокращенном виде (Аст., I, 6). Упрекая Чурилу, служанка обычно прибегает к метафорическому иносказанию, иногда расшифровывая его скрытый смысл: «Ты не парь же кишку да во чужом горшку» (№ 188, 189, 191), «Ты чужу пашню пашешь, да своя так и стоит, ты чужу жону любишь, да своя так живёт» (№ 160—164). На аллегорическом иносказании построен и разговор служанки с хозяином: «Заскочил к тебе конь да в зелены сады, уж как топчет твою да шолкову траву». В такой же функции этот образ использован в одном из верхнемезенских текстов, в другом он понят буквально (см. об этом: Аст., I, с. 64). Печорские певцы, как правило, не дают портрета Чурилы (исключение — вариант П. Дитятевой — № 156), лаконично описывают и его выезд из дома. (В ряде других районов описанию выезда и внешности героя уделяется много внимания и места — см., напр., Гильф., 189, ТМ, отдел 3, 48.) И хотя в текстах нет прямых указаний на внешнюю красоту Чурилы, слушатели, видимо, всегда представляли его красавцем. Этому способствует употребление постоянных эпитетов «премладый», «молоды-душа», сравнение героя с ясным соколом. В таком же ключе воспринимается зачин былины, где Чурило употребляется «беленькому заюшку», «чернохвосту горностаю», прокладывающим следы по свежей «порохе снегу белого». Кстати, упоминание снега — крайне редкая в русском эпосе деталь. В северно-русских текстах «Чурилы и Катерины» неизменно подчеркивается, что снег выпал не вовремя — либо слишком рано (на Воздвиженье, т. е. 14 сентября по старому стилю, — Пинега, Григ., I, 45), либо слишком поздно (на Благовещенье, 25 марта по старому стилю, — в кенозерско-каропольской редакции). Дальше других пошли печорские сказители, у них действие происходит в середине лета:

Ай выпала пороха снегу белого,
И не во пору порошиця, не вовремя,
Ай да среди лета, о Петрова дни.

(Петров день — 29 июня по старому стилю.) Обильный снегопад ранней осенью, поздней весной, а тем более летом — явление исключительное; пейзажная зарисовка словно предваряет драматическое развитие событий и трагическую развязку былины. Примечательно, что такого вступления нет в тех редакциях сюжета, в которых Чурило и Катерина изображаются в сниженном плане.

№ 153

Онч., № 25 «Чурило и неверная жена».

Зап. Ончуковым Н. Е.: апр.—май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.

Текст содержит почти все характерные особенности печорской редакции сюжета. Трижды пытаюсь подкупить служанку, Чурило обещает ей все более ценные вещи: «платоцик на головушку (...) пяти рублей», «лентоцьку (...) десяти рублей», «шубеецьку (...) двадцати пяти рублей». Мотив подкупа служанки устойчив в печорских текстах, но перечень подарков сильно варьируется («башмачки», «сапожки», «платье», «шаль», «сережки» и др.).

Как и в некоторых других северо-восточных записях (Аст., I, № 16, и № 160 в нашем издании), в комментируемом тексте содержится намек на предшествующие описываемые отношения Чурилы с Пермятой:

Кабы прежде тебе да было сказано,
Уж досель тебе было ище наказано,
Не ходи ты в мои да в зелены сады,
Не топчи ты мою да шолкову траву.

Неуклюжая отговорка Чурилы: «Я эки-ти речи не слыхивал», видимо, принадлежит П. Поздееву (в других вариантах она не встречается).

Интересна переключка концовки поздеевского варианта с текстами заонежского сказителя А. Чукова (Гильф., 148, 149 и др.) и былинной из Сборника Кириши Данилова (КД, 3):

Уж как синему ле морю на утишеньё,
Кабы нам всем, молодцам, на послыханьё,
Кабы старым-ле старухам на долгой век.

Правда, печорский певец, как и в другой своей старине («Илья и Идолище» — № 106), использовал эти строки не в качестве концовки, а не совсем удачно включил их в формулу расправы богатыря с противником.

№ 154

Онч., № 69 «Чурило и неверная жена».

Зап. Ончуковым Н. Е.: май—июнь 1902 г., д. Верхнее Бугаево (на р. Печоре) Усть-Цилемской вол. — от Шишолова Василия Дорофеевича, 40—45 лет.

«Старину про Чурила спел он прекрасно, с большим чувством, применяя, верио, содержание старины к своей доле; при пении голос его дрожал и В. Д. несколько раз всхлипывал» (Онч., с. 276).

Типичный для печорской традиции текст, в котором представлены практически все композиционные и стилистические особенности местной редакции сюжета. Необычно имя жены Пермяты — «Настасья дочь Колашница» (см. также вариант И. Носова — № 155). Обильны бытовые подробности варианта (рассказ о том, как «зажил тут Чурило по-домашнему», ироническое описание застигнутого врасплох героя: «Да лежит-де Чурило да без почтанников»). Эти же детали имеются в тексте Носова, что свидетельствует о его генетической связи с комментируемым вариантом.

№ 155

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 9, л. 3 об.—7 об. (полев.), тетр. 3, л. 100 об.—103 (перебел.); Аст., I, № 75 «Про Чурилу».

Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Носова Ивана Григорьевича, 40 лет.

Былина сначала рассказана, а потом спета. На стиле сказалось влияние исполнительской манеры В. П. Носова, с которым обычно пел И. Г. Носов. (Аст., I, с. 643, 644).

В полевой записи строка 50 заключена в скобки, в перебеленной — отсутствует.

«Вариант восходит к зафиксированной Ончуковым печорской редакции сюжета. Очень близок к варианту 1901 г» (№ 154 наст. изд. из д. Бугаево), «не только повторяя в точности всю композицию, но и словесные

формулировки. Так же, как в указанном варианте Ончукова, жена Пермьты именуется „Настасья дочь Калашница“. Единственное отличие (...) от прочих печорских вариантов — изображение героини, захваченной врасплох „в одной тонкой рубашечке без пояса“ и т. д., причем это изображение, характерное в олонецких вариантах для эпизода неожиданного возвращения мужа, здесь перенесено на встречу ею Чурилы» (Аст., I, с. 643).

Разночтения Аст., I, № 75

48 Ай-я пойду схожу, право, Пермьты скажу

№ 156

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 14, л. 6 об.—12 об. (полев.), тетр. 5, л. 18—22 (перебел.); Аст., I, № 97 [«Чурила и неверная жена»].

Зап. Астаховой А. М.: 23 июля 1929 г., д. Великая Виска, Ненецкий нац. округ — от Дитяевой Прасковьи Ивановны, 69 лет.

Былина была сначала сказана, потом спета. Оба варианта довольно сильно различаются. В полевой записи круглыми скобками отмечены добавления и изменения при пении, квадратными — то, что относится к рассказанному варианту. Публикуется спетый вариант по полевой записи.

При пении вставлялись частнцы, местоимения, союзы, напр., строки 20, 21, 27, 28, 29 при рассказывании звучали так:

Колотится в колечико серебряное...
 Заперты ворота крепко-накрепко...
 Не белый куропат налетывал...
 Ясный сокол прилетывал,
 Пришёл-то Чурила бладой Плёнкович...
 Ясный сокол прилетывал,
 Пришёл-то Чурила бладой Плёнкович...

Спетый и рассказанный варианты различаются часто и формой слов, напр.: «пороху» и «порошка», «статней» и «статный», «стольней» и «стольный», «рецей» и «речей», «по-учёному» и «по-уцёному» и т. п.

Наиболее значительные расхождения рассказанного варианта:

	7	отсутствует
	11	отсутствует
	12	Шуба его кунья
Между 15 и 16		На головоцке шапочка чурванка
	16	Идет-то Чурила вдоль по городу
Между 19 и 20		Заходит на крылечушко прекрасное
	22	Выходила Маремьяна дочь Микулишна
	24	Из речей сама да выговаривāt
	31	Целовала в уста сахарныя
	36	Весит кунью шубу на спицю
	41	Тут-то девушка ходит чернавушка
	42	Из рецей-то сама выговаривāt
	43	Ты вставай-ко, Чурила бладо Плёнкович
	47	Говорит Чурило бладо Плёнкович
	49	Не ходи ты-тко, девушка, во б(ожью) ц(ерк)овь
	56	Я схожу, девка, во божью церкóвь
	58	Говорит Чурило бладо Пленкович

- 61 На то девушка не сд(авает)ца
 63 Выходила девка во божью церковь
 69 Приходит девица ко своему хозяину
 75 Заселилса черной конь в чистó поле
 76 Топцёт он твою траву шолковую
 77 Пьёт воду медвяную
 79 Запирал он книжки божии
 80 Скоро выходит из божьей церкви
 87 Мусьски плечи его расшевелилися
 89 и 90 даны в ином порядке: 90—89
 91 Богатырское сердце разъерилось
 95 Входит Пермьята в гридню тёплую
 98 Бросил Чурилу в чистó поле
 116 Говорит-то Пермьята во вторóй након
 119 Говорит Маремьяна во вторóй након
 121 Было бы у меня в руках копьё бурзомецкое
 124 Говорит-то Пермьята во третей иакон
 127 отсутствует
 130 Тут-то Пермьяте за бедú встаёт
 134 Тут Маремьянушке смерть случилася
 135 Взял он девушку-чернавушку за себя замуж

В рассказанном варианте былина кончается строкой: «Повенчались во божьей церкви и стали жить».

В 14 строке в последнем слове полевой записи читаются лишь первые буквы; в перебеленной слово осталось нерасшифрованным, в Аст., I — «петишелковые».

Строка 19 печатается по сказанному варианту, так как при пении произошла обмолвка, вместо Пермьяты был назван Чурила: «Ко тому же Чуриле на крылечушко».

В строке 72 в полевой записи после слов «Уж читаешь» неразборчивое написание, в перебеленной оно восстановлено как «книжки божии».

В строке 90 последнее слово в полевой записи неразборчиво, в перебеленной расшифровано как «помутилося», но поставлен «?».

В строке 93 первое слово в полевой записи читается «топнул,» около него стоит «?»». В перебеленной — «толкнул».

Вариант отличен от обычной печорской редакции: описание Чурилы и его одежды, диалог Пермьяты и его жены после убийства Чурилы. Диалог, вероятно, — творчество сказительницы: в вариантах не встречается. Действие приурочено к Киеву. Имя — «Маремьяна» — обычно в былинах печорской традиции, встречается в былинах брата Прасковьи Ивановны — А. И. Дитятева (см. № 180) и в былине самой П. И. Дитятевой «Фатенко» (см. № 187).

№ 157

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 6, п. 8, тетр. 11, л. 5 об.—7 (полев.), тетр. 3, л. 35, 36 об. (перебел.); Аст., I, № 55 «Чурила».

Зап. Астаховой А. М.: 12 июля 1929 г., сел. Замежное Усть-Цилемского р-на — от Тороповой Татьяны Григорьевны, 77 лет.

Былина была сначала передана словами, потом после долгих уговоров спета. При пении внесены изменения и дополнения: круглыми скобками отмечены добавления при пении, квадратными — опущенные слова. Публикуется спетый вариант по полевой записи.

Сказанный вариант

- 2 Серёдка лета о Петрова дни
 11 Я давно ждала тя, дожидаласэ
 12 Повела его да по новым сениям
 13 Привела его да в тёплу лёжницу
 15 Свешал платице на грядоцьку
 22 Пошла она да по новым сениям
 23 По новым сениям да в тёплу лёжницу
 26 Зажил Чурило по-домашнему
 27 Свешал платице на грядоцьку
 40 Пойду схожу да Пермьты скажу

В строках 2, 3, 5, 6, 7, 9, 10, 17, 20, 25, 29, 37, 39, 43, 44, 46 отсутствуют частицы «да», «де»; в строке 19 нет частицы «же»; в строке 34 вместо «девушка» — «девоцька»; в строке 41 нет местоимения «ты».

Былина «восходит к той же печорской редакции, что и вариант И. Г. Носова» (см. № 155 наст. изд.). «В кратко досказанный полузабытый конец внесено указание на расправу, характерную для былин об Иване Годиновиче и Добрыне и Маринке». (Аст., I, с. 643). Жена Пермьты названа «Окулиной да Миколаёвной», что, видимо, вызвано разрушением былины.

Разночтения Аст., I, № 55

- 33 отсутствует
 46 Мне не надо твоя шуба кунья

№ 158

РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 33, л. 4, рукоп. «Чурилко Пленкович и Пермя сын Михайлович».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 1938 г., выселок Красное Куйского колхоза «Красное знамя» Нижнепечорского р-на — от Карманова Григория Андреевича, 57 лет.

В основном оставаясь в рамках местной традиции, текст содержит ряд мотивов и подробностей, не укладывающихся в печорскую редакцию сюжета. Пермя дважды отлучается из дома — на охоту (ср. мезенские записи, Аст., I, 6, 16) и в церковь; непоследовательно поведение девушки-чернавушки — сперва она покрывает любовников, а затем принимает сторону обманутого мужа. Возможно, противоречия появились от механического включения в печорскую редакцию элементов иной обработки сюжета, не зафиксированной в достаточном количестве вариантов. Оригинально описано поведение служанки в церкви (строки 93, 94) — подобной формулы нет в других текстах былины. Необычно и троекратное обращение Перми к своей жене с предложением повиниться и ироническое повторение ее слов после жестокой расправы (строки 137, 138 — метафорические образы истолковываются буквально). «Спаленка ложная» (строка 101) — очевидно, неудачное перефразирование традиционной «ложни теплой».

№ 159

РГАЛИ, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 33, л. 9 об., рукоп. «Перемет сын Иванович».

Зап. Леонтьевым Н. П.: 8 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на — от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.

Краткий вариант. В нем отсутствует ряд деталей и подробностей, характерных для большинства печорских текстов. Иносказательный образ чужого коня, который топчет траву в зеленом саду, заменен туманным указанием

на неопределенный вещей сон (строка 47). Подобно П. Поздееву (№ 153), исполнитель намекает на прежние отношения между Чурилой и Перемятом (строки 58—61), отчего былина воспринимается как развязка давно начавшейся жизненной драмы. Оригинальны некоторые бытовые и психологические подробности: Перемят возвращается домой «ходом задним»; служанка долго не верит решению хозяина жениться на ней, и Перемяту приходится трижды повторять свое предложение.

№ 160

Арх. Коми фил. РАН, ф. 1, оп. 2, дело 61, л. 123—125, маш.; БП, № 4 «Чурила и неверная жена».

Зап. Беловановой А. В.: авг. 1942 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Носовой Анастасии Артемьевны, 67 лет.

Данный вариант — первая запись в р-не реки Цильма в 1942 г. В основном восходит к печорской редакции, представленной записями Ончукова и Астаховой (БП, с. 527).

Начало былины спето.

Текст не выходит за рамки местной редакции сюжета, хотя некоторые традиционные мотивы не развернуты. Замена обычного для среднечерских вариантов иносказательного образа «Ты не парь кишку во чужом горшку» другим песенным: «Ты чужу-то пашню пашешь, а своя так стоит», адресованное жене предложение Пермяты покаяться «во первом грехе», употребление слова «ушкан» вместо «заюшка» — характерные особенности всех вариантов, записанных в д. Трусовская на реке Цильме, левом притоке Печоры (см. следующие тексты). Точное указание на время суток: «Уж как по тёмному утру, утру раннему» — видимо, личное нововведение А. Носовой, не вяжущееся с контекстом (в середине лета невозможна церковная служба «темным утром»).

Разночтения БП, № 4

68 ...пированьем-столованием

№ 161

РО ИРЛИ, Р. V, колл. 160, п. 1, № 410, л. 529, 530, маш.; РФ, 2, 1957, с. 264, 265; БП, № 37 [«Про Чурилу»]. ФА VI МФ, 207.7; Нап. — РФ, 2, 1957, с. 270.

Зап. Колпаковой Н. П.: 18 авг. 1955 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Ермолина Никиты Федоровича, 70 лет.

Данный текст, как и предыдущий, относится к цилемскому изводу печорской редакции сюжета. «Укор Перемякиной служанки повторяется дважды, соответственно этому дважды изображена попытка Чурилы подкупить служанку с повышением ценности подарка» (БП, с. 538).

Разночтения БП, № 37

2	Ах-ы не в пору порошица, не вóвремё
3	Как серёдь конца лета да о Петро́ва дни
4	Ах как по этой по порохе да не ушкан скакал
11	Ты чужу пашню пашешь, а своя-то стоит
13	Уж я пойду, схожу да Пермяты скажу
14	Не ходи-ко, служанка, ты еще не сказывай
17	Мне не дороги да твои златы серёжечки
19	Ах забралсе Чурила да в теплу спаленку
20	Ах разулсе, разделсе да по-домашнему
21	Ах сафьяны-ти сапожечки ле под лавочку
26	Уж ты ой еси, Чурила да Бладокленкович

№ 162

ПИЯЛИ, КЭ, МФ, 509. 12; РО ИРЛИ, Р. V, колл. 172, п. 3, № 7, маш. «Чурило и жена Пермьты».

Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Рочевой Полины Никитичны, 39 лет.

Одна из последних по времени новых записей «Чурилы и Катерины» на Печоре, свидетельствующая о популярности этой былины и устойчивости местной редакции сюжета. «Шапочка-рукавочка» — очевидно, испорченное «шапочка-рогавочка» (ср. «шапочку с рогавками» — у другого былинного щеголя Дюка — Рыбн., 131). «Шубка-фуфаечка» — пример вторжения новой лексики (в повторной записи этого словосочетания нет — см. следующий текст).

№ 163

Арх. ФК МГУ, 1978, п. 1, тетр. 9, № 12, л. 19—21, рукоп. «Про Чурилу».

Зап. Нефедовым А. М. и Селивановым Ф. М.: лето 1978 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Рочевой Полины Никитичны, 53 г.

В 1964 г. от П. Н. Рочевой былинку «Чурило и жена Пермьты» записал Балашов Д. М. (см. № 162).

Повторная запись, сделанная от П. Рочевой через 14 лет, местами почти дословно совпадает с первой; особенно стабильны постоянные формулы. Незначительные вариации касаются употребления частиц и предлогов, изменения некоторых окончаний слов; певица заменила также названия подарков, которые Чурило предлагает служанке Пермьты. Во время исполнения Рочева слегка сбилась, что привело к неоправданному повтору (строки 10—13, 25—27).

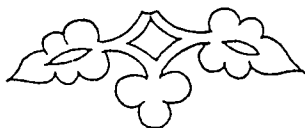
№ 164

ИРЛИ, ФА ЛМК, 36.4 «Чурило и Катерина» — из архива Ю. Е. Красовской.

Зап. Красовской Ю. Е.: лето 1980 г., д. Трусово Усть-Цилемского р-на — от Рочевой Полины Никитичны, 55 лет.

На фонограмме слышен второй голос; исполнитель не указан.

Обычный для печорской традиции вариант, содержащий основные элементы местной редакции сюжета. В финальной части былины опущена сцена уличения жены Пермьки в неверности — обманутый муж сразу находит Чурилу и рубает ему голову.

Список иллюстраций

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЭПОСА

1. *Татищев Василий Никитич* — 19 (29). IV. 1686, ок. Пскова — 15 (26). VII. 1750, с. Болдино Московской губ. Историк и государственный деятель. Для эпосоведения важно его свидетельство о живом бытовании в кругу скомоухов былин как песенного жанра, связанного с историей. Ища обоснования историзма имени Путяты, ссылаясь на старину, упоминавшую «Путятин двор» и «старого Путяты темный лес», которую знал по памяти. Не исключено, что Татищев слышал былины на Урале, в местах формирования «Собрания Кириши Данилова», будучи командирован в Сибирскую губ. для упорядочения горного дела (1720) или находясь в должности начальника уральских горных заводов (1734), а затем — правителя Оренбургского края (1737). Основной труд — «История Российская с самых древнейших времен, неуспынным трудом через тридцать лет собранная и описанная покойным астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым» (М., 1768. Кн. I. Ч. 1; М., 1769. Кн. I. Ч. 2; М., 1773. Кн. II; М., 1774. Кн. III; СПб., 1784. Кн. IV).

Литография с рис. Н. Брезе. РV, колл. 44, п. 5, № 1.

2. *Востоков Александр Христофорович (Остенек Александр Вольдемар)* — 16 (28). III. 1781, г. Аренбург Лифляндской губ. — 8 (20). II. 1864, г. С.-Петербург. Поэт, переводчик, филолог-славист, академик. Изучал русские былевые и лирические песни, поговорки, памятники древнеславянской письменности как материал для истории литературного языка. См. «Опыт о русском стихосложении» (СПб. Вест., 1812, № 4—6), «Грамматика церковно-славянского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам» (1863, Учен. записки, VII).

РV, колл. 44, п. 6, № 11.

3. *Калайдович Константин Федорович* — V. 1792, г. Елец — 19. IV. 1832, г. Москва. Археограф, историк, член Общества истории и древностей российских. Первооткрыватель «Изборника Святослава» (1873). Осуществил по списку с оригинала 2-е издание сб. Кириши Данилова — «Древние российские стихотворения, собранные Киришю Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для иапева» (М., 1818). «Предисловие» к этому изданию — первый опыт исследования русского былевого эпоса, содержащий упоминание о слышанной в центральной России былине «Илья Муромец и разбойники».

Портрет. Альбом Пушкинской выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в залах Исторического музея в Москве 29 мая—13 июня 1899 г. М., 1899, л. 68.

4. *Киреевский Петр Васильевич* — 11 (23). II. 1808, с. Долбино Калужской губ. — 25. X (6. XI). 1856, д. Киреевская слободка Орловской губ. Фольклорист, публицист, археограф. Славянофильские взгляды на исторический путь развития России во многом определили интерес к фольклору и собирательской деятельности, начатой им записями песен в Московской губ. (1830 г.), продолженной — в уездах Новгородском, Валдайском, Демянском, Осташковском Новгородской губ. Друзья и единомышленники Киреевского, прежде всего Н. М. Языков, П. И. Якушкин, В. И. Даль, М. П. Погодин, поддержали Киреевского, прислав свои собрания фольклора из Симбирской, Оренбургской, Рязанской, Орловской, Калужской и др. губерний. Первой вышла часть его собрания «Русские народные песни, собранные Петром Васильевичем Киреевским. Ч. 1. Русские народные стихи» (ЧОИДР, 1848, № 7—[9]). Издание коллекции было осуществлено посмертно: «Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. I—X. 1860—1874» и «Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1911. Вып. I; М., 1918. Вып. II, ч. 1; М., 1929. Вып. II, ч. 2». Былины, баллады и исторические песни помещены в первых десяти

выпусках, обрядовые и лирические песни — в издании XX в. По замыслу Киреевского, лучший текст песни должен был полагаться в основу, а варианты учтены в примечаниях. Этот принцип издания отверг редактор первых десяти выпусков П. А. Бессонов, который к материалам Киреевского присоединил все известные ему опубликованные или архивные тексты, расположив их по циклам и героям. Так сложилось первое сводное издание русской эпической поэзии. См. также: Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. Литературное наследство. М., 1968. Т. 79; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Л., 1977. Т. 1; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записки П. И. Якушкина. Т. 1, 2. Л., 1983, 1986.

Портрет. РВ, колл. 44, п. 5, № 31.

5. *Аксаков Константин Сергеевич* — 29. III (10. IV). 1817, с. Ново-Аксаково Бугурусланского уезда Оренбургской губ. — 7 (19). XII. 1860, о. Заите (Закиф), Греция. Публицист, критик, поэт, лингвист, историк. Один из первых интерпретаторов русского эпоса. В очерке «Богатыри времен кн. Владимира по русским песням» (Русская беседа. 1856, кн. IV) на материале сюжета былины рассматривал «эпическое созерцание» русского народа. Высоко оценивал художественное значение «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым».

Фото Бергнера. Литературный музей ИРЛИ, № 1320.

6. *Афанасьев Александр Николаевич* — 12 (24). VII. 1826, г. Богучар Воронежской губ. — 23. X (4. XI). 1871, г. Москва. Исследователь и публикатор фольклора, историк, литературовед. Работы Афанасьева «Дедушка домовая» (1850), «Ведун и ведьма» (1851) и др. — первые выступления мифологической школы в России, на принципах которой зиждется классический труд «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 1866, 1868, 1869. Т. I—III. Репринт 1994). В ряду базовых материалов исследования видное место принадлежит былинному эпосу. С 1855 по 1863 г. опубликовал 8 вып. сборника «Народные русские сказки», включившего почти 600 текстов, сб. «Народные русские легенды» (М., 1859), запрещенный цензурой до 1914 г. В Женеве в 1872 г. анонимно вышел сб. Афанасьева «Русские заветные сказки». См. издания: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева (М., 1984—1985; Т. I—III); Народные русские легенды А. Н. Афанасьева (Новосибирск, 1990); Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым. 1857—1862 (М., 1997); Афанасьев А. Н. Народ-художник (М., 1986); Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии (М., 1996).

Фото. РВ, колл. 44, п. 5, № 49.

7. *Буслаев Федор Иванович* — 13 (25). IV. 1818, г. Керейск Пензенской губ. — 31. VII (12. VIII). 1897, пос. Люблино близ Москвы, — языковед, фольклорист, литературовед, историк искусства, академик. Рассматривал язык фольклора, и в частности былины как воплощение коренных начал, закономерностей национального слова («О преподавании отечественного языка». М., 1844; «Опыт исторической грамматики русского языка». М., 1858, и др. изд.). Одновременно с историей языка изучал фольклор и древнерусское искусство, что нашло отражение в комплексе статей и монографий, вошедших в «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (СПб., 1861. Т. I, II). Другие труды: «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» (РВ, 1872. № 10; 1873. № 1, 4); «Народная поэзия. Исторические очерки» (СПб., 1887), куда включены исследования «Русские духовные стихи», «Русский богатырский эпос».

Фото 1860-х гг. Литературный музей ИРЛИ, № 35227.

8. *Бессонов Петр Алексеевич* — 1828, г. Москва — 22. II (6. III). 1898, г. Харьков. Фольклорист, литературовед. Редактор и издатель песенного собрания П. В. Киреевского («Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 1—10, 1860—1874), установивший сюжетно-вариантную композицию размещения материалов эпоса и исторических песен. На основе собрания Киреевского и дополнений к нему создал свод духовных стихов «Калики перехожие» (вып. 1—6, 1861—1864). См. также: «Белорусские песни» (1871).

Фото. РВ, колл. 44, п. 6, № 29.

9. *Рыбников Павел Николаевич* — 24. XI (6. XII). 1831, г. Москва — 17 (29). X. 1885, г. Калиш. Крупнейший собиратель русского былевого эпоса и др. памятников народной культуры Обонежья, первооткрыватель «Исландии русского эпоса». Окончил Московский университет, принял участие в «хождении в народ», в 1859 г. сослан в г. Петрозаводск. Будучи секретарем Олонецкого губ. статистического комитета, совершил ряд ревизий Олонецкой губ. (1860—1865), в ходе которых им лично или по его указанию было записано около 300 текстов былевых песен, составивших первое в отечественной фольклористике фундаментальное собрание эпоса одного региона, систематизированное по населенным пунктам и исполнителям

(Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861—1862. Ч. 1—2; Петрозаводск, 1864. Ч. 3; СПб., 1867. Ч. 4; см. также 3-е изд. собрания — Петрозаводск, 1989—1991. Т. 1—3).

Фото П. Павлова. РВ, колл. 44, п. 5, № 46.

10. *Майков Леонид Николаевич* — 28. II (19. IV). 1839, г. С.-Петербург — 7 (20). IV. 1900. Там же. Эпосовед, историк русской литературы, этнограф, академик. Монография «О былинах Владимирова цикла» (СПб., 1863) заложила основы историко-культурного направления в изучении эпоса. Вопреки распространенным в его время взглядам мифологической школы в исследовании фольклора отстаивал необходимость изучения исторических черт жизни народа, отраженных эпосом. В 1872—1886 гг. — председатель Этнографического отдела РГО, редактор «Записок по отделению этнографии», «Журнала Министерства народного просвещения». Вице-президент Академии наук. Автор трудов о древнерусской литературе и литературе XVIII—XIX вв. Среди других работ: «Великорусские заклинания» (СПб., 1869), статьи «О старинных рукописных сборниках народных песен и былин» (Журнал МНП, 1880, ч. 212).

С рис. П. Бореля. РВ, колл. 44, п. 6, № 59.

11. *Гильфердинг Александр Федорович* — 2 (14). VII. 1831, г. Варшава — 20. VI (2. VII). 1872, г. Каргополь Олонецкой губ. Историк, славист, фольклорист, публицист, собиратель и исследователь былин, чл.-корр. Петерб. АН. В Олонецком крае записал в апреле—мае 1871 г. с большой филологической точностью 318 былинных текстов. Применяв метод персонального изучения репертуара сказителей, поставил вопрос о роли творческой личности в фольклоре. Посмертное изд.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. (СПб., 1873; 2-е изд., т. 1—3. СПб., 1894—1900). Вступительная статья — «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» (1872) приобрела значение «манифеста» русской собирательской школы.

Портрет с гравюры на стали. РВ, колл. 44, п. 5, № 61.

12. *Стасов Владимир Васильевич* — 2 (14). I. 1824, г. С.-Петербург — 10 (23). X. 1906, там же. Художественный и музыкальный критик, историк искусства, археолог, почетный академик. В работах о русском эпосе «Происхождение русских былин» (Вестник Европы, 1868, № I—IV, VI, VII), «Критика моих критиков» (Вестник Европы, 1870, № II, III), прокладывая дорогу сравнительной теории, сопоставив сюжеты и мотивы русских былин, сказок с материалами Востока (тюркско-монгольский, персидский этносы), упрощенно истолковал проблему национальной самобытности русского фольклора. Среди других работ в области истории народной культуры см. «Разбор сочинения Д. А. Ровинского „Русские народные картинки“» // Отчет о двадцать пятом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1883.

С портрета работы В. С. Богданова. Акв., гуашь. 1879, апрель.

Литературный музей ИРЛИ, № 5935.

13. *Миллер Орест Федорович* — 4 (16). VIII. 1833, г. Гапсаль Эстляндской губ. — 1 (13). VI. 1889, г. С.-Петербург. Литературовед, фольклорист, критик, публицист. В труде «Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское» (СПб., 1869) на огромном сравнительном материале исследовал взаимодействие мифологической архаики былинного эпоса с явлениями эпического художественного творчества позднейших эпох. Рассматривал былинку как отражение нравственных идеалов русского народа. Другие труды по фольклору: Опыт исторического обозрения русской словесности (Ч. 1—2. СПб., 1865); О славянских народных песнях // Сб. Поэзия славян (СПб., 1871).

Гравюра на стали. Литературный музей ИРЛИ, № 14503.

14. *Веселовский Александр Николаевич* — 14 (16). II. 1838, г. Москва — 10 (23). X. 1906, г. С.-Петербург. Филолог, историк русской и славянских, византийской и западноевропейских литератур, фольклорист, этнограф. Выдающийся представитель сравнительно-исторического метода в литературоведении. («Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса», 1868; «Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине», 1872; «Сравнительная мифология и ее метод», 1873; «Опыты по истории развития христианской легенды», 1875—1877). Труды по эпосу: «Сказки об Иване Грозном», 1876; «Южнорусские былины», 1881—1884. Окончательно сформулировал теорию «исторических начал» эпоса в трудах: «Новые исследования о французском эпосе», 1885; курс лекций «История эпоса», 1884—1886, опубл. 1885—1886; «Мелкие заметки о былинах», 1885—1896, и др. В «Разысканиях в области русских духовных стихов» (Вып. 1, 2. СПб., 1879—1891) установил древнейшие основы жанра, очертив границы влияния христианства в народной поэзии. Фольклорными материалами насыщены его

труды по эстетике, теории словесного искусства: «История или теория романа?» (1886), «Из введения в историческую поэтику» (1894), «Из истории эпитета» (1895), «Эпические повторения как хронологический момент» (1897), «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля» (1898), «Три главы из исторической поэтики», «Поэтика сюжетов» и др. Собр. соч. Т. 1—6, 8, 16, СПб.—М.—Л., 1908—1938 (не заочно).

С фото Морозовской. РВ, колл. 44, п. 6, № 90.

15. *Жданов Иван Николаевич* — 22. VI (4. VII). 1846, г. Шенкурск Архангельской губ. — 11 (24). VII. 1901, г. Алука. Литературовед, фольклорист, академик. Методология анализа устно-поэтического творчества Жданова, характерная для «теории заимствования», сочетается с принципами культурно-исторической школы. См.: К литературной истории русской былевой поэзии (СПб., 1881); Русский былевой эпос (СПб., 1895).

Фото. РВ, колл. 44, п. 6, № 99; Литературный музей ИРЛИ, № 30957.

16. *Авенариус Василий Петрович* — 28. IX (10. X). 1839, Царское Село — 9. XI. 1923, г. Петроград. Беллетрист. В его литературном наследии — 3 книги стихотворений, повести, произведения для детей. Был широко известен как составитель фольклорных антологий «Книга о Киевских богатырях» (СПб., 1876); «Книга былин» (СПб., 1880), которые прочно вошли в круг народного чтения конца XIX в. и способствовали сохранению в живой традиции целого ряда былинных сюжетов, упрочению текстовых редакций старшего извода.

Фото. РВ, колл. 44, п. 5, № 84.

17. *Халанский Михаил Георгиевич* — 1 (13). XI. 1857, с. Расховец Щигровского уезда Курской губ. — 30. III (13. IV). 1910, г. Харьков. Историк, литературовед, фольклорист, филолог. Основные труды посвящены истории песенного эпоса: Великорусские былины Киевского цикла (Варшава, 1885); Былина о Жидовине (Варшава, 1890); Южнославянские сказания о Краевиче Марко в связи с произведениями русского былевого эпоса (Варшава, 1893—1896); К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем (Журн. Мин. народ. просвещ. 1902, № 8), и др. По мнению М. Г. Халанского, циклизация былин вокруг Киева и князя Владимира произошла в Московской Руси XIV—XV вв., а их создателями были «дружинные поэты-певцы».

Фото. РВ, колл. 44, п. 6, № 78.

18. *Миллер Всеволод Федорович* — 7 (20). IV. 1848, г. Москва — 5 (18). XI. 1913, г. С.-Петербург. Эпосовед, лингвист, археолог, востоковед, лидер исторической школы исследования русских былин, академик. Наиболее полно методология и теоретические принципы исследования эпоса с позиции исторической школы изложены в статьях, объединенных в фундаментальные исследования: «Экскурсы в область русского народного эпоса. I—VIII» (1892); «Очерки русской народной словесности. Былины. I—XVI» (т. I. М., 1897; т. II. М., 1910). В Предисловии ко 2-му тому «Очерков» В. Ф. Миллер жгато характеризует свой метод: «Не отрицая высокого значения исследования бродячих сюжетов путем сравнительного метода, я вижу главный интерес наших былин в национализации этих сюжетов, стараясь проследить историю былин в народных устах и отметить наслоения, отложившиеся на ней от разных эпох». Под редакцией В. Ф. Миллера осуществлены издания текстов былин и исторических песен: «Русские былины старой и новой записи» М., 1894; «Былины новой и недавней записи. Из разных местностей России» М., 1908 (обе книги в соредакторстве с Н. С. Тихонравовым); «Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.». Пг., 1915.

Фото. Литературный музей ИРЛИ, № 14502.

19. *Дашкевич Николай Павлович* — 4 (16). VIII. 1852, с. Бежев Вольнской губ. — 20. I (2. II). 1908, г. Киев. Литературовед, профессор всеобщей истории литературы Киевского университета. Опубликовал исследования по русскому эпосу, в которых попытался объяснить былинные события реально-историческими прецедентами и народно-поэтическим переадресованием действий одних героев другим: К вопросу о происхождении русских былин: Былины об Алеше Поповиче и о том, как не осталось на Руси богатырей (Киев, 1883); О былинах в южной Руси до половины XVII в. (Чтения в Ист. обществе Нестора-летописца. 1888. Кн. 2. Отд. 1); Древне-кельтский народный эпос о короле Артуре и витязях Круглого Стола и былевые песни Киево-Галицкой Руси (Киев. Унив. известия. 1886, № 9, 10, 12); Центральный герои русского былевого эпоса (кн. Владимир и Илья) в древне-северной саге (Чтения в Ист. обществе Нестора-летописца. 1900. Кн. 14. Вып. 3).

Фото. РВ, колл. 44, п. 6, № 69.

20. *Сперанский Михаил Несторович* — 19. V (1. V). 1863, г. Москва — 12. IV. 1938, там же. Славист, византолог, этнограф, фольклорист, профессор русской словесности, составитель известной подлинно научной антологии начала XX в. —

«Былины» (т. I, II. М., 1916—1918). В последние годы жизни интересовался общими проблемами взаимодействия устной народной поэзии с литературой, отражением социальных движений в устной поэзии и демократической литературе. Подвергался репрессиям.

Фото. РV, колл. 44, п. 6, № 120.

21. *Лященко Аркадий Иоакимович* — 14 (26). I. 1871, г. Киев — 12. IX. 1931, г. Ленинград. Историк литературы, библиограф, фольклорист, член-корреспондент АН СССР. Предложил ряд историко-бытовых комментариев к русским былинам, а также сопоставлений русского эпоса с западноевропейским в трудах: Былина о Соловье Будимировиче и Сага о Гаральде // *Sertum bibliologium* в честь проф. А. И. Маленина. (СПб., 1922); *Eumunder Saga* и русские летописи // Изв. АН СССР. Сер. VI. 1926. Т. 20, № 12; Былина о бое Ильи Муромца с сыном // Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусств за 1917—1923 гг. (Л., 1925); Былина о Дюке Степановиче // Изв. ОРЯС, 1926, Т. XXX (1925).

Фото. Литературный музей ИРЛИ, № 33998.

22. *Шамбинаго Сергей Константинович* — 6 (18). VIII. 1871, г. Москва — 20. XI. 1948, там же. Литературовед, фольклорист, профессор МГУ. Ученик В. Ф. Миллера. Дипломная работа «Бытовая сторона русского эпоса» была удостоена золотой медали. В статьях «Старины о Святогоре и поэмы о Калевипоэге» (1902) исследованы взаимодействия русского и эстонского эпосов, в работе «К литературной истории старин о Вольге» (1905) на частном факте рассмотрена «технология» контаминации песен. Изучение древнерусских литературных памятников и истории у Шамбинаго соединено с эпосоведческими разысканиями (статья «Исторические переживания в старине о Сухане» выявляет связь былины и «Сказания о Мамаевом побоище», монография «Песни времени царя Ивана Грозного» (Сергиев Посад, 1914) посвящена истолкованию былин о Василии Буслаеве как памфлета эпохи Ивана Грозного). Выпустил 6-е изд. Сб. Кириш Данилова (Древние российские стихотворения, собранные Киришю Даниловым. М., 1938).

Фото. РV, колл. 44, п. 6, № 332.

23. *Авадовский Марк Константинович* — 6 (18). XII. 1888, г. Иркутск — 24. XI. 1954, г. Ленинград. Фольклорист, этнограф, литературовед. Заведующий Отделом фольклора ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР (1930-е—начало 1940-х гг.), заведующий кафедрой фольклора ЛГУ. В 1938—1941 гг. входил в инициативную группу ученых по созданию Свода русского фольклора. Среди многочисленных его трудов — исследования об эпосе: Эпическая традиция в Сибири (Чита, 1921); Русская былевая традиция в Сибири и на Алтае // Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева (Новосибирск, 1939), а также — страницы истории былиноведения в его «Истории русской фольклористики» (М., Т. I, II, 1958, 1963).

Фото. РV, колл. 106, п. 2, № 330.

24. *Соколов Юрий Матвеевич* — 8 (20). IV. 1889, г. Нежин — 15. I. 1941, г. Киев. Фольклорист и литературовед. Академик АН Украины (1939). Результатом фольклорной экспедиции в Новгородскую губ. (совместно с братом — Борисом Матвеевичем Соколовым) явился сб. «Сказки и песни Белозерского края» (1915). Экспедиции 1926—1928 гг. «По следам А. Ф. Гильфердинга и П. Н. Рыбникова» ставили своей задачей изучение былевого эпоса (см. фундаментальный сб. былин «Онежские былины», 1948). Опыт собирательской работы обобщен Соколовым в кн. «Поэзия деревни» (М., 1926). Большую роль в фольклористике сыграл учебник Ю. М. Соколова «Русский фольклор» (М., 1938, 1941). Ю. М. Соколов много сил отдал организации фольклористической работы, возглавил первую в СССР кафедру фольклора (МИФЛИ; 1938—1941), Институт фольклора в УССР. Входил в состав организационной редколлегии Свода русского фольклора (1938—1941).

Фото. РV, колл. 106, п. 2, № 16.

25. *Скрипиль Михаил Осипович* — 26. X (7. XI). 1892, ст. Старокорсунская — 16. I. 1957, г. Ленинград. Исследователь древнерусской литературы, фольклорист, профессор ЛГУ, заведующий сектором народно-поэтического творчества ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР (1954—1957). Под его руководством осуществлен опыт разработки пробного «Проспекта Свода русского фольклора» (Л., 1956), начато издание ежегодника «Русский фольклор» (Т. I, М.—Л., 1956), серии «Памятники русского фольклора». Издал (в соавт.) кн. «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв.» (М.—Л., 1960).

Фото. РV, колл. 106, п. 2, № 241.

26. *Скафтымов Александр Павлович* — 28. IX (10. X). 1890, с. Столыпино Вольского уезда Саратовской губ. — 26. I. 1968, г. Саратов. Литературовед, фольклорист, профессор Саратовского университета. В книге «Поэтика и генезис

былины. (Очерки)» (М.—Саратов, 1924) акцентировал внимание на подчинении отображения и преобразования фактов реальной истории в былинах художественным задачам.

Фото. РV, колл. 106, п. 2, № 331.

27. *Астахова Анна Михайловна* — 22. VI (4. VII). 1886, г. Кронштадт — 30. IV. 1971, г. Ленинград. Исследователь русского фольклора, крупнейший собиратель народного творчества, профессор, доктор филологических наук. Автор книг о былинах, судьбах устно-поэтического наследия. За время экспедиционной работы в 1920—1950-х гг. (Карелия, Пинега, Мезень, Печора, Поморье, Сибирь, Московская и Ленинградская области) собрала свыше 10 000 текстов произведений народной поэзии. Исследования: «Русский былинный эпос на Севере» (Петрозаводск, 1948); «Былины. Итоги и проблемы изучения» (М.—Л., 1966). Издания текстов: «Былины Севера» (т. 1—2, М.—Л., 1938, 1951); «Илья Муромец» (М.—Л., 1958); «Былины в записях и переводах XVII—XVIII веков» / Изд. подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль (М.—Л., 1960); «Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи)» / Изд. подготовили А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова и др. (М.—Л., 1966).

Фото. РV, колл. 106, п. 2, № 140 (1958 г.).

Фото. РV, колл. 106, п. 2, № 20 (1958 г.).

28. *Лихачев Дмитрий Сергеевич* — 15 (28). XI. 1906, г. С.-Петербург — 30. IX. 1999, там же. Историк культуры, исследователь древнерусской литературы, текстолог, академик. С 1938 г. — научный сотрудник, позже — заведующий Отделом древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (1954—1999 гг.). В огромном научном наследии Д. С. Лихачева видное место принадлежит трудам по интерпретации истории былинного эпоса (Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952; Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967), исследованиям связей и параллелей между древнерусской литературой и народной поэзией (труды о летописании, «Слове о полку Игореве», «Задонщине» и др.), разработкам теории комического (Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986; Смех в Древней Руси. Л., 1984 [совместно с А. М. Панченко и Н. В. Поньрко]). Д. С. Лихачев входил в состав редколлегии «Свода русского фольклора», участвовал в выработке принципов его издания (Несколько замечаний о составлении «Свода русского фольклора» // РФ, Л., 1981, Т. XXI), настаивал на издании серии «Былины» путем реализации программы, принятой для томов «Былины Печоры» (31. III. 1997 г.).

Фото. РV, колл. 106, п. 2, № 334.

29. *Пропп Владимир (Герман Вольдемар) Яковлевич* — 17 (29). IV. 1895, г. Петербург — 22. VIII. 1970, г. Ленинград. Филолог, фольклорист, профессор ЛГУ (с 1938 г.). Основные труды посвящены проблемам поэтики и истории фольклора. В книгах: «Морфология сказки» (Л., 1928; 2-е изд. Л., 1969); «Исторические корни волшебной сказки» (Л., 1946); «Русская сказка» (Л., 1984) — фундаментально исследовал структуру, генезис и ранние этапы истории индоевропейских сказок. Изучал календарную поэзию (Русские аграрные праздники. Л., 1963), эстетическую природу комического (Проблемы комизма и смеха. М., 1976; 2-е доп. изд. М., 1999), теорию и поэтику жанров фольклора (Фольклор и действительность. Избр. статьи. М., 1976; Поэтика фольклора. М., 1998). В капитальном труде «Русский героический эпос» (Л., 1955; 2-е испр. изд. М.—Л., 1958) рассматривал возникновение русской былины с эпохи до образования Киевского государства, эволюцию эпоса в связи с движением истории. См. также издания текстов памятников фольклора: Сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. (М., 1957); Былины. В 2 т. (М., 1958; совместно с Б. М. Путиловым); Севернорусские сказки в записях А. Ю. Никифорова (М.—Л., 1961); Народные лирические песни («Библиотека поэта. Большая серия». Л., 1961).

Фото. РV, колл. 106, п. 2, № 215.

30. *Евгеньева Анастасия Петровна* — 22. XI. 1899, г. Кострома — 10. XI. 1985, г. Ленинград. Языковед, лексикограф, основоположник современной лингвофольклористики, собиратель фольклора Русского Севера (1930—1950-е гг.). Автор основного труда по истории языка былин и причитаний («Очерки по языку устной русской поэзии в записях XVII—XX вв.». М.—Л., 1963). Разработала общепринятые текстологические принципы издания памятников русского фольклора (см.: Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. «Литературное наследство». М., 1968. Т. 79), дважды издавала совместно с Б. Н. Путиловым «Сборник Кириши Данилова» (Древние российские стихотворения, собранные Киришю Даниловым. М.—Л., 1958; изд. 2-е, доп. М., 1977). При составлении и редактировании академического «Словаря русского языка в 4-х тт.» (М., 1957—1961) впервые столь широко после В. И. Даля опиралась на произведения народного творчества в осмыслении значений слов и фразеологизмов русского литературного языка.

Фото. Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН.

31. *Чичеров Владимир Иванович* — 29. V (11. VI). 1907, г. Вязники Владимирской обл. — 11. V. 1957, г. Москва. Фольклорист, профессор МГУ. Исследователь эпических сказительских традиций (Школы сказителей Заонежья. Петрозаводск, 1945; 2-е изд. М., 1982) и собиратель былин. Путем сличения вариантов устанавливал качество местной былинной специфики. Участник экспедиции «По следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга» 1927—1928 гг., материалы которой объединены в обширном сборнике (вышел под его и Ю. М. Соколова редакцией) «Онежские былины» (М., 1948). См. также исследования: «Традиция и авторское начало в фольклоре» («Сов. этнография». 1946. № 2); «Зимний период русского земледельческого календаря XV—XIX вв.» (М., 1957); «Вопросы теории и истории народного творчества» (М., 1959); курс лекций «Русское народное творчество» (М., 1959).

Фото. Личная коллекция Е. А. Костюхина.

32. *Путилов Борис Николаевич* — 15. IX. 1919, станица Солдатская Кабардино-Балкарской АССР — 16. X. 1977, г. С.-Петербург. Литературовед, фольклорист-славист, доктор филологических наук. В 1958—1967 гг. — зав. сектором фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР; с 1967 — сотрудник Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Был членом редколлегии Свода русского фольклора, главным редактором серии «Былины». Основные работы Б. Н. Путилова посвящены проблемам истории русского фольклора, в том числе изучению героического эпоса, исторических песен, баллад, фольклорной текстологии, взаимоотношениям народной поэзии и древнерусской литературы. Исследования: «Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв.» (М.—Л., 1960); «Славянская историческая баллада» (М.—Л., 1965); «Русский и южно-славянский героический эпос: сравнительно-текстологическое исследование» (М., 1971); «Героический эпос черногорцев» (Л., 1982); «Героический эпос и действительность» (Л., 1988); «Застава богатырская. Беседы о былинах Русского Севера» (СПб., 1994); эпическое сказительство «Типологическая и этническая специфика» (М., 1997); «Эксперименты в теории и историю славянского эпоса» (СПб., 1999) и др. Издания текстов: «Песни гребенских казаков» (Грозный, 1946); «Исторические песни на Тереке» (Грозный, 1948); «Былины» (Л., 1957); «Былины. В 2-х томах. Изд. подгот. совместно с В. Я. Проппом» (Л., 1958); «Сборник Кириши Данилова. Изд. подгот. совместно с А. П. Евгеньевой» (М.—Л., 1958; 2-е изд. Л., 1977); «Исторические песни XIII—XVI веков. Изд. подгот. совместно с Б. М. Добровольским» (М.—Л., 1960); «Былины» (Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 3-е. Л., 1986) и др.

Фото. Личный архив Е. О. Путиловой.

Древлехранилище ИРЛИ

- 33—34. Усть-Цилемское новое собрание. Красочные заставки и миниатюра с изображением Андрея Денисова. XIX в. РIV, № 302, л. 21, 11 об.
- 35—37. «Пустозерский сборник» — автограф протопопа Аввакума. Рисунки протопопа Аввакума и инока Епифания. РIV, оп. 24, № 43, л. 2, 30 об., 164 об.
- 38—40. Усть-Цилемское новое собрание. 1829 г. Иллюминированный месяцеслов — заставки, инициалы, миниатюры в красках «поморского письма»; символическое изображение времен года. РIV, № 35, л. 3 об.—4; л. 93 (лето); л. 5 (осень).
- 41—43. Усть-Цилемское собр. XVIII в. Лицевое житие Николая. РIV, № 184.
44. *Ончуков Николай Евгеньевич* — 3(16). III. 1872, г. Сарапул Вятской губ. — 6. III. 1942, г. Пенза. Крупнейший фольклорист-сборатель, чьи экспедиции по заданию Имп. РГО на Печору (1901—1902), а затем выпуск сборников «Печорские былины» (СПб., 1904); «Северные сказки» (СПб., 1909) и «Северные народные драмы» (СПб., 1911) открыли мощные северо-восточные традиции русского фольклора (см. также изд.: Заветные сказки их собрания Н. Е. Ончукова. М., 1996). В 1920—1930-е гг. Ончуков записывал фольклор в Чердынском и Тавдинском краях, в Лодейнопольском уезде Ленинградской области, в Самарском Поволжье. Опубликовал в периодике серию статей по истории русского фольклора. Участвовал в работе над академическим «Словарем русского языка». Подвергался репрессиям (1935—1942). Реабилитирован посмертно.

РГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. № 135, л. 4, фото 1990-х гг.

45. Н. Е. Ончуков. ИРЛИ РУ, колл. 106, п. 2, № 333, 1913 г. Сарапул.
С фото А. Добринского.
46. А. М. Астахова. ИРЛИ, РУ, колл. 106, п. 2, № 20.
Фото 1920-х гг.
47. Колпакова Наталья Павловна — 18. IV. 1902, г. Петербург — 19. IV. 1994, г. Петербург. Фольклорист, исследователь и популяризатор народной поэзии, доктор филологических наук. С 1923 г. вела систематическую собирательную фольклорную работу. Коллекция личных фольклорных записей из 54 районов России насчитывает 3500 текстов, собранных от 800 исполнителей. См., в частности, изд.: Былины Печоры и Зимнего Берега (М.; Л., 1961); Песни Печоры (М.; Л., 1963); Песенный фольклор Мезени (Л., 1967). Основные труды: Сквозь лесную проседь. (Л., 1935); Терский берег. (Л., 1937); Книга о русском фольклоре (Л., 1948); Русская народная бытовая песня (Л., 1962); Лирика русской свадьбы (Л., 1973); Золотые родники. Записки фольклориста (Л., 1975). Приняла участие в разработке первой академической программы «Свода русского фольклора» (Л., 1956). Для серии «Памятники русского фольклора» подготовила антологию «Народные песни в печатных изданиях XVIII в.» (РО ИРЛИ РАН). Выпустила большое число книг с обработками народной поэзии для детей.
РУ, колл. 106, п. 2, № 108.

Российский этнографический музей

48. Лузан с капюшоном — охотничья одежда из домотканого сукна. Оранец. Собр. А. В. Журавским в 1906 г.
РЭМ, 828—18.
Охотничий «набор» на ремне: кожаная пороховница; пистонница — кожаный мешочек со стеклянным горлышком; мерка для пороха, костяная. Усть-Цильма. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 553—111.
Ружье кремневое, с расписным ложем. Усть-Цильма. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 553—7.
Деревянные стрелы для битвы белок. Усть-Цильма. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 590—II/1,2.
49. Орудия обработки льна и тканей: трепало и веретена. Пижма. Собр. А. В. Журавским в 1906 г.
РЭМ, 829—66, 69, 73/2.
50. Душегрейка ватная с позументной оторочкой по краям. Усть-Цильма. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 590—2.
- Сарафан из штофа — «костыч алый». Архангельская губ. 1904 г.
РЭМ, 631—106.
51. Валек деревянный резной. Усть-Цильма. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ 533—7.
- Каталки деревянные. Пижма. Собр. А. В. Журавским в 1906 г.
РЭМ, 829—89, 90, 91.
52. Шейка деревянная, точеная. Усть-Цильма. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 829—76.
53. Ларчик деревянный («ларицок»), с выдвигной крышкой. Усть-Цильма. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 545—8.
Ларчик с выдвигной крышкой. Нерица. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 545—12.
Ларчик. Пижма. Собр. А. В. Журавским в 1906 г.
РЭМ, 829—44.
54. Гребень медный двусторонний. Кожва. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 532—13.

- Гребень медный. Усть-Цильма. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 532—11.
- Пряжка к поясу, медная. Усть-Ижма. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 522—20.
- Серьги металлические со стеклом. Усть-Цильма. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 506—5/1,2.
55. Туеса из бересты для хранения продуктов. Пижма. Собр. А. В. Журавским в 1906 г.
РЭМ, 829—22 аб, 23 аб.
- Туеса из бересты. Усть-Цильма. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 533—1 аб, 3 аб.
- «Косичок» — деревянная лопаточка для мешания каши. Кожва. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 553—14.
56. Солонка в виде утки. Усть-Цильма. Собр. Е. А. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 545—1,2.
- «Курочка» с коньком на крышке. Пижма. Собр. А. В. Журавским в 1906 г.
РЭМ, 829—15.
- Соленица долбленая с отдвижной крышкой. Замежная. Собр. Д. Д. Травиным в 1924 г.
РЭМ, 4050—36.
57. Детская игрушка «шаркун» или «складушка» (из мелких дощечек с зарубками). Пижма. Собр. А. В. Журавским в 1906 г.
РЭМ, 829—129.
- «Шаркун» в форме коробочки, внутрь которой положены камешки или горох. Усть-Цильма. Собр. Д. Д. Травиным в 1924 г.
РЭМ, 4050—235.
- Берестяной «шаркун» на ручке. Усть-Цильма. Собр. Е. В. Ляцким в 1904 г.
РЭМ, 553—28.
58. Детская игрушка — петух резной. Усть-Цильма. Собр. А. В. Журавским в 1906 г.
РЭМ, 829—123.
- «Манихи» — детские игрушки. Дер. Верховская. Собр. Д. Д. Травиным в 1924 г.
РЭМ, 4050—266, 267, 268, 278.
59. Куклы деревянные. Собр. Д. Д. Травиным в 1924 г.
РЭМ, 4050—191, 192, 193.
60. Каталка на колесиках. Усть-Цильма. Собр. А. В. Журавским в 1906 г.
РЭМ, 829—117.
- Конь деревянный, детская игрушка. Усть-Цильма. Собр. Д. Д. Травиным в 1924 г.
РЭМ, 4050—227.

Рисунки Н. П. Колпаковой

61. Усть-Цильма. Тип избы. 1955 г.
РВ, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 7, № 24.
62. Д. Оксино. Типы старых крылец. 1956 г.
РВ, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 15, № 60.
63. Д. Великая Виска. Старинное крыльцо. 1956 г.
РВ, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 12, № 50.
64. Д. Оксино. Тип старого крыльца. 1956 г.
РВ, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 15, № 59.

65. Усть-Цильма, тип крыльца. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 7, № 27, № 27а.
66. Д. Абрамовская на р. Пижме, притоке Печоры. Тип избы. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 9, № 34.
67. Д. Андег (близ устья р. Печоры). Избы и амбары. 1956.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 16, № 61.
68. Д. Оксино. Изба Федосьи Головиной. 1956 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 14, № 54.
69. Д. Степановская на р. Пижме. Тип крестьянского двора. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 10, № 38.
70. Д. Скитская на р. Пижме. Дом «попа Сидора». 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 11, № 43.
71. Д. Андег (близ устья р. Печоры). Избы. 1956 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 16, № 63.
72. Д. Лабожская. Тип крестьянского двора. 1956 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 13, № 52.
73. Д. Лабожская. Деталь избы. 1956 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 13, № 53.
74. Д. Андег. Амбар. 1956 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 16, № 64.
75. Д. Андег (близ устья р. Печоры). Амбары. 1956 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 16, № 62.
76. Д. Лабожская. Сушка кошенины на взвозе. 1956 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 13, № 51.
77. Усть-Цильма. Старый сарай. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 7, № 25.
78. Д. Оксино. Старая изба (с разрушенным взвозом). 1956 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 15, № 58.
79. Усть-Цильма. Набережная. Часовня. Женщина в «совике». 1929 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 7, № 26.
80. Усть-Цильма. Носка кошенины. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 8, № 31.
81. Д. Никоновская на р. Пижме. Верхушка «журавля» у колодца. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 11, № 39.
82. Д. Скитская. Могильные столбики на кладбище самосожженцев. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 12, № 49.
83. Д. Скитская. Могильные столбики на кладбище самосожженцев. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 12, № 47.
84. «Зарод» для сушки сена на покосе близ Усть-Цильмы. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 8, № 29.
85. Д. Скитская. Могильные столбики на кладбище самосожженцев. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 12, № 48.
86. Д. Скитская на р. Пижме. Приспособление для вития веревок (посреди улицы для всеобщего пользования). 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 11, № 44.

87. Д. Никоновская на р. Пижме. Деревянный флюгер. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 10, № 41.
88. Д. Загривочная на р. Пижме. Деревянная «уточка»-солоница. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 10, № 40.
89. Усть-Цильма. Девушка в местном старинном праздничном наряде. 1929 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 9, № 37.
90. Усть-Цильма. Туес. 1929 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 8, № 30.
91. Усть-Цильма. Старик в «совике». 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 8, № 28.
92. Д. Оксино. Архитектурная деталь. 1956 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 14, № 56.
93. Д. Оксино. Архитектурная деталь. 1956 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 14, № 55.
94. Д. Оксино. Архитектурная деталь. 1956 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 14, № 57.
95. Усть-Цильма. Расписная прялка. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 8, № 32.
96. Д. Замезное на р. Пижме. Расписные грабли. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 10, № 42.
97. Д. Замезное на р. Пижме. Расписные грабли. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 9, № 35.
98. Усть-Цильма. Рукавицы Ирины Тороповой. 1929 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 8, № 32.
99. Д. Скитская. Могильные столбики на кладбище самосожженцев. 1955 г.
РV, колл. I, п. 46, ед. хр. 2 (альбом), л. 11, № 45.
100. Д. Скитская. Кладбище самосожженцев, XVIII в. 1955 г.
101. Печора, д. Абрамовская. Рис. Н. П. Колпаковой, 6 авг. 1955 г.
Отдел фольклора. Государственный институт истории искусств (СПб.).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
<i>Принципы издания. Состав и структура серии «Былины» Свода русского фольклора</i>	11
<i>Русский былинный эпос</i>	21
<i>Былины на Печоре</i>	79
I. Этническая история региона.....	79
II. Обзор былин печорской традиции.....	87
III. История записей и публикации былин Печоры.....	106
IV. Небылинный печорский фольклор.....	117
V. Рукописная книжность Печоры.....	123
VI. Черты языка былин Печоры.....	126
VII. Напевы печорских былин.....	132
<i>Сводная характеристика типологии напевов печорских былин</i>	145
<i>Принципы распределения словесного и музыкального материала</i>	151
<i>Текстологические принципы издания</i>	152
<i>Редакционные принципы издания музыкального материала</i>	154
<i>Указатель былинных сюжетов Печоры</i>	155

ТЕКСТЫ БЫЛИН

<i>ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ (№ 1)</i>	157
<i>СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (№ 2–8)</i>	158
<i>ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЗМЕЙ (№ 9–15)</i>	170
<i>ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ (№ 16–20)</i>	189
<i>ИДОЛИЩЕ СВАТАЕТ ПЛЕМЯННИЦУ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА (№ 21–22)</i>	213
<i>ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И МАРИНКА (№ 23–30)</i>	220
<i>ДОБРЫНЯ И НАСТАСЬЯ (№ 31–33)</i>	234
<i>ДОБРЫНЯ И АЛЕША (№ 34–39)</i>	241
<i>ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 40–57)</i>	261
<i>ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК (№ 58–63)</i>	336
<i>ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ (№ 64–66)</i>	352
<i>ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК (№ 67–99)</i>	355
<i>ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ (№ 100–104)</i>	479
<i>КАМСКОЕ ПОВОИЩЕ (№ 105)</i>	493
<i>ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ (№ 106–108)</i>	502
<i>ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ (№ 109–113)</i>	513
<i>ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 114)</i>	518
<i>АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН (№ 115–116)</i>	523
<i>АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА ПЕТРОВИЧЕЙ-ЗБРОДОВИЧЕЙ (№ 117)</i>	530
<i>ДУНАЙ ИВАНОВИЧ – СВАТ (№ 118–131)</i>	533
<i>БОЙ ДОБРЫНИ С ДУНАЕМ (№ 132–137)</i>	573
<i>ДЮК СТЕПАНОВИЧ И ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ (№ 138–152)</i>	583
<i>ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ И КАТЕРИНА (№ 153–164)</i>	638
<i>Комментарии к текстам былин (№ 1–164)</i>	661
<i>Список иллюстраций</i>	759

Содержание тома 2 «Былины Печоры».

Серия «Былины»

ТЕКСТЫ БЫЛИН

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ (№ 165—169)	7
СОРОК КАЛИК (№ 170—175)	15
СТАВР ГОДИНОВИЧ (№ 176—179)	28
ИВАН ГОДИНОВИЧ (№ 180—183)	50
ДАНИЛО ЛОВЧАНИН (№ 184)	76
ХОТЕН БЛУДОВИЧ (№ 185—189)	81
ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН (№ 190—194)	96
СУХМАН (№ 195)	121
ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА (№ 196—213)	123
БУТМАН (№ 214—234)	169
ПОТАП АРТАМОНОВИЧ (№ 235, 236)	194
ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ (№ 237—242)	201
ПОЕЗДКА ВИСИЛИЯ БУСЛАЕВА В ИЕРУСАЛИМ (№ 243—249)	225
САДКО (№ 250—259)	239
МИХАЙЛО ПОТЫК (№ 260)	259
НАЕЗД ЛИТОВЦЕВ (КНЯЗЬ РОМАН И БРАТЯ ЛИВИКИ) (№ 261—264)	267
ДАНИЛО БОРИСОВИЧ (№ 265—266)	280
ВАСЬКА ЗАХАРОВ (№ 267)	286
КОЗАРИН (№ 268, 269)	288
СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ (№ 270—276)	296
ЛУКА, ЗМЕЯ И НАСТАСЬЯ (№ 277—281)	322

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I	
Поздние отражения эпической песенной традиции (фрагменты, краткие пересказы былин)	343
Приложение II	
Сводные, прозаизированные тексты. (Записи 1929 г. от А. Н. Хаханькской)	356
Приложение III	
Эпические песни о М. В. Скопине-Шуйском	363
Приложение IV	
Расшифровка студийных звукозаписей 6 избранных былин киевского цикла (1965 г.)	372
Приложение V	
Повторные, отрывочные записи былин (1982—1985 гг.)	396
Приложение VI	
Кожический эпос	412
Приложение VII	
Прозаические пересказы былин об Илье Муромце. (Записки 1940 г. от А. М. Бажукова)	417

Приложение VIII

Фонетическая транскрипция текстов	430
Комментарии к текстам былин (№ 165–281)	443
Комментарии к Приложениям I–VII	517
Биографические сведения об исполнителях	533
Словарь (архаические, диалектные и другие малопонятные слова и выражения)	583
Указатели:	
Именной указатель	631
Указатель этнических и географических названий	657
Предметный указатель	667
Указатель мест бытования (записи) былин	767
Список исполнителей	769
Список собирателей	773
Условные сокращения (публикации; архивы)	775
Список иллюстраций	759

СВОД РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
СЕРИЯ «БЫЛИНЫ»
БЫЛИНЫ ПЕЧОРЫ
Том 1

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

Художник *Л. А. Яценко*

Отпечатано с оригинал-макета, изготовленного в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
Набор и верстка выполнены на базе НИС ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
Корректоры И. А. Лисовская, В. Н. Немнонова, И. П. Ткаченко
Компьютерная верстка С. И. Широкой
Набор и подготовка оригинал-макета при участии и под руководством
И. П. Ковтун (Мудровой)

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. («Наука»)

Лицензия ЛР № 071632 от 24.04.1998 г. (ИЦ «Классика»)

Подписано к печати 20.02.01. Формат 84×108 1/6. Бумага офсетная.
Гарнитура академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 84.4. Уч.-изд. л. 70.4.
Тираж 2000 экз. (из них 250 экз. 1-го и 2-го томов с приложением лазерного диска).
Тип. зак. № 3753. С 24

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
nauka@aspid.nw.ru

ООО Издательский Центр «Классика»
129337, Москва, Ярославское шоссе, 5

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН
ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ

Русский фольклор
МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Т. 31

В томе представлены материалы по теории, истории фольклористики, текстологии; исследования в области фольклорных жанров, стиховедение: «Академик В. Миллер и историческая школа: эпосоведческие труды и их оценки», «О прозаизмах и бесформульных стихах у Кирши Данилова», «Ритмическая модель стиха некоторых пудожских причитаний» и др. В разделе «Публикация» помещены работы в области песенного фольклора, материалы из архива О. Э. Азаровской — старинные баллады, небылицы и скоморошины, духовные стихи и т. д. Завершается том разделом обзоров и рецензий.

Русская литература

— историко-литературный ежеквартальный журнал, издаваемый Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

Журнал посвящен многостороннему изучению русской литературы на всем протяжении ее более чем тысячелетней истории. Исследования охватывают направления, стили, жанры литературы, творчество и биографии крупнейших представителей отечественной словесности. На страницах журнала освещаются связи литературы с народным творчеством, культурный и социальный контексты явлений русской литературы, выявляются взаимные отношения, связи и параллели с зарубежными литературами. Журнал исследует вклад русской литературы в мировой культурный и исторический процесс.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

121009, Москва, Шубинский пер., 6
197345, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7-6

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

450059, Башкортостан, Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»)
450025, Башкортостан, Уфа, ул. Коммунистическая, 49
690088, Владивосток-88, Океанский пр., 140 («Книга — почтой»)
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 289
620151, Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»)
660049, Красноярск, ул. Сурикова, 45
117192, Москва, Мичуринский пр., 12
103624, Москва, Б. Черкасский пер., 4
117312, Москва, ул. Вавилова, 55/7
103054, Москва, Цветной бульвар, 21, стр. 2
117049, Москва, Ленинский пр., 1/2
630090, Новосибирск, Морской пр., 22 («Книга — почтой»)
630091, Новосибирск, Красный пр., 51
142292, Пушкино, Московской обл., МР «В», 1
443002, Самара, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»)
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 57
199034, Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064, Санкт-Петербург, Тихорецкий пр., 4
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16
634050, Томск, Наб. р. Ушайки, 18

